

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ. 13

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.
1884.

ГЕРБЕРШТЕЙНЪ

И ЕГО

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О

РОССІИ.

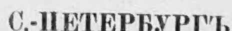
СОЧИНЕНІЕ

Е. ЗАМЫСЛОВСКАГО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАГО

АТЛАСА РОССІИ XVI В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлежащая книга заключаетъ въ себѣ краткую біографію Герберштейна и обзоръ историко-географическихъ извѣстій его о Россіи, находящихся въ Запискахъ о Московіи.

При составленіи біографіи я обращалъ особенное вниманіе на условія и событія, которыя содѣйствовали развитію Герберштейна въ его дѣтствѣ и юности, имѣли вліяніе на его характеръ, взгляды и образованіе, а также на обстоятельства, которыя относятся ко времени его двукратнаго путешествія въ Москву и продолжительнаго пребыванія здѣсь, — однимъ словомъ на все то, что̀ въ его жизни имѣетъ болѣе тѣсную связь съ тѣмъ его произведеніемъ, которое въ западно-европейской литературѣ XVI вѣка неоспоримо занимаетъ очень видное мѣсто и въ тоже время является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія русской жизни XVI вѣка.

Закончивъ біографію Герберштейна характеристикою его какъ человѣка и писателя, его взглядовъ на сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи и тѣхъ пріемовъ, которымъ онъ слѣдовалъ при собираніи и обработкѣ свѣдѣній о ней, я счелъ необходимымъ посвятить нѣсколько главъ очерку состоянія географическихъ знаній въ XVI в., и этотъ очеркъ составляетъ введеніе къ той части моего настоящаго труда, которая является наиболѣе существенною и значительною по объему. Она заключаетъ въ себѣ критическое обозрѣніе историко-географическихъ извѣстій Герберштейна о Россіи, въ связи съ имъ предшествующими иностранными извѣстіями и тѣми имѣющими къ нимъ ближайшее отношеніе данными, которыя нахо-

дятся въ русскихъ источникахъ, причемъ главная моя задача состояла какъ въ провѣркѣ Герберштейновыхъ извѣстій въ частности, такъ и въ оцѣнкѣ ихъ значенія въ исторіи географическихъ свѣдѣній о Восточной Европѣ. Онѣ изложены въ слѣдующемъ систематическомъ порядкѣ: о моряхъ, ее омывающихъ, о поверхности, о внутреннихъ водахъ, по четыремъ главнымъ бассейнамъ Восточно-европейской равнины, о климатѣ и почвѣ, о произведеніяхъ царства растительнаго, животнаго и ископаемаго, о народахъ, населенныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщеніяхъ.

Не смотря на тщательныя изысканія, далеко не всѣ обозрѣваемыя извѣстія оказалось возможнымъ провѣрить или подтвердить данными, имѣющими къ нимъ отношеніе, въ особенности тѣ, которыя касаются климата и почвы. Поэтому для оцѣнки этого рода извѣстій я счелъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе тѣхъ общихъ выводовъ, которые сдѣланы современною климатологіей и могутъ служить къ выясненію и опредѣленію особенностей природы Восточно-европейской въ отдаленные отъ насъ историческіе періоды. А эти физическія особенности должны были имѣть замѣтное вліяніе на жизнь народную и потому заслуживаютъ вниманіе историка.

Не умаляя значенія историко-географическихъ извѣстій Герберштейна, а оцѣнивая ихъ по достоинству, какъ и извѣстія о Россіи другихъ иностранныхъ писателей, русскій историкъ не можетъ не обращать вниманіе на ихъ главный источникъ — на свѣдѣнія русскія, на малооцѣненныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ еще не признанныя заслуги русскихъ людей въ исторіи космическихъ знаній въ то далекое отъ насъ прошлое, когда онѣ добывались съ великимъ трудомъ и самопожертвованіемъ. Заслуги эти ярко выступаютъ при ближайшемъ анализѣ иностранныхъ географическихъ извѣстій XV—XVI вѣка, и въ нашемъ сочиненіи читатель найдетъ не мало доказательствъ того важнаго для исторіи русской цивилизаціи положенія, что въ первой половинѣ XVI-го вѣка, когда политическое вліяніе Московской Руси на дѣла сосѣднихъ государствъ на-

чинало замѣтно обнаруживаться, она въ тоже самое время способствовала, хотя и черезъ посредство иностранцевъ, распространенію новыхъ географическихъ свѣдѣній.

Обозрѣніе географическихъ данныхъ, служившихъ предметомъ настоящаго изслѣдованія, заканчивается въ немъ описаніемъ приложенныхъ къ Запискамъ о Московіи картъ, по лучшему изданію ихъ, Базельскому 1556 г., и тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, послѣ сопоставленія географическаго матеріала, представляемаго этими картами, съ тѣмъ, который находится въ Запискахъ, имѣютъ связь съ моимъ изслѣдованіемъ объ извѣстіяхъ Мюнстера въ его космографіи, напечатаннымъ въ 1880 г. Снимокъ съ Герберштейновыхъ картъ Московіи читатель найдетъ въ приложенныхъ къ предлежащему сочиненію „Матеріалахъ для историко-географическаго Атласа Россіи XVI в.", и здѣсь же помѣщены составленныя А. П. Алексѣевымъ, на основаніи моихъ изслѣдованій, карты береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана (Семи острововъ и Рыбачьяго полуострова), воднаго пути XV—XVI в. отъ рѣки Сѣверной Двины къ р. Оби; рѣкъ и озеръ бассейновъ: Балтійскаго, Черноморскаго и Волжскаго; и наконецъ тѣхъ путей сообщеній, которыя подробно описаны Герберштейномъ. При черченіи этихъ картъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду означить на нихъ то, что̀ можетъ быть отыскано только на малодоступныхъ для общаго пользованія, подробныхъ картахъ Россіи.

I.

Дѣтство и воспитаніе Герберштейна.—Вліяніе на него Вильгельма Вельцера.—Пребываніе Герберштейна въ Вѣнскомъ университетѣ.—Состояніе его при императорѣ Максимиліанѣ I.—Духъ времени, подъ вліяніемъ котораго слагался характеръ Герберштейна.—Начало его служебной дѣятельности. — Посольство въ Данію.—Перечень странъ, посѣщенныхъ Герберштейномъ съ 1516—1553 г.

Сигизмундъ Герберштейнъ принадлежалъ къ извѣстной съ XIV в. дворянской фамиліи [1]), родовое имѣніе которой находилось въ Штиріи, при р. Фейстрицѣ [2]). Одинъ изъ потомковъ этой фамиліи бургграфъ Леонгардъ былъ женатъ на Варварѣ, дочери бургграфа Николая Люгера [3]). Отъ этого брака родился Сигизмундъ въ 1486 г. 23 августа, въ замкѣ Виппахѣ, находящемся въ Крайнѣ. Въ первые годы своей жизни онъ часто хворалъ, что побудило мать отправить его съ однимъ изъ братьевъ на богомолье въ Лоретто [4]). По возвращеніи отсюда на родину, Сигизмундъ сталъ обучаться въ Виппахѣ языкамъ Нѣмецкому и Славянскому (Виндскому). Замѣчательно, что занятія Славянскимъ языкомъ причиняли Сигизмунду много непріятностей, но никто, какъ онъ самъ замѣчаетъ, не могъ отклонить его отъ этихъ занятій, которыя впослѣдствіи оказались для него весьма полезными [5]). На восьмомъ году онъ былъ отданъ на воспитаніе своему родственнику, священнику при соборной церкви (домпробсту) въ Гуркѣ

---

[1]) Sigmund von Herberstein. Von Dr. *F. Krones*. Mittheilungen des historischen Vereines für Steiermark. 19 Heft Graz, 1871, s. 5, bem. 2.

[2]) Р. Фейстрицъ—притокъ р. Рааба.

[3]) У нихъ было 5 сыновей (Георгъ, Іоаннъ, Андрей, Сигизмундъ, Вильгельмъ) и 6 дочерей. См. родословную Герберштейна въ ст. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 58—59.

[4]) Въ провинціи Мацерата, къ ю. отъ Анконы.

[5]) Fontes rerum Austriacarum, I B., Wien, 1855, herausg. v. *Th. G. v Karajan*. Здѣсь напечатана автобіографія Сигизмунда Герберштейна. См. стр. 69—70. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 6—7.

(въ Каринтіи) Вильгельму Вельцеру, который, судя по глубоко сочувственному отзыву о немъ Сигизмунда, имѣлъ на него благотворное вліяніе [6]). Послѣ двухлѣтняго пребыванія у Вельцера Сигизмундъ былъ взятъ домой и вскорѣ затѣмъ отецъ, желая дать дальнѣйшее образованіе своему сыну, отправилъ его (1497 г.) въ Вѣну, гдѣ онъ поступилъ въ городскую школу, въ которой занимался подъ руководствомъ Георга Ратценбергера. О немъ впослѣдствіи онъ вспоминалъ съ признательностію, не забывая, во время своей самостоятельной дѣятельности, его совѣта: хотя одинъ часъ въ день посвящать чтенію. Въ 1499 г. Сигизмундъ поступилъ въ высшую школу или университетъ [7]).

Время пребыванія здѣсь Сигизмунда относилось къ блестящему періоду существованія Вѣнскаго университета, наступившему вслѣдъ за періодомъ упадка его въ царствованіе Фридриха III. Его преемникъ Максимиліанъ I, поставивъ себѣ задачею (1493 г.) улучшить состояніе этого университета, подтвердилъ его старыя привиллегіи, даровалъ ему новыя льготы и, для привлеченія въ университетъ преподавателей и учащихся, непосредственно покровительствовалъ имъ. Заботы императора имѣли благія послѣдствія. Число учащихся въ Вѣнскомъ университетѣ стало быстро возрастать, и онъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Сюда приходили учиться Итальянцы, Голландцы, Нѣмцы изъ разныхъ краевъ Германіи и преимущественно Швейцарцы. Цвингли, обучавшійся въ Вѣнскомъ университетѣ, сохранилъ къ нему такую привязанность, что впослѣдствіи посылалъ учиться въ Вѣну не только своихъ братьевъ, но и лучшихъ изъ своихъ учениковъ. Особенно покровительствовалъ Максимиліанъ изученію Латинскаго языка, и это покровительство не осталось безъ послѣдствій. Многія сочиненія классическихъ писателей были изданы учеными Вѣнскаго университета [8]).

Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, Сигизмундъ,

---

[6]) F. r. A., I, 70: „Seines gleichenns in allen erlichen sachen hab ich zu mein zeiten khain über Ine gesehen". Archiv für oesterreichische Geschichte. 39 B. (Wien, 1868). Здѣсь напечатана: „Das Familienbuch Sigmunds von Herberstein". „Nach dem originale herausgegeben von *J. Zahn*". См. стр. 318—319.

[7]) F. r. A., I, 71. Siegmund Freiherr von Herberstein von *Friedrich Adelung*, St. Petersburg, 1818, s. 15.

[8]) Число студентовъ въ Вѣнскомъ университетѣ доходило въ это время до 7,000 ч. Gesch. d. öster. Kaiserstaates—v. *J. Mailath*, I B., Hamburg, 1834, s. 390—391. Одинъ изъ первыхъ ученыхъ, приглашенныхъ Максимиліаномъ въ

шестнадцатилѣтній юноша, былъ удостоенъ степени баккалавра. Въ это время этой ученой степени многіе, по замѣчанію Герберштейна, стыдились. „Я же",—говоритъ онъ,—„радовался" [9]). Дорогой по воспоминаніямъ университетъ Герберштейнъ принужденъ былъ оставить на двадцатомъ году своей жизни. Если бы, писалъ онъ, Богу было угодно, чтобы я остался (въ университетѣ), „я могъ бы еще многому научиться" [10]).

Пребываніе въ Вѣнѣ (съ 1497—1506 г.) — въ одномъ изъ главныхъ средоточій умственнаго движенія Западной Европы въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка [11])—положило свою неизгладимую печать на всю дальнѣйшую дѣятельность Герберштейна. Въ немъ пробудились стремленія къ самостоятельному знанію, и онъ остался имъ вѣренъ впродолженіе всей своей жизни. Этому, несомнѣнно, благопріятствовало время, въ которое слагался характеръ Герберштейна. На его даровитую природу не могли не оказать сильнаго вліянія знаменательныя событія въ исторіи Западной Европы въ XV и XVI в.в., великія открытія въ области землевѣдѣнія, книгопечатаніе, изученіе міра классическаго, освобожденіе мысли отъ всеподавляющаго авторитета церковнаго.

Съ 1506 г. началась служебная дѣятельность Сигизмунда, подъ руководствомъ брата его Георга. Въ этомъ именно году Сигизмундъ участвовалъ въ походѣ противъ Венгровъ, предпринятомъ съ цѣлію ослабить въ Венгріи партію магната Іоанна Заполіи, который, пользуясь большимъ вліяніемъ на венгерскаго короля Владислава, старался

Вѣнскій университетъ, былъ Конрадъ Цельтесъ (1494 г.). Онъ замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что основалъ ученое общество, по образцу societas rhenana. Профессоръ греческаго языка Георгъ Ритаймеръ старался поднять преподаваніе Греческаго языка. „Seine erotemata Guarini", замѣчаетъ Майлатъ, „sind vielleicht die erste grössere Arbeit eines Deutschen über die griechische Sprachlehre" (s. 391). См. также Gesch. Oesterreichs mit besonderer Rücksicht auf Culturgeschichte v. Dr. *Franz Mayer*, I B., Wien, 1874, s. 297 u. ff.

[9]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 13.

[10]) F. r. A., I, 71. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 13—14. A. f. oest. Gesch., 39 B., 319. Gesh. d. Regierung Ferdinand des Ersten v. *Buchölz*, I B., s. 491. Schreiben des Sigmund v. Herberstein an Bürgermeister und Rath zu Wien, 1520, 26 oct.

[11]) S. v. H. r. Dr. *Krones*, 8. Rerum Moscoviticarum Commentarij *Sigismundi* Liberi Baronis in *Herberstain*, Basileae, 1556, 144 C: „Vienam... a multis scriptoribus celebratam"... Записки о Московіи барона Герберштейна, съ латинскаго базельскаго изданія 1556 г., перев. *И. Анонимовъ*, С.-Пб., 1866, стр. 215. Ссылки на стр. этого изд. означены въ скобкахъ: р. п.—русскій переводъ.

воспрепятствовать осуществленію намѣреній Максимиліана, желавшаго, для поддержанія своего права на венгерскую корону, заключить бракъ между однимъ изъ своихъ внуковъ и Анною, дочерью Владислава.

Вскорѣ послѣ заключенія мира съ Венгріей [12]) (1506 г., 19 іюля), Максимиліанъ началъ войну съ Венеціей, противъ которой образовался союзъ, извѣстный подъ именемъ Камбрейскаго [13]) (1508 г.). Въ этой войнѣ принималъ участіе Герберштейнъ и, благодаря своей распорядительности, обратилъ на себя вниманіе герцога Эрика Браупшвейгскаго. Смерть отца (1511 г.), которому Сигизмундъ былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ, заставила его на время покинуть службу, и онъ впродолженіе двухъ лѣтъ занимался домашними хозяйственными дѣлами, по порученію своихъ братьевъ [14]).

1514 годъ былъ знаменателенъ въ жизни Сигизмунда. Императоръ поручилъ ему и брату его Георгу—снабдить провіантомъ войско, находившееся въ крѣпости Маранъ [15]), въ Фріулѣ, осажденной Венеціанами. Порученіе это было исполнено и Сигизмундъ, въ награду за это, былъ посвященъ въ рыцари, а затѣмъ назначенъ состоять на службѣ при дворѣ. Съ этого времени на Сигизмунда возлагали такого рода дѣла, которыя подготовили его къ занятіямъ другими болѣе важными дѣлами по дипломатическимъ сношеніямъ [16]).

Въ 1516 году императоръ Максимиліанъ назначилъ его посломъ къ родственнику своему Христіану II, датскому королю. Отъ имени императора посолъ долженъ былъ передать королю, чтобы онъ не оскорблялъ чести супруги своей Изабеллы [17]) и расторгъ незаконную

---

[12]) R. M. C., 24—25 (р. п., 40—41). F. r. A., I, 72. A. f. oest. Gesch., 39 B., 319. Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, Regensburg, 1852, II B., 307. „Сношенія Россіи съ германскими императорами въ концѣ XV и въ началѣ XVI стол.“, *В. Бауера*, Ж. М. Н. Пр., 1870 г., ч. CXLVIII, стр. 72—76. По миру съ Венгріей 1506 г. были подтверждены постановленія 1491 г. на которыхъ основаны были права австрійско-габсбургскаго дома на Венгрію (ib., 72).

[13]) Въ этомъ союзѣ принимали участіе, кромѣ Максимиліана, король французскій Людовикъ XII, король Аррагоніи Фердинандъ католическій и папа Юлій II.

[14]) F. r. A., I, 78—79. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 23: „H. sagt uns in seinen Schriften überhaupt wenig von seinen Eltern, aber überall findet man Beweise der grössten Liebe und Dankbarkeit gegen seinen Vater“.

[15]) Она находится на лѣвомъ берегу Таліаменто, къ з. отъ Аквилеи.

[16]) F. r. A., I, 79—85. A. f. oest. Gesch., 39 B., 319. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 13.

[17]) Изабелла—дочь Филиппа, сына императора Максимиліана I, и Іоанны. F. r. A., I, 85. Gesch. von Dännemark v. *F. C. Dahlmann*, 3 B., Hamburg, 1843, s. 322 u. ff.

связь съ Дивеке [18]). Не легко было, конечно, исполнить это порученіе [19]). Христіанъ II, извѣстный своимъ самовластіемъ, любилъ Дивеке. На рѣчь цезарскаго посла онъ не далъ положительнаго отвѣта и продолжалъ вести прежній образъ жизни.

По возвращеніи изъ Даніи, служебная дѣятельность Герберштейна окончательно опредѣлилась. И Максимиліанъ, и его преемникъ Фердинандъ I постоянно возлагали на Герберштейна дипломатическія порученія, и поэтому съ 1516—1553 г. ему удалось совершить путешествіе во многія страны, лежащія на европейскомъ материкѣ. Данію, Швейцарію (1516 г.), Нидерланды (1521—1522 г.), Италію, Испанію и Францію (1519 — 1520 г.) онъ посѣтилъ только однажды; въ Москвѣ былъ два раза (въ 1517 и въ 1526 г.), въ Венгрію, Польшу и различные города Германіи ему приходилось ѣздить довольно часто [20]). Эти путешествія имѣли благотворнѣйшее вліяніе на его образованіе. Они постоянно обогащали его новыми свѣдѣніями, особенно цѣнными потому, что они были добываемы путемъ непосредственнаго наблюденія жизни различныхъ народностей.

II.

Обстоятельства, предшествовавшія отправленію Герберштейна въ Россію.—Отношенія ея къ Австріи въ княженіе Василія III. Посольство Шнитценпаумера.—Перемѣна въ отношеніяхъ императора Максимиліана I къ польскому королю Сигизмунду I.—Посольство Панталеона и Эдера.—Инструкціи, данныя Герберштейну при отправленіи его въ Россію.

Первое путешествіе въ Россію было совершено Герберштейномъ въ царствованіе Максимиліана I, въ 1517 г., въ то время, когда великій князь московскій велъ войну съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Эта вторая война съ Литвою въ княженіе Василія III, начавшаяся въ 1512 г., была вызвана слѣдующими обстоятельствами: великій князь, побуждаемый императоромъ начать войну съ польскимъ королемъ, зналъ о враждебныхъ столкновеніяхъ его съ нѣмец-

---

[18]) Дивеке род. въ Амстердамѣ въ 1488 г., дочь Сигбритты, содержательницы питейнаго дома. F. r. A., I, 86, Bem. 1.

[19]) F. r. A., I, 92 u. ff.

[20]) S. v. H. v. Dr. *Krones*, 15—16.

-кимъ орденомъ и потому справедливо могъ разсчитывать на то, что Сигизмунду I трудно будетъ вести войну съ двумя врагами [1]); въ это-же время до великаго князя дошли слухи о томъ, что сестра его, великая княгиня литовская, жена Александра Казиміровича, терпитъ въ Литвѣ безчестье, что ее принуждаютъ къ принятію вѣры римско-католической, что крымскіе царевичи нападали на Московское государство вслѣдствіе договора, заключеннаго Сигизмундомъ I съ Менгли-Гиреемъ [2]).

Опасаясь вмѣшательства Сигизмунда I въ дѣла венгерскія, такъ какъ король въ 1512 году женился на Варварѣ, дочери графа Стефана Заполіи, одного изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Венгріи [3]), и вмѣстѣ съ тѣмъ считая необходимымъ защитить самостоятельность нѣмецкаго ордена отъ притязаній польскаго короля, императоръ задумалъ вступить въ переговоры съ Россіею объ образованіи союза противъ Польши, къ которому Максимиліанъ намѣревался привлечь также Данію, Саксонію и Бранденбургъ [4]).

Для заключенія предварительныхъ условій о союзѣ, императоръ отправилъ къ великому князю Шнитценпаумера (1513 г.), который, отступивъ отъ данной ему инструкціи, поторопился заключить отъ имени императора договоръ (1514 г.), по которому Максимиліанъ I и Василій III обязались дѣйствовать за одно противъ Сигизмунда I [5]).

---

[1]) Это обстоятельство выяснено въ указанной выше ст. г. *Бауера.* Ж. М. Н. Пр., ч. CXLVIII, стр. 85. Г. Бауеръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе, весьма важное для исторіи княженія Василія III: „Внезапный разрывъ съ Польшею въ концѣ 1512 года и быстрый походъ великаго князя Василія Іоанновича на Смоленскъ объясняются не столько нападеніемъ сыновей Менгли-Гирея на Украйну и оскорбленіями королевы Елены, сколько близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ на западѣ“. См. также R. M. C., 12 A (p. п., 22—23). Любопытно объясненіе причинъ второй войны съ Литвою въ соч. Dzieje Polski— *Joseph Szujski*, t. II, Lwow, 1862, стр. 177. Zwanzig Iahre aus der Regierung Sigismund's I v. *H. Goldberg*, Leipzig, 1870, s. 30—31.

[2]) Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V (изд. 1864 г.), 347—349.

[3]) F. r. A., I, 103. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivan., Grossf. v. Russland, von dem Iahre 1514, v. *Ioseph Fiedler*, Wien, 1863, s. 3. Ст. *В. Бауера*, 79—81.

[4]) Die All. zwischen k. Max. u. Vas. Iv. v. *I. Fiedler*, 4—5. Ст. *Бауера*, 81—82, 85. Supplementum ad Hist- Russiae Mon., Petr., 1848, стр. 358—360, № CXLIV (1514, october).

[5]) Die All. zwischen k. Max. u. Vas. Iv. v. *I. Fiedler*, 4 u. ff. „Schnitzenpaumer, der nach den klaren Worten seiner Instruction bloss zur Vereinbarung der einleitenden Schritte zu einem künftigen Bündnisse zwischen dem Kaiser,

Во время переговоровъ съ Шнитценпаумеромъ война съ Литвою не прекращалась. Она была удачна для Россіи. Пораженіе Русскихъ при Оршѣ и потеря нѣсколькихъ городовъ на западно-русской границѣ не могли лишить великаго князя выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ съ завоеваніемъ Смоленска (1514 г.). Къ тому же король не располагалъ на столько значительнымъ войскомъ, чтобы съ успѣхомъ продолжать войну съ великимъ княземъ [6]).

Вскорѣ, послѣ того какъ перевѣсъ въ борьбѣ великаго князя съ польскимъ королемъ оказался на сторонѣ перваго, въ отношеніяхъ Сигизмунда I къ императору произошла существенная перемѣна. Найдя возможнымъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ устранить свои опасенія на счетъ притязаній короля польскаго на Венгрію [7]) тѣмъ же самымъ средствомъ, которымъ домъ Габсбурговъ пріобрѣлъ могущество въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст.—заключеніемъ выгодныхъ въ политическомъ отношеніи брачныхъ договоровъ,—императоръ, какъ защитникъ интересовъ католической церкви, какъ глава христіанскихъ государей [8]), не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы между польскимъ королемъ и великимъ княземъ, такъ какъ эта борьба, истощая ихъ силы, могла быть выгодна Османскому царству, могущество котораго въ началѣ XVI ст. внушало сильныя опасенія христіанскимъ государямъ и поддерживало мысль о необходимости мирныхъ отношеній между ними. Вотъ почему императоръ, не стѣсняясь тѣмъ, что самъ въ началѣ литовской войны склонялъ великаго князя къ

---

dem Czar und den übrigen Bundesgenossen bevollmächtigt war, entweder von zu grossem Eifer hingerissen oder von einer ihm überlegenen Gewandtheit der russischen Unterhändler irregeführt, händigte diesen einen mit seiner eigenhändigen Unterschrift und angehängtem Siegel versehenen Aufsatz“ (s. 6). Ср. Пам. дипл. снош., I, 1502—1510; II, 1431—1448. Въ договорной грамотѣ великій князь названъ царемъ. Ст. *В. Бауера*, 86. Въ русскихъ актахъ Снипцамеръ. Въ Воскр. лѣт.—Снитценъ Померъ, П. С. Р. Л., VIII, 253—254. Въ Никон. лѣт., VI, 195: Юрьисъ Ницемпомеръ.

6) Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 357—358. F. r. A., I, 104: Der Khunig „was zw khriegen nit genajgt. Suecht nuer Ruee vund frid“.

7) Въ іюлѣ 1515 г. Сигизмундъ I и братъ его король венгерскій Владиславъ пріѣхали въ Вѣну и здѣсь между ними былъ заключенъ договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: дочь Владислава Анну выдать за одного изъ внуковъ Максимиліана, за Фердинанда или Карла; сына Владиславова Людовика женить на внучкѣ Максимиліана Маріѣ. Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, I. 383—384. R. M. C., 136 B (p. п., 203).F. r. A., I, 83, 104. Ст. *В. Бауера*, 89—90.

8) Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation v. *Leopold* von *Ranke*, 2 B., Leipzig, 1867, s. 330. Пам. дипл. снош., I, 353.

союзу противъ Сигизмунда I, далъ ему обѣщаніе (въ 1515 г.) содѣйствовать примиренію его съ Василіемъ III и въ посредники между ними предложилъ избрать датскаго короля [9]. Съ этимъ предложеніемъ былъ отправленъ въ Москву Панталеонъ [10], которому велѣно было въ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ желаніями Сигизмунда I. Напрасно, однако, Панталеонъ обращался къ нему за инструкціей. Король не далъ ее изъ опасенія, что датскій король будетъ дѣйствовать въ интересахъ Альбрехта, гроссмейстера нѣмецкаго ордена.

Не успѣлъ еще Панталеонъ окончить своихъ переговоровъ, какъ прибылъ въ Москву другой посолъ отъ императора, Валтасаръ Эдеръ, съ новыми предложеніями: великому князю императоръ поручилъ передать, что онъ не можетъ оказать ему помощь въ войнѣ съ королемъ польскимъ, который, желая вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиславомъ, королемъ венгерскимъ, и другими христіанскими государями поднять оружіе противъ Турокъ, готовъ заключить миръ съ великимъ княземъ. Переговоры о мирѣ король согласился вести при посредствѣ императорскаго посла.

Панталеонъ, не довѣряя инструкціи Эдера, объявилъ, что онъ лазутчикъ, подосланный въ Москву польскимъ королемъ, вслѣдствіе чего положеніе Эдера сдѣлалось весьма затруднительно. За нимъ строго слѣдили и ему запрещено было съ кѣмъ-либо говорить; предложенія его не были приняты великимъ княземъ. Въ апрѣлѣ 1516 г. отпустили Эдера, вскорѣ затѣмъ и Панталеона [11].

Не смотря, однако, на неудачные переговоры, Максимиліанъ, преслѣдуя свою завѣтную мысль объ образованіи союза противъ Османскаго царства, о чемъ сильно хлопоталъ и папа Левъ X [12], желалъ содѣйствовать примиренію великаго князя съ польскимъ королемъ, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ со времени вѣнскаго конгресса, и рѣшился отправить новое торжественное посольство въ Москву. Посломъ былъ назначенъ Христофоръ,

---

[9]) Въ 1511 г. былъ заключенъ союзный договоръ между великимъ княземъ и датскимъ королемъ Іоанномъ. Въ 1513 году пріѣзжалъ въ Москву датскій посолъ. Ист. Россіи, *С. Соловьева,* V, 398. Ист. гос. росс., *Карамзина,* VII, 49.

[10]) Пам. дипл. снош., I, 175. Die All. zwischen k. Max. u. Vas. Iv. v. *I. Fiedler*, 49.

[11]) Ib., 49—53. Ст. *Бауера*, 91 — 92. Zwanzig Iahre aus d. R. Sigismund's I v. *H. Goldberg*, 43—44.

[12]) Ib., 48—49.

епископъ лайбахскій, а товарищемъ его—Петръ Мракси. Такъ какъ епископъ медлилъ, а между тѣмъ секретарь короля Сигизмунда Іоаннъ Дантискъ побуждалъ скорѣе отправить посольство, то императоръ назначилъ посломъ Герберштейна, незадолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ Даніи [13]). Можетъ быть, при этомъ назначеніи, императоръ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что Герберштейнъ можетъ съ успѣхомъ вести переговоры въ Россіи потому именно, что онъ зналъ Славянскій языкъ [14]). Выборъ императора, какъ увидимъ, оказался очень удачнымъ.

Цѣль посольства, во главѣ котораго былъ поставленъ Герберштейнъ, не ограничивалась только переговорами съ великимъ княземъ. При проѣздѣ черезъ Польшу посолъ императора долженъ былъ присутствовать при заключеніи брачнаго договора между польскимъ королемъ и Боною, дочерью Іоанна Галеаццо Сфорца, герцога миланскаго [15]). Договоръ этотъ былъ заключенъ при содѣйствіи Максимиліана [16]).

III.

Лица, сопровождавшія Герберштейна въ началѣ его путешествія въ Россію.—Смерть Петра Мракси.—Пребываніе Герберштейна въ Вильнѣ.—Пріѣздъ въ Новгородъ.—Встрѣча въ Москвѣ.—Какъ содержали здѣсь Герберштейна.—Представленіе его великому князю.—Обѣдъ во дворцѣ.

Въ концѣ декабря 1516 года [1]) Герберштейнъ выѣхалъ изъ Аугсбурга въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ коихъ были: московскій гонецъ Григорій Загряжскій [2]), Хризостомъ Колумнъ,

---

[13]) R. M. C., 136 B—C (p. n., 203).

[14]) Ib., ad lectorem (p. n., 5).

[15]) Вторая супруга Максимиліана, Марія Бланка, была сестра Іоанна Галеаццо. Варвара, первая супруга Сигизмунда I, умерла 2 октября 1515 г. Dzieje Polsk.—*Iôseph Szujski*, II, 186.

[16]) R. M. C., 138 B—C (p. n., 206).

[1]) R. M. C., 136 C (p. n., 203): „Relicta Augusta sub initium anni M. D. XVI". Moscovia. 1557. Tiij: „Im Eingang des 1516 Jars". И въ томъ, и въ другомъ изданіи ошибка. См. F., г. A., I, 106.

[2]) Въ автобіографіи и Запискахъ о Московіи Герберштейнъ ошибочно называетъ его Закревскимъ (Sagrewsky). См. Dic. All. zwischen k. Max. u. Vas. Iv. v. *J. Fiedler*, 53, bem. 2. Пам. дипл. снош., I, 193.

посолъ герцогини миланской Изабеллы [3]), вдовы Іоанна Сфорцы, Іоаннъ фонъ-Турнъ, племянникъ Герберштейна [4]). Въ г. Цнаймѣ онъ долженъ былъ прожить нѣсколько дней, по случаю кончины своего товарища по посольству Петра Мракси. Недоумѣвая, продолжать-ли свое путешествіе или дожидаться назначенія другаго товарища на мѣсто умершаго, Герберштейнъ за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія обратился къ правительству [5]). Не получивъ, однако, никакого положительнаго отвѣта изъ Вѣны, онъ рѣшился продолжать свое путешествіе, за что въ послѣдствіи заслужилъ одобреніе Максимиліана [6]).

Въ Гроднѣ Герберштейнъ принужденъ былъ оставить московскаго гонца, такъ какъ польскій король, не смотря на свое желаніе мира съ Россіей, запретилъ ему въѣздъ въ Вильну [7]). Здѣсь съ большимъ почетомъ приняли цезарскаго посла, представили его королю; и договоръ о бракѣ съ Боною былъ заключенъ.

Во время своего пребыванія въ Вильнѣ, Герберштейнъ посѣтилъ московскаго воеводу Ивана Челяднина и двухъ другихъ воеводъ, вмѣстѣ съ нимъ взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи при Оршѣ (1514 г.) и содержавшихся въ Вильнѣ въ заключеніи, въ желѣзныхъ кандалахъ. Герберштейнъ утѣшалъ русскихъ воеводъ, „какъ только могъ" и, по просьбѣ ихъ, далъ имъ въ долгъ 20 золотыхъ.

14 марта 1517 г. онъ выѣхалъ изъ Вильны и, какъ видно, изъ опасенія непріятельскихъ дѣйствій, происходившихъ на границѣ между Польско-литовскимъ и Московскимъ государствомъ, отправился въ Москву по среднему, какъ онъ называетъ, пути (чрезъ Браславъ, Дриссу и Полоцкъ), пролегавшему между двумя большими дорогами въ Московію, по которымъ обыкновенно ѣздили; изъ нихъ одна шла черезъ Смоленскъ, другая черезъ Ливонію [8]). Этотъ средній путь,

---

3) Матери Боны.

4) F. r. A., I, 106, „Hannsen vom Thury" Пам. дипл. снош., I, 193: Янъ Фантурно, сестричичъ Герберштейна.

5) F. r. A., I, 107.

6) Оба лица, назначенныя императоромъ въ сотоварищи Герберштейну, подъ разными предлогами, уклонились отъ этого назначенія. Аделунгъ полагаетъ, что мысль о путешествіи въ Москву казалась въ то время столь страшною, что считали за истинное счастіе—подъ благовиднымъ предлогомъ, отказываться отъ императорскаго назначенія. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 51—52.

7) R. M. C., 138 A (р. п., 205). F. r. A., I, 112.

8) R. M. C., 138 B—C (р. п., 206); 13 C (р. п., 25). F. r. A., I, 113.

проходя по обильной озерами и болотами мѣстности, покрытой обширнѣйшими лѣсами [9]), представлялъ величайшія препятствія для проѣзда весною. Именно въ это время привелось ѣхать по этому пути цезарскому послу и его свитѣ, въ сопровожденіи московскаго гонца Григорія Загряжскаго [10]).

Вверхъ по рѣкѣ Западной Двинѣ путешественники ѣхали 16 миль по льду, уже начинавшему таять. Однажды они, проѣзжая по узкой, отвердѣвшей отъ ѣзды дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой ледъ былъ покрытъ водою, узнали, что не задолго до ихъ проѣзда потонуло нѣсколько сотъ Москвитянъ, переходившихъ по льду рѣки Западной Двины. Путешественниками овладѣло тогда неодолимое чувство страха. Опасенія ихъ и лишенія, которымъ они подвергались въ дорогѣ, еще болѣе увеличились на пути отъ Полоцка къ русской границѣ, раззоренномъ непріятельскими отрядами. Случалось, что на этомъ пути путешественники совсѣмъ не находили пристанища [11]). 4 апрѣля Герберштейнъ пріѣхалъ въ Новгородъ. О немъ онъ успѣлъ собрать нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія во время своего семидневнаго пребыванія здѣсь. Нѣмецкіе купцы просили цезарскаго посла оставить имъ на память ту самую повозку, въ которой онъ совершилъ путешествіе изъ Аугсбурга въ Новгородъ. Герберштейнъ исполнилъ эту просьбу, и его повозка была поставлена въ нѣмецкой церкви въ Новгородѣ. Въ Вербное Воскресенье намѣстникъ новгородскій бояринъ князь Александръ Владиміровичъ Ростовскій пригласилъ къ себѣ на пиръ Герберштейна и дружески убѣждалъ его ѣхать въ Москву на ямскихъ лошадяхъ. Онъ послушался этого совѣта и отправился изъ Новгорода въ сопровожденіи пристава Михаила Шафрова съ товарищами [12]).

17 апрѣля Герберштейнъ достигъ окрестностей Москвы. На слѣдующій день великій князь велѣлъ Тимоѳею Хлудeневу встрѣтить

---

[9]) R. M. C., 139 B (р. п., 207).

[10]) Онъ снова присоединился къ цезарскому послу въ мѣстечкѣ Дрисвятахъ. R. M. C., 138 C (р. п., 206): Дрисвятъ. F. r. A., I, 114: Drisset. „Дрисвяты или Дрысвяты—мѣстечко Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, въ 35 в. къ ю. в. отъ Новоалександровска, при озерѣ того-же имени. См. Геогр. стат. словарь *Семенова*, II, 128.

[11]) F. r. A., I, 114—115. R. M. C., 139 B (р. п., 207).

[12]) F. r. A., I, 117. R. M. C., 140 B; 73 B—75 B (р. п., 209, 112—115). Пам. дипл. снош., I, 193.

цезарскаго посла за Москвою и отъ своего имени спросить его о здоровьѣ. Въ подарокъ Герберштейну и его племяннику великій князь послалъ съ Хлуденевымъ двухъ иноходцевъ. Въ этотъ-же день назначили 15 дѣтей боярскихъ и 30 конюховъ ѣздить къ послу [13]).

Встрѣча посланца великаго князя съ цезарскимъ посломъ должна была происходить по извѣстному чину, при исполненіи котораго русскіе люди строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не умалить чести своего государя. Отговариваясь усталостью, Герберштейнъ убѣждалъ посланца выполнить церемоніалъ сидя на лошадяхъ. На это Хлуденевъ отвѣчалъ, что государевыхъ словъ, которыя онъ долженъ былъ передать послу, „нельзя ни произносить, ни слушать иначе, какъ стоя“. Тогда Герберштейнъ рѣшился уступить съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы посланецъ—первый сошелъ съ лошади, но онъ отказался исполнить это условіе. Видя, что Русскіе придаютъ важное значеніе церемоніалу встрѣчи, Герберштейнъ настаивалъ на своемъ, желая тѣмъ самымъ во взглядѣ ихъ возвысить значеніе своего государя. Споръ затянулся. Чтобъ покончить его, посолъ вынулъ ногу изъ стремени. Замѣтивъ это, посланецъ тотчасъ сошелъ съ лошади, а Герберштейнъ сошелъ уже послѣ него. Такъ былъ обманутъ посланецъ, досадовавшій за это на Герберштейна [14]). Вмѣстѣ съ Хлуденевымъ онъ въѣхалъ въ Москву (18 апрѣля) [15]), гдѣ ему былъ отведенъ домъ князя Петра Ряполовскаго. Сюда ежедневно доставляли послу припасы для продовольствія, о чемъ долженъ былъ заботиться подъячій Останъ. Лица, на которыхъ возложили надзоръ за дѣйствіями посла, строго слѣдили за нимъ и даже присутствовали при разговорахъ его съ гостями [16]).

Герберштейнъ полагалъ, что онъ самъ далъ поводъ къ такому строгому надзору за собою, такъ какъ, въ день въѣзда своего въ

---

[13]) Пам. дипл. снош., I, 194: „И Апрѣля 17 дня прислали отъ посла съ останочнаго яму приставове вѣсть, что онъ (посолъ цезаря) пріѣхалъ на останочной ямъ. И князь великій велѣлъ Тимоѳею Хлуденеву встрѣтити Жигимонта на дорозѣ у Николы въ Хинску“.

При означеніи дней въ разсказѣ о пребываніи Герберштейна въ Москвѣ въ 1517 г. мы слѣдуемъ современному русскимъ источникамъ лѣтосчисленію.

[14]) R. M. C., 121 A—B (p. n., 181).

[15]) Пам. дипл. снош., I, 195. F. r. A., I, 121. Ист. гос. росс., *Карамзина*, VII, пр. 165. R. M. C., 141 B (p. n., 210).

[16]) F. r. A., I, 121: „Sy stellten mir leuth in das Haus, die man als Edl hellt“. Moscovia, 1557 г., V—Vij.

Москву, онъ сталъ говорить съ толмачемъ по латыни и сказалъ ему, что онъ желалъ-бы имѣть свѣдѣнія о Россіи, такъ какъ она неизвѣстна его соотечественникамъ; съ своей стороны онъ обѣщался показать Русскимъ ландкарты, которыя онъ привезъ съ собою. Приставъ, сопровождавшій посла, не замедлилъ освѣдомиться, о чемъ онъ говорилъ съ толмачемъ. Въ послѣдствіи Герберштейнъ, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, сдѣлался осторожнѣе и, если ему необходимо было о чемъ нибудь развѣдать, то онъ обыкновенно начиналъ говорить издалека. Такъ онъ объяснялъ себѣ подозрительность, съ какою правительство относилось къ нему въ началѣ его пребыванія въ Москвѣ [17]). Не отрицая вполнѣ достовѣрности этого любопытнаго извѣстія, мы не должны, однако забывать, что крайне стѣснительный надзоръ за дѣйствіями пословъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ — былъ явленіемъ обычнымъ въ исторіи Московской Руси.

21 апрѣля 1517 г. было назначено представленіе цезарскаго посла великому князю. Извѣстивъ объ этомъ посла еще накануне, толмачъ Григорій Истома въ день, назначенный для представленія, два раза приходилъ къ Герберштейну все съ тѣмъ же самымъ извѣстіемъ. Прибывъ къ нему во второй разъ, незадолго до пріѣзда сына боярскаго и дьяка, которые должны были пріѣхать въ домъ, гдѣ жилъ посолъ, и отсюда сопровождать его во дворецъ, Григорій Истома говорилъ Герберштейну, что къ нему пріѣдутъ „большіе" люди, въ сопровожденіи которыхъ онъ поѣдетъ во дворецъ, что ему, послу, слѣдуетъ принять этихъ людей съ честію и встрѣтить ихъ. Герберштейнъ, однако, умышленно запоздалъ выйти къ нимъ на встрѣчу [18]). Съ этими посланцами онъ отправился во дворецъ. Несмѣтныя толпы народа смотрѣли на торжественный поѣздъ цезарскаго посла. Всѣ лавки въ городѣ велѣно было въ этотъ день запереть. Такое распоряженіе, какъ объясняетъ Герберштейнъ, было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы городъ казался ему многолюднѣе и народъ могъ его видѣть.

Когда Герберштейнъ сталъ подъѣзжать къ дворцовой лѣстницѣ, слуги, ведшіе его лошадь, стали удерживать ее съ тѣмъ, чтобы по-

---

17) Moscovia, 1557 г., Vi - Vij. „Mit dem", прибавляетъ Герберштейнъ, „und das ich ainen Lithischen Pueben mit mir het". S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 70—71.

18) F. r. A., I, 122.

солъ не подъѣхалъ близко къ лѣстницѣ. Это обыкновенно дѣлалось при пріемѣ посла для того, чтобы оказать болѣе чести великому князю, такъ какъ только онъ одинъ могъ сходить у самой лѣстницы [19]). Какъ будто не понимая намѣренія слугъ, Герберштейнъ постарался подъѣхать къ ней поближе, на сколько это было возможно. Во дворцѣ чинили нѣсколько встрѣчъ послу и, наконецъ, ввели его въ избу, въ которой на возвышенномъ тронѣ сидѣлъ великій князь. По правую и лѣвую сторону отъ него сидѣли его братья: Юрій и Симеонъ; вправо отъ великаго князя сидѣлъ зять его Петръ [20]), крещеный царевичъ татарскій; близь нихъ—думные люди.

Когда посолъ вступилъ въ избу, всѣ они встали; братья великаго князя и его зять продолжали сидѣть. Тверской дворецкій Михаилъ Юрьевъ явилъ посла великому князю, который велѣлъ ему остановиться близь скамьи, стоявшей противъ трона и покрытой ковромъ. Когда посолъ упомянулъ въ своей привѣтственной рѣчи имя Максимиліана, великій князь всталъ и спросилъ: „здоровъ-ли братъ нашъ Максимиліанъ, избранный цезарь римскій и наивысшій король“? Посолъ отвѣчалъ, что при отъѣздѣ его цезарь былъ здоровъ. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, великій князь снова сѣлъ. Затѣмъ посолъ передалъ свою вѣрющую (Credentzbrief) грамоту, послѣ чего великій князь сказалъ ему: „дай мнѣ твою руку. По здорову ли ты пріѣхалъ“? Заранѣе уже предупрежденный о томъ, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ, посолъ говорилъ: „По милосердію Божію и по твоей милости здоровъ. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ на многія лѣта“. Приказавъ послу сѣсть, великій князь дозволилъ ему говорить. Посолъ всталъ и началъ говорить рѣчь, въ которой указалъ на цѣль своего посольства [21]). Выслушавъ эту рѣчь, великій князь сказалъ послу: „Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба-соли вмѣстѣ съ нами“, и затѣмъ велѣлъ толмачу сказать, чтобы посолъ вышелъ въ другую комнату. Черезъ нѣсколько времени его позвали на

---

[19]) R. M. C., 126 A—B (p. н., 188).

[20]) Царевичъ казанскій Куйдакулъ, братъ Алегамовъ, 21 декабря 1505 г. былъ торжественно крещенъ въ Москвѣ и названъ Петромъ. Въ началѣ 1506 г., великій князь выдалъ за него сестру свою Евдокію. Въ 1509 г., отправляясь въ Новгородъ, великій князь взялъ съ собою Петра вмѣстѣ съ другими знатными лицами. Въ началѣ слѣдующаго года онъ находился въ свитѣ великаго князя во время вступленія его въ Псковъ, послѣ того какъ здѣсь былъ снятъ вѣчевой колоколъ. Ист. гос. росс., *Карамзина*, VII, 7, 21, 26.

[21]) F. r. A., I, 122—124. Пам. дипл. снош. I, 197.

обѣдъ, на которомъ, кромѣ князя и его братьевъ, присутствовали и бояре [22]). Обѣдъ продолжался до перваго часа ночи, по поводу чего Герберштейнъ замѣчаетъ, что Русскіе, какъ въ пиршествахъ иногда проводятъ цѣлый день, такъ и въ совѣщаніяхъ о дѣлахъ сомнительныхъ расходятся только тогда, когда зрѣло обсудятъ и рѣшатъ дѣло [23]). Во время обѣда Василій III, вообще очень вѣжливый и обходительный съ послами [24]), по отзыву Герберштейна, послалъ ему съ своего стола хлѣбъ, затѣмъ блюдо съ кушаньемъ. Когда служитель подносилъ эти дары Герберштейну, онъ вставалъ и кланялся князю. Въ это время и другія лица, присутствовавшія на обѣдѣ, вставали, чтобы оказать честь послу. Братья князя, однако, не вставали. Замѣтивъ это, Герберштейнъ тоже пересталъ вставать, когда они поднимались съ своихъ мѣстъ при полученіи даровъ отъ князя, и въ это время начиналъ съ кѣмъ-нибудь говорить, притворяясь ничего не видящимъ. Тогда нѣкоторые изъ сидѣвшихъ противъ Герберштейна кивали и звали его, но онъ дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ ихъ. Когда-же, послѣ третьяго зова, онъ спрашивалъ ихъ, чего они хотятъ отъ него, и они отвѣчали, что братья великаго князя стоятъ, тогда уже было поздно вставать, такъ какъ они уже садились на свои мѣста. Получивъ такой отвѣтъ, Герберштейнъ нѣсколько разъ вставалъ слишкомъ поздно и тотчасъ же садился, что̀ возбуждало смѣхъ въ лицахъ, сидѣвшихъ противъ него. Онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ, чему они смѣются, но они не желали дать ему объясненіе. Тогда онъ, какъ будто, наконецъ, догадавшись, говорилъ съ важностью, что онъ теперь присутствуетъ не какъ частное лицо, и тому, кто окажетъ пренебреженіе его государю, онъ будетъ платить тѣмъ-же. Когда князь послалъ блюдо одному изъ младшихъ, Герберштейнъ всталъ, не смотря на предупрежденіе не вставать, и сказалъ, что онъ будетъ чтить того, кто чтитъ его государя [25]).

---

[22]) F. r. A., I, 124—125. R. M. C., 127—131 (р. п., 190—195).

[23]) R. M. C., 130 A (р. п. 194: „въ совѣщаніяхъ объ особенно важныхъ дѣлахъ“. Въ подл. „de rebus dubiis consultantes“). Въ изд. 1567 г., стр. CXLV: „Dann wie sy sich von zweyffelhafftigen w i c h t i g e n sachen offt ein gantzen Tag berathschlagen“.

[24]) R. M. C., 130 A („seque valde urbanum et humanum exhibet“) (р. п., 193). F. r. A., I, 124—125.

[25]) R. M. C., 129 (р. п., 192—193).

IV.

Лица, назначенныя великимъ княземъ для веденія переговоровъ съ Герберштейномъ.—Его рѣчь и переговоры съ боярами.—Извѣстія о приближеніи къ Москвѣ пословъ польскаго короля и о приступѣ его войскъ къ Опочкѣ.—Переговоры съ королевскими послами.—Герберштейнъ оставляетъ Москву.—Послѣдствія его перваго путешествія въ Россію.

Въ совѣщаніяхъ съ посломъ цезаря принимали участіе, по повелѣнію великаго князя, слѣдующія лица: бояре—Михаилъ Юрьевъ, Григорій Ѳедоровичъ, казначей Юрій Малый, тверской дворецкій Шигона Поджогинъ, дьяки — Путятинъ Меньшой, Трифонъ Ильинъ, Иванъ Телешовъ [1]). Бояринъ Михаилъ Юрьевъ — лице очень близкое къ великому князю, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ московскихъ боярскихъ фамилій, оказавшихъ несомнѣнно важныя услуги московскимъ князьямъ въ дѣлѣ собиранія Русской земли [2]), былъ на одномъ только совѣщаніи, отличавшемся отъ другихъ большею торжественностію, такъ какъ на немъ присутствовали послы короля Сигизмунда [3]). Бояринъ Григорій Ѳедоровичъ, принадлежа также къ древнѣйшей московской боярской фамиліи, участвовалъ на одномъ изъ первыхъ совѣщаній съ цезарскимъ посломъ и затѣмъ на совѣщаніяхъ, происходившихъ по прибытіи въ Москву королевскихъ пословъ [4]). И такъ, участіе этихъ двухъ бояръ въ веденіи переговоровъ съ посломъ цезаря было болѣе или менѣе случайно: оно объясняется желаніемъ придать посольскимъ совѣщаніямъ болѣе торжественный характеръ; главное-же участіе въ нихъ принадлежало любимцамъ великаго князя, присутствовавшимъ на всѣхъ

---

[1]) Пам. дипл. снош., I, 202—204, 211, 216, 223, 233, 262, 273, 304. Въ перечняхъ лицъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ, не всегда указанъ чинъ или званіе каждаго лица. Такъ напр., на стр. 211: „и князь великій... высылалъ къ нему (Герберштейну) бояръ же Григорья Ѳедоровича, да Юрья Малаго, да Шигону, да Меньшого Путятина“.

[2]) Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 434.

[3]) Пам. дипл. снош., I, 262. Михаилъ Юрьевъ участвовалъ также въ совѣщаніи съ литовскими послами (8 ноября). Ib., 273.

[4]) Тамъ-же, стр. 211, 262, 273, 304.

совѣщаніяхъ: Юрію Малому, Поджогину и Путятину [5]), отношенія которыхъ къ Василію III, приближавшему къ себѣ людей не родовитыхъ, дьяковъ, не лишены важнаго историческаго значенія.

Весьма замѣчательно, что въ числѣ этихъ довѣренныхъ людей великаго князя былъ Грекъ Юрій Малый, пріѣхавшій въ Москву вмѣстѣ съ Софьею Палеологъ, оказавшей, какъ извѣстно, сильное вліяніе на перемѣну отношеній князя къ потомкамъ князей удѣльныхъ, Рюриковичей. Объ этомъ Юріѣ Герберштейнъ сообщилъ любопытныя извѣстія, заслуживающія особеннаго вниманія, такъ какъ онъ имѣлъ случай близко узнать его во время переговоровъ съ нимъ и его товарищами по дѣламъ посольскимъ. Юрій, казначей, канцлеръ и высшій совѣтникъ князя,—говоритъ Герберштейнъ,—мужъ необыкновенно ученый и опытный во многихъ дѣлахъ [6]).

22-го апрѣля 1517 г. происходило первое совѣщаніе между посломъ цезаря и боярами, и имъ, прежде всего, необходимо было дать отвѣтъ на замѣчательную и по содержанію, и по искусству изложенія рѣчь посла [7]). Содержаніе ея было слѣдующее: „Всей вселенной извѣстно, что много лѣтъ христіанскіе правители междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, а никакой отъ того христіанству пользы не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т. е. Турки и Татары, отъ того смѣлѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли, много людей въ илѣнъ побрали, много царствъ и городовъ завоевали: все это произошло единственно отъ несогласія правителей христіанскихъ. Правители христіанскіе должны всегда держать въ мысли, что правленіе вручено отъ Бога, для умноженія вѣры и чести Его, для обороны общихъ людей, овецъ Христовыхъ. Римскій цезарь Максимиліанъ изначала это держитъ въ мысли; многія войны велъ нъ не изъ властолюбія, но для утвержденія общаго мира въ христіанствѣ. И Богъ его благословилъ: папвысшій римскій архіерей со всею Итальянскою землею теперь съ нимъ въ дружбѣ; внукъ его Карлъ, сынъ Филипповъ, спокойно правитъ испанскими королевствами, кото-

---

[5]) Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 415, 432.

[6]) R. M. C., 34 A—B. (p. п., 67); въ изд. 1556 г., 43: „supremusque consiliarius principis“;—въ изд. 1557 г., H: „Inndrester Rat“;—въ изд. 1567 г., XLVIII: „geheimster Rat“.

[7]) Пам. дипл. снош., I, 201.

рыхъ числомъ двадцать шесть [8]); король португальскій родня ему [9]); король англійскій и ирландскій—давно пріятель; король датскій, шведскій и норвежскій женатъ на его внукѣ, самъ тѣломъ своимъ и королевствами своими теперь въ рукахъ цезарскаго величества [10]); король польскій во всѣхъ несогласіяхъ своихъ положился на него же; о твоей наіясности нечего много говорить: самъ знаешь, что между вами братская любовь; наконецъ даже король французскій и Венеція, которые всегда свое особное дѣло предпочитали общему христіанскому,—и тѣ теперь миръ заключили. Обозритъ нынѣ человѣкъ вселенную, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера, и не найдетъ ни одного правителя христіанскаго, который бы не былъ съ цезарскимъ величествомъ въ родствѣ, братствѣ или мирномъ докончаніи и нѣтъ нигдѣ несогласія, только идетъ война между твоею наіясностію и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ: если эта война будетъ прекращена, то его цесарское величество достигнетъ вполнѣ своей цѣли. За этимъ то императоръ и послалъ меня сюда: напомнить вашей наіясности, что миръ будетъ прежде всего служить къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнить, сколько выгодъ земля и люди твои получатъ отъ мира, сколько зла отъ войны, напомнить, какъ сомнительны бранные случаи. Будучи въ Вильнѣ у короля польскаго, видѣлъ я тамъ турецкаго посла, который объявилъ, что султанъ его побѣдилъ султана египетскаго, Дамаскъ, Іерусалимъ и всѣ его государства завоевалъ: если Турки и безъ того были уже такъ сильны, то чего не задумаютъ они теперь, послѣ такихъ завоеваній“? [11])

На эту рѣчь великій князь велѣлъ боярамъ отвѣчать что онъ желаетъ мира и готовъ заключить его, если Сигизмундъ пришлетъ своихъ пословъ [12]). Герберштейнъ, объявивъ, что императоръ далъ ему наказъ уговорить великаго князя и короля къ отправленію пословъ на пограничный съѣздъ, предложилъ отправить

---

[8]) Послѣ смерти Фердинанда Католика (1516 г.), на престолъ кастильскій и аррагонскій вступилъ Карлъ I.

[9]) Отецъ Максимиліана Фридрихъ III († 1493) былъ женатъ на Елеонорѣ, дочери Эдуарда, короля португальскаго.

[10]) Христіанъ II былъ женатъ на Изабеллѣ, дочери Филиппа Бургундскаго, сына Максимиліана I.

[11]) Пам. дипл. снош., I, 197—201. Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 364—366

[12]) Пам. дипл. снош., I, 204—205.

пословъ въ Ригу, такъ какъ онъ самъ видѣлъ, что пограничные города выжжены, и потому съѣзду быть негдѣ. На это великій князь не согласился, и бояре, между прочимъ, говорили: „а о томъ Жигимонтъ положи ты на своемъ разумѣ: пригоже ли король такъ чинитъ, посылаетъ къ Максимиліану о томъ, чтобы государь нашъ послалъ куда нибудь на границу своихъ пословъ, а пословъ своихъ слати ко государю нашему не хочетъ, вставливаетъ новины, а старины не памятуетъ, какъ напередъ того было. Хотѣлъ бы король правды, и онъ бы посылалъ къ Максимиліану о томъ, чтобъ ему пословъ своихъ слати къ великому государю по старинѣ, по тому, какъ напередъ сего присылалъ король своихъ пословъ къ великому государю... А и отъ иныхъ отъ многихъ государей приходятъ послы къ нашему государю, и дѣла всѣ дѣлаются у нашего государя, а похочешь, и мы тебѣ и грамоты покажемъ, которыя заключалися у нашего государя“ [13]. Герберштейнъ, отвѣчая на это, что онъ вѣритъ боярамъ и что ему незачѣмъ смотрѣть грамоты, продолжалъ настаивать на томъ, чтобы послы съѣхались на границѣ, и просилъ снова донести объ этомъ великому князю. Бояре исполнили эту просьбу и снова объявили, что великій князь не хочетъ отправлять своихъ пословъ на границу. Герберштейнъ, убѣдившись въ необходимости уступить, просилъ позволенія отправить своего племянника къ королю съ грамотою съ тѣмъ, чтобы побудить его къ отправленію пословъ въ Москву. Великій князь согласился и въ слѣдующемъ совѣщаніи (26-го апрѣля) Герберштейнъ настоялъ на томъ, чтобы бояре прочли грамоту, которую онъ намѣревался отправить къ королю. Племянникъ Герберштейна фонъ-Турнъ, выѣхавъ изъ Москвы 27-го апрѣля, возвратился 14-го іюля и, по его возвращеніи, переговоры возобновились. Въ записи [14], данной въ этотъ же день Герберштейномъ боярамъ, онъ прославлялъ Филиппа Македонскаго за умѣренность къ Аѳинянамъ, послѣ побѣды надъ ними, и ставилъ его выше Александра Македонскаго; также прославлялъ и своего государя Максимиліана за то, что онъ отдалъ Верону Венеціанамъ [15]; указывалъ на Ксеркса, побѣжденнаго Ѳемистокломъ съ небольшимъ войскомъ, и на

[13]) Пам. дипл. снош., I, 208—209.

[14]) Тамъ же, I, 213, 215, 218—223.

[15]) Договоръ съ Венеціей, по которому Максимиліанъ I уступилъ ей Верону, былъ заключенъ въ 1518 г. Gesch. Oester. v. *Mayer*, I B., s. 266—267.

Пирра, въ одинъ часъ утратившаго все, что имъ было добыто побѣдами въ Италіи и въ заключеніе старался убѣдить великаго князя въ томъ, чтобы онъ отправилъ пословъ на границу для заключенія мира съ польскимъ королемъ. Эта запись не оказала, однако, никакого дѣйствія. Герберштейну отвѣчали тоже, что прежде. „Прежнихъ намъ своихъ обычаевъ", было сказано ему, между прочимъ, отъ имени великаго князя, „не рушити, какъ было отъ прародителей нашихъ и при отцѣ при нашемъ, при великомъ государѣ, Иванѣ, Божіею милостію, царѣ и государѣ всеа Руссіи и великомъ князѣ, и при насъ, что намъ Богъ далъ, и мы того не хотимъ умаляти, а съ Божьею волею хотимъ того повышати, сколько намъ милосердый Богъ поможетъ" [16]). Вторично получивъ отказъ на свое предложеніе, Герберштейнъ просилъ дозволить ему снова отправить племянника къ королю съ грамотою о томъ, чтобы онъ отправилъ пословъ въ Москву. Въ этой грамотѣ Герберштейнъ предложилъ „написать красную ложь", что Максимиліанъ велѣлъ ему прекратить переговоры, если королевскіе послы не пріѣдутъ въ Москву къ концу августа [17]). Прошеніе это было принято, за что Герберштейнъ очень благодарилъ великаго князя. По полученіи грамоты изъ Москвы, король, наконецъ, согласился отправить сюда пословъ. Такимъ образомъ, Герберштейну, умѣвшему пріобрѣсти довѣріе и заслужитъ расположеніе великаго князя и бояръ, удалось подвинуть впередъ дѣло, возложенное на него императоромъ.

По полученіи извѣстія о томъ, что послы королевскіе приближаются къ Москвѣ, Герберштейнъ послалъ сказать великому князю, чтобы онъ ему, не знающему московскаго обычая, „далъ науку"—видѣться или не видѣться съ послами. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „которые будетъ дѣла наказалъ тебѣ братъ нашъ Максимильянъ, и ты тѣ дѣла потому и дѣлай, а намъ тебѣ наука которая давати? А съ послами королевскими какъ похочешь, такъ видайся". Герберштейнъ отвѣчалъ: „я великому государю о томъ великое благодареніе воздаю, что мнѣ такую волю даетъ" [18]).

Одновременно съ извѣстіемъ о приближеніи королевскихъ пословъ

---

[16]) Пам. дипл. снош., I, 225.

[17]) Тамъ же, I, 228, 239, 241—242. 24-го іюля, въ четвергъ, племянникъ Герберштейна выѣхалъ изъ Москвы.

[18]) Тамъ же, I, 247.

къ Москвѣ было получено извѣстіе о томъ, что гетманъ князь Константинъ Острожскій съ войскомъ подступилъ къ псковскому пригородку Опочкѣ [19]). 7-го октября Герберштейну объявили, что до тѣхъ поръ, пока воеводы „не перевѣдаются“ съ непріятелемъ, посламъ королевскимъ неприлично быть у великаго князя.

Этимъ объявленіемъ Герберштейнъ былъ очень не доволенъ и, побуждаемый королевскими послами, которые обращались къ нему съ упреками, такъ какъ вслѣдствіе его предложенія они прибыли въ Москву, сильно хлопоталъ о назначеніи имъ аудіенціи. Но великій князь, смотрѣвшій на нападеніе королевскаго войска на Опочку, какъ на дѣло неправое, не отмѣнялъ своего рѣшенія. Тогда Герберштейнъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству. 18-го октября онъ подалъ записку, къ которой объявилъ, что не можетъ ждать окончанія войны, и если послы королевскіе въ теченіе октября не будутъ допущены къ аудіенціи, то онъ возвратится къ своему государю. Вслѣдствіе этой записки отношенія московскаго правительства къ послу цезаря должны были, повидимому, снова принять характеръ недружелюбный. Обстоятельства, однако, помогли и Герберштейну, и московскому правительству выйти изъ затруднительнаго положенія. 25-го октября въ Москву пришло извѣстіе о пораженіи Литовцевъ и о бѣгствѣ Острожскаго отъ Опочки.

29-го октября послы королевскіе Янъ Щитъ и Богушъ были приняты великимъ княземъ и 1-го ноября начались переговоры [20]). Они не привели ни къ какому соглашенію. Послы требовали уступки Смоленска и безъ этого условія не хотѣли заключать перемирія. Великій князь, конечно, не могъ принять этого условія [21]). Гербер-

---

[19]) Пам. дипл. снош., I, 250. Этотъ походъ Константина Острожскаго Герберштейнъ объясняетъ тѣмъ, что король имѣлъ въ виду принудить московскаго князя къ принятію „справедливыхъ“ и „умѣренныхъ“ условій мира, предложенныхъ королемъ; съ этою-же цѣлью онъ побуждалъ Крымцевъ вторгнуться въ Россію. R. M. C., 102—B (р. п., 155). Совсѣмъ другое говорилъ Герберштейнъ въ запискѣ, поданной 10-го ноября 1517 г. боярамъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится: „А о томъ, что король Жигимонтъ будтось наводилъ Татаръ на твои земли, не видалъ есми, ни слышалъ доводовъ крѣпкихъ“ и пр. Пам. дипл. снош., I, 279—280.

[20]) Тамъ же, I, 251—261. См. также „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, изд. Импер. Русс. Истор. Обществомъ, подъ ред. *Г. Ө. Карпова*, С.-Пб. 1882, стр. 504—506.

[21]) Объ этихъ переговорахъ Карамзинъ замѣтилъ: „Въ сихъ любопытныхъ преніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштейнова, грубость ли-

штейнъ, дѣйствуя въ интересахъ своего государя, опасавшагося усиленія Россіи на счетъ Польши [22]), настаивалъ на возвращеніи ей Смоленска и въ запискѣ, поданной 10 ноября, ставилъ великому князю въ примѣръ Пирра и цезаря Максимиліана, отдавшаго Венеціанамъ Верону. Въ этой запискѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій доводъ: великій князь уступкою Смоленска, писалъ Герберштейнъ, превзойдетъ щедростію и честію своего отца, уступившаго Казанское царство Татарамъ [23]).

18-го ноября послы королевскіе оставили Москву и Герберштейнъ былъ отпущенъ съ почетомъ [24]). Послѣ обѣда, на который онъ былъ приглашенъ, великій князь всталъ и, приказавъ подать себѣ чашу, сказалъ, что онъ желаетъ выпить ее за здоровье брата своего, избраннаго цезаря римскаго и наивысшаго короля, въ знакъ своей любви къ нему, что всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ сдѣлаютъ тоже, о чемъ посолъ донесетъ цезарю. Подавъ чашу послу и сказавъ, чтобы онъ выпилъ за здоровье цезаря Максимиліана, великій князь подавалъ чашу всѣмъ другимъ, присутствовавшимъ на обѣдѣ, и каждому повторялъ тоже, что сказалъ послу. Затѣмъ великій князь подозвалъ Герберштейна, протянулъ ему руку и сказалъ: „теперь ступай“ [25]). 22-го ноября, Герберштейнъ выѣхалъ изъ Москвы; 24-го ноября великій князь приговорилъ послать къ цезарю дьяка Владиміра Племянникова и толмача Истому Малаго [26]).

Съ этого времени (съ 1517 г.) дружественныя отношенія между императоромъ и великимъ княземъ, нарушенныя вслѣдствіе договора, заключеннаго Шнитценпаумеромъ, были возстановлены. Нельзя не

товскихъ пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума“. Ист. гос. росс., *Карамзина,* VII, 55.

[22]) *Карамзинъ,* VII, 56, пр. 173.

[23]) Пам. дипл. снош., I, 278—281. О Пиррѣ въ этой запискѣ именно сказано: „А отъ того тебѣ не меньши честь будетъ, какъ Пирру, царю индійскому, который 200 пойманныхъ Римляномъ даромъ отослалъ“. На это Карамзинъ замѣтилъ: „Герберштейнъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что Эпиръ не Индія“. *Карамзинъ,* VII, пр. 171. Пам. дипл. снош., изд. Русс. Истор. Общ., С.-Пб., 1882 г., стр. 525—527.

[24]) Пам. дипл. снош., I, 315. Пам. дипл. снош., изд. Русс. Истор. Общ., стр. 546. R. M. C., 141 C (р. п., 211).

[25]) R. M. C., 130 C—131 A (р. п., 195).

[26]) Пам. дипл. снош., I, 315. Отъ Москвы до русской границы Герберштейнъ ѣхалъ по смоленской дорогѣ.

признать, что виновникомъ этого новаго направленія въ отношеніяхъ императора къ великому князю былъ Герберштейнъ. Его дѣйствіями были довольны и польскій король, и императоръ [27]), принявшій „съ великою честію" московскаго посла Василія Племянникова [28]).

По собственному свидѣтельству Герберштейна, путешествіе въ Москву было для него очень полезно. Императоръ съ удовольствіемъ слушалъ его разсказы объ обычаяхъ и нравахъ русскаго народа. „Вельможа, весьма любимый" Максимиліаномъ, кардиналъ зальцбургскій Матвѣй Лангъ, побуждавшій Герберштейна, при отправленіи его въ Россію, собирать свѣдѣнія о ней [29]), называлъ его своимъ добрымъ другомъ, когда онъ возвратился отсюда, и его разсказы не позволялъ слушать цезарю во время своего отсутствія [30]). Около этого-же времени (1518 г.) явились стихи, въ которыхъ прославляли Герберштейна, какъ знаменитаго путешественника. Его разсказами о Восточной Европѣ заинтересовался извѣстный писатель Ульрихъ Гуттенъ [31]).

V.

Смерта Максимиліана I.—Сеймъ въ Брюкѣ.—Участіе Герберштейна въ событіяхъ, относящихся ко времени отъ смерти Максимиліана до возведенія Карла V на императорскій престолъ.—Путешествіе Герберштейна въ Испанію.—Замѣтки его во время этого путешествія.—Представленіе депутатовъ австрійскихъ Карлу V.—Назначеніе Герберштейна членомъ высшаго государственнаго суда и ландратомъ Штиріи.—Услуга, оказанная имъ чинамъ штирійскимъ.—Герберштейнъ въ Брюсселѣ.—Дѣятельность его въ періодъ времени съ 1522—1526 г.—Женитьба Герберштейна.

Вскорѣ по возвращеніи Герберштейна изъ Россіи (1518 г.) умеръ Максимиліанъ I (1519 г.), и объ этомъ событіи Герберштейнъ говоритъ въ автобіографіи съ искреннимъ, глубокимъ сожалѣніемъ [1]).

---

27) R. M. C., 144 A, 145 A (p. n., 214, 216). F. r. A., I, 131. Герберштейнъ прибылъ въ Краковъ 25 января 1518 г. и представлялся здѣсь королю.

28) Ему императоръ, между прочимъ, сказалъ, что великій князь держалъ Герберштейна „въ великой чести". Пам. дипл. снош., I, 357, 346.

29) Moscovia, 1557 г., Aij, Vij. S. F. v. H. v. *Adelung*, 70. Сборникъ, изд. студентами Петерб. университета. Вып. 1, СПб. 1857. Приложеніе. Ст. *А. Тихменева*, стр. 14—15.

30) R. M. C., 145 A (p. n., 216). F. r. A., I, 132. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 103.

31) S. v. H. v. Dr. *Krones*, 20, 74. Ст. *В. Бауера*, 93.

1) F. r. A., I, 141: „Gott waiss, das mir mein Hertz vnnd Leib beschwärt was"

Императоръ Максимиліанъ, какъ извѣстно, отличался характеромъ въ высокой степени привлекательнымъ; онъ умѣлъ выбирать людей и цѣнить ихъ [2]).

Послѣ смерти Максимиліана, Германіи, не имѣвшей никакого прочнаго политическаго единства, предстояло рѣшить трудный вопросъ объ избраніи императора. На престолъ, освященный преданіями Римской имперіи, явилось нѣсколько могущественныхъ претендентовъ, дѣйствовавшихъ крайне неразборчивыми средствами, и внутренняя рознь, грозившая большою опасностію самостоятельности нѣмецкой народности стала усиливаться; она проникла и въ наслѣдственныя земли Габсбурговъ [3]).

Представители провинцій австрійской, штирійской, каринтійской, краинской и земель на р. Энсѣ рѣшили на сеймѣ въ Брюкѣ [4]) отправить посольство къ Карлу V, королю испанскому, съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать его, какъ будущаго государя, заявить ему о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оградить свои права и преимущества. Въ числѣ депутатовъ этого посольства находился и Герберштейнъ [5]), принимавшій дѣятельное участіе въ смутныхъ событіяхъ, наступившихъ послѣ смерти Максимиліана, когда интересы сословные и областные пришли въ столкновеніе съ интересами династическими. Дѣятельность Герберштейна во время этого столкновенія, окончившагося казнью нѣсколькихъ лицъ [6]), не только не уменьшила, а еще болѣе упрочила то значеніе въ государственномъ управленіи, какое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Максимиліана. Оказалось, что взгляды извѣстнаго дипломата на вопросы, касавшіеся внутренней жизни государства, созидавшагося искусною политикою Габсбурговъ, отличались извѣстною зрѣлостію: будучи сторонникомъ интересовъ Габсбургскаго дома, Герберштейнъ давалъ значеніе интересамъ, клонившимся къ упроченію и развитію областной самостоятельности. Сочувствіемъ этимъ интересамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойнымъ и

---

[2]) Deut. Gesch. v. *Ranke*, I B., 234 u. ff.

[3]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 116: „Jegliches Land", sagt H., „macht sein sonderliche Ordnung, darumb dan vil arges ervolgt".

[4]) Брюкъ въ Штиріи, при устьѣ р. Мурца, впад. въ р. Муръ.

[5]) F. r. A., I, 151—171. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 21.

[6]) Gesch. d. oester Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B., 4—6. Gesch. Oester. v. *Mayer*. 1 B., 273—275. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 29.

вѣрнымъ взглядомъ его на положеніе дѣлъ въ земляхъ Габсбурговъ объясняется избраніе его въ депутаты отъ Штиріи; а также и то обстоятельство, что его автобіографія представляетъ самый главный, достовѣрный и замѣчательный по подробностямъ источникъ для знакомства съ внутреннимъ состояніемъ Габсбургскихъ земель въ періодъ времени отъ смерти Максимиліана до возведенія Карла V на императорскій престолъ [7]).

Послы отъ австрійскихъ земель, отправленные къ Карлу, находившемуся въ Испаніи, 1 іюля прибыли въ Венецію. Здѣсь они представлялись дожу Леонарду Лоредано, который былъ такъ старъ, что его, какъ ребенка, кормила одна женщина. Дожъ принималъ пословъ стоя. Рѣчь при представленіи была сказана Герберштейномъ. Во время своего шестидневнаго пребыванія въ Венеціи, послы осматривали достопримѣчательности города. Здѣсь они узнали объ избраніи Карла на нѣмецко-императорскій престолъ (1519 г., 28 іюня), чему не хотѣли вѣрить въ Венеціи [8]). По прибытіи нѣмецкихъ пословъ въ Ферару (8 іюля) этою же новостію были поражены лица, привѣтствовавшія ихъ отъ имени герцога Альфонса, такъ какъ онъ принадлежалъ къ французской партіи [9]). При проѣздѣ черезъ Флоренцію (14 іюля), Герберштейнъ слышалъ отъ старыхъ, опытныхъ людей, что правленіе въ этомъ городѣ обыкновенно мѣняется черезъ 17 лѣтъ.

Черезъ Римъ, гдѣ послы представлялись папѣ Льву X и, по обычаю, цѣловали ему ногу,—и затѣмъ черезъ Суессу, гдѣ Герберштейнъ долго бесѣдовалъ съ извѣстнымъ ученымъ Августиномъ Нифомъ, послы достигли Неаполя. Землю Неаполя можно назвать земнымъ раемъ—такъ онъ хорошъ, замѣчаетъ Герберштейнъ. Нанявъ въ Неаполѣ судно, послы отправились (13 августа) въ Барцелону. Путешествіе по морю было сопряжено съ большими опасностями. Нѣсколько разъ путеше-

---

[7]) F. r. A., I, 151—171. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 26—35. Ib., 33: „bei aller Loyalität und ausgeprägten legitimistischen Gesinnung verlor er nie ein warmes Gefühl für die Interessen des Landes und der Autonomist konnte sich nicht ganz verläugnen".

[8]) F. r. A., I, 175—177: „Als wir vom Fürsten abgiengen, tratt ainer am geen zu mir vnnd spricht: „Ir seyt vnns all lieb, aber du der liebste". Deut. Gesch v. *L.* v. *Ranke*, I B., 263.

[9]) F. r. A., I, 178. Альфонсъ I изъ дома Эсте правилъ герцогствомъ съ 1505—1534 г.

ственниковъ застигала буря. Однажды судно ихъ во время сильнаго шторма было выброшено на скалу, и они едва спаслись [10]). По прибытiи въ Барцелону (3 ноября) [11]), послы испросили аудiенцiю у Карла V, находившагося въ это время въ городкѣ Molino del Re [12]). Здѣсь, 5 ноября, они представлялись Карлу V, предварительно условившись между собою о томъ, чтобы рѣчь королю была произнесена не на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ имъ было велѣно, а на Латинскомъ. Пространною рѣчью, сказанною докторомъ Сибенбюргеромъ при представленiи королю, депутаты остались недовольны, такъ какъ она во многомъ была не согласна съ инструкцiей, данной на сеймѣ [13]), и когда была назначена прощальная аудiенцiя, депутаты просили Герберштейна сказать рѣчь. Онъ согласился исполнить эту просьбу. „Слава Богу", замѣчаетъ онъ, „король былъ доволенъ дѣйствiями штирiйскихъ депутатовъ". Въ концѣ декабря послы выѣхали изъ Испанiи. Они возвращались въ свое отечество не прежнимъ путемъ, а черезъ южную Францiю и сѣверную Италiю [14]).

Въ свои замѣтки о путешествiи въ Испанiю Герберштейнъ не забылъ, между прочимъ, внести описанiе придворныхъ церемонiй въ день св. Андрея (30 ноября), которыя совершались при дворѣ Карла V въ честь ордена золотаго руна, и затѣмъ упомянуть о слѣдующемъ обычаѣ въ Аррагонiи: жители ея, избирая короля, напоминаютъ ему о томъ, что онъ не лучше ихъ [15]).

Послѣ коронацiи Карла V въ Ахенѣ открылся сеймъ въ Вормсѣ. Сюда императоръ вызвалъ Герберштейна и, поручивъ ему (въ началѣ 1521 г.) заняться дѣломъ о промѣнѣ нѣкоторыхъ императорскихъ и частныхъ земель въ Австрiи, назначилъ его членомъ высшаго государственнаго суда и ландратомъ Штирiи [16]).

---

[10]) F. r. A., I, 179—183, 187. Niphus Augustinus род. въ 1473 г., ум. въ 1538 г. Онъ занимался философiей и преподавалъ ее въ нѣсколькихъ итальянскихъ университетахъ: См. ib., пр. 3. Allg. gelehr. Lexicon, h. v. *Jöcher*, 3 Th., 956—957. Здѣсь-же перечень сочиненiй Нифа.

[11]) F. r. A., I, 191, 172.

[12]) Къ з. отъ Барцелоны, въ недальномъ отъ нея разстоянiи.

[13]) F. r. A., I, 191—193. Ср. стр. 180, 573.

[14]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 130. F. r. A., I, 207, 218—221.

[15]) F. r. A., I, 224—225.

[16]) Тамъ же, I, 246—247. Помянутое дѣло о промѣнѣ земель окончилось только въ 1525 г. Оно касалось и родоваго имущества Герберштейна. Вмѣсто

Изъ Вормса Герберштейнъ отправился въ Линцъ, гдѣ присутствовалъ на свадьбѣ эрцгерцога Фердинанда (въ маѣ 1521 г.), которому императоръ поручилъ управленіе австрійскими землями. Около этого времени Герберштейну привелось оказать новую услугу Штиріи. Представители этой области обратились къ нему съ просьбою о томъ, чтобы онъ ознакомилъ эрцгерцога съ дѣйствіями сейма (ландтага). Герберштейнъ исполнилъ это порученіе, ко благу своего отечества [17]) такъ, „какъ только могъ". По его собственному свидѣтельству, въ запискѣ, имъ составленной, не было ничего лишняго, но она оказалась довольно пространной, хотя авторъ могъ употребить на составленіе ея всего только одинъ день. Вслѣдъ за тѣмъ онъ долженъ былъ сопровождать Фердинанда въ Брюссель. Здѣсь императоръ пожаловалъ Герберштейна (въ январѣ 1522 г.) за заслуги его и его братьевъ новою почетною наградою: къ фамильному гербу его было прибавлено нѣсколько изображеній, и въ числѣ ихъ—великаго князя московскаго. Послѣднее напоминало о заслугахъ Герберштейна по сношеніямъ императора Максимиліана съ великимъ княземъ Василіемъ III [18]).

Со времени этого пожалованія до вторичнаго отправленія Герберштейна въ Москву (1522—1526) въ исторіи его государственной дѣятельности наиболѣе замѣчательно то участіе, которое онъ принималъ въ сношеніяхъ эрцгерцога съ королемъ венгерскимъ [19]).

Въ 1522 г. Герберштейнъ женился на Еленѣ фонъ Саурау, девятью годами пережившей своего мужа (1575). Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ, и о семейной жизни Герберштейна мы не имѣемъ свѣдѣній [20]).

замка Марнфельса фамиліи Герберштейна было дано имѣніе Нейнергъ и деревни Самерка и Партинъ. Ib., 265.

[17]) S. v. H. v. Dr. *Krones*, 54: „S. v. H. hat an verschiedenen Stellen seiner Denkwürdigkeiten die Steiermark als sein eigentliches Vaterland bezeichnet, obschon er auf krainisher Erde geboren. War es doch die Wiege seines Stammes, das Land, in dessen Diensten er die ersten Kriegsthaten vollführt."

[18]) F. r. A., I 249—255; S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 140, 439—441.

[19]) F. r. A., I, 256—265.

[20]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 145: „Erst in diesem Jahre (1523) konnte H. die bereits 1521 verabredete Ehe mit Helenen von Saurau... vollziehen". Не въ 1523, а въ 1522 г. См. F. r. A., I, 263. A. f. öst. Gesch., 39 B., 320. Ср. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 56: „Sie war einem Manne beigesellt, den die Aussenwelt ganz in Anspruch nahm."

VI.

Сношенія Россіи съ Австріею послѣ смерти Максимиліана.—Перемиріе между польскимъ королемъ и великимъ княземъ.—Онъ отправляетъ пословъ къ Карлу V.—Пріемъ ихъ.—Вторичное назначеніе Герберштейна посломъ къ великому князю.—Отзывъ Карла V о Герберштейнѣ.—Инструкція, данная графу Нугароли и Герберштейну.—Поѣздка его къ венгерскому королю.—Герберштейнъ въ Краковѣ.—Переговоры съ польскимъ королемъ.—Путь Герберштейна отъ западной границы Московскаго государства къ Москвѣ.—Прибытіе его въ Москву.—Переговоры съ боярами.—Прибытіе въ Москву польскихъ пословъ.—Договоръ о продолженіи перемирія между польскимъ королемъ и великимъ княземъ.—Пожалованія Герберштейну отъ великаго князя.

Послѣ смерти Максимиліана I сношенія Россіи съ имперіею были прерваны на нѣсколько лѣтъ (1519—1522 г.). Въ это время война между Польско-литовскимъ и Московскимъ государствомъ не прекращалась. Послѣ пораженія подъ Опочкою непріятель болѣе не вторгался во владѣнія великаго князя и его войска, безпрепятственно раззоряя литовскія области, проникли до самой Вильны; южныя области литовскія потерпѣли страшное раззореніе отъ Крымскихъ Татаръ [1]). Силы польскаго короля были развлечены: съ нимъ началъ войну гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена Альбрехтъ, союзникъ великаго князя, получившій отъ него, къ изумленію магистра ливонскаго Плеттенберга, деньги на содержаніе ратниковъ [2]). Положеніе короля становилось невыносимымъ; но неожиданно явилась помощь на востокѣ. Здѣсь образовался опасный для великаго князя союзъ двухъ царствъ: Казанскаго и Крымскаго. Вскорѣ послѣ опустошительнаго набѣга Крымскихъ Татаръ на Москву (1521 г.), между великимъ княземъ и королемъ было заключено перемиріе (1522 г.) на 5 лѣтъ [3]), по которому Смоленскъ остался за Москвою. Рѣшено было во время этого перемирія вести взаимныя сношенія для заключенія вѣчнаго мира, и въ 1524 г. были отправлены къ Карлу V князь Иванъ Ярославскій Засѣкинъ и дьякъ Семенъ Борисовъ [4]).

Карлъ V, могущество котораго во время прибытія русскихъ по-

[1]) Обзоръ дипломат. снош. древней Россіи съ Римскою имперіею—ст. *В. Милютина* въ Соврем. 1851 г., т. XXVIII, стр. 27. Ист. Россіи, *С. Соловьева*. V, 379. Ист. гос. росс., *Карамзина*, VII, 63, 59.

[2]) *Карамзинъ*, VII, 62.

[3]) Тамъ же, VII, 71. Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 386. *Арцыбышевъ*, IV, 107.

[4]) *Карамзинъ*, VII, 87, пр. 290. F. r. A., I, 265.

словъ въ Мадридъ, гдѣ находился въ плѣну Францискъ I [5]), угрожало Западной Европѣ образованіемъ всемірной монархіи, остался вѣренъ политикѣ своего дѣда по отношенію къ великому князю, можетъ быть потому, что Габсбургскому дому и въ это время, какъ и при Максимиліанѣ I, грозила опасность со стороны Османскаго царства. Карлъ V очень милостиво принялъ русскихъ пословъ [6]) и вмѣстѣ съ братомъ своимъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ отправилъ посольство къ великому князю. Послами были назначены отъ имени императора—графъ Леонгардъ Нугароль, а отъ имени эрцгерцога—Герберштейнъ [7]).

Назначеніе послѣдняго заслужило самое лестное одобреніе со стороны Карла V, какъ видно изъ письма его къ эрцгерцогу [8]). Герберштейнъ, по мнѣнію Карла V, положилъ основаніе дружественнымъ отношеніямъ австрійскаго двора къ московскому, и для веденія сношеній между ними никого нельзя было предпочесть Герберштейну. Сомнѣніе въ справедливости этого замѣчательнаго отзыва не можетъ имѣть мѣста, если мы вспомнимъ, какъ неудачно вели переговоры послы императора Максимиліана, бывшіе въ Москвѣ до Герберштейна; не менѣе неискусно держали себя императорскіе послы, бывшіе въ Москвѣ вскорѣ послѣ его отъѣзда: Франческо да Колла и Антоній де-Конти [9]).

Важное преимущество Герберштейна передъ всѣми цезарскими послами, бывшими въ Москвѣ въ первой четверти XVI ст., состояло въ томъ, что онъ изучалъ и отчасти понималъ характеръ русскихъ людей и относился къ нимъ не съ тѣмъ высокомѣріемъ, съ какимъ нерѣдко относились къ нимъ послы западно-европейскихъ государствъ.

Графу Нугароли и Герберштейну, какъ и посламъ, которыхъ отправляли въ Москву въ послѣдніе годы царствованія Максимиліана, было поручено содѣйствовать заключенію мира между великимъ княземъ и польскимъ королемъ [10]). Цезарскимъ посламъ были пре-

---

[5]) Францискъ I былъ взятъ въ плѣнъ въ 1525 г., февр. 24.

[6]) Rerum Moscoviticarum auctores varii, 1600, стр. 130—131, *Joannis Fabri* Mocsovitarum religio. См. переводъ въ Отеч. Зап., 1826 г., ч. XXV, стр. 287.

[7]) F. r. A., I, 265.

[8]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 476—477, 1526 г., января 10.

[9]) Ст. *В. Милютина*, 22—27.

[10]) F. r. A., I, 265. R. M. C., 149 B—C (р. п., 222—223).

доставлены значительныя полномочія, и они нисколько не были стѣснены инструкціей [11]). На нѣкоторыя статьи ея Герберштейнъ представилъ свои замѣчанія, свидѣтельствующія о томъ, что ему, по всей вѣроятности, вслѣдствіе его близкаго знакомства съ обычаями и характеромъ московскаго двора, принадлежало и главное вліяніе на ходъ переговоровъ и съ польскимъ королемъ, и съ великимъ княземъ. Герберштейнъ предвидѣлъ, что великій князь потребуетъ, чтобы польскій король прислалъ своихъ пословъ въ Москву, а онъ, обезпечивъ себя со стороны Османскаго царства пятилѣтнимъ перемиріемъ [12]), легко можетъ отказаться отъ исполненія этого требованія, безъ котораго заключеніе мира съ великимъ княземъ не возможно. Далѣе Герберштейнъ просилъ, чтобы посольство было снабжено актами, касающимися дипломатическихъ сношеній великаго князя съ Максимиліаномъ, такъ какъ въ Москвѣ, по любопытному замѣчанію Герберштейна, любили постоянно ссылаться на прежніе договоры. Какъ извѣстно, въ Москвѣ, не справившись съ стариною, ничего важнаго не дѣлали, и это обстоятельство имѣло особенное значеніе въ исторіи Московской Руси. Вѣрность преданію доставила Москвѣ великое значеніе въ судьбахъ Россіи. Въ тѣхъ-же замѣчаніяхъ Герберштейнъ не совѣтуетъ называть великого князя „imperator universorum Ruthenorum“, [13]) и эти замѣчанія, вѣроятно, не остались безъ послѣдствій.

Предварительно съѣздивъ къ венгерскому королю съ цѣлью просить его содѣйствія въ переговорахъ съ польскимъ королемъ, Герберштейнъ вмѣстѣ съ Нугароли выѣхали изъ Вѣны 12-го января [14]).

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ ихъ отъѣзда, эрцгерцогъ Фердинандъ отправилъ къ нимъ сочиненіе доктора Іоанна Фабра о правахъ и обычаяхъ Москвитянъ, составленное имъ по порученію эрцгерцога, на основаніи извѣстій, сообщенныхъ Фабру русскими послами, отправленными къ Карлу V, въ то время, когда они на обратномъ пути проѣзжали черезъ Австрійскія земли. Вмѣстѣ съ этимъ сочиненіемъ эрцгерцогъ отправилъ къ посламъ письмо, въ которомъ

---

[11]) Slav. Bibl. v. *Miklosich* u. *Fiedler*, 2 B., 68—69. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 476—477.

[12]) Оно было заключено въ 1525 г. Hist. de l'empire Ottoman par *I. de Hammer*, t. V, Paris 1836, p. 70.

[13]) Slav. Bibl. v. *Miklosich* u. *Fiedler*, 2 B., 69—72 (1525 декабря 27).

[14]) F. r. A., I, 266. R. M. C., 149 C (p. n., 223).

предписывалъ имъ тщательно собирать свѣдѣнія о религіи Москвитянъ и ихъ обрядахъ [15]).

2-го февраля послы прибыли въ Краковъ. Здѣсь имъ не оказали никакой почести при въѣздѣ, никто изъ придворныхъ не принялъ ихъ; для нихъ не приготовили даже гостинницъ, какъ будто не знали о прибытіи цезарскихъ пословъ, и они нѣсколько дней ожидали здѣсь прибытія короля. Первая аудіенція происходила 8-го февраля. Король встрѣтилъ пословъ не дружелюбно. Онъ былъ не доволенъ тѣмъ, что цезарь не извѣстилъ его о своемъ намѣреніи способствовать заключенію мира съ великимъ княземъ, и на заявленіе пословъ о необходимости уступить Смоленскъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ [16]). Въ то время, когда послы цезаря впервые заявили объ условіи, при которомъ дѣйствительно былъ возможенъ миръ между Польско-Литовскимъ и Московскимъ государствомъ, мирныя отношенія короля къ султану и къ Альбрехту, съ которыми были заключены договоры (въ 1525 г. [17]) незадолго до прибытія цезарскихъ пословъ въ Краковъ, по видимому, исключали возможность уступки Смоленска Москвѣ.

Договоръ короля съ султаномъ отнималъ у императора видимый предлогъ ко вмѣшательству въ отношенія короля къ великому князю; предложеніе объ образованіи союза противъ Османскаго царства могло имѣть существенное значеніе не въ настоящемъ, а въ отдаленномъ будущемъ Польско-Литовскаго государства. Что-же побудило императора снова хлопотать о примиреніи великаго князя съ королемъ? Этотъ вопросъ возбуждалъ тревожныя сомнѣнія въ Краковѣ.

Какое-же сосѣдство или родство, говорилъ король посламъ Карла V и эрцгерцога Фердинанда, существуетъ между московскимъ княземъ и вашими государями, въ слѣдствіе чего они добровольно взялись быть посредниками? [18])

Полагая, что между цезаремъ и великимъ княземъ заключенъ договоръ, Поляки подозрѣвали, что великій князь строитъ козни про-

---

[15]) Письмо эрц. Фердинанда отъ 1 февр. 1526 г. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 478—479; 151—152.

[16]) R. M. C., 150 B (p. n., 224). F. r. A., I, 267. Slav. Bibl., 2 B., 75—76.

[17]) *Hammer*, t. V, 70. Gesch. d. auswärt. Pol. u. Dipl. v. *K. Fischer*, Gotha, 1874, s. 98—99.

[18]) R. M. C., 150 B—C (p. n., 224).

тивъ короля [19]), и можетъ быть, это подозрѣніе, основывалось, между прочимъ, на томъ, что вмѣстѣ съ цезарскими послами прибыли въ Краковъ московскіе послы, ѣздившіе къ Карлу V въ Мадридъ [20]).

Послы цезарскіе, стараясь увѣрить короля въ благочестивыхъ и христіанскихъ намѣреніяхъ и искренности своихъ государей, въ томъ, „что они отъ души ничего болѣе не желаютъ, какъ мира, взаимной дружбы и согласія между христіанскими государями и всѣми силами стараются объ этомъ“, предлагали: если королю не угодно ихъ посредничество, то они готовы или возвратиться домой, или ждать отвѣта отъ своихъ государей, извѣстивъ ихъ о желаніи короля [21]). Эти заявленія повели къ тому, что съ послами стали обходиться лучше. Король не отвергъ ихъ посредничества, и 14-го февраля они отправились изъ Кракова въ Москву [22]).

Между прочимъ, во время своего пребыванія въ Краковѣ, Герберштейнъ представилъ запись, данную ему матерью королевы Боны на полученіе 1,000 флориновъ за то, что онъ, по порученію Максимиліана, устраивалъ бракъ между Боною и Сигизмундомъ. Запись эта была благосклонно принята королемъ и, когда Герберштейнъ возвращался изъ Москвы, ему выдали деньги [23]).

Переѣхавъ западную границу Московскаго государства, послы императора—графъ Нугароль и Герберштейнъ не разъ были принуждены ночевать подъ открытымъ небомъ, на дорогѣ, которая шла

---

[19]) F. r. A., I, 267. Slav. Bibl., 2 B., 77. R. M. C., 150 B (p. n., 224).

[20]) *Карамзинъ*, VII, пр. 292: „Въ Ватиканскихъ выпискахъ аб. Альбертранди, въ прибавленіи къ отвѣту, данному Сигизмундомъ посламъ Карлову и Фердинандову, сказано, что они, по тайному предписанію, должны были утвердить Василія въ ненависти къ королю и произвести войну между ними, дабы Фердинандъ Австрійскій могъ тѣмъ удобнѣе овладѣть Венгріею и Богеміею. Это можно было думать, но было несправедливо“. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 480—481. Gesch. d. Regierung Ferdinand d. Ersten v. *Bucholtz*, 2 B., Wien, 1831, 479: „offenbar ist diese ganze Anmerkung hinterdrein, n a c h d e r unglücklichen Schlacht bei Mohacz von einem Polen, welcher der Partei des Zapolya zugethan, und leidenschaftlicher Gegner Ferdinands war, geschrieben worden was auch wohl von jener Antwort Sigismundens zelbst gilt, da Ferdinand in derselben rex genannt wird“.

[21]) R. M. C., 150 C (p. n., 224). Slav. Bibl., 2 B., 76. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 156.

[22]) F. r. A., I, 268. Slav. Bibl., 2 B., 78.

[23]) R. M. C., 150 C (p. n., 224—225).

отъ границы черезъ Смоленскъ къ Москвѣ. Утромъ 23 Марта пословъ извѣстили, что знатный человѣкъ посланъ къ нимъ на встрѣчу. Приблизившись къ нимъ, онъ, по обычаю, не сворачивалъ съ дороги, и послы должны были уступить ему, свернуть въ сторону [24]).

Въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы на извѣстіе о прибытіи пословъ и о томъ, пускать-ли ихъ въ Смоленскъ или не пускать, пристава задерживали ихъ, и они медленно подвигались впередъ. Герберштейнъ зналъ объ этомъ и, не обращая вниманіе на мольбы приставовъ о томъ, чтобы остановиться, отправился далѣе къ Смоленску. Крайне встревоженные такимъ самоволіемъ Герберштейна, пристава отъ просьбъ обратились къ угрозамъ, но и это средство не помогло. Когда онъ остановился недалеко отъ Смоленска, приставъ сказалъ послу: „Сигизмундъ! Что ты дѣлаешь? Для чего ты самовольно идешь впередъ въ чужихъ владѣніяхъ, противъ распоряженія государя?“ Герберштейнъ отвѣчалъ: „Я не привыкъ жить въ лѣсахъ, какъ живутъ дикіе звѣри, но подъ крышей и съ людьми. Послы вашего государя ѣхали черезъ царство моего государя, черезъ города и деревни, какъ имъ было угодно, по своей волѣ: такъ и мнѣ это прилично. Я не вижу причины и необходимости такъ медлить—на это нѣтъ приказанія вашего государя“.

Тогда пристава объявили, что ночью нельзя въѣхать въ Смоленскъ, и потому они намѣрены свернуть съ дороги въ сторону. Не обративъ на это вниманіе, Герберштейнъ отправился прямо въ Смоленскъ. Здѣсь помѣстили пословъ въ тѣсныхъ хижинахъ, вдали отъ крѣпости. На слѣдующій день они переправились черезъ Днѣпръ и переночевали у рѣки, почти противъ крѣпости. Наконецъ, намѣстникъ принялъ ихъ и послалъ къ нимъ припасы.

Въ Смоленскѣ послы оставались десять дней, такъ какъ здѣсь продолжали ожидать отвѣтъ отъ великаго князя. Въ это время два пристава изъ дворянъ, присланные великимъ княземъ въ Смоленскъ съ тѣмъ, чтобы отсюда провожать пословъ въ Москву и имѣть о нихъ попеченіе въ дорогѣ, явились къ нимъ на квартиру, въ парадныхъ платьяхъ, съ цѣлью объявить о томъ, что имъ было по-

---

[24]) F. r. A., I, 270. Ср. R. M. C., 121 A (р. п., 180—181).

ручено исполнить. Войдя въ квартиру, пристава не снимали шапокъ, ожидая, что послы первые это сдѣлаютъ. Они-же отдали честь только тогда, когда пристава произнесли имя великаго князя. Не желая, чтобы послы цезаря обидѣлись тѣмъ, что ихъ долго задерживаютъ въ дорогѣ, пристава съ цѣлью показать, что они сочувствуютъ ихъ желанію ѣхать скорѣе, приходили къ нимъ съ объявленіемъ, что они завтра рано утромъ отправляются въ дорогу. Повѣривъ имъ, послы приготовились къ путешествію и цѣлый день провели въ ожиданіи приставовъ. Ожиданія эти оказались, однако, напрасными. Вечеромъ пристава пришли къ посламъ и съ нѣкоторою торжественностію говорили, что они никакъ не могли отправиться и снова обѣщали отправиться на слѣдующій день. Но и на этотъ разъ обѣщаніе не было исполнено и только на третій день (4 апрѣля), послѣ перваго объявленія приставовъ объ отправленіи въ путь, послы выѣхали изъ Смоленска. По случаю разлитія рѣкъ дорога представляла большія затрудненія: черезъ ручьи, выступившіе изъ береговъ, приходилось переправляться съ величайшими усиліями и опасностью, такъ какъ мосты, сдѣланные незадолго до проѣзда пословъ, всплывали. Графъ Нугароль на другой день послѣ отъѣзда изъ Смоленска едва не потонулъ. Два пристава, близко стоявшіе около него, не сочли нужнымъ помочь ему, и графъ былъ спасенъ людьми, издали прибѣжавшими къ нему на помощь. Когда Герберштейнъ обратился къ приставамъ съ укоромъ за ихъ нерадѣніе, они отвѣчали: однимъ прилично, другимъ неприлично работать. Не въ одномъ только этомъ случаѣ пришлось Герберштейну выразить свое неудовольствіе приставамъ. Замѣтивъ, что о доставленіи ему пищи приставъ нисколько не заботился, Герберштейнъ самъ сталъ покупать припасы и готовить себѣ кушанье. Тогда приставъ запретилъ продавать ему припасы. Герберштейнъ, призвавъ къ себѣ гонца этого пристава, велѣлъ передать ему, что онъ обязанъ или самъ заботиться о доставленіи пищи послу, или долженъ дозволить ему покупать припасы, причемъ грозилъ снести голову приставу, если онъ не исполнитъ его требованіе. „Я знаю“, говорилъ Герберштейнъ, „вашъ обычай; по повелѣнію государя вы многое берете на наше имя и, однако, не доставляете намъ. Къ тому-же ты не позволяешь намъ жить на свой счетъ“. Герберштейнъ грозилъ пожаловаться великому князю. Слова эти подѣйствовали. Приставъ не только сталъ забо-

титься о Герберштейнѣ, но даже до нѣкоторой степени сталъ уважать его [25]).

26 апрѣля (1526 г.) послы прибыли въ Москву [26]); 1-го мая представлялись великому князю [27]), который, по обычаю, пригласилъ ихъ на обѣдъ. Разговаривая съ Герберштейномъ, великій князь, между прочимъ, спросилъ его: брилъ-ли онъ бороду? Получивъ утвердительный отвѣтъ, великій князь сказалъ: „это по нашему". Этими словами онъ намекнулъ на то, что самъ, вступая въ бракъ съ Еленою (1525), обрилъ бороду, чего прежде, какъ сообщили Герберштейну, никто изъ князей не дѣлалъ [28]).

На первыхъ совѣщаніяхъ пословъ съ боярами положено было, чтобы послы цезаря отправили своихъ людей къ польскому королю съ предложеніемъ отправить пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ [29]).

Въ іюлѣ 1526 г. явился въ Москву новый посредникъ между великимъ княземъ и королемъ—посолъ папы Климента VII, Іоаннъ Францискъ, епископъ Скаренскій; а 14 октября королевскіе послы Петръ Кишка [30]), плоцкій воевода, и Михаилъ Богушъ, казначей литовскій, прибыли въ Можайскъ, гдѣ находился великій князь, который узнавъ о томъ, что королевскіе послы приближаются къ Москвѣ, выѣхалъ отсюда, не желая впускать пословъ королевскихъ въ столицу [31]). Въ Можайскѣ, въ присутствіи пословъ цезаря и епископа Скаренскаго, бояре начали переговоры (въ октябрѣ) съ польскими послами. Посредники предложили великому князю уступить половину Смоленска королю, но великій князь отвергъ это предложеніе. Переговоры, однако, не были безплодными. Согласились продолжить перемиріе на шесть лѣтъ и затѣмъ 5 ноября это рѣшеніе было утверждено присягою [32]).

---

25) R. M. C., 122—123 (p. n., 182—184). Moscovia, 1557 г., Riij (об.). F. r. A, I, 270—273. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 162.

26) Подробности о встрѣчѣ ихъ см. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 164—187.

27) Ib., 167—175. F. r. A., I, 274.

28) R. M. C., 130 A (p. n., 193—194). Slav. Bibl., 2 B., 92. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 175—182.

29) F. r. A., I, 274. R. M. C., 152 A (p. n., 226). Slav. Bibl., 2 B., 80—82; 89—90. Пам. дипл. снош., изд. Русс. Истор. Общ., С.-Пб. 1882 г., стр. 710—711.

30) F. r. A., I, 274. R. M. C., 152 A; *Карамзинъ*, VII, 86—88.

31) Moscovia, 1557 г., T: „im schein des geiaits; aber im grund wolt die Lithen so mit vil Phärden vnd Khautleuten khamen, in die Stat Mosqua nit lassen".

32) F. r. A., I, 274: „am fünfften Nouember haben wir ainen fünffjärigen friden geschlossen». R. M. C., 152 A—B (p. n., 226—227). Никон. лѣт., VI, 232:

Вскорѣ затѣмъ Нугароль и Герберштейнъ, щедро одаренные великимъ княземъ, были отпущены. Каждому изъ нихъ онъ пожаловалъ кафтанъ, подбитый соболемъ, изъ золотой парчи, украшенный голубыми узорами (разводами), съ большимъ собольимъ воротникомъ, съ широкими рукавами, съ пуговицами и петлицами для застежки напереди; бѣлую шапку, окаймленную краснымъ сукномъ и собольимъ мѣхомъ, и сапоги краснаго цвѣта [33]). Въ этой одеждѣ послы явились къ великому князю благодарить его. Кромѣ кафтановъ, онъ пожаловалъ посламъ сорокъ два собольихъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1,500 бѣличьихъ. Онъ былъ особенно ласковъ къ Герберштейну [34]).

VII.

Отправленіе Герберштейна изъ Москвы въ 1526 г.—Извѣстіе о битвѣ при Могачѣ.—Значеніе этого событія.—Переговоры съ польскимъ королемъ.—Избраніе Фердинанда въ короли чешскіе. — Замѣчанія московскихъ пословъ объ этомъ событіи.—Донесеніе эрцгерцогу Фердинанду. — Состояніе Венгріи въ XVI в.— Избраніе Фердинанда въ короли венгерскіе. — Занятія Герберштейна дѣлами венгерскими. — Посольство къ султану въ 1541 г. — Сношенія Фердинанда съ Сигизмундомъ I и Сигизмундомъ II. — Административная дѣятельность Герберштейна.—Послѣдніе годы его жизни и смерть.—Надпись на могилѣ.

11-го ноября 1526 г. послы цезаря выѣхали изъ Москвы [1]). Пріѣхавъ въ Дубровну 28-го ноября, Герберштейнъ узналъ здѣсь о побѣдѣ Турокъ надъ Венграми при Могачѣ (1526 г., августа 29). Въ этой битвѣ, имѣвшей, по своимъ слѣдствіямъ, важное значеніе, погибъ Людовикъ II, король венгерскій и чешскій. Послѣ его смерти два престола остались свободными; на тотъ и другой явилось нѣсколько претендентовъ и какъ сейму чешскому, такъ и венгерскому—

„и взяша съ великимъ княземъ перемиріе на шесть лѣтъ“. Пам. дипл. снош., изд. Русс. Истор. Общ., С.-Пб. 1882 г., стр. 711, 724, 728—731. Стр. 730: „Великій государь Василій.... зъ Жигимонтомъ королемъ взяли семя перемирье на шесть лѣтъ“.

[33]) R. M. C., 134 A (р. п., 199). Moscovia, 1557 г., Siij (л. 2 об.) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 205. Сохранился портретъ Герберштейна въ этой одеждѣ.

[34]) Ib. Герберштейнъ говоритъ, что пословъ представлялъ великому князю маршалъ (дворецкій). См. Пам. дипл. снош., I, 470.

[1]) F. r. A., I, 275. *Карамзинъ*, VII, 88: за ними выѣхали наши послы—Трусовъ и Лодыгинъ—въ Римъ, Ляпунъ и Волосатый—къ императору и эрцгерцогу; окольничій Лятскій—къ Сигизмунду.

предстояло рѣшить вопросъ объ избраніи короля. Этотъ вопросъ представлялъ не мало затрудненій; онъ касался интересовъ почти всѣхъ западно-европейскихъ государей, и рѣшеніе его должно было имѣть самыя знаменательныя послѣдствія въ исторіи габсбургскаго дома, уже давно стремившагося къ утвержденію за собою и Венгріи, и Богеміи. Въ Венгріи значительная партія на сеймѣ не желала имѣть королемъ Фердинанда. На чешскій престолъ заявили свои притязанія герцоги баварскіе. Всѣ эти обстоятельства были неблагопріятны для Фердинанда, хотя онъ, какъ супругъ принцессы чешской и венгерской и братъ вдовы Людовика, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ чинамъ обѣихъ королевствъ [2]). Дальновидная политика Фердинанда помогла ему, однако, осуществить завѣтныя стремленія своихъ предковъ и упрочить могущество Габсбурговъ. 24-го октября 1526 г. чешскій сеймъ избралъ его въ короли [3]).

13-го февраля 1527 г. Герберштейнъ прибылъ въ Прагу, гдѣ уже находился Фердинандъ [4]). Около этого же времени прибыли сюда московскіе послы. Герберштейну велѣно было выѣхать къ нимъ на встрѣчу и оказать имъ почетный пріемъ. Увидѣвъ Прагу, они говорили, что это не крѣпость и не городъ, а цѣлое царство, что безкровное пріобрѣтеніе такого города—великое дѣло. Эрцгерцогъ, выслушавъ донесеніе о переговорахъ съ польскимъ королемъ и великимъ княземъ, благодарилъ Герберштейна за все, что имъ было сдѣлано [5]). Такъ, на дѣлѣ онъ снова доказалъ, что высокое мнѣніе о немъ Карла V, заботившагося о томъ, чтобы не стѣснять инструкціями его дипломатическую дѣятельность, оказалось совершенно справедливымъ.

„Безкровное" пріобрѣтеніе Чешскаго королевства не дорого стоило Фердинанду. Труднѣе было для него—пріобрѣтеніе Венгріи, состояніе которой въ началѣ XVI в. прекрасно охарактеризовано Герберштейномъ. „Я не могу вспомнить",—замѣчаетъ онъ,—„безъ воздыханій и тяжкой печали—какъ королевство Венгерское, прежде самое цвѣ-

---

[2]) Фердинандъ былъ женатъ на Аннѣ, дочери чешскаго и венгерскаго короля Владислава II, изъ дома Ягеллоновъ (обрученіе Фердинанда совершилось въ 1515; свадьба—въ 1521 г.). Супруга Людовика († 1526) Марія была сестра Фердинанда.

[3]) Gesch. d. oestr. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 *B.*, 13.

[4]) Вѣнчаніе его происходило 24 февраля 1527 г.

[5]) F. r. A., I, 279. R. M. C., 154 A (р. п., 229). См. также S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 183, 484; 211—213.

тущее и могущественное, такъ внезапно, на нашихъ глазахъ, пришло въ совершенный упадокъ“ [6]). Дурное и беззаконное управленіе— вотъ главная причина гибели этого королевства. При доблестномъ и славномъ королѣ Матвѣѣ [7]), наводившемъ страхъ на всѣхъ своихъ сосѣдей, оно достигло высокой степени своего могущества; а затѣмъ, при преемникахъ Матвѣя, стало клониться къ упадку, „какъ бы изнемогая отъ своего величія“. Преемникъ Матвѣя, Владиславъ, король чешскій, старшій сынъ польскаго короля Казиміра, государь безукоризненной жизни, нисколько не былъ способенъ владычествовать надъ такимъ воинственнымъ народомъ, какимъ были Венгры. Счастливыя обстоятельства оказали на нихъ дурное вліяніе; они сдѣлались грубыми и надменными, злоупотребляли мягкостію и милосердіемъ короля, котораго презирали; стали своевольны, расточительны, лѣнивы и высокомѣрны [8]). Пороки Венгровъ еще болѣе усилились послѣ смерти Владислава, при его сынѣ Людовикѣ. Въ его царствованіе военная дисциплина пришла въ совершенное разстройство; вельможи и прелаты раззорялись отъ роскоши, почти невѣроятной, и одинъ старался превзойти другого расточительностью; отправляясь во дворецъ или возвращаясь оттуда, они окружали себя свитою проводниковъ и тѣлохранителей; во время обѣда у палатъ каждаго вельможи играла музыка. Чтобы имѣть вліяніе на сеймахъ, магнаты то пожалованіями и наградами, то силою и страхомъ пріобрѣтали себѣ приверженцевъ между дворянами [9]). Всѣ важнѣйшія должности были раздаваемы не по заслугамъ, вслѣдствіе чего страдало правосудіе и слабѣйшіе были угнетаемы.

---

[6]) R. M. C., 145 C (p. п., 217): „omnibus quodam modo intuentibus tam subito afflictissimum factum sit“. Moscovia, 1557 г., x: „in vnserm angesicht und zuesehen so gar erniedert und zerrissen ist worden“; въ изд. 1567 г., CLXII, прибавлено: „so ein klein vorhin“.

[7]) Матвѣй Корвинъ царствовалъ съ 1458—1490 годъ.

[8]) Данныя, подтверждающія эти слова Герберштейна, см. въ соч. *L. Ranke*: Deut. Gesch., 2 B., 285—286: „Iedes Reich, heist es in den Satzungen von Tolna vom Iahr 1518, bedarf zu seiner Erhaltung zweerlei Mittel Waffen und Gesetze: in unserm ungrischen Reich haben wir weder das Eine, noch das Andre“.

[9]) R. M. C., 146 B (p. п., 218): „Iidem nobilitatem partim beneficiis ac praemiis, partim potentia ac metu sibi obnoxiam tenebant, ut plures affectatores haberent“. Moscovia, 1557 г., Xij: „auch dem gmain Adl mit Iargelt und gaben, auch etliche mit gwalt und sorgen an sich getzogen, damit sy jren willen .. mochten erhalten“. Въ изд. 1567 г., CLXIII: „durch jre lehen vnd besoldungen“... „das sy jnen schmeichlen vnd liebkosen müssen“.

Въ это время всеобщаго паденія нерѣдко придумывали мѣры, которыя только въ конецъ могли раззорить народъ. Такъ, между прочимъ, дозволили перечеканить серебреную монету и выпустить новую, худшаго достоинства; а затѣмъ нашли необходимымъ снова перечеканить ее и возвысить ея цѣнность. Дошло до того, что частные люди „почти явно и безнаказанно“ поддѣлывали монету. Все это повергло Венгерское королевство въ такое анархическое состояніе, что всякій человѣкъ, имѣвшій хотя нѣкоторую опытность, могъ предвидѣть паденіе этого королевства.

Еще при жизни короля Людовика Герберштейнъ, совѣтуя однажды его супругѣ, королевѣ Маріѣ, позаботиться о будущемъ и не полагаться ни на силу и юность своего мужа, ни на средства своихъ братьевъ [10]), просилъ вспомнить старую поговорку: „хорошо имѣть друзей, но несчастны тѣ, которые принуждены прибѣгать къ нимъ“. Герберштейнъ говорилъ королевѣ Маріѣ, „что венгерскій народъ, суровый и безпокойный, склонный къ крамоламъ и буйству, несправедливъ и мало расположенъ къ пришельцамъ и чужестранцамъ; что весьма могущественный врагъ угрожаетъ Венгріи [11]) и болѣе всего желаетъ подчинить ее своей власти“. Герберштейнъ совѣтовалъ королевѣ что-нибудь приберечь для себя и своихъ, на случай несчастія, такъ какъ царямъ приличнѣе помогать другимъ, чѣмъ нуждаться въ чужой помощи. Совѣты дальновиднаго дипломата не помогли. „Случилось то“, замѣчаетъ онъ, „что предчувствовала моя душа и чего я боялся“. Одинъ изъ придворныхъ очень удачно сказалъ, что онъ никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы какое-нибудь царство погибало съ такою радостью [12]), какъ Венгрія.

Таково было состояніе страны, которая, по замѣчанію Герберштейна, должна была служить защитою для всего христіанскаго міра, которая отличалась такимъ изобиліемъ естественныхъ произведеній, что только ради этого богатства ея всѣмъ христіанамъ слѣдовало-бы

---

[10]) Карла V и Фердинанда I.

[11]) Намекъ на султана.

[12]) R. M. C., 147 B (р. п. 219): „quod majore, atque Hungaria, gaudio et tripudio periret“. Moscovia, 1557 г., Xij: „sy hetten khain Reich mit merern freyden gesehen, zuuerlieren, weder das“. Въ изд. 1567 г., CLXIV: „das ye ein reich mit sollichen freuden vnd jubilieren, aes das Reich Vngaren, seye zu grund gangen“.

заботиться о ея спасеніи. Вообще, очень умѣренный въ выраженіи своихъ чувствъ, Герберштейнъ съ горечью замѣчаетъ, что память въ потомствѣ о томъ времени, когда христіанскими государями не были употреблены всѣ силы для сохраненія Венгріи, не можетъ не быть позорною и печальною [13]).

Въ то самое время, когда вниманіе Фердинанда было устремлено на дѣла чешскія, приверженцы трансильванскаго воеводы Іоанна Заполіи избрали его въ короли, на сеймѣ въ Штульвейссенбургѣ [14]). Тогда королева Марія и палатинъ Стефанъ Баторій, узнавъ объ этомъ, созвали сеймъ въ Пресбургѣ и, объявивъ незаконнымъ сеймъ въ Штульвейссенбургѣ, такъ какъ онъ не былъ созванъ палатиномъ, избрали въ венгерскіе короли Фердинанда (въ декабрѣ 1526 г.). Послѣ коронаціи въ Прагѣ и неудачныхъ переговоровъ съ уполномоченными Іоанна Заполіи въ Ольмюцѣ, при посредствѣ пословъ польскаго короля, Фердинандъ началъ войну съ Заполіею и на сеймѣ въ Офенѣ былъ вторично избранъ въ венгерскіе короли. Скоро послѣ того Заполія, не имѣя средствъ продолжать войну, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ его приняли съ сочувствіемъ. Не получивъ, однако, здѣсь никакой помощи, онъ обратился къ султану, который охотно принялъ его подъ свою защиту (1528) [15]).

Съ этого времени между Австріей и Турціей началась борьба за Венгрію, продолжавшаяся болѣе полутораста лѣтъ [16]). Въ началѣ

---

[13]) R. M. C., 145 C—149 B (p. n., 217—222). Для оцѣнки степени достовѣрности приведенной характеристики см. указанія въ соч. *Bucholtz*, 3 B., 151, 114. Въ ноябрѣ 1527 г. Фердинандъ писалъ своему брату: „Monseigneur, ich zweifle nicht, dass euch die Natur der Ungarn, die Veränderlichkeit ihres Willens bekannt ist“ (leur muable et fragil vouloir). Deut. Gesch. v. *Ranke*, 2 B., 303. Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, 3 B., 69—71 (Замѣчаніе одного изъ очевидцевъ событій въ Венгріи въ XVI стол.—„Ita quod non mirum fuisset, si Dei misericordia non esset tam magna, quod terra se aperuisset et ipsum cum omnibus suis vivum deglutivisset“), 112—114. Польскій король запретилъ своимъ подданнымъ торговать въ Венгріи. Ib , 89.

[14]) Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, 3 B., 93 (характеристика Заполіи).

[15]) Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B., 14—18. Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, 3 B., s. 1 — 68. *Zeisberg:* Iohannes Laski, Erzbischof v. Gnesen (1510—1531). Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften, Phil. hist. classe, LXXVII B., Wien 1874, s. 593: „Es unterliegt keinem Zweifel, dass Zapolya's Sache in Polen eine populäre war und dass der König selbst eine gegen jenen wohlwollende Neutralität bewahrte“. Любопытныя указанія на содѣйствіе Іоанну Заполіи со стороны папы и французскаго короля см. въ соч. *Bucholtz*, IV B., 550 (1531 г.).

[16]) По миру Карловицкому въ 1699 г., Турція уступила Австріи Трансиль-

этой борьбы Османское царство находилось въ періодѣ своего высшаго могущества. Возбужденные религіознымъ фанатизмомъ, Турки быстро распространяли свои завоеванія въ первой половинѣ XVI в.; государство ихъ въ это время отличалось крѣпкимъ внутреннимъ строемъ, и Западная Европа, занятая своими борьбами изъ-за интересовъ политическихъ и религіозныхъ, не могла остановить завоеваній новаго магометанскаго царства, не могла даже образовать союза для борьбы съ нимъ, не смотря на постоянныя заявленія о необходимости дѣйствовать христіанскимъ государямъ за одно. Понятно, почему современники XVI в., знакомые съ ходомъ политическихъ событій, не могли безъ горечи говорить объ отношеніяхъ христіанскаго міра къ магометанскому, которому, по видимому, въ царствованіе Солимана готовилось новое, не бывалое торжество.

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ Фердинанда состояла въ удержаніи за собою Венгріи. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ тяжелую борьбу съ Турками, сторонниками Заполіи и его сына, и велъ ее съ энергіею впродолженіе почти всего своего царствованія, не смотря на то, что онъ не располагалъ достаточными средствами для веденія ея, нуждался и въ войскѣ, и въ деньгахъ, не имѣлъ даровитыхъ полководцевъ, былъ отвлекаемъ борьбою съ движеніемъ реформаціоннымъ. Борьба Фердинанда съ Турціей не лишена европейскаго значенія. Венгрія въ XVI в. явилась предѣломъ завоевательныхъ стремленій Турокъ на сѣверо-западѣ ихъ владѣній, подобно тому, какъ въ слѣдующемъ столѣтіи Украйна—на сѣверо-востокѣ. И ту, и другую область постигло страшное раззореніе.

Во время борьбы Фердинанда за Венгрію однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и даровитыхъ пособниковъ его на поприщѣ дипломатическомъ былъ Герберштейнъ, часто ѣздившій, по его повелѣнію, и въ Венгрію, и въ Польшу, въ періодъ времени съ 1527 г. до пятидесятыхъ годовъ XVI в., и исполнявшій важныя порученія, возлагаемыя на него Фердинандомъ. Отъ его имени Герберштейнъ нѣсколько разъ велъ переговоры о мирѣ съ уполномоченными Іоанна Заполіи [17]). Въ 1538 г. съ нимъ былъ заключенъ до-

---

ванію и весь край между Дунаемъ и Тейсой. По миру въ Пассаровицѣ въ 1718 г., Турція уступила Австріи Темешваръ, Валахію и Бѣлградъ съ значительною частію Босніи и Сербіи.

[17]) Въ 1530, 1531, 1532 и 1533 гг. F. r. A., I, 290—291; 294—295; 299; 302—305. Ср. *Bucholtz*, IV, 60, 75.

говоръ [18]), по которому онъ сохранялъ королевскій титулъ и права на Венгрію только за собою и, въ случаѣ если у него родится сынъ, обязался не передавать послѣднему своихъ правъ. Договоръ этотъ не посмѣли обнародовать изъ опасенія, что султанъ предприметъ новый походъ на Венгрію. Заполія просилъ у Фердинанда войско для защиты отъ султана, но эта просьба не могла быть исполнена. Тогда Заполія, по прежнему, сталъ заботиться о поддержаніи дружелюбныхъ отношеній къ Турціи, какъ вдругъ надъ нимъ нависла гроза. Султанъ узналъ о договорѣ. Смерть избавила Іоанна Заполію отъ неизбѣжной, по видимому, войны съ султаномъ, считавшимъ себя верховнымъ государемъ Венгріи, и дѣла приняли здѣсь другой оборотъ [19]). Между венгерскими магнатами образовалась партія, желавшая возвести на престолъ малолѣтняго сына Іоанна Заполіи—Сигизмунда [20]). Султанъ также объявилъ о своемъ намѣреніи возвести его на венгерскій престолъ и предпринялъ походъ въ Венгрію въ 1541 г. Подъ Офеномъ, гдѣ находилась Изабелла вмѣстѣ съ своими приверженцами, войско Фердинанда было разбито Турками и бѣжало въ безпорядкѣ. Султанъ занялъ Офенъ и поклялся передать этотъ городъ сыну беззащитной Изабеллы.

Тогда Фердинандъ, не имѣя средствъ вести даже оборонительную войну, рѣшился вступить въ переговоры съ Солиманомъ и, призвавъ къ себѣ Герберштейна, убѣдительно просилъ его отправиться для переговоровъ въ турецкій лагерь. Тяжело было принять на себя это порученіе въ то время, когда непріятель грозилъ разгромить беззащитную страну, когда каждый думалъ о спасеніи себя и своей семьи; къ тому же въ мѣстности, черезъ которую приходилось проѣзжать въ турецкій лагерь, господствовала сильная смертность [21]). Чувство преданности своему государю и отечеству заставило Герберштейна, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ своей автобіографіи, исполнить просьбу Фердинанда, предоставившаго ему избрать себѣ сотоварища изъ двухъ

---

[18]) Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B., 44—45. F. r. A , I, 322.

[19]) Заполія умеръ 21 іюля 1540 г. Въ этомъ году Герберштейнъ три раза ѣздилъ въ Венгрію. F. r. A., I, 323.

[20]) Іоаннъ Заполія, незадолго до своей кончины, а именно въ 1539 г., женился на Изабеллѣ, дочери польскаго короля Сигизмунда I.

[21]) Въ 1541 г. моровая язва (Pest) истребила почти одну треть населенія Вѣны. F. r. A., I, 337, bem. 1.

лицъ, на которыхъ король указалъ. Съ Герберштейномъ отправился въ турецкій лагерь графъ Сальмъ [22]). Они должны были сказать султану, что Фердинандъ началъ войну единственно съ намѣреніемъ утвердить за собою то, что ему слѣдовало получить по договору съ Заполіею; съ султаномъ Фердинандъ желаетъ мира и готовъ платить ему 100,000 гульденовъ ежегодно. Если-бы это условіе не понравилось султану, то посламъ велѣно было предложить возвращеніе ему всѣхъ мѣстъ, завоеванныхъ послѣ смерти Заполіи, съ тѣмъ, что Фердинандъ ежегодно будетъ платить Портѣ 40,000 гульденовъ—все это только для того, чтобы спокойно владѣть тою частью Венгріи, которая принадлежала Фердинанду до роковаго договора съ Заполіею.

Послы были торжественно и милостиво приняты въ турецкомъ лагерѣ [23]). При описаніи пріема, Герберштейнъ, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что онъ и графъ Сальмъ должны были цѣловать руку султана; съ однимъ изъ пашей Герберштейнъ объяснялся по Славянски. Предложенія Фердинанда, какъ онѣ, по видимому, не были выгодны Портѣ, султанъ не принялъ и, считая Венгрію страною, принадлежащею ему, по праву завоеванія, требовалъ уступки новыхъ городовъ. На это послы отвѣчали, что они не уполномочены вести переговоры объ этихъ городахъ и просили перемирія. Султанъ согласился, и война на время затихла [24]).

Десять лѣтъ спустя послѣ описаннаго нашествія Турокъ, королева Изабелла отказалась (1551) отъ притязаній на венгерскую корону [25]).

---

[22]) Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, 3 B., 103: „Niklas Graf Salm und Sigmund Herberstein, beide Männer von ausgezeichnetem Verdienst“.

[23]) Представленіе пословъ султану происходило 8 сентября. 10 сентября послы были на отпускѣ. F. r. A., I, 334—335.

[24]) Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B., 44—58. Gesch. d. Mag. v. *Mailath*, 3 B., 88—105. F. r. A., I. 329—337.

[25]) F. r. A., I, 389—390. Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B., 76.

Въ дополненіе къ тому, что сказано о занятіяхъ Герберштейна (съ 1530 г.) дѣлами, имѣвшими отношеніе къ исторіи Венгріи, укажемъ еще на слѣдующіе года, подъ которыми въ его автобіографіи находятся извѣстія о переговорахъ и порученіяхъ по дѣламъ того же рода: 1534, 1537, 1542, 1547, 1552. F. r. A., I, 315 — 316; 321—322, 338; 368; 392 — 393. О переговорахъ Герберштейна съ Ласки въ 1531 г. см. *Bucholtz*, IV, 550—551. О поѣздкѣ въ 1532 г. въ Тирнау

Будучи занятъ постоянною борьбою съ внутренними и внѣшними врагами Венгріи, Фердинандъ старался поддерживать мирныя отношенія къ Польщѣ: короли ея были въ родствѣ съ Заполіею; вопросъ о томъ, кому достанется Венгрія, кто будетъ, слѣдовательно, ближайшимъ сосѣдомъ Польскаго государства—не могъ не имѣть для него важнаго значенія. Отсюда понятны стремленія Фердинанда предупреждать столкновенія съ польскими королями, разъяснять недоразумѣнія, часто возникавшія по дѣламъ венгерскимъ, за которыми дѣятельно слѣдили въ Польшѣ. Для сношеній съ нею былъ необходимъ искусный дипломатъ, близко знакомый и съ состояніемъ дѣлъ Венгріи, и съ положеніемъ партій въ Польшѣ, въ которой образованіе въ это время находилось на значительной высотѣ. Выборъ Фердинанда постоянно останавливался на Герберштейнѣ, и онъ съ конца двадцатыхъ до начала пятидесятыхъ годовъ XVI ст. постоянно былъ посылаемъ въ Польшу для переговоровъ. Замѣнять его кѣмъ-нибудь другимъ было не легко [26]). Онъ понималъ Славянскую рѣчь, владѣлъ Латинскимъ языкомъ, былъ близко знакомъ съ высшимъ польскимъ обществомъ, зналъ его обычаи, былъ посвященъ во всѣ тайны сношеній эрцгерцога съ польскимъ дворомъ. Послѣдняя, сколько извѣстно, поѣздка Герберштейна въ Польшу была совершена на 67-мъ году его жизни, въ 1553 году [27]).

Государственная дѣятельность неутомимаго поборника интересовъ габсбургской династіи не ограничивалась только тѣми дѣлами, которыя относились ко внѣшнимъ сношеніямъ государства. Въ 1527 году онъ былъ назначенъ членомъ нижнеавстрійской камеры; въ 1537 г.—членомъ военнаго совѣта; въ 1539 г.—президентомъ

см. S. F. r. v. H. v. *Adelung*, 239—240. Отзывъ Герберштейна о Ласки— F. r. A., I, 295. Ср. Gesch. d. oester. Kaiserst. v. *Mailath*, 2 B, 18. *Bucholtz*, IV, 63 (1530 г., письмо Іоанна Ласки къ Герберштейну).

[26]) Въ 1550 г. Фердинандъ, отправляя Герберштейна посломъ въ Польшу говорилъ: „weill Ich in Polln dermassen bekhanndt vnd angenämb, wiewoll sein Maj. mein gern verschonete, so begert sein Maj. doch, mich solicher Raiss die seiner Maj. oblag, zw vnndersteen". F. r. A., I, 370. Ср. ib., 283.

[27]) F. r. A., I, 393–396. Извѣстія о занятіяхъ Герберштейна (съ 1527 г.) дѣлами, которыя касались отношеній къ Польшѣ, см. въ автобіографіи подъ слѣд. годами: 1527—1531; 1535; 1542; 1543; 1545; 1550; 1552. F. r. A., I, 277—295; 316; 340; 342—360; 364—366; 369—381; 390—393. На стр. 379 любопытно слѣдующее замѣчаніе: „Was die Polln schliessen oder willigen, das volziehen sy nit".

нижнеавстрійской камеры [28]). Въ 1532 г. былъ возведенъ въ баронское достоинство [29]).

Сначала пятидесятыхъ годовъ XVI ст. онъ имѣлъ болѣе времени заниматься обработкою и изданіемъ въ свѣтъ своихъ сочиненій, и его Записки о Московіи были нѣсколько разъ изданы еще при его жизни [30]).

Не смотря на частыя болѣзни въ раннемъ дѣтствѣ, онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія; въ зрѣломъ возрастѣ выдержалъ нѣсколько тяжелыхъ болѣзней [31]), легко переносилъ и рѣзкія перемѣны климата, и лишенія, которымъ ему часто приходилось подвергаться въ дорогахъ. Онъ умеръ 80 лѣтъ, 28 марта 1566 г., въ Вѣнѣ.

На надгробномъ памятникѣ, поставленномъ надъ могилою Герберштейна, близъ церкви св. Михаила, была вырѣзана, по приказанію эрцгерцога Карла штирійскаго, слѣдующая надпись въ стихахъ: Здѣсь покоится прахъ барона Сигизмунда фонъ-Герберштейна, котораго слава на всегда пребудетъ незабвенною въ памяти монарховъ и всѣхъ подданныхъ. Онъ былъ вѣрнымъ слугою и совѣтникомъ четырехъ государей [32]).

Неизвѣстна судьба этого надгробнаго памятника. Не сомнѣваются однако, въ томъ, что онъ еще существовалъ въ началѣ XIX столѣтія [33]).

VIII.

Характеристика Герберштейна.—Его литературная дѣятельность.

Счастливыя обстоятельства, среди которыхъ протекла юность Герберштейна, нравственное вліяніе нѣкоторыхъ наставниковъ, имъ

---

28) F. r. A., I, 280, 322, 323; 307, 317—318. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 284 (здѣсь подъ 1548 г. сообщено извѣстіе, котораго нѣтъ въ автобіографіи). Въ 1534 г. Герберштейнъ ѣздилъ въ Каденъ, по дѣлу о герцогствѣ Виртембергскомъ. F. r. A., I, 313—315. S. F. H. v. *Adelung*, 244; 248—250—объ участіи Герберштейна въ судѣ надъ Каціаперомъ. См. также F. r. A., I, 306—307.

29) F. r. A., I, 293—294; 295—298; 319—321. О другихъ наградахъ см. тамъ-же, 284—285; 338—340, 366—368.

30) S. v. H. v. Dr. *Krones*, III Anhang, 63—72.

31) F. r. A., I, 136 (1518 г.), 180 (1519 г.), 280 (1527 г.), 284 (1528 г.).

32) Максимиліана I († 1519), Карла V († 1556), Фердинанда I († 1564), Максимиліана II († 1576). S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 295.

33) S. v. H. v. Dr *Krones*, 3, bem. 1.

самимъ засвидѣтельствованное, прекрасное, по своему времени, образованіе, оставившее глубокій слѣдъ въ его жизни, наконецъ, его разнообразная, въ значительной степени самостоятельная государственная дѣятельность, не рѣдко доставлявшая ему случай знакомиться и съ болѣе или менѣе видными дѣятелями въ эпоху реформаціи, и съ политическимъ состояніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, жизнь которыхъ именно въ это время была преисполнена глубочайшаго интереса и для каждаго внимательнаго наблюдателя представляла много поучительнаго — все это не могло не имѣть благотворнаго вліянія на характеръ и воззрѣнія Герберштейна, одареннаго живымъ, проницательнымъ умомъ, обширною памятью и впечатлительностію, свойственною даровитымъ личностямъ. Съ этими дарованіями въ немъ соединялись важныя достоинства: твердость воли и самообладаніе, любознательность, трудолюбіе и неутомимая ревность въ исполненіи своихъ обязанностей, которою нерѣдко пользовался императоръ Фердинандъ [1]). Такъ, въ началѣ 1534 г. онъ назначилъ его членомъ коммиссіи, которой поручено было заняться разсмотрѣніемъ государственнаго бюджета съ тѣмъ, чтобы опредѣлить статьи расхода. Въ этомъ же году Герберштейнъ по государственнымъ дѣламъ, порученнымъ ему самимъ Фердинандомъ, ѣздилъ изъ Вѣны въ Линцъ, два раза въ Прагу, отсюда въ Гелигаузенъ и Каденъ; затѣмъ въ началѣ сентября былъ посланъ изъ Вѣны въ Шинту, съ порученіемъ къ австрійскому штатгальтеру въ Венгріи, графу Алексѣю Турзо. Самъ Фердинандъ, какъ это видно изъ письма его

---

[1]) S. v. H. v. Dr. *Krones*, 55—56. Любопытно слѣдующее свидѣтельство Герберштейна: „Hab den Müssiggang geflohen, alle ehrliche Arbeit willig und gern angenommen, die Gesellschaften, so mich zu unnützen Freuden und überflüssigem Trinken gezogen, gescheut, so viel mir immer möglich war, gemieden, meinem Herrn mit ganzem Fleiss gedient, und so oft mir möglich gewesen, mich willig gezeigt; dessen, was ich erlernt, mich nicht geschamt, sondern noch mehr begehrt zu lernen“. „Hab'alsdann ein Zeit um mich herum gesehen, dass etliche von alten ehrlichen und allermeist Herrengeschlechtern dahin gekommen sein, dass sie bei Lebzeiten oder nach ihrem Absterben nicht haben gehabt oder verlassen, womit ihre Gläubiger hätten mögen bezahlt werden; darum dann ihre Namen und Güter öffentlich an Gerichts und Kirchenthüren angeschlagen sein worden, was billig ein ganzes Geschlecht schmerzen sollt“. „Wer da spart, wenn er hat, der nimmt, wenn er bedarf. Und so ist's viel besser, ich hinterlasse meinen Feinden viel meines Gutes, als dass ich, in meinen alten Tagen Mangel leiten soll. Darum haltet das Eure zusammen, sucht und verdienet mit Ehren, Fleiss Arbeit und Mühe Mehreres, das rathe ich Euch treulich“. F. r. A., I, XI—XII.

къ Герберштейну, въ апрѣлѣ 1534 г., сознавался, что онъ, по необходимости, не можетъ щадить его. Онъ не пользовался также продолжительнымъ отдыхомъ и въ тѣ годы, когда онъ не предпринималъ путешествій и жилъ въ Вѣнѣ. Въ это время, кромѣ постоянныхъ, ежедневныхъ занятій по службѣ, онъ исполнялъ также различныя порученія Фердинанда [2]).

На достоинство человѣка Герберштейнъ, очень дорожившій преданіями своего стариннаго дворянскаго рода, имѣлъ свѣтлый взглядъ. По мнѣнію его не происхожденіе, а только заслуги и личныя достоинства имѣли цѣну и давали право на преимущества [3]).

Нельзя однако утверждать, чтобы родовыя преданія вовсе не имѣли вліянія не только на характеръ, но и на дѣятельность Герберштейна. Очень вѣроятно, что они зародили въ немъ честолюбивыя стремленія, усиленію которыхъ въ значительной степени могли содѣйствовать также и обстоятельства, и условія его жизни: первые быстрые успѣхи по службѣ, которой онъ до самой глубокой старости посвящалъ большую часть своего времени, не смотря на наклонность къ ученымъ занятіямъ, высокое довѣріе и вниманіе къ нему императоровъ габсбургскаго дома, вліяніе, которымъ онъ пользовался при ихъ дворѣ [4]), почетныя награды, послужившія къ прославленію его рода, наконецъ придворная среда, въ которой по преимуществу вращалась его дѣятельность. Вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ отчасти объясняются недостатки Герберштейна: его честолюбіе и тщеславіе [5]).

Интересамъ габсбургской династіи онъ былъ искренно и го-

---

[2]) F. r. A., I, 307—316, 363, 318.

[3]) Въ своей автобіографіи Герберштейнъ говоритъ: „Dann der lob des Adls ist nuer deren, die dem namen vnnd Adelichen herkhomen im thun vnnd leben sich vergleichen. Darumb ain Jegelicher, ob der gleich von Adelichem Stamen herkhombt, sich selbs Edl macht, das ist mit seinem thun vnnd wesen sich dermassen, alls Adelichen geburt, hallt“. F. r. A., I, 70. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 54—55.

[4]) Герцогъ прусскій Альбрехтъ очень дорожилъ дружбою Герберштейна, который сообщалъ ему важныя политическія новости и содѣйствовалъ миролюбивымъ отношеніямъ его къ императору. A. f. öst. Gesch., 17 B., 269—273.

[5]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 306—307. Герберштейнъ, будучи еще при жизни прославленъ многими стихотворцами, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы вторично напечатали одинъ изъ посвященныхъ ему панегириковъ. Ib., bem. 2. „In den Soterüs befindet sich, p. 26, ein Gedicht des Andreas Bonerus, woraus man schliessen könnte, dass H. sich noch bey seinem Leben ein Denkmal habe setzen lassen“.

рячо преданъ. Эти интересы, какъ можно догадываться, не казались ему исключительно династическими и, вѣроятно, онъ придавалъ имъ важное историческое значеніе, такъ какъ государство Габсбурговъ въ XVI в., вслѣдствіе анархическаго состоянія Венгерскаго королевства, являлось какъ-бы оплотомъ христіанскаго міра противъ завоевательныхъ стремленій Османъ. Едва-ли можно отрицать, что Герберштейнъ сочувствовалъ и внутренней политикѣ Фердинанда, и сочувствіе это въ государственномъ человѣкѣ, который въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ руководился опытомъ, — весьма понятно. Вспомнимъ, что въ это время почти во всей Европѣ стремленія къ централизаціи сдѣлались господствующими [6]).

Качествами, необходимыми искусному дипломату, Герберштейнъ вполнѣ обладалъ; отличался спокойствіемъ и проницательностію, хорошо зналъ людей и общественныя требованія, умѣлъ примѣняться къ понятіямъ и взглядамъ того общества, среди котораго ему приходилось жить. Кромѣ Нѣмецкаго, Герберштейнъ прекрасно зналъ Латинскій языкъ, понималъ Славянскую рѣчь [7]) и умѣлъ краснорѣчиво излагать свои мысли. Съ состояніемъ тѣхъ государствъ, съ которыми Габсбурги находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, онъ былъ обстоятельно знакомъ.

Достоинъ вниманія отзывъ Курбскаго о немъ, какъ о мужѣ, „искусномъ въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлахъ“ [8]).

---

[6]) Въ Запискахъ о Московіи Герберштейнъ, говоря о томъ, что великій князь Василій III, „по своему произволу, распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ“ (R. M. C., 15 B; p. n., 28), замѣчаетъ: „Неизвѣстно такая-ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ“ (Ib., 15 C; p. n., 28). Это замѣчаніе нѣсколько напоминаетъ взгляды Макіавелли. Онъ признавалъ, что „развращенный народъ не въ состояніи поддерживать свободу“, что „только царская власть можетъ его исправить“; „народъ, среди котораго установляется власть“, по мнѣнію Макіавелли, „можетъ быть либо привыкшій управляться княземъ, либо привязанный къ свободѣ“. Ист. политическихъ ученій, *Б. Чичерина*, ч. I, M. 1869 г., стр. 305, 309.

[7]) Въ „Посвященіи“ Фердинанду Герберштейнъ говоритъ, что онъ „съ самаго ранняго возраста“ находилъ удовольствіе и „въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными“... R. M. C., Praefatio (p. n., 2). S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 302. „Ausser der Mundart Latiums und seiner Muttersprache... bessas er (Herberstein) noch die slawonische, russische, ungrische, böhmische und italianische“... Въ прим. 6: „Daher sagt Caspar Cropacius in den Soteriis, p. 19, von ihm: septem linguis discrimina vocum flectere conuersosque potest formare palato“.

[8]) S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 304. Въ статьѣ о Герберштейнѣ, напеч. въ

Не одни только историческія свѣдѣнія были предметомъ его научной любознательности. Въ кругъ его наблюденій входили и предметы, относящіеся къ области естествознанія [9]), и памятники вещественные, и нравы, и обычаи народа, и его экономическое состояніе. Географическія свѣдѣнія, которыя Герберштейну удавалось пріобрѣтать во время путешествій, онъ тщательно заносилъ въ свой дневникъ.

Съ энциклопедическимъ направленіемъ въ сферѣ интересовъ научныхъ въ Герберштейнѣ соединялась способность быстро собирать свѣдѣнія, обращать вниманіе на существенное [10]). Вотъ почему, между прочимъ, знаменитый дипломатъ занялъ почетное мѣсто въ ряду образованныхъ путешественниковъ XVI вѣка.

Encykl. v. *Ersch* u. *Gruber* 116: „wir können ihn vielleicht, nach dem was er geleistet und erreicht, nach den Mitteln, die ihm zu Gebote standen, für den gewandtesten Unterhändler aller Zeiten halten; denn er war nicht der Bote eines Karl V, Soliman, Ludwig XIV, Napoleon, einer Katharina, sondern der Bote eines Monarchen, dem nur die Wenigsten seiner Unterthanen gehorchen zu dürfen glaubten, der weder Einkünfte, noch Heer besass, den innere Verwirrung und auswärtige uberlegene Feinde gleich unausgesetzt beunruhigten".

Въ письмѣ Герберштейна (1542 г.) къ герцогу Альбрехту весьма замѣчателенъ отзывъ о войскѣ турецкомъ и нѣмецкомъ. A. f. oest. Gesch., 17 B., s. 284. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 48—49.

„Сказанія князя Курбскаго", С.Пб., 1868, стр. 5: „Той Герберштенъ приходилъ два кратъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цезаря христіанскаго, Карлуса, о великихъ дѣлахъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы христіанскими, и вооружающи ихъ, и подвизающи сопротивъ поганомъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ, глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправити". Замѣчаніе это не вѣрно, но оно любопытно потому именно, что въ немъ въ яркихъ чертахъ выступаетъ отрицательный взглядъ Курбскаго на историческія явленія Московской Руси. Въ первый пріѣздъ Герберштейна миръ между Россіей и Польшей не былъ заключенъ, потому что король настаивалъ на уступкѣ Смоленска, во 2-й пріѣздъ—перемиріе между Россіей и Польшей было заключено. Въ томъ, что не состоялся союзъ противъ Турціи, отнюдь не былъ виновенъ великій князь.

[9]) Въ письмѣ къ Альбрехту, герцогу прусскому (отъ 26 сент., 1540 г.), Герберштейнъ просилъ его собрать свѣдѣнія о величинѣ лосьихъ роговъ. A. f. oest. Gesch., B. 17, s. 280. Ср. стр. 281, 282, и R. M. C., 109 C, 110 C (р. ;п., 166, 168).

[10]) Въ „Посвященіи" Фердинанду Герберштейнъ говоритъ: „По волѣ императора Максимиліана, я былъ посломъ въ Даніи, въ Венгріи и Польшѣ; по смерти Его Величества, отечество отправило меня черезъ Италію, Францію, моремъ и сухимъ путемъ, въ Испанію, къ родному брату Вашего Величества, сильному и непобѣдимому императору римскому Карлу V. По повелѣнію Вашего Величества, я снова былъ у королей венгерскаго и польскаго, наконецъ вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Салмскимъ у самого Солимана, турецкаго сул-

Будучи человѣкомъ глубоко вѣрующимъ, Герберштейнъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости. Онъ не имѣлъ также узкаго національнаго пристрастія [11]). Совершивъ путешествіе по многимъ землямъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, „я могу справедливо сказать, что я повсюду находилъ тоже, что составляетъ обыкновенное явленіе въ моемъ отечествѣ, и доброе и злое, такъ что я не могу пожаловаться ни на одинъ народъ“. „Ко мнѣ“, замѣчаетъ онъ далѣе, „вездѣ были добры и милостивы; вездѣ мнѣ выражали любовь и дружбу“ [12]).

Самымъ прочнымъ утѣшеніемъ онъ считалъ сознаніе своей правоты, и свой взглядъ на жизнь онъ, между прочимъ, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „всѣ люди живутъ на землѣ для того, чтобы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, для того, чтобы можно было сказать, что такой-то жилъ“ [13]). Такой отчетъ онъ могъ дать спокойно. Онъ оставилъ по себѣ глубокую память не только какъ государственный человѣкъ, но и какъ писатель.

Посвящая литературнымъ занятіямъ только свободное отъ государственной службы время, онъ успѣлъ написать и издать въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, несомнѣнно имѣющихъ важное значеніе въ исторической литературѣ, въ особенности по находящимся въ нихъ фактическимъ даннымъ для исторіи XVI в. Въ его сочиненіяхъ рѣзко выступаютъ особенности его характера и ума, преимущественно практическаго и наблюдательнаго. То, что Герберштейнъ слышалъ, наблюдалъ и пережилъ,—служило для него глав-

---

тана, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ, не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе было достойно упоминанія и ознакомленія“. Записки о Московіи, стр. 3 (R. M. C., Praefatio). Въ справедливости этихъ словъ убѣждаетъ автобіографія Герберштейна.

[11]) F. r. A., I, 107. A. f. oest. Gesch., 17 B., s. 283, 292. Письма Герберштейна къ Альбрехту, герцогу прусскому, относящіяся ко времени отъ 1531 до 1556, напечатаны г. *Фойгтомъ* въ изд. A. f. oest. Gesch., B. 17. Полагая, что съ 1548 до 1555 г. переписки между герцогомъ и Герберштейномъ вовсе не существовало, г. Фойгтъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, на стр. 292: „Vielleicht lag der Anlass in des Herzogs politischer Stellung und in seinem Bündniss mit den evangelischen Fürsten gegen den Kaiser; wenigstens finden wir in allen Briefen Herberstein's, dass er sich nie irgend eine Aeusserung über Religion und Kirche gegen den Herzog erlaubte“. Ср. ib., 268—269; 284.

[12]) S. v. H. v. *Krones*, 53. Ср. стр. 63—64.

[13]) R. M. C., 18 B—C (р. п., 32). F. r. A., I, 69.

нымъ источникомъ свѣдѣній, составляющихъ содержаніе его наиболѣе замѣчательныхъ произведеній. Умозрительное направленіе и субъективность въ описаніи событій и явленій были совершенно чужды его природѣ. Главною задачею его, какъ писателя, было строго правдивое изложеніе фактовъ, а не рѣшеніе какихъ-нибудь вопросовъ въ области отвлеченнаго мышленія, хотя въ этой области время поставило на очередь многіе великіе вопросы. Ихъ онъ не касается въ своихъ сочиненіяхъ и очень рѣдко высказываетъ свой взглядъ даже на тѣ событія, которыя самъ описываетъ или о которыхъ упоминаетъ; также рѣдко онъ передаетъ свои впечатлѣнія. Но принявъ во вниманіе особенности дарованій Герберштейна, нельзя однако исключительно ими объяснять себѣ характеръ его сочиненій. О многомъ, что было вполнѣ достойно упоминанія, онъ ничего не сказалъ, вѣроятно, изъ опасенія повредить себѣ и своему роду. Такъ, напримѣръ, въ своей автобіографіи Герберштейнъ не забылъ сообщить о томъ, что въ 1521 г., когда онъ былъ въ Вормсѣ, сюда явился Лютеръ и пробылъ нѣсколько дней [14]). Какъ онъ велъ себя и что о немъ здѣсь говорили? Объ этомъ, однако, ничего не сказано, и нельзя не пожалѣть, что Герберштейнъ, какъ писатель, не былъ болѣе искреннимъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Отличаясь правдивостію, онъ обладалъ и даромъ изложенія: въ краткой рѣчи умѣлъ изобразить предметъ живыми красками. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ описываетъ богослуженіе въ Успенскомъ храмѣ: „Въ оба мои посольства; въ праздникъ Успенія, т. е. 15-го августа, я входилъ въ большой храмъ въ Кремлѣ, устланный древесною зеленью, и видѣлъ князя, на право у двери, въ которую онъ вошелъ: онъ стоялъ у стѣны съ открытою головою, опираясь на посохъ и держа передъ собою въ правой рукѣ колпакъ; совѣтники-же стояли у колоннъ храма, куда, провели и насъ. По срединѣ храма, на амвонѣ [15]), стоялъ митро-

---

[14]) F. r. A., I, 247: „Martin Luther kham geen Wurmbs am Ertag vor Georgy (23 April). Am mitwoch (24 April) ward er gehort. Am pfintztag (25 April) sein antburt gebn. Am Freitag (26 April) wider verruckht“. Ср. автобіографіи, оглавленіе которыхъ находится въ „Catalogue de la section des Russica“ (Bibl. impériale publ. de St. Pet.), t. I, St. Pet. 1873, №№ 553, 554, 555, стр. 527—528. Въ автобіографіи, подъ № 555, стр. Giij (2 об.): „Marthin Luther ist dazumal gehn Wormbo khomen vnd fur den Khayser Cur vnnd Fürssten gebracht ain wunderbarlichs geleuff vnd gedreng was da von allermeniglichen den menschen zu sehen“.

[15]) Въ подл. super tabulato.

политъ, въ торжественномъ облаченіи, имѣя на головѣ круглую митру, сверху украшенную изображеніями святыхъ, а снизу горностаевымъ мѣхомъ; онъ также, какъ и князь, опирался на посохъ, и, когда запѣли другіе, молился съ своими служителями. Потомъ, шествуя къ алтарю и обратясь, противъ нашего обыкновенія, на лѣво, митрополитъ вышелъ чрезъ меньшую дверь, предшествуемый пѣвчими, священниками и діаконами, изъ которыхъ одинъ несъ на головѣ блюдо съ хлѣбомъ, уже приготовленнымъ для жертвоприношенія, другой-же—покрытую чашу; прочіе, всѣ вмѣстѣ, несли образа святаго Петра, Павла, Николая, Архангела, при громкихъ восклицаніяхъ и благоговѣніи кругомъ стоящаго народа. Нѣкоторые изъ окрестъ стоящихъ восклицали: Господи помилуй; другіе, по отцовскому обычаю, касались лбомъ земли и плакали. Наконецъ народъ различнымъ образомъ чествовалъ и поклонялся вокругъ носимымъ изображеніямъ. Когда окончено было хожденіе вокругъ, и [лица духовныя] вошли чрезъ середнюю дверь алтаря—началось богослуженіе или, какъ они называютъ всевышняя служба" (summum officium) [16]).

Труды Герберштейна, имѣющіе вообще значеніе въ исторической наукѣ или какъ источники, или какъ памятники литературные, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: 1) письма и донесенія; 2) сочиненія, въ которыхъ говорится о нѣкоторыхъ современныхъ автору событіяхъ и лицахъ; 3) автобіографія; 4) его родословная и генеалогическая таблица австрійскихъ, польскихъ и московскихъ государей; 5) Записки о Московіи [17]). Изъ этихъ трудовъ наиболѣе замѣчательны письма къ Альбрехту, автобіографія и въ особенности „Записки о Московіи".

---

[16]) R. M. C., 46 B—47 (р. п., 72—73). Въ изд. 1557 г., Hij, есть нѣсколько подробностей, которыхъ нѣтъ въ изд. 1556 г. Ср. изд. 1567 г., стр. LII. F. r. A., I, 127—128.

[17]) Библіографическія обозрѣнія сочиненій и изданій Герберштейна см. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 309—436. S. v. H. v. Dr. *Krones*, 63—73. III. Anhang A: „Verzeichniss der bei seinen Lebzeiten gedruckten Schriften Herberstein's." B: „Schriften Herberstein's, die erst nach seinem Tode veröffentlicht wurden". Ib. IV. Anhang: „Werke und bedeutendere Aufsätze über S. v. Herberstein's Leben und Schriften". Slav. Bibl., 2 B., 90—93. „Bericht Herberstein's an Erzherzog Ferdinand über die auf der Reise und in Moskau gesammelten Beobachtungen" (Moscau. 12 Mai, 1526). Сборн., изд. студ. С. Пб. Ун., в. 1, Приложеніе, Предисловіе *Александра Тихменева*, стр. 3—34. Записки Импер. Академіи Наукъ, т. IV, Протоколы, стр. 80—81: Записка *П. П. Пекарскаго*; „Приложенія къ протоколамъ", стр. 98—100: „О первомъ опытѣ перевода Герберштейна на русскій языкъ", *И. Билярскаго*; стр. 245—264: „Объ изданіи Герберштейна съ русскимъ переводомъ и объясненіями", *М. Прахова*.

IX.

Взглядъ Герберштейна на сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи.—Лица, которыя сообщали извѣстія автору Записокъ о Московіи.—Какъ онъ собиралъ извѣстія о ней.—Письменные историческіе памятники, которыми онъ пользовался.—Его критическіе пріемы. — Содержаніе Записокъ о Московіи. — Изданія ихъ и переводы. — Писатели, которые пользовались ими, какъ источникомъ.— Свидѣтельства о нихъ Поссевина и Курбскаго.—Первый, по времени, переводъ Записокъ о Московіи на Русскій языкъ.

Значеніе иностранныхъ сочиненій о Россіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. могло быть оцѣнено Герберштейномъ болѣе или менѣе вѣрно, послѣ того какъ имъ самимъ были собраны о ней обстоятельныя свѣдѣнія. Оцѣнка эта не могла не привести его къ убѣжденію въ томъ, что собранныя имъ, по большей части достовѣрныя данныя заслуживаютъ быть обработанными и изданными въ свѣтъ. „Хотя многіе“, говоритъ онъ, „писали о Московіи, однако большая часть писала по чужимъ разсказамъ: изъ древнѣйшихъ Николай Кузанъ, а въ наше время Павелъ Іовій (котораго я называю, по причинѣ его учености и чрезвычайной любви ко мнѣ) писалъ весьма изящно и съ великой вѣрностію (ибо онъ пользовался толкователемъ весьма свѣдующимъ—interprete locupletissimo), также Іоаннъ Фабръ и Антоній Бидъ, оставившіе карты и записки. Нѣкоторые же, не имѣя цѣлію описывать Московію, касались ея при описаніи странъ, ближайшихъ къ ней, таковы: Олай Готъ въ описаніи Швеціи, Матвѣй Мѣховскій, Альбертъ Кампенскій и Мюнстеръ; однако, они ни мало не отклонили меня отъ намѣренія писать, какъ потому, что я былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, такъ и потому, что я нѣкоторыя изѣстія (nonnulla) почерпнулъ изъ источниковъ, достойныхъ вѣроятія, имѣя ихъ у себя; наконецъ потому, что я со многими лицами разсуждалъ объ этихъ дѣлахъ при всякомъ случаѣ. Въ слѣдствіе этого я почиталъ иногда нужнымъ излагать подробнѣе и многорѣчивѣе (да не оскорбится кто моими словами) то, что другими скорѣе замѣчено было какъ-бы мимоходомъ, чѣмъ основательно изъяснено.

При томъ я описываю и то, чего другіе не касались и что могло быть извѣстно только послу" [1]).

Нельзя не признать эти слова справедливыми. Значительнѣйшая часть фактическихъ данныхъ въ Запискахъ о Московіи добыты авторомъ самостоятельно, а не заимствованы имъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, сообщавшихъ свѣдѣнія о Россіи [2]). Общія замѣчанія автора о состояніи Московскаго государства и о характерѣ русскаго народа также представляютъ результатъ его личныхъ наблюденій. Признавая вполнѣ самостоятельнымъ трудъ Герберштейна, нельзя однако отрицать, что иностранныя сочиненія о Россіи, о которыхъ онъ упоминаетъ, имѣли вліяніе на него. Сопоставленіе разпорѣ-

---

[1]) R. M. C., a 2 (р. п., 3—4). О сочиненіяхъ тѣхъ писателей, о которыхъ упоминаетъ Герберштейнъ см. „Vergleichung des ältrn und neuern Russlandes" von *C. Meiners,* I B., Leipzig, 1798, стр. 4—12; S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 314—316. Его-же: Kr. lit. Ueb. d. Reis. in Russ., I, 142—143, 179—181. Сборн., изд. студ. С. Пб. Ун., в. 1, стр. 86. Ист. гос. росс., *Карамзина,* VII, пр. 384. „Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи въ XVI в.", Древняя и Новая Россія, 1875 г., № 12, гл. X, стр. 320—327: „Сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи съ XV в. до перваго изданія Записокъ о Московіи"; „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи Себастіана Мюнстера", Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, стр. 69—71, 76—78.

[2]) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній встрѣчаются въ сочиненіяхъ, которыми пользовался Герберштейнъ. Но отсюда было-бы несправедливо дѣлать заключеніе о заимствованіяхъ, такъ какъ замѣчанія автора Записокъ о Московіи основаны на данныхъ, имъ самимъ собранныхъ. *Альбертъ Кампенскій*: „Никто изъ Московитянъ не смѣетъ въ чемъ-либо противорѣчить (d'aprir la bocca) волѣ государя, и сей послѣдній властенъ даже переводить ихъ съ мѣста на мѣсто и назначать имъ жительство, по своему усмотрѣнію". Библ. ин. писат. о Россіи, т. I, стр. 70 (р. п., 32). *Фабръ*: что имъ свойственно и въ высокой степени похвально—это то, „что всякій изъ нихъ, какъ бы ни былъ знаменитъ, богатъ и силенъ, будучи потребованъ великимъ княземъ, хотя бы то было чрезъ самаго послѣдняго гонца, тотчасъ летитъ къ своему государю и исполняетъ всѣ царскія повелѣнія, какъ повелѣнія Божіи, хотя-бы онѣ были сопряжены съ потерею жизни и опасностью". *Fabri* Moscovitarum Religio, стр. 4, по изд. *Старчевскаго* 1841 г. (по изд. 1600 г., „R. M. auctores varii", стр. 132, строки 27—33), (р. п., 297). *Герберштейнъ:* „Онъ (великій князь) имѣетъ власть, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей". R. M. C., 15 B (р. п., 28). Ср. также замѣчанія о благочестіи Московитянъ и о томъ, что великій князь часто ведетъ войны, въ соч. Альберта Кампенскаго 70—71, 69 (р. п., 34 — 35, 32), Фабра 5 — 6, 12, и Герберштейна, R. M. C., 46, 49 (р. п., 72, 76).

чивыхъ извѣстій о Россіи, которыя Герберштейнъ находилъ въ этихъ сочиненіяхъ, способствовало осторожному, критическому отношенію его къ тому, что имъ самимъ было собрано.

Записки о Московіи онъ посвятилъ императору Фердинанду, который, узнавъ о его намѣреніи составить описаніе Московскаго государства, совѣтовалъ ему не оставлять этого намѣренія и окончить задуманный имъ трудъ, и самъ Герберштейнъ находилъ наиболѣе необходимымъ и своевременнымъ описать именно это государство потому, что оно представляло весьма много особенностей сравнительно съ государствами западно-европейскими, а между тѣмъ было весьма мало извѣстно.

Приступая къ его описанію, онъ, по собственному свидѣтельству, всего болѣе надѣялся на два обстоятельства: на тщательность своего изслѣдованія и на опытность въ языкѣ Славянскомъ. Будучи два раза въ Россіи, въ качествѣ посла, и оставаясь въ ней каждый разъ довольно долго, онъ старался собирать свѣдѣнія отъ людей бывалыхъ или достойныхъ довѣрія. О нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ онъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ.

Дьякъ Иванъ и пристава Ѳедоръ и Захарій Долматовы подтвердили справедливость общей молвы о ближнемъ дьякѣ великаго князя Василіѣ Третьякѣ Долматовѣ. Великій князь назначилъ его посломъ къ цезарю Максимиліану и велѣлъ готовиться въ путь. Третьякъ сталъ говорить, что у него нѣтъ денегъ на дорогу. Его тотчасъ схватили, увезли въ Бѣлоозеро и заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ.

Услышавъ, что великій князь отъ своихъ пословъ князя Ивана Ярославскаго и дьяка Семена Трофимова велѣлъ отобрать подарки, данные имъ Карломъ V и эрцгерцогомъ Фердинандомъ, Герберштейнъ спрашивалъ пословъ: справедливо-ли это? Одинъ изъ нихъ, „боясь унизить своего князя", постоянно отрицалъ этотъ слухъ; другой говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ царскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. Потомъ, когда Герберштейнъ весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ посѣщать его. Придворные не отвергали этого факта, возражая: „Такъ что-же? если князь вознаградитъ ихъ другою милостью"?

Отъ князя Семена Ѳедоровича Курбскаго Герберштейнъ узналъ подробности о походѣ его въ область р. Печоры; отъ толмачей Гри-

горія Истомы, Димитрія Герасимова и Власія—о плаваніи ихъ по Сѣверному океану, во время путешествія въ Норвегію [3]).

Съ Юріемъ Малымъ авторъ Записокъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Между прочимъ имъ записаны любопытные доводы Юрія, приведенные имъ во время переговоровъ въ 1517 г., для доказательства того, что великій князь московскій имѣетъ право на великое княжество Литовское, королевство Польское и проч. Изъ области Югорской, подвластной великому князю, говорилъ Юрій, вышли Югары (Венгры). Сначала они поселились у Меотійскихъ болотъ, потомъ заняли Паннонію на Дунаѣ, отчего она и получила имя Гунгаріи; затѣмъ—Моравію, получившую названіе по рѣкѣ, и Польшу, названіе которой происходитъ отъ слова поле. Буда названа по имени брата Аттилы. Изъ Югаріи, замѣчаетъ авторъ Записокъ, „вышли нѣкогда Венгры, заняли Паннонію и, подъ предводительствомъ Аттилы, покорили многія области Европы. Московиты очень гордятся именемъ Югаріи, потому что ихъ подданные нѣкогда опустошили большую часть Европы“ [4]).

О походѣ Русскихъ подъ Казань въ 1524 г. Герберштейнъ слышалъ отъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ походѣ. Подробности о сраженіи при Оршѣ не были-ли сообщены автору Записокъ Иваномъ Челядинымъ, предводителемъ московскаго войска [5])?

Герберштейнъ не только пользовался случаемъ, но и самъ предпринималъ поиски для собранія извѣстій о Россіи. Такъ, онъ съ трудомъ досталъ описаніе обряда вѣнчанія князя на царство. Передавъ извѣстія о Югарахъ, Герберштейнъ замѣчаетъ: „Говорятъ, что Югары до сихъ поръ употребляютъ одинъ языкъ съ Венграми; правда-ли это? не знаю.—Ибо, не смотря на мои старательные поиски, не на-

---

3) R. M. C., a 2 (р. п., 2—3); ad lectorem (5); 14 C—15 B (27—28); 79 A (120), 117—119 (174—177).

4) Тамъ же, 85 C—86 A (р. п., 130). Съ разсказами русскихъ грамотныхъ людей о Югрѣ нельзя не сопоставить замѣчаніе Димитрія Герасимова о томъ, что Русскіе участвовали въ походѣ Готовъ (Библ. ин. писат. о Россіи, т. I, соч. *Іовія* 67; р. п., 32). Эти разсказы, вѣроятно явившіеся въ то время, когда Москва стала прочнымъ государственнымъ центромъ Русской земли, заслуживаютъ вниманія; въ нихъ высказывается желаніе указать на всемірное значеніе русской народности.

5) R. M. C., 98 A (р. п., 148—149); 12 C—13 C (24—25).

шлось ни одного человѣка изъ этой страны, съ которымъ могъ-бы поговорить мой слуга, знающій по Венгерски“ [6]).

Герберштейнъ не ограничивался только собраніемъ свѣдѣній о современномъ ему состояніи Московской Руси; онъ изучалъ ея исторію по письменнымъ памятникамъ. Въ своихъ Запискахъ онъ изложилъ очеркъ исторіи Руси съ древнѣйшаго времени, составленный имъ по лѣтописямъ; отсюда-же извлекъ любопытныя извѣстія о Татарахъ и представилъ въ переводѣ и въ извлеченіи нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ русской письменности. Для изученія ихъ трудъ его имѣетъ важное значеніе въ русской исторической наукѣ, какъ потому, что въ его переводѣ, правда, не всегда точномъ и вѣрномъ, встрѣчаются замѣчательныя объясненія словъ и выраженій древне-русскаго языка, такъ и потому, что съ содержаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ, не дошедшихъ до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ, мы знакомы только по тѣмъ выпискамъ, которыя находятся въ его сочиненіи. Переводъ древнихъ русскихъ памятниковъ и литературныхъ, и юридическихъ на языки Латинскій и Нѣмецкій — явленіе, безспорно, замѣчательное. Оно составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей произведенія Герберштейна въ ряду иностранныхъ сочиненій о Россіи въ XVI и XVII вв.

Чинъ вѣнчанія на царство Дмитрія, внука Іоанна III, посланіе митрополита Іоанна II къ папѣ Клименту III (XI в.), правила митрополита Іоанна II (XI в.), вопросы черноризца Кирика (XII в.) и русскій дорожникъ, въ которомъ содержалось описаніе пути въ Печору, Югру и къ рѣкѣ Оби (не ранѣе XV в.)—вотъ тѣ памятники русской письменности, которые были переведены авторомъ Записокъ. Изъ устава Варлаама, игумена Хутынскаго монастыря, извлечены только главныя положенія объ избраніи игумена; изъ церковнаго устава св. Владиміра и Судебника Іоанна III приведены нѣкоторыя статьи [7]).

---

[6]) R. M. C., 19 A (p. п., 33); 82 C—86 A (130). Можетъ быть извѣстія Матвѣя Мѣховскаго побудили Герберштейна обратить вниманіе на родство Венгровъ съ Югарами. *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Hij об.

[7]) R. M. C., 2 B — 2 C (p. п., 9 — 10): 86 C (132); 19 A — 21 C (33 — 36), 30 C — 37 B (49 — 59); 80 C — 83 B (122 — 126): „Hactenus quaecunque retuli, ex oblato itinerario Ruthenico, a me ad uerbum traducta sunt“... 28 A—B (45—46), 45 B—C (71), 52 C—53 C (81—83). См. Сборн., изд.

Почему Герберштейнъ считалъ необходимымъ ближе ознакомить своихъ читателей именно съ тѣми памятниками, которые поименованы, и почему онъ предпочелъ именно эти памятники тѣмъ, которые, вѣроятно, были ему извѣстны—можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено. Вѣнчаніе Димитрія на царство было явленіемъ новымъ и выдающимся въ исторіи Московской Руси. Оно было знаменіемъ новаго порядка вещей, яснымъ, осязательнымъ для посторонняго наблюдателя выраженіемъ новой идеи о верховной власти московскаго государя. Посланіе митрополита Іоанна II, написанное въ любопытную эпоху борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII и отличающееся „столько же кроткою любовью, сколько твердымъ знаніемъ христіанской правды“, правила митрополита Іоанна II, вопросы Кирика и отвѣты святаго Нифонта, епископа новгородскаго, показывающіе „свѣтлое разумѣніе духа христіанскаго“ и введенные въ составъ Кормчей, какъ прекрасный опытъ русскаго церковнаго законодательства [8]), уставъ Варлаама и уставъ св. Владиміра, впервые опредѣлившій особенности русскаго церковнаго строя—всѣ эти произведенія давали обильный матеріалъ для непосредственнаго изученія уставовъ, обрядовъ и отличій Восточной церкви отъ Западной. Дорожникъ, переведенный авторомъ Записокъ, заключалъ въ себѣ совершенно новыя географическія свѣдѣнія о странахъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ Западной Европѣ. Судебникъ былъ первымъ сводомъ законовъ, имѣвшихъ оффиціальное значеніе для всей Руси Московской.

студ. С.-Пб. Ун., в. 1, стр. 69—83. Объ уставѣ Хутынскаго Варлаамскаго монастыря см. Ист. росс. іерар., ч. 6, стр. 618. Археол. описаніе церк. древн. въ Новгородѣ, архим. *Макарія*, ч. 1 стр. 439, пр. 96. Церковное правило митр. Іоанна напечатано въ Русс. Достоп., I, М. 1815, стр. 89 и сл., и въ Ист. русс. церкви, еп. *Макарія*, т. II, С.-Пб. 1857, стр. 345—352; въ Русс. Истор. Библ., изд. Археографическою Коммиссіею, т. VI, № 1, стр. I и сл. О вопросахъ Кирика см. у *Макарія* т. III, стр. 184—197; Русс. Истор. Библ., VI, № 2, стр. 21 и сл. *Рушинскій* въ своемъ соч. „Религіозный бытъ Русскихъ, по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII в.“, стр. 307—308, выписалъ изъ Записокъ о Московіи тѣ правила Кирика, которыхъ нѣтъ у преосв. Макарія. Объ уставѣ св. Владиміра, приведенномъ въ Запискахъ о Московіи, см. у Рущинскаго, стр. 145—146; Полн. собр. соч. *К. А. Неволина*, т. 6, стр. 277—288. О нѣкоторыхъ статьяхъ Судебника, переведенныхъ Герберштейномъ, см. въ Христоматіи по исторіи русс. права, *М. Владимірскаго-Буданова*, Ярославль, 1873, в. 2, стр. 69, пр. 8: изъ словъ Герберштейна можно вывести правильное понятіе о „вязчемъ“. См. ib., пр. 12, 13, 20, 22, 39.

[8]) Обзоръ русс. дух. лит., арх. *Филарета*, стр. 22, 49—50.

Ревностно заботясь о томъ, чтобы собрать какъ можно болѣе свѣдѣній о Россіи, Герберштейнъ старался повѣрять собираемыя имъ данныя. Вотъ почему извѣстія, находящіяся въ Запискахъ, отличаются наибольшею степенью достовѣрности сравнительно съ тѣми, которыя находятся въ другихъ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московской Руси. „Не довольствуясь“, говоритъ авторъ, „свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ, я полагался только на согласное мнѣніе многихъ“. Мнѣнія многихъ, конечно, не всегда оказывались вѣрными; но и въ этомъ случаѣ онѣ заслуживаютъ вниманія [9]), и исторической критикѣ необходимо не только опредѣлить степень достовѣрности тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ Запискахъ о Московіи, но и объяснить, по возможности, происхожденіе нѣкоторыхъ не достовѣрныхъ извѣстій.

Передавая извѣстія сомнительныя, Герберштейнъ не рѣдко указываетъ на ихъ источникъ и приводитъ разнорѣчивыя показанія современниковъ. Такъ, онъ приводитъ любопытныя свидѣтельства о Соломоніи. Одни утверждали, что она, послѣ развода съ Василіемъ, родила сына, именемъ Георгія, и никому не хотѣла показывать ребенка; другіе отрицали справедливость этого слуха.

Извѣстія о несчастной судьбѣ митрополита Варлаама и Максима Грека авторъ Записокъ не выдаетъ за достовѣрныя; о причинахъ заключенія Василья Шемячича—передаетъ различные разсказы современниковъ. Показанія Истомы, Власія и Димитрія Герасимова о пути въ Норвегію черезъ Сѣверный океанъ авторъ Записокъ сопоставляетъ вмѣстѣ, съ цѣлью извлечь изъ этихъ показаній болѣе достовѣрныя данныя [10]).

Не всегда Герберштейнъ былъ вѣренъ своимъ критическимъ пріемамъ, и въ сочиненіи его встрѣчаются и неточности, и ошибки, и даже извѣстія, которыя, по видимому, въ немъ самомъ могли-бы возбудить сомнѣніе, между тѣмъ онъ не указываетъ на источникъ ихъ. Такъ, онъ говоритъ, что Иванъ III женщинамъ былъ до того страшенъ, что если какая-нибудь случайно попадалась ему на встрѣчу, то отъ взгляда его едва не лишалась жизни [11]).

---

[9]) R. M. C., ad lectorem (р. п., 5), 43 A (67): „по мнѣнію многихъ“, напримѣръ, Максимъ Грекъ въ княженіи Василія III былъ утопленъ.

[10]) Тамъ же, 26 A—B (р. п., 42), 27 C (45); 43 A (67); 69 A—70 A (106—107); 118 B—119 A (176—177).

[11]) Тамъ же, 11 B (р. п., 21). Въ изд. 1557 г. Cij об. „den weibern ist er

Недостатками въ пріемахъ изученія, которые вообще въ XVI в. не имѣли еще никакихъ твердыхъ научныхъ основаній, отчасти объясняются взгляды автора Записокъ о Московіи на отношенія Русскихъ къ своимъ государямъ и на русскій народъ. Эти взгляды невѣрны и односторонни; подъ вліяніемъ ихъ и нѣкоторыя частныя явленія русской жизни объяснены Герберштейномъ невѣрно.

Порядокъ изложенія въ Запискахъ о Московіи слѣдующій: послѣ посвященія Фердинанду и „нѣсколькихъ словъ“ къ читателю, авторъ разсказываетъ исторію Россіи со времени призванія Рюрика до правленія Елены, приводитъ описаніе обряда вѣнчанія князя на царство и родословныя князей литовскихъ и королей польскихъ. Особенно замѣчательны извѣстія, относящіяся ко времени княженія Василія III. Отъ исторіи авторъ переходитъ къ описанію внутренняго состоянія Московскаго государства, подробно говоритъ о религіи, затѣмъ о бракѣ, о положеніи женщины, о войскѣ, объ одеждѣ, о законахъ, о томъ, какіе обычаи соблюдаются при пріемѣ гостя, о почтахъ, о монетѣ и о торговлѣ. Затѣмъ слѣдуетъ „хорографія“ Московскаго государства, которая занимаетъ наиболѣе значительную часть всего сочиненія. Этотъ отдѣлъ представляетъ обстоятельное географическое описаніе Московскаго государства и заключаетъ въ себѣ замѣчательныя историческія свѣдѣнія о русскихъ городахъ и Татарахъ. О нихъ и объ ихъ происхожденіи, замѣчаетъ Герберштейнъ, „кромѣ того, что заключается въ польскихъ лѣтописяхъ и книжкахъ о двухъ Сарматіяхъ, много писано въ разныхъ мѣстахъ; повторять это здѣсь болѣе скучно, чѣмъ полезно. Что-же узнано мною изъ русскихъ лѣтописей и разсказовъ многихъ людей, объ этомъ нахожу нужнымъ сказать вкратцѣ“ [12]). Послѣдній отдѣлъ посвященъ разсказу о пріемѣ и обхожденіи съ послами. Здѣсь-же замѣчательный для исторической географіи перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ, черезъ которыя проѣзжалъ Герберштейнъ.

Вообще, по богатству географическихъ, этнографическихъ и историческихъ данныхъ и ихъ достовѣрности, по мѣткимъ замѣчаніямъ объ особенностяхъ русскаго населенія въ различныхъ областяхъ Московскаго

---

so hässig gewest, wann jme die begegnet, sein sy von seinem angesicht jämerlichen erschrocken“.

[12]) R. M. C., 86 C (р. п., 131—132).

государства и инородческихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ его, сочиненіе Герберштейна, какъ источникъ для русской исторіи, безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между иностранными сочиненіями о Россіи въ XVI и въ XVII в.в. По значенію-же Записокъ о Московіи въ европейской литературѣ съ ними не можетъ выдержать сравненія ни одно изъ иностранныхъ сочиненій о Московской Руси, такъ какъ эти записки являются первымъ полнымъ сводомъ обстоятельныхъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій о Восточной Европѣ, собранныхъ человѣкомъ, изучавшимъ не только географію и исторію Россіи, но и судьбу племенъ, имѣвшихъ ближайшее къ ней отношеніе.

Въ западно-европейскомъ обществѣ XVI-го ст. Записки Герберштейна возбудили живѣйшій интересъ и имѣли необыкновенный успѣхъ. Въ этомъ столѣтіи онѣ выдержали шесть изданій на Латинскомъ языкѣ (четыре въ Базелѣ; одно—въ Вѣнѣ; одно—въ Антверпенѣ); пять — на Нѣмецкомъ языкѣ (два — въ Франкфуртѣ; два — въ Базелѣ; одно — въ Вѣнѣ); два — на Итальянскомъ (въ Венеціи). Всѣхъ изданій въ XVI ст., по указаніямъ библіографовъ, было 13. Къ наилучшимъ и наиболѣе замѣчательнымъ относятся два изданія: одно на Латинскомъ языкѣ въ Базелѣ, въ 1556 г.; другое — на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Вѣнѣ, въ 1557 г. Въ предисловіи къ этому изданію Герберштейнъ пишетъ, что его сочиненіе, заслуживъ похвалы отъ многихъ ученыхъ, вскорѣ было переведено на Итальянскій языкъ и также напечатано; по Латыни, исправленное и умноженное, два раза издано въ Базелѣ и распродано на франкфуртской ярмаркѣ, во многихъ экземплярахъ, такъ что его многіе искали, но нигдѣ получить не могли. Поэтому, продолжаетъ онъ, „я, по просьбѣ нѣкоторыхъ друзей, принялся переводить свое сочиненіе на Нѣмецкій языкъ для простыхъ Нѣмцевъ, которые не знаютъ по Латыни, но желаютъ основательно ознакомиться съ этимъ предметомъ“.

Отрывки изъ сочиненія Герберштейна о Россіи были переведены въ XVI и XVII ст. на языки Чешскій и Голландскій, и оно было извѣстно многимъ иностраннымъ писателямъ, начиная со второй половины XVI ст. до начала XVIII ст., какъ напр., Антонію Поссевину, Петрею, Олеарію, Майербергу, Седербергу. Оно служило также источникомъ для реляцій Ботеро. Любопытны слѣдующія слова Антонія Поссевина: „Сигизмундъ Герберштейнъ книги великія написалъ

о рѣчахъ и обычаяхъ московскихъ, которыя книги мало не у всѣхъ есть".

Описаніе Россіи въ космографіи, относящейся, какъ полагаютъ, къ концу XVI или къ началу XVII в., переведенной, вѣроятно, съ Латинскаго на Русскій языкъ и извѣстной по русскимъ рукописямъ XVII в., „исключительно составлено" по Запискамъ о Московіи. О нихъ составитель космографіи говоритъ, какъ о сочиненіи извѣстномъ: „Русія царя и великаго князя московскаго царство... котораго всѣ земли... описуетъ Зигмунтъ отъ Герберстану, къ которому читателя отсылаемъ, съ котораго Зигмунта книги взяли есмя не много о вѣрѣ жильцовъ того государства Московскаго, и о чину ихъ, и о образу житія ихъ" [13]). Сочиненіе Герберштейна о Россіи было извѣстно Курбскому. Въ своей „Исторіи князя великаго московскаго" онъ говоритъ, что великаго князя Василія III за разводъ съ Соломоніей порицалъ изъ духовныхъ лицъ „пустынникъ" Вассіанъ, уподобившійся ревностью Іоанну Крестителю; „а отъ мірскихъ сигклитовъ возбранялъ ему (великому князю) Семенъ, реченный Курбскій, съ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, о немъ же и о святомъ жительствѣ его не токмо тамо Русская земля вѣдома, но и Герберштейнъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуетъ, юже Латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ".

---

[13]) Объ изданіяхъ Записокъ о Московіи см. S. Fr. v. H. v. *Adelung*, 317—369. Сборн., изд. студ. С.-Пб. Ун., в. 1, Прил., ст. *Тихменева*, стр. 10—34. S. v. H. r. Dr. *Krones*, 63—72. „Объ изданіи Герберштейна съ русс. переводомъ и объясненіями", ст. *М. Прахова*, Зап. Ак. Наукъ, т. IV, стр. 245—264. Предисловіе къ изд. 1557 г. см. въ Сборникѣ С.-Пб. Ун., в. 1, стр. 16 (Moscovia, 1557 г., Aij об.), 26—28 (о переводахъ на яз. Чешскій и Голландскій). Kr. lit. Ueb. d. Reis. in Russ. v. *Adelung*, I, 334. Hist. ruth. scrip. exteri, изд. Старчевскаго, *Antonius Possevinus:* De Moscovia, II, 293: „Et vera sunt, et antiquum obtinent, quae scripsit Herbersteinus de ratione, qua Moscus externorum Principum legatos excipit". Памят. дипл. снош., X, 318. *Карамзинъ*, IX, пр. 803: „Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича уже не было поединковъ. Одинъ Петрей говоритъ объ нихъ, выписывая изъ Герберштейна безъ толку". Соч. *Олеарія*, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 2, стр. 154, 217; по изд. Москов. Общ. Ист. и Древн., III, 119, 212. Соч. *Майерберга*, Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1873, кн. 3, стр. 100. Соч. *Седерберга*, ib., 1873, кн. 2, отд. IV, стр. 3, 9. „Государствовѣдѣніе Сансовино и всемірныя реляціи *Ботеро*", *Э. Вредена*, С.-Пб. 1866, стр. 57, пр. 1; стр. 58, 60 и др. Relationi universali *Giouanni Botero*, 1596 г., стр. 99. Обзоръ хроногр. русс. редакціи, *А. Попова*, в. 2, стр. 218—219. „Изборникъ", 476, 502—503.

Дѣйствительно Герберштейнъ говоритъ, что князь Симеонъ Ѳедоровичъ отъ Курбы, своей вотчины, прозывающійся Курбскимъ, былъ „человѣкъ старый и сильно изнуренный необыкновенно воздержною и суровою жизнью, которую велъ съ молодыхъ лѣтъ. Въ продолженіе многихъ годовъ онъ не употреблялъ въ пищу мяса и питался рыбою только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ посту воздерживался даже и отъ рыбы“. Записки о Московіи были въ первый разъ переведены на Русскій языкъ въ 1748 г. старшимъ переводчикомъ Академіи Наукъ Киріякомъ Кондратовичемъ. Донося объ этомъ Академіи, онъ, между прочимъ, покорнѣйше просилъ „переведенную книгу приказать въ сокровенномъ мѣстѣ хранить, ради многихъ содержащихся въ оной секретовъ“ [14]).

X.

Географическія открытія въ концѣ XV в. Значеніе древней географіи въ западно-европейской литературѣ XV—XVI в. Замѣчанія о сочиненіяхъ Птоломея, Страбона и Плинія. Особенности, пріемы и недостатки въ историко-географическихъ сочиненіяхъ о Восточной Европѣ. Извѣстія Матвѣя Мѣховскаго и Іовія. Модоки-Москвитяне. Жертвенники Александра Великаго. Пигмеи. Сомнѣнія иностранцевъ въ достовѣрности древнихъ извѣстій о Востокѣ. Споръ о Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ. Главное научное богатство географической литературы XVI в. Сочиненіе Себастіана Мюнстера. Общія замѣчанія о состояніи географической науки въ XVI в.

Вторая половина XV в. была ознаменована великими географическими открытіями, которыя наука объясняетъ не одною только счастливою случайностію. Онѣ были въ извѣстной степени слѣдствіемъ успѣховъ космическихъ знаній въ предшествовавшія эпохи, событіемъ, которое было звеномъ въ непрерывной цѣпи другихъ событій, и потому эти открытія пріобрѣли очень важное значеніе въ исторіи, повели къ другимъ важнымъ открытіямъ въ XVI в. и оказали могущественное вліяніе на развитіе наукъ біологическихъ. Съ этого времени и географическая наука быстро обогащается новыми свѣдѣніями и наблюденіями; задачею ея изученія становится не только

---

14) Сказ. кн. Курбскаго, С.-Пб. 1868, стр. 5. К. М. С., 79 А (р. н., 120). Зап. Ак. Наукъ, т. IV, стр. 98.

устройство поверхности въ континентальной, но и въ водной части земнаго шара. Сравненіе же физическихъ явленій въ той и другой части наводило ученыхъ наблюдателей на важныя научныя соображенія.

Вообще значеніе открытій XV и XVI в. въ исторіи землевѣдѣнія не можетъ быть опредѣлено только ближайшими слѣдствіями; слѣды вліянія этого событія обозначаются и въ самыя отдаленныя отъ него времена. Съ эпохи Колумба, замѣчаетъ Александръ Гумбольдтъ, „разсѣянные образы чувственныхъ созерцаній, не смотря на ихъ обиліе и разнообразіе, постепенно начали сливаться въ одно конкретное цѣлое, земная жизнь стала понятной въ ея общности: это было плодомъ дѣйствительнаго наблюденія, а не однихъ какихъ нибудь предчувствій, носящихся въ измѣнчивыхъ образахъ передъ фантазіей“ [1]).

Основаніемъ космографіи, какъ называли въ XVI в. науку, въ настоящее время называемую географіей или правильнѣе землевѣдѣніемъ, служили произведенія географовъ классической древности, изученіемъ которой вообще знаменуется эпоха возрожденія. Въ XVI в. эти произведенія, сдѣлавшіяся, благодаря книгопечатанію, общимъ достояніемъ, пользовались великимъ авторитетомъ и въ школѣ, и въ

---

[1]) Взглядъ на географическія открытія въ XV и XVI в., какъ на явленія не случайныя, а находившіяся въ тѣснѣйшей связи съ исторіею развитія научныхъ знаній и изобрѣтеній, былъ высказанъ и доказанъ знаменитымъ ученымъ нашего вѣка, *Александромъ Гумбольдтомъ*. См. Kosmos, 1847, Stutgart und Tübingen, 2 B., s. 268, 277, 300. Перев. съ нѣмецк. *Н. Фролова*, ч. 2, М. 1862, гл. VI, стр. 240: „Эпоха Колумба не могла бы съ такой скоростью исполнить назначеніе судебъ своихъ, если бы плодотворныя сѣмена не были уже брошены рядомъ высокоодаренныхъ мужей, которые, подобно свѣтлымъ метеорамъ, проходили сквозь всѣ мрачные Средніе вѣка. Одинъ изъ этихъ вѣковъ, тринадцатый, соединялъ въ себѣ Рожера Бекона, Николая Скотта, Альберта Великаго, Винцентія изъ Бове“. Ср. стр. 249, 275. Gesch. d. Geographie v. *Löwenberg*, Berlin, 1866, s. 143.

Для географическихъ открытій XV в. важно было не только изобрѣтеніе компаса, но и астролябія, который можно было употреблять на корабляхъ. Gesch. der Erdkunde und Entdeckungen v. *Carl Ritter*, Berlin, 1861, стр. 254—255; р. п. подъ редакціею *Н. Бакста*, С.Пб., 1864, стр. 199—200. О наблюденіяхъ въ Новомъ свѣтѣ см. весьма замѣчательное соч. Gesch. der Erdkunde von *Oscar Peschel*, München 1865, s. 396, 398. Отзывъ объ этомъ сочиненіи *Н. В. Ханыкова* въ его Введеніи къ книгѣ „Иранъ“, *К. Риттера*, ч. 1, С.Пб., 1874, стр. III. О значеніи географическихъ открытій въ XV в. см. Космосъ, ч. 2, стр. 240, 272—273.

ученой литературѣ, и въ средѣ людей образованныхъ; географами и путешественниками онѣ были тщательно изучаемы и служили пособіями и для преподаванія въ высшихъ школахъ, и для составленія описанія странъ, извѣстныхъ Греко-Римскому міру. Таковое значеніе древней географіи вполнѣ оправдывается тѣмъ вліяніемъ, какое она оказала на успѣхи землевѣдѣнія въ XVI в. Правда, въ этомъ вліяніи были не однѣ только положительныя стороны. Ошибки и баснословія древнихъ писателей, благодаря благоговѣнію передъ ихъ авторитетомъ, долго держались. Но эти отрицательныя стороны блѣднѣютъ передъ положительными сторонами этого несомнѣнно благотворнаго вліянія.

Древняя географія способствовала установленію общихъ и болѣе точныхъ пріемовъ въ изученіи; она давала драгоцѣнный историческій матеріалъ, который могъ служить основою для изысканій, и каждый путешественникъ, знакомый съ древними извѣстіями, имѣлъ, такъ сказать, точки опоры для собранія новыхъ данныхъ о странахъ Стараго свѣта. Во многомъ между собою несогласныя и часто противорѣчивыя догадки, предположенія и взгляды древнихъ на міръ возбуждали и поддерживали духъ изслѣдовательности и могли наводить на новыя мысли и обобщенія въ области знаній космическихъ. Припомнимъ, что Копернику, теорія котораго послужила началомъ величайшаго переворота въ исторіи міровоззрѣній человѣка, были извѣстны впервые высказанныя въ эпоху классическую догадки о движеніи нѣкоторыхъ планетъ вокругъ солнца и вращенія земли вокругъ оси.

Изъ сочиненій географовъ древняго міра наиболѣе важное значеніе въ литературѣ XV и XVI в. имѣло сочиненіе Птоломея, знаменитаго ученаго, жившаго во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Географія его представляетъ систематическій списокъ названій мѣстъ съ опредѣленіями ихъ по долготѣ и широтѣ, списокъ, „весьма богатый содержаніемъ“, изъ ряда другихъ дошедшихъ до насъ географическихъ трудовъ древняго міра особенно выдающійся богатствомъ свѣдѣній о дальнихъ странахъ Стараго свѣта, изученіе которыхъ для западно-европейскаго общества именно съ XV в. сдѣлалось наиболѣе доступнымъ.

Въ началѣ этого столѣтія географія Птоломея была переведена съ Греческаго языка на Латинскій Яковомъ Ангело; а въ 1475 году

этотъ переводъ напечатанъ въ Вичендѣ. Черезъ три года послѣдовало новое изданіе ея съ приложеніемъ картъ, гравированныхъ на мѣди. Съ этого времени, по замѣчанію французскаго ученаго географа Vivien de Saint Martin, перестали дѣлать изображенія планисферическія безъ раздѣленія на градусы и, такимъ образомъ, послѣ тысячи лѣтъ забвенія, возвратились къ картамъ, черченіе которыхъ было основано на началахъ математическихъ. Въ XVI ст. сочиненіе Птоломея имѣло болѣе 20-ти изданій.

Въ это же время изучали сочиненія Страбона, Плинія, Помпонія Мелы и др. Страбонъ въ своей географіи, обработкою которой онъ занимался въ началѣ перваго вѣка послѣ Р. Х., многія земли описалъ, какъ очевидецъ. Такъ характеризуетъ его знаменитый географъ Риттеръ: „Положеніе страны, пространство и его раздѣленіе, естественныя произведенія, особенности и различныя явленія природы—не ускользаютъ отъ его вниманія. Во всемъ видѣнъ его весьма здравый и опытный взглядъ. Описывая страну, онъ обращаетъ вниманіе также и на всѣ человѣческія и историческія отношенія, въ особенности на ея обитателей, на народы, ее населяющіе, государства, колоніи, ихъ исторію и древности. Онъ совершенно справедливо говоритъ, что ученый географъ долженъ обращать вниманіе на естественное дѣленіе страны и различія народностей, а не на причудливое и скоропреходящее раздѣленіе ея властителями и политикою. Онъ долженъ указывать на существенное и неизмѣнное и изъ прошедшаго выбирать только то, что представляетъ особенную важность. Оттого произведенія Страбона равно необходимы для естествоиспытателя, географа и историка всѣхъ временъ“.

Трудъ Плинія, „Естественная исторія“ (Historia naturalis), написанный въ первомъ столѣтіи по Р. Х., можетъ быть названъ „энциклопедіею природы и искусства“, всеобщимъ землеописаніемъ. Правда, авторъ далеко не оказался способнымъ совладать съ собраннымъ матеріаломъ, тѣмъ не менѣе, трудъ его занимаетъ видное мѣсто въ исторіи землевѣдѣнія. „Путь, по которому я пойду“, говоритъ онъ, „еще не былъ протоптанъ, не было еще никого между нами, никого между Греками, кто бы одинъ предпринялъ обнять цѣлое (природу) (nemo apud Graecos qui unus omnia tractaverit). Если мое предпріятіе и не удастся, то все-таки отважиться на это—представляетъ нѣчто великое и прекрасное“. Дѣйствительно, Historia naturalis, заключая

въ себѣ множество географическихъ свѣдѣній, была первымъ опытомъ полнаго физическаго міроописанія и потому-то она справедливо можетъ быть названа высоко замѣчательнымъ римскимъ памятникомъ. Въ заключеніи ея высказывается „взглядъ на сравнительную исторію земель различныхъ поясовъ: похвала южной Европѣ, заключенной между естественными границами Средиземнаго моря и Альпійскаго горнаго хребта, наконецъ похвала небу Гесперіи, гдѣ умѣренность и кротость климата могли рано и скоро вывести человѣчество изъ дикаго состоянія“. Замѣчательно, что попытка нарисовать „цѣлостную, великую картину“ явилась въ эпоху римскаго владычества— этой, по словамъ Гумбольдта, „безостановочно соединяющей и сливающей воедино стихіи“, вліяніе которой „должно быть обозначеннымъ въ исторіи міросозерцанія съ особенною обстоятельностію и выразительностію; это вліяніе ощутительно въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ“ [2])...

Отношеніемъ западно-европейской географической литературы XV и XVI в. къ литературѣ греко-римской, послужившей для нея почвою, на которой совершалось дальнѣйшее развитіе ея, объясняется характеристическая особенность историко-географическихъ сочиненій о Восточной Европѣ XV—XVI в. Въ описаніяхъ ея читатель встрѣчаетъ тѣ самыя названія странъ, морей, рѣкъ и возвышенностей, которыя были общеупотребительны въ географіи классической; этой номенклатурѣ, какъ наиболѣе понятной для западно-европейскаго общества, оказывали предпочтеніе передъ русскою и потому иногда удерживали даже тѣ классическія названія, которыя утратили живой смыслъ и давали поводъ къ невѣрнымъ представленіямъ.

Изъ древней географіи заимствовали не одни только названія, но и опредѣленія границъ между Европою и Азіею, и свѣдѣнія о

---

[2]) О Коперникѣ, *Peschel*, 345. О географіи Птоломея и ея изд. въ XVI в. см. Gesch. d. Erdkunde, *Karl Ritter*, 120 (р. п., 98—99). Histoire de la Géographie, *Vivien de Saint Martin*, Paris, 1873, p. 297—298. *Peschel*, 195. Géorg. du moyen age, *Ioachim Lelewel*, t. II, 123—127, 207—209.

О Страбонѣ: *Karl Ritter*, 114—115 (94). Его же: Общее землевѣдѣніе, М., 1864, стр. 158—159. Космосъ, *Ал. Гумбольдта*, II, 222 (199) и сл.; IV, 124. *Peschel*, 70.

О Плиніѣ: Космосъ, II. 230—236 (р. п., 205—210). *Vivien de Saint Martin*, 298. *Plin.* (rec. *Sillig*), vol. I, 8; V, 466.

Опредѣленіе географіи, космографіи и хорографіи см. въ соч. De orbis terrarum situ et compendium, *Georgii Rithaymeri*, Norimbergae, 1538, p. I.

типахъ земныхъ пространствъ, и баснословныя извѣстія о нѣкоторыхъ племенахъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ, по большей части, относились довѣрчиво, что было явленіемъ весьма естественнымъ, такъ какъ требованій исторической критики въ это время не существовало.

Не имѣя никакого цѣльнаго представленія о перемѣнахъ, происходившихъ въ судьбѣ народовъ, обитавшихъ на Востокѣ Европы, въ тотъ періодъ жизни ихъ, который соотвѣтствовалъ средневѣковому на западѣ, ученымъ географамъ и путешественникамъ XV и XVI в. казалось умѣстнымъ и необходимымъ древнѣйшія извѣстія, почерпнутыя ими изъ сочиненій классическихъ, сопоставлять съ новѣйшими, для полноты описанія; отъискивать между ними связь, нисколько не стѣсняясь ни ихъ разновременностію, ни ихъ разномѣстностію. Поэтому неопредѣленныя топографическія указанія древнихъ произвольно пріурочивались къ извѣстной мѣстности, названіе племени, обитавшаго въ Восточной Европѣ въ древности, переносилось на названіе современное; мѣстожительство баснословныхъ людей, о которыхъ разсказывали древніе, было отъискиваемо на дальнемъ сѣверѣ. На всѣ эти промахи и пріемы, точно такъ, какъ и на указанные выше особенности и недостатки, нельзя не смотрѣть, какъ на явленія, до извѣстной степени объясняемыя ходомъ развитія и состояніемъ географическихъ и историческихъ знаній.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій.

Польскій лѣтописецъ Матвѣй Мѣховскій, составившій географическое описаніе Восточной Европы, появившееся въ 1517 году, называетъ ее Сарматіей. „По свѣдѣніямъ, переданнымъ намъ древними“, говоритъ онъ, „существуютъ двѣ Сарматіи: одна въ Европѣ, другая въ Азіи“. На этомъ основаніи и свое сочиненіе Мѣховскій раздѣляетъ на двѣ части: одна посвящена обозрѣнію Сарматіи Азіатской; другая—Европейской [3]).

По мнѣнію Іовія, Птоломей подъ своими Модоками разумѣлъ Москвитянъ; а Татары въ древности назывались Амоксовіями. Баснословное извѣстіе о существованіи жертвенниковъ Александра Великаго на р. Донѣ—Іовій считалъ несомнѣннымъ, вѣроятно, потому, что оно опиралось на авторитетъ древнихъ писателей, было принято Птоломеемъ.

---

[3]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Aiiij (От. Зап., т. XCVII, 1854 г., № 12, отд. II, 141).

Къ сѣверу отъ Лапландцевъ, говоритъ Іовій, „въ странѣ вѣчнаго мрака, по свидѣтельству нѣкоторыхъ достовѣрныхъ лицъ, живутъ Пигмеи, которые въ полномъ возрастѣ своемъ едва превышаютъ нашего десятилѣтняго ребенка; они боязливы, щебечутъ, какъ птицы, и, по строенію тѣла, равно какъ и по свойствамъ своимъ, болѣе похожи на обезьянъ, нежели на обыкновенныхъ людей“. Хотя неизвѣстно — кто эти достовѣрныя лица, сообщившія Іовію разсказъ о Пигмеяхъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть объяснимо помѣщеніе на сѣверѣ этого баснословнаго народа, о которомъ упоминаетъ еще Гомеръ. Съ опредѣленіями мѣстожительства Пигмеевъ происходило въ древности то же, что и съ нѣкоторыми другими географическими опредѣленіями. Онѣ были произвольно измѣняемы, по мѣрѣ того, какъ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ данныхъ эти опредѣленія оказывались невѣрными. Какъ мѣстожительство Амазонокъ всегда назначали въ странѣ, покрытой мракомъ неизвѣстности, такъ то же самое происходило и съ Пигмеями. Ктезій—врачъ при персидскомъ царѣ Артаксерксѣ Мнемонѣ—сообщилъ, что Пигмеи обитаютъ въ Индіи. Позднѣйшіе писатели помѣщали ихъ все далѣе и далѣе на сѣверъ. Когда же въ новѣйшій періодъ европейской исторіи узнали о Лапландіи, Пигмеевъ помѣстили къ сѣверу отъ нея [4]).

---

[4]) Библ. ин. писат. о Россіи, I, 62 (р. п., 22), 67 (32—33), 63 (24), 62 (22), 65 (29). О Модокахъ у *Птоломея*, по изд. проф. *Nobbe*, Lipsiae, 1845, lib. V, cap. 9, § 16. Geogr. d. Gr. u. Römer von *Mannert*, IV, 343. Ср. карту Азіи въ соч. Handbuch der alten Geogr. v. *Albert Forbiger*, 2 B., Leipzig, 1844, стр. 38.

Іоаннъ Ласкій: „Rutheni albi quondam Colchitae dicti, modo vero Moscovitae“. Hist. Russiae Mon., I, 123. По мнѣнію *Фабра*, Москвитяне прежде именовались Роксолапами, изд. 1600 г., стр. 131 (р. п., ч. XXV, стр. 291—292).

На картѣ *Себастіана Кабота*, 1-й половины XVI в.—Modothe gentes. „Les monuments de la géographie“ par *Jomard*, № 66—67.

Извѣстія о жертвенникахъ Александра Вел. находятся также въ соч. *Фоскарина*, Hist. Russ. Mon., I, 146, и *Массы*, изд. Археогр. Ком., 28. *Jomard*, №№ 52, 66—67. *Mannert*, VI, 159: „Die Skythen und Sarmaten haben diese Ehrendenkmale nicht gesetzt. Den Aufschluss giebt warscheinlich der Krieg, welchen zur Zeit des Tiberius der bosporanische Fürst Polemo gegen die Kolonie Tanais führte; und die Flucht des bospor. Fürsten Mithridates zu den ihn unterstützenden Aorsi in die Gegenden der Wolga“. *Ptol.*, V, 9, § 15.

Разсказъ о Пигмеяхъ Іовій, можетъ быть, слышалъ отъ Димитрія Герасимова, который могъ знать о нихъ изъ житія Александра („Александріи“). О спискахъ ея см. соч. *А. Пыпина*: Очеркъ лит. ист. стар. пов. и сказокъ русс., 36—39. О Пигмеяхъ тамъ же, стр. 29. Ср. *Mannert*, V, 14; *Forbiger*, I, 93 и сл. О вліяніи воззрѣній древнихъ географовъ на ученыхъ XVI и XVII в.—*Peschel*, 7, 55, 327, 384—385, 389, 396.

Не смотря на вполнѣ наивное пользованіе и произвольное толкованіе данныхъ классической географіи, ученые и путешественники XV и начала XVI в., собиравшіе свѣдѣнія о Восточной Европѣ, не могли не признавать, что древнія извѣстія о ней скудны и многія изъ нихъ не достовѣрны. Въ описаніи путешествія венеціанца Іосафата Барбаро (XV ст.) замѣчено, что въ твореніяхъ Плинія, Солина, Помпонія Мелы и Геродота заключается много невѣроятнаго. Іовій сознается, что Восточная Европа была „весьма мало" извѣстна Плинію, Страбону и Птоломею.

Мѣховскій доказывалъ, что утвердившееся на основаніи свидѣтельствъ древнихъ географовъ мнѣніе западно-европейскихъ ученыхъ о томъ, что рѣки Двина, Волга, Днѣпръ и Донъ берутъ начало съ горъ Гиперборейскихъ и Рифейскихъ—не вѣрно [5]).

Вообще въ XV и XVI вв. стремленія ученыхъ географовъ и путешественниковъ къ обработкѣ и обнародованію собранныхъ ими непосредственно или изъ вторыхъ рукъ свѣдѣній о малоизвѣстныхъ странахъ вызывались и поддерживались интересами современнаго образованнаго общества къ изученію природы. Ученый итальянецъ Ангіера, находившійся на службѣ при дворѣ Фердинанда-католика и Карла V, въ письмахъ своихъ 1493 и 1494 годовъ, разсказываетъ, что другъ его, извѣстный знатокъ классической литературы Помпоній Лэтусъ, „едва могъ воздержаться отъ радостныхъ слезъ, когда я ему сообщилъ первую вѣсть о столь неожиданномъ происшествіи" (объ открытіи Америки). Я уже не могу болѣе покидать Испаніи", говоритъ Ангіера, „потому что здѣсь я нахожусь у источника извѣстій изъ ново-открытыхъ земель и, какъ историкъ столь великихъ событій, могу доставить моему имени нѣкоторую славу у потомства". Сочиненіе Ангіеры—Oceanica—папа Левъ X читалъ своей сестрѣ и кардиналамъ „до глубокой ночи". Въ XVI вѣкѣ страсть къ путешествіямъ была, можно сказать, знаменіемъ времени, и онѣ предпри-

---

[5]) Библ. ин. писат. о Россіи, I, *Барбаро*, 68 (р. п., 3); *Іовій*, 58 (р. п., 13). *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Dij, 2 об., Giij. об. (От. Зап., 1854, № 12, стр. 140). Библ. ин. писат. о Россіи, I, *Альбертъ Кампенскій*, 68 (р. п., 29).

На картахъ первой половины XVI в. обыкновенно были изображаемы Рифейскія горы. Atlas, composé de mappemondes et de cartes depuis le XI jusqu'au XVII s., *Santarem*, Paris, 1842. См. mappemonde 1489;—de *Ruysch* de 1508; *d'Apianus* de 1520. *Jomard*, №№ 15—16, 66—67.

нимались не съ религіозною цѣлію, а съ тѣмъ, чтобы удовлетворить чувству любознательности.

По мѣрѣ того какъ область географическихъ знаній быстро расширялась, естественно являлась необходимость въ сводѣ этихъ знаній, въ общихъ описаніяхъ земной поверхности и жизни племенъ, на ней обитающихъ. Ученые XVI вѣка не остановились передъ смѣлою попыткою удовлетворить этой необходимости, и географическая литература этого времени обогатилась нѣсколькими подобными описаніями, извѣстными подъ именемъ космографій. Наиболѣе распространенною изъ нихъ была космографія Себастіана Мюнстера, замѣчательнаго не столько своими дарованіями, сколько трудолюбіемъ. Въ продолженіе 18-ти лѣтъ онъ неутомимо занимался собираніемъ и обработкою географическихъ матеріаловъ, доставляемыхъ ему и свѣтскими, и духовными владѣтелями, и магистратами, и учеными, и художниками, и въ 1544 году его знаменитый трудъ, украшенный множествомъ картъ и рисунковъ, былъ изданъ въ Базелѣ. Въ исторіи землевѣдѣнія книга эта имѣетъ важное значеніе, какъ весьма полный сводъ историко-географическихъ и біологическихъ свѣдѣній.

Какъ ни значительны, однако, были успѣхи географической науки въ XVI в., чему, конечно, содѣйствовало современное ей ускоренное движеніе и въ другихъ сферахъ знанія, какъ ни расширился запасъ географическихъ свѣдѣній въ сравненіи съ тѣмъ, какой существовалъ въ эпоху классическую и средневѣковую, землевѣдѣніе въ XVI в. еще продолжало находиться въ томъ періодѣ своего развитія, который можетъ быть справедливо названъ начальнымъ. Не смотря на то, что область ея изученія чрезвычайно расширилась, отъ исторіи она не отдѣлялась никакими ясными гранями. Задачи ея понимались исключительно съ одной только внѣшней стороны, и она была сводомъ не очищенныхъ критикою данныхъ, обыкновенно располагаемыхъ въ извѣстномъ порядкѣ, по внѣшней связи ихъ между собою. Рядомъ съ фактами передавались баснословія, происхожденіе которыхъ иногда скрывалось въ глубокой древности. Ни пріемовъ, ни требованій критическихъ, сколько нибудь обязательныхъ въ ученой литературѣ, не существовало.

Не понимая значенія вертикальныхъ разрѣзовъ поверхности, ученые географы обращали на нихъ очень мало вниманія, и свѣдѣнія о горныхъ системахъ были крайне скудны. Относительно высоты горъ

господствовало тоже неопредѣленное представленіе, какое существовало и въ древности. Себастіанъ Мюнстеръ полагалъ, что нѣкоторыя вершины имѣли въ вышину двѣ или три нѣмецкихъ мили.

Представленія о пространствѣ, занимаемомъ сушею и водою на земной поверхности, были невѣрны. Во второй половинѣ XVI в. утвердилось мнѣніе, что суша занимаетъ такое же пространство, какое занимаетъ вода, и это мнѣніе держалось до второй половины XVIII ст. Распредѣленіе теплоты на земной поверхности не могло подлежать въ XVI в. точнымъ наблюденіямъ, хотя и было обращено вниманіе „на уменьшающуюся вмѣстѣ съ западной долготой теплоту“. Какъ орографія, такъ и гидрографія находились въ младенческомъ состояніи. Опредѣленія ширины рѣкъ, ихъ глубины и скорости теченія даже не входили въ задачи ученыхъ изслѣдователей; необходимость этихъ опредѣленій не была еще сознана.

При собраніи біологическихъ данныхъ ученые путешественники не руководились никакими общими научными соображеніями.

Понятіе о распредѣленіи рода человѣческаго по вѣтвямъ, на основаніи физическихъ особенностей, было совершенно чуждо міросозерцанію XVI в., хотя на эти особенности уже начинали обращать вниманіе. Во второй половинѣ XVI вѣка Англичане открыли сходство между Эскимосами и такъ называемыми Монгольскими народами сѣверо-восточной Азіи.

Область народовѣдѣнія ограничивалась данными относительно земледѣлія, ремеслъ, искусствъ, жизни семейной, политическихъ учрежденій, нравовъ, обычаевъ и религіи. Итальянскіе географы первые стали обращать вниманіе на статистическія данныя [6]).

Таково было состояніе географическихъ знаній въ то время, когда Герберштейнъ собиралъ свѣдѣнія о Россіи и приготовлялъ къ изданію свое сочиненіе о ней.

---

[6]) Объ ученыхъ сочиненіяхъ XV—XVI в., замѣчательныхъ въ исторіи землевѣдѣнія, см. Космосъ, *Ал. Гумбольдта*, ч. II, стр. 299—300 (274—275). *Peschel*, 380—403. *Löwenberg*, 242 244—253 (на стр. 250—253 замѣчательная характеристика Мюнстера). *Vivien de Saint Martin*, 313—400. О Мюнстерѣ см. мое изслѣдованіе въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь.

XI.

Знакомство Герберштейна съ современною ему географическою литературою.—Мнѣніе его о первоначальномъ мѣстожительствѣ Готовъ. — Какія королевства на сѣверѣ разумѣли подъ именемъ Скандіи?—Труды Іоакима Вадіана и Постеля.—Мнѣніе о томъ, что древніе называли Березину Борисѳеномъ.—Географія Птоломея, какъ пособіе, которымъ, вѣроятно, пользовался Герберштейнъ.—Представленія древнихъ объ Азовскомъ морѣ и изображеніе его на картѣ, приложенной къ Запискамъ о Московіи.—Опредѣленіе границы между Европою и Азіею въ классическую эпоху и въ XVI ст. — Замѣчанія фра-Мауро. — Въ какой части свѣта лежитъ Москва?—Иванъ-озеро.—Числовыя данныя въ Запискахъ о Московіи, относительно пространства, занимаемаго озерами. — Модоки и Роксолане.—Особенности географическихъ извѣстій Герберштейна о Московской Руси.—Хорографія Московскаго государства.—Географическія извѣстія о сосѣднихъ и пограничныхъ съ нимъ странахъ и народахъ.

Относительно знакомства Герберштейна съ современною ему географическою литературою есть нѣсколько указаній въ его „Запискахъ“. Въ посвященіи эрцгерцогу Фердинанду Герберштейнъ говоритъ, что Московію описывали или сообщали о ней свѣдѣнія при описаніи странъ, ближайшихъ къ ней, слѣдующія лица: Николай Кузанъ, Антоній Бидъ, Олай Готъ въ описаніи Швеціи, Мюнстеръ (вѣроятно, Себастіанъ Мюнстеръ, въ космографіи котораго есть краткое описаніе Московіи), Альбертъ Кампенскій, Матвѣй Мѣховскій, Іоаннъ Фабръ и Павелъ Іовій. Съ сочиненіями послѣднихъ трехъ авторовъ Герберштейнъ былъ обстоятельно знакомъ. Вѣроятно, ему были хорошо извѣстны и сочиненія другихъ поименованныхъ писателей. Во всякомъ случаѣ, обстоятельный по своему времени перечень лицъ, въ сочиненіяхъ которыхъ находились свѣдѣнія о Московіи, могъ быть сдѣланъ только тѣмъ, кто слѣдилъ за географическою литературою своего времени.

Въ томъ же посвященіи Герберштейнъ, упомянувъ о томъ, что, во время своихъ путешествій въ Данію, Венгрію, Польшу, Италію, Францію и Испанію, онъ „многое осмотрѣлъ не только мимоходомъ, но даже тщательно, что, безъ всякаго сомнѣнія, было бы вполнѣ достойно упоминанія и обнародованія“, замѣчаетъ: „я не хотѣлъ по

святить своего досуга отъ дѣлъ службы на описаніе какихъ либо изъ этихъ предметовъ, отчасти потому, что они прежде были описаны другими ясно и тщательно“.

„О Татарахъ и ихъ происхожденіи“, пишетъ онъ, „кромѣ того, что заключается въ польскихъ лѣтописяхъ и въ книжкахъ о двухъ Сарматіяхъ, много писано въ разныхъ мѣстахъ—повторять это здѣсь болѣе скучно, чѣмъ полезно“.

Объ островѣ Готландѣ замѣчено: „весьма многіе полагали, что изъ него вышли Готы“. Съ этимъ мнѣніемъ авторъ Записокъ не соглашается. Они, замѣчаетъ онъ, вышли изъ Швеціи „и привели въ ужасъ вселенную, какъ [объ этомъ] передали памяти многіе писатели“.

Замѣчанія въ Запискахъ о Скандіи, области, составляющей часть Шведскаго королевства, свидѣтельствуютъ о знакомствѣ автора съ различными мнѣніями писателей о странахъ сѣвера. „Скандія—не островъ, а материкъ... и на длинномъ протяженіи сопредѣльна съ Готіей: доброю частью ея владѣетъ нынѣ король датскій. Впрочемъ, такъ какъ авторы, писавшіе объ этомъ предметѣ, сдѣлали ее больше самой Швеціи и разсказывали, что изъ нея вышли Готы и Лонгобарды, то, по моему мнѣнію, эти три королевства (т. е. Швеція Норвегія и Данія), кажется, разумѣлись какъ нѣчто цѣлое, подъ именемъ одной Скандіи; потому что въ то время часть этой земли между Балтійскимъ моремъ, которое омываетъ Финляндію, и моремъ Ледовитымъ была неизвѣстна; по причинѣ множества болотъ, безчисленныхъ рѣкъ и неблагопріятности климата, она и до сихъ поръ не обработана и мало извѣстна. Отъ того многіе называли этотъ огромной величины островъ однимъ именемъ Скандіи“ [1]).

---

[1]) R. M. C., a 2 (р. п., 3), 86 C (131—132), 114 C (171), 116 B—C (173—174). Cosmographiae universalis lib. VI autore *Sebast. Munstero*, 1550, p. 831—объ островѣ Готландѣ: „Fuerunt hoc loco prima statiua Gothorum, qui Maeotidem occuparunt“. *Олеарій* обстоятельно доказываетъ, что Готы вышли изъ Швеціи; изд. 1663 г., стр. 68 и сл. „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію“, M. 1870, кн. 2, стр. 17. *Seb. Munster*, 814: „Scondiam veteres Latini et Graeci, fere incognitam habuerunt“. *Georgii Rithaymeri:* De orbis terrarum situ compendium, Norimbergae, 1538, p. 31—32: „De Schondia (Scandia) igitur... Scribam ex sententia Ciegleri... Scondia circumscribitur a solis ortu parte Russiae albae, ab occidente Hyperborico oceano, a septentrione terra incognita, a meridie Gothano sinu et parte Daniae“. Ср. замѣчаніе Олеарія, по изд. 1663 г., стр. 67 (р. п., кн. 2, стр. 16).

Едва ли Герберштейну были неизвѣстны труды Вадіана и Постеля. Іоакимъ Вадіанъ, poeta laureatus и математикъ, преподавалъ въ Вѣнскомъ университетѣ географію и въ 1518 г. издалъ свои комментаріи къ сочиненію Мелы; а въ 1533 г.—очеркъ Азіи, Африки и Европы.

Сочиненіе Вильгельма Постеля, Cosmographiae Compendium, изданное въ Базелѣ въ 1561 г., замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что авторъ его почерпалъ свѣдѣнія изъ арабскаго источника. Извѣстіе о торговлѣ на востокѣ „весьма нѣжнымъ мѣхомъ какого-то растенія“ было сообщено Герберштейну Вильгельмомъ Постелемъ, котораго онъ называетъ „человѣкомъ большой учености“ (vir multae doctrinae). Постель слышалъ объ этомъ мѣхѣ отъ переводчика языковъ Турецкаго и Арабскаго въ Венеціанской республикѣ.

Изъ древнихъ географовъ Герберштейнъ упоминаетъ только объ одномъ, а именно о Птоломеѣ. „Рѣка Березина“, говоритъ авторъ Записокъ, „впадаетъ въ Борисѳенъ (Днѣпръ) ниже Бобруйска. Березина же, какъ я примѣтилъ, нѣсколько шире Борисѳена при Смоленскѣ. Я увѣренъ, что эту Березину древніе считали Борисѳеномъ, на что, кажется, указываетъ самый звукъ слова, ибо если посмотримъ на описаніе Птоломея, то оно болѣе подходитъ къ истокамъ Березины, чѣмъ къ истокамъ Борисѳена, который называется Днѣпромъ“. Это остроумное замѣчаніе доказываетъ, что Герберштейнъ вникалъ въ извѣстія Птоломея и, по всей вѣроятности, его географіей онъ пользовался, какъ пособіемъ. Почти всѣ встрѣчающіяся въ Запискахъ о Московіи древнія имена находятся и въ географіи Птоломея. Впервые употребленныя здѣсь имена рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море: Рубонъ, Турантъ, Крононъ (Нѣманъ), приводятся и Герберштейномъ. Упомянувъ о Волгѣ, онъ не преминулъ замѣтить, что Птоломей называетъ ее Ра [2]).

---

[2]) Объ Іоакимѣ Вадіанѣ—*Löwenberg*, 248; *Vivien de Saint Martin*, 398; Wiens Buchdruckergesch. bis MDLX von *Michael Denis*, Wien, 1782, s. 28 u. ff. О Вильгельмѣ Постелѣ—*Peschel*, 145. R. M. C., 100 A (p. п., 151—152). Въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2: „Doctor Guilhelmus Postellus, ain weit erfarner man“.. О р. Березинѣ—R. M. C., 105 A (p. п., 159). *Mannert*, IV, 231—232. Ioannis Basilidis Magni Moscoviae ducis vita a *Paulo Oderborno*, 1585, p. 2: „Recentiores Dnyeprum Borysthenem esse negant, Beresynamque ab aestivo occasu in Nieprum nfluentem pro Borysthene habendum censent“ (по изд. Старчевскаго, vol. 2, стр. 191).

Древнія названія, встрѣчающіяся въ Запискахъ Герберштейна: Riphaei montes

Изображеніе Азовскаго моря на картѣ, приложенной къ Запискамъ, весьма напоминаетъ очертаніе береговъ этого моря на картахъ, составленныхъ по опредѣленіямъ Птоломея. На этихъ картахъ сѣверная оконечность этого моря, которое древніе географы считали несравненно большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, находится подъ 55 градусомъ сѣверной широты, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно нѣсколько выступаетъ за 47 градусъ. Такое ложное представленіе о величинѣ Азовскаго моря и о разстояніи между нимъ и берегами Сѣвернаго океана сложилось подъ вліяніемъ общераспространеннаго у древнихъ географовъ мнѣнія о томъ, что моря имѣютъ теченіе съ востока на западъ. Полагали, что вода изъ Азовскаго моря изливается въ Черное, а отсюда въ Средиземное. Мнѣніе это весьма естественно возбуждало вопросъ: откуда же является непрерывный притокъ воды въ Азовское море? Отвѣтомъ на это служила гипотеза о существованіи между Сѣвернымъ океаномъ и Азовскимъ моремъ подземныхъ ключей. Полагали, что эти ключи были проводниками воды изъ Сѣвернаго океана въ Азовское море. Герберштейнъ замѣчаетъ, что оно, какъ говорятъ, имѣетъ въ длину 300 итальянскихъ миль. Это опредѣленіе подходитъ къ тому, какое можетъ быть сдѣлано на основаніи географіи Птоломея. Въ дѣйствительности длина этого моря простирается на 195 морскихъ миль.

Представляя себѣ Азовское море далеко простирающимся къ сѣверу, древніе географы принимали р. Донъ (Танаисъ) за восточную границу Европы. По ихъ представленію эта граница была естественною. Къ западу отъ Танаиса была особая часть свѣта, видомъ своимъ походившая на полуостровъ, изрѣзанный заливами-морями; она-то и носила названіе Европы. Къ востоку отъ Танаиса характеръ страны мѣнялся, протяженіе ея отъ сѣвера къ югу становилось болѣе значительнымъ; суша получала преобладаніе надъ водою— вотъ почему здѣсь начиналась другая часть свѣта—Азія.

Это основанное на невѣрныхъ гипотезахъ мнѣніе древнихъ географовъ, которому слѣдовалъ Птоломей, держалось до XVII в. и

(66 B; p. п., 102), Sarmatici montes (2 A; 8), Cimbrica Chersonesus (114 A; 170) и пр. ср. *Ptol.* Geogr. ed. *Nobbe.* О рр., впад. въ Балтійское море—R. M. C., 139 A—B, 105 B—C (p. п., 207, 160). Слав. Древн., *Шафарика*, I, кн. 2, M. 1848, стр. 361. *Mannert*, IV, 258. *Peschel*, 4—5.

было общепринятымъ въ западно-европейской литературѣ XVI в. Не можемъ, однако, здѣсь не замѣтить, что еще въ XV в. fra Mauro, ученый монахъ ордена Камалдуловъ, составившій въ 1459 г. знаменитую карту, сохраняющуюся во дворцѣ дожей въ Венеціи, обратилъ вниманіе на мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что р. Волга „лучше дѣлитъ Европу отъ Азіи“.

„Это послѣднее мнѣніе“, замѣчаетъ fra Mauro, „представляется правильнымъ и яснымъ, менѣе нуждается въ вымышленной линіи (чертѣ), которую, кажется, желаютъ тѣ, что̀ принимаютъ первое дѣленіе. Поэтому я прошу тѣхъ, кто разсматривалъ этотъ трудъ, не слишкомъ много вдаваться въ разборъ этихъ дѣленій, такъ какъ это не очень необходимо, но держаться такого, какое на судъ глазъ и ума покажется наиболѣе разумнымъ и одобрительнымъ. Тѣмъ не менѣе, я напомню, что похвально держаться авторитета самого достовѣрнаго“. Герберштейнъ, не сомнѣваясь въ томъ, что Донъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи, замѣчаетъ: „если провести прямую линію отъ устьевъ Танаиса до его истоковъ, то выйдетъ, что Москва лежитъ въ Азіи, а не въ Европѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Записокъ авторъ говоритъ: если Москва лежитъ „не въ Азіи, то на краю Европы“... Какъ видно, Герберштейнъ самъ недоумѣвалъ, къ какой части свѣта отнести Москву [3]).

На ряду съ тѣми географическими извѣстіями XVI в., которыя имѣютъ отношеніе къ вопросу о вліяніи классической географіи и опредѣляютъ степень этого вліянія, не слѣдуетъ-ли поставить изумительное по своей невѣроятности опредѣленіе пространства, занимаемаго Ивановымъ озеромъ.

„Танаисъ“ (Донъ), говоритъ Герберштейнъ, „беретъ свое на-

[3]) *Forbiger*, 2 B., s. 26, 29. *Peschel*, 52—53. R. M. C., 101 A (p. n., 153). Ср. карты, прил. къ изд. 1548 г. „Ptolemeo la Geographia“, *Iacopo Gastaldo*, 19, 37. О р. Донѣ—Слав. Древн., *Шафарика*, т.I, кн.2, стр. 363. *Stuckenberg*, III, 141. *Матвѣй Мѣховскій* (по изд. 1521 г., Eiij, л. 2 об.), *Альбертъ Кампенскій* (60, p. n., 15), *Іовій* (63;—25), *Барберини* („Сказ. иностр.“, 12—13, 45), *Масса* (4, пр. 3), *Петрей* (М. 1867, стр. 77), *Олеарій* (изд. 1663 г., 68, p. n., кн. 2, стр. 18), *Майербергъ* (78; p. n., 153) полагали, что р. Донъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи. *Jomard*, №№ 15—16; 52, 66—67. *Peschel*, 69, 91, 99, пр. 1. Il mappamonde di *fra Mauro* Camaldolese, descritto ed. illustrato da *Zurla*, Venezia, 1806, p. 20—21. Матеріалы для ист. геогр. атласа Россіи, Спб. 1871, стр. V. R. M. C., 66 B (p. n., 102), 67 B (103), 62 B (96); въ изд. 1557 г., Kij об. „vnd souerr die (Mosqua) nit in Asia, so ligt sy doch gar an dem gemerckh“...

чало почти въ 8 миляхъ къ юго-востоку отъ Тулы, не изъ Рифейскихъ горъ, какъ разглашали нѣкоторые, но изъ Иванова озера, т. е. огромнаго озера Іоанна, которое простирается въ длину и ширину почти 1,500 верстъ и начинается въ лѣсу, который одни называютъ Оконицкимъ, другіе—Епифановымъ. Изъ этого озера выходятъ двѣ большія рѣки Шать и Танаисъ".

Какъ извѣстно, изъ Иванъ озера, весьма незначительнаго по занимаемому имъ пространству, вытекаютъ р.р. Шать и Донъ, въ верховьяхъ котораго и въ настоящее время находится лѣсъ. Достовѣрныя и обстоятельныя данныя въ вышеприведенномъ извѣстіи, въ особенности замѣчаніе о томъ, что Иваново озеро „начинается въ лѣсу, который одни называютъ Оконицкимъ, другіе — Епифановымъ" — наводятъ на весьма вѣроятное предположеніе о томъ, что Герберштейнъ распрашивалъ Русскихъ объ истокахъ Дона и отъ нихъ узналъ сообщенныя имъ достовѣрныя данныя. Остается опредѣлить, откуда онъ заимствовалъ извѣстіе о томъ, что Иваново озеро занимаетъ пространство въ 1500 верстъ. Припомнимъ, что онъ понималъ русскую рѣчь и при собираніи свѣдѣній о Россіи, „не довольствуясь свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ", „полагался только на согласное мнѣніе многихъ". Если Русскіе сообщали какія нибудь опредѣленныя указанія о пространствѣ, занимаемомъ Ивановымъ озеромъ, то едва-ли эти указанія были тождественны, и Герберштейнъ не преминулъ-бы указать на разнорѣчія. Вѣроятнѣе предположить, что опредѣленіе, сдѣланное имъ, было результатомъ ученыхъ соображеній. Древніе географы полагали, что близъ Азовскаго моря существуетъ огромное озеро, занимающее пространство въ 4000 стадій, т. е. приблизительно 700 верстъ. По опредѣленіямъ Птоломея, это озеро, называемое имъ Bukes, простиралось отъ 48° 30′ почти до 50° широты. Герберштейнъ, самъ опредѣлившій, что Москва лежитъ подъ 50° широты, могъ сопоставить указанія Птоломея и другихъ географовъ съ тѣмъ, что слышалъ объ Ивановѣ озерѣ, и затѣмъ прійти къ заключенію, что это озеро есть именно то, о которомъ въ древности имѣли столь смутное понятіе. На средне-вѣковыхъ картахъ озеро, изъ котораго вытекаетъ Донъ, изображали весьма значительнымъ [4]).

---

[4]) R. M. C., 66 B (p. п., 102): „circiter 1,500 vuerst patet"; въ изд. 1557 г., Kiij, л. 2: „derselb See sol in die leng vnd weit 1,500 werst haben"... Въ Геогр.-

Замѣтимъ здѣсь, кстати, что вообще Герберштейнъ относился весьма довѣрчиво къ тѣмъ числовымъ даннымъ, которыя касались опредѣленія пространства, занимаемаго озерами. Такъ, онъ утвердительно говоритъ, что Ладожское озеро простирается въ ширину на 60 (420 верстъ), а въ длину почти на 100 миль (700 в.), между тѣмъ какъ наибольшая длина этого озера—194½ вер., а наибольшая ширина—122 ½ вер. Точно также невѣрны приводимыя Герберштейномъ числовыя данныя относительно длины и ширины озера Ильменя.

И Герберштейнъ полагалъ, что имя Московитовъ было не безъизвѣстно древнимъ. Впрочемъ, произвольнымъ словопроизводствомъ онъ менѣе увлекался, чѣмъ нѣкоторые изъ его современниковъ, и относительно происхожденія имени Руссовъ замѣтилъ: „Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи“ [5]).

Какъ отношенія къ географіи Птоломея, такъ и вообще характеристическія особенности извѣстій Герберштейна о Московской Руси и сопредѣльныхъ съ нею странахъ и племенахъ объясняются состояніемъ землевѣдѣнія въ XVI в. Въ этихъ извѣстіяхъ главное вниманіе обращено на топографическія и хорографическія данныя; но

стат. словарѣ, *П. Семенова*, II, 119, 304—„Донъ беретъ начало въ Иванъ-озерѣ, на гр. Епифанскаго и Веневскаго у.“ Иванъ-оз. „имѣетъ въ дл. до 100 саж., въ шир. до 60“. *Stuckenberg*, III, 159—160: „Der See oder Teich Jwan... kann nicht eigentlich auf den Namen eines Sees Anspruch machen, da er nur 160° lang, höchstens 60° breit und 9 Fuss tief ist. Zwar ergiebt sich aus der Vergleichung alter und neuer Pläne, dess diess kleine Bassin in den letzt verflossenen und anderthalb hundert Jarhen stark verwachsen ist, und hierin augenscheinlich fortschreitet: allein das Profil der ganzen Gegend zeigt klar, dass er niemals einen ansehnlichen Raum einnehmen konnte“. Сп. насел. мѣстъ. Тульск. губ., стр. VII: Донъ начинается въ Венев. у. Такъ и въ Воен. стат. обозр. Росс. имперіи, т. IV, ч. VI, стр. 20.

R. M. C., ad lectorem (р. п., 5), 64 A (98—99). Wörterbuch von *Bischoff* und *Moeller*, Gotha, 1829, стр. 180: Bice (Byce, Buky), озеро. *Forbiger*, I, 554. *Mannert*, IV, 252. *Ptol.*, III, c. 5, 9. Geographi graeci minores, Tabulae a *Carolo Müllero* inst., Parisis, 1855, N. XVI. Атласъ къ Hist de la Geogr, *Viv. d. S. Martin*, pl. VI, № 2, VII. Карта Россіи, прил. къ „Сказ. совр. о Димитріѣ самозв.“, изд. 3. *Одерборнъ*, В об.—Tanais „non procul a Tula civitate ex ingenti lacu Juanosero nascitur“ (по изд. Старчевскаго, vol. 2, стр. 190).

[5]) R. M. C., 75 B (р. п., 115). Ср. книга Б. Ч., Спб. 1846, стр. 176. *Stuckenberg*, I, 500, 415. „Геродотъ, черпавшій свѣдѣнія свои о рѣкахъ сѣверной Европы изъ разсказовъ черноморскихъ жителей, почти при каждой рѣкѣ, слѣдуя обыкновенію того времени, прибавляетъ, что она вытекаетъ изъ большаго озера“.—Слав. Древн., *Шафарика*, т. I, кн. 2, стр. 375—376. R. M. C., 60 C (р. п., 94), 1 A (7).

рядомъ съ ними постоянно встрѣчаются и историческія и археологическія извѣстія, не имѣющія никакого близкаго къ нимъ отношенія. Припомнимъ, что географія въ XVI в. еще не отдѣлялась отъ исторіи, и въ космографіи Мюнстера находимъ тоже смѣшеніе историческихъ и географическихъ данныхъ, какимъ отличается и хорографія Герберштейна. Его свѣдѣнія о возвышенностяхъ весьма скудны. Описаніе ландшафта нигдѣ не встрѣчается.

Хорографія „государства и владѣнія великаго князя московскаго" начинается съ описанія Москвы, причемъ сообщаются свѣдѣнія о климатѣ Россіи вообще и о характерѣ Москвичей. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію „славнѣйшихъ княжествъ, такъ какъ, замѣчаетъ онъ, „на такомъ обширномъ пространствѣ я не могъ изслѣдовать въ точности названія всѣхъ областей". Сначала описываются восточныя области, потомъ южныя, западныя и, наконецъ, сѣверныя.

Порядокъ изложенія, которому слѣдовалъ авторъ хорографіи, не лишенъ историческаго значенія. По всей вѣроятности, русскіе люди, сообщавшіе ему топографическія и хорографическія данныя, пріурочивали ихъ къ областямъ древнихъ княжествъ и земель. Границы нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранялись и послѣ уничтоженія ихъ самостоятельности; а имена ихъ наводили на историческія преданія, которыя народъ еще живо помнилъ во второй половинѣ XVI в. Для ознакомленія иностранцевъ съ географіею Московской Руси порядокъ изложенія, принятый Герберштейномъ, нисколько не нарушавшій современныхъ ему литературныхъ требованій, имѣлъ свои преимущества. Достаточно было запомнить мѣстоположеніе княжествъ и земель, чтобы имѣть путеводную нить для знакомства съ другими географическими данными.

Окончивъ хорографію московскихъ владѣній, Герберштейнъ приводитъ извѣстія „о сосѣднихъ и пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ странахъ и племенахъ, соблюдая въ изложеніи прежній порядокъ, т. е. отправляясь изъ Москвы на востокъ" [6]). Этотъ отдѣлъ Записокъ о Московіи начинается съ извѣстій о Татарахъ. Сказавъ нѣсколько словъ объ ихъ происхожденіи и отношеніяхъ къ Россіи, авторъ описываетъ ихъ религію, нравы и обычаи, сообщаетъ довольно подробныя историческія свѣдѣнія о Казанскихъ Татарахъ

---

[6]) R. M. C., 60 C (р. п., 94), 86 C (131).

и объ отношеніяхъ къ нимъ московскихъ государей, и, наконецъ, описаніемъ мѣстожительства другихъ Татарскихъ племенъ заканчиваетъ извѣстія о нихъ. Затѣмъ онъ описываетъ Литву и Самогитію и, сказавъ нѣсколько словъ о Швеціи и Норвегіи, переходитъ къ описанію, со словъ толмача Григорія Истомы, морскаго путешествія Русскихъ отъ устьевъ Сѣверной Двины къ Дронту. Кромѣ того, что заключается въ хорографіи и описаніи сосѣднихъ съ Московскою Русью земель, къ отдѣлу свѣдѣній географическихъ въ Запискахъ о Московіи относится также описаніе двухъ путей изъ Польши въ Москву.

Въ описаніи областей или княжествъ, лежащихъ въ предѣлахъ Московскаго государства, Герберштейнъ сообщаетъ свѣдѣнія о рѣкахъ, о направленіи теченія, длинѣ и судоходствѣ ихъ, о замѣчательныхъ городахъ, ихъ историческомъ и торговомъ значеніи, о торговыхъ путяхъ, о почвѣ и произведеніяхъ, о характерѣ русскаго населенія въ нѣкоторыхъ областяхъ и объ инородцахъ. Относительно лѣсовъ и болотъ авторъ описанія ограничивается только самыми общими указаніями. Изъ извѣстій о произведеніяхъ природы большая часть относится къ царству животному.

Замѣчательно, что Герберштейнъ сдѣлалъ наблюденіе посредствомъ астролябіи для опредѣленія широты Москвы. На основаніи этого наблюденія оказалось, что Москва лежитъ подъ 50 градусомъ, между тѣмъ какъ она лежитъ подъ 55° 48′ сѣверной широты [7].

XII.

Источники, которыми пользовался Герберштейнъ для составленія географическаго обозрѣнія Московской Руси и странъ, съ ней сопредѣльныхъ.—Источники изустные.—Свѣдѣнія о сѣверномъ краѣ Россіи.—Источники письменные.—Русскій дорожникъ, въ которомъ былъ описанъ путь къ р.р. Печорѣ и Оби.—Морской путь въ Китай черезъ Сѣверный океанъ.—Время составленія русскаго дорожника, въ которомъ былъ описанъ путь къ р.р. Печорѣ и Оби.—Тождество числовыхъ данныхъ въ Запискахъ о Московіи и въ книгѣ Большаго Чертежа.—Заслуги Герберштейна, какъ географа.—Географическіе труды и открытія Русскихъ въ XV—XVI столѣтіи.

Источники, которыми пользовался авторъ Записокъ о Московіи для составленія географическаго обозрѣнія Московской Руси и

[7]) R. M. C., 64 A (р. п., 98—99). О наблюденіи Герберштейна упоминаетъ *Олеарій*, по изд. 1663 г., 144 (р. п., кн. 3, 106).

странъ, съ ней сопредѣльныхъ, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) изустные и 2) письменные.

Къ первымъ относятся свидѣтельства и разсказы русскихъ людей, которымъ онъ обязанъ важными географическими извѣстіями. Такъ, со словъ толмача Григорія Истомы, Герберштейномъ были сообщены свѣдѣнія о морскомъ пути изъ Бѣлаго моря къ западному берегу Норвегіи.

Достовѣрные разсказы многихъ купцовъ, которые имѣли дѣла въ области, лежащей въ верховьяхъ Днѣпра и Волги, убѣдили Герберштейна въ томъ, что эти двѣ рѣки берутъ начало изъ разныхъ источниковъ.

Отъ Русскихъ, конечно, онъ получилъ свѣдѣнія о монастырѣ на островѣ Соловецкомъ, отстоящемъ, по ихъ показаніямъ, отъ Москвы на триста, а отъ Бѣлаозера на двѣсти миль, о вывариваніи соли на этомъ островѣ, о богатомъ уловѣ рыбы въ этой мѣстности, о томъ, что солнце здѣсь во время лѣтняго стоянія не свѣтитъ только въ продолженіе двухъ часовъ, о теченіи р. Сѣверной Двины и о Двинской области, въ которой много селеній, „по причинѣ неплодородія земли разъединенныхъ большими разстояніями“, и всѣ эти свѣдѣнія о сѣверномъ краѣ Россіи были новостію на Западѣ [1]).

Цѣня по достоинству географическія извѣстія русскихъ людей, авторъ Записокъ считалъ необходимымъ провѣрять показанія ихъ, въ особенности относящіяся до опредѣленія разстояній между различными пунктами, такъ какъ именно эти данныя легко могли быть неточными и ошибочными.

Сообщивъ о томъ, что отъ Москвы до устьевъ Двины считается 300 миль, онъ замѣчаетъ, что это разстояніе едва ли равняется 200 милямъ, если ѣхать черезъ Вологду въ Устюгъ и затѣмъ по р. Двинѣ.

Слыша и отъ Литовцевъ и отъ Московитянъ, что разстояніе между Москвою и Смоленскомъ считается во сто германскихъ миль,

---

[1]) R. M. C., 117 A—120 B (р. п., 174—180), 72 B (110), 77 A (117): „Aiunt hic solem aestiuali solstitio perpetuo, duabus tantum horis exceptis, splendere“; въ изд. 1557 г., M об. „sagen auch das die Sun daselbsten in khurtzen tagen nit meer dann zwo stund scheindt“; въ изд. 1556 г., 79 C—80 B (р. п., 121—122): „pagos“; въ изд. 1557 г., Miij: „Döffer“.

Герберштейнъ самъ постарался опредѣлить это разстояніе и нашелъ, что оно равняется 80-ти милямъ.

Не смотря, на свою осторожность и тщательность въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ по географіи, онъ иногда передавалъ извѣстія, повидимому, совершенно невѣроятныя. Но если-бы у современныхъ ему географовъ существовали болѣе вѣрныя понятія о высотѣ горъ, то онъ, вѣроятно, не оставилъ бы безъ замѣчаній съ своей стороны извѣстіе Симеона Ѳедоровича Курбскаго о томъ, что онъ во время похода въ Печорскую область семнадцать дней взбирался на одну гору, которая простирается до устьевъ Двины и Печоры. Нѣкоторыя ошибки и ложныя извѣстія въ Запискахъ о Московіи объясняются случайнымъ невниманіемъ автора къ тому, что онъ слышалъ или читалъ въ источникахъ русскихъ. Но и за это нельзя строго осуждать его, если мы примемъ во вниманіе время, какимъ онъ располагалъ для собранія матеріаловъ и обработки ихъ, и обширность задачъ его труда. Опредѣленныя задачи — явленіе, свидѣтельствующее о значительной зрѣлости науки. Въ XVI вѣкѣ труды ученѣйшихъ и даровитыхъ людей отличались энциклопедическимъ характеромъ [2]).

Ко второму разряду источниковъ, которыми пользовался авторъ Записокъ для составленія географическаго обозрѣнія Московской Руси и странъ, съ ней сопредѣльныхъ, принадлежатъ польскія лѣтописи, сочиненія иностранныхъ писателей и памятники русской письменности.

Извѣстія о Татарахъ, найденныя Герберштейномъ въ польскихъ лѣтописяхъ, онъ не считалъ полезнымъ приводить въ своихъ За-

---

[2]) R. M. C., 80 A—B (р. п., 122), 71 A: „Ego tamen ter loca illa peragraui, nec plura obseruaui". Эти слова переведены г. Анонимовымъ невѣрно, на стр. 109: „Я проѣзжалъ только эти три города и другихъ тамъ не замѣтилъ". Герберштейнъ хотѣлъ сказать, что онъ три раза проѣзжалъ по пути отъ Смоленска къ Москвѣ и, по наблюденію его, оказалось, что этотъ путь простирается не болѣе 80 герм. миль. Въ изд. 1557 г., Lij об. „ich bin aber den weg dreymal geraist und nit mer gefunden". Ср. въ изд. 1567 г., стр. LXXVIII; кн. Б. Ч., 78—79. R. M. C., 84 A (р. п., 127—128).

Въ XVI в. Русскіе, по свидѣтельству Герберштейна и Мѣховскаго, считали въ верстѣ 700 саженъ. R. M. C., 118 C (р. п., 177): „mille et septingenta vuerst, hoc est 340 miliaria"... 61 A (94). *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., H: „Moscouitae non per miliaria nostra computant, sed per verst et verst est quinta pars miliaris germanici". Ср. у *Карамзина*, III, пр. 367. Улож., IX, 6. *Арцыбышевъ*, III, пр. 699. Путешествіе на с. и в. Сибири, *Миддендорфа*, ч. I, 44, пр. 2. *Прозоровскаго:* „О старинныхъ русскихъ мѣрахъ протяженія", 8: „у насъ были три рода верстъ... нынѣшнею мѣрою въ $520^{1}/_{5}$, 651 и $1041^{3}/_{5}$ саженъ.

писках, вѣроятно, потому, что этими источниками иностранцы могли пользоваться и безъ его посредства. Но русскими источниками они не могли пользоваться, а онъ умѣлъ оцѣнить ихъ важное значеніе: изъ русскихъ лѣтописей извлекъ свѣдѣнія о разселеніи племенъ Славянскихъ на равнинѣ Восточной Европы и о Татарахъ; изъ русскаго дорожника перевелъ на Латинскій языкъ описаніе пути въ Печору, Югру и къ р. Оби, заключающее въ себѣ рядомъ съ баснословными разсказами и достовѣрныя данныя о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Сѣверный океанъ, о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ странахъ, прилегающихъ къ Уральскому хребту, и о животныхъ, которыя водятся въ этихъ странахъ. Когда именно было составлено это описаніе — неизвѣстно. Можно, однако, съ достовѣрностію предполагать, что въ XVI вѣкѣ, до 1526 года, когда Герберштейнъ во второй разъ прибылъ въ Москву, или существовало нѣсколько описаній пути къ рр. Печорѣ и Оби, или одно, первоначально составленное описаніе этого пути имѣло нѣсколько редакцій, такъ какъ еще во второй половинѣ XV вѣка Русскіе, по повелѣнію великаго князя, предпринимали нѣсколько походовъ въ Югорскую землю. Такъ въ 1491 г. имъ были посланы на р. Печору Андрей Петровъ и Василій Ивановъ Болтинъ съ Нѣмцами Иваномъ и Викторомъ искать серебреной руды, и „они нашли“, какъ сказано въ лѣтописи, „руду серебреную и мѣдную въ великаго князя отчинѣ, на рѣкѣ на Цилмѣ, не доходя Космы рѣки за полднища, а отъ Печоры рѣки за семь днищъ, а мѣста того, гдѣ нашли, на десять верстъ, а отъ Москвы дотолѣ полчетверти тысячи верстъ, а нашли руду августа въ 8 день“. По всей вѣроятности, эти лица составили описаніе пути, ими пройденнаго [3]).

Переведенное на Латинскій языкъ Герберштейномъ описаніе пути

---

[3]) R. M. C., 86 C (p. п., 131—132), 2 B—C (9—10), 80 C—84 A (122—128). Ист. Россіи, *С. Соловьева*, V, 103—104. *Арцыбышевъ*, IV, 3, 52—53, 61, 72. Никон. лѣт., VI, 157, 130. П. С. Р. Л., VIII, 221, 223. О рудахъ близь р. Цыльмы см. „Англичане въ Россіи“, *Гамеля*, 204. Ср. стр. 176.

Описаніе пути въ область р. Печоры любопытно, какъ памятникъ литературный. Въ немъ есть баснословные разсказы, сходные съ тѣми, какіе находятся въ сказаніи Гюряты Роговича (Лѣт. по сп. Лавр., 226—228) и въ сказаніи, помѣщенномъ въ Сборникѣ Соловецкой библіотеки, № 844. „Положеніе инородцовъ с. в. Россіи въ Московскомъ государствѣ“, *П. Өирсова*, 30—31.

къ рр. Печорѣ и Оби впервые знакомило Западную Европу со странами, ей совершенно неизвѣстными. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, было сказано, что р. Обь вытекаетъ изъ Китайскаго озера, вблизи котораго на картѣ, приложенной къ Запискамъ о Московіи, былъ означенъ городъ Кумбаликъ или Пекинъ. „Отъ озера Китай“, замѣчаетъ Герберштейнъ, „получилъ названіе ханъ катайскій, котораго Московиты называютъ китайскимъ царемъ“. Любопытно, что еще Іовій, можетъ быть, со словъ Димитрія Герасимова, внесъ въ свое сочиненіе о Россіи слѣдующее извѣстіе: „Довольно... извѣстно, что (Сѣверная) Двина, принимающая въ себя безчисленныя рѣки, съ большимъ стремленіемъ течетъ къ сѣверу и что тамъ есть море, имѣющее столь огромное протяженіе, что, придерживаясь праваго его берега, можно доплыть до самаго Китая“. Отъ себя, вѣроятно, Іовій прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: „Китайцы населяютъ самыя отдаленнѣйшія страны востока, почти параллельныя съ Ѳракіею. Португальцы видали ихъ въ Индіи, куда они пріѣзжали для покупки благовонныхъ товаровъ. Въ путешествіяхъ своихъ они доходили даже до Золотаго Херсониса [4]) и привозили съ собою собольи мѣха. Это послѣднее обстоятельство явно показываетъ, что Китай лежитъ недалеко отъ Скиѳскихъ береговъ“. По выходѣ въ свѣтъ сочиненія Іовія и Герберштейна, въ Западной Европѣ не могли не обратить вниманія на вышеприведенныя данныя и, вѣроятно, онѣ были извѣстны знаменитому мореплавателю Себастіану Каботу, къ которому обратилась за совѣтами англійская компанія, основанная въ 1553 г., съ цѣлью отъискать на сѣверо-востокѣ путь въ новыя страны. Предположеніе о существованіи сѣвернаго морскаго пути въ Китай сильно занимало и географовъ, и мореплавателей, въ концѣ XVI и въ XVII ст., и Англичане, и Голландцы снаряжали нѣсколько экспедицій къ отысканію его. Усилія ихъ, однако, были мало успѣшны, и иностранцамъ не удалось проникнуть на востокъ далѣе Новой Земли; но русскіе мореходы во второй половинѣ XVI ст. ѣздили для промысловъ и торговъ изъ Бѣлаго моря къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ. Когда именно совершилось открытіе этого пути—достовѣрно неизвѣстно, а потому не могутъ быть указаны и ближайшія слѣдствія

---

[4]) „Золотымъ Херсонисомъ называли древніе нынѣшній Малаккскій полуостровъ въ восточной Индіи“.

этого открытія. Предположеніе, однако, о существованіи сѣвернаго морскаго пути въ Китай получало большую степень вѣроятности съ того времени, какъ иностранцы, участвовавшіе въ сѣверныхъ экспедиціяхъ, слышали отъ русскихъ мореходовъ, что они плаваютъ къ устьямъ р. Оби и далѣе, а эти экспедиціи, не достигнувъ своей главной цѣли, обогатили географическую науку многими любопытными и важными свѣдѣніями [5]).

Обиліе числовыхъ данныхъ въ Запискахъ о Московіи и сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ данныхъ съ находящимися въ книгѣ Большаго Чертежа дозволяютъ предполагать, что приведенныя Герберштейномъ данныя были или имъ самимъ, или лицами, сообщавшими ему свѣдѣнія, извлечены изъ дорожниковъ или книгъ, въ которыхъ находились описанія главнѣйшихъ путей сообщеній Московской Руси. Эти книги и послужили источниками для составленія книги Большаго Чертежа, по составу своему, представляющей сборникъ географическихъ извѣстій, разновременно сложившихся [6]).

---

[5]) R. M. C., 82 A (р. п., 124), 83 B (127). *Peschel*, 288—289. Библ. ин. писат. о Россіи, I, 66—67 (р. п., 31—32—„Достовѣрно только то...“, въ подл. — „Satis tamen constat“; р. п.—„и что море, въ которое впадаетъ она“..., въ подл.— „mareque ibi esse“...) Англичане въ Россіи, *Гамеля*, I, 34—35. Четырекр. путеш. въ Сѣв. Ледовитый океанъ, *Литке*, I, 22 — 77, 122. Gesch. d. Schiffahrten v. *Adelung*, Halle, 1768, 1 Buch, § 52; 2 B., S. 59—61.

Слуга Максимиліановъ, Михаилъ Снупсъ, бывшій въ Россіи въ концѣ 1492 и въ началѣ 1493 г., не потому ли просилъ у великаго князя объ отпускѣ въ дальнія земли, прилегающія къ р. Оби, что слышалъ о сосѣдствѣ этихъ земель съ Китайскимъ царствомъ? Пам. дипл. снош., I, 110.

Jomard, № 52, mappem. de Martin Behaim (между Сѣвернымъ и Атлантическимъ океаномъ - материкъ). *Майербергъ:* Fluvius Obbi, olim Carambucis, ex lacu Kitaisko emergens, perque eum decurrens octuaginta alicubi in latitudine passuum m i l l i a extensus“... 80 (р. п., 157); R. M. C., 82 A (р. п., 124): „uasta hujus fluuij (Oby) latitudo est, ut ad octoginta fere v u e r s t extendatur“.

Объ открытіи Новой Земли въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. см. въ соч. *Литке*, I, 13.

[6]) Числовыя данныя въ R. M. C. и въ кн. Б. Ч., 65 A (р. п., 100)—139; 68 A — B (104 — 105) — 118; 75 C (115)—175. Если бы Герберштейнъ приводилъ эти данныя по показаніямъ, которыя не были извлечены изъ дорожниковъ, то, вѣроятно, ему приходилось бы чаще указывать на разнорѣчія, а на нихъ онъ обращалъ вниманіе, 85 A (р. п., 129), 73 C (112). Правда не мало такихъ числовыхъ данныхъ у Герберштейна, которыя не сходны съ находящимися въ книгѣ Б. Ч. Но мы не должны забывать, что послѣдняя дошла до насъ въ позднѣйшей редакціи, что точности въ измѣреніи разстояній ни въ XVI, ни въ XVII в. не было. Г. *Огородниковъ* замѣчаетъ: „мы имѣли случай даже и въ самой кн. Б. Ч. замѣтить разность измѣреній по зимнему пути и по лѣтнему пути“. Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ., по отд. этн., т. 2, 665.

Пользуясь по преимуществу русскими источниками для составленія географическаго описанія Восточной Европы, Герберштейнъ первый изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, понялъ необходимость употребленія русскихъ словъ въ названіи предметовъ, мѣстъ и рѣкъ и употреблялъ эти слова въ своихъ Запискахъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, платя дань своему вѣку, предпочиталъ устарѣлыя имена, заимствованныя изъ сочиненій древнихъ географовъ. На это нововведеніе, относящееся къ тому времени, когда слово „русскій" было синонимическимъ съ словомъ варварскій, нельзя не обратить вниманіе.

Изъ массы географическихъ извѣстій, переданныхъ Герберштейну русскими людьми и найденныхъ имъ въ географическихъ памятникахъ нашей письменности, по достоинству имъ оцѣненныхъ, онъ добросовѣстно и искусно извлекъ наиболѣе важныя данныя и составилъ географическое описаніе Московской Руси, въ которомъ все наиболѣе существенное было намѣчено, на сколько это было по силамъ сдѣлать одному лицу. Въ этомъ и состоятъ главныя заслуги Герберштейна, какъ географа [7]). При такомъ опредѣленіи ихъ, нельзя обходить молчаніемъ заслуги русскихъ людей. Не имѣя никакого научнаго образованія, которое такъ быстро распространилось въ Западной Европѣ въ XVI ст., русскіе грамотные люди этого вѣка обладали довольно обширными географическими знаніями и ими содѣйствовали тому, что завѣса, скрывавшая отъ Западной Европы сѣверо-восточныя страны ея, была приподнята [8]).

О существованіи чертежей въ княженіе Василія III см. „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи", *И. Д. Бѣляева*, Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ., кн. VI, 236—237.

Для составленія той статьи Судебника 1497 г., въ которой опредѣлена плата (ѣздъ) приставамъ для вызова отвѣтчиковъ въ судъ, вѣроятно руководствовались свѣдѣніями, извлеченными изъ дорожниковъ. А. И., I, № 105, стр. 151—152.

Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ Пам. дипл. снош., I, 82 (1492 г.): великій князь велѣлъ давать приставу кормъ и подводы; „а о корму, по колку ему давать на стану, далъ ему списокъ ч а с о в н и к ъ". Дорожники, кстати замѣтимъ, у всѣхъ образованныхъ народовъ являются въ довольно ранній періодъ ихъ жизни.

[7]) R. M. C., ad lectorem (p. n., 5): „Equidem in Russiae descriptione, cum Rhutenicis uocabulis in rerum, locorum, ac fluuiorum apellatione non temere usus sim"... Вмѣсто Сарматіи, Герберштейнъ употреблялъ названіе Руси, вмѣсто Ра—Волга, и пр.

[8]) О польскомъ и литовскомъ краѣ Русскіе во второй половинѣ XV ст.

Время великихъ географическихъ открытій на Западѣ было также замѣчательной эпохой и въ исторіи русскаго землевѣдѣнія, развитіе котораго совершалось самобытно. Въ началѣ XV в., Русскихъ видѣли въ Самаркандѣ; во второй половинѣ этого столѣтія Аѳанасій Никитинъ совершилъ путешествіе въ Индію и сообщилъ о ней любопытныя свѣдѣнія въ своихъ запискахъ, которыя не лишены значенія въ общей исторіи землевѣдѣнія. Въ 1499 г., великій князь посылалъ войско въ Югорскую землю для покоренія племенъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ, и „для изслѣдованія“, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ, тѣхъ мѣстъ, которыя лежали за Уральскими горами. Русскіе исполнили повелѣніе великаго князя и перешли Уральскій хребетъ [9]).

Въ концѣ XVI в. началось движеніе Русскихъ въ Сибирь, непрерывно продолжавшееся въ XVII ст., пока они не достигли крайнихъ предѣловъ ея на востокѣ, движеніе, по характеру своему и значенію въ всемірной исторіи, напоминающее занятіе Америки романо-германскими племенами. Около того времени, когда Васко де Гама обогнулъ мысъ Доброй Надежды и открылъ морской путь въ Индію, русскіе послы, отправленные великимъ княземъ въ Данію, объѣхали моремъ Мурманскій берегъ, сѣверную оконечность Скандинавіи и по западному берегу ея доѣхали до Дронта (Дронтгейма).

имѣли обстоятельныя свѣдѣнія. Зап. Геогр. Общ., VI, ст. *Бѣляева*, 233—239. Здѣсь же о знакомствѣ ихъ съ Западною Европою, Крымомъ и Персіей 190, 213 — 214.

[9]) „Хожденіе за три моря“ Аѳ. Никитина, *Срезневскаго*, 2—9 (ср. изслѣд. Лерберга, 32, пр. 1). „Старая Индія. Замѣтки на хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина“, *И. Минаева*, С.-Пб. 1881 г., стр. 2. О походѣ 1499 г.— П. С. Р. Л., IV (Псков. 1), 271; VI (Соф. 1), 43—44 („пріидоша на Москву... въ лѣто 7008 марта“); VIII (Воскр.), 237. Никон., VI, 157 (кн. Кубенскій вмѣсто Курбскій). R. M. C., 79 A (р. п., 120), 84 A (127—128): „ad exploranda ultra hos montes loca“...

Походъ кн. Курбскаго въ 1499 г. Герберштейнъ ошибочно отнесъ ко времени княженія Василія Ивановича. Любопытная замѣтка Герберштейна о томъ, что в. кн. въ 1499 г. посылалъ воеводъ въ Югорскую землю для „изслѣдованія“ тѣхъ мѣстъ, которыя лежали за Уральскими горами, заслуживаетъ довѣрія. Припомнимъ, что въ 1492 г. пріѣзжалъ въ Москву Михаилъ Спунсъ и просилъ великаго князя о дозволеніи отправиться на р. Обь, съ цѣлію осмотрѣть тамошній край. *Adelung*, I, 157—158. „Müller macht die Bemerkung, dass dieses die erste Erwähnung des Flusses Ob sey, die man sowohl in russischen, als ausländischen Schriften antreffe“. Это замѣчаніе невѣрно. Въ Новгородской IV-ой лѣтописи 6872 (1364 г.): „Той зимы съ Югры Новгородци пріѣхаша, дѣти боярьскіи и молодыи люди, воевавше по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша“.... П. С. Р. Л., IV, 64—65; V (Соф. 1), 230.

Къ сожалѣнію, исторія не сохранила именъ тѣхъ отважныхъ русскихъ мореходовъ, которые, ведя борьбу съ великими препонами, воздвигаемыми мрачною природою сѣвера, впервые проложили пути по Ледовитому морю. До насъ дошли только драгоцѣнныя указанія относительно плаванія Русскихъ въ XVI в. по этому морю, свидѣтельствующія, что они были знакомы съ очертаніемъ сѣвернаго берега европейскаго материка и съ положеніемъ близъ лежащихъ острововъ и даже оказывали помощь иностранцамъ, участвовавшимъ въ сѣверныхъ экспедиціяхъ. Приведемъ только нѣкоторыя изъ этихъ указаній.

Первому изъ англійскихъ путешественниковъ, проплывшему въ 1556 г. пространство отъ Колы до острова Вайгача, капитану Борро, во все время его плаванія отъ Колы къ устью р. Печоры, оказывалъ существенныя услуги русскій мореходъ Гаврило.

Голландцы, участвовавшіе въ экспедиціи 1594 г., при которой состоялъ переводчикомъ Славянинъ Силиндеръ, встрѣтили близъ острова Колгуева судно, на которомъ находились Русскіе. Они сообщили Голландцамъ полезныя для нихъ свѣдѣнія о томъ мѣстѣ, гдѣ они находились. Любопытно, что при этомъ кормчій этого судна нарисовалъ „чертежъ“ берега отъ Бѣлаго моря до р. Печоры. На Мединскомъ Заворотѣ [10])—мысѣ Архангельской губерніи, Мезенскаго уѣзда, на берегу Сѣвернаго океана, подъ $68^0\ 59'$ с. ш. и $77^0\ 7'$ в. д., Голландцами, участвовавшими въ той же экспедиціи, было найдено множество крестовъ, изъ которыхъ одинъ „съ удивительнымъ искусствомъ украшенъ былъ русскими письменами“.

Въ 1595 году Голландцы, стоявшіе близъ берега острова Вайгача, слышали отъ русскихъ мореходовъ, что изъ Холмогоръ ежегодно нѣсколько лодокъ ходятъ въ рѣку Обь и далѣе до р. Гиллиси, гдѣ ведутъ торговлю. Догадываются, и не безъ основанія, что подъ именемъ Гиллиси слѣдуетъ разумѣть р. Енисей — крестьяне Архангельской губерніи называютъ ее Елисеемъ [11]).

---

[10]) Nieuwe landt van Walcheren—Новая Валхеренская земля.

[11]) R. M. C., 117 A—120 B (р. п., 174—180). *Hakluyt's* Collection, I (London, 1809), 308—311. Четырекр. путеш. въ С. Ледовитый океанъ, *Литке*, I, 13—19, 23, 37 (1594 г., августа 15—17: „Soo kunstig met Rusche letteren verciert, dat het een wonder kan strecken“), 42, 43—44 (1595 г., августа 19—24). Ср. стр. 122. Англичане въ Россіи, *Гамеля*, I, 54—55. Gesch. d. Schiffahrten

Указанныя нами явленія въ области русскаго землевѣдѣнія относятся къ тому времени жизни русскаго народа, когда подъ знаменемъ Москвы объединилась сѣверо-восточная Русь, и великія послѣдствія этого объединенія не замедлили обнаружиться и въ жизни государственной, и въ жизни общественной. Завоеваніе новыхъ обширныхъ земель, сношенія съ отдаленными странами востока и западно-европейскими государствами, съ которыми въ періодъ татарскаго владычества не имѣли сношеній, путешествія русскихъ пословъ не только въ страны, сосѣднія съ Московской Русью, но и въ Данію, Австрію, Италію, Турцію и Персію, морскіе походы Русскихъ, поднятіе промышленности и торговли—всѣ эти обстоятельства значительно способствовали расширенію области географическихъ знаній. Средоточіемъ ихъ была Москва, гдѣ иностранцы узнавали много новаго по географіи, гдѣ, какъ можно думать, происходилъ живой обмѣнъ наблюденій и извѣстій о разныхъ странахъ, а на восточныхъ, сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ Московской Руси въ это время съ новою силою выступили искони свойственныя русскому народу стремленія къ колонизаторской и широкой промышленной дѣятельности, къ отысканію новыхъ путей въ невѣдомыя страны.

И на востокѣ, и на западѣ быстрое расширеніе области географическихъ знаній, въ концѣ XV и въ XVI в., было знаменіемъ

---

und Versuche, welche zur Entdeckung des Nordostlichen Weges von verschiedenen Nationen unternommen worden v. *Iohann Christoph Adelung*, Halle, 1768, 2 Buch, S. 57, 61—62; 3 Buch (здѣсь напеч. журналы голл. экспедицій въ Сѣверный океанъ въ концѣ XVI ст.), 108, 119 (1594, іюля 10. О „чертежѣ“ русскаго морехода: „und ob zwar dieser Plan sehr unvollkommen war, da in selbigem weder Höhe noch Grade bemerkt waren, so konte er uns doch wegen derer Spitzen Flüsse und Inseln dienen, die darauf mit ihren eigentlichen Namen bemerkt waren“), 187 (1595, августа 23: die Leute aus den Sem „in Ansehung des Tartarischen Meeres konten sie uns nichts anders sagen, als dass sie niemals daselbst gewesen wären; aber dass demohngeachtet einige Loddings oder Sems in ihrem Lande und zu Colmogro wàren, die alle Iahre hinter den Fluss Oby und hinter einen andern Fluss, den sie Gilissy nannten, gingen, und Tücher und andere Waaren dahin schafften... Sie erwahnten auch, dass diese Leute von eben der Religion waren, als die in den Loddigs, nemlich von der griechischen“. Изображеніе вышеупомянутаго креста находится въ изд. Le grand Atlas, *Jean Blaev*, 1667, p. 41. Ср. Дневникъ *В. Н. Латкина*, II, 28. Любопытныя мнѣнія русскихъ людей въ XVI ст. по нѣкоторымъ историко-географическимъ вопросамъ см. R. M. C., 1 (7), 85 C (130), 87 B (132).

поворотнаго движенія въ судьбѣ народовъ европейскихъ. Существенными различіями въ причинахъ и въ послѣдствіяхъ этого движенія и были обусловлены отличительныя особенности въ развитіи землевѣдѣнія на западѣ и востокѣ Европы. Тамъ географическія открытія основывались до извѣстной степени на ученыхъ соображеніяхъ, и классическая географія, математика и астрономія служили твердымъ основаніемъ для развитія знаній географическихъ. Русское землевѣдѣніе не имѣло этой основы; тѣмъ не менѣе, оно оставило весьма замѣтный слѣдъ въ общей исторіи землевѣдѣнія XVI в. и способствовало расширенію географическихъ знаній на западѣ.

XIII.

Характеръ извѣстій о сѣверныхъ странахъ въ XVI в.— Отношенія Россіи къ Швеціи и Даніи въ княженіе Ивана III.—Уничтоженіе ганзейской конторы въ Новгородѣ.—Путешествіе пословъ великаго князя Ивана III въ Данію черезъ Бѣлое море и Сѣверный океанъ; плаваніе близъ Норвежскаго берега отъ Вардегуза до Трондгейма.—Приключеніе близъ Святаго Носа.—Жертвоприношеніе на скалѣ Семь.—Съ какого времени Русскимъ сдѣлался извѣстенъ морской путь изъ Бѣлаго моря къ Норвегіи.—Значеніе Двинской земли.—Колонизація на сѣверѣ.—Особенности его природы, замѣченныя русскими путешественниками въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.—Устья рр. Сѣв. Двины, Кулоя, Мезени, Печоры и Оби.—Извѣстія о моряхъ Балтійскомъ, Азовскомъ, Черномъ и Каспійскомъ, находящіяся въ Запискахъ о Московіи.

Въ первой половинѣ XVI в. ученые географы имѣли весьма смутныя понятія о всѣхъ полярныхъ странахъ сѣвернаго полушарія. Гренландію, послѣ того какъ прекратились сношенія съ нею въ XIV в., считали страною неизвѣстною, и догадки о положеніи и очертаніи береговъ ея до 1558 г., когда была издана знаменитая карта Венеціанца Николая Зено, вращались въ области фантазіи. Герберштейнъ полагалъ, что Сѣверный океанъ (oceanus Septentrionalis), омывающій берега Московіи, Швеціи и Норвегіи, называемый („нынѣ“) Ледовитымъ моремъ (mare Glaciale), отдѣляетъ эти страны отъ неизвѣстной, находящейся, какъ говорятъ, за устьями рр. Печоры и Оби, земли Енгранеландъ (Гренландія). Я слышалъ, говоритъ онъ, „что она отчуждена отъ сношенія и торговли съ нами, какъ по причинѣ высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, такъ и вслѣдствіе постоянно плавающаго по морю льда, который препят-

ствуетъ судоходству и дѣлаетъ его опаснымъ, а поэтому она и неизвѣстна" [1]).

Вообще извѣстія о Ледовитомъ морѣ, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ, были весьма разнорѣчивы. О величественной и угрюмой природѣ крайняго сѣвера разсказывали много невѣроятнаго даже въ тѣхъ странахъ, населеніе которыхъ могло бы, по видимому, имѣть о ней болѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Такъ отъ правителей Норвегіи Герберштейнъ слышалъ почти то же, что и отъ пословъ великаго князя Московскаго о высочайшихъ горахъ на сѣверо-западѣ, подобно Этнѣ, постоянно извергающихъ пламя, отъ котораго многія горы разрушились; нѣкоторые утверждали даже, что тамъ находится чистилище. Также баснословіемъ отличались и извѣстія о странахъ сѣверо-восточныхъ, найденныя Герберштейномъ въ русскомъ дорожникѣ [2]).

При такомъ состояніи географическихъ извѣстій о сѣверныхъ полярныхъ странахъ понятно, почему Герберштейнъ счелъ необходи-

---

[1]) Geogr. du moyen-age, *Lelewel*, III, Bruxelles, 1852, p. 96 etc., Gesch. d. Erdkunde, *Peschel*, München, 1865, S. 147—148. Gesch. d. Erdkunde, *C. Ritter*; Berlin, 1861, S. 207—208 („Ист. землев.", С.-Пб. 1864, стр. 166—167). Ср. Atlas du vic. de *Santarem*, Mappemonde d'*Apianus* de 1520; Monuments de la geogr. par *Jomard:* globe terrestre de la 1-re moitié du XVI siècle.

R. M. C., изд. 1556 г., 116 A (р. п., 173), 80 A (122), 120 B: „audio"; р. п., 180: „Судя по слухамъ, я думаю"... 120 B: „montes, qui perpetuis niuibus obsiti rigent"... Въ изд. 1557 г., Kij: „Gotschalch Rosnkranz des Khünigs Christerns sun (der an Khaiser Carls hoff gestorben) Cantzler gewest, hat mir gesagt, wie bey vnserm gedenckhen etliche personen sich hinüber gewagt, vnd gleichwol halb mit dem Schiffbruch verdorben, die Vberblibne haben sich vnderstanden, vberland heraus zukhomen, sollen piss on ain in dem Eiss vnd Schne verdorben sein".

[2]) R. M. C., 116 C (р. п., 174); 119 C—120 A (179); 82 B—83 A (125—126). Ср. Cosmographiae universalis lib. VI, *Seb. Munstero*, 1552, p. 833, 850—854.

Съ замѣчаніемъ Герберштейна о чистилищѣ на сѣверѣ Карамзинъ сопоставилъ новгородское преданіе о раѣ, находящееся въ посланіи св. архіепископа новгородскаго Василія (1351—1352 г.) къ епископу тверскому Ѳеодору, напеч. въ Степ. кн., I, 480—484; въ П. С. Р. Л., VI (приб. къ Соф. 1 лѣт.), 87—89; VII (Воскр. лѣт.), 212—214. Ист. гос. Росс., IV, пр. 359 (Бѣлое море). См. *Руднева:* Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, пр. 71; *Пушкарева:* Описаніе Росс. Имперіи, кн. 2, стр. 3—4; *И. Срезневскаго:* Пам. русск. письма и языка, 94 (Касп. море); *А. Н. Веселовскаго:* Параллели къ сказанію о Новг. раѣ, въ Филолог. Зап., 1875, вып. 3.

Мнѣнія о томъ, по какому морю странствовали Новгородцы, о которыхъ разсказывается въ Посланіи, различны, и ни на одномъ изъ этихъ мнѣній мы не можемъ остановиться: данныя для географическаго опредѣленія этого загадочнаго моря въ извѣстныхъ намъ спискахъ Посланія недостаточны.

мымъ изложить въ своихъ Запискахъ любопытныя, новыя и притомъ достовѣрныя свѣдѣнія о плаваніи по Ледовитому морю, сообщенныя ему толмачемъ Григоріемъ Истомою, Власіемъ и дьякомъ Димитріемъ Герасимовымъ. Всѣ эти три лица, въ качествѣ пословъ великаго князя, въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. ѣздили въ Данію черезъ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, по западному берегу Скандинавскаго полуострова. Что заставило ихъ избрать этотъ продолжительный, сопряженный съ величайшими лишеніями и опасностями путь въ то время, когда имъ дано было порученіе, требовавшее, по возможности, скорѣйшаго исполненія, ради неотложныхъ государственныхъ интересовъ, объясняется слѣдующими обстоятельствами:

Пріобрѣтеніе острова Готланда (1487 г.) датскимъ королемъ Іоанномъ (1481—1513 гг.) и его стремленія къ тому, чтобы Швеція, соединенная Кальмарскою уніей съ Норвегіей и Даніей (1397 г.), признала его своимъ королемъ, повели къ открытымъ враждебнымъ столкновеніямъ между нимъ и правителемъ Швеціи Стенъ-Стуромъ, и въ 1491 г. король Іоаннъ велѣлъ взять при Готландѣ и въ самой Висбиской пристани нѣсколько шведскихъ кораблей. Стенъ-Стуру помогали города Ганзейскаго союза; король датскій искалъ помощи у великаго князя московскаго [3]).

Въ Іюнѣ 1493 г. явился въ Москву посолъ Иванъ отъ датскаго короля съ предложеніями „о любви и о братствѣ“, какъ сказано въ нашей лѣтописи. Князь великій, „почтивъ“ датскаго посла, отпустилъ его въ свою землю и отправилъ съ нимъ къ королю своихъ пословъ Димитрія Грека Ралева и Димитрія Зайцева. Въ этомъ же году былъ заключенъ договоръ между Даніей и Россіей съ цѣлью дѣйствовать за одно противъ Швеціи: Русскіе должны были напасть на шведскія владѣнія въ Финляндіи и значительную часть ея удержать подъ своею властію; затѣмъ прекратить торговлю въ Новгородѣ съ городами Ганзейскаго союза, съ которымъ Данія также прервала торговыя сношенія [4]).

---

[3]) R. M. C., 117 A (p. n., 174); 118 B—119 A (177). Gesch. Schwedens v. *Geijer*, I, Hamburg, 1832, S. 233—234. Ист. Шведск. госуд., *Далина*, ч. 2, стр. 1029.

[4]) П. С. Р. Л., IV (Новг. 4 лѣт.), 162—163; VIII (Воскр. лѣт.), 227; Никон., VI, 136. *Далинъ*, II, 1032—1033; Gesch. v. Dännemark v. *Dahlmann*, III, Hamburg, 1843, S. 253, 301: враги датскаго короля утверждали, что Швеція, по договору его съ великимъ княземъ, потеряла пространство въ 200 миль длины и въ 20 миль въ ширину.

Кромѣ тѣхъ выгодъ, какія могъ пріобрѣсти великій князь отъ союза съ Даніей противъ Швеціи, онъ, вѣроятно, имѣлъ и другія ближайшія причины, побудившія его начать войну съ нею. Монополія Ганзейскаго союза была невыносима для Русскихъ; ливонскіе города, участвовавшіе въ этомъ союзѣ и дѣйствовавшіе за одно съ Швеціей, препятствовали сношеніямъ Московской Руси съ Западною Европой, а въ этихъ сношеніяхъ начинали чувствовать въ Москвѣ крайнюю необходимость. Намѣреніе уничтожить эту монополію должно было неизбѣжно повести къ враждебнымъ столкновеніямъ со Швеціей. Обстоятельства, какъ мы видѣли, были благопріятны для осуществленія этого намѣренія. Въ 1494 г. возвратились въ Москву послы великаго князя Димитрій Ралевъ и Димитрій Зайцевъ съ докончальными грамотами, утвержденными датскимъ королемъ. Вмѣстѣ съ русскими послами пріѣхалъ и датскій посолъ Давидъ. Такимъ образомъ въ концѣ XV в. сѣверныя государства и города, которымъ еще предстояло вести долгую борьбу за обладаніе берегами Балтійскаго моря, раздѣлились на два враждебные союза [5]).

Замѣчательно, что еще въ 1492 г., по повелѣнію великаго князя, былъ заложенъ городъ „на нѣмецкомъ рубежѣ“, на р. Наровѣ, названный Ивангородомъ [6]). По окончаніи переговоровъ съ Да-

---

[5]) П. С. Р. Л., IV (Новг. IV), 164; VIII (Воскр.), 228; Никон. VI, 140. Въ „Лѣтописцѣ“ напеч. въ Москов. типогр., 1781 г. (Арханг. лѣтоп.), стр. 173, есть, подъ 7005 г., слѣдующее извѣстіе: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи послалъ пословъ своихъ къ Датскому королю въ Нѣмцы Дмитрея Зайцева, да Дмитрея Ларева Грека, и шли на Колывань, а назадъ тудѣ не смѣли пройти: и они пришли на Двину около Свѣйскаго королевства и около Мурманскаго Носу моремъ окіяномъ, мимо Соловецкой монастырь на Двину, а въ Двины мимо Устугъ къ Москвѣ, да съ ними пришелъ Датскаго короля посолъ имянемъ Давыдъ, да съ собою провели Якова разбойника Нѣмчина самъ третей“. По всей вѣроятности, это извѣстіе должно быть отнесено не къ 7005, а къ 7002 году, такъ какъ къ этому году, то есть къ 1494, относится возвращеніе изъ Даніи вышепомянутыхъ пословъ, по лѣтописямъ Новг. 4, Воскр. и Никон.

Въ лѣтописцѣ, изд. 1781 г., подъ тѣмъ же 7005 г., упоминается о томъ, что вел. князь далъ за Александра Литовскаго дочь свою. Это событіе также относится не къ 7005, а къ 7003 г. (1495), см. П. С. Р. Л., VIII, 229; Никон., VI, 139 (7002 г.), О Дмитріѣ Ивановичѣ Ралевѣ или Ларевѣ см. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст., *Гамеля*, I, стр. 175—176; Gesch. d. Ostseeprov. v *Richter*, II, Riga, 1858, S. 233.

[6]) П. С. Р. Л., IV (Новг. 4 лѣт.), 161; VIII (Воскр. лѣт.), 22. Никон., VI, 132. Нельзя не обратить вниманіе также на постройку „города каменнаго“ въ Новгородѣ. 6998 (1490 г.): „Поставленъ бысть градъ каменной въ Великомъ

ніей о союзѣ, великій князь въ 1495 году" велѣлъ ѣхать дьяку Василію Жуку и Даніилу Мамыреву къ намѣстникамъ въ Новгородъ и приказалъ всѣхъ тамъ купцовъ ревельскихъ лишить дворовъ (торговыхъ) и церквей; взять самихъ подъ стражу; а товары, имъ принадлежащіе, описавъ, привезти въ Москву за то, что въ Ревелѣ граждане дѣлали много обидъ и притѣсненій купцамъ новгородскимъ, грабили ихъ на морѣ, варили даже въ котлахъ, самоуправно, безъ изслѣдованія и не давая знать великому князю; также ругались надъ послами русскими, путешествовавшими въ Италію и Германію". Нѣмцы признали вину свою и отправили отъ себя посла къ великому князю Александру литовскому съ просьбою, чтобъ онъ „печаловался тестю своему великому князю Ивану Васильевичу за ихъ преступленіе и неправду", чтобъ онъ пожаловалъ, отпустилъ задержанныхъ купцовъ нѣмецкихъ. Александръ исполнилъ эту просьбу и отправилъ посла къ великому князю Ивану. Къ нему явились также послы отъ магистра, отъ всей земли Ливонской и семидесяти заморскихъ (то-есть ганзейскихъ) городовъ, просили объ отпускѣ нѣмецкихъ купцовъ и о назначеніи съѣзда на островѣ рѣки Наровы для переговоровъ.

Вслѣдствіе челобитья этихъ пословъ великій князь пожаловалъ, велѣлъ освободить ганзейскихъ купцовъ и отпустить ихъ домой [7]).

Новѣградѣ, повелѣніемъ великаго князя Іоанна Василіевича всея Россіи, при архіепископѣ Генадіи: на двѣ части великаго князя денги, а треть владыка своими денгами". Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 311 (Новг. 3 лѣт.): „Совершили городъ каменъ въ Новѣгородѣ въ Великомъ, по старой основѣ". Никон., VI, 129.

Balthasar Rüssows Livl. Chron., Reval, 1845, S. 56; Gesch. d. Ostseeprovinzen v. *Rutenberg*, Leipzig, 1860, II, 267: „Es soll dabei ein italienischer Baumeister geholfen haben". Gesch. v. Littauen, Kurland und Liefland v. *A. L. Schlözer u. L. A. Gebhardi*, Halle, 1785, S. 468.

[7]) П. С. Р. Л., IV (Новг. 4 лѣт.), 164—165; VIII (Воскр. лѣт.), 228—229 (7004, апрѣль). Никон., VI, 141—142 (7003, апрѣль). *Russow*, 57.

Есть основаніе предполагать, что не всѣ купцы ганзейскіе, захваченные въ Новгородѣ, были освобождены вел. кн. Иваномъ III. Памят. диплом. снош., I, 154—158; Gesch. v. Littauen etc. v. *Schlözer* u. *Gebhardi*, 469. Никон., VI, 186 (ср. стр. 182—183). *Арцыбышевъ*, IV, 66—67. *Карамзинъ*, VI, 164—165. *Richter*, II, 423—424: „Auf dem Hansetage vom J. 1540... setzten die Dorptschen Sendboten auseinander, wie übermüthig die Russen mit den deutschen Kaufleuten umgegangen seien und wie wenig ihnen zu trauen wäre, wogegen aber Reval behauptete, die Factorei sei nur durch den Eigennutz und das schlechte Benehmen der deutschen Kaufleute zu Grunde gegangen". Промышленность древней Руси, *Н. Аристова*, 249; Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII ст., *Н. Ко-*

Почти одновременно съ извѣстіемъ объ уничтоженіи ганзейской конторы въ Новгородѣ въ нашихъ источникахъ начинается (съ 1495 г.) рядъ извѣстій о походахъ русскаго войска въ области, находившіяся подъ властью Швеціи. Изъ сопоставленія этихъ извѣстій съ вышеприведенными условіями договора между великимъ княземъ и датскимъ королемъ нельзя не вывести того заключенія, что знаменитое дѣло, столь встревожившее сосѣдей Московской Руси, прекращеніе ганзейской торговли въ Новгородѣ—не было случайнымъ или не обдуманнымъ.

По повелѣнію великаго князя, русское войско, подъ предводительствомъ князя Даніила Васильевича Щени, Якова Захарьича и князя Василія Ѳедоровича Шуйскаго, отправилось въ 1495 году къ Выборгу. Городъ этотъ, однако, не былъ взятъ Русскими, и ихъ дѣйствія ограничились только опустошеніемъ непріятельской земли [8]). 17-го ноября 1495 г. великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ онъ оставался до 10-го марта. 17-го января онъ послалъ войско, подъ начальствомъ князя Василія Ивановича Косого и Андрея Ѳедоровича Челяднина, въ землю Еми (на югѣ Финляндіи). Русскіе опустошили ее до Таваструса и 6-го марта возвратились въ Новгородъ „съ полономъ многимъ" [9]).

Весною 1496 г. было отправлено войско на Каянскую землю, прилегавшую къ Ботническому заливу. Оно находилось подъ начальствомъ Ивана и Петра Ушатыхъ и состояло изъ Устюжанъ, Двинянъ, Онежанъ и Важанъ. Участіе этихъ обитателей сѣвера могло обѣщать успѣхъ, и дѣйствительно, русская рать совершила смѣлый походъ, напоминающій походы Руссовъ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ въ славную эпоху сложенія русскаго государства. Отъ устьевъ С. Двины русская рать поплыла моремъ-океаномъ, миновала Мур-

---

стомарова, 35—37. Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ, *В. Ламанскаго*, стр. 15, 21.

[8]) Подробныя и обстоятельныя, по хронологическимъ даннымъ, извѣстія объ этомъ походѣ находятся въ 1-й Псковской лѣтописи. П. С. Р. Л., IV, 269. Ср. П. С. Р. Л., IV (Новг. 4 лѣт.), 165; VI (Соф. 1 лѣт.), 23; VIII (Воскр. лѣт.), 230. Новг. лѣт., по изд. 1879 г., стр. 59 (Новг. 2). Никон., VI, 143. *Арцыбышевъ*, IV, 68.

[9]) П. С. Р. Л., VIII (Воскр. лѣт.), 230—231 (Гамская земля); Никон. лѣт., VI, 145 (Гайская). *Арцыбышевъ*, IV, 68. Изсл. *Лерберга*, С.-Пб. 1819 г., 124—125 (Häme—Тавастія).

манскій Носъ (вѣроятно, такъ названъ Святой Носъ), и достигнувъ отдаленной Каянской земли, повоевала здѣсь берега восьми рѣкъ. Жители береговъ Лиминги признали надъ собою власть великаго князя и съ русскими воеводами отправили пословъ въ Москву [10]). Въ томъ же году, когда Русскіе съ двухъ сторонъ напали на владѣнія Швеціи, великій князь отправилъ къ датскому королю Григорія Истому, вмѣстѣ съ тогдашнимъ посломъ датскаго короля, Шотландцемъ Давидомъ. Они сначала прибыли въ Новгородъ; но отсюда ѣхать въ Данію было опасно, такъ какъ Россія вела войну съ Швеціей и находилась во враждебныхъ отношеніяхъ и къ городамъ Ганзейскаго союза, и къ Ливоніи. Поэтому Истома и Давидъ избрали путь болѣе безопасный, хотя онъ былъ длиннѣе. Добравшись до устьевъ Сѣверной Двины, они поѣхали моремъ, держась береговъ Лапландіи и Норвегіи. По этому же пути ѣздили въ Данію и Власій, и Димитрій Герасимовъ. Эти путешествія, какъ впрочемъ, и многія другія обстоятельства, должны были убѣждать Русскихъ людей въ необходимости обезпечить себѣ другой путь на западъ. Не даромъ покоритель Новгорода поспѣшилъ основать городъ на берегу Балтійскаго моря и назвалъ его въ честь своего имени [11]).

[10]) П. С. Р. Л., VIII (Воскр. лѣт.), 231; Никон., VI, 146. Извѣстія въ этихъ двухъ лѣтописяхъ о походѣ въ 1496 г. (7004) совершенно сходны (отличія слѣдующія: въ Воскр.—р. Сиговая, въ Никон.—Сигодая; въ Воскр.—р. Гавка, въ Никон.—Галовка); въ обѣихъ приведены названія восьми рѣкъ, берега которыхъ были повоеваны русскою ратью. Существеннымъ дополненіемъ къ записи, находящейся въ Воскр. и Никон. лѣтоп., служитъ извѣстіе Лѣтописца (Арханг. лѣт.), изд. въ 1781 г., стр. 172 и 173. *Арцыбашевъ*, IV, 68; Геогр. свѣд. по Руси, *П. Бѣляева*, въ Зап. Геогр. Общ., VI, 1852 г., стр. 251—252; Мурманскій и Терскій берега по Кн. Б. Ч., *Е. К. Огородникова*, въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. 2, стр. 588—589. О походѣ въ Остроботнію въ 1496 г. упом. *Далинъ*, II, 1043.

Коскиненъ замѣчаетъ, что Русскіе въ 1496 г. опустошили все побережье отъ Торнео до Калаіоки, Finnische Gesch., Leipzig, 1874, S. 85. Переѣзды по Финляндіи, *Я. Грота*, С.-Пб., 1847 г., стр. 160—161: „Каяну окружаетъ, особенно съ сѣвера, пустынный край“... Она „лежитъ почти въ серединѣ длиннаго воднаго пути, идущаго, въ видѣ крутой дуги, отъ границъ Арханг. губ. до самаго Ботническаго залива“.

[11]) R. M. C., 117 A: „cum magistro Dauid, natione Scoto“ (р. п., 174: „съ Шотландцемъ Давидомъ“); 117 B (175); 118—119: „Demetrius item ille... per quo hoc ipsum iter in Nordvuegiam et Daniam missus uenerat“ (р. п., 177: три раза ѣздилъ въ Норвегію и Данію). Ср. въ изд. 1557 г., стр. R. Никон., VI, 141 (1495 г.): отъ жителей Колывани „посломъ великаго князя поруганіе было, которые послы ходили отъ великаго князя въ Римъ и во Фряскую землю, и въ Нѣмецкую“. Ср. стр. 156.

Въ 1497 г. датскій король Іоаннъ былъ признанъ королемъ Швеціи. Съ этимъ признаніемъ и война послѣдней съ Россіей должна была прекратиться. Сношенія съ датскимъ королемъ, однако, не прерывались. Въ 1500 г. апрѣля 2-го къ нему были отправлены великимъ княземъ Юрій Мануйловичъ Грекъ и дьякъ Третьякъ Долматовъ, вмѣстѣ съ даткимъ посломъ Иваномъ. Русскіе послы возвратились въ августѣ 1501 г., и съ ними пріѣхалъ посолъ датскаго короля Давидъ [12]).

Въ которомъ году ѣздили въ Данію Василій и Димитрій Герасимовъ мы не знаемъ, вѣроятно — въ концѣ XV или въ началѣ XVI в., когда существовали враждебныя отношенія къ Швеціи и къ ганзейскимъ городамъ, такъ какъ и тотъ, и другой ѣздили въ Данію сѣвернымъ морскимъ путемъ. Власій разсказывалъ объ этомъ пути короче, чѣмъ Истома. Оба они вернулись черезъ Ливонію и совершили свое путешествіе впродолженіе года. „Хотя“, замѣчаетъ Герберштейнъ, „Григорій Истома говорилъ, что половину этого времени онъ былъ задержанъ (detentum et remoratum) бурями во многихъ мѣстахъ, однако и онъ, и Власій постоянно утверждали, что въ это путешествіе они сдѣлали 1700 верстъ, т. е. 340 миль“. То, что сообщили Истома и Власій, было подтверждено и Димитріемъ Герасимовымъ. Каждаго изъ нихъ Герберштейнъ разспрашивалъ порознь; но не смотря на тщательные распросы, въ его разказѣ о плаваніи великокняжескихъ пословъ по Ледовитому морю встрѣчаются, какъ увидимъ, нѣкоторыя ошибочныя данныя [13]).

Въ устьяхъ р. Сѣверной Двины Истома и его спутники „сѣли на четыре судна; плыли, держась праваго берега океана, и видѣли тамъ высокія и суровыя горы. Сдѣлавъ 16 миль и переѣхавъ черезъ какой то заливъ, они приплыли къ лѣвому берегу и, оставивъ вправѣ

---

[12]) *Dahlmann*, III, 255; П. С. Р. Л., VIII (Воскр. лѣт.), 238 (датскій посолъ, „капланъ, именемъ Иванъ“ прибылъ въ Москву въ февралѣ), 240 (Юрій Старой). Никон., VI, 159, 164.

[13]) R. M. C., 118 C—119 A (р. п., 177: „однако и тотъ, и другой единогласно утверждали“; 118 C: „Uterque tamen constanter affirmabat“). Въ изд. 1557 г., Qiij, л. 2 об. „Derselb Tulmatsch (то-есть, Истома) hat mir solche seine rayss meer dan ainest gleichmässig gesagt“; ib., R: „Blasivs Vlas, der ander Tulmetsch, auch ain zimblicher gueter man“... „Demetter, der dritte Tulmetsch... bestättigt der andern baider, sagen, also das khainer neben den andern mit mir dauon geredt hat“...

обширное море, которое получило свое имя отъ рѣки Печоры, также какъ и сосѣднія горы, прибыли къ народамъ Финлаппіи“ (Finlappiae). Потомъ, оставивъ землю Лопарей (Lapporum) и сдѣлавъ 80 миль моремъ, они достигли страны Нортподенъ (Nortpoden), подвластной королю шведскому. Русскіе называютъ ее Каянскою землей (Kaienska semla), а народъ—Каянами (Kayeni). Онъ говорилъ, что, подвигаясь оттуда вдоль извилистаго берега (emenso ac superato littore flexuoso), который тянулся вправо, они достигли мыса, называемаго Святымъ Носомъ (Sanctus Nasus). Святой Носъ есть огромная скала, вдающаяся въ море, на подобіе носа; подъ нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часовъ поглощаетъ морскую воду (mare) и съ большимъ шумомъ обратно изрыгаетъ назадъ (reddit euomitque) эту пучину. Одни говорили, что это середина моря, другіе—что это Харибда. Сказывалъ онъ, что сила этой пучины такъ велика, что она притягиваетъ корабли и другіе предметы, [находящіеся] по близости, крутитъ ихъ и поглощаетъ, и что они никогда не были въ большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на которомъ они ѣхали, то они едва съ великимъ трудомъ спаслись, налегши всѣми силами на весла“ (renitentibus remis) [14]).

Такъ описанъ путь отъ устьевъ Сѣверной Двины по Бѣлому морю къ мысу, и въ настоящее время называемому Святымъ Носомъ и составляющему точку раздѣла между океаномъ и Бѣлымъ моремъ. О немъ, однако, ничего не говорится въ Запискахъ. Считать этотъ пропускъ случайнымъ—было бы не основательно, такъ какъ Герберштейнъ подробно говоритъ о сѣверныхъ водахъ. По всей вѣроятности, онъ и не подозрѣвалъ, что Бѣлое море составляетъ отдѣльную часть Сѣвернаго океана, такъ какъ Русскіе употребляли одно и то

---

[14]) R. M. C., 117 B—C (р. п., 175—176), 117 C: „Est autem Sanctus Nasus, saxum ingens, ad nasi similitudinen, in mare prominens“... Въ изд. 1557 г., Qiij, л. 2 об. „das ist ain Fels, an demselben Perg, darumb nennen sy den Perg ain Nasen. Das sich derselb Fels von dem andern Gepürg herdan lässt, wie die nasen vom khopf“. Р. п., 175: „пещера съ [нѣсколькими] водоворотами“; 117 C: „sub quo antrum uorticosum conspicitur“. Въ изд. 1567 г., CXXXI: „Vndter disem sicht man ein krumme hüle“... Въ изд. 1557 г., Qii, л. 2 об. „Vndter dem gepürg sicht man, wie das Moer einfelt vnd sich verleust, als auf sechs stund, vnnd dann wider vbersich heraus mit grossem sauss in die höch wallund aussfleust“...

же слово для означенія какъ этого моря, такъ и Сѣвернаго океана [15]).

Отъ устьевъ р. С. Двины Истома и его спутники плыли по „правому берегу океана“, то-есть, по тому берегу Бѣлаго моря, который тянется отъ устьевъ этой рѣки къ Мезенской губѣ и называется Зимнимъ, и здѣсь-то они видѣли съ моря тѣ незначительныя пологія горы, которыя имъ казались и высокими, и суровыми [16]).

Оставивъ вправѣ море, получившее свое имя отъ р. Печоры, наши путники направились къ Святому Носу, за которымъ къ западу, какъ, вѣроятно, и сообщили Герберштейну, лежала земля Лопарей (Finlappia), а далѣе за нею, по тому же направленію— земля Каяновъ (Kaienska semla, Nortpoden), то-есть Квеновъ, составляющихъ особое племя финской вѣтви. Съ древнѣйшаго времени двигаясь съ востока на западъ, какъ предполагаютъ, отъ береговъ Бѣлаго моря къ Ботническому заливу, это замѣчательное племя распространилось по всей области, лежащей вокругъ сѣверной части Ботническаго залива. Уже въ IX в., по свидѣтельству Отера, земля ихъ прилегала къ сѣверной Норвегіи. Первыя враждебныя столкно-

---

[15]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VI, С.-Пб., 1862 г., стр. 118. Студеное море, море, море-океанъ упом. въ Собр. гос. гр. и дог., I, № 158 1530 г., іюля); А. И., I, № 246 (1595 г., марта 19), стр. 462; II, № 355 (1610—1613 г.), стр. 425: „У пристани морской окіана: Архангелской городъ“; IV, № 254 (1675 г., іюня 15), стр. 545. Въ кн. Б. Ч. (изд. 1846 г.), 159—170, 180—188, Сѣверный океанъ и Бѣлое море называются моремъ. Ср. Библ. ин. писат. о Россіи, I, 66 (р. п. 31—32), *Іовій*. Описаніе Росс. Имп., *Пушкарева*, т. I, кн. 2, стр. 5. Кн. Б. Ч., 165: Соловецкое море.

Stuckenberg, II, 18: „Vom Weissen Meere bemerkt H. v. *Baer*,dass es gar nicht den Character eines Binnenmeeres, wie z. B. die Ostsee und das Mittelländische Meer behaupte“.

Бѣлое море и Сѣверный океанъ называли также и называютъ моремъ Мурманскимъ. Ист. гос. Росс., *Карамзина*, II, пр. 62. Двинск. лѣт., Древн. Вивл., XVIII, 12—13. Ср. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст., *Гамеля*, I, 21—22; Четырехкратное путеш. въ С. Ледов. океанъ въ 1821—1824 гг.. *Литке*, I, 65.

Вѣроятно, Истома отправился въ путь весною. R. M. C., 118 A—B (р. п., 176). Гидрограф. описаніе сѣвернаго берега Россіи, *М. Рейнеке*, II, С.-Пб., 1843 г., стр. 34, 42, 80, 81.

[16]) *Рейнеке*, I; 9—10; *Stuckenberg*, II, 16: „Die Fischer und Jäger des Weissen Meeres theilen die Gestade desselben überhaupt in das Westliche und Oestliche ein, von denen das Erste von Norwegen bis Oneg oder bis Dwina angenommen werden kann, das Andere von dort bis Waigatsch“... См. карту № 1, приложенную къ нашему сочиненію.

венія Русскихъ съ ними относятся къ XV в. Герберштейнъ называетъ ихъ землю не однимъ только русскимъ именемъ; это приводимое имъ иностранное имя Nortpoden означаетъ сѣверную, низовую землю. Такое же значеніе имѣетъ, по толкованію Лерберга, и финское названіе Kainun-maa, Kainu-laiset, откуда Kwener или Quäner [17]).

Достигнувъ Каянской земли, Истома и его спутники продолжали подвигаться далѣе (на западъ) и приплыли къ Святому Носу. Виновникомъ этого ложнаго извѣстія едва ли не слѣдуетъ считать самого Герберштейна. Едва ли послы великаго князя, дававшіе точные отчеты въ своихъ путешествіяхъ, могли запамятовать, что мысъ Святой Носъ лежитъ не за землею Лопарей, а тѣмъ менѣе Каяновъ, и что земли этихъ племенъ лежатъ далѣе на западъ отъ него.

Объ этомъ мысѣ, близъ котораго наши путники подверглись великой опасности, они не преминули сообщить любопытныя подробности, для провѣрки и объясненія которыхъ приведемъ современныя намъ описанія его:

„Оба берега Св. Носа, вытянувшагося отъ материка къ NNW" на 10 морскихъ миль, „суть гранитные утесы темнаго цвѣта, высотою до 30 саженъ; подошва ихъ усѣяна гранитными обломками, мѣстами скатившимися въ воду, въ оврагахъ снѣгъ видѣнъ во все лѣто. Хребетъ пологихъ горъ", возвышающихся саженъ на 15 или 20-ть надъ этими утесами, „покрытъ бѣлымъ мохомъ; къ югу продолжается этотъ хребетъ внутрь материка, а къ сѣверу постепенно снижается, равно какъ и самые утесы".... На восточномъ берегу—небольшіе заливы, кажущіеся неглубокими оврагами; на западной сторонѣ—обширный заливъ, называемый Свято-носскимъ или Іоканскимъ. „Восточный и южный его берегъ, принадлежащій къ Свято-Носскому полуострову, утесистъ. Съ юго-западной стороны заливъ ограничивается болѣе пологимъ и не столь высокимъ Лапландскимъ берегомъ". Этотъ именно заливъ, по всей вѣроятности, и названъ пещерою (antrum) въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ. Къ NW, въ 120 саженяхъ отъ низменной оконечности Св. Носа, лежитъ камень Воронуха, „покры-

---

[17]) *Castren's* Ethnolog. Vorlesungen, St.-Pet., 1857, S. 144—147; Изсл. *Лерберга*, 120—123. О Квенахъ см. соч. Reise durch Norwegen und Lappland v. *Leopold* v. *Buch*, 2 Th., Berl. 1810, S. 13 u. ff. Reisebilder aus den Skandinavischen Norden v. *Hermann Zschokke*, Wien, 1877, S. 256, 267.

вающійся водою при приливѣ; глубина между нимъ и берегомъ 10—15 саженъ; но тутъ рѣдко проходятъ даже промышленничьи суда, ибо теченіе прилива сильно бьетъ къ берегу, а отливъ идетъ черезъ этотъ камень“. Теченія, образующіяся во время прилива и отлива, вѣрно опредѣленное въ описаніи Герберштейна, сталкиваются на оконечности Святаго Носа съ постояннымъ теченіемъ изъ Святоносской губы и потому-то на этой оконечности бываетъ сулой (vorago), то-есть толчея, образующаяся отъ встрѣчи двухъ противоположныхъ теченій. Объ этомъ, вѣроятно, сулоѣ, въ которомъ едва не погибли наши путники, одни говорили, что онъ составляетъ середину моря, а другіе, что это—Харибда.

Первое изъ этихъ толкованій напоминаетъ ту наивную эпоху средневѣковыхъ космическихъ воззрѣній когда полагали, что раздѣленная на три части свѣта земля (Европу, Африку и Азію) со всѣхъ сторонъ омывается океаномъ, а въ серединѣ ея находится Іерусалимъ. Второе не принадлежитъ ли знакомцу Герберштейна, послу датскаго короля, Шотландцу Давиду, хотя впрочемъ и Русскимъ не были чужды преданія классической древности.

Перенесеніе божественной Харибды на сѣверъ къ мысу Святой Носъ объясняется тѣми же причинами, какими объясняются и стремленія греческихъ и римскихъ писателей указывать на мѣстожительство ея въ Мессинскомъ проливѣ. Здѣсь въ начальную эпоху морскихъ плаваній мало знакомые съ средствами для борьбы съ морскою стихіей путники, будучи поставлены въ необходимость держаться, по возможности, берега, подвергались тѣмъ же опасностямъ отъ сильныхъ морскихъ теченій, разбивавшихъ суда ихъ о сосѣднія скалы, какимъ подвергались они и въ Сѣверномъ океанѣ, близъ помянутаго мыса. Въ миѳѣ о Харибдѣ, живущей у подошвы утеса, въ проливѣ между двумя скалами, три раза въ день выпускающей воду и три раза съ страшнымъ шумомъ ее поглощающей и губящей въ это время все, что только ей попадается, народное воображеніе въ наивной формѣ олицетворило необычайную силу морскаго водоворота, заставлявшаго трепетать первыхъ отважныхъ странствователей по морямъ, имъ мало знакомымъ. Вотъ почему пребываніе Харибды могли указывать въ различныхъ мѣстностяхъ, отличающихся морскими теченіями [18]).

[18]) *Рейнеке*, I, 121—122; II, 70—71; I, 123; II, 28—29; I, LXIII. *Peschel*, 91—92; Gesch. der Erdkunde und der Entdeckungen, *Ritter*, 41, 52, 75 (р. п.,

„Миновавъ Святой Носъ“, Истома и его спутники „прибыли къ какой-то скалистой горѣ, которую имъ надлежало обойдти. Когда они были тамъ задержаны на нѣсколько дней противными вѣтрами, кормчій сказалъ: „Скала, которую вы видите, называется Семь (Semes); если мы не умилостивимъ ее какимъ-либо даромъ, то не легко намъ будетъ миновать ее“. Истома упрекнулъ его за пустое суевѣріе, на что кормчій ничего не отвѣтилъ, и они, задержанные тамъ сильною непогодой въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней, поплыли дальше, послѣ того какъ вѣтры стихли. Когда они ужь ѣхали съ попутнымъ вѣтромъ, кормчій сказалъ: „Вы смѣялись надъ моимъ предложеніемъ умилостивить скалу Семь, какъ надъ пустымъ суевѣріемъ; но если бы я не умилостивилъ ее, тайно взлѣзши на камень ночью, то мы ни коимъ образомъ не получили бы дозволеніе пройдти“. На вопросъ: что онъ принесъ Семи въ даръ? — онъ сказалъ, что лилъ на камень, выступъ котораго мы видѣли, овсяную кашицу, смѣшанную съ масломъ“ [19]).

Названіе Семь заставляетъ остановиться на группѣ острововъ, извѣстной и географамъ, и Поморамъ подъ тѣмъ же названіемъ, такъ какъ черезъ эти острова, лежащіе близъ Мурманскаго берега, между 54 и 56 градусомъ долготы (между 6^0 и 8^0 отъ Пулкова) въ 30-ти морскихъ миляхъ на западъ отъ острова Нокуева, должны были

36, 45, 64); Путешествіе игум. Даніила по Святой землѣ въ нач. XII в., 27: „И есть отъ дверей Гроба Господня до стѣны великаго олтаря 12 саженъ, и ту есть, внѣ стѣны за олтаремъ, пупъ земленый“. Ср. ст. 31, пр. 3.

Мнѣнія Русскихъ людей XVII в. объ устройствѣ міра см. въ соч. *Н. Костомарова:* Русск. ист., в. 4, стр. 70—71. *Соловьевъ,* т. IX, по изд. 1859 г., стр. 460—461.

О Харибдѣ—Geogr. d. Gr. u. Römer v. *Mannert,* IV, Leipzig, 1820, S 16, 20; IX (II), 171, 173, 286. Критич. изсл., относ. къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, *Ѳ. Соколова,* С.-Пб. 1865, 132—146. *Ritter's* Geogr. Lexikon, 2 B., Leipzig, 1865, S. 151: „Die Meerenge von Messina... ist tief die Strömung darin heftig“. Всеобщая Географія, *Г. А. ф. Клёдена,* т. I, С.-Пб. 1876, 642: Близъ Сциллы „отъ встрѣчи морскихъ теченій съ приливомъ и отливомъ образуется стремительный водоворотъ“...

[19]) R. M. C., 117 C—118 A. P. п., 176: „то намъ никоимъ образомъ нельзя было бы пройдти“; въ подл., 118 A: „nequequam transitus nobis concessus fuisset“. Въ изд. 1557 г., Qiij, л. 2 об. Послѣ первой рѣчи кормчаго—„als die baidt dem Shiffman darumb zuredten, schwig er darüber stil“... Die baidt, то-есть Истома и Давидъ. P. п., 176: „лилъ на камень масло, смѣшанное съ овсяною мукою“; въ подл. 118 A: „auenae farinam butyro permixtam super lapidem.. se fudisse“.

проѣзжать послы великаго князя на пути отъ Святаго Носа къ мѣсту, названному въ Запискахъ Моткою. Правда, здѣсь названіе Семь относится къ одной только скалѣ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно заимствовано отъ названія цѣлой группы острововъ, названной Семіостровскою, по числу слѣдующихъ, наиболѣе значительныхъ острововъ: Малый и Большой Лицкой, Кувшинъ, Вишнякъ, Большой и Малый Зеленецъ, Харловъ (крайній на западѣ).

Между материкомъ и этими островами только два мѣста удобны для стоянки судовъ, хотя и здѣсь они подвергаются не малымъ опасностямъ отъ морскихъ теченій. Эти мѣста находятся противъ устья р. Харловки и въ становищѣ Семи острововъ. Изъ первой стоянки можно выйдти въ море при всякомъ вѣтрѣ, но за то она представляетъ болѣе опасностей, чѣмъ становище Семіостровское. Послѣднее невыгодно, однако, въ томъ отношеніи, что отсюда при N и NW нельзя сняться съ якоря. Здѣсь находится часовня, и путники могутъ добыть прѣсную воду.

Такъ какъ только изъ Семіостровскаго становища мореходамъ нельзя пускаться при N и NW въ дальнѣйшее плаваніе, то есть вѣроятіе предполагать, что четырехдневнымъ мѣстопребываніемъ Истомы и его спутниковъ было именно это становище. Близъ него находится имѣющій круглую форму и отвѣсные берега островъ Кувшинъ, который, можетъ быть, и названъ скалою Семь [20]). Ночью тайкомъ отъ нашихъ путниковъ, взлѣзалъ ихъ проводникъ на эту скалу съ тѣмъ, чтобы принести жертву, конечно, не скалѣ, а Тому,

---

[20]) „Росписаніе мореходства или лоція Бѣломорскихъ поморцевъ", Морск. сборн., 1866, № 3, стр. 22—23, продолженіе, ib., № 7, стр. 142; *Литке*, I, 253—263, 260, 262; 257, къ стр. 256—частная карта Семи острововъ; *Рейнеке*, II, 109—119, 112, 114, 110, 115, 109: „Семіостровская группа лежитъ отъ острова Нокуева на NW, въ 30 миляхъ" (у *Литке*, 257: „въ 27 м."). У *Рейнеке*, II, № 1, карта XXI, видъ Семи острововъ.

Догадка Гамеля (Англичане въ Россіи, I, 14—15) относительно происхожденія слова semes отъ camen невѣроятна, какъ справедливо замѣчаетъ г. *Огородниковъ* въ изсл. Мурманскій и Терскій берега, по кн. Б. Ч., въ Зап. по отд. этногр., II, 646. Замѣчаніе почтеннаго автора о томъ, что Семь острововъ около 1496 г. еще не были извѣстны Русскимъ, такъ какъ въ Запискахъ о Московіи названіе Семь относится къ „какой-то скалистой горѣ", не выдерживаетъ критики. Какъ мы уже видѣли, есть основаніе предполагать, что Герберштейнъ не все сообщенное ему послами великаго князя передалъ вѣрно, къ тому же и они могли смутно помнить то, что хорошо было извѣстно русскимъ мореходамъ. Ср. у *Карамзина*, VII, 124—125.

къ Кому онъ мысленно обращался съ мольбой о милости и помощи. Хотя онъ и совершалъ языческій обрядъ, тѣмъ не менѣе можно предполагать, что онъ былъ христіанинъ, а не инородецъ-язычникъ. Англичанинъ Антоній Дженкинсонъ, во время своего перваго путешествія въ Россію въ 1557 г., записалъ въ своемъ путевомъ журналѣ слѣдующее любопытное и достовѣрное извѣстіе: „7-го іюля прибыли мы къ мысу, называемому Svetinose, который образуетъ входъ въ губу св. Николая. У этого мыса лежитъ большой камень (a great stone), которому проходящія ладьи (barkes) обыкновенно приносятъ въ жертву масло, муку и другіе припасы, полагая что въ случаѣ отказа въ этомъ приношеніи ладьи и другія суда должны погибнуть, что часто и случалось“. Слѣдовательно, въ XVI в. предки отважныхъ и предпріимчивыхъ русскихъ Поморовъ еще сохраняли языческій обрядъ жертвоприношенія. Какой онъ имѣлъ смыслъ въ XVI в.—мы не знаемъ и не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о происхожденіи его. Какъ извѣстно, у обитателей странъ, лежащихъ на крайнемъ сѣверѣ европейскаго материка, и въ христіанскую эпоху долго сохранялось религіозно-нравственное и поэтическое наслѣдіе языческой эпохи и не потому только, что они поздно приняли христіанство. Живя среди постоянныхъ лишеній и опасностей, и на сушѣ, и на морѣ, отчужденные отъ постоянныхъ, непрерывныхъ сношеній съ другими, они естественно долго сохраняли обряды, которыми поддерживалась вѣра въ легкую возможность обезпечить себя отъ частыхъ опасностей, сохраняли и сказанія, въ которыхъ находили живое олицетвореніе силъ природы. Жители Исландіи сберегли пѣсни Эдды; жители Норвегіи и до настоящаго времени отличаются обиліемъ суевѣрій; мы еще недавно были свидѣтелями открытія на нашемъ сѣверѣ новыхъ, высокозамѣчательныхъ произведеній народнаго творчества древнѣйшей эпохи. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ описанномъ выше обрядѣ жертвоприношенія, который совершался Поморами въ XVI в., видѣть обломокъ русской старины: въ X в. русскіе промышленники, ѣздившіе на лодкахъ по Днѣпру въ Черное море, приносили жертвы на островѣ, лежавшемъ за опасными порогами Днѣпровскими; горы и скалы чтились древними Славянами язычниками [21]).

---

[21]) Извѣстіе Дженкинсона у *Гамеля*, I, стр. 14. О суевѣріяхъ у жителей Норвегіи см. Die Königreiche Schweden und Norwegen v. *Possart*, II, Stut-

Тому, что описанный Дженкинсономъ обычай такъ долго держался у Русскихъ на сѣверѣ, могли способствовать и постоянныя сношенія съ Финнами. Они боготворили въ древности скалы и камни. Морское божество, по понятіямъ Финновъ, „имѣло свое пребываніе въ пестромъ камнѣ на днѣ морскомъ, и вообще съ каждымъ чѣмънибудь замѣчательнымъ камнемъ связана была у нихъ особая легенда". Боготвореніе камней составляетъ одну изъ выдающихся особенностей религіи Лопарей. „Вездѣ, гдѣ говорятъ языкомъ Лопарскимъ", замѣчаетъ Кастренъ, „слышны преданія о Сейдѣ, Сіейдѣ, то-есть, объ идолахъ изъ камня, въ которыхъ, по понятіямъ Лопарей, живетъ божество, и ему они приносятъ жертвы, по большей части состоящія изъ роговъ и оленьихъ костей. Эти вѣрованія Финновъ и соединенные съ ними религіозные обряды, въ которыхъ выражалось наивное, младенческое воззрѣніе на природу, вѣроятно, не были совершенно чужды русскимъ Поморамъ XVI в. А финское вліяніе на русскія вѣрованія держалось долго даже тамъ, гдѣ населеніе, скорѣе чѣмъ на сѣверѣ, утрачивало слѣды миѳологическихъ воззрѣній. Сохранилось указаніе на то, что Переяславцы до XVII в. боготворили камень, лежавшій въ буеракѣ за Борисоглѣбскимъ монастыремъ, въ той мѣстности, гдѣ въ глубокой древности обитали Финны [22]).

---

tgart, 1839, S. 40. Характеристика народныхъ воззрѣній на природу сѣвера, по причитаніямъ, сдѣлана *Е. В. Барсовымъ:* Причитанья сѣверн. края, ч. I, M. 1872, стр. XVIII-XIX; ib., 311—объ обрядахъ закланія животныхъ.

О жертвоприношеніяхъ у Восточныхъ Славянъ сохранились извѣстныя свидѣтельства въ Пов. Врем. лѣтъ, у Константина Багрян., Льва Діакона, Ибнъ-Фадлана. См. Истор. значеніе южно-русск. пѣсен. творчества, *Н. И. Костомарова*, въ *Бесѣдѣ*, 1872, V, 120; Очеркъ слав. миѳологіи, *Квашнина-Самарина*, ib., IV, 238—239. Собр. соч. *А. Гильфердинга*, IV, 155, 191: „На ю. в. оконечности Рапы, у мыса Göhren (Горнаго), лежитъ въ морѣ огромный гранитный утесъ, который до сихъ поръ называется Buskahm, то-есть божій камень", 192, 203.

[22]) О почитаніи скалъ и камней Финнами см. *M. Alex. Castren's* Reiseerrinnerungen aus d. J. 1838—1844, S. 108—110; Reisebilder aus dem skandinavischen Norden von Dr. *Hermann Zschokke*, 271—273; Меряне гр. *А. С. Уварова*, Тр. I Археол. съѣзда, стр. 703—704.

Объ отношеніи финскаго элемента къ славянскому см. Ист. Россіи, *С. Соловьева*, I, М., 1857, пр. 117, 125; Русск. Ист., *К. Бестужева-Рюмина*, I, 74; Меря и Ростов. княж., *Д. Корсакова*, 19—20 и др. Очеркъ Славян. миѳолог., *Н. Квашнина-Самарина*, Бесѣда, 1872, IV, 227. По мнѣнію Кастрена, представленіе о водномъ миѳическомъ существѣ, wetehinen, заимствовано Финнами изъ Славянской миѳологіи. О древней культ. Зап. Финновъ по соч. *Алквиста*, сост. *Л. Майковъ*, стр. 82—83. Объ отношеніяхъ Финновъ къ Шведамъ см. Gesch. Schweden's v. *Geijer*, I, 96, пр. 2; *Zschokke*, 257.

Разсказавъ о жертвоприношеніи на скалѣ Семь, Герберштейнъ сообщаетъ за тѣмъ, что Истома и его спутники „встрѣтили другой огромный мысъ, Мотку (Motka), подобный полуострову; на его оконечности находился замокъ Бартусъ (Barthus), что означаетъ сторожевой домъ. Ибо норвержскіе короли держатъ тамъ военный гарнизонъ для охраненія границъ. [Истома] говорилъ, что этотъ мысъ такъ далеко вдается въ море, что въ 8 дней едва можно обогнуть его; чтобы не замедлять своего пути, Истома и его спутники „съ великимъ трудомъ на плечахъ перетащили и свои суда, и грузъ черезъ перешеекъ шириною въ полмили“ [23]).

Въ настоящее время названіе Мотка имѣютъ и заливъ, отдѣляющій отъ материка Рыбацкій полуостровъ съ юга—одинъ изъ самыхъ значительныхъ полуострововъ на Лапландскомъ берегу Сѣвернаго океана, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда,—и мысъ, находящійся при входѣ съ восточной стороны въ озерко или гавань Новой Земли, составляющую вершину Мотовскаго залива, черезъ который должны были проѣзжать наши путники. Къ этому мысу, однако, нельзя пріурочить то, что говорится въ Запискахъ о Московіи объ огромномъ мысѣ Мотка, такъ какъ онъ изображается подобнымъ полуострову, столь далеко вдающимся въ море, что едва только въ 8 дней можно было обогнуть его. Безъ всякой натяжки описаніе это можетъ быть пріурочено не къ мысу Мотка, а къ полуострову Рыбачьему, хотя возможно, что названіемъ Мотка въ старину означали не только этотъ полуостровъ и, по всей вѣроятности, помянутый заливъ, но и мысъ, носящій и въ настоящее время это имя. Перенесеніе же этого имени отъ мыса, составляющаго часть Рыбачьяго полуострова на весь этотъ полуостровъ — явленіе обычное въ исторіи географической номенклатуры. Такъ и въ настоящее время Коляне называютъ его Цыпъ-Наволокомъ, по имени мыса Цыпъ-Наволока, лежащаго на сѣверо-восточной оконечности его.

На западной сторонѣ онъ соединяется съ полуостровомъ Среднимъ перешейкомъ, который имѣетъ въ ширину не болѣе мили, съ сѣвера омывается Большою Волоковою губою, а съ юга — озеркомъ или гаванью Новой Земли. Другимъ перешейкомъ, находящимся на юго-западной сторонѣ этого полуострова, онъ соединяется съ матери-

---

[23]) R. M. C., 118 A (р. п., 176).

комъ, и по обѣимъ сторонамъ этого перешейка также двѣ губы: на сѣверо-западной—Малая Волоковая, а на юго-восточной—Кутовая. Отсюда очевидно, что путники наши для того, чтобы обогнуть „мысъ Мотку", то-есть Рыбачій полуостровъ, должны были изъ Мотовскаго залива перетащить свои суда или черезъ первый изъ опредѣленныхъ нами перешейковъ, то-есть тотъ, который находится между гаванью Новой Земли и Большою Волоковою губою и имѣетъ въ ширину не болѣе одной морской мили, или черезъ второй, то-есть тотъ, который находится между губами Малою Волоковою и Кутовою и имѣетъ въ ширину до двухъ морскихъ миль (не болѣе четырехъ верстъ). Указаніе на то, что они тащили суда черезъ перешеекъ шириною въ полмили, то-есть въ три съ половиною версты, заставляетъ остановиться на второмъ перешейкѣ-волокѣ, названномъ въ книгѣ Большаго Чертежа Мотокскимъ (Мотоскимъ) наволокомъ.

На „оконечности мыса Мотка", слѣдовательно, на сѣверномъ берегу Рыбачьяго полуострова находился, по свидѣтельству Герберштейна, замокъ Barthus (сторожевой домъ), въ которомъ норвежскій король держалъ гарнизонъ для охраненія границъ. Хотя на сѣверномъ, „самомъ бойкомъ" берегу этого полуострова и есть губа Вайда, искони привлекавшая и привлекающая промышленниковъ обиліемъ рыбы, хотя есть указаніе на то, что Норвежцы посѣщали этотъ берегъ еще въ началѣ XVI в., тѣмъ не менѣе едва ли можно успокоиться на вышеприведенномъ опредѣленіи Barthus. Подъ этимъ искаженнымъ именемъ (норвеж. vardhus соотвѣтствуетъ нѣмецкому Wachthaus), по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть построенную еще въ XIV стол. Норвежцами крѣпость Вардэгузъ, къ сѣверо-западу отъ Рыбачьяго полуострова [24]).

---

[24]) *Рейнеке*, II, 275, 282, 257—258, 292—295, 271—280, 182, 296—297, 270—271, 258, 286—288. Ib., 283 о надписяхъ 1510 г. на островѣ Аникіевѣ; 352; *Литке*, II, 36—51; Отчетъ по командировкѣ на Мурманскій берегъ, *А. Д. Полѣнова*, С.-Пб., 1876, стр. 35, 30: заливъ Мотка, Мотковскій (Мотовскій).

О значеніи слова Vardhus и о времени построенія крѣпости Вардэгузъ обязательно сообщилъ намъ свѣдѣнія академикъ *А. А. Куникъ*. „Ordbug over det gamle norske Sprog", *Johan Fritzner*, Kristiania, 1867. *Munk:* „Om Graendse Traktaterne mellem Norge, Sverige og Ruesland", стр. 320.

Г-нъ Огородниковъ полагаетъ, что „при правильномъ чтеніи кн. Б. Ч". (по изд. 1846 г., 161; по изд. 1838 г., 167) рч. Скитовка или Ситовка (въ грам. 1675 г. рч. Китовка, А. И., IV, стр. 549, 555; Д. къ А. И., VI, 384, 390: рч. Китовская) „должна называться не Китовкой или Скитовкой, а просто Мо-

Мысъ Мотка—въ ряду географическихъ именъ, встрѣчающихся въ описаніи пути отъ устья Двинскаго до границъ Норвегіи, есть, къ сожалѣнію, послѣднее имя, могущее служить къ ближайшему, болѣе точному опредѣленію этого окольнаго пути, черезъ который въ XV в. ѣздили на западъ послы великаго князя московскаго. Обогнувъ этотъ мысъ, „они приплыли въ страну Дикилоповъ" (Dikiloppi), то-есть дикихъ Лопарей [25]).

Названіе Dikiloppi, записанное Герберштейномъ со словъ русскихъ пословъ, очевидно—тождественно съ названіемъ Дикая Лопь, встрѣчающимся въ русскихъ источникахъ XVI в., и между прочимъ въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Ивана Васильевича (1504 г.): „даю ему (сыну Василію).... Корѣльскую землю всю.... со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Корѣльской землѣ потягло, и съ Лопью съ лѣшею, и съ дикою Лопью".

Для объясненія этого дѣленія Лопи на Лѣшую и Дикую, въ связи съ упоминаніемъ Герберштейна о послѣдней и съ замѣчаніемъ его о томъ, что Лопари занимались не только охотою, но и рыболовствомъ, нельзя не имѣть въ виду современныя этнографическія

товкой, и что всѣ приведенныя названія составляютъ отступленіе отъ подлинника". Зап. по отд. этногр., т. II, стр. 639. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Подъ именемъ р. Китовки слѣдуетъ разумѣть р. Титовку, такъ какъ она именно подходитъ подъ опредѣленіе, сдѣланное р. Скитовкѣ въ кн. Б. Ч., а замѣна *к* чрезъ *т* употребительна въ нашемъ языкѣ. Рч. Титовка впадаетъ въ губу Кутовую Мотовскаго залива, а изъ этой губы идетъ волокъ „въ другую губу изъ Варангскаго залива, къ S. O. вдающуюся, которая, по сей причинѣ, Волоковою называется. Волокъ сей имѣетъ дл. 7 в..... и простирается низменною долиною... Чрезъ сей волокъ переходятъ пѣшкомъ всѣ слѣдующіе изъ Колы въ р. Печенгу"—*Литке*, II, 49. Именно этотъ путь и описанъ въ книгѣ Б. Ч.

Въ опредѣленіяхъ Гамеля (Англ. въ Россіи, I, 14—15) много произвольнаго и не точнаго. Въ Запискахъ Герберштейна нѣтъ никакихъ указаній на то, что Истома и его спутники изъ Мотовской губы поплыли въ гавань Новой Земли; къ Мотовской губѣ прилегаютъ два перешейка-волока и потому нельзя бездоказательно принимать одинъ изъ нихъ за мѣсто переправы Истомы и его спутниковъ; Рыбачій полуостровъ соединяется не съ твердою землею, а съ Среднимъ полуостровомъ. Г-нъ Огородниковъ (см. его изсл. въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, 638—639) не совсѣмъ точно излагаетъ объясненія, сдѣланныя Гамелемъ (14, пр. 1) относительно географическаго значенія слова Мотка у Герберштейна.

[25]) R. M. C., 118 A (p. n., 176): „Dein in Dikilopporum, qui feri Loppi sunt regionem... nauigasse". Въ изд. 1557 г., R: „die wilde lappen, durch die Moscouiter Dikilopy genent khumen".

наблюденія надъ этимъ племенемъ. Существенное различіе въ бытѣ, нравахъ и степени развитія Лопарей въ настоящее время зависитъ отъ промысловъ, обезпечивающихъ ихъ жизнь. Главный промыселъ однихъ—оленеводство, другихъ — рыболовство. Лопарь — оленеводъ устремляетъ всѣ свои заботы на охраненіе отъ хищнаго волка своихъ оленей и на отысканіе имъ корма. Олень истребитъ пажить и Лопарь долженъ перекочевывать на другое мѣсто. При такихъ условіяхъ жизнь его нисколько и ничѣмъ не обезпечена отъ опасныхъ случайностей, быстро разрушающихъ всѣ его не скоро и не легко пріобрѣтаемыя матеріальныя средства къ существованію. Лопарь-рыболовъ также не обходится безъ оленей, но не они одни обезпечиваютъ его существованіе. Рыбный промыселъ даетъ ему болѣе постоянныя и даже часто лучшія средства къ существованію, чѣмъ занятіе оленеводствомъ. Лопарь рыболовъ не поставленъ въ необходимость переселяться съ мѣста на мѣсто; поэтому онъ скоро привыкаетъ къ осѣдлой жизни и вступаетъ въ постоянныя торговыя сношенія съ своими сосѣдями и людьми заѣзжими, промышленниками [26]).

Въ странѣ Дикой Лопи авторъ Записокъ о Московіи помѣщаетъ Дронтъ. До этого мѣста, отстоящаго отъ Двины къ сѣверу на 200 миль, Истома и его спутники плыли на лодкахъ, а отсюда отправились на саняхъ въ Бергенъ. Власій доѣхалъ до этого города морскимъ путемъ, тоже отъ устьевъ Сѣверной Двины [27]).

Чтобъ опредѣлить мѣстоположеніе Дронта, мы, конечно, нисколько

---

[26]) Собр. гос. гр. и дог., I, № 144 (1504 г.), стр. 393 *(Др. Вивл.*, II, М., 1788, № 123, стр. 408—434; 418); Доп. къ Акт. Истор., I, № 222 (1572—1578 г.). Акты Арх. Эксп., I, № 347 (1590 г., апр. 17): „Се язъ царь и в. к. Ѳеодоръ Ивановичъ всея Руси пожаловалъ есми въ Дикой Лопи, на Студеномъ морѣ, волость Кереть да Ковду“...

Г-нъ Огородниковъ собралъ о Лопаряхъ много дѣльныхъ указаній, находящихся въ актахъ XVI и XVII в. Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. II, стр. 578—611; VII, 68—86. Раздѣленіе Лопарей на горныхъ и стадныхъ, авторъ считаетъ весьма древнимъ, т. II, стр. 592; но горные Лопари также занимаются оленеводствомъ. См. *Possart*, II, 32—39; *Castrén's* Reiseerrin. 1838—44, S. 41—42, 113—120; *Zschokke*, 269; Русская Лапландія, *Н. Дергачева*, Архангельскъ, 1877, стр. 11—12, 15—16.

О мѣстожительствѣ Лопарей въ Норвегіи см. Gesch. Schwedens v. *Geijer*, I, 97; О др. культ. Зап. Финновъ; *Л. Майкова*, 5, пр. 1 (Ж. М. Н. Пр., 1877 г., іюнь, стр. 264). Ср. *Zschokke*, 225: на берегу Норвегіи, между 67 и 68° с. ш., и въ настоящее время обитаютъ Лопари, 262—263, 265—266. Ib., 253—254—обстоятельный перечень сочиненій о Лопаряхъ.

[27]) R. M. C., 118 (p. n., 176—177); въ изд. 1557 г., R.

не должны смущаться опредѣленіемъ разстоянія его отъ Двины, такъ какъ опредѣленія разстояній между пунктами весьма отдаленными въ тогдашнее время вообще отличались крайнею неточностію. Тѣмъ менѣе можно положиться на опредѣленіе разстояній по морскому пути, по которому путники наши только въ началѣ своего плаванія могли встрѣчать русскія или лопарскія становища. Поэтому свидѣтельство о томъ, что Дронтъ лежитъ въ 200 миляхъ отъ Двины, можетъ быть принято какъ указаніе на то, что послы великаго князя считали это мѣсто далеко отстоящимъ отъ нея.

Другое свидѣтельство относительно загадочнаго Дронта,—что онъ лежитъ на сѣверъ отъ Двины—очевидно, совершенно произвольное. На основаніи вышеприведенныхъ нами данныхъ можно думать, что Герберштейнъ невѣрно передалъ то, что̀ слышалъ о направленіи пути великокняжескихъ пословъ. Едва ли они могли забыть, что отъ Святаго Носа къ Моткѣ они плыли на западъ. Слѣдовательно, изъ свидѣтельствъ, которыми можно воспользоваться для топографическаго опредѣленія Дронта, остается только одно: до этого мѣста путники наши плыли на лодкахъ. Это свидѣтельство оказывается наиболѣе существеннымъ. Принимая во вниманіе физическое устройство норвержскаго берега, представляющаго непреодолимыя естественныя преграды для путешествія по сухому пути отъ Вардэгуза до Трондгейма, лежащаго подъ 63° 27′ сѣверной широты, мы полагаемъ, что этотъ городъ названъ въ Запискахъ о Московіи Дронтомъ. Основанный въ концѣ X в. Олафомъ Тригвезономъ, въ XII и XIII в. часто бывавшій резиденціей норвежскихъ королей, Трондгеймъ (Nidaros, Nidrosia), благодаря выгоднымъ географическимъ условіямъ, былъ значительнымъ городомъ въ Средніе вѣка. Съ распространеніемъ реформаціи онъ сталъ приходить въ упадокъ. Городъ этотъ не могли миновать наши путники и, вѣроятно, обратили на него особенное вниманіе, такъ какъ онъ, вѣроятно былъ первымъ городомъ, который они увидѣли послѣ продолжительнаго плаванія близь пустыннаго берега сѣверной Норвегіи [28]).

---

[28]) *Buch*, I, 281, *Zschokke*, 216, 206—207: со второй половины XVIII в. населеніе Трондгейма стало быстро увеличиваться и въ 1875 г. въ немъ было до 22,597 ж. Le royaume de Norvège et le peuple Norvégien par le Dr. *O. I. Broch* (Christiania, 1878), 89: *Seb. Münster*, 833: Metropolis Norduuegiae „est Nidrosia, uulgo Druntheim“... Ист. гос. росс., *Карамзина*, IV, 44, 144. *Далинъ*,

Указаніе наше относительно мѣстоположенія Дронта не можетъ быть опровергнуто сомнительнымъ извѣстіемъ о томъ, что Истома, достигнувъ этого мѣста, находившагося въ 200 миляхъ къ сѣверу отъ Двины, отправился изъ Дронта въ Бергенъ, „лежащій прямо на сѣверъ между горами". Едва ли могъ Истома такъ опредѣлить мѣстоположеніе и Дронта, и Бергена. И Истома, и другіе послы великокняжескіе не могли не помнить, что по западному берегу Норвегіи они плыли на югъ. Если Дронтъ лежалъ къ югу отъ Бергена, то Истомѣ не зачѣмъ было ѣхать сюда изъ Дронта [29]).

То обстоятельство, что путь, по которому они ѣздили въ Данію, былъ крайне труденъ, побудило Герберштейна, какъ онъ самъ сознается, вкратцѣ описать этотъ путь такъ, какъ передавалъ Истома. Въ его разсказѣ, какъ мы видѣли, всего замѣтнѣе выступаетъ описаніе приключеній, испытанныхъ имъ близъ Святаго Носа и скалы Семь, гдѣ онъ подвергся наиболѣе значительнымъ опасностямъ; но еслибы Герберштейнъ для характеристики трудностей и опасностей морскаго пути въ Данію, употребилъ болѣе времени на распросъ великокняжескихъ пословъ, то они, вѣроятно, сообщили бъ ему подробныя свѣдѣнія о плаваніи близъ норвежскаго берега, отъ Вардэгуза до Тронтгейма. Этотъ долгій путь былъ не менѣе опасенъ, чѣмъ путь по берегу русской Лапландіи.

Берегъ Норвегіи къ сѣверу отъ Трондгейма окруженъ лабиринтомъ скалистыхъ острововъ и разчлененъ на множество глубоко вдающихся въ материкъ заливовъ (фіордовъ). Горы, тянущіяся по этому берегу, имѣютъ величественный видъ; во многихъ мѣстахъ онѣ подымаются надъ моремъ высокою отвѣсною стѣною; ихъ причудливыя вершины кажутся недосягаемыми, нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Вотъ почему путешественники обыкновенно ѣдутъ близъ этого берега морскимъ путемъ. Но и этотъ путь, въ особенности для мало знакомаго съ нимъ путника, представляетъ большія опасности. Вѣтеръ, дующій съ высокихъ горъ, стѣсненный въ ихъ долинахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ страшною силою врывается

II, 263, 506. Трондгеймъ леж. подъ 63° 27', с. ш. Устье С. Двины подъ 65°. *Рейнеке*, II, 18: протяженіе Лапландскаго берега „отъ Св. Носа до границъ Норвегіи (у р. Ворьемы) составляетъ 220 нт. миль".

[29]) R. M. C., 118 B (177); въ изд. 1557 г., R.

на морскую поверхность черезъ тѣсныя, длинныя ущелья и разбиваетъ въ пѣну несущіяся ему на встрѣчу морскія волны. Съ ними спорятъ и рѣчныя воды. Падая съ значительной высоты, онѣ несутся въ море на далекое разстояніе отъ берега, во многихъ мѣстахъ сталкиваются съ морскими теченіями, приливами и отливами, и отъ этихъ столкновеній образуются водовороты, гибельные для судна. Но на ряду съ этими невыгодными и опасными для человѣка явленіями существуютъ физическія условія, для него благопріятныя. Мореходу, знакомому съ этимъ берегомъ, легко можно найдти въ лабиринтѣ его бухтъ безопасное убѣжище отъ бурь, и эти бухты и фіорды доступны для судоходства во всякое время года вслѣдствіе вліянія теплаго потока Гольфстрема. Этотъ же потокъ имѣетъ вліяніе и на органическую жизнь приморской полосы Норвегіи. Приносимыми имъ съ береговъ Америки питательными веществами обусловливаются великія рыбныя богатства норвежскихъ водъ [30]).

Обитателями норвежскаго берега отъ Вардэгуза до Дронта были, по Герберштейну, только Лопари и Каяны. Для оцѣнки этого свидѣтельства необходимо принять въ соображеніе, что этотъ берегъ, издавна извѣстный норвежскимъ промышленникамъ, представляетъ условія крайне неблагопріятныя для осѣдлыхъ насельниковъ и въ настоящее время имѣетъ характеръ пустынный: современный путешественникъ изрѣдка встрѣчаетъ на немъ рыбачью или крестьянскую избу. Замѣтимъ также, что норвежская пахотная площадь, не смотря на всѣ усилія расширить предѣлы ея, крайне ограничена; а обстоятельства, оказывавшія вліяніе на умноженіе народонаселенія и развитіе матеріальнаго благосостоянія Норвегіи въ XIV и XV вв., были крайне неблагопріятны. Въ 1349 г. значительная часть населенія ея погибла отъ черной смерти; въ XV вѣкѣ вся норвежская торговля находилась въ рукахъ корыстныхъ Ганзеатовъ. По первой ревизіи 1769 г., въ Норвегіи было всего 748,000 жителей (въ настоящее время 1.815,000) [31]).

30) *Zschokke*, 122—127; 123: современная наука не признаетъ раздѣленія горъ норвежскихъ на три цѣпи. *Possart*, II, 5—6; *Broch*, 1—53. Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VI, С.-Пб., 1862 г., стр. 2, 4, 9, 164—165. Перечень географическихъ сочиненій о Норвегіи см. у *Zschokke*, 121—122; ср. Reise durch Skandinavien von *Theodor Mügge*, I, Hannover, 1844, S. VI—VII.

31) *Zschokke*, 217 (о значеніи слова gaard—стр. 137), 220, 235, 158—159, 122, 146, 135—136, 276. *Geijer*, I, 82.

Оставивъ свои лодки въ Дронтѣ, Истома отправился въ Бергенъ на оленѣ, запряженномъ въ сани, и въ одинъ день проѣхалъ 20 миль. Отсюда онъ отправился въ Данію на лошадяхъ. „Между прочимъ сказываютъ“, замѣчаетъ Герберштейнъ, „что въ Дронтѣ и Бергенѣ во время лѣтняго солнцестоянія, день имѣетъ 22 часа“ [32]).

Бергенъ, значительный городъ Норвегіи, на юго-западномъ берегу ея, лежитъ въ гористой мѣстности, подъ 60° 23′ сѣверной широты, слѣдовательно, самый продолжительный день здѣсь имѣетъ не болѣе 19 часовъ, считая время между восходомъ и закатомъ солнца [33]). Извѣстіемъ о должайшемъ днѣ въ Бергенѣ оканчивается то, что собственно было сообщено Истомою автору Записокъ и помѣщено имъ въ началѣ отдѣла, носящаго заглавіе „Плаваніе по Ледовитому морю“. Наивный разсказъ Истомы, заключавшій въ себѣ описаніе личныхъ приключеній и опасностей, испытанныхъ близъ Святаго Носа и Мотки, также указанія на то, какія части великаго пути отъ устьевъ Сѣверной Двины до Даніи проѣхали моремъ, на лодкахъ, и сушею, на оленяхъ и лошадяхъ, не утратилъ своей живости подъ искуснымъ перомъ знаменитаго путешественника. Случайно или преднамѣренно помѣщенный въ началѣ особо озаглавленнаго отдѣла Записокъ, этотъ разсказъ объ опасныхъ странствованіяхъ могъ возбудить вниманіе читателя и въ извѣстной степени удовлетворить его любознательности. Хотя, къ сожалѣнію, географическія данныя, заключающіяся въ описаніи сѣвернаго морскаго пути, по которому ѣздили великокняжескіе послы, очень скудны, все же значеніе этого описанія въ русской наукѣ должно быть признано. Оно знакомитъ насъ со свѣдѣніями Русскихъ людей объ этомъ пути въ концѣ XV

---

[32]) R. M. C., 118 B (р. п., 176—177); въ изд. 1557 г., R.

[33]) „Der hohe Norden im Natur und Menschenleben dargestellt“ von Dr. *Georg Hartwig*, Wiesbaden, 1858, S. 99. „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ“, *Гартвига*, М., 1863 г., стр. 94—95: Запряженный въ сани сѣверный олень проходитъ не менѣе 10—12 нѣм. м. въ день. *Zschokke*, 312: олень пробѣгаетъ въ день отъ 8—10 швед. м. Ib., 92: шведская миля=10,689 километрамъ=1,5 геогр. м. *Possart*, II, 174. *Рейнеке*, I, 31: „Въ Архангельскѣ должайшій день, около 22-хъ часовъ“.

Въ описаніи пути Истомы не упоминается Атлантическій океанъ. Герберштейнъ называетъ его океаномъ. R. M. C., 116 A (р. п., 173): „Svuetia... marique Balthco, dein Oceano, et eo quod nunc Glaciale appellamus circumquaque ere alluitur“. Ср. Cosmogr. *Münstero*, 43 (oceanus), 1111, 1114 (mare Atlanticum). *Rithaymeri* de orb. terr., Norimbergae, 1538, p. 8, 13.

и въ началѣ XVI вѣка. Рѣшеніе отправить посольство въ Данію по этому пути указываетъ на то, что онъ уже былъ извѣстенъ въ Москвѣ, и слѣдовательно, открытъ Русскими задолго до конца XV вѣка. Это предположеніе подтверждается и другими данными. Только существованіемъ давнихъ сношеній съ приморскими Лопарями можно объяснить свидѣтельство Герберштейна о томъ, что они отъ обращенія съ иностранцами начинаютъ покидать врожденную дикость. Въ иностранныхъ источникахъ сохранились извѣстія объ опустошительныхъ набѣгахъ русской рати въ 1316 г. и 1323 г. на Галогаландію, норвежскую область, находившуюся къ югу отъ Финмаркена. Принимая въ соображеніе указанныя нами физическія особенности, отличающія устройство Скандинавскаго берега, можно допустить предположеніе, что въ эту область Русскіе проникли съ сѣвера морскимъ путемъ. Такъ рано имъ былъ извѣстенъ этотъ путь [34]).

Что касается до сѣверныхъ береговъ Россіи, то они были извѣстны имъ задолго до указанныхъ походовъ. Еще въ началѣ XII вѣка тамъ добывалась ими морская соль. До завоеванія Руси Татарами Новгородцы собирали дань съ жителей Печерской области и

---

[34]) R. M. C., 119 C (p. н., 178). *Далинъ*, II, 506. *Geijer*, I, 82, 86. Академикъ А. А. Куникъ обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о походахъ 1316 и 1323 годовъ: „Норвежскій пасторъ *Peder Claussen* (Undalinus+1623 г.) въ 1599 году перевелъ на Датскій языкъ исторію норвежскихъ королей Снорра Стурлезона и дополнилъ это сочиненіе извѣстіями, извлеченными изъ малоизвѣстныхъ средневѣковыхъ хроникъ. Переводъ его съ дополненіями былъ изданъ въ 1633 г. подъ заглавіемъ: *Snorre Sturlesons* Norske Kongers Chronica. Здѣсь, на стр. 833, находится слѣдующее извѣстіе: „Samme Aaar (1316) begyntes der nogne Wenighed mellem K. Hagen oc Rysserne, saa Rysserne röfuede oc plyndrede Halogeland oc giorde Stor skade andensteds". „Въ томъ же году (1316) возникли тамъ какія то столкновенія между королемъ Гакономъ и Русскими, вслѣдствіе которыхъ Русскіе разграбили и опустошили Галогаландъ и причинили великій вредъ и въ другихъ мѣстахъ".

„По замѣчанію извѣстнаго норвежскаго историка *Мунка*, см. его соч. Det norske Folks Historie, 4 Deel, 2 Bind (Christania, 1859), p. 69, черезъ шесть лѣтъ послѣ вышеприведеннаго подъ 1316 г. извѣстія, нападеніе Русскихъ на западный берегъ Норвегіи возобновилось. Эти нападенія, какъ предполагаетъ Мункъ въ изслѣдованіи своемъ Om Graendse Traktaterne mellem Norge, Sverige og Russland, стр. 320, побудили Норвежцевъ основать въ началѣ XIV вѣка крѣпость Вардэгузъ. Въ извлеченіи изъ исландскихъ хроникъ въ Antiquités russes et orientales, t. II, p. 384, также приведены извѣстія о походахъ Русскихъ на Галогаландъ въ 1316 и 1323 гг. Ср. Русско-Ливонск. Акты, С.-Пб. 1868, стр. 42".

Терскаго берега, гдѣ и въ настоящее время существуютъ выгодные промыслы—богатый семожій уловъ и бой лысуновъ [35]).

Послѣ Татарскаго погрома области, омываемыя сѣверными водами, представляли болѣе безопасное убѣжище, чѣмъ другія области Русской земли, въ слѣдствіе чего колонизаціонное движеніе должно было устремиться на сѣверъ. Число монастырей—этихъ передовыхъ постовъ русской колонизаціи—въ XIV и XV вѣкахъ здѣсь увеличивается, и въ то же время замѣтнѣе, чѣмъ прежде, выступаетъ въ исторіи Двинская земля, по самому положенію своему искони бывшая средоточіемъ промышленнаго и торговаго движенія во всей обширной области, прилегавшей къ Сѣверному океану. Въ концѣ XIII в. великій князь Андрей Александровичъ заключилъ съ Новгородомъ договоръ о томъ, чтобы давали кормъ и подводы его великокняжескимъ „ватагамъ“, ходившимъ на промыслы на Бѣлое море. Въ первой половинѣ XIV в. (1328—1340) на Двинѣ упоминаются Холмогоры, въ 1342 г. основанъ Орлецъ; въ концѣ этого вѣка въ низовьяхъ ея упоминается нѣсколько селеній; а къ западу отъ устьевъ ея — Ненокса и Уна (Унской посадъ), извѣстные своими соловарнями. Подъ 1419 года упоминается монастырь св. Николая. Вскорѣ затѣмъ возникла знаменитая обитель на Соловкахъ, оказавшая значительное вліяніе на развитіе матеріальныхъ и религіозно-нравственныхъ интересовъ всего Бѣломорскаго населенія и укрѣпившая связь Сѣвера съ отдаленными частями русскаго міра.

Важное торговое значеніе Двинской земли замѣтно сказывается въ XIV в. Когда великій князь московскій попытался было овладѣть ею въ концѣ этого вѣка и предоставилъ ей право безпошлинной торговли во всей своей отчинѣ, Новгородъ Великій, не от-

---

[35]) Русск. Достопам., I, 84 (1137 г. уставъ Святослава Ольговича). Промышленность древ. Руси, *Н. Аристова*, 70. П. С. Р. Л., III (Новг. 1 лѣт.), 19 (1187 г.), 21—22 (1193 г.); IV (Новг. IV лѣт.), 24 (1216 г.). Справочная и пам. кн. Арханг. губ., Архангельскъ, 1874 г., Ст. Оп., стр. 120—123. Годъ на сѣверѣ, *Максимова*, 3-е изд., 245—247. Изсл. о состояніи рыболовства въ Россіи, VI, 150; Русск. Лапл. *Дергачева* 33, 46—60.

Въ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ, 1265 г. Собр. гос. гр. и дог., I, № 2: „Колоперемь, Тре“... Въ Ист. госуд. Росс., *Карамзина*, IV, пр. 114; „Коло, Трь“... Коло принимаютъ за Колу. У *Аристова*, 29, пр. 70: „отъ XIV в. сохранилось много купчихъ, изъ которыхъ видно, что Новгородцы вели значительную промышленность на Бѣломъ морѣ, Двинѣ и въ Поморьи“. Акты Юрид., по изд. 1838 г., № 71 (Новг. купчія), стр. 110—119.

личавшійся политическою разсчетливостью, принялъ энергическія мѣры къ тому, чтобъ эту землю сохранить за собою [36]).

Она уже въ это время, по всей вѣроятности, была средоточіемъ обширной, промышленной области, границы которой доходили до отдаленныхъ отъ Бѣлаго моря береговъ Лапландіи и Норвегіи. Какъ оказывается по тщательнымъ научнымъ наблюденіямъ, берега эти искони отличались наиболѣе значительными рыбными богатствами на европейскомъ сѣверѣ и потому, вѣроятно, очень рано привлекли и русскихъ промышленниковъ. Поэтому стали неизбѣжны столкновенія ихъ съ Норвежцами, и послѣдніе поторопились основать крѣпость Вардэгузъ (въ XIV ст.), но она не остановила движенія Русскихъ къ берегамъ Норвегіи и не избавила ея промышленниковъ отъ опаснаго соперничества съ русскими Поморами [37]).

Въ томъ же отдѣлѣ Записокъ („Плаваніе по Ледовитому морю"), кромѣ разсказа Истомы и свѣдѣній біологическихъ и этнографиче-

[36]) Въ предѣлахъ нын. Арханг. и Волог. губ. были основаны монастыри: Корельскій, Николаевскій, Авнежскій, Троицкій (1370 г.), Евфиміевъ (въ XV в.), Павловъ Обнорскій (въ 1414 г.). Ист. росс. іерархіи, IV, 629; III, 60; IV, 96; V, 428. П. С. Р. Л., III, 81 (1342 г.). А. А. Э., I, №№ 1 (1294—1304 г.), 2 (1328—1340 г.), 13 (1398 г.). *Пушкаревъ*, кн. 2, стр. 100.

Москов. унив. извѣст., 1866—67, № 7, Хозяйственная дѣятельность Солов. мон., *В. О. Ключевскаго*, стр. 545: „Около половины XV в. многіе (люди Новгорода) имѣли въ Поморьѣ отчины; у нѣкоторыхъ были уже *отчины* и дѣдины" (Солов. грамоты XV в.). П. С. Р. Л., III (Новг. 1 лѣт.), 108—109 (1419 г.). Ист. росс. іерарх., II 391. Геогр., ист. и стат. описаніе Солов. мон., *Досиѳея*, ч. I, стр. 43 (1429 г.).

Историческое значеніе С. Двины превосходно обрисовано нашимъ талантливымъ этнографомъ *С. В. Максимовымъ* въ его соч. „Годъ на Сѣверѣ", 599—601, 639. Ср. у *Рейнеке*, I, 347; у *Ключевскаго* въ Москов. унив. извѣст., 1866—67, № 7, стр. 569. „Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.", *А. К. Ильинскаго* въ Ж. М. Н. Пр., 1876 г., Іюнь, 262—265. Лѣтоп. Солов., М. 1815, стр. 11.

[37]) Изсл. о состоян. рыбол. въ Россіи, VI, 2—11. *Buch*, II, 49—61—любопытныя замѣтки автора о торговлѣ Русскихъ на берегахъ Норвегіи имѣютъ значеніе для русской этнографіи. *Mügge*, II, 369—373, 394—395. Рыбачій полуостровъ, *А. Н.*, въ Русск. Вѣстн., т. CXXV, стр. 32. П. С. Р. Л., III (Новг. 1 лѣт.), 104 (1411 г.), 108—109 (1419 г.).

Не на сѣверѣ только проявлялась способность русскаго человѣка къ опаснымъ морскимъ предпріятіямъ и его любовь къ морю. Вспомнимъ древніе походы Руссовъ, походы казаковъ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. „Казакъ", замѣчаетъ *Н. И. Костомаровъ*, „любилъ море и вспоминалъ о немъ, уже переставъ быть участникомъ геройской славы отцовъ своихъ". Истор. значеніе южно-русск. народн. пѣсеннаго творчества, Бесѣда, 1872 г., V, стр. 120.

скихъ о Лопаряхъ, помѣщены также нѣкоторыя характеристическія извѣстія о материкѣ сѣверной Европы, о городахъ и рѣкахъ ея, какими онѣ представлялись нашимъ путникамъ, слѣдившимъ за ними въ недальнемъ разстояніи отъ ея морскихъ береговъ, о льдахъ, плавающихъ по Ледовитому морю и о продолжительности дня на сѣверѣ. Эти свѣдѣнія не совсѣмъ точны, не вполнѣ вѣрны, но все же онѣ не лишены были значенія: подъ покровомъ безсознательныхъ, невольныхъ преувеличеній въ этихъ извѣстіяхъ скрываются слѣды тѣхъ впечатлѣній, которыя производитъ на путешественниковъ величественная и суровая природа сѣвера; въ нихъ же отразились и космическія воззрѣнія, которыя, какъ можно догадываться, являлись у Русскихъ въ концѣ XV в. подъ вліяніемъ западно-европейскимъ.

Въ сѣверныхъ странахъ путники наши, по свидѣтельству Герберштейна, видѣли „высочайшія горы, подобно Этнѣ постоянно извергающія пламя“; они же передавали, что „въ самой Норвегіи многія горы разрушились отъ постояннаго горѣнія“. На вопросы Герберштейна о Замерзшемъ или Ледовитомъ морѣ, всѣ послы великаго князя „отвѣчали только одно, а именно, что видѣли въ приморскихъ мѣстахъ множество величайшихъ рѣкъ, которыя массой своихъ водъ и силой теченія гонятъ море на далекое пространство отъ береговъ и которыя замерзаютъ вмѣстѣ съ моремъ на извѣстное пространство отъ самаго берега, какъ это бываетъ въ Ливоніи и въ иныхъ частяхъ Швеціи. Ибо хотя отъ встрѣчныхъ вѣтровъ ледъ въ море ломается, однако въ рѣкахъ [это бываетъ] рѣдко или никогда, если только не случится наводненія: тогда ледъ поднимается или ломается. Обломки же льда, выносимые рѣками въ море, почти цѣлый годъ плаваютъ по морю и отъ сильнаго холода снова смерзаются такъ, что иногда тамъ можно видѣть льды многихъ годовъ, смерзшіеся въ одну [массу], что легко узнать изъ обломковъ, которые вѣтеръ выбрасываетъ на берегъ“ [38]).

---

[38]) R. M. C., 119 C—120 A(р. п., 179); 119 A(177—178): „Nihil aliud responderunt, quam se in maritimis locis plurimos et maximos fluuios, quorum uehementi et copioso in fluxu maria longis spaciis ab ipsis littoribus propelluntur, uidisse, eosque ab ipsis littoribus per certa spacia una cum mari congelari“...Изд. 1557 г., R: „die sagten als auss ainem mund, das zu herter Wintters zeitten, nachdem souil vnd grosse wasser in dasselbige Moer einlauffen, damit das suess wasser, das gesaltzen ferr hindan treibt, so gefreurt dasselb, vnd sonderlichen an gestatten“... Р. п., 177: „отъ сильныхъ вѣтровъ“; 119 A: „concurrentium uentorum impetu“.

Подъ высочайшими горами, которыя были видны нашими путниками съ моря, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть горы Норвегіи, такъ какъ онѣ значительно выше горъ русской Лапландіи и имѣютъ вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Съ этихъ горъ стекаетъ множество рѣкъ, несущихъ свои воды въ глубоко врѣзывающіеся въ материкъ заливы. Держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, путники наши могли принимать ихъ за устья рѣкъ и потому на томъ же сѣверѣ, кромѣ высочайшихъ горъ, явились и величайшія рѣки.

Труднѣе объяснить свидѣтельство объ огнедышащихъ горахъ въ Норвегіи, приписываемое Герберштейномъ великокняжескимъ посламъ. Впрочемъ кто бы ни былъ виновникомъ этого баснословія, оно, по нѣкоторымъ, въ немъ содержащимся указаніямъ, любопытно. Отсюда видно, что Русскіе люди въ концѣ XV вѣка слышали на западѣ объ Этнѣ и не только имѣли понятіе о тогдашнихъ воззрѣніяхъ на дѣйствіе подземнаго огня, но и сами увлекались ими [39]).

Замѣтки о замерзаніи рѣкъ и Ледовитаго моря на далекое пространство отъ берега и о плавающихъ льдинахъ подтверждаются современными наблюденіями и свидѣтельствуютъ о томъ, что путники наши съ вниманіемъ относились къ физическимъ явленіямъ сѣверной природы. Обыкновенно въ октябрѣ не имѣющія пороговъ и быстринъ рѣки, впадающія въ Сѣверный океанъ и Бѣлое море, замерзаютъ; въ это же время образуется ледяная кора около берега и въ заливахъ, а въ открытомъ морѣ появляются большія льдины, называемыя стамухами. Близъ Лапландскаго берега онѣ бываютъ громадной

---

[39]) Высота наиболѣе значительныхъ горъ на Лапландскомъ берегу не превосходитъ 500 футовъ. *Рейнеке*, II, 62, 120, 170, 187. О горахъ Норвегіи см. *Possart*, II, 5—6; *Zschokke*, 122, 127, 222, 225, 228. Онѣ возвышаются до 2600 метровъ. Морскія теченія близъ Лофоденскихъ острововъ носятъ названіе рѣкъ. *Buch*, I, 349.

Историческія свѣдѣнія о вулканахъ и вообще о воздѣйствіи внутренности земли на ея кору и поверхность были тщательно собраны *Ал. Гумбольдтомъ*, Космосъ, ч. I, М. 1862, стр. 174—191; ч. IV, М. 1863, стр. 169 — 513. *Мюгге* считаетъ замѣчательнымъ феноменомъ землятрясенія, которыя были наблюдаемы въ нынѣшнемъ столѣтіи на островѣ Люрое, прилегающемъ къ западному берегу Норвегіи, къ Норланду, такъ какъ, замѣчаетъ онъ, ни въ какой другой мѣстности Норвегіи до настоящаго времени не было открыто ни малѣйшаго слѣда вулканическаго землетрясенія, II, 312—313. Но у *Далина*, II, 561, подъ 1339 г.—о землятрясеніи въ Норвегіи. Въ 1542 г. было „великое трясеніе земли" въ 3 погостахъ, вотчинахъ Соловецкаго монастыря. Географ. истор. и статист. описаніе Соловец. мон., *Досиѳея*, I, 25

величины, и одинъ колоссальный видъ этихъ ледяныхъ горъ убѣждаетъ въ томъ, что наросли онѣ не въ одну зиму [40]).

Наблюдательные путники наши, со словъ которыхъ Герберштейну удалось изобразить характеристическія особенности сѣверной природы, не забыли также разсказать ему о явленіи, которое, вѣроятно, они сами видѣли на сѣверѣ и которое обыкновенно производитъ глубокое впечатлѣніе. „Въ той странѣ“, говорили они, „гдѣ обитаютъ дикіе Лопари, солнце не заходитъ сорокъ дней во время лѣтняго солнцестоянія, однако, въ продолженіе трехъ часовъ ночи его дискъ (corpus solis) покрывается какимъ то мракомъ, такъ что не видно его лучей, но тѣмъ не менѣе оно даетъ столько свѣта, что сумерки никого не заставляютъ оставлять работу“ [41]).

О берегахъ, омываемыхъ сѣверными водами, Записки о Московіи сообщаютъ, кромѣ вышеприведенныхъ извѣстій, еще слѣдующія: о Соловецкомъ островѣ, обстоятельныя свѣдѣнія о которомъ могли быть переданы автору послами великаго князя, ѣздившими въ Данію; о горѣ Столпъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ русскихъ владѣній, вдающейся въ океанъ и простирающейся до самыхъ устьевъ Сѣверной Двины и Печоры, о чемъ Герберштейну сообщилъ Курбскій, и наконецъ извѣстія, находящіяся въ русскомъ дорожникѣ, помѣщенномъ въ Запискахъ, въ латинскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ „Указатель пути въ Печору, Югру и къ рѣкѣ Оби“.

„Островъ Соловки (Solovuki)“, говоритъ Герберштейнъ, „лежитъ на сѣверѣ, между областями Двиною и Корелою, на морѣ, въ 8-ми миляхъ отъ материка; по причинѣ частыхъ болотъ, лѣсовъ и пространныхъ пустынь, точно не исчислено разстояніе его отъ Москвы, хотя нѣкоторые говорятъ, что онъ находится отъ Москвы въ трехстахъ миляхъ, а отъ Бѣлаозера—въ двухстахъ. На этомъ островѣ въ большомъ количествѣ вывариваетcя соль. Тамъ же есть монастырь... Тамъ же богатый ловъ рыбъ, называемыхъ туземцами Selgi; по моему мнѣнію это сельди. Говорятъ, что во время своего лѣтняго стоянія солнце здѣсь непрестанно свѣтитъ, за исключеніемъ только двухъ часовъ“ [42]).

---

[40]) *Рейнеке*, I, 32; II, 34.

[41]) R. M. C., 119 B (р. п., 178). Въ изд. 1557 г., R. *Рейнеке*, II, 33.

[42]) R. M. C., 77 A (р. п., 117), 84 A (128); 77 A: „Aiunt hic solem aestuali solstitio perpetuo, duabus tantum horis exceptis, splendere“. Въ изд. 1557 г., M об.

Все это описаніе славнаго острова, имѣвшаго и имѣющаго такое важное значеніе въ русской жизни, отличается обстоятельностію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе важныя свѣдѣнія о немъ, вращавшіяся въ средѣ русскихъ людей первой четверти XVI в., и въ ряду извѣстныхъ описаній его занимаетъ первое, по времени, мѣсто.

Топографическое опредѣленіе Соловецкаго острова между областями Двиною и Корелою указываетъ на то, что однимъ изъ предѣловъ Двинской земли на сѣверо-западѣ былъ восточный берегъ Онежскаго залива, называемый иногда Лямицкимъ или просто Онежскимъ; Корелою же называлась область, прилегающая къ Корельскому берегу, который тянется отъ Кандалакши до города Кеми. Разстояніе Соловецкаго острова отъ материка въ 8 миль, вѣроятно, слѣдуетъ считать отъ устья р. Кеми. Отъ Соловецкаго монастыря до города Кеми — 60 верстъ, ближайшее разстояніе между материковыми берегами и Соловецкимъ островомъ заключаютъ въ себѣ отъ 20 — 25 верстъ съ его восточной стороны и отъ 30 до 40 верстъ съ западной [43]).

Любопытныя данныя о добываніи соли и богатомъ уловѣ сельдей (сельгей на языкѣ народномъ) заслуживаютъ довѣрія. Соловецкій монастырь, по сказкѣ игумена Иринарха, относящейся къ началу XVII в., питался соляными промыслами: отсюда ежегодно возили къ Вологдѣ 100.000 пудовъ соли; на монастырскихъ соляныхъ варницахъ работало больше 700 человѣкъ. Острова Соловецкіе и въ настоящее время принадлежатъ къ главнѣйшимъ мѣстамъ лова сельдей въ Бѣломъ морѣ. Солепіемъ ихъ занимаются крестьяне, населяющіе юго-западный берегъ Кандалакскаго залива и Соловецкій монастырь. Для соленія употребляютъ или иностранную соль, или добываемую въ Архангельской губерніи, въ варницахъ Красногорскихъ

„Sagen auch, dass die Sun daselbsten in khurtzen tagen nit meer dann zwo stund scheindt“.

[43]) *Рейнеке*, I, 3. Его же атласъ, № 2. Географ. истор. и статистическое описаніе Соловецкаго мон., *Досиоея*, I, 10. По Почтъ Словарю, изд. 1820 г., стр. 24: отъ Москвы до Архангельска 1238 верстъ (черезъ Переяславль Залѣскій, Ростовъ, Ярославль, Вологду, Кадниковъ, Вельскъ и Шенкурскъ), а отъ Архангельска до Соловецкаго монастыря, по соч. *Досиоея*, ч. I, стр. 11, „до 400 верстъ“. Ср. R. M. C., 80 A (р. и., 122; отъ Москвы до устьевъ Двины считается 300 миль); 117 B. (175: отъ Новгорода къ устьямъ Двины 300 миль).

и Ненокскихъ. „Промышленники предпочитаютъ солить рыбу для собственнаго употребленія русскою морскою солью“ [44]).

Послѣдняя замѣтка въ вышеприведенномъ описаніи Герберштейна даетъ приблизительно вѣрное понятіе о должайшемъ днѣ на Соловкахъ. Онъ равняется 21-му часу 56 минутамъ. Въ маѣ и іюнѣ ночи тамъ такъ свѣтлы, что можно „безъ труда заниматься чтеніемъ“ [45]).

По русскому дорожнику Сѣверная Двина „шестью устьями впадаетъ въ океанъ“. По книгѣ Большой чертежъ, не шестью, а четырьмя [46]).

Въ обоихъ этихъ источникахъ, очевидно, опредѣляется только число главныхъ рукавовъ ея, но ни то, ни другое опредѣленіе не сходно съ принимаемымъ въ настоящее время. На 95 верстъ выше Архангельска отъ впаденія р. Пинеги С. Двина уже начинаетъ расширять свое ложе, и ширина его отъ $1^1/_2$ достигаетъ до 17-ти верстъ, при чемъ она образуетъ множество протоковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ собственное названіе и слыветъ отдѣльною рѣкою или рѣчкою, смотря по величинѣ. Отъ города Архангельска она раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ три слѣдующіе считаются главными: Березовый или Корабельный, Мурманскій и Пудожемскій. Если, впрочемъ, къ этимъ тремъ рукавамъ мы прибавимъ двѣ отдѣляющіяся отъ Березоваго рукава вѣтви, изъ которыхъ одна называется р. Кузнечихою, а другая—р. Маймаксою, и затѣмъ—устье Никольское, которое составляется изъ протоковъ, отдѣляющихся отъ Пудожемскаго рукава, то мы получимъ шесть устьевъ С. Двины, о которыхъ говорится въ дорожникѣ [47]).

Далѣе здѣсь опредѣляются слѣдующія мѣстности на берегу Бѣлаго моря: за р. Кулоемъ на востокъ, „держась праваго берега, приходится плыть мимо слѣдующихъ мѣстъ: Stanuvuische, Calunczcho и

---

44) А. А. Э., III, № 110 (1620 февр. 15); *Аристовъ*, 71. Ст. *В. Ключевскаго* въ Москов. Унив. Изв., 1866—67, № 7, стр. 574. Изсл. о состояніи рыбол. въ Россіи, VI, 18; VII, 74, 69, 76. *Лепехинъ*, IV, 83. *Stuckenberg*, II, 23. *Досиөей*, I, 30—31; 34—35.

45) *Досиөей*, 22—23.

46) R. M. C., 81 A (p. п., 123). Въ изд. 1557 г., Miij. Кн. Б. Ч., 181.

47) *Рейнеке*, I, 347, 349, 350, 360, 363, 358, 365. Его же Атласъ Бѣлаго моря, № 12.

Apnu. Обогнувъ мысъ Chorogoski Nosz и Stanuvuische, Camenckh и Tolstickh, наконецъ входишь въ рѣку Мезень" [48]).

По всей вѣроятности, нарицательное имя становище дважды было принято Герберштейномъ за собственное. Въ настоящее время становища, разсѣянныя по всему Лапландскому берегу, отъ Святаго Носа до норвежской границы, у устья р. Ворьемы, суть губы, обыкновенно при впаденіи рѣки, „представляющія болѣе или менѣе безопасное убѣжище отъ бурь и волненія. Онѣ бываютъ двухъ родовъ. Одни съ избами для жилья и анбарами для храненія рыбы; это такъ называемыя вешнія становища"... „Другія же становища не имѣютъ никакихъ строеній", и въ нихъ собираются только для лѣтняго лова.

Изъ другихъ вышеприведенныхъ названій, на пути отъ р. Кулоя къ Мезени, мы можемъ опредѣлить только слѣдующія: Chorogoski Nosz—по всей вѣроятности, мысъ Карговскій, на сѣверномъ берегу въ устьѣ р. Кулоя, и Tolstickh—мысъ Толстый близъ устья р. Мезени [49]).

Какое значеніе имѣло это устье и почему, слѣдовательно, явилась необходимость въ описаніи его—на это отвѣтомъ можетъ служить любопытная жалованная грамота Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ, 1545 г. апрѣля 15-го, на ихъ ухожаи, рыбныя ловли и звѣриные промыслы, которыми владѣли и ихъ отцы, и дѣды. Отсюда мы узнаемъ, что эти Самоѣды пріѣзжаютъ торговать съ Русскими на Ламножню и ставятся на устьѣ Мезени рѣки. Вѣроятно оно было мѣстомъ торга уже въ XV в., такъ какъ Мезень въ это время упоминается въ числѣ новгородскихъ владѣній. „Ходятъ де они Кevролцы и Чаколцы", читаемъ мы въ жалованной грамотѣ, 1607 г., „съ Колмогоръ и Волока Пѣнежскаго и съ Пустаозера на море промышлять рыбья зубу, чѣмъ имъ дань и оброкъ и всякія наши подати платить" [50])...

---

[48]) R. M. C., 81 A (p. u., 123). Въ изд. 1557 г., Miij об. „Stanowische, Caluntzo, Apnu, und so man das gepürg des sich der ortten in das Mör erstreckht, genant Chorogoskhinoss vnnd Stanowische, Camenckh vnd Tolstigkh".

[49]) Прибрежья Ледов. и Бѣлаго морей съ ихъ притоками по Книгѣ Большаго Чертежа, *Е. К. Огородникова* въ Зап. по отд. этногр., т. VII, С.-Пб. 1877 г., стр. 205: „Хотя въ текстѣ Чертежа сказано, что Мезень рѣка „писана особою статьею", но ни въ изданіи г. Спасскаго, ни въ рукописномъ текстѣ Кн. Б. Ч., принадлежащемъ Имп. Геогр. Общ., особаго описанія р. Мезени нѣтъ". Изсл. о сост. рыбол. въ Россіи, VI, 118—120; 36. *Рейнеке*, I, 159—160.

[50]) А. А. Э., I, № 204 (1545 апрѣля 15), стр. 182—183. Тамъ же, I, № 93 (1471 авг. 11—дек. 15), № 94 (1471 г.). Доп. къ А. И., I, № 151 (1607 апр. 4).

Въ томъ же дорожникѣ упоминаются слѣдующія двѣ рѣки, впадающія въ океанъ: р. Печора (Petzora), впадающая въ него шестью устьями, близъ Пустозерска (по книгѣ: „Большой Чертежъ"—пятью устьями) и Обь (Obi) [51]).

Таковы историко-географическія извѣстія Герберштейна о Сѣверномъ океанѣ. Имъ далеко уступаютъ и по своему значенію, и по объему, извѣстія того же автора о другихъ моряхъ, омывающихъ Восточную Европу.

Море, которое омываетъ Самогитію, говоритъ онъ вслѣдъ за описаніемъ ея, одни называютъ Балтійскимъ, другіе—Германскимъ, иные — Прусскимъ, нѣкоторые — Венетскимъ; Германцы же называютъ его Пелтсъ (Pelts). Это море есть собственно заливъ, ибо оно замыкается Кимврійскомъ Херсонесомъ, который нынѣ Германцы называютъ Югландіей и Зундеръ Югландіей, а по Латыни они называютъ Юціей отъ того же корня (nomine inde pariter sumpto). Далѣе поименованы слѣдующія земли, омываемыя этимъ моремъ и города, находящіеся на его берегу: Германія, называемая Нижнею, прилежащая Херсонесу Кимврійскому, Любекская земля, Висмаръ и Ростокъ—города герцогства Мекленбургскаго, Померанія, названіе которой произведено отъ славянскаго слова Поморье, Пруссія съ городами: Гданскомъ, называемымъ также Данцигомъ (Gedanum et Dantiscum) и Кенигсбергъ (Regius mons), близъ котораго ловится янтарь, Самогитія, берегъ которой занимаетъ едва четыре мили, Ливонія, тянущаяся длинною полосою, Курляндія, названіе которой произведено отъ Куретовъ; земли подвластныя Московскому государю; Финляндія (Vuinlandia), находящаяся подъ властью Швеціи, и по другой сторонѣ—Швеція. „Въ этомъ же заливѣ (такъ называетъ авторъ Балтійское море) заключается все королевство Датское, большая часть котораго состоитъ изъ островов, исключая Юціи и Скандіи, которыя примыкаютъ къ материку". Далѣе упоминается объ островѣ Готландѣ, на которомъ сохранились развалины города Висби [52]).

---

51) R. M. C., 81 B—C (р. п., 124); 82 C (125). Въ изд. 1557 г., Miij об.; Miij, л. 2. Кн. Б. Ч., 186. *Литке*, II, 212, 215.

52) R. M. C., 114 (р. п., 170—171): „Germani uero alludentes Balthco Pelts appellant". Въ изд. 1567 г., CXXXVII: „Wird vonn Teutschen Pelts genennet, wölches sich gar nach mit dem Baltischen vergleichend".

Всѣ эти довольно обстоятельныя данныя были далеко не лишними, такъ какъ въ современныхъ Герберштейну географическихъ сочиненіяхъ свѣдѣнія о Балтійскомъ морѣ были не удовлетворительны; въ одномъ и томъ же сочиненіи оно являлось подъ разными наименованіями, спутывавшими читателя; о предѣлахъ этого моря на сѣверѣ и востокѣ существовали неясныя представленія, не смотря на то, что уже въ XI вѣкѣ оно было извѣстно какъ море-заливъ.

Въ перечнѣ различныхъ названій Балтійскаго моря, находящемся въ Запискахъ о Московіи, пропущено одно названіе его, для насъ не лишенное интереса: Русскіе въ XVI в. называли Балтійское море Варяжскимъ. Авторомъ Записокъ оно обыкновенно называется или mare Baltheum или такъ, какъ у Птоломея, — Germanicum [53]).

Историко-географическія извѣстія Герберштейна о моряхъ, омывающихъ юго-восточную Европу, весьма кратки и въ современной географической литературѣ не имѣютъ значенія. Очевидно, что онъ

Въ изд. 1556 г., 114 B: „Vismariam et Rostok, Magnopolensium Ducum ciuitates". Въ изд. 1567, CXXVII: „Vismar vnnd Rostok, gegen der Fürsten vonn Mechelburg landschafft". Въ изд. 1556 г., 114 B: „Porro Ducis Prussiae sedes est, quam Germani Regium montem appellant". Въ изд. 1567, CXXVII: „Doch hatt der Hertzog in Preussen seinen hoff zu Künigssperg".

Въ изд. 1557 г., Qij: „Das Moer daran Samaiten stöst, als man dan dieselb ort nent Samaitner Strand khumbt herein zwischen Iuchtland, vnd der Innsl Sieland in Dennmarck da zwischen Sieland vnd Sconland, des ain stuckh ist an Schweden, hat manigerlay namen, da vmb Dennmarck gegen Sunder Iuchtland, Hertzogthumb Holnstain, vnd Lubeckh, nent mans den Pelts das wirdt Lateinisch Baltheum gehaissen, darnach das Teutsch, Pomerisch, Preyssisch, Leiflandish und Finlendisch Moer genent, das shait des Moscouiters vnd Schwedisch gepiet, ainen langen strich auch Leiffland vnd Preussn von Schweden, vnd ist nit das weitte Moer, sonder nur ain Armh, darumb nennen die vmbsessnen dasselb Moer die See".... Затѣмъ любопытныя свѣдѣнія о янтарѣ, которыхъ нѣтъ въ латинскомъ изданіи. Далѣе: „Das Sconland, wiewohl dasselb an Schwedischen vestem Land hengt, so wirdt doch das gehn Denmarckh gebraucht, und ist khain Innsl. Die alten haben sich darinn geirrt, vnd die Jungen noch auf heutigen tag".... „Holnstain, das an Teutschen landen hengt... vnnd von Reich lehn ist, wiewohl die Khünige zu Dennmarckht das erblich haben, so nemen sy doch dasselb von dem Römischen Khaiser oder Khünig zu lehn"....

[53]) *Rithaymeri* De orb. terrr., 29: mare Balthium, 32, 34. *Seb. Münster*, 770: mare Balthicum. *Peschel*, 81—82. Слав. Древн., *Шафарика*, т. 1, кн. 2, стр. 285. R. M. C., 45 A (p. н., 70), 114 A (170), 116 A (173); 27 B (44): „quod ipsi Vuaretzkoiae appellant, nos Germanicum, inter Vuinlandiam et Livuoniam".., 72 C (111), 105 C (160). Handbuch der alten Geogr. v. *Albert Forbiger*, 2 B., Leipzig, 1844, S. 2—3.

далеко не воспользовался тѣми свѣдѣніями о нихъ, какими обладали въ это время Русскіе. Такъ свѣдѣнія объ Азовскомъ морѣ, называемомъ Болотами Херсонеса Таврическаго, почерпнуты, по всей вѣроятности, изъ источниковъ классическихъ, а не русскихъ. „Болота Херсонеса Таврическаго" (Tauricae Chersonesi paludes), замѣчаетъ Герберштейнъ, „имѣющія, какъ говорятъ, отъ устья Танаиса 300 итальянскихъ миль въ длину, у мыса Главы св. Іоанна, гдѣ онѣ съуживаются (in arctum coeunt), имѣютъ только двѣ итальянскихъ мили". Классическое названіе Pontus Euxinus (Pontus) сохранено авторомъ Записокъ и за Чернымъ моремъ. Относительно Каспійскаго моря замѣчено, что Русскіе называютъ его Хвалинскимъ (Chvualinsko morie) [54]).

XIV.

Поверхность Восточной Европы.—Лѣсная и степная полоса.—Горы, составляющія границы восточно-европейской равнины. — „Земной Поясъ". — Уральскія горы.—Особенность русскаго народнаго воззрѣнія на формы земной поверхности.—Путь, по которому Русскіе перешли черезъ Уральскій хребетъ.—Данныя, заимствованныя Русскими отъ инородцевъ.—Разборъ извѣстія о горѣ Столпъ.—Воззрѣніе азіатскихъ народовъ на горныя вершины.—Значеніе слова *гора*.—Какъ понималъ это слово Герберштейнъ.—Обзоръ историческихъ свѣдѣній объ Уралѣ съ XI до XVI вѣка.—Какія земли слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Югорской земли?—Извѣстія Герберштейна о горахъ, находящихся внутри Восточной Европы.—Святыя горы.—Значеніе орографическихъ данныхъ Герберштейна въ западно-европейской литературѣ.—Спорный вопросъ о Рифейскихъ горахъ, въ XVI вѣкѣ.

„Руссія", населенная народами, „употребляющими языкъ Славянскій, слѣдующими обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому за-

[54]) R. M. C., 101 A (р. н., 153), 66 C (102): Tanais „paludes facit, quas Meotidis uocant"; 2 A (8), 101 A (153) (въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2 об.); 72 A (110) (въ изд. 1557 г., Liij: die Moscouitter Chwalinsco vnd die Lateiner Caspiuvm vnd Hircanvm nennen").

Изъ находящихся въ нашихъ источникахъ до XVII в. названій морей, омывающихъ юго-восточную Европу, приведемъ слѣдующія: въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ—Понетьское, Понтійское, Понтьское, Понтъ, Понотъ, Русское (Черное море); Хвалиськое (Каспійское). Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872, стр. 3, 6, 7, 477. Въ Хоженіи Пименовомъ (1388 г.)—Азовское море; Великое море (Черное)—Никон., IV, 163. Въ замѣткѣ о земляхъ за Араратомъ (XV в.)—Черное и Бакинское (Каспійское); см. Хоженіе за три моря Ао. Никитина, С.-Пб., 1857, *И. И. Срезневскаго*, стр. 5; ср. стр. 9. Въ хожденіи Аѳанасія Никитина (1446—1472 гг.): „море Дербеньское, доріа (даръя-море) Хвалитьская". П. С. Р. Л., VI, 331. Въ кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., море Азовское, 2, 4, 27, 56, 57, 76;—Черное, 2, 4, 57, 76, 77;—Хвалимское, Хвалинское, 4, 57, 75, 158.

ною и имѣющими одно общее имя, народное прозвище Руссовъ" — эта обширная страна, лежавшая, по мнѣнію географовъ XVI вѣка въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи, представлялась автору Записокъ о Московіи страною низменностей, великою, обильною и славными рѣками, и великими озерами равниной, однообразіе которой только въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстахъ прерывается незначительными возвышеніями, не заслуживающими даже названія горъ. Сѣверная и сѣверо-западная часть ея покрыта огромными сплошными лѣсами, еще сохраняющими дѣвственный характеръ, а юго-восточная, начинающаяся къ югу отъ города Тулы, разстилается гладкою степью, но не пустынною, а щедро надѣленною всякими произведеніями природы, пользованіе которыми, однако, въ XVI в., вслѣдствіе хищническихъ набѣговъ съ юга, было сопряжено съ великими опасностями. Нѣкоторые изъ живущихъ около Мценска, лежащаго въ болотистой мѣстности, замѣчаетъ Герберштейнъ, въ случаѣ необходимости, „убѣгаютъ въ эти болота, какъ въ крѣпость" [1]).

Кромѣ морей, естественными границами этой равнины служатъ горы. На юго-западѣ „Руссія" граничитъ горами Сарматскими, ко-

---

[1]) R. M. C., 1 B (р. п., 8) „Sed undecunque tandem Russia nomen acceperit, certe populi omnes qui lingua Slauonica utuntur, ritum ac fidem Christi Graecorum more sequuntur, gentiliter Russi, Latine Rhuteni appellati, ad tantam multitudinem excreverunt". . Выраженіе gentiliter Russi въ изд. 1567 г., стр. 1, переведено такъ: „und gemeinlich Reussen in irer spaach"; а въ изд. 1557 г., B об. „Nach irer sprach werden sy Russy"...

R. M. C., 66 B (р. п., 102): Tulla est „ultimum oppidum ad campestria deserta" (въ изд. 1557 г., Kiij л. 2: Tula „ist die letzte Stat gegen dem Oden Land"); 67 B: „Circa hunc locum adhuc quidam in tuguriolis habitant, qui necessitate imminente, in paludes illas, ceu castrum refugiunt" (р. п., 103: „нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и при наступленіи опасности прячутся въ эти болота, какъ за стѣны крѣпости". Ср. въ изд. 1567 г., стр. LXXIIII: „bey diesem orth wonend viel leut noch jnn kleinen heusslinen; wann es auch notturft erfordert, so weychen sy jnn das maas, als jnn ein vestes Schloss"; въ изд. 1557 г., kiij, л. 2 об. „in clainen hütlen da gewont".

Слово Руссія у Герберштейна имѣетъ двоякое значеніе: такъ называлъ онъ страну, населенную народами, употребляющими языкъ Славянскій, и въ составъ ея включалъ, кромѣ Московіи, и Литву, и Польшу (R. M. C., 2 B: „Principum qui nunc Russiae imperant, primus est Magnus dux Moscovuiae... secundus magnus dux Lithvuaniae; tertius est rex Poloniae"); въ тѣсномъ смыслѣ онъ называлъ Руссіей только одну Московію (ib., 60 C: „Urbs Moscovuia itaque Russiae caput et metropolis"). На различныя значенія слова Руссія у Герберштейна впервые обратилъ вниманіе *Мейнерсъ*, Vergleichüng des älteren und neuern Russlandes, 1 B., Leipzig, 1798, S. 47.

торыя простираются недалеко отъ Кракова. Такъ называетъ Герберштейнъ Карпатскія горы; то же названіе встрѣчается и у Птоломея. На югъ отъ рѣки Кубани, впадающей въ Меотійскія болота, то-есть въ Азовское море, „до самой рѣки Мерулы, впадающей въ Понтъ, тянутся горы, въ которыхъ живутъ Черкасы или Цики. Въ надеждѣ на неприступность своихъ горъ, они не признаютъ власти ни Турокъ, ни Татаръ“. Легко догадаться, что тутъ идетъ рѣчь о горахъ Кавказскихъ. Онѣ были неприступны только для чужихъ пришельцевъ и служили защитою для своихъ обитателей; но горы, недоступныя человѣку и по высотѣ своей, и по суровой природѣ, лежали на крайнемъ сѣверѣ, и такое представленіе о немъ вполнѣ соотвѣтствовало тому, что̀ въ то время разсказывали о всякихъ дивахъ природы Сѣвернаго океана и странъ, къ нему сопредѣльныхъ. Эти горы находились на сѣверо-западномъ берегу европейскаго материка и на сѣверо-восточной окраинѣ Руссіи, за р. Печорою.

Нося въ разныхъ мѣстностяхъ различныя названія, горы на сѣверо-востокѣ Европы имѣютъ, однако, одно общее имя: „Земной поясъ“ (Semnoi poyas), Cingulus mundi, то-есть „Поясъ міра или земли, ибо cingulus“, говоритъ Герберштейнъ, „по Русски поясъ“. Ихъ вершины, на которыхъ вьютъ гнѣзда кречеты, отъ постоянныхъ вѣтровъ почти совершенно лишены всякой растительности, но на склонахъ этихъ горъ растутъ кедры, около которыхъ водятся самые черные соболи. „Во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы—вѣроятно, это тѣ, которыя у древнихъ слыли Рифейскими и Гиперборейскими горами“. Онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ труденъ [2]).

---

[2]) R. M. C., 2 A—B; 101 A (Circassi seu Ciki—„Hi montium asperitate freti, nec Turcis, nec Tartaris parent“; въ изд. 1567 г., стр. CXII: „Dise verlassend sich auff jr rauch gebürg, sind weder den Türcken, noch den Tartaren vnderworffen; въ изд. 1557 г, Oiij, л. 2 об. „haben ain solch vesst Land, das sy weder in der Türkhen, noch der Tatern gewalt oder gehorsamb seind“); 119 C—120 A; 117 B; 83 B—C—84 A (р. п., 8; 9; 153; 179; 175; 127): „Vltra hunc fluuium [Petzoram] altissimi montes ad ripas usque protenduntur, quorum vertices ob continuos ventorum flatus omni prorsus materia gramineque fere carent (въ изд. 1567 г., XCII: „darauff wachset weder laub, noch grass; въ изд. 1557 г., Miij л. 2 об. „seind ploss one grass vnd holtz“), hi etsi uarijs in locis uaria habeant nomina, communiter tamen Cingulum mundi vocantur. In his montibus nidificant Gerofalcones“... „Crescunt etiam illic arbores cedri: circa quas nigerrimi Zebelli reperiuntur. Atque in Principis Moscovuiae ditione hi montes soli

На одну изъ вершинъ этой цѣпи горъ, называемую „Столпомъ (Stolp), то-есть колонной“, русскій воевода князь Семенъ Курбскій взбирался семьнадцать дней и все же не могъ достигнуть вершины ея. Она „вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры“.

Кромѣ этой горы, въ Запискахъ о Московіи поименованы еще слѣдующія горы той же цѣпи: а) гора Печора (mons Petzora), черезъ которую перешелъ князь Семенъ Курбскій. б) „Земной Поясъ“ (Poyas semnoi), „находящаяся влѣво отъ лѣтняго восхода“; съ огромнаго камня этой горы, называемаго „Большимъ Камнемъ“ (Camen Bolschoi), беретъ начало р. Уса. в) „Каменный поясъ“ (Cameni-poyas), за рр. Печорой и Щугуромъ. г) „Камень“ (mons Camen), на которую нужно подниматься три дня; съ горы „Камень Большаго Пояса“ (ex monte Camen Bolschega Poiassa) текутъ рр. Сосва (Sossa), Березва (Berezvua) и Дападимъ (Danadim).

Таковы свѣдѣнія о „Земномъ Поясѣ“, извлеченныя авторомъ Записокъ изъ русскаго дорожника и собранныя отъ лицъ, участвовавшихъ въ походахъ Русскихъ въ область рр. Печоры и Оби въ 1499—1500 годахъ [3]).

---

uisuntur, qui veteribus Rhiphaei forte, vel Hyperborei montes uisi sunt: et quod perpetuis niuibus ac glacie rigeant, transirique facile non possint“.

Выраженіе ad ripas usque protenduntur слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что горы эти тянутся до береговъ Сѣвернаго океана, такъ какъ далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о томъ, что Енгропеландъ омывается Сѣвернымъ океаномъ (80 А); затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Extenditur mons ille (Stolp) in Occanum“, 84 А.

Въ русскомъ переводѣ, по изд. 1866 г., на стр. 127: „соколы особой породы“; а въ подл., 183 С: „Gerofalcones“. R. M. C., 132 C: „quos nos Girofalcones, hos illi Kretzet appelant“. Слав. Древн., *Шафарика*, т. I, кн. 2, М. 1848 г., стр. 344. Geogr. d. Griechen und Römer v. *Mannert*, Leipzig, 1820, IV Th., S. 180. Real-Encyclopädie d. class. Alterth. v. *Pauly*, VI B, 1852, S. 7 (Ptol.).

[3]) R. M. C., 84 A; 79 A; 81 B—C; 82 A, C (р. п., 128; 120; 124; 125). О походѣ 1499 г.—Ист. гос. Росс., *Карамзина*, VI, пр. 462 (вып. изъ Архив. Разрядной книги). Никон. лѣт., VI, 157. П. С. Р. Л., IV (Псков. 1), 271; VIII (Воскр.), 237. Описаніе Сибирскаго царства, *Г. Ф. Миллера*, С.-Пб., 1750 г., стр. 62—66.

Въ лѣтописяхъ упомянуто о походѣ кн. Петра Ушатаго и кн. Семена Курбскаго въ Югорскую землю подъ 1499 г., а въ выпискѣ изъ Разрядной книги, подъ 7009 г. (1501 г., а не 7109 г., какъ у Миллера, по ошибкѣ) говорится о походѣ тѣхъ же воеводъ въ ту же землю, вслѣдствіе чего Миллеръ въ своемъ Описаніи Сибирскаго царства сначала передалъ извѣстія лѣтописныя о

Какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, „Земнымъ Поясомъ“ названъ Уральскій хребетъ—„это“, по замѣчанію Ал. Гумбольдта, „наиболѣе значительное поднятіе по направленію отъ юга къ сѣверу, какое представляетъ рельефъ Азіи“. До настоящаго времени Русскіе, живущіе въ сѣверномъ Уралѣ, называютъ его Поясовымъ камнемъ. Названіе „Земной Поясъ“, можетъ быть, было переводомъ названія инородческаго и потому было дано хребту, принимаемому за естественную грань двухъ частей свѣта, что онъ тянется на весьма значительномъ разстояніи отъ юга къ сѣверу, между тѣмъ какъ ширина его сравнительно съ длиною ничтожна. Но каково бы ни было происхожденіе этого названія, оно любопытно само по себѣ, какъ выраженіе вѣрнаго представленія о хребтѣ, и потому или было принято Русскими, или дано ими самими. Оно къ тому же вполнѣ соотвѣтствовало и ихъ народному воззрѣнію на формы земной поверхности. Русскимъ пришельцамъ, въ началѣ XVI столѣтія достигшимъ на востокѣ естественной грани своей великой равнины, у себя дома привыкшимъ созерцать съ холмистыхъ возвышеній ея широкую гладь, передъ ними разстилавшуюся, и незнакомымъ съ тѣми существенными преградами къ движенію, какія воздвигла природа въ другихъ странахъ, Уральскія горы должны были казаться необычайными по своей высотѣ, незыблемымъ поясомъ, на которомъ Господь утвердилъ земную поверхность, точно такъ какъ, по тому же народному представленію, и небо, и „все звѣздное теченіе“ было поставлено Имъ на семи поясахъ; поэтому обитатель великой европейской равнины, вѣроятно взиралъ на вершины „Земнаго Пояса“

походѣ 1499 г., а потомъ извѣстія, извлеченныя изъ Разрядной книги, о походѣ 1501 г. на Югру. Но онъ же, на стр. 65—66, § 7, того же Описанія, высказалъ весьма основательные доводы и соображенія въ защиту предположенія, что лѣтописи и Разрядная книга, подъ вышеуказанными годами, говорятъ объ одномъ и томъ же походѣ, въ чемъ былъ увѣренъ и Карамзинъ. Къ доводамъ почтеннаго академика прибавимъ еще, что и Герберштейну кн. Семенъ Курбскій разсказывалъ объ одномъ только походѣ, R. M. C., 79 A (р. п., 120); 84 A (127—128).

Въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ извѣстія о походѣ 1499 г. дословно сходны, за исключеніемъ одного только мѣста, гдѣ перечисляются воеводы: въ первой въ числѣ ихъ упом. Василій Бражникъ; во второй Василій Ивановъ сынъ Гавриловичъ Бражникъ; въ выпискѣ изъ Разрядной книги—Василій Ивановичъ Гавриловъ; у Миллера—Иванъ Васильевичъ Заболозсковъ, по прозванію Бражникъ; у Карамзина — Василій Ивановичъ Заболоцкій Бражникъ.

съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ смотрѣлъ на нихъ и исконный обитатель его лѣсистыхъ склоновъ.

Путь, по которому Русскіе въ концѣ княженія Ивана III перешли Уральскій хребетъ отъ р. Щугура къ верховьямъ р. Сыгвы, впадающей съ лѣвой стороны въ Сосву, лежитъ между 64^0 и 65^0 сѣверной широты. Въ томъ мѣстѣ Уралъ, имѣющій, какъ и другіе хребты окраинъ, скаты, спускающіеся на обѣ стороны, состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ, высокихъ каменныхъ хребтовъ, разстояніе между которыми простирается отъ 5 до 12 верстъ; ширина горной долины р. Щугура доходитъ до 10 верстъ. На этомъ пути находится нѣсколько вершинъ: Кореджъ-урръ, Ахутасъ-люльне-неръ, Поттелова-пелъ и Квиталь-пынгъ-неръ, примѣчательныхъ по своей высотѣ, хотя, впрочемъ, оленья дорога, пролегающая въ мѣстности, усѣянной этими вершинами, довольно удобопроходима; на лѣвой сторонѣ р. Щугура, который служилъ для Русскихъ путеводною нитью въ великую низменность сѣверной Азіи, возвышается одна изъ высочайшихъ вершинъ Урала Телпосъ-изъ или Непубы-неръ, простирающаяся до 5000 футовъ высоты; въ горныхъ ущельяхъ этого хребта они могли видѣть огромныя массы снѣга, который не растаиваетъ даже лѣтомъ. Порывистые вѣтры, быстрыя перемѣны воздуха и вообще всѣ тѣ препятствія, какія воздвигаетъ человѣку суровая горная природа, встрѣчаются на пути черезъ Уральскій хребетъ. Не смотря однако на эти препоны, на тѣ потери и въ силахъ, и въ запасахъ, какія должна была понести русская рать, прошедшая длинный, тяжелый путь, прежде чѣмъ она достигла верховьевъ р. Щугура, неутомимый вождь ея князь Семенъ Θеодоровичъ Курбскій, извѣстный своею воздержною и суровою жизнію, перешелъ „Земной Поясъ“, и власть Русскихъ должны были признать не только инородцы, жившіе на восточныхъ, но и на западныхъ его склонахъ [4]).

---

[4]) Asie Centrale par *A. de Humboldt*, t. I, Paris, 1843, p. 412; 471—472 (о происхожденіи имени „Земной Поясъ“). Ст. объ Уралѣ, составл. *Л. И. Зеддельромъ*, по рукописи *Гофмана*, въ Военн. Энц. Лекс., т. XIII, С.-Пб., 1857 г., стр. 207. О значеніи географическихъ названій см. Землевѣдѣніе Азіи, *К. Риттера*, ч. I., С.-Пб., 1856 г., стр. 31. На стр. 52-й о хребтахъ на окраинахъ. Толковый словарь живаго великорус. яз., *В. Даля*, III, М., 1865 г., стр. 342.

Путь черезъ Уральскій хребетъ отъ р. Щугура къ юртамъ Ляпинскимъ, на р. Сыгвѣ или Ляпинѣ, гдѣ нѣкогда находился городокъ Ляпинъ, описанъ въ соч. Топографическое описаніе сѣвернаго Урала и его рѣкъ (1847—1848 гг.),

Отъ этихъ инородцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ финской вѣтви, изъ которыхъ въ дорожникѣ помянуты вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими: Самоядь (Samoged), близъ Пустозерска, Вогуличи (Vuogolici), по р. Сосвѣ (Sossa) и Оби, и Югричи (Ugritzschi), по р. Оби, подъ которыми, кажется, слѣдуетъ разумѣть Остяковъ, Русскіе во время похода подъ начальствомъ кн. Семена Курбскаго узнавали названія горъ, странъ, племенъ, рѣкъ и крѣпостей. Число этихъ названій, вѣроятно, далеко превосходило то, какое извѣстно намъ по Запискамъ о Московіи, такъ какъ естественнымъ слѣдствіемъ условій полукочеваго, охотничьяго быта пріуральскихъ инородческихъ племенъ было обстоятельное знакомство ихъ съ топографіей обширной области звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, доставлявшихъ имъ средства къ существованію. У Остяковъ, въ настоящее время обитающихъ въ верховьяхъ рр. Печоры и Оби, въ тѣхъ же условіяхъ быта, въ какихъ они жили и въ то время, когда Русскіе впервые ближе ознакомились съ ними, каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе предметы—всѣ имѣютъ собственное названіе [5]).

Заимствованія Русскими отъ инородцевъ географическихъ дан-

Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. VI, С.-Пб., 1852 г., стр. 309—313. См. также стр. 271—272; 280, 281. Ляпинъ городокъ упоминается въ Разр. кн., 7009 г., и въ царск. гр. 1586 г. авг. Описаніе Сибир. царства, *Г. Ф. Миллера*, стр. 63, 200—202; 205—206—топографическое опредѣленіе города Ляпина. Георг. стат. словарь Росс. имперіи, III, 128. Б. Ч., 207. Отзывъ о кн. Курбскомъ въ R. M. C., 79 A (р. п., 120).

[5]) R. M. C., 81 C.; 82 A; 83 C (р. п., 124; 127). Зап. Геогр. Общ., VI, 310. „Не смотря на дикую пустыню этой страны (отъ р. Щугура къ р. Сыгвѣ), каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе даже мелочные предметы всѣ имѣютъ собственное названіе у туземцевъ".

Названіе Югричи встрѣчается въ царск. гр. 1557 г. Изслѣдованія *Лерберга*, С.-Пб., 1819 г., стр. 7. Лербергъ былъ убѣжденъ въ томъ, что подъ Юграми слѣдуетъ разумѣть Вогуловъ и Обскихъ Остяковъ, см. тамъ же, стр. 6. Ср. прекрасное замѣчаніе Шегрена въ его Gesammelte Schriften, B. I, St.-Pet. 1861, S. 311. Авторъ статьи А. Б. (Бушенъ), напеч. въ Вѣстн. Геогр. Общ., 1855 г., ч. XIV, стр. 167—190, старался доказать, что не Вогуличи—потомки Югры, а Обскіе Остяки (стр. 177), обитавшіе въ древности на западныхъ склонахъ Урала. Главное доказательство того, что Русскіе не могли называть Вогуличей Югрой основано на томъ, что въ лѣтописномъ перечнѣ племенъ, подъ 1396 г., Вогуличи поставлены рядомъ съ Югрою (Никон., IV, 268). Въ пр. 26, на стр. 189, любопытно слѣдующее указаніе: „Нѣсколько рѣчекъ на сѣверномъ Уралѣ до сихъ поръ называются Югра". Отзывъ объ этой статьѣ см. въ „Обозрѣніи трудовъ (Геогр.) Общ. по истор. геогр.", *А. И. Артемьева*, въ кн. „Двадцатипятилѣтіе Имп. Русск. Геогр. Общ.", С.-Пб., 1872 г., стр. 181—182.

ныхъ, находящихся въ дорожникѣ, вѣроятно, не ограничивались только одними названіями. Такъ можно справедливо догадываться, если мы даже допустимъ, что свѣдѣнія, во время похода добытыя Русскими самостоятельно или черезъ посредство обрусѣвшихъ или знающихъ Русскій языкъ инородцевъ, были дополняемы составителями дорожника данными, извлеченными изъ какихъ-нибудь не дошедшихъ до насъ письменныхъ источниковъ. Свѣдѣнія о нѣмой торговлѣ Грустинцевъ и Серпоновцевъ, жителей двухъ крѣпостей на р. Оби, о князѣ Венцѣ (Vuentza), владѣвшемъ крѣпостью Коссинъ, о добываніи мѣховъ въ области р. Иртыша, вѣроятно, были получены Русскими отъ инородцевъ. Нельзя также отрицать, что въ разсказахъ инородцевъ пріуральскихъ областей о людяхъ, обитавшихъ далѣе на востокѣ, могла быть примѣсь элемента чудеснаго, и вѣроятно, отъ этихъ инородцевъ Русскіе слышали о необыкновенныхъ людяхъ, живущихъ за р. Тахниномъ. Говорилъ же Самоѣдъ Миклей нашему извѣстному путешественнику Василію Николаевичу Латкину, записавшему съ его словъ драгоцѣнный разсказъ о жизни Самоѣдовъ въ тундрѣ, что къ востоку отъ р. Оби, за областью, обитаемою Карачеями, „живутъ еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе—они скроются, а куда, никто не знаетъ, видно—въ землю уходятъ“ [6]).

Слѣдъ инородческаго вліянія на русскія географическія свѣдѣнія можетъ быть отыскань и въ вышеприведенномъ извѣстіи о горѣ Столпъ, взобраться на которую мало было семандцати дней. Едва ли было бы справедливо невѣроятное опредѣленіе высоты этой вершины считать случайно ошибочнымъ, такъ какъ оно даже въ эпоху

---

[6]) Описаніе Сибир. царства, *Г. Ф. Миллера*, стр. 208: Остяки называютъ дорогу между Березовымъ и Ляпинымъ городкомъ Зырянъ-юшъ, а Русскіе Русскимъ Тесомъ, „потому что по оной дорогѣ, дабы не заблудиться, знаки на деревахъ тесаны или зарубаемы бывали“. Зыряне, по языку, очень близки къ Пермякамъ, съ которыми Русскіе вступили въ близкія сношенія уже въ XIV в. *Joh. Andreas Sjögrens* Gesammelte Schriften, S. 81, 431—433. R. M. C., 82 A—B; 83 A (p. п., 125—126). Дневникъ Василія Николаевича Латкина, во время путешествія на Печору, въ 1840 и 1843 г. въ Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ., кн. VII, С.-Пб., 1853 г., ч. I, стр. 149. Зыряне подчиняются русскому вліянію (тамъ же, стр. 48); Самоѣды „нерѣдко женятся на Русскихъ“ (стр. 94, 102). Самоѣдъ Иванъ, сопровождавшій г. Латкина, во время его плаванія по р. Усѣ, хорошо говорилъ по Зырянски, по Остяцки, на языкѣ Егровъ или Манчей и порядочно по Русски (стр. 111).

совершенно неопредѣленныхъ представленій о твердыхъ формахъ земной поверхности должно было поражать своею необычайностію, и не даромъ авторъ Записокъ счелъ необходимымъ не только указать на лицо, сообщившее ему извѣстіе объ этой горѣ, но и замѣтить, что оно было результатомъ его разспросовъ, обращенныхъ къ Курбскому, который не могъ не внушать къ себѣ довѣрія. Еще менѣе вѣроятно объяснять это извѣстіе преднамѣреннымъ искаженіемъ со стороны Курбскаго дѣйствительнаго факта; искаженія и преувеличенія были обычны и легко объяснимы въ свѣдѣніяхъ, передаваемыхъ иностранцамъ людьми Московскаго государства относительно власти великаго князя московскаго, государя всея Руси, его казны и данниковъ его изумлявшей своею обширностію вотчины. Отъ предположеній, на которыхъ нельзя успокоиться, обратимся къ догадкамъ болѣе вѣроятнымъ, опредѣляющимъ сложеніе насъ занимающаго загадочнаго извѣстія.

Слово гора въ русскомъ языкѣ означаетъ вершину и оно же есть „общее названіе всякой земной возвышенности"; на сѣверѣ Россіи горою называютъ „вообще землю, сушу, берегъ, материкъ, въ противность водѣ, рѣкѣ, морю". Эти разнообразныя значенія слова гора были общеупотребительны и въ древности, и Курбскій, отвѣчая на разспросы объ Уральскомъ хребтѣ, по всей вѣроятности, подъ словомъ гора разумѣлъ и вершину, и возвышенность (по Зырянски парма). Это, между прочимъ, подтверждается извѣстіемъ, вѣроятно записаннымъ со словъ Курбскаго о томъ, что онъ перешелъ гору Печору; здѣсь, очевидно, слово mons въ подлинникѣ буквальный переводъ слово гора въ смыслѣ возвышенности. Курбскій, разсказывая Герберштейну о своемъ походѣ, могъ ему говорить, что при переходѣ чрезъ Уральскія горы онъ подпимался на гору, то-есть, на возвышенность въ продолженіе семнадцати дней, могъ при этомъ вспоминать и разсказывать Герберштейну о самой высокой вершинѣ, лежавшей на древнѣйшемъ пути Русскихъ въ Азію и называемой финскими инородцами Столпомъ. По міровоззрѣнію, господствующему у народовъ Средней Азіи, высокія вершины, какъ и у народовъ Арійской вѣтви, считаются священными; на нихъ смотрятъ какъ на столбы, поддерживающіе небесный сводъ. Подобное же воззрѣніе, какъ можно предполагать на основаніи современныхъ этнографическихъ данныхъ, существовало и у племенъ финской вѣтви, обитавшихъ на склонахъ сѣвернаго Урала. Жертвоприношенія Нумѣ, кото-

раго Самоѣды-язычники считали высшимъ существомъ, совершались ими на высокихъ холмахъ. Въ настоящее время о горѣ Непубы-неръ или Телпосъ-изъ, окруженной „группою сопокъ, отвѣсныхъ скалъ и каменныхъ розсыпей“, съ вершинами, которыя поднимаются скалистыми зубцами, и по дикому виду своему, кажутся мало доступными, Остяки и Зыряне разсказываютъ, „что на эту гору никто не смѣетъ взобраться; что въ старину были будто смѣльчаки, увлеченные любопытствомъ, но оттуда никогда уже не возвращались. Они считаютъ мѣсто это обиталищемъ нечистаго духа“.

Вѣроятно, какъ мы уже замѣтили, Курбскій съ своею ратью проходилъ мимо Телпосъ-изъ, и это предположеніе мы можемъ здѣсь дополнить новою догадкою: не эту ли вершину Русскіе называли Столпомъ [7]).

Замѣчаніе Герберштейна о томъ, что гора Столпъ вдается въ океанъ и простирается до устьевъ Двины и Печоры, очевидно относящееся къ Уралу, а не къ одной изъ вершинъ его, названной Столпомъ, характеризуетъ взглядъ Русскихъ этого времени на этотъ горный хребетъ и подтверждается свидѣтельствомъ Разрядной книги: длина Камени „отъ моря до моря“. Такое преувеличенное предста-

---

[7]) О значеніи слова гора см. Словарь *Даля*, I, 332. Слав. Древн., *Шафарика*, т. I, кн. 2, 318: слово гора въ Славянскомъ языкѣ означаетъ вершину и лѣсъ. Очерки русской истор. географіи, *Н. Барсова*, Варшава, 1873 г., стр. 15, XI пр. 34. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, *А. Будиловича*, ч. I, Кіевъ, 1878 г., стр. 41, § 34. Дневникъ *Латкина*, I, 28 (по Зырянски парма означаетъ вообще возвышенность, „преимущественно лѣсную“), 99 (о Нумѣ); II, 119 (о зырянскихъ названіяхъ).

О воззрѣніяхъ азіатскихъ народовъ на горныя вершины см. Gesch. der Erdkunde v. *Carl Ritter*, Berlin, 1861, S. 42 (р. п., Спб., 1864, стр. 37); Asie Centrale par *A. de Humboldt*, t. I, Paris, 1843, p. 271—272; Этнографическія замѣчанія и наблюденія *Кастрена*, въ Этногр. Сборникѣ, вып. IV, Спб. 1858 г., стр. 293 (о Нумѣ). Топографическое описаніе сѣв. Урала, Зап. Геогр. Общ., VI, 283. Въ сибирской лѣтописи *Ильи Черепанова*, по рукоп. Тобольской дух. семинаріи, л. 170 и об. „Алтай—основаніе вселенной, достигаше главою до небесъ“ (выписки изъ этой лѣтописи сдѣланы Л. Н. Майковымъ). Ст. *А. Н. Пыпина*: „Средніе вѣка русской литературы и образованности“, Вѣстн. Европы, 1877, апрѣль, стр. 731: „По одному русскому апокрифу, въ самомъ океанѣ стоитъ столпъ, называемый адамантинъ, глава котораго возвышается до неба“.

К. Риттеръ, въ „Идеяхъ о сравнительномъ землевѣдѣніи“, въ числѣ причинъ, объясняющихъ „множество заблужденій въ физической географіи, справедливо указываетъ на „обычай называть горами всякія возвышенія и холмы“. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, изд. *Н. Фроловымъ*, т. II, М., 1853 г. стр. 424—425.

вленіе относительно протяженія Урала въ начальную эпоху знакомства съ нимъ весьма понятно; даже на позднѣйшихъ картахъ его изображали простирающимся до берега Ледовитаго моря; между тѣмъ какъ онъ оканчивается кряжемъ Минисей, самая сѣверная гора котораго—Константиновъ камень—находится въ 40 верстахъ отъ морскаго берега (68^0 $29'$ сѣв. шир., 83^0 $57'$ долг.). Къ западу отъ оконечности Уральскаго хребта, болѣе чѣмъ на 40 верстъ отъ нея, тянется къ острову Вайгачу „рядъ невысокихъ горъ, раздѣленныхъ одна отъ другой тундрой и возвышающихся надъ послѣднею въ видѣ отдѣльной цѣпи, подъ общимъ именемъ Пайхоя". Эти горы отдѣлены отъ Урала огромною тундрой и р. Карою [8]).

Какъ разсказъ Курбскаго о горѣ Столпъ, такъ и извѣстія Русскихъ объ Уральскихъ горахъ не были вѣрно поняты авторомъ Записокъ о Московіи, хотя онъ заботился о точномъ переводѣ дорожника, изъ котораго извлечены эти извѣстія. Онѣ не были для него ясны на столько, на сколько могли бы быть, какъ потому, что въ XVI в. понятія о твердыхъ формахъ земной коры были крайне ограничены, и эти послѣднія едва-едва обращали на себя вниманіе путешественниковъ, такъ и потому, что онъ, какъ мы видѣли, едва ли понималъ слово гора въ томъ широкомъ смыслѣ, какой оно имѣло въ русской рѣчи; другія же слова и выраженія, которыми въ разныхъ мѣстностяхъ Русскій народъ означалъ различныя твердыя формы земной поверхности, или были неизвѣстны, или не вполнѣ понятны Герберштейну. Вотъ почему онъ не могъ составить себѣ на столько ясное представленіе о нихъ, на сколько это было возможно по извѣстіямъ, имъ добытымъ, хотя отнесся къ нимъ съ большимъ вниманіемъ. По тому же самому онъ принялъ и разныя названія, прилагаемыя къ ихъ цѣпямъ и вершинамъ, а именно: Камень, Каменный Поясъ, Земной Поясъ за названія отдѣльныхъ горъ—вершинъ, между тѣмъ какъ этими названіями Русскіе означали Уральскій хребетъ и его различныя вѣтви. Къ этимъ заключеніямъ приводятъ и указанія, находящіяся въ дорожникѣ, и замѣчаніе о томъ, что поименованныя въ немъ горы имѣютъ одно общее названіе „Земной Поясъ", и современныя намъ названія Урала Камнемъ и Поясомъ. Камнемъ, вѣроятно, онъ названъ и въ описаніи того же по-

---

[8]) R. M. C., 84 A (р. п., 128). *Миллеръ*, 63. Зап. Геогр. Общ., VI, 271—273.

хода 1499—1500 г., находящемся въ Разрядной книгѣ. Воеводы кн. Петръ (Ушатый) да князь Семенъ (Курбскій), говорится въ этомъ описаніи, отъ Печоры до Каменя шли двѣ недѣли, „и тутъ развелися... черезъ Камень щелью, а Камени во облакахъ не видѣти. А коли вѣтрено, ино облака раздираетъ. А длина его отъ моря до моря“. Отъ Камени шли недѣлю до перваго городка Ляпина. Остяки и Самоѣды называютъ Уралъ—Кёу и Пай, что̀ означаетъ камень или скалу. Не безъ вѣроятія можно предполагать, что этотъ же Камень въ дорожникѣ названъ горою Печорою, черезъ которую перешелъ Курбскій [9]).

Какъ ни мало удовлетворительны свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, извлекаемыя изъ извѣстнаго намъ, благодаря Герберштейну, Указателя, все же въ русской исторической географіи онѣ имѣютъ цѣну потому, что передаютъ намъ названія этихъ горъ, данныя имъ Русскими въ XVI столѣтіи, служатъ къ опредѣленію путей, по которымъ войска великаго князя перешли Уралъ въ 1499—1500 г., и въ значительной степени дополняютъ извѣстія о томъ же походѣ, занесенныя въ лѣтописи и въ Разрядную книгу.

Первыя свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, отличающіяся баснословнымъ характеромъ, встрѣчаются въ нашихъ письменныхъ памятникахъ очень рано. „Суть горы“, передаетъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1096 г., со словъ Новгородца Гюряты Роговича, посылавшаго своего отрока въ Югру, „зайдуче (в) луку моря, имже высота яко до небесе“. „Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ же не дохо-

---

[9]) Словарь *Даля*, II, 697. *Г. Ф. Миллеръ*, 63. *Карамзинъ*, VI, пр. 462. Въ приводимой Миллеромъ выпискѣ изъ Разрядной книги о походѣ 1499—1500 г. находятся слѣдующія заслуживающія вниманія географическія данныя: Пинежскій волокъ („до Пинѣжскаго волочку“, ср. R. M. C., 81 A; p. n., 123); р. Колода (R. M. C., 81 A—Кулой); Оленій бродъ; гор. Усташъ на р. Печерѣ; Камень; Самоѣды на Камени; гор. Ляпинъ; Одоръ („съ Одора Югорскіе князи“); взяли всего 41 гор. и прошли 4,650 вер. до Ляпина.

Изъ двухъ предложенныхъ Миллеромъ объясненій слова Одоръ слѣдуетъ считать наиболѣе вѣроятнымъ второе, то-есть, „съ Обдоры, древняго Остяцкаго мѣстечка, что нынѣ русскій острогъ въ Березовскомъ уѣздѣ, недалеко отъ устья рѣки Оби“ (стр. 65), см. R. M. C., 82 C (p. n., 125): „ad Obi ostia, in prouincia Obdora“. О названіяхъ Пай и Кеу см. Воен. Энц. Лекс., т. XIII, стр. 207. Зап. Геогр. Общ., VI, стр. 269; 296—гора Березовскій камень-Кассенъ неръ (а неръ по Остяцки камень, стр. 268) и др.

димъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии". Затѣмъ упоминанія объ этихъ горахъ надолго прекращаются, хотя въ источникахъ, относящихся къ исторіи Новгорода Великаго, въ лѣтописяхъ съ XII в., а въ договорныхъ грамотахъ съ XIII в., находимъ рядъ извѣстій о Югрѣ, какъ о землѣ, подвластной этому знаменитому городу и лежавшей на крайнемъ сѣверо-востокѣ его владѣній. По всей вѣроятности, Югорская земля, платившая ему дань, лежала въ предѣлахъ великой европейской равнины и не переходила за ея естественный рубежъ на сѣверо-востокѣ. Единственное извѣстіе о походѣ Новгородцевъ на р. Обь въ 1364 г., отрицать которое мы не имѣемъ основанія, должно считать не болѣе, какъ смѣлою попыткою проникнуть за этотъ рубежъ. Какими путями достигли они р. Оби въ этомъ году—неизвѣстно, и только на основаніи позднѣйшихъ данныхъ можно предполагать, что они совершили этотъ походъ по рѣкамъ и слѣдовательно перешли Уральскій хребетъ.

Послѣ 1364 года не встрѣчаемъ никакихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Уралу, и только послѣ паденія независимости Новгорода Великаго, съ того времени, когда московскія войска въ первый разъ перешли Уральскія горы (1483 г.), онѣ и земли, къ нимъ прилегающія, становятся болѣе извѣстными, и свѣдѣнія о нихъ не прекращаются. Походъ этотъ доказалъ, что горы, казавшіяся недосягаемыми, пугавшія воображеніе своею высотою, оказались проходимыми, и московское правительство съ конца XV в. не переставало обращать бдительное вниманіе на земли, прилегающія къ Уралу. Поэтому, понятно, и свѣдѣнія о Югорской землѣ должны были измѣниться. Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка, далеко превосходятъ все то, что было извѣстно о ней до этого времени; но все же онѣ весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностью возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегавшую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но въ то же время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби [10].

---

[10]) Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872 г., стр. 227 (1096 г.). Лѣт. по Ипат. сп., С.-Пб., 1871 г., стр. 199 (1114 г.): „суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь". П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 19 (1187 г. Югорскіе данники); 21—22 (1193 г.—извѣстіе весьма любопытное), 73 (1323 г.); 74 (1329 г.); IV

Всѣ вышеприведенныя данныя изъ Записокъ о Московіи касаются только тѣхъ горъ, которыя возвышаются на ея окраинахъ, и эти данныя не случайно нашли себѣ мѣсто въ Запискахъ; горы на окраинахъ великой равнины, занятой Русскимъ народомъ, служили ея естественными гранями, и нѣкоторыя изъ нихъ къ тому же представлялись высочайшими въ цѣломъ свѣтѣ. Горы, находящіяся внутри этой равнины, казавшіяся обитателю каменной части Европы холмами, не могли обращать на себя его вниманіе и потому, естественно, извѣстія Герберштейна о нихъ весьма скудны и отличаются случайнымъ характеромъ; авторъ не считалъ необходимымъ даже упомянуть о всѣхъ тѣхъ горахъ и возвышенностяхъ, которыя самъ видѣлъ во время своего путешествія, и въ Запискахъ его находятся еще слѣдующія орографическія данныя, кромѣ вышеприведенныхъ: а) Смоленскъ, „лежащій въ долинѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ плодоносными холмами". б) „Черемисы живутъ на сѣверѣ, за Волгою; для отличія отъ нихъ тѣ, которые живутъ около Новгорода, называются

(Новг. IV), 17 (1187 и 1194 г.), 51 (1329 г.); V (Соф. 1), 169—170 (1193—1194 г.), 216 (1323 г.). Никон., лѣт., II, 259—260 (1193 г.). Новг. лѣт. (2 и 3-я), С.-Пб., 1879 г., стр. 34, 236.

Югра упоминается въ числѣ волостей Новгородскихъ въ слѣдующихъ договорныхъ грамотахъ Новгорода: а) съ в. князьями Тверскими, Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 1, 2 (1265 г.), стр. 1—3,—Ярославомъ Ярославичемъ; №№ 6—10 (1305—1308 г.), стр. 6, 8, 10, 11, 13—Михаиломъ Ярославичемъ; № 15 (1327 г.), стр. 19,—Александромъ Михайловичемъ; б) № 20 (1471 г. авг. 11), стр. 27,—съ в. кн. Іоанномъ III; в) А. И., I, № 258 (1434 г.), стр. 487,—съ в. кн. Василіемъ Васильевичемъ; г) А. А. Э., № 57 (1456 г. до іюля), стр. 42,—съ в. кн. Василіемъ Васильевичемъ; д) тамъ же, № 87 (1470—1471 г.), стр. 64,—съ Польскимъ королемъ Казиміромъ IV; е) тамъ же, № 91 (1471, авг. 11), стр. 67,—съ в. кн. Іоанномъ III. О походѣ на р. Обь въ 1364 г., П. С. Р. Л., IV (Новг. IV), 64—65; V, 230.

На основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ *Н. Барсовымъ* въ его соч. Очерки русск. истор. географіи, стр. 14, 53—55, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV вв. относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. Но въ XV в. Югорскою землею называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала, что, вѣроятно, и привело Лерберга (см. его Изсл., 1819 г.) къ очень одностороннимъ и невѣрнымъ заключеніямъ, см. выписку изъ разр. кн. у *Миллера*, стр. 63. Лѣтописецъ (Архан. лѣт.), 1781 г., стр. 160—161: 6991 г. (1483) „князь великій Иванъ Васильевичь посла рать на Асыку, на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую, рѣку"; воеводы „отъ Сибири шли по Иртишу рѣцѣ въ низъ воюючи, да на Обь р. великую, въ Югорскую землю"... R. M. C., 82 A (p. н., 124): „ad fluuium Oby... peruenitur... Hunc quoque Vuogulici et Vgritzschi gentes accolunt".

Верхними Черемисами или Горными, не отъ горъ, которыхъ тамъ нѣтъ, но скорѣе отъ холмовъ, на которыхъ они живутъ". в) На горахъ, сосѣднихъ съ Кіевомъ, „и теперь еще видны слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей". „У Кіева есть одинъ холмъ, через который купцы должны проѣзжать нѣсколько трудною дорогою". г) Воины, которыхъ великій князь каждый годъ посылалъ въ степь, „для развѣдыванія и отраженія татарскихъ набѣговъ", разсказывали, „что около устьевъ Малаго Танаиса, въ четырехъ дняхъ отъ Азова, близъ мѣста Великій Перевозъ, у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какія-то мраморныя и каменныя изображенія" [11]).

То, что̀ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ извѣстій имѣло для автора значеніе второстепенное, и о чемъ онъ счелъ нужнымъ упомянуть въ виду могущаго возникнуть у читателя недоумѣнія относительно каменныхъ изображеній, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть каменныя бабы — эти до сихъ поръ остающіеся загадочными памятники языческой эпохи народовъ, обитавшихъ въ Восточной Европѣ, то именно и имѣетъ цѣну для нашей исторіи XVI в. Свидѣтельство о ежегодной посылкѣ великимъ княземъ воиновъ, то-есть станичниковъ, въ степь восполняетъ весьма скудныя и отрывочныя, начиная съ XIV до второй половины XVI вѣка, данныя нашихъ источниковъ о русской стражѣ въ степяхъ и указываетъ на то, что въ первой четверти XVI в. необходимость устройства ея уже была сознаваема правительствомъ, какъ необходимость государственная. Посылая станичниковъ въ степь, оно, вѣроятно, руководилось обстоятельными географическими свѣдѣніями о путяхъ, по которымъ Татары дѣлали набѣги на южныя области Московскаго государства.

Какъ свидѣтельствуютъ Записки о Московіи, станичники совершали свои разъѣзды въ мѣстности, весьма отдаленной отъ южныхъ городовъ Московскаго государства, въ сосѣдствѣ съ Святыми горами, лежащими на берегу р. Донца, въ 30 верстахъ отъ гор. Изюма. Эти горы, бывшія въ продолженіе многихъ вѣковъ нѣмыми свидѣтелями хищническихъ движеній азіатскихъ народовъ, въ началѣ XVI столѣтія, вѣроятно, уже служили для Русскихъ весьма выгоднымъ мѣстомъ наблюденія за движеніями Татаръ. Отсюда можно было

---

[11]) R. M. C., 70 C; 64 C; 104 B—C; 67 A—B (р. п., 108; 99; 158—159; 103). Ср. по изд. 1557 г., стр. Lij об., Kiij об., Pij, Kiij, л. 2 об.

замѣчать ихъ появленіе на далекомъ разстояніи, наблюдать за ними съ большею, чѣмъ въ открытомъ полѣ, безопасностію, такъ какъ въ пещерныхъ ходахъ этихъ твердынь легко было укрыться отъ степнаго наѣздника. Замѣчательно, что онѣ были мѣстомъ убѣжища не однихъ только станичниковъ. Въ XVII столѣтіи здѣсь подвизались иноки Святогорской обители, и здѣсь живая дѣйствительность призывала ихъ къ подвигамъ христіанской любви: на этихъ горахъ искали и находили пріютъ бѣжавшіе или изъ плѣна бусурманскаго, отъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Турокъ, или отъ нестерпимыхъ гоненій, воздвигнутыхъ на Русскій народъ латинскою церковью [12]).

Изъ всѣхъ орографическихъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ Записокъ о Московіи, самъ авторъ, какъ можно догадываться, справедливо придавалъ наибольшее значеніе свѣдѣніямъ о горахъ Уральскихъ; всѣ же остальныя данныя имъ помянуты случайно и потому, конечно, не могли обратить на себя вниманіе читателей. Объ Уралѣ Герберштейну удалось собрать отъ Русскихъ любопытныя и новыя свѣдѣнія, несомнѣнно имѣющія общее научное значеніе въ исторіи землевѣдѣнія, не смотря на ихъ несостоятельность во многихъ отношеніяхъ, на примѣсь баснословнаго элемента, на неясность и искаженіе многихъ географическихъ названій. Это важное значеніе этихъ новыхъ извѣстій состоитъ однако не въ томъ, что онѣ были первыми по времени появленія въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московіи. Ранѣе Герберштейна Матвѣй Мѣховскій въ своей книгѣ о Сарматіи,

---

[12]) Святогорская общежительная Успенская пустынь, М. 1853 г., стр. 6—9 (на стр. 7: „въ скалѣ Донецкой, по длинѣ 200 саженей, идетъ подземный ходъ“), 13 („несомнѣнно существованіе Святогорской обители съ 1624 г.“), 19 (царская гр., 1644 г. Мар. 21: „А будетъ, придутъ въ Святогорскій монастырь изъ Крыма, или отъ Нагай, или изъ Царьграда, или иныхъ земель полонениики“), 27. Ист. росс. іерархіи, ч. VI, стр. 66—67.

О нападеніи Татаръ на юго-восточную Украйну въ XV—XVI стол. см. Никон. лѣт., V, 92, 123, 157, 192—193, 217—218, 287 (XV стол.); VI, 132 (1492 г., бой между Русскими и Татарами между „Трудовъ и Быстрые Сосны“), 179 (1507 г. упом. рч. Ронбица), 192 (1512 г.), 208 (1517 г. Татары въ числѣ 20,000 подступили къ Тулѣ и потерпѣли совершенное пораженіе. „А напередъ ихъ (Татаръ) заидоша по лѣсомъ пѣшіе многіе люди украинные да имъ дороги засѣкоша“... „Слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самыхъ Татаръ, которые пріидоша опослѣ того ис Крыму, яко отъ 20,000 мало ихъ въ Крымъ пріидоша, и тѣ пѣши, и боси, и наги“); 228 (1521 г.). Ср. VI, 158; VII, 241 (1555 г.—„сторожъ отъ Святыхъ горъ“). „О сторожевой и станичной службѣ“, *И. Бѣляева*, въ Чт. Моск. Общ. истор. и древн., 1846, № 4, стр. 5—8; въ „Источникахъ“, стр. 18.

первое изданіе которой явилось въ 1517 г., замѣтилъ, что горы въ области, занимаемой Югрою, подъ которыми очевидно слѣдуетъ разумѣть Уральскія горы, не такъ высоки, какъ Альпы и горы Сарматскія (то-есть, Карпаты), что Югорскія горы покрыты густыми лѣсами, открыты, довольно удобопроходимы, объема средняго и высоты, каменисты и скалисты; такія горы находятся на всемъ сѣверѣ, на краю земли, близъ Сѣвернаго океана. О тѣхъ же горахъ Записки о Московіи даютъ свѣдѣнія, несравненно болѣе подробныя. Здѣсь мы находимъ достовѣрныя указанія относительно мѣстоположенія Уральскихъ горъ, перечень рѣкъ, берущихъ начало на ихъ склонахъ, описаніе пути, по которому можно было совершить переходъ по этимъ горамъ, свѣдѣнія о произведеніяхъ странъ, къ нимъ прилегающихъ, и ихъ обитателяхъ. Поэтому эти данныя и занимаютъ видное мѣсто въ общей исторіи географическихъ знаній. Не смотря однако на это значеніе ихъ, краткія замѣтки Мѣховскаго имѣютъ одно преимущество: о высотѣ Урала онѣ даютъ болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ Записки Герберштейна.

Его извѣстія объ Уралѣ должны были возбудить вниманіе западно-европейскихъ географовъ еще и потому, что затрогивали всѣхъ ихъ занимавшій вопросъ о Рифейскихъ горахъ. Матвѣй Мѣховскій первый смѣло заявилъ, что мнѣніе о существованіи высокихъ горъ на востокѣ Европы, сложившееся подъ вліяніемъ классической географіи и державшееся до начала XVI столѣтія, совершенно невѣрно, что Восточная Европа имѣетъ повсюду видъ равнины, что ея величайшія рѣки берутъ начало не съ высокихъ горъ Рифейскихъ или Гиперборейскихъ, а съ болотистой низменности. Новое, важное свидѣтельство Матвѣя Мѣховскаго не могло пройдти безслѣдно и остаться не замѣченнымъ въ тотъ вѣкъ, когда такъ сильно были возбуждены стремленія къ знаніямъ, и оно стало быстро распространяться, не смотря на то, что подрывало въ то время высоко цѣнимый авторитетъ классическихъ писателей. Послѣ Мѣховскаго ихъ извѣстія о Рифейскихъ горахъ необходимо было признать такимъ вымысломъ, въ которомъ, по видимому, нельзя было отыскать даже какихъ-либо чертъ дѣйствительности, такъ какъ ни самъ Мѣховскій, ни его послѣдователи во взглядѣ на восточную равнину не знали о существованіи Валдайской возвышенности, къ которой можно было бы пріурочить Рифейскія горы, и такимъ образомъ спасти и это наслѣдіе классической

древности. Альбертъ Кампенскій съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ, которые повторяютъ излюбленное ложное извѣстіе объ этихъ горахъ. Мюнстеръ въ своей космографіи тоже не преминулъ воспользоваться свѣдѣніями Мѣховскаго. Въ сочиненіи Іовія даже на заглавномъ листѣ было упомянуто о томъ, что въ этомъ трудѣ указаны ошибочныя мнѣнія Страбона, Птоломея и другихъ географовъ относительно Рифейскихъ горъ. Тамъ, гдѣ помѣщались эти горы, оказались болота, именуемыя, по свидѣтельству Іовія, Бѣлыми озерами, изъ которыхъ вытекаютъ почти всѣ рѣки Московіи. Отъ этого, говоритъ онъ, „занимающіеся космографіею почитаютъ сказкою прославленныя древними Рифейскія и Гиперборейскія горы“. Но отказавшись отъ Рифейскихъ горъ, извѣстный италіанскій историкъ, проникнутый уваженіемъ къ классической древности, считалъ вѣроятнымъ пріурочить Гиперборейскія горы къ суровымъ (asperos), какъ онъ называетъ, горамъ въ странѣ Югровъ и Вогуличей. Предположеніе это, не подкрѣпленное никакими положительными свидѣтельствами объ этихъ горахъ, нашло себѣ подтвержденіе въ Запискахъ о Московіи. Югорскія горы, по новымъ обстоятельнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, оказались замѣчательными по своей высотѣ, и Герберштейнъ имѣлъ основаніе сказать: „Во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы, которыя, можетъ быть, у древнихъ слыли Рифейскими или Гиперборейскими горами“. Замѣчаніе это и предшествующія ему свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, ихъ суровой природѣ и высочайшей вершинѣ Столпъ должны были поколебать довѣріе къ тому, что писалъ о горахъ Московіи Мѣховскій, а вслѣдъ за нимъ и Альбертъ Кампенскій; догадка же Іовія пріобрѣла еще болѣе вѣроятія [13]).

---

[13]) „Descriptio Sarmatiarum“, *Mathias de Miechöw*, по изд. 1521 г., Diij л. 2 об. „Accipe tercio, quod Juhra septentrionalissima est absque altissimis et inaccessibilibus montibus, nec tantis ut sunt alpes iuxta Italiam, neque sicut montes sarmatici. Non recte ergo quidam historici tradiderunt, dicentes Huguos exisse de prouincia eorum, de montibus maximis, et inaccessibilibus. Enim vero sunt montes in Juhra, cum densis siluis, patentes et bene permeabiles, quantitatis mediae et altitudinis, petrosi et saxosi, quales sunt per totum septentrionem in fine terrae iuxta oceanum septentrionis“ (изъ гл. V, которая оканчивается слѣдующими словами: „Haec vera sunt et qui scripsit verum scripsit, et scimus quia verum est testimonium eius“); Giij и л. 2—объ истокахъ рр. Днѣпра, З. Двины и Волги; Hiij и об. О Сарматскихъ горахъ тамъ же, стр. F. Библ. иностр. пис., С.-Пб., 1836 г., *Кампензе*, стр. 68 (р. п., 29); *Іовій*, 68 (35), 66 (31). Cosmographia

Что же касается до внутреннихъ возвышенностей Европейской Россіи, то географы и путешественники иностранцы, писавшіе о Московіи послѣ Герберштейна, не обращали на эти возвышенности никакого вниманія и продолжали представлять себѣ великую восточную равнину такою же, какою ее впервые представилъ Мѣховскій. Это воззрѣніе держалось такъ долго, конечно, потому, что понятія о твердыхъ формахъ земной поверхности, господствовавшія до XVIII столѣтія, были крайне незрѣлы. Только въ этомъ столѣтіи французскій ученый Бюашъ (Philippe Buache), впервые обративъ вниманіе на земной рельефъ, указалъ на необходимость установить систему дѣленія горъ по ихъ внѣшнему виду и далъ особое названіе уваламъ, ограничивающимъ ложа рѣкъ—montagnes de revers. Тогда крайности физическаго возрѣнія, господствовавшія въ XVI в., смѣнились крайностями противоположнаго воззрѣнія. Послѣ Бюаша стали отыскивать и указывать цѣпи горъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было [14]).

XV.

Общія замѣчанія о гидрографическихъ извѣстіяхъ въ Запискахъ о Московіи.—Хорографія ея и книга „Большой Чертежъ".—Обозрѣніе иностранныхъ извѣстій о рѣкахъ Сѣвернаго бассейна конца XV и первой половины XVI вѣка (до 1549 года).—Герберштейновы извѣстія о рѣкахъ того же бассейна.—Рѣка Сѣверная Двина.—Рѣки Югъ и Сухона.—Озеро Koinzki (Кубенское).—Рѣки Вологда, Вага и Вычегда.—Рѣки, по которымъ шелъ путь отъ Сѣверной Двины къ рѣкѣ Оби: Пинега, Кулой, Мезень и ея притокъ р. Пеза, Рубиха, Чирка, Печора.—Волоковыя озера.—Притоки Печоры: Цильма, Щугуръ, Уса и Подчеремъ.—Рѣки Обь и Иртышъ, Artavuischa, Beresvua, Danadim, Cassima, Kossin, Piescoya, Sibut, Sossa, Sossa (можетъ быть Сосва), Tachnin.—Итоги рѣчныхъ названій Сѣвернаго бассейна, которыя находятся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи конца XV и первой половины XVI вѣка.

Отдѣльныя отрасли географическихъ знаній, постепенно обособлявшіяся, въ настоящее время отличающіяся не только по содержанію,

---

Seb. Munster, по изд. 1552 г., p. 913. R. M. C., 83 C (р. п., 127: „вѣроятно это тѣ которыя у древнихъ слыли"). *O. Pechel's* Gesch. d. Erdkunde, 287 (2-te Aufl., heraus. V. *Sophus Rüge*, München, 1877, 1-te Abth., S. 316): „Herberstein beseitigte auch den Irrthum der griechischen Geographen, dass innere Russlands von einem Alpenwall, den Riphäen, von West nach Ost durchzogen werde"... Не Герберштейнъ, а Матвѣй Мѣховскій.

[14]) *Олеарій*, по изд. 1663 г., стр. 144 (р. п., 104), упомянувъ о величайшихъ рѣкахъ Восточной Европы, замѣчаетъ: „Und ist wol zu mercken dasselbige Wasser alle, nicht wie sonst in gemein, aus den Bergen und Felsen, die im ganzen Grossfürstenthumb nicht zu finden, sondern aus den pfützen, morassichten und sandigen Ortern ihren Ursprung haben". *Майербергъ*, стр. 17, 29 (р. п. 30, 52). *Рейтенфельсъ*, по изд. 1680 г., стр. 255.

О Бюашѣ см. Идеи, *Карла Риттера*, Магазинъ землевѣд., т. 2, М., 1853, стр. 419—421. Значеніе Риттера въ наукѣ землевѣдѣнія, *Н. Ханыкова*, ст. въ кн. „Иранъ", ч. I, С.-Пб., 1874 г., стр. XXIII.

но и по пріемамъ научной обработки, и по своимъ задачамъ, имѣли далеко не одинаковую участь въ общей исторіи географическихъ знаній. Въ то время, когда по нѣкоторымъ изъ этихъ отдѣловъ уже были собраны многія фактическія данныя, которыя могли служить твердою основой для дальнѣйшаго собиранія и изученія однородныхъ съ ними данныхъ, по другимъ отдѣламъ существовали только отрывочныя, случайно собранныя, часто противорѣчивыя указанія, не дававшія никакого цѣльнаго представленія о томъ предметѣ, къ которому онѣ относились. Въ XVI вѣкѣ такое рѣзкое отличіе продолжало существовать между тѣми отдѣлами географической науки, которые извѣстны подъ именемъ орографіи и гидрографіи, и орографическія данныя, по своимъ относительнымъ достоинствамъ, далеко отставали отъ данныхъ гидрографическихъ.

Мы уже видѣли, какъ скудны, неполны и неточны орографическія свѣдѣнія въ Запискахъ о Московіи, не дающія никакого понятія о рельефѣ страны. Что же касается до гидрографическихъ извѣстій въ этомъ источникѣ, то онѣ отличаются замѣчательною, по своему времени, обстоятельностью и составляютъ существенную часть хорографіи Московской Руси. По рѣкамъ авторъ хорографіи опредѣляетъ границы государства Московскаго и Польско-Литовскаго, положеніе областей, занимаемыхъ инородцами, русскихъ земель и княжествъ, а также и городовъ. Этою системою расположенія географическихъ данныхъ хорографія Герберштейна представляетъ сходство съ извѣстнымъ сборникомъ русскихъ географическихъ данныхъ XVI и XVII в., съ книгою „Большой Чертежъ“ [1]). Здѣсь также какъ въ хорографіи, основой описанія страны въ географическомъ отношеніи служитъ гидрографія; относительно рѣкъ приводятся обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ истока и длинѣ теченія ихъ, а также о рѣчныхъ изгибахъ.

Существенныя достоинства Герберштейновыхъ извѣстій по гидрографіи и ихъ историческое значеніе опредѣляются путемъ сравненія съ тѣми, которыя находятся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи

---

[1]) „Книга Большему Чертежу или древняя карта Россійскаго государства, поновленная въ Розрядѣ и списанная въ книгу 1627 года“. Изд. 2-ое. С.-Пб., 1838 г. На стр. V—XXV предисловіе *Д. Языкова*. Стр. 223—261—указатель именъ географическихъ. „Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изданная по порученію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ *Г. И. Спасскимъ*. Москва, 1846 г. Стр. III—XXVII—предисловіе. Стр. 215—293—примѣчанія. Стр. 297—327—указатель.

конца XV и первой половины XVI в. Разсматривая находящіяся въ нихъ гидрографическія данныя по главнымъ бассейнамъ четырехъ морей, окружающихъ восточно-европейскую равнину, слѣдуетъ признать наименѣе полнымъ и удовлетворительнымъ тотъ отдѣлъ этихъ данныхъ, который относится къ гидрографіи Сѣвернаго бассейна. Въ Трактатѣ Мѣховскаго, заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ восточно-европейской равнины, текущихъ на западъ и югъ, находимъ упоминаніе объ одной только рѣкѣ Сѣвернаго бассейна, а именно о рѣкѣ Вологдѣ [2]). Больше свѣдѣній по гидрографіи этого бассейна даетъ Іовій, очевидно сообщившій ихъ со словъ Димитрія Герасимова, но всѣ эти свѣдѣнія относятся къ рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, можетъ быть, потому, что изъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, ее именно Димитрій Герасимовъ справедливо считалъ наиболѣе достойною вниманія. По ней шелъ главный, кратчайшій путь изъ средней полосы Россіи къ Бѣломорскимъ берегамъ, а потому съ очень давняго времени и судоходное движеніе по ней было наиболѣе значительно, чѣмъ по другимъ рѣкамъ нашего сѣвера. Въ глубокой древности область Сѣверной Двины—богатая Біармія—привлекала своими богатствами скандинавскихъ викинговъ; а затѣмъ, войдя въ составъ владѣній Великаго Новгорода, она стала одною изъ самыхъ населенныхъ частей его на сѣверѣ, и Новгородъ не пожалѣлъ своихъ средствъ на то, чтобъ удержать ее за собою въ то время, когда великій князь московскій заявилъ на нее свои права [3]).

Страна, ближайшая къ Московіи, Холмогоры, „орошается“, говоритъ Іовій, „величайшею изъ всѣхъ сѣверныхъ рѣкъ — Двиною, которая сообщила имя свое другой меньшей рѣкѣ, впадающей въ Балтійское море. Двина постоянно въ извѣстныя времена года разливается, подобно Нилу“. „Во время ея разлива, происходящаго обыкновенно отъ таянія снѣговъ и отъ сильныхъ дождей, устье Двины,

---

[2]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. giij, л. 2 об. „Volochda“.

[3]) Статистическій Временникъ Россійской имперіи, II, в. 2, С.-Пб., 1872, стр. 200—201, всего съ 1865—1869 г. на Сѣверной Двинѣ и ея притокахъ было построено 3,455 судовъ.; „Поѣздка рѣчнымъ путемъ отъ Петербурга до Архангельска“, *Леонида Ухтомскаго*, Морск. Сборн., 1865 г., № 8, стр. 8: по рѣкамъ Сѣверо-Двинской системы ежегодно сплавляется къ Архангельску до 1,300 судовъ. Приводимъ этотъ итогъ только для свѣдѣнія, такъ какъ не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ онъ выведенъ.

орошающей области неизвѣстныхъ племенъ, уподобляется, при впаденіи въ океанъ, пространному морю, такъ что на гребномъ суднѣ нельзя переѣхать его въ одинъ день; но лишь только вода начнетъ сбывать, на всемъ пространствѣ образуются обширные и плодороднѣйшіе острова. Посѣянный на нихъ хлѣбъ родится безъ воздѣлыванія и почти въ одно и то же время всходитъ, выростаетъ и колосится, съ удивительною скоростью, какъ бы опасаясь новаго разлитія". Упомянувъ затѣмъ о рѣкѣ Югѣ, впадающей въ Двину, Іовій говоритъ, что она принимаетъ въ себя „безчисленныя" рѣки и „съ большимъ стремленіемъ течетъ къ сѣверу" [4]).

Въ этихъ извѣстіяхъ нельзя не признать довольно вѣрнаго описанія тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ съ Сѣверною Двиною. Ея берега на сѣверъ отъ устья рѣки Вычегды становятся отлогими и русло въ значительной степени расширяется, вслѣдствіе чего въ весенній разливъ она достигаетъ значительной ширины, отъ 3—8 верстъ [5]).

Не повторяя того, что уже было сказано Іовіемъ, Герберштейнъ тоже даетъ свѣдѣнія о Сѣверной Двинѣ, и онѣ оказываются болѣе обстоятельными, чѣмъ свѣдѣнія о другихъ рѣкахъ Сѣвернаго бассейна, вѣроятно потому, что и въ самой Москвѣ объ этой рѣкѣ-кормилицѣ приходилось чаще слышать, чѣмъ о другихъ рѣкахъ того же бассейна; даже разстояніе устьевъ ея отъ Москвы было приблизительно извѣстно. Имя свое Сѣверная Двина (Dvuina), по замѣчанію Герберштейна, получила отъ сліянія рѣкъ Юга и Сухоны (Iug, Suchana), „ибо у Русскихъ Dvuina значитъ два или двойной". Она течетъ на пространствѣ 100 миль и впадаетъ въ Сѣверный океанъ. Вѣроятно, Герберштейну передавали, что длина теченія Сѣверной Двины равняется 500 вер., то-есть 800 вер. нынѣшнимъ. Въ настоящее время отъ сліянія Сухоны съ Югомъ до устьевъ Сѣверной Двины одни считаютъ 684 вер., другіе всего только 623 версты.

---

[4]) *Іовій*, по изд. 1836 г., стр. 65—66. Въ русск. пер., на стр. 30: „Во время ея (Сѣверной Двины) разлива, происходящаго обыкновенно отъ таянія снѣговъ и отъ сильныхъ дождей, устье ея, при впаденіи въ океанъ уподобляется" и пр. Въ подл.: „cum nivibus imbribuspue inflatur, adeo lato alveo in Oceanum *per incognitas gentes* in speciem ingentis pelagi defertur".

[5]) Геогр.-стат. словарь Росс. имперіи, II, 24; 22: передъ раздѣленіемъ своимъ на рукава С. Двина достигаетъ наибольшей ширины, 6 верстъ. Hydrographie des Russischen Reiches v. *J. Ch. Stuckenberg*, St. Petersb., 1844, 2 B., 124: „Misst man dis Breite des Mündungsdelta am Meere, so ergeben sich 40 w".

Съ Сухоною, вытекающею изъ озера Koinzki (Кубенскаго), соединяется р. Вологда (Vuolochda), восемью милями ниже г. Вологды. Здѣсь также нѣкоторая неточность: г. Вологда отстоитъ отъ устья рѣки того же имени на 30 верстъ [6]).

Изъ притоковъ С. Двины перечислены слѣдующіе: 1) Vuaga, р. Вага берущая начало „между Бѣлоозеромъ и Вологдой, въ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ"; по ней „идетъ кратчайшій путь къ области и р. Двинѣ".

2) Vitzechda, р. Вычегда, впадающая въ Двину въ двѣнадцати миляхъ отъ Устюга; по ней шелъ путь въ Пермь.

3) Pienega, р. Пинега, „текущая съ востока на пространствѣ семисотъ верстъ". Теченіе Пинеги простирается всего на 485 верстъ [7]).

Приведенныя извѣстія о С. Двинѣ и ея притокахъ были сообщены Герберштейну, какъ можно предполагать, однимъ или, вѣрнѣе, нѣсколькими лицами; всѣ же остальныя, встрѣчающіяся въ его Запискахъ извѣстія о сѣверныхъ водахъ находятся въ русскомъ дорожникѣ или „Указателѣ пути въ Печору, Югру и къ р. Оби". Къ сожалѣнію, многія гидрографическія названія, встрѣчающіяся въ этомъ источникѣ, не могутъ быть опредѣлены съ достовѣрностью, вслѣдствіе искаженій, которымъ онѣ подверглись, неизвѣстно подъ перомъ ли

---

[6]) R. M. C., 117 A—B; 80 A—B; 118 C: „constanter affirmabat, se mille et septingenta vuerst, hoc est 340 miliaria hoc itinere peragrasse"; 79 B (р. п., 175, 122, 177, 121). *Stuckenberg*, II, 1844 г., 123, 151. По его вычисленію, длина Сѣверной Двины=684 версты; но, прибавляетъ онъ, „nach den neuesten amtlichen Berichten nur 623 W.". Описаніе Росс. имперіи, *Пушкарева*, т. I, кн. 2, 1845 г., стр. 20: 684 версты. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., II, 21: 672 версты.

Сп. насел. мѣстъ, Вологодская губ., обраб. *Е. Огородниковъ*. Стр. VI и VII: „Хотя и доселѣ считаютъ, что Двина составляется изъ 2 рѣкъ Сухоны и Юга, но такъ какъ Югъ, по значенію своему, уступаетъ мѣсто Вычегдѣ, то онъ можетъ быть принимаемъ за притокъ Сухоны, и въ такомъ случаѣ можно полагать, что Сѣв. Двина составляется изъ сліянія двухъ главныхъ вѣтвей, Сухоны и Вычегды".

[7]) R. M. C., 79 C, 85 A, 81 A (р. п., 121, 129, 123). Сп. насел. мѣстъ, Вологодская губ., обраб. *Е. Огородниковъ*, стр. X: Вычегда изливается въ С. Двину, „въ 64 верстахъ отъ сліянія съ Сухоною р. Юга".

О пути въ Пермь см. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 193, 280. Ср. П. С. Р. Л., V (Соф. 1), стр. 216, 6832 г. (1324): „Великій князь Юріе Даниловичь поиде въ орду изъ Заволочія, по Камѣ по рѣцѣ". А передъ этимъ въ той же лѣтописи упоминается о походѣ его съ Новгородцами на Заволочье, на Двину. О томъ же въ Воскр. лѣт., VII, 199. Никон., III, 128; IV, 268: „р. Вычегда, обходяще всю землю Пермскую, потече въ сѣверную страну и впаде въ Двину межъ Устюга 40 верстъ". *Stuckenberg*, II, 223.

автора или русскаго переписчика. Но и безъ этихъ названій водный путь отъ р. С. Двины къ р. Оби отчасти опредѣляется на основаніи того же источника, по именамъ рѣкъ, частію вполнѣ сохранившимся отъ порчи, частію искаженнымъ, но легко возстановляемымъ [8]).

Изъ рѣкъ и озеръ, упоминаемыхъ въ „Указателѣ пути къ р. Оби", намъ извѣстны слѣдующія: р. Пинега; р. Кулой (Kuluio), въ которую перетаскивали суда черезъ волокъ и плыли по ней до ея устья, а отсюда морскимъ берегомъ до устья р. Мезени; р. Мезень (Mezen); притокъ ея съ правой стороны, р. Пеза (Piesza); два Волоковыхъ озера, лежащія на водораздѣлѣ между Мезенью и Печорою; рр. Рубиха (Rubicho), Чирка (Csircho), Цыльма (Czilma), Печора (Petzora), Щугуръ (Stzuchogora), откуда, переправившись черезъ Уральскій хребетъ, плыли по притокамъ Оби и по нимъ достигали этой рѣки. По дорожнику, Кулой приближается къ Пинегѣ на разстояніе полуверсты; по современнымъ же опредѣленіямъ, ближайшее разстояніе между ними равно десяти верстамъ.

Кромѣ Цыльмы и Щугура, въ дорожникѣ упоминаются еще два притока Печоры: Уса (Ussa), отъ истоковъ которой до ея устьевъ считается болѣе тысячи верстъ (по показанію Латкина, она течетъ около 1200 вер.), и Подчеремъ (Potzscheriema). Въ томъ же памятникѣ отмѣченъ, подъ своимъ настоящимъ именемъ, важнѣйшій изъ притоковъ Оби Иртышъ (Irtische) [9]).

Вообще въ началѣ XVI в. съ огромными бассейнами сѣверныхъ

---

[8]) *Stuckenberg*, II, 280: „Diese ganze Beschreibung (то есть, Itinerarium ad Petzoram etc.)... von der Ussa an zum Theil ganz unverständlich. Schon Witsen merkt an, dass in ihr viele Irrthümer enthalten seyen, besonders in der Angabe der Eigennamen und der Entfernungen" (*Witsen*, II, 593, 594).

[9]) R. M. C., 81 A—82 A (р. п., 123—124). *Stuckenberg*, II, 234. „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи", *А. Х. Лерберга*, С.-Пб., 1819 г., стр. 11: „Въ XVI вѣкѣ и позже извѣстны были три дороги отъ Печоры чрезъ Уральскій хребетъ: онѣ шли по тремъ рѣкамъ, которыя, выходя изъ горъ, впадаютъ съ правой стороны въ Печору. Ближайшая къ сѣверу шла по Усѣ вверхъ и отъ верховья оной до Соби, впадающей въ Обь. Вторая или средняя шла по Щугорѣ вверхъ, а за горами по Сыгвѣ, потомъ по Сосвѣ. Третья и ближайшая къ югу извивалась вдоль по Илшѣ, а перешедъ горы, пролегала по Вогульѣ также до Сосвы". Ср. Зап. Геогр. Общ., кн. VI, стр. 249.

О Волоковыхъ озерахъ и р. Рубихѣ см. „Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands" von *Alexandre Gustav Schrenk*, I Th., Dorpat, 1848, S. 173—174 Рр. Рубиха и Чирка упоминаются въ кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 189. Дневникъ *Латкина*, ч. I, стр. 154 (Зап. Геогр. Общ., т. VII). Извѣстія Импер. Русс. Геогр. Общ., 1867 г., т. III, № 6, стр. 177 — 178: „Два пути отъ Печоры на Обь".

рѣкъ на окраинахъ Европы и Азіи были еще очень мало знакомы. Принимая Обскую губу за устье, ширину этого устья опредѣляли въ 80 верстъ; полагали, что р. Обь вытекаетъ изъ баснословнаго Китайскаго озера. Мѣсто истока р. Печоры едва ли было извѣстно; днями, а не верстами, опредѣляли разстояніе между нѣкоторыми устьями изливающихся въ нее рѣкъ. Отъ устья Цыльмы до Пустозерска считали 6 дней пути; отъ устья Цыльмы до устья Усы одинъ мѣсяцъ пути, между тѣмъ это разстояніе можно проѣхать на лодкѣ дней въ семь; отъ устья Усы до устьевъ Щугура—3 недѣли [10]).

---

[10]) R. M. C., 82 A, 81 B—C (р. п., 124). *Stuckenberg*, II, 280. Дневникъ *Латкина* въ Зап. Геогр. Общ., VII, ч. II, 65: Пустозерскъ отстоитъ отъ Устьцылемска на 250 вер. (въ Дневн. Зап. *И. Лепехина*, ч. IV, С.-Пб., 1805 г., стр. 211—тоже). Латкинъ, выѣхавъ на лодкѣ изъ устья Усы 2 авг., достигъ устья Цыльмы 9 авг., см. его Дневникъ, II, 2, 11—12. Четырекр. путеш. въ С. Ледовитый океанъ, *Литке*, ч. 2, С.-Пб., 1828 г., стр. 210: Усть Цыльма въ 200 вер. выше Пустозерска.

Г. *Огородниковъ* въ Сп. насел. мѣстъ Вологодской губ., С.-Пб., 1866 г., стр. VIII, замѣчаетъ, что длина теченія Печоры въ точности еще не измѣрена.

Кромѣ приведенныхъ названій въ дорожникѣ упоминаются слѣдующія рѣки, принадлежащія къ бассейну Сѣвернаго океана:

I) Artavuischa (82 A; р. п., 124).

II) Beresvua (82 C; р. п., 125). *Миллеръ* въ Опис. Сибир. цар., стр. 111, замѣчаетъ, что берегъ на р. Тоболѣ называется Березовымъ яромъ и здѣсь находится деревня того же имени.

III) Danadim (82 C; р. п., 125). *С. М. Соловьевъ* въ ст. „Геогр. изв. о древней Россіи", От. Зап., 1853 г., № 2, стр. 117, принимаетъ Danadim за Надимъ (р. Тобол. губ., Березовскаго округа, впад. въ Обскую губу). *Stuckenberg*, II, 465.

IV) Cassima (83 A; р. п., 126). Соловьевъ указываетъ на р. Косья. Въ Геогр. стат. словарѣ Росс. имп., II, 749: Косью или Костью, р. Архан. губ., Мезенск. уѣзда, лѣв. пр. Усы. Но у *Штукенберга*, II, 464, упом. р. Kasym въ бассейнѣ р. Оби.

V) Kossin (83 A; р. п., 126). У Соловьева: Кошемъ?

VI) Piescoya (81 B; р. п., 123).

VII) Sibut (82 A; р. п., 124). *Небольсинъ* въ соч. „Покореніе Сибири", От. Зап., т. LX, стр. 236: „вѣроятно, это наша Сыгва, на которой стоитъ городокъ Ляпинъ". Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 207, 292: с. Ляпино на р. Сыгвѣ, въ Березовскомъ уѣздѣ.

VIII) Sossa, 82 A (р. п., 124): „inde ad Sibut fluuium, a quo castrum Lepin, a Lepin ad Sossam fluvium pervenitur. Sossa autem a dexteris relicto ad fluvium Oby peruenitur". Здѣсь Sossa—можетъ быть лѣв. пр. Оби.

IX) Sossa (82 A; р. п., 124): „Ad Obea castello secundum Oby fluvium ascendendo usque ad Jrtiche fluvium, in quem Sossa ingreditur". Здѣсь Sossa — можетъ быть р. Сосва, которую Штукенбергъ принимаетъ за начало р. Тавды, впад. въ Тоболъ, II, 445, 451, 422.

X) Tachnin (83 A; р. п., 126). Штукенбергъ отказывается опредѣлить ее, VI, 189. Въ Доп. къ Акт. Истор., X, № 80 (1683 — 1699 гг.), стр. 392: „А изъ Томскаго города въ Киргискую землю... переходить многіе рѣки поперегъ: 1, рѣка плавежная Ташма".

Приведенныя нами данныя по гидрографіи Сѣвернаго бассейна, заключающіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи первой половины XVI в., сводятся къ слѣдующимъ итогамъ: Записки о Московіи даютъ до двадцати-девяти рѣчныхъ названій этого бассейна а сочиненія о Московіи, появившіяся въ печати до 1549 года—всего только три названія. Всѣ Герберштейновы извѣстія по гидрографіи того же бассейна относятся къ той части его, предѣлы которой составляютъ р. Сѣверная Двина на западѣ и р. Обь на востокѣ. Изъ рѣкъ, текущихъ на западъ отъ Сѣверной Двины, ни одна даже не поименована, хотя, по видимому, свѣдѣнія объ этихъ рѣкахъ могли быть переданы Герберштейну тѣми посланными въ Данію толмачами, которые совершили туда путешествіе черезъ Бѣлое море. Но и безъ этихъ свѣдѣній, сообщенныя въ Запискахъ о Московіи извѣстія о сѣверныхъ рѣкахъ восточно-европейской равнины, а также и о р. Оби, должны быть признаны замѣчательными, такъ какъ онѣ были новыми въ западно-европейской географической литературѣ и впервые дали понятіе о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ нашего сѣвера.

XVI.

Балтійскій бассейнъ.—Свѣдѣнія о рѣкахъ этого бассейна, находящіяся въ сочиненіяхъ, которыми пользовался Герберштейнъ.—Оз. Ильменское. Рр. Мста, Ловать, Шелонь, Волховъ.—Оз. Samstin (Мстино). — Рѣки и озера, встрѣчающіяся на пути отъ западной границы Московскаго государства къ Новгороду и отсюда къ Москвѣ; рр. Ниша, Calacha (Холова), Palamit (Поломедь); оз. Валдай, Litinisch (Лютинецъ), Jhedra (Едровское); рр. Schlingvua (Шлина), Цна, Уса, Vuidocha (Удоха), Pschega (Мшага), Струпинъ. — Ладожское оз. — Рр. Корела (Вокша, Узерва), Нева. — Р. Полна.—Финское побережье, входившее въ составъ владѣній Московской Руси XVI в.—Р. Нарова и Плюса; р. Копорья.—Бассейнъ Чудскаго озера.—Рр. Пскова Великая, Ssoret (Соротъ), Воронецъ. Оз. Двино. Зап. Двина. — Р. Opscha, оз. Nischa (Нищо) и р. Полота.—Озера на пути отъ Вильны къ Полоцку: Дисла и Наверъ.—Бассейнъ р. Нѣмана: рр. Вилія, Вилейка, Жеймяна, Меречанка и Зельва. — Бассейнъ р. Вислы: Зап. Бугъ, Мухавецъ, Лѣсна, Вишня, Наревъ, Веприжъ, Пилица, Сола, Preyss (Пржемша), Jasonica, Czerna. —Рр. Окса (?) и Oschna (?).—Итоги гидрографическихъ названій Балтійскаго бассейна, которыя находятся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи XV—XVI в.

Свѣдѣнія о рѣкахъ Балтійскаго бассейна, находящіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московіи, до появленія въ печати Записокъ Герберштейна (1549 г.), ограничиваются по большей части

одними только упоминаніями о трехъ важнѣйшихъ рѣкахъ этого бассейна: о Западной Двинѣ, Нѣманѣ и Вислѣ. Мѣховскій упоминаетъ также о притокахъ Нѣмана, Виліѣ и Невяжѣ, и о притокѣ Виліи, р. Вилейкѣ [1]) (Vilna).

Изъ этихъ рѣкъ только одна Западная Двина имѣла истокъ въ области Московіи и орошала незначительную часть ея территоріи; всѣ же остальныя не соприкасались съ ея владѣніями. Поэтому Герберштейнъ, главная задача котораго состояла въ томъ, чтобы представить описаніе Московіи, былъ поставленъ въ необходимость впервые собрать гидрографическія свѣдѣнія о той части Балтійскаго бассейна, главными водоемами которой служатъ озера Чудское, Ильменское и Ладожское, и онъ исполнилъ эту задачу, сообщилъ свѣдѣнія и объ этихъ озерахъ, и о рѣкахъ, которыя принадлежатъ къ ихъ бассейнамъ. Только объ одномъ Онежскомъ водоемѣ въ Запискахъ не находимъ никакихъ свѣдѣній.

„Озеро Ильмень (Ilmen), которое въ древнихъ русскихъ писаніяхъ называется Илмеръ (Ilmer) и которому другіе даютъ названіе озера Лимиды (Limidis lacum) находится“, пишетъ Герберштейнъ, „въ двухъ верстахъ выше Новгорода. Оно простирается на двѣнадцать герм. миль въ длину и на восемь въ ширину“.

Дѣйствительно, въ древнѣйшихъ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ находится названіе Ильмерь, Илмерь. По точному измѣренію, оно имѣетъ въ длину 42 вер., въ ширину 35 верстъ [2]).

---

[1]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г. стр. Aiij; Biij. л. 2 об.; Ciij (flumen Vandalum, Visla, Istula); Fij (Vilia et Vilna); Fiij, л. 2 (Neviasza); Gii об. (Vilia Vilna, Niemen, Dzwina); Giij, л. 2 (Dzwina). Въ изд. 1518 г., стр. Aij: „fluss Visla (von den Hunij also genannt) und in unserm teutsch die Weijssel“; стр. D об. wasser Vandalum, Istel oder Wixel, oder Visla; стр. D об. Nauyiasza.

Альбертъ Кампенскій, по изд. 1836 г., стр. 63, 67 (р. п., 21, 27). *Іовій*, 65 (29). Изложенныя на указанныхъ страницахъ свѣдѣнія о рр. Западной Двинѣ, Нѣманѣ, и его притокахъ приведены нами ниже, въ обозрѣніи Герберштейновыхъ свѣдѣній о тѣхъ же рѣкахъ. О р. Невяжѣ см. *Stuckenberg*, I, 191.

[2]) R. M. C., 75 B. Въ русск. пер., 1866 г., стр. 115: оз. Ильмень „въ 2 верстахъ ниже Новгорода“; а въ подл. „supra Novuogardiam duobus vuerst“; въ изд. 1557 г., стр. Liij, л. 2 об. „ligt zwo wersst ober Grossneugarten“. Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872 г., стр. 6, 19. Лѣт. по Ипат. сп., С.-Пб., 1871 г., стр. 4, 11.

Stuckenberg, I, 415: „Nach einer genauen Aufnahme, welche die Verwaltung der ehemaligen Militärkolonien veranstaltet hat, misst der Ilmen 42 W. in der Länge u. 35 in der Breite“. „Путешествіе акад. *Н. Озерецковскаго*, по оз. Ладож., Онеж. и вокругъ Ильменя“, С.-Пб., 1812 г., стр. 437: оз. Ильмень, въ дл.

О важнѣйшихъ рѣкахъ, впадающихъ въ „Славное озеро": Мстѣ, Ловати и Шелони, благодаря которымъ Новгородъ Великій могъ сдѣлаться средоточіемъ обширнаго торговаго движенія съ востока, юга и запада восточно-европейской равнины, авторъ хорографіи даетъ довольно вѣрное и полное понятіе. Какъ видно, онъ понималъ ихъ значеніе, благодаря знакомству съ Русскою исторіей: онъ зналъ, что на водной сѣти Ильменя родилось Русское государство. Мсту онъ называетъ судоходною; она вытекаетъ изъ озера Samstin (Мстино). О Ловати говорится вслѣдъ за описаніемъ трехъ великихъ рѣкъ: Волги, Днѣпра и Западной Двины, берущихъ начало изъ Фронова болота. „Ловать (Lovuat), четвертая рѣка, которую никакъ нельзя сравнивать съ прочими тремя, беретъ начало между озеромъ Двиною (Dvuina) и Фроновымъ (Fronovuo) болотомъ или изъ самого болота. Я не могъ узнать положительно объ ея истокахъ, хотя они находятся недалеко отъ истоковъ Борисѳена. Это та рѣка, какъ говорятъ ихъ лѣтописи, въ которую св. Андрей апостолъ переволокъ лодку изъ Борисѳена. Почти въ сорока миляхъ отъ своихъ истоковъ она орошаетъ Великіе Луки и изливается въ озеро Ильмень". Въ другомъ мѣстѣ Записокъ о Московіи такъ передано преданіе о путешествіи апостола Андрея: „онъ дошелъ до истоковъ Борисѳена къ большому озеру Волокъ (Vuolock lacum) и по рѣкѣ Ловати спустился въ озеро Ильмерь"...

Часть теченія р. Ловати, отъ ея устья до впаденія въ нее рѣки Куньи, съ древнѣйшаго времени служила рѣчнымъ путемъ изъ озера Ильмень въ Днѣпръ. Мѣсто же истока ея, находящееся вдали отъ Великихъ Лукъ, и еще далѣе отъ устья Куньи, оставалось въ сторонѣ отъ этого пути. Потому-то, можетъ быть, оно и было неизвѣстно.

Что касается до преданія о путешествіи апостола Андрея, то оно, какъ извѣстно, находится въ дошедшихъ до насъ спискахъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода, безъ упоминанія о р. Ловати. Но

40, въ шир. 25 вер. Но на стр. 524: „объѣхавъ вокругъ оз. Ильмень повторю здѣсь что... ширины и окружности его, по причинѣ многихъ излучинъ, точно опредѣлить не можно"...

Зап. Русс. Геогр. Общ., кн. VIII, „О пят. и погостахъ Новг.". *К. А. Неволина*, стр. 147: дер. Лемно „на к. О. село Илемно, на к. III. дер. Лемно, при соединеніи съ Шелонью рѣчки, названной на к. О. Либпенка, на к. III. Леменка. По сп. мин. вн. дѣлъ д. Илемно", въ 50 вер. отъ Порхова, въ Порхов. уѣздѣ.

этому преданію предшествуетъ въ томъ же сводѣ слѣдующее описаніе Варяжскаго пути: „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати, и по Ловати внити въ Илмерь озеро великое“. По всей вѣроятности, это описаніе и было внесено Герберштейномъ въ извлеченный имъ изъ того же свода разсказъ о путешествіи Андрея, при чемъ слово волокъ было принято за названіе озера. Рѣку Ловать, точно такъ какъ и р. Шелонь, берега которой служили мѣстомъ дѣйствія замѣчательныхъ историческихъ событій, извѣстныхъ Герберштейну, онъ не безъ основанія называетъ знаменитыми [3]).

Существеннымъ дополненіемъ къ извѣстіямъ о помянутыхъ главныхъ рѣкахъ Ильменскаго водоема служатъ извѣстія о р. Волховѣ: она судоходна, одна только вытекаетъ изъ озера Ильменя, въ двухъ верстахъ выше Новгорода, и, „протекши почти тридцать шесть миль, впадаетъ въ озеро Ладогу“. По книгѣ Большой Чертежъ, протоку Волхова 200 верстъ, въ настоящее время длина теченія его полагается до 206 верстъ. Въ той же книгѣ (по рук. Ц.) разстояніе Новгорода отъ Ильменя опредѣляется въ двѣ версты; въ настоящее время — пять верстъ.

Къ тому же Ильменскому бассейну относятся имена озеръ и рѣкъ, внесенныя въ Записки о Московіи только потому, что черезъ эти воды шелъ путь отъ западной границы черезъ Новгородъ въ Москву. Приводимъ эти имена и нами составленныя опредѣленія къ нимъ.

а) На пути отъ Новгорода къ Торжку:

---

[3]) R. M. C., 140 B, 141 A, 72 C, 27 B, 75 B (р. п., 209, 210, 111, 44, 115). Путеш. *Н. Озерецковскаго*, С.-Пб., 1812 г., стр. 526: главнѣйшія рр., впадающія въ оз. Ильмень—Мста, Ловать, Шелонь. „Малыхъ рѣкъ въ Ильмень течетъ множество, и онѣ вмѣстѣ съ большими рѣками уповательно произвели нѣкогда и нынѣ содержатъ сіе озеро“.

По Мстѣ шелъ путь изъ Новгорода въ Заволочье. Русск. Истор. Сборн., I, ст. *Ходаковскаго*, стр. 26—27; 13. *Stuckenberg*, I, 349: „Dem Mstinosee entfliesst.... die Msta“; 430. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 78, Ловать р. беретъ начало въ оз. Завѣсно. Б. Ч., по изд. 1846 года, стр. 174: „Отъ Нещорды изъ озера изъ Теста вытекла р. Ловать“. Лѣт. по Лавр. сп., С.-Пб., 1872 г., стр. 6—7. Лѣтописныя свидѣтельства съ древнѣйшаго времени до XIV в. выясняющія значеніе рр. Мсты, Ловати и Шелони, см. въ „Матеріалахъ для истор.-геогр. словаря Россіи“, *Н. Барсова*, Вильна, 1865 г. А. А. Э., I, № 282 (1571, мар. 17), стр. 322 (р. Шелонь). Славнымъ озеромъ называется Ильмень въ былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ. Сказанія русск. народа, *Сахарова*, т. I, кн. 4, С.-Пб., 1841 г., стр. 13.

1) Nischa, р. Ниша, впадающая въ озеро Ильмень между устьями рр. Ловати и Мсты.

2) Calacha, р. Холова, притокъ р. Мсты.

3) Palamit, р. Поломедь, притокъ р. Полы.

4) Vuoldai, оз. Валдай, о которомъ замѣчено, что оно простирается на одну милю въ ширину и на двѣ въ длину. Въ настоящее время ширина его не превышаетъ 5 вер., а длина считается въ $8^1/_2$ верстъ.

5) озеро Litinitsch, въ автобіографіи Lutinitz—„не слишкомъ большое". Это, безъ сомнѣнія, озеро Лютинецъ, лежащее въ 10 вер., по прямому разстоянію, отъ озера Валдай на большой дорогѣ, въ 6 вер. къ западу отъ яма Едрово.

6) озеро Ihedra, на берегу котораго, какъ сообщаетъ Герберштейнъ, лежитъ село того же имени, въ восьми миляхъ отъ Ореата. Это озеро Едровское, близъ яма Едрово, къ юго-востоку отъ Валдая, по дорогѣ въ Вышній-Волочекъ.

7) Schlingvua, р. Шлина, притокъ р. Цны.

8) Snai, р. Цна, впадающая въ озеро Мстино и принимаемая за истокъ р. Мсты.

б) На пути отъ р. Великой къ Новгороду, притоки р. Шелони съ лѣвой стороны:

9) Ussa, р. Уса.

10) Vuidocha. Герберштейнъ замѣчаетъ, что эта рѣка впадаетъ въ Сухону подъ селомъ Опокою. По всей вѣроятности, р. Vuidocha есть р. Удоха, а Сухона—Шелонь (Scholona).

11) Pschega, нынѣ р. Мшага.

12) Strupin, р. Струпинъ, по Герберштейну, впадающая въ р. Пшегу. На картѣ Шуберта, № XVIII, и на картѣ Стрѣльбицкаго р. Струпинка впадаетъ въ р. Шелонь. Впрочемъ, устья рр. Мшаги и Струпинки находятся въ самомъ недальномъ другъ отъ друга разстояніи [4]).

---

[4]) R. M. C., 73 B—C, 75 B, 140 C, 141 A, 140 A (р. н., 112, 115, 208—210). Б. Ч., 176. *Stuckenberg*, I, 463 (дл. теч. р. Волхова 206 вер.); 412 (р. Холова); 455—456 (р. Поломедь); 347 (р. Шлина); 344 (р. Цна); 428 (р. Уса и др.). Путеш. *Н. Озерецковскаго*, С.-Пб., 1812 г., стр. 523: „Изъ Ильменя выходитъ одна только р. Волховъ"... На стр. 514 упом. р. Ниша. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 534, 388; III, 348.

F. R. A., I, 118, 116 (р. Сухона не упом. „Aber funff meill geen Opockha,

Въ опредѣленіи пространства, занимаемаго Ладожскимъ озеромъ (Ladoga), допущена Герберштейномъ грубая ошибка. Оно простирается, пишетъ онъ, „въ ширину на шестьдесятъ, въ длину почти на сто миль и имѣетъ нѣсколько острововъ"; между тѣмъ, наибольшая длина его $194^1/_2$ версты, а наибольшая ширина $122^1/_2$ версты. Озеро это, уже упоминаемое подъ именемъ Нево въ начальную эпоху нашей исторіи, и въ настоящее время изобилующее рыбами, было хорошо извѣстно Новгородцамъ съ очень давняго времени. Черезъ Ладожское озеро шелъ столь извѣстный въ эпоху самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода путь, по которому плыли сюда торговыя суда иноземцевъ, обыкновенно провожаемыя новгородскими лоцманами отъ острова Котлина. На сѣверо-западной оконечности Ладоги былъ основанъ въ 1310 году г. Корела—нынѣ Кексгольмъ; въ 1323 г. — Орѣшекъ; вѣроятно, къ тому же столѣтію слѣдуетъ отнести основаніе Валаамскаго монастыря [5]).

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро, въ Запискахъ о Московіи, кромѣ Волхова, упоминается р. Корела, находящаяся „въ семи миляхъ отъ Орѣшка". Нынѣ она называется Вокшею или Воксою; Узервою—въ книгѣ Большой Чертежъ, гдѣ, однако, разстояніе Корелы отъ Орѣшка не опредѣлено.

Озеро Ладожское „выпускаетъ большую рѣку Неву (Neoa), которая течетъ на западъ въ Германское море на пространствѣ почти шести миль". По книгѣ Большой Чертежъ, отъ Котлина озера,

---

ain dorff bey ainem Oden Schloss, an der Scholona. Daselbstn fellt auch das wasser Vidocha ein". Въ изд. Зап. о Московіи 1567 г., CLVI: Suchana; тоже, въ изд. 1557 г., v.

Оз. Лютинецъ и Едровское изображены на к. 10 вер. въ англ. дюймѣ, изд. подъ ред. *Стрѣльбицкаго*, и здѣсь же и помянутые притоки р. Шелони съ л. ст. „О пятинахъ и погостахъ Новг. въ XVI в.", *К. А. Неволина*, Зап. геогр. общ., кн. VIII, С.-Пб., 1853 г., стр. 149, 146. См. карту № 3 въ Атласѣ, прилож. къ нашему сочиненію.

[5]) R. M. C., 75 B (р. н., 115). Въ изд. 1557 г., стр. Liij, 2 об. „Ладожское озеро", *А. П. Андреева*, ч. I, С.-Пб., 1875 г., стр. 25—26. П. С. Р. Л., IV (Новг. 4), 47: 1310 г., „Срубиша Новгородци городъ на порозѣ у рѣки Узервѣ, ветхій сметавше"; III (Новг. 1), 73: 1323 г. Новгородци „поставиша городъ *на усть Невы*, на Орѣховомъ островѣ"; V (Соф. I), 216; VII (Воскр.), 199. Никон., III, 128. Ист. рос. іерархіи, III, 480, 484: „въ Новгородской Софійской библіотекѣ, на доскѣ одной древней книги (находится) старинной руки записка въ слѣдующихъ словахъ: въ лѣто 6837 (1329) „нача жити на островѣ на Валаамскомъ, озерѣ Ладожскомъ, старецъ Сергій".

то-есть Финскаго залива, до озера Нева—40 вер., то-есть, 64 вер. (около 9 миль), если считать въ верстѣ 700 сажень.

Упомянувъ о р. Невѣ и затѣмъ о р. Корелѣ и городѣ того же имени, Герберштейнъ продолжаетъ: „Наконецъ, въ двѣнадцати миляхъ оттуда находится рѣка Полна (Polna), которая отдѣляетъ владѣнія московскаго государя отъ Финляндіи, Русскими называемой Хаинска земля (Chainska semla) и состоящей подъ властью королей Швеціи". По этимъ только указаніямъ трудно опредѣлить р. Полную. Рѣка Авраіоки, у Абова, подъ 1318 г., названная въ нашей лѣтописи, какъ доказываетъ Лербергъ, р. Полною, не подходитъ подъ приведенное опредѣленіе. Въ имени Chainska, встрѣчающемся въ вышеприведенномъ извѣстіи, легко узнать находящееся и въ нашей лѣтописи названіе Финляндіи—Гамская земля [6]).

Владѣнія Московской Руси, омываемыя водами Финскаго залива, пограничныя съ Ливоніей и Швеціей, Герберштейнъ считалъ необходимымъ описать, какъ онъ замѣчаетъ, вкратцѣ, и поэтому ограничился однимъ только упоминаніемъ тѣхъ рѣкъ этой части Московіи, на которыхъ находились города—крѣпости, охранявшія владѣнія великаго князя, и тѣ же названія городовъ находимъ и въ книгѣ Большой Чертежъ. Рѣки эти слѣдующія:

1) Narua (Nervua, Narvua), р. Нарова, судоходная, вытекаетъ изъ Чудскаго озера, отдѣляетъ владѣнія московскаго князя отъ ливонскихъ. Сюда же должно быть отнесено слѣдующее замѣчаніе въ Запискахъ о Московіи: „Плаваніе между Псковомъ и Балтійскимъ моремъ было бы легко, еслибы не были тому препятствіемъ пороги недалеко отъ Иваньгорода и Нарвы". Всѣ эти замѣчанія вѣрны: р. Нарова судоходна отъ своего истока до пристани Кулги, на $52^1/_2$ версты; отсюда до Нарвы движенію судовъ препятствуютъ пороги. Р. На-

---

[6]) R. M. C., 76 C, 75 B (р. п., 117, 115). Б. Ч., 170, 171, 177. „Переѣзды по Финляндіи", *Я. Грота*, С.-Пб., 1847 г., стр. 3—5. „О пятинахъ и погостахъ Новг.", *К. Неволина*, въ Зап. геогр. общ., кн. VIII, стр. 134, 138. „Три древніе договора Руссовъ съ Норвежцами и Шведами", *Н. Буткова*, въ Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837 г., ч. XXIII. Въ договорахъ, здѣсь напечатанныхъ, мы не нашли упоминанія о р. Полной. „Изслѣдованія", *А. Х. Лерберга*, С.-Пб., 1819 г., стр. 158.

О походѣ Новгородцевъ на р. Полную, 1318 г., см. П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 72; IV (Новг. 4), 49; V (Соф. 1), 207. О Гамской землѣ П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 231 (1496 г.). Никон., VI, 145 (Гаіская земля). П. С. Р. Л., III (Новг. 1 лѣт.), 104 (1411 г.)—здѣсь южная Финляндія названа Свейскою землею.

рова, пишетъ Олеарій, „въ полумили передъ городомъ Нарвой имѣетъ высокій водопадъ, гдѣ съ страшнымъ шумомъ низвергается съ скалистаго уступа, и въ 2 миляхъ за городомъ (ниже города) впадаетъ въ Финскій заливъ. Низвергаясь на скалу, вода брызжетъ высоко мелкими брызгами, и потому здѣсь, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, до обѣда и послѣ обѣда образуется всегда радуга, доставляющая пріятное зрѣлище. По причинѣ большаго водопада, суда съ кладью, идущія отъ Пскова и Дерпта на Нарву въ море, должны выгружаться за добрую полумилю передъ городомъ и въ городъ доставляться уже сухимъ путемъ".

2) Plussa, р. Плюса.

3) Coporoia, р. Копорья.

Плюса — правый притокъ р. Наровы; р. Копорка впадаетъ въ Финскій заливъ [7]).

Изложенныя нами данныя по гидрографіи Ильменскаго бассейна и финскаго побережья, входившаго въ составъ Московской Руси XVI в., отличаются цѣнными достоинствами и могутъ быть отнесены къ тому отдѣлу географическихъ свѣдѣній, средоточіемъ которыхъ съ очень давняго времени былъ Новгородъ Великій. Его самостоятельная жизнь представляла условія, весьма благопріятныя для пріобрѣтенія этого рода свѣдѣній, и есть основаніе предполагать, что онѣ послужили матеріалами и для составленія нашего древняго свода географическихъ данныхъ книги Большой Чертежъ [8]).

Послѣ Ильменскаго водоема наиболѣе обстоятельныя по гидрографіи Балтійскаго бассейна свѣдѣнія, находящіяся въ Запискахъ о Московіи, относятся къ бассейну Чудскаго озера: озеро, изъ котораго вытекаетъ р. Нарова, „Русскіе называютъ Чудскимъ (Czutzko) или Чудинымъ, Латины же—Бицисъ или Пеласъ (Bicis, Pelas), а Гер-

---

[7]) R. M. C., 76 C, 45 B, 75 C, 76 A (р. п., 117, 70, 115—117). Б. Ч., 172, 176. Русско-Ливонск. акты, С.-Пб., 1868 г., № CCCLXIX, 1521 г., договоръ великаго князя Василія съ магистромъ Плеттенбергомъ, стр. 332: „А землѣ и водѣ великому Новугороду со княземъ магистромъ старой рубежъ: и съ Чюдскаго озера стержнемъ Норовы рѣки"... *Stuckenberg*, I, 327, 332. „О пятинахъ", *Неволина*, прилож., стр. 29. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 719 (Копорская губа); III, 394. Р. Копорка изображена на 10 вер. картѣ *Стрѣльбицкаго*. *Олеарій*, по изд. 1663, стр. 115. Въ русск. переводѣ, стр. 68—69; „въ Чудскій заливъ", а въ подл. „Finnische See".

[8]) Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 176—179.

манцы—Пейфюсъ (Peijfues). Оно принимаетъ въ себя двѣ рѣки: Плесковію (Plescovuia) и Великую (Vuelikareca), которая идетъ съ юга и протекаетъ черезъ городъ Опочку, оставивъ Псковъ вправѣ". Въ р. Великую, немного ниже города Вороничи, впадаетъ р. Соротъ (Ssoret); въ нее изливается рѣка Воронецъ (Vouronetz). „Городъ Псковъ стоитъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ рѣка того же имени, течетъ посрединѣ города и на разстояніи шести миль изливается въ озеро, которое Русскіе называютъ Чудскимъ".

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь опредѣленій ошибочны. Р. Пскова впадаетъ въ р. Великую съ правой стороны, а р. Великая впадаетъ въ оз. Псковское. Псковъ расположенъ при впаденіи рѣки Псковы въ р. Великую [9]).

На р. Западную Двину должны были обратить вниманіе Герберштейна и свидѣтельства русскихъ источниковъ объ извѣстномъ съ давнихъ вѣковъ водномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ, и извѣстія какъ классическихъ географовъ, такъ и Матвѣя Мѣховскаго. Послѣдній называетъ Двину (Dzwina) великою рѣкою, которая беретъ начало въ Московіи, протекаетъ по владѣніямъ Литвы черезъ городъ Витебскъ, затѣмъ Полоцкъ; ея устье, говоритъ онъ, близъ Риги, въ Ливоніи, гдѣ она изливается въ Балтійское море (mare Balteum) [10]).

Альбертъ Кампенскій, включивъ ее въ число главныхъ рѣкъ Московіи, обозрѣнію которыхъ онъ посвятилъ отдѣльную главу въ своемъ сочиненіи, и повторивъ то же, что сказалъ Мѣховскій о мѣстѣ впаденія Западной Двины, прибавилъ къ этому свѣдѣнія о томъ, что

---

[9]) R. M. C., 75 C—76 A; 140 A (p. u., 115; 208); 139 C (208): fl. Dsternicza. F. r. A., I, 115: „Da khamen wir geen Korsola, ist on widerred Moskouish gewest. Das ain haisst Velikhareka... das ander wasser haisst *Oesternitza*. Darnach wider zwo mail geen Opotzkho". Osternitza—намъ неизвѣстна. Въ кн. Б. Ч., 174: „Отъ Нещорды 40 вер. градъ Заволочье; отъ Заволочья 25 вер. до Дворца". Въ примѣч. „нынѣ неизвѣстны болѣе ни городъ, ни другое какое-нибудь селеніе „Дворца". То же имя въ рукописи Импер. Публ. Библ. „Тверца".

Stuckenberg, 1, 315, 313: „Ueber den Namen des Sees äussert sich Herberstein „der Tschudensee werde von den Deutschen Peifuss, von den Lateinern (etwa Letten?) Bicis oder Pelas genannt"; тамъ же о р. Псковѣ; 304 и сл., р. Великая; 309: р. Соротъ.

Гор. Вороночь упоминается подъ 1462 г., П. С. Р. Л., IV (Псков. 1), 204, на р. Сороти,—нынѣ погостъ близъ села Тригорскаго. Сѣверно-русск. народоправства, *Н. Костомарова*, II, 79. На картѣ *Шуберта*, № XXIII, и на картѣ *Стрѣльбицкаго* р. Воронечь мы не нашли.

[10]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Giij об. и л. 2; Diij, л. 2 об. (Dzwina).

она беретъ начало неподалеку отъ источниковъ Борисѳена, стремится прямо на западъ, и, протекая черезъ княжество Псковское, касается стѣнъ самого Пскова [11]). Можетъ быть, именно это ошибочное свѣдѣніе Альберта Кампенскаго и имѣлъ въ виду Герберштейнъ въ своихъ болѣе обстоятельныхъ извѣстіяхъ о Западной Двинѣ, чѣмъ тѣ, которыя были сообщены его ближайшими предшественниками. Рѣка эта, говоритъ онъ, вытекаетъ изъ озера Двина (Dvuina), находящагося отъ истоковъ Борисѳена почти въ десяти миляхъ и въ такомъ же разстояніи отъ Фронова болота. „Она проходитъ въ двадцати миляхъ отъ Вильны, потомъ течетъ на сѣверъ и близъ Риги, столицы Ливоніи, впадаетъ въ Германское море, орошаетъ Витебскъ (Vuitepsko), Полоцкъ (Polotzko), Динабургъ (Dunenburg), но не проходитъ черезъ Псковъ (Plescovuiam), какъ писалъ кто-то. Ливонцы называютъ эту по большей части (ex bona parte) судоходную рѣку, Дюною“.— „Нѣкоторые полагаютъ, что это Турантъ“ (Turantus). Иные называютъ ее Рубономъ (Rubo).

За истокъ р. Западной Двины обыкновенно принимаютъ озеро Двино или Двинецъ, въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, на плоской возвышенности, болотистой и лѣсистой; но было бы точнѣе, по мнѣнію Штукенберга, за истокъ ея принимать ручей въ одну версту близъ деревни Корякиной, текущій по болоту, которое, вѣроятно, было нѣкогда озеромъ. Отъ истока Днѣпра ручей этотъ отстоитъ на 125 верстъ, по прямому разстоянію, по картѣ Шуберта, № XXIII. Ближайшій отъ Вильны пунктъ на р. Двинѣ находится на разстояніи приблизительно 150 верстъ (по Герберштейну 20 миль). Названія Rubo и Turantus, находящіяся въ сочиненіи Птоломея, были общеупотребительными въ ученой географической литературѣ XV—XVI вв. Кажется, основательнѣе имя Rhubon, или вѣрнѣе, у Маркіана (греческаго географа, жившаго въ началѣ V вѣка) Rhudon, пріурочивать къ р. Западной Двинѣ; загадочный Turuntus искать къ сѣверу отъ нея [12]).

---

[11]) *Альбертъ Кампенскій*, по изд. 1836 г., 67 (р. н., 27) (Duvina). Ср. стр. 63: „Plescovia, città grande et potente posta sopra'l fiume Zviva“... Въ изд. 1543 г. (въ Венеціи), стр. 5—6: „aut Plescoua ciuitas magna et potens ad Zuinam (sic) fluvium sita“. *Іовій*, 65 (р. н., 29), ограничивается однимъ только упоминаніемъ о Двинѣ.

[12]) R. M. C., 72 C, 139 A—B (р. н., 111, 207). *Stuckenberg*, I, 207. Описаніе Тверской губерніи, *Василія Преображенскаго*, С.-Пб., 1854 г., стр. 36: „Двина

Къ системѣ Западной Двины относятся также слѣдующія названія:

1) Opsha, р. Обша, притокъ р. Межи, впадающей съ лѣвой стороны въ Зап. Двину.

2) озеро Nischa—по всей вѣроятности, оз. Нищо (въ 24 вер. къ ю.-в. отъ г. Себежа), изъ котораго беретъ начало р. Нища, правый притокъ р. Дриссы, впадающей въ р. Западную Двину.

3) Polta, р. Полота, впадающая въ З. Двину съ правой стороны.

Обиліе водъ на пути отъ Полоцка къ Новгороду поразило Герберштейна, и онъ, описывая этотъ путь, замѣчаетъ: „Мы перешли черезъ столько болотъ и рѣкъ, что ихъ имена и число не могутъ удержать въ памяти даже туземцы". Изъ озеръ, которыя встрѣчались на пути отъ Вильны къ Полоцку, Герберштейнъ называетъ: 1) оз. Disla, вѣроятно—оз. Диспа, въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, къ юго-западу отъ мѣст. Рымшаны; 2) оз. Navuer, Наверъ, лежащее близъ Браслава и простирающееся въ длину на одну милю [13]).

Всѣ остальныя гидрографическія данныя относительно Балтійскаго бассейна, находящіяся въ Запискахъ о Московіи, касаются Нѣмана и Вислы. Крононъ (Cronon), называемый Германцами Мемелемъ, а Русскими Нѣманомъ (Nemen), говоритъ авторъ, отдѣляетъ Пруссовъ отъ Самогитовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ впадаетъ въ Германское море. Названіе Крононъ получило извѣстность, благодаря Птоломею, и въ XV—XVI в. этимъ именемъ называли р. Нѣманъ. Пруссы съ давняго времени жили по лѣвому берегу р. Нѣмана, а Самогиты (Жмудь) по правому, въ нынѣшней Ковенской губерніи [14]).

вытекаетъ изъ оз. Двинца при с. Шеверовѣ, Осташковскаго уѣзда". Библіотека иностр. писат., С.-Пб., 1836 г., 63 (р. п., 21): Plescovia „posta sopra'l fiume Zviva". Можетъ быть, въ вышеприведенномъ извѣстіи Герберштейнъ разумѣлъ указаніе Альберта Кампенскаго. *O. Peschel's* Gesch. d. Erdkunde, München, 1865 г., S. 4. Слав. Древн. *Шафарика*, т. I, кн. 2, стр. 359—360. Gesch. Preussens v. *J. Voigt*, Königsberg, 1827, 1 B., S. 78 (Фогтъ принимаетъ р. Мемель за Рубонъ).

[13]) R. M. C., 71 B, 139 A—C, 2 C, 140 B, 138 C (р. п., 109, 9, 206—209). Въ изд. 1557 г., Tiij, л. 2. „Braslaw an dem See genannt Nawer"... Здѣсь же—Disla. F. r. A., I, 115, прим. 2: „Nisha, auf halbem Wege zwischen Polock und Opocka". Матер. для геогр. и стат. Россіи, Ковенская губ., сост. *Д. Афанасьевымъ*, С.-Пб., 1861 г., стр. 112, упоминаютъ оз. Новята близъ Браслава; стр. 113: оз. Диспа.

[14]) R. M. C., 105 C (р. п., 160); „Germani Crononem Mumel, patrio uero uocabulo Nemen appellant". Въ изд. 1557 г., стр. Pij об. „fluss Muml, also nennen den die Preyssen, auf Reissisch Nemen. Ich acht bey Ptolomeo Cronon genennt"...

Изъ притоковъ Нѣмана въ Запискахъ упоминаются:

1) Vuelia, р. Вилія съ ея притоками: Виленкою (Vuilna)—съ лѣвой стороны, и Жеймяною (Schamena)—съ правой стороны.

2) Meretsch, р. Меречанка. Она впадаетъ въ р. Нѣманъ съ правой стороны, близъ Мереча, къ сѣверу отъ Гродна.

3) Selvua, р. Зельва „вытекаетъ изъ русской области Волыни и впадаетъ въ Нѣманъ“, съ лѣвой стороны.

Изъ притоковъ Вислы поименованы слѣдующіе:

1) Bog, Западный Бугъ, текущій на сѣверъ, съ притоками: a) Мухавецъ (Muchavuetz); b) Лѣсная (Lisna) съ притокомъ Вишня (Beschna); c) Наревъ (Narevu).

2) Vuepers, р. Вепржъ.

3) Pieltza, р. Пилица, „отдѣляющая Польшу отъ Силезіи“.

4) Sola, р. Сола.

5) Preyss, р. Пржемша, „отдѣляющая Силезію отъ владѣній польскихъ и богемскихъ“.

Къ системѣ р. Вислы должны быть также отнесены: 1) рѣка Jasonica, близъ Парчева, отдѣляющая Литву отъ Польши; на картѣ Шуберта, № XXXIII, близъ Парчева означены двѣ деревни съ именемъ Ясіонка; 2) Czerna, рѣка, на ней гор. Поланецъ [15]).

Всего число находящихся въ Запискахъ о Московіи гидрогра-

Въ изд. 1567 г., CXVII: „dann die Teutschen nennend den Cronon ein Mummel, sonst wirdt er in der gemeinen landsprach Nemen geheissen“. Слав. Древн. *Шафарика*, т. I, кн. 2, стр. 358. Gesch. Preussens v. *Voigt*, I, 77—78 (подъ Кронономъ разумѣетъ р. Прегель). „Очерки русск. истор. геогр.“, *Н. Барсова*, стр. 36. *У Мѣховскаго*, по из. 1521 г., стр. Giij об. „Niemen autem fluuius valde flexuose decurrit, naues defert et merces, et post castrum Kowno in mare Prutenicum cadit“.

[15]) R. M. C., 105 B, 138 C, 109 A, 105 C, 138 C, 109 A, 142 C, 152 C 151 B, 143 A, 153 B—C, 137 B, 144 A (р. п., 160, 206, 165, 212, 227, 225, 213, 228, 204, 214). Въ изд. 1557 г.. Viij: Jasonica. F. r. A., I, 268—269: Jasonckha. *Stuckenberg*, I, 178, 181, 125—126, 131—133, 138.

Въ Зап. о Московіи упоминаются также: 1) fl. Oxi, 153 A; р. п., 228; F. r. A., I, 277: Oxy, пр. ред. „Okrzcica“, на которой стоитъ гор. Луковъ; о немъ см. Starożytna Polska, *Balinskiego*, t. II, Warszawa, 1845, 1159 („nad błotami rzeki Wielkiej Krzny“). 2) fl. Oschna (?), 151 B; р. п., 225.

Stuckenberg, I, 132—133: Narew „fällt endlich bey der Festuug Neu-Georgiewsk in die Weichsel; S. 138: Bug, „Vereinigt sich bey Sierock mit dem Narew. Aeltere Geographen haben Zweifel gehegt, ob nach dieser Vereinigung dem Gesammtstrome der Name des letzteren zukomme, oder der Erstere verbleibe; jetzt scheint die Frage zu Gunsten der Narew entschieden zu seyn“.

фическихъ названій бассейна Балтійскаго простирается до пятидесяти-шести и этотъ итогъ распредѣляется такимъ образомъ: озеръ—одиннадцать, рѣкъ — сорокъ-пять; изъ рѣчныхъ названій, принадлежащихъ къ области Московской Руси, наиболѣе значительная часть относится къ бассейнамъ: Ильменскому и Чудскому [16]). Въ этихъ итогахъ въ извѣстной степени выражается значеніе Герберштейновыхъ извѣстій по гидрографіи Балтійскаго бассейна. У Мѣховскаго, трактатъ котораго даетъ болѣе обстоятельныя данныя по этому предмету, чѣмъ другія сочиненія о Московіи, служившія источниками для автора Записокъ о ней, находимъ свѣдѣнія всего только о шести рѣкахъ Балтійскаго бассейна.

XVII.

Бассейнъ Черноморскій.—Извѣстія Мѣховскаго, Іовія и Герберштейна о рѣкѣ Днѣпрѣ и его притокахъ. — Р. Днѣпрецъ. — Монастырь св. Троицы, близъ истока р. Днѣпра, и торговый путь къ этому монастырю изъ Москвы.—Холоповцы.—Холопій городъ и его торгъ.—Указаніе на то, что р. Вязьма была судоходна въ XVI в., и историческое значеніе города Вязьмы въ XV в.—Рр. Кропивна, Десна и ея притокъ Сеймъ.—Герберштейновы извѣстія о рѣкахъ, встрѣчающихся на пути изъ Москвы въ Тавриду: Сна (?), Орель, Самара, Конская.—Р. Березина, Припеть и ея притокъ Турія; Рось и Ведроша. — Муравскій шляхъ.—Извѣстія о р. Танаисѣ, находящіяся въ сочиненіи Мѣховскаго, Альберта Кампенскаго и Герберштейна —Судоходное движеніе по р. Дону въ первой половинѣ XVI вѣка.—Притоки Дона: Сосна (Быстрая), Донецъ Сѣверскій.—Рр. Дунай, Днѣстръ, Вост. Бугъ, Фазисъ, Молочная, Кубань, Мерула, Ераклея.—Общіе итоги рѣчныхъ названій Черноморскаго бассейна, которыя находятся въ иностранныхъ сочиненіяхъ первой половины XVI вѣка.

Въ XV и XVI вѣкахъ только незначительная часть области, орошаемой рѣками бассейновъ Черноморскаго и Азовскаго, входила

Но въ Матеріалахъ для геогр. и статистики Россіи, Гродненская губ., сост. *П. Бобровскій*, ч. I, С.-Пб., 1863, стр. 180: Зап. Бугъ соединяется съ Наревомъ „и подъ именемъ Буго-Нарева впадаетъ въ Вислу у крѣпости Ново-Георгіевска"; ср. стр. 187.

О притокахъ Нѣмана *Мѣховскій*, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія, по изд. 1521 г., стр. Giij об. „Vilia.. fluuius triginta miliarijs ad orientem Vilnae civitatis ortum coepit et sub castro Vilnens; cum alio fluuio minori Vilna dicto (et initium ejus doubus miliariis a praefata civitate Vilna computatur) commiscetur, unaque ad magnum fluuium Niemen influunt".

[16]) Въ этотъ итогъ мы не включаемъ двухъ вышеупомянутыхъ рѣкъ (стр. 155, пр. 4; стр. 159, пр. 9): Сухоны (?) и Дстерницы (?), R. M. C., 139 C—140 A (р. п., 208).

въ составъ владѣній Московскаго государства, только та, которая лежала на сѣверныхъ окраинахъ области рѣкъ Днѣпра и Дона. Поэтому и иностранцы, которымъ мы обязаны описаніемъ Московіи въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в., сообщаютъ болѣе подробныя свѣдѣнія только объ этихъ двухъ рѣкахъ и ихъ притокахъ.

Относительно рѣки Днѣпра обстоятельныя свѣдѣнія находимъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыми Герберштейнъ несомнѣнно пользовался, а именно у Матвѣя Мѣховскаго и Іовія. Въ владѣніяхъ литовскихъ, говорится въ Трактатѣ, „за крѣпостью Вязьмою (Vesnija), которую занялъ нынѣшній великій князь московскій Василій", „въ болотистой равнинѣ, покрытой густыми лѣсами" (стр. Giij об.), беретъ начало „знаменитая рѣка Борисоенъ, называемая жителями Днѣпромъ" (стр. F). Она течетъ на югъ (стр. Giij), черезъ Литву и Руссію „мимо Смоленска и Кіева, и пройдя водный путь приблизительно въ 300 германскихъ миль, впадаетъ въ Понтъ" [1]) (стр. F и об.).

Изъ всѣхъ находящихся въ этомъ описаніи свѣдѣній наиболѣе занимали иностранныхъ писателей тѣ именно, которыя относились къ области Днѣпровскаго верховья, такъ какъ она, вопреки всеобщему убѣжденію географовъ XV—XVI в., оказалась не гористою, а низменною и болотистою, и Іовій сообщилъ о ней нѣкоторыя новыя данныя. Она находится, пишетъ онъ, на сѣверо-западъ отъ Москвы и имѣетъ большія болота, именуемыя Бѣлыми озерами и дающія начало всѣмъ почти рѣкамъ, протекающимъ по Московіи: Днѣпру, Двинѣ, Окѣ, Москвѣ, Волгѣ и Танаису [2]).

Эти свидѣтельства, точно такъ какъ и указанія Мѣховскаго, обратили на себя вниманіе Герберштейна, и въ его Запискахъ нахо-

---

[1]) Въ скобкахъ указаны тѣ страницы, на которыхъ находятся извлеченныя изъ сочиненія *Мѣховскаго* извѣстія, по изд. 1521 г. Здѣсь же на стр. Hij упоминается Dinepr; на стр. G—fl. Vorzskla.

Альбертъ Кампенскій, по изд. 1836 г., 67 (р. п., 27), передавъ свѣдѣнія Мѣховскаго о рѣкѣ Днѣпрѣ, замѣчаетъ, что рѣка эта (Boristhene) „впадаетъ, не далѣе какъ въ десяти миляхъ отъ полуострова Таврическаго, въ Черное море". См. также стр. 62 и 63 (р п., 19, 21).

Контарини, 136: „una fiumana, che si chiama Danambre in lor lingua et nella nostra Leresse" (р. п., 22—23); 137: „questa fiumana parte la Tartaria dalla Rossia" (р. п., 24).

[2]) *Іовій*, по изд. 1836 г., стр. 68: eae (paludes) emittunt „cunctos ferme amnes, qui diversas in regiones diffunduntur" (р. п., 35). Ср. 63, 64, 70 (р. п., 25, 27: равнина Борисоена примыкаетъ къ Герциніи, 38).

димъ новыя свѣдѣнія объ истокахъ и р. Днѣпра, и тѣхъ великихъ рѣкъ, которыя берутъ начало не въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Въ Волконскомъ лѣсу, говоритъ онъ, почти въ 10-ти миляхъ отъ Фронова болота есть деревня Днѣперско (Dnyepersko), въ окрестностяхъ которой беретъ начало Борисоенъ, называемый туземцами Днѣпромъ (Dnieper) и нами именуемый Борисоеномъ. „Недалеко отъ этого мѣста есть монастырь св. Троицы, гдѣ беретъ начало другая рѣка, больше первой, имѣющая уменьшительное имя — Днѣпрецъ (Niepretz). Обѣ эти рѣки сливаются между Фроновымъ болотомъ и истоками Борисоена; на этомъ мѣстѣ товары Московитовъ и Холоповцовъ (Chloppiensium) нагружаются на суда и вывозятся въ Литву, и купцы обыкновенно заѣзжаютъ въ этотъ монастырь, какъ на постоялый дворъ“. Что Ра и Борисоенъ, прибавляетъ затѣмъ Герберштейнъ, берутъ начало не изъ однихъ источниковъ, какъ думали нѣкоторые [3]), въ этомъ убѣдили его сообщенія многихъ лицъ, и въ томъ числѣ достовѣрныя извѣстія „многихъ купцовъ, которые имѣли дѣла въ этихъ краяхъ“.

Упоминаемая въ этомъ описаніи деревня Днѣперско можетъ быть неоспоримо пріурочена къ селенію Днѣпрово, находящемуся въ Сычевскомъ уѣздѣ, при р. Днѣпрѣ, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города, такъ какъ другаго селенія съ именемъ, производнымъ отъ названія рѣки Днѣпръ, нѣтъ ни въ уѣздѣ Бѣльскомъ, въ которомъ беретъ начало Днѣпръ, ни въ Сычевскомъ.

Нынѣ несуществующій монастырь св. Троицы, время основанія и дальнѣйшая судьба котораго совсѣмъ неизвѣстны, дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ Герберштейнъ, находился близъ истока Днѣпра, о чемъ сохранилось слѣдующее извѣстіе въ книгѣ Большой Чертежъ: „А Днѣпръ рѣка течетъ изо мху, изъ болота; а въ верху Днѣпра монастырь по лѣвой странѣ, отъ Вязьмы тотъ монастырь 60 верстъ“ [4]).

---

[3]) Такъ думалъ, какъ мы видѣли, Іовій. Ср. въ его соч., по изд. 1836 г., стр. 68 (р. п., 35).

[4]) К. М. С., 72 А—В (р. п., 110). Сп. насел. мѣстъ. Смолен. губ., № 10578. Б. Ч., 78. Въ рук. Имп. Пуб. библ. и въ рук. М. П. Погодина о монастырѣ въ верху Днѣпра сказано: „именуемый Троицкій Днѣпровъ“. Въ кн. Б. Ч., по изд. 1838 г., на стр. 78, онъ, по ошибкѣ, названъ Болдинымъ. Болдинъ Троицкій монастырь, основанный въ 1528 г., находится въ 15 вер. отъ Дорогобужа, на Московской дорогѣ, близъ р. Болдины—Ист. росс. іерархіи, III, 413 (Сп.

Изъ Москвы торговый путь къ этому монастырю, вѣроятно, шелъ по рр. Гжати и Вазузѣ, текущей въ недальнемъ разстояніи отъ верховьевъ р. Днѣпра. Еще въ XVIII в. р. Гжать, правый притокъ Вазузы, представляла значительныя удобства для судоходнаго движенія, хотя въ настоящее время она судоходна только весною, во время разлитія [5]).

Такъ какъ, по Герберштейновымъ извѣстіямъ, Днѣпрецъ сливается съ Днѣпромъ между его истокомъ и Фроновымъ болотомъ, а оно простиралось на западъ отъ истока Днѣпра—въ такомъ направленіи оно изображено и на картѣ, приложенной къ Запискамъ,—то мы имѣемъ право принимать Днѣпрецъ за одинъ изъ притоковъ Днѣпра съ правой стороны, въ верхнемъ его теченіи. И дѣйствительно, къ востоку отъ Днѣпровскаго истока, на разстояніи приблизительно 6 вер. отъ него, по прямому направленію, беретъ начало р. Днѣпрецъ, впадающая въ него съ правой стороны. Указаніе на то, что она больше р. Днѣпра, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что длина теченія р. Днѣпреца превосходитъ длину теченія р. Днѣпра, отъ его истока до сліянія съ Днѣпрецомъ. Длина же его теченія, по прямому направленію, отъ истока до устья, 12 вер., а отъ истока Днѣпра до поворота его на юго-западъ 8 вер. и затѣмъ отъ этого поворота до устья Днѣпреца 4 версты. Мѣсто его истока Герберштейнъ указываетъ близъ Троицкаго монастыря, но послѣдній, если слѣдовать опредѣленію книги Большой Чертежъ, находился на лѣвомъ берегу Днѣпра [6]).

насел. мѣстъ, Смолен. губ., № 4955: Болдинъ-Троицкій монастырь, при колодцахъ, въ 15 вер. отъ уѣзднаго города, по правую сторону тракта изъ Дорогобужа въ Вязьму). Къ этому монастырю вышеприведенное Герберштейново извѣстіе не можетъ быть относимо.

[5]) *Stuckenberg*, V, 298—312. Геогр. стат. слов. Росс. имп., I, 384, 630. Стат. Времен., в. 2, стр. 22. „Сводъ судох. и сплавн. рѣкамъ", С.-Пб., 1876 г., стр. 104.

Полн. Соб. Зак., т. V, № 2946 (1715 г., октября 28): „Великій государь указалъ въ Московской и въ Рижской губерніяхъ, по рѣкамъ по Гжати, отъ устья Малой Гжати, да по Вазузѣ, отъ села Власова, сдѣлать судовой ходъ какъ возможно, чтобъ могли суда съ пенькою и съ хлѣбомъ, и съ иными товары ходить безъ поврежденія"... Тамъ же, № 3451 (1719 г., нояб. 11): „О Гжатской пристани публиковать въ государствѣ; также торжки въ Можайскомъ уѣздѣ перевесть во Гжатскъ; также чтобъ на Окѣ закупать или подряжать хлѣбъ будущимъ лѣтомъ, и водою привесть за 60 вер. до Гжати, дабы въ 21 году отъ Гжати суда сплавить"...

[6]) Сп. насел. мѣстъ. Смолен. губ., сост. *Н. Штиглицомъ*, С.-Пб., 1868 г., №№ 2267, 2268, 2269: селенія Глухая, Шебаново (Шибаново), Короткино,

Что касается до упоминаемыхъ Герберштейномъ Холоповцовъ, то слово это можетъ быть производимо или отъ того названія, которое въ настоящее время носятъ нѣкоторыя селенія въ области верхняго теченія р. Днѣпра, въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Гжатскомъ, или отъ названія Холопій городокъ. Этотъ замѣчательный городокъ находился на мѣстѣ нынѣшняго села Борисоглѣбъ или Старое Холопье, на правомъ берегу р. Мологи и рч. Удрасѣ, въ Моложскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, въ 50 вер. отъ уѣзднаго города. Холопій городокъ, какъ и другія близъ него лежащія мѣста по Мологѣ, обязанъ ей своимъ торговымъ значеніемъ въ Московской Руси. Впадая въ Волгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она достигаетъ своего крайняго предѣла на сѣверѣ и орошая довольно значительную часть области, лежащей къ сѣверо-западу отъ мѣста своего впаденія, Молога получила такое же значеніе, какъ и Шексна, какъ путь къ Волгѣ съ сѣвера и сѣверо-запада [7]). Первое, сколько извѣстно, упоминаніе о немъ находится въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана III, писанной около 1504 г. Вотъ что̀ говорится здѣсь объ этомъ городкѣ: „Да благословляю сына своего Дмитрея, даю ему городъ Углече поле... городъ Мологу и съ Глѣбовыхъ вотчиною, и съ езы на Волзѣ и на Молозе, совсѣмъ по тому, какъ было при мнѣ. А что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съезжаяся, какъ было при мнѣ; а сынъ мой Дмитрей емлетъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавливаетъ ничего. А сынъ мой Василей и мои дѣти того торгу на свои земли не сводятъ, ни заповеди на своихъ земляхъ не чинятъ къ тому торгу ѣздити“. Не смотря однако на эти мѣры, въ княженіе Василія Ивановича Холопій городокъ продолжалъ сохранять значеніе важнаго торговаго центра, и во время Герберштейна здѣсь бывали наиболѣе многолюдныя ярмарки.

Въ царствованіе Ивана IV торгъ въ Холопьемъ городкѣ, а так-

на рѣкѣ Днѣпрецѣ. Длина его теченія опредѣлена по картѣ Бѣльскаго уѣзда, въ Атласѣ Смоленск. губ., изд. въ 1858 г., 3 вер. въ англ. дюймѣ, рядъ XI, л. XI.

Штукенбергъ, не зная о существованіи р. Днѣпреца, напрасно обвинилъ Герберштейна въ томъ, что онъ принялъ два названія одной и той же рѣки за названія двухъ различныхъ рѣкъ, III, 238. Б. Ч., стр. 78.

[7]) Сп. насел. мѣстъ. Смолен. губ., №№ 1479, 3815 и 4608, д. Холопова. См. также на к. Шуб., № XXIII, № XXIV. *Карамзинъ*, I, пр. 458: Холопій городокъ „донынѣ именуется Старымъ Холопьимъ“. Въ „Русск. Истор. Библ.“,

же въ Ясеницахъ, въ селеніяхъ по рр. Себлѣ, на устьѣ р. Ламы, на устьѣ р. Чеснавы, „и по инымъ селомъ и по деревнямъ, и по берегу, по обѣ стороны р. Мологи", былъ запрещенъ, и всѣ выгоды этой торговли были исключительно предоставлены селу Весьегонскому. Сюда, какъ свидѣтельствуетъ таможенная Весьегонская грамота, пріѣзжали Угличане, Ярославцы, Костромичи торговать всякими товарами, и въ той же грамотѣ опредѣляются пошлины съ людей пріѣзжихъ изъ всѣхъ городовъ земли Московской, Тверской, Новгорода Великаго, съ Псковитина, Рязанца и Казанца, и всякаго иноземца. Но народныя потребности въ данномъ случаѣ не поддавались правительственной регламентаціи. Торгъ въ Холопьемъ городкѣ у св. чудотворцевъ Бориса и Глѣба продолжалъ существовать. О немъ говорится въ духовномъ завѣщаніи царя Ивана, и изъ царской грамоты, 1591 г., августа 5-го, узнаемъ, что „на Холопьѣ" была таможня и здѣсь съ людей, и съ лошадей, и съ судовъ, и съ денегъ брали тамгу, и мытъ, и перевозъ. А въ царской грамотѣ, 1645 г., февраля 28-го, упоминается монастырь Николы чудотворца, „что на Холопьѣ городкѣ" [8]).

Относительно важнѣйшихъ перемѣнъ въ направленіи р. Днѣпра Записки о Московіи сообщаютъ слѣдующія данныя: сначала онъ течетъ на югъ, „потомъ, поворотивъ на востокъ, протекаетъ черезъ города Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Могилевъ и, снова поворотивъ на югъ", касается „Кіева, Черкасъ и Очакова; тамъ, гдѣ онъ изливается въ Понтъ, море имѣетъ видъ озера, и Очаковъ стоитъ какъ будто въ углу, у устьевъ Борисөена".

изд. Археогр. ком., т. II, С.-Пб., 1875 г., стр. 50—51 (1591 г., авг. 5): „на рѣкѣ де на Мологѣ подъ Холопьемъ". Сп. насел. мѣстъ, Ярослав. губ., обраб. *А. Артемьевъ*, С.-Пб., 1865 г., № 3384.

R. M. C., 78 A (p. п., 119): Mologa „in cuius ostiis est eiusdem nominis ciuitas et castrum, a quo duobus miliaribus in eiusdem fluminis ripa Chloppigrod ecclesia tantum sita est". Село Борисоглѣбскъ или Старое Холопье отстоитъ отъ гор. Мологи на 37 вер., по прямому направленію. К. Шуб., № XIX.

[8]) Собр. гос. гр. и дог., I, № 144 (около 1504 г.), стр. 396. R. M. C., 78 A (р. п., 119). А. А. Э., I, № 262 (1563 г., мая 26), № 263 (1563 г., авг. 4); стр. 296, 292, 295. Доп. къ А. И., I, № 222 (1572—1578 г.), стр. 386, 388. Русск. Истор. Библ., изд. Археогр. ком., т. II, С.-Пб., 1875 г., № 41 (1591 г., августа 5), стр. 50; т. V, С.-Пб., 1878 г., № 10 (1645 г., февр. 28), стр. 24—26. Ср. также А. А. Э., I, стр. 195 (1546 г.), 219—220 (1551 г.), 304—307 (1564 г.).

О монастырѣ Холопьемъ (Аөанасіевомъ-Троицкомъ) на р. Мологѣ см. кн. Б. Ч., стр. 134.

Какъ извѣстно, Днѣпръ отъ истока до города Дорогобужа имѣетъ преобладающее направленіе на югъ, затѣмъ отъ Дорогобужа до Орши на западъ, а не на востокъ. При устьѣ Днѣпра находится лиманъ, имѣющій въ длину 57 вер., а въ ширину отъ 7—10 верстъ [9]).

Съ лѣвой стороны въ Днѣпръ впадаютъ, по Герберштейну, рѣки: Вязьма (Vueisma), Кропивна (Cropivuna), Десна съ притокомъ Сеймомъ (Sem); Сула, Орель (Ariel), Самара и Конская (Koinska vuoda); съ правой стороны—Березина, впадающая въ Борисѳенъ, ниже Бобруйска (онъ отстоитъ отъ устья р. Березины на 84 вер., въ прямомъ направленіи, по к. Шуб., № XXXV), Припеть (Prepetz), текущая на востокъ и впадающая въ Борисѳенъ „двѣнадцатью милями выше Кіева" (по к. Шуб., № XLI, 70 вер., въ прямомъ направленіи) и Рось (Jursa) [10]).

Р. Вязьма „недалеко" отъ города Вязьмы, „именно въ двухъ верстахъ, впадаетъ въ Борисѳенъ; обыкновенно корабли, нагруженные товарами, идутъ изъ Вязьмы въ Борисѳенъ и, на оборотъ, вверхъ по Борисѳену ходятъ до Вязьмы".

Р. Вязьма, впадающая въ Днѣпръ при деревнѣ Устьѣ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, отстоящей отъ города Вязьмы на 57 вер., въ настоящее время не судоходная, а сплавная, и то только весною, на 37 вер., отъ дер. Ровно до впаденія въ Днѣпръ. Указаніе на то, что въ XVI в. она была судоходною, объясняетъ намъ историческое значеніе города Вязьмы. На этотъ городъ были обращены первыя, сначала мирныя, а потомъ завоевательныя попытки московскихъ князей утвердить свою власть надъ ближайшими къ ихъ границамъ владѣніями великаго князя литовскаго, отношенія къ которому въ XV

---

[9]) R. M. C., 72 B, 71 A—B (р. п., 110, 109). Въ русск. пер., на стр. 110: Днѣпръ течетъ „къ югу, черезъ Вязьму"; а въ подл., 72 B: „Uuiesmam Meridiem uersus alluat". Для того, чтобы точно передать смыслъ этого выраженія, необходимо имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе, на стр. 71 A: „Est sub oppido Vuiesma eiusdem nominis fluuius, qui haud procul inde, duobus uidilicet vuerst, in Borysthenem fertur". Въ изд 1557 г., стр. Liij: „Der Nieper hat den lauf am ersten ghen Viesma, gegen Mittentag".

Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 77, 73 (ширина наибольшая Днѣпровскаго лимана 16 вер.). Сп. насел. мѣстъ. Херсон. губ., обраб. *Л. Майковъ*, стр. XII (ширина его отъ 7—10 вер.).

[10]) R. M. C., 71 A—B, 13 B, 67—68 A, 2 C, 70 B, 12 C, 165 A, 109 A, 2 C (Peti), 104 C, 109 A, 6 B (р. п., 109, 25, 104, 9, 108, 23, 159, 165, 14).

Въ русск. пер., стр. 25: „между Оршей и Дубровной есть судоходная рѣка Кропивна"; а въ подл., 13 B: „Est inter Orsam et Dobrovunam fluuius Cropivuna

столѣтіи выступаютъ на первый планъ въ исторіи Московской Руси. Въ 1493 г. воевода великаго князя Іоанна III князь Даніилъ Васильевичъ Щеня взялъ Вязьму, жителей ея привелъ къ цѣлованію, какъ сказано въ лѣтописи, а вяземскихъ князей и пановъ привелъ на Москву, и великій князь ихъ пожаловалъ ихъ же вотчиной и велѣлъ имъ себѣ служить. Договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, заключенный въ 1494 г., закрѣпилъ за Москвою новое пріобрѣтеніе, и московскимъ ратямъ былъ открытъ путь къ Смоленску, чѣмъ не преминули воспользоваться въ княженіе Василія Ивановича. Какъ видно изъ договоровъ, заключенныхъ тверскими князьями въ 1449 и 1483 годахъ, Вязьма имѣла торговыя сношенія съ Тверью. По свидѣтельству Флетчера, изъ Вяземской области вывозили медъ и пеньку [11]).

Мѣсто впаденія р. Десны опредѣлено въ Запискахъ не вѣрно: оно находится не ниже Кіева, а выше его, приблизительно въ 5 вер. (к. Шуб., № XLI), въ прямомъ направленіи.

На пути изъ Путивля въ Тавриду, по извѣстіямъ Герберштейна, протекали рр. Сна (Sna), Орель, Самара, Конскія воды и Молочная (послѣдняя впадаетъ въ Молочанскій лиманъ Азовскаго моря). Орель и Самара шире и глубже р. Сны. Переправа черезъ Орель и Самару „иногда очень долго задерживаетъ путниковъ, и при этомъ ихъ часто окружаютъ Татары и берутъ въ плѣнъ“.

Длина теченія р. Орели простирается до 300 вер., ширина отъ 10—50 саж., глубина отъ 1—21 арш. Рѣка эта отличается широкими разливами. Длина извилистаго теченія р. Самары до 200 вер., ширина отъ 20—100 саж., глубина отъ 2—4 саж. Вдоль береговъ ея и теперь тянутся лѣса, а въ XVII в. она славилась строевымъ лѣсомъ, который въ этомъ столѣтіи составлялъ крайній южный предѣлъ лѣсовъ,

---

dictus“; въ изд. 1557 г., стр. Ciij об. „das ist zwischen Orsa und Dobrowna... beschehen. Entzwischen rindt ain Pach, genannt Cropiwna“... Въ изд. 1567 г., стр. XV: „Zwischen Orsa und Dobrovun... ist ein schiffreich wasser“... Здѣсь эта рѣка не поименована.

Б. Ч., 80; „А ниже града Дубровны пала рч. Кропивна“. На к. Могилевской губ., 1861 г., 3 вер. въ дюймѣ, рядъ XIV, л. 9, изображена р. Крапивна, впадающею въ Днѣпръ съ лѣвой стороны; на ней селенія: Барадулино, Крапивна, Заложье (ср. к. Шуб., № XXIX).

[11]) R. M. C., 71 A—B (р. п., 109). Сп. насел. мѣстъ. Смолен. губ., № 1354 сл. стр. XI. Никон., VI, 134—135. *Карамзинъ*, VI, пр. 396 (договоръ 1494 г.). А. З. Р., I, № 51, стр. 66; № 79, стр. 100. Ср. Ист. Твер. княж., *В. С. Бор-*

такъ какъ въ книгѣ Большой Чертежъ замѣчено: „А лѣсу съ тѣхъ мѣстъ", то-есть отъ притоковъ рѣки Самары, „до Перекопи нѣтъ".

Эти данныя объясняютъ и подтверждаютъ вышеприведенныя извѣстія, которыя, какъ и обстоятельное описаніе переправы черезъ рѣки Конскую и Молочную, могли быть сообщены автору Записокъ тѣми самыми ежегодно посылаемыми великимъ княземъ въ степь для развѣдыванія о Татарахъ воинами, которыхъ Герберштейнъ расспрашивалъ о жертвенникахъ Александра Великаго. Въ этихъ воинахъ мы легко можемъ узнать тѣхъ станичниковъ, служба которыхъ получила болѣе правильную организацію во второй половинѣ XVI вѣка. Путь, по которому они совершали свои разъѣзды въ княженіе Василія Ивановича, намъ отчасти извѣстный, благодаря Герберштейну, вѣроятно, пролегалъ черезъ тѣ самыя мѣстности, черезъ которыя шелъ знаменитый Муравскій шляхъ, такъ какъ въ описаніи этого пути, находящемся въ книгѣ Большой Чертежъ, упоминаются тѣ же рѣки, которыя называютъ Записки о Московіи, и исторія постепеннаго занятія этого пути Русскими, которую раскрываютъ передъ нами офиціальные акты XVI и XVII в., убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ въ продолженіе очень долгаго времени не мѣнялъ своего главнаго направленія, а потому и получилъ такое важное историческое значеніе [12]).

Къ гидрографическимъ даннымъ Днѣпровской системы относятся также упоминаемыя въ Запискахъ о Московіи: 1) fl. Vuedrasch, р. Ведроша, извѣстная по знаменитой побѣдѣ, одержанной московскими

заковскаго, стр. 61. *Флетчеръ*, по изд. 1591 г., стр. 7 об.—8, 9 об. (по изд. 1643 г., стр. 17 и 22).

Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 589: нынѣ по рѣкѣ Вязьмѣ „даже нѣтъ сплава"; но по „Своду судох. и спл. рр.", С.-Пб., 1876, г., стр. 105, оказывается сплавна весною. Въ „Памятной кн. Смол. губ. на 1856 г.", ч. 2-я, стр. 27—89, „Историко-стат. описаніе г. Вязьмы и уѣзда его" (на стр. 68—Вязьма въ настоящее время имѣетъ значеніе складочнаго мѣста товаровъ, отправляемыхъ къ Рижскому порту).

[12]) R. M. C., 67 C—68 A, 70 B (Sna, а въ изд. 1557 г., стр. Lij: Sva), 67 A—B (р. и., 104, 108, 103). Въ русскомъ переводѣ, стр. 108: „рѣки Сна, Самара и Орель: двѣ послѣднія весьма широки и глубоки"; въ подл., 70 B: „Sna, Samara et Ariel... ex quibus posteriores duo latiores, profundioresque sunt"... Ср. въ изд. 1557 г., стр. Lij.

Кн. Б. Ч., 88 (р. Снова—притокъ р. Тускора, впадающей въ Семь. Не она ли въ Запискахъ о Московіи названа Сною?). Тамъ же, стр. 18 — 20. *Stuckenberg*, III, 352—353 (р. Тускоръ); 362: Орель—300 вер. дл. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 674: Орель р., длина теченія 400 вер.; IV, 402.

войсками надъ Литовцами въ 1500 году, и 2) Thur, подъ которою слѣдуетъ разумѣть р. Турію, притокъ р. Припети [13]).

За Борисоеномъ географическая наука XV и XVI в. далеко не признавала того важнаго значенія, какое, по общему убѣжденію географовъ этого времени, имѣлъ Танаисъ, какъ естественный рубежъ, отдѣлявшій Европу отъ Азіи, Сарматію Европейскую отъ Сарматіи Азіатской, народы цивилизованные отъ народовъ полудикихъ, и иностранцы, имѣвшіе случай собрать свѣдѣнія о Московіи, не оставляли безъ вниманія то, что удавалось слышать о рѣкѣ, на которой, по весьма распространенному въ западно-европейской литературѣ преданію, существовали жертвенники Александра Великаго. Зная, что величайшая изо всѣхъ рѣкъ восточно-европейской равнины есть Волга, иностранцы называли однако Танаисъ знаменитѣйшею и славнѣйшею рѣкой на востокѣ Европы, и Матвѣй Мѣховскій, приступая къ перечню важнѣйшихъ рѣкъ Московіи, прежде всего называетъ Танаисъ и сообщаетъ о немъ обстоятельныя извѣстія.

Танаисъ, говорится въ Трактатѣ, Татары и Москвитяне называютъ Дономъ (стр. Bij об., Hij). Татары называютъ его также святымъ потому, что на берегахъ его добываютъ себѣ продовольствіе (стр. Bij об.). Онъ беретъ начало на болотистой и лѣсистой равнинѣ, которая находится въ княжествѣ Рязанскомъ (стр. Diij, л. 2 об.. и H). О главныхъ перемѣнахъ въ направленіи рѣки Дона Мѣховскій также сообщаетъ свѣдѣнія, не сведенныя въ одно цѣлое, а разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ его Трактата. Въ главѣ о Татарахъ Заволжскихъ, вслѣдъ за указаніями относительно истока рѣки Дона, говорится о томъ, что рѣка эта течетъ на сѣверъ (стр. Bij об.), а далѣе въ главѣ, посвященной описанію Московіи, тоже послѣ указаній относительно истока той же самой рѣки, говорится о томъ, что она „течетъ на востокъ до границъ Татаріи и Скиѳіи, поворачиваетъ на югъ“ (стр. Hij) „и тремя рукавами впадаетъ въ Меотій-

О судоходномъ движеніи по р. Самарѣ см. „Замѣтки по географіи древней Руси“, *Л. Майкова,* С.-Пб., 1874 г., стр. 24. *Бопланъ,* по изд. 1832 г., стр. 18. Здѣсь же о переправѣ Татаръ черезъ рѣки, на стр. 58—59; ср. у *Барбаро,* по изд. 1836 года, стр. 86 (р. п., 39); у *Контарини,* стр. 137 (р. п., 24).

[13]) R. M. C., 10 A, 104 C, 109 A (р. п., 20, 159, 165). На стр. 104 C: „Thur fluvius piscosus influit Prepetz“; на стр. 109 A, по ошибкѣ, та же рѣка поименована въ числѣ притоковъ рѣки Днѣпра.

скія болота, которыя ею и образуются" (стр. Bij об.). „Донъ втрое шире Тибра, впадающаго ниже Рима въ Тирренское море, и вдвое шире Дуная, при (городѣ) Будѣ". „По ученію астрологовъ, Танаисъ имѣетъ ту же длину, какъ и Нилъ, рѣка Египта, то-есть около шестидесяти градусовъ долготы (circa sexaginta gradus longitudinis), и какъ Нилъ съ юга впадаетъ въ Александрійское море (ad mare Alexandriae), такъ Танаисъ съ сѣвера изливаетъ свои воды въ Меотійскія болота и Черное море" [14]) (стр. Hij).

Кромѣ свѣдѣній о р. Донѣ, въ Трактатѣ встрѣчаются и нѣкоторыя названія рѣкъ Донской системы, приведенныя съ цѣлью опредѣлить восточную границу Литвы, а именно: Осколъ, Iugra, Сѣверскій Донецъ (Doniecz i. paruus Don). Эти рѣки, замѣчаетъ авторъ, и многія другія впадаютъ въ Танаисъ. Но изъ поименованныхъ рѣкъ только Сѣверскій Донецъ изливаетъ свои воды въ Донъ, а Осколъ— лѣвый притокъ Сѣвернаго Донца; Iugra намъ неизвѣстна [15]).

Альбертъ Кампенскій, главнымъ источникомъ котораго служилъ Трактатъ о Сарматіяхъ, сообщаетъ однако о Донѣ такія свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ Трактатѣ, и которыя потому и заслуживаютъ вниманія. „Источникъ Танаиса", говоритъ онъ, „находится въ Московіи, въ княжествѣ Рязанскомъ, въ семи дняхъ пути отъ города Москвы", къ сѣверу отъ источниковъ Борисѳена. Сначала Танаисъ на нѣкоторомъ разстояніи течетъ на югъ, затѣмъ на юго-востокъ, потомъ „поворачиваетъ нѣсколько на западъ и орошаетъ

О р. Ведрошѣ см. „Kronika Polska" *Stryikowskiego*, Warszawa, 1846, t. II. p. 309—310. Никон. лѣтоп., VI, 162: Митьково поле. Сп. насел. мѣстъ. Смолен. губ., № 5774: Митьково, при рѣчкѣ Орлеѣ, въ 45 вер. отъ Духовщины. *Stuckenberg*, III, 311.

[14]) Въ скобкахъ сдѣланы указанія на страницы Трактата *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г. На стр. Eij, 2 об. „Latus ejus (Russiae) orientale adiacet flumini Tanai et paludibus Meotidis, secernentibus Asiam ab Europa".

[15]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Giij об. „Oskol, Iugra, Doniesz i. paruus Don et est paruus Tanais hij et plurimi alij in Tanaim decurrunt". Въ изд. 1518 г., стр. giij, л. 2 об. „Oskol, Iugra, Donyetz, das ist der klain Don oder Tanais lauffen in den Don"; на стр. Aij: „fluss alltan oder Don". Въ изд. 1521 г., на стр. Bij об. „Sunt iam circa Tanaim arbores pomaque et alij fructus, sunt et mellificia quercina nonulla et pauciora de pino. Inde est quod Thartari sanctum Don dicunt"...

У *Альберта Кампенскаго*, по изд. 1836 г., стр. 69 (гл. IV): Tartari „nella lor lingua lo chimano Don, che tanto è, come dir Santo, perciochè si com' esso è abondantissima et, pieno di pesci, cosi fa tutta la terra ch' egli; bagna abon-

плодоносныя равнины Татаръ"; пробѣжавъ около семи сотъ италіанскихъ миль, онъ, наконецъ, впадаетъ тремя рукавами въ Меотійскія Болота [16]).

Герберштейнъ также отнесся съ особеннымъ интересомъ къ свѣдѣніямъ о Донѣ и представилъ описаніе его, заключающее въ себѣ новыя свѣдѣнія и не лишенное значенія въ русской исторической географіи.

Донъ беретъ свое начало, пишетъ онъ, почти въ восьми миляхъ на юго-востокъ отъ Тулы; „сперва течетъ прямо на востокъ и въ шести или семи германскихъ миляхъ отъ Волги проходитъ между царствами Казанскимъ и Астраханскимъ; потомъ, сдѣлавъ поворотъ на югъ, образуетъ болота, которыя называютъ Меотійскими.... Въ этихъ краяхъ разстояніе считается не милями, а днями пути. По моему разсчету, отъ истока Танаиса до его устья около восьмидесяти герм. миль, если идти сухимъ путемъ, по прямому направленію".

Истокъ Дона отстоитъ отъ Тулы приблизительно верстъ на сорокъ. Опредѣленіе разстоянія между Дономъ и Волгою въ 6 или 7 германскихъ миль, что равняется 42 или 49 верстамъ, вѣроятно, относится къ мѣсту наибольшаго сближенія этихъ двухъ рѣкъ, такъ какъ разстояніе между ними здѣсь равняется отъ 50—60 вер. (по картѣ Геогр. Общества). Разстояніе между истокомъ Дона и его устьемъ, по прямому направленію, равняется 740 вер., а по Герберштейну 80 гер. милямъ. Вѣроятно, это опредѣленіе сдѣлано имъ по географической сѣти XVI в., подъ вліяніемъ того взгляда на рѣки Черноморскаго бассейна и близость ихъ къ Сѣверному океану, какой

dantissima et fertilissima". О Танаисѣ (fiume della Tana) упом. и *Барбаро*, 70, 73, 86 (р. п., 9, 14, 39).

[16]) *Альбертъ Кампенскій*, по изд. 1836 г., стр. 67 (р. п., 27—28); сл. 60, 65 (15, 24); упом. 60, 62 (16, 19). Въ русск. перев., на стр. 27—28: „Рѣка сія (то-есть Донъ) течетъ сначала къ сѣверу, повыше источниковъ Борисоена, потомъ бѣжитъ попеременно то къ югу, то къ востоку"; а въ подл., стр. 67 (cap. IV): „ascendendo di sopra dal principio dal fiume Boristhene verso tramontana... corre un pezzo verso mezo giorno, et poi verso scirocco". Далѣе „con tre bocche entra nelle paludi Meotidi, le quali par ch' egli faccia con le sue acque"; тоже у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Bij об. „tribus hostijs paludes Meotides ingreditur, imo ipse paludes Meotidas causat".

Къ извѣстіямъ о р. Донѣ, которыя находятся въ сочиненіяхъ Мѣховскаго и Альберта Кампенскаго, сочиненіе *Іовія* не прибавляетъ ничего новаго. См. у *Іовія*, по изд. 1836 г., стр. 62 (р. п., 22)—о жертвенникахъ Александра Великаго близъ Танаиса; 64 (27)—о томъ, что равнина его примыкаетъ къ Герциніи; 68 (35)—вытекаетъ изъ Бѣлыхъ озеръ.

нѣкогда существовалъ у древнихъ географовъ и сохранялся, какъ старое наслѣдіе, и въ XVI вѣкѣ [17]).

О р. Донѣ Записки о Московіи даютъ еще слѣдующія свѣдѣнія: на разстояніи почти двадцати четырехъ германскихъ миль отъ Рязани Танаисъ „течетъ по мѣстности, называемой Донко (Donco): тамъ купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои корабли. Это по большей части дѣлается осенью, въ дождливую пору года, потому что въ другія времена Танаисъ въ этомъ мѣстѣ не такъ обиленъ водою, чтобы по немъ могли ходить корабли съ грузомъ... Отъ Данкова, гдѣ, какъ я сказалъ, Танаисъ только что становится судоходнымъ, послѣ почти двадцати дневнаго плаванія можно прибыть въ Азовъ, городъ, подвластный Туркамъ... Это знаменитый рынокъ многихъ народовъ изъ различныхъ странъ земнаго шара“ [18]).

Числовыя данныя, встрѣчающіяся въ приведенныхъ извѣстіяхъ, оказываются довольно вѣрными: нынѣшній Данковъ отстоитъ отъ Рязани на 167 вер., а по Герберштейну на 24 герм. мили, то-есть на 168 верстъ; время плаванія по Дону опредѣлено имъ также приблизительно вѣрно и подтверждается данными Пименова хожденія. Другія изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ точно также заслуживаютъ полнаго довѣрія, и всѣ эти свѣдѣнія о Донѣ, какъ и находящееся съ ними въ тѣсной связи описаніе роскошной природы его, дозволяютъ признать въ числѣ источниковъ Герберштейновыхъ

---

[17]) R. M. C., 66 B—C (р. п., 102). По картѣ Геогр. Общ., истокъ Дона отстоитъ отъ Тулы на 45 вер., по к. Шуберта на 41 вер., № XXX.

Для оцѣнки замѣчанія о томъ, что Танаисъ въ мѣстѣ наибольшаго приближенія къ Волгѣ протекаетъ между царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующія данныя, находящіяся въ Запискахъ о Московіи: Казанское царство „по Волгѣ, на востокѣ и югѣ примыкаетъ къ пустынной степи“; и въ другомъ мѣстѣ: часть области, занятой Ногаями, находилась „между рѣками Камой, Яикомъ и Ра“, 91 B, 99 B (р. п., 139, 151).

[18]) R. M. C., 65 C, 67 A (р. п., 101, 103). На стр. 65 C: „Ex Moscovuia ad hoc usque castrum ultraque spacio XXIIII fere miliarium ger. fluit Tanais, loco qui Donco dicitur“....

Въ изд. 1557 г., Kiij об. „So man von der Mosqua zu dem wasser Tanais zeucht, die Schiff mit Khaufmans waarn zubeladen, zeucht man den weg gen Resan, vnd furter vierundtzwaintzig meil, khumbt man zu demselben wasser an ainem Platz haist Donco“....

извѣстій объ этой рѣкѣ показанія лицъ, которымъ она была извѣстна по непосредственнымъ, личнымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ. Обстоятельныя свѣдѣнія о плаваніи по ней отъ ея верховьевъ до устья уже находимъ въ памятникѣ XIV вѣка, въ извѣстномъ Пименовомъ хожденіи. Въ концѣ XV вѣка съ посломъ великаго князя Іоанна III Алексѣемъ Голохвастовымъ, отправленнымъ къ султану Баязету, поѣхали въ Азовъ рѣкою Дономъ многіе купцы, которые грузились на Мѣчѣ, у Каменнаго Коня. Это урочище, слѣдовательно, имѣло въ это время то же значеніе, какое имѣлъ въ княженіе Василія Ивановича старый Данковъ, находившійся на мѣстѣ Стараго Городища, и какое впослѣдствіи получилъ нынѣшній Данковъ, построенный въ 1571 году, въ 20 верстахъ къ югу отъ стараго. Такъ, въ 1592 году велѣно было данковскому воеводѣ дать посланнику Григорью Нащокину, отправленному въ Царьградъ, „струги легкіе гребчіе", на которыхъ онъ могъ бы со свитою и запасами ѣхать внизъ по Дону. Въ XVII вѣкѣ Данковъ былъ мѣстомъ постройки струговъ и нагрузки ихъ хлѣбными запасами для отпраленія къ Донскимъ казакамъ, въ пожалованіе отъ великаго государя.

Замѣчательно, что Донъ, въ настоящее время судоходный на границѣ Орловской губерніи только во время весенняго разлива, не отличался многоводіемъ близъ Данкова уже во времена Герберштейна, и караваны судовъ могли быть отправляемы отсюда только осенью, а между тѣмъ берега Дона въ это время, отъ его верховьевъ до Воронежа, изобиловали лѣсами, болѣе замѣтное истребленіе которыхъ началось со времени Азовскихъ походовъ [19]).

---

[19]) Сп. насел. мѣстъ. Рязан. губ., обраб. *И. Вильсонъ*, стр. 1. Никон. лѣт., IV, 159—162 (митр. Пименъ съ своими спутниками выѣхалъ изъ Москвы 13-го апрѣля, во вторникъ Страстной недѣли; въ четвергъ Ѳоминой недѣли, 29-го апрѣля, спустили суда на р. Донъ; въ воскресенье 17-го мая миновали р. Медвѣдицу; „въ недѣлю жъ шестую слѣпаго пловуще минухомъ Акбугинъ улусъ", 24-го мая, въ воскресенье; въ понедѣльникъ прибыли въ Азовъ). Въ той же лѣтописи, III, 80, 1284 г.—о воронежскихъ лѣсахъ.

Карамзинъ, VI, 176. Ист. Рязан. княж., *Д. Иловайскаго*, стр. 264. Ист. Росс. кн. *Щербатова*, IV, ч. I, стр. 264—265. Сводъ судоходнымъ и сплавн. рр. Росс. имперіи, С.-Пб., 1876 г., стр. 29. Воронеж. акты, изд. *К. Александровымъ-Дольникомъ* и *Н. Второвымъ*, кн. 2, Воронежъ, 1852 г., стр. 69, 184. Ист. царств. Петра В., *Н. Устрялова*, т. II, С.-Пб., 1858 г., стр. 377, пр. 62.

Берега Дона къ югу отъ устья р. Воронежа съ древнѣйшаго времени были степными, а къ сѣверу отъ этого устья до самыхъ верховьевъ покрыты лѣсами; см. О климатѣ Россіи, *К. Весселовскаго*, С.-Пб., 1857 г., стр. 397, 312.

Изъ правыхъ притоковъ Дона въ Запискахъ о Московіи упоминаются слѣдующіе: Сосна (Schosna), берущая начало около истоковъ Оки,—очевидно, р. Быстрая Сосна, и Донецъ Сѣверскій (Donez Seuverski, Minor Tanais), впадающій въ Донъ въ трехъ дняхъ выше Азова.

Притоки Дона съ лѣвой стороны, носившей названіе Ногайской, не упоминаются, конечно, потому, что вся эта Ногайская сторона, не только ея степная часть, но и лѣсная, лежала внѣ тѣхъ путей сообщенія, по которымъ совершались важнѣйшія сношенія Московскаго государства, какъ торговыя, такъ и политическія. Если въ это время русское колонизаціонное движеніе и успѣло проникнуть въ лѣсистую часть Ногайской стороны Дона, то во всякомъ случаѣ это движеніе было еще такимъ малозамѣтнымъ, частнымъ и случайнымъ, что оно не могло обратить на себя вниманія людей царствующаго града, которымъ по преимуществу былъ обязанъ своими свѣдѣніями о Московіи авторъ Записокъ. Только въ 1586 году велѣно было поставить городъ на Воронежѣ [20]).

Кромѣ рѣкъ Днѣпровской и Донской системы, въ иностранныхъ сочиненіяхъ конца XV и первой половины XVI вѣка (до 1549 года) упоминаются слѣдующія рѣки Черноморскаго бассейна: Дунай (Danubius), Днѣстръ (Niestr, Tyras), Восточный Бугъ (Boh, Hypanis), Фазисъ, Калка (Kalcza), названіе которой встрѣчается въ Трактатѣ Мѣховскаго, и рѣчка Мацо, которая, по замѣчанію Контарини, течетъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Фазиса. Сюда же слѣдуетъ отнести и упоминаемую въ томъ же Трактатѣ рѣку Coban. Хотя Мѣховскій и говоритъ, что р. Coban впадаетъ въ Каспійское море, но легко догадаться, что это опредѣленіе ошибочно, и что подъ именемъ Coban слѣдуетъ разумѣть рѣку Кубань, такъ какъ, по его же свидѣтельству, она беретъ начало съ горъ Черкасскихъ или Пятигорскихъ [21]) (ex montibus Circassorum Piecihorsky).

---

[20]) R. M. C., 67 C—68 A, 67 A—B (р. п., 104, 103). Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн., 1846 г., № 4, *И. Бѣляева:* О сторожевой, станичной и полевой службѣ, пр. 55 (на стр. 35—36).

[21]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., 69 (Danubio, fiume nominatissimo; р. п., 6); 89 (Phaso; р. п., 45). *Контарини*, 140—141 (Fasso; Mazo; р. п., 30—32); въ изд. 1543 г., стр. 8 об. „vna fiumara chiamata Mazo". *Іовій*, по изд. 1836 г., 70 (Danubius; р. п., 38); 62 (Phasis; р п., 22).

Мѣховскій, по изд. 1521 г., Aiij об. (Kalcza); Av (Danubius); Biij (Coban); F (Boh), Fij об. (Boh, Hypanis). Въ изд. 1518 г., стр. C об., р. Cohan вмѣсто Coban.

Въ Запискахъ о Московіи тоже находимъ упоминаніе о Дунаѣ (Danubius) и Днѣстрѣ (Tyras, называемый туземцами Nister), о Восточномъ Бугѣ (Bog), который былъ принимаемъ Герберштейномъ, точно такъ какъ и Мѣховскимъ, за притокъ Днѣпра, а также о Фазисѣ (Phasis), образующемъ „прежде впаденія въ море, недалеко отъ устьевъ, островъ Затабеллумъ (Zatabellum), къ которому нѣкогда, какъ говорятъ, пристали корабли Язона".

Кромѣ приведенныхъ данныхъ, Записки о Московіи заключаютъ въ себѣ еще слѣдующія по гидрографіи того же бассейна:

1) Moloschna, р. Молочная на пути изъ Москвы въ Тавриду.

2) Cupa, р. Кубань.

3) Merula, до которой тянутся горы, въ коихъ живутъ Черкасы или Цики. По всей вѣроятности, р. Меркула, впадающая въ Черное море, въ 47 верстахъ къ югу отъ Сухумъ-Кале и уже означенная на картѣ Весконте 1318 года.

4) протекающая по Мингреліи Eraclea, подъ которою, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть р. Енгури [22]).

Всѣ нами приведенныя данныя по гидрографіи Черноморскаго бассейна сводятся къ слѣдующимъ итогамъ: въ иностранныхъ сочи-

---

[22]) *Штукенбергъ*, III, 367, замѣчаетъ, что форма Bog—польская. *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. F: „Clauditur autem Russia e meridie... flumine Tiras, quem incolae Niestr appellant". Dinepr „in hunc ab occasu circa Chmielnik oppidum consurgens Boh non exiguus fluuius illabitur"...

Догадка наша о томъ, что р. Ераклея есть Енгури, основана на слѣдующихъ свѣдѣніяхъ въ сочиненіи *Julius von Klaproth:* „Reise in den Kaukasus und nach Georgien", 2 B., Halle und Berlin, 1814 г., стр. 23: „Die vorzüglichsten Flüsse in Mingrelien sind von Westen nach Osten folgende: 1) Der grosse Enguri, der auch Mécu-Enguri genannt wird, zum Unterschiede von einem anderen kleinen Flusse desselben Namens, der östlicher fliesst. Er entspringt im Lande der Ssuanen am südlichen Flusse des Kaukasischen Schneegebirges, und ergiesst sich auf der Westseit der Stadt Anaklia oder Anakria in das Schwarze Meer... Sie hiess ehemals Heraclea".

Нѣкоторыя изъ приводимыхъ Герберштейномъ названій, относящихся къ гидрографіи Черноморскаго бассейна, унаслѣдованы отъ классическихъ географовъ; нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Рось и Сула, заимствованы имъ изъ лѣтописи. Откуда заимствовано названіе острова—Zatabellum—мы не могли опредѣлить. По всей вѣроятности, объ этомъ же островѣ говоритъ и *Контарини*, 140 (р. п., 30).

О р. Меркулѣ см. *Ф. Брунъ:* Черноморье, ч. II, Одесса, 1880 г., стр. 248, въ ст. „Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ". Къ этой же части приложенъ снимокъ съ карты *Весконте*, 1318 г.

неніяхъ о Московіи, которыми пользовался Герберштейнъ, насчитывается всего до двѣнадцати названій [23]), а въ его Запискахъ—до двадцати семи, изъ которыхъ только двѣ (Турія и В. Бугъ,) опредѣлены не вѣрно.

XVIII.

Бассейнъ Каспійскій. — Извѣстія Барбаро, Контарини, Матвѣя Мѣховскаго, Іовія и Альберта Кампенскаго о р. Волгѣ и ея притокахъ.—Названія Ра и Эдель.—Фроново болото, откуда, по свидѣтельству Герберштейна, вытекаетъ р. Волга. — Волконскій лѣсъ. — Свидѣтельства, находящіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московской Руси второй половины XVI и XVII в.: о мѣстѣ истока рр. Волги, Днѣпра и Западной Двины. — Устья Волги. — Р. Тверца и селенія, находящіяся на берегу ея. — Р. Schegima (Шапога). — Рр. Молога, Шексна, Кострома, Кама и ея притоки.—Вишера, Вятка съ ея притокомъ Reczicza (?) —Рр. Шоша (Schossa) и Дубна и ея притокъ р. Сестра.—Р. Яхрома. — Значеніе рѣчной системы рѣки Дубны. — Р. Япуга.—Рр. Нерль, Которость, Ока и островъ Струбъ.—Р. Угра и лѣса Ельнинскаго уѣзда.—Р. Москва и мѣстонахожденіе волости Олешно.—Рр. Неглинная, Яуза, Черная (Schorna).— Истоки р. Клязьмы и судоходное движеніе по ней. — Р. Упа и ея притоки: Тула и Шать. — Рр. Мокша, Сура и Свіяга. — Островъ Гостинный. — Историческія свидѣтельства о немъ и его торговое значеніе. Р. Яикъ. — Итоги рѣчныхъ названій Каспійскаго бассейна, которыя встрѣчаются въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи конца XV и первой половины XVI в. — Общее значеніе гидрографическихъ данныхъ, сообщенныхъ Герберштейномъ въ его Запискахъ о Московіи.

Гидрографическія данныя относительно Каспійскаго бассейна, находящіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи конца XV и первой половины XVI в., относятся, за весьма немногими исключеніями, къ одной только области р. Волги. Послѣ краткихъ замѣтокъ Барбаро и Контарини о томъ, что эта величайшая рѣка впадаетъ въ Бакинское море (mar di Bacau), къ югу отъ Цитрахани, Трактатъ Мѣховскаго впервые даетъ о ней свѣдѣнія, болѣе подробныя, чѣмъ предшествующія имъ по времени [1]).

---

[23]) Въ этотъ итогъ мы не включаемъ названія рѣки Mazo, *Контарини*, 141 (р. п., 32).

[1]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., стр. 69, 94 (р. п., 6, 56)—Волга составляетъ восточную границу Татарской степи; она впадаетъ въ Бакинское море (mar di Bachu), въ 25 миляхъ отъ Цитрахани; на стр. 95 (р. п., 58) упоминается рѣка Москва (Moscho).

Разстояніе волжскаго устья отъ Старой Астрахани, по западному рукаву Волги, превышаетъ восемьдесятъ верстъ, и можетъ быть, въ сочиненіи Бар-

Величайшая изъ рѣкъ Московіи—Волга, называемая Татарами Эдель (стр. Hij), беретъ начало въ той же, ровной, болотистой и лѣсистой мѣстности, откуда вытекаетъ и Танаисъ (Diij, 2 об.); (только) ея источники лежатъ сѣверо-западнѣе источниковъ Танаиса, и направляясь на сѣверъ, она далеко отходитъ отъ него. Разстояніе между ними равняется пятинедѣльному пути, при скорой же ѣздѣ верхомъ, по крайней мѣрѣ, трехнедѣльному или болѣе. Она втрое болѣе Танаиса (Bij об.). „По направленію къ сѣверу она протекаетъ двѣсти миль до Нижняго Новгорода (Nizni Nowygrod), лежащаго въ Московіи, и въ этомъ мѣстѣ впадаетъ въ нее великая рѣка, называемая Окою (Occa), вытекающая изъ средней Московіи (ex media Moskouia). Далѣе Волга течетъ на протяженіи восьмидесяти нѣмецкихъ миль, мимо города Казани, которымъ владѣетъ великій князь московскій, и мимо города Сарая, который находится подъ властью Татаръ. Затѣмъ она направляется на югъ и двадцатью пятью рукавами, изъ которыхъ одни (шиpотою своею) равняются римскому Тибру, а другіе въ значительной степени превосходятъ его, впадаетъ въ Черное море“ [2]) (mare Euxinum) (Hij и об.).

баро опредѣлено это разстояніе именно по этому самому главному изъ волжскихъ рукавовъ, см. „Черноморье“, *Ф. Брунъ,* ч. 2, стр. 281.

Контарини, 168. Волга, величайшая рѣка (въ р. п., стр. 87: „величайшая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣкъ“; но въ подл. „fiumara grandissima“, тоже въ изд. 1523 г., стр. 25), „беретъ начало свое въ Россіи: впадаетъ, какъ говорятъ, семидесятью рукавами въ Бакинское море (mar di Bacau) и во многихъ мѣстахъ очень глубока. Отъ устья Волги до Цитрахани считается не болѣе семидесяти пяти миль, но теченіе здѣсь такъ быстро, что мы не прежде 30-го числа могли достичь города“... На стр. 176 (р. п., 104) Контарини говоритъ: fiume Mosco „butta nella Volga“.

Барбаро, 99 (р. п., 65) и *Контарини*, 158 (67), упоминаютъ о протекающей черезъ гор. Тифлисъ р. Тигрисѣ (Tygris, Tigris), подъ которою слѣдуетъ разумѣть р. Куръ. См. *Ф. Бруна:* Черноморье, ч. II, Одесса, 1880 г., стр. 163. На картѣ *фра Мауро* истокъ Волги оз. Nepro (*Santarem*, Paris, 1842).

[2]) Въ скобкахъ указаны страницы по изд. 1521 г. На стр. H упом. о томъ, что Волга протекаетъ мимо Твери. На стр. Bij об. „Vigintiquinque autem partitiones seu particularia flumina ipsius Vollhae sunt magna, minora autem ex eis sunt tanta, quantus Tyberis Romae, aut Visla post Cracouiam“.

Изъ рѣкъ Каспійскаго бассейна, кромѣ р. Волги, Мѣховскій упоминаетъ также о р. Терекѣ, стр. Biij, и сообщаетъ о немъ слѣдующія извѣстія: „Ex montibus Circassorum (Piccihorsky) sew Quinquemontium fluit magnus fluuius Tyrk in thartarico nucupatus, rapidissimo cursu lapides secum voluens, et multos pisces, in mare Caspium defluit“.

Новыя и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе обстоятельныя, чѣмъ у Мѣховскаго, свѣдѣнія о Волгѣ дастъ Іовій, и у него же впервые находимъ названія нѣкоторыхъ рѣкъ Волжской системы, не встрѣчающіяся въ Трактатѣ о Сарматіяхъ. По извѣстіямъ Іовія, Волга, въ древности Ра, вытекаетъ изъ большихъ болотъ (e magnis vastisque paludibus), именуемыхъ Бѣлыми озерами, лежащими на сѣверо-западъ отъ Москвы. Сказавъ затѣмъ о значеніи этихъ знаменитыхъ болотъ, онъ такъ описываетъ теченіе ея: отъ Бѣлыхъ озеръ она, дѣлая значительный изгибъ (vasto circuitu), течетъ большими излучинами сперва на востокъ, потомъ на западъ и наконецъ, вмѣщая въ руслѣ своемъ большую массу воды (magna aquarum mole), устремляется на югъ и впадаетъ въ Гирканское море. Близъ устья ея стоитъ Татарскій городъ Цитрахань... На низменномъ лѣвомъ берегу Волги находится гор. Казань, отстоящій отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пятьсотъ тысячъ шаговъ. Выше сего города на сто пятьдесятъ миль, при впаденіи въ Волгу р. Суры, нынѣшній государь построилъ городъ Сурцикумъ"... [3]).

Что касается до находящихся у Іовія и Мѣховскаго названій Ра и Эдель, которыя весьма часто встрѣчаются и въ позднѣйшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московской Руси, то первое изъ нихъ вошло въ употребленіе со времени Птоломея, и благодаря его ученому авторитету, крѣпко и долго держалось; а второе Эдель и сходныя съ нимъ Идель, Ишель, Атиль (Итиль у арабскихъ писателей) принадлежитъ народамъ, живущимъ по среднему теченію Волги—Татарамъ, Чувашамъ и Вотякамъ [4]).

---

[3]) *Іовій*, по изд. 1836 г., стр. 67—69 (р. п., 34—37). На стр. 35: Ра „вытекаетъ изъ большихъ и глубокихъ болотъ, именуемыхъ Бѣлыми озерами... стремится большими излучинами сперва на востокъ, потомъ на западъ и наконецъ на югъ и втекаетъ обильными рукавами въ Гирканское море"; въ подл. Rha oritur „e magnis vastisque paludibus, qui Candidi lacus appellantur.... vasto circuitu ingentibusque maeandris primo ad Orientem, mox in Occasum, ac demum ad Austrum magna aquarum mole praecipitatus, in Hyrcanum mare devolvitur".

Далѣе въ русс. перев., на стр. 36: Казань „отстоитъ отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пятьсотъ миль" (слѣд. на 3,500 вер.), а въ подл., на стр. 68: Casan „distat a Volgae ostio Caspioque mari quingentis millibus passuum". Ср. въ изд. 1556 г., стр. 165 C—166 A; въ изд. 1567 г., стр. CLXXXIII и сл.

[4]) Слав. Древности, *Шафарика*, т. I, кн. 2, стр. 361—362: „Мордвины или Мокшаны и теперь еще называютъ Волгу Рау". Gesch. d. Erdkunde, *Peschel*, München, 1865, стр. 6, пр. 2. Handbuch. d. alten Geogr., *Forbiger*, II B., Leipzig

Описывая мѣстоположеніе города Москвы, Іовій упоминаетъ о слѣдующихъ рѣкахъ Волжской системы: о р. Клязьмѣ (Clesma); о р. Москвѣ и ея притокахъ: рѣчкѣ Неглинной, приводящей въ движеніе мельницы (frumentarias molas), и о р. Яузѣ (Iausa), впадающей въ р. Москву нѣсколько ниже города Москвы. Рѣка же Москва, говоритъ онъ, протекая на югъ, изливается въ болѣе значительную р. Оку, въ недальнемъ разстояніи отъ Коломны: отсюда Ока, русло которой увеличивается отъ прибыли и ея собственныхъ водъ, и чужихъ (то-есть, тѣхъ, которыя образуются отъ впаденія притоковъ), изливается въ р. Волгу [5]).

Сообщенныя Іовіемъ и Мѣховскимъ свѣдѣнія о р. Волгѣ и ея притокахъ, при ближайшемъ изученіи Московіи, должны были оказаться слишкомъ краткими, неполными и неточными. Такими же, правда, недостатками отличались и гидрографическія свѣдѣнія относительно другихъ бассейновъ восточно-европейской равнины, области которыхъ входили въ составъ Московскаго государства. Но эти области не имѣли такого важнаго значенія въ судьбахъ этого государства, какое получила область р. Волги, а потому, понятно, и въ новыхъ гидрографическихъ извѣстіяхъ, сообщенныхъ Герберштейномъ въ его хорографіи, наиболѣе значительнымъ оказался тотъ отдѣлъ этихъ извѣстій, который относится къ области Волжскаго бассейна. „За Ржевомъ-Дмитровскимъ“, говоритъ Герберштейнъ, „въ нѣ-

---

1844, стр. 75. „Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ“, *Г. Ф. Миллеръ*, С.-Пб., 1791 г., стр. 36, 35: Идель, по Чувашски, означаетъ рѣку. Такъ называютъ ее Татары. Ср. стр. 31—32, 84, 85. *Stuckenberg*, V, 168. „Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ“, *А. Я. Гаркави*, стр. 85, 191, 195, 197, 218, 282.

[5]) *Іовій*, по изд. 1836 г., стр. 34: рѣчка Неглинная, „приводящая въ движеніе множество мельницъ“; въ подл. 67: „Neglina fluviolus, qui frumentarias agit molas“; далѣе въ русск. переводѣ: Ока р. „въ пространномъ теченіи своемъ, принявъ въ себя еще нѣсколько другихъ рѣкъ, широкимъ устьемъ втекаетъ въ Волгу“; въ подл. „et suis et alienis undis magnus et tumens exoneratur in Volgam“. Рѣки: Волга, Москва и Ока упом. на стр. 59 (р. п., 15).

Альбертъ Кампенскій, какъ и Іовій, принимаетъ за истокъ р. Волги, Бѣлое озеро. Въ извѣстіяхъ Альберта находимъ слѣдующія новыя указанія, не встрѣчающіяся у Мѣховскаго и Іовія: Volga è maggior piu del terzo dei fiumi della nostra Europa“ (въ изд. 1543 г., стр. 7 об. „Rha autem maximus ille Asiaticae, Sarmaticae fluuius quem Vulcha illi dicunt plus triplo maior ullo fluuiorum Europae“) и далѣе „divendosi in molti rami in ispatio di venti giornate entra nel mar Caspio“; стр. 67—68 (р. п., 28—29). См. также стр. 60, 65 (Volga over Rha), 66, 69, (р. п., 15, 16, 24, 25, 31); на стр. 60, 66—Rha.

сколькихъ миляхъ на западъ, есть лѣсъ, называемый Волконскимъ (Vuolkonzki), изъ котораго берутъ начало четыре рѣки. Въ этомъ лѣсу есть болото, называемое Фроновымъ (Fronovu); изъ него течетъ" не очень большая рѣка (fluuius non ita magnus), „на пространствѣ почти двухъ миль и впадаетъ въ какое-то озеро Волго (Vuolgo). Она снова вытекаетъ оттуда, сдѣлавшись гораздо обильнѣе водой, и называется Волгой (Vuolga), по имени этого озера. Протекши черезъ многія болота и принявъ въ себя много рѣкъ, она двадцатью пятью, или по другимъ, семидесятью устьями изливается въ Каспійское море, называемое Русскими Хвалынскимъ (Chvualinsko) моремъ, а не въ Понтъ, какъ писалъ кто-то [6]). Волга называется у Татаръ Эдель (Edel), а у Птоломея—Ра; Волга и Танаисъ такъ сближаются въ „степяхъ", что, какъ утверждаютъ, между ними всего семь миль разстоянія" [7]).

Упоминаемый въ приведенномъ описаніи Ржевъ-Дмитровскій есть нынѣшній Ржевъ, уѣздный городъ Тверской губерніи, расположенный на обоихъ берегахъ р. Волги. Онъ названъ Дмитровскимъ, вѣроятно, потому, что одна часть его принадлежала сыну великаго князя Ивана III, Дмитрію. Въ актахъ XVII вѣка городъ этотъ обыкновенно называется Ржевою Володимеровою [8]).

---

[6]) Можетъ быть Герберштейнъ имѣлъ въ виду Матвѣя Мѣховскаго, у котораго въ Трактатѣ о двухъ Сарматіяхъ говорится слѣдующее, на стр. Hij об., по изд. 1521 г., Volha „influit in mare Euxinum".

[7]) R. M. C., 71 C—72 A (р. п., 109, 110). Въ изд. 1567 г., стр. LXXIX; въ изд. 1557 г., стр. Liij.

[8]) Свидѣтельства лѣтописей и грамотъ о Ржевѣ (Ржевкѣ, Ржевѣ Володимировой), съ XII—XV в., собраны *В. Борзаковскимъ* въ „Ист. Тверск. княж.", С.-Пб., 1876 г., стр. 41—46. А. А. Э., III, № 75 (1615, окт. 16), стр. 109; № 206 (1631, авг. 9), стр. 299; № 236 (1633, декабря 1), стр. 344.

Въ „Гор. поселеніяхъ въ Росс. им.", т. V, ч. I, С.-Пб., 1865 г., стр. 118: „По смерти вел. князя московскаго Василія Васильевича Темнаго, Ржевъ достался четвертому сыну его, Борису Васильевичу. Сыновья этого Бориса, Ѳедоръ и Иванъ Борисовичи, по смерти отца въ 1422 году, раздѣлили этотъ городъ между собой... Вел. князь Іоаннъ IV отдалъ часть Ивана Борисовича сыну своему Дмитрію". То, что здѣсь говорится объ Іоаннѣ IV, относится не къ нему, а къ Іоанну III. См. Собр. госуд. грам. и дог., I, № 144 (1504 г.), духовная грамота Іоанна III, стр. 396: „А что ми далъ братаничь мой князь Иванъ Борисовичь свою отчину половину Ржевы съ волостьми... потому, какъ ся дѣлилъ съ своимъ братомъ съ Ѳедоромъ: и язъ половины Ржевы... даю сыну же своему Дмитрею". Ошибка, допущенная въ Гор. Пос., была повторена и въ Геогр. стат. словарѣ Росс. имп., т. IV, С.-Пб., 1873 г., стр. 289: въ 1422 году

На сѣверо-западъ отъ этого города простирался лѣсъ, названный въ Запискахъ Волконскимъ, изъ котораго, какъ говоритъ авторъ, брали начало четыре рѣки: Ловать, Западная Двина, Днѣпръ и Волга. Уже составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ этотъ лѣсъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Волковскаго (Оковскаго, Воковскаго), что указываетъ на происхожденіе этого названія отъ слова волокъ, которое означаетъ не только узкую полосу земли между двумя рѣками, но и обширную, лѣсную, не заселенную область, каковою и была главнѣйшая водораздѣльная область восточно-европейской равнины, извѣстная подъ именемъ Валдайскаго плоскогорья или центральнаго. Народное названіе этого плоскогорья, утвердившееся за нимъ въ княжескую эпоху, сохранилось и въ Московской Руси. Гванини называетъ его Волковскимъ лѣсомъ; въ XVIII вѣкѣ онъ назывался Волковымъ, и до сихъ поръ лѣсъ, изъ котораго вытекаетъ Днѣпръ, называется Волковискимъ. Названіе же Волконскій, приводимое Герберштейномъ,—по всей вѣроятности, искаженное, вмѣсто Волковскій. Каково было въ XVI вѣкѣ представленіе о пространствѣ, занимаемомъ этимъ великимъ боромъ, можно судить по находящемуся въ Запискахъ указанію на то, что озеро Двино отстоитъ отъ Фронова болота на 10 миль [9]). Въ этомъ лѣсу, на высшей точкѣ его, на

Ржева была раздѣлена между сыновьями кн. Бориса: Ѳедоромъ и Иваномъ; „часть послѣдняго была отдана вел. кн. Іоанномъ IV сыну его Димитрію, почему и части города называются до сихъ поръ Князь-Ѳеодоровскою и Князь-Димитріевскою".

[9]) R. M. C., 71 C (sylua Vuolkonzki; въ изд. 1557 г., Liij: Wolkonski), 72 A, C (р. п., 110, 111). *Гванини*, по изд 1600 г., стр. 164, строка 11: „sylua Wolkowski less". *Барберини*, р. п., по изд. *Любича-Романовича*, 1843 г., стр. 46 (Vuolkonski). *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 4, гл. 2, стр. 342 (р. п., 402), приводитъ Герберштейново свидѣтельство о Волконскомъ лѣсѣ. *Майербергъ*, по изд. 1661 г., 17 (sylva Wolkonskia), 29 (sylva Volkonskia), 99 (р. п., 30—31, 52, 193). Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872 г., стр. 6.

О значеніи слова волокъ см. соч. *Н. Барсова:* „Очерки русс. истор. геогр.", 1873 г., стр. 13—14; VIII—XI, пр. 31. „Замѣтки по географіи древней Руси", *Л. Майковъ*, С.-Пб., 1874 г., стр. 34—35.

Въ Лекс. росс. *В. Н. Татищева*, С.-Пб., 1793 г., ч. I, стр. 269—270: „Волковъ лѣсъ въ уѣздѣ Бѣлой, Торопецкомъ и Ржевскомъ, на великомъ пространствѣ, наполненномъ многими озеры и болоты, изъ котораго происходятъ многія рѣчки, и начинаютъ на сѣверъ—Двину, на югъ—Днѣпръ, на востокъ—Волгу; нѣкоторые не вѣдующіе начала сихъ рѣкъ писали изъ одного болота, а другіе, умножая ложь, изъ-подъ одной березы". Въ Геогр. слов., ч. I, М., 1788 г., стр. 162: „Волковъ лѣсъ Псковскаго намѣстничества въ Торопец. у.". Въ Геогр. слов. *Щекатова*, ч. I, М., 1801 г., стр. 971, повторено тоже, что въ Геогр. Слов., ч. I,

высотѣ 840 фут., близъ деревни Волго или Волгино верховье, въ родникѣ или колодезѣ, называемомъ Іорданомъ, зарождается Волга. Питомникомъ ея служитъ болото, которое нашъ ученый путешественникъ Озерецковскій, посѣтившій верховье Волги въ 1814 году, называетъ обширнымъ. Поэтому, по видимому, можно предположить, что именно къ этому болоту относится неизвѣстное намъ ни въ русской, ни въ иностранной географической номенклатурѣ загадачное названіе Фроново. На этомъ предположеніи нельзя, однако, успокоиться: разстояніе между озеромъ Волго и Фроновымъ болотомъ Герберштейнъ опредѣляетъ въ двѣ мили, между тѣмъ какъ отъ болота, служащаго ближайшимъ питомникомъ Волги, до озера того же имени 85 верстъ; далѣе, отъ истоковъ Волги до истоковъ Борисѳена полагается десять миль, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это разстояніе несравненно значительнѣе—Волга беретъ начало подъ 57° 10′ с. ш., а Днѣпръ подъ 55° 52′ с. ш. На основаніи этихъ данныхъ, Фроново болото необходимо искать значительно ниже 57°. Герберштейновы извѣстія о немъ являются, слѣдовательно, далеко неточными и сами по себѣ весьма недостаточными для его опредѣленія. Тѣмъ не менѣе, онѣ, точно такъ какъ и вышеприведенныя извѣстія Іовія о Бѣлыхъ озерахъ, не лишены нѣкотораго значенія для характеристики свѣдѣній о мѣсторожденіи великихъ рѣкъ восточно-европейской равнины [10]). Эта мѣстность, по всей вѣроятности,

---

М., 1788 г., стр. 162. *Бабстъ* въ ст. „Рѣчная обл. Волги", Магазинъ землев. и путешествій, т. I, М., 1852 г., стр. 386, замѣчаетъ, что источники Волги лежатъ „въ болотистой равнинѣ, на высшей точкѣ Волхонскаго бора". Въ Геогр. стат. словарѣ Росс. имп., II, 77, упом. о Волковинскомъ лѣсѣ, Бѣльскаго у., Смоленск. губ., у подошвы Валдайской плоской возвышенности. *Stuckenberg*, Hydrogr., III, 1847 г., 148, пр. 2, затрудняясь объяснить названіе Волконскій, полагалъ, что оно совершенно вышло изъ употребленія.

[10]) Ст. *Бабста*, стр. 385, 386. Путешествіе на озеро Селигеръ, *Н. Озерецковскаго*, С.-Пб., 1817 г., 80—81. *Stuckenberg*, V, 168, 189. На картѣ *Стрѣльбицкаго*, 10 верстъ въ дюймѣ, и на „Топогр. межевой картѣ Твер. губ., Осташк. у." изъ Атласа, сост. въ 1848 и 1849 гг., изд. въ 1853 г., 2 вер. въ дюймѣ—дер. Волгино Верховье означена. Въ Сп. нас. мѣстъ, Тверск. губ., обраб. *Н. Вильсономъ*, С.-Пб., 1862 г., № 9091: дер. Волга Верховье.

R. M. C., 71 C—72 C (р. н., 110—111). По *Герберштейну*, Фроново болото находится почти въ десяти миляхъ отъ оз. Двино. По картѣ Россіи *Стрѣльбицкаго* разстояніе между истоками Зап. Двины и Волги, по прямой линіи, равняется сорока верстамъ; по Геогр. стат. словарю Росс. имп., II, 17—тринадцать верстъ. См. тамъ же, II, 77.

Въ Сп. насел. мѣстъ, Тверск. губ., С.-Пб., 1862 г., находятся названія

имѣла въ XVI вѣкѣ не тотъ видъ, какой она имѣетъ въ настоящее время. Отличаясь такимъ же первобытнымъ дѣвственнымъ характеромъ, какимъ отличалась и вся область Московскаго государства, въ особенности въ первой половинѣ XVI вѣка, Алаунская возвышенность въ это время, вѣроятно, изобиловала водами въ большей степени, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Нѣкоторыя изъ теперешнихъ болотъ, вѣроятно, были въ старину озерами; озера, въ настоящее время лежащія не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи, нѣкогда могли составлять одно озеро. Потому-то въ XVI вѣкѣ вся эта лѣсистая, покрытая сѣтью текучихъ и стоячихъ водъ, область могла представляться отдаленнымъ отъ нея обитателямъ, получавшимъ свѣдѣнія о ней изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, однимъ великимъ скопищемъ стоячей воды, и извѣстія Іовія даютъ именно такое представленіе объ этой мѣстности. Что же касается до Герберштейновыхъ извѣстій о ней, то онѣ тоже даютъ право предполагать, что болото, служащее питомникомъ Волги, занимало въ XVI вѣкѣ большое пространство, такъ какъ въ это время разстояніе между этимъ болотомъ и озеромъ Волго было въ шесть разъ менѣе нынѣшняго [11]).

Фролево, Фролова и т. п. — всего 18. Изъ нихъ въ Осташковск. у.—дер. Фролово (№ 8623) и с-цо Фроловское (№ 8887). 1-е при р. Дубнѣ, какъ сказано въ Сп., въ 44 вер. отъ у. г. (на к. Шуб., № XXIII, д. Фролова не на р. Дубнѣ, а къ востоку отъ нея; на „Топографической межевой картѣ Тверск. губ., Осташковск. у.", изд. 1853 г., № II, 5, на р., впад. въ оз. Волго, къ в. отъ р. Большой Дубенки), къ ю. отъ оз. Волго. 2-е—при колодцѣ, въ числѣ селеній близъ р. Жуконы. На „Топографической межевой картѣ Твер. губ., Осташк. у.", изд. 1853 г., № II, 5, къ в. отъ южной оконечности оз. Селигера, близъ с-ца Крапивенка (по Сп., № 8337), ручей Фроловецъ. На той же картѣ, № II, 1, изображено болото, изъ котораго вытекаетъ р. Волга, и къ с.-в. отъ селенія „Волгино Верховье" озера: Малое Боровое и Боровое. Къ сожалѣнію, въ этомъ Атласѣ болота не поименованы.

[11]) Для критической оцѣнки иностранныхъ извѣстій о Московской Руси считаемъ не лишнимъ привести здѣсь тѣ данныя въ этихъ извѣстіяхъ второй половины XVI в. и XVII в., которыя относятся къ вопросу о мѣстѣ истока рѣкъ Волги и Зап. Двины. Венеціанскій посолъ *Фоскарини* въ своемъ соч. „Discorso della Moscovia" (1557 г.) заимствовалъ свѣдѣнія о Волгѣ изъ сочиненія Іовія и передалъ ихъ невѣрно. Сказавъ о томъ, что Волга вытекаетъ изъ Бѣлыхъ озеръ, Фоскарини говоритъ далѣе о р. Москвѣ то самое, что у Іовія относится къ р. Волгѣ, а именно: „Mosco con gran circuito e torcimento passa in Levante, poi in Ponente et in fine in Ostro *con grandissime acque* va precipitosamente nel mar Hircano" etc. Histor. Russiae mon., t. I, Petrop., 1841, стр. 148; у *Іовія*, по изд. 1836 г., стр. 68: „Volga vero ad meridiem Moscham

О числѣ устьевъ Волги Герберштейнъ сообщаетъ два свидѣтельства: по однимъ, этихъ устьевъ—двадцать пять; по другимъ, около семидесяти. Эти указанія не были новыми: первый изъ приведенныхъ итоговъ находимъ въ Трактатѣ Мѣховскаго; второй—въ сочиненіи Контарини, а позднѣе въ сочиненіи Дженкинсона, который въ 1558 году былъ въ Астрахани, и это же опредѣленіе уже встрѣчается въ нашемъ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ. „Потече Волга", говорится здѣсь, „на востокъ и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское". Ни одинъ, однако, изъ приведенныхъ итоговъ не считается вѣрнымъ. Полагаютъ, что число всѣхъ устьевъ р. Волги простирается до двухсотъ; но и въ этомъ можно справедливо сомнѣваться. По замѣчанію Ал. Соколова, счетъ волжскихъ устьевъ

---

urbem relinquens, vasto circuitu ingentibusque macandris primo ad Orientem, mox in Occasum, ac demum ad Austrum *magna aquarum mole* præcipitatus, in Hyrcanum mare devolvitur" (р. п., 35—36).

Извѣстія *Барберини* и неизвѣстнаго сочинителя 1672 г. сходны съ извѣстіями Герберштейна; см. Сказ. иностранцевъ о Россіи, С.-Пб., 1843 г., стр. 46, и Hist. Russiae Mon., II, 252 („La Volga vien partorita dalle palude di Fornu nella selva di Worewski"); а *Гванини* повторяетъ то же, что у Герберштейна, по изд. 1600 г., стр. 162, строка 11: palus Wronow.

Извѣстіе *Флетчера*, изд. 1591 г., стр. 5: „Volgha that hath his head orspring at the roote of aldertree, about 200 verst aboue Yaruslaue", любопытно сопоставить съ слѣдующимъ извѣстіемъ, сохранившимся въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ книги „Большой Чертежъ", по изд. 1846 г., стр. 130: р. Волга вытекла „изъ болота, изъ-подъ березы ключемъ, и пошла въ озеро Волго, а отъ того озера *прославилася* Волга" (и Герберштейнъ замѣчаетъ: „in lacum quendam Vuolgo influit: unde rursus aquarum multitudine adauctus emergit", R. M. C., 72 A).

Олеарій, ссылаясь на свидѣтельство Герберштейна, не упоминаетъ, однако, о Фроновѣ болотѣ и говоритъ, что Волга беретъ начало изъ озера, находящагося въ Волконскомъ лѣсу, по изд. 1663 г., стр. 340 (р. п., 402). *Майербергъ*, по изд. 1661 г., стр. 29: „Fluvius Volga, antiquis Rha, Tartaris Edil, natalium suorum paludi Fronoviae in sylva Volkonskia Ducatus Rescoviensis debitor est, sed nominis lacui Volgo, cui post decursa bis quinque millia passuum (въ р. п., стр. 52: „съ водами котораго послѣ десяти миль теченія она соединяетъ свои...") aquas suas associat, pinquique foenore ditior inde emergit". Сл. стр. 17 (р. п., стр. 30). Десять тысячъ шаговъ равняется, приблизительно, четырнадцати верстамъ, то-есть, двумъ милямъ, и Герберштейнъ протяженіе р. Волги отъ ея истока до оз. Волго опредѣляетъ въ двѣ мили, R. M. C., 71 C (р. п., 110). Сл. также соч. *Карлейля*, по изд. 1857 г., стр. 296, *Клемента Адама*, по изд. 1600 г., стр. 147, строка 16—17: „Horum Rha atque Borysthenes eodem lacu orti..." *Рейтенфельсъ*, по изд. 1680 года, стр. 255: „Volga... in sylva Fronow-lies, ex palude Volkovskoi prorumpit, unde Borysthenes quoque Dvina, et Lovat, fluvii nascuntur".

„совершенно произволенъ, и точное опредѣленіе числа устій, вообще мелководныхъ, почти невозможно“ [12]).

Изъ притоковъ Волги, впадающихъ въ нее съ лѣвой стороны, въ Запискахъ о Московіи упоминаются слѣдующіе:

1) Tvuerza, р. Тверца, по которой Герберштейнъ, на пути изъ Новгорода въ Москву, въ 1517 г. проѣхалъ отъ села Выдропуска до впаденія ея въ Волгу, и въ своихъ Запискахъ о Московіи описалъ этотъ водный путь. Въ этомъ цѣнномъ для русской исторической географіи описаніи заключаются слѣдующія топографическія и гидрографическія данныя: въ семи миляхъ отъ Вышняго Волочка находится при р. Тверцѣ значительное селеніе (zimlicher Fleck) Vuedrapusta, отъ котораго въ семи миляхъ, по р. Тверцѣ внизъ, лежитъ гор. Dvuerschak. Въ двухъ миляхъ ниже его, говоритъ Герберштейнъ, мы переправились на рыбачьей лодкѣ черезъ рѣку Шегиму (Schegima) и въ селеніи Оссогѣ (Ossoga) отдыхали одинъ день. На слѣдующій день плыли рѣкою Тверцою семь миль, и пристали къ Мединѣ (Medina). Отсюда, проплывъ семь миль достигли р. Волги, а затѣмъ Твери.

Vuedrapusta, безъ всякаго сомнѣнія, пріурочивается къ нынѣшнему селенію Выдропужскъ (Выдропускъ), при р. Тверцѣ, Новоторжскаго уѣзда, почти на половинѣ пути отъ Вышняго Волочка къ Торжку, въ 33 вер. отъ перваго и въ 35 вер. отъ втораго, на Петербурго-Московскомъ шоссе. Dvuerschok—это Торжекъ. Далѣе авторъ Записокъ упоминаетъ о р. Шегимѣ и селеніи Оссогѣ, и по описанію его, рѣка эта впадала въ р. Тверцу ниже Торжка, а Оссога лежала между Торжкомъ и Тверью. Но въ современномъ поверстномъ описаніи рѣки Тверцы мы не находимъ ниже Торжка до ея устья ни одного названія, къ которому можно было бы пріурочить или р. Шегиму, или селеніе Оссогу. А выше Торжка, въ 33 вер. отъ

---

[12]) R. M. C., 72 A (p. и., 110). *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Bij об., Hij об. *Контарини*, по изд. 1836 г., 168: Volga „ha bocche 72“; въ р. и., стр. 87: „впадаетъ... семидесятью рукавами“; въ изд. 1543 г., стр. 25: „ha bocche 72“. *Дженкинсонъ*, въ изд. *Hakluyts* Collection, 1809, vol. I, p. 365: „Volga hath seuentie mouthes or fals into the sea“. Лѣт. по Лавр. сп., С.-Пб., 1872 г., стр. 6. Магаз. землевѣдѣнія и путешествій, т. I, М., 1852 г., ст. *Бабста*, стр. 525: 200 устьевъ Волги (то же число въ Геогр. стат. словарѣ Росс. имп., I, 514). „Очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю, до начала на немъ гидрографическихъ работъ“, *Ал. Соколова* въ Мор. Сборн., 1854 г., февр., стр. 141—142.

него, въ рѣку Тверцу впадаетъ р. Осуга, и на ней сельцо Осужное (Осуга), въ 26 вер. отъ Торжка; то же выше этого города, въ 31 вер. отъ него, впадаетъ въ рѣку Тверцу ручей Шанога. Къ сельцу Осужному и ручью Шаногѣ пріурочиваются названія: Ossoga и Schegima, и мы въ правѣ предположить, что авторъ Записокъ вмѣсто „выше Торжка" по ошибкѣ, написалъ „ниже Торжка". Medina (Medna)— нынѣ с. Мѣдное, при р. Тверцѣ, въ 32 вер. отъ Торжка. Какъ это селеніе, такъ и другія, упоминаемыя Герберштейномъ на пути изъ Выдропужска въ Тверь, указываютъ на то, что этотъ путь въ началѣ XVI в. пролегалъ черезъ тѣ же населенныя мѣста, черезъ которыя онъ проходитъ въ настоящее время [13]).

2) Mologa, р. Молога, „течетъ изъ области Великаго Новгорода, на пространствѣ восьмидесяти миль" [14]).

3) Schoksna, р. Шексна, вытекаетъ изъ Бѣлаозера, впадаетъ въ Волгу 15-ю милями выше Ярославля (что равняется 105 вер. 500 саженнымъ или 75 вер. 700 саженнымъ), 4 м. ниже Мологи (равняется 28 вер. 500 саж. или 20 вер. 700 саж.). Замѣчательно, что послѣднее опредѣленіе тожественно съ находящимся въ книгѣ Большой Чертежъ. Шексна—единственная, по Герберштейну, рѣка, вытекающая изъ Бѣлаозера. Путь изъ Москвы къ этому озеру затруднителенъ по причинѣ болотъ. Оно „простирается на двѣнадцать миль въ длину и на столько же въ ширину; въ него изливаются, какъ слышно, триста шестьдесятъ рѣкъ". Длина и ширина Бѣлаозера преувеличены: оно имѣетъ въ длину всего только 40 вер., а въ ширину 30 вер. Что же касается

[13]) R. M. C., 141 A (p. п., 210); „traiectoque Tvuerza fluuio Vedrapusto oppidum... Dvuerschak ciuitatem... in Ossoga oppido uno die quieuimus"; въ изд. 1557 г., стр. V об.: Wedrapusta — „ist ain zimlicher Fleck... darnach gehn Dworsackh, ist ain Stätle. . Ossoga ain Flecken"... F. r. A., I, 119: Duorsagkh (Торжокъ); Ossega (Осуга); Medna (с. Мѣдное). Судоходный Дорожникъ Европейской Россіи, ч. II, отд. I, С.-Пб., 1855 г., стр. 15, 33, 46, 47. Списки населенныхъ мѣстъ, Твер. губ., №№ 7515, 7867, 7530. Почтъ словарь, С.-Пб., 1820 г., стр. 157. *Карамзинъ*, IX, пр. 287 (Выдробожскъ). *Stuckenberg*, V, 324. Всего, по описанію Герберштейна, отъ Выдропуска до Твери 21 миля. По поверстному описанію р. Тверцы, 125 верстъ. Въ 1668 г. совершилъ путешествіе по р. Тверцѣ, отъ Торжка до Твери—*Стрюйсъ*, см. его соч., по изд. 1686 года, стр. 133. См. въ Атласѣ, прил. къ нашему соч., к. № 5.

[14]) R. M. C., 78 A (p. п., 119). По Судох. Дорожн., ч. II, отд. 2, 1856 года, CLXXXVI:—512 вер. Геогр. стат. слов. Росс. имп., III, 296: по однимъ свѣдѣніямъ 520, по другимъ 575 вер. (послѣдняя цифра и у *Штукенберга*, V, 340—341).

до числа рѣкъ, въ него впадающихъ, то можно думать, что оно казалось сомнительнымъ самому Герберштейну. Гванини, писавшій свое сочиненіе о Московіи во второй половинѣ XVI в. и въ значительной степени пользовавшійся Записками о Московіи, включилъ въ свое описаніе ея и Герберштейновы извѣстія о Бѣлоозерѣ, но вмѣсто трехсотъ-шестидесяти написалъ тридцать шесть, что близко къ дѣйствительности [15]).

4) Castromovu, р. Кострома впадаетъ въ Волгу близъ города Костромы.

5) Kama, р. Кама „изливается въ Волгу двѣнадцатью милями ниже Казани", слѣдовательно на разстояніи 60 вер. 700 саженныхъ. Опредѣленіе замѣчательное, такъ какъ оно тожественно, если только считать въ верстѣ 700 саж., съ опредѣленіями, находящимися въ географическомъ описаніи Пермской земли, XIV в., и въ книгѣ Большой Чертежъ [16]).

Въ рѣку Каму, по извѣстіямъ Герберштейна, впадаютъ слѣдующія рѣки:

1) Vischora, р. Вишера, устье которой находится въ десяти миляхъ ниже города Перми. Здѣсь, подъ именемъ Перми слѣдуетъ разумѣть Чердынь, такъ какъ въ грамотахъ XVI и XVII в., отправляемыхъ изъ Москвы въ Чердынь, обыкновенно писали въ Пермь Великую, иногда прибавляя къ этому послѣднему и Чердынь. Разстояніе этого города отъ устья Вишеры опредѣлено въ Запискахъ приблизительно вѣрно.

2) Vuiatka, р. Вятка, въ которую изливается рѣка Rhecitzan, текущая „съ востока, между Хлыновымъ и Орловымъ"; на ней городъ Котельничъ. На пути къ Вяткѣ и Перми, замѣчаетъ авторъ Записокъ, множество болотъ. Дѣйствительно, въ уѣздахъ Костром-

---

[15]) R. M. C., 77 B – C: Lacus Bieloiessero „in quem trecenti, ut fertur, et sexaginta fluuij exonerantur" (р. п., 118); по изд. 1557 г., стр. M. об. Въ изд. 1567 г., стр. LXXXV. Отъ устья Шексны до Ярославля по кн. Б. Ч., стр. 136, 60 вер. (82 вер., 500 саж.); по Судох. Дорожн., ч. I, стр. 240 и 267—80 вер. Отъ Мологи до устья Шексны, по кн. Б. Ч., стр. 135, 20 вер. (28 вер. 500 саж.); по Судох. Дорожн., ч. I, стр. VI, 31 вер. *Stuckenberg*, V, 364. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 370: „Бѣлоозеро имѣетъ до 31 притока". *Гванини*, по изд. Старчевскаго, I, 12; по изд. 1600 г., стр. 165: „triginta sex fluuios excipit".

[16]) R. M. C., 84 B, 85 A, 86 B (р. п., 128, 129, 131). Б. Ч., 143—144. Никон. лѣт., IV, 267—268. По судох. Дорожн., ч. I, стр. 119, 126—отъ устья Камы до р. Казанки 79 верстъ.

ской губерніи, лежащихъ на лѣвомъ берегу Волги: Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и Кологривскомъ, затѣмъ въ уѣздахъ Вятской губерніи: Котельничскомъ, Орловскомъ, Слободскомъ и Глазовскомъ, и по рѣчнымъ долинамъ Пермской губерніи болота занимаютъ довольно значительныя пространства.

Къ какой рѣчкѣ можно пріурочить названіе Rhecitzan—мы не могли опредѣлить: подобное названіе не носитъ ни одинъ изъ извѣстныхъ по названію ручьевъ, текущихъ въ оврагахъ, которые прорѣзываютъ мѣстность Котельнича.

О двухъ другихъ значительныхъ притокахъ р. Камы, о Чусовой и Бѣлой, рѣчныя области которыхъ не входили въ составъ владѣній Московскаго государства въ то время, къ которому относятся извѣстія Герберштейна, онъ не упоминаетъ [17]).

Изъ правыхъ притоковъ Волги, впадающихъ въ нее ниже устья р. Тверцы, Записки о Московіи упоминаютъ рѣки: Шошу (Schossa) и Дубну (Dubna), которую Герберштейнъ называетъ притокомъ р. Сестры (Sest), а послѣднюю притокомъ Волги, между тѣмъ какъ по книгѣ Большой Чертежъ и по современнымъ опредѣленіямъ, Сестра — притокъ Дубны, а послѣдняя—притокъ р. Волги. Можетъ быть, однако, въ XVI в. рѣку Дубну, отъ мѣста сліянія ея съ рѣкою Сестрою до впаденія въ Волгу, называли не Дубной, а Сестрою; извѣстный знатокъ русской гидрографіи Штукенбергъ считалъ не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ называть рѣку, образующуюся отъ сліянія Сестры и Дубны,—первымъ или вторымъ именемъ.

Упомянувъ о притокѣ р. Сестры—Яхромѣ (Jachroma), при которой лежитъ Дмитровъ, Герберштейнъ замѣчаетъ: „Такое удобное расположеніе рѣкъ представляетъ большія выгоды купцамъ, которые безъ большаго труда ввозятъ товары изъ Каспійскаго моря по Волгѣ

---

[17]) R. M. C., 85 A, 84 C (p. n., 128, 129). Путешествіе въ гг. Чердынь и Соликамскъ, *В. Берха*, С.-Пб., 1821 г., стр. 58. Доп. къ А. И., I, стр. 184 (1582 г.): „въ которой день къ Перми къ Чердыни приходили Вогуличи“.

Замѣчательно, что въ кн. Б. Ч., стр. 145, довольно вѣрно опредѣляется мѣсто истока р. Вишеры, а *Штукенбергъ* замѣчаетъ, что истокъ ея неизвѣстенъ, V, 558—559. По к. Геогр. Общ., отъ устья Вишеры до Чердыни, по прямой линіи, 50 верстъ.

Въ изд. Записокъ о Московіи 1557 г., стр. N: Retzitza. О ней же см. замѣтку *А. Спицына*: „Извѣстіе о Вятской странѣ Герберштейна“, въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ, 1881 г., № 5. О ручьяхъ близъ Котельнича см. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 749. Тамъ же о болотахъ, II, 745; I, 596; IV, 59.

въ различныя страны и даже въ самую Москву". Замѣчаніе вполнѣ справедливое. Отъ впаденія Вазузы, перваго значительнаго притока своего, Волга поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и въ такомъ направленіи течетъ до самой Мологи, составляющей ея крайній сѣверный предѣлъ. Въ этой части своего теченія она ближе всего подходитъ къ Москвѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ принимаетъ въ себя р. Дубну, притокъ которой—Сестра беретъ начало приблизительно въ 55 вер. отъ Москвы, въ прямомъ направленіи (по картѣ Геогр. Общества). Отсюда понятно, почему рѣчная система р. Дубны получила важное торговое значеніе въ эпоху Московской Руси. Благодаря этой рѣчной системѣ, подвозъ товаровъ въ Москву съ Волги былъ въ значительной степени облегченъ, и потому Дмитровъ въ XVI в. имѣлъ важное значеніе торговаго центра, какъ видно изъ дошедшей до насъ отъ 1521 г. выписки изъ таможенной грамоты: „А кто пріѣдетъ", говорится въ ней, „изо всѣхъ городовъ и изъ волостей Московскіе земли, и Новгородецъ, и Псковитинъ, и Тверитинъ, и Казанецъ, и Рязанецъ, и иноземецъ всякой, въ паузкѣ къ городу къ Дмитрову, и колко будетъ въ паузкѣ во днѣ досокъ, и намѣстнику имати съ доски донные по алтыну... А будетъ въ паузкѣ или въ суднѣ розныхъ городовъ жеребейники, и намѣстнику имати на всѣхъ на тѣхъ жеребейникѣхъ... А придетъ иногородецъ въ лодкѣ, и будетъ лодка съ набои, и намѣстнику имати съ лодки по алтыну... А кто придетъ въ городъ въ Дмитровъ торговати изо всѣхъ городовъ и изъ волостей Московскіе земли, и таможникомъ у нихъ имати съ рубля по три деньги" и проч. Изъ жалованной грамоты удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю, 1566 г. августа 1-го, объ освобожденіи отъ пошлинъ монастырскихъ людей, посылаемыхъ въ Дмитровъ, для закупки товаровъ, узнаемъ, что еще въ княженіе Ивана III этому монастырю была дана жалованная грамота, по которой ему были дарованы великимъ княземъ слѣдующія права: „коли пошлютъ изъ монастыря въ Дмитровъ рыбы купити или иного чего нибудь, а изъ Дмитрова пошлютъ въ лодкахъ рѣкою Яхромою, да Сестрью, да Дубною до Волги, а Волгою внизъ до устья до Шехонскаго и въ Шексну рыбы купити, а въ лодкѣ сто четвертей ржи да тридцать пудъ соли, и таможники, и мытчики тамги, и мыта, и иныхъ никоторыхъ пошлинъ съ нихъ не емлютъ". Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, по рр. Дубнѣ

и Сестрѣ производится сплавъ только весною, и то въ незначительномъ количествѣ [18]).

Затѣмъ изъ правыхъ притоковъ рѣки Волги поименованы въ Запискахъ слѣдующіе: Нерль, Которость, Ока, Свіяга и Сура.

Нерль (Nerel) вытекаетъ „изъ какого-то озера и впадаетъ въ Волгу, выше Углича". Эта Нерль, извѣстная подъ именемъ Большой Нерли, въ отличіе отъ Нерли Малой, впадающей въ р. Клязьму, беретъ начало въ Переяславскомъ уѣздѣ, изъ озера Плещеево, подъ именемъ Вексы.

Которость или Которосль (Cotoroa), по свидѣтельству Герберштейна, выходитъ изъ озера. Подъ этимъ озеромъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть озеро Ростовское (Неро), изъ котораго, по книгѣ Большой Чертежъ, течетъ рѣка Которосль. Въ настоящее время за истокъ ея принимаютъ истокъ рѣки, извѣстной подъ именемъ Сары; принявъ названіе Гды, она впадаетъ въ озеро Неро, отсюда вытекаетъ подъ именемъ Вексы, и по соединеніи съ рѣкою Устье принимаетъ, наконецъ, названіе Которости [19]).

Рѣка Ока, область которой, служа связью между югомъ и сѣверомъ восточной равнины, получила важное значеніе въ исторіи Московской Руси XVI и XVII вв., обстоятельно описана въ Запискахъ

---

[18]) R. M. C., 77 A—B, 141 B (р. п., 117, 118, 210). *Stuckenberg*, V, 329—332, 327. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 134 — 135: „отъ устья р. Сестры Дубна, на протяженіи послѣднихъ 12 вер. своего теченія, весною судоходна". Сп. насел. мѣстъ, Москов. губ., стр. IX. Ст. *Бабста* въ Магазинѣ землевѣдѣнія, I, 387, 393. А. А. Э., I, № 170 (1521 г.), стр. 138—139; № 272 (1566 г., авг. 1-го), стр. 308. „Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.", *Н. Костомарова*, С.-Пб., 1862 г., стр. 5.

О Дубенской пристани см. указъ 1711 г., сент. 21-го въ П. С. З., IV, № 2428. „Сводъ судоходнымъ и сплавнымъ рѣкамъ Россійской имперіи", С.-Пб., 1876 г., стр. 51.

Вѣроятно, къ той же системѣ р. Дубны относится упоминаемая въ описаніи пути отъ Новгорода къ Москвѣ р. Япуга (R. M. C., 141 B, Januga; р. п., 210), на берегу которой, какъ сказано въ этомъ описаніи, находится гор. Клинъ, лежащій при р. Сестрѣ. Въ Сп. насел. мѣстъ, Московск. губ., обраб. *Е. Огородниковымъ*, С.-Пб., 1862 г., № 3503, Ямога д., „при ррч. Долощѣ и Ямогѣ". На „Военно-топографической картѣ Московской губ.", 2 версты въ дюймѣ, II, л. 4, р. Япуги мы не нашли; но выше гор. Клина въ 6 вер. отъ него селеніе Ямуга, названная Ямогою въ Сп. насел. мѣстъ (№ 3503).

[19]) R. M. C., 78 B, C (р. п., 119, 120). *Stuckenberg*, V, 333, 392—394. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 421; II, 753, здѣсь по ошибкѣ, Которость названа лѣвымъ притокомъ Волги. Б. Ч., 136.

о Московіи. Ока беретъ начало, говоритъ авторъ, „почти въ восемнадцати миляхъ влѣво отъ Мценска“ и „течетъ сперва къ востоку, потомъ къ сѣверу, наконецъ, къ лѣтнему востоку“ (это ихъ собственное названіе). Такимъ образомъ, Мценскъ она окружаетъ въ видѣ полукруга „и потомъ течетъ черезъ многіе города, именно: Воротынскъ, Калугу, Серпуховъ, Каширу, Коломну, Рязань, Касимовъ городъ и Муромъ; наконецъ, за Нижнимъ [20]) впадаетъ въ Волгу“. Говорятъ, что истоки Оки даютъ начало двумъ другимъ рѣкамъ: Сейму и Соснѣ (Sem et Schosna).

Въ то время, когда Герберштейнъ собиралъ свѣдѣнія о Московской Руси, на Окѣ еще не былъ построенъ Орелъ, и однимъ изъ главныхъ сторожевыхъ городовъ, вблизи и отъ литовскихъ владѣній, и отъ южной украйны, былъ Мценскъ. Отсюда понятно, почему этотъ городъ могъ служить исходнымъ пунктомъ въ географическихъ опредѣленіяхъ, касавшихся сосѣднихъ съ нимъ мѣстностей. Къ югу отъ Мценска, подъ $52^{0}\,20'$ с. ш. и 54^{0} в. д., находятся истоки Оки, на 100 вер. (14 миль) отъ него, въ прямомъ направленіи; они спадаютъ съ уваловъ, изъ которыхъ также берутъ начало и Сосна, и притоки рѣки Сейма. Истоки первой лежатъ въ пятнадцати верстахъ отъ Оки; а рѣки Сейма—во ста-сорока верстахъ, въ прямомъ направленіи. Отъ этихъ уваловъ Ока течетъ къ с.-сѣверо-востоку; отъ устья Обтухи на сѣверъ до устья Угры, а отсюда направленіе на востокъ становится господствующимъ, до устья Оки [21]).

По свидѣтельству Герберштейна, Ока образуетъ островъ Струбъ (Strub), лежащій недалеко отъ крѣпости Ярослава, отъ которой сохранились только одни слѣды. Не имѣя поверстнаго описанія рѣки Оки и полнаго перечня острововъ, образуемыхъ ею на томъ протя-

---

[20]) То-есть, Нижегородскимъ кремлемъ.

[21]) R. M. C., 67 B—C: „Ex Occae porro fontibus duos alios fluuios oriri aiunt: Sem et Schosna“; въ изд. 1557 г., стр. L: „Aus dem vrsprung der Occa solln noch zwei flüss ausfliessen Sem und Schosna“; ср. въ изд. 1567 г., стр. LXXV. Въ р. п., стр. 104: „Говорятъ, что около истоковъ Оки берутъ начало двѣ другія рѣки: Сеймъ и Сосна“; тамъ же, въ перечнѣ городовъ, черезъ которые протекаетъ рѣка Ока, пропущена Коломна.

Ист. гос. Росс., *Карамзина*, IX, пр. 268, въ выпискѣ изъ лѣтописей, подъ 1566 г. „Поставленъ городъ на полѣ, на р. Орлеѣ“. Орелъ упом. подъ 1567 г., Древн. Вивл., XIII, 384. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 670: Орелъ „расположенъ по склонамъ довольно большой котловины, при впаденіи рѣчки Орлика въ Оку“. Тамъ же, стр. 607. Ст. *Бабста*, 416—417.

женіи ея теченія, которое составляло границу Рязанскаго княжества, нельзя съ вѣрностью опредѣлить положеніе острова Струба, хотя на основаніи дошедшихъ до насъ историческихъ извѣстій объ основаніи городовъ рязанскихъ, можно предполагать, что крѣпость Ярослава есть кремль Переяславля Рязанскаго, построенный княземъ Ярославомъ въ 1095 г. Но едва ли къ кремлю этого города можно отнести замѣчаніе Герберштейна о томъ, что въ его время уцѣлѣли только слѣды Ярославовой крѣпости, такъ какъ, по его же извѣстіямъ, въ 1521 году крымскій ханъ Магметъ Гирей, не смотря на свое многочисленное войско, не могъ взять Рязани, какъ называли въ XVI в. Переяславль Рязанскій, и предпочелъ прибѣгнуть къ хитрости для того, чтобы заставить воеводу Іоанна Хабара выйдти изъ крѣпости. Поэтому можно думать, что Герберштейнъ спуталъ то, что ему говорили о Ярославовой крѣпости, если только подъ этою крѣпостью разумѣть кремль Переяславля Рязанскаго, съ тѣмъ, что ему могли сообщить о Старой Рязани, отъ кремля которой въ XVI вѣкѣ могли оставаться одни только слѣды. О ней онъ совсѣмъ не упоминаетъ въ описаніи Рязанской земли. Принимая Ярославову крѣпость за кремль Переяславля, названіе Струбъ пріурочивали къ острову, который лежитъ между Окой и Трубежемъ и назывался Судеревомъ [22]).

---

[22]) R. M. C., 65 B, 93 A—95 A (p. п., 100, 141—144). О Старой Рязани см. „Письма *К. К. Калайдовича*“, М., 1823 г., стр. 17—18. „Рязанскія Русскія древности“, *Алексѣя Оленина*, С.-Пб., 1831 г., стр. 45—51, свѣдѣнія о Старой Рязани, по изысканіямъ *Н. Устрялова* (стр. 49: „едва ли со временъ Олега Переяславль не былъ столицею Рязанскаго княжества, вмѣсто полуразрушенной Рязани“). Планъ мѣстности городка Старой Рязани приложенъ къ соч. *Димитрія Тихомірова:* „Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани“, М., 1844 г. Матеріалы для геогр. и стат. Рязанской губ., сост. *М. Барановичъ*, С.-Пб., 1860 г., стр. 529.

Ист. Рязан. княж. *Д. Иловайскаго*, М., 1858 г., стр. 27, 254, пр. 248 (въ Запискахъ о Московіи названъ Струбомъ остр. Судеревъ); 157: „Обыкновенно перенесеніе столицы изъ Рязани въ Переяславль приписываютъ Олегу Ивановичу; мы думаемъ, что оно относится ко времени его предшественниковъ. Послѣ Татарскаго нашествія лѣтописи почти совсѣмъ не упоминаютъ о городѣ Рязани“... Изъ договорныхъ грамотъ рязанскихъ князей 1433, 1483, 1496 гг. видно, что въ это время главнымъ городомъ Рязанскаго княжества былъ Переяславль. Собр. гос. гр. и договоровъ, I, стр. 96—97, 281, 321 (Рязань Старая). Въ „Розыскѣ о побѣгѣ изъ Москвы князя рязанскаго Іоанна Іоанновича“ (1521 г.) Рязанью называется Переяславль Рязанскій. „Сборникъ *кн. Оболенскаго*“, № 2, М., 1838 г., стр. 6 и др. Объ островѣ Судеревѣ (1561 г.), между Окою и Трубежемъ, упом. *Тихонъ Воздвиженскій* въ соч. „Историческое обозрѣніе Рязанской Іерархіи“, М., 1820 г., стр. 331.

Съ лѣвой стороны въ Оку впадаютъ: рѣки Угра (Ugra), Москва (Mosqua) и Клязьма (Clesma). Угра—„глубокая и илистая рѣка, беретъ свое начало въ одномъ лѣсу, недалеко отъ Дорогобужа, и изливается въ Оку между Калугою и Воротынскомъ". Угра начинается въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, при деревнѣ Бабичахъ, отъ Дорогобужа приблизительно въ 50 верстахъ въ прямомъ направленіи. Ближайшими къ ея устью городами въ XVI вѣкѣ были Воротынскъ, въ 9 верстахъ, въ прямомъ направленіи, и Калуга, въ 12 верстахъ. Угра отличается умѣреннымъ теченіемъ, мелководіемъ; наибольшая глубина ея въ Калужской губерніи достигаетъ шести аршинъ, наименьшая трехъ; по ней производится сплавъ лѣса, а отъ города Юхнова до устья—незначительное судоходное движеніе. Всѣ эти данныя, характеризующія рѣчную долину Угры въ настоящее время, еще не даютъ намъ право дѣлать заключеніе о недостовѣрности Герберштейнова извѣстія. При генеральномъ межеваніи 1776—1778 гг., въ Ельнинскомъ уѣздѣ, по которому рѣка Угра протекаетъ 85 верстъ, болѣе половины общаго количества его земель было занято лѣсомъ, всего 224,485 десятинъ, а въ настоящее время пространство, занимаемое лѣсами, опредѣляютъ въ 137,618 дес.; въ Юхновскомъ въ 1776—1778 гг. было подъ лѣсомъ 131,787 дес., а въ настоящее время—72,644 дес. Разность громадная, объясняемая тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ этихъ уѣздовъ съ давняго времени производился сплавъ лѣса въ Оку, въ Калужскую, Московскую и другія губерніи, и прежде всего отъ чрезмѣрнаго истребленія лѣса пострадалъ ближайшій къ Калужской губерніи уѣздъ Юхновскій, а потомъ и Ельнинскій. Если, какъ мы видѣли, въ XVIII вѣкѣ лѣсная площадь въ этихъ двухъ уѣздахъ занимала столь значительное пространство, то конечно, въ XVI в. они были богаты лѣсомъ еще болѣе, а рѣка Угра, по всей вѣроятности, была многоводнѣе. Поэтому извѣстіе Герберштейна слѣдуетъ признать въ значительной степени достовѣрнымъ и имѣющимъ цѣну, такъ какъ вообще свѣдѣнія наши о физическихъ перемѣнахъ относительно рѣчныхъ долинъ, съ древнѣйшаго времени до XVIII вѣка, весьма скудны. Болѣе многоводное въ XVI вѣкѣ русло рѣки Угры, конечно, не оставалось безъ вліянія и на ея берега. Наносы на нихъ, образующіеся и въ настоящее время, въ XVI вѣкѣ, вѣроятно, были болѣе значительны. А потому и второй эпитетъ, данный

рѣкѣ Угрѣ авторомъ Записокъ о Московіи, также не лишенъ значенія [23]).

„Москва (Mosqvua) рѣка имѣетъ свой истокъ въ Тверской области", почти въ семидесяти верстахъ выше Можайска, недалеко отъ мѣста, которое называется Олешно (Oleschno); пройдя пространство въ девяносто верстъ, она протекаетъ черезъ городъ Москву, и принявъ въ себя нѣсколько рѣкъ, съ востока впадаетъ въ рѣку Оку. Впрочемъ, только въ шести миляхъ выше Можайска р. Москва становится судоходною; „въ этомъ мѣстѣ складываются на плоты матеріалы для постройки домовъ и для другаго употребленія и привозятся въ Москву. А ниже города доставка товаровъ и всего, ввозимаго иностранцами, производится на судахъ. Плаваніе по рѣкѣ медленно и трудно по причинѣ многочисленныхъ изгибовъ или извилинъ, преимущественно между Москвою и городомъ Коломною, лежащимъ на берегу въ 3,000 шагахъ отъ устьевъ; тамъ, на пространствѣ 270 верстъ частыя и длинныя извилины затрудняютъ и замедляютъ плаваніе".

Рѣка Москва беретъ начало въ восточной части Гжатскаго уѣзда Смоленской губерніи, изъ болотистаго лѣса, между деревнями Подосинками и Старковой. Такъ какъ въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ, ни въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, ни въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи мы не находимъ названія, которое можно было бы сблизить съ названіемъ Олешня, то намъ остается искать это мѣсто къ сѣверу отъ границы уѣздовъ Гжатскаго и Волоколамскаго, то-есть въ уѣздѣ Зубцовскомъ. И дѣйствительно, въ предѣлахъ этого уѣзда, именно въ вотчинѣ князей Холмскихъ, находилась

---

[23]) R. M. C., 70 C (p. n., 108). Б. Ч., 82, 115. *Stuckenberg*, V, 447. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ., *Я. Соловьева*, М., 1855 г., стр. 49, 61, 343—344, 431—432. Сп. насел. мѣст., Калужская губ., обраб. *Н. Штиглицемъ*, С.-Пб., 1863 г., стр. VIII—IX. Смоленская губ., обраб. имъ же, С.-Пб., 1868 г., стр. LVIII. Отсюда взяты нами приведенныя данныя о количествѣ десятинъ подъ лѣсами, далеко несходныя съ тѣми, которыя приведены въ таблицѣ, сост. *М. Цебриковымъ*, въ Матер. для геогр. и стат. Смоленской губ., С.-Пб., 1862 г., стр. 175; ср. стр. 80.

По вычисленіямъ *Н. Вильсона*, „Объясненія къ хозяйственно-статистическому Атласу Европейской Россіи", С.-Пб., 1869 г., стр. 484, въ Смоленской губ. пространство лѣсовъ послѣ генеральнаго межеванія уменьшилось на 29%. По картѣ, приложенной къ соч. *Я. Соловьева* (о ней см. стр. 343), отъ Дорогобужа до истока Угры—около 45 вер., по картѣ, прил. къ Сп. насел. мѣстъ, Смол. губ.,—53 вер., по картѣ Шуб., № 29,—58 верстъ.

упоминаемая въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана III (1504 г.) волость Олешня—по всей вѣроятности, какъ справедливо было замѣчено, нынѣшнее Алешово Зубцовскаго уѣзда, при р. Держѣ, отстоящее на 17 вер. отъ города Зубцова, и къ этому же селенію можетъ быть пріурочено и упоминаемое въ Запискахъ „Олешно".

Длина теченія р. Москвы опредѣляется въ 425 верстъ: отъ истока до Можайска 112, и отсюда до устья 313 верстъ. По книгѣ Большой Чертежъ, отъ Можайска до Москвы, по р. Москвѣ, 90 верстъ.

Какъ видно изъ Герберштейнова описанія, уже въ первой половинѣ XVI в. одна часть р. Москвы, отъ верховьевъ ея до города Москвы, была сплавною, а другая до Коломны, лежащей въ 5 вер. отъ устья р. Москвы, судоходною. Но то же описаніе свидѣтельствуетъ, что сплавъ начинался не отъ с. Васильевскаго (Рузскаго уѣзда), близъ котораго онъ начинается въ настоящее время, а значительно выше, и именно въ 6 миляхъ выше Можайска [24]).

О двухъ притокахъ р. Москвы, орошавшихъ столицу Московскаго государства, рр. Неглинной и Яузѣ Герберштейнъ замѣчаетъ: Неглинная (Neglima), омывающая Кремль, „течетъ изъ какихъ-то болотъ; передъ городомъ", близъ верхней части крѣпости такъ запружена, „что образуетъ озеро и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы, и наконецъ подъ самою крѣпостью... сливается съ р. Москвой". Яуза (Iausa) впадаетъ въ нее подъ самымъ городомъ; „ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія всѣхъ горожанъ... Этими рѣками (то-есть, Москвою и Яузою) нѣсколько укрѣпленъ городъ" [25]). О мно-

---

[24]) R. M. C., 61 A (p. н., 94). Сп. насел. мѣстъ, Смолен. губернія, обраб. *Н. Штиглицъ*, стр. XV. Московская губ., обраб. *Е. Огородниковъ*, стр. VIII. Тверская губ., обраб. *И. Вильсонъ*, С.-Пб., 1862 г., № 4853. Сельско-хоз. статистика Смолен. губ., *Я. Соловьева*, 61.

Ист. Тверск. княж., *В. С. Борзаковскаго*, С.-Пб., 1876 г., стр. 29—30, 57. Собр. гос. гр. и дог., I, № 144 (1504 г.), стр. 397—398. Б. Ч., 7, 78, 119. *Stuckenberg*, V, 451. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., III, 317. Стат. Врем. Росс. имп., в. 2, подъ ред. *В. Звѣринскаго*, С.-Пб., 1872 г., стр. 30. „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи", т. I, М., 1877 г., стр. 33: протяженіе р. Москвы—420 вер., имѣетъ многочисленные изгибы.

[25]) R. M. C., 63 A, 62 C (p. н., 97); ср. изд. 1557 г., стр. Kij об. „den (Neglima) schleusst man neben dem Schloss, wierd wie ain wasser grabm oder Teicht zusehen"... Въ изд. 1567 г., стр. LXIX.

жествѣ мельницъ на р. Неглинной сохранилось свидѣтельство у Іовія; а о мельницахъ и селеніяхъ на Яузѣ—нерѣдки упоминанія въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей московскихъ XIV—XV столѣтій. Въ описаніи пути отъ Новгорода къ Москвѣ Герберштейнъ упоминаетъ о рѣкѣ Schorna. Это—р. Черная, притокъ р. Сходни, впадающей въ р. Москву, выше гор. Москвы [26]).

„Клязьма (Clesma) беретъ начало въ четырехъ германскихъ миляхъ отъ Москвы и славится множествомъ мельницъ... Она впадаетъ въ р. Оку и судоходна ниже Владиміра, на пространствѣ двѣнадцати миль до города Мурома, стоящаго на Окѣ“.

По книгѣ Большой Чертежъ истокъ Клязьмы находится въ 40 вер. отъ Москвы; по картѣ Московской губерніи (10—верстной въ англ. дюймѣ) въ 45 вер., въ прямомъ направленіи. Судоходное движеніе по Клязьмѣ въ настоящее время происходитъ отъ города Покрова до Владиміра только весною, и то на малыхъ судахъ; „отъ Владиміра до Коврова для малыхъ судовъ во время всей навигаціи, для большихъ—весною; отъ Коврова—во время всей навигаціи, для всѣхъ судовъ“ [27]).

Изъ притоковъ Оки съ правой стороны Записки о Московіи называютъ Упу, извѣстную потому, что на берегахъ ея лежала Тула, и важнѣйшій изъ этихъ притоковъ Мокшу. Упа (Uppa) „сначала течетъ подъ стѣнами крѣпости (Тулы) и, соединившись съ рѣкою

---

[26]) Библ. иностр. писат. о Россіи, I, 67 (р. п., 34). Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 34, 39, 40, 42, 144; стр. 59, 73, 77, 83, 390. Въ общемъ обзорѣ Москов. у., „Сборн. стат. свѣд. по Московск. губ.“, т. I, М., 1877 г., стр. 34: р. Яуза „течетъ въ довольно пологомъ оврагѣ“. По картѣ военно-топогр. Московск. губ., 2 вер. въ дюймѣ, рядъ III, л. 6, р. Яуза беретъ начало въ 6 вер. въ прямомъ направленіи къ юго-востоку отъ селенія Большія Мытищи. R. M. C., 141 B (р. п., 210). Сп. насел. мѣстъ, Московская губ., С.-Пб., 1862 г., № 474; № 260 (Братцево с., при р. Сходнѣ).

[27]) R. M. C., 64 B (р. п., 99): Clesma „multisque ibi molendinis celebris ac commodus est“... Б. Ч., 128.

Геогр.-стат. словарь Росс. имп., II, 638: р. Клязьма беретъ начало въ сѣверо-западной части Московск. у., въ болотахъ близъ с. Овсянникова (тоже и въ Военно-стат. обозр. Московск. губ., какъ замѣчено въ „Сборн. стат. свѣд. по Московск. губ.“, I, М., 1877 г., стр. 34). Но на Военно-топогр. к. Московск. губ., 2 вер. въ дюймѣ, рядъ III, л. 5, р. Клязьма изображена текущею къ сѣверу отъ с. Овсянникова, а по Сп. насел. мѣстъ, Московск. губ., обраб. *Е. Огородниковымъ*, С.-Пб., 1862 г., с. Кочергино (Воскресенское) и с-цо Путятино (№№ 2550 и 2551) лежатъ при р. Клязьмѣ, въ Дмитровск. уѣздѣ. Стат. Врем., вып. 2, стр. 31, 33.

Тулою (Tulla), впадаетъ въ Оку, почти на двадцать германскихъ миль выше Воротынска. Не такъ далеко отъ ея устья стоитъ крѣпость Одоевъ". Р. Тула, нынѣ Тулица, впадаетъ въ р. Упу съ правой стороны, близъ города Тулы. Число миль отъ устья Упы до Воротынска въ значительной степени преувеличено. По нынѣшнимъ сухопутнымъ дорогамъ оно равняется сорока девяти верстамъ.

Кромѣ Тулы, Герберштейнъ упоминаетъ еще объ одномъ притокѣ р. Упы—о р. Шати (Schat), вытекающей изъ Иванова озера (Ivanovu osero). По ошибкѣ, онъ принялъ ее за притокъ Оки и потому, можетъ быть, къ большимъ рѣкамъ причислилъ и Шать, длина теченія которой простирается до пятидесяти верстъ. Но господствующее направленіе ея—западное—имъ указано вѣрно.

Мокша (Moscha) „течетъ съ юга и впадаетъ въ Оку выше Мурома, не далеко отъ Касимова города", въ 30 вер. отъ него по книгѣ Большой Чертежъ, а по картѣ Геогр. общества, въ 40 вер., въ прямомъ направленіи [28]).

Ниже Оки въ Волгу впадаютъ, по Герберштейну, рр. Сура и Свіяга. Извѣстія въ Запискахъ о Сурѣ—этомъ замѣчательномъ въ этнографическомъ отношеніи рубежѣ—сравнительно довольно подробны, и въ этомъ нельзя не видѣть слѣдъ того вліянія, какое оказали на географическія извѣстія Герберштейна ближайшія ко времени его пребыванія въ Москвѣ политическія событія. Незадолго до его втораго пріѣзда сюда былъ основанъ на р. Сурѣ городъ (1523 года), во время похода Русскихъ къ Казани, поводомъ къ которому послужило убіеніе здѣсь русскаго посланника Василья Юрьевича Поджегина—событіе, выходящее изъ ряда обычныхъ явленій въ исторіи борьбы за русское вліяніе на дѣла казанскія, начавшейся со времени Іоанна III. Новый городъ, основанный его достойнымъ преемникомъ, не мало могъ способствовать дальнѣйшему утвержденію этого вліянія: путь къ Казани сталъ съ этого времени и безопаснѣе,

---

[28]) R. M. C., 66 B, 65 A (р. и., 102; 100). „Почтъ-Словарь Росс. госуд.", С.-Пб., 1820 г., стр. 148: отъ Воротынска до Перемышля 18 вер., стр. 506: отъ Перемышля до Лихвина 23 вер. Всего отъ Воротынска до Лихвина 41 вер. Сп. насел. мѣстъ, Калуж. губ., обраб. *Н. Штиглицемъ*, стр. IX: р. Упа впадаетъ въ рѣку Оку, противъ села Жеремина (№ 1438). Оно отстоитъ отъ Лихвина на 8 вер. Слѣдовательно всего отъ Воротынска до устья р. Упы 49 вер. *Stuckenberg*, V, 444. Б. Ч., 50.

и удобопроходимѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность постепеннаго пріобрѣтенія новой, обширной рѣчной области Суры, на которой Русскіе, сколько извѣстно, еще не имѣли ни одного города. Черезъ три года послѣ основанія Васильсурска, Герберштейну, конечно, могли сообщить очень обстоятельныя свѣдѣнія и объ этомъ городѣ, и о рѣкѣ, на берегу которой онъ находился. Можно думать, что служилые люди, находившіеся въ болѣе частыхъ сношеніяхъ съ цесарскимъ посломъ, даже желали передать ему свѣдѣнія о новомъ важномъ событіи на востокѣ, такъ какъ оно давало выгодное понятіе о власти и могуществѣ великаго князя, къ чему такъ ревниво относились люди Московскаго государства.

„Рѣка Сура“ (Sura), говоритъ Герберштейнъ, „раздѣляетъ владѣнія царей московскаго и казанскаго; она течетъ съ юга и, отклонившись на востокъ, впадаетъ въ Волгу, двадцать восемь миль ниже Новгорода. На ихъ сліяніи, на другомъ берегу, князь московскій воздвигнулъ крѣпость и назвалъ по своему имени Васильгородомъ; впослѣдствіи она сдѣлалась источникомъ многихъ золъ“ (multorum malorum seminarium). О господствующемъ западномъ направленіи рѣки Суры въ области ея верхняго теченія авторъ Записокъ умалчиваетъ, но въ книгѣ Большой Чертежъ это направленіе указано. Здѣсь разстояніе ея отъ Нижняго опредѣляется въ 130 вер., то-есть въ 182 вер. (пятисотъ саженныхъ), что довольно близко къ опредѣленію Герберштейна, по которому оно равняется 28 милямъ, то-есть 196 вер., а по поверстному описанію р. Волги— 159 верстамъ.

Р. Свіяга (Vuiega) „течетъ въ Волгу съ юга и отстоитъ отъ Казани на восемь миль“; по книгѣ Большой Чертежъ на 20 вер., по поверстному описанію всего на 16 верстъ [29]).

[29]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, изд. *Н. Фроловымъ*, ст. *Н. Бабста*: „Рѣчная область Волги“, стр. 432: „перейдя Суру, оставляешь славянскій край и вступаешь совершенно на иноплеменную почву“...

Никон., VI, 229 (7031 г.): „Князь же великій Василей... поиде съ братьею своею на втораго мучителя на царя казанскаго и достизаетъ Новагорода Нижнего, августа въ 23 день... А въ ту пору велѣлъ поставити на устьѣ рѣки Суры градъ древянъ и нарече его Василь градъ.“ П. С. Р. Л., VI (Соф. 2), 264; VIII (Воскр.), 270. R. M. C., 65 A, 97 C (р. п.; 100, 148); въ изд. 1557 г., стр. Oiij: Viega. Б. Ч., 139, 143. Судох. Дорожн., ч. I, С.-Пб., 1854 г., стр. 154, 169, 126, 129. По к. Шуб., № XXVI, устье Свіяги отстоитъ отъ Казани на 21 вер. По Почт. словарю, 1820 г., стр. 591, отъ Свіяжска до Казани—32 версты.

Изъ острововъ р. Волги Герберштейнъ называетъ только одинъ и сообщаетъ о немъ извѣстія весьма любопытныя и цѣнныя потому, что отъ времени княженія Василія Ивановича никакихъ другихъ свидѣтельствъ объ этомъ островѣ до насъ не дошло. Всѣ эти извѣстія въ Запискахъ о Московіи находятся въ подробномъ описаніи замѣчательнаго похода Русскихъ на Казань въ 1524 г. Ханъ казанскій, Саипъ Гирей, услыхавъ о значительныхъ приготовленіяхъ со стороны Русскихъ къ этому походу, призвалъ къ себѣ сына своего брата, царя таврическаго, для того, чтобы онъ въ его отсутствіе управлялъ царствомъ. Этотъ племянникъ Саипъ Гирея былъ съ почетомъ принятъ главными сановниками царства у Гостинова озера (Gostinovuosera), то-есть у острова, который называется островомъ купцовъ и находится между протоками Волги, недалеко отъ Казанской крѣпости. Послѣ того, 7-го іюля, на этомъ же островѣ расположилось лагеремъ русское войско и, въ ожиданіи конницы, оставалось здѣсь двадцать дней. 28-го іюля оно выступило изъ лагеря и переправилось на ту сторону Волги, на которой стоитъ крѣпость. Всѣ эти данныя заслуживаютъ полнаго вѣроятія, такъ какъ разсказъ о походѣ 1524 года былъ сообщенъ Герберштейну участниками этого похода, и эти же данныя въ связи съ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о томъ, что русское войско, участвовавшее въ этомъ походѣ, стояло лагеремъ выше Казани, опредѣляютъ положеніе острова купцовъ: онъ находился на лѣвомъ берегу Волги, выше Казани, въ недальнемъ отъ нея разстояніи. По всей вѣроятности, къ этому же острову относится приведенное авторомъ Записокъ, вслѣдъ за его разсказомъ о походѣ 1524 г., важное извѣстіе о томъ, что великій князь Василій перенесъ въ Нижній Новгородъ ярмарку, „которая обыкновенно бывала около Казани на островѣ купцовъ", и какъ видно изъ тѣхъ послѣдствій, какія имѣло это распоряженіе, островъ этотъ былъ мѣстомъ ярмарки весьма значительной.

Герберштейнъ называлъ его insula mercatorum. По всей вѣроятности, такъ перевелъ онъ русское названіе Гостиный островъ, которое въ русскихъ памятникахъ за время княженія Василія Ивановича не встрѣчается. Но, по счастію, мы находимъ это названіе въ извѣстіяхъ о взятіи Казани въ 1552 г., и отсюда же узнаемъ, что этотъ островъ находился близъ устья р. Казанки. Поэтому есть основаніе полагать, что это—тотъ же самый островъ, который названъ

въ Запискахъ о Московіи insula mercatorum. Тамъ, гдѣ находился этотъ островъ, между селами Верхній Услонъ и Нижній Услонъ, р. Волга описываетъ простирающуюся до пятнадцати верстъ дугу. По современнымъ наблюденіямъ, русло волжское въ этомъ изгибѣ не остается неподвижнымъ и неизмѣннымъ: воды ея, сильно напирая на лѣвый берегъ, ежегодно размываютъ крайніе, южные предѣлы его и потому береговая линія его незамѣтно отодвигается все далѣе и далѣе на сѣверъ, между тѣмъ какъ правый берегъ мелѣетъ. Также подвержено измѣненіямъ и устье р. Казанки, лежащее между поименованными селами; оно отступаетъ на востокъ, и еще въ недавнее время при ея старомъ устьѣ былъ затонъ, отъ котораго въ настоящее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Всѣ эти наблюденія надъ перемѣнами волжскаго русла въ мѣстѣ его наибольшаго изгиба дозволяютъ предположить, что здѣсь на лѣвомъ берегу Волги могли быть острова, которые давно исчезли. Къ такимъ исчезнувшимъ волжскимъ островамъ принадлежалъ и знаменитый своею ярмаркою островъ Гостиный [30]).

Кромѣ Волги, въ Запискахъ о Московіи упоминается еще одна рѣка, впадающая въ Каспійское море—это Яикъ (Jaick), вытекающій изъ области Сибирской [31]).

Сравнивая всѣ нами извлеченныя изъ Записокъ о Московіи из-

---

[30]) R. M. C., 96 B–C, 98 A, 99 A (р. п., 145—150); въ подл., 96 B: Gostinovuosero, „id est insulam quae mercatorum dicitur intra Vuolgae meatus"... (ср. въ изд. 1557 г., стр. Oij; въ изд. 1567 г., CVI); въ русск. пер., 146: „у Гостинова озера, то-есть, у острова, который называется островомъ купцовъ, находящагося на Волгѣ"....

Никон. лѣт., VI, 230: „великаго князя воеводы судовые, пришедъ х Казани и сташа на берегу Волги, выше Казани, на Казанской сторонѣ. А про конныхъ воеводъ вѣдавше Казанцы, что идутъ къ Казани, и собравшися князи, и мурзы, и вся земля Казанская и встрѣтиша великаго князя воеводъ за 20 верстъ отъ Казани отъ города на Свіягѣ, и бысть имъ бой". Ср. П. С. Р. Л., VI (Соф. 2), 264 (7032, 1542 г.); VIII (Воскр.), 270.

Въ поверстномъ описаніи р. Волги, Судох. Дорожн., I, стр. 126 и слѣд., нѣтъ указаній на какой-либо островъ, къ которому можно было бы пріурочить вышеприведенныя Герберштейновы свидѣтельства. Судох. Дорожникъ, I, 121 и слѣд. Царственная книга, С.-Пб., 1769 г., стр. 173. *Карамзинъ*, VIII, 116. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Казанская губ., сост. *М. Лаптевъ*, С.-Пб., 1861 г., стр. 53—54. Авторъ полагаетъ, что въ исторіи взятія Казани упоминаются два острова: „Гостиный, влѣво отъ Услонской горы, и Купеческій, гдѣ бывала ярмарка".

[31]) R. M. C., 86 A, 99 B (р. п., 130, 150—151).

вѣстія по гидрографіи Каспійскаго бассейна съ вышеприведенными по гидрографіи другихъ бассейновъ, легко убѣдиться въ значительномъ превосходствѣ первыхъ; оно выражается не въ общемъ итогѣ находящихся у Герберштейна рѣчныхъ названій Каспійскаго бассейна,—ихъ всего 31, — а въ томъ, что относящіяся сюда извѣстія обстоятельнѣе и полнѣе, чѣмъ тѣ, которыя сообщены имъ по гидрографіи трехъ остальныхъ бассейновъ. Эти послѣднія извѣстія для автора Записокъ о Московіи не могли имѣть столь существеннаго значенія, какъ описаніе р. Волги и ея притоковъ, такъ какъ область, лежащая по среднему теченію ея, была наиболѣе населенною частію Московскаго государства, имѣла наиболѣе важное значеніе промышленное и торговое, и по числу городовъ, также превосходила области другихъ бассейновъ. Объ удивительной водной сѣти ея, о тѣсной связи ея рѣчныхъ системъ, о водныхъ путяхъ, соединявшихъ четыре моря великой восточной равнины, обо всемъ этомъ въ первой половинѣ XVI в. можно было составить себѣ понятіе, благодаря описанію Герберштейна. Оно обогатило западноевропейскую географическую литературу многими новыми и важными гидрографическими данными, и ея ростъ въ этомъ отношеніи отчасти опредѣляется тѣми общими заключеніями, которыя могутъ быть сдѣланы относительно номенклатуры рѣкъ. Число всѣхъ рѣчныхъ названій, которыя встрѣчаются въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи, появившихся въ печати до 1549 г., простирается всего до тридцати одного; а въ Запискахъ о Московіи число это восходитъ до ста тридцати двухъ. Этотъ итогъ не лишенъ значенія и для исторіи русскихъ географическихъ свѣдѣній, такъ какъ онъ можетъ служить къ опредѣленію той суммы этихъ свѣдѣній, которыя обращались въ средѣ Русскихъ людей и могли быть собраны въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка. Наиболѣе полный современный этой эпохѣ сводъ этихъ свѣдѣній представляютъ Записки о Московіи, и изъ этихъ свѣдѣній болѣе важное значеніе для русской исторической географіи имѣютъ тѣ, которыя касаются водныхъ путей сообщеній.

XIX.

Источники, которыми могъ пользоваться Герберштейнъ для собранія свѣдѣній о климатѣ и почвѣ. — Наблюденія и замѣчанія греческихъ писателей и Альберта Великаго (XIII вѣка).—Общія замѣчанія объ иностранныхъ извѣстіяхъ XV—XVI вѣковъ. Традескантъ старшій.—Лѣсная полоса Восточной Европы.—Извѣстія: а) Барбаро и Контарини—о дорогахъ зимой и лѣтомъ, объ изобиліи хлѣба, о плодовыхъ растеніяхъ и лѣсахъ Московіи, Литвы и Польши; б) Матвѣя Мѣховскаго — сравненіе климата Московіи и Литвы; о свѣтлыхъ ночахъ въ Новгородѣ; в) Альберта Кампенскаго—о Герцинскомъ лѣсѣ и въ немъ растущихъ, цѣнныхъ по своимъ качествамъ, дубахъ, вывозимыхъ за границу; г) Іовія—о географической широтѣ мѣстъ, занимаемыхъ Новгородомъ и Москвою, о плодовыхъ и хлѣбныхъ растеніяхъ, зимнихъ и лѣтнихъ дорогахъ и Герцинскомъ лѣсѣ, о вывозѣ изъ Московіи льна и конопли; о климатѣ и растеніяхъ Двинской области.

Для собранія свѣдѣній о рѣкахъ и озерахъ Восточной Европы автору Записокъ о Московіи могли служить источниками не одни только изустныя сообщенія, но и письменные русскіе памятники, которыми, какъ мы видѣли, онъ и пользовался. Для собранія свѣдѣній о климатѣ и почвѣ Московіи приходилось ограничиваться личными наблюденіями и изустными сообщеніями: лѣтописи заключали въ себѣ свѣдѣнія весьма недостаточныя, преимущественно о такихъ физическихъ явленіяхъ, которыя выходили изъ ряда обыкновенныхъ; въ описаніи пути къ рѣкѣ Оби находимъ извѣстія о горахъ, рѣкахъ, становищахъ, о звѣряхъ, о бытѣ племенъ, но относительно климата тѣхъ странъ, черезъ которыя лежалъ этотъ путь, составители дорожника совершенно умалчиваютъ, какъ будто климатъ на крайнемъ сѣверѣ ничѣмъ не отличался отъ климата Московской области.

Не смотря однако на недостатокъ свѣдѣній по климатологіи въ письменныхъ памятникахъ и ограниченность времени для собранія свѣдѣній этого рода по личнымъ наблюденіямъ, все же одни только изустныя сообщенія, хотя бы относительно тѣхъ областей, черезъ которыя Герберштейну приходилось переѣзжать, могли заключать въ себѣ драгоцѣнныя данныя для географической науки, могли бы по-

служить матеріалами для раскрытія такого важнаго вопроса, какъ вопросъ объ измѣненіи климата Россіи. Конечно, и тогда уже, въ XV и XVI вѣкахъ, въ народѣ обращались тѣ практическія свѣдѣнія, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ сельскому хозяйству, свѣдѣнія о продолжительности временъ года, о времени вскрытія и замерзанія рѣкъ и созрѣванія зерновыхъ хлѣбовъ, о хлѣбной производительности, о древесныхъ породахъ, несвоевременныхъ холодахъ весною и осенью и пр.—все то, что̀ составляетъ такъ-называемый народный сельскій календарь, въ чемъ также искони сказывалась наблюдательность русскаго народа, его умѣнье пользоваться опытомъ предшествующихъ поколѣній [1]). Но въ XVI вѣкѣ никто изъ иностранныхъ путешественниковъ и ученыхъ географовъ еще не угадывалъ важнаго значенія этихъ данныхъ, и на нихъ обращали вниманіе въ весьма малой степени. Въ этомъ отношеніи ученики не пошли далѣе своихъ учителей. Правда, наблюденія и замѣчанія греческихъ писателей о климатѣ въ исторіи землевѣдѣнія имѣютъ значеніе первыхъ попытокъ подвергнуть климатическія явленія болѣе тщательнымъ и правильнымъ наблюденіямъ, обобщить эти явленія, найти нѣкоторую связь между ними, указать на ихъ правильность и повторяемость. Такъ греческіе мыслители указали на зависимость

---

[1]) Такъ авторъ извѣстнаго сочиненія „О климатѣ Россіи“, *К. С. Весселовскій*, С.-Пб., 1857 г., пользуясь замѣтками о времени вскрытія р. Западной Двины, сохранившимися отъ XVI в., подтверждаетъ свой выводъ о неизмѣняемости климата Россіи (см. стр. 401; прилож. III, стр. 259; 393: „Кажется, весьма позволительно сдѣлать заключеніе, что нѣтъ повода думать, чтобы климатъ нашъ, въ историческія времена, сколько-нибудь замѣтно измѣнился въ термическомъ отношеніи“).

У сибирскихъ простолюдиновъ, замѣчаетъ Лепехинъ, свой сельскій календарь; по насѣкомымъ они опредѣляютъ урожай хлѣба. „Дневныя Записки путешествія *Ивана Лепехина* по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1771 году“, С-Пб., 1780 г., III, 62. „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, *А. Миддендорфа*, ч. I, С.-Пб., 1860 г., стр. 444: вѣрность сроковъ вскрытія и замерзанія рѣкъ, которые были примѣчаемы народомъ, „подтверждалась болѣе чѣмъ столѣтними наблюденіями“.

Какъ ни скудны находящіяся въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ Московской Руси климатологическія данныя, все же онѣ, кажется, заслуживали бы собранія въ одно цѣлое. Такъ напримѣръ, см. въ лѣт. Никон., VI, стр. 59, 105 о времени вскрытія и замерзанія р. Москвы въ 1474 и 1478 гг. П. С. Р. Л., V (Псков. 2), стр. 38, 1477 г., дек. 26-го, „бысть тутенъ громъ и молніи блистаніе нощію“ (ср. въ соч. *Весселовскаго*, прилож. III, стр. 252; гл. IV, стр. 371). Ниже мы приведемъ еще нѣкоторыя данныя, извлеченныя изъ лѣтописей.

воздушныхъ теченій отъ солнца и правильное, постоянно повторяющееся направленіе ихъ, на свойства теплаго и холоднаго воздуха, вліяніе моря на климатъ и горъ на атмосферическіе осадки [2]). Но всѣ эти наблюденія и обобщенія, эти чаянія великихъ законовъ природы, свидѣтельствующія о творчествѣ греческаго генія, не имѣли достаточно твердой фактической основы, не были выдѣлены изъ множества другихъ неточныхъ и ложныхъ данныхъ и обобщеній, не составляли чего нибудь цѣлаго и потому не получили никакого замѣтнаго вліянія даже въ ту эпоху, когда высоко стоялъ авторитетъ классическихъ писателей и ихъ сочиненія были тщательно изучаемы и издаваемы.

Такую же незавидную участь имѣли и тѣ наблюденія и указанія болѣе замѣчательныхъ путешественниковъ и ученыхъ средневѣковыхъ и ближайшей къ нимъ эпохи, которыя могутъ быть, по значенію своему, поставлены на ряду съ вышеприведенными указаніями классическихъ писателей и которыя также суть зародыши научныхъ истинъ, какъ напримѣръ, Альберта Великаго, обратившаго вниманіе на зависимость климата отъ подъема поверхности, отъ направленія горныхъ цѣпей. По его указаніямъ, страна, открытая съ юга и защищенная съ сѣвера, теплѣе, чѣмъ страна, открытая съ сѣвера (не защищенная слѣдовательно ни лѣсами, ни горными кряжами отъ дѣйствія сѣверныхъ, холодныхъ вѣтровъ); страна же, обращенная къ востоку и защищенная съ запада, имѣетъ климатъ болѣе сухой, чѣмъ страна, не имѣющая возвышеній на западѣ [3]). Это замѣчаніе, справедливо получившее высокую цѣну въ исторіи землевѣдѣнія, могло бы получить блистательное примѣненіе къ климатологическимъ даннымъ относительно Восточной Европы, и пытливое желаніе провѣ-

---

[2]) Gesch. d. Erdkunde v. *Oscar Peschel*, München, 1865, стр. 64—66. „Ja selbst eine der jüngsten Entdeckungen der Witterungskunde, nämlich das Drehungsgesetz der Winde, wurde von den Alten schon geahnt“. „Griechische Beobachter waren auch die ersten, welche eine Wetterkalender zu entwerfen suchten“ (64).

[3]) Тамъ же, стр. 205. *Albertus Magnus*, De natura locorum, гл. XIII, по изд. 1513 г., стр. Gz и об. „Si autem montes sunt ad meridiem, et locus versus aquilonem detectus, et sunt multi et alti, locus erit frigidus vehementer“... „Si vero fuerint montes ad occidentem, et locus habitationis ad orientem opertus tunc esset locus detectus vento orientali, et protectus ab occidentali, et quo ad hoc erit calidus et siccus“ etc.

рить высказанное Альбертомъ положеніе могло бы повести къ тщательному собранію ихъ. Но ничего подобнаго мы не находимъ ни у одного изъ путешественниковъ и географовъ XV—XVI вѣковъ, сообщавшихъ свѣдѣнія о ней. Всѣ они въ сужденіяхъ своихъ о ея климатѣ ограничивались передачею своихъ впечатлѣній и потому, естественно, находили его болѣе суровымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Для нихъ—обитателей юга и запада Европы—скиѳскій холодъ былъ такимъ же необыкновеннымъ явленіемъ, какимъ онъ былъ и для классическихъ писателей, которые повторяли о немъ одно и то же съ того самого отдаленнаго времени, когда съ наивнымъ изумленіемъ впервые сообщилъ о немъ свѣдѣнія Геродотъ [4]).

При ближайшемъ, однако, знакомствѣ иностранныхъ писателей этого времени съ бытомъ народовъ Восточной Европы, нельзя было не обратить вниманіе на важный вопросъ о томъ значительномъ вліяніи, какое имѣлъ климатъ на бытъ этихъ народовъ, и въ иностранныхъ извѣстіяхъ XV—XVI вѣка мы находимъ первыя замѣчательныя попытки опредѣлить это вліяніе. Почва и произведенія растительнаго царства Восточной Европы тоже обращали на себя вниманіе иностранныхъ путешественниковъ и географовъ XV и XVI вѣковъ на столько, на сколько это было необходимо для первоначальнаго, ближайшаго ознакомленія съ бытомъ обитавшихъ на Востокѣ народовъ. Вотъ почему почти во всѣхъ указанныхъ извѣстіяхъ встрѣчаются замѣтки о производительности почвы, о хлѣбныхъ растеніяхъ и кормовыхъ травахъ и объ изобиліи лѣса на сѣверѣ, но всѣ эти замѣтки, ограничиваясь общими указаніями, бѣдны и фактическими данными, и названіями отдѣльныхъ видовъ растительнаго царства. Флора восточно-европейская въ это время еще не была предметомъ изученія, и только въ началѣ XVII вѣка Традескантъ старшій является первымъ собирателемъ обстоятельныхъ свѣдѣній о ней [5]).

О климатѣ, почвѣ и произведеніяхъ растительнаго царства лѣсной полосы Восточной Европы, преимущественно той части ея, ко-

---

[4]) О климатѣ Россіи, *К. Веселовскаго*, стр. 391, прим. 1. *Геродотъ*, кн. IV, гл. 29; *Страбонъ*, кн. 7, гл. 3 (по переводу *Θ. Г. Мищенка*, М., 1879 г., стр. 309). *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. H об.

[5]) „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, *Гамеля*, стр. 1, С.-Пб., 1865 г., стр. 120 и сл.

торая входила въ составъ Московскаго государства, имѣемъ отъ конца XV в. краткія извѣстія Барбаро и Контарини. У Барбаро впервые находимъ замѣтки о томъ важномъ вліяніи, какое оказывалъ на жизнь обитателей восточно-европейской равнины морозъ. Для поѣздокъ своихъ, въ особенности продолжительныхъ, Москвитяне, говоритъ Барбаро, „избираютъ преимущественно зимнее время, когда дорога отъ морозовъ сдѣлается ровною и не представляетъ въ пути никакихъ неудобствъ, кромѣ самой только стужи“. Въ это время Москвитяне перевозятъ на саняхъ съ необыкновенною легкостью то, что хотятъ; сани служатъ у нихъ вмѣсто повозокъ и называются возами (vasi). Лѣтомъ же никто не отваживается въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ многими и значительными лѣсами, большая часть которыхъ необитаема.

Упомянувъ объ изобиліи хлѣба въ Москвѣ, Барбаро замѣчаетъ: „за то плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшаго количества яблоковъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ“. По его же свидѣтельству, обиліемъ хлѣба и другихъ продуктовъ отличалась земля Рязанская, которую онъ называетъ лѣснстою [6]).

Съ приведенными извѣстіями Барбаро во многомъ сходны извѣстія Контарини. Москва, пишетъ онъ, „окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россіи, и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ. Жизненные припасы въ ней такъ дешевы, что, во время моего пребыванія, болѣе десяти нашихъ старъ (что равно нашимъ тридцати четверикамъ) стоили червонецъ, и въ этой пропорціи продавался и прочій хлѣбъ“. Москвитяне нигдѣ „не дѣлаютъ у себя виноградпаго вина, и вообще у нихъ нѣтъ никакихъ плодовъ, кромѣ огурцовъ, орѣховъ и дикихъ яблокъ“. Страна Москвитянъ весьма холодна, такъ что они девять мѣсяцевъ проводятъ

---

[6]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., стр. 95—96 (р. п., 58—59). Въ подл., изд. въ 1836 г., стр. 96: portan' all hora sopra li sani (i quali satisfanno a loro come a noi li carri et dal canto di qua si chiamano *trauoli* over vasi) quello che vogliano“; тоже у *Рамузіо*, 1574 г., vol. 2, стр. 97 об. Works issued by the Hakluyt Society, Travels to Tana and Persia by Iosafa Barbaro and Ambrogio Contarini, London, 1873, стр. 32: „*tranoli*“.

Въ подл., стр. 96: „dalli boschi molti et grandi“ (у *Рамузіо*, 97 об.); р. п., 59: „окрестными лѣсами“. У него же замѣтки о томъ, что путь отъ Москвы до границъ Польши тянется черезъ лѣса и горы и имѣетъ видъ совершенной пустыни; — страна на западъ отъ Слонима до Варшавы плодородна, 98 (р. п., 62—63).

въ комнатахъ (nelle stufe). Впрочемъ этимъ временемъ года Москвитяне пользуются для заготовленія запасовъ своихъ на лѣто, ибо въ сильные морозы на русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весьма легко перевозить всякія тяжести (il tutto), тогда какъ лѣтомъ, по причинѣ тающаго льда и большихъ лѣсовъ, дорога не можетъ быть хорошею, и по ней можно ѣздить съ большимъ трудомъ. Въ концѣ октября рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается льдомъ. По извѣстіямъ Контарини, сплошные лѣса тянулись по дорогѣ отъ Москвы до Трокъ, отъ границъ Польши до Луцка, и отъ Житоміра до Бѣлгородки [7]).

Въ извѣстіяхъ Мѣховскаго впервые встрѣчаемъ сравненіе Московіи и Литвы въ климатическомъ отношеніи. Обѣ эти страны, сообщаетъ онъ, обильны лѣсами, но Московія имѣетъ климатъ болѣе холодный и лежитъ далѣе къ сѣверу, вслѣдствіе чего скотъ ея малъ ростомъ и не имѣетъ роговъ, люди напротивъ отличаются высокимъ ростомъ и имѣютъ крѣпкое тѣлосложеніе. И въ Литвѣ, однако, климатъ на столько суровъ, что въ ней не могутъ произрастать нѣжные плоды. Вильно лежитъ подъ 57° с. ш., а Новгородъ—подъ 66°, и здѣсь послѣ заката солнца, во время лѣтняго солнцестоянія, бываетъ такъ свѣтло, что ремесленники, портные, сапожники и другіе мастеровые (mechanici) могутъ шить и работать (въ продолженіе всей ночи) [8]).

---

[7]) *Контарини*, по изд. 1836 г., стр. 178—179, 182—183, 135 (р. п., 109—110, 117—119, 20).

Въ подл. 178: „e paese frigidissimo, in modo che dell' anno stanno nove mesi continovi nelle stufe“ (у *Рамузіо*, vol. 2, 1574 г., стр. 123); р. п., 109: „страна ихъ весьма холодна, такъ что жители въ продолженіе девяти мѣсяцевъ должны топить въ домахъ своихъ печи“; англ. переводъ, въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 161: „The climate is so excessively cold, that the people stay nine months of the year in doors“.

[8]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. H об., Giij, л. 2: „Amplius in ducatu Lithuaniae panis rusticorum nigerrimus est, non cribratus, ex siligine aut ordeo vna cum furfuribus, dominorum vero et potentum panis delectabilis de pura similagine tritici albissimus pinsitur et habetur“. „Cereuisias coquunt diuersi mode et ex uarijs granis, puta frumento, siligine, ordeo, auena, milio, etc. et non sunt sapidae: vulgus autem ut semper aquam bibit, oliuae et fructus dulces ac delicati illic non crescunt, algida etenim et frigida est prouincia“.... „saltus deserta et syluae sunt magnae, decem aliquando quindecim miliariorum nonnunquam et vigintiquinque miliariorum ad latera desertorum et syluarum ville et habitatores inueniuntur“....

О народахъ на сѣверѣ Московіи Мѣховскій замѣчаетъ, стр. Hiij: „morantur in densis syluis“, стр. Fij об., Gij об.

Не повторяя свидѣтельствъ Мѣховскаго относительно климата, Альбертъ Кампенскій сообщаетъ нѣсколько новыхъ замѣтокъ о произведеніяхъ растительнаго царства Московіи.

„Герцинскій лѣсъ, разсѣянный частыми и густыми рощами на всемъ пространствѣ Московіи“, пишетъ онъ, „снабжаетъ жителей всякаго рода деревьями, нужными для ихъ употребленія. Вообще у нихъ гораздо болѣе лѣсу, нежели у насъ. Много сосенъ, величины невѣроятной и изъ нихъ одного дерева достаточно на мачту нашего самого большаго торговаго судна, а дубы обыкновенные и каменные гораздо лучше, чѣмъ наши и болѣе годны для обработки. Эти два дерева, будучи распилены и выструганы, представляютъ прелестную смѣсь цвѣтовъ, на подобіе камлота. Купцы наши вывозятъ ихъ въ большомъ количествѣ въ числѣ прочихъ товаровъ (изъ Московіи) и продаютъ по дорогой цѣнѣ, хотя у насъ самихъ большое изобиліе въ деревѣ“ [9]).

Чтобы дать болѣе обстоятельное понятіе о климатѣ Московіи, Іовій, точно такъ какъ и Мѣховскій, приводитъ данныя относительно астрономическаго положенія нѣкоторыхъ мѣстностей, хотя при этомъ впадаетъ въ очень наивныя и невѣрныя заключенія.

„Въ Новгородѣ“, пишетъ онъ, „господствуетъ какъ будто вѣчная зима и мракъ въ продолженіе очень длинныхъ ночей, потому что арктическій полюсъ возвышается тамъ надъ горизонтомъ на шестьдесятъ четыре градуса; Москва же, находясь шестью градусами ближе къ экватору, во время солнцестоянія, по причинѣ короткихъ

---

[9]) *Альбертъ Кампенскій*, по изд. 1836 г., стр. 68 (р. п., 30): „a una delle grandissime nostre navi da carico“—„самого большаго корабля“; „produce querce et roveri“ — „дубы и клепъ“. Rovero—„arbore simigliante alla quercia“, Dizionario delle' abate *d'Alberti di Villanuova*, Milano, 1825. „Ботаническій словарь“, сост. *Н. Анненковъ*, С.-Пб., 1878 г., стр. 288: Quercus ilex, вѣчнозеленый дубъ, каменный дубъ, Steineiche.

„Лѣсъ“, *А. Россмеслера*, переводъ подъ ред. *Ѳ. К. Арнольда* и *Н. Е. Попова*, С.-Пб., 1866 г., стр. 425: Steineiche, Quercus robur; 427: „У насъ въ Россіи зимній дубъ мало распространенъ отдѣльными деревьями, изрѣдка хотя и упоминается о нахожденіи его и въ Пензенской, и въ Саратовской и нѣкоторыхъ изъ среднихъ губерній, но мы считаемъ его тамъ не лѣснымъ деревомъ, а въ лѣсахъ зимній дубъ встрѣчается у насъ только въ западной части имперіи“. Онъ ростетъ также въ Астраханской губерніи, въ Крыму и на Кавказѣ (прим. переводчика). Ср. у *Альберта*, стр. 66 (р. п., 27); въ изд. 1543 г., стр. 8: „abundat (Hircinia silua) pineis proceritate incredibili, quarum una sufficit pro malo in maximis nauibus nostris onerariis producit et quercina illic robora“ etc.

ночей, подвержена чрезвычайному зною. Въ Московіи нѣтъ ни винограда, ни маслинъ, ни даже вкусныхъ яблокъ, потому что всѣ нѣжныя растенія, кромѣ дынь и вишень, истребляются холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Не смотря на сіе, поля покрыты пшеницею (tritici, siliginis), просомъ и другими хлѣбными произрастеніями, а также всякаго рода зеленью".

Московія изобилуетъ лугами, хотя лѣтомъ во многихъ мѣстахъ болотиста. Это происходитъ оттого, что вся она орошается большими и многими рѣками, которыя отъ тающихъ зимнихъ снѣговъ и льда выступаютъ изъ береговъ (contumescunt), въ извѣстныхъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота и покрываютъ всѣ дороги стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до тѣхъ поръ, пока рѣки сіи и болота, при наступленіи новой зимы, не покроются опять льдомъ и (тогда) на очень крѣпкомъ льду пролагаются пути, по которымъ ѣздятъ и на телѣгахъ. Такъ путь отъ Вильны черезъ Смоленскъ до Москвы былъ удобенъ только въ зимнее время, когда крѣпкій снѣгъ превращался отъ морозовъ и частой ѣзды въ твердый ледъ, и по этому пути въ это время ѣздили „съ неимовѣрною скоростію"; за то въ лѣтнее время, говоритъ далѣе Іовій, ѣхать по этому пути не легко, потому что тающій отъ солнца снѣгъ образуетъ болота и грязныя топи (voragines), которыя и для людей, и лошадей были бы непроходимы, если бы съ величайшимъ трудомъ (infinito prope labore) не были настилаемы деревянныя гати (ligneis pontibus).

И Іовій, какъ и Альбертъ Кампенскій, называя лѣсъ Московіи Герцинскимъ, замѣчаетъ, что онъ сталъ рѣже, благодаря продолжительному труду людей, и болѣе не представляетъ страшныхъ, непроходимыхъ дебрей, какими (его) многіе представляютъ себѣ.

Болѣе замѣчательны, чѣмъ приведенныя нами, извѣстія Іовія объ отпускѣ Москвитянами въ Европу прекраснаго льна и конопли для канатовъ и о Двинской землѣ. Эта страна, говоритъ онъ, изобилуетъ произрастеніями, такъ какъ р. Сѣверная Двина ежегодно утучняетъ прилежащія къ ней поля плодоносным иломъ, тѣмъ самымъ умѣряетъ суровость климата (algentis coeli injuriis) и удивительнымъ образомъ противоборствуетъ вліянію сѣверныхъ вѣтровъ. Хлѣбъ, посѣянный на этихъ поляхъ, „родится безъ воздѣлыванія и почти въ одно и то же время всходитъ, выростаетъ и колосится съ

удивительною скоростію, какъ бы опасаясь новаго разлитія" [10]) (novam superbi amnis injuriam timentis).

XX.

Климатъ Московіи, по извѣстіямъ Герберштейна.—Области Новгородская и Бѣлозерская.—Должайшій день въ Новгородѣ, Бѣлоозерѣ, на островѣ Соловецкомъ и въ области дикихъ Лопарей.—Значеніе Герберштейновыхъ извѣстій о почвѣ Московіи и ея производительности.—Области: Устюжская, Двинская, Вологодская, Новгородская, Вятская, Пермская, Ростовская, Ярославская, Владимірская, Переяславльская, Суздальская, Нижегородская и Московская.—Предположеніе С. М. Соловьева о томъ, что область Московская имѣла болѣе раннее и густое населеніе, чѣмъ область Владимірская.—Замѣчаніе Олеарія о садовыхъ произрастеніяхъ въ Москвѣ.—Рязанская земля.—Поля, орошаемыя рѣкою Окою.—Сѣверская земля.—Климатъ и почва Литвы и Самогитіи.

Герберштейновы замѣтки о климатѣ Восточной Европы не отличаются какими либо существенными преимуществами и достоинствами сравнительно съ замѣтками предшествующихъ иностранныхъ писателей и сами по себѣ не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для какихъ-либо непосредственныхъ выводовъ о климатическихъ особенностяхъ Восточной Европы. Климатъ ея, по свидѣтельству автора Записокъ, до того суровъ, что въ Московской области, вслѣдствіе перевѣса зимняго холода надъ солнечной теплотой, посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости. Ибо случаются тамъ такіе сильные холода, что отъ чрезвычайнаго мороза „растрескивается земля, подобно тому, какъ у насъ въ лѣтнее время это бываетъ отъ чрезвычайнаго жара: тогда даже вода, вылитая на воздухъ, или слюна, выплюнутая изо рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на земь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что весьма многихъ курьеровъ (которые у нихъ называются гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые [мужики] изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ

[10]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 69, 70, 62, 64—66, 71 (р. п., 36—39, 22—23, 30, 40). На стр. 62: „Hercynia sylva... non eam, sicuti plerique existimant, horridam densissimorum nemorum impenetrabiliumque saltuum faciem ostendit“; р. п., стр. 23: „Герцинскіе лѣса.... не представляютъ болѣе тѣхъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде“.

Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома: когда (устрашенные) ихъ видомъ и силою крестьяне (rustica turba) убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи. Такому холоду иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ напримѣръ въ 1525 г., когда отъ чрезмѣрнаго солнечнаго жара почти всѣ посѣвы были выжжены, и за этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за стоившее прежде три деньги платили потомъ 20 или 30. Отъ чрезвычайнаго жара загорались многія деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестность, что у проходящихъ мимо людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма появлялся туманъ (caligo), отъ котораго многіе ослѣпли" [1]).

И въ нашей лѣтописи, подъ 1525 г., говорится: „бысть засуха велика отъ Троицына дни до Успенія святыя Богородицы, и мгла бысть велика, четыре недѣли, и солнца, и луны не видѣша" [2]).

Съ климатомъ Московской области, которую авторъ Записокъ называетъ здоровою, онъ сравниваетъ климатъ областей Новгородской и Бѣлоозерской. „Во время лѣтняго солнцестоянія въ Новгородѣ должайшій день бываетъ восемнадцать часовъ и болѣе". Страна (regio) Новгородская „гораздо холоднѣе, чѣмъ самая Московія".

Относительно Бѣлоозерской области авторъ Записокъ сообщаетъ слѣдующее свидѣтельство, переданное ему однимъ знатнымъ человѣкомъ (haud parui nominis vir): „въ началѣ весны, когда деревья уже зеленѣли, онъ скакалъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро" и, переправившись черезъ Волгу, совершалъ остальной путь въ саняхъ, „потому что все тамъ было покрыто снѣгомъ и льдомъ. И хотя зима

---

[1]) R. M. C. 61 B—C (р. п., 94—95); въ изд. 1567 г., стр. LXVII—LXVIII; въ изд. 1557 г., стр. Kij. Въ изд. 1556 г., стр. 79 C (121): „Въ годъ нашей поѣздки въ Московію была тамъ такая дороговизна хлѣба, что одна мѣра, употребляющаяся (у Москвитянъ) продавалась по четырнадцати денегъ, тогда какъ въ другое время она обыкновенно продается по четыре, пяти или шести денегъ".

[2]) Никон. лѣт., VI, стр. 231. П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 271 (7033 г.).

тамъ бываетъ дольше, однако плоды поспѣваютъ и собираются въ то же время, какъ въ Москвѣ". Во время лѣтняго солнцестоянія должайшій день въ Бѣлоозерской области равняется девятнадцати часамъ [3]).

О почвѣ Московіи и ея производительности Герберштейнъ даетъ въ своихъ Запискахъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, и онѣ замѣчательны потому, что представляютъ первую попытку дать понятіе о производительности тѣхъ главныхъ частей Московскаго государства XVI в., которыя нѣкогда составляли отдѣльныя земли.

Въ области Устюжской (provincia Ustyug), пишетъ онъ, хлѣба „очень мало или почти и совсѣмъ нѣтъ"; а въ Двинской (Dvuina provincia) „много деревень, которыя, по причинѣ не плодородія земли, разъединены большими разстояніями", и жители обѣихъ областей питаются рыбой и дичиной [4]).

Мѣстность, окружающая Устюгъ, имѣетъ почву по р. Сухонѣ — глинистую, а по р. Двинѣ — песчаную. Замѣчаніе Герберштейна о Двинской землѣ и вышеприведенное свидѣтельство Іовія, восхваляющаго ея плодородіе, представляютъ два совершенно противорѣчивыхъ отзыва о ней, и ни который изъ нихъ не заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія. Почва области, орошаемой Сѣверною Двиною, песчано-глинистая и иловатая по берегамъ ея, отъ $63^0—64\frac{1}{2}^0$ сѣверной широты, отличается, если принять во вниманіе средній урожай

[3]) R. M. C., 63 C, 75 B, 77 C (р. п., 98, 115, 118—119); въ изд. 1557 г., стр. Liij, л. 2 об., Герберштейнъ сообщаетъ также нѣсколько свѣдѣній о продолжительности дня на крайнемъ сѣверѣ, во время лѣтняго солнцестоянія на островѣ Соловецкомъ и въ области дикихъ Лопарей, 77 A, 119 B (р. п., 117, 178); климатъ Литвы называетъ суровымъ, 109 A (165).

[4]) R. M. C., 80 A—B (р. п., 122); въ изд. 1557 г., стр. Mij об., Vstyug „des prodts gebraucht man sich da auch nit, Visch und Wildprädt"; стр. Miij. *Іовій*, 65—66 (р. п., 29—30). *Майербергъ*, 69 (р. п., 132): Двинская область, по случаю безплодной почвы, въ старину „считала у себя немного жителей, а нынѣ, благодаря удобству знаменитой ея пристани у Михаила архангела, она изобильна и жителями, и товарами".

Земли Устюжская и Двинская и въ оффиціальныхъ актахъ XV—XVI в. упоминаются какъ отдѣльныя части Московскаго государства. Собр. госуд. грам. и дог., I, стр. 202 и слѣд., № 86, № 87, 1462 г., двѣ духовныя грамоты в. князя Василія Васильевича: „Устюгъ съ волостми, и съ путми, и съ селы и со всѣми пошлинами"; стр. 389 и слѣд., № 144, 1504 г., духовная грамота в. князя Іоанна Васильевича: Устюгъ съ волостями и селами; Двинская и „Заволотцкая" земля, стр. 392—393. А. А. Э., I, стр. 132, № 163, 1517 г., апр. 9: Устюжской уѣздъ, Вондокурская волость.

озимаго и яроваго хлѣба въ южныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи, лучшими свойствами, чѣмъ почва во многихъ другихъ губерніяхъ средней Россіи, гдѣ средній урожай озимаго отъ самъ-двухъ съ половиною до самъ-трехъ съ половиною, а яроваго — до самъ-двухъ съ половиною; а въ области р. Сѣверной Двины, отъ 62° сѣв. широты до устья этой рѣки, средній урожай озимаго и яроваго простирается отъ самъ-трехъ до самъ-четырехъ. На основаніи этихъ данныхъ мы должны признать въ извѣстной степени справедливыми извѣстія Іовія о плодородіи Двинской области, въ особенности если примемъ во вниманіе климатическія условія, препятствующія созрѣванію нѣкоторыхъ культурныхъ растеній. Но не смотря однако на сравнительно благопріятныя для сельскаго хозяйства свойства почвы этой области, хлѣбная производительность ея могла быть весьма не значительною въ XV—XVI вѣкѣ, не по той причинѣ, на которую указываетъ авторъ Записокъ, а потому, что выгодные промыслы и торговыя сношенія могли служить главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ ея обитателей [5]).

Безплодіемъ, по извѣстіямъ Герберштейна, отличаются также слѣдующія болотистыя области: Вологодская (Vuolochda prouincia), въ которой „путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія, по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ“, Новгородская и Вятская (Vuiathka prouincia regio). Въ Пермской землѣ (Permia prouincia) хлѣбъ составляетъ рѣдкость [6]).

Въ XVI вѣкѣ область Вологодская занимала юго-западную часть нынѣшней Вологодской губерніи. Въ этой части ея, въ уѣздахъ Во-

[5]) „Почвенная карта Европейской Россіи съ объяснительнымъ текстомъ“, изд. департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности Министерства государственныхъ имуществъ, С.-Пб., 1879 г. Болота и тундры преобладаютъ въ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ нынѣшней Архангельской губерніи. „Хозяйственно-статистическій Атласъ Европ. Россіи“, изд. тѣмъ же департаментомъ, С.-Пб., 1869 г., № 4. „Описаніе Росс. имперіи“, *Ив. Пушкарева*, кн. 2, С.-Пб., 1845 г., Арханг. губ., отд. 2, стр. 101: въ Арханг. уѣздѣ „урожай озимаго самъ-семь, яроваго самъ-третей“; 136: въ Шенкурскомъ уѣздѣ урожай почти самъ-четвертъ; ср. стр. 131.

О лугахъ холмогорскихъ см. „Годъ на сѣверѣ“, *С. Максимова*, С.-Пб., 1871 г., стр. 653. О сѣверной границѣ овса ($63^1/_4$° с. ш.) и льна ($63^2/_3$°) см. „Reise nach dem Nordosten des europäischen Russland's“ von *Alexander Gustav Schrenk*, Dorpat, 1848 г., стр. 29, 31, 34.

[6]) R. M. C., 74 A, 79 B, 85 A—B (р. п., 113, 121, 129).

логодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ преобладаетъ почва глинистая; въ Вельскомъ и Тотемскомъ — песчано-глинистая, съ значительными обнаженіями камня. „Вологодская губернія до такой степени обильна болотами, что все волоковое пространство ея, занимающее большую часть губерніи, представляется почти сплошной массою болотъ. Существованіе множества болотистыхъ мѣстъ объясняется твердымъ грунтомъ почвы, съ трудомъ поглощающимъ воду, а также и тѣмъ, что обширные лѣса, коими поросли эти болотистыя пространства, затрудняютъ таяніе снѣговъ и поддерживаютъ сырость въ продолженіе цѣлаго года. Зимой эти болота большею частію замерзаютъ и черезъ нихъ открывается много волоковыхъ путей, удобныхъ къ проѣзду, но въ весеннее время болотистыя мѣстности становятся непроходимыми. Исключеніе составляютъ только безлѣсныя мѣстности Вологодскаго, Грязовецкаго и Кадниковскаго уѣздовъ, гдѣ почва большею частію обсушена и обработана и гдѣ представляются удобные пути сообщенія“ [7]).

Въ составъ упоминаемой Герберштейномъ Новгородской области, по всей вѣроятности, входили Новгородскія пятины, занимавшія въ XVI в. весьма значительное пространство: нынѣшнія губерніи — С.-Петербургскую, за исключеніемъ западной части Гдовскаго уѣзда, Олонецкую, Новгородскую, за исключеніемъ уѣзда Кирилловскаго и нѣкоторыхъ частей Устюженскаго и Бѣлоозерскаго уу., часть Кемскаго и Онегскаго уу. Архангельской губерніи; часть Весьегонскаго, Бѣжецкаго, Вышневолоцкаго и Осташковскаго уу. Тверской губ., часть Холмскаго у. и Порховской уѣздъ Псковской губерніи. Все это значительное пространство Новгородской области XVI в. имѣетъ

---

[7]) Устюжскій уѣздъ, входящій въ составъ нынѣшней Вологодской губерніи, въ XVI в. составлялъ, по извѣстіямъ Герберштейна, отдѣльную область. R. M. C., 79 C (Ustyug prouincia) (р. п., 121).

Собр. гос. гр. и дог., I, стр. 392—393, № 144, 1504 г.—Устюгъ съ волостями и селами и Вологда съ волостями. А. А. Э., II, 223—224, № 119, 1609 г., мая 15; № 120, 1609 г., мая 23. Почвенная карта Россіи, С.-Пб., 1879 г. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., I, 420 (Вельскій у.), 522 (Волог. губ.), 524: „Водораздѣлъ бассейновъ Каспійскаго моря и Сѣвернаго океана отъ Печерскаго волока идетъ преимущественно по границѣ Вологодской губерніи съ Пермскою и Вятскою до вершинъ р. Лузы. Отсюда онъ вступаетъ въ Никольскій у. и простирается далѣе къ западу, преимущественно въ предѣлахъ Вологодск. губ.“, 705 (Грязовецкій у.); II, 410 (Кадниковскій у.). Сп. насел. мѣстъ, Вологодская губ., обраб. *Е. Огородниковъ*, С.-Пб., 1866 г., стр. V, XII.

почву песчано-глинистую, во многихъ мѣстахъ болотистую, вообще мало производительную [8]).

Та же песчано-глинистая почва преобладаетъ и въ области рѣки Вятки; черноземныя полосы здѣсь находятся на лѣвомъ берегу рѣки Чепцы, въ юго-западной части Глазовскаго уѣзда, и на правомъ берегу рѣки Вятки, въ уѣздахъ Уржумскомъ и Малмыжскомъ.

Что касается до земли Пермской, то вышеприведенное замѣчаніе объясняется тѣмъ, что только со второй половины XVI вѣка, со времени извѣстныхъ пожалованій Строгановымъ, начинается замѣтное колонизаціонное движеніе Русскихъ въ предѣлахъ этой земли. Во времена Герберштейновы ея жители платили дань великому князю лошадьми и мѣхами [9]).

---

[8]) „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, *К. А. Неволинъ*, Зап. Импер. Русс. Геогр. Общ., кн. VIII, С.-Пб., 1853 г., стр. 52—53. Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г. Сп. насел. мѣстъ, Твер. губ., обраб. *Н. Вильсонъ*, С.-Пб., 1862 г., стр. VII. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., I, 447 (Весьегонск. у.), 582 (Вышневолоцк. у.); III, 496 (Новгор. губ.), 622 (Олонецк. губ.), 721 (Осташковск. у.); IV, 427 (Петербургск. губ.)—въ губерніяхъ Новгородской и Олонецкой черноземъ попадается рѣдко.

Замѣчательно извѣстіе Олеарія о томъ, что страна, прилегающая къ Новгороду Великому, „представляетъ отличныя пахотныя поля и луга для пастбищъ, здѣсь множество конопли, льну, меду и воску. *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 2, гл. XI, стр. 111 (р. п., 76).

[9]) Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г., № IV. „Объясненія къ хозяйст.-стат. Атласу Европ. Россіи, сост. *Н. Вильсонъ*, С.-Пб., 1869 г., стр. 14—15. „Гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ“, *Ф. Рупрехта*, стр. 31. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., I, 595, 638; IV, 58: въ Пермской губ. тучную и рыхлую черноземную почву имѣютъ уѣзды: Шадринскій, Камышловскій, южныя части Осинскаго, Красноуфимскаго и Ирбитскаго, именно тѣ уѣзды, въ которые русская колонизація проникла позже (XVII стол.), чѣмъ въ другіе уѣзды Пермской губ. Сп. насел. мѣстъ, Пермская губ., обраб. *Н. Штиглицъ*, С.-Пб., 1875 г., стр. CLVI—CLXXI. R. M. C., 85 B (р. п., 129).

На основаніи изслѣдованій о черноземѣ *В. В. Докучаева*, тѣ полосы въ сѣверной и центральной Россіи, которыя обыкновенно называются черноземными, носятъ это названіе неправильно и должны быть относимы или къ растительно—наземнымъ (дерновымъ, сѣраго цвѣта), или къ наноснымъ. Какъ ни убѣдительны доводы почтеннаго изслѣдователя, мы, однако, по необходимости, должны удержать общепринятое, хотя и не точное народное названіе этихъ полосъ черноземными, такъ какъ новая научная классификація ихъ требуетъ собранія новыхъ, обстоятельныхъ данныхъ о физическихъ свойствахъ этихъ полосъ.

„Картографія русскихъ почвъ. Объяснительный текстъ къ почвенной картѣ Европейской Россіи, изданной департаментомъ ,земледѣлія и сельской промышленности“ (составленной *В. И. Чаславскимъ*). Составилъ по порученію департамента *В. В. Докучаевъ*, С.-Пб., 1879 г., стр. 19, 20, 23, 33—о земляхъ,

На югъ отъ вышепоименованныхъ Герберштейномъ областей слѣдовали, по его же указаніямъ, области, имѣвшія плодоносную почву, а именно: Ростовская (regio Rostovu) и Ярославская (regio Jaroslavu), „особенно въ той части, которая прилежитъ къ Волгѣ". Владиміръ находился въ такой плодородной странѣ, что одна мѣра пшеницы давала двадцать, а иногда и тридцать мѣръ, и въ перечнѣ областей, замѣчательныхъ плодородіемъ почвы, авторъ Записокъ помѣщаетъ на ряду съ Владимірскою и области: Переяславскую и Суздальскую (principatus ac provinciae Pereaslavu, Susdali). Плодородіемъ и обиліемъ произведеній не уступала также Владимірской области и Нижегородская [10]) (regio Novuogardia inferior).

Въ области, простирающейся отъ южной оконечности озера Неро, по рѣкѣ Которости до ея устья, и за тѣмъ по берегамъ рѣки Волги,

---

которыя крестьяне губерній Московской, Ярославской, Владимірской и Смоленской называютъ черноземомъ; 80 и слѣд. — особенности почвы черноземной; 94, пр. 2: „изъ личнаго осмотра... мѣстностей (близъ Мурома, Юрьева Польскаго и Ростова) я убѣдился, что онѣ нанесены на черноземныя карты, очевидно, по недоразумѣнію и благодаря разнообразному толкованію слова „черноземъ"; я сильно сомнѣваюсь, чтобы гдѣ либо въ сѣверной Россіи могли бы существовать черноземные острова, хотя таковые и нанесены на картахъ"; стр. 97, пр. 3—классификація почвъ, предложенная г. Докучаевымъ; 102: почвы растительно-наземныя „являются обыкновенно наиболѣе пригодными для земледѣлія"; 102—103: черноземныя почвы Смоленской губерніи слѣдуетъ относить къ наноснымъ. См. также статьи о черноземѣ въ „Трудахъ Импер. Вольнаго Экономическаго Общества", 1877 г., т. I, стр. 415—433 („Итоги о русскомъ черноземѣ"); 1878 г., т. I, стр. 397—402 („О нормальномъ залеганіи чернозема"); 1879 г., т. I. стр. 8—26; 1880 г., т. I, стр. 142—150 („О подзолѣ"). Tchernozème de la Russie d'Europe", St.-Petersbourg, 1879.

[10]) R. M. C., 78 C, 78 B, 64 B—C, 84 B (p. п., 120, 119, 99, 128); въ изд. 1557 г.; стр. Kiij: Volodimeria „an ainem gar fruchtbarn ort, das ye auss ainer mass getraidts zwaintzig oder dreyssig erwachssen".

Reutenfels: „De rebus Moschoviticis", 1680 г., стр. 260—261: Vlodomiria „tanta luxuriat fertilitate, ut saepe tritici quinque modii benigno foenore centuplum reddant".

А. А. Э., I, стр. 125, № 155, 1512 г., февраль: Володимірскій уѣздъ; стр. 116, № 144, 1506 г., апрѣля 9: Переславскій уѣздъ, Артемоновскій станъ; стр. 132, № 162, 1516 г., апр. 15: Переславл. у., Мишутинъ станъ; стр. 146, № 174, 1529 г., ноября 20: Суздальскій уѣздъ (село Шухобалъ).

Собр. гос. гр. и дог., I, стр. 144, № 144, 1504 г., духовная грамота в. кн. Іоанна Васиіевича: „городъ Ростовъ съ волостьми, и съ путьми, и зъ селы.... и со всѣми пошлинами, и зъ солью"; городъ Ярославль съ волостьми и съ путми, и зъ селы.... и съ Ухрою, и зъ селомъ съ Петровскимъ.... А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никудѣ"....

между Ярославлемъ, Романовымъ Борисоглѣбскомъ и нижнимъ теченіемъ рѣки Которости — тамъ именно, гдѣ находятся Ярославль и Ростовъ съ прилегающими къ нимъ окрестностями—почва отличается разнообразіемъ: озеро Неро окаймляютъ полосы земли иловатой, затѣмъ такъ называемой черноземной и сѣрой, составляющей переходъ къ чернозему, и таже полоса сѣрой земли окаймляетъ съ запада иловатые берега рѣки Которости и переходитъ на лѣвый берегъ Волги. Описанная нами область, по благопріятнымъ для земледѣлія свойствамъ ея почвы, выдается среди многихъ другихъ областей средней Россіи, и, по всей вѣроятности, именно въ предѣлахъ этой области лежали нѣкоторыя части тѣхъ областей, которыя названы въ Запискахъ о Московіи Ярославскою и Ростовскою и которыя авторомъ причислены къ болѣе плодороднымъ въ ряду другихъ областей Московской Руси [11]).

Также не лишены основанія и Герберштейновы извѣстія о плодородіи областей Владимірской и Суздальской. Правда по берегамъ рѣки Клязьмы почва или песчаная, или глинистая, но въ очень недальнемъ разстояніи къ сѣверу отъ Владиміра, на правомъ берегу рѣки Нерли, начинается полоса, обыкновенно называемая черноземною; она тянется на западъ отъ Суздаля, между рѣками Нерлью и Колокшею, со всѣхъ сторонъ окружаетъ Юрьевъ Польскій и оканчивается на западѣ въ недальнемъ разстояніи отъ Переяславля. Въ этой-то такъ называемой черноземной полосѣ, вѣроятно, и находились земли, тянувшія къ тремъ уѣздамъ Московскаго государства, которыя Герберштейнъ называетъ областями, а именно къ уѣздамъ Владимірскому, Суздальскому и Переяславльскому [12]).

---

[11]) Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г., „Объясненія къ хозяйств.-стат. Атласу Европ. Россіи“, *П. Вильсонъ*, стр. 14: „въ Ярославской губерніи, по изслѣдованіямъ кадастровой коммиссіи, черноземъ небольшими клочками встрѣчается во многихъ уѣздахъ“. Сп. насел. мѣстъ, Ярослав. губ., обраб. *А. Артемьевъ*, С.-Пб., 1865 г., стр. III—IV: въ Яросл. губ. почва лучше нежели въ сосѣдней Тверской; стр. XVII: отъ лучшаго качества почвы урожай въ Ростовскомъ уѣздѣ выше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Ярослав. губерніи.

[12]) Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1869 г., „Объясненія къ хозяйств.-стат. Атласу Европ. Россіи“, *П. Вильсонъ*, стр. 14. Гео-ботан. изсл. *Рупрехта*, 92—93: „Во Владимірской губерніи, отъ Владиміра до Суздаля встрѣчаются слои земли, которые иногда трудно отличить отъ чернозема....“ У Суздаля встрѣчается земля, имѣющая „всѣ свойства чернозема“... Далѣе приводятся доводы, доказывающіе, что черноземъ во Владимірской губерніи не могъ произойти отъ унавоживанія.

Въ области Нижняго Новгорода, на довольно значительномъ разстояніи отъ него, по обоимъ берегамъ рѣки Волги, черноземныхъ полосъ на почвенной картѣ Россіи (1879 г.) не находимъ; но едва-ли ими только и ограничивалась эта область: въ завѣщаніи вел. князя Ивана III есть указаніе на то, что къ Нижнему Новгороду тянули волости, пути, села и пошлины, „съ Мордвами и съ Черемисою“. А въ области Мордовскаго племени черноземъ занимаетъ значительное пространство по берегамъ рр. Суры и Пьяны [13]).

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія Герберштейна о почвѣ и ея производительности относятся къ области Московской (regio, prouincia Moscouia). Она „не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію“, говоритъ онъ, „препятствуетъ песчаная повсюду почва, губящая посѣвы то излишней сухостью, то слишкомъ большою влажностью“. Указавъ за тѣмъ на неблагопріятное вліяніе суроваго климата, Герберштейнъ такъ характеризуетъ производительность этой области:

„Хотя старательнымъ трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана, однако, за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Ибо хотя она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, однако во всей области нѣтъ сладкихъ вишенъ и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть и другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны. Они сѣютъ дыни съ особенною заботливостью и искуствомъ: складываютъ въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарываютъ сѣмена; этимъ способомъ онѣ предохраняются одинаково отъ

---

[13]) Собр. гос. гр. и дог., I, стр. 392, № 144, 1504 г., ср. стр. 86, № 43, 1428 г., стр. 202, № 86, 1462 г. Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г. „Объясненія къ хозяйств.-стат. Атласу Европ. Россіи“, *И. Вильсона*, стр. 10. Сп. насел. мѣстъ, Нижегородская губер., обраб. *Е. Огородниковъ*, С.-Пб., 1863 г. Стр. XXV: Мордва живетъ въ уѣздахъ Ардатовскомъ, Арзамасскомъ, Княгининскомъ, Лукояновскомъ и Сергачскомъ; она вѣроятно, населяла уѣздъ Горбатовскій, „а также, вѣроятно, жила частію и въ Балахнинскомъ уѣздѣ, гдѣ доселѣ сохранились нѣкоторыя старинныя урочища, принадлежавшія этому племени, какъ напримѣръ, при селеніи Оленихѣ, гдѣ указываютъ мордовское городище“. А Балахнинскій уѣздъ находится на пр. берегу Волги, на западъ отъ Нижегородскаго. Сп. насел. мѣстъ, Симбирская губ., обраб. *А. Артемьевъ*, С.-Пб., 1863 г., XXIX: „Мордва—исконные обитатели здѣшняго края преимущественно держатся на старинныхъ своихъ мѣстахъ, на лѣвой сторонѣ Суры, въ уѣздахъ Ардатовскомъ, Алатырскомъ и частію въ Корсунскомъ“. Гео-ботан. изслѣд. *Рупрехта*, стр. 49.

излишковъ тепла и холода. Ибо, если случится чрезвычайный жаръ, они дѣлаютъ скважины, какъ бы нѣкоторыя отдушины въ землѣ, смѣшанной съ навозомъ, для того, чтобы отъ излишняго тепла сѣмя не сопрѣло; въ случаѣ же чрезмѣрнаго холода теплота навоза защищаетъ зарытыя сѣмена" [14]).

Пространство, занимаемое Московскою областію, Герберштейнъ не опредѣляетъ, но, по всей вѣроятности, площадь ея составляла только часть нынѣшней Московской губерніи, почва которой, „по большей части состоитъ изъ тонкаго пласта тяжелаго суглинка, имѣющаго глинистую подпочву, иногда съ хрящемъ". Только клочки такъ называемой черноземной почвы встрѣчаются въ уѣздахъ: Серпуховскомъ, Коломенскомъ и Броницкомъ; въ послѣднихъ двухъ „песчаныя почвы занимаютъ обширныя пространства" [15]).

---

[14]) R. M. C., 61 A—B, 61 C—62 A (р. п., 94—96); въ изд. 1567 г., стр. LXVIII; въ изд. 1557 г., стр. Kij и об.

[15]) Для опредѣленія пространства, занимаемаго тою областью, которую Герберштейнъ называетъ Московскою, необходимо обратить вниманіе на его собственное замѣчаніе о томъ, что, послѣ описанія ея (въ началѣ хорографіи Московіи) онъ переходитъ къ описанію другихъ областей Московской Руси, и въ извѣстіяхъ о нихъ мы встрѣчаемъ названія слѣдующихъ уѣздныхъ городовъ нынѣшней Московской губерніи: Коломны, Серпухова (Cirpach), Можайска, Волоколамска (Волока) и Дмитрова, R. M. C., 64 A—B, 65 B, 67 C, 68 A—B, 71 A, 72 C, 77 A (р. п., 99, 100, 104—105, 108, 111, 117). Ко всѣмъ этимъ городамъ, какъ видно изъ грамотъ XIV—XVI в., тянули станы и волости, составлявшіе уѣзды этихъ городовъ; а Москва имѣла свои тянувшіе къ ней станы и волости, тоже свой уѣздъ. Такъ какъ Герберштейнъ въ составъ Московской области не включаетъ всѣ вышеупомянутые города нынѣшней Московской губерніи, то мы имѣемъ право предполагать, что онъ, подъ именемъ Московской области (regio, prouincia, Moscouia) разумѣлъ уѣздъ Московскій. О немъ, конечно, ему говорили тѣ же русскіе люди, которые сообщали свѣдѣнія и о другихъ земляхъ и уѣздахъ Московскаго государства.

Собр. госуд. грам. и договоровъ, I, стр. 33, № 22, 1328 г., духовная грамота в. князя Ивана Даниловича Калиты: „се далъ семь сыну своему большему Семену: Можасскъ со всими волостьми; Коломну со всими Коломеньскими волостьми". Стр. 39—40, № 25, 1356 г., духовная грамота в. князя Іоанна Іоанновича: Можайскъ съ волостями и селами, Коломна съ волостями, Звенигородъ съ волостями и селами; „а по животѣ моее княгини, тѣ волости и села, и треть тамги дастся сыну моему князю Дмитрію и князю Ивану, въ которого уѣздѣ, то того и есть". Стр. 49, № 29, 1371 г., духовная грамота в. князя Дмитрія Іоанновича: Дмитровъ съ волостями и селами. Стр. 58—59, № 34, 1389 г., духовная грамота его же: Звенигородъ съ волостями, Можайскъ съ волостями и др., „а изъ московскихъ селъ даю сыну своему"... Стр. 62—63, № 35, 1389 годъ. Стр. 74—75, № 40, 1410 г., упом. Серпуховъ и перечисляются волости, къ нему тянувшія. Стр. 88, № 44, 1428 г., упом. станы Московскіе. Стр. 110, № 53, 1434 г., упом. села и деревни Московскаго уѣз-

Вѣроятно, на основаніи приведенныхъ нами Герберштейновыхъ извѣстій относительно почвы областей Московской и Владимірской С. М. Соловьевъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: „Любопытно, что древніе путешественники, хваля плодородіе Владимірской и Нижегородской областей, называютъ область собственно Московскаго княжества мало плодородною. Мы знаемъ, что относительно плодородія почвы Владимірская область не имѣетъ преимущества предъ Московскою, и потому извѣстіе путешественниковъ можетъ быть объяснено только болѣе раннимъ истощеніемъ Московской почвы въ слѣдствіе болѣе ранняго и болѣе густаго населенія“.

Изъ „древнихъ путешественниковъ“, сколько намъ извѣстно, именно Герберштейнъ сообщаетъ то извѣстіе, о которомъ говоритъ С. М. Соловьевъ, но оно, какъ мы полагаемъ, на основаніи вышеприведенныхъ нами данныхъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Владимірская область имѣла такъ называемыя черноземныя полосы, которыя и давали ея почвѣ преимущество передъ почвою Московской области [16]).

Герберштейново свидѣтельство о томъ, что плодовыя деревья Московской области не производятъ вкусныхъ плодовъ, дало поводъ Олеарію сдѣлать слѣдующее любопытное замѣчаніе: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно въ Москвѣ, есть также и превосходныя садовыя произрастенія, яблоки, груши, вишни, сливы и смородина. Въ этомъ отношеніи мы находимъ совсѣмъ не то, что писали о Россіи Герберштейнъ, Гваньино и другіе, которые говорятъ, что въ ней именно,

---

да. Стр. 202—208, №№ 86 и 87, 1462 г., двѣ духовныя грамоты в. князя Василія Василіевича: Коломна съ волостями, села Московскія, Дмитровъ съ волостями и пр. Стр. 229—230, № 95, 1472 г. „А коли, господине князь велики, пошлетъ своихъ писцовъ... Москвы писати и Московскихъ становъ“. Замѣчательны также межевыя грамоты 1504 г., стр. 351—387; 418—419, № 151, 1523 г.—села въ Московскомъ уѣздѣ. А. А. Э., I, стр. 120, № 149, 1509 г., февр. 13; стр. 135 № 166, 1520 г., марта 12: Москов. у., волость Корзеневская.

Отъ второй половины XVI в. до насъ дошли списки съ писцовыхъ книгъ уѣздовъ: Московскаго, Коломенскаго, Рузскаго, Звенигородскаго и Дмитровскаго. См. Писц. кн., изд. подъ ред. *Н. В. Калачова*. Геогр. стат. словарь Росс. имп. I, 318 (Бронницкій у.); II, 693 (Коломенскій у.); III, 336 (Моск. губ.); IV, 578 (Серпухов. у.). Объясненія къ хозяйств.-стат. Атласу Европейск. Россіи, *И. Вильсона*, стр. 14. Почвенная карта Европейской Россіи, С.-Пб., 1879 г. Здѣсь изображена полоса черноземной земли къ с. в. отъ Серпухова. Гео-ботан. изсл. *Рупрехта*, стр. 62, 90—91.

[16]) Исторія Россіи, *С. Соловьева*, т. IV, М., 1857 г. (изд. 2-е), стр. 145.

по причинѣ большихъ холодовъ, нельзя будто бы найти никакого плода, ни вкуснаго яблока". Упомянувъ затѣмъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ растительнаго царства, онъ высказываетъ слѣдующее заключеніе: „Изъ всего сказаннаго видно, что недостатокъ въ Россіи нѣкоторыхъ плодовъ и растеній должно приписывать не свойству почвы и воздуха, но нерадѣнію или невѣдѣнію ея обитателей" [17]).

Самою плодоносною областью Московіи считалась во времена Герберштейна земля Рязанская (Rezan prouincia), и онъ справедливо замѣчаетъ, что она между всѣми княжествами и областями государя московскаго, по плодородію почвы и обилію произведеній, занимала первое мѣсто. „Въ ней, какъ говорятъ, одно зерно пшеницы иногда приноситъ по два колоса и больше: ихъ стебли растутъ такъ густо, что лошади не могутъ свободно переходить [черезъ поле], ни перепелы [свободно] вылетать оттуда"; древесные плоды гораздо лучше (nobiliores) московскихъ.

Сѣверные предѣлы той площади, которую занимала Рязанская земля въ XVI в. (почти всю нынѣшнюю Рязанскую губернію, за исключеніемъ Касимовскаго уѣзда, и Елецкій уѣздъ Орловской губерніи), имѣютъ почву болотистую; далѣе къ югу, за иловатыми берегами Оки, тянутся полосы земли песчано-глинистой, глинистой и сѣрой, а затѣмъ начинается слой чернозема, который становится все толще и толще, по направленію къ югу, и эта черноземная полоса занимаетъ наиболѣе значительную часть описываемой площади. Здѣсь средній урожай хлѣба озимаго отъ самъ-пяти до самъ-шести съ половиною, яроваго отъ самъ-четырехъ до самъ-шести, что̀ въ значительной степени превосходитъ средній урожай хлѣба въ той полосѣ, въ которой находились въ XVI вѣкѣ области: Владимірская, Суздальская, Переяславльская, Ростовская и Ярославльская, гдѣ средній урожай хлѣба озимаго отъ самъ-двухъ съ половиною до самъ-трехъ съ половиною, а яроваго до самъ-двухъ съ половиною [18]).

[17]) *Олсарій*, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 2, стр. 154, 155 (р. п., 119—121). Онъ также говоритъ о разведеніи дынь.

[18]) R. M. C., 84 B, 65 B (р. п., 128, 100—101). На стр. 84 B: „Jnter omnes principis Moscouiae principatus ac prouincias, ubertate soli rerumque omnium copia, Resan primas sibi uindicat: secundum hanc sunt: Jaroslavu, Rostovu, Pereaslavu, Susdali, Vuolodimeria: quae fertilitaté terrae, proxime accedunt"; въ русс. переводѣ: „которые, по плодородію почвы, не многимъ уступаютъ Ря-

Поля, орошаемыя Окою, Герберштейнъ называетъ очень плодоносными. Сѣверское княжество (Sevuera principatus), пишетъ онъ, „заключаетъ въ себѣ обширныя и частію пустынныя поля“ и имѣетъ почву плодоносную тамъ, гдѣ воздѣлывается.

Въ XVI—XVII в. Сѣверская земля занимала область рр. Десны и Сейма, Брянскій и Трубчевскій уѣзды Орловской губерніи, Черниговскую губернію и значительную часть Курской. Къ югу отъ Брянска, по обоимъ берегамъ рѣки Десны до самого устья ея, тянется полоса иловатая; за которой, по лѣвому берегу Десны, въ Брянскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ Орловской губерніи, почва песчаная, а по правому берегу глинистая; затѣмъ къ сѣверу, въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Судости, притока Десны, по обоимъ берегамъ ея, простирается широкою полосою до самого Чернигова сѣрая земля, составляющая переходъ къ чернозему; къ югу отъ Чернигова оба берега Десны имѣютъ почву песчаную. Въ области рѣки Сейма преобладаетъ черноземъ, наиболѣе тучный въ восточныхъ предѣлахъ этой области и по лѣвому берегу той же рѣки. Сѣверская земля, какъ и Рязанская, лежала на рубежѣ лѣсной и степной полосы, и въ настоящее время южная часть Черниговской губерніи, находящаяся на лѣвыхъ берегахъ рр. Десны и Сейма, обыкновенно называется степью. „Пространство это заключаетъ въ себѣ уѣзды: Борзенскій, Нѣжинскій, почти весь Конотопскій, юго-восточную половину Остерскаго и небольшія части Черниговскаго и Сосницкаго уѣздовъ“. Вѣроятно Герберштейнъ, говоря объ обшир-

---

зани“; въ изд. 1567 г., стр. XCIII: „wölche mit jrer fruchtbarkeit den ersten gar noch zu vergleichen“; въ изд. 1557 г., стр. N: „undter allen des Grossfürsten Fürstenthümern ist Resan das vordrist, nach dem Jaroslaw, Rostow, Pereaslaw, Susdali und Wolodimeria an der fruchtperthait des Ertrichs“.

„Исторія Рязанскаго княжества“, *Д. Иловайскаго*, М., 1858 г., стр. 244—245, 263. Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г. Сп. насел. мѣстъ, Рязанская губ., обраб. *Н. Вильсонъ*, С.-Пб., 1862 г., стр. VI. „Объясненія къ хозяйст.-стат. Атласу Европ. Россіи“, его же, С.-Пб., 1869 г., стр. 9, 79. Гео-ботан. изсл. *Рупрехта*, 59: Въ Рязанской губерніи „настоящій черноземъ въ первый разъ появляется у Ряжска“...

Майербергъ, по изд. 1661 г., стр. 78 (р. п., 152). *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 4, гл. 1, 335 (р. п., 393): Рязанская область въ прежнее время была „чрезвычайно плодородною для земледѣлія, скотоводства и всякаго дикаго звѣря, такъ что, во всемъ этомъ, она далеко превосходила всѣ лежащія кругомъ области какъ справедливо повѣствуютъ о томъ *Гваньинъ* и *Петрей*“...

ныхъ и пустынныхъ поляхъ Сѣверской земли, разумѣлъ именно степную часть ея [19]).

Климатъ Литвы Герберштейнъ называетъ суровымъ. Она изобилуетъ хлѣбомъ, хотя жатва рѣдко достигаетъ зрѣлости. Въ описаніи Самогитіи обращено особенное вниманіе на существующій у обитателей ея способъ обработки земли не желѣзными сошниками, а деревянными кольями—это тѣмъ болѣе достойно удивленія, замѣчаетъ авторъ Записокъ, что земля у нихъ отличается твердостію и не песчана: сосна вовсе не растетъ на ней. Это замѣчаніе о почвѣ Жмудской земли XVI в. можетъ быть признано вѣрнымъ только по отношенію къ нѣкоторымъ частямъ ея, вѣроятно тѣмъ, которыя имѣли глинистую почву, преобладающую на побережьяхъ правыхъ притоковъ Нѣмана: Невяжи и Дубиссы, славящейся своимъ плодородіемъ [20]).

---

[19]) По Герберштейну, въ Сѣверской землѣ (Sevuera) находились слѣдующіе города: Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Путивль (Potivulo), Черниговъ (Czarnigovu). R. M. C., 67 C, 68 C—69 A (р. п., 104, 105).

Книги Разрядныя, т. I, С.-Пб., 1853 г., столб. 30, 1614 г., декабря 23-го: „А въ Сѣверскіе городы, въ Рылескъ, въ Путивль, въ Новгородокъ Сѣверской, въ Стародубъ велѣно князю Юрью (Иванову Шеховскому) отъ себя послать станицы"... Столб. 190—192, 1616 г., Сѣверскіе города: Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль; столб. 719, 1620 г., въ числѣ Сѣверскихъ городовъ упом. Сѣвскій острогъ.

А. А. Э., II, стр. 90, № 34, 1605г., іюнь: Сиверская земля; стр. 100, № 41, 1606 г., мая 20: Сѣверская земля; стр. 114, № 48, 1606 г., іюня 6: Сѣвера. А. И., IV, стр. 503, № 233, 1673 г., марта 12: Сиверскіе городы; „безъ прибылыхъ великихъ полковъ на Сиверѣ быть не возможно".

Почвенная карта Европ. Россіи", С.-Пб., 1879 г. „Объясненія къ хозяйств. стат. Атласу Европ. Россіи", *И. Вильсонъ*, изд. 1869 г., стр. 8—9; 109: средній урожай озимаго хлѣба въ Курской губерніи самъ пять, яроваго самъ четыре; въ Черниговской тоже. А на картѣ, № 3, Курская губернія входитъ въ составъ полосы II, гдѣ урожай озимаго отъ самъ пяти до самъ шести съ половиною, а яроваго отъ самъ четырехъ до самъ шести; Черниговская же губернія входитъ въ составъ полосы № III, гдѣ урожай озимаго отъ самъ четырехъ до самъ пяти, яроваго отъ трехъ съ половиною до четырехъ съ половиною. Авторъ между прочимъ, замѣчаетъ: по картѣ Рупрехта „вся Курская губернія черноземна, но по какимъ свѣдѣніямъ —неизвѣстно" (стр. 9). Сп. насел. мѣстъ, Орловская губ., сост. *Н. Штиглицъ*, С.-Пб., 1871 г., стр. XLVII, XLIX. Черниговская губ., имъ же составлена, С.-Пб., 1866 г., стр. II, XXXIV—XXXV. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 321 (Брянскій у.); II, 866: почву Курской губерніи „составляетъ повсемѣстно черноземъ, за исключеніемъ береговъ рѣкъ, вдоль которыхъ тянутся песчаныя полосы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадается супесь и суглина".

[20]) R. M. C., 109 A, 113 B (р. п., 169). По опредѣленію Герберштейна, Самогитія лежитъ между Пруссіей и Ливоніей, 113 A (168).

XXI.

Извѣстія Герберштейна о лѣсахъ, находящихся въ областяхъ: Двинской, Вятской, Ногайской, Переяславльской, Угличской, Ярославльской, Костромской, Нижегородской и Владимірской.—Пространство, занимаемое лѣсами, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Владимірской, и уменьшеніе пространства лѣсной площади въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, со времени генеральнаго межеванія.—Извѣстія о лѣсахъ на сѣверѣ, сохранившіяся въ нашихъ актахъ XVI в.—Занятіе новой землицы въ 1524 г., въ Двинскомъ уѣздѣ, на р. Юрѣ.—Дикій, старый лѣсъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, Вондокурской волости, въ 1517 г. пожалованный великимъ княземъ Степану, Осипу и Владиміру Ѳедоровымъ и Роману Фролову.—Лѣсъ дикій между уѣздами Вологодскимъ, Каргопольскимъ и Важскимъ, въ 1546 г. пожалованный великимъ княземъ игумену Ѳеодору съ братіею. Лѣса старые въ уѣздахъ: Суздальскомъ и Юрьевскомъ. Бѣлозерская область. Оковскій лѣсъ.—Область Московская и берега рѣки Оки.—Лѣсистость уѣздовъ, ею орошаемыхъ.—Область рѣки Мокши, истоки рр. Шати и Дона.—Извѣстія о Тулѣ, какъ о городѣ, находившемся въ XVI в. на рубежѣ лѣсной полосы.—Лѣса въ областяхъ бассейновъ Балтійскаго и Черноморскаго.—Опочецкій уѣздъ Псковской губерніи.—Княжество Бѣльское.—Великое княжество Литовское.—Смоленская земля.—Брянскій уѣздъ.—Таврическій полуостровъ.

Относительно области распространенія лѣсной растительности Записки о Московіи впервые даютъ нѣкоторыя опредѣленныя указанія, не встрѣчающіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ конца XV и первой половины XVI в. По извѣстіямъ Герберштейна, Лукоморія, лежавшая въ горахъ, по другую сторону р. Оби, всѣ области восточно-европейской равнины, къ сѣверу и востоку отъ р. Волги,—Двинская, Вятская, область Ногайскихъ Татаръ, за исключеніемъ степи

Майербергъ, 13 (р., п., 23): въ Жмудскомъ княжествѣ почва самая плодородная, „обрабатывается деревяннымъ, а не желѣзнымъ плугомъ“.

Почвенная карта Европ. Россіи, 1879 г. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Ковенская губ., сост. *Д. Афанасьевъ*, С.-Пб., 1861 г., стр. 362—365. „Въ уѣздахъ Телшевскомъ и Новоалександровскомъ песокъ занимаетъ огромныя пространства; въ послѣднемъ цѣлую половину уѣзда со стороны Зап. Двины, а въ первомъ 4/5 всей поверхности“... О мѣстообитаніи Жмуди см. стр. 269, 271—272, 280. О различныхъ названіяхъ Жмуди см. „О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ“, *Петра Кеппена*, С.-Пб., 1827 г., стр. 5—6 (Жмудь, Зимгола, Semgallen).

близъ Сарайчика, далѣе земли, лежащія на правомъ берегу р. Волги отъ Углича до Нижняго—все это великое пространство въ XVI вѣкѣ было покрыто сплошными лѣсами. Они служили защитою для болотъ, и на путяхъ, по которымъ ѣздили изъ Москвы къ устьямъ Сѣв. Двины черезъ Вологду (Vuolochda) и Устюгъ (Vtyug), а также въ Вятку (Vuiathka), куда ѣздили черезъ Кострому (Castromovugorod) и Галичь (Galitz), а также черезъ Вологду и Устюгъ, затѣмъ по дорогамъ изъ Переяславля (Pereaslavu) въ Угличь (Yglitz), Ярославль (Iaroslavu), Кострому и Нижній Новгородъ, лѣса и часто встрѣчавшіяся болота затрудняли движеніе, служили препятствіемъ къ опредѣленію разстояній. Городъ Владиміръ былъ съ трехъ сторонъ окруженъ обширными лѣсами, которые отсюда тянулись до гор. Мурома [1]).

Почти всѣ нами помянутыя области и въ настоящее время принадлежатъ къ наиболѣе лѣсистымъ частямъ восточно-европейской равнины. Въ губерніи Архангельской, по свѣдѣніямъ, относящимся къ шестидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, лѣсами занято 30.312,000 десятинъ, то-есть 83% всего пространства [2]); въ Вологодской 33,470,000 дес. (?)—95%; въ Вятской 8,949,000 дес.,—68%, въ Пермской 22,687,000 дес.,—73%; въ Нижегородской 2,308,000 дес.,—49%; въ Костромской 4,906,000 дес.,—67%; въ Ярославской 1,065,000 дес.,—34%; въ Владимірской 2,030,000 дес.,—46%.

Сравнивая эти цифры съ цифрами генеральнаго межеванія, ока-

---

[1]) R. M. C., 82 B, 83 B, 80 A—B, 99 B, 64 B, 84 C, 78 B (р. п., 125, 127, 122, 151, 99, 128, 119). Герберштейнъ, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что на горахъ „Земной Поясъ", то-есть Уральскихъ, растутъ кедры. R. M. C., 83 C (р. п., 127). *Палласа* „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. государства", ч. 3, половина I, С.-Пб., 1788 г., стр. 19—20: отъ устья Иртыша внизъ по р. Оби, на правомъ берегу ея, „въ довольствіи растетъ кедровый лѣсъ", а на лѣвомъ берегу мелкій лѣсъ. „Дневныя записки", *Ив. Лепехина*, ч. III, С.-Пб., 1780 г., стр. 98.

По замѣчанію *В. Латкина*, см. его Дневникъ во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 г., ч. 2, Зап. Геогр. Общ., кн. VII, стр. 80, строевые лѣса на сѣверѣ восточно-европейской равнины простираются до 68° с. шир.

Объ изобиліи лѣса въ областяхъ, Лукоморской, Кондинской, Вятской и Вологодской говоритъ также и *Майербергъ*, 81, 80, 76—77, 69 (р. п., 159, 157, 149, 132).

[2]) Для вывода процента исключены безлѣсные тундристые уѣзды: Мезенскій и Кемскій.

зывается, что наиболѣе значительное уменьшеніе пространства лѣсовъ послѣдовало въ губерніи Ярославской, на 35%; затѣмъ въ губ. Пермской — 12%; въ Костромской—8%; въ Вятской — 6%; въ Владимірской—3½% [3]).

Любопытныя данныя о дикихъ, никѣмъ еще не занятыхъ лѣсахъ на сѣверѣ сохранились въ нашихъ актахъ XVI вѣка, и что̀ замѣчательно, такіе первобытные лѣса существовали въ это время даже въ той области, въ которой русская колонизація имѣла давнее прошлое. Двиняне Наумка Кобель съ товарищами сказывали въ 1524 году, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, они нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ (она впадаетъ въ р. Сѣверную Двину, съ правой стороны, противъ Холмогоръ), „на лѣсу на черномъ, да отъ Кривца вверхъ по обѣ стороны рѣчки Юры и у Смердьева озерка. А дворы де и пашни на тѣхъ мѣстахъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ и угодья де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли никоторыхъ волостей“. Наумка съ товарищами просили пожаловать ихъ, велѣть имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляные чистить, лѣсъ сѣчь, дворы ставить, людей къ себѣ звать и пашни пахать, отъ Кривца по обѣ стороны рѣчки Юры до рѣчки Смердьи, и около Смердья озерка, а по рѣчкѣ по Смердьѣ до устья, да отъ устья Хороги до

---

[3]) „Объясненія къ хозяйственно-статист. Атласу европ. Россіи“, *И. Вильсонъ*, С.-Пб., 1869 г., стр. 479—480, 484. „Лѣсохозяйственный статистическій Атласъ Европейской Россіи“, изданіе Лѣснаго общества, С.-Пб., 1873 г. Здѣсь для опредѣленія площади лѣсовъ въ вышепоименованныхъ нами губерніяхъ приведены числовыя данныя, тождественныя съ приведенными г. Вильсономъ.

Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 138: обыкновенно полагаютъ, что лѣса въ Архангельской губерніи занимаютъ до 30,000,000 десятинъ, но эта цифра, кажется, весьма преувеличенною; 526, 596: въ Вят. губ. лѣса занимаютъ болѣе 10,000,000 дес., то-есть 76% простр. губерніи; IV, 60: „подъ лѣсами (Перм. губ.) полагаютъ до 22,686 дес., то-есть до 75% всей площади г-ніи“ (*Мозель*, Перм. губ., ч. II, стр. 55); III, 432: „въ В. стат. Нижегород. губ. подъ лѣсами показано 2,255,000 д., то-есть ½ всей площади въ пам. книж. Нижегород. губ. на 1865 г. предполагается подъ лѣсами ⅓ всей площади г-ніи (около 1,500,000 дес.); II, 744 (опредѣленіе числа десятинъ, занятыхъ лѣсомъ въ Костром. губ., мы не нашли въ Геогр. стат. словарѣ, ни въ „Матеріалахъ для геогр. и стат. Россіи“, Костром. губ., сост. *Я. Крживоблоцкій*, С.-Пб., 1861 г., стр. 249 и слѣд.); I, 487, „лѣсовъ въ (Владим.) губерніи до 1,376,686 дес., то-есть 32% простр. г-іи“; IV, 53: сѣверная часть Переяславскаго уѣзда и въ настоящее время покрыта лѣсомъ. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Архангельск. губ., сост. *Н. Козловъ*, С.-Пб., 1865 г., стр. 13, подъ лѣсомъ 30,819,806 десятинъ.

Гостилова устья, да до Залазина ручья, и пожни по тѣмъ мѣстамъ чистить. Великій князь пожаловалъ, исполнилъ челобитье Наумки и его товарищей, и людей, которыхъ они призовутъ къ себѣ на тѣ мѣста, освободилъ отъ даней и пошлинъ на десять лѣтъ.

Занятіе новой землицы на р. Юрѣ, льготы, данныя великимъ княземъ на призывъ поселенцевъ—все это въ главныхъ чертахъ имѣетъ сходство со многими другими выдающимися фактами въ исторіи нашей колонизаціи. Событіе, имѣвшее мѣсто на сѣверо-восточной окраинѣ Двинской земли въ первой половинѣ XVI вѣка, повторилось во второй половинѣ этого вѣка на окраинѣ Пермской земли; тамъ оно могло имѣть только частное значеніе, здѣсь оно послужило началомъ движенія, которое имѣло послѣдствія величайшей важности.

И не только въ области нижняго теченія рѣки Двины, но и выше этой области, въ уѣздѣ Устюжскомъ, въ Вондокурской волости былъ дикій, старый лѣсъ, пожалованный великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ Степану, Осипу и Владиміру Ѳедоровымъ и Роману Фролову, съ освобожденіемъ ихъ и, по всей вѣроятности, и людей, которыхъ они призовутъ, отъ всякихъ даней и пошлинъ на пятьнадцать лѣтъ. Вондокурская волость, вѣроятно, находилась тамъ, гдѣ нынѣ село Вондокурское, при р. Двинѣ, въ Устюжскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ 59 верстахъ отъ уѣзднаго города, на правой сторонѣ почтоваго тракта изъ города Устюга въ Сольвычегодскъ.

Лѣсъ черный „дикій“, между уѣздами Вологодскимъ, Каргопольскимъ и Важскимъ, у озерокъ Глубокаго, Остронаго и Долгаго, близъ рѣчекъ Вотчицы и Медвѣжьей, въ 1546 году былъ пожалованъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ игумену Ѳеодору съ братіею и ему дано право „тотъ лѣсъ расчищать на всѣ стороны отъ монастыря, по двѣнадцати верстъ“, и монастырь строить, и людей къ себѣ призывать, и эти люди освобождались отъ платежа всякихъ даней и пошлинъ. Лѣсъ, о которомъ здѣсь говорится, находился, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ нынѣшняго Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, близъ проселочной Каргопольской дороги, по которой, при р. Вотчѣ, протекающей отъ 50—60 верстъ и впадающей въ рѣку Кубену, съ лѣвой стороны, находятся слѣдующія деревни: Аѳонасово, Замошье, Паршинская, Васильевская, Тарасовская. По этой же дорогѣ находятся: погостъ Глубоковскій-

Спасопреображенскій и деревня Глубокое, при озерѣ Глубокомъ; деревня Фатуново, при озерѣ Долгомъ; деревня Даниловская, при р. Вотчицѣ. Тоже „старые“ лѣса, близъ лѣса Шухобалъ въ Суздальскомъ уѣздѣ, и близъ селъ Леднево и Маслово, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, упоминаются въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича Троицкому-Сергіеву монастырю, 1529 года ноября 20-го, по которой постороннимъ людямъ въѣздъ въ эти лѣса „по дрова и по хоромный лѣсъ“ воспрещался. И въ настоящее время, въ Юрьевскомъ уѣздѣ находятся село Леднево и деревня Маслово; первое при прудѣ, въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города, на проселочномъ трактѣ изъ города Юрьева во Владиміръ; второе—при р. Колокшѣ, въ 8 верстахъ отъ уѣзднаго города, по лѣвой сторонѣ проселочнаго тракта изъ города Юрьева въ городъ Покровъ [4]).

Окраину лѣсной полосы Волжскаго бассейна составляли лѣса Бѣлозерской области и знаменитый Оковскій лѣсъ—питомникъ великихъ рѣкъ восточно-европейской равнины. Въ Бѣлоозеро, сообщаетъ авторъ Записокъ, ведутъ изъ Москвы двѣ дороги, „одна, ближайшая, черезъ Угличь, въ зимнее время, а лѣтомъ другая—черезъ Ярославль. Та и другая дорога неудобны для ѣзды, по причинѣ множества болотъ, лѣсовъ и рѣкъ, если только не настланы мосты, дѣлающіеся крѣпкими отъ льду; отъ трудностей, представляемыхъ этими мѣстами, и самыя мили считаются короче. Къ затруднительности пути присоединяется [еще] и то, что вслѣдствіе большаго количества болотъ, лѣсовъ и отовсюду стекающихся рѣкъ, эти мѣста не обработаны, города въ нихъ черезчуръ рѣдки“ [5]).

Въ области, черезъ которую пролегала дорога отъ Углича и

---

[4]) А. А. Э., I, № 385, 1524 г., апр. 24-го, стр. 488—490; № 163, 1517 г., апр. 9-го, стр. 132; № 208, 1546 г., іюля 6-го, стр. 197—198; № 174, 1529 г., ноябр. 20-го, стр. 146. Hydrographie des Russ. Reiches v. *I. Ch. Stuckenberg*, St.-Petersb., 1844, II, стр. 230, 148: Wotscha „fliesst im kreise Wjelsk“. „Спеціальная карта западной части Росс. имперіи“, *Шуберта*, 1832 г., №№ V, XV (р. Вотча изображена текущею въ предѣлахъ уѣзда Вельскаго). Сп. насел. мѣстъ, Вологодская губ., сост. *Е. Огородниковъ*, С.-Пб., 1866, №№ 11, 154; 5272, 5273, 5278—5280; 5339—5341; 5353. Владимірская губ., сост. *М. Раевскій*, С.-Пб., 1863 г., №№ 6435, 6219.

[5]) R. M. C., 77 B: „nullisque ciuitatibus frequentata“; въ изд. 1567 г., стр. LXXXV: „gar kein stett oder flecken vorhanden“; въ изд. 1557 г., M об. „das Stätfleckhen noch Dörffer derennden entzwischen gefunden werden“, p. n., 118. Въ изд. 1556 г., 71 C—72 A (p. n., 110).

Ярославля на Бѣлоозеро,—нынѣшніе уѣзды: Пошехонскій Ярославской губерніи, Череповецкій, Кирилловскій и Бѣлозерскій Новгородской губерніи — преобладаетъ почва глинистая, мѣстами болотистая, и только по берегамъ рр. Волги и Шексны тянутся полосы песчаная и иловатая. Уѣзды Череповецкій, Кирилловскій и Бѣлозерскій принадлежатъ къ той полосѣ лѣсовъ, въ которой на сто десятинъ приходится отъ пятидесяти до восьмидесяти десятинъ лѣсу. Пути сообщенія въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, болотистомъ и лѣсистомъ, и въ настоящее время крайне затруднительны. Есть селенія, къ которымъ можно добраться не иначе, „какъ пѣшкомъ, по кладкамъ"; черезъ зыбучія же болота проѣздъ возможенъ только зимою на лошади, „и то въ одиночку, въ узенькихъ саняхъ, по лѣснымъ тропинкамъ". Не смотря на лядинное хозяйство, лѣса въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ занимаютъ значительную часть его, и лѣсные промыслы входятъ въ число главныхъ занятій его жителей [6]).

Относительно области Московской авторъ Записокъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: „По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста" [7]).

---

[6]) Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г. Хозяйственно-стат. Атласъ Европ. Россіи, С.-Пб., 1869 г., № 11. Новгородскій Сборникъ, изд. Новгородскаго Статистическаго Комитета, вып. I. Новгородъ, 1865 г. „Матеріалы для исторіи, статистики и этнографіи Новгород. губ.", собр. *Богословскій*, стр. 58—60. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 368: подъ лѣсами въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ считается до 369,126 десятинъ. Въ „Лѣсохозяйств. стат. Атласѣ Европ. Россіи", С.-Пб., 1873 г., площадь казенныхъ лѣсовъ занимаетъ въ Бѣлоз. у. 358,812 десятинъ.

Частыя упоминанія о лѣсахъ Бѣлозерскихъ находятся въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю. А. А. Э., I, № 337, стр. 474—476, 1473 г., февр. 9-го; въ грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича Третьякову-Гнѣвашову о досмотрѣ и обыскѣ спорныхъ земель Ѳерапонтова монастыря Бѣлозерскаго уѣзда разныхъ волостей съ крестьянами, тамъ же, № 209, стр. 198—199 (упом. Милобудицкій лѣсъ); въ тарханной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю А. И., I, № 163, стр. 299—314, 1556 г., марта 20-го.

Объ Оковскомъ лѣсѣ см. „Замѣтки по географіи древней Руси", *Л. Майкова*, С.-Пб., 1874 г., стр. 34—35. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, изд. *Н. Фроловымъ*, т. I, М., 1852 г., „Рѣчная область Волги", *И. Бабстъ*, стр. 401—402: „Цѣлая треть Тверской губерніи, лежащей почти цѣликомъ въ предѣлахъ Волконскаго бора, покрыта еще лѣсомъ".

[7]) R. M. C. 61 C. (р. п., 95); „Totam porro regionem non ita diu admodum syluosam fuisse, ex magnarum arborum truncis, qui etiamnum extant, apparet".

Изъ многихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о лѣсистости Московской области во времена историческія, наиболѣе близкое отношеніе къ совершенно вѣрному замѣчанію Герберштейна имѣетъ свидѣтельство Контарини, бывшаго въ Москвѣ въ 1476 году. Она окружена, пишетъ онъ, „обширными лѣсами“ [8]).

Герберштейново извѣстіе о томъ, что лѣса тянулись по обоимъ берегамъ Оки подтверждается и географическими, и историческими данными [9]). Почва, преобладающая на берегахъ Оки, въ области ея верхняго теченія, черноземная; въ области ея средняго и нижняго теченія—глинистая и песчаная [10]), представляетъ условія, благопріятныя для лѣсной растительности, и полосами незначительными въ сравненіи съ прежними она еще продолжаетъ сохраняться на этихъ берегахъ, не смотря на то, что со времени генеральнаго межеванія площадь лѣсовъ, по свѣдѣніямъ шестидесятыхъ годовъ, уменьшилась въ губерніяхъ: Орловской на 22%, Калужской на 42%, Рязанской на 33% и Тульской на 49%. Въ тѣхъ уѣздахъ этихъ губерній, черезъ которые протекаетъ Ока, лѣса занимаютъ слѣдующее пространство: въ уѣздѣ Орловскомъ 34,000 дес., то-есть 13% общей площади уѣзда; въ Кромскомъ 4,580 дес.,—2%; въ Мценскомъ 25,700 дес.,—14%; въ Болховскомъ 15,000 дес.; въ Бѣлевскомъ 32,967 дес.; въ Лихвинскомъ 48,000 дес.,—26%; въ Перемышльскомъ 30,500 дес.,—19%; въ Калужскомъ 48,000 дес.,—25%; въ Зарай-

---

Въ изд. 1557 г., Kij: „Dise gegent vird nit so gar lang dermassen erpaut sein gewest, des geben ein antzaigen die grossen stögkh von paumen daselbstn, der ich vil selbs gesehen hab“.

[8]) *Контарини*, по изд. 1836 г., 178 (р. п., 109). Собр. госуд. грам. и договоровъ, I, №№ 138—141, стр. 351—387, 1504 г., межевыя грамоты, рубежъ города Дмитрова и Кашина отъ города Радонежа и отъ Переславскихъ становъ и волостей; рубежъ города Звенигорода съ Вышегородскими станами и волостьми; рубежъ городовъ Дмитрова, Рузы и Звенигорода съ Московскими станами и волостями; рубежъ тѣхъ же городовъ съ Можайскими и Клинскими станами и волостями.

Майербергъ, 98 (р. п., 183). „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“, *Ив. Забѣлина*, ч. 2-я, М., 1873 г., стр. 136. „Замѣтки по геогр. древней Руси“, *Л. Майкова*, стр. 36—37. См. также П. С. Р. Л., I, 159 (1176 г.); VII, 205 (1339 г.).

[9]) R. M. C., 67 C (р. п., 104).

[10]) Почвенная карта Европ. Россіи, С.-Пб., 1879 г. Объясненія къ хозяйст.-стат. Атласу Европ. Россіи, *Н. Вильсона*, стр. 483—484. Матеріалы для геогр. и стат. Рязан. губ., сост. *М. Барановичъ*, С.-Пб., 1860 г., стр. 211: въ Рязан. губ. лѣсная площадь опредѣляется въ 942,393 десятины.

скомъ 52,000 дес.,—25%; въ Рязанскомъ около 116,000 дес.,—29%; въ Спасскомъ 139,000, дес.,—35%; въ Касимовскомъ около 243,000 дес. [11]),—41%. Въ Рязанскомъ уѣздѣ почти всѣ лѣса сосредоточены въ за-окской части; въ Касимовскомъ и Зарайскомъ—преимущественно распространены на лѣвомъ берегу Оки. Въ Калужской губерніи хорошіе сосновые лѣса встрѣчаются на песчаной почвѣ. ближе къ рѣкамъ Окѣ и Жиздрѣ. Въ при-окскихъ уѣздахъ губерній Тамбовской, Владимірской и Нижегородской лѣса занимаютъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, болѣе значительное пространство, чѣмъ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Окѣ, выше впаденія въ нее р. Мокши. Такъ въ Елатомскомъ уѣздѣ они занимаютъ болѣе 30% всей площади, и къ числу болѣе лѣсистыхъ частей ея относятся долины р. Оки; въ Муромскомъ уѣздѣ, во время генеральнаго межеванія, лѣса занимали половину всей площади уѣзда, а она, по Швейцеру, заключаетъ въ себѣ 2,154 кв. вер., въ Гороховскомъ уѣздѣ подъ лѣсами считается до 235,000 дес., то-есть до 60% пространства уѣзда; въ Балахнинскомъ—лѣса тянутся вдоль Оки, отъ границъ Владимірской губерніи почти на 65 верстъ и отъ лѣваго берега Оки внутрь уѣзда верстъ на 50 [12]).

Въ достовѣрности вышеприведеннаго извѣстія Герберштейна о при-окскихъ лѣсахъ убѣждаютъ также и нѣкоторыя историческія свидѣтельства. Еще въ концѣ XV вѣка въ Каширскомъ уѣздѣ былъ лѣсъ, отвѣка не паханный, пожалованный царемъ Магметъ-Аминемъ Троицко-Песоцкому монастырю, и люди, призванные „жить на тотъ лѣсъ“, освобождались отъ царской дани. Въ 1543 году царь Шигъ-Алей далъ Троицко-Сергіеву монастырю жалованную грамоту, по которой прикащикамъ этого монастыря дозволялось ѣздить въ судахъ рѣкою Окою въ Гусевской лѣсъ и въ большой лѣсъ городскихъ людей съ тѣмъ, чтобы въ этихъ мѣстахъ сѣчь лѣсъ „на судовое дѣло на монастырское, на ковша, и на блюда, и на ендовы, и на всякое дѣло, на монастырской расходъ“. Лѣса Боровскіе упоминаются въ жалованной

---

[11]) Геогр.-стат. словарь Росс. имп., III, 673; II, 797; III, 370; I, 294, 357; III, 76; IV, 48; II, 445, 257; IV, 382, 706; II, 527. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Рязан. губ., сост. *М. Барановичъ*, С.-Пб., 1860 г., стр. 212.

[12]) Геогр.-стат. словарь Росс. имп., IV, 382; II, 527, 257, 181—182; III, 365; I, 676, 197 (ср. у *Вильсона*, стр. 480). Сп. насел. мѣстъ, Калужская губ., сост. *Н. Штиглицъ*, С.-Пб., 1863, стр. XXVII.

грамотѣ великаго князя Троицко-Сергіеву монастырю 1529 года. Въ росписи сторожъ города Новосиля, лежащаго при р. Зушѣ, впадающей въ Оку, упоминаются (1571 года) слѣдующіе лѣса: Княжій, Новосильскій, Колопенскій, Яковлевскіе и Половецкіе лѣски. Важно также свидѣтельство Олеарія, совершившаго путешествіе по р. Окѣ: въ области, лежащей выше устья р. Москвы, онъ видѣлъ такое множество дубовыхъ лѣсовъ, какого, замѣчаетъ онъ, „мы нигдѣ не встрѣчали въ цѣлой Россіи“ [13]).

„На востокъ и на югъ отъ рѣки Мокши“, пишетъ Герберштейнъ, „встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ Мордва (Mordvua)“. На эту же физическую особенность Мордовской земли указываютъ и извѣстія нашей лѣтописи подъ 1228 годомъ, когда Мордва, спасаясь отъ преслѣдованій со стороны русскаго войска, искала убѣжище въ своихъ первобытныхъ лѣсахъ. Они и въ настоящее время тянутся по песчано-глинистымъ берегамъ рѣки Мокши, а также къ востоку отъ нея занимаютъ значительное пространство; въ уѣздѣ Ардатовскомъ Нижегородской губерніи почти три четверти пространства всего уѣзда, именно 364,800 десятинъ, изъ которыхъ 56,300 десятинъ строеваго; въ Лукояновскомъ уѣздѣ при генеральномъ межеваніи 258,000 десятинъ, то-есть до 51%, а по новѣйшимъ даннымъ до 199,000 дес., то-есть 40% общей площади. Лѣсъ, преимущественно хвойный, въ этомъ уѣздѣ простирается въ юго-западной части его отъ берега рѣки Алатыря къ границамъ Краснослободскаго. И на безлѣсныхъ въ настоящее время, высокихъ мѣстахъ, на которыхъ часто попадается черная земля, между Ардатовымъ, Арзамасомъ и Лукояновымъ, нѣкогда, по сохранившимся у Мордвы преданіямъ, росли дубовые лѣса.

На югѣ отъ рѣки Мокши лѣса едва-ли занимали очень значи-

---

[13]) А. А. Э., I, № 135, стр. 101, 1498 г., нояб. 16-го; № 199, стр. 178, 1543 г., Іюля 18; стр. 146, 1529 г., нояб. 20-го. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1846 г., № 4, „О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича“, *И. Бѣляева*, „Источники“, стр. 10—11.

Олеарій, по изд. 1663 г., кн. 4, гл. I, стр. 334 (р. п., 392).

На водораздѣлѣ между рр. Окою и Днѣпромъ нѣкогда находились прославленные нашимъ эпосомъ лѣса Брынскіе, а Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи и въ настоящее время отличается лѣсистостію. „Народный эпосъ нашъ... также знаетъ обширные лѣса Муромскіе“. Замѣтки по географіи древней Руси, *Л. Майкова*, стр. 36—37.

тельное пространство, такъ какъ къ югу отъ ея вершинъ начинается черноземная полоса, сѣверный предѣлъ которой, какъ справедливо полагаютъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рубежомъ лѣсной полосы: въ челобитьѣ Вологжанина Якушки Галактіонова Галкина, 1674 года, говорится о томъ, что въ прошлыхъ годахъ для отысканія руды были посланы люди съ Пензы на Мокшанскія вершины въ степь [14]).

На юго-западѣ при-окской лѣсной полосы, близъ озера Іоанна, которое служитъ истокомъ рр. Шати и Танаиса, находился лѣсъ, который одни называли Окопицкимъ (Okonitzki), а другіе Епифановымъ (Iepiphanovu), а ближайшимъ къ степямъ городомъ была Тула [15]).

Равнина, по которой Донъ течетъ въ верховьяхъ своихъ въ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, и въ настоящее время покрыта лѣсомъ, кустарникомъ и моховыми болотами.

Любопытное замѣчаніе Герберштейна о Тулѣ, находящейся на рубежѣ песчано-глинистой и черноземной полосы, указываетъ на то, что уже въ первой половинѣ XVI в. сѣверный рубежъ пространства, которое народъ называлъ степью, совпадалъ съ рубежомъ черноземной полосы, и это предположеніе подтверждается и объясняется тѣми соображеніями и выводами, какіе были сдѣланы на основаніи изслѣдованій относительно составныхъ частей чернозема, теоріею о происхожденіи его изъ перегноя растительности не древесной, а травянистой [16]).

---

[14]) R. M. C., 65 A (p. п., 100). Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, С.-Пб., 1872 г., стр. 428—429. Почвенная карта Россіи, С.-Пб., 1879 г. Геогр.-стат. словарь Росс. имп., III, 291; I, 125; III, 104. Доп. къ А. И., т. VI, № 24 (V), стр. 159. Hydrographie des Russ. Reiches v. *Stuckenberg*, V, 474: „An der Mokscha.. sind ungeheure Lindenwälder“ (*Georgi's* Reisen, II, 835),

Лѣса Мокшанскій и Сурскій упом. въ росписи сторожъ 1571 г., Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс., 1846 г., № 4. О сторож. службѣ, *И. Бѣляевъ*, Источники, стр. 12—13. Никон. лѣт., VII, стр. 11, 1535 годъ: „сдѣланъ градъ древянъ (Мокшанъ) въ Мещере, на рѣцѣ на Мокшѣ“. Гео-батаническія изсл. *Ф. Рупрехта*, С.-Пб., 1866, стр. 14, 49—50. „Замѣтки по географіи древней Руси“, *Л. Майкова*, стр. 30, 38.

[15]) R. M. C., 66 B (p. п., 102).

[16]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 119. Почвенная карта Россіи, С.-Пб., 1879 г. Гео-ботаническія изсл. *Ф. Рупрехта*, С.-Пб., 1866 г., стр. 5, 7: „Дерновая почва составляетъ настоящій эквивалентъ чернозема, какъ по наружнымъ признакамъ, такъ и по химическому составу, и микроскопическому строенію“....

Къ полосѣ лѣсовъ Балтійскаго бассейна, входившей въ составъ владѣній Московской Руси, въ Запискахъ находимъ свидѣтельства, относящіяся къ той окрайнѣ ея, которая граничила съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Упомянувъ объ осадѣ Опочки польскимъ королемъ, Герберштейнъ замѣчаетъ: „Казалось бы, что въ этихъ мѣстахъ крайне неудобно вести войско, по причинѣ частыхъ болотъ, лѣсовъ и безчисленныхъ рѣкъ: однакожъ [войска] идутъ прямо туда, куда имъ надобно, ибо впередъ посылается множество поселянъ, которые должны удалять всѣ препятствія, вырубать деревья и настилать мосты черезъ болота и рѣки“ [17]).

Опочецкій уѣздъ Псковской губерніи и въ настоящее время принадлежитъ къ числу лѣсистыхъ. Площадь, которую занимаютъ въ немъ лѣса, опредѣляютъ въ 205,000 дес., что составляетъ 40% всей его площади [18]).

Къ востоку отъ Опочки, тоже на границѣ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, лежало княжество Бѣла (Biela) „въ пространныхъ лѣсахъ“—нынѣ Бѣльскій уѣздъ Смоленской губерніи. Въ немъ, по опредѣленіямъ Я. Соловьева, лѣса занимаютъ весьма значительное пространство, а именно 668,193 десятины, всего же въ этомъ уѣздѣ 913,941 дес., слѣдовательно на 1000 дес., подъ лѣсами приходится 730, а въ другихъ уѣздахъ Смоленской губерніи отъ 600 до 200 десятинъ [19]).

Область великаго княжества Литовскаго Герберштейнъ называетъ страною очень лѣсистою и между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что „между Вильною и Полоцкомъ находится весьма много озеръ, болотъ и необъятно огромныхъ лѣсовъ, тянущихся на пространствѣ почти пятидесяти германскихъ миль“ [20]).

Какъ извѣстно, нынѣшнія литовскія губерніи славились своими

Стр. 60 и слѣд.—о сѣверной границѣ черноземной полосы. „Замѣтки по географіи древней Руси“, *Л. Майкова*, стр. 30 и слѣд.

На картѣ, прилож. къ соч. *К. Весселовскаго* о климатѣ Россіи, стр. 312, синяя черта, означающая границу степной полосы, проходитъ къ югу отъ Воронежа, и не только не приближается къ Тулѣ, а находится отъ нея въ весьма значительномъ разстояніи. Ср. стр. 397.

[17]) R. M. C., 139 C—140 A (р. п., 208); въ изд. 1557 г., стр. V.

[18]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 660.

[19]) R. M. C., 71 B (р. п., 109); въ изд. 1557 г., стр. Lij об. „Сельско-хозяйственная статистика Смоленск. губерніи“, *Якова Соловьева*, М., 1855, стр. 343.

[20]) R. M. C., 109 A, 139 B (р. п., 165, 207); въ изд. 1557 г., стр. Piij, л. 2;

лѣсами, и ими онѣ довольно богаты и по послѣднимъ свѣдѣніямъ. Въ Виленской губерніи они занимаютъ 1,156,000 дес.,—30% всего пространства ея; въ Гродненской 958,000 дес.,—27%; въ Ковенской 768,000 дес.,—20% [21]).

Область Днѣпровскаго бассейна, входившая въ составъ Московской Руси, тоже изобиловала лѣсами. Смоленскъ, по замѣчанію автора Записокъ, былъ опоясанъ весьма обширными лѣсами, въ которыхъ добывали „много различныхъ мѣховъ". Къ сѣверу отъ Брянска былъ огромный лѣсъ, простиравшійся въ ширину на двадцать четыре мили [22]).

Въ настоящее время Брянскій уѣздъ считается лѣсистымъ: болѣе половины занимаемой имъ площади покрыта лѣсами, и они занимаютъ до 292,000 десятинъ [23]).

Изъ лѣсовъ, лежащихъ на югѣ восточно-европейской равнины, авторъ Записокъ упоминаетъ только о тѣхъ, которые находятся на Таврическомъ полуостровѣ (Chersonesus), при чемъ замѣчаетъ, что они перерѣзываютъ его по срединѣ. Очевидно, авторъ разумѣетъ тѣ лѣса, которые покрываютъ Крымскія горы [24]).

стр. Tiij, л. 2 об. Область Самогитіи „изобилуетъ рощами и лѣсами", 113, С (р. п., 169).

Жмудское княжество, говоритъ *Майербергъ*, 13 (р. п., 23), поросло лѣсами, въ которыхъ бѣгаетъ очень много лосей.

[21]) „Объясненія къ хозяйственно-стат. Атласу Европ. Россіи", *П. Вильсона*, 1869 г., стр. 480. „Лѣсохозяйственный статистическій Атласъ Европ. Россіи", С.-Пб., 1873 г. Здѣсь тѣ же опредѣленія пространства, занимаемаго лѣсами въ губ. Виленской, Гродненской и Ковенской, какія находятся и въ соч. *Вильсона*.

Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Виленская губ., сост. *А. Корева*, С.-Пб., 1861 г., стр. 474—475: 1,439,289 дес., 36%. Гродненская губ., сост. *П. Бобровскій*, ч. I, С.-Пб., 1863 г., стр. 409: въ 1857 г. лѣса занимали 823,500 дес., 23%; стр. 410: „въ разнообразныхъ показаніяхъ разность между maximum 948,000, и minimum 799,000 лѣснаго пространства, доходитъ почти до 150,000 дес."

Ковенская губ., сост. *Д. Афанасьевъ*, С.-Пб., 1861 г., на стр. 375—386 приведены историческія свѣдѣнія о лѣсахъ, а на стр. 387 лѣсная площадь этой губерніи опредѣлена въ 804,270 дес. А въ Геогр. стат. словарѣ Росс. имп., II, 652: 506,000 дес., 14%. Ср. тамъ же, I, 456 (Виленск. губ.), 694 (Гродн.).

[22]) R. M. C., 70 C, 70 B, 68 C (р. п., 108, 107, 105); въ изд. 1557 г., стр. Lij об., Lij, L об.

[23]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 321. Сельско-хозяйств. стат. Атласъ Европ. Россіи, С.-Пб., 1873 г. Площадь казенныхъ лѣсовъ въ Брянскомъ уѣздѣ занимаетъ 156,900 дес.

[24]) R. M. C., 101 B (р. п., 153); въ изд. 1557 г., стр. Oiij., л. 2 об. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 807.

XXII.

Различныя мнѣнія по вопросу о вліяніи лѣса на климатъ.—Безлѣсіе нашихъ степей съ древнѣйшаго времени.—Вліяніе лѣса на климатъ, почву и уровень внутреннихъ водъ, по новымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ.—Температура въ лѣсу и въ открытомъ полѣ.—Годовая средняя температура.—Распредѣленіе ежегодно выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ.—Подпочвенная вода.—Вредныя послѣдствія лѣсоистребленія въ Европѣ.—Особенности климата и почвы Московской Руси XVI вѣка.

Всѣ нами извлеченныя изъ сочиненія Герберштейна данныя о климатѣ, почвѣ и лѣсахъ сами по себѣ еще не даютъ права сдѣлать какія либо общія, болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія о климатическихъ и почвенныхъ особенностяхъ, какими отличалась природа Восточной Европы XVI в. Но эти заключенія становятся возможными, если мы обратимся къ современнымъ ученымъ наблюденіямъ надъ измѣненіями климата и почвы, происходящими вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, вслѣдствіе непрерывно совершающагося уменьшенія пространства, занимаемаго сплошными лѣсами.

Какъ извѣстно, вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ еще въ недавнее время принадлежалъ къ числу наиболѣе спорныхъ, и изъ различныхъ, часто противорѣчивыхъ мнѣній, высказанныхъ по этому вопросу учеными, стяжавшими себѣ громкую извѣстность, едва ли можно было вывести какое либо опредѣленное заключеніе. Каждое изъ этихъ болѣе замѣчательныхъ мнѣній было основано, правда, на какихъ либо фактическихъ данныхъ, но эти послѣднія не представляли ничего цѣлаго, касались одной какой либо группы физическихъ явленій, а потому и выводы, такимъ путемъ добытые, скоро оказывались вполнѣ несостоятельными. Всѣ эти домыслы, предположенія и догадки распадаются на двѣ группы. Къ одной относятся мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые не признавали за лѣсомъ никакого благотворнаго вліянія на климатъ и производительность страны, находили это вліяніе даже вреднымъ; другіе, напротивъ, преувеличивали значеніе лѣса, доказывали, что онъ имѣетъ существенное вліяніе на

климатъ, на годовую среднюю температуру, и полагали, что нѣкогда были покрыты лѣсами даже степныя пространства [1]).

На этихъ общихъ предположеніяхъ и догадкахъ, лишенныхъ строго-научнаго основанія, нельзя было, понятно, успокоиться, въ особенности въ виду того важнаго практическаго значенія, какое все замѣтнѣе и замѣтнѣе пріобрѣталъ занимающій насъ вопросъ, и для изслѣдованія его обратились къ собранію и разработкѣ тѣхъ данныхъ, которыя имѣютъ къ нему ближайшее отношеніе. Какъ ни скудны эти данныя въ настоящее время, все же онѣ дозволили изслѣдователямъ прійти къ важнымъ, положительнымъ выводамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ науки, и мы здѣсь должны обратить вниманіе на тѣ главнѣйшіе выводы, которые имѣютъ отношеніе къ задачѣ нашего изслѣдованія [2]).

Наблюденія, сдѣланныя въ одно и то же время и въ одной и той же мѣстности надъ температурою въ лѣсу и въ полѣ убѣдили въ томъ, что лѣтомъ она постоянно имѣетъ извѣстную разность: температура воздуха въ лѣсу ниже, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ, и чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ больше эта разность. Вслѣдствіе этого

---

[1]) О томъ, что наши степи съ того самаго времени, отъ котораго до насъ дошли историческія свидѣтельства о народахъ Восточной Европы, „всегда были степями, то-есть сохраняли на себѣ всегда преобладающій характеръ безлѣсія, хотя бы мѣстами лѣсные оазисы среди нихъ и были прежде многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ нынѣ“, см. „О климатѣ Россіи“, *К. Весселовскаго*, С.-Пб., 1857 г., стр. 394—399.

Труды Коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., „Животныя млекопитающія губерній Кіевскаго учебнаго округа“, *К. Кесслера*, стр. 39: „По увѣренію Палласа и Нордмана, бѣлки вовсе нѣтъ въ Крыму, и этимъ доказывается, какъ они справедливо замѣчаютъ, что Крымскія горы никогда не соединялись съ Кавказскими горами и что Крымскіе лѣса постоянно были окружены съ сѣвера обширными степями“. Гео-ботаническія изсл. *Ф. Рупрехта*, С.-Пб., 1866, стр. 7 и др., о происхожденіи чернозема не изъ лѣсной растительности, а изъ растеній травянистыхъ. Того же мнѣнія и *В. Докучаевъ*, „Tchernozeme de la Russie d'Europe“, St.-Petersbourg, 1879, стр. 8: la théorie de Rouprecht „me parait inattaquable“. См. его же „Картографія русскихъ почвъ“, С.-Пб., 1879, стр. 60, 87: „всѣ прибавившіеся послѣ Рупрехта факты все сильнѣе и сильнѣе подтверждаютъ вѣрность предложенной имъ теоріи“.

[2]) Обстоятельный обзоръ ученій о физическихъ свойствахъ лѣса былъ сдѣланъ *Я. Н. Вейнбергомъ* въ его сочиненіи „Лѣсъ и значеніе его въ природѣ“, Русск. Вѣстн., 1879 г., т. 139, янв. (гл. I—III), стр. 12 и слѣд.—мнѣнія ученыхъ о вліяніи лѣсовъ; февр. (гл. IV—X); т. 141, май (гл. XI—XIII); т. 142, авг. (гл. XIV—XVI); т. 143, окт. (гл. XVII—XIX); т. 144, нояб. (гл. XX—XXII).

между лѣсомъ и полемъ образуются воздушныя теченія; днемъ прохладный лѣсной воздухъ движется въ стороны, въ поля или луга, прилегающіе къ лѣсу; напротивъ ночью быстрѣе охлаждающійся на открытомъ мѣстѣ воздухъ проникаетъ въ лѣсъ и отсюда вытѣсняетъ болѣе теплый воздухъ. Такъ какъ воздухъ въ лѣсу отличается большею влажностью, то онъ и оказываетъ благотворное вліяніе на полевую растительность, днемъ ослабляетъ жаръ и освѣжаетъ ее, а ночью предотвращаетъ поля отъ значительнаго охлажденія [3]).

Въ странахъ, богатыхъ лѣсомъ, говоритъ Эбермайеръ, лѣтомъ средняя дневная температура воздуха, а тѣмъ болѣе почвы должна быть ниже, чѣмъ въ странахъ безлѣсныхъ, которыя имѣютъ одинаковое положеніе. Поэтому истребленіе лѣсовъ причиняетъ лѣтомъ не только увеличеніе температуры воздуха, но въ особенности средней температуры почвы, вслѣдствіе чего вода испаряется быстрѣе, и почва становится менѣе влажною. До тѣхъ поръ пока лѣса въ Европѣ, и спеціально въ Германіи, имѣли большее протяженіе, чѣмъ въ настоящее время, мы имѣли, безъ сомнѣнія, болѣе прохладное лѣто, болѣе влажную почву [4]).

Что же касается до годовой средней температуры, то вліяніе

---

[3]) „Вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ“, *Д. Кравчинскій*, Лѣсной журналъ, 1876 г., вып. 6, стр. 25 и слѣд. Къ статьѣ г. Кравчинскаго приложены метеорологическія таблицы. Вопросъ о томъ, „на какое пространство можетъ вліять лѣсъ и на сколько градусовъ онъ можетъ охладить воздухъ окрестностей?“ (стр. 35)—авторъ считаетъ совершенно не выясненнымъ.

„Лѣсъ и значеніе его въ природѣ“, *Я. Вейнберга*, Русск. Вѣстн., т. 139, 1879 г., февр., стр. 524 и слѣд., 536—538, 547—552; т. 143, 1879 г., окт., стр. 661, 665: „Въ многочисленныхъ, лежащихъ предъ нами, источникахъ, говоритъ г. Вейнбергъ, мы встрѣчали множество фактовъ, доказывающихъ, что по мѣрѣ вырубки лѣсовъ плодородіе почвы уменьшается именно вслѣдствіе увеличившейся сухости, но мы не встрѣтили *ни одного* примѣра, который показалъ бы противное, то-есть, что именно истребленіе лѣса подѣйствовало благотворно на окрестныя поля, увеличивъ ихъ влажность“...

„Замѣтка о значеніи лѣсовъ“, *А. А. Фадѣевъ*, Труды Импер. Москов. Общ. сельскаго хозяйства, вып. 1, М., 1877 г., стр. 5—8. „Die physikalischen Einwirkungen des Waldes auf Luft und Boden“, *Ebermayer*, Aschaffenburg, 1873 г., стр. 86, 110, 112: „in klimatologischer Hinsicht sind diese Luftbewegungen (zwischen Wald und Freiem) beachtenswerth, weil bei Tage durch den Luftzug aus dem Walde die benachbarte Atmosphäre auf freiem Felde bis auf einen gewissen Umkreis feuchter und kühler wird“.

[4]) *Ebermayer*, Die physikalischen Einwirkungen des Waldes, 1 B., s. 87. Ст. *Вейнберга*, Русск. Вѣстн., 1879 г., февр., стр. 527.

лѣса на нее не можетъ быть признано значительнымъ, и оно несомнѣнно далеко уступаетъ вліянію на нее тѣхъ физическихъ условій, отъ которыхъ эта температура находится въ прямой, замѣтной зависимости [5]).

Едва ли отъ лѣса зависитъ и общее количество выпадающаго въ извѣстной области дождя, хотя лѣсъ, задерживая воздушныя теченія и сгущая воздухъ, способствуетъ образованію дождя, увеличиваетъ число дождевыхъ дней, и тѣмъ самымъ способствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію ежегодно выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ. Какъ извѣстно, ливни въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ бываютъ весьма рѣдко. Г. Матье, помощникъ директора лѣсной школы въ Нанси, сравнивая количество дождя, выпавшаго на разныхъ станціяхъ (ихъ было три: одна въ лѣсу, другая у опушки, въ 8 верстахъ отъ первой, и третья на открытомъ полѣ, въ 18 верстахъ отъ первой), пришелъ къ тому заключенію, что на лѣсистой мѣстности выпадаетъ дождя на 6% больше, нежели на открытой. Въ дельтѣ верхняго Египта, вслѣдствіе посадки двадцати милліоновъ деревъ, число дождливыхъ дней въ году возрасло, съ пяти и шести на сорокъ пять и сорокъ шесть. Въ Екатеринославской губерніи, крайне безлѣсной, столбъ выпадающей влаги имѣетъ такую же величину, какъ и въ губерніи Петербургской (приблизительно въ 17 или 18 дюймовъ), но дни падающихъ водъ въ послѣдней „несравненно многочисленнѣе“ [6]).

---

[5]) „Лѣсъ и значеніе его въ природѣ“, *Я. И. Вейнбергъ*, Русск. Вѣстн. т. 139, 1879 г., февр., стр. 547: средняя годовая температура почти одинакова въ лѣсу и на открытомъ полѣ.

Въ соч. *г. Веселовскаго*: „О климатѣ Россіи“, стр. 405, напечатана таблица среднихъ годовыхъ температуръ С.-Петербурга за 10-лѣтніе періоды съ 1744—1856 гг. По даннымъ этой таблицы оказывается, что среднія температуры Петербурга за указанный періодъ времени постепенно то повышались, то понижались (maximum 3, 53; minimum 1, 70). Эти измѣненія конечно, не зависѣли отъ вліянія лѣса. Если годовая средняя температура не находится въ замѣтной зависимости отъ этого вліянія, то мы, конечно, не имѣемъ основанія предполагать, что климатъ Московской области въ XVI в. былъ холоднѣе, чѣмъ въ настоящее время, какъ нѣкогда полагалъ *Рулье*, „О животныхъ Московской губерніи“ (1845 г.), стр. 78 („не подлежитъ также сомнѣнію, что мѣстность древней Москвы имѣла... совершенно другой климатъ“).

[6]) „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“, *Oscar Peschel*, Leipzig, 1878 г., s. 190—191: „Dass Wälder örtlich die Häufigkeit der Niederschläge vermehren, darf man jedoch nicht leugnen“. „Allein die Menge des Regens welche jähr-

Лѣсъ имѣетъ также вліяніе и на внутреннія воды. Онъ собираетъ и хранитъ ихъ. Зимой, во время мятелей, снѣгъ осаждается въ лѣсу; весною онъ защищаетъ снѣговую поверхность отъ быстраго таянія; лѣтомъ—охраняетъ теченіе рѣкъ отъ наносовъ. Хотя почва, покрытая лѣсомъ и получаетъ около 74% выпавшей воды, хотя сами деревья испаряютъ значительное количество влаги, все же, какъ доказали наблюденія, почва въ лѣсу сырѣе, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ. Поэтому справедливо полагаютъ, что въ то самое время, когда болѣе всего необходимо сбереженіе влаги, лѣсъ сохраняетъ почвенную и подпочвенную воду, подземные источники и ключи, которые питаютъ рѣки, и такимъ образомъ способствуетъ сохраненію одинаковаго уровня текучихъ и стоячихъ внутреннихъ водъ [7]).

---

lich auf Erden fällt würde eben so gross sein, wenn es gar keinen wenn es wenig, oder wenn es viel Wald auf den Festlanden gäbe".

„Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ", *А. И. Воейковъ*, „Статьи метеорологическаго содержанія", 1871 г., № 1, стр. 60—61: по статистическимъ даннымъ количество выпадающаго дождя на Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, въ періодъ времени съ 1838—67 гг. не уменьшилось, не смотря на значительное истребленіе лѣса, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до такой степени, что онѣ уже нуждаются въ немъ. „Вопросъ объ уменьшеніи водъ въ источникахъ и рѣкахъ", *Я. И. Вейнбергъ*, Русск. Вѣстн., т. 133, 1878 г., февр., стр. 520—521. „Für Baum und Wald" von *M. J. Schleiden*, Leipzig, 1870 г., стр. 58 (русскій переводъ *Ал. Рудзскаго*: „Дерево и лѣсъ", изд. Лѣснаго общества, С.-Пб., 1873 г.).

Труды Императ. Общ. сельскаго хозяйства, М., 1877 г., стр. 59 и слѣд., въ рефератѣ Д. Ѳ. Самарина приведены результаты наблюденій Матье (Revue des deux mondes, 1875 г. Rapports de météorologie forrestière par *Mathieu* и др.). „Пренія и заключенія II-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Липецкѣ", С.-Пб., 1875 г., стр. 65, замѣчанія *В. А. Вольскаго* относительно величины столба выпадающей влаги въ Екатеринославской губерніи, основанныя на данныхъ въ сборникѣ Веселовскаго.

[7]) „Die physikalischen Einwirkungen des Waldes auf Luft und Boden" v. *Ebermayer*, стр. 169 и слѣд. Труды Импер. Московск. Общества сельскаго хозяйства, вып. 1, М., 1877 г. „Замѣтка о значеніи лѣсовъ", *А. А. Фадѣева*, стр. 8. „Пренія и заключенія II-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Липецкѣ", С.-Пб., 1875 г., стр. 68, 43—45, докладъ *И. Т. Голенищева-Кутузова*. „О пользѣ и значеніи лѣсовъ для сельскаго хозяйства", *Василія Гомилевскаго*, стр. 42 и слѣд. (отд. оттискъ, извлеч. изъ журнала Труды Импер. Вольн. Эконом. общества, т. III, в. 2, 3 и 4, 1875 г.).

„Лѣсъ и значеніе его въ природѣ", *Я. Вейнберга*, Русск. Вѣстн., т. 142, 1879 г., авг., стр. 490 и слѣд., 496—497: „Разность между количествомъ просачивающейся въ лѣсную почву влаги достигаетъ своего максимума лѣтомъ: между тѣмъ какъ въ открытомъ полѣ на глубинахъ 1', 2' и 4' соотвѣтственно просачивались 19%, 14% и 11% всей выпавшей атмосферной влаги, въ лѣсной

Съ истребленіемъ лѣса постоянные источники превращаются въ перемежающіеся. Въ этомъ отношеніи поучительна судьба Волчьяго источника въ Бернскомъ кантонѣ Швейцаріи. „Онъ получилъ свое издревле существующее названіе“, замѣчаетъ Шлейденъ, „конечно, еще въ то время, когда теченіе его было правильно“, то-есть, когда мѣсто истока его было покрыто лѣсомъ, но лѣсъ былъ истребленъ, и лѣтъ 90 тому назадъ этотъ источникъ былъ перемежающимся, и въ немъ только во время очень продолжительнаго дождя появлялась маленькая водная струя. Когда же появился молодой еловый лѣсъ выше источника, онъ снова сталъ постояннымъ, даже во время продолжительныхъ засухъ имѣлъ сильную струю воды и въ продолженіе 40 или 60 лѣтъ славился во всей окрестности; но когда лѣсъ снова былъ вырубленъ, Волчій источникъ опять изъ постояннаго обратился въ перемежающійся и снова потерялъ то значеніе, какое нѣкогда имѣлъ для обитателей орошаемой имъ мѣстности. Община Лабрюйеръ въ Тарнскомъ департаментѣ, разсказываетъ тотъ же ученый, имѣетъ лѣсъ (Монто), занимающій пространство въ 1834 гектара. Изъ этого лѣса вытекаетъ маленькая рѣчка, приводящая въ движеніе колеса нѣсколькихъ сукновалокъ, на что было бы потребно приблизительно восемь лошадиныхъ силъ. Община эта долгое время была извѣстна тѣмъ, что оказывала противодѣйствіе всѣмъ лѣснымъ законамъ. Неправильная рубка и злоупотребленіе правомъ пастьбы такъ истощили лѣсъ, что онъ болѣе не могъ удовлетворять даже необходимости въ топливѣ. Онъ былъ разоренъ, и послѣ каждаго сильнаго дождя рѣчка выходила изъ береговъ, и русло ея возвышалось отъ щебня; сукновалки часто принуждены были останавливаться, уступая напору дикаго потока. Лѣтомъ, напротивъ, наступалъ недостатокъ воды, и каждая сукновалка должна была сокращать свое производство на половину, а то и вовсе прекращать свою дѣятельность. Съ 1840 года общиннымъ властямъ удалось убѣдить жителей въ неправильности ихъ дѣйствій; лѣсъ возобновили, его стали сберегать, за нимъ стали имѣть уходъ—и мало по малу всѣ прежнія благопріятныя отношенія возвратились. Наводненія или совсѣмъ не

почвѣ оказалось 72, 65 и 36%. „Значеніе лѣсовъ, какъ регуляторовъ почвенной влажности лѣтомъ и вообще распредѣлителей водъ“, замѣчаетъ Эберманеръ (стр. 227), „ничѣмъ лучше не можетъ быть выражено, какъ этими цифрами“. Стр. 503 и слѣд.—объ убыли влаги въ лѣсу.

появлялись, или если и были, то не производили опустошеній, а рѣчка и въ самыя жаркія лѣта доставляетъ достаточно воды для производства работъ.

На высотахъ, окружающихъ Гейльброннъ (въ Баденѣ), лѣса срубаются въ правильномъ двадцатилѣтнемъ оборотѣ. Каждый разъ, когда очередь рубки дойдетъ до извѣстнаго мѣста, ключи начинаютъ давать менѣе воды, а иные и вовсе высыхаютъ; но по мѣрѣ подростанія новаго лѣса, количество воды увеличивается, и она снова достигаетъ прежняго уровня [8]).

Явленія, подобныя вышеописаннымъ, были замѣчаемы и въ Россіи. Такъ въ одномъ имѣніи Харьковскаго уѣзда, близъ Чугуева, были „чудесные ключи“ въ лѣсу, но съ вырубкою его и они изсякли. До шестидесятыхъ годовъ черезъ Харьковъ протекали двѣ незначительныя рѣчки, которыя, вслѣдствіе неумѣреннаго истребленія лѣсовъ, въ началѣ этихъ годовъ, стали съуживаться и мельчать, а около 1875 года меньшая изъ нихъ, именно Лопань, пересыхаетъ совершенно въ знойные мѣсяцы [9]).

Вообще хищническое истребленіе лѣса, въ особенности на горахъ и въ области рѣчныхъ истоковъ, имѣло и имѣетъ губительныя послѣдствія для многихъ культурныхъ странъ: уровень ихъ внутреннихъ водъ понизился, а число наводненій въ извѣстный періодъ времени возрасло, сухость воздуха лѣтомъ стала ощутительнѣе, и почва лишилась своего прежняго плодородія, вслѣдствіе чего бѣднѣетъ и растительность. Такая участь постигла Месопотамію, Палестину, Грецію, Италію и Испанію. Воды р. Евфрата изсякли; Іор-

---

[8]) „Für Baum und Wald“, v. *M. I. Schleiden*, стр. 90—91, 80—81, 102 (р. п., по изд. 1873 г., стр. 59, 53—54, 66). Стр. 82 (р. п., 55): По Соссюру, Нейенбургское, Бильское и Муртенское озера составляли большой водяной бассейнъ до тѣхъ поръ, пока окружающія горы были покрыты лѣсомъ; со времени его истребленія эти озера раздѣлились, и уровень ихъ понизился; 58—63 (41—44). „Ueber die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen bei gleichzeitiger Steigerung der Hochwässer in den Culturländern“, von *Gustav Wex*, Wien, 1873 г., стр. 21—27.

[9]) „Пренія и заключенія II-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Липецкѣ“, С.-Пб., 1875 г., стр. 44—45, докладъ *Н. Т. Голенищева-Кутузова*. „Труды III-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Ригѣ“, С.-Пб., 1877 г., стр. 89 и слѣд., выписка изъ брошюры академика *Гельмерсена*: „Докладъ коммиссіи, назначенной С.-Петербургскою Академіею Наукъ для разсмотрѣнія сочиненія г. *Векса* объ уменьшеніи запаса воды въ ручьяхъ и источникахъ“.

данъ сталъ значительно уже и мельче. Во внутренней Греціи сухость воздуха постоянно увеличивается, горные ручьи исчезаютъ и распространяются приземистые кустарники. „На многихъ горахъ, имѣющихъ въ высоту болѣе 3,000′, еще находятся слѣды прежняго богатаго растительнаго міра, даже замѣтны еще русла прежнихъ ручьевъ, но вода и многолѣтняя растительность уже исчезли. Отъ моря постоянно, далѣе и далѣе въ глубь страны, проникаетъ степная флора“... Лишенныя лѣсной растительности Апеннины перестали служить защитою для сѣверныхъ частей Италіи отъ губительнаго дѣйствія сирокко. Въ Сициліи, нѣкогда называвшейся житницею Европы, зачастую приходится видѣть, какъ пшеница не можетъ вызрѣть на изсушенномъ воздухѣ. На островѣ, прежде столь лѣсистомъ, остался теперь всего одинъ большой лѣсъ, Bosco di Carenia, простирающійся отъ подошвы Этны до сѣвернаго берега; съ лѣсомъ исчезло и плодородіе почвы. Фіумаріи—глубокія рытвины, наполненныя щебнемъ, послѣ каждаго ливня, опустошаютъ плодоносныя равнины и часто черезъ нѣсколько часовъ опять совершенно пересыхаютъ [10]).

И даже тамъ, гдѣ истребленіе лѣса еще не достигло такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ помянутыхъ странахъ, или неумѣренное, или въ полномъ смыслѣ хищническое истребленіе лѣса уже успѣло оказать замѣтное вліяніе даже на физическія условія. Такъ вездѣ и въ средней, и въ сѣверной Европѣ весеннія наводненія болѣе и болѣе принимаютъ характеръ разрушительный, такъ какъ снѣговая поверхность, не защищенная лѣсомъ, подвергается быстрому таянію и потому не можетъ имѣть того благотворнаго вліянія, какое она вообще имѣетъ тамъ, гдѣ она находится подъ благодѣтельною защитою лѣса.

Во Франціи, вслѣдствіе лѣсоистребленія, въ особенности на югѣ и западѣ ея, предѣлъ области распространенія винограда и оливки постоянно оттѣсняется на югъ, лишившійся благодѣтельной защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ; въ Швейцаріи учащаются наводненія, об-

---

[10]) *Schleiden*, 59 и слѣд. (р. п., 41 и слѣд.). „Histoire des grandes forêts“ etc. par *L. F. Alfred Maury*, Paris, 1850 г., стр. 95—96, 99—101, 117—121. „Вопросъ объ уменьшеніи водъ въ источникахъ и рѣкахъ“, *Я. И. Вейнберга*, Русск. Вѣстн., т. 133, 1878 г., февр., стр. 593—504. „Ueber die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen“, von *Gustav Wex*, стр. 30.

валы щебня и лавинъ, многіе ручьи изсякли и значительныя пространства земли стали безплодными. Нѣчто подобное замѣчается и въ Тиролѣ, гдѣ „во многихъ мѣстностяхъ тучнѣйшія пастбища зачахли, разведеніе картофеля и овощей сдѣлалось невозможнымъ“, какъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ южно-тирольскихъ долинахъ; въ другихъ мѣстностяхъ сильно пострадало и даже вовсе прекратилось винодѣліе. „Въ Венгріи, вслѣдствіе истощенія лѣсовъ, давно уже замѣчается“, по словамъ Шлейдена, „непрерывное вторженіе степной растительности съ востока внутрь страны“.

Отъ недостатка лѣса страдаетъ и Германія. Одеръ, Эльба и Рейнъ мелѣютъ; съ 1852 г. многіе колодцы Германіи, до этого времени изобиловавшіе водою, пересохли. Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ на берегахъ Балтійскаго моря, увеличилось неблагопріятное вліяніе сѣверныхъ вѣтровъ на климатъ Пруссіи: онъ сталъ суровѣе и „желательное распредѣленіе атмосферическихъ осадковъ по временамъ года“ нарушилось. Въ Даніи, нѣкогда славившейся своими лѣсами, истребленіе ихъ тоже причинило великій вредъ: Ютландія стала жертвою сѣверозападныхъ бурь и врывающихся внутрь страны сыпучихъ песковъ. Вредныя послѣдствія лѣсоистребленія болѣе и болѣе ощущаются и въ Россіи и даютъ также знать о себѣ и въ Америкѣ [11].

---

[11]) *Schleiden*, 77, 88, 93, 96, 99, 101, 106, 113, 116, 118—122 (р. п., 51, 58, 61, 63—64, 65, 68, 70—75). „Histoire des grandes forêts par *Maury*, Paris, 1850 г., стр. 192 и слѣд. „Ueber die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen“ von *Gustav Wex*, Wien, 1873, стр. 19 и слѣд. „Вопросъ объ уменьшеніи водъ въ источникахъ“, *Я. И. Вейнберга*, Русск. Вѣстн., т. 133, 1878 г., февр., стр. 496 и слѣд. Здѣсь изложены результаты долголѣтнихъ наблюденій надъ высотою уровня германскихъ рѣкъ и мнѣнія Берггауза (1837 г.), Векса и другихъ ученыхъ о причинахъ постепеннаго уменьшенія водъ Эльбы, Дуная, Рейна, Вислы и Мозеля; стр. 502—объ уменьшеніи проточныхъ водъ во Франціи и Италіи; 505—506—примѣры вредныхъ послѣдствій лѣсоистребленія во Франціи, Испаніи, Швейцаріи, Италіи и Америкѣ.

О лѣсной площади Россіи см. „Труды всероссійскихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ по вопросу о лѣсоохраненіи“, *С. В. Ведровъ*, С.-Пб., 1877 г., стр. 8—9; „Труды III-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Ригѣ“, С.-Пб., 1877 г., стр. 28: Атласъ, изд. Лѣснымъ обществомъ, содержитъ въ себѣ въ настоящее время многія неточности“, такъ какъ, вѣроятно, многія лѣсныя пространства превращены въ угодья. „Отчетъ о послѣднемъ засѣданіи IV-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ Варшавѣ“, сост. *В. Сахаровъ*, Варшава, 1879 г., стр. 1 и слѣд.—докладъ *Крассускаго*.

О вліяніи нѣкогда бывшихъ въ Новороссійскомъ краѣ лѣсовъ на его кли-

Всѣ нами сдѣланныя указанія относительно значенія лѣса даютъ критеріумъ для оцѣнки вышеприведенныхъ извѣстій Герберштейна. Его замѣчаніе слѣдовательно о необыкновенной суровости климата Московской Руси мы не можемъ принимать безотносительно: годовая средняя температура въ различныхъ мѣстностяхъ Восточной Европы и въ XVI вѣкѣ, вѣроятно, была почти такою же, какъ и въ настоящее время, существенныя же отличія, какъ можно предполагать, состояли въ томъ, что въ XV—XVI вѣкѣ климатъ былъ ровнѣе; воздухъ, въ особенности лѣтомъ, отличался большею влажностію. Что касается до почвы, то она въ XVI вѣкѣ лѣтомъ долѣе сохраняла влагу и была плодороднѣе не только потому, что была менѣе истощена, чѣмъ нынѣ, но и потому, что на нее оказывала благотворное вліяніе лѣсная растительность. Отъ обилія лѣса рѣки были многоводнѣе; время половодья наступало позже и продолжалось долѣе, чѣмъ въ настоящее время [12]).

матъ и растительность см. „Лѣса—спасенье Новороссійскаго края“, *И. Б. Г.*, Одесса, 1872 г., стр. 16, 31, 42, 47 (на этой страницѣ и слѣд. приведены нѣкоторыя заимствованныя изъ дорожника 1697 г. данныя, свидѣтельствующія, что въ это время въ Новороссіи „было еще довольно лѣсу“).

О лѣсоистребленіи въ Средней Азіи см. „Пренія и заключенія II-го всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ гор. Липецкѣ“, С.-Пб., 1875 г., стр. 89—90, докладъ *Л. Н. Соболева*. „О пользѣ и значеніи лѣсовъ для сельскаго хозяйства“, *Василія Гомилевскаго* (1875 г.), стр. 48: „до сихъ поръ еще не опредѣлено научно-строго, какое отношеніе лѣсной площади къ не лѣсной можетъ считаться наиболѣе благопріятнымъ для данной мѣстности“. См. „Труды Импер. Москов. общ. сельскаго хозяйства“, М., 1877 г., вып. I, докладъ *В. Т. Собичевскаго*, стр. 55. „Лѣсъ и значеніе его въ природѣ“, *Я. Н. Вейнберга*, Русск. Вѣстн., т. 142, 1879 г., авг., стр. 499: „Если въ Германіи принято, что выгоднѣйшее отношеніе лѣсной площади къ площади данной области вообще не должно быть менѣе 0,25, то этого нельзя сказать относительно всѣхъ мѣстностей вообще“.

[12]) Таблица возвышенія воды въ Астрахани съ 1828—1867 гг., приложенная къ ст. *А. И. Воейкова*: „Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ“, „Статьи метеорологическаго содержанія“, 1871 г., № 1, стр. 57—58, несомнѣнно доказываютъ, что начало половодья наступаетъ теперь гораздо ранѣе, чѣмъ прежде. Стр. 59: „Въ Астрахани вода прежде прибывала понемногу, теперь она прибываетъ скоро; это именно и должно было произойти вслѣдствіе значительнаго истребленія лѣсовъ въ большей части бассейна Волги“. *Я. Н. Вейнбергъ* въ своей статьѣ: „Вопросъ объ уменьшеніи водъ въ источникахъ и рѣкахъ“, Русск. Вѣстн., т. 133, 1878 г., февр., стр. 497, 507—511, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Векса о существованіи тѣсной связи между обмелѣніемъ рѣкъ и увеличеніемъ половодій, вслѣдствіе лѣсоистребленія, приводитъ убѣдительныя доказательства въ защиту этого положенія.

Эти выводы, основанные на новѣйшихъ наблюденіяхъ надъ физическими свойствами лѣса, объясняютъ и подтверждаютъ многія историческія свидѣтельства. Какъ мы видѣли, и Барбаро, и Контарини, и Іовій указываютъ на то, что даже лѣтомъ дороги въ Московіи, по причинѣ болотъ, представляли большія препятствія для движенія. Въ Московіи, говоритъ Альбертъ Кампенскій, многія рощи, а также лѣса и болота вынуждаютъ каждаго держаться большихъ дорогъ, весьма бдительно охраняемыхъ княжескою стражею. Если-жъ кто нибудь вздумаетъ уклониться отъ этихъ дорогъ и избрать окольную дорогу, то неминуемо погибнетъ въ непроходимыхъ болотахъ [13]). Въ 1471 году великій князь Иванъ III могъ предпринять походъ къ Новгороду потому, что лѣто было жаркое и сухое, вслѣдствіе чего и пути были удобопроходимы [14]).

Хотя, замѣчаетъ Олеарій, „обширная страна Русская тамъ и сямъ покрыта кустарникомъ, обильна лѣсомъ, большею частію еловымъ, березовымъ и орѣшникомъ, хотя она довольно пустынна и болотиста, тѣмъ не менѣе, по причинѣ добраго качества почвы, земля въ ней, при небольшой обработкѣ, чрезвычайно плодородна (за исключеніемъ немногихъ миль около города Москвы, гдѣ почва песчаная) и родитъ рожь и пшеницу въ громадномъ изобиліи. Сами Голландцы признаютъ это и разсказываютъ, что во время бывшей у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дороговизны хлѣба, Россія помогла имъ самымъ лучшимъ образомъ. Рѣдко услышишь, чтобы (въ Россіи)

---

[13]) *Альбертъ Кампенскій*, по изд. 1836 г., стр. 69 (р. п., 31—32).

[14]) П. С. Р. Л., VI (Соф. 1), стр. 9: „Земля же ихъ бяше Новгородская озеры и болоты вельми наводнена и того ради въ лѣтней годинѣ рать на нихъ конная николи же не бывала ни отъ которыхъ прежнихъ господарей великихъ князей“...

Заслуживаютъ также вниманія и относящіяся къ XV вѣку извѣстія псковскихъ лѣтописей о дождяхъ и грозахъ (число грозъ, по мнѣнію *Пассека*, уменьшается вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ. „О климатѣ Россіи“, *К. Весселовскаго*, стр. 380). П. С. Р. Л., IV (Псков. 1), стр. 196 (1404 г.), 202 (1421 г.), 205—206 (1430 г.), 207 (1433 г.), 210 (1436 г.), 216 (1455 г.), 217 (1456 г.), 228 (1464 г.), 231 (1468 г.): „нача находити дождь силенъ, грѣхъ ради нашихъ, какъ христіане ржи пожали, мѣсяца іюля, да тако иде весь мѣсяцъ безпрестани и все лѣто, и мѣсяца августа, сентября и октября, вси четыре мѣсяцы; и наполнишася рѣки и ручьи, и болопья, аки веснѣ водою“, 234—235 (1470 г.), 259 (1478 г.), 262 (1479 г.), 268 (1491 г.); V (Псков. 2), стр. 19 (1405 г.), 23 (1421 г.), 32 (1456 г.), 38 (1478 г.), 42 (1484 г.). См. также Никон., VI, стр. 60 (1475 г.), 145 (1496 г.).

была дороговизна на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, гдѣ нѣтъ никакого сбыту хлѣба, земля не обработывается вовсе, хотя-бы и была удобна къ тому, и лишняго запаса хлѣба не дѣлаютъ, довольствуясь тѣмъ, что нужно на годовой запасъ, ибо каждый знаетъ, что всякій годъ соберетъ свою богатую жатву“ [15]).

XXIII.

Почва и произведенія растительнаго царства степной полосы на юго-востокѣ Европы, по извѣстіямъ Барбаро (урожай пшеницы и пшена);—Контарини;—Матвѣя Мѣховскаго (Air, calamus aromaticus; reuponticum; oculus cornicis; красильныя растенія въ Руссіи);—Альберта Кампенскаго и Герберштейна (границы степной полосы, берега рѣки Дона).

На ряду съ извѣстіями о лѣсной полосѣ Московіи у иностранныхъ писателей XV—XVI в. находимъ также свѣдѣнія и о степной полосѣ ея. Барбаро, умалчивая о климатическихъ особенностяхъ южно-русскихъ степей, счелъ нужнымъ дать понятіе о необыкновенной ихъ производительности.

Я не знаю, пишетъ онъ, кто, кромѣ очевидца, съумѣлъ бы сказать то, что̀ я теперь скажу: если бы кто спросилъ, чѣмъ кормится этотъ народъ (Татары)? откуда онъ, каждый день переходя съ мѣста на мѣсто, беретъ хлѣбъ, употребляемый въ пищу, гдѣ находитъ его? Я, какъ очевидецъ, отвѣчу, что (Татары) дѣлаютъ въ этомъ случаѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ по всей ордѣ возвѣщаютъ (far gride) о томъ, чтобы каждый, желающій дѣлать посѣвъ, приготовилъ все, для того нужное: ибо въ такой-то день марта предположено отправиться къ такому-то мѣсту, для посѣва. Вслѣдствіе этого (fatto questo) всѣ желающіе участвовать въ посѣвѣ (quelli c'hanno voglia di seminare ò far seminare) дѣлаютъ свои приготовленія и условливаются другъ съ другомъ, насыпаютъ сѣмена на повозки и отправляются со скотомъ, необходимымъ (для Татаръ), съ женами и дѣтьми или только съ нѣкоторыми изъ нихъ (ò parte d'essi) къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ того мѣста, гдѣ находилась орда во время возвѣщенія приказа о посѣвѣ. Здѣсь они пашутъ, сѣютъ (хлѣбъ) и остаются до тѣхъ

[15]) *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 2, стр. 153 (р. п., 117—118).

поръ, пока сдѣлаютъ то, что̀ желаютъ, и затѣмъ возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ погулять и безпрестанно сзади наблюдающей за ними, все кружится около засѣянныхъ мѣстъ, останавливаясь то тамъ, то сямъ,—и не удаляясь отъ нихъ далѣе четырехъ дней пути до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ хлѣбъ. Когда же онъ созрѣетъ, то не вся орда, а только сѣятели и желающіе купить хлѣбъ отправляются туда съ повозками, волами, верблюдами и со всѣмъ нужнымъ, какъ бы на собственную мызу. Почва весьма плодородна. Пшеницы (frumento) родится самъ-пятьдесятъ, а проса (miglio)—самъ-сто: иногда жатва бываетъ такъ обильна, что часть (хлѣба) оставляютъ на мѣстѣ [1]).

---

¹) *Барбаро*, по изд. 1836 г., стр. 84—85; русск. перев., на стр. 36—38, не отличается точностію: въ подл. quelli c'hanno voglia di seminare, ó far seminare, s'apparecchiano et accordansi insieme"—въ переводѣ, напечатанномъ въ Библіотекѣ: „всѣ желающіе немедленно дѣлаютъ приготовленія свои" (37); „et menano gli animali, che gli fanno bisogno"—„и отправляются съ рабочимъ скотомъ"; „il qual (frumento) e grande com'il padrone"—„пшеница очень крупна зерномъ"; „et alle volte hanno tanta ricolta, che la lasciano in campagna"—„иногда жатва бываетъ такъ обильна, что *не знаютъ куда дѣваться съ хлѣбомъ*, и часть его, по необходимости, оставляютъ на мѣстѣ" (37—38). „Secondo volume Delle navigationi et viaggi racolto gia da M. *Gio-Battista Ramusio*", Venetia, 1574, стр. 95 об. *(Iosafa Barbaro)*: frumento „e grande com'il padouano" (въ изд. 1836 г., стр. 85: „padrone"). „Works issued by the Hakluyt Society", „Travels to Tana and Persia, by Barbaro", London, 1873, стр. 22: „and their busshell is as great as the Padouane".

Въ Херсонской губерніи средній урожай пшеницы опредѣляется отъ самъ-шести до самъ-семи, а проса—отъ самъ-двадцати пяти до самъ-сорока, см. „Объясненія къ хозяйственно-статистическому Атласу Европейской Россіи", *И. Вильсона*, С.-Пб., 1869 г., стр. 80. См. также у *Барбаро*, о травѣ garzi, 83 (р. п., 33: репейникъ; въ „Dizionario del dialetto veneziano di *Giuseppe Boerio*", Venezia, 1856, стр. 300: Dipsacus fullonum; въ Ботаническомъ словарѣ. *Н. Анненкова*, С.-Пб., 1878 г., стр. 127: Dipsacus fullonum, ворсянка, „листья и сѣмена считались лучшимъ средствомъ отъ укушенія бѣшеной сабаки"; въ изд. *Гаклюйтова* общества, 1873 г., стр. 19: „tessels or tassels for tiercels, a term for a hawk"); далѣе о травахъ и кореньяхъ, употребляемыхъ въ пищу Татарами, 75 (18); о небольшомъ лѣсѣ (boscheto), въ трехъ миляхъ отъ Таны, 81 (29).

Любопытно также замѣчаніе Барбаро о томъ, что острова Волжскіе покрыты лѣсами, въ коихъ ростутъ такой величины деревья (talponi), что изъ одного выдолбленнаго кряжа дѣлаютъ лодку, на которой помѣщается восемь или десять лошадей и столько же людей, 95 (р. п., 57; въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 31: „In these woodes are great trees growing". О значѐніи слова talponi см. въ словарѣ *Боэріо*, стр. 733.

Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 21: „А у Татаръ (Перекопскихъ) во всѣхъ деревняхъ пашни пашутъ, а сѣютъ пшеницу, да ячмень, да полбу".

Въ письмѣ къ епископу Падуанскому Петру Бароцци, изъ Венеціи, 1491 г.,

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ Барбаро, въ иностранныхъ сочиненіяхъ XV и первой половины XVI вѣка отъискиваются весьма немногія новыя данныя, заслуживающія вниманія. Контарини говоритъ объ изобиліи хлѣба въ Кіевѣ и о томъ, что онъ сбиралъ дикія яблоки на степномъ берегу р. Волги [2]).

По извѣстіямъ Матвѣя Мѣховскаго степь Татарская, лишенная древесной растительности, изобилуетъ травами, а на пахотныхъ земляхъ произрастаетъ просо (milium), и изъ хлѣбныхъ растеній оно одно только и воздѣлывается Татарами [3]) (non habent frumentum nec aliquod aliud legumen). Въ той же степной полосѣ, на берегахъ рр. Дона и Волги, растетъ во множествѣ Air (calamus aromaticus)—растеніе изъ рода камышей, и тамъ же произрастаетъ ревень (reuponticum) и oculus cornicis. Аиромъ или тростью благовонною называется и въ настоящее время растеніе, принадлежащее къ семейству Aroideae. Въ дикомъ состояніи онъ произрастаетъ въ болотистыхъ мѣстахъ и по берегамъ водъ, почти во всѣхъ среднихъ и южныхъ странахъ Европы, а также и у насъ на югѣ. Корень его имѣетъ въ общежитіи довольно разнообразное употребленіе. Къ извѣстіямъ о той же полосѣ восточно-европейской равнины должны быть отнесены и нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Мѣховскимъ въ главѣ о Руссіи: Подолія имѣетъ очень плодородную почву и чрезвычайно изобилуетъ хлѣбомъ, ибо мало воздѣланное поле даетъ жатву въ продолженіе трехъ лѣтъ. Если же во время жатвы разбросаютъ хотя немного сѣмянъ, то въ слѣдующемъ году выростаютъ

мая 23-го, Барбаро описываетъ растеніе, называемое Татарами Baltracan и употребляемое ими въ пищу. *Рамузіо*, II, 1574 г., стр. 112. *Палласъ*, „Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs", 2 B., Leipzig, 1801 г., стр. 458, въ числѣ растеній, употребляемыхъ въ пищу, упоминаетъ о стеблѣ Heraclei и замѣчаетъ, что это растеніе Татары называютъ Baltrakan. Ср. „Flora rossica sive enumeratio plantarum in totius imperii Rossici provinciis", *Carolo Fredirico Ledobour*, Stutgartiae, vol. II, 1844, стр. 320. Словарь ботан. *Анненкова*, стр. 165: Heracleum sibiricum—борщъ, борщевникъ.

[2]) *Контарини*, по изд. 1836 г., стр. 135, 174 (р. п., 21, 101). Онъ же замѣчаетъ, что Татары (170; р. п., 92), за исключеніемъ только нѣсколькихъ купцовъ, бывшихъ въ Россіи, не знаютъ, что такое хлѣбъ (che cosa sia pane). Здѣсь, очевидно, Контарини разумѣетъ Татаръ Астраханскихъ. Любопытно также его свидѣтельство о томъ, что 14-го апрѣля 1476 г. онъ терпѣлъ въ устьяхъ р. Волги сильный холодъ, 167 (86).

[3]) По вышеприведенному свидѣтельству Барбаро, Татары воздѣлывали также пшеницу.

хлѣбные колосья, [хотя поле] не было обработано и вспахано. Травы же (gramen et pascua) произрастаютъ столь быстро и въ такомъ изобиліи, что перерастаютъ шестъ и покрываютъ его въ три дня, [и то же бываетъ] и съ плугомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Руссія изобилуетъ также травами и кореньями, которые ей только свойственны (alibi non visis). Во всѣхъ частяхъ ея произрастаютъ въ изобиліи сѣмена красильныхъ растеній, которыя нѣкогда были вывозимы въ Іену и Флоренцію и которыя въ настоящее время собираются въ самомъ незначительномъ количествѣ, и онѣ, какъ негодныя, остаются (на поляхъ) не собранными и пропадаютъ [1]).

О южно-русскихъ степяхъ сообщаетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія и Герберштейнъ. Между Казанью и Астраханью, говоритъ онъ, „далеко по Волгѣ, до самого Борисоена, находятся степи, въ которыхъ живутъ Татары, не имѣющіе опредѣленныхъ мѣстъ (certis sedibus) (для жительства), кромѣ Азова и города Ахаса, стоящаго на Та-

---

[1]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., B об. „milio seminant“; по изд. 1518 г., Biij об. „säent hyrss darein“. „Батаническій словарь“, *И. Анненковъ*, С.-Пб., 1878 г., стр. 217: miliun (просо), das Hirsegras. Стр. Bij и об. „Est iuxta hos fluvios Tanaim et Volham, Air. i. calamus aromaticus, qui et (brostworce) dicitur in maxima copia. Ibidem Reuponticum quod Thartari nominant (Czynirewent) crescit, et czynirewent nomen est Persicum. Item (Kyczylabuka) vel ut alij exprimunt kylczabuha, et in latino sonat, oculus cornicis, et est multae calefactionis (въ изд. 1518 г., C: „Bey den Flüssen wachssen wolschmakende ror, die Tarter nennents Brostworce da wechsst auch Reuponticum, hayssen sy Cinirevent, das ist ain Persischer nam, auch wechsst da Kucilabuka oder Kilcabuha vast hitzig ist als vil als ain algestra, aug“).

Тамъ же, стр. F и об. „Nam agro rude culto et parum inverso atque exarato“ (въ изд. 1518 г., стр. Fij об. „wann so man die äcker ain venig umbackert); „Gramen quoque et pascua tam cito ac uberrime fundit et prodit, ut particam (вмѣсто perticam см. въ изд. 1584 г., „Polonicae Historiae corpus“, стр. 141) in tribus diebus supercrescendo contegat“ (въ изд. 1518 г., стр. Fij об. „also das ain ruct in dreyen tagen verwechsst“); „Abundat tota terra Russiae granis tinctorum... nunc vix aliquid de eisdem colligitur, fereque in toto frustrata et non collecta pereunt“ (въ изд. 1518 г., стр. Fij об. „in gantzen Reussen wachssen vil Romlin damit man ferbt, genannt Schurwitz... aber yetz acht man jr nit, verderben auf dem feld“). „In districtu Chelmensi rami pini arboris desecti et in terra iacentes in anno aut in duobus in saxa et silices vertuntur“.

Майербергъ, 75 (р. п., 146—147), указываетъ на то, что почва Волыни и Подоліи весьма плодородна. *Альбертъ Кампенскій* говоритъ, что р. Донъ обтекаетъ земли самыя тучныя и плодоносныя, что на берегахъ его и р. Волги растутъ во множествѣ ревень и апръ, по изд. 1836 г., стр. 67, 69 (р. п., 28, 31) (то же у Мѣховскаго, ср. выше). „Хозяйственная ботаника“, изд. *Николаемъ Щегловымъ*, ч. I, С.-Пб., 1828 г., отд. III, стр. 64—66—апръ, изображеніе его на табл. XII. См. въ Словарѣ ботан. *Анненкова*, стр. 8 (апръ, ирный корень).

напсѣ, въ двѣнадцати миляхъ выше Азова; Татары, которые живутъ по Донцу, обработываютъ землю и имѣютъ постоянныя жилища." На сѣверной границѣ этой степи, по указаніямъ Герберштейна, лежатъ слѣдующія области: Казанская, Сѣверская и Рязанская. Берега Дона, замѣчаетъ онъ, походятъ на тщательно воздѣланный и насажденный садъ; на нихъ растутъ различныя травы, сладкіе корни и многія плодовыя деревья; и изъ весьма многихъ травъ, составляющихъ, между прочимъ, пищу Татаръ, въ особенности употребляются ими тѣ, которыя растутъ на Донскихъ берегахъ [5]).

XXIV.

„Die Wissenschaft entwickelt sich unter nothwendigen äusseren und inneren Bedingungen". Gesch. d. Zoologie von *Carus*, 90.

Особенности животнаго царства восточно-европейской равнины XV—XVI в., обращавшія на себя въ то время вниманіе иностранцевъ.—О времени истребленія нѣкоторыхъ животныхъ въ Европѣ.—Общія замѣчанія о зоо-географическихъ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей XV—XVI в.—Состояніе зоологическихъ свѣдѣній во второй половинѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI.—Ѳома Кантимпре, Альбертъ Великій и Винцентъ Бове.—Мнѣніе Каруса о значеніи трудовъ Аристотеля въ исторіи естествознанія.—Извѣстія Барбаро о южно-русской степи въ XV вѣкѣ.—Животныя млекопитающія (бараны жирнохвостые, татарскія лошади и др.).—Птицы.—Охота съ соколами.—Замѣтки о южно-русской степи, находящіяся въ описаніи хожденія въ Царьградъ.—Харіусы и мурены въ рѣкѣ Волгѣ.—Извѣстія Контарини о животныхъ, водящихся въ южно-русской степи и въ Московіи.

Малонаселенная восточно-европейская равнина въ XV и въ XVI в. еще не успѣла утратить характеръ страны дѣвственной, и нѣкоторыя особенности, свойственныя природѣ первобытной, составляли ея

---

[5]) R. M. C., 100 C (р. п., 153), ср. 91 B, 113 A (138—139, 168); 91 B, 68 C—69 A, 70 B, 66 C, 89 B (р. п., 139, 105, 107, 102, 135). Въ русскомъ переводѣ на стр. 102: „въ такомъ изобиліи растутъ на нихъ (на берегахъ Дона) различныя травы, сладкія овощи и самыя разнообразныя плодовыя деревья"; въ подл. 66 C: „utraque fluminis ripa diuersis herbis, radicibusque suauissimis, ad haec arboribus fructiferis plurimis".... Въ изд. 1567 г., стр. LXXIII: „zu beyden gestaden des wassers mancherley kreuter, süse wurtzel, vnd gar viel fruchtbarer beümen hatt"; ср. также въ изд. 1557 г., стр. Kiij, л. 2 об. У *Мѣховскаго*, Bij об.

О растеніи животномъ баранцѣ см. мою статью въ Древн. и Новой Россіи 1875 г., № 12, стр. 331.

Сѣверная граница нашихъ степей означена на картѣ № 3, въ соч. *К. Веселовскаго*: О климатѣ Россіи, стр. 312, 395—397. Эта граница проходитъ близъ

существенное отличіе отъ природы западно-европейской. Почва этой великой равнины не была истощена; лѣса ея, занимавшіе огромныя сплошныя пространства, и степи, покрытыя роскошною растительностію, изобиловали дикими животными, а воды стоячія и текучія—рыбами; и звѣриные, и рыбные промыслы были для обитателей ея выгоднымъ занятіемъ. Московія приводила иностранцевъ въ изумленіе дешевизною своихъ жизненныхъ припасовъ; ея мѣха считались наилучшими [1]). Зубры, лоси, олени, бобры на востокѣ Европы имѣли область распространенія болѣе значительную, чѣмъ на западѣ; нѣкоторыя животныя, какъ напримѣръ, онагры, сайги, дрофы, въ особенности животныя, которыя водились въ водахъ, омывающихъ сѣверные берега, и обезпечивали жизнь ихъ обитателей, были малоизвѣстны иностранцамъ. Природа Восточной Европы представляла слѣдовательно для нихъ широкое поле наблюденій, могла дать много новаго и замѣчательнаго въ области естествознанія. Отсюда понятно, почему мы находимъ въ большей части иностранныхъ сочиненій XV—XVI в. не мало извѣстій, относящихся къ фаунѣ Восточной Европы и занимающихъ видное мѣсто въ ряду другихъ біологическихъ данныхъ, которыя попадаются въ тѣхъ же сочиненіяхъ [2]).

слѣдующихъ городовъ: Оренбурга, Саратова, Воронежа, Харькова и Кишенева. Въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московіи XV и первой половины XVI в. находимъ также слѣдующія свѣдѣнія о климатѣ, почвѣ и произведеніяхъ растительнаго царства на Кавказѣ: у *Барбаро*, по изд. 1836 г., 89 (р. п., 45) о Мингреліи; 98 (63) о Грузіи. У *Контарини*, 141 (р. п., 31—32) о Мингреліи; 164 (р. п., 78) о Шамахѣ; 164 (р. п., 79—80) о Дербентѣ.

[1]) *Фабръ*, по изд. 1600 г., стр. 133: „Vitae suae necessaria non aliunde magis, quam e pellibus quaeritant, ad quas comparandas mercatores tum e nostris, tum e longinquioribus veniunt regionibus, ea est illorum nobilitas, qui namque nobilissimi sunt apud nos, ab illis nobis comparamus".

[2]) О времени истребленія нѣкоторыхъ животныхъ въ Европѣ см. "Die geographische Verbreitung der Thiere", von *Ludvig K. Schmarda*, 1 B., Wien, 1853 г., стр. 209: „In England wurde der Biber im 9 Jahrhundert, die Bären, 1057 г., das Wildschwein zur Zeit Heinrich II ausgerottet".

„Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", *А. Миддендорфъ,* ч. II, С.-Пб., 1869 г., стр. 55; 91, пр. 1, 6; 93, пр. 5; 94, пр. 3: „Въ Самарскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1852 г., № 14, говорится, что фазаны, соколы и орлы совершенно исчезли тамъ, вслѣдствіе истребленія лѣсныхъ островковъ и окраинъ". Животныя губерній Кіевскаго учебнаго округа, ст. *К. Кесслера*, Труды коммиссіи для описанія губ. Кіевск. учебн. округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., стр. 28—29. *Гюльденштедтъ* замѣтилъ, что къ югу отъ Сейма горностай (mustela erminea) „дѣлается постепенно болѣе рѣдкимъ". Стр. 40: „Очень вѣроятно, что летучая бѣлка, называемая иначе летягою или полетухою, Pteromys Volans, также водилась прежде

Не смотря однако на обиліе этихъ извѣстій, онѣ оказываются весьма неполными для опредѣленія особенностей восточно-европейской фауны XVI в., такъ какъ, за весьма немногими исключеніями, относятся только къ первымъ тремъ классамъ отдѣла позвоночныхъ и изъ этихъ животныхъ обстоятельнѣе описаны тѣ именно, которыя были предметомъ наиболѣе значительныхъ, по своей пользѣ, промысловъ.

О приведеніи новыхъ свѣдѣній о животныхъ Восточной Европы въ какую-либо систему никто изъ иностранныхъ писателей XV—XVI в. не заботился, и въ большей части ихъ сочиненій эти не сведенныя въ одно цѣлое свѣдѣнія имѣютъ характеръ замѣтокъ, случайно собранныхъ. Въ нихъ на ряду съ немногими вѣрными и важными въ зоо-географическомъ отношеніи данными находятся и извѣстія полубаснословныя, свидѣтельствующія объ отсутствіи всякихъ установившихся, общепринятыхъ критеріумовъ для оцѣнки и опредѣленія достовѣрности этихъ извѣстій. Онѣ могутъ служить доказательствомъ того, что воззрѣнія образованныхъ людей XVI в. не отдѣлялись очень замѣтною чертою отъ народныхъ воззрѣній на разнообразный и загадочный міръ животныхъ.

Всѣ нами указанныя характеристическія особенности обозрѣваемыхъ извѣстій, опредѣляющія весьма невысокій уровень зоо-географическихъ знаній, не составляютъ, однако, какого-либо исключительнаго явленія. Послѣ замѣтнаго въ исторіи зоологіи движенія, которое относится къ XIII вѣку, и которое выразилось въ появленіи нѣсколькихъ очень замѣчательныхъ трудовъ Ѳомы Кантимпре, Альберта Великаго и Винцента Бове, наступило время застоя, продолжавшееся почти два столѣтія [3]). Изъ этого застоя зоологію должны были вывести знаменательныя событія второй половины XV

въ нашихъ губерніяхъ" (Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской). Стр. 77: въ этихъ же губерніяхъ бобръ (castor fiber) встрѣчается „въ настоящее время почти только по одиночкѣ". Стр. 88—объ истребленіи благороднаго оленя и сайги.

3) *Ѳома Кантимпре* род. въ 1186 г., умеръ въ 1263 г. Его соч. „De naturis rerum" состоитъ изъ 19 книгъ, къ которымъ онъ прибавилъ уже послѣ 1256 года еще 20-ю книгу: „De ornatu coeli et motu siderum". *Альбертъ Великій* род. въ 1193 г., умеръ въ 1280 г. *Винцентъ Бове* (Bellovacensis) умеръ въ 1264 г. Его соч. Speculum majus. Geschichte der Zoologie, von. *J. Victor Carus*, München, 1872 г., стр. 211—213, 223—224, 238 и слѣд.

вѣка [4]). Но вліяніе этихъ событій на развитіе зоологическихъ знаній обнаружилось не тотчасъ и сказалось нѣсколько позднѣе того времени, къ которому относятся обозрѣваемыя нами иностранныя сочиненія.

Извѣстіями о южно-русской степи, дающими первое по времени довольно полное представленіе о ней, мы обязаны Венеціанцу Барбаро. Эта въ XV в. еще первобытная, дѣвственная степь давала азіатскимъ кочевникамъ превосходныя, неизсякаемыя средства къ жизни, и въ извѣстное время года они могли свободно странствовать по ней въ полной увѣренности вездѣ найти себѣ отличный кормъ. На вопросъ, сдѣланный мною, говоритъ Барбаро, одному изъ Татаръ: чѣмъ кормятся они во время своего странствованія? они отвѣчали: „развѣ кто либо умираетъ съ голоду?"

Благодаря изобильной степной растительности, Татары могли содержать въ огромномъ количествѣ домашній скотъ, состоявшій изъ рослыхъ и весьма красивыхъ быковъ, которые были употребляемы для перевоза тяжестей, барановъ, лошадей и большихъ косматыхъ (pelosi), двугорбыхъ верблюдовъ, отправляемыхъ въ Персію на продажу. Быковъ было такъ много, что Татары снабжали ими италіанскія бойни.

Бараны отличались необыкновенною толщиною (castroni grossissimi), высокими ногами, длинною шерстью и хвостомъ, вѣсящимъ до 12 фунтовъ. Мнѣ, замѣчаетъ тотъ же путешественникъ, случалось видѣть, какъ этого рода бараны тащили за собою колесо, привязанное для потѣхи (quando per piacere qualch' uno gliela liga) къ ихъ хвосту. Жиръ, добываемый изъ нихъ, служитъ приправою ко всѣмъ татарскимъ кушаньямъ, ибо употребляется вмѣсто масла и имѣетъ то достоинство, что не застываетъ во рту.

Бараны, здѣсь описанные, принадлежатъ къ племени жирнохвостыхъ (Aries laticaudata, ovis steatopyga, Moutons à grosse queue),

---

[4]) Въ это время появились въ печати сочиненія *Аристотеля* (въ Венеціи онѣ были изданы въ 1476, 1492, 1497, 1498 годахъ), трудамъ котораго по естествознанію *Карусъ*, Gesch. der Zoologie, стр. 28, 257, придаетъ очень важное значеніе. Вотъ что онъ говоритъ о немъ на стр. 57: „Er derjenige war, welcher den dem richtigen Erfassen des thierischen Baues entgegenstehenden Schwierigkeiten unter allen Naturkundigen des Alterthums am glucklichsten zu begegnen wusste. Auch er konnte sich zwar von manchen Vorurtheilen seiner Zeit nicht völlig frei machen; doch sichern ihm seine Leistungen das Recht, auch als Begründer der vergleichenden Anatomie gefeiert zu werden".

отличаются очень большимъ ростомъ и имѣютъ короткій хвостъ, съ жирными наростами (курдюкъ) по сторонамъ; вѣсъ его бываетъ до 40 фунтовъ. Курдюкъ у старыхъ киргизскихъ овецъ, замѣчаетъ Эверсманъ, непріятнаго вкуса, но курдюкъ ягнятъ очень вкусенъ и его можно ѣсть какъ хлѣбъ, безъ соли и безъ всякой приправы, только вареный въ водѣ. Кажется, что мясо и жиръ скотины, родившейся и выросшей въ соляныхъ степяхъ, сами собою уже просаливаются отъ употребленія животными въ пищу соляныхъ травъ; по крайней мѣрѣ въ степяхъ у Киргизовъ безъ принужденія можно ѣсть не соленую баранину. Если перевести киргизскихъ овецъ изъ соляныхъ степей въ мѣста плодоносныя, то курдюкъ уже въ продолженіе перваго года уменьшается значительно, а черезъ нѣсколько лѣтъ исчезаетъ почти вовсе [5]).

Значительную часть домашняго скота у Татаръ составляли лошади. Люди, ими торгующіе, замѣчаетъ Барбаро, отводятъ ихъ въ другія страны. Такъ однажды изъ татарской степи прибылъ въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лошадей. И этому вы не удивляйтесь, ибо въ случаѣ, если бы вы захотѣли въ одинъ день купить ихъ тысячу или двѣ, то вы ихъ найдете. Лошади у Татаръ пасутся въ табунахъ, какъ скотъ. Стоитъ только пойти въ табунъ и сказать хозяину: мнѣ требуется сто коней. Имѣя палку съ петлею на концѣ ея [арканъ], хозяинъ [табуна] обладаетъ такою ловкостію въ этомъ дѣлѣ [въ поимкѣ лошадей], что покупателю стоитъ только сказать: поймай мнѣ эту или ту, и хозяинъ

---

[5]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., гл. 3, стр. 75, 84 (р. п., 18, 35—36). Стр 35: быковъ у Татаръ „такъ много, что они снабжаютъ большую часть нашихъ италіанскихъ боенъ“ (стр. 84: „Satisfanno etiandio alle beccarie d' Italia“; у *Рамузіо*, по изд. 1574 г., стр. 95; въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г. стр. 20); бараны необыкновенной величины съ толстымъ хвостомъ („Castroni grossissimi... i quali hanno code“), „мнѣ нерѣдко случалось видѣть, какъ этого рода бараны преспокойно тащатъ за собою колесо“ („et tal n' ho veduto, che si strascina una ruota dietro“).

„Русская фауна“, *Ю. Симашко*, ч. 2, С.-Пб., 1851 г., стр. 889, 896—897: Въ Россіи двугорбые верблюды встрѣчаются до самого Байкала... Ib., стр. 978. „Естественная исторія Оренбургскаго края“, *Э. Эверсманнъ*, ч. 2, Казань, 1850 г., стр. 268—270. Объ овцахъ съ толстыми хвостами сообщаютъ свѣдѣнія и древніе писатели, см. Zoologie der alten Griechen und Römer von *Harald Othmar Lenz*, Gotha, 1856 г., стр. 235. У *Марко Поло*, Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. 4, гл. 14, стр. 82—83 и прим. 89. Ср. также извѣстія *Боплана* въ его Описаніи украйны, С.-Пб., 1832 г., стр. 94.

набрасываетъ ей петлю на шею и выводитъ изъ табуна. Такимъ образомъ онъ ловитъ столько, сколько онъ пожелаетъ, и тѣхъ [именно], которыхъ онъ хочетъ поймать. Во время путешествія мнѣ приходилось встрѣчать купцовъ, которые вели съ собою такое множество коней, что, къ удивленію (par cosa mirabile), ими были усѣяны всѣ поля [разстилавшіяся передъ взорами]. Лошади татарскія не отличной породы, малорослы, имѣютъ отвислое брюхо и не ѣдятъ овса [въ обыкновенное время]. Когда гонятъ ихъ въ Персію, то лучшею похвалою служитъ имъ то, что онѣ ѣдятъ овесъ, ибо безъ этой пищи не могутъ вынести всѣхъ предстоящихъ трудностей.

Таковы признаки полудикихъ степныхъ лошадей, которыя и въ настоящее время водятся во множествѣ въ южной Россіи и распадаются на нѣсколько самостоятельныхъ племенъ, въ числѣ которыхъ признается самостоятельнымъ и татарское племя лошадей, не отличающихся красотою, но дорого цѣнимыхъ за свою необыкновенную сносливость [6]).

Степь изобиловала также дикими птицами, и охота за куропатками и дрофами щедро вознаграждала Татаръ. Дрофа (gallinaccio), сообщаетъ Барбаро, имѣетъ короткій хвостъ какъ у курицы, голову держитъ прямо, какъ пѣтухъ, величиною съ павлина и даже походитъ на него цвѣтомъ перьевъ, за исключеніемъ одного хвоста. Такъ какъ Тана окружена холмами и рвомъ, имѣющимъ до десяти миль въ окружности (тамъ, гдѣ была нѣкогда древняя Тана), то эти холмы и необитаемыя долины сдѣлались убѣжищемъ множества птицъ. Вслѣд-

---

[6]) *Барбаро*, гл. VII, 83—84 (р. п., 34—35); у *Рамузіо*, 95: „et e tant' atto a quest' essercitio, che *tanto tosto*, che colui che compra“... Слова, напечатанныя курсивомъ, пропущены въ изданіи 1836 года. Здѣсь же на стр. 34: „люди, торгующіе оными (лошадьми), покупаютъ ихъ во множествѣ у Татаръ и потомъ отводятъ на продажу въ другія страны. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ орды отправился оттуда въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лошадей“. Въ подл.: „Sono alcuni del popolo mercanti di caualli, i quali gli cauano dal lordò et gli menan' in diuersi luoghi; et vna carauana, laqual venne in Persia, prima ch'io mi partissi di li, gia ne condusse 4,000“.

„Русская фауна“, *Симашко*, II, 863. „Естеств. исторія Оренбург. края“, *Э. Эверсманнъ*, ч. 2, стр. 218: „Большая часть степныхъ лошадей не ѣдятъ овса и даже тогда, когда имъ его даютъ, и если послѣ, при сильной работѣ, ихъ пріучаютъ къ нему, то кормъ этотъ производитъ на нихъ дѣйствіе гораздо сильнѣйшее, нежели на лошадей заводскихъ или воспитанныхъ дома“. По свидѣтельству *Боплана*, см. его „Описаніе Украйны“, С.-Пб., 1832 г., стр. 93, въ степяхъ украинскихъ дикія лошади ходили табунами отъ 50 до 60 головъ.

ствіе этого (una cosa è) вокругъ стѣнъ Таны и во рву было столько куропатокъ и дрофъ, что, казалось, въ окрестностяхъ ея находились дворы [птичники] домовитыхъ хозяевъ (di qualche buoni massari). Мальчики безъ труда подбирали [этихъ птицъ] съ земли и продавали по аспру (то-есть по 8 нашихъ богаттинъ) пару [7]).

Дрофа большая (Otis tarda) встрѣчается во всей Европѣ, въ значительной части Азіи и въ Африкѣ. По свидѣтельству А. Арендта, замѣтки котораго о дрофахъ были напечатаны въ 1860 году, наши таврическія степи, „лѣтъ сорокъ тому назадъ, изобиловали до чрезвычайности дрофами; проѣзжая по степнымъ дорогамъ, можно было встрѣтить утромъ и подъ вечеръ, въ пасмурную погоду и во весь день нѣсколько ихъ стай (днемъ, въ лѣтнее жаркое время, онѣ больше лежатъ въ травѣ), которыя безпечно подпускали проѣзжающихъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ. Теперь совсѣмъ не то, при увеличивающемся народонаселеніи, рѣдко можно увидѣть дрофу, развѣ осенью, когда онѣ собираются въ стада, но и тѣ сдѣлались весьма осторожными, не допускаютъ издалека къ нимъ приблизиться“ [8]).

Иногда, пишетъ Барбаро, надъ станомъ [татарскимъ] тянутся цѣлыя вереницы гусей, и Татары пускаютъ въ нихъ кривыя стрѣлы; онѣ толщиною въ палецъ и не опушены перьями. Стрѣлы сіи летятъ въ вышину на столько, на сколько только силою руки можно

---

[7]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., гл. III, 76 (р. п., 19—20). Въ русскомъ переводѣ, по изд. 1836 г., „холмы и долины, ими образуемыя“; въ подл. „fra detti monticelli et valli non frequentate“; въ томъ же изданіи „gallinaccio“ переведено словомъ дрофа (Otis tarda, der grosse Trappe, outarde, дудакъ или степная курица, см. Зоолог. и ботанич. словарь, прибавленіе къ словарю Эртеля 1843 г.), и вышеприведенныя нами свѣдѣнія Барбаро дозволяютъ считать этотъ переводъ вѣрнымъ, хотя въ словарѣ *Valentini*, 1878 г., gallinaccio—Truthahn, индюкъ; а въ „Dizionario della lingua Italiana“ dell' abate d' *Alberti di Villanuova*, t. III, Milano, 1825 г., „sorta d' uccello domestico alquanto piu grosso che il gallo detto anche Pollo d' India“. Въ изд. Гайклютова общества, 1873 г., стр. 12: „and certain other birdes that we call hethecockes“... Hethecock то же, что heath-cock, coq de bruyère, des bois (тетеревъ). Но не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что Барбаро подъ названіемъ gallinaccio не разумѣетъ тетерева.

[8]) „Дрофы“, *А. Арендтъ*, Вѣстн. естеств. наукъ, 1860, № 30, стр. 956 и слѣд. (Тавр. Губ. Вѣд., №№ 26, 27). Жизнь животныхъ, *Брэма*, т. IV, ч. II, стр. 40; т. IV, ч. I, стр. 442 (въ нѣмецкомъ изданіи 1867 года, 560, 472). Длина самца около 3½ футовъ (тѣло павлина имѣетъ въ длину отъ 3½ до 4 фут.). „Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи“, *К. Кесслера*, Кіевъ, 1847 г., стр. 277—279.

сообщить имъ движеніе, и, перевернувшись въ воздухѣ, падаютъ вкось, раздробляя все, имъ встрѣчающееся на пути, и шею [гуся], и ноги, и крылья. Иногда случается, что стада гусей бываютъ столь многочисленны, что затемняютъ горизонтъ: [тогда Татары] подымаютъ крикъ, отъ котораго гуси приходятъ въ испугъ и падаютъ на землю.

Къ любимымъ занятіямъ Татаръ принадлежала охота съ соколами на хамелеоновъ (camelioni), оленей и на другихъ большихъ звѣрей. Соколовъ Татары носятъ на одной рукѣ (in una mano, su'l pugno), имѣя въ другой сошку, которую подставляютъ подъ руку, когда устанутъ: такъ какъ ихъ соколы вдвое больше орловъ [9]).

Всѣ нами приведенныя извѣстія живо рисуютъ передъ нами со-

---

[9]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., гл. III, 83: „scavezzando dove giungono et collo et gambe et ali“; стр. 32—33: „раздробляя все, встрѣчающееся имъ на пути, какъ-то: лапы, шеи и проч.“ Стр. 82: uccelano a camelioni, che da noi non s'usano“; стр. 32: „любятъ охотиться на хамелеоновъ которые у насъ не употребляются въ пищу“ (?). Стр. 82: „impero che sono due tanto piu grossi, che non è un' aquila“; стр. 32: „Это нисколько не удивительно, ибо ихъ соколы вдвое больше нашихъ орловъ“. Стр. 82: metono la crozzola sotto la mano. Въ словарѣ *Боэріо*, по изд. 1856 г., crozzola-gruccia o stampella (палка, подпорка). Ср. у *Рамузіо*, 95; въ изд. Гаклюйтова общества, стр. 19 („and sometyme there passe so many, that it seemeth the ayre is full of them“—этотъ переводъ ближе къ подлиннику: „che di queste oche ne sia pieno l'acre“). „Vocabolario della lingua italiana“, *Giuseppe Manuzzi*, Firenze, 1859 г., I, 552: camaleone, camaleonte, lat. chamaeleon, serpentello quadrupede.

Область распространенія хамелеоновъ „простирается отъ южной Испаніи по большей части Африки и Азіи“. *Брэмъ*, т. V, стр. 119. Стр. 123: „Не только всѣ маленькіе четвероногіе хищники и большинство хищныхъ птицъ, но и вороны, птицы—носороги, цапли, аисты и наконецъ большія змѣи... должны быть причислены къ числу враговъ этого невиннаго созданія. Человѣкъ повсемѣстно обращаетъ на хамелеона больше вниманія, чѣмъ это полезно для него. Его нигдѣ не считаютъ опаснымъ или ядовитымъ, но вездѣ его необыкновенная форма такъ бросается въ глаза, что всякій старается всѣми силами поймать его“ (въ нѣмец. изд. 1869 г., V, 118, 123).

О соколиной охотѣ см. ниже разборъ извѣстія *Іовія*, по изд. 1836 г., 75, 66 (р. п., 49, 31).

Объ области распространенія оленя см. ниже разборъ извѣстій *Мѣховскаго* о животныхъ, водящихся въ Литвѣ.

Барбаро упоминаетъ также о щеглахъ (cardellini), которыхъ Татары употребляли въ пищу, гл. VII, по изд. 1836 г., стр. 83 (р. п., 33—34). *Рамузіо*, 1574 г., vol. II, 95. Въ слов. *Villanuova*, Milano, 1825 г., cardellino, calderugio, carduelis. О щегленкахъ, принадлежащихъ къ отдѣлу воробьиныхъ (Passeres), къ семейству вьюрковъ (Fringillae), см. „Жизнь животныхъ“, *Брэмъ*, т. 3, стр. 158 и слѣд. (стр. 159: начиная отъ средины Швеціи, щегленокъ, carduelis elegans, встрѣчается во всей Европѣ; въ нѣмец. изд. 1866 г., III, 151 и слѣд.).

стояніе юго-восточной Европы въ XV вѣкѣ и могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ любопытнымъ замѣткамъ, которыя сохранились въ хожденіи въ Царьградъ, конца XIV вѣка. „Путное шествіе“, то-есть плаваніе по р. Дону отъ его верховьевъ до р. Мечи, было, говоритъ авторъ этого хожденія, „печално и унылпво, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села. Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію, пусто жь все и не населено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыни велія, и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыни великія“. Когда наши путешественники миновали „Терьклій градъ“, городище, лежавшее къ югу отъ устья р. Медвѣдицы, они впервые встрѣтили въ Донской степи Татаръ, и ихъ было очень много: „якоже листъ и якоже песокъ“. Затѣмъ, послѣ двухдневнаго плаванія, они миновали Бекъ Булатовъ улусъ и видѣли стада татарскія, „толико множество, якоже умъ превосходящь“, замѣчаетъ авторъ Хожденія, „овцы, козы, волы, верблюды, кони“ [10]).

Кромѣ приведенныхъ извѣстій о животныхъ, водящихся въ Черноморской степи, въ томъ же путешествіи Барбаро находимъ замѣтку о томъ, что Эрдиль, то-есть Волга, „изобилуетъ всякаго рода рыбою, преимущественно харіусами и муреною“ [11]).

---

[10]) Никон. лѣтопись, ч. IV, стр. 160—161.

[11]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., гл. XII, стр. 94—95 (р. п., 56): schenali et morone. У *Рамузіо*, 1574 г., vol. 2, стр. 97 об. Въ словарѣ итал. *Manuzzi*, IV, 1865 г., sciena, „quel pesce, che anche dicesi ombrina“; III, 1863 г., murena, „sorta di pesce di mare simile al sarpente. „Полный зоологическій и ботанич. словарь на Фр., Русс. и Лат. яз.“; прибавленіе къ словарю *В. Эртеля*, С.-Пб., 1843 г., sciène—„сціена или умбрица (sciaena), рыба изъ сем. окуневидныхъ“; харіусъ, l'ombre d' Auvergne, die Aesche, the umber.; мурена, murène, der Aal, sea-eel. Въ переводѣ соч. Барбаро на англ. яз., напеч. въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 31, названія schenali et morone пропущены.

Во многихъ мѣстихъ р. Волги рыболовы называютъ угремъ, который принадлежитъ къ семейству угревыхъ, Muraenoidei,—миногу, которая относится къ семейству миноговидныхъ (Petromyzonini). Она распространена по всей Волгѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, а именно между Самарою и Саратовымъ, попадается въ огромномъ количествѣ—ее ловятъ и употребляютъ на вытапливаніе жира. Труды Спб. общ. естествоиспытателей, т. I, в. 1, „Объ ихтіологической фаунѣ р. Волги“, *Кесслеръ*, стр. 285, 302—304. „Zoologie d. Gr. u. Römer“, *Lenz*, Gotha, 1856, стр. 491—492: у *Плинія*, l. IX, cap. XXI (38)—anguilla (Aal); l. IX, cap. XXIII, 39—murena. „Жизнь животныхъ“, *Брэмъ*, т. V, ч. 2, стр. 253, 313 (въ

Въ настоящее время, сколько извѣстно, харіусъ обыкновенный (Thymallus vulgaris) „встрѣчается съ одной стороны въ верхней Волгѣ, начиная отъ ея истоковъ до Рыбинска, и также въ разныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, съ лѣваго бока изливающихся въ верхнюю Волгу, а съ другой стороны почти во всей Камѣ и почти во всѣхъ притокахъ Камы“. Въ средней и въ нижней Волгѣ совершенно нѣтъ харіуса [12]).

Извѣстія Барбаро о южно-русской степи подтверждаются и дополняются свидѣтельствами Контарини.

Татары, сообщаетъ онъ, питаются мясомъ и молокомъ, имѣютъ, какъ я полагаю, самыхъ лучшихъ въ цѣломъ свѣтѣ быковъ и коровъ и тоже [отличной породы] барановъ и овецъ; имѣя плодородныя пастьбища [на которыхъ пасется скотъ], мясо [употребляемое Татарами] необыкновенно вкусно, хотя они высоко цѣнятъ кобылье молоко. Тѣ, которые сопровождаютъ ежегодно отправляемаго государемъ астраханскимъ посла къ великому князю, всегда имѣютъ при караванѣ множество лошадей. Онѣ очень дики, пугливы и не привычны къ ковкѣ [13]).

Въ любопытныхъ, но къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ извѣстіяхъ Контарини о стоимости жизненныхъ припасовъ въ Москвѣ и о торговлѣ Московіи заключаются и нѣкоторыя данныя относительно ея фауны. Во время пребыванія его въ Москвѣ съ 25 сентября по 21 января 1476 г. за одинъ сольдъ, который составлялъ

нѣмец. изд. 1869 г., V, 733, 806). Но означаетъ-ли встрѣчающееся у Барбаро „morone“—миногу? Можетъ быть, morone тоже, что франц. marène. Въ прибавленіи къ словарю *Эртеля:* „coregonus maracna, родъ сига, рыба изъ семейства лоховыхъ“. Zoogr. rosso-asiat., *Pallas*, III, 86: Acipenser huso, бѣлуга, mario у Плинія (unde Gallorum morône).

[12]) „Объ ихтіологической фаунѣ рѣки Волги“, *К. Θ. Кесслеръ*, Труды С.Пб. общества естествоиспытателей, т. I, в. 1, С.Пб., 1870 г., стр. 276. „Жизнь животныхъ“, *Брэма*, V, ч. 2, стр. 215: харіусъ „попадается во всей средней и восточной Европѣ“... (въ нѣмецк. изд. 1869 г., V, 692).

Барбаро упоминаетъ также объ изобильномъ уловѣ рыбы въ 40 миляхъ отъ Таны, гл. IV, 76—77 (р. п., 21); о мошкахъ въ лѣсахъ Московіи, гл. XII, 96 (р. п., 59). Ср. также извѣстія о медѣ, употребляемомъ Татарами и Москвитянами, гл. III, 75 (р. п., 17); гл. XII, 96 (р. п., 59).

[13]) *Контарини*, по изд. 1836 г., 172—173, 169—170, 173 (р. п., 97—98, 91—92, 98). *Рамузіо*, по изд. 1574 г., vol. II, 121 об., 122. *Іовій*, по изд. 1836 г., 64 (р. п., 26), упоминаетъ о томъ, что Татары доставляютъ Московіи быстрыхъ лошадей.

120-ю часть червонца, можно было получить болѣе трехъ фунтовъ мяса; за одинъ червонецъ — 100 куръ или 40 утокъ; гусь стоилъ не много болѣе трехъ сольдовъ. Зайцевъ и птицъ всякаго рода было также очень много.

Въ Москву, пишетъ Контарини, во время зимы, съѣзжается множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ, какъ-то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей" (zebellini, volpi, armellini dossi et qualche lupo cerviero). Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ, а гораздо далѣе на востокѣ, сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ; но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Кромѣ Москвы, значительный торгъ мѣхами производился въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Сюда съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи (Rossia alta) съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами; но эти караваны, подобно овцамъ, весьма часто подвергались въ пути нападенію Татаръ [14]).

XXV.

Восточно-европейская фауна по извѣстіямъ Матвѣя Мѣховскаго.—Моржи и киты.—Позвоночныя животныя, водящіяся въ Литвѣ: туры, онагры, олени, лоси кабаны; куницы, damae, dorcae et capreae; россомахи; ficedulae.—Фауна Руссіи.—Охота за сайгою.—Извѣстія Альберта Кампенскаго и Іовія.—Черные волки.—Горностаи въ странѣ Лапландцевъ.—Соколы на Гиперборейскихъ горахъ.—Тетеревъ.—Замѣтки относительно восточно-европейской фауны, находящіяся въ сочиненіи Фабра.—Черныя лисицы и бѣлые медвѣди.—Вліяніе климата на цвѣтъ животныхъ.

Краткія извѣстія о животныхъ, преимущественно о томъ классѣ ихъ, который поставляется во главѣ животнаго царства, а именно о млекопитающихъ, внесъ и Матвѣй Мѣховскій въ свой Трактатъ о

---

[14]) *Контарини*, 180, 178, 179, 135 (р. п., 113, 109, 111, 112, 21); пр. 56. На стр. 178: „usano per il piu carne di vacche et di porci, che credo se n' habbia piu di tre libbre al soldo. Si danno poi cento gallîne al ducato, et similmente quaranta anatre, et poco piu di tre soldi l' una le oche"…. „hanno uccelletti d' ogni sorte, et a grandissimo mercato" (*Рамузіо*, по изд. 1574 г., 123); стр. 109: „три фунта мяса (стоилъ) одинъ сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ также червонецъ; а *самый лучшій* гусь не болѣе 3 сольдовъ... птицъ всякаго рода привозятъ также во множествѣ и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ". Стр. 179: „verso greco tramontana et forse maestro"; стр. 111: „на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ" (см. Словарь *Антонини*, Lyon, 1760 г.; *Manuzzi*, II, 1861 г., стр. 644, 14; IV, 576). У *Рамузіо*, 123 об., 113 об.

Сарматіяхъ. Эти извѣстія касаются фауны не одной какой либо части Восточной Европы, а почти всѣхъ тѣхъ частей ея, которыя или въ этнографическомъ, или въ политическомъ смыслѣ составляли въ началѣ XVI в. отдѣльныя цѣлыя, а именно: Московіи, Литвы, Руссіи, то-есть юго-западной Украйны, и Сарматіи Азіатской, — юго-восточной степи [1]).

Въ описаніи быта народовъ, живущихъ на сѣверѣ, въ землѣ Пермской, Башкирской (Baskirdorum), Югорской и Карельской, Мѣховскій сообщаетъ о томъ, что эти народы употребляютъ на одежду мѣха волчьи, оленьи, медвѣжьи, собольи и куньи (?) (ex scismis) и ими же платятъ дань. Народы, обитающіе ближе къ берегамъ Сѣвернаго океана, Югры и Карелы, „занимаются рыболовствомъ и ловятъ китовъ или тюленей и canes marinos (такъ вѣроятно названъ какой либо видъ изъ семейства тюленей), которыхъ они называютъ vorvȍl“; кожу ихъ употребляютъ на повозки, мѣшки и одежды (?) (caletas), „жиръ же сберегаютъ и продаютъ вмѣсто масла“ [2]). Моржи, называемые Мѣховскимъ рыбами,

---

1) У *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., на стр. H об. находимъ любопытное указаніе на зависимость животной жизни отъ климата: „terra Moskoviae.... piscibus et feris quemadmodum Lithuania refferta, sed frigidior et septemtrionalior unde pecudes et pecora parua sunt et mutila absque cornibus, quasi semper propter frigus“... Поводомъ къ этому ложному извѣстію, можетъ быть, послужили свѣдѣнія о домашнихъ жвачныхъ животныхъ, которыя водятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайняго сѣвера и отличаются тѣмъ именно, что не имѣютъ роговъ. „Reise nach den Nordosten des europäischen Russlands“ von *Alexander Gustav Schrenk*, I Th., Dorpat, 1848 г., стр. 181.

2) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Hiij „Proximiores oceano septemtrionis vt Juhri et Coreli piscantur et capiunt balenas seu vitulos et canes marinos, quos ipsi (vor vol) apellant, et ex cute eorum parant redas bursas et caletas, axungiam autem pro impinguatione seruant et vendunt“. Въ изд. 1518 г., стр. Hiij. об. „canes marinos“ переведено словомъ „mörkelber“. Mörkalb или Meerkalb то же, что Seehund; но названіе это и родовое, и видовое. Оно означаетъ и тюленя, въ смыслѣ имени родоваго, и морскаго зайца (Phoca barbata), который составляетъ одинъ изъ видовъ семейства тюленей. Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. мин. госуд. имущ., т. VI, С.-Пб., 1862 г., стр. 83.

Въ Русской фаунѣ, *Ю. Симашко*, II, стр. 1003, означены еще слѣдующія названія морскаго зайца: лахтакъ, лисица, голая нерпа, морская бѣлка. Лахтакъ, „кажется, самый большой изъ всѣхъ тюленей, живущихъ въ сѣверныхъ моряхъ“ (1003).

Vitulus, повидимому, можетъ быть пріуроченъ къ особому виду морскихъ звѣрей, именно нерпѣ, такъ какъ она называется Phoca vitulina и ловится у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи (тѣ же „Изслѣдованія“, стр. 83),

выскакиваютъ, какъ онъ описываетъ, изъ воды и помощію зубовъ взбираются на вершины горъ, съ которыхъ скатываются внизъ. Довольно большіе, широкіе и бѣлые зубы моржей, имѣющіе весьма значительный вѣсъ, туземцы продаютъ Москвитянамъ, которые отправляютъ ихъ въ Татарію и Турцію для приготовленія изъ нихъ рукоятокъ для мечей, копій и ножей; оружія съ такими рукоятками причиняютъ большой вредъ непріятелю [3]).

Какъ извѣстно, ластоногія, къ разряду которыхъ относятся тюлени, особая порода ихъ, извѣстная подъ именемъ морскихъ зайцевъ, а также и моржи составляютъ у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи предметъ довольно значительныхъ промысловъ, которыми по преимуществу занимаются русскіе промышленники, а также и инородцы—Финны, обитающіе близъ береговъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря, Самоѣды, Карелы и Лопари. Главною цѣлію добычи помянутыхъ звѣрей служатъ кожи и сало, называемое ворванью. По всей вѣроятности, это слово и слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ vorvol, встрѣчающимся въ вышеприведенномъ извѣстіи Мѣховскаго, который, по ошибкѣ, далъ ему совершенно невѣрное опредѣленіе. Кожу морскаго зайца (Phoca barbata, Seehasen) сѣверные промышленники разрѣзаютъ на ремни, употребляемые на оленью упряжь, къ чему они, по своей прочности, весьма пригодны.

Моржъ, кромѣ кожи и сала, даетъ промышленникамъ клыки, ко-

но такъ какъ Мѣховскій не даетъ подробнаго описанія звѣря, названнаго имъ vitulus, то мы и не имѣемъ права давать видовое значеніе этому названію.

Въ выраженіи Мѣховскаго: „balenas seu vitulos“ seu, по всей вѣроятности, имѣетъ значеніе союза раздѣлительнаго, такъ какъ едва-ли онъ не отличалъ китовъ отъ тюленей. Китъ и тюлень были извѣстны классическимъ писателямъ, и они сообщили о нихъ замѣчательныя свѣдѣнія, Zool. d. Gr. u. Römer, *Lenz*, стр. 148, 252, 485.

О значеніи слова „scismi“, „calctae“, а также „axungia“ см. мое изслѣдованіе о Мюнстерѣ, Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сент., стр. 123, пр. 19 и 20. Не безъ вѣроятія можно предполагать, что Мѣховскій невѣрно передалъ или не понялъ то, что ему говорили объ издѣліяхъ изъ кожъ морскихъ звѣрей. Не изъ этихъ кожъ, употребляемыхъ на ремни, а обыкновенно изъ оленьихъ шкуръ Самоѣды шьютъ себѣ малицу и совикъ, и, по всей вѣроятности, которую либо изъ этихъ одеждъ (родъ мѣшка съ двумя рукавами, съ отверстіями внизу и вверху, чтобы просунуть голову) и слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ calctac у Мѣховскаго. См. Дневникъ *Латкина*, II, стр. 4. „Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи“, VI, 93, 159.

[3]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Hiij об.

торые были извѣстны у насъ въ древности подъ именемъ рыбьихъ зубовъ и считались произведеніемъ цѣннымъ. Наша лѣтопись упоминаетъ о нихъ подъ 1160 г., а арабскіе писатели сообщаютъ, „что съ сѣвера изъ земли Веси или Югры привозили въ Булгаръ и оттуда въ Хорезмъ зубы неизвѣстнаго животнаго, которые походили на слоновую кость и покупались дорогою цѣною“ [4]).

У нашихъ сѣверныхъ береговъ встрѣчаются и киты, и въ довольно значительномъ количествѣ. „Но самая значительность ихъ“, говоритъ авторъ изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи, „происходитъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оттого, что нигдѣ въ свѣтѣ эта порода — Balaenoptera longimana (Rudolphi) не составляетъ предмета постояннаго, на нее именно направленнаго промысла“. Причины этого обстоятельства „состоятъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ жира, доставляемомъ этою огромнѣйшею изъ китовыхъ породъ, въ короткости ея усовъ, дѣлающей ихъ негодными къ употребленію, и, наконецъ, въ большой быстротѣ и силѣ животнаго, вслѣдствіе которыхъ бой бываетъ не только опасенъ, но и рѣдко удаченъ, такъ что онъ не окупаетъ значительныхъ издержекъ, требуемыхъ на снаряженіе китоловныхъ экспедицій. Все это въ полной мѣрѣ подтверждается неудачею всѣхъ попытокъ завести у насъ китоловный промыселъ, которыя неоднократно предпринимались съ самыхъ временъ Петра Великаго и всегда приносили одни убытки... Единственная польза, которую доставляли до сихъ поръ эти животныя, заключается въ томъ, что Лопари находятъ, отъ времени до времени, выброшеннаго на берегъ кита и продаютъ его сало кольскимъ купцамъ или Поморамъ. Въ Большой Мотовской губѣ это случается обыкновенно нѣсколько разъ въ году; но рѣже выбрасываетъ китовъ въ другихъ мѣстахъ Мурманскаго берега“. На Лапландскомъ берегу, въ небольшой гавани, извѣстной Поморамъ подъ именемъ озерка и названной г. Литке гаванью Новой земли, ежегодно выкидываетъ отъ

---

[4]) „Изслѣд. о состояніи рыбол. въ Россіи“, т. VI, С.-Пб., 1862 г., стр. 83. „Годъ на сѣверѣ“, *С. Максимовъ*, 3 изд., С.-Пб., 1871 г., стр. 169—170; 226, 238. Зап. Импер. Русс. Геогр. Общ., кн. VII, Дневникъ *В. П. Латкина*, ч. I, стр. 101. „Reise nach dem NO. d. europäischen Russlands“ v. *Alexander Gustav Schrenk*, I Th., Dorpat, 1848 г., стр. 647. „Промышленность древней Руси“, *Н. Аристова*, С.-Пб., 1866 г., стр. 29, пр. 71. Лѣтопись по Ип. сп., С.-Пб., 1871 г., стр. 346.

одного до десяти китовъ, и нѣкоторые изъ нихъ бываютъ длиною до 15 сажень. Берега этой гавани покрыты костями и остатками этихъ животныхъ. Нерѣдко также находятъ трупы ихъ и на отмеляхъ близъ Печерскаго устья, а между тѣмъ и здѣсь даже русскіе промышленники китоловнымъ промысломъ не занимаются.

На основаніи всѣхъ этихъ указаній, вышеприведенное извѣстіе Мѣховскаго о ловлѣ китовъ близъ сѣверныхъ береговъ Россіи мы должны принять съ нѣкоторыми ограниченіями. Инородцы, живщіе тамъ, дѣйствительно могли добывать китовое сало, но эта добыча не имѣла характеръ постояннаго промысла. По всей вѣроятности, оно было добываемо изъ китовъ, которыхъ выбрасывало море [5]).

Въ Литвѣ водятся животныя домашнія, всякаго рода, и дикія; послѣднія въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ какой либо другой христіанской странѣ, такъ какъ Литва покрыта дремучими, тянущимися на огромномъ пространствѣ лѣсами, а между тѣмъ имѣетъ населеніе весьма рѣдкое. Изъ дикихъ животныхъ, водящихся въ этой странѣ, Мѣховскій упоминаетъ о слѣдующихъ: о зубрахъ, дикихъ быкахъ, онаграхъ, оленяхъ и нѣкоторыхъ другихъ представителяхъ рода оленей, а также о кабанахъ, медвѣдяхъ и куницахъ [6]).

---

[5]) Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VI, стр. 134 — 135. Дневникъ *Латкина*, II, 52. „Годъ на сѣверѣ", *Максимовъ*, 429. *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Giij, л. 2, Н. об., указываетъ также на изобиліе рыбы въ рѣкахъ Московіи.

[6]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Giij, л. 2 об. „magnae ferae et multae abundantissime visuntur et capiuntur, vri et boues syluestres, quos lingua ipsorum thuri et zumbrones vocant, onagri et equi syluestres, cerui, damae, dorcae, capreae, apri, vrsi, mardures, scismi et cetera genera ferarum". Onagri et équi silvestres", по всей вѣроятности, одно животное, такъ какъ въ соч. *Герберштейна*, Moscoviter wunderbare Historien, 1567 г., стр. CXXII: „Ellend, wölche von etlichen Onagren oder wilde Pferd genennet werden (ср. въ изд. 1556 г., стр. 109 С).

Слово urus у древнихъ писателей, *Юлія Цезаря* и др. (*Lenz*, Zool. d. Gr. u Römer, 43, прим. 123. Словарь лат. *Forcellini*; „urus-bos agrestis", Glossarium mediae et infimae Latinitatis, *Du Cange*, t. VI, Parisiis, 1846 г., стр. 886: Urus vox gallica vetus, Germanis hodie eyn uhrochs, bos silvetstris) означаетъ дикаго быка. и въ этомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Герберштейнъ (R. M. C., 109 С: „Feras habet Lithvania, praeter eas quae in Germania reperiuntur, Bisontes, Vros"; „Germani im proprie Aurox uel Vrox: quod nominis uro conuenit, qui plane bouinam formam habet cum bisontes specie sint dissimilima"), но въ приведенной нами выпискѣ изъ Трактата Мѣховскаго, очевидно, имѣетъ другое значеніе, такъ какъ дикіе быки названы здѣсь boues siluestres. Поэтому въ этой выпискѣ подъ словомъ uri, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть зубровъ (см. ниже извѣстія о нихъ Герберштейна).

Изъ помянутыхъ въ этомъ замѣчательномъ перечнѣ животныхъ нѣкоторыя уже давно совершенно истреблены въ тѣхъ земляхъ, которыя составляли въ XVI в. великое княжество Литовское, другія имѣютъ область распространенія весьма ограниченную въ сравненіи съ тою, какою она была въ этомъ вѣкѣ и водятся, какъ можно заключать съ полною вѣроятностію, въ количествѣ несравненно менѣе значительномъ, чѣмъ во времена Мѣховскаго. Къ числу первыхъ относятся дикіе быки (boues silvestres) или туры, можетъ быть принадлежавшіе къ той же породѣ, къ которой принадлежали и дикіе быки Германіи, водившіеся тамъ около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, а затѣмъ онагры (дикіе ослы или куланы), представляющіе первообразную форму домашняго осла, въ настоящее время обитающіе въ южныхъ Киргизскихъ степяхъ, приблизительно до 46° с. шир., по берегамъ морей Каспійскаго и Аральскаго, и нѣкогда, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, въ Передней Азіи [7]). Всѣ остальныя помянутыя Мѣховскимъ животныя водятся и до настоящаго времени въ тѣхъ земляхъ, которыя входили въ составъ Литвы XVI в., не смотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, какъ напримѣръ зубры подверглись весьма замѣтному истребленію.

Благородный олень (cervus elaphus), о которомъ еще упоминали Бопланъ и Гюльденштедтъ и который уже совершенно истребленъ въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской, еще недавно встрѣчался, хотя и рѣдко, въ губерніи Виленской и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда онъ обиталъ и въ губерніи Гродненской. Здѣсь изъ рѣкъ Бѣловѣжской пущи нерѣдко вытаскивали сѣтями рога этого оленя, слѣды пребыванія котораго сохранились также и въ мѣстныхъ названіяхъ, Оленья гора, Еленка и др.

Для лося и кабана многоводные и болотистые лѣса Литвы XVI вѣка, служа надежною защитою отъ хищнической руки чело-

---

[7]) Естеств. исторія Оренбургскаго края, *Э. Эверсманнъ*, 230. Русская фауна, *Ю. Симашко*, 874. Жизнь животныхъ, *Брэма*, II, 669. На стр. 354 онъ замѣчаетъ: „съ того времени, какъ пало всемірное владычество Римлянъ, ничего не было слышно объ онагрѣ (упоминанія о немъ у древнихъ писателей Геродота, Ксенофонта и др. см. Zoologie d. Gr. u. Römer, *Lenz*, 209 и слѣд.), пока Палласъ снова не обратилъ на него вниманіе (въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 664, 361). Но объ онагрѣ упоминаетъ Physiologus, см. Gesch. d. Zoologie, *Carus*, 128; а также *Марко-Поло*, Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. 4, стр. 77 (гл. XII), см. пр. 80.

вѣка, представляли нѣкоторыя, особенно благопріятныя для этихъ животныхъ условія: лось обыкновенно спасается отъ оводовъ тѣмъ, что погружается въ воду, а кабанъ болѣе всего любитъ берега водъ, покрытые камышемъ, и мѣстности, изобилующія дубами. Въ настоящее время лоси водятся въ Виленской губерніи только въ большихъ лѣсахъ; въ Бѣловѣжской пущѣ истреблены совершенно, а въ другихъ лѣсахъ Гродненской губерніи водились въ значительномъ числѣ въ то время, когда эти лѣса находились въ непрерывной связи съ лѣсами Минской губерніи. Въ Ковенской губерніи мѣстообитаніемъ лося служатъ значительные лѣса на сѣверѣ уѣздовъ Поневѣжскаго и Тельшевскаго и на югѣ Новоалександровскаго уѣзда; но нигдѣ, однако, въ этой губерніи лоси уже не сосредоточиваются въ большомъ количествѣ.

Большія стада кабановъ водятся въ настоящее время въ лѣсныхъ чащахъ уѣздовъ Брестскаго и Кобринскаго Гродненской губерніи; въ Ковенской—кабаны встрѣчаются рѣдко, а въ Виленской—только въ большихъ лѣсахъ.

И лѣсная куница (mustela martes), и куница бѣлодушка (mustela foina) въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія водились въ Литовскихъ губерніяхъ, а также въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, но уже не встрѣчались въ большомъ количествѣ [8]).

Въ приведенномъ нами перечнѣ Мѣховскаго послѣ упоминанія объ оленяхъ онъ приводитъ слѣдующія названія: damae, dorcae, capreae. Опредѣлить съ точностію скрывающіяся, можетъ быть, подъ этими словами видовыя названія животныхъ, по недостатку подро-

---

[8]) „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", *А. Миддендорфъ*, ч. II, С.-Пб., 1877 г., стр. 279—280. „Zoographia rosso-asiatica", *Petro Pallas*, I (1811), 216. *Бопланъ*, по изд. 1832 г., 92—93. Труды коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебн. округа, т. I, Кіевъ, 1851 г. Животныя губерній Кіевскаго учебн. округа, *К. Кесслера*, стр. 88, 84, 24.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи: 1) Виленская губ., сост. *А. Коревъ*, С.-Пб., 1861 г., 269, 268; 2) Гродненская губ., сост. *П. Бобровскій*, ч. I, С.-Пб., 1863 г., 427, 426, 425; 3) Ковенская, сост. *Д. Аѳанасьевъ*, С.-Пб., 1861 г., 244, 241. „Русская фауна", *Симашко*, II, 912, 943. Естеств. ист. Оренбург. края, *Э. Эверсманнъ*, 211—212.

Объ области распространенія кабана см. у *Миддендорфа*, II, 282—283. Промышленность древней Руси, *Н. Аристова*, стр. 6: въ XII в. упом. кабаны въ лѣсахъ областей Черниговской и Волынской. По свидѣтельству Боплана, стр. 63, въ украинскихъ степяхъ попадались кабаны „необыкновенной величины".

бныхъ свѣдѣній о нихъ, едва ли возможно. Одно только можно сказать съ увѣренностію, что названія эти относятся къ животнымъ, принадлежащимъ къ роду оленей. Въ настоящее время въ губерніяхъ Гродненской и Ковенской, кромѣ лосей, водятся сарны (косули, cervus capreolus), распространенныя также и въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской [9]).

Довольно подробныя свѣдѣнія сообщены Мѣховскимъ о россомахѣ; это чрезвычайно прожорливое и безполезное животное водится, пишетъ онъ, и въ Литвѣ, и въ Московіи. Россомаха, величиною съ собаку, походитъ головою своею (faciei) на кошку, туловищемъ и хвостомъ на волка, имѣетъ цвѣтъ черный, питается падалью.

Описаніе это довольно вѣрно: преобладающій цвѣтъ россомахи, водящейся въ Европейской Россіи—черный или чернобурый;

---

[9]) Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Гродпен. губ., стр. 426; Ковенск. губ., стр. 244—245. Ст. *К. Кесслера* о животныхъ губ. Кіевск. учебн. округа, стр. 86—87.

Точное опредѣленіе встрѣчающихся у *Мѣховскаго* названій damae, dorcæ, capreae, едва ли возможно потому, что въ его время еще не существовало сколько нибудь установившейся на научномъ основаніи зоологической номенклатуры. См. Gesch. d. Zoologie, *J. Victor Carus*, München, 1872 г., стр. 34. Ср. стр. 37, 47, пр. 58; 127 и др. Впрочемъ считаемъ не лишнимъ привести собранныя нами данныя для объясненія вышеприведенныхъ словъ. У *Мѣховскаго*, по изд. нѣмец. 1518 г., стр. H: „böck, dachss, bern". Zool. d. Gr. u. Römer, *Lenz*, 227: „*Columella*, 9, 1 und 7: In Thiergarten hält man den Oryx und die Dama". Пр. 630: Dama „umfasst die Antilopen mit vorwärts gebogener Spitze der Hörner, wie Antilope redunca, Pallas, und A. Dama, Pall". Стр. 228—229: „*Aelian*, 14, 14:" „Die libysche Dorkas (die Gazelle, Antilope Dorcas,) ist sehr schnell, kann jedoch vom libychen Pferde eingeholt werden". Стр. 223: у Плинія, l. X, c. 72 (92); l. XI, 37 (45)—caprea, das Reh (козуля, „Жизнь животныхъ", *Брэма*, II, 479--482; въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 478 и слѣд.), но на стр. 229: у *Варрона* de re rust. 1, 2, 17: caprae—ziegen.

Lex. *Forcellini*: „dama, genus caprae silvestris"; „dorcas, dama, caprea, genus caprae silvestris". Gloss. *Ducange*, II, 927: dorca, caprea silvestris; dorx, dama, capreola. Supplementum, *Diefenbach*, Francofurti ad Moenum, 1857 г. dama, capra argestis; dorcas, capra. Novum Gloss. Lat. Germ., *Diefenbach*, 1867 г., „damnula, damel tier, wilde geiss; damo — eyn deyr myt den widen hornen". „Dorcas, dorca—steins geiss". „Capra—sege, seghe, czigen, gayss".

Lehrbuch d. Zoologie von *Voigt*, I B., Stuttgart, 1835, стр. 400: DerDamhirsch, Cervus Dama (Hirschgeschlecht) „ist jetzt über ganz Europa, bis Schweden, verbreitet". Стр. 419: Die Gazelle, Antilope Dorcas (Antilopengeschlecht), „lebt im ganzen nördlichen Afrika". Стр. 414: „Ziegengeschlecht, Capra"; къ этому семейству принадлежитъ Capra ibex (der Steinbock). Ср. Die geographische Verbreitung der Thiere von *Wallace*, Dresden, 1876, II, стр. 218: Dama, der Dammhirsch (cervidae); 254—Caprinae („2 Gattungen, 23 Arten").

самые длинные волоса ея находятся на хвостѣ: питаясь и падалью, россомаха, благодаря своей смѣтливости, чрезвычайно чувствительному слуху и смѣлости, нападаетъ на лосей, оленей, питается также мышами, зайцами и другими животными. Вредъ, причиняемый ею человѣку, весьма значителенъ; но она не совершенно безполезна, такъ какъ мѣхъ ея употребляется на одежду. Извѣстія Мѣховскаго о россомахѣ замѣчательны потому, что въ настоящее время она принадлежитъ только странамъ сѣвернымъ какъ Стараго, такъ и Новаго свѣта, и въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи уже не встрѣчается.

Мѣховскій счелъ не лишнимъ сообщить также свѣдѣнія о томъ, какъ россомаха, пожирая падаль, до того наполняетъ свой желудокъ, что онъ надувается, подобно барабану, и лишается всякой возможности принимать пищу; тогда она, чтобъ опорожнить его, продирается между деревьями, стоящими очень близко одно отъ другаго, снова получаетъ возможность пожирать свою добычу и не оставляетъ ее до тѣхъ поръ, пока всю не сожретъ [10]).

Этотъ баснословный разсказъ, встрѣчающійся и у Олая Великаго, вѣроятно, не лишенъ связи съ народными повѣрьями о россомахѣ. Французы называютъ ее—glouton, Нѣмцы—Vielfrass, Сибиряки—пакостницею, блудницею и т. п. Прожорливость ея, однако, нельзя считать такою особенностью, которою она рѣзко отличалась бы отъ другихъ хищныхъ животныхъ. Прирученная она оказалась менѣе прожорливою, чѣмъ волки и собаки, и подпускала къ своему корму свиней. Одаренная чрезвычайно посредственными хищническими способностями россомаха очень склонна прибѣгать для добыванія себѣ пищи къ такимъ уловкамъ, которыя объясняютъ ей данныя различными народами прозванія. „Какъ настоящая прощалыга“, говоритъ ак. Миддендорфъ, россомаха, когда изсякаетъ ея добыча,

---

[10]) *Мѣховскій*, стр. Giij, л. 2 об. Описаніе россомахи авторъ заканчиваетъ слѣдующими разсужденіями: „Et forsan natura tam insaciabile animal in illis regionibus producit, ut homines simili voracitate laborantes redarguat. Quoniam potentes cum conuiuari coeperint, sedent a meridie in medium noctis, continuo cibo et potu sese opplendo, et amensa quoties natura propellit assurgendo et egerendo, iterum et iterum vorant, vsque ad vomitum et amissionem discretionis et sensus, tuncque inguinis et capitis quae sunt discrimina nesciunt. Estque illa consuetudo perniciosa in Lithuania et Moskouia, magis vero et absque rubore in Thartaria“.

сѣверный олень, заставляетъ ловить за себя другихъ. Гдѣ только появится россомаха, тамъ слѣды ея рѣдко попадаются отдѣльно, а болѣе всего идутъ рядомъ съ слѣдами бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ, лисицъ и волковъ, за которыми она бродитъ съ неутомимымъ постоянствомъ. На пирушкахъ этихъ ловкихъ разбойниковъ она является непрошенною гостьей, и тѣ изъ нихъ, которые по слабѣе, нерѣдко, говорятъ, собственнымъ тѣломъ должны пополнять недостатокъ награбленной добычи. Наѣстся, положимъ, бѣдная лисица до сыта послѣ продолжительнаго поста и утомительной охоты, да приляжетъ гдѣ нибудь для отдыха и спокойнаго сваренія пищи,—какъ разъ тутъ явится изголодавшаяся россомаха и безпощадно губитъ отяжелѣвшую кумушку". По наблюденіямъ г. Миддендорфа, россомаха въ Сибири „считаетъ себя собственницею всѣхъ ловушекъ, разставленныхъ тысячами вдоль и поперегъ тундръ. Она обходитъ ловушки, прибираетъ пойманныхъ песцовъ или, по крайней мѣрѣ, съѣдаетъ приманку, такъ что жители самыхъ сѣверныхъ поселеній страшно жаловались на ея нахальство и съ отчаяніемъ говорили, что не могутъ разставлять свои ловушки до тѣхъ поръ, пока еще встрѣчаются слѣды россомахи" [11]).

Литва, по извѣстіямъ Мѣховскаго, изобилуетъ птицами, рыбами, болѣе пріятными на вкусъ, пишетъ онъ, чѣмъ въ нашихъ странахъ, и медомъ [12]).

---

[11]) „Русская фауна", *Ю. Симашко*, II, 323—328: „По свидѣтельству Рачинскаго (Auctuarium historiae naturalis, 1742) двѣ россомахи въ началѣ прошедшаго столѣтія были убиты въ Подольской губерніи". Животныя млекопитающія губерній Кіевскаго учебнаго округа, *К. Кесслеръ*, Труды коммиссіи для описанія губерній этого округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., стр. 23.

„Путешествіе по с. и в. Сибири", *А. Миддендорфъ*, ч. II, стр. 201—202. Путешествіе *Ивана Лепехина*, III, стр. 72 — о выѣданіи россомахою вымени у коровъ. „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой", т. II, сост. *Э. Гофманомъ*, С.-Пб., 1856 г., здѣсь напеч. соч. *І. Ф. Брандта*: „Позвоночныя животныя сѣверно-европейской Россіи и въ особенности сѣвернаго Урала", стр. 21: Нынѣшняго распространенія россомахи въ Россіи „мы не преувеличимъ, если назначимъ ему предѣлъ отъ Финляндіи и Русской Лапландіи до Камчатки включительно, и отъ средины Урала и отъ Алтая до сѣверныхъ тундръ". Но въ прошломъ столѣтіи звѣрь этотъ встрѣчался въ Курляндіи, Литвѣ и Подоліи, „хотя и не часто". Gesch. d. Zoologie, *Carus*, 336: Ueber Vielfrass „haben Olaus Magnus und Mathias Michovius wohl zuerst die abenteuerlichen Geschichten in Umlauf gesetzt; welche sich lange Zeit hindurch in Folge einer volksetymologischen Auslegung seines von Deutschen unverstandenen Namens lebendig erhalten haben".

[12]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Giij, л. 2 об. „Insuper aues abundant et

Руссія, то-есть юго-западная часть Восточной Европы, по описанію, находящемуся въ Трактатѣ о Сарматіяхъ, была богата лошадьми, быками, стадами овецъ, медомъ и воскомъ, мѣхами куницъ и лисицъ. Рѣки и всякія воды изобиловали рыбами, и человѣку не было никакой необходимости заботиться объ ихъ размноженіи. Говорятъ, замѣчаетъ Мѣховскій, что онѣ ниспосылаются вмѣстѣ съ небесною росою [13]).

Къ извѣстіямъ о фаунѣ южно-русской степи, находящимся въ сочиненіяхъ Барбаро и Контарини, Трактатъ прибавляетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о сайгахъ, описанныхъ имъ, вѣроятно, потому, что въ другихъ земляхъ, какъ онъ думалъ, онѣ не водились. Сайга, говоритъ онъ, величиною съ овцу, имѣетъ шерсть сѣрую, два небольшіе рога, бѣгаетъ весьма быстро, мясо ея очень вкусно.

Еще во времена Боплана сайга водилась въ украинскихъ степяхъ, и онъ счелъ нужнымъ описать ее, а рога ея сохранялъ, какъ рѣдкость. Въ концѣ XVIII в., она, избѣгая населенныхъ мѣстъ, рѣдко показывалась по сю сторону Волги. А въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія сайга, по свидѣтельству профессора Кесслера, „рѣшительно“ не встрѣчалась болѣе въ Полтавскихъ степяхъ. Ее, какъ замѣчаетъ г. Миддендорфъ, „уже положительно

---

ficedulae, quamvis illic vineae non sunt aduolant et impinguantur, atque cum suavitate eduntur“; въ изд. 1518 г., стр. H: „ficedule, ettlich hayssen sy zeyslin“. Lex. *Forcellini*: ficedula — avis quaedam ita dicta, quod ficu pinguescit“. Novum Gloss. Lat. Germ., *Diefenbach*, 1867 г., ficedula—„rietschnepff; ryed gaycz; ried gaiss: snepha; sneph; gybicż; schnepph; grassmück; fliege; sneppe, snippe; ein schne trostel o ein grassmuck“. Ср. „Suppl. lexici mediae et infimae latinitatis“. *Diefenbach*, 1857.

Мѣховскій, Giij, л. 2: „Sunt... in Lithuania et Moskouia multa flumina et stagna magna, parua vero flumina et riui sine numero in maiora defluunt. Omnia piscosa abundanter, ita quod in illis terris vbi aqua ibi et pisces, et sunt pisces sapidiores et delectabilioris gustus quam in regionibus nostris, piscinae et fodinae pro aquis et impiscationibus tanquam inutiles illic non fiunt“. Тамъ же, Bij об. (Volha et Don) „sunt multum piscosi praefati fluuij, ita quod framea Thartari caeterique transeuntes in ripa stando pisces cum aqua decurrentes secent et tollant“.

[13]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. F об. „abundat pellibus mardurum, scismorum, vulpium et bouum“; въ изд. 1518 г., Fiij: „vil fäl von märdern, scismo vnd fuchss“. О значеніи слова scismi см. мою статью о Мюнстерѣ въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, стр. 123, пр. 19. У Мѣховскаго, 1521 г., стр. F. об. „Suntque in districtu Leopoliensi lucei magni et laudabiles et in petias (sic) tanquam in laminas diuisibiles“. Въ изд. Polonicae historiae corpus, t. I, Basileae,

нѣтъ" за Волгой, въ волжско-уральскихъ степяхъ; но стада сайгъ сохранились не только въ главномъ центрѣ ихъ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, но и между Дономъ и Волгой, въ треугольникѣ, „у котораго на сѣверѣ Царицынъ подъ $48^1/_2{}^\circ$ с. ш. составляетъ вершину, а на югѣ Manычская степь служитъ основаніемъ". „Это", какъ указываетъ тотъ же ученый, „замѣчательный примѣръ разъединенія области распространенія животнаго на двѣ совершенно отдѣльныя части, разъединенія, которое совершилось на нашихъ глазахъ и позволяетъ выводить въ свою очередь заключенія о томъ, какимъ образомъ должны были происходить подобныя отдѣленія уже въ доисторическое время" [14]).

Мѣховскій сообщаетъ также описаніе охоты за сайгой. „Когда", говоритъ онъ, „въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ въ травѣ стадо сайгъ, ханъ или предводитель Татаръ со множествомъ своихъ [слугъ] выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ, и, скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ [это поле]. Какъ толь-

---

1582 г., стр. 141: „suntque in tractu Leopoliensi lucei magni, et laudabiles, et in partes tanquam in laminas diuisibiles".

Преданія о ниспаденіи нѣкоторыхъ животныхъ съ неба были весьма распространены у многихъ народовъ. Таково было, напримѣръ, преданіе о падающихъ съ неба бѣлкахъ, см. „Очерки русск. исторической географіи", *Н. Барсовъ*, Варшава, 1873 г., стр. XXVIII, пр. 88. Лопари убѣждены, что полевыя мыши, безчисленными вереницами бѣгающія по тундрѣ, падаютъ съ облаковъ. „Годъ на сѣверѣ", *С. Максимова*, С.-Пб., 1871 г., стр. 240.

О животныхъ богатствахъ юго-западной Руси находимъ также свѣдѣнія въ соч. *Михалона Литвина*, изд. въ Арх. ист. юр. свѣдѣній, кн. 1, пол. 2, отд. V, стр. 61—63. Здѣсь изданъ текстъ Михалона и переводъ его сочиненія, сдѣланный *С. Шестаковымъ*. Почтенный переводчикъ перевелъ слово bisontes—дикіе волы; damae—козы; dorcae—газели. По нашему мнѣнію названіе бизонтъ вѣрнѣе относить къ зубрамъ; а точное значеніе словъ damae, dorcae—намъ неизвѣстно.

[14]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Bij; по изд. 1518 г., Biij, л. 2. „Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ животныхъ, водящихся въ предѣлахъ Росс. имперіи", *Э. Балліона*, Изв. Ак. Наукъ, т. IX, в. III, стр. 274: „По польски называется сайга—sudak, suhak; jasnowisiec". Слово suhak объясняетъ намъ и встрѣчающееся у *Мѣховскаго* „swak". Вмѣстѣ съ этимъ животнымъ Мѣховскій упоминаетъ также и слѣдующія: damae et dorcae. *Бопланъ*, по изд. 1832 г., 92.

„Zoographia rosso-asiatica", *Pallas*, I, 253, и его же „Путешествіе", ч. I, С.-Пб., 1773 г., стр. 298; Приб., 1—2: на сайгѣ „шерсть весьма длинная, съ исподи и по членамъ желтоватая, на носу и по бокамъ нижней губы черная"... Труды коммиссіи для описанія губерній Кіевск. учебн. округа, т. I, Кіевъ, 1851, Животныя млекопитающія, *К. Кесслера*, 88. „Путешествіе на с. и в. Сибири", *А. Мид-*

ко начинаютъ бить въ литавры (?) (timpanis), сайги, объятыя страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать въ разныя стороны, отъ однихъ стоящихъ кругомъ [поля] людей къ другимъ, и продолжаютъ такъ бѣгать до тѣхъ поръ, пока не прійдутъ въ изнеможеніе. Тогда Татары съ крикомъ бросаются на нихъ и убиваютъ" [15]).

Послѣ Трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ Восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Имъ сообщенныя біологическія данныя въ значительной сте-

---

дендорфа, II, 93—94. „Русская фауна", *Ю. Симашко*, II, 953: „Сайги не плодовиты и приносятъ только по одному дѣтенышу".

[15]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Biij; по изд. 1518 г., Biij, л. 2: „dann fahen die Tarter an die bancken" zu schlahen („dumque timpanis incipiunt sonare"). „Жизнь животныхъ", *Брэма*, II, 501; въ нѣмецк. изд. 1865 г., II, 500: „Die Nomaden (р. п., „всѣ кочевые народы") jagen die Saigas mit Leidenschaft".

Къ фаунѣ юго-восточной степи имѣютъ также отношеніе слѣдующія извѣстія Мѣховскаго, по изд. 1521 г., B об. Tartari „pecora et pecudes plurimas tenent, præcipue caballos et caballas pro equitatu et victu valentes. Incidunt et vulnerant equos, cruoremque et per se, et cum milio vorant, carnes pecudum, pecorum et equorum comedunt etiam semicrudas. Caballos pridie, tum sponte, tum morbo mortuos exciso loco apostemato perlibenter comedunt. Bibunt aquam, lac et cereuisiam ex milio coctam. Aquam Turci et Thartarhi vocant su, interdum Thartari dicunt suha, et est aqua. Cereuisiam autem miliarem seu ex milio factam Buzam nominant, eandem Ruteni Braha vocant. Laudant lac, praesertim komiz, id est acetosum, eo quod stomachum eorum confortet et medicinam purgatiuam faciat. In conuiuijs et cum hospitibus advenisque bibunt araka, quod est lac sublimatum, quod mirabiliter et cito inebriat".

Альбертъ Кампенскій въ своемъ сочиненіи о Московіи сообщаетъ слѣдующія весьма немногія данныя относительно ея фауны:

1) О р. Донѣ „nella lor lingua lo chiamano Don, che tanto è, come dir Santo: percioche si com esso e abbondantissimo et pieno di pesci, cosi fa tutta la terra ch'egli bagna, abbondantissima et fertilissima", Библ. ин. писат., С.-Пб., 1836 г., гл. IV, стр. 67 (р. п., 28). Можетъ быть, это извѣстіе заимствовано изъ Трактата Матвѣя Мѣховскаго, у котораго, по изд. 1521 г., стр. Bij об., находимъ слѣдующее: „Sunt iam circa Tanaim arbores, pomaque et alij fructus, sunt et mellificia quercina nonulla, et pauciora de pino. Inde est quod Thartari sanctum Don dicunt, quia iuxta illum, victum ex fructibus, melle et piscibus reperiunt".

2) Въ Московіи собираютъ большое количество меда, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякой заботы со стороны человѣка. Въ лѣсахъ попадаются огромнѣйшіе рои пчелъ, вступающіе въ борьбу между собою и одинъ [рой] старается прогнать съ своихъ мѣстъ другой (въ подл. „scacciarsi l'un l'altro dai lor luoghi", въ переводѣ, напеч. въ изд. 1836 г., „преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ"), и крестьяне (villani), которые близъ своихъ жилищъ держатъ своихъ пчелъ, съ трудомъ могутъ защитить ихъ отъ пчелъ лѣсныхъ, стр. 30—31 (подл., 69).

нени увеличиваютъ достоинства его труда и точнѣе опредѣляютъ значеніе его въ ряду другихъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Правда, географическая область, къ которой относятся эти данныя, значительно ограниченнѣе, чѣмъ тѣ области животнаго царства, къ которымъ относятся извѣстія Барбаро, Контарини, Мѣховскаго, но за то свѣдѣнія Іовія о животныхъ Московіи полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ извѣстія помянутыхъ писателей. Число наименованій отдѣльныхъ видовъ животнаго царства восточно-европейской равнины у Барбаро равняется 15, у Контарини—13, у Матвѣя Мѣховскаго—около 20 [16]), у Іовія—около 24, и наиболѣе значительная часть послѣднихъ относится собственно къ области Московіи въ тѣхъ предѣлахъ ея, въ какихъ она существовала въ княженіе Василія Ивановича.

Герцинскіе лѣса, занимающіе значительную часть Московіи, наполнены, пишетъ Іовій, дикими звѣрями. Въ той части, которая принадлежитъ Пруссіи, водятся огромные и свирѣпые зубры, видомъ похожіе на быковъ и называемые бизонтами, а также альцесы, похожіе на оленей, съ мясистою мордою, высокими, не сгибающимися ногами: Москвитяне называютъ ихъ лосями (lozzi), а Нѣмцы еленями (helenes). Эти животныя извѣстны были К. Цезарю. Въ Герцинскихъ лѣсахъ водятся также необыкновенной величины медвѣди и чернаго цвѣта волки, огромные и страшные [17]).

---

[16]) Damae, dorcae, capreae—мы не включаемъ въ этотъ итогъ.

[17]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 62—63 (р. п., 23). Въ подл. „Ea in parte, quae vergit ad Prussiam, uri ingentes et ferocissimi taurorum specie reperiuntur, quos Bisontes vocant"... Въ русск. переводѣ слово „uri" переведено „буйволы", а въ примѣч. 8, на стр. 82 говорится: „П. Іовій смѣшиваетъ латинское слово urus—буйволъ съ названіемъ bisons—дикій быкъ". Но ошибка оказывается не у Іовія, см. Zoologie der alten Griechen und Römer, *Lenz*, стр. 43, прим. 123: In alter Zeit gab es in den nordischen Gegenden jedenfalles zweierlei wilde Ochsen: 1, Der Urus, welcher sich in keinem Merkmal wesentlich von zahmen Rindvieh unterschied" (см. у Цезаря, Bell. gall., 6, 28); 2, „Der Bison, den wir jetzt Auerochsen nennen, und von dem in Europa nur noch ein Rest im russischen Gouvernement Grodno... vorhanden". Ср. стр. 250 и 251.

Лось имѣетъ ноги жесткія, что подало поводъ Юлію Цезарю, видѣвшему лосей въ Герцинскомъ лѣсу, разсказывать, что ноги ихъ не имѣютъ вовсе сочлененій, что они никогда не ложатся для отдохновенія. „Русская фауна", *Ю. Симашко*, 910—911; *Julii Caesaris*, Commentarii de bello gallico, VI, 27; Zoologie der alten Griechen und Römer, *Lenz*, 215. Очевидно въ словахъ Іовія „nullo suffraginum flexu" скрывается указаніе на ту же особенность ногъ лося, на которую обратилъ вниманіе Юлій Цезарь. Въ изд. 1567 г., CLXXIX: Alcen haben „lange schenkel, an welchen man keine gleich mag. spüren".

Зубръ (bos urus, aurochs), извѣстный древнимъ писателямъ подъ именемъ Bonasus, Bolinthus и Bison и подробно описанный ими, нѣкогда былъ довольно распространеннымъ по Европѣ животнымъ, но уже при Палласѣ водился только въ Литвѣ, Молдавіи и на Кавказѣ.

Лось (cervus alces, elenn), принадлежа къ роду оленей, не имѣетъ той легкости и красоты, какими одарены прочіе виды этого рода: туловище его короткое, ноги высокія, морда толстая, словно раздутая. Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ упоминаніе о лосяхъ уже находимъ въ Поученіи Владиміра Мономаха; о нихъ же въ при-Донской области упоминаетъ Хожденіе въ Царьградъ митрополита Пимена (1392 г.). Лоси быстро истреблялись, и въ настоящее время они уже оттѣснены изъ Западной Европы до предѣловъ Европейской Россіи, и здѣсь они замѣтно исчезаютъ. Такъ, по замѣчанію Эверсманна, нѣкогда они водились южнѣе Казани, „потому что въ сѣверо-западной части Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ, и Бузулукскомъ, есть много маленькихъ лѣсовъ и тому подобныхъ мѣстъ, получившихъ названіе отъ этого оленя“ [18]).

Любопытно замѣчаніе Іовія о черныхъ волкахъ, область распространенія которыхъ въ Европейской Россіи является весьма ограниченною. Они встрѣчались на Кавказѣ и въ Бузулукскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи. Здѣсь, по свидѣтельству Э. Эверсманна, попадаются совсѣмъ черные волки, которыхъ зовутъ „сибирскими собаками“; какъ говорятъ, животныя эти въ самомъ дѣлѣ походятъ болѣе на собаку, чѣмъ на волка, и тамошніе жители полагаютъ, что они заходятъ изъ Сибири. Какъ слышно, они встрѣчаются только зимою, не ходятъ вмѣстѣ съ другими волками, такъ что

---

[18]) „Русская фауна“, *Ю. Симашко*, II, 988—989, 910—911. Естеств. исторія Оренбургскаго края, *Э. Эверсманна*, ч. 2, стр. 249. Путешествіе па с. и в. Сибири, *А. Миддендорфа*, ч. 2, стр. 91—92. Вѣстникъ естественныхъ наукъ, 1854‘ № 19, „Лось или сохатый“, *Н. А. Сѣверцова*, стр. 292—293: „Первобытною западною границей лося можно считать Рейнъ“... „Въ настоящее время западная граница лося—это Висла и Скандинавскій хребетъ“. Стр. 296: лосю нужна холодная зима, въ слѣдствіе чего и главнымъ мѣстопребываніемъ его служатъ континентальныя страны восточной Россіи, Сибири и Америки. „Промышленность древней Руси“, *Н. Аристова*, стр. 6 и 10. Лѣтопись по Лавр. сп., С.-Пб., 1872 г., стр. 242. Никон. лѣт., IV, стр. 160.

обыкновенно ихъ по нѣсколько вмѣстѣ видишь у одной падали. Мнѣ самому, говоритъ Эверсманнъ, „не удавалось видѣть этихъ животныхъ живыми или получать ихъ убитыми съ мясомъ, но судя по чучелѣ, доставленной мнѣ оттуда, они дѣйствительно ближе къ собакѣ, чѣмъ къ волку“ [19]).

Племена, живущія на сѣверѣ Московіи, какъ сообщаетъ Іовій, вѣроятно, со словъ Дмитрія Герасимова, — Пермь (Permii), Печера (Pecerri), Югры (Iugri), Вогуличи (Ugulici), Пинежане (Pinnagi) и другіе отдаленнѣйшіе народы вели мѣновую торговлю дорогими мѣхами куницъ, соболей, волковъ, оленей, черныхъ и бѣлыхъ лисицъ, и центромъ этой торговли былъ Устюгъ. Лучшіе собольи мѣха съ просѣдью доставлялись изъ Перми и Печоры. „Впрочемъ, эти народы не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ океана“.

Отъ Лапландцевъ, жившихъ на самомъ отдаленномъ берегу океана

---

19) Естественная исторія Оренбург. края, *Э. Эверсманна*, ч. 2, стр. 21—22. „Русская фауна“, *Ю. Симашко*, II, 489. „Жизнь животныхъ“, *Брэма*, т. I, С.Пб., 1874 г., стр. 417: Многіе современные естествоиспытатели считаютъ чернаго американскаго волка за отдѣльный видъ, тогда какъ прежде его разсматривали только какъ разновидность обыкновеннаго волка.

„Въ поляхъ, принадлежащихъ городу“ (Москвѣ), говоритъ Іовій, по изд. 1836 г., стр. 67—68 (р. п., 34) „водится необычайное множество дикихъ козъ (capreolorum) и зайцевъ, которыхъ однако никто не имѣетъ права ни ловить тенетами, ни травить сабаками; только своимъ приближеннымъ (intimis familiaribus) и посламъ иностраннымъ Государь позволяетъ иногда имѣть это удовольствіе“.

Рульс, въ своей статьѣ: О животныхъ Московской губерніи (напеч. въ изд. „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московск. унив.“, М., 1845 г.) замѣчаетъ на стр. 87: „Что въ Москвѣ водились и дикія козы, подтверждается мѣстностію ея—*козьимъ болотомъ*. Но кромѣ того, Павелъ Іовій говоритъ ясно, что удивлялся въ Москвѣ большому количеству дикихъ козъ“; а въ примѣчаніи къ вышеприведенному нами свидѣтельству Іовія Рульс говоритъ: „Дикая коза (Antilope rupicapra) не смѣшивается ли здѣсь съ косулею“? На это замѣтимъ, что Іовій въ Москвѣ не былъ; въ „Русс. фаунѣ“, *Симашко*, II, 940, подъ словомъ косуля приведены слѣдующія названія одного и того же вида: cervus capreolus, изюбръ, дикая коза, бѣлогузка, reh, chevreuil, при чемъ замѣчено, что она „водится во всей Европѣ, исключая самыя сѣверныя страны, и почти въ тѣхъ же границахъ, гдѣ лоси“ (см. у *Брэма*, II, 479, 482; *Pallas*, Zoogr., I, 219), а на стр. 950 — Antilope rupicapra, серна, постоянно живущая на лѣсистыхъ, высокихъ горахъ и въ Россіи попадающаяся очень рѣдко, на Кавказѣ и прилежащихъ Россіи азіатскихъ южныхъ хребтахъ (стр. 951). На основаніи этихъ указаній едва ли можно считать основательнымъ сомнѣніе Рульє, и всего, кажется, вѣроятнѣе, подъ словомъ capreoli у Іовія разумѣть дикую козу.

„гдѣ обширнѣйшія государства Норвегія и Швеція какъ бы перешейкомъ соединяются съ материкомъ“, Москвитяне получали самые бѣлые, горностаевые мѣха [20]).

Лишивъ Москвитянъ золотыхъ и серебреныхъ рудниковъ и драгоцѣнныхъ камней, природа, замѣчаетъ Іовій, вознаградила (ихъ) за то самыми дорогими мѣхами (pellium nobilissimarum), которые вслѣдствіе невѣроятной алчности людей и роскоши, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ на одно платье продаютъ за тысячу золотыхъ монетъ. Было однако время, когда продавали ихъ гораздо дешевле, ибо жители отдаленнаго сѣвера, незнакомые еще тогда съ болѣе утонченною образованностію и безмѣрною роскошью (anhelantis luxuriae), по крайней простотѣ своей, часто мѣняли ихъ на дешевыя и забавныя вещи; такъ обыкновенно жители Перми и Печеры платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть въ отверстіе топора, куда влагается топорище.

Говоря о пищѣ, Іовій также указываетъ на дешевизну жизненныхъ припасовъ. Курицу или утку часто покупаютъ, говоритъ онъ, за самую малую серебреную монету; крупнаго и мелкаго скота вездѣ неимовѣрное множество; воловью кожу Москвитяне отправляли за границу. Они ловятъ дикихъ животныхъ всякаго рода охотничьими собаками и сѣтями. Ихъ ястреба и соколы (изъ коихъ лучшіе получаются изъ страны Печерской) преслѣдуютъ не только фазановъ и утокъ, но даже лебедей и журавлей. Превосходнѣйшихъ соколовъ, между коими попадается бѣлый соколъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ Herodium, ловятъ на вершинѣ Гиперборейскихъ горъ. Тамъ же водятся іерофалки, непріятели цаплей, и соколы балабаны и сапсаны (sacri et peregrini), [породы которыхъ] были неизвѣстны богатымъ государямъ древности, занимавшимся птицеловствомъ [21]).

---

[20]) *Іовій* по изд. 1836 г., 66, 64—65 (р. п., 30—31, 27—29). Годъ на сѣверѣ, *С. Максимова*, С.Пб., 1871 г., стр. 239—о добычѣ Лопарями горностаевъ. „Путешествіе на с. и в. Сибири“, *А. Миддендорфа*, II, 207: на глубоко-сѣверныхъ равнинахъ горностай простирается за предѣлъ лѣсной растительности. „Русская Лапландія“, *Н. Дергачева*, Архангельскъ, 1877 г., стр. 20: „горностаевъ Лопари ловятъ ловушками“.

[21]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 71, 75, 66 (р. п., 40, 49, 31): „sunt et Hierofalchi, ardearum hostes, et sacri et peregrini“; стр. 31: „и священные и перелетные“.

Бѣлый соколъ, названный Іовіемъ Herodium, есть очевидно наиболѣе замѣчательный изъ соколиной породы видъ, извѣстный у насъ подъ именемъ кречета (falco gyrfalco, candicans). У него хвостъ „почти на цѣлую треть, то-есть болѣе чѣмъ на 2″, выходитъ изъ подъ крыльевъ и содержитъ отъ 12 до 14 темныхъ поперечныхъ полосъ. У старыхъ кречетовъ преобладающій цвѣтъ перьевъ бѣлый, и даже боковыя рулевыя перья дѣлаются совершенно бѣлыми, такъ что темныя пятна и полосы остаются только на спинѣ, на крыльяхъ и на среднихъ рулевыхъ перьяхъ. У молодыхъ, напротивъ того, спина и хвостъ темносѣрые съ бѣловатыми пятнами и полосами“. Онъ водится на Уральскихъ горахъ.

Названіе Hierofalco, Gyrfalco, въ настоящее время присвоивается исландскому соколу, который отличается тѣмъ, что верхняя сторона его во всякомъ возрастѣ темнаго цвѣта. Хотя этотъ видъ и называется исландскимъ, но онъ водится и въ сѣверной Россіи, и въ Сибири. „По многимъ наблюденіямъ“, замѣчаетъ Брэмъ, „это единственный кречетъ, который водится въ Лапландіи“.

Соколъ балабанъ (falco sacer) имѣетъ хвостъ, выходящій изъ подъ крыльевъ не болѣе чѣмъ на 2″. „На спинѣ перья темнобурыя съ красноватою каймою, на груди и на брюхѣ бѣлыя или желтоватыя съ темными наствольными пятнами. Старые балабаны замѣтно свѣтлѣе молодыхъ“.

Соколъ сапсанъ (falco peregrinus) имѣетъ хвостъ, не выходящій изъ подъ крыльевъ. „У старыхъ сапсановъ спина голубовато-сѣрая съ поперечными черными пятнами, а брюхо бѣловатое, испещренное извилистыми, поперечными черными полосками. У молодыхъ перья на спинѣ темнобурыя съ красноватою каймою, а брюхо желтоватое, испещренное продолговатыми пятнами“ [22]).

Но, по всей вѣроятности, слова sacri et peregrini означаютъ извѣстные виды соколовъ, именно тѣ, которые и въ настоящее время такъ называются, то-есть соколы балабаны и соколы сапсаны.

[22]) „Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи“, *К. Кесслера*, Кіевъ, 1847 г., стр. 154—156. „По мнѣнію Шлегеля исландскій и норвежскій соколы составляютъ самостоятельные виды. „Тинеманъ и другіе орнитологи считаютъ ихъ однако только мѣстными разностями кречета“. „Опытъ естественной исторіи всѣхъ животныхъ Росс. Имперіи“, *Ивана Двигубскаго*, М., 1831 г., стр. 8. Zoogr. rosso-asiatica, *Pallas*, I, 325, Falco gyrfalco—кречетъ; 327: f. peregrinus—соколъ; 330: f. lanarius (sacer)—балабанъ.

Майербергъ, 82, тоже замѣчаетъ: „Et hierofalchos accerimos ardearum

Охота съ помощью хищныхъ птицъ, ястребовъ и соколовъ, еще въ глубокой древности, за нѣсколько столѣтій до Р. Х., извѣстная и народамъ европейскимъ, и азіатскимъ, въ Средніе вѣка стала весьма распространенною и въ это время является любимою потѣхою и европейскихъ, и азіатскихъ владѣтелей. Извѣстно сочиненіе императора Фридриха II De arte venandi cum avibus; припомнимъ также Урядникъ сокольничья пути [23]).

Кречеты Печорскаго края сдѣлались извѣстными очень рано. По свидѣтельству Марко Поло, близъ Сѣвернаго океана, до котораго простирается Россія, „ловится множество кречетовъ и перелетныхъ (?) соколовъ, которые и развозятся оттуда во многія страны“. Великій князь Иванъ Даниловичъ Калита пожаловалъ сокольниковъ печерскихъ, ходившихъ на Печору, не велѣлъ брать съ нихъ даней, платить „кормъ“ и давать подводы, „занеже“, какъ говорится въ грамотѣ, „люди ти надобны“. Въ другихъ оффиціальныхъ актахъ XIV в. доходъ отъ звѣриныхъ промысловъ называется сокольничимъ путемъ. Это указываетъ на то, что ловъ звѣрей соколами былъ общераспространеннымъ въ Московской Руси. Въ XVI в. Новгородецъ Ивашка Дмитріевъ сынъ Ластка съ товарищемъ Власкомъ задумалъ основать новое селеніе на рѣкѣ Печорѣ, противъ устья впадающей въ нее р. Цыльмы, билъ челомъ великому князю о дозволеніи ему поселиться въ этомъ мѣстѣ и пользоваться угодьями и, между прочимъ, говорилъ, „что по Печорѣ до Усы, по Цыльмѣ до рѣки Косьи, по Ижмѣ и Пежмѣ до Великой Пожни пески, рыбныя ловли, малыя рѣчки и озерки, лѣсъ, дичь, мхи, болота, сокольи и кречетьи садбища“ [24])...

---

hostes a Russis Kretzet nuncupatos“ (Чтенія, 1873 г., кн. 4, стр. 159). Сопоставляя это замѣчаніе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ Іовія, мы имѣемъ право заключить, что въ XVI—XVII в. Русскіе называли кречетами оба весьма близкіе другъ къ другу вида, Herodium и Hierofalco.

„Жизнь животныхъ“, *Брэма*, III, 441—442 (въ нѣмецк. изд. 1866 г., III, 413). „Позвоночныя средняго Урала“, *Л. Сабанѣева*, М., 1874 г., стр. 23—25. Птицы хищныя, *К. Кесслеръ*, Труды коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебн. округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., стр. 15—22. „Die geographische Verbreitung der Thiere“ v. *Wallace*, 2 B., Dresden, 1876, стр. 389. „Falconinae—Falco“ (27 Arten); „Hierofalco“ (6 Arten).

[23]) „Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien so wie in das übrige Europa“ von *Victor Hehn*, Berlin, 1874, стр. 325—326, 329. Gesch. der Zoologie, *Carus*, 184.

[24]) Чт. Москов. Общ. Истор. и Древн., 1862 г., IV. 488. *Марко-Поло* описываетъ и ханскую охоту съ соколами, тамъ же, 1862 г., кн. 2, стр. 261—267.

„Въ Московіи“, по свидѣтельству Іовія, „ловятъ одну черноватую птицу, величиною съ гуся, съ алыми бровями, коей мясо (pulparum sapore) вкуснѣе самого фазана. На ихъ языкѣ она именуется тетеревомъ (tether), Плиній же называетъ ее Erythratao. Птица сія извѣстна жителямъ Альповъ, особенно Ретійцамъ“, обитающимъ въ лѣсахъ, близъ источниковъ Адды (Adduae amnis).

Уже Плиній указалъ на алыя брови Tetrao, какъ на отличительную особенность этой птицы. Эта особенность составляетъ принадлежность обоихъ извѣстныхъ представителей семейства тетеревиныхъ: глухаря (tetrao urogallus) и обыкновеннаго тетерева (t. tetrix), и къ обоимъ этимъ видамъ могутъ быть относимы и замѣтки Іовія, такъ какъ и глухарь, и тетеревъ встрѣчаются на Альпахъ [25]).

Въ рѣкѣ Волгѣ, говоритъ Іовій, ловятъ множество рыбы огромной величины и отличнаго вкуса, въ особенности же сомовъ, которые, какъ мы полагаемъ, были извѣстны древнимъ подъ названіемъ силуровъ. Зимою рыбу сію обкладываютъ льдомъ и такимъ обра-

---

А. А. Э., I, № 3 (1328—1340 г.). „Промышленность древней Руси“, *И. Аристова*, стр. 5—о ханскихъ сокольникахъ; 13—сокольничій путь; 301, пр. 859: „въ 1324 г. соколъ въ Италіи цѣнился въ 133 фр.“ Дневникъ *Латкина*, II, 14—жалованная грамота Ивашкѣ, 1545 г. Доп. къ Акт. Истор., V, № 101 (1669 г. прежде 3 декабря): „Отписка вологодскаго воеводы Константина Нащокина объ отпускѣ въ Москву привезенныхъ изъ Холмогоръ въ Вологду кречетовъ, для царской охоты“, стр. 435 и слѣд.

Сокола, орла и коршуна Іовій, какъ видно, причислялъ къ одной породѣ птицъ (75; р. п., 49). Плиній также относилъ коршуна къ породѣ соколиной (Zool. d. Gr. u. Römer, *Lenz*, 285), и нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ натуралистовъ находили сходство между помянутыми птицами столь значительнымъ, что соединяли ихъ въ одну семью. „Опытъ естеств. исторіи всѣхъ животныхъ Росс. имперіи“, *Ив. Двигубскаго*, стр. 8—о мнѣніи Линнея. Zoographia rosso-asiat., *Pallas*, I, 324. Die geogr. Verbreitung d. Thiere, *Wallace*, 387—389.

[25]) *Іовій* по изд. 1836 г., 75 (р. п., 49). *Плиній*, X, 22 (29) (по изд. 1852, v. II, 210): „Decet tetraonas suus nitor absolutaque nigritia, in superciliis cocci rubor“. Zoologie d. Gr. и Römer, *Lenz*, стр. 343—344, пр. 1071: „Birk=und Auerhahn (Birkhahn, tetrao tetrix, тетеревъ; Auerhahn, tetrao urogallas, глухарь) heissen bei Plinius beide tetrao. Die Beschreibung des Birkhahns ist nicht ganz genau, die des Auerhahns noch weniger; allein man muss bedenken, dass die Alten weder Sammlungen ausgestopfter Thiere; noch Bilderwerke hatten, daher ihre Beschreibung oft aus dem Gedächtniss machen mussten“.

Zoogr. rosso-asiat., *Pallas*, II, 56. „Опытъ естеств. исторіи всѣхъ животныхъ Росс. имперіи“, *Двигубскаго*, стр. 104 — 107. „Жизнь животныхъ“, *Брэма*, т. IV, ч. I, стр. 311; 323—324 (въ нѣмецк. изд. 1867 г., IV, 336, 348). Птицы куриныя, *К. Кесслера*, Труды коммиссіи для описанія губерній Кіевск. учебнаго округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., стр. 7—11. Его же, Руководство для

зомъ сохраняютъ свѣжею въ продолженіе долгаго времени. Прочіе сорты рыбъ ловятъ въ невѣроятномъ количествѣ въ Бѣлыхъ озерахъ. Обиліемъ рыбы отличалась также и приморская область, въ которой обитали Лапландцы, и они добывали ее во множествѣ, не смотря на то, что орудія ихъ не удобны [26]).

Самое же извѣстное произведеніе Московіи—воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ очень плодовитыми пчелами, которыя кладутъ превосходнѣйшій медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ бываютъ усѣяны густыми и прекрасными роями пчелъ, которыхъ не нужно собирать звуками мѣди (nullo aeris crepitu). Въ дуплахъ часто находятъ огромное количество сота и стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ немногіе поселяне, живущіе въ обширныхъ лѣсахъ, не успѣваютъ осмотрѣть каждое дерево, то иногда во пняхъ чрезвычайной толщины находятъ значительныя скопища меда [27]) (permagnos mellis lacus).

Краткія замѣтки о восточно-европейской фаунѣ нашли себѣ мѣсто и въ донесеніи Фабра. Въ Московіи, пишетъ онъ, водятся черныя лисицы и бѣлые медвѣди, о чемъ прежде мы знали по памятникамъ письменнымъ, а теперь узнали отъ посла (русскаго) черезъ пере-

---

опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи, Кіевъ, 1847 г., 268—271. „Горныя куропатки и тетерева-березовики на Альпахъ“, *Чуди*, Вѣстникъ естеств. наукъ, 1859 г., № 9, стр. 1025. О ловлѣ тетеревовъ въ XII в. см. „Промышленность др. Руси“, *Н. Аристова*, стр. 77.

[26]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 75, 65 (р. п., 49—50, 28). Стр. 68 (р. п., 35). Бѣлыми озерами, по опредѣленію Іовія, назывались большія и глубокія болота, лежащія на с.-з. отъ Москвы и дающія начало „всѣмъ почти рѣкамъ, протекающимъ по Московіи“. Описаніе рыбныхъ промысловъ у Лопарей см. „Русская Лапландія“, *Н. Дергачева*, Архангельскъ, 1877 г., очеркъ I, стр. 44 и слѣд. Рыболовство и въ настоящее время составляетъ главную отрасль хозяйства Лопарей. „Рыбы ловятъ они чрезвычайное множество“, хотя и нуждаются въ рыболовныхъ снастяхъ (стр. 45); очеркъ II, стр. 40 и слѣд.

[27]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 70—71 (р. п., 39—40); въ изд. 1567 г., стр. CLXXXVI. Zoologie der alten Griechen u. Römer, *Lenz*, стр. 574: „Varro de re rust. 3, 16: „Man nennt sie (die Bienen) auch Vögel der Musen, weil man sie, wenn sie sich zerstreut haben, wieder zusammenruft, indem man die Cymbeln schlägt oder nach dem Takt mit den Händen klatscht“. Ср. стр. 579, 594: „Plinius, 11, 20, 22: „Die Bienen lieben das Zusammenschlagen und Klingeln des Erzes und lassen sich dadurch zusammenlocken, woraus man sieht, dass sie mit dem Sinne des Gehörs begabt sind“.

водчика. И не удивительно: причиною того легко можетъ быть чрезмѣрный холодъ сѣвера, всегда производящій бѣлизну (quod semper mater est albedinis), какъ утверждаетъ философія [28]).

XXVI.

Связь извѣстій Герберштейна о восточно-европейской фаунѣ съ извѣстіями писателей, ранѣе его сообщившихъ о ней свѣдѣнія.—Домашнія животныя въ Московіи.—Особыя породы лошадей и собакъ.—Сѣверный олень (cervus tarandus).—Пушные звѣри.—Цѣнность ихъ мѣховъ.—Мѣстности, изобиловавшія мѣхами.—Соболь.—Область его распространенія.—Черная лисица.—Бѣлка.—Песецъ.—Бобръ.—Бѣлый медвѣдь.—Китъ.—Моржъ.—Uess и equivuodani.—Данныя по орнитологіи.—Соколы.—Рѣки и области, изобиловавшія рыбными богатствами.—Бѣлуга, стерлядь, севрюга, осетръ, бѣлорыбица.—Рыбы въ р. Шекснѣ и Бѣлоозерѣ.—Семга и сельдь.—Цвѣтъ животныхъ Водской области.—Области, изобиловавшія воскомъ и медомъ.

Извѣстія Іовія о животномъ царствѣ Восточной Европы, объ изобиліи пушныхъ звѣрей и рыбъ, о необыкновенныхъ соколахъ, точно такъ какъ извѣстія Мѣховскаго о моржахъ и тюленяхъ на крайнемъ сѣверѣ—все это должно было обратить на себя вниманіе образованныхъ читателей, мало знакомыхъ съ природою Восточной Европы, возбудить нѣкоторый интересъ къ изученію ея особенностей къ собранію новыхъ свѣдѣній о животномъ царствѣ ея для провѣрки и дополненія вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Мѣховскаго и Іовія. Герберштейнъ, какъ можно догадываться, имѣлъ въ виду эти свидѣтельства, и многія болѣе обстоятельныя извѣстія, имъ вне-

---

[28]) *Фабръ*, по изд. 1600 г. („Rerum Moscoviticarum auctores varii“), стр. 133, строки 11—12 (р. п., Отеч. Зап., ч. XXV, 1826 г., стр. 303: „о чемъ прежде мы только слышали“; въ подл. „ita monumentis prius admoniti“).

„Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, *А. Миддендорфа*. II, 30: „Правда, что на крайнемъ сѣверѣ животныя почти всѣ безъ исключенія бѣлѣютъ на зиму, но едва-ли можно оправдать мнѣніе, что онѣ принимаютъ этотъ цвѣтъ вслѣдствіе отраженія бѣлаго свѣта отъ снѣговой поверхности и что при этомъ измѣненіи цвѣта природа имѣла въ виду предохранить ихъ отъ стужи“. Стр. 32: „цвѣтъ животныхъ приноравливается къ господствующему цвѣту тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ водятся“. Стр. 160: „Слухъ о бѣломъ медвѣдѣ уже очень рано проникъ чрезвычайно далеко. Марко-Поло, которому ничего не было извѣстно о прибрежныхъ туземцахъ Сибири, все-таки говоритъ о медвѣдяхъ бѣлаго цвѣта“.

сенныя въ Записки о Московіи, не лишены связи съ предшествующими, относятся къ тѣмъ именно животнымъ, на которыя уже было обращено вниманіе до него. Такъ онъ подробнѣе говоритъ о пушныхъ звѣряхъ, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ животныхъ, водящихся въ Литвѣ и въ водахъ Сѣвернаго океана, о соколахъ и рыбахъ. И Герберштейнъ, какъ и ему предшествующіе писатели, имѣя въ виду географическое описаніе Московіи, обращалъ вниманіе по преимуществу на животныхъ позвоночныхъ, къ которымъ и относится значительнѣйшая часть его извѣстій о животномъ царствѣ [1]).

Домашнія животныя въ Московской области, пишетъ онъ, „гораздо меньше нашихъ, но однако не лишены роговъ (какъ кто-то писалъ), ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ—и всѣхъ съ рогами". Изъ домашнихъ животныхъ той же области упоминаются въ описаніи великокняжеской охоты лошади особой породы, которую, замѣчаетъ авторъ Записокъ, мы называемъ турецкою, а Москвитяне аргамаками, и собаки тоже особыхъ породъ, содержимыя для великокняжеской охоты за зайцами, canes molossi et odoriferi и Kurtzi.

По всей вѣроятности, подъ первыми двумя названіями слѣдуетъ разумѣть собакъ гончихъ и борзыхъ, такъ какъ въ современномъ Герберштейну нѣмецкомъ переводѣ его Записокъ, изданномъ въ 1567 г., онѣ названы Suchhund, Jaghund.

Kurtzi говоритъ онъ, красивы, съ пушистыми хвостами и ушами, вообще смѣлы, но неспособны къ долгой гонкѣ [2]). Въ извѣстномъ разсказѣ о плаваніи по Ледовитому морю, сообщенномъ со словъ Григорія Истомы, находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ оленѣ: у Лопарей стада оленей, которые на Норвежскомъ языкѣ называются Rhen, употребляются также, какъ у насъ стада быковъ: „они не

[1]) Сообщая свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ и моржахъ, Герберштейнъ имѣлъ въ виду извѣстія Мѣховскаго. Ср. его соч. по изд. 1521 г., стр. H об. и Hiij; R. M. C., 62 A, 120 B (р. п., 96, 179).

[2]) R. M. C., 62 A, 132 A—C (р. п., 96, 197); въ изд. 1567 г., CXVII; въ изд. 1557 г., стр. Sij, л. 2. Въ русскомъ переводѣ Записокъ о Московіи—canes molossos et odoriferos—меделянскія собаки. Такъ можно было перевести на основаніи современнаго значенія словъ canis molossus. Но имѣло ли это слово то же значеніе и въ XVI в.? Меделянскія собаки „тяжелы, неуклюжи и потому не быстры и не выносливы на ходу"; онѣ пригодны для трудной и опасной

много побольше нашихъ оленей. Лопари употребляютъ ихъ вмѣсто вьючнаго скота слѣдующимъ образомъ: впрягаютъ оленей въ повозку, сдѣланную на подобіе рыбачей лодки; человѣкъ привязывается къ ней за ноги для того, чтобы не выкинуться отъ быстраго бѣга оленей". Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ ремень, которымъ умѣряетъ бѣгъ оленей, а въ правой — палку, которою предотвращаетъ паденіе повозки, когда она наклонится на одну сторону болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Этимъ способомъ ѣзды Истома съ своими спутниками сдѣлали 20 миль въ одинъ день и наконецъ отпустили оленя; Истома говорилъ, что олень самъ воротился къ своему господину въ обычное становище [3].

Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о томъ видѣ оленей, который извѣстенъ подъ именемъ сѣвернаго или лапландскаго (cervus tarandus, Rennthier). На такомъ оленѣ Григорій Истома проѣхалъ отъ Дронтгейма до Бергена, вѣроятно, въ тѣхъ саняхъ, которыя у Лопарей называются акіо или pulke и похожи на лодку или, какъ замѣчаетъ г. Гротъ, „на башмакъ: ноги сѣдока помѣщаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстія; въ рукахъ ѣдущаго одна только вожжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія-ему направленія" [4].

охоты за медвѣдями, а не за зайцами. Жизнь животныхъ, *А. Брэма*, т. I. С.-Пб., 1874 г. (2 изд.), стр. 359 и слѣд. См. также примѣчаніе къ статьѣ нашей, „Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ", Др. и новая Россія, 1875 г., № 10, стр. 113.

Ф. Брунъ, Черноморье, Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи, II, Одесса, 1880 г., стр. 368—369, полагаетъ, что слово Kurtzi есть искаженное—хорты. Въ словарѣ *Даля*: хортъ—борзая собака; „ловчій на сворѣ хорты къ государю подводитъ". Glossarium *Ducange*, IV, 472, molosus, grandis, qui est instar molis. Supplementum, 1857, стр. 366. Novum glossarium Latino—germ. mediae et intimae aetatis, *Lorenz Diffenbach*, Fr. am Main, 1867 г., стр. 256: molossus—raud, rüd. Gesch. d. Zool., *Carus*, 181, относительно средневѣковыхъ извѣстій замѣчаетъ: „zahlreich waren dagegen die Hunderassen, obschon auch hier beim Mangel eingehender Beschreibungen eine genauere Vergleichung mit den jetzt lebenden bekanntlich zum Theil noch immer verändernden Rassen sehr schwer sein dürfte".

[3]) R. M. C., 118 B (р. п., 176—177); въ изд. 1557 г., стр. R.

[4]) „О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка", по соч. *Августа Алквиста* составилъ *Л. Майковъ*, С.-Пб., 1877 г., стр. 49. „Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до р. Торнео", *Якова Грота*, С.-Пб., 1847 г., стр. 103.

О способахъ ѣзды у инородцевъ сѣвера см. Жизнь животныхъ, *А. Брэма*, т. II., С.-Пб., 1866 г., стр. 447 — 448 (въ нѣмецк. изд. 1865 г., II,

Бѣгъ оленя по ровной дорогѣ въ легкихъ саняхъ, общеупотребительныхъ у Финскихъ племенъ, живущихъ въ полярныхъ странахъ, отличается удивительною быстротою, и свидѣтельство Григорія Истомы о томъ, что онъ проѣхалъ 20 миль, то-есть 140 верстъ въ 24 часа, можно считать вполнѣ вѣроятнымъ. „Изъ достовѣрныхъ случаевъ извѣстно", говоритъ г. Миддендорфъ, „что въ день (то-есть едва 14 часовъ) проѣзжали (на сѣверномъ оленѣ) 30 геогр. миль; разсказываютъ даже о еще болѣе необыкновенныхъ, исключительныхъ подвигахъ" [5]).

Съ способностію къ быстрому бѣгу по снѣжнымъ равнинамъ полярныхъ странъ олень соединяетъ въ себѣ и другія важныя достоинства: онъ легко и охотно переплываетъ большія водныя пространства и подъ рыхлымъ, глубокимъ снѣгомъ умѣетъ отыскивать бѣлый мохъ, составляющій его неприхотливую пищу. Нѣкоторые изъ лопарскихъ оленей, какъ сообщаетъ Кастренъ, обладаютъ по истинѣ изумительною способностію: они умѣютъ отыскивать дорогу къ какому-либо мѣсту, совершенно незамѣтную для путешественника, не имѣющую, по видимому, никакихъ признаковъ какого-либо движенія по ней, если только когда-либо, хотя однажды, оленю приходилось везти путника по этой дорогѣ. Это указаніе Кастрена объясняетъ и подтверждаетъ свидѣтельство Григорія Истомы о томъ, что олень, привезшій его въ Бергенъ, самъ нашелъ дорогу въ

---

445 — 446). О ѣздѣ Лопарей на Терскомъ берегу—„Русская Лапландія, *Н. Дергачева*, Архангельскъ, 1877 г., I, 77—79; ср. стр. 14, 61. О ѣздѣ Самоѣдовъ на оленяхъ см. дневникъ *Гордона*, предпринимавшаго въ 1614 г., путешествіе изъ Пустозерска въ Югорію (онъ выѣхалъ изъ Пустозерска 20-го ноября, а возвратился сюда 19-го января). „Purchas his Pilgrimes", London, 1625 г., vol. III, стр. 553—555. Reise nach den Nordosten d. europ. Russlands—von *Alexander Gust. Schrenk*, 2-er Th., Dorpat, 1854 г., стр. 209. „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол.", *Гамеля*, ст. 2, прил. къ XV т. Зап. Ак. Наукъ, С.-Пб., 1869 г., стр. 200—201. *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 3, стр. 161—162 (р. п., 130). Ср. дневникъ *Латкина* въ Зап. Геогр. Общ., кн. VII, ч. I, стр. 101, 119. Gesch. der Zoologie, *Carus*, 182: средневѣковымъ писателямъ сѣверный олень былъ извѣстенъ.

[5]) „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", *А. Миддендорфа*, ч. II, С.-Пб., 1877 г., стр. 493. Ср. на стр. 511—512: таблица скорости ѣзды на сѣверныхъ оленяхъ. „Русская фауна", *Ю. Симашко*, ч. II, С.-Пб., 1851 г., стр. 926. Жизнь животныхъ, *А. Брэма*, т. II, С.-Пб., 1866 г., 448: „хорошій сѣверный олень пробѣгаетъ въ часъ одну норвежскую милю" (около 10 верстъ); въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 446: „in einer Stunde eine norwegische Meile oder 18,000 Ellen".

Дронтгеймъ, не смотря на значительное разстояніе между этими городами [6]).

Кромѣ сообщенныхъ Григоріемъ Истомою, другихъ какихъ-либо свѣдѣній о сѣверномъ оленѣ въ Запискахъ о Московіи не находимъ, хотя авторъ подробно говоритъ о бытѣ сѣверныхъ обитателей Восточной Европы и упоминаетъ о томъ, что жители обширной Пермской области „употребляютъ вмѣсто вьючнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ“ [7]).

Относительно животныхъ, мѣха которыхъ составляли столь важный предметъ внѣшней торговли Московскаго государства, извѣстія Герберштейна заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя указанія на предѣлы распространенія этихъ животныхъ. Наиболѣе цѣнными мѣхами считались бобровые, изъ которыхъ обыкновенно дѣлали опушку на платьѣ, а также собольи и лисьи чернобурые, изъ кото-

---

[6]) „Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands“ v. *Alexander Gustav Schrenk*, I Th., Dorpat, 1848 г., стр. 320. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, *А. Миддендорфа*, II, 178—179: „часто парусные корабли ловили (сѣвернаго оленя) въ морѣ, вдали отъ всякихъ береговъ. Будучи преслѣдуемъ охотниками или волками, онъ даже, не обинуясь, ищетъ убѣжища на льдинахъ, плавающихъ по морю“.

M. Alexander Castren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 1844. St. Petersb., 1853 г., стр. 137: „So habe ich mich nicht genug über die Eigenschaft wundern können, welche einige Rennthiere besitzen, dass sie ohne das geringste Zeichen eines Weges oder einer Spur die Reisenden selbst zum Ziele bringen, wenn sie nur einmal früher denselben Weg zurückgelegt haben“. Ср. у *Миддендорфа*, стр. 507. О пищѣ оленя см. ст. въ Вѣстн. естественныхъ наукъ, 1854 г., № 41, стр. 612: олеңій ягель или бѣлый мохъ — Cladonia rangiferina.

[7]) R. M. C., 85 B (p. n., 130); въ изд. 1557 г., N об. „Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844“. *M. Alexander Castrens*, 1844 г., стр. 302. Сѣверный олень (Tarandus) былъ описанъ *Пливіемъ*, по изд. *Силлига*, vol. II, 1852 г., стр. 107 (l. VIII, c. 34), *Lenz*, Zoologie d. alten Griechen u. Römer, Gotha, 1856 г., стр. 217; тоже *Олаемъ*, Жизнь животныхъ, *А. Брэма*, т. II, С.-Пб., 1866 г., стр. 436.

Ѣзду на собакахъ описалъ *Марко-Поло*, Чтенія Московскаго Общества Ист. и Древн., 1862 г., кн., 4, стр. 486 (гл. 44), и съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ *А. Миддендорфъ*, „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, II, стр. 520, эта ѣзда „очень стала обращать на себя вниманіе и повела къ тому, что у нѣкоторыхъ писателей и географовъ говорилось о странѣ „Насобачье“... У старика компилятора *Витсена* мы находимъ также названіе „Насобачье“, какъ обозначеніе частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому же Витсену (II, 426, 482) мы обязаны однако же точнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ его время далеко на сѣверѣ на Енисеѣ не было лошадей, а были только собаки“.

торыхъ дѣлали шапки; менѣе цѣнными — куньи, горностаевые, бѣличьи, изъ которыхъ лучшіе были вывозимы въ Германію и другія страны; въ обращеніи были также и мѣха рыси, отличавшіеся своею дешевизной, и волчьи, которые съ нѣкотораго времени стали входить въ цѣну въ Германіи и Московіи [8]).

Мѣхами, по преимуществу, изобиловали слѣдующія мѣстности: область племенъ, живущихъ близъ Каменнаго Пояса, въ которой добывались соболи, куницы, бобры, горностаи, бѣлки; далѣе область р. Сѣверной Двины, области: Пермская, Сѣверская, Смоленская и при-Окская [9]).

Около Печоры и въ области Самоядн добывались лучшіе соболи. Здѣсь, на горахъ, называемыхъ „Земнымъ Поясомъ“, растутъ кедры, говоритъ Герберштейнъ, и около нихъ „водятся самые черные соболи“. Нѣкогда, онъ слышалъ, въ Московіи находились собольи мѣха, изъ коихъ одни продавались за 30, другіе за 20 червонцевъ; но ему не удалось видѣть ни одного такого мѣха. По его же свидѣтельству, соболи, хотя и „весьма рѣдко“ и не изъ отличныхъ попадались, однако, въ Двинской области и по сю сторону Устюга [10]).

Приведенныя свидѣтельства относительно мѣстообитанія соболя подтверждаются извѣстіями Іовія о томъ, что жители Перми и Пе-

---

[8]) R. M. C., 59 B—60 B (p. n., 92—93). На стр. 59 B: Madauricae pelles (на стр. 81 C: „martes“), 59 C: Hermelinorum pelliculae, 60 A: aspreolorum pelliculae; въ изд. 1557 г., K: „Mäder“, K об. „Hermbleim, Feech oder Grabwerch“; въ изд. 1567 г., LXVI: „Die Madaurischen beltz“ (der Marder; mustela), „die Hermelin fäl“ (das Hermelin; mustela erminea), „der Aspreoler fäl“ (die Feh, das Grauwerk, écureuil, sciurus).

Не смотря на обиліе пушныхъ звѣрей, шкуры домашнихъ кошекъ употреблялись женщинами на одежду, тамъ же, 60 B (p. n., 93); въ изд. 1557 г., K об. „Haimischer Khatzen pelger der gebrauchen sich die weiber, sy essen auch das fleisch“. Zoologie der Gr. u. Römer, *Lenz*, 144 (Luchs). Жизнь животныхъ, *Брэма*, I, 300. Zoogr. rosso-asiat., *Pallas*, I, 28, 29.

[9]) R. M. C., 81 (p. n., 124), 86 A (130), 80 A (122), 85 B (129), 69 A (106), 70 C (108), 67 C (104).

[10]) R. M. C., 81 C, 83 C: „nigerrimi Zebelli“ (въ изд. 1557 г., стр. Miij, л. 2 об. „die schwertzesten Zobl“), 59 C—B, 80 A: „Zabellinorum ibi pelles“ (p. n., 124, 127, 92, 122). Glossarium, *Ducange*, VI, стр. 932: zebellinus, martes; стр. 3: sabelum, „martes, Gallis marte, mustelae species, nobili pelle insignis: Anglis, et nostris olim, Sable, tametsi martes a sabelo distinguant ferme scriptores omnes“.

чоры вели мѣновую торговлю соболями, и сообщеніями Флетчера о томъ, что лучшіе собольи мѣха добываются въ областяхъ Печорской и Обдорской, а низшихъ сортовъ въ Сибири, Перми и другихъ мѣстахъ. Англичанинъ Ричардъ Финчъ, научившійся при московской конторѣ Русскому языку и въ 1611 году ѣздившій въ Печору, доносилъ находившемуся во главѣ московской компаніи Томасу Смиту, что зимою Печора посѣщается многими русскими купцами, которые здѣсь, въ числѣ другихъ товаровъ, покупали и собольи мѣха, и ими вели также торговлю и въ Мезени [11]).

Съ указаніемъ Герберштейна на мѣстообитаніе соболя въ Двинской области слѣдуетъ сопоставить извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1425 г., о томъ, что Новгородцы ходили ратью къ Устюгу и взяли на Устюжанахъ окупъ 50.000 бѣлокъ и 6 сороковъ соболей [12]). Даже и въ новѣйшее время ихъ убивали около Холмогоръ и Кеми, а также по Печорѣ и въ Мезенскомъ уѣздѣ, но эти мѣста считаются самыми западными предѣлами обиталища соболей. По мнѣнію г. Миддендорфа, соболь „искони будучи сибирскимъ животнымъ, вѣроятно, переходилъ за Уралъ лишь въ немногихъ, особенно благопріятныхъ для него, мѣстахъ, и потому мало заходилъ въ Европу“. „Небольшаго роста, гибкій, проворный, постоянно движущійся соболь вездѣ бываетъ какъ свой, среди ли расщелинъ голыхъ утесовъ или въ чащѣ зеленаго криворослаго лѣса, въ мышьихъ ли норкахъ

---

[11]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 71 (р. п., 41). *Флетчеръ*, по изд. 1643 г., гл. III, стр. 16: „The best sable furre groweth in the countrie of Pechora, Momgosorkoy (Мангазейская?) and Obdorskoy; tge worser sort in Siberia, Perm and other places“.

„Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол.“, *Гамель*, стр. 190, 183. *Purchas* Pilgrimes, vol. III, стр. 537, 540 (лучшими сибирскими соболями, по свидѣтельству *Финча*, почитались Мангазейскіе). Reise nach dem Nordosten d. europ. Russlands von *Alexander Gustav Schrenk*, II, 177, 180, 181.

Майербергъ, 82 (р. п., Чтен., 1873 г., кн. 4, стр. 159): Petzora „pretiosis pellibus, nigerrimis praesertim zebellinis circa cedros in vicinis admirandae altitudinis montibus... abundans“. Не заимствовано ли это извѣстіе изъ соч. *Герберштейна*, R. M. C., 83 C: „Crescunt etiam illic arbores cedri: circa quas nigirrimi Zebelli reperiuntur“.

[12]) П. С. Р. Л., III (1 Новг.), стр. 110. „Лѣтописецъ“, 1781 г., стр. 113 (6933 г.): „и дали Двиняномъ за ихъ вину 50,000 бѣлки, 52 сороковъ соболей“. Въ прим., на той же стр., „а въ другомъ спискѣ стоитъ“ 2,000 сороковъ. „Русская фауна“, *Ю. Симашко*, II, 350: Шкурки убитыхъ соболей связываютъ вмѣстѣ по двадцати, и двѣ связки составляютъ сорочокъ. Слово это употребляется въ оптовой торговлѣ соболями.

или самыхъ узкихъ ходахъ подземныхъ, или подъ кучей деревъ, снесенныхъ горными потоками, подъ обвалившимися стволами первобытнаго лѣса, въ дуплахъ или въ воздушной сферѣ бѣлки, высоко на вѣтвяхъ хвойныхъ деревъ переходя съ сучка на сучекъ большія лѣсныя пространства, отдыхая и скрываясь въ бѣлячьихъ и вороньихъ гнѣздахъ". Поэтому нельзя предполагать, чтобы соболь былъ вытѣсненъ изъ своей первоначальной области такъ быстро, какъ другія, легко истребляемыя человѣкомъ животныя, какъ, напримѣръ, бобръ. „Едва ли", замѣчаетъ г. Миддендорфъ, „возможно было совершенно истребить соболя въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ему было привольно, особенно въ такихъ лѣсахъ, какими еще и въ настоящее время въ Литвѣ и въ области Двины покрыты необозримыя пространства земли" [13]).

Черныя лисицы, по свидѣтельству Герберштейна, водились въ изобиліи въ области Двинской; а въ области р. Ваги ловили лисицъ чернаго и пепельнаго цвѣтовъ. Въ настоящее время высокоцѣнныя лисицы этихъ цвѣтовъ, извѣстныя подъ именемъ чернобурыхъ, изрѣдка попадаются на сѣверѣ Европейской Россіи [14]).

---

[13]) „Позвоночныя животныя сѣверно-европейской Россіи, и въ особенности сѣвернаго Урала", *І. Ф. Брандтъ*, напеч. во 2 т. „Сѣверный Уралъ", *Э. Гофманъ*, С.-Пб., 1856 г., стр. 22. „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", *А. Миддендорфа*, II, стр. 79—80. Ср. стр. 264, пр. 3; стр. 615. Русская фауна, *Симашко*, II, 350.

О вывозѣ черныхъ соболей въ Болгарію изъ страны Арта см. „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ", *А. Я. Гаркави*, С.-Пб., 1870 г., стр. 193, § 9 (Истахри), 199—221; 201, § 9 (Ибнъ-Хаукаль); 276, § 7 (Аль-Балхи). Хотя соболь и принадлежитъ къ разряду животныхъ, не легко истребляемыхъ, однако въ Сибири число добываемыхъ соболей замѣтно уменьшается. „Было время", замѣчаетъ *М. Ѳ. Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, т. II, стр. 114, — „когда соболей было множество и въ Сибири. Количество ихъ уменьшилось въ такой пропорціи, что вмѣсто прежнихъ (лѣтъ за 15 назадъ) 35,000, теперь добывается только за 15,000".

Объ обычаѣ носить шапки, подбитыя соболемъ, говоритъ *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. III, гл. V, стр. 182 (по р. п., стр. 162). Корона царя Ивана Васильевича, какъ описываетъ Англичанинъ *Бестъ* (1558 г.), была подбита прекраснымъ чернымъ соболемъ, стоившимъ, какъ говорили, сорокъ рублей. „Англичане въ Россіи", *Гамель*, стр. 46. Ср. также соч. *Котошихина*, стр. 52. О цѣнахъ на соболи въ XVI и XVII ст. см. „Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.", *Н. Костомаровъ*, С.-Пб., 1862 г., стр. 260—261.

[14]) R. M. C., 80 A (р. п., 121—122); въ изд. 1557 г., Mij об. Waga. „daselbstn cht man schwartze Füechs, deren pläger man theur verhandlt". *Флетчеръ*, по

Мѣха горностаевъ, куницъ и бѣлокъ доставляли въ Москву изъ разныхъ мѣстъ, и этими звѣрями изобиловали лѣса приокскіе и область Сѣверская. Бѣличьи шкуры привозили изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды; бóльшаго размѣра, чѣмъ обыкновенныя, изъ Сибири; самыя лучшія—изъ Швуаи (Schvuuaij), недалеко отъ Казани [15]).

О песцѣ, живущемъ въ полярныхъ странахъ стараго и новаго свѣта, авторъ Записокъ замѣчаетъ: есть одно животное, которое на ихъ языкѣ называется песцомъ (Pessetz); мѣхъ его, бѣлый и пушистый, не высоко цѣнится, но онъ отличается теплотою, вслѣдствіе чего его по преимуществу употребляютъ въ дорогѣ; это животное называютъ также бѣлой лисицей. По наблюденіямъ зоологовъ, песцы сходствуютъ съ лисицами приземистымъ строеніемъ тѣла, пушистой, длинной шерстью и пушистымъ хвостомъ и отличаются формою головы, „а еще болѣе нравами и способностью привыкать къ домашней жизни“. Песцы принадлежатъ исключительно холоднымъ странамъ; въ настоящее время въ Европейской Россіи заходятъ не далѣе 60° и мѣхъ ихъ цѣнится довольно дорого. „По мягкости и тонинѣ шкурки, по нѣжности и длинѣ волосъ, онъ даже превосходитъ лисій;

изд. 1643 г., гл. 3, стр. 16, говоритъ, что красныя и черныя лисицы идутъ изъ Сибири, а бѣлыя и бурыя изъ Печоры. *Ричардъ Финчъ* въ письмѣ къ Томасу Смиту, 1611 г., упоминаетъ о чернобурыхъ лисицахъ въ Усть-Цыльмѣ, *Purchas* Pilgr., vol. III, 537. „Reise nach dem Nord-Osten d. europ. Russlands“ v. *Schrenk*, II, 179. Онѣ были съ древнѣйшаго времени предметомъ торговли съ Востокомъ Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, *А. Я. Гаркави*, стр. 49, § 5 *(Ибнъ-Хордадбе)*. Ср. также извѣстія *Марко-Поло*, Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1862 г., № 4, стр. 485, 488; *Фабра*, по изд. 1600 г., стр. 133, строка 11; *Іовія*, по изд. 1836 г., 66 (р. п.; 30).

„Лисица, имѣющая черный цвѣтъ съ верхней стороны“, говоритъ *Миддендорфъ*, „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, II, 211,—„является только или, по крайней мѣрѣ, чаще всего на глубокомъ сѣверѣ“. Чернобурыя лисицы попадаются въ Обонежскомъ краѣ; въ Енисейскомъ округѣ ихъ ловятъ менѣе, чѣмъ въ Якутской области. „Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежскаго края“, *К. Кесслера*, С.-Пб., 1868 г., стр. 21. Енисейскій округъ и его жизнь, *М. Ѳ. Кривошапкина*, С.-Пб., 1865 г., т. 2, стр. 77.

[15]) R. M. C., 67 C, 69 A, 59 B, 60 A, 85 A (р. п., 104, 106, 92—93, 129).

На стр. 60 A: „Aspreolorum pelliculae ex diuersis quoque partibus afferuntur, ampliores tamen ex Sibier prouincia: nobiliores uero alijs quibuslibet, ex Schvuuaij, non longe a Cazan“ (въ изд. 1557 г., К. об. Schuwai).

На стр. 86 A: „Sibier prouincia Permiam et Vuiathkam contingit... Huius indigenae proprio idiomate utuntur, quaestum faciunt maxime ex aspreolorum pellibus, quae aliarum prouinciarum aspreolos magnitudine et pulchritudine excellunt: quarum tamen copiam in Moscovuia tum nullam habere potuimus“ (въ

но волоса на немъ довольно жидки и легко склочиваются и вылѣзаютъ. Въ торговлѣ различаютъ двоякаго рода песцовъ, бѣлыхъ и голубыхъ. Первые лѣтомъ имѣютъ шерсть рыжеватую, но къ зимѣ она совершенно бѣлѣетъ; бѣлые песцы гораздо обыкновеннѣе голубыхъ" [16]).

Упомянувъ о томъ, что бобровые мѣха „въ большой цѣнѣ", Герберштейнъ не сообщаетъ никакихъ указаній относительно мѣстообитанія бобра, хотя область его распространенія въ Европейской Россіи XVI в. еще была довольно значительною [17]).

изд. 1557 г., Nij: „Als ich zu ersten mal in der Mosqua was, hab ich derselben gesehen hernach nimer").

На основаніи этихъ выписокъ слѣдуетъ предположить, что Шваая (?) лежала въ области Сибирской.

По свидѣтельству *Флетчера*, изд. 1643 г., гл. 3, стр. 16, лучшіе куньи мѣха вывозятъ изъ Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани. „Lyserns (рысьи?), minever and armins the best are out of Gallets and Ouglites, many from Novogrod and Perm". *Ричардъ Финчъ* доносилъ въ 1611 г., что, по показанію всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему говорить, въ Усть-Цыльму доставляются бѣличьи мѣха въ огромномъ количествѣ. *Purchas* Pilgr., III, 534—540. „Reise nach dem NO. des europ. Russlands", *Schrenck*, II, 179. *Майербергъ*, 76: Viathka „suorum aspreolorum sive sciuororum tributo quotannis coluit" (Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1873 г., кн. 4, стр. 149: „ежегодно чтила его (вел. князя) данію горностаевъ", вм. бѣлокъ).

О мѣстообитаніи горностая, куницы и бѣлки см. „Zoographia rossoasiatica", *P. Pallas*, I, 85 (Mustela martes); 90 (Mustela Erminea — горностай); 183 (sciurus). „Русская фауна", *Ю. Симашко*, II, 369, 353, 589. „Путешествіе *П. С. Палласа*, ч. I, стр. 299; ч. 2, стр. 25; ч. 3, стр. 288. Матеріалы для познанія Онежскаго озера", *К. Кесслера*, стр. 21: въ Обонежскомъ краѣ „горностай встрѣчается всюду во множествѣ". Въ главѣ о пріемѣ пословъ Герберштейнъ упоминаетъ о томъ, что великій князь подарилъ ему и его сотоварищу „по почетной одеждѣ, подбитой соболями", 42 собольихъ мѣха, 300 горностаевъ и 1,500 бѣличьихъ. R. M. C., 134 A (р. п., 199).

[16]) R. M. C., 60 B: „Est quoddam animal, quod gentili lingua Pessetz uocant: huius pelle, quod plurimum caloris adferre corpori solet, in itinere, seu profectionibus utuntur" (р. п., 93, „согрѣваетъ тѣло больше другихъ"). Въ изд. 1557 г., K: „Pessatz ist ain thier weiss, rauch härig, ist nit in grossen wierden, aber vasst warm, des gebrauchen sy am raisen aller maist, hievor wil mans weiss Füchs nennen".

„Русская фауна", *Ю. Симашко*, II, 499—504 (canis lagopus, vulpes alba, vulpes lagopus). Жизнь животныхъ, *Брэма*, I, 441—446. Енисейскій округъ и его жизнь, *М. Ѳ. Кривошапкина*, С.-Пб., 1865 г., т. 2, стр. 66—67: Голубой или, вѣрнѣе, дымчатый песецъ (canis lagopus) дорогъ, сколько по рѣдкости, столько же и потому, что сохраняетъ удивительную легкость, пышность и теплоту, имѣетъ и крѣпкій волосъ.

[17]) R. M. C., 60 A—B (р. п., 93); въ изд. 1557 г., K. об. Исторія Тверскаго княжества, *В. Борзаковскаго*, С.-Пб., 1876 г., пр. 56. А. А. Э., I, № 150 (1509

Изъ млекопитающихъ животныхъ, водящихся въ сѣверныхъ водахъ, Записки о Московіи упоминаютъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ, мѣха которыхъ „весьма часто привозили въ Москву“, китахъ и моржахъ [18]). О послѣднихъ сообщаются слѣдующія весьма обстоятельныя, по своему времени, свѣдѣнія. „Говорятъ, что около устьевъ рѣки Печоры, находящихся вправо отъ устьевъ Двины, обитаютъ въ океанѣ различныя большія животныя, между прочимъ одно животное величиною съ быка, которое (прибрежные) жители называютъ моржемъ (Mors). Ноги у него короткія, какъ у бобра; грудь въ сравненіи съ остальнымъ его тѣломъ нѣсколько выше и шире; два верхнихъ зуба длинны и выдаются впередъ. Эти животныя для распложенія и отдыха оставляютъ океанъ и уходятъ стадомъ на горы; прежде чѣмъ предаться тамъ сну, который у нихъ обыкновенно очень крѣпокъ, они, подобно журавлямъ, ставятъ одного на стражу: если онъ заснетъ или будетъ убитъ охотникомъ, тогда легко поймать и остальныхъ; если

г., іюля 29), „Уставная грамота дмитровскаго князя Юрія Іоанновича Каменскаго стана бобровникамъ“, на стр. 121: „А учинится у нихъ въ бобровыхъ деревняхъ душегубство“.

Флетчеръ, по изд. 1643 г., гл. 3, стр. 16, сообщаетъ, что лучшаго сорта бобры водятся въ Мурманскѣ, близъ Колы. О бобрахъ въ Печерскомъ краѣ и на Мезени см. *Purchas* Pilgr., III, 534—540. Reise nach dem NO. des europ. Russlands, *Schrenk*, II, 173—177. Въ ст. *П. С. Полякова*: „Этнографическія наблюденія во время поѣздки на ю. в. Олонецк. губ.“, Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. III, С.-Пб., 1873 г., стр. 384, приведена выписка изъ грамоты Кожеезерскому монастырю 1585 года, о дачѣ ему во владѣніе бобровыхъ гонъ (Олонецк. Губ. Вѣд., 1864 г., № 2). Въ актахъ XV в. нерѣдки упоминанія о бобровыхъ гонахъ и бобровникахъ.

Путешествіе на с. и в. Сибири, *Миддендорфа*, II, 71. Авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ древности бобръ простирался до крайняго южнаго предѣла средней Европы и нѣкогда доходилъ до Испаніи и, по крайней мѣрѣ, до средней Италіи. Онъ еще въ 50-хъ годахъ водился въ рѣкахъ Кіевской и Полтавской губ. и, по свидѣтельству *Эйхвальда*, въ значительномъ числѣ „жилъ еще недавно въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи“. Животныя млекопитающія губерній Кіев. учебн. округа, *К. Кесслера*, Труды коммиссіи для описанія губерній Кіев. учебнаго округа, Кіевъ, 1851 г., стр. 77. Ср. „Die geographische Uerbreitung der Thiere, *Alfred Russel Wallace*, II B., 264.

[18]) R. M. C, 81 C, 80 B, 134 A, 120 A—B (р. п., 124, 122, 199, 179). О бѣлыхъ медвѣдяхъ въ странѣ, обитаемой Татарами, въ которую нельзя ходить, по причинѣ холода и льдовъ, упом. *Марко-Поло*, Чт. Московъ. Общ. Ист. и Древн., 1862 г., кн. 4, стр. 485 (гл. 44). Ср. у *Фабра*, по изд. 1600 г., 133 строка 11.

Кромѣ помянутыхъ животныхъ, въ сѣверныхъ водахъ, по извѣстіямъ Герберштейна, извлеченнымъ изъ русскаго дорожника, водятся uess и equivuodani. R. M. C., 81 C: „in Oceano Mors animal, de quo supra, praeterea uess. Item

же [сторожъ] подастъ сигналъ своимъ обыкновеннымъ мычаньемъ, то остальное стадо, пробужденное этимъ, подвернувши заднія ноги къ зубамъ, съ величайшею скоростію скатывается съ горы, какъ въ повозкѣ, и стремительно бросается въ океанъ: тамъ они иногда отдыхаютъ также на обломкахъ плавающихъ льдинъ. Охотники бьютъ этихъ животныхъ ради однихъ зубовъ, изъ которыхъ Московиты, Татары и преимущественно Турки искусно дѣлаютъ рукояти мечей и кинжаловъ; они употребляютъ ихъ болѣе для украшенія, нежели для того, чтобы наносить тяжелые удары, какъ воображалъ кто-то. У Турокъ, Московитовъ и Татаръ эти зубы продаются на вѣсъ и называются рыбьими зубами“ [19]).

Въ этомъ любопытномъ извѣстіи сохранились въ неискаженномъ видѣ такія подробности о моржахъ и объ охотѣ за ними, которыя могли быть извѣстны только лицамъ, принимавшимъ непосредственное участіе въ моржовомъ промыслѣ. Имъ и въ настоящее время дѣятельно занимаются усть-печорскіе промышленники. Въ первыхъ числахъ іюля они выѣзжаютъ на ладьяхъ, именуемыхъ карбасами, въ Сѣверный океанъ къ Югорскому шару, на острова Вайгачъ и другіе близъ лежащіе. По свидѣтельству Латкина, въ этихъ мѣстахъ часто попадаются стада моржей въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячами штукъ. „Случается, что ловъ бываетъ такъ счастливъ, что нѣсколько карбасовъ добываютъ полный грузъ на одномъ мѣстѣ, а бываетъ и то, что количество сала не помѣщается въ суда, и тогда его оставляютъ на берегу. Моржей бьютъ больше на берегу и на льдахъ: замѣтивъ издали стадо, подходятъ къ нему съ навѣтренной стороны, потому что моржи надѣлены тонкимъ обоняніемъ и, зачуявъ близость человѣка, немедленно опускаются въ воду. Если удастся подойти къ нимъ незамѣтно, то промышленники стараются загородить дорогу къ морю и съ крикомъ бросаются на стадо, и покуда испуганные моржи, въ

---

albi ursi, lupi, lepores, equivuodani, cete“ etc. Въ изд. 1557 г., стр. Miij об., „vnn in dem Meer das Thier so sy Morss nennen, Item ains haisst Wess, weisse Peern, Wölf, Hasen, Ross, die sy nennen Wodwani, Waluisch“ etc. Въ изд. 1567 г., XC: „auch in den Oceano vnd grossen meer das thier Mors, von welchen auch vorhin meldung beschähen,vnd das Vess. Demnach weisse Bären, Wölff, Hasen, seltsame Pferd, Woduanen, Walfisch“.....

[19]) R. M. C., 120 A—B. (р. п., 179); въ изд. 1557 г., R об. Ср. у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Hiij.

страхѣ ища спасенія, бросаются другъ на друга, громоздятся одинъ на другаго, ихъ колютъ пиками или, по здѣшнему, спицами. Эти спицы состоятъ изъ желѣзнаго, длиною въ 6 вершковъ, хорошо отпущеннаго острія, которое прикрѣпляется къ древку въ $4\frac{1}{2}$ аршина. Ими стараются бить въ грудь, подъ пазуху или въ бокъ около почекъ, другія части звѣря трудно пробить". Промышленники говорили Латкину, что однажды стадо моржей заходило въ Печору верстъ на двѣсти. Въ величинѣ моржъ не уступаетъ быку и имѣетъ въ длину отъ 12 до 15 ф. Выскочивъ изъ воды, онъ иногда далеко ползетъ по льду и по землѣ, зацѣпляясь своими клыками и переступая передними лапами, при чемъ упирается на заднія оконечности [20]).

Извлеченныя нами изъ Записокъ о Московіи свѣдѣнія о млекопитающихъ составляютъ самый значительный отдѣлъ данныхъ, относящихся къ фаунѣ Московской Руси, и имъ, по количеству и по значенію, далеко уступаютъ данныя относительно другихъ классовъ животнаго царства Восточной Европы. Краткія замѣтки объ изобиліи

---

[20]) Зап. Геогр. Общ., кн. VII, дневникъ *Латкина*, II, стр. 49—51. Моржевымъ промысломъ занимаются и Самоѣды, тамъ же, I, 101. Русс. фауна, *Ю. Симашко*, 1028 и слѣд. Путешествіе *Ивана Лепехина*, ч. IV, С.-Пб., 1805 г., стр. 324 и слѣд. Самые крупные моржи водятся при Новой Землѣ, около Матвѣева острова, что между Печерою и Вайгачемъ; „при Сибирскихъ же берегахъ Ледовитаго моря, смотря по привозимымъ оттуда моржовымъ клыкамъ, всѣхъ вышесказанныхъ несравненно величайшіе". „Годъ на сѣверѣ", *С. Максимова*, С.-Пб., 1871 г., стр. 436 и слѣд. „Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи", т., VI, С.-Пб., 1862 г., стр. 159: „самый большой моржъ можетъ дать: за 18 пудовъ вытопленной ворвани 45 р. с., за клыки 12 р. с., за кожу 12 или 40 р. с., итого отъ 69 до 97 р. с.". Обыкновенной же величины моржъ отъ 37 до 49 р. Тамъ же, т. VII, стр. 82, изъ шкуръ морскихъ звѣрей самыя большія выгоды доставляютъ моржевыя. Важныя зоогеографическія свѣдѣнія о моржѣ, какъ о животномъ кругополярномъ, сообщилъ *А. Миддендорфъ*, Путешествіе на с. и в. Сибири, II, 155 и слѣд.

Къ отдѣлу извѣстій о животныхъ млекопитающихъ относятся также слѣдующія данныя въ Запискахъ о Московіи: 1) о зайцахъ въ области Самоѣди, 81 С (р. п., 124), и въ окрестностяхъ Москвы, близъ Можайска, гдѣ ихъ разводили въ одномъ „весьма удобномъ" для нихъ мѣстѣ, 131 А, 71 В: Mosaisko, „circa quod magna diuersi colorum copia leporum est" (р. п., 195, 109); 2) о волкахъ въ области Самояди, 81 С (р. п., 124); 3) о медвѣдяхъ, содержимыхъ для великокняжеской потѣхи, въ очень обширномъ и нарочно для того построенномъ домѣ, 133 С (р. п., 199); въ изд. 1557 г., Siij, л. 2 об., въ изд. 1567 г., CXLIX.

Жители Пермской области, по свидѣтельству Герберштейна, платили подать великому князю лошадьми (85 В, р. п., 129, въ изд. 1557 г., N об.). Можетъ

птицъ на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ обитаетъ Самоядь, а также на югѣ—въ княжествѣ Рязанскомъ и при-Донской области, упоминаніе о перепелахъ, журавляхъ и лебедяхъ, о томъ, что жителямъ Двинской области служитъ пищею дичь, за тѣмъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о соколахъ—вотъ все, что даютъ Записки о Московіи по орнитологіи ея [21]).

Много соколовъ бѣлаго и ярко-краснаго цвѣта, отличающихся своею величиною, Герберштейнъ видѣлъ на великокняжеской охотѣ за зайцами. „Наши Girofalcones“, говоритъ онъ, „называются у нихъ кречетами (Kretzet): съ ними они охотятся на лебедей, журавлей и тому подобныхъ птицъ. Кречеты—птицы очень смѣлыя, но они не такъ страшны и ужасны въ своихъ нападеніяхъ, чтобы другія птицы, даже хищныя, падали и умирали отъ ихъ полета или отъ взгляда на нихъ (какъ нѣкто ложно утверждалъ въ книгѣ о двухъ Сарматіяхъ). Извѣстно по опыту, что если кто охотится съ ястребомъ или коршуномъ, или съ какой-нибудь другой птицей изъ породы соколовъ, и между тѣмъ прилетитъ кречетъ (приближеніе котораго они тотчасъ чувствуютъ издали), то они уже перестаютъ преслѣдовать добычу и останавливаются въ страхѣ. Достойные вѣры и знаменитые мужи разсказывали намъ, что когда везутъ кречетовъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ они вьютъ свои гнѣзда, иногда запирая ихъ по четыре, по пяти или шести вмѣстѣ, въ приготовленной для того повозкѣ, то они обыкновенно берутъ пищу, которую имъ подаютъ, соблюдая извѣстный порядокъ старшинства. Неизвѣстно, отъ чего это происходитъ,—вслѣдствіе ли ихъ разсудка или инстинкта, или отъ чего-нибудь другого. Они въ такой же степени тихи между собою и никогда не дерутся, въ какой хищны и непріязненны къ другимъ птицамъ (quemadmodum in alias aues aduerso impetu feruntur rapa-

---

быть онѣ были особой породы, той самой, которая и теперь существуетъ у Башкиръ и извѣстна своею выносливостію. Сп. нас. мѣстъ, Пермская губ., обраб. *Н. Штиглицомъ*, С.-Пб., 1875 г., стр. CCCXIX.

[21]) R. M. C., 81 C, 65 B (coturnices), 66 C, 80 B, 132 C, 129 C (р. п., 124, 101, 102, 122, 197, 193: „Когда же начали ѣсть жареныхъ журавлей“; въ подл., 129 C: „porro cum assos cygnos (лебедей) coeperamus edere“); въ изд. 1557 г., стр. Miij об., Kiij, л. 2 и об., Miij, Siij л. 2, Sij об. О перепелѣ, по извѣстіямъ древнихъ писателей, см. Zoologie d. alten Gr. u. Römer, *Lenz*, 347 (Wachtel, coturnix). Zoogr., *Pallas*, II, 80. Жизнь животныхъ, *Брэма*, IV, ч. I, стр. 395 (по изд. 1867 г., IV, 423). Печерскій край и въ настоящее время богатъ дичью.

cesque existunt). Они никогда не моются водою, какъ другія птицы, но употребляютъ для этого одинъ песокъ, которымъ вытрясаютъ вшей. Холодъ имъ такъ пріятенъ, что они постоянно стоятъ или на льду, или на камнѣ“ [22]).

По ихтіологіи хорографія Герберштейна даетъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ по орнитологіи, и онѣ, вслѣдствіе скудости ихтіологическихъ данныхъ въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи первой половины XVI вѣка имѣютъ относительное значеніе. По извѣстіямъ Герберштейна, рыбными богатствами изобиловали слѣдующія рѣки и области: р. Вага—притокъ Сѣверной Двины, области: Вятская, Вологодская, Двинская и Ростовская, р. Волга, въ которой водилась отличная рыба и, между прочимъ, по сю и по ту сторону Казани, бѣлуга; рр. Ока и Донъ. Ока, пишетъ Герберштейнъ, самая знаменитая изъ всѣхъ рѣкъ по множеству рыбы, которая предпочитается рыбѣ всѣхъ остальныхъ рѣкъ Московіи, въ особенности же та, которая ловится около Мурома. Кромѣ того, въ ней водятся какія-то особенныя рыбы, которыя на ихъ языкѣ называются бѣлугами (Beluga), удивительной величины, безъ костей, съ большой головой и широкой пастью (capite et ore amplo), стерляди, севрюги (Schevuriga), осетры (Osseter), послѣднія три изъ рода стуріоновъ, бѣлорыбица (Bielaribitza), то есть бѣлая рыбка, весьма нѣжная вкусомъ; полагаютъ, что большая часть этой рыбы заходитъ сюда изъ Волги“. Необычайнымъ множествомъ превосходной рыбы изобиловалъ и Донъ [23]).

Вкусомъ славилась рыба р. Шексны и Бѣлоозера. Заходившая

Латкинъ, I, 86: куропатки водятся въ тундрахъ огромными стадами; 101: Самоѣды добываютъ гусей, утокъ, гагаръ, лебедей; 108.

[22]) R. M. C., 132 C—133 A (р. п., 197—198); въ изд. 1557 г., Siij, л. 2. Ср. выше извѣстія *Барбаро*, по изд. 1836 г., 82 (р. п., 22) и *Іовія* о соколахъ, по тому же изд., 75, 66 (р. п., 49, 31).

[23]) R. M. C., 79 C, 85 A, 74 A, 80 A, 78 C, 99 A, 67 C, 65 B, 66 C (р. п., 121, 129, 113, 122, 120, 150, 104, 101, 102). Въ изд. 1556 г., 66 C: „Achas oppidum est, ad eundem fluuium situm, quem Rutheni Don appellant. Hunc ab optimorum piscium copia singulari, item amoenitate“... Въ изд. 1567 г., стр. LXXIII, это мѣсто переведено невѣрно: „Dieweil diese statt (Achas) viel güter auserlesener fisch, an einem lustigen orth gelegen“.... Въ изд. 1557 г., стр. Kiij, л. 2: „Diesen fluss Tanais nennen die Reissen Don, die gegent an demselben Tanais wirdt vasst beruemt, von wegen menige und guette der visch“...

Въ изд. 1557 г., L: Beluga, „vasst gross, haben auch khain pain, nur kruschpeln, wie die Hausen (бѣлуги), ain grossen kopff und maul, wie ain Schaidn,

въ эти воды изъ Волги рыба становилась, по свидѣтельству Герберштейна, тѣмъ лучше, чѣмъ долѣе она оставалась въ нихъ. Опытность рыбаковъ, говоритъ онъ, „въ распознаваніи такова, что, поймавъ рыбу, возвратившуюся въ Волгу, они узнаютъ, сколько времени она пробыла въ озерѣ“.

Изобиліемъ рыбы Бѣлоозеро славится и въ настоящее время, и отсюда она ежегодно вывозится на довольно значительную сумму. Какъ видно изъ грамоты 1657 г. апрѣля 18-го, здѣсь ловили рыбу на обиходъ великаго государя, бѣлугъ, севрюгъ, осетровъ, стерлядей, бѣлорыбицъ. Въ XVI вѣкѣ власти Троицкаго монастыря отправляли ладьи черезъ Дмитровъ въ Шексну для закупки здѣсь рыбы, а въ Бѣлозерской таможенной грамотѣ, 1497 г. мая 21-го, между прочимъ говорится: „А кто пріѣдетъ изъ Московскіе земли и изъ Тверскіе земли, и изъ Новгородскіе земли, и изо всѣхъ монастырей Московскіе земли и изъ Тверскіе, и изъ Новгородскіе, и изъ Бѣлозерскихъ монастырей, изъ Кириллова, и изъ Ѳарафонтьева, и изо всѣхъ Бѣлозерскихъ монастырей, всѣмъ имъ всякимъ товаромъ, и житомъ торговати въ городѣ на Бѣлѣозерѣ, а за озеро всѣмъ имъ торговати не ѣздити“ [24]).

Изъ рыбъ, водящихся въ сѣверныхъ водахъ, въ Запискахъ о Московіи упоминаются: semfi въ области Самояди и сельди. Близъ монастыря, который находится на островѣ Соловки (Solovuki), про-

---

die man an etlichen orten Waller (Wallerfisch, der Wels—сомъ) nent“. Въ русскомъ переводѣ на стр. 104: „стерляди, севрюги, осетры, потомъ три рода стуріоновъ“; въ подл. „sterlet, schevuriga, osseter, postrema tria Sturionum genera“ (66 C) и въ изд. 1557 г., стр. L: „sterled, sewriga, osseter die drey geschlecht möchten sein als Styerl, schuergen vnnd Tückh“. См. наше примѣчаніе къ ст. о Мюнстерѣ, Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, стр. 88. Въ изд. 1567 г., вышеприведенныя слова тоже переведены невѣрно на стр. LXXV.

Zoographia rosso-asiat., *Pallas* III, 86 (бѣлуга, acipenser huso); 102 (стерлядь, acipenser pygmaeus); 97 (севрюга, acipenser helops); 91 (осетръ, acipenser sturio), 392 (бѣлорыбица, salmo leucichtys). Перечень рыбъ, водящихся въ Окѣ, см. въ Путешествіи *Лепехина*, I, С.-Пб., 1772 г., 55—56; 251: къ волжской коренной рыбѣ принадлежатъ: стерлядь, осетръ, бѣлуга, севрюга; 255, 258. Путешествіе *Палласа*, I, С.-Пб., 1773 г., 199, 208.

[24]) R. M. C., 77 C (р. п., 118); въ изд. 1557 г., M об. Доп. къ А. И., IV, № 38 (1567 г., апрѣль 18), стр. 92—93; А. А. Э., I, № 272 (1566 г., августа 1), стр. 308; № 134 (1497 г., мая 21), стр. 101; ср. № 100 (1473—1486 гг.), стр 78. Русск. Ист. Библ., II, стр. 8—9, № 5 (1397—1432 г.).

Въ р. Москвѣ, говоритъ Герберштейнъ, не слишкомъ рыбной, водилась только дешевая и обыкновенная рыба, 61 A (р. п., 94). „Около 1740 г.“, за-

изводится, говоритъ Герберштейнъ, „богатый ловъ рыбъ, называемыхъ туземцами Selgi; по моему мнѣнію это сельди“ [25]) (quos indigenae selgi nocant, quos nos halеces esse putamus).

Подъ именемъ semfi можетъ быть слѣдуетъ разумѣть семгу. Она ловится въ р. Печорѣ, куда идетъ только однажды въ годъ, „именно начиная съ конца іюля; въ началѣ сентября ходъ ея въ эту рѣку изъ моря уже прекращается“. По Печорѣ вверхъ она подымается весьма высоко, „ибо ее ловятъ даже въ Вологодской губерніи. Изъ притоковъ Печоры сворачиваетъ она въ значительномъ количествѣ только въ Щугуръ“. „Печорская семга, изъ всѣхъ сортовъ ея, идущихъ въ наши сѣверныя рѣки, самая вкусная и жирная“. Мороженая или соленая она развозится въ Казань, Пермь, Ирбитъ, Тобольскъ, по при-Уральскому краю, ее везутъ также въ Пинегу, на Никольскую ярмарку [26]).

Къ животнымъ позвоночнымъ вообще относится въ Запискахъ о Московіи одно замѣчаніе относительно измѣняемости цвѣта животныхъ, который, какъ полагаютъ, зависитъ отъ господствующаго цвѣта мѣстности. „Разсказываютъ за чудо“, говоритъ Герберштейнъ, „что животныя“, привозимыя въ Водскую область, „какого бы рода онѣ не были, перемѣняютъ свой цвѣтъ на бѣлый“ [27]).

мѣчаетъ *Рульс*, „заходили изъ Оки въ Москву рѣку къ Каменному мосту даже осетры, о которыхъ нынче никто не помнитъ“. „О животныхъ Московской губерніи“; стр. 89.

Изъ русскаго дорожника, въ которомъ былъ описанъ путь къ р. Оби, Герберштейнъ счелъ не лишнимъ привести извѣстіе о томъ, что въ р. Тахнинѣ есть рыба „съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и проч.—по виду совершенный человѣкъ, однако безъ всякаго голоса“, доставляющая, какъ и другія рыбы, пріятную пищу. R. M. C., 83 A (р., н., 126; въ изд. 1557 г., стр. Miij, л. 2. Ср. разсказы о чудесныхъ рыбахъ у древнихъ писателей. Zoologie d. alten Griechen u Römer, *Lenz*, 495 и слѣд.

[25]) R. M. C., 81 C, 77 A (р. н., 124, 117); въ изд. 1557 г., Miij об., und ain Uisch, den sy Semphi nennen“; M об. Zoogr. rosso-asiat., *Pallas*, III, 342 (семга, salmo nobilis); 209 (сельдь, clupea harеogus). По свидѣтельству Герберштейна, 119 B (р. н., 178), Лопари платили дань рыбою.

[26]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VI, стр. 15 и слѣд., 56, 64—65. Путешествіе *Лепехина*, IV, С.-Пб., 1802 г., 335—339; 343—345. *Брэмъ*, V, ч. 2, стр. 251: древніе не знали сельди. О ней не упомянуто и въ указ. къ соч. *Ленца*, Zoologie d. alten Griechen u. Römer. *Carus*, Gesch. d. Zoologie, 186, говоря о состояніи зоологіи въ Средніе вѣка, замѣчаетъ: „Genauere Beobachtungen riefen die wirthschaftlich so wichtigen Züge der Häringe hervor“.

[27]) R. M. C., 76 B—C (р. н., 116—117); въ изд. 1557 г., M. О перемѣнѣ

И Герберштейнъ, какъ и предшествующіе иностранные писатели, упоминаетъ о воскѣ и медѣ въ Московіи и указываетъ на слѣдующія области, которыя обиловали этими произведеніями: Новгородская, Вятская, Сѣверская и Рязанская. Въ Московской области, замѣчаетъ онъ, меду нѣтъ [28]).

XXVII.

Извѣстія Герберштейна о животныхъ, водящихся на юго-востокѣ Европы.— Особая порода лошадей у Татаръ.—Сайга.—Животныя, водящіяся въ Литвѣ: зубры, буйволы, лоси.—Мнѣніе о томъ, что нѣмецкое названіе зубра urox нельзя считать правильнымъ.—Употребленіе буйволовыхъ роговъ Самогитами.—Описаніе лося.—Общее замѣчаніе Герберштейна о животныхъ, водящихся въ Литвѣ.—Змѣи въ Самогитіи.—Медъ, добываемый жителями этой области.—Уровень зоологическихъ знаній въ эпоху Герберштейна.—Оцѣнка сообщенныхъ имъ извѣстій относительно восточно-европейской фауны.—Число всѣхъ встрѣчающихся у него видовыхъ названій животнаго царства.—Животныя, обстоятельно описанныя Герберштейномъ.—Предѣлы распространенія соболя и чернобурой лисицы.—Ученыя мнѣнія о достоинствѣ зоологическихъ данныхъ, сообщенныхъ Герберштейномъ.

Извѣстія Барбаро и Матвѣя Мѣховскаго о животныхъ въ степной полосѣ юго-восточной Европы, бывшей мѣстомъ кочевья Татаръ, Записки о Московіи дополняютъ нѣкоторыми новыми свѣдѣніями объ особой породѣ лошадей и о сайгѣ. У Татаръ, пишетъ Герберштейнъ, большое обиліе въ лошадяхъ, которыя имѣютъ выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносятъ голодъ и труды, и питаются древесными вѣтвями, корой и кореньями травъ, которыя вырываютъ (excussis euulsisque) копытами изъ земли. Такія привычныя къ трудамъ лошади приносятъ большую пользу Татарамъ, и Московиты говорятъ, что у Татаръ онѣ бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ у кого нибудь другаго. Эта порода лошадей называется пахматъ [1]) (Pachmat).

цвѣта шерсти у сѣверныхъ животныхъ см. у *Брэма*, I, 141. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", *А. Миддендорфа*, ч. II, стр. 30, 32.

[28]) R. M. C., 75 A, 85 A, 69 A, 65 B, 62 A (р. п., 113, 129, 106, 101, 96). Въ Московской области, по замѣчанію Герберштейна, нѣтъ также и дикихъ звѣрей, за исключеніемъ зайцевъ.

[1]) R. M.C., 89 B—C (р. п., 136); въ изд. 1557 г., Niij об. „Nehm sich von der Pamen laub, Esste und rindten, es zey Schnee oder nit, so graben sy in die erden nach wurtzeln, wo khain grass verhanden ist". Въ изд. 1567 г., XCIX:

„Въ степяхъ около Борисоена, Танаиса и Ра есть лѣсная овца, которую Поляки называютъ солгакъ, а Московиты сейгакъ (seigack), величиною съ молодаго козла, только ноги короче"; рога у ней высокіе, кольчатые (quibusdam circulis notata); изъ нихъ Московиты дѣлаютъ прозрачныя рукоятки ножей. Сайги весьма быстры на бѣгу и очень высоко скачутъ [2]).

Міръ животныхъ и извѣстія о нихъ Мѣховскаго и Іовія на столько занимали Герберштейна, что въ своихъ Запискахъ о Московіи онъ не только далъ мѣсто обстоятельному описанію тѣхъ животныхъ Литвы, которыя составляли одну изъ отличительныхъ особенностей ея природы, но даже приложилъ къ своему сочиненію рисунки зубра и буйвола. Литва, пишетъ Герберштейнъ, кромѣ звѣрей, водящихся въ Германіи, имѣетъ еще бизонтовъ (bisontes), буйволовъ (uros), лосей (alces), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми [3]). „Бизонта Литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ (suber), Германцы неправильно зовутъ его aurox или urox, каковое имя прилично буйволу (uro), который имѣетъ совершенно бычачью форму, тогда какъ бизонтъ совсѣмъ другаго вида. Бизонты съ гривой, шея и плечи у нихъ косматыя, борода висящая съ подбородка, волоса пахнутъ мускусомъ, голова короткая", глаза большіе свирѣпые [4]), какъ бы пылающіе; лобъ широкій, рога по большей части расположены такъ (sic diductis et porrectis), что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка. Этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда-Августа, польскимъ королемъ Сигизмундомъ, который, мы это знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сложенія,—вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его. Спина зубра при-

---

„pferd, wölche doch klein mit einem nideren halss". Ср. выше разборъ извѣстій *Барбаро* о степныхъ лошадяхъ, по изд. 1836 г., 83—84 (р. п., 34—35) и *Контарини*, 98 (р. п., 173).

[2]) R. M. C., 113 A (р. п., 168). См. выше разборъ извѣстій Мѣховскаго о сайгѣ въ его соч., по изд. 1521 г., на стр. Bij. „Русская фауна", *Ю. Симашко*, 953: изъ полупрозрачныхъ сайгачьихъ роговъ приготовляютъ разныя вещи.

[3]) R. M. C., 109 C: „Feras habet Lithuania... Bisontes, Uros, Alces, quos alij onagros uocant, equos syluestres"; ср. въ изд. 1567 г., стр. CXXII. Но у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Giij, л. 2 об. „onagri et equi syluestres".

[4]) R. M. C. 109 C: „oculis grandioribus et toruis"; р. п., 166: „глаза большіе, впалые". Въ изд. 1567 г., CXXII: „grosse-schlimme augen".

поднимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя часть животнаго ниже середины. Охотящіеся на зубровъ должны обладать большою силою, проворствомъ и изобрѣтательностію. Для охоты выбирается удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны быть не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревьевъ располагаются охотники по одному, и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ. А тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ звѣря охотничье копье. Но, не смотря на частые удары, онъ не падаетъ, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе; потрясаетъ не только рогами, но и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жестокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ языка къ его одеждѣ: [и въ этомъ случаѣ] не оставляетъ [человѣка], пока не убьетъ его. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно свирѣпо рветъ ногами и рогами. Когда же кто нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не убито,—что̀ необходимо сдѣлать, если [охотники] желаютъ воротиться цѣлыми,—тотъ легко вызываетъ его противъ себя, если хоть одинъ разъ вскрикнетъ дикимъ голосомъ (sono barbaro): лулулу. Буйволы водятся только въ одной, пограничной съ Литвой, Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются они турами, а у Германцевъ настоящее имъ имя urox. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, ни сколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они чернаго цвѣта и имѣютъ бѣлую полосу вдоль хребта [5]). Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; содержатъ ихъ такъ же, какъ въ какихъ нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но таковыхъ узнаютъ [6]). Ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестив-

[5]) R. M. C., 110 B: „et ductum quendam instar lineae ex albo mixtum per dorsum habent".

[6]) R. M. C., 110 B: „sed non sine nota"; въ изд. 1567 г., CXXIII: „doch kennet man dise wol"; въ русск. переводѣ, 167: „но это (слученіе) сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ" (буйволовъ).

шихся (infames); да и телята, рождающіеся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ-Августъ подарилъ мнѣ, когда я былъ у него посломъ, одного выпотрошеннаго [буйвола], котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, покрывающая лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ, хотя по какой-то разсѣянности я не спросилъ [тогда], для чего это дѣлается. Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволовой кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда-Августа, подарила мнѣ два такіе пояса, изъ которыхъ одинъ милостиво приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская“ [7]).

Мнѣніе Герберштейна о томъ, что нѣмецкое названіе зубра urox нельзя считать правильнымъ, и что, слѣдовательно, нельзя отъ этого животнаго производить домашняго быка, подтверждается и историческими свидѣтельствами и тѣми данными, которыя сообщаетъ зоологія и палеонтологія по спорному вопросу о видовомъ отличіи зубра отъ родича домашняго быка. Какъ древніе писатели, такъ и нѣкоторые изъ средневѣковыхъ отличаютъ два вида быковъ и характеристическою особенностію одного изъ этихъ видовъ является грива. „Лобъ у быка, говоритъ Кювье, плоскій и даже нѣсколько вогнутый, у зубра онъ напротивъ выпуклъ, хотя и нѣсколько менѣе, чѣмъ у буйвола; у вола лобъ имѣетъ форму квадрата, потому что высота его почти равна ширинѣ, если взять за основаніе разстояніе между глазными впадинами; у зубра, по тѣмъ же размѣрамъ, ширина его гораздо болѣе вышины. Рога у вола стоятъ на самой высокой линіи головы, каторая отдѣляетъ затылокъ отъ лба; у зубра эта линія отстоитъ къ заду на двѣ линіи отъ корня роговъ“ [8]) и пр. „Если

[7]) R. M. C., 110 C. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, *А. Миддендорфа*, II, 280, пр. 3. Авторъ замѣчаетъ: „При Герберштейнѣ въ Литвѣ встрѣчалось еще множество оленей“. Это извѣстіе, однако, не принадлежитъ Герберштейну; въ изданіи его Записокъ о Московіи 1567 г., а этимъ изданіемъ пользовался Миддендорфъ (см. стр. 93, пр. 4), съ стр. CCIII начинаются статьи, носящія слѣдующее заглавіе: „Moscouiter Land weyttere beschreybung auss mancherley Historien und cosmographey gezogen“.

[8]) Zoologie d. alten Griechen u. Römer, *Lenz*, 43. Жизнь животныхъ, *Брэма*, II, С.-Пб., 1866 г., 639 и слѣд. (въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 635). Gesch. d. Zoologie *Carus*, 181. Русск. фауна, *Симашко*, 988—989. Zoogr. rosso-asiat., *Pallas*,

зубръ", говорится въ одномъ изъ русскихъ изслѣдованій объ этомъ животномъ, „не есть родоначальникъ домашняго быка, то былъ другой его родичъ, также какъ былъ родичъ зубра; ископаемые остатки какъ того, такъ и другаго животнаго, записанные въ лѣтописяхъ палеонтологіи, должны находиться въ пластахъ, принадлежащихъ къ эпохѣ, ближайшей къ нашей, то-есть въ пластахъ дилувіальныхъ. Такъ ставитъ вопросъ Кювье вслѣдствіе своихъ изысканій надъ ископаемыми костями, положившихъ незыблемое основаніе какъ славѣ его, такъ и наукѣ палеонтологіи". „Дѣйствительно, въ торфяникахъ и другихъ дилувіальныхъ образованіяхъ Германіи, Франціи, Англіи и пр. находятъ остатки двухъ быковъ; изъ нихъ одинъ, bos priscus, не отличается ни однимъ признакомъ, имѣющимъ значеніе видоваго, отъ зубра; одни размѣры громаднѣе, изъ чего слѣдуетъ, что дилувіальный зубръ былъ еще больше нынѣшняго. Другой ископаемый быкъ есть bos primigenius, также существенно не отличающійся отъ домашняго быка, даже размѣры его совпадаютъ съ размѣрами самыхъ большихъ, по росту, породъ домашняго быка. Итакъ, можно съ полною вѣроятностью сказать, что первоначально были два быка: bos priscus и bos primigenius; отъ перваго произошли нынѣшніе зубры, отъ втораго—домашній рогатый скотъ. Такъ рѣшилъ задачу еще Кювье, и это рѣшеніе только подтверждается все болѣе и болѣе новыми изслѣдованіями" [9]).

„У бѣловѣжскихъ зубровъ горбатый лобъ покрытъ курчавыми волосами; борода въ длину имѣетъ до 15 дюймовъ. Затылокъ покрытъ какъ бы гребнемъ; на сторонахъ шеи и на всемъ тѣлѣ шерсть короткая". Большая дикость, упрямство и вспыльчивость характеризуютъ зубровъ, и охота за ними сопряжена съ большими опасно-

---

I, 247. О томъ, что буйволы водились на р. Волгѣ, см. Путешествіе *Лепехина*, I, С.-Пб., 1771 г., 312—313.

[9]) „Зубръ", ст. *С. Усова*, Вѣстникъ естеств. наукъ, 1859 г., № 1, стр. 82—83. На основаніи указанныхъ нами данныхъ мы не можемъ признать вѣрнымъ мнѣніе почтеннаго автора Географическаго и статистическаго описанія Гродненской губерніи, *И. Бобровскаго*, о томъ, что зубръ и туръ „составляли одинъ и тотъ же видъ настоящаго бѣловѣжскаго зубра", и что оба эти названія принадлежатъ одному животному. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, ч. I, С.-Пб., 1863 г., стр. 440—443. Герберштейнъ говоритъ, что большая часть Самогитовъ употребляла буйволовы рога вмѣсто чашъ. R. M. C., 113 B (р. п., 169). Ср. у *Бобровскаго*, стр. 437.

стями. „Зубръ имѣетъ еще ту особенность, что издаетъ особый запахъ мускуса, который бываетъ сильнѣе у самцевъ во время яра“. Въ прежнее время зубръ водился во всей почти Европѣ. Съ XVIII вѣка его единственнымъ убѣжищемъ стала Бѣловѣжская пуща [10]).

Указывая на рѣзкое различіе между зубромъ и домашнимъ быкомъ, Герберштейнъ не полагаетъ никакого различія между бизономъ и зубромъ. Дѣйствительно эти два животныя считаются ближайшими родичами. У бизона и зубра „выпуклый лобъ широкъ, разстояніе между рогами превышаетъ длину всей головы, черные рога идутъ прямо въ стороны, наибольшая масса тѣла собрана въ передней части животнаго, покрытой здѣсь значительною гривой и отмѣченной значительно возвышающимся хребтомъ“. Существуютъ, однако, и отличія: у бизона—значительный горбъ, поддерживаемый лишнею пятнадцатою парою реберъ, и длинная шерсть; зубръ держится исключительно въ густыхъ лѣсахъ, а бизонъ въ открытыхъ равнинахъ, и вопросъ о томъ, представляютъ ли эти два животныя разновидности одного и того же вида еще не рѣшенъ [11]).

Въ той же статьѣ о звѣряхъ, водящихся въ Литвѣ, Герберштейнъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе о лосѣ, какъ видно съ цѣлью опровергнуть ложное мнѣніе Поляковъ объ этомъ животномъ. „То животное“, говоритъ онъ, „которое по литовски называется лосемъ (loss), Германцы называютъ ellend, нѣкоторые по латини—alce; по мнѣнію Поляковъ—это онагръ, то-есть лѣсной оселъ, хотя наружный видъ его не соотвѣтствуетъ [этому названію]. Ибо у него раздвоенныя копыта, хотя бываютъ и такіе, у которыхъ [копыта] цѣльныя, но это весьма рѣдко. Это животное выше оленя, уши и ноздри у него нѣсколько выпяченныя, а рога нисколько не отличаются отъ оленьихъ; цвѣта—болѣе подходящаго къ бѣлому. Оно весьма быстро на бѣгу и бѣгаетъ не такъ, какъ

---

[10]) „Русская фауна“, *Симашко*, ч. II, 989. Жизнь животныхъ, *Брэма*, II, С.-Пб., 1866 г., 645, 646, 641 (въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 640, 641, 636). Вѣстникъ естеств. наукъ, 1859 г., № 1, стр. 90. Матеріалы для географіи и стат. Гродн. губ., *П. Бобровскаго*, ч. I, С.-Пб., 1863 г., стр. 436 и слѣд.

[11]) „Американскій бизонъ“, ст. Д., Вѣстникъ естеств. наукъ, 1854 г., № 33, стр. 523. Путешествіе на сѣв. и вост. Сибири, *А. Миддендорфъ*, II, 46. Извѣстія Герберштейна о зубрѣ и буйволѣ ср. съ извѣстіями *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Giij, л. 2 об., и *Іовія*, по изд. 1836 г., 62 (р. п., 23).

прочія животныя, а какъ иноходецъ. Копыта его носятъ, какъ амулеты, противъ падучей болѣзни“ [12]).

Эти данныя дополняютъ вышеприведенныя извѣстія Іовія. Лось значительно выше оленя и чѣмъ холоднѣе зима, чѣмъ континентальнѣе климатъ, тѣмъ рослѣе и дороднѣе лось. Онъ имѣетъ широкія ноздри, и бѣгъ его отличается быстротою и „невѣроятною выносливостію“. Рога отличаются отъ оленьихъ большею широтою и имѣютъ форму лопатки. Впрочемъ „рога лося, да и вообще оленей, не даютъ хорошихъ видовыхъ признаковъ. У лося они довольно разнообразны, до такой степени, что расширеніе въ видѣ лопаты иногда почти совершенно исчезаетъ“ [13]).

Вообще относительно животныхъ всѣхъ породъ, которыя водятся въ Литвѣ, Герберштейнъ замѣчаетъ, что онѣ малорослы. Въ Самогитіи, пишетъ онъ, лошади очень малы, такъ что удивляешься, какъ онѣ могутъ переносить такіе большіе труды: онѣ служатъ [Самогитамъ] и для войны, и для обработыванія полей [14]).

Самогиты, сообщаетъ далѣе авторъ Записокъ, „содержатъ у себя въ домахъ, какъ пенатовъ, какихъ-то змѣй, съ четырьмя короткими ногами, на подобіе ящерицъ, съ чернымъ и толстымъ тѣломъ“. Эти змѣи имѣютъ не болѣе трехъ пядей въ длину и называются гивоитами: въ положенные дни, очистивъ свой домъ, [Самогиты] всей семьей, въ какомъ-то ужасѣ, поклоняются этимъ змѣямъ, которыя выползаютъ къ поставленной пищѣ и, нажравшись, возвращаются въ свое мѣсто.

Самогитія славилась своимъ медомъ: онъ считался наилучшимъ, содержалъ въ себѣ наименьшее количество воска и отличался бѣлизною [15]).

---

[12]) R. M. C., 110 C (р. п., 168). Ср. объ онагрѣ у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Giij, л. 2 об.

[13]) „Лось или сохатый“, ст. *Н. А. Сѣверцова*, Вѣстникъ естеств. наукъ. 1854 г., № 19, стр. 292, пр. 1; стр. 294: американскіе и сибирскіе лоси гораздо крупнѣе прусскихъ и шведскихъ. Длина петербургскаго лося стараго (по экземпляру въ Академіи наукъ) 8′ 11″, вышина въ плечахъ 6′ 2″, въ крестцѣ 5′ 9″. *Симашко*, Русск. фауна, 914, 935, 910. Жизнь животныхъ, *Брэма*, II, С.-Пб. 1866 г., 419—420, 434, 453 (вышина оленя $4^1/_2$ фут.); въ нѣмецк. изд. 1865 г., II, 426, 451, 432. Ср. выше разборъ извѣстія *Іовія* о лосяхъ и *Мѣховскаго* о животныхъ, водящихся въ Литвѣ.

[14]) R. M. C., 109 A, 113 B (р. п., 165, 169).

[15]) R. M. C., 113 C, 114 A (р. п., 169, 170); въ изд. 1557 г., Qij. *Carus*,

Извлеченныя нами изъ Записокъ о Московіи извѣстія не чужды тѣхъ же существенныхъ недостатковъ, какими отличаются и извѣстія о томъ же предшествующихъ писателей. Грубыя ошибки и баснословіе, свидѣтельствующія о низкомъ уровнѣ зоологическихъ свѣдѣній, чѣмъ и объясняется появленіе такихъ извѣстій, какъ напримѣръ о рыбѣ-человѣкѣ, о рыбѣ бѣлугѣ, не имѣющей костей, вполнѣ субъективное отношеніе и невниманіе къ тѣмъ наиболѣе важнымъ зоологическимъ даннымъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ географіи Восточной Европы и были бы необходимы въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлію дать понятіе о природѣ ея—вотъ недостатки, которыми страдаютъ и Герберштейновы извѣстія о фаунѣ восточно-европейской равнины. Но и онѣ, какъ многія другія имъ собранныя данныя, имѣютъ нѣкоторыя преимущества: отличаются сравнительно съ предшествующими большею полнотою и не лишены нѣкотораго значенія въ зоологической географіи. Число всѣхъ встрѣчающихся у него видовыхъ названій животнаго царства доходитъ до сорока, и изъ этой суммы до двадцати названій мы не находимъ у предшествующихъ писателей, сообщавшихъ свѣдѣнія о Московіи. Общій же итогъ распредѣляется по отдѣламъ животнаго царства такимъ образомъ: къ классу млекопитающихъ относится 25 видовъ; рыбъ—7; птицъ—6; къ классу пресмыкающихся (Reptilia) и къ отдѣлу безпозвоночныхъ всего только по одному виду.

Изъ всѣхъ упоминаемыхъ Герберштейномъ животныхъ весьма не многія описаны съ нѣкоторою обстоятельностію, а именно зубръ, буйволъ, лось, сайга, моржъ и кречетъ и, какъ можно догадываться, потому, что одни изъ этихъ животныхъ были мало извѣстны на западѣ, о другихъ были сообщены свѣдѣнія невѣрныя или неточныя [16]). Одними этими, однако болѣе обстоятельными описаніями не опредѣ-

---

188, говоря о состояніи зоологіи въ Средніе вѣка, замѣчаетъ: „Die grösste Aufmerksamkeit hatte die Biene erregt, deren Zucht schon alt und sehr verbreitet war... Man kannte die dreierlei Formen der Bienen, hielt aber die Königin für das Männchen, den König oder Weisel und die Arbeiter für eine eigne der Königin ähnliche Art."

[16]) Зубры и лоси еще въ началѣ XVII стол. водились въ Прусскихъ лѣсахъ. Путешествіе на с. и в. Сибири, *Миддендорфа*, II, 73, пр. 1. Изъ ученыхъ естествоиспытателей впервые, сколько намъ извѣстно, сдѣлалъ замѣчательную оцѣнку Герберштейновыхъ извѣстій о животныхъ профессоръ *Рулье*. Вотъ что онъ сказалъ въ своей рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Московскаго

ляется значеніе Герберштейновыхъ извѣстій въ исторіи зоологіи. На ряду съ ними должны быть поставлены нѣкоторыя цѣнныя для зоологической географіи опредѣленія относительно древнихъ предѣловъ распространенія пушныхъ звѣрей, какъ напримѣръ соболя и чернобурой лисицы.

XXVIII.

Извѣстія о предметахъ царства ископаемаго Восточной Европы, находящіяся въ сочиненіяхъ Барбаро, Контарини, Матвѣя Мѣховскаго и Іовія.—Извѣстія Герберштейна о вывозѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней изъ области Югорской, о торговлѣ ими въ области р. Оби, о соляной промышленности въ областяхъ Двинской и Ростовской; о желѣзной рудѣ близъ Серпухова и сѣрномъ озерѣ близъ Бѣлаозера.

По тѣмъ свѣдѣніямъ о природѣ Московіи, которыя были болѣе доступны иностранцамъ въ XV и XVI в., по ихъ личнымъ наблю-

---

университета въ 1845 году: между иностранными посланниками „относительно къ нашему предмету стоитъ на первомъ планѣ Герберштейнъ. Въ своемъ сочиненіи упоминаетъ онъ не только полнѣе, нежели всѣ прочіе писатели, о животныхъ, водящихся въ Россіи, но и различнымъ частямъ ея назначаетъ различныхъ животныхъ; описываетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, посвящаетъ имъ цѣлыя главы; наконецъ, даетъ нѣкоторымъ изъ нихъ столь удовлетворительные рисунки, что они и въ наше время одни только могутъ рѣшить жаркій споръ о томъ, существовали ли на Литвѣ зубръ и туръ, какъ животныя другъ отъ друга отличныя, или означали эти слова различныя названія одного и того же животнаго. Его списывали и повторяли многіе другіе путешественники. Словомъ описаніе путешествія Герберштейна въ Москву есть первый и относительно лучшій источникъ для изученія исторіи животныхъ въ Россіи". Рѣчи, произн. въ торж. собраніи Импер. Москов. университета, 1845 г., стр. 82.

Самыя достовѣрныя свѣдѣнія, изъ XVI-го столѣтія, говоритъ *Миддендорфъ*, безъ сомнѣнія, сообщаетъ намъ почтенный Герберштейнъ, II, 79, пр. 2. Герберштейново описаніе сайги Миддендорфъ называетъ „прекраснымъ". Тамъ же, стр. 93.

Карусъ, Gesch. d. Zoologie, стр. 337, не признаетъ за извѣстіями Герберштейна важнаго значенія и ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „So wichtig nun aber seine Beschreibung für die geographie Nordost=Europa's und des nördlichen West-Asiens auch ist, so enthält Herberstein's Buch doch nur wenig Zoologisches von Belang. Das Wichtigste ist die Schilderung zweier wilder Ochsenarten, des Wisent und des Auerochsen"...

Строгая и не вполнѣ справедливая оцѣнка Герберштейновыхъ извѣстій, сдѣланная г. *Карусомъ*, объясняется тѣмъ, что онъ въ своемъ прекрасномъ и очень замѣчательномъ трудѣ имѣлъ въ виду изложить важнѣйшіе результаты въ сферѣ зоологическихъ знаній и потому не всегда могъ составить себѣ вѣрное сужденіе относительно тѣхъ данныхъ въ исторіи зоологіи, оцѣнка которыхъ требовала спеціальныхъ изысканій.

деніямъ и впечатлѣніямъ, прежде всего пріобрѣталось знакомство съ міромъ растеній и животныхъ; произведенія царства ископаемаго не могли обращать на себя большаго вниманія въ странѣ, имѣвшей видъ сплошной равнины, населеніе которой пользовалось этими произведеніями съ исключительною цѣлью удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей и вело торговыя сношенія съ другими народами исключительно предметами царства растительнаго и животнаго, въ странѣ, гдѣ каменныя зданія даже въ значительныхъ городахъ были рѣдкостію, гдѣ серебро получали съ отдаленнаго сѣверо-востока, свѣдѣнія о которомъ даже въ средѣ русскихъ людей были весьма мало распространенными [1]). Отсюда понятна скудость иностранныхъ извѣстій XV—XVI в. о предметахъ царства ископаемаго. Самыя ранція изъ этихъ извѣстій касаются соляной промышленности.

---

[1]) Черезъ посредство инородцевъ, обитавшихъ на склонахъ Уральскаго хребта, Русскіе съ очень давняго времени получали драгоцѣнные металлы.

Въ 1193 году (6701) при осадѣ Новгородцами одного изъ городовъ Югорской земли жители этого города говорили осаждавшимъ „льстбою": „Копимъ серебро, и соболи, и ина узорочья, а не губите своихъ смърдъ и своей дани". П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 21; V (Соф. 1), 169. Никон., II, 259 („хотяще дань даяти вамъ").

Въ 1332 году (6840) великый князь Иванъ „приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра Закамскаго". П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 76; V (Соф. 1), 220; VII (Воскр.), 203 („прося у нихъ сребра Закаменьскаго", то-есть того, которое получалось изъ за Камени, изъ за Урала); Никон., III, 160.

Подъ 1384 г. лѣтописи наши сообщаютъ слѣдующее извѣстіе: „бысть дань тяжела по всему княженію, всякому безъ отдатка, съ всякіе деревни по полтинѣ." П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 49 (6892 г.); Никон., IV, 144 (6892 г.): „бысть дань велія по всему княженію московскому з деревни по полтинѣ, тогда же и златомъ даваше во орду". Въ 1386 г. Новгородъ уплатилъ значительный окупъ великому князю Димитрію; въ 1428 г.—Витовту.

Остатки древнихъ копей въ при уральскихъ мѣстностяхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь бывали металлы за долго до начала горнозаводскаго дѣла. См. „Журналъ или дневныя записки пушествія капитана *Рычкова* по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 году", С.-Пб., 1770 г., стр. 67—68, по нагорному берегу р. Ика, впад. въ Каму, „находилъ я тамъ довольное число разработанныхъ мѣдныхъ рудниковъ, которые принадлежатъ къ заводамъ, находящимся въ сей странѣ. Нѣкоторые изъ нихъ отъ заводчиковъ называются старинными копями, сказуя будтобы Чудскіе народы, обитавшіе въ сихъ мѣстахъ, доставали руду изъ горъ, въ коихъ рудные слои находятъ; да и самъ я видѣлъ оставшіе знаки бывшихъ внутри земли работъ. Горное искусство древнихъ народовъ во всемъ было отлично отъ нынѣ употребляемаго; ибо они входили въ землю, не дѣлая никакихъ подставъ, а отверстія ихъ подкрѣпляла таже самая земля, которой верьхи выдѣлывали они на подобіе свода. Такимъ образомъ приходили они въ самыя глубокія мѣста, и

По извѣстіямъ Барбаро, на берегу Бакинскаго моря „встрѣчается весьма много солончаковъ", и Москвитяне каждый годъ отправляютъ суда свои въ Цитракань за солью [2]).

О добываніи соли близъ Астрахани сообщаетъ свѣдѣнія и Контарини. Недалеко отъ нея, говоритъ онъ, на пути къ морю, находится соляное озеро, „столь обширное, что добываемой изъ него соли достаточно бы было для продовольствія большей части вселенной. Оно снабжаетъ превосходною солью почти всѣ россійскія владѣнія" [3]).

Вѣроятно, свидѣтельство Контарини относится къ которому либо изъ тѣхъ астраханскихъ соляныхъ озеръ, которыя составляютъ особую группу и лежатъ на западъ и юго-западъ отъ дельты Волги, „между безчисленными протоками и узкими заливами—ильменями и ериками, которыми здѣсь изрѣзанъ морской берегъ. Озера эти вытянуты по направленію ильменей, то-есть съ запада на востокъ, и всегда съ сѣвера на югъ ограничены песчаными холмами или, по мѣстному названію, буграми". „Озера этой группы представляютъ совершенно особый типъ соляныхъ озеръ, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся. Между ними, по обилію и хорошему качеству соли, замѣчательны: Кошкошинскія, Бешкульскія" [4]) и др.

Извѣстія Мѣховскаго относительно предметовъ ископаемаго царства ограничиваются одною только Руссіей. Здѣсь находится много мѣла и отсюда его привозятъ и къ намъ, пишетъ Мѣховскій; здѣсь въ сухое время добываютъ и соль въ озерѣ Качибей, такъ какъ вблизи его находится крѣпость Очаковъ, принадлежащая Татарамъ, то [добытую въ этомъ озерѣ соль] захватываютъ татарскіе перевозчики соли и вывозятъ ее на двухстахъ, а иногда и на трехстахъ телѣгахъ. Соль добывали также въ земляхъ Перемышльской и Дорогобужской.

сводъ, держащій на себѣ превеликую тяжесть земли, еще и донынѣ во многихъ мѣстахъ не обрушился". См. стр. 69, 101, 120.

[2]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., 95, 75 (р. п., 56, 57, 18). Онъ же говоритъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, испытываемыхъ Татарами отъ недостатка соли.

[3]) *Контарини*, по изд. 1836 г., стр. 168 (р. п., 88).

[4]) „Обзоръ соляного промысла въ Россіи", *Л. Л. Нерике*, С.-Пб., 1871 г., стр. 60. „Описаніе русскихъ соляныхъ промысловъ", Горный журналъ, 1862 г., ч. I, стр. 500: по описанію, начатому въ 1842 г. и оконченному въ 1847 г., въ Астраханской губерніи оказалось „всѣхъ соляныхъ озеръ 711 и солонча-

На западъ отъ Очакова по Черноморскому побережью извѣстны, по добычѣ соли, два лимана: Хаджибейскій и Куяльницкій. Первый изъ нихъ, къ которому, повидимому, должно быть пріурочено названіе Качибей, въ настоящее время не представляетъ выгодныхъ условій для соледобыванія. Но, можетъ быть, въ XVI в. эти условія были другими и самый лиманъ имѣлъ другой видъ. Что же касается до находящагося близъ него Куяльницкаго лимана, то онъ и въ настоящее время даетъ весьма значительное количество соли, которою снабжаются: область Бессарабская, губерніи Подольская и Волынская и нѣкоторые уѣзды Херсонской губерніи [5]).

По свидѣтельству Іовія, у Москвитянъ не было ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, никакихъ болѣе благородныхъ металловъ, кромѣ желѣза; въ странѣ ихъ не были находимы слѣды драгоцѣнныхъ камней. Все это Москвитяне получали отъ чужихъ народовъ [6]).

Это заслуживающее вниманія свидѣтельство не можетъ считаться достовѣрнымъ. Когда въ княженіе Іоанна III начались сношенія съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвинымъ въ 1482 г., великій князь просилъ его прислать горныхъ мастеровъ, „искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, также въ отдѣленіи металла отъ земли“. „У насъ есть серебро и золото“, велѣлъ онъ сказать королю, „но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ нашемъ государствѣ“.

Въ 1491 году великій князь отправилъ на р. Цыльму Грека Мануила Иларіева, дѣтей боярскихъ Василія Болтина, Ивана Брюха Коробьина и Андрея Петрова съ мастерами—Нѣмцами (Иваномъ и Викторомъ) искать руду, и они нашли серебряную и мѣдную руду на пространствѣ десяти верстъ въ вотчинѣ великаго князя на р. Цыльмѣ, не доходя Космы рѣки за полдница, а отъ Печоры рѣки

ковъ 1,327, въ томъ числѣ озеръ болѣе важныхъ... насчитано 19. Изъ оныхъ, по примѣрному соображенію, представляется возможнымъ добывать ежегодно до 12½ мил. пуд. соли“. *Олеарій*, по изд. 1663 г., гл. X, стр. 372—373 (р. п., 452—453).

5) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., F об. „Обзоръ соляного промысла въ Россіи“, *Л. Пернке*, С.-Пб., 1871 г., стр. 81, 89—90. Горный журналъ, 1862 г., ч. I, „Описаніе русскихъ соляныхъ промысловъ“, стр. 523—526.

6) *Іовій*, по изд. 1836 г., 71: nulla auri, argentive, vel ignobilioris metalli ferro excepto, apud eos vena secturave reperitur nullumque est tota regione vel gemmarum, vel pretiosi lapilli vestigium, ea omnia ab externis populis petunt

за семь днищъ [7]). На лѣвомъ берегу р. Цыльмы, вверхъ отъ устья впадающей въ нее съ лѣвой стороны рѣчки Тобышъ, В. Н. Латкинъ видѣлъ „тонкія прослойки мѣдной руды". Онъ же упоминаетъ о томъ, что въ разстояніи приблизительно 250 верстъ отъ устья Цыльмы находился мѣдиплавильный заводъ [8]).

Относительно драгоцѣнныхъ камней и жемчуга Герберштейнъ сообщаетъ, что они были привозимы въ Москву изъ страны Югорской, хотя ихъ собирали не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, преимущественно же привозили съ морскаго берега, близъ устьевъ Двины. Жемчугъ и драгоцѣнные камни были также предметомъ торговли между инородцами, обитавшими въ области р. Оби, и объ этой торговлѣ находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ русскомъ дорожникѣ XV—XVI в.—отъ мѣста истока р. Оби, отъ Китайскаго озера приходили къ Грустинцамъ и Серпоновцамъ черные люди и приносили съ собою много товаровъ, „преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни" [9]).

Солью, по извѣстіямъ автора Записокъ о Московіи, изобиловали области Двинская и Ростовская; въ большомъ количествѣ добывали ее на островѣ Соловецкомъ. Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго Нов-

(ср. въ изд. 1556 г., 167 С); р. п., 40: „У нихъ нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней".

[7]) Ист. гос. рос., *Карамзина*, VI, 108, пр. 274 (Дѣла цесарскія, № 1, л. 178—179). П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 223 (7000 г.); то же въ Никон. лѣт., VI, 130; въ Синод. лѣт., № 365, Ист. гос. рос., VI, пр. 360, свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ двухъ вышеуказанныхъ лѣтописяхъ. Древн. Вивліоѳика, ч. XVIII, изд. 2, М., 1791 г., Двинской лѣтописецъ, стр. 9.

Выписавъ извѣстіе объ открытіи руды на р. Цыльмѣ (въ подл. „на Шилмѣ", очевидно искаженное вмѣсто „на Цыльмѣ"), находящееся въ Двинскомъ лѣтописцѣ, подъ 6999 г., *Латкинъ*, въ Дневникѣ своемъ, напеч. въ Зап. Геогр. Общ., кн. VII. ч. 2, стр. 85, ошибочно отнесъ это извѣстіе къ 6936 (1428 г.) и, не сличивъ его съ тѣмъ, которое, находится въ вышеуказанныхъ лѣтописяхъ, подъ 1499 г., принялъ эти извѣстія объ одномъ и томъ же событіи за два различныя.

[8]) Дневникъ *В. Н. Латкина*, Зап. Геогр. Общ., кн. VII, ч. 2, стр. 83, 85, 88.

[9]) R. M. C., 86 A, 82 B (р. п., 130, 125); въ изд. 1557 г., N: wiewol sy (Jugari) auch Perl und Edlgestain in die Mosqua zu uerkauffen bringen, aber sy habens im Land nit, sonder uberkhumens von dem gestat des Moers, nit verr von dan da Dwina einfelt" (въ изд. 1556 г., 86 A: „quamuis uniones gemmaeque illinc in Moscovuiam afferantur, non tamen in eorum Occano colliguntur sed aliunde, praecipue uero a littoribus Oceani; ostijs Dvuinae uicinis afferuntur"); Miij, л. 2. Ист. гос. рос., *Карамзина*, X, пр. 425: „Въ Дѣлахъ Персид.", № 4, л. 71: „жемчугъ ведется у государя нашего въ землѣ на Двинѣ, на Колмогорахъ и въ Вел. Новгородѣ въ рѣкахъ". Жемчугъ добывается изъ раковинъ, во-

города находилось множество домовъ, которые видомъ своимъ напоминали городъ, въ нихъ вываривалась соль. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ выжженные Татарами эти дома были возстановлены, по приказанію князя“.

И Флетчеръ упоминаетъ о томъ, что соль добывали на островѣ Соловецкомъ. Указанія же Герберштейна относительно довольно значительнаго солянаго промысла близъ Нижняго Новгорода, можетъ быть, слѣдуетъ пріурочить къ тому промыслу, который съ очень давняго времени производится въ полуторахъ верстахъ отъ города Балахны и въ тридцати трехъ верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Варницы Балахнинскія, по своему происхожденію, относятся, какъ замѣчаетъ авторъ Описанія русскихъ соляныхъ промысловъ, „къ самымъ древнѣйшимъ въ Россіи. Онѣ снабжали солью всю центральную Русь до заведенія Строгоновыми соляныхъ промысловъ въ Пермской губерніи и вываривали ежегодно соли до трехъ милліоновъ пудовъ“. Прежде было до восьмидесяти варницъ, нынѣ же четырнадцать и столько же чреновъ [10]).

Желѣзныя руды, по свидѣтельству Герберштейна, добывали близъ Серпухова, на ровномъ мѣстѣ [11]).

Близъ Бѣлаозера, пишетъ онъ, на разстояніи полета стрѣлы, есть озеро, производящее сѣру. „Большое количество ея, въ видѣ сверху плавающей пѣны, уносится текущею изъ этого озера рѣкою. Однако, по невѣжеству народа, тамъ изъ нея не дѣлается никакого употребленія“ [12]).

дящихся какъ въ Олонецкой, такъ и въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Жемчужница, unio margaritifer, имѣетъ, по словамъ *К. Кесслера*, „большое распространеніе въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ, до полярныхъ предѣловъ Лапландіи и до береговъ Бѣлаго моря“ (она относится къ семейству прѣсноводныхъ двустворокъ, къ разряду пластинчатожаберныхъ). „Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ Олонецкой губерніи“ *П. С. Полякова*, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ., по отд. этногр., т. III, С.-Пб., 1873 г., стр. 487. „Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежскаго края, преимущественно въ зоологическомъ отношеніи“, *К. Кесслера*, С.-Пб., 1868 г., стр. 75.

[10]) R. M. C., 80 A—B, 78 C, 77 A, 86 B (р. п., 122, 120, 117, 131); въ изд. 1557 г., Miij, Mij, M об., Nij. *Флетчеръ*, по изд. 1643 г., гл. 3, стр. 23. Горный журналъ, 1862 г., ч. I, „Описаніе русскихъ соляныхъ промысловъ“, стр. 542.

[11]) R. M. C., 68 A (р. п., 105); въ изд. 1557 г., L.

[12]) R. M. C., 78 A (р. п., 119); въ изд. 1557 г., Mij. О янтарѣ близъ Кенигсберга см. стр. 114 B (р. п., 170—171); въ изд. 1557 г., Qij—свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ изд. 1556 года.

XXIX.

Иностранныя извѣстія конца XV и первой половины XVI стол. о народахъ Восточной Европы.—Скудость свѣдѣній о народахъ Финской вѣтви.—Извѣстія Барбаро.—Границы Татаріи.—Джагатай.—Гг. Казань, Астрахань, Тана.—Крымскій полуостровъ (Кафа). — Перешеекъ Цукала. — Кумавія и Хазарія.—Число всадниковъ у Крымскихъ Татаръ.—Города на Крымскомъ полуостровѣ: Солгати (Старый Крымъ) и Керкіардс (Киркоръ, Чуфутъ Кале), Керчь, Кафа (Ѳеодосія), Солдадія (Судакъ), Грузуи (Гурзуфъ или Урзуфъ), Чимбало (Балаклава), Сарсона (Корсунь), Каламита (Инкерманъ). — Готоія и Аланія.— Монкастро (Аккерманъ).—Асы или Алане (Осетины).—Готоаланс.—

Извѣстія Барбаро о Кавказѣ.—Кремухъ.—Границы Черкессіи (Circassia) и Тюменьскія равнины.—Зикхи (Черкесы, Адиге, Казахи).—Тюмень.—Племена, обитающія за Кремухомъ.—Кипшко (Шапсуги), Татокозцы, Собайцы, Кевертейцы (Кабарда), Асъ или Алане.—Мингрелія.—Кайтаки.—Города въ Мингреліи: Вати (Батумъ) и Севастополь (Сухумъ Кале, Діоскурія); въ Грузіи: Тифлисъ и Гори; близъ Каспійскаго моря—Дербентъ и Страва (Астрабадъ).—Извѣстія Барбаро о городахъ въ сѣверо-восточной Руси: Москва, Рязань, Коломна, Новгородъ.— Казань.—Пл. Моксы (Мокшане).—Города въ Литвѣ и Польшѣ: Троки, Lonin (Слонимъ), Варшава, Mersaga (Мезирѣчь).

Наиболѣе значительную и цѣнную часть въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи, относящихся къ концу XV и къ первой половинѣ XVI вѣка до появленія Записокъ о Московіи занимаютъ извѣстія о бытѣ народовъ, преимущественно о Русскихъ и Татарахъ, объ ихъ бытѣ общественномъ и домашнемъ, о торговлѣ и промышленности. О всѣхъ другихъ народахъ, обитавшихъ на Востокѣ Европы, сообщаются свѣдѣнія весьма краткія, въ особенности о народахъ Финской вѣтви. Особенною скудостію, неполнотою и неточностію отличаются тѣ данныя, собраніе которыхъ требовало и много времени, и многихъ другихъ счастливыхъ условій и которыя, между тѣмъ, были наименѣе интересны для читателя, хотя онѣ и должны были служить главною основою народовѣдѣнія Востока Европы, какъ напримѣръ точныя свѣдѣнія о мѣстообитаніи различныхъ племенъ, объ ихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Въ сочиненіяхъ, нами обозрѣваемыхъ, первыя по времени и наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія относятся къ Татарамъ, къ тѣмъ по преимуществу, которые кочевали въ степи, при-

легающей къ Танѣ, и принадлежатъ замѣчательному знатоку ихъ быта Барбаро [1]).

Не опредѣляя въ точности границъ обширной, служившей мѣстобитаніемъ Татаръ области, онъ присвоиваетъ ей названіе Tartaria. По его извѣстіямъ, она простиралась до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится Рязань. Въ составъ Татаріи входили: Крымскій полуостровъ и область рр. Дона и Эрдиля, въ которой обитали безчисленныя племена Татарской вѣтви, и въ числѣ ихъ Джагатаи (Zagatai). На окраинахъ этой области находились слѣдующіе города: 1) Cassan, Казань, на лѣвомъ берегу Эрдиля, въ пяти дняхъ пути отъ Москвы, производившій значительную торговлю мѣхами; 2) Citracan, Астрахань; 3) Тана, окруженная рвомъ, имѣющимъ до десяти миль въ окружности [2]).

Крымскій полуостровъ Барбаро называетъ Кафою, какъ называли его средневѣковые писатели, по имени города Кафы (нынѣ Ѳеодосія). На этомъ островѣ (isola di Capha), который соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ Цукала (Zuchala), „прежде всего представляется взору Куманія (Cumania), получившая свое названіе отъ Кумановъ, а потомъ самая Кафа, прежде бывшая Хазарія (Gazaria)“.

Названіе страны, прилегающей къ западному берегу Азовскаго моря, Куманіей было общераспространеннымъ у средневѣковыхъ писателей и явилось, конечно, съ того времени, когда на юго-востокѣ

---

[1]) На стр. 84 (р. п., 36, по изд. 1836 г.) Барбаро пишетъ: „Я не знаю, кто, кромѣ очевидца, можетъ отвѣчать на вопросъ: чѣмъ кормится этотъ народъ“. Очевидно, здѣсь авторъ разумѣетъ бытъ Татаръ, кочевавшихъ къ сѣверу отъ Таны. Ср. стр. 73—74, 80—81 (р. п., 15; 28—29).

[2]) *Барбаро*, по изд. 1836 г., 87, 94—97, 76 (р. п., 41, 57, 60—61, 56, 20). Стр. 95: „Passando questo fiume (Erdil) et andando per ponente maestro, alla via del Moscho, presso pero delle rive, quindici giornate continue si truovan popoli di Tartaria innumerabili“. Русскій переводъ на стр. 57 не точенъ; не переведены слѣдующія слова: „alla via del Mosco“

На стр. 155: „Джагатай, страна, лежащая за Аральскимъ моремъ, между рѣками Сыръ-Дерьею и Аму-Дерьею и состоящая изъ земель Кашгарской и Мауреперской. Названіе Джагатая получила она отъ Джагатая или Загатая, сына Чингисъ-ханова, которому сей послѣдній отдалъ ее въ удѣлъ“. По свидѣтельству Контарини, по изд. 1836 г., 188 (р. п., 128), владѣнія Узунъ-Гассана соприкасались съ страною Джагатаевъ (Zagatai).

О городѣ Танѣ (она называлась также Азакъ). см. „Путешествія *Ивана Шильтбергера* по Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ 1394 г. по 1427 г.“, перев. *Ф. Брунъ*, Зап. Новороссійскаго университета, т. I, Одесса, 1867 г., стр. 56, пр. 2.

Европы господствовали Куманы, то есть Половцы. Они, какъ догадываются, владѣли и частью Крыма и, можетъ быть, даже и здѣсь имѣли города [3]).

По извѣстіямъ Барбаро, равнины Крымскаго полуострова, принадлежащія Татарамъ, были довольно населены, и они могли въ случаѣ нужды, выставить до 4000 всадниковъ. Татары владѣли на островѣ двумя, не слишкомъ, впрочемъ, значительными укрѣпленіями: а именно Сольгати (Solgathi), который природные жители называютъ Крымомъ (Chirmia), то есть крѣпостію, и Керкіарде (Cherchiarde), чтó на Татарскомъ языкѣ значитъ сорокъ мѣстъ.

Сольгати, Крымъ — нынѣшній Старый Крымъ, заштатный городъ Таврической губерніи, Θеодосійскаго уѣзда, при рѣкѣ Чурукъ-су, въ 66 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Симферополя, по направленію къ Θеодосіи.

Керкіарде, Киркоръ, нынѣ Чуфутъ-Кале, предмѣстье Бахчисарая. Киркъ-еръ, замѣчаетъ Ф. Брунъ, значитъ „Сорокъ мѣстъ". „какъ явствуетъ изъ обнародованнаго Березинымъ ярлыка хана Токлукъ Тимура, 1497 года. И нынѣ еще Бахчисарайскіе Караимы такъ называютъ опустѣвшій городъ Чуфутъ-кале, занимающій явно мѣсто сего Киркъ-ера, который затѣмъ былъ одной изъ резиденцій хановъ крымскихъ, хотя отъ прежняго его величія мало сохранилось слѣдовъ. Поэтому мнѣ казалось, что Барбаро не ошибся, когда, упоминая о городѣ Cherchiarde, прибавляетъ, что это названіе значило „Quaranta luoghi", а не сорокъ мужей, какъ полагалъ Абульфеда, въ слѣдствіе ошибочнаго чтенія тюркскаго названія города: Киркеръ вмѣсто Киркъ-еръ".

[3]) *Барбаро*, 90—91 (р. п., 48). Упомянувъ о томъ, что Кафа называлась Хазаріей, авторъ замѣчаетъ: „и до сихъ еще поръ аршинъ, употребляемый въ Танѣ и другихъ сосѣдственныхъ странахъ, сохранилъ названіе Хазарскаго аршина".

Библ. иностр. писателей, 1836 г., 50-е прим. къ извѣстіямъ Барбаро, стр. 137; 17-е прим., стр. 114—115: „на картѣ Пицигани Куманія находится на лѣвомъ берегу Азовскаго моря". Куманами назывались Половцы. О нихъ см. Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. 4 *(Марко-Поло)*, стр. 57—58, 51. „Черноморье," *Ф. Бруна*, I, 21; II, 131, 129: имя Команы заимствовано Эдриси у итальянскихъ моряковъ. „Исторія Россіи," *Д. Иловайскаго*, I, 307, пр. 42; II, 525, пр. 13. „Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ", *Пл. Бурачковъ*, Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн., т. X, Одесса, 1877 г., стр. 118—119: „на древнѣйшей Итальянской картѣ 1351 г. на мѣстѣ Крыма показана Хазарія".

На Крымскомъ же полуостровѣ принадлежали турецкому султану слѣдующіе города, упоминаемые Барбаро:

1) Cherz, Керчь, извѣстный Венеціанамъ подъ именемъ Босфора Киммерійскаго.

2) Capha, Кафа (съ XVIII вѣка получила названіе Өеодосіи).

3) Soldadia, Судакъ. Нынѣ мѣстечко Өеодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи, на берегу Судакской бухты Чернаго моря, въ 83 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ древнѣйшее время этотъ городъ былъ извѣстенъ Русскимъ подъ именемъ Сурожа.

4) Grusui. Нынѣ Гурзуфъ или Урзуфъ, къ сѣверо-востоку отъ Ялты, въ 8 верстахъ отъ нея въ прямомъ направленіи.

5) Cimbalo. Нынѣ Балаклава, мѣстечко близъ южной оконечности Крыма, Ялтинскаго уѣзда, въ 71 верстѣ на западъ отъ Ялты и въ 12 верстахъ на юго-востокъ отъ Севастополя.

6) Sarsona. Этотъ городъ извѣстенъ нашей лѣтописи подъ именемъ Корсуни, а у восточныхъ писателей подъ именемъ Сары-кермана (то есть Желтой крѣпости), отъ которой „уцѣлѣли одни только слабые слѣды“.

7) Calamita. Нынѣ Инкерманъ, урочище Симферопольскаго уѣзда, въ 2 верстахъ отъ впаденія Черной рѣчки въ Севастопольскую бухту, въ 6 верстахъ отъ Севастополя [4]).

На западъ отъ Забакскаго (Азовскаго) моря простирались, по

[4]) *Барбаро*, 91 (р. н., 49—50). О городахъ крымскихъ см. „Крымскій Сборникъ,“ *Петра Кеппена*, С.-Пб., 1837 г., стр. 338—346: Солгатъ, Старый Крымъ; стр. 311—316: Киркель, Керкіардъ (у *Контарини*, Chercher, стр. 138; р. н., 26); стр. 97—98, прим. 143: Воспоръ, древняя Пантикапея, нынѣ Керчъ; стр. 99: Кафа (Өеодосія); стр. 113—136: Судакъ (стр. 116: „У Византійцевъ Судакъ, какъ въ VIII, такъ и въ XIII вѣкѣ еще назывался Сугдаею. Сократитель писавшаго въ 1153 году Шерифа Эдризія имепуетъ его Шолтадіею, согласно съ чѣмъ какъ Марко-Поло, такъ и Іосафатъ Барбаро пишутъ Soldadia“); стр. 177: Гурзуръ или Урзуфъ; стр. 210—227: Балаклава (стр. 211—212: „Названіе Συμβόλων λιμὴν (Portus symbolorum), которое Страбонъ даетъ Балаклавскому заливу, въ послѣдствіи времени было измѣнено Италіанцами въ Cembalo или Cembaro“); стр. 228—235: Херсонисъ, Корсунь, Сары-Керманъ; стр. 324, пр. 480: Каламита. „Тунманъ говоритъ объ Алмѣ или Алмасараѣ, небольшомъ городѣ при р. Алмѣ, съ жилищемъ ханскимъ, который яко бы во времена Генуэзцевъ назывался Каламитою“.

Въ Библ. пн. писат., 1836 г., стр. 142, пр. 60: развалины Каламиты „и доселѣ еще видны между Симферополемъ или Бакчисараемъ, на берегу рѣки Альмы“. Но *Брунъ*, „Черноморье“, I, стр. 227, не сомнѣвается въ томъ, что Каламита—итальянское названіе Инкермана; II, 135 (гор. Киркеръ); I, 193—194

указаніямъ Барбаро, Готѳія (Gothia) и Аланія (Alania)—до Монкастро (Аккерманъ).

Готѳы, населяющіе Готѳію, замѣчаетъ онъ, „говорятъ языкомъ Нѣмецкимъ. Я это знаю потому, что имѣлъ при себѣ служителя Нѣмца, который говорилъ съ ними, и они также хорошо понимали другъ друга, какъ у насъ житель Форли (городъ въ Италіи) понимаетъ Флорентинца“ [5]).

Имя Аланіи Барбаро производитъ отъ первобытныхъ ея обитателей Аланъ, называвшихъ себя Асами (As) и исповѣдовавшихъ христіанскую вѣру. Они, по его любопытному свидѣтельству, были покорены Готами, смѣшались съ ними и стали называться Готѳаланами (Gothalani). Къ тому же племени Аланскому Барбаро, какъ

(гор. Сугдея); II, 121—158, „Матеріалы для исторіи Сугдей“; I, 70—71 (откуда названіе Балаклава), 204 (Чембало, Cimbalum отъ Симболонъ); I 60—68, 171: II, 227 (Херсонъ).

„Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, *Николая Мурзакевича*, Одесса, 1837 г., стр. 59—извѣстія о городѣ Солдаіѣ (Судакѣ) польскаго писателя Мартина Броневскаго (XVI в.); 60—61—гор. Ямболи (Чембало) былъ взятъ Генуэзцами въ 1434 г., и они учредили здѣсь католическую епископію. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 810; IV, 774; I, 195; II, 339. См. въ Библ. иностр. писателей, 1836 г., прим. 60 къ извѣстіямъ Барбаро, стр. 141—142.

Къ ордѣ Крымской должно быть отнесено слѣдующее замѣчаніе Барбаро, стр. 80 (р. п., 28): „Я полагаю и даже твердо увѣренъ, что когда вся она соберется вмѣстѣ, то составитъ около 300,000 душъ. Это предположеніе основываю я на томъ, что часть ея... находилась прежде во власти Улу-Махмета“.

[5]) *Барбаро*, 94 (р. п., 53): „dritto dell' Jsola di Capha d'intorno, ch'è su'l mar maggiore, si truova la Gothia et poi l'Alania, la qual va per l'isola verso Moncastro“; 69 (р. п., 6): границы Татаріи „dalla parte d'ostro, laqual guarda verso il mar maggiore, l'Alania, Cumania, Gazaria: i quali luoghi tutti confinano' su l mar delle Zabache, ch'e la palude Meotide“... 90 (р. п., 48): „Scorrendo la detta isola (di Capha) prima su' l mar della Zabacche è la Cumania“. См. пр. 65 на стр. 145—147.

О Крымскихъ Готахъ см. „Крымскій Сборникъ,“ *П. Кеппена*, С.-Пб., 1837 г., стр. 53 и слѣд. (свидѣтельство *Прокопія*): 46—47, прим. 58 (*Рубруквиса)*; 63, прим. 85 (*Бусбека*, бывшаго въ 1562 г. въ Константинополѣ, въ качествѣ посла нѣмецкаго императора). „Русско-Византійскіе отрывки. VII. Житіе Іоанна Готскаго,“ *В. Васильевскаго*, Ж. М. Н. Пр., ч. CXCV, 1878, январь, на стр. 86 перечень наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій о Крымскихъ Готахъ; стр. 94: „Вообще полагаютъ, и совершенно основательно, что утвержденіе Готовъ на Таврическомъ полуостровѣ должно находиться въ связи съ ихъ временнымъ господствомъ на Черномъ морѣ“. А это господство относится ко второй половинѣ III-го вѣка. См. также стр. 112 и слѣд. „Черноморье“, *Ф. Бруна*, ч. II Одесса, 1880 г., стр. 129—195 (письмо епископа неокесарійскаго Григорія, III в.); 212 (папская булла 1333 г.). Ср. стр. 211, 189—194. „Atlas de Mappemon-

видно, относитъ и тѣхъ Асъ или Аланъ, которые обитали на Кавказѣ и были сосѣдями Мингрелъ [6]).

Послѣ извѣстій о Татарахъ наиболѣе видное мѣсто въ сочиненіи Барбаро занимаютъ его данныя относительно Кавказа, собранныя имъ во время путешествія изъ Таны въ Персію. „Отправившись изъ Таны по берегу Забакскаго моря“, сообщаетъ онъ, „прибылъ я, послѣ трехдневнаго пути, въ страну, называемую Кремухъ“ (Cremuch), государь которой, въ случаѣ нужды, можетъ выставить до 2000 всадниковъ. Вѣроятно эту же самую страну, только подъ именемъ Cromuc разумѣетъ и Интеріано, по свидѣтельству котораго она лежала внутри земель, извѣстныхъ подъ именемъ Сихіи или Черкессіи. Такъ называетъ онъ тѣ земли, которыя были населены

des,“ *Santarem*, Paris, 1849, на картѣ *fra—Mauro*, 1459 г., pl. IV, къ з. отъ Крыма на берегу Чернаго моря „Gothia“.

О Готахъ приводитъ свѣдѣнія и *Герберштейнъ*, R. M. C., 114 C, 116 A—B (р. п., 171—173).

[6]) *Барбаро*, 69, 94, 89 (р. п., 6—7, 55—56, 45). Прим. 20 на стр. 116: „Барбаро ошибочно ставитъ Монкастро на берегу Дуная, ибо онъ находится близъ устья Днѣстра, „у впаденія сей рѣки въ Черное море“.

„Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, *Николая Мурзакевича*, Одесса, 1837 г., стр. 70: Окрестности рѣки Днѣстра, „содержащія обильныя соляныя озера, плодородную землю, производящую хорошій и вкусный виноградъ и наконецъ самая рѣка, изобильная рыбою, побудили Генуэзцевъ... основать Монкастро (прозванный потомъ Татарами Аккерманомъ), напередъ обезопасивъ его отъ рѣчныхъ наводненій землянымъ валомъ“.

„Русско-византійскіе отрывки“, *В. Васильевскаго*. Ж. М. Н. Пр., ч. CXCV, 1878 г., январь, стр. 108—109, здѣсь приведены нѣкоторыя любопытныя данныя, свидѣтельствующія о возможности „сожительства и даже сліянія между Германскими или точнѣе Готскими элементами и разными отдѣлами большой Иранской народности Аланъ“ (VI вѣкъ). Эти данныя объясняютъ и свидѣтельство Барбаро о Гот-Аланахъ.

„Черноморье“, *Ф. Бруна*, II, стр. 122, 123, 137: въ письмѣ Марино Санудо къ французскому королю Филиппу VI, отъ 13 октября 1334 г., сохранилось указаніе на то, что въ Крыму обитали Аланe; „еще въ 1384 году въ числѣ спорныхъ между митрополитами херсонскимъ и готѳійскимъ приходовъ упоминается Аланійскій. Слѣдовательно „Барбаро не безъ основанія могъ сказать, что Аланія простиралась отъ Крымскихъ горъ или Готіи до Монкастро, то-есть до Аккермана“. См. также стр. 201, 359. Atlas de Mappemondes *Santarem*, Paris, 1849, на картѣ *fra-Mauro*, 1459 г., pl. IV, къ в. отъ Азовскаго моря—„Asse“ (вѣроятно Асъ или Аланія).

Разсказывая о движеніи Татаръ подъ начальствомъ Науруса отъ Астрахани къ берегамъ Азовскаго моря, Барбаро замѣчаетъ, что одно крыло полчищъ Татарскихъ направлялось къ мѣсту, именуемому Палестра, а другое къ Танаису, къ мѣсту, именуемому Бозагацъ. „Разстояніе между ними составляло около 120 миль“. „Onde un capo di queste genti et animali tocco un luogo,

Черкесами или Зихами и занимали въ XV—XVI вв. болѣе значительное пространство, чѣмъ то, которое занимаютъ въ настоящее время Черкесы, называющіе себя Адиге. Они обитаютъ на сѣверномъ скатѣ Кавказскаго хребта и на равнинахъ Кубанскихъ, начиная отъ Кубани до крѣпости Анапы и отсюда по южному скату хребта, вдоль восточнаго Черноморскаго берега, до земли Убыховъ.

По указаніямъ Барбаро, границы области—Circassia, населенной Черкесами, которые исповѣдывали Греческую вѣру, соприкасались съ Тюменскими равнинами (la campagne di Tumen), находившимися къ западу отъ Астрахани, на пути къ Танаису [7]). Эти равнины

chiamato Palastra, et l'altro capo tocco' il fiume della Tana nel luogo, chiamato Bosagaz, che viene a dire legno berettin. La distantia da uno di questi luoghi all' altro è di miglia 120" (73, p. n., 14). По поводу этого извѣстія Барбаро, г. Брунъ въ статьѣ „Берегъ Чернаго моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV и XV стол.", „Черноморье", ч. 1, Одесса, 1879 г., стр. 82, замѣчаетъ: „Не знаю, почему г. Семеновъ пропустилъ въ своемъ переводѣ поставленныя въ текстѣ послѣ имени Bosagaz слова: „che vienne a dire legno berettin," тогда какъ эти слова явно означали лѣсъ дикаго цвѣта". Далѣе въ статьѣ „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море", „Черноморье", I, стр. 129, г. Брунъ, опредѣляя встрѣчающееся на картахъ XV-го вѣка имя Pallastra, пишетъ: „По свидѣтельству Барбаро, мѣстность, означавшаяся послѣднимъ названіемъ, находилась въ 120 миляхъ отъ Таны или Азова, вверхъ по Дону, стало быть въ окрестностяхъ Стараго Черкасска, гдѣ, по мнѣнію Карамзина, долженъ былъ находиться и Герберштейновъ городъ Ахасъ".

„Если же направимся къ западу отъ Стараго Черкасска въ прямомъ протяженіи 120-ти миль (итальянскихъ), то дойдемъ до окрестностей Маріуполя, въ сосѣдствѣ котораго до нынѣ сохранились развалины, означающія какъ думаютъ, мѣсто, гдѣ находился нѣкогда казацкій городъ Домаха или Адамаха, по картѣ Риччи Цаннони здѣсь же находился въ послѣдствіи городъ Бѣлосарай, по которому и близлежащая коса была названа Бѣлосарайскою".

„По свидѣтельству Тетбу, коса эта нынѣ еще извѣстна итальянскимъ и греческимъ морякамъ подъ названіемъ Болестра, явно тождественнымъ съ именемъ Palastra прежнихъ морскихъ картъ, чѣмъ и доказывается, что имя сіе есть ничто иное, какъ исковерканное иностранными моряками туземное названіе Бѣлосарайской косы".

Свидѣтельство Барбаро передано г. Бруномъ невѣрно. Барбаро замѣчаетъ, что разстояніе между Палестрою и Бозагацъ 120 миль, а не указываетъ на то, что Палестра находилась въ 120 миляхъ выше Таны. Да и г. Брунъ пріурочиваетъ Палестру къ окрестностямъ Маріуполя, который находится къ западу отъ Азова, въ 135 вер. отъ него, по прямому направленію. Старый Черкаскъ лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Азова, въ 45 вер. отъ него, по прямому направленію.

[7]) *Барбаро*, 88--89, 73, 94 (p. п., 44, 14, 56). Прим. 49 на стр. 137: „По сходству произношенія можно бы было полагать, что Кремукъ есть нынѣшній

(нынѣшняя Калмыцкая степь, на юго-западѣ Астраханской губерніи и въ губерніи Ставропольской) были извѣстны Русскимъ въ первой половинѣ XVI столѣтія, и въ книгѣ Большой Чертежъ сохранились слѣдующія данныя относительно Тюмени:

Двадцать верстъ ниже Вспольной Быстрой, протока рѣки Терка, потекла протокомъ рѣка Тюменка. „Протоку до Хвалимскаго моря Тюменки рѣки 130 верстъ“. „А на усть рѣки Тюменки градъ Тюменской“.

Въ 1586 г. Грузинскіе послы говорили про дорогу на шевкала или шахмала, какъ называли главнаго князя дагестанскаго: „итти

Темрюкъ, если бы *Интеріано*, писатель, современный Барбаро, не говорилъ
положительно, что страна эта находится внутри земель, извѣстныхъ подъ име-
немъ Сихіи или Черкесіи: Et loro maggiore et migliore loco una vè alle me-
diterranea, piccola, chiamata Cromuc (см. прим. 32). Въ другихъ же путеше-
ственникахъ названіе Кремуха нигдѣ не встрѣчается, а потому объясненіе
этой загадки предоставляю людямъ, болѣе меня свѣдущимъ въ географіи Сред-
нихъ вѣковъ“. *Interianus Georgius*, по изд. 1502 г. въ Венеціи, стр. Aiii.

„Reise in den Kaukasus und nach Georgien von *Julius* von *Klaproth*, 1 B.,
Halle und Berlin, 1812 г., стр. 593—594, 504: Грузины называютъ Черкесъ
Джиками; 558: слово Черкесъ татарскаго происхожденія и составилось изъ
словъ: tscher—дорога и kessmek—отрѣзать, отнимать. Слово Черкесъ слѣдо-
вательно, по толкованію Клапрота, означаетъ человѣка, который разбойни-
чаетъ по дорогамъ. Стр. 559: „Die Tscherkessen waren sonst weit mehr nach
Norden zu ausgebreitet, und ihre Weideplätze gingen bis über die Kuma heraus.
Ja noch vor etwa vierzig Jahren holten die Nogay, Kumücken, Teherkessen und
Abassen jährlich ihr Salz aus dem, nördlich von der Mündung dieses Flusses
liegenden Salzsee Dshanseit, womit sie das ganze Gebirge versorgten“... „Durch
die Ausbreitung der Russen aber, und vorzüglich durch die 1777 erfolgte Anlage
der Caukasischen Linie, sind sie sehr eingeschränkt, und jenseits des Tereks,
der Malka und des Ekuban zurückgedrangt worden“.

Путешествіе Шильтбергера, Ф. *Бруна*, Зап. Новорос. унив., I, 58, прим.
5: „Сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря Шильтбергеромъ (XIV—XV в.)
названъ Starchas, по имени Черкесъ или Черкасъ, подъ которымъ этотъ на-
родъ уже является у Плано—Карпини. Абулъ-Феды. Барбаро и другихъ. Въ
старину Черкесы болѣе были извѣстны подъ именемъ Казаковъ и Зиховъ, со-
ставлявшихъ двѣ вѣтви одного и того же народа. Въ пользу тождества Зиховъ
съ Казаками или Черкесами ссылаются, обыкновенно, на свидѣтельство Георгія
Интеріано, посѣтившаго ихъ край въ 1502 году и выражающагося слѣдую-
щимъ образомъ: Zychi in lingua vulgare, graece et latina, cosi chiamati et da
Tartari et Turchi dimandati Circassi. Но гораздо прежде, чѣмъ итальянскимъ
путешественникомъ, тождество Зиховъ и Черкесовъ признано Шильтбергеромъ:
въ LVI гл. онъ говоритъ, что Турками „Sygun“ были названы „Tserchas“.

О Зикахъ упом. въ соч. Прокопія о Готской войнѣ; о Керкетахъ (Чер-
кесахъ)—въ Периплѣ Чернаго моря (VI в.). „Русско-Византійскіе отрывки“,
В. Васильевскаго, Ж. М. Н. Пр., 1878 г., январь, стр. 104, 108. „Краткій об-

съ Терки до Тюмени конному съ днище, а пѣшему два дни; а отъ Тюменскаго до шевкала, до города Тарки, два жь дни“ [8]).

За Кремухомъ, пишетъ Барбаро, обитаютъ разные пароды, въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, какъ-то: 1) Киппики (Chippiche); 2) Татакозцы (Tatacosia); 3) Собайцы (Sobai); 4) Кевертейцы (Chevertheі) и 5) Асъ или Аланы, земли коихъ простираются на 12 дней пути, вплоть до самой Мингреліи [9]).

Въ этомъ перечнѣ племенъ, обитающихъ за Кремухомъ, могутъ быть опредѣлены только нѣкоторыя.

„Киппики, вѣроятно ближайшіе къ Черному морю, съ котораго Барбаро начинаетъ свое описаніе, должны быть нынѣшніе Шапсуги“ (у Клапрота Шапшики или Шапсики), обитающіе къ югу отъ Екатеринодара. Въ этомъ предположеніи, говоритъ В. Семеновъ, „еще болѣе удостовѣряетъ меня названіе одной рѣки, протекающей въ землѣ Шапсуговъ, по имени Шибикъ“ (у Клапрота Чибикъ).

зоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ“, *Берже*, Кавказскій календарь на 1858 г.. Тифлисъ, 1857 г., стр. 278—279: „Черкесы, называющіе себя Адиге, населяли въ древнія времена западную сторону Кавказа и Крымскій полуостровъ и были извѣстны Грекамъ подъ именемъ Ζυχοί“. „По преданіямъ, сохранившимся у Осетинъ. Черкесы до прихода изъ Крыма Кабардинскихъ князей (въ VII стол.) назывались Казахами—имя, которое они удержали за собою и въ устахъ Мингрельцевъ и теперь еще называющихъ ихъ „Казахъ-мепе“, то-есть царями Казаховъ. Съ этимъ согласуется и свидѣтельство Константина Багрянороднаго, который называетъ землю Черкесъ, прилегающую къ Черному морю, Сихіею, а выше лежащую сторону Казахіею, которая граничитъ съ землею Алановъ или Осетинъ“. Стр. 280—о мѣстожительствѣ Черкесъ въ настоящее время.

„Живописная Россія“, т. IX, Кавказъ, С.-Пб., 1883 г., очеркъ IV: „Горныя племена Кавказа“, *Ад. Берже*, стр. 70—перечень Черкесскихъ племенъ. См. также „Этнографическую карту Кавказскаго края“, сост. главный редакторъ Кавказскаго Статистическаго Комитета *Н. К. Зейдлицъ* (печат. въ картогр. заведеніи Ильина, въ С.-Петербургѣ).

[8]) Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 64. См. прим. 51 на стр. 243. *Карамзинъ*, VII, прим. 301 (дѣла Крым., XVI стол.); X, прим. 117. Библ. иностр. писателей, 1836 г., 31-е прим. къ изв. Барбаро, стр. 121. Тюменскія равнины Контарини называетъ равнинами Черкессіи. 169 (р. п., 90) (le campagne della Circassia). Никон. лѣт., VII. 220. 1554 г. Языки говорили русскимъ воеводамъ, посадившимъ на астраханскій престолъ царя Дербыша, что его предшественникъ царь Емгурчей бѣжалъ въ Тюмень. „И воеводы по тѣмъ языкамъ воротилися къ морю, и тѣ дороги всѣ объѣхали, куды было царю въ Тюмень бѣжати“ (220). „А про царя Емгурчія сказали асторохапскіе люди, что побѣжалъ въ Азовъ... А посылки отъ воеводъ были по всей земли асторохапской и которые бѣжали Асторохапцы на море на островы, тѣхъ всѣхъ доѣзжали и въ городъ приводили, и послѣднихъ людей угонили за днище отъ Тумени“...

[9]) *Барбаро*, 89 (р. п., 45).

По свѣдѣніямъ Клапрота, они составляютъ отдѣльную вѣтвь Черкесскаго племени, но въ значительной степени утратили особенности своей національности и подверглись смѣшенію съ другими племенами, что объясняется господствующимъ у Шапсуговъ обычаемъ принимать всякаго бѣглеца.

Кевертеи—можетъ быть Кабарда, одно изъ значительнѣйшихъ племенъ Черкесской вѣтви, обитающее въ области р. Терека.

Асъ или Алане—нынѣшніе Осетины [10]).

Мингрелія (Mengrelia), пишетъ Барбаро, граничитъ съ Кайтаками (Caitacchi), народомъ, обитающимъ близъ хребта Каспійскаго,

[10]) Библіотека иностр. писателей о Россіи, 1836 г., 53 прим. *В. Семенова* къ соч. Барбаро, стр. 138. Татакозія, замѣчаетъ авторъ, „есть, вѣроятно, нынѣшнее племя Темиргойцевъ, и Бесленейцевъ, ибо въ странѣ послѣднихъ, на рѣкѣ Урупѣ, находятся по сю пору два селенія, напоминающія нѣсколько названіе Татакозіи, а именно Татархане и Тазлахтула. *Форстеръ*, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden, Frankfurt an der Oder, 1784, стр. 206, полагаетъ; что Татакозія есть не что иное, какъ Татартупа; но съ этимъ согласиться невозможно, ибо Татартупа лежитъ гораздо далѣе на Терекѣ и не составляетъ особенной области или племени. Къ тому же Барбаро конечно бы упомянулъ о ней послѣ Кабарды, если бы подъ именемъ Татакозіи разумѣлъ Татартупу". „Собаи (вѣроятно тѣ самые, которые у Плано-Карпини, въ числѣ народовъ, покоренныхъ Татарами, названы Собоаль, (*Языковъ*, Пут. къ Татар., стр. 191) можетъ быть нынѣшніе Абазы". Всѣ эти догадки имѣютъ очень шаткія основы.

Klaproth, I, 470—471 (Schapschik, Шапсуги); 66—70 (Оссетины, Алане); II, 577--616. О томъ, что подъ именемъ Аланъ слѣдуетъ разумѣть Осетинъ см. также въ Библ. иностр. писателей, 1836 г., 16 прим. къ извѣстіямъ Барбаро, на стр. 113—114; Славянскія древности, *Шафарика*, т. I, кн. 2, М., 1848 г., стр. 130 и слѣд., 137--139. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 384—385; III, 713—715.

„Живописная Россія". подъ ред. *П. Семенова*, т. IX (Кавказъ), С.-Пб. 1883 г., очеркъ IV, „Горныя племена Кавказа", *Ад. Берже*, стр. 70: Шапсуги населяли „долины по рѣкамъ Убинъ и ея притокамъ, терявшимся въ болотахъ, не достигая Кубани". „Кабардинцы (Кабертай), не примыкавшіе непосредственно къ соплеменнымъ имъ отраслямъ Черкескаго народа, населяютъ Большую Кабарду, лежащую между Малкою и Терекомъ и примыкающую на югѣ къ Осетинамъ, и Малую Кабарду, разстилающуюся на правомъ берегу Терека до предгорій и береговъ рѣки Сунжи". Стр. 71: Осетины (Иронъ) принадлежатъ къ Иранскому племени и подраздѣляются на Дигорцевъ, Валаджирцевъ, Куртатцевъ и Тагаурцевъ. „Осетины расселились по верховьямъ рѣкъ Арагвы и Терека, на протяженіи Военно-Грузинской дороги, и по смежнымъ съ нею ущельямъ, затѣмъ въ сѣверной нагорной части Горійскаго уѣзда, по рѣкамъ Большой и Малой Ліахвѣ, и на сѣверномъ Кавказѣ, по рѣкамъ Фіагдону и Ардону, и по смежнымъ мѣстностямъ". Р. Фіагдонъ означена на Этногр. картѣ Кавказа, *Н. К. Зейдлица*.

частію близъ Грузіи (Zorzania), Чернаго моря и тѣхъ горъ, которыя проходятъ черезъ Черкассію. Мингрельскій государь владѣетъ двумя крѣпостями на Черномъ морѣ: Вати (Vathi) и Севастополемъ (Sevastopoli) и нѣсколькими другими крѣпостцами [11]).

Кайтаки и Каракайтаки, по опредѣленію Клапрота, обитаютъ близъ р. Дербаха и Табасеранскаго хребта [12]).

О городѣ Vati (Liati, Varti), находившемся въ зависимости отъ мингрельскаго владѣтеля, упоминаетъ и Контарини. 29 іюня, сообщаетъ онъ, мы прибыли въ Вати, отъ котораго оставалось до Фазиса не болѣе 60 миль; 1 іюля—къ устью Фазиса (Fasso); 2 іюля —въ городъ Asso, въ другомъ мѣстѣ сочиненія того же автора названный Fasso.

---

[11]) *Барбаро*, 89: „Questa Mengrelia confina con Caitacchi, che sono circa il monte Caspio, et parte con la Zorzonia, et co'lmar maggiore et con quella montagna che passa nella Circassia et da un lato ha un fiume, chiamato Phaso, che la circonda et viene nel mar maggiore" (такъ и въ изд. „Secondo volume Delle Navigation ei viaggi, raccolto gia da M. *Gio. Battista Ramusio*, Venetia, 1574, стр. 96 об.). Въ русскомъ переводѣ допущены ошибки и неточности, на стр. 45: Мингрелія граничитъ съ Кайтаками, „народомъ, занимающимъ все пространство между Мингреліей и Каспійскимъ моремъ; частію же съ Грузіею, Чернымъ моремъ, хребтомъ горъ, тянущихся по Черкассіи, и рѣкою Фазисомъ, впадающимъ въ Черное море" (ср. Gesch. d. Entdeck. u. Schiffahrten von *Forster*, 206). Мингрелія, замѣчаетъ Барбаро (88, р. н., 44), была извѣстна подъ именемъ Колхиды (Colcho). Прим. 48 на стр. 136: Колхида „заключала въ себѣ всю нынѣшнюю Имеретію, Мингрелію и Гурію". Имя Zorzania встрѣчается у *Марко-Поло*, кн. 1, гл. 4. Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. 4, стр. 54, прим. 45: „Подъ Zorzania надобно разумѣть Грузинское царство; z вм. мягкаго g принадлежитъ старинному венеціанскому нарѣчію"...

„Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи", *Платона Іоселіани*, Тифлисъ, 1850 г., стр. 31—32: „Батуми или Бато. Древнее укрѣпленное мѣсто, на берегу Чернаго моря, съ гаванью, въ прежнихъ предѣлахъ Имеретіи. Торговыя сношенія съ Греками и Мало-Азіатскими купцами подали случай царю Баграту IV образовать здѣсь городъ въ началѣ XI в.". Затѣмъ, сообщивъ извѣстія Барбаро и Контарини, авторъ замѣчаетъ: „Путешественники грубо ошибаются, называя Батумъ городкомъ Мингреліи, а владѣльца его Горболею. Изъ исторіи извѣстно, что въ это время Батумомъ владѣлъ Ахалцыхскій Атабекъ, именовавшійся Кваркварою. Этотъ Кваркварa есть искаженное Итальянцами Горбола и Горгора".

[12]) „Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus" von *Julius* von *Klaproth*, Weimar, 1814, III, 155 и слѣд. Стр. 156: „Jn Süden macht der Fluss Derbach und der hohe Gebirgsrücken von Thabasseran seine Gränze mit diesem Lande. Die Ebene an der Seeküste, welche von Norden nach Süden bis zum Flusse Derbach immer breiter wird, ist gröstentheils von kleinen Tatarischen Horden der Tereckameh bewohnt. Die Ckaitack haben ihre Dörfer westlicher zwischen den Flüssen Hhamrü—Osen und Buam und die Ckarackai-

Эти извѣстія дозволяютъ пріурочить названіе Вати, находящееся также и на картѣ Висконте, 1318 г., къ городу Батуму, отстоящему отъ устья Ріона (Фазиса) на 55 вер. (по к. Геогр. Общ.), по прямому направленію. Городъ Asso или правильнѣе Fasso (на картѣ Висконте 1318. г.—Faxo; на к. Луксоро, начала XIV в.,—Lofaxio; на к. безъименной, 1351 г.,—Fasso; на к. бр. Пицигани, 1367 г.,—Faxio)—древній Фазисъ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ. Полагаютъ, что этотъ городъ находился въ 3 верстахъ отъ нынѣшняго Поти, портоваго города Мингреліи, подъ 42° 8′ сѣв. шир. и 59° 19′ вост. долготы, на восточномъ берегу Чернаго моря, при впаденіи въ него р. Ріона, около озера Палеостома и рч. Молтавки. Дюбуа де Монпере думаетъ, что названіе Поти есть испорченное Мингрельцами греческое Фазисъ, сохранившееся лучше въ языкѣ Турокъ—Калафашъ, какъ называли они Поти.

Тоже принадлежавшій владѣтелямъ мингрельскимъ Севастополь (Sevastopoli) находился, какъ полагаютъ, на мѣстѣ нынѣшняго Сухумъ-Кале, подъ 42° 59′ сѣв. шир. и 58° 40′ вост. долготы [13]) (древняя Діоскурія).

---

tack oder schwarzen (armen) Ckaitack wohnen südlich von ihnen, am Derbach"... Стр. 157: Die Araber im Mittelalter nannten den östlichen, ja selbst den ganzen Kaukasus Berg der Chaitack". Стр. 159: „Die Sprache der Chaitack und Ckarackaitack kommt mit der Ckasi-Ckumückischen überein, und ist mit vielen Tatarischen Wörtern vermischt". *Карамзинъ*, VI, пр. 629 (хожденіе Аѳанасія Никитина). Библіотека иностр. писат., 1836 г., 52 прим., стр. 139. „Die Völker des Kaukasus" von *Friedrich Bodenstedt*, 1 B., Berlin, 1855, 300—332, „Das Volk der Dido oder die Lesghierstämme"; стр. 318, Kara-Kaitach (Kaidagh) (*Massoudi* bei *D'Ohsson*, „Des peuples du Caucase," Paris, 1828, стр. 19: „A une petite distance, au nord du Derbend on entre dans la principauté de Khaidac, qui releve du Khacan des Khazares").

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею, т. II, Тифлисъ, 1868 г., стр. 775—777, 1802 г., документы, относящіеся до сношеній кн. Циціанова съ Каракайтахами (въ числѣ волостей, ими занимаемыхъ, упом. на стр. 777: Баши-Каракайтахъ, Тами, Терекемэ). См. также, т. I, Тифлисъ, 1866 г., стр. 644. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 432: Кайтаго-Табасаранскій округъ находится въ сѣверной части южнаго Дагестана. На „Картѣ Кавказскаго края," изд. при Генеральномъ Штабѣ „Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса," Тифлисъ, 1842 г., Кайтахъ обл., 42° с. ш., 65°—66° в. долготы. „Кавказскій календарь на 1858 г.", Тифлисъ, 1857 г., отд. 3, „Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ", ст. *Ад. Берже*, стр. 270—271, упом. Каракайтахъ пл. въ числѣ племенъ Лесгинской вѣтви.

[13]) *Контарини*, по изд. 1836 г., 140—141, 160 (р. п. 29—31, 71). Тамъ же, къ соч. Барбаро прим. 54 на стр. 139. Географія *Страбона*, перев. *Ѳ. Г. Ми-*

Въ томъ же Путешествіи Барбаро упоминаются еще слѣдующіе города:

а) въ Грузіи—Тифлисъ, прекрасный городъ, но мало населенный, и крѣпость Гори, прилежащая къ Черному морю.

б) близъ Каспійскаго моря Дербентъ и Страва [14]) (Астрабадъ).

в) въ сѣверо-восточной Руси: Москва (Moscho), Рязань (Risan), Коломна (Colona) (эти два города лежатъ на пути къ столицѣ Московіи) и Новгородъ (Nouogrodia, Nouogradia), въ 8 дняхъ пути отъ Москвы. Коломна, сообщаетъ онъ, подобно Рязани, укрѣплена деревянными стѣнами. Внутри Москвы протекаетъ рѣка, на которой построено нѣсколько мостовъ. Замокъ въ ней „расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами“.

На сѣверъ отъ Казани живутъ Moxii, подъ которыми, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть Мокшанъ, составляющихъ особую вѣтвь Мордовскаго племени [15]).

Изъ городовъ Польско-литовскаго государства упомянуты въ обозрѣваемомъ Путешествіи тѣ, которые лежали на пути отъ границы литовской къ западной границѣ Польши:

шенка, М., 1879 г., стр. 508 (кн. XI, гл. 2, § 17). „Черноморье“, *Ф. Бруна*, II, „Топографическая таблица восточнаго берега Чернаго моря“. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 196, 807. „Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ“, *Семена Броневскаго*, ч. 1. М., 1823 г., 298. „Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée par *Frédéric Dubois de Montpéreux*, t. III, Paris, 1839, стр. 66; I, 278, 306—321. См. въ приложенномъ къ этому соч. Атласѣ, pl. XI. „Tauride, Caucase et Arménie de Strabon“, „Carte, composée et dessinée par Frederic Dubois“; pl. XVI, Fragment de la carte marine, dessinée en 1497. На этой картѣ означены: гор. Sauastopoli; рѣка Faxio.

[14]) *Барбаро*, 99, 70 (р. п., 65, 8). На стр. 65: „Въ числѣ городовъ замѣчательнѣе всѣхъ Тифлисъ“; въ подл. „ha una terra chiamata Tiflis“; „la quale e buona terra, ma male habitata“ (у *Рамузіо*, II, 98 об.). Прим. 80, на стр. 156: „Гори на р. Курѣ въ Карталиніи, находится весьма далеко отъ моря“. *Forster*, 217, указываетъ на Gonich (крѣпость Гуніе, близъ Батума).

[15]) *Барбаро*, 95, 97 (р. п., 57—58, 60—61); прим. 75 на стр. 155. На стр. 95: Per il fiume (Erdil) a contrario d'acqua si puo navigare infino appresso il Moscho, terra di Rossia, a tre giornate“; р. п., стр. 57: „Вверхъ по Эрдилю легко можно въ трое сутокъ доплыть до Москвы, столицы Россіи“. „Черноморье“, *Ф. Бруна*, II, 281: Барбаро подъ словами „il Moscho, terra di Rossia“ разумѣлъ не „Москву, столицу Россіи, какъ переводитъ г. Семеновъ, но владѣнія великаго князя московскаго“... Никон. лѣт., VI, стр. 231, 1525 г. (7033): государь „послалъ дѣлати Коломна городъ каменъ“. Стр. 245, 1531 г. (7039): „додѣланъ бысть градъ камень Коломна“.

1) Trochi, Троки, крѣпость, до которой дорога изъ Москвы тянется чрезъ лѣса и горы, представляя видъ совершенной пустыни.

2) Lonin (по всей вѣроятности Слонимъ), крѣпость, въ разстояніи 9 дней пути отъ Трокъ. Дорога отъ Слонима, до Трокъ „также идетъ чрезъ лѣса и горы", но на этой дорогѣ попадаются селенія.

3) Varsonich, Варшава, которую Барбаро, по ошибкѣ, помѣщаетъ въ землѣ Литовской. Страна [лежащая на пути отъ Слонима къ Варшавѣ] отличается плодородіемъ (il paese e abbondante), имѣетъ довольно много (assai) крѣпостей и селеній, не слишкомъ, впрочемъ, значительныхъ.

4) Mersaga, Мезиречь, „довольно хорошій городъ", которымъ оканчиваются польскія владѣнія.

Отъ Москвы до границъ Польши считается 22 дня пути; отъ Трокъ до Польши не болѣе 7 дней пути [16]).

XXX.

Извѣстія Контарини о народахъ и городахъ Восточной Европы.—Татарія.—Ея границы.—Орда, кочующая между Волгою и Танаисомъ.—Гор. Цитрахань (Астрахань).—Племя Татарское, кочевавшее на сѣверо-востокѣ, за Волгою.—Торговыя сношенія Астрахани съ Москвою. —Города па Крымскомъ полуостровѣ: Керкеръ (Киркоръ, нынѣ Чуфутъ-Кале) и Кафа (нынѣ Ѳеодосія). —Торговля Кафы.—Города на Кавказѣ: Fasso (Asso, Фазисъ), Vati (Liati, Varti, Батумъ), Кальтихея, Calcican (Халцихапъ, Ахалцыхъ). Тифлисъ (Tiphis), Кутаисъ (Cotachis, Cotatis), Гори (Gorides).—Замокъ Скандеръ.—Владѣнія Сивансы и Мидія. Гор. Шамаха (Sammachi), Дербентъ. — Безъименный городокъ на пути отъ Шамахи до Дербента (можетъ быть Багель или Суратъ).

Путь отъ Астрахани къ Москвѣ.—Гор. Рязань (Resan), Коломна (Colonna), Москва —Инородцы, обитающіе на сѣверо-востокѣ Московіи.—Путь отъ Москвы до западной границы Польши.—Города на этомъ пути: 1) Вязьма (Viesema); 2) Смоленскъ (Smolenscho); 3) Троки (Trochi); 4) Jonici (быть можетъ Слонимъ); 5) Варшава; 6) Polonia (Плоцкъ?); 7) Мезиречь (Messariza). — Путь отъ города Мезерица до Таны.—Города на этомъ пути: а) въ предѣлахъ Польши: 1) Познань (Posnamo); 2) Ленчица (Lancisia); 3) Люблинъ (Lumberli); б) въ предѣлахъ Малой Россіи: 1) Jusch (Луцкъ?); 2) Aitomir; 3) Beligraoch (Бѣлгородка); 4) Кіевъ (Chio, Магроманъ), его торговля; 5) Черкасы (Cercas).

Дополненіями къ извѣстіямъ Барбаро могутъ служить близкія къ нимъ по времени и довольно однородныя по своему содержанію,

---

[16]) *Барбаро*, 97—98 (р. п., 62—63) ср. у *Контарини*, 185; р. п., 122. Укажемъ на слѣдующія неточности въ русскомъ переводѣ, по изд. 1836 г., 62: страна, находящаяся между Слонимомъ и Троками „уже болѣе населена"; въ подл., 98: „ma insieme etiandio alcuni casali". Стр. 63: страна, находящаяся между Слонимомъ и Варшавою, „усѣяна множествомъ крѣпостей и селеній"; въ подл., 98: „ha castelli et casali assai". Стр. 63: „отъ Трокъ до Польши считается не болѣе 6 дней пути"; въ подл., 98: „da Trochi in Polonice sono giornate sette" (у *Рамузіо*, II, 98)

хотя и далеко имъ уступающія, по своему научному значенію, извѣстія Контарини. Юго-востокъ Европы онъ тоже называетъ Татаріей (Tartaria), границею которой на западѣ служитъ рѣка Днѣпръ, отдѣляющая ее отъ Россіи (Rossia); а на югѣ—Дербентъ.

Между Волгою и Танаисомъ, сообщаетъ Контарини, кочуетъ Татарская орда, въ которой народа много, „но большая часть онаго вовсе безполезна, ибо состоитъ изъ женщинъ и дѣтей. Въ цѣлой ордѣ не наберется болѣе 2,000 человѣкъ, вооруженныхъ мечами и луками“; остальные босы и не имѣютъ никакого оружія. Главнымъ торговымъ центромъ этой орды была Астрахань (Citracan), откуда можно было доѣхать до Таны въ восемь дней. Городъ Цитрахань не обширенъ и окруженъ низкою стѣною; небольшіе дома, въ немъ находящіеся, сбиты изъ земли (sono di terra), но кое гдѣ видны еще свѣжіе остатки большихъ зданій, разрушенныхъ, вѣроятно, въ недавнемъ времени.

Особое племя Татарское кочевало за Волгою, къ сѣверо-востоку. „Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса и носитъ названіе дикихъ Татаръ. Племя это, переходя, какъ и всѣ другія, съ мѣста на мѣсто и отъискивая пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозовъ, доходитъ до самой Цитрахани, но не причиняетъ жителямъ ни малѣйшаго вреда; развѣ только кое гдѣ похищаетъ скотъ“ [1]).

Изъ городовъ, лежащихъ на Крымскомъ полуостровѣ, въ обозрѣваемомъ Путешествіи упоминаются: Керкеръ (Киркоръ, нынѣ Чуфутъ-Кале) и Кафа (нынѣ Ѳеодосія). Она ведетъ, замѣчаетъ авторъ, обширную торговлю, имѣетъ значительное, разноплеменное населеніе и славится своимъ богатствомъ [2]).

---

[1]) *Контарини*, по изд. 1836 г., 137, 164, 172—173, 169—170, 173 (р. п., 24, 79, 97—98, 90—92, 98—99). На стр. 24: р. Днѣпръ служитъ границею между Польшею и Татаріею; въ подл., 137: „questa fiumana parte la Tartaria dalla Rossia“. На стр. 98: „остальные совершенно безоружны“; въ подл., 173: „tutto'l resto sono discalzi, senz'arma alcuna“.

На стр. 169—170 (р. п., 91) о томъ, что ханъ астраханскій ежегодно отправляетъ въ Москву посла, которому сопутствуетъ караванъ татарскихъ купцовъ. Сл. Никон. лѣт., VI, стр. 183, 1508 г., „присылаша нагайскіе мурзы пословъ своихъ къ великому князю Василью Ивановичю, государю всеа Русіи, бити челомъ, чтобы пожаловалъ велѣлъ нагайскимъ гостемъ ѣздити къ Москвѣ и съ коньми, и со всякимъ товаромъ“.

[2]) *Контарини*, стр. 138—139 (р. п., 26—27). На стр. 27: городъ Кафа на-

О городахъ Кавказа, преимущественно тѣхъ, которые находятся въ Мингреліи и Грузіи, Контарини сообщаетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ о городахъ Крымскихъ. Мингрельскому владѣтелю принадлежали города:

1) Fasso (Asso), Фазисъ, близъ нынѣшняго Поти.

2) Vati (Liati, Varti), Батумъ.

3) Caltichea, незначительный городокъ на берегу Чернаго моря, производитъ торгъ шелкомъ, грубымъ полотномъ и отчасти воскомъ [3]).

4) Calcican. По мнѣнію В. Семенова,—Ахалцыхъ или Ахалцихъ, при р. Поцховъ—чай, правый притокъ Куры, подъ 41° 39′ сѣв. шир., 60° 38′ вост. долготы.

Въ Грузіи (Giorgiania), по извѣстіямъ Контарини, находились слѣдующіе города:

1) Tiphis, Тифлисъ, „на небольшомъ холмѣ и защищенъ довольно хорошею крѣпостію, выстроенною на другой горѣ, гораздо выше первой“. Прежде онъ „славился своею обширностію, но теперь очень раззоренъ. Впрочемъ тѣ части его, которыя уцѣлѣли отъ разрушенія, довольно населены“. Въ Тифлисѣ—много католиковъ.

селенъ „жителями всѣхъ извѣстныхъ намъ странъ“; въ подл., 139: „et ben habitata di ogni generatione“.

„Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, *Николая Мурзакевича*, Одесса, 1837 г., стр. 35 и слѣд., о торговлѣ Кафы. На востокѣ она имѣла такое же важное торговое значеніе, какое имѣла Генуя на западѣ. Стр. 80: въ 1475 г., когда Кафа была взята Турками, въ ней считалось до 70,000 жителей, въ числѣ которыхъ были Итальянцы, Греки, Армяне, Волохи, Русскіе, Черкесы, Мингрельцы, жители Трапезунта и Скутари („La storia della antica Liguria e di Genova, scritta dal Marcchese *Girolamo-Serra*, Torino 1834, III, 249: „Tutti gli Schiavi, tutti Italiani, i Greci, gli Armeni, i Valachi, Trabisondesi, i Circassi, i Mingreli, e quei di Scutari, in somma settanta migliaia d'anime“).

[3]) *Контарини*, 139, 141, 160; 140, 161 (р. п., 27, 31, 71, 29, 30, 72). Пр. 39 на стр. 186. Имени, которое подходило бы къ имени Калтихея (у *Рамузіо*, II, 114 об. „Caltichea“) мы не нашли на слѣдующихъ таблицахъ: „Tableau comparatif des positions de la côte de la Mer-Noire entre la Kodor et le Phase“, прил. къ соч. „Voyage autour du Caucase“ par *Frédéric Dubois* de *Montpéreux*, t. I, Paris, 1839, стр. 336, и къ соч. *Ф. Бруна*, „Черноморье“, ч. II, Одесса, 1880 г., „Топографическая таблица Восточнаго берега Чернаго моря по периплу Безъименнаго и по компасовымъ картамъ въ сравненіи съ нынѣшними“.

О Батумѣ см. выше въ извѣстіяхъ Барбаро. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 163: Ахалцыхъ при р. Поцховъ — чай. У *Іосселіани*, 28: на скалѣ между рѣками Ахалцихис-Цкали и Ликанис-Цкали, впадающими въ Куръ.

2) Cotachis, Cotatis, Кутаисъ, „небольшой городокъ съ каменною крѣпостію, построенною на горѣ"; (въ этой крѣпости) „находится церковь, по видимому, очень древняя". По указаніямъ Контарини, этотъ городъ лежалъ на дорогѣ, по которой ѣздили изъ Фазиса (отъ устьевъ Ріона) въ Тифлисъ и къ границамъ Арменіи. И въ настоящее время Кутаисъ, расположенный по обоимъ берегамъ р. Ріона, подъ 42° 16′ сѣв. шир. и 60° 22′ вост. долг., находится на важнѣйшемъ трактѣ, ведущемъ изъ Тифлиса въ Поти.

3) Gorides, расположенъ на равнинѣ, съ деревянною крѣпостью на холмѣ, и орошается значительною рѣкою. Его мѣстоположеніе довольно красиво (assai convenevole). Находится на пути изъ Кутаиса къ границамъ Персіи. На этомъ же пути, по военно-имеретинской дорогѣ, при сліяніи рр. Ліахвы и Меджуды съ Курою, подъ 41° 59′ сѣв. шир. и 61° 21′ вост. долг., находится уѣздный городъ Тифлиской губерніи — Гори, который и слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Gorides. Онъ расположенъ у подошвы почти неприступной, остроконечной горы, на которой находится старинная крѣпость и упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ съ древнѣйшаго времени (VII в.).

Близъ Кутаиса въ Грузіи находился также замокъ Скандеръ (Scander), расположенный на горѣ [4]).

---

[4]) *Контарини*, 142, 158, 142, 159, 162, 144—145 (р. п., 33, 67—68, 69, 75, 38—40, 35). На стр. 163 (р. п., 77)—Avogasia (Абхазія). На стр. 164: Marco Rosso „fece la via di Gorgōra"; р. п., 78: „отправился черезъ Горгору", при чемъ замѣчено, стр. 186, пр. 39: должно полагать, что подъ названіемъ Горгоры Контарини разумѣлъ Гурію. Но на стр. 161: „andar per il paese di Gorgora, signore di Calcican" (р. п., 72); ср. стр. 188 (128).

Іосселіани, „Города существовавшіе и несуществующіе въ Грузіи", стр. 32, указываетъ на то, что Батумомъ владѣлъ въ XV в. Ахалцыхскій Атабегъ, именовавшійся Кваркварою (sic), и это имя и есть искаженное *Контарини*— Горбола и Горгора. У *Контарини*, на стр. 163: „io volevo entrar nel paese di Sivansa per andar in Samachi sua terra": „Sammachi, terra del detto signor Sivansa, signore della Media"; 188: „signor Sivansi, signor di Samachi" (р. п., 77, 78, 128). Пр. 40, на стр. 186: Сивансы „безъ сомнѣнія искаженное имя Ширванской области". Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 880; I, 663.

Живописная Россія, т. IX, Кавказъ, С.-Пб., 1883 г., „Грузинское племя", *Г. Радде*, стр. 164 и слѣд., исторія Тифлиса. Стр. 168: Тифлисъ „лежитъ въ котловинѣ, образуемой на западѣ фронтовыми склонами Тріалетскихъ отроговъ (Коджорскія высоты), а на востокѣ послѣдними вѣтвями водораздѣла Іоры и Арагвы. Отъ Коджорскихъ высотъ отдѣляется въ видѣ выступа крутое ребро Салалакскаго хребта". На немъ „красуются развалины древней стѣны съ ея башнями, служившими прежде для обороны отъ нападеній Персіянъ и Турокъ".

Изъ Персіи Контарини долженъ былъ ѣхать черезъ Кавказъ не прежнимъ путемъ, черезъ Гори и Кутаисъ, а черезъ тѣ города, которые находились на востокѣ Кавказа, на побережьѣ Каспійскаго моря. На этомъ пути лежали „владѣнія Сивансы“ (?), область, именуемая Мидіею, въ которой находился гор. Шамаха (Sammachi), и за тѣмъ Дербентъ. Въ Шамахѣ, сообщаетъ Контарини, приготовляютъ шелкъ, „извѣстный у насъ подъ именемъ Таламанскаго, и выдѣлываютъ сверхъ того разныя шелковыя ткани — большею частію гладкія и не слишкомъ добротныя (nondimeno sono leggieri et per lo più fanno rasi). Шамаха не такъ обширна, какъ Тавризъ, но, по моему мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше его и обильнѣе всякаго рода жизненными припасами“.

И Олеарій тоже обратилъ вниманіе на древнее названіе области, въ которой находилась Шамаха, и счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую замѣтку: „Область Ширвань (Schirwan), именуемая Европейцами обыкновенно Серванъ (Servan), въ древности называлась Media Atropatia, но не Hircania, какъ пишетъ англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ въ своемъ Itinerario. Это была сѣверная часть Мидіи и потому мы нашли справедливымъ, что̀ писалъ о ней Геродотъ“, въ I-й книгѣ, и Страбонъ, во II-й книгѣ. „Главный городъ въ этой области есть Шамаха (Schamachie), а не Сумахія, какъ пишутъ его многіе“. По извѣстіямъ автора этой замѣтки, городъ Шамаха „въ прежнее время былъ гораздо обширнѣе, имѣлъ до 5,000 домовъ, но при шахѣ Абасѣ, вслѣдствіе войны съ Турками, значительно уменьшился“. Онъ населенъ Персами, Армянами и нѣсколькими Грузинами. Главнѣйшія занятія ихъ составляютъ: пряжа, тканье шелка и шерсти [5]).

Стр. 177 и слѣд., Кутаисъ: 178: „На западъ отъ древняго акропуля находятся развалины каѳедральнаго собора Кутаиса, построеннаго въ цвѣтущій періодъ Абхазско-Карталинскаго царства. Основаніе этой великолѣпной постройки было положено въ 1003 г. при Багратѣ III, а Баграть IV окончилъ ее съ помощью византійскихъ мастеровъ. У Дюбуа Монпере имѣется очень обстоятельное описаніе со всѣми рисунками этого памятника зодчества“.

Іосселіани, стр. 51: по лѣтописямъ Грузинскимъ, Кутаисъ основанъ въ VIII в., но, вѣроятно, о немъ упоминаетъ еще Прокопій. Къ VIII вѣку относятъ и построеніе крѣпости въ Кутаисѣ, на высокой горѣ; а къ XI—великолѣпнаго храма во имя Божіей Матери. Тамъ же, стр. 41—43: глубокая древность Гори не оспорима; „съ трехъ сторонъ окруженный рѣками“, городъ этотъ „открытъ только съ одной сѣверной стороны“.

[5]) *Контарини*, стр. 163—164 (р. п., 78). *Олеарій*, по изд. 1643 г., кн. 5, гл. II, стр. 540—541; кн. 4, гл. XX, стр. 443—444; по русск. переводу, 1870 г.,

На половинѣ пути между Шамахою и Дербентомъ Контарини пришлось проѣзжать черезъ „небольшой, довольно красивый городокъ, гдѣ“, какъ онъ говоритъ, „родится столько прекрасныхъ плодовъ, и въ особенности яблокъ, что глядя на нихъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ“ (ch'e cosa incredibile).

Отъ Шамахи до Дербента проѣзжалъ и Олеарій, и въ его описаніи этого пути упоминается одно только селеніе, которое лежало въ мѣстности, отличавшейся плодородіемъ, именно Багель, иначе называемое Суррать, и, по видимому, именно къ этой мѣстности и можно было бы пріурочить безъименный городокъ, о которомъ говоритъ Контарини, но онъ же указываетъ на то, что этотъ городокъ лежалъ на половинѣ пути отъ Шамахи къ Дербенту. По извѣстіямъ же Олеарія, Бабель лежалъ ближе къ Шамахѣ, чѣмъ къ Дербенту. Выѣхавъ изъ Шамахи 30 Марта, онъ прибылъ въ Бабель 1 апрѣля; а въ Дербентъ 7 апрѣля [6]).

Въ Дербентѣ Контарини пробылъ съ 12 ноября 1475 г. по 6 апрѣля 1476 г., и любопытныя, и цѣнныя замѣтки о немъ внесъ въ описаніе своего путешествія: Дербентъ лежитъ на границѣ Татаріи, „на берегу Бакинскаго или Каспійскаго моря, построенъ, какъ увѣряютъ, еще Александромъ Великимъ и называется Желѣзными вратами, ибо изъ Татаріи нельзя проѣхать въ Мидію и Персію иначе, какъ чрезъ этотъ городъ, по причинѣ глубокаго ущелія, простирающагося до самой Черкессіи“. Онъ имѣетъ стѣны, хорошо построенныя и очень толстыя, „но такъ не многолюденъ, что едва ли шестая часть всего пространства, находящагося подъ горою, по направленію къ цитадели, населена; со стороны же моря всѣ почти зданія разрушены. Въ Дербентѣ находится множество гробницъ и онъ обилуетъ всякаго рода жизненными припасами „и имѣетъ достаточное количество вина, а также и плодовъ всякаго рода. Всѣ его жители магометане. Изъ Дербента купцы ѣздили въ Цитрахань

стр. 698, 553—554 („пряжа, тканье шелка и шерсти и разныя вышиванья“; въ подл., „Seide und Baumwolle spinnen, weben und wircken“). Никон. лѣт., VI, 156, 1499 г. (7007): „мѣсяця марта пріиде посолъ къ великому князю на Москву отъ Шамагинъского государя“....

[6]) *Контарини*, 164 (р. н., 79). *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 6, гл. 9, стр. 717; по изд. 1870 г., стр. 962: Бабель (ошибка вм. Багель). Библ. ин. писателей, 1836 г., прим. къ изв. Контарини, стр. 187, пр. 45.

съ рисомъ, шелковыми тканями и другими мелкими товарами для промѣна оныхъ Русскимъ и Татарамъ на мѣха и иные предметы [7]).

Для объясненія и оцѣнки этихъ извѣстій можетъ служить прекрасное и весьма обстоятельное описаніе Дербента, сообщаемое Олеаріемъ: „Персіане полагаютъ городъ Дербентъ подъ 85° долготы; широту же его я нашелъ въ 41° 50′ (по современному опредѣленію: 65° 33′ вост. долг., 42° 4′ сѣв. шир.). Длиною построенъ онъ отъ запада на востокъ, на пространствѣ полъ мили; шириною же, отъ сѣвера къ западу, „отъ воротъ до воротъ, только 450 простыхъ шаговъ“. „Онъ простирается отъ горы вплоть до самаго моря, такъ что волны морскія бьютъ высоко въ стѣну а иногда взбираются и на стѣну. Такимъ образомъ городъ этотъ запираетъ дорогу и проходъ, идущій между моремъ и непроходимыми горами, и составляетъ тутъ какъ бы ключь и желѣзныя ворота въ Персидское царство, какъ говоритъ Іовій, ибо никто не можетъ пройти въ эту страну иначе, какъ черезъ городъ“.

„Городъ Дербентъ не только по свидѣтельству писателей, но и по удостовѣренію всѣхъ жителей его въ настоящее время, построенъ Искандеромъ или Александромъ Великимъ, который соорудилъ только крѣпость и одну стѣну, именно ту, которая на южной сторонѣ, другую же стѣну, по сю сторону, на сѣверъ, возвелъ тоже любимый ихъ царь Науширванъ. Обѣ стѣны высоки и толсты отъ 4 до 6 куб. футовъ и сложены изъ твердыхъ четырехъугольныхъ камней, и всѣ камни въ нихъ (что показалось намъ удивительнымъ) сплочены“ изъ маленькихъ раздробленныхъ раковинныхъ створъ.

„Обѣ стѣны стоятъ на скалахъ, такъ какъ и самый берегъ около Дербента“ скалистый (lauter Felss), „и приставать кораблямъ тамъ очень неудобно и опасно. Повыше города, по горамъ, поросшимъ кустарникомъ, была каменная стѣна, толщиною въ 3 фута, простиравшаяся на 50 миль до Понта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она совершенно разрушилась, а мѣстами мы находили еще остатки, вышиною по колѣно и въ ростъ человѣка“.

„Удивительно, какихъ громадныхъ трудовъ стоило высѣчь и сложить какъ эти, такъ и городскія стѣны, до такой степени толстыя, что на нихъ можно было ѣздить въ телѣгѣ“.

---

[7]) *Контарини*, стр. 164—166 (р. п., 79—83).

„Кромѣ того, въ верхней части города, на холмахъ, были разныя наружныя укрѣпленія и отдѣльные за̀мки, изъ которыхъ хорошо сохранились только два“, ближайшіе къ городу и занятые стражей; эти за̀мки) построены „четырехъ-угольниками, съ весьма высокими стѣнами“.

„Въ городѣ Дербентѣ христіанъ вовсе нѣтъ“, какъ нѣкоторые писали, „а живутъ тамъ только Магометане и Іудеи, которые считаютъ себя происходящими отъ колѣна Веніаминова. Въ немъ нѣтъ никакихъ промысловъ, за исключеніемъ только того, что Татары приводятъ сюда на продажу множество похищенныхъ дѣтей и взрослыхъ Турокъ и Русскихъ, которыхъ и продаютъ далѣе въ Персію“.

„По сю сторону Дербента мы нашли множество надгробныхъ камней и памятниковъ, нѣсколько тысячъ, которые величиною были далеко больше человѣческаго росту, закругленные полуцилиндрами, высѣченные или выдолбленные внутри такъ, что въ нихъ можно было лечь, а сверху покрыты арабскими и сирійскими надписями“.

Изложивъ затѣмъ историческія свѣдѣнія о Дагестанской области, Олеарій продолжаетъ: настоящіе обитатели этой страны — Татары. „Персіяне называютъ ихъ Лесги, а сами себя они зовутъ Дагестанскими Татарами, что значитъ Горные Татары“. „Съ путешествующихъ купцовъ они собираютъ большія пошлины или поборы, а если купцы не довольно сильно защищены, то они и совсѣмъ грабятъ ихъ“.

„Поэтому караваны ходятъ здѣсь большими и сильными обществами или же отправляются водою. Ни Персіяне, ни Русскіе, между владѣніями которыхъ проживаютъ эти народцы, не могутъ обуздать ихъ и военною силою, ибо они тотчасъ убѣгаютъ на непроходимыя горы и укрываются тамъ въ высокихъ и безопасныхъ пещерахъ“. Вотъ почему, вѣроятно, совѣтовали Контарини зимовать въ Дербентѣ, дабы въ апрѣлѣ отправиться въ Астрахань не сухимъ путемъ, а моремъ, и этимъ совѣтомъ онъ и воспользовался [8]).

---

[8]) *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 6, гл. X, стр. 719—721; гл. XII, стр. 725—726; по русскому переводу, 1870 г., стр. 965—968; 975—976. На стр. 965: „шириною же отъ сѣвера къ югу“... Въ подл., 719: „die Breite aber von N. nach W.“ На стр. 966: камни „сплочены изъ однихъ маленькихъ вмѣстѣ“; въ подл., 719: „waren alle Steine von lauter klein zerbrochenen Muschelschalen gleich als zusammen geschmoltzen“.... На стр. 976: укрываются „въ высокихъ и безопас-

10 Августа 1476 г. Контарини вмѣстѣ съ караваномъ татарскихъ купцовъ выѣхалъ изъ Астрахани въ Москву по пути, который лежалъ черезъ обширную степь. Сначала ѣхали на сѣверъ, держась береговъ рѣки Волги, затѣмъ, оставя ее въ сторонѣ, стали сворачивать на западъ и ѣхали черезъ степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. 22 сентября 1476 г. наши путешественники достигли земли Русской и здѣсь жители пограничной деревни, окруженной лѣсомъ, услышавъ, что Маркъ (посолъ великаго князя) находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нимъ Татаръ, и принесли ему сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился съ Контарини, что было весьма кстати, ибо мы, всѣ, сообщаетъ авторъ Путешествія, „едва могли держаться на лошадяхъ". Далѣе наши путники направились къ Рязани и, миновавъ Коломну, 26 сентября достигли Москвы.

Въ Рязани (Resan), пишетъ онъ, всѣ строенія, не исключая и самой крѣпости, деревянныя; городъ этотъ изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и напиткомъ, который Русскіе приготовляютъ изъ меду.

Въ Коломнѣ (Colonna)—большой мостъ, построенный черезъ р. Москву.

„Городъ Москва (Mosco) расположенъ на небольшомъ холмѣ, и

ныхъ аулахъ или притонахъ"; въ подл., 726: „sich in hohe sichere Hölen versteckten".

Контарини, стр. 164 (р. п., 79). „Новѣйшія геогр. и истор. извѣстія о Кавказѣ", *Семена Броневскаго*, ч. 2, М., 1823 г., стр. 331: „На Персидскомъ языкѣ Дарбантъ значитъ узкій, запертый проходъ, почему азіатская географія представляетъ множество мѣстъ и городовъ подъ симъ именемъ. У Аравитянъ извѣстенъ сей городъ (Дербентъ) подъ названіемъ „Сериръ-аль-дагабъ", золотой престолъ; у Турокъ подъ именемъ Темиръ-Капы, Желѣзныя ворота"; см. далѣе на стр. 331 и слѣд. исторія Дербента и его описаніе. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 36—37. Живописная Россія, т. IX, Кавказъ, С.-Пб., 1883 г., „Прикаспійское Закавказье близъ Персидской границы". *Г. Радде*, стр. 217—218, о Дербентѣ: городская стѣна „мѣстами бываетъ отъ 5 до 9 фут. толщины и въ 30—40 фут. вышины и опоясываетъ городъ на протяженіи отъ 4—5 верстъ. Нѣкоторыя изъ оборонительныхъ башень сохранились до настоящаго времени. Стѣнки нѣкогда протянуты были далеко въ море и между ними заключалась удобная гавань. Съ другой стороны, въ прежнія времена отъ южной части городской стѣны выходила знаменитая Александровская стѣна, которая потянулась далеко на западъ, внутрь страны. Эта гигантская постройка, которую и теперь еще можно прослѣдить вплоть до страны Тушинцевъ (верховье Алазани) также снабжена бастіонами и воротами; она приписывается Нуширвану, сыну основателя Дербента".

всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости—деревянныя [9]). Посреди протекаетъ рѣка, называемая также Москвою и раздѣляющая его на двѣ половины, изъ коихъ въ одной находится крѣпость. Для переѣзда чрезъ эту рѣку въ городѣ построено нѣсколько мостовъ. Москва есть столица великаго князя". Она окружена обширными лѣсами и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ и другими жизненными припасами, дешевизна которыхъ обратила на себя вниманіе Контарини. Въ концѣ октября, пишетъ онъ, рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается льдомъ, на которомъ ставятъ лавки съ разными товарами, и въ этихъ лавкахъ сосредоточивается вся торговля, которая въ городѣ почти совсѣмъ прекращается (et li fanno tutti li lor bazarri, et nella terra non si vende piu quasi cosa alcuna). „Они полагаютъ, что это мѣсто, будучи съ обѣихъ сторонъ защищено строеніями, менѣе подвержено вліянію стужи и вѣтра. На этотъ рынокъ ежедневно, въ продолженіе всей зимы, привозятъ въ огромномъ количествѣ хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно и прочіе нужные припасы". Въ это же время въ Москву съѣзжается множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ. „Ими производитъ также значительный торгъ еще другой городъ, называемый Новгородомъ (Novogardia) и граничащій почти съ Франціею и верхнею Германіею". Онъ лежитъ на западъ отъ Москвы въ разстояніи 8 дней пути [10]).

Относительно инородцевъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ Московской Руси, Контарини ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: на

[9]) Это замѣчаніе невѣрно. См. „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи", *Ив. Забѣлина*, ч. II, М., 1873 г., стр. 148: каменныя церкви въ Москвѣ начали строить еще въ княженіе Ивана Калиты; 152: Димитрій Донской обвелъ ее каменною стѣною; 156: въ 1450 г. митрополитъ Іона выстроилъ только на своемъ дворѣ палату каменну, а въ ней церковь Положенія Ризы Богородицы; 157: въ Чудовомъ монастырѣ митр. Алексѣй „постави трапезу велію камену и погребы камены". „Ко времени Ивана (Васильевича) въ Кремлѣ почти всѣ извѣстныя и важнѣйшія церкви были уже каменныя". „Въ пожаръ 1476 г. обгорѣло каменныхъ 11 церквей"....

[10]) *Контарини*, 169—170, 172, 174—176, 178—180 (р. п., 91, 93, 97, 101—104, 108—112). На стр. 176: Colonna „è appresso del fiume, chiamato Mosco, et ha un gran ponte, dove si passa la detta fiumara, la qual butta nella Volga;" р. п., 104: „городъ именуемый Коломною и расположенный на берегу рѣки Москвы, впадающей въ Волгу". На стр. 179: „et sopra la detta fiumara agghiacciata ogni giorno si ritrova grandissima quantita di biade"; р. п., 110: „на таковый рынокъ ежедневно... привозятъ хлѣбъ"....

сѣверо-востокѣ живутъ, „какъ увѣряли меня, разныя языческія племена, не имѣющія никакого государя, но признающія иногда, когда имъ заблагоразсудится, власть великаго князя. Иныя изъ этихъ племенъ отдаютъ божескія почести первому встрѣтившемуся имъ предмету, а другія приносятъ въ жертву животныхъ у подошвы дерева, которому покланяются“ [11]).

21-го января 1476 г. Контарини выѣхалъ изъ Москвы, и въ его описаніи пути отсюда къ западной границѣ Польши упоминаются слѣдующіе города:

1) Viesemo, Вязьма, „небольшой городокъ“, куда онъ пріѣхалъ 27 января.

2) Smolencho, Смоленскъ.

3) Trochi, Троки. Сюда Контарини прибылъ 12 февраля, и ему говорили, что онъ проѣхалъ всего около 300 миль. Троки—нынѣ уѣздный городъ Виленской губерніи, въ 26 верстахъ къ з. юго-западу отъ Вильны. По почтовымъ трактамъ отъ Москвы до Трокъ считается 872 версты.

4) Jonici. Изъ Трокъ Контарини выѣхалъ 16 февраля, а въ городъ, называемый имъ Jonici, пріѣхалъ 25 февраля, слѣдовательно на этотъ переѣздъ долженъ былъ употребить 9 дней, именно столько, сколько, по указанію Барбаро, было необходимо на переѣздъ отъ Трокъ до гор. Lonini, то есть Слонима (между ними, по прямому направленію, 160 вер., по картѣ Геогр. Общества), и, по его же указанію, Слонимъ находился на пути отъ Москвы къ границамъ Польши. Поэтому Jonici и можно принять за искаженное названіе Слонима. Нынѣ—уѣздный городъ Гродненской губерніи, подъ 53° 6′ сѣв. шир. и 42° 59′ вост. долг., въ 157 вер. къ юго-востоку отъ Гродно.

5) Varsouia, Варшава. На пути между Jonici и Варшавою, пишетъ Контарини, встрѣчали мы селенія и замки, но не примѣтили ни одного города, достойнаго особеннаго вниманія; каждый вечеръ я находилъ мѣсто для ночлега, и насъ принимали хорошо. Польша страна безопасная.

6) Polonia. Можетъ быть Плоцкъ къ сѣверо-западу отъ Варшавы, при р. Вислѣ. Контарини называетъ этотъ городъ красивымъ и богатымъ.

---

11) *Контарини*, 180 (р. п., 112).

7) Messariza, Мезиречь, принадлежащій королю польскому и находящійся на границѣ Польши и Германіи. „Онъ не великъ, но довольно красивъ и имѣетъ небольшую крѣпосцу“. Нынѣ Мезиречь (Мендзиречь) городъ въ Познанской провинціи, подъ 52° 27′ сѣв. шир., между 33° и 34° вост. долг. (между Познанью и Франкфуртомъ на Одерѣ), при р. Обрѣ, впадающей въ р. Варту—притокъ Одера [12]).

Черезъ Мезиречь Контарини проѣзжалъ въ первый разъ въ 1474 году 31 марта и затѣмъ отправился въ Тану. Описывая этотъ путь, онъ приводитъ названія слѣдующихъ городовъ Польши:

1) Posnama (нынѣ Познань), городъ „заслуживающій вниманія, какъ по красотѣ улицъ и домовъ своихъ, такъ равно и по множеству живущихъ въ немъ купцовъ“.

2) Lancisia. На пути отсюда въ Люблинъ мы, пишетъ Контарини, и днемъ и ночью находили постоялые дворы (alloggiamenti), изъ коихъ одни довольно хороши, другіе плохи. Страна, по которой шелъ этотъ путь показалась ему бѣдною. Нынѣ Ленчица, къ западу отъ Варшавы, при р. Бзурѣ, впадающей въ Вислу.

3) Lumberli, Люблинъ, „довольно красивъ и имѣетъ крѣпостцу“.

20-го апрѣля Контарини выѣхалъ изъ Польши „и вступилъ въ Малороссію (Rossia bassa), подвластную польскому королю“. На пути черезъ эту область встрѣчались слѣдующіе города:

1) Jusch, городъ, имѣющій „довольно хорошую, хотя и деревянную крѣпость“ — вѣроятно Луцкъ, уѣздный городъ Волынской губерніи, при впаденіи рѣчки Гижицы въ Стырь, подъ 55° 44′ сѣв. шир. и 42° 59′ вост. долготы.

2) Aitomir, въ немъ всѣ строенія деревянныя, имѣетъ крѣпость. В. Семеновъ пріурочиваетъ это названіе къ Житоміру, губернскому городу Волынской губерніи, при впаденіи рѣчки Каменки въ Тетеревъ.

[12]) *Контарини*, 182, 183, 185, 186, 133 (р. п., 116, 119, 122—123, 17). На стр. 185: „trovavamo pur castelli et casali....et ogni sera trovavamo alloggiamento“; р. п., 123: „По пути встрѣчали мы множество селеній и замковъ.... вездѣ находилъ я порядочные ночлеги“. *Барбаро*, 98 (р. п., 62). Геогр. стат. словарь Росс. имп., V, 224; IV. 631. Почт. слов. Росс. государства, С.-Пб., 1820 г., стр. 615, 119. Star. Pol. *Balinskiego*, I, 86 (Medzyrzecz; Mederecum, Medzirecum); 362 (Plock, Ploscum, Plocia); III, 679 (Slonim). Encyklopädie der Erd,-Völker-und Staatenkunde von *Wilhelm Hoffmann*. Leipzig, 1864. II, 1547 (Meseritz, Miedzyrec); 1754; III. 2789.

Но Контарини говоритъ о томъ, что изъ города Jusch въ Aitomir онъ доѣхалъ въ одинъ день, а эти города отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на 200 верстъ. Если слѣдовательно принимать опредѣленіе В. Семенова, то необходимо предположить, что Контарини ошибся въ опредѣленіи времени, потраченнаго имъ на переѣздъ отъ Луцка къ Житоміру.

3) Beligraoch, „бѣлый замокъ, съ королевскимъ дворцемъ“—по всей вѣроятности, нынѣшнее мѣстечко Бѣлгородка, въ 24 вер. къ западу отъ Кіева, на большой дорогѣ въ Житоміръ, при р. Ирпени, притокѣ Днѣпра.

4) Chio или Маграманъ, Кіевъ, лежитъ за предѣлами Малороссіи, на границѣ Татаріи, и „сюда съѣзжается множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляютъ въ Кафу съ караванами; но они, подобно овцамъ, весьма часто подвергаются въ пути нападенію Татаръ (sono pressi da Tartari). Кіевъ изобилуетъ хлѣбомъ и всякаго рода мясомъ“.

5) Cercas, Черкасы. Нынѣ уѣздный городъ Кіевской губерніи, при Днѣпрѣ, въ 287 вер. къ юго-востоку отъ Кіева [13]).

XXXI.

Общія замѣчанія относительно свѣдѣній о народахъ Восточной Европы въ началѣ XVI в. Задачи, которыя имѣлъ въ виду авторъ Трактата о Сарматіяхъ—Матвѣй Мѣховскій.—Два отдѣла на которые распадается Трактатъ. — Сарматія Азіатская.—Ея границы.—Горы Иберіи и Албаніи.—Племена Татарскія. — Татары Заволжскіе (орда Заволжская или Джагатайская, Czahadaiorum). Самаркандъ, столица Загатайскихъ Татаръ.—Татары Перекопскіе или Уланы.—Замѣтки о Татарахъ Крымскихъ Іоанна Ласскаго.—Пространство, занимаемое Крымскимъ полуостровомъ. — Города въ Крыму: Солатъ (Solgathi, Крымъ), Kirkel (Керкеръ), Θеодосія (Кафа), Манкупъ (Мангупъ, Манкопія).—Извѣстія о Мангупѣ въ русской лѣтописи, XV в., и въ сочиненіи Броневскаго. Гор. Азовъ (Тана, Ozon).– Орда Казанская.—Татары Окаскіе или Ногайскіе.—Орда Казацкая (Cazacca). Казаки, кочевавшіе въ Аланскихъ степяхъ.—Значеніе слова казакъ.—Извѣстія нашей лѣтописи о Казакахъ Ординскихъ.—Татары Волосатые (Калмыки). Извѣстія Матвѣя Мѣховскаго о Кавказѣ.—Пятигорскіе Черкасы.—Племена Хозарскія (Абхазцы, Abgazari, Abgazeli).—Черкесы и Мингрельцы.—Распространеніе между ними Христіанской вѣры по Греческому обряду.

Этнографическія свѣдѣнія относительно Восточной Европы, заключавшіяся въ сочиненіяхъ Контарини и Барбаро, касались только нѣ-

[13]) *Контарини*, 133—135, 137 (р. п., 17, 19—21, 24). На стр. 134: „ogni

которыхъ обитавшихъ въ ней племенъ, и если бы эти свѣдѣнія получили болѣе широкое распространеніе, чѣмъ онѣ имѣли въ дѣйствительности, то все же въ западно-европейской литературѣ ощущался бы значительный пробѣлъ въ необходимыхъ, достовѣрныхъ извѣстіяхъ о народахъ на Востокѣ Европы. Ни полнаго перечня ихъ, ни тѣмъ менѣе указаній на взаимныя ихъ отношенія, на этнографическое родство ихъ и область распространенія каждаго изъ нихъ западно-европейская литература XV—XVI в. не имѣла, а между тѣмъ этотъ пробѣлъ не могъ остаться не замѣченнымъ въ ту эпоху, когда окрылилась человѣческая мысль, когда, благодаря книгопечатанію, знанія сдѣлались болѣе доступными, кругозоръ ученыхъ и образованныхъ людей расширился, явилось благородное соревнованіе въ дѣлѣ новыхъ земельныхъ открытій и когда въ то же время образованіе отличалось универсальностію: съ знаніями географическими неразрывно соединялись и знанія историческія и филологическія, а нерѣдко и математическія.

Нелегкую задачу составить общее этнографическое описаніе Восточной Европы взялъ на себя одинъ изъ крупныхъ представителей польской цивилизаціи, стоявшей на высокомъ уровнѣ въ XVI в., лѣтописатель Матвѣй Мѣховскій и, какъ доказываетъ его предисловіе къ книгѣ о двухъ Сарматіяхъ, онъ ясно сознавалъ цѣль и задачи своего труда, понималъ его пользу, понималъ и необходимость обращаться къ исторіи. Достойна также вниманія его мысль о томъ, что Польша можетъ сдѣлать тоже, что сдѣлала Португалія. Послѣдняя ознакомила Западную Европу съ странами Индіи и Африки; Польша можетъ и должна вывести изъ мрака неизвѣстности Востокъ и Сѣверъ Европы, познакомить образованный міръ съ тѣми народами, которые обитаютъ близъ береговъ Сѣвернаго океана, гдѣ, по сказанію многихъ, люди наслаждались безмятежнымъ спокойствіемъ [1]).

Хотя Мѣховскій въ своемъ Трактатѣ рѣзко обличалъ несостоя-

giorno et notte trovavamo allogiamenti hora assai buoni, hora altramente, et mostra d' esser povero paese"; р, п., 19: „Повсюду находили мы ночлеги, изъ коихъ иные были довольно порядочны, а другіе не совсѣмъ хороши. Вообще Польша показалась мнѣ не слишкомъ богатою землею". Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 108; II, 231; I, 354; V, 635. Star. Pol., *Balinskiego*, Warszawa, 1843, I, 257, Lenczyca. *Hoffmann*, II, 2011, 1363; I, 429; II 1433. *Stuckenberg*, I, 149 (fl. Bsura).

[1]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. А об.

тельность многихъ извѣстій, переданныхъ классическими писателями, тѣмъ не менѣе онъ счелъ возможнымъ сохранить ими принятое географическое дѣленіе Восточной Европы на Сарматію Азіатскую и Европейскую, и всѣ собранныя авторомъ Трактата историко-географическія и этнографическія данныя распадаются на два отдѣла. Въ первомъ излагаются тѣ, которыя относятся къ племенамъ, обитавшимъ въ Сарматіи Азіатской; во второмъ къ племенамъ, обитавшимъ въ Сарматіи Европейской [2]).

Главное населеніе Сарматіи Азіатской составляли племена Татарскія, и изъ иностранныхъ сочиненій о Московской Руси впервые въ Трактатѣ мы находимъ обстоятельный, по времени, перечень этихъ племенъ. За ними, какъ извѣстно утвердилось общее названіе Татаръ, но ни одно изъ нихъ такъ не именовало себя, а каждое, по занимаемой имъ землѣ, называлось особеннымъ именемъ [3]), въ слѣдствіе чего являлось много названій, и опредѣленіе ихъ было весьма затруднительно. Трудно, а иногда и не возможно было собрать точныя топографическія свѣдѣнія о мѣстообитаніи родственныхъ между собою кочевыхъ племенъ, занимавшихъ обширнѣйшую область и мѣнявшихъ свои жилища не только ради удовлетворенія насущныхъ потребностей кочеваго быта, но и по политическимъ причинамъ. Вотъ почему въ опредѣленіяхъ племенныхъ татарскихъ названій XVI в. нерѣдко встрѣчаются неточности. Какъ увидимъ ихъ не избѣгъ и Мѣховскій, по опредѣленію котораго всѣ племена Татарскія дѣлились на пять племенъ или ордъ: Татары Заволжскіе, Перекопскіе или Уланы, Казанскіе, Оккасскіе или Ногайскіе, орда Казацкая (Cazacca).

Татары Заволжскіе, земля которыхъ граничитъ съ востока Каспійскимъ или Гирканскимъ моремъ; съ юга—частію моремъ Евксинскимъ или Понтомъ, частію высокими горами Иберіи и Албаніи. Орда Заволжская или Джагатайская (Czahadaiorum)—самая главная. Сами себя они называютъ людьми начальными и свободными, такъ какъ они никому не подчинены, и отъ этой орды произошли всѣ

---

[2]) Сарматію Азіатскую Мѣховскій называетъ Скиѳіей, по изд. 1521 г., Eiij, л. 2 об. Такъ называетъ ее и Гнѣзненскій архіепископъ Іоаннъ Ласскій въ представленномъ имъ на Латеранскій соборъ 1514 г. сочиненіи о русскомъ народѣ и заблужденіяхъ онаго. Historica Russiae monimenta, t. I, Petropoli, 1841 г., стр. 123.

[3]) *Карамзинъ*, III, пр. 296.

другія. По этому и Москвитяне называютъ ее Большою ордою. Историческія свѣдѣнія о ней, приведенныя въ Трактатѣ, свидѣтельствуютъ, что авторъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ Золотую Орду, которую и Русскіе дѣйствительно называли Большою ордою. Такъ подъ 1502 г. (7010) лѣтопись сообщаетъ: „пріиде къ великому князю посолъ отъ Большія орды отъ царя Шпахмата Ахмутова сына", и далѣе: „того жъ лѣта іюня крымскій царь Менлигирей, побивши Ахмата, царя Большія орды, и орду взялъ". Такъ эта же орда называлась и послѣ 1502 г. Пріиде, говорится въ той же лѣтописи, подъ 1521 г. (7029), въ іюлѣ, „безбожный гордый крымскій царь Магмедъ Кирѣй... собрався съ братіею своею, и съ своими дѣтьми, и съ Крымскими людьми, и Большія орды Заволжскія, и съ Нагаи... безвѣстно на великаго князя отчину"... Но Большая орда не составляла одной орды съ ордою Загатайскою или Джагатайскою, о которой упоминаютъ и Барбаро, и Контарини. А Іовій называетъ и столицу Загатайскихъ Татаръ—Самаркандъ [4]) (Samarkanda).

---

[4]) *Мѣховскій*, Bij (horda Zauolhensium); гл. VIII, стр. Biij об. „Horda in Tartarico multitudinem significat. Principalis ergo horda est Czahadaiorum siue Zauolhensium, quae Tak Xi, id est, capitalem hordam, uel homines principales et liberos sese nominant,tum quia nulli subijcitur, tum quia ab ipsa caeterae ordae propagatae sunt. Ob hoc et Moscouitae magnam hordam Zauolhensium hordam appellant. Inde etiam imperator eorum Ir Tli Xi lingua ipsorum, hoc est, liber homo dicitur. Dicitur et Vlu Cham, quod sonat magnus dominus, siue magnus imperator: ulu enim magnus, cham uero dominus et imperator est. Eundem aliqui magnum canem dixerunt, et male interpretati sunt: quia vlu cham non significat magnum canem: cham etenim cum aspiratione dominum aut imperatorem: et cam sine aspiratione cruorem et nunquam canem sermone Tartarorum designat".

Хана Золотой Орды Тимуръ-Кутлука Мѣховскій, въ той же VIII гл., смѣшиваетъ съ Тамерланомъ (стр. Biij об. „Quartus imperator ex Bathy genitus fuit Temir Kutlu.... Iste est ille Tamerlanes in historijs celebratus") и упоминаетъ о султанѣ Козакѣ, братѣ Шахмата. См. „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ", *В. В. Вельяминова-Зернова*, ч. I, С.-Пб., 1863 г., стр. 233, 238: Козакъ (Хозякъ, Хозя) настоящее его имя Куджакъ, братъ Сеидъ-Ахмеда. Ср. также у *Мѣховскаго* слѣдующія мѣста о Татарахъ Заволжскихъ, Eоб. „Consequenter dicemus de ualidis gentibus ex Thartaris Czahadaien. originaliter disseminatis, quales sunt Turci, Vlani seu Tartari Precopenses" etc. Въ гл. о Татарахъ Казанскихъ, стр. Eiij, л. 2: „Et exiuerunt de principali horda omnium Tartarorum, uidelicet de Tartaris Czahadaiensibus siue Zavuolhen., sicut et caeteri Tartari omnes".

Никон. лѣт., VI, 166, 168, 228. *Барбаро*, по изд. 1836 г., 97 (р. п., 60, 61). *Контарини*, 188 (р. п., 128). *Іовій*, 64 (р. п., 26). „Vergleichendes Wörterbuch der alten, mittleren und neuen Geographie" von *Bischoff* und *Möller*, Gotha.

По опредѣленію самихъ Заволжскихъ Татаръ, земля ихъ, при самой скорой ѣздѣ, отъ рѣки Волги до моря Каспійскаго простирается приблизительно (quasi) на тридцать дней, а въ одинъ день они проѣзжаютъ верхомъ двадцать большихъ нѣмецкихъ миль.

Татары Перекопскіе или Уланы, замѣчаетъ Мѣховскій, могли бы быть болѣе общежительными и кроткими, въ слѣдствіи вліянія природы, „но они не оставляютъ свою волчью хищность и звѣрскую жестокость, какъ дикіе (bestiales), обитающіе въ степяхъ и лѣсахъ, а не въ городахъ и селеніяхъ. Ибо они ежегодно нападаютъ, опустошаютъ и грабятъ Россію, Литву, Валахію, Польшу и иногда Московію" [5]).

Крымскій полуостровъ, по опредѣленію Мѣховскаго, простирался въ длину на 24, а въ ширину на 15 миль. По картѣ Географическаго Общества, длина его отъ сѣверо-западной оконечности до Арбатской стрѣлки около 200 верстъ; а ширина 190 верстъ.

1829, стр. 41: „Albania (упом. у Плипія, Страбона, Птоломея и др.), Land in Asien, grenzte östl. ans Caspische Meer, nördl. an den Caucasus, westl. an Iberien u. d. Fl. Cyrus, südl. an Armenien"....

[5]) *Мѣховскій*, Bij, Eiij, л. 2: Tartari Precopenses. Biij об. horda Precopensium. E об. Vlani seu Thartari Precopenses. Eiij: „Altera soboles et genealogia ex Tartaris Zauolhensibus deriuata est Tartarorum Vlanorum. ab Vlano inuasore insulae Tauricc cognominata. Vlan a puella est, et uirgo, et quia Vlanus de uirgine vel puella genitus est sine legitimo thoro, Vlanus nuncupatus est, suisque posteris in Chersoneso Tauricano nomen indidit". Eiij, л. 2.

Ф. Брунъ въ статьѣ своей: „Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV стол.", напеч. въ сборникѣ „Черноморье", ч. II, Одесса, 1880 г., стр. 351, замѣчаетъ: „Дюбуа (Voyage autour du Caucase, VI 235), можетъ быть и не ошибается, полагая, что Матвѣй Мѣховскій имѣлъ въ виду Алановъ, когда говоритъ объ Уланахъ, которые, во время, нашествія Татаръ чрезъ Перекопскій перешеекъ, вторглись въ Крымъ, гдѣ ими заняты были многіе города и мѣстечки". Эта догадка не имѣетъ основанія, въ чемъ убѣждаютъ слѣдующія извѣстія Мѣховскаго: стр. Ciij—„Alani fuere gentes in Alania regione Sarmatiae Europianae, flumini Tanai contiguae et conterminae. Et est regio plana... Caret colonis et habitatoribus, quoniam ab inuasoribus eiecti et dispersi, in alienis prouincijs consumpti et extincti sunt"... Ciij, л. 2 об. „Expulsi Alani e suis sedibus ad Vandalos declienauerunt"... См. также стр. Eiij: „de familia Thartarorum Vlanorum siue Precopensium".

Нѣсколько замѣтокъ о Татарахъ Крымскихъ сообщаетъ и Іоаннъ Ласскій въ своемъ донесеніи 1514 г., Hist. Russ. Mon., I, 124: „Nam Tauricanus eorundem rubrorum et regni Poloniae et Lithuaniae vicinus habet circiter bis centum millia equitum"; см. далѣе о вооруженіи Крымцевъ.

На Крымскомъ полуостровѣ находились, пишетъ авторъ Трактата, слѣдующіе города:

1) Solat (у Барбаро Solgahti). Такъ называютъ Татары гор. Крымъ, вслѣдствіе чего и царя перекопскаго называютъ крымскимъ. Дома въ этомъ городѣ плохи, и наиболѣе значительная часть его не имѣетъ жителей (est deserta).

2) Kirkel, меньше города Крыма. Надъ городомъ Kirkel возвышается крѣпость, построенная изъ дерева и глины. У Контарини—Керкеръ.

3) Theodosia, въ настоящее время называемая Кафою (Caffa).

4) Mankup, къ западу отъ Каффы. При взятіи Манкупа султаномъ Магометомъ II были убиты двое владѣтелей этого города, которые, какъ говорятъ, были послѣдними потомками Готовъ.

Затѣмъ авторъ Трактата причисляетъ, по ошибкѣ, къ числу Крымскихъ городовъ и Azow, въ устьяхъ рѣки Танаиса, упоминаемый Барбаро подъ именемъ Таны [6]).

Изъ всѣхъ помянутыхъ авторомъ Трактата городовъ, которые находились на Крымскомъ полуостровѣ, у Барбаро и Контарини не упоминается одинъ только Мангупъ, нынѣ не обитаемый, но замѣчательный въ историческомъ отношеніи. Развалины этой древней крѣпости, иначе называемой Мангупъ-кале, Манкопъ, Мангутъ, находятся въ Крыму, въ Симферопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, въ 51 верстѣ отъ Симферополя, на неприступной скалѣ, имѣющей 1,904 рус. ф. абс. выс. Время его основанія неизвѣстно,

[6]) *Мѣховскій*, Eiij и об., по изд. 1518 г., стр. *F. Барбаро*, по изд. 1836 г., 91, 76 (р. п. 49, 19—20). *Контарини*, 138—139 (р. п., 26—27).

Черезъ Кафу русскіе послы ѣздили въ Турцію. Никон. лѣт., VI, 226—227, 1520 г. (7028), мѣсяца Марта князь великій послалъ человѣка своего Бориса Голохвастова къ Турскому салтану Баозитъ салтанову сыну... „А отпустили его Дономъ къ Азову, а отъ Азова ѣхалъ моремъ х Каоѣ, а отъ Каоы къ Царюграду Черным морем. А изъ Царяграда ѣхалъ сухимъ путемъ къ Ядринопулю, а изъ Ядренаполя наѣхалъ салтана въ Димотихѣ". И оттолѣ солтанъ „его отпустилъ на Сербскую землю къ Дунаю, и возился Дунай подъ Кѣлією, а отъ Кели къ Бѣлуграду. Да тутъ возился Днѣпръ великую рѣку. А отъ Бѣлаграда къ Токаву, да тутъ возился Днѣпръ, а оттолѣ къ Перекопи Крымскому царю Магмедъ гирею пріѣхалъ"....

Любопытное извѣстіе объ Азовѣ находится въ донесеніи Іоанна Ласскаго. Hist. Russ. Mon., I, 123: Ozon (Азовъ) arx, in qua Turci a Tartaris emunt populum, per Tartaros Tauritanos (т. е. Крымскихъ) aliquando de Polonia, aliquando de Lithvania, aliquando de Moscovia raptum et deportatum utriusque sexus.

но онъ, какъ полагаютъ, уже существовалъ въ концѣ XIII в., такъ какъ именно къ этому времени относится одна изъ надписей на жидовскомъ кладбищѣ этого города. Въ русской лѣтописи его имя впервые встрѣчается подъ 1481 (6989) годомъ. Убѣждая своихъ соотечественниковъ не щадить своихъ головъ для спасенія отечества, лѣтописецъ обращается къ нимъ съ такими словами: „да не узрятъ очи плѣненія и грабленія святымъ церквемъ и домомъ, и убіенія чадъ, и поруганія женамъ и дщеремъ; яко же пострадаша иніи велицѣи славніи земли отъ Турковъ, еже Болгаре и рекомін Греци, и Трапизонь, и Аморіа (Морея), и Арбанасы (Албанцы), и Хорваты, и Босна, и Манкупъ, и Кафа, и иніи мнозіи земли, иже не сташа мужествени и погибоша“. Въ 1492—93 году онъ былъ раззоренъ Турками и сдѣлался главнымъ мѣстомъ одного изъ трехъ кадылыковъ (округовъ, завѣдываемыхъ судьею). Въ концѣ XVI в. развалины его видѣлъ Броневскій и сообщилъ о нихъ любопытныя извѣстія:

„Городъ Манкопія лежитъ при горахъ и лѣсахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Онъ имѣетъ два замка, построенныхъ на высокой и широкой скалѣ, драгоцѣнные греческіе храмы и зданія, нѣсколько ручьевъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ. По покореніи же Турками, чрезъ 18 лѣтъ, онъ выгорѣлъ почти до основанія, какъ говорятъ греческіе христіане. Вотъ отчего и нѣтъ уже ничего примѣчательнаго, кромѣ верхняго замка, имѣющаго отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многимъ мраморомъ, и высокій каменный домъ. Въ этомъ домѣ, по варварской ярости хановъ, иногда содержатся въ заключеніи московскіе послы, съ которыми жестоко поступаютъ. Теперь тамъ уцѣлѣла только греческая церковь св. Константина и другая, весьма незначительная, св. Георгія. При нихъ одинъ только греческій священникъ; и живутъ въ Мангупѣ еще нѣсколько Турокъ и Жидовъ. Все прочее въ развалинахъ и предано забвенію. Не осталось уже людей и о владѣльцахъ, и народахъ, населявшихъ эти города и величайшіе замки, нѣтъ уже никакихъ лѣтописей, ибо объ отысканіи таковыхъ я заботился съ особеннымъ раченіемъ и издержками. Однако же престарѣлый уже, честный и не грубый греческій священникъ, котораго я тамъ видѣлъ, сказывалъ мнѣ, что предъ самою осадою города Турками тамъ имѣли пребываніе два греческіе вождя (duces), дядя и

племянникъ, о коихъ, кажется, несомнѣннымъ, что они были Константинопольской или Трапезунтской царской крови. Греки, христіане, однако же, не долго тутъ жили, ибо вскорѣ городъ исторгнутъ у нихъ невѣрными и безчеловѣчными Турками, которымъ онъ сданъ былъ на честное слово, ими не сдержанное". Эти вожди „живые отвезены въ Константинополь, и варварскимъ и злодѣйскимъ турецкимъ императоромъ Селимомъ, за 110 лѣтъ предъ симъ, жестокимъ образомъ преданы смерти. Въ тѣхъ греческихъ церквахъ стѣны украшены изображеніями и принадлежностями (habitus) тѣхъ царей и царицъ, отъ крови которыхъ они (вожди), кажется, происходили".

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ извѣстій Броневскаго подтверждаются и нашими дипломатическими бумагами, относящимися къ сношеніямъ съ Крымомъ. Изъ дѣлъ Крымскихъ (1474 г.) мы узнаемъ, что мангупскій князь Исайко дружелюбно принималъ великокняжескаго посла боярина Никиту Беклемишева и предлагалъ дочь свою въ невѣсты сыну великаго князя Іоанну Іоанновичу. Какъ справедливо было замѣчено, такое предложеніе указываетъ на знаменитость рода, къ какому принадлежалъ Исайко.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ нами показаній мы въ правѣ заключать, что замѣчаніе о томъ, что послѣдніе владѣтели Мангупа были Готы—ошибочно [7]).

Орда Казанская, пишетъ Мѣховскій, получила свое названіе отъ города Казани, лежащаго выше рѣки Волги, близъ границъ Московіи. „Эта орда имѣетъ около двѣнадцати тысячъ воиновъ, въ случаѣ же необходимости, когда призываются другіе Татары, до тридцати тысячъ". Имена ихъ государей, ихъ дѣла и генеалогію не записываютъ, такъ какъ они подвластны князю московскому и отъ его произвола зависятъ и въ обыкновенное время, и во время войны (in vivendo, in bellando), и въ выборѣ себѣ вождей: поэтому-то, что было бы ска-

[7]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 165. Крымскій сборникъ, *П. Кеппена*, С.-Пб., 1837 г., стр. 261, 29, 265—266, 279, 289, 280—282. На стр. 267: у *Бержерона* (Traité des Tartares, p. 96) Мангупъ названъ Mancop или Manguth, а у Витзена: Mancup, Mancap. На картѣ Фишера 1651: Mancopia. „Турки писали Манкубъ или Мангубъ". Пр. 396 на стр. 268: „Въ земляхъ, подвластныхъ народамъ Турецкаго племени, встрѣчаются подобныя названія, напр. Манкерменъ и Ускупъ". Въ отношеніи къ формѣ Мангутъ я замѣчу, что это слово употребляется также, какъ имя собственное". *Карамзинъ*, VI, стр. 55—56, пр. 124—125.

зано о государѣ московскомъ, могло бы быть принято и относительно ихъ [8]) (т. е. царей казанскихъ) (de ipsis poterit accipi et adaptari).

„Четвертая орда Татаръ Оккасскихъ (Occassorum) или Ногайскихъ“, сообщаетъ авторъ Трактата, „новая (recens et noua), позже другихъ (subito) отдѣлилась (orta) отъ Татаръ Заволжскихъ. Ибо послѣ того какъ Оккассъ, знаменитый рабъ и воинъ великаго хана, имѣя тридцать сыновей, былъ убитъ, сыновья отдѣлились отъ главной орды Заволжской и стали жить близъ крѣпости Сарай, приблизительно за семьдесятъ или немного менѣе лѣтъ до 1517 года, и въ короткое время (subito) [эта 4-я орда] чрезмѣрно размножилась, до такой степени, что въ настоящее время она стала (surrexit) самою многочисленною и большою. [Татары Оккасскіе] живутъ на сѣверѣ, далѣе всѣхъ Татаръ (isti sunt septentrionales et frigidiores omnium Tartarorum); со стороны восточной ихъ владѣнія прилегаютъ къ Московіи, и они часто вторгаются въ ея предѣлы и грабятъ ее. Надъ ними господствуютъ сыновья и внуки Оккасса (Ногаи); [Татары Оккасскіе] не имѣютъ денегъ (pecuniam nec monetam), но мѣняютъ одинъ предметъ на другой, то есть (пускаютъ въ обмѣнъ) рабовъ, сыновей, скотъ домашній и тотъ, который употребляется для перевозки тяжестей“ [9]) (pro pecoribus et iumentis).

Пятою ордою считаютъ ту, которая не имѣетъ царя, и ее называютъ Казацкою [10]) (Cazacca).

По всей вѣроятности, къ этой же ордѣ слѣдуетъ отнести и извѣстіе Мѣховскаго о томъ, что въ Сарматіи Европейской, въ Алан-

---

[8]) *Мѣховскій*, Eiij л. 2 об. horda Tartorum Kosanensium; Biij об., E об. Tartari Cosanenses.

[9]) *Мѣховскій*, Eiij, л. 2 об., Biij об., quarta horda Nohacensium, E об. Tartari Nohaienses.

Никон. лѣт., III, 75, 1282 г., „Князь великій Дмитрей Александровичъ з дружиною своею, и со княгинею, и з дѣтьми, и со всѣмъ дворомъ бѣжа во орду къ царю Ногаю“; стр. 91, 1294 г., „Царь Тахтя сѣдя на царствѣ во Ордѣ, а Ногая, царя Ординского, побѣди“.

[10]) *Мѣховскій*, Biij и об., „Quatuor sunt Hordae Thartarorum, totidem imperatores eorundem, scilicet horda Zauolhensium, horda Precopensium, horda Cosanensium et quarta horda Nohacensium, quintamqae addunt quae imperatorem non tenet et nuncupant eam Kosanska“. Послѣднее названіе ошибочно; правильнѣе въ изданіи „Polonicae historiae corpus“, Basileae, 1582, стр. 128, строка 55: „Cazacca“. „Tractat von baiden Sarmatien“, Augspurg, 1518, стр. C об. „die fünft hat kainen kaiser, haisst Kazacka“.

скихъ степяхъ, прилегающихъ къ р. Дону, бродили Казаки (Kazacii) и жили грабежемъ. Казакъ, замѣчаетъ авторъ Трактата, „слово татарское, а козакъ рутенское (то есть русское), означающее... слугу, обязаннаго платить подать, разбойника (grassatorem seu reyteronem), ибо они живутъ добычами, никому не подчинены, рыщутъ (percurrentes) по пустыннымъ, занимающимъ очень обширное пространство, степямъ, шайками въ три, шесть, десять, двадцать и шестьдесятъ человѣкъ“ [11]).

Эти Казаки вѣроятно тѣ самые, о которыхъ сохранились упоминанія и въ нашей лѣтописи: подъ 1493 г., „приходили Татарове, Казаки Ординскіе, изгономъ на Рязанскія мѣста и взяша три села и поидоша вскорѣ назадъ“, и далѣе подъ тѣмъ же годомъ: въ октябрѣ „пріиде изъ Волохъ Иванъ Андреевичъ Субота Плещеевъ, а изъ Крыма Костянтинъ Заболоцкой, а шли полемъ и грабили ихъ на поле Татарове, Ординскіе Казаки“. Подъ 1500 г. (7008): въ сентябрѣ „пріидоша Татарове, Ординскіе Казаки изъ Азовскія [области] подъ Козелескъ и взяша сельцо Козельское Олешню, и князь Иванъ Перемышльской, да Одоевскіе князи, да Петровы дѣти Плещеева Василей да Иванъ, догонивъ ихъ, побиша и полонъ свой отняша. А иныхъ Татаръ изымавъ, приведоша на Москву къ великому князю“ [12]).

Кромѣ пяти татарскихъ племенъ или ордъ, которыя Мѣховскій перечисляетъ въ VIII главѣ своего сочиненія, въ главѣ, ей предшествующей, онъ упоминаетъ объ особомъ племени татарскомъ, живущемъ, „какъ сообщаютъ Русскіе“, близъ Каспійскаго моря, на востокѣ. Эти Татары Волосатые (Criniti) называются своими соотчичами Калмыками (Kalmuchy) и язычниками, такъ какъ они не исповѣдываютъ магометанской религіи. Они не брѣютъ волосъ на го-

---

[11]) *Мѣховскій*, Ciij; по изд. 1518 г., D об.

[12]) Никон. лѣт., VI, стр. 137, 138: „ординскіе казапи“ вм. казаки; 158. Извѣстіе Мѣховскаго о Казацкой ордѣ нельзя относить къ той Казацкой ордѣ, которая впослѣдствіи называлась Киргизъ-Кайсацкою, хотя она и появилась во второй половинѣ XV в. и стала съ этого времени быстро усиливаться, такъ какъ эта орда была сплоченною, имѣла своихъ хановъ и кочевала въ нынѣшней области Оренбургскихъ Киргизовъ. Геогр. стат. слов. Росс. имп., II, 589—590. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“, *Іоанна Готлиба Георги*, С.-Пб., 1799 г., ч. 2, стр. 119: „Киргизскія орды, которыя извѣстны также и подъ именемъ Казачьей орды, но, по худымъ дѣламъ, называютъ сами себя Сара-Кайсаками (Степными Казаками) и Киргизами“....

ловѣ, за исключеніемъ юношей, которые носятъ косу, въ видѣ двухъ дугъ, протянутыхъ отъ праваго уха, а у другихъ отъ лѣваго, къ плечамъ, въ знакъ дѣвства [13]) (innubilitatis aut virginitatis).

Калмыки въ XVI в., подъ именемъ Элютовъ или Ойратовъ, занимали область, лежащую между Алтаемъ и Тянь-шанемъ, между степью Гоби и оз. Балхашемъ, а также обитали во внутреннихъ долинахъ Алтая въ нынѣшнемъ Бійскомъ округѣ и на сѣверномъ склонѣ Саянскаго хребта, въ южной части нынѣшней Енисейской губерніи". Въ XVII в. они впервые появляются въ русскомъ Заволжьѣ [14]).

О племенахъ Кавказа Матвѣй Мѣховскій имѣлъ смутное понятіе, и изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній любопытны тѣ, которыя относятся къ Пятигорскимъ Черкесамъ. На югѣ, пишетъ онъ, близъ Каспійскаго моря находятся горы Иберіи и Албаніи, называемыя Рутенами Пятигорскими, по имени (обитающаго въ этихъ горахъ) народа Пятигорскихъ Черкасъ (quos Ruteni a gente Piecihorscij Czyrkaczy, quasi Quinquemontani Czyrkaczy vocant). Между этими горами обитаютъ также племена Хазарскія (Gazarorum gentes), которыя, какъ сообщаетъ ихъ Моравская легенда (Moraпica legenda), братьями святымъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, посланными Михаиломъ, императоромъ византійскимъ (imperatorem Constantinopolitanum), были обращены въ христіанскую вѣру и до настоящаго времени сохраняютъ вѣру и обряды греческіе. Люди [принадлежащіе къ этимъ племенамъ] воинственны, (и ихъ) охотно принимаютъ во всей Азіи и въ Египтѣ. У нихъ Татары Заволжскіе покупаютъ оружіе (tela). Впрочемъ въ настоящее время (hac aetate) Греки называютъ эти племена Абхазцами (Abgazari et Abgazeli); сосѣди ихъ—Черкасы и Мингрельцы, всѣ обращенные въ христіанскую вѣру блаженнымъ Кирилломъ [15]).

Горы, названныя Мѣховскимъ Пятигорскими, образуютъ сѣверное предгоріе Кавказа и находятся въ Терской области Пятигорскаго округа,

---

[13]) *Мѣховскій*, Bij об.

[14]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 440. *Георги*, IV, 3 и слѣд. Въ 1675 г. изъ Орды Хошоты переселились 1500 чел., а въ 1759 г. 300 семей на Волгу, „въ подданство Россіи".

[15]) *Мѣховскій*, Biij: Czyrkaczy „in tota Asia et Aegipto acceptabiles, apud hos Thartari Zauolhenses tela comparant"; въ изд. 1518 г., стр. C: „in gantzem Asia vnd Egipto angenäm, bey denen kauffen die Tarter pfeil vnd geschoss".

на сѣверо-западъ отъ Пятигорска. Онѣ получили свое названіе—по Татарски Бештау—отъ пяти отдѣльныхъ горъ, наиболѣе бросающихся въ глаза со стороны Пятигорской равнины: Бештау, Змѣиная, Машукъ, Верблюжья и Развалъ. Изъ этихъ горъ Верблюжья носитъ также названіе Бештау-дикока (Бештау—верблюдъ), въ отличіе отъ собственной Бештау, называемой Бештау-шигва (Большой Бештау). Съ этой прекрасной вершины открывается великолѣпный видъ на вершины Кавказа, и Пятигоріе было извѣстно съ древнѣйшаго времени. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ горахъ уже имѣлъ Птоломей, но не зная ихъ настоящаго имени, онъ назвалъ ихъ τὰ ἱππικὰ ὄρη и, по истинѣ, замѣчаетъ Клапротъ, трудно было придумать другое болѣе удовлетворительное названіе, такъ какъ изъ мѣстности, прилегающей къ этимъ горамъ, выводятъ лучшихъ, высоко цѣнныхъ черкесскихъ и абхазскихъ лошадей. Близъ этихъ горъ обитали Черкесы, которые, по занимаемой ими мѣстности, въ отличіе отъ другихъ, назывались Пятигорскими.

Что касается до любопытнаго извѣстія Мѣховскаго о томъ, что Черкесы, обитавшіе на Кавказѣ, христіане, слѣдующіе обрядамъ Греческой церкви, то оно подтверждается достовѣрными свидѣтельствами писателей XVI в. Барбаро и Интеріано. По извѣстіямъ Интеріано, Черкесы „исповѣдуютъ христіанскую вѣру и священниковъ имѣютъ по греческому обряду; крестятся только взрослые 8 лѣтъ и старше, простымъ кропленіемъ (simplice asperge de aqua) и благословеніемъ священника. Знатные не входятъ въ церковь, пока имъ нѣтъ 60 лѣтъ, потому что, живя разбоемъ, какъ всѣ между ними, они полагаютъ, что посѣщать церковь не позволено; когда исполнится имъ 60 лѣтъ или около того, они оставляютъ грабежъ и тогда уже начинаютъ ходить къ службѣ, а до тѣхъ поръ присутствуютъ при ней верхомъ у дверей церкви, а не иначе“.

Со второй половины XVIII в. христіанство, не пустившее глубокихъ корней въ средѣ Черкесскаго племени, стало быстро уступать мѣсто магометанству и къ началу XIX в. исчезло. Краснорѣчивыми свидѣтелями его историческаго существованія оставались во времена Клапрота развалины христіанскихъ церквей и могильные камни съ начертаніями крестовъ.

Вѣроятно, тѣхъ же Черкасъ о которыхъ говоритъ Мѣховскій, разумѣлъ и Иванъ Мамоновъ въ донесеніи своемъ великому князю,

1501 г., въ іюнѣ. Сказываютъ, государь, писалъ онъ, „что орда нынѣча худа, прикочевала къ Дону за тѣмъ, что Муртоза нынѣ въ Тюмени, а съ Муртозою Азики князь. А Тюмень и Черкасы Ордѣ—недруги".

Упоминаемые въ Трактатѣ о Сарматіяхъ Абхазы—сосѣди Черкесъ—въ настоящее время отдѣлены отъ нихъ поселеніями Русскихъ и составляютъ главную часть племенъ Абхазской группы, населяющей Абхазію, которая прилегаетъ къ Черноморскому берегу на протяженіи 130 верстъ, между 44° и 42° сѣверной широты [16]).

XXXII.

Вторая часть Трактата о Сарматіяхъ: Сарматія Европейская. Руссія. Ея границы. Рутены. Ихъ вѣроисповѣданіе. Армяне и Евреи, обитающіе въ предѣлахъ Руссіи. Границы ея, по описанію Ласскаго. Области, входившія въ составъ Руссіи: 1) область, населенная Черкасами; 2) Подолія; 3) область, лежащая на склонахъ Карпатъ. Провинціи при Карпатской области: Галицкая (Gallicia), Перемышльская (Premysliensis), Санокская (Sanocensis), Львовская (Leopolensis), Хелмская (Chelmensis) и Бельзская (Belzensis). Города въ Галиціи: 1) Коломея (Kolomya); 2) Жыдачовъ (Zidazou); 3) Снятинъ (Sniatin); 4) Roatin (можетъ быть Рогатынъ); 5) Бускъ (Busco); 6) Львовъ (Leopolis). Города на крайнемъ юго-западѣ Восточной Европы: 1) Очаковъ (Oczarkow); 2) Dzassow (?); 3) Аккерманъ (Bialygrod 4) Chmielnik (?). Литва. Происхожденіе этого имени, по толкованію Мѣховскаго. Пространство, занимаемое великимъ княжествомъ Литовскимъ. Языкъ Литовскій. Нарѣчія: 1) Ятвяжское (Jaczuingorum); 2) Литовское собственно и Самогитское; 3) Прусское; 4) Латышское. Область распространенія языка Литовскаго въ XVI вѣкѣ. Рутены, обитающіе въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго. Ихъ языкъ и вѣроисповѣданіе. Самогиты. Область, ими занимаемая, и провинціи, входившія въ составъ ея: 1) Jragola; 2) Miedniki; 3) Chrosse; 4) Rosena; 5) Viduki; 6) Vielunia; 7) Kelthini; 8) Czethra. Татары и Евреи, обитающіе въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго. Гор. Вильна и Полоцкъ.

Вторая часть Трактата о Сарматіяхъ, посвященная описанію Сарматіи Европейской, распадается на слѣдующіе отдѣлы: о Руссіи, Литвѣ и Московіи.

---

[16]) Reise in den Kaukasus und nach Georgien von *Iulius* von *Klaproth*, 1 B., Halle und Berlin, 1812 г., стр. 484, 495, 485, 594, 569, 447. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 256, 7—9. На стр. 8—9: языкъ Абхазцевъ „отличенъ отъ другихъ Кавказскихъ; Клапротъ, Дюбуа и Видеманъ относятъ его къ Черкесскимъ". Но у *Клапрота*, I, 447, находимъ слѣдующее замѣчаніе: Abassen „unterscheiden sich durch ihre schmalen Gesichter, und seitwarts zusammen gedrückten Köpfe, kurzes Untergesicht, hervorstehende Nasen und dunkelbraunen Haare von

Руссія, по опредѣленію Мѣховскаго, граничитъ на югѣ Сарматскими горами и р. Тирасомъ (Днѣстромъ); на востокѣ—Танаисомъ, Болотами Меотійскими (Азовскимъ моремъ) и островомъ (sic) Таврскимъ; на сѣверѣ—Литвою; на западѣ—Польшею.

Автору Трактата было извѣстно, что большинство населенія Руссіи составляли Рутены, сохранявшіе ученіе и обряды Греческой церкви и имѣвшіе богослуженіе на языкѣ Славянскомъ (lingua Serniorum, quae est Sclauonica), хотя римско-католическое ученіе и было господствующимъ. Въ Руссіи обитали также Армяне (Armeni) и Евреи (Judei). Первые по преимуществу населяли области Каменецкую и Львовскую (Camenecensis, Leopoliensis) и, ради торговыхъ цѣлей, ѣздили въ Кафу, Александрію, Каиръ (Alkaira) и Индію. Евреи же занимались не одними дѣлами торговыми, но и земледѣліемъ [1]).

Въ составъ Руссіи входили слѣдующія области: во 1) степная область, занятая Черкасами, гдѣ нѣкогда обитало племя Роксоланъ, къ югу отъ Аланъ, которые въ эпоху переселенія народовъ обитали на берегахъ р. Танаиса. Черкасы „очень суровы и воинственны, но

---

allen benachbarten Völkern. Sie scheinen uralte Einwohner des nordwestlichen Kaukasus zu seyn, und sich weiter ausgebreitet zu haben, ehe sie von den Tscherkessen in das Gebirge zusammengedrängt, und durch stets Morden aus einer zahlreichen Nation zusammen geschmolzen sind. Ihre ganze fremde Sprache hat, wenige Tscherkessische Wörter ausgenommen, mit keiner bekannten Europäischen und Asiatischen Aehnlichkeit"...

Записки Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. 2, С.-Пб., 1869 г., „Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ Италіянцевъ", *А. Н. Веселовскаго*, стр. 731 *(Klaproth*, I, 594). *Карамзинъ*, VI, пр. 520 (Дѣла Крымскія, № 2, стр. 818).

„Этнографическая карта Европейской Россіи", составилъ *А. Ф. Риттихъ*, 1875 г. Живописная Россія, т. IX, С.-Пб., 1883 г., Горныя племена Кавказа *Берже*, стр. 71: За Гаграми (у *Семенова*, I, 603: Гагры—„упраздненное укрѣпленіе на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Абхазіи, въ Бзыбскомъ округѣ, подъ 43° 18′ сѣв. шир. и 57° 49′ в. д.), по направленію къ Ингуру, жили Абхазцы, одно изъ древнѣйшихъ племенъ Кавказа. Къ нимъ слѣдуетъ причислить Самурзаканцевъ, занимавшихъ землю по берегу Чернаго моря, между рѣками Ингуромъ и Галидзгой". Стр. 72: до выселенія значительной части населенія горъ въ Турцію считалось Абхазскаго племени 150.000 душъ.

[1]) *Мѣховскій*, F—Fij об. Границы Руссіи описаны и Ласскимъ, Hist. Russ. Mon., I, 124. Rutheni rubei—такъ называетъ авторъ Русское племя, населяющее Руссію. Она имѣетъ въ длину 200 германскихъ миль. Стр. 123: Rutheni Walachii.... „idioma habent Italicum, sed ritum Ruthenicum". „Rutheni albi quondam Colchitae dicti, modo vero Moscovitae"...

происхожденію и языку Рутены“; 2) Подолія, граничащая съ юга Молдавіею и Валахіею, съ востока—степями Татарскими и Таврскимъ островомъ; 3) область, лежащая на склонахъ Сарматскихъ горъ, то есть Карпатскихъ. Изъ провинцій этой области поименованы слѣдующія: Галицкая (Haliciensis), нѣкогда называвшаяся Галиціею (Gallicia); Перемышльская (Premysliensis); Санокская (Sanocensis), между горами Сарматскими; Львовская (Leopoliensis), „въ серединѣ Руссіи“; Хелмская (Chelmensis) и Бельзская [2]) (Belzensis).

Изъ городовъ Галиціи въ Трактатѣ поименованы слѣдующіе:

1) Kolomya. Нынѣ Коломея, близъ р. Прута, къ юго-востоку отъ Станиславова, подъ 48° 30′ сѣв. шир., 42°, 45′ вост. долг.

2) Jidazou. Нынѣ Жидачовъ, къ югу отъ Львова, подъ 49° 30′ сѣв. шир., 41° 45′ вост. долг.

3) Sniatin. Нынѣ Снятинъ, къ юго-востоку отъ Коломеи, подъ 48° 30′ сѣв. шир., 43° 15 вост. долг.

4) Roatin. Вѣроятно нынѣшній Рогатынъ, къ юго-востоку отъ Львова, подъ 49° 30′ сѣв. шир., 42° 15′ вост. долг.

5) Busco. Нынѣ Бускъ, при р. Бугѣ, подъ 50° сѣв. шир., 43° 45′ вост. долг., къ востоку отъ Лемберга.

6) Leopolis, Львовъ, „городъ, хорошо укрѣпленный, имѣющій двѣ крѣпости, верхнюю и нижнюю, митрополія Россіи“ [3]).

За южными предѣлами Руссіи, на крайнемъ юго-западѣ Восточной Европы находились, по указаніямъ Мѣховскаго, слѣдующіе города:

1) Oczarkow, построенный крымскимъ ханомъ во владѣніяхъ литовскихъ. Нынѣ Очаковъ, заштатный городъ Одесскаго уѣзда, Херсонской губерніи, подъ 46° 37′ сѣв. шир., 49° 13′ вост. долг. На этомъ мѣстѣ въ 1492 г. крымскій ханъ Менгли-Гирей основалъ крѣпость Кара-Керменъ или Узу-кале.

2) Dzassow (?), на разстояніи почти двухъ миль отъ Очакова, разрушенный „ранѣе нашего времени“.

4) Bialygrod, въ 6 миляхъ отъ Dzassow, занятый Турками. Нынѣ Аккерманъ, уѣздный городъ Бессарабской области, на правой

---

[2]) *Мѣховскій*, Eiij, л. 2 об., F.

[3]) *Мѣховскій*, F; по изд. 1582 г., стр. 141: Aoatin (въ изд. 1521 г., Roatin); по изд. 1518 г., стр. Fij об.

сторонѣ Днѣстровскаго лимана, подъ 46° 12′ сѣв. шир., 48° вост. долг. Въ нашей лѣтописи упоминается подъ именемъ Бѣлогорода; а Венеціане со времени Крестовыхъ походовъ называли его Монкастро.

4) Chmielnik (?), при сліяніи Буга съ Днѣпромъ [4]).

Упомянувъ о томъ, что великое княжество Литовское заключаетъ въ себѣ владѣнія многихъ князей литовскихъ и русскихъ, подчиненныхъ одному великому князю, Мѣховскій приводитъ два различныхъ мнѣнія о происхожденіи названія Литвы: по толкованію древнѣйшихъ писателей, оно произошло оттого, что въ область Литовскую явились италіянскіе выходцы и дали ей названіе, по мѣсту своей родины, Italia, откуда и произошли слова Litalia, Lithuania, а отъ Itali-Litali, Lithuani. Предводителя этихъ мнимыхъ выходцевъ звали Виліемъ, въ слѣдствіе чего и главный городъ великаго княжества Литовскаго сталъ называться Вильною, и оттуда же произошли и названія рѣкъ, протекающихъ близъ этого города, Виліи и Вильны. Эту созданную учеными толкователями легенду, порожденную созвучіемъ словъ, и ученый Мѣховскій считалъ заслуживающею довѣрія; мнѣніе же о томъ, что названіе Литвы произошло отъ lituo, что означаетъ рогъ охотника, въ ознаменованіе того, что страна эта служила мѣстомъ многихъ охотъ за звѣрями, Мѣховскій приписывалъ людямъ, не знающимъ исторіи [5]).

Обширное пространство, занимаемое великимъ княжествомъ Литовскимъ, Мѣховскій желалъ опредѣлить, по возможности, обстоятельно, хотя въ этихъ опредѣленіяхъ и встрѣчаются крупныя ошибки. Отъ моря Балтійскаго или Прусскаго до Вильны, пишетъ онъ, шестьдесятъ миль (по картѣ Географическаго общества, отъ устья Нѣмана до Вильны, по прямому направленію 240 вер., около 34 геогр. миль); отъ Риги до Вильны, по прямому направленію,

---

[4]) *Мѣховскій*, Eiij, л. 2; F. На стр. F об. „est et sal quod in lacu Kaszybeio... prope est Oczarkuow castrum“. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 738; I, 31. „Городскія поселенія въ Россійской имперіи“, т. I, С.-Пб., 1860 г., стр. 115. Матеріалы для истор. геогр. словаря Россіи, *Н. Барсова*, Вильна, 1865 г., стр. 20. Никон. лѣт., XI, 226, 1520 г. (7208): посолъ великаго князя Борисъ Голохвастовъ возвращался изъ Турціи черезъ Кѣлію (Килію), на Дунаѣ, а отсюда ѣхалъ къ Бѣлуграду; „да тутъ возился (т. е. переѣзжалъ) Днѣпръ великую рѣку (вѣроятно вмѣсто Днѣстръ). А отъ Бѣлограда къ Токаву, да тутъ возился Днѣпръ“.

[5]) *Мѣховскій*, Fij об.

70 миль [6]); проѣзжая же черезъ Полоцкъ, какъ обыкновенно ѣдутъ, отъ Риги до Вильны 100 миль [7]). Отъ Вильны до Кіева—100 миль [8]). Отъ Кіева до слiянiя Днѣпра съ Бугомъ десять дней, что составляетъ 70 миль [9]). На мѣстѣ сліянія этихъ двухъ рѣкъ стояла крѣпость Dzassow (?), „теперь разрушенная, и здѣсь находится граница литовскихъ владѣній, между тѣмъ какъ прежде она простиралась до Бѣлгорода, который былъ названъ Латинами Album castrum и завоеванъ Турками". Отъ Парчова (Parczow) до Вильны—80 миль [10]). Отъ Кракова, по той же дорогѣ, до Вильны 120 миль [11]). Отъ Вильны до Смоленска 100 миль [12]). Въ составѣ владѣній литовскихъ авторъ Трактата включаетъ не только Смоленскъ, отнятый у Литвы великимъ княземъ московскимъ еще въ 1512 году, но Новгородъ, и Псковъ, можетъ быть потому, что на присоединеніе этихъ городовъ къ великому княжеству Московскому авторъ смотрѣлъ какъ на присоединенія временныя [13]).

Языкъ Литовскій раздѣляется, по указаніямъ Мѣховскаго, на четыре нарѣчія: 1) Ятвяжское (Jaczuingorum), на которомъ говоритъ небольшое племя, обитающее близъ крѣпости Дрогичина (Drohyczyn); 2) Литовское собственно и Самогитское; 3) Прусское и 4) Латышское, на которомъ говоритъ племя, обитающее въ области Lothwa или Lothihola, находящейся близъ рѣки Двины и города Риги. Не смотря на тѣсное родство этихъ четырехъ нарѣчій, различіе между ними, однако, столь значительно, что лицо, говорящее на которомъ либо изъ нихъ, не вполнѣ можетъ понимать другія, если только ему не случалось проѣзжать черезъ области, жители которыхъ говорятъ на этихъ нарѣчіяхъ. Отъ вниманія Мѣховскаго не укрылась важная особенность въ историческихъ судьбахъ Литовскаго

---

[6]) 34 мили, по картѣ Геогр. Общества.

[7]) 627 вер. по Почт. слов., 1820 г., стр. 560, 209, 215, 530 (Рига, Динабургъ, Дрисса, Полоцкъ, Вильна).

[8]) 724 вер., тамъ же, 117.

[9]) 58 миль, по картѣ Геогр. Общества.

[10]) 433 вер. Почт. слов., стр. 114, 197 (Вильна, Гродно, Брестъ; отсюда до Парчева, по прямому направленію, 60 вер.).

[11]) 639 вер. Тамъ же, стр. 116 (отъ Вильны до Бреста 314 вер., а отсюда до Кракова, по прямому направленію, 325 вер.).

[12]) 468 вер.,—стр. 119.

[13]) *Мѣховскій*, Gii—Giij (о гор. Ромовѣ, въ которомъ жилъ Криве).

языка: область его распространенія въ XV—XVI в. не увеличивалась, а напротивъ уменьшалась, вслѣдствіе распространенія языковъ Польскаго и Нѣмецкаго.

Всѣ поименованныя четыре племени, составлявшія одну литовскую народность, исповѣдовали римско-католическое ученіе; въ другихъ же областяхъ великаго княжества Литовскаго, какъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ и на югѣ, замѣчаетъ Мѣховскій, „за Кіевомъ, живутъ Рутены и говорятъ на Русскомъ или Славянскомъ языкѣ, наблюдаютъ обычаи греческіе и состоятъ въ подчиненіи у Константинопольскаго патріарха". Какъ видно, Мѣховскій подъ именемъ Рутенъ разумѣлъ и Бѣлоруссовъ, и Малоруссовъ, и въ своемъ Трактатѣ не указываетъ на этнографическое различіе между ними [14]).

Кромѣ общихъ замѣчаній о Литовцахъ, Трактатъ о Сарматіяхъ заключаетъ въ себѣ болѣе подробныя свѣдѣнія объ одномъ только

---

[14]) *Мѣховскій*, Giij и об. „Et scias, quod in Prussia iam pauci proferunt Prutenicum, subintrauit siquidem lingua Polonorum et Almanorum, sic et in Lothwa (Liuonia) pauci villani profitentur hanc linguam, quia subintrauit Almanicum. Jn Samagjthia autem... in villis Lithuanicum loquuntur, et in magna parte Polonicum profitentur"....

„Litauische Grammatik" von *August Schleicher*, Prag, 1856, стр. 2, § 2: „Zu der sprachfamilie, in welcher das litauische die erste stelle einnimt gehört das... Preussische, dessen heimat der küsten strich zwischen der Weichsel und dem Memelstrome war". „Eine dritte zur litauischen familie gehörige sprache ist das Lettische. Es ist diss eine in laut und grammatik jüngere sprache, die sich zum litauischen etwa verhält, wie das italiänische zum latein; sie wird gesprochen in Kurland und dem grösseren theile von Livland".... Стр. 4, § 4: „Sowol auf dem preussischen, als auch auf dem russischen gebiete, theilt sich das litauische in verschidenen dialecte, die sich jedoch sämtlich unter zwei hauptdialecte bringen lassen: hochlitauisch und niderlitauisch, oder litauisch im engeren sinne und žemaitisch; žemaitisch braucht man gewönlich für jeden russischen litauer, diss ist jedoch nicht genau treffend, denn auch auf russischem gebiete scheidet man den Litauer (im süden) vom Zemaiten (im norden) und auch das preussisch litauische ist nur im kleineren theile seines jetzigen gebietes (im süden) hochlitauisch, der ganze norden spricht nider litauisch, d. i. Žemaitisch".

О національности Ятвяговъ см. „Очерки русской исторической географіи", *Н. П. Барсовъ*, Варшава, 1873 г., стр. 33, стр. XVIII—XIX, прим. 53.

Вышеприведенному извѣстію Мѣховскаго о томъ, что въ областяхъ Новгородской, Псковской и Смоленской живутъ Рутены противорѣчитъ слѣдующее замѣчаніе на стр. Dij: „Sed et Lithuani iam sclauonizant: Nugardi quoque Plescouienses, et Ohulci. Vide chronicas eorum et cosmographias". Въ изд. 1582 г., стр. 134, строки 56—57: „Nugardi quoque Plescouienses, *Smolnenses* et Ohulici" etc. Въ изд. 1518 г., Diij, л. 2: und die Littawer fahen an auch Sklauonisch reden vnd ander, als Nugarder, Plesskower, Smolensten...

племени Литовской вѣтви—о Самогитахъ. Область, ими занимаемая, пишетъ онъ, простирается на 50 миль въ длину, граничитъ съ Литвою (собственно), Ливоніею и Пруссіею и раздѣляется на слѣдующія провинціи.

1) Iragola. На картѣ Тёппена, № 1 „Preussen und die Nachbarländer vor den Zeiten der Ordenherrschaft“, прилож. къ его сочиненію „Historisch comparative Geographie von Preussen“, Eragola, при р. Добезе, подъ 55° 15′ сѣв. шир., 41° 10° вост. долг. На к. Шуберта, № XXI, мѣстечко Ейрагола, подъ 55° 15′ сѣв. шир., 41° 8′ вост. долг., Ковенской губерніи, Россіенскаго уѣзда, при р. Дубиссѣ, въ 20 вер. отъ ея устья, по прямому направленію, въ 23 вер. къ юго-востоку отъ Россіенъ. На к. Геогр. Общ. Ейрагола—въ предѣлахъ Ковенскаго уѣзда.

2) Miednіki. На к. Тёппена, подъ 52° 47′ сѣв. шир., 40° 2′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, селеніе Межейны, подъ 55° 47′ сѣв. шир., 40° 2′ вост. долг., Ковенской губерніи, Тельшскаго уѣзда, въ 25 вер. къ югу отъ г. Тельшъ, по прямому направленію.

3) Chrosse. На к. Тёппена. Kroschi, подъ 55° 35′ сѣв. шир., 40° 20′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, мѣстечко Кроже, подъ 50° 35′ сѣв. шир., 40° 20′ вост. долг., Россіенскаго уѣзда, въ 34 вер. къ сѣверо-западу отъ Россіенъ, по прямому направленію.

4) Rosena. На к. Тёппена, Rossiena, подъ 55° 10′ сѣв. шир., 40° 45′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, Россіены, подъ 55° 22′ сѣв. шир., 40° 45′ вост. долг., уѣздный городъ Ковенской губерніи, къ сѣверо-западу отъ Ковно, на обоихъ берегахъ рѣчки Россіенки (въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ Rossiegen, Ruschigen и чаще Rasseyne).

5) Viduki. На к. Тёппена, Widukle, подъ 55° 25′ сѣв. шир., 40° 34′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, мѣстечко Видукли, подъ 55° 25′ сѣв. шир., 40° 37′ вост. долг., Ковенской губерніи, Россіенскаго уѣзда, въ 14 вер. къ сѣверо-западу отъ Россіенъ.

6) Wielunia. На к. Тёппена, Wilona, при р. Нѣманѣ, подъ 55° 5′ сѣв. шир., 40° 57′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, мѣстечко Вилепы, подъ 55° 5′ сѣв. шир., 40° 57 вост. долг., Россіенскаго уѣзда, въ 8 вер. къ западу отъ устья р. Дубиссы, въ 32 вер. къ юго-востоку отъ Россіенъ.

7) Kelthini. На к. Тёппена, Koltinjani, подъ 55° 35′ сѣв. шир., 40° 7′ вост. долг. На к. Шуб., № XXI, мѣстечко Колтыняны, подъ

55° 32′ сѣв. шир., 40° 7′ вост. долг., Россіенскаго уѣзда, въ 44 вер. къ сѣверо-западу отъ Россіенъ.

8) Czethra (?). На к. Тёппена есть селеніе Scheraki, къ юго-западу отъ селенія Koltinjani.

Всѣ поименованныя Мѣховскимъ области находились, какъ видно изъ ближайшаго опредѣленія ихъ, въ предѣлахъ Россіенскаго и Тельшовскаго уѣздовъ Ковенской губерніи, а здѣсь и въ настоящее время наиболѣе значительная часть населенія принадлежитъ вѣтви Литовской [15]).

Кромѣ Литовцевъ и Рутенъ, въ составъ населенія великаго княжества Литовскаго, по извѣстіямъ Мѣховскаго, входили также Татары и Евреи. Первые обитаютъ близъ Вильны и имѣютъ свои поселенія (uillas), обработываютъ поля „по нашему способу“ (more nostro), перевозятъ товары и, по первому требованію великаго князя литовскаго, всѣ подымаются на войну, говорятъ по татарски и исповѣдываютъ магометанскую вѣру. Евреи обитаютъ преимущественно въ Трокахъ, занимаются торговлею, содержатъ таможни, занимаютъ общественныя должности и ростовщичествомъ не живутъ [16]) (de usurisque non uiuunt).

Главный городъ Литвы—Вильна (Vilna), обведенъ двойною стѣною, одна на горѣ, другая внизу; дома въ ней раздѣлены садами и не скучены вмѣстѣ, „какъ въ нашихъ городахъ“, замѣчаетъ Мѣховскій. Полоцкъ (Poloczko) онъ называетъ большимъ городомъ [17]).

---

[15]) *Мѣховскій*, Giij; Fiij, л. 2: „Historisch comparative geographie von Preussen“, „Nach den Quellen, namentlich auch archivalischen dargestellt von Dr. *M. Toeppen*“. „Mit einem Atlas in fünf Blättern“. Gota, 1858 г. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 62: Литовское племя наиболѣе распространено въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской, Витебской (западной ея части), Ковенской, Витебской, а въ предѣлахъ царства Польскаго въ Августовской губерніи. Тамъ же, II, 653: „Племенной составъ (Ковенской) губерніи весьма разнообразенъ; главное племя Литовское, составляющее болѣе 73%“.

[16]) *Мѣховскій*, Giij. об. Городскія поселенія въ Росс. имперіи, т. I, С.-Пб., 1860 г., стр. 144: „Въ 1498 году положено основаніе каменной стѣны вокругъ города (Вильны), и за это сооруженіе жители освобождены отъ военной службы“. Star. Polska, *Balinskiego*, III, Warszawa, 1846 г., 154: 1505 г. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію *П. Н. Батюшковымъ*, вып. 5, Петербургъ, 1872 г., „Очеркъ исторіи города Вильны“, *В. Г. Васильевскаго*, стр. 27.

[17]) *Мѣховскій*, Gij, Giij.

XXXIII.

Задачи, которыя имѣлъ въ виду авторъ Трактата о Сарматіяхъ.—Племена Славянской вѣтви.—Пространство, занимаемое Московіею, по опредѣленіямъ Матвѣя Мѣховскаго и Герберштейна.

Княжества, входившія въ составъ Московской Руси XVI в., и число ратныхъ людей ея: 1) Московское; 2) Тверское (Twerczka), въ составъ котораго входили княженія: а) Холмское (Chelmski); б) Зубцовское (Zubczowski); в) Клинское (Glinski); 3) Кубенское (Kubensis); 4) Ярославское (Jaroslauiensis); 5) Szuhersiensis; 6) Шаховское (Szahouensis); 7) Рязанское (Rzezensis); 8) Суздальское; 9) обл. Казанскихъ Татаръ.

Языкъ и вѣроисповѣданіе обитателей Московіи.—Вогуличи, Казанскіе Татары и народы сѣвера, пребывающіе въ язычествѣ.—Частыя переселенія, какъ особенность быта Москвитянъ.

Города Московіи: 1) Москва. Свѣдѣнія о пространствѣ, ею занимаемомъ, объ ея укрѣпленіяхъ и частныхъ жилищахъ. Кремль: стрѣльницы и башни, церкви, дворецъ великаго князя и дома людей благороднаго сословія. Извѣстія нашей лѣтописи о каменныхъ постройкахъ въ Москвѣ, въ XV—XVI стол., и въ другихъ городахъ. 2) Тверь (Tvuerd). Церкви въ ней и крѣпость. Извѣстія нашей лѣтописи о каменныхъ церквахъ въ Твери. 3) Новгородъ (Nouygorod). Площадь, имъ занимаемая. Его жители. Дѣтинецъ. Церковь св. Софіи и монастыри. 4) Псковъ (Pskou). Одежда Псковичей. Крѣпости въ Псковской области и пространство, ею занимаемое. Извѣстія Псковской лѣтописи о постройкѣ укрѣпленій въ Псковѣ и его пригородахъ. 5) Смоленскъ (Smolensco). Пространство, занимаемое областью Смоленскою.

Извѣстія Мѣховскаго о народахъ, обитающихъ на сѣверо-востокѣ Московіи. Пермь, Башкиры (Baskird), Черемисы (Cziremeissa), Югра (Juhra) и Карела (Corela). Ихъ языкъ и вѣра, одежда и шалаши. Промыслы, которыми занимаются Югричи и Карелы. Ловля тюленей и моржей. Движеніе Югры въ землю Готовъ.

Задачи, которыя имѣлъ въ виду авторъ Трактата о Сарматіяхъ, необходимо требовали распредѣленія племенъ, обитавшихъ въ Восточной Европѣ, по извѣстнымъ группамъ, и, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, Мѣховскій старался установить эту классификацію народностей, на сколько позволяли ему и историческія свидѣтельства, и данныя языка. Такъ на основаніи этихъ данныхъ онъ опредѣлилъ племена Литовской вѣтви, а относительно вѣтви Славянской счелъ необходимымъ еще въ первой части Трактата привести лѣтописныя свидѣтельства о разселеніи Славянъ и вмѣстѣ съ

тѣмъ представить перечень всѣхъ ему извѣстныхъ племенъ этой вѣтви, къ которой онъ относитъ Рутенъ и Московитовъ [1]).

Описаніе Московіи авторъ Трактата о Сарматіяхъ начинаетъ съ опредѣленія занимаемаго ею пространства. Московія, пишетъ онъ, страна, имѣющая очень значительное протяженіе въ длину и въ ширину (est regio longissima latissimaque), отъ Смоленска до Москвы—100 миль [2]); отъ Москвы до Вологды—100 миль [3]); отъ Вологды до Устюга (Vsczuga)—100 миль [4]); отъ Устюга до Вятки—100 миль [5]), и все это пространство въ четыреста миль составляетъ области Московіи (et ista quadringenta miliaria sunt de regione Moscouiae), и вездѣ (въ этой странѣ) говорятъ по русски или славянски (et sermo per totum est Rutenicus seu Slauonicus). Отъ Вятки до страны Пермской 100 миль; отсюда до земли Вогуличской (Vahulczka), которая граничитъ съ Скиѳіей, 30 миль. Если же къ этимъ землямъ прибавить области, лежащія на сѣверѣ и на востокѣ Скиѳіи, именно Угрію (Juhra) и Карелію (Corela), которыя также подвластны московскому князю, то все протяженіе владѣній его будетъ равняться пятистамъ большимъ нѣмецкимъ милямъ. Впрочемъ, Москвитяне считаютъ разстояніе не милями, какъ мы, а верстами, и каждая ихъ верста равняется одной пятой части нѣмецкой мили. Отъ Москвы до Владиміра они считаютъ 17 нѣмецкихъ миль [6]), отъ Владиміра до Устюга пятьсотъ верстъ [7]), отъ Устюга до Угріи также 500 верстъ [8]).

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ числовыхъ данныхъ тождественны съ приводимыми Герберштейномъ въ его Запискахъ о

[1]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Доб., Dij: „linguagium Slauorum amplissimum est et diffusum, plurimas terras et prouincias possidens, veluti sunt Serui. Myssii, Rasci seu Bulgari et Bosnenses, Thurco hac tempestate subiugati. Veluti sunt Dalmatae, Croatae, Pannonij, Slaui, Carni, Bohemi, Moraui, Slesitae, Poloni maiores et minores, Mazouitae, Pomeraui, Cassubitae, Sarbi, Ruteni, Mockouitae. Hi omnes Slaui et Vindelici sunt“....

[2]) 378 вер. Почт. слов., 1820 г., стр. 615.

[3]) 429 вер. Тамъ же, стр. 431.

[4]) 437 вер.,—стр. 102, 673, 274 (Великій Устюгъ, Тотьма, Кадниковъ, Вологда).

[5]) 424 вер.,—стр. 102, 489 (Вел. Устюгъ, Орловъ, Вятка).

[6]) 175 вер.—стр. 431.

[7]) 881 вер.—стр. 344, 343, 618, 102 (Владиміръ, Кострома, Буй, Сольгаличъ, Тотьма, Великій Устюгъ).

[8]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Giij, л. 2 об., Н.

Московіи. Разстояніе отъ Смоленска до Москвы онъ опредѣляетъ въ 80 германскихъ миль, хотя, замѣчаетъ онъ, Литовцы и Московиты считаютъ 100. Отъ Москвы до Владиміра 36 миль. Отъ Вологды до Устюга 100 миль; отъ Устюга до Вятки 120 миль. Пермская область отстоитъ отъ Москвы на 250 или, по другимъ, на 300 миль, „прямо на сѣверо-востокъ". Слѣдовательно, по Герберштейну, протяженіе владѣній великаго князя московскаго отъ Смоленска до Пермской земли равняется отъ 330 до 380 миль или отъ 2,310 верстъ до 2,660 верстъ, а, по Мѣховскому, отъ Вологды до крайнихъ предѣловъ на сѣверо-востокѣ 500 миль. По нынѣшнимъ почтовымъ трактамъ, отъ Смоленска до Москвы и отсюда до Перми 1,798 верстъ, отъ Перми до Уральскаго хребта, по картѣ Геогр. Общества, 175 вер., по прямому направленію, всего слѣдовательно отъ Смоленска до Уральскаго хребта 1,973 вер. (2310—1973=343); отъ Вологды до Уральскаго хребта, по прямому направленію, 1,040 вер. Слѣдовательно опредѣленіе разстоянія Смоленска отъ Перми, находящееся въ Запискахъ о Московіи, болѣе приближается къ истинѣ и могло дать болѣе вѣрное понятіе о протяженіи Московскаго государства съ запада на востокъ, чѣмъ опредѣленіе Мѣховскаго [9]).

Отъ опредѣленія пространства Московіи Мѣховскій переходитъ къ обозрѣнію ея княжествъ, свидѣтельствующее, что княженія, терявшія свою областную самостоятельность и входившія въ составъ Московскаго государства, продолжали сохранять свои прежнія названія, какъ отдѣльныя, самостоятельныя въ административномъ отношеніи части. Это же обозрѣніе замѣчательно по свѣдѣніямъ о военныхъ силахъ, дающимъ понятіе о количествѣ населенія Московской Руси. Особенное вниманіе обращаютъ на себя свѣдѣнія, относящіяся къ княженію Тверскому. Онѣ обстоятельнѣе другихъ и поэтому можно предполагать, что сообщены лицомъ, близко знакомымъ съ положеніемъ этого княжества, которое, какъ извѣстно, изъ всѣхъ княженій сѣверо-восточной Руси находилось въ ближайшихъ сношеніяхъ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.

„Московія раздѣлена на множество княжествъ. Въ составъ ея

---

[9]) R. M. C., 71 A, 79 C, 84 C, 85 A, 64 B (р. п., 108—109, 121, 128, 129, 99). Почт. слов., по изд. 1820 г., стр. 614: отъ Смоленска до Москвы 378 вер. стр. 508: отъ Москвы до Перми 1420 вер.

входятъ: 1) Московская область или княжество (ducatus seu terra Moscouiae), населеніе которой могло выставить на войну тридцать тысячъ ратныхъ людей изъ дворянъ (nobilium) и шестьдесятъ тысячъ изъ поселянъ (agrestium).

2) Тверская (Twerczka) область или княжество, населеніе которой могло выставить въ поле однихъ дворянъ сорокъ тысячъ. Въ составъ его входятъ слѣдующія три: а) Холмское (Chelmski); б) Зубцовское (Zubczowski); в) Клинское (Glinski). Населеніе первой поставляло—семь тысячъ; второй—четыре, третьей—двѣ тысячи воиновъ [10]). О княженіяхъ, входившихъ въ составъ Тверской земли въ началѣ XVI вѣка, послѣ паденія ея независимости, даетъ понятіе свидѣтельство нашей лѣтописи о томъ, что въ 1492 г. (7000) „князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ Тверскія земли писати по московски въ сохи, а писалъ Тверь князь Ѳедоръ Аслабышъ, а Старицу—Борисъ Кудозовъ, а Зубцовъ да Опоки—Дмитрій Пѣшиковъ, а Клинъ — Петръ Лобанъ Заболоцкій, а Холмъ и Новый городокъ — Андрей Коромышевъ, а Кашинъ—Василей Карамышевъ“ [11]).

3) Кубенское (Kubensis) княжество, простирается въ длину на тридцать миль. Княжество Кубенское находилось на побережьяхъ Кубенскаго озера, въ юго-западной части Вологодской губерніи. Это озеро занимаетъ $382\frac{1}{2}$ кв. вер. Сѣверо-восточное (Кадниковское) лѣсистое прибрежье его такъ полого къ нему спускается, что съ этой стороны береговая линія непостоянна, „а прибрежье затопляется водою на нѣсколько верстъ отъ обыкновенной черты, не только во время весенняго половодья, но даже осенью и лѣтомъ при сильныхъ дождяхъ. Оттого на сѣверо-восточномъ берегу совсѣмъ нѣтъ селеній“. Другимъ характеромъ отличается юго-западный (вологодскій) берегъ. „Онъ окаймленъ, въ недальнемъ разстояніи отъ нормальной береговой линіи, небольшими возвышенностями, полагающими предѣлъ разливамъ озера съ этой стороны“, и на этихъ возвышенностяхъ находятся довольно многочисленныя селенія. „Обиліе озера растительными веществами, прогрѣваніе лучами солнца мелководныхъ мѣстъ озера, въ особенности заросшихъ подводными и надводными травами, затопля-

---

[10]) *Мѣховскій*, II. Въ изд. 1584 г., стр. 148, строка 26: „Ducatus Klinski“. Въ изд. 1518 г., IIj: „Das fürstenthumb Klinski“.

[11]) Никон. лѣт., VI, 130.

емыя водою обширныя лѣсистыя пространства сѣверо-восточнаго берега и наконецъ разнообразный характеръ притоковъ озера, изъ коихъ нѣкоторые текутъ по глинистому и иловатому дну, а другіе по чистому песчаному, имѣя притомъ верстахъ въ 80 отъ своего устья пороги и каменныя гряды—все это чрезвычайно способствуетъ размноженію рыбы въ озерѣ", и рыбныя ловли здѣсь извѣстны издавна. Побережья этого озера вошли въ составъ владѣній княжества Ярославскаго и перешли къ князьямъ кубенскимъ или заозерскимъ, а отъ нихъ къ князьямъ московскимъ, и въ договорной грамотѣ можайскаго князя Михаила Андреевича съ великимъ княземъ Василіемъ Василіевичемъ, 1447 г., іюня 19, читаемъ: „А что мя еси, господине, пожаловалъ, далъ ми еси въ вотчину и въ удѣлъ половину Заозерья, отчины заозерскихъ князей половина, и съ селы, и со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за отчичи, за князми; да къ той половинѣ придалъ ми еси, господине, изъ своее половины тогоже Заозерья сто деревень; а что, господине, Кубена на сей сторонѣ, и противу, господине, половины Кубены велѣти ти, господине, мнѣ отписати Заозерьскихъ деревень, по пригожу, вмѣсто половины Кубены, исъ своее половины. А отписати ти, господине, велѣти мнѣ, своему брату, тое отчины своему писцю, а моему, господине, писцю быти съ твоимъ писцемъ. А отписати, господине, твоему писцю мнѣ та сторона, которая пришла къ моей отчинѣ, къ Бѣлуозеру... А мнѣ, господине, князь велики, твоее половины Заозерья и Кубены подъ тобою, великимъ княземъ, блюсти и не обидѣти... А коли, господине, князь велики, придетъ посолъ Татарьской въ Ярославль, и мнѣ, господине, съ тое отчины зъ Заозерья давати ярославьскимъ княземъ въ выходъ и во всѣ пошлины въ Ординьские проторы по старинѣ, какъ давали заозерьскіе князи ярославьскимъ княземъ" [12]).

---

[12]) *Мѣховскій*, II. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 816. Собр. гос. гр. и дог., I, № 64 (1447 г., іюня 9), стр. 141; № 66 (1447 г., сент.), договорная грамота князя можайскаго Ивана Андреевича съ в. кн. Василіемъ Василіевичемъ, стр. 147: „да половину Заозерья кубенскихъ князей"; стр. 148: „а съ полу-Заозерья давати ми тебѣ, господине, великому князю, по тому, какъ нереже сего давали заозерьскы князи ярославскымъ во царевъ выходъ"; № 86 (1462 г.), духовная грамота великаго князя Василія Василіевича, стр. 204: „даю ему Вологду, и съ Кубеною, и зъ Заозерьемъ, и что къ Вологде, и хъ Кубене, и къ Заозерью потягло". Истор. гос. росс., *Карамзина*, V, пр. 120 (Родосл. книга): у князя ярославскаго Василія Василіевича 5 сыновъ, и въ числѣ ихъ

4) Ярославское (Iaroslauiensis) княжество, простирается въ длину на 40 миль [13]).

Въ родословной книгѣ собственно Ярославское княженіе называется большимъ княженіемъ, и въ составъ его входили: Романовъ городокъ—нынѣ Романовъ-Борисоглѣбскъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи, въ 36 вер. къ сѣверо-западу отъ Ярославля, на берегахъ р. Волги, и Заозерье—область, лежавшая близъ Кубенскаго озера. Она отстоитъ отъ Ярославля, по прямому направленію, приблизительно на 230 верстъ, и, по всей вѣроятности, именно этимъ разстояніемъ и опредѣлилась длина области Ярославской, по Мѣховскому, равняющаяся 280 верстамъ. Князья ярославскіе еще во времена княженія Димитрія Донскаго признавали московскаго князя своимъ верховнымъ государемъ, были съ нимъ „за одинъ человѣкъ", но они продолжали сохранять наслѣдственныя права владѣтельныхъ князей до самыхъ временъ Ивана III [14]).

5) Княжество Szuhersiensis, простирается въ длину на двадцать миль. Это искаженное названіе, можетъ быть, произошло отъ названія области, лежавшей по р. Шекснѣ, которая въ старину называлась Шехонью. Близъ ея устья находилась волость князей шохонскихъ,

---

кн. Дмитрій Заозерской. Т. IV, пр. 117: „Говорятъ, что еще прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго" (Лекс. Татищева). Т. IV, пр. 160—объ основаніи монастыря Каменскаго на островѣ Кубенскаго озера (XIII в.). Никон. лѣт., VI, 246, 1532 г. (7004), упом. князь Михаилъ Ивановичъ Кубенской.

[13]) *Мѣховскій*, Н.

[14]) *Карамзинъ*, V, пр. 120. Собр. гос. гр. и дог., I, № 106 (1481 г.), договорная грамота великаго князя съ княземъ можайскимъ Андреемъ Васильевичемъ, стр. 255: „А съ Романова городка давати ти Татарщину къ Ярославлю по старинѣ". Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 315. „Меря и Ростовское, княжество", *Д. Корсакова*, Казань, 1872 г., стр. 196: „Неизвѣстный авторъ статьи „о Заозерскомъ княжествѣ" предполагаетъ, что удѣлъ Ярославскій занималъ всю сѣверо-восточную часть теперешней Ярославской губерніи, по лѣвую сторону Волги и по обоимъ берегамъ Мологи, переходя въ южную часть теперешней Вологодской губерніи. Онъ опредѣляетъ пространство Ярославскаго удѣла въ XIII и XIV вѣкахъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ гор. Ярославля къ востоку на 30 верстъ, къ югу на 25 вер., къ западу на 170 слишкомъ верстъ и къ сѣверу на 200 вер. до оз. Кубенскаго" (Яросл. Губ. Вѣдом., 1843 г., № 3). *Карамзинъ*, V, пр. 120: „Димитрій въ своихъ договорныхъ грамотахъ пишетъ, что князья ростовскіе и ярославскіе съ нимъ одинъ человѣкъ"... VI, пр. 293: „Въ Арханг. лѣт., 140": „Того-жъ лѣта (1463) князи ярославскіе поступилися вотчины своея вел. князю, печалованіемъ Алексѣя Полуехтовича, дьяка вел. князя".

о которой упомянуто въ духовномъ завѣщаніи Василія Василіевича [15]).

6) Шаховское (Szahouensis) княжество, простирается въ длину на тридцать миль.

7) Rzezensis, Рязанское княжество поставляетъ пятьнадцать тысячъ воиновъ изъ бояръ или дворянъ.

8) Суздальское (Susdalorum) княжество, отъ котораго зависятъ многія другія [княженія], раззоренныя Татарами.

9) Земля Татаръ, называемая Казанскою ордою, могла выставить въ поле 30,000 воиновъ.

Всего же, по извѣстіямъ Мѣховскаго, число войска въ Московской Руси простиралось до 175,000 чел. [16]).

Новыя свѣдѣнія о Московіи, собранныя Мѣховскимъ, дозволили ему впервые высказать съ твердою увѣренностію важное положеніе, которое давало понятіе о томъ, въ чемъ заключалась сила Московскаго государства, зародышъ его будущаго политическаго могущества. Жители Московіи, пишетъ онъ, имѣютъ одинъ языкъ Рýсскій или Славянскій, и даже Вогуличи и обитатели Вятки (Ohulci et qui in Viatka degunt)—Русскіе и говорятъ по русски, имѣютъ одно вѣро-

---

[15]) *Мѣховскій*, Н. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 201: „Шехонь есть старинное и вмѣстѣ съ тѣмъ правильное названіе р. Шексны, а словомъ Пошехонье обозначалась вся мѣстность, прилегающая къ р. Шекснѣ, т. е. Пошекснье". Гор. поселенія въ Росс. имперіи, т. V, ч. 2, С.-Пб., 1865 г., стр. 447: „По присоединеніи Ростовской области къ Москвѣ, города и округи ея управлялись уже царскими намѣстниками и воеводами, а прежніе удѣльные князья состояли уже на царской службѣ, хотя и владѣли еще вотчинами въ здѣшнемъ краѣ, какъ напр. князья Ушатые—на берегахъ Волги, въ Угличскомъ уѣздѣ; Ростовскіе-Темкины—въ Угличскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ (въ концѣ XVII в.); Шехонскіе (около 1504 г.)—по берегамъ Шексны; Ухтомскіе—по р. Ухтомѣ, въ Пошехонскомъ же уѣздѣ; Щепины-Ростовскіе—въ Мологскомъ". Собр. гос. грам. и дог., I, № 86 (1462 г.), завѣщаніе Василія Василіевича, стр. 204: „и усть Шокъстны, что себѣ купила у князя у Семена и у князя у Василья у Шохонскихъ"....

[16]) *Мѣховскій*, Н.: „Est et terra Thartarorum, Kozanska horda nominata, triginta iuxta castrum Kozan, quod dux Moskouiae possidet". Стр. Hij: „Deinde octuaginta miliarijs germanicis Volha sub castrum Kozan, quod dux Moskouiae possidet" (ср. стр. Eiij: л. 2). Въ изд. 1518 г., Hij: „Es ist auch ein land der Tarter Kozansska ain schar oder horda, zeücht ins feld mit XXX. tausent streitbaren mannen". Сводъ иностранныхъ извѣстій первой половины XVI в. о числѣ войска въ Московіи см. въ ст. моей, „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи Себастіана Мюнстера", Ж. М. Н. Пр., 1880 г., стр. 86.

ученіе и богослуженіе (unam sectam et religionem), которыя сходны (съ вѣроученіемъ и богослуженіемъ) у Грековъ. Всѣ владыки (wladicae), то есть епископы Московіи, которыхъ число очень значительно, подчинены константинопольскому патріарху, и имъ утверждаются въ санѣ епископскомъ. Исключеніе же составляютъ: (во-первыхъ) Татары Казанскіе, которые, признавая власть князя московскаго, почитаютъ, какъ и Сарацыны, Магомета и говорятъ по татарски; (во-вторыхъ) чужеземцы, обитающіе на сѣверѣ, имѣющіе свои нарѣчія и языки и почитающіе идоловъ [17]).

Въ той же части своего Трактата, въ которой авторъ указываетъ на единство языка и вѣры, какъ на одну изъ выдающихся особенностей быта Московіи, онъ причисляетъ къ этимъ особенностямъ и подвижность населенія. Какъ въ земляхъ Турецкихъ, пишетъ онъ, такъ и въ Московіи переселяются изъ одной области въ другую, [мѣста же покинутыя] бываютъ занимаемы другими. Такъ рано давала знать о себѣ та особенность русскаго быта, важное, глубокое значеніе которой могло быть оцѣнено только путемъ историческаго изученія нашего прошлаго [18]).

О городахъ Московіи Трактатъ даетъ слѣдующія, сравнительно съ другими, довольно обстоятельныя свѣдѣнія:

Москва, „столица Московіи, городъ довольно обширный, вдвое болѣе Тосканской Флоренціи и Богемской Праги. Говоря о Прагѣ, я разумѣю городъ дѣйствительно существующій, именно тотъ, въ которомъ сами вы были, а не ту Прагу, которая, по ложному увѣренію одного новаго историка, простирается на три дня пути. Москва не обнесена стѣною, имѣетъ зданія деревянныя и много улицъ и тамъ, гдѣ оканчивается одна, другая начинается не тотчасъ, а отдѣляется полемъ (ubi una platea finitur, altera non statim incipit, sed campus mediat). Дома отдѣлены заборами, такъ что не прикасаются другъ къ другу. Тѣ, которые принадлежатъ знатнымъ лицамъ,

---

[17]) *Мѣховскій*, Hij об. „Practer Thartaros Kasanenses, qui ducem Moskorum recognoscentes Mohometum una cum Saracenis venerantur et linguagium Thartarorum loquuntur. Etiam practer alienigenas ad septentrionem in Scythia commorantes, qui sermone et linguis propriis loquuntur et idola colunt“.

[18]) *Мѣховскій*, Hij об. „Accipiat tertio, quod in dominio Moskorum quaemadmodum et in terris Thurçorum, homines de loco in locum et de territorio in territorium ad incolendum transferuntur, et alij pro his commutatim mittuntur et locantur“.

отличаются большею высотою, дома же простыхъ людей (plebeorum) низки. По серединѣ города, подъ стѣною его крѣпости, протекаетъ рѣка, носящая одно названіе съ городомъ—Москва, (рѣка) такой же ширины, какъ Молдава въ Прагѣ или Арно во Флоренціи. Крѣпость же, выстроенная въ серединѣ города, на открытомъ мѣстѣ, обнесена крѣпкою стѣною, такой же величины, какъ Буда (tantae amplitudinis, ut Buda) въ Венгріи, имѣетъ три стрѣльницы и высокія, покрытыя черепицами, башни; ихъ вмѣстѣ со стрѣльницами семьнадцать (habet tria propugnacula, et cum his turres magnae simul computatae sunt decem et septem, tegulis latericijs tectae, sed unus murus). Въ этой крѣпости шестьнадцать церквей, и въ числѣ ихъ три каменныя (tres muratae), а именно: пресвятой Богородицы, св. Михаила и св. Николая; остальныя деревянныя. Дворецъ князя въ вышеупомянутой крѣпости—каменный, новый, въ итальянскомъ вкусѣ (ad instar Italicum), не отличающійся обширностію (non amplum, nec magnum); [въ той же крѣпости] три дома (tres curiae), принадлежащіе людямъ благороднаго сословія, тоже каменные (tres curiae nobilium sunt murata); [всѣ же] другіе дома—деревянные, комнаты [въ нихъ] темныя. Всѣ прочіе города Московіи меньше [Москвы], и всѣ крѣпости меньше [Московскаго Кремля] и всѣ онѣ деревянныя".

Кромѣ помянутыхъ Мѣховскимъ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. въ Москвѣ были и другія каменныя зданія, хотя число ихъ было незначительно въ сравненіи съ деревянными, и не въ одной Москвѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ, хотя и немногихъ городахъ Московіи [19]).

[19]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., H. и об. Въ изд. 1518 г., Hij и об. „hat drey vorwer oder prustweer, vnd bey den gross thürn wol xvij: mitt ziegel deckt"; „die stuben all schwartz" (въ изд. 1521 г., „stubae omnes nigrae"). Русскій переводъ въ Отеч. Зап., т. XCVIII, 1854 г., Библіографическіе отрывки, Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе о двухъ Сарматіяхъ, стр. 148, не отличается точностію и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не передаетъ смыслъ подлинника. Такъ „propugnacula" переведено словомъ „бойницы". Но если бы propugnaculum имѣло такое значеніе у Мѣховскаго, то онъ, конечно, не сталъ бы складывать итогъ бойницъ Московскаго Кремля съ итогомъ башень. Въ XVI и XVII стол. „при постепенномъ усовершенствованіи оборонительныхъ оградъ", замѣчаетъ *Θ. Ласковскій* въ своемъ сочиненіи: „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи", ч. 1, С.-Пб., 1858 г., стр. 115, „для увеличенія массы дѣйствія ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, продѣлывали въ мерлонахъ зубцевъ бойницы, которыя, увеличивая число боевыхъ отверстій, представляли еще болѣе безопасное прикрытіе для стрѣлковъ". См. также стр. 124—о высотѣ башень Московскаго Кремля; стр. 280: на чертежѣ 11-мъ изображены

Tuerd, Тверь—столица Тверскаго княжества, по извѣстіямъ Мѣховскаго, обширный городъ, состоящій изъ деревянныхъ строеній; въ немъ сто шестьдесятъ деревянныхъ церквей, деревянная крѣпость, въ которой девять храмовъ. Главный храмъ во имя Спасителя есть единственная каменная церковь въ цѣломъ городѣ [20]).

„Едва ли можно принимать буквально отзывъ Мѣховскаго", замѣчаетъ авторъ исторіи Тверскаго княжества, „какъ о количествѣ церквей, такъ и о томъ матеріалѣ, изъ котораго онѣ были сдѣланы; онъ могъ легко ошибаться; такъ напр. изъ лѣтописей видно, что въ Твери была не одна каменная церковь" [21]).

---

3 главныя оборонительныя ограды Москвы, существовавшія въ XVII стол. На этомъ чертежѣ 8 малыхъ четыреугольныхъ башень и 3 угловыя круглыя башни; стр. 96: съ XV-го стол. „башни стали называться въ лѣтописяхъ стрѣльницами, и это названіе, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ, сохранилось до половины XVI столѣтія". Въ Латинскомъ словарѣ *Forcellini*, t. III, Lipsiae, 1853 г., p. 526: „*Hor. Epod.*, I, 1. Ibis Libirnis inter alta navium, Amice, propugnacula, h. e. turribus et tabulatis excelsioribus in naves impositis". Въ русс. переводѣ, От. Зап. т. XCVII, стр. 148: въ Москов. Кремлѣ „17 церквей"; въ подл., у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., H и об., „ecclesiae sunt sedecim".

Никон. лѣт., VI, стр. 61, 1476 г., окт. 4, во время пожара „единыхъ церквей каменныхъ десять обгорѣ, а у 11-й у Вознесенія и нутрь выгорѣлъ, опрочѣ застѣнныхъ каменныхъ, и тѣхъ десять"; о каменныхъ церквахъ въ Москвѣ, 1476 г.—1508 г., см. стр. 70 (ц. въ Симоновѣ монастырѣ), 107 (ц. св. Іоанна Златоустаго), 108 (ц. Успенская), 118 (ц. св. Алексѣя); 119, 121 (ц. Благовѣщенія и Изъ положенія Пречистой); 128 (ц. Преображенская и Введенія преч. Богородицы), 138 (ц. Срѣтенская), 150 (ц. Преображенская), 176—177 (ц. св. Николая), 180 (ц. св. Михаила).

О стрѣльницахъ см. стр. 119, 122, 126, 127, 129, 133. Стр. 182 (1508 г.): „Тояжъ весны князь великій велѣлъ вкругъ града Москвы ровъ дѣлати каменіемъ и кирпичіемъ и пруды чинити вкругъ града Алевизу Ѳрязину".

О другихъ каменныхъ строеніяхъ въ Москвѣ, за исключеніемъ помянутыхъ, см. въ той же лѣтописи, стр. 59 (1475 г.), 122 (1487 г.), 129 (1491 г.), 138 (1493 г.), 157 (1499 г.), 170 (1504 г.), 182 (1508 г.).

Никон. лѣт., IV, стр. 11 (1364 г.)—о каменной церкви Преображенской въ Торжкѣ;—св. Троицы во Псковѣ; стр. 31 (1371 г.)—о заложеніи Нижняго Новгорода каменнаго и о церкви каменной св. Николы въ Русѣ. Никон. лѣт., V, стр. 98 (1430 г.): „Новъгородцы ко граду Порхову придѣлали другую стѣну камену". Тамъ же, VI, стр. 119 (1484 г.), 182 (1508 г.).

[20]) *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., H: Twerd „est ciuitas grandis lignea de lignis edificata, in ea sunt ecclesiae ligneae centum et sexaginta, castrum etiam ligneum est, et sunt in ipso nouem (sic) oracula seu ecclesiae"... Въ изд. 1518 г., Hij: „in dem landt.ist die haubtstatt Twerd, ain grosse hültzine stat, darin sind CLX hulziner kirchen, vnd das schloss ist auch hültzin, siben haubtkhirchen seind darinn"....

[21]) Исторія Тверскаго княжества, *В. С. Борзаковскаго*, С.-Пб., 1876 г. О крѣпостныхъ постройкахъ въ Твери см. Ник. лѣт., IV, 44, 199, 255; о церкви

Nouygrod, Новгородъ, который Латиняне называютъ Нугардомъ или Новогардомъ (Nugardiam vel Nouogardiam), по занимаемому имъ пространству, нѣсколько обширнѣе Рима, „который имѣетъ въ окружности тридцать двѣ итальянскія мили, что составляетъ шесть нѣмецкихъ, съ остающимся излишкомъ двухъ итальянскихъ. Новгородъ же имѣетъ [въ окружности] семь полныхъ нѣмецкихъ миль или тридцать пять итальянскихъ. Строенія въ немъ деревянныя, въ Римѣ же каменныя. Новгородъ отстоитъ отъ Балтійскаго моря на двѣ или на три мили. Въ немъ обитали и теперь еще обитаютъ очень богатые купцы". Въ Новгородѣ есть крѣпость, называемая Дѣтинцемъ (Deczen), въ которой главный храмъ св. Софіи, то есть Спасителя, [куполъ] котораго покрытъ блестящими золотыми пластинками; въ томъ же Новгородѣ — семь монастырей, въ которыхъ живутъ иноки, слѣдующіе уставу св. Василія, и эти монастыри „отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи почти полу-мили. Въ первомъ монастырѣ пресвятой Дѣвы Маріи—тысяча монаховъ, въ другомъ монастырѣ св. Георгія—семьсотъ, въ третьемъ—шестьсотъ, въ четвертомъ—четыреста, такъ послѣдовательно [въ количествѣ, постепенно уменьшающемся] въ другихъ монастыряхъ. Церквей [въ Новгородѣ], въ честь святыхъ, много; во имя одного святаго Николая (котораго Русскіе болѣе чтутъ, чѣмъ другихъ святыхъ) столько церквей, сколько дней въ году. Новгородъ лежитъ подъ 66° градусомъ сѣверной широты и потому во время лѣтняго солнцестоянія въ немъ отъ захожденія до восхода солнца бываетъ такъ свѣтло (apparet lux coeli), что мастера, портные, сапожники и другіе ремесленники могутъ даже работать" [22]) [безъ огня].

св. Спаса, тамъ же, 145—146, 269, 283—285, 296, 307. О каменныхъ церквахъ въ Твери тамъ же, IV, 254 (1394 г.): „Владыко Тверскій Арсеній постави монастырь на рѣцѣ на Тмацѣ Пречистыя Богородицы Успеніе церковь каменну, въ ней же и положенъ бысть, по его велѣнію"; 307 (1403 г.): „создана бысть церковь каменна святаго Николы на городкѣ, единаго лѣта, великимъ княземъ Иваномъ Михаиловичемъ тверскимъ и свѣщена бысть Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ"; 312 (1404 г.): „заложена бысть церковь камена Успеніе Пречистые Богородицы".

[22]) *Мѣховскій*, Gij и об. Въ русс. переводѣ, Отеч. Зап., т. XCVII, 1854 г., стр. 146: „храмъ св. Софіи, то есть Спасителя, котораго позолоченная крыша горитъ какъ бы огнемъ. Въ томъ же Новгородѣ, на разстояніи около полумили, находится семь монастырей черноцовъ, то есть черныхъ монаховъ"; въ изд. 1521 г., стр. Gij об. ecclesia... sancti Sophiaeid est Salvatoris, et est tecta

Какъ видно изъ приведенныхъ извѣстій, Новгородъ Великій, и послѣ роковаго 1478 года, продолжалъ сохранять значеніе важнаго торговаго и промышленнаго центра, и свидѣтельствомъ Мѣховскаго о томъ, что въ этомъ городѣ жили богатѣйшіе купцы, опровергается само, впрочемъ, по себѣ сомнительное извѣстіе Герберштейна о томъ, что великій князь (Иванъ III) „всѣхъ богачей и вельможъ“ новгородскихъ увезъ въ Москву.

О каменныхъ строеніяхъ въ Новгородѣ Мѣховскій совсѣмъ не упоминаетъ, хотя ихъ здѣсь было не мало, сравнительно съ числомъ каменныхъ строеній въ другихъ городахъ Московской Руси XVI вѣка [23]).

Pskou, Псковъ, пишетъ Мѣховскій, городъ замѣчательный, окруженъ стѣною и занимаетъ значительное пространство, хотя менѣе „Новгорода, находится на границѣ Московіи и Литвы; Латиняне называютъ его Плесковіею (Plescouia). Тамошніе жители, по языку и вѣроисповѣданію, всѣ Русскіе; не брѣютъ бороды и не стригутъ волосъ, одѣваются же совершенно по-нѣмецки. Въ Псковской области, на границѣ съ Ливоніей, выстроено тридцать окруженныхъ стѣнами крѣпостей, и такихъ хорошихъ, какихъ нѣтъ ни въ Московіи, ни въ Литвѣ. Вся Псковская земля простирается на шестьдесятъ миль въ длину и на сорокъ въ ширину“. По взятіи Пскова, ны-

---

aureis laminis splendescentibus, suntque in eadem Nouigrod septem monasteria Czyrnkorum i. nigrorum monachorum de regula sancti Basilij, et distant a se inuicem fere vel prope per medium miliare“; въ изд. 1518 г., стр. Giij: „darinn ist die hauptkirch sanct Sophie des Saluators mit ainem vergulten dach, auch so seind siben clöster zu Nouogrod schwartzer münich sant Basilius orden und yegklichs ain halbe meil von dem anderen“. Въ русск. перев. „Въ монастырѣ Пречистой Дѣвы Маріи считается 1000 монаховъ, въ монастырѣ св. Георгія - 700; въ остальныхъ менѣе“. Въ изд. 1521 г., стр. Gij об. „In primo monasterio beatae Mariae virginis sunt mille monachi, in altero sancti Georgii septingenti, in tercio sexingenti, in quarto quandringenti, sic consequenter in alijs monasterijs“; въ изд. 1518 г., стр. Giij, л. 2: „in dem ersten closter vnser frauwen seid Tausent münich, in sanct Georgen closter sibenhundert, in dem dritten sechshundert etc“.

[23]) R. M. C., 74 C (р. п., 114). Герберштейнъ тоже обратилъ вниманіе на то, что изъ святыхъ Русскіе „преимущественно чтятъ Николая Барскаго“. Они, замѣчаетъ авторъ Записокъ о Московіи, 41 C—42 A (65--66), „ежедневно разсказываютъ о многочисленныхъ чудесахъ“ св. Николая, и затѣмъ приводитъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. „Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ“, архиман. *Макарія*, ч. I и II, М. 1860 г., ч. I, стр. 19: „Въ XII же вѣкѣ, по сказанію даже лѣтописей, много сооружено было церквей каменныхъ не только въ самомъ Новгородѣ, но и въ его окрестностяхъ“.

нѣшній московскій государь Василій удалилъ оттуда многихъ знатныхъ людей и гражданъ и переселилъ ихъ частію въ Москву, частію въ другіе города Московіи [24]).

Объ иноземномъ вліяніи на бытъ Псковичей сохранилось свидѣтельство и у Герберштейна. Псковичи, говоритъ онъ, „даже до сего дня дѣлаютъ проборъ на головѣ не по-руски, а по-польски“ [25]).

Пригородовъ Псковскихъ, имѣвшихъ значеніе укрѣпленныхъ пунктовъ, насчитываютъ по лѣтописямъ до двадцати, и если мы предположимъ, что не всѣ существовавшіе въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка пригороды Псковской земли поименованы, все же мы не можемъ принять итогъ ихъ, приводимый Мѣховскимъ, хотя его извѣстіе о нихъ не лишено нѣкотораго значенія. И по нашимъ лѣтописямъ, въ XIV и XV стол. Псковичи являются весьма дѣятельными и заботливыми въ дѣлѣ огражденія своей земли отъ нападенія Литовцевъ и Нѣмцевъ [26]).

Smolensco castrum, Смоленскъ, выстроенъ изъ дуба и окруженъ глубокими рвами. „Княжество Смоленское простирается въ длину отъ

---

[24]) *Мѣховскій*, Gij об., Giij.

[25]) R. M. C., 76 B (р. п., 116): „Plescovuienses autem, ut etiam hoc obiter adijciam, in hunc usque diem caesarie non Ruthenorum, sed Polonorum more, bifurcata utuntur;“ въ изд. 1567 г., LXXXIV: „Es habend aber die Plescauwer (damit ich auch an dem färghen dises anzeig) bis auff disen tag jhr haar nicht nach der Reussen, sonder nach der Polender gebrauch abgeschniten vnd mit zweyen spitzen gezieret“; въ изд. 1557 г., стр. M: „Die vbrigen in der Stathalten noch die manier mit dem haar am hiern ausszuthailn vnd khainen schopff (хохолъ) zumachen“.

[26]) Наиболѣе полный перечень Псковскихъ пригородовъ находится въ сочиненіи *И. Бѣляева:* „Разсказы изъ Русской исторіи. Исторія города Пскова и Псковской земли“, М., 1867 г., стр. 11—14. На р. Великой ихъ было восемь: Опочка, Вороначь, Дубокъ, Островъ, Котельно, Володимерецъ, Вревъ около Вороначи и Кошкинъ городокъ, „въ углу, образуемомъ рѣками Великою и Черехою“; на южной границѣ, ближе къ Литовско-Полоцкому рубежу: Вышгородокъ, на р. Ладѣ, впадающей въ р. Великую съ лѣвой стороны, Коложе, Красный городокъ, на р. Синей, впадающей въ р. Великую, съ лѣвой стороны, Заволочье и Ржевъ; на западной границѣ: Изборскъ, Велья Новый городецъ, Лагозовицы; на сѣверѣ: Гдовъ, Озолица, Кобылій. Всего, по перечню И. Бѣляева, двадцать пригородовъ. Но, замѣчаетъ онъ, „не было времени, когда бы всѣ Псковскіе пригороды были на лицо въ полномъ составѣ, а напротивъ пограничные города, подвергаясь частымъ нападеніямъ непріятелей, то раззорялись и приходили въ запустѣніе, и на ихъ мѣсто устроивались новые города, то опять возобновлялись старые, такъ что никогда Псковъ не имѣлъ болѣе двѣнадцати пригородовъ въ одно время; а при паденіи Пскова было только 11 пригородовъ и одно городище“.

Объ укрѣпленіяхъ Пскова и его пригородовъ находятся любопытныя из-

60—70 миль“ [27]). Въ эпоху самостоятельнаго существованія Смоленской земли въ первой половинѣ XIII в. въ составъ ея входили, на сѣверной ея окраинѣ—Торопецъ; а на южной—Мстиславль. Между ними по прямому направленію около 275 верстъ.

Въ послѣдней главѣ Трактата о Сарматіяхъ излагаются свѣдѣнія о племенахъ, обитающихъ въ Скиѳскихъ странахъ, на сѣверо-востокѣ Московіи. Эти племена, впервые (principaliter) покоренные великимъ княземъ Иваномъ III, слѣдующія: Пермь (Perm), Башкиры (Baskird), Черемисы (Czirmeissa), Югра (Iuhra) и Карела (Corela). Каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ свой языкъ, и, за исключеніемъ Перми, всѣ остальныя пребываютъ въ язычествѣ, „почитаютъ солнце, луну, звѣзды, лѣсныхъ животныхъ и все, что случится“. Обитатели Скиѳіи „не пашутъ, не сѣютъ, не имѣютъ ни хлѣба, ни денегъ, одѣваются въ шкуры лѣсныхъ животныхъ, которыми [эта область] изобилуетъ и пьютъ одну только воду“. Они живутъ „въ густыхъ лѣсахъ, въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ прутьевъ“, подобно дикимъ животнымъ, и, не умѣя добывать руду, должны платить дань великому князю звѣриными шкурами.

Племена, живущія ближе къ Сѣверному океану, Югричи (Iuctri) и Карелы занимаются рыболовствомъ, ловятъ тюленей и моржей, кожу которыхъ употребляютъ на разнаго рода издѣлія; жиръ сберегаютъ и продаютъ вмѣсто масла [28]).

вѣстія во 2-й Псковской лѣтописи. П. С. Р. Л., т. V, стр. 11, 12, 16, 17, 18 (1400 г.): „Князь Григорій Остафіевичь, и Захаріа посадникъ, и весь Псковъ заложивше сдѣлаша новую стѣну къ старой стѣнѣ на приступѣ, отъ Великой рѣцѣ до Псковѣ, тлъще и выше“...

Стр. 22 (1414 г.): „Псковичи поставиша градъ Коложе, на новомъ мѣстѣ, на Опочкѣ, а сдѣлаша весь у двѣ недѣли, въ осень, на Покровѣ“.

Стр. 26 (1431 г.): „Князь Псковскый Александръ и посадникъ Селивестръ заложиша новый городокъ на новомъ мѣстѣ, на рѣкѣ надъ Ругодивомъ въ Залѣсьи, Выборъ, и начаша дѣлати на Воздвиженіе честнаго креста и до зимы сдѣлаша“. См. также стр. 23, 24, 27, 29, 31, 32, 34, 35, 42.

[27]) *Мѣховскій*, Giij: „Smolensko castrum et ciuitas ex roboribus structa et, fossis profundis munita, ipsa autem terra seu ducatus molensko continet in longum sexaginta aut septuaginta milliaria Germanica“; въ изд. 1518 г., Giij, л. 2: „Smolensko schloss vnnd statt auss grossen höltzern bauwen, mitt tieffen graben, das herzogthumb Smolenssko ist bey sibenzig meilen lang“.

[28]) *Мѣховскій*, Hiij и об. От. Зап., т. 97, стр. 150.

Считая Югровъ родоначальниками Венгровъ, Мѣховскій, стр. Dij и об., Ciij, Diij, л. 2, указываетъ на движеніе ихъ въ землю Готовъ, которая потомъ стала мѣстомъ обитанія Заволжскихъ Татаръ, и отсюда въ Панонію.

XXXIV.

Письмо Альберта Кампенскаго къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи. — Источники, которыми пользовался авторъ этого письма. — Сопоставленіе числовыхъ данныхъ, находящихся въ Трактатѣ Мѣховскаго съ тѣми, которыя находятся въ сочиненіи Альберта Кампенскаго. — Пространство, занимаемое Московіею.—Perusrani.—Разстояніе между Новгородомъ Вел. и берегомъ Балтійскаго моря.—Перечень племенъ, обитающихъ на сѣверо-востокѣ Московіи. —Извѣстія Альберта Кампенскаго о Татарахъ, Россахъ, Литовцахъ и Самогитахъ и о княженіяхъ русскихъ.—Данныя въ сочиненіи Альберта Кампенскаго, почерпнутыя изъ источниковъ неизвѣстныхъ.

Сочиненіе Іовія: „De legatione Basilii magni Principis Moscoviae, ad Clementem VII Pontificem Max. Liber“.—Сообщенія Димитрія Герасимова. — Равнины, примыкающія къ Герциніи.—Предѣлы Московіи.—Народы, обитающіе на ея границахъ.—Производство имени Россія.—Народы, говорящіе на языкѣ Иллирійскомъ (Славянскомъ).—Характеръ Москвитянъ. — Ихъ благочестіе. — Ненависть къ Іудеямъ.—Города Московіи.—Указанія на историческое и торговое значеніе Новгорода, Москвы и Владиміра.—Описаніе Москвы.—Ея особенности.—Города: Тверь (Ottoferia), Нижній Новгородъ (Novogrodia minor), Васильсурскъ (Surcicum), Коломна (Columna), Псковъ (Plescovia), Устюгъ (Ustiuga), Смоленскъ (Smolencum).

Инородцы, обитавшіе въ предѣлахъ Московіи: Пермь (Permii), Печора (Peceрri), Югры (Jnugri), Вогуличи (Ugulici), Пинежане (Pinnagi).—Торговля мѣхами.—Распространеніе христіанства у Пермяковъ и Печоры.—Путь въ страну Югровъ и Вогуличей. — Лапландцы.—Ихъ жилища, занятія, торговля съ Москвитянами.

Извѣстія Іовія о Татарахъ (Скиѳы, Амаксовіи въ древности).—Ихъ становища, внутреннія усобицы и крайніе восточные предѣлы области, ими занимаемой.—Татары Шибанскіе (Sciabani).—Извѣстія о нихъ въ нашихъ лѣтописяхъ.—Казанскіе Татары (Casanii).—Нагаи (орда Синяя).—Ихъ управленіе и улусы.—Загатаи.—Ихъ столица—Самаркандъ.—Племена Татарскія, обитающія близъ Азовскаго моря, при рр. Борисѳенѣ и Танаисѣ; между Танаисомъ и Волгою (Татары Кремскіе).—Татары Перекопскіе.—Города: Казань (Casanum), Цитрахань (Cytracham), Азовъ.—Замѣтки Іовія о Литвѣ.

Извѣстія Фабра о Московіи.—Русскіе послы въ Вѣнѣ, въ 1525 году.—Благочестіе Москвитянъ.—Ихъ преданность государю. — Происхожденіе именъ: Руссы и Москвитяне.—Владѣнія великаго князя московскаго.—Языкъ Москвитянъ.—Владѣтели, подвластные великому князю.—Города: Москва, Владиміръ (Fladimeri), Псковъ (Blescouia), Новгородъ (Nouigradia), Смоленскъ (Smolne), Тверь (Otiferi).—Инородцы, обитающіе на сѣверѣ Московіи.

Многія изъ тѣхъ извѣстій, которыя находятся въ Трактатѣ о Сарматіяхъ, мы находимъ и въ письмѣ Альберта Кампенскаго къ

Его Святѣйшеству папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи. Поэтому можно предполагать съ большимъ вѣроятіемъ, что авторъ этого письма пользовался Трактатомъ, хотя о немъ и не упомянуто въ предисловіи. Здѣсь, между прочимъ, находимъ указаніе на то, что авторъ собралъ нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній отъ купцовъ (итальянскихъ), а также отъ отца и брата, долгое время проживавшихъ въ Московіи и коротко ознакомившихся съ языкомъ, письменами и обычаями Москвитянъ [1]).

Протяженіе Московіи съ запада на востокъ составляетъ, по показанію Альберта, болѣе шестисотъ миль нѣмецкихъ или три тысячи миль италіанскихъ; а именно: отъ Новгорода до Москвы 500 итал. или 100 нѣм. миль; отъ Москвы до Вологды — 100 итал. миль; отъ Вологды до Устюга — столько же; отъ Устюга до Вятки — столько же; отъ Вятки до земли Perusrani—30 нѣм. миль и столько же отсюда до Вогуличей.

Сравнивая эти числовыя данныя съ тѣми, которыя находятся въ сочиненіи Мѣховскаго, мы открываемъ между ними такое сходство, что, повидимому, имѣемъ право предполагать, что авторъ письма заимствовалъ ихъ изъ Трактата, но здѣсь разстояніе Москвы отъ Вологды, Вологды отъ Устюга, Устюга отъ Вятки опредѣляется въ 400 миль не италіанскихъ, какъ въ Письмѣ, а нѣмецкихъ. Затѣмъ въ Трактатѣ опредѣляется разстояніе Вятки не отъ земли Perusrani, а отъ земли Пермской—100 миль, а отсюда до Вогуличской земли 30 м., что̀ и составляетъ итогъ въ 530 нѣм. миль. По числовымъ же даннымъ Альберта Кампенскаго получается итогъ не въ 600 нѣм. миль, какъ у него, а всего только въ 400 итал. миль и 60 нѣмецкихъ. Поэтому мы можемъ предположить, что итогъ выведенъ авторомъ на основаніи числовыхъ данныхъ Мѣховскаго, самыя же данныя опредѣлены невѣрно: нѣмецкія мили названы итальянскими. Можетъ быть тоже подверглось искаженію приводимое Мѣховскимъ названіе земли Пермской и превратилось въ загадочное—Perusrani [2]) (въ русскомъ переводѣ Печора).

---

[1]) *Альбертъ Кампенскій*, по изд. 1836 г., стр. 59 (р. п., 12). Др. и Н. Россія, 1875 г., № 12, стр. 323, прим. 2.

[2]) *Альбертъ Кампенскій*, стр. 59 (р. п., 14). „Camminando da Novogardia verso levante alla citta di Moscovia si fanno cinquecento miglia Italiane overo cento Tedesche... della qual Moscovia insino a Volochda si numerano altre cento miglia Italianc. da Volochda a Usczuga similmente sono cento miglia Italianc. da

По опредѣленію Альберта Кампенскаго, Новгородъ отстоитъ отъ Балтійскаго моря на двѣсти двѣ мили, а по опредѣленію Мѣховскаго— на двѣ или на три мили.

Нѣкоторыя тоже, вѣроятно, заимствованныя изъ Трактата названія племенъ и княжествъ въ извѣстныхъ намъ изданіяхъ Письма о дѣлахъ Московіи являются въ очень искаженномъ видѣ, какъ напримѣръ Rubenia вмѣсто Kubensis, Zubezuvoschi вмѣсто Zubcouski и др.[3]).

Usczuga a Viathcha altretante. da Viatcha a Perusrani son trenta miglia Tedesche. da costoro ai Vahulzrani è altretanto". Имя Perusrani встрѣчается также въ слѣдующемъ перечнѣ племенъ, на стр. 60 (p. п. 15): „gli Iuhri, li Coreli, li Perusrani, li Vahulzrani". Ср. у *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., Giij л. 2 об.—H: „a Viatka ad regionem Permska centum miliaria"... „Et istae prouinciae... erunt quingenta miliaria germanica magna".

То, что сообщаетъ *Альбертъ Кампенскій* о племенахъ Perusrani и Vahulzrani, на стр. 66 („vi stanno li Perusrani et li Vahulzrani popoli della Scithia: li quali quel Giovanni di Moscovia predecessore di questo Basilio, ch'al presente regna, pochi anni adietro sottopose al suo dominio, et constrinsegli a battezzarsi et a confessar Christo, havendo dato loro uncerto vescovo greco, overo Vladico, che gli amaetrasse: il quale dicono, che quei Barbari dopo la partita del Principe scorticarono vivo et con varii tormenti crudelissimamente uccisero" etc., p. п., 26), то находимъ у *Мѣховскаго* въ извѣстіяхъ о землѣ Пермской, на стр. Hij („terra Permska... fuit regio idola colens, quem Iwan, dux Moskorum, citra annos viginti baptisma percipere coegit, more Rutenorum seu Graecorum, et posuit eis wladicam i. episcopum, nomine Stephanum, quem Barbari post discessum ducis viuum excoriaverunt et necaverunt" etc).

[3]) *Альбертъ Кампенскій*, стр. 64. Въ русскомъ переводѣ, напеч. въ Библ. ин. писателей о Россіи, *В. Семенова*, стр. 22: „Въ Новгородѣ встрѣчается столько богатыхъ и великолѣпныхъ монастырей и столько храмовъ, изящно и пышно разукрашенныхъ, что для описанія одной церкви св. Николая, весьма уважаемаго Москвитянами, потребуется не менѣе цѣлаго года"; въ подл., на стр. 64: „vi sono tanti monasterii di relegiosi magnificamente fabricati et dotati, tante chiese di santi con bellissimo et magnifico ornamento edificate, che di san Nicolò solo, il quale appresso quelle gente è in somma veneratione, si dice esservi tante chiese, quanti giorni ha l'anno" (т. е. въ Новгородѣ столько церквей св. Николая, сколько дней въ году). *Мѣховскій*, по изд. 1521 года, Gij: „Distat Novygrod a mari Balteo duobus vel quasi tribus miliarijs"; стр. Gij об. „Sunt et ecclesiae sanctorum plurimae et solius sancti Nicolai (quem Ruteni inter alios sanctos plus colunt) ecclesiae sunt tot, quot sunt dies in anno".

Ср. также у *Альберта Кампенскаго*, стр. 60 (p. п., 15): перечень племенъ, обитающихъ на сѣверо-востокѣ Московіи: „Juhri, li Corelli, li Perusrani (Pezorani), li Vahulzrani (Ussarani), li Baschirdi et i Czeremissi"; 66 (26); у *Мѣховскаго*, Hij: „Perm, Baskird, Cziremissa, Corela"; стр. H.

У *Альберта Кампенскаго*, стр. 60, 61, 66 (p. п., 15—17, 25—26)—о мѣстообитаніи Татаръ, объ ордѣ Казанской, объ ордѣ Заволжской; ср. у *Мѣховскаго*, стр. Eij, л. 2 об., Bij, H и об.

Кромѣ извлеченныхъ изъ Трактата о Сарматіяхъ, сочиненіе Альберта Кампенскаго заключаетъ въ себѣ и извѣстія, почерпнутыя изъ источниковъ, намъ неизвѣстныхъ, и онѣ не лишены интереса и даютъ ему цѣну въ ряду другихъ иностранныхъ сочиненій. Къ таковымъ относятся извѣстія о благочестіи Москвитянъ, объ отношеніяхъ великаго князя къ его подданнымъ, о войскѣ, о богатствахъ Московіи и ея торговлѣ, а также замѣтка о томъ, что на сѣверѣ и в.-сѣверо-востокѣ Смоленскаго княжества находится княжество Можайское [4]) (il ducato di Mosaisco).

Вскорѣ послѣ перваго изданія Трактата появилось въ печати, въ 1525 году, сочиненіе Іовія („De legatione Basilii magni, Principis Moscoviae, ad Clementem VII Pontificem Max. Liber“), которое, будучи написано со словъ образованнѣйшаго русскаго человѣка, заключало въ себѣ не мало новыхъ въ западно-европейской литературѣ извѣстій о народахъ на сѣверо-востокѣ Европы и свѣдѣнія о бытѣ Московской Руси болѣе обстоятельныя и полныя, чѣмъ тѣ, которыя были сообщены ранѣе [5]).

У *Альберта Кампенскаго*, 62 (р. п., 18—19)—о Россахъ, Литовцахъ и Самогитахъ и о пространствѣ между страною, занимаемою Татарами и Прусскимъ моремъ. Ср. у *Мѣховскаго*, стр. Gij.

У *Альберта Кампенскаго*, 63 (21)—о княжествахъ Псковскомъ и Смоленскомъ, 64—65 (23—24)—о княжествѣ Московскомъ; 65 (24—25): ducato di Jaroslavia, di Szuherzonia (Juriovia), di Szachovenia; di Rubenia (Strub), di Chelmischi, di Zubezuvoschi (Subachi), di Climischi, di Susdali; 67 (27) Versura (Вязьма); у *Мѣховскаго*, Gij, Giij, H и об. Jaroslauiensis, Szuhersiensis, Szachouiensis, Kubensis, Chelmsci, Zubezowski, Glinski, ducatus Susdalorum. Giij об. Vesnya (Вязьма).

[4]) *Альбертъ Кампенскій*, 68—71 (р. п., 30—35); 63 (р. п., 21—22): княжество Можайское простирается на 350 итал. миль въ длину и столько же въ ширину. Обращаютъ на себя вниманіе также слѣдующія свѣдѣнія Альберта: а) стр. 65 (24): Тверь (Tuverda) „гораздо пространнѣе и великолѣпнѣе Москвы“; б) стр. 76 (43—44): изъ Смоленскаго княжества, принадлежащаго Московіи, дорога идетъ чрезъ землю Руссовъ, народа, сопредѣльнаго и дружественнаго съ Московитянами, съ коими онъ слѣдуетъ однимъ обычаямъ, прямо въ Валахію и Булгарію, а оттуда чрезъ Ѳракію въ Константинополь“.

[5]) Вѣроятно, сообщенія Димитрія Герасимова были для Іовія единственнымъ источникомъ его извѣстій о Московіи. Въ этомъ убѣждаютъ и характеръ, и объемъ этихъ извѣстій, и письмо его къ архіепископу Консентійскому Іоанну Руфу. См. Библ. ин. пис., С.-Пб., 1836 г., *Іовій*, стр. 57—58 (р. п., 10—11). Но не все передано итальянскимъ историкомъ вполнѣ вѣрно со словъ Дмитрія, какъ напр. объ избраніи митрополита и епископовъ, на стр, 73 (р. п., 44).

Въ томъ, что Дмитрій сообщалъ относительно великаго князя и состоянія

Относительно географическаго дѣленія Восточной Европы на двѣ части: на Сарматію Европейскую и Азіатскую, которое желалъ установить авторъ Трактата, въ сочиненіи Іовія не находимъ никакихъ указаній, и можно полагать, что точное опредѣленіе границы между Европою и Азіею его мало занимало. Однако и онъ причислялъ къ Азіи ту часть Восточной Европы, которая прилегала къ Азовскому морю; къ Европѣ же относилъ равнины, примыкающія къ Герцниніи и лежащія при рѣкахъ Борисѳенѣ и Танаисѣ [6]).

Называя Московію весьма обширною страною, Іовій не даетъ никакого яснаго представленія о ея предѣлахъ. Она простирается, говоритъ онъ, отъ жертвенниковъ Александра Великаго (около источниковъ Танаиса) до отдаленнѣйшаго края земли, къ Ледовитому океану, почти до самаго сѣвера (sub ipsis fere septentrionibus). На этомъ сѣверѣ „обитаютъ безчисленныя племена, подвластныя Москвитянамъ и занимающія все пространство до Скиѳскаго океана, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути". Но кромѣ этихъ племенъ на сѣверѣ, по извѣстіямъ Іовія, есть племена, неизвѣстныя Москвитянамъ, ибо, замѣчаетъ онъ, никто еще не доходилъ до океана, и о нихъ знаютъ только по слуху и по разсказамъ купцовъ, большею частію баснословнымъ. Это извѣстіе едва ли вполнѣ вѣрно передано со словъ Димитрія Герасимова, такъ какъ онъ еще за долго до знакомства съ Іовіемъ ѣздилъ въ Данію черезъ Бѣлое море, которое у Русскихъ носило названіе моря-океана и, вѣроятно, имѣлъ также свѣдѣнія и о томъ пути морскимъ берегомъ, отъ устья р. Кулоя до устья р. Мезени, по которому ходили Русскіе въ концѣ XV вѣка.

На востокѣ и югѣ отъ Москвитянъ, по указаніямъ Іовія, живутъ Скиѳы, нынѣ называемые Татарами, на сѣверо-западѣ — Литва, „съ запада же Пруссія и Ливонія средними частями входятъ въ самые предѣлы Московіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сарматское (Балтійское) море, проходя сквозь тѣсный проливъ Кимврійскаго Херсо-

---

Московскаго государства, Іовій не желалъ сомнѣваться, можетъ быть, потому, что слышалъ о желаніи великаго князя принять догматы римско-католической церкви и вступить въ вѣчный союзъ съ ея послѣдователями. См. стр. 77—78, 57 (р. п., 52—53, 55, 11). Замѣтки о сочиненіи Іовія см. въ статьяхъ нашихъ, напеч. въ Др. и Новой Россіи, 1875 г., стр. 326—327, и въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, ч. CCXI, стр. 77.

[6]) *Іовій*, по изд. 1836 г., 64 (р. п., 27).

ниса (Ютландскій полуостровъ), склоняется лунообразнымъ заливомъ къ сѣверу“ [7]).

Таковы общія опредѣленія границъ Московіи, находящіяся въ Книгѣ о посольствѣ московскаго князя, не отличающіяся ни точностію, ни опредѣленностію.

Имя Россіи Іовій производилъ отъ Роксоланъ, которые обитали въ древнѣйшія времена вмѣстѣ съ Гетами и Бастарнами близъ Азовскаго моря и далѣе на сѣверъ на равнинахъ, прилегающихъ къ Герциніи, и основывалъ это мнѣніе на томъ, что часть Литвы именуется Нижнею Россіею, а самая Московія—Бѣлою Россіею.

Языкъ, на которомъ говорятъ Москвитяне, авторъ называетъ Иллирійскимъ и перечисляетъ народы, на немъ говорящіе, но этотъ перечень не такой полный, какъ у Мѣховскаго, хотя Іовій замѣчаетъ, что ни одинъ языкъ, какъ увѣряютъ, не имѣетъ такого обширнаго употребленія, какъ Иллирійскій, „ибо имъ говорятъ въ Константинополѣ, при дворѣ Оттоманскомъ (Ottomanorum in aula familiaris est) и еще недавно былъ онъ въ большой чести (haud ingratis auribus audiebatur) въ Египтѣ, между мамелюками, при дворѣ мемфисскаго султана. На этотъ языкъ переведено великое множество священныхъ книгъ, преимущественно трудами св. Іеронима и Кирилла“ [8]).

Москвитяне, пишетъ Іовій, неизмѣнно и съ самою искреннею вѣрою (iisdem sensibus et sincerrima quidem fide), сохраняютъ ученіе и обряды (ritus), принятые ими отъ греческихъ наставниковъ и съ гордостію и упорствомъ отвергаютъ первенство Римской церкви. „Больше же всего ненавидятъ они Іудеевъ, такъ что содрагаются при одномъ ихъ имени и не впускаютъ ихъ въ свои предѣлы, какъ людей очень дурныхъ и вредныхъ (pessimos atque maleficos), которые еще въ очень недавнее время научили Турокъ лить мѣдныя пушки (aenea tormenta). Храмы у Москвитянъ въ величайшемъ по-

---

[7]) *Іовій*, 62—66 (р. п., 22, 29, 31, 24, 27).

[8]) Тамъ же, 64, 74 (р. п., 27, 46—47): Moschovitae... Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lituani“. „In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli translata est“ (въ изд. R. M. C., 1556 г., стр. 170 A); въ русскомъ переводѣ, стр. 47: „На сей языкъ переведены многія книги, преимущественно трудами св. Іеронима и Кирилла“.

чтеніи, и они свято (religiose) сохраняютъ Священное Писаніе, исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, творенія св. отцовъ: Амвросія, Августина, Іеронима и Григорія“ [9]).

Въ немногихъ, находящихся въ Книгѣ о посольствѣ извѣстіяхъ о наиболѣе замѣчательныхъ городахъ Московіи обращаютъ на себя вниманіе указанія на обстоятельства и условія, объясняющія важное историческое и экономическое значеніе главныхъ центровъ русской жизни: Новгорода, Владиміра и Москвы и, зная главный источникъ свѣдѣній о Россіи, сообщенныхъ итальянскимъ историкомъ, мы можемъ съ вѣроятностью предполагать, что если не все, то хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ Димитрію Герасимову и потому могутъ служить данными для характеристики русскихъ историческихъ воззрѣній XVI вѣка. Какъ можно догадываться, по этимъ объясненіямъ, уже въ первой половинѣ XVI вѣка русскіе люди питали твердую увѣренность въ томъ, что Москва навсегда сохранитъ свое первенство, и болѣе свѣдующіе изъ нихъ оправдывали эту увѣренность соображеніями историческими. Московскіе государи, пишетъ Іовій, „соображаясь съ обстоятельствами или желая присутствіемъ своимъ возвысить новыя и малоизвѣстныя страны, въ различныя времена имѣли столицу и дворъ свой въ разныхъ городахъ. Такимъ образомъ Новгородъ, лежащій на сѣверо-западѣ отъ Москвы, ближе къ Ливонскому морю, былъ немного лѣтъ тому назадъ столицею всей Московіи и всегда славился (summamque semper obtinuit dignitatem) безчисленнымъ множествомъ строеній своихъ, выгоднымъ своимъ положеніемъ при обширномъ и богатомъ рыбою озерѣ, и древнѣйшимъ и уважаемымъ храмомъ, сооруженнымъ за четыреста лѣтъ предъ симъ, въ соревнованіе съ византійскими императорами, во имя св. Софіи Іисуса Христа Сына Божія [10]). Въ Новгородѣ царствуетъ вѣчная зима и мрачная продолжительная ночь, потому что арктическій полюсъ возвышается тамъ надъ горизонтомъ на шестьдесятъ четыре градуса [11]).

---

[9]) *Іовій*, 71—73 (р. п., 41—43, 45). На стр. 75 (48)—описаніе внѣшняго вида Москвитянъ.

[10]) Она построена Владиміромъ Ярославичемъ. П. С. Р. Л., III (Новг. 1). стр. 2, 6553 (1043 г.): „заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володиміромъ княземъ“.

[11]) Новгородъ Вел. находится подъ 58° 31, сѣв. шир. Геогр. стат. слов. Росс. имп., III, 502.

Москва же, находясь шестью градусами ближе къ экватору [12]) (чѣмъ Новгородъ), во время солнцестоянія, по причинѣ короткихъ ночей, подвержена чрезвычайному зною".

Городъ Владиміръ (Volodemaria), отстоящій отъ Москвы болѣе, чѣмъ на двѣсти миль къ востоку [13]), именуется также престольнымъ городомъ (regiae nomen adepta est), ибо мужественные государи московскіе перенесли туда столицу свою въ то время, когда, ведя безпрестанныя войны съ сосѣдственными народами, вынуждены были находиться ближе [къ театру военныхъ дѣйствій] и быть готовыми къ защитѣ отъ нападеній со стороны Скиѳскихъ племенъ [14]). [Владиміръ] лежитъ по сю сторону Волги, при рѣкѣ Клязьмѣ". Впрочемъ Москва, заслуживаетъ быть столицею, ибо она построена очень благоразумно (sapientissime) въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, защищена крѣпостью и рѣками; по общему мнѣнію, всегда сохранитъ за собою заслуженную славу и честь имѣть первенство относительно другихъ городовъ. Она отстоитъ отъ Новгорода на пятьсотъ тысячъ шаговъ" [15]).

„Изъ всѣхъ городовъ Московіи [Москва] самый знаменитый, какъ по своему положенію въ самой срединѣ страны и по необыкновенному удобству сношеній по рѣкамъ, такъ и по многолюдству, [также потому] что крѣпость ея славится, какъ наилучшая". [16]).

---

[12]) Москва находится подъ 55° 42′ сѣв. широты.

[13]) Отъ Москвы до Владиміра—175 вер. Почт. слов., 1820 г., стр. 129.

[14]) Подъ этимъ именемъ Іовій, очевидно, разумѣетъ племена Татарскія.

[15]) Отъ Москвы до Новгорода 542 вер. Почт. слов., стр. 459.

[16]) *Іовій* 68—69, 67 (р. п., 36—37, 33). Стр. 36: „Такимъ образомъ Новгородъ... былъ прежде столицею государства;" въ подл., стр. 69: „Siquidem Novogardia... non multis ante annis totius Moschoviae caput fuit". Стр. 37: „Городъ Владиміръ, отстоящій отъ Москвы въ 200 миляхъ на востокъ"; въ подл., стр. 69: urbs Volodemaria „ad ortum solis ducentis amplius miliaribus a Moscha distat".

Стр. 37: „Впрочемъ, Москва, по выгодному положенію своему, преимущественно предъ всѣми другими городами, заслуживаетъ быть столицею, ибо мудрымъ основателемъ своимъ построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и, по мнѣнію многихъ, никогда не потеряетъ первенства своего"; въ подл., стр. 69: „Caeterum Moscha, vel ob eas, quas diximus, dotes, regiae nomine dignissima judicatur: quoniam medio quodam totius frequentioris regionis ac Imperii loco sapientissime constituta, munitaque arce et fluminibus, consensu omnium, praecelentiae meritam laudem, honoremque nulla aetate defuturum sibi vindicasse caeterarum urbium collatione videatur" (R. M. C., по изд. 1556 г., стр. 166 B—C).

Стр. 33: „Городъ Москва, по своему положенію въ самой срединѣ страны,

Послѣ такого отзыва весьма понятно, почему итальянскій историкъ не преминулъ сообщить такое топографическое описаніе Москвы, которое даетъ болѣе ясное понятіе о ней, чѣмъ замѣтки, находящіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ ранѣе Книги о посольствѣ. Въ этомъ описаніи впервые находимъ вѣрныя указанія на важнѣйшія характеристическія особенности столицы Московіи.

Городъ Москва „выстроенъ на берегу рѣки Москвы на протяженіи пяти миль, и домы въ немъ вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки и [внутри] довольно просторны; каждый изъ нихъ дѣлится на три комнаты: столовую (triclinia), спальную и кухню“. „При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для [посѣва] овощей и для удовольствія, вслѣдствіе чего окружность рѣдкаго города является [такою] весьма значительною [по своему протяженію]. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своей архитектурѣ и величинѣ; его построилъ 60 лѣтъ тому назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый художникъ и механикъ. Въ самомъ главномъ мѣстѣ города (ad ipsum urbis caput) впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе мельницы и образующая полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и стрѣльницами, построенный итальянскими архитекторами“. „Почти три части города омываются двумя рѣками [Москвою и Неглинною]; остальная же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою“. „Каждая часть города запирается воротами или рѣшетками: ходить ночью позволено только по необходимости, [и то не иначе какъ] съ фонаремъ“ [17]).

по удобству водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и наконецъ по крѣпости стѣнъ своихъ, есть лучшій и значительнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ“; въ подл., стр. 33: „Ea est omnium Mochoviae urbium longe clarissima, tum situ ipso, qui regionis medius esse existimatur, tum insigni fluminum opportunitate, domorumque frequentia et munitissimae arcis celebritate“ (R. M. C., по изд. 1556 г., стр. 164—165). Ср. въ изд. 1567 г. „Moscouiter wunderbare Historien“, *Герберштейна*, стр. CLXXXII—CLXXXIII.

[17]) *Іовій*, 67—68, 78 (р. п., 33—34, 55).

Стр. 33: „При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество ово-

Кромѣ Москвы, Владиміра и Новгорода Великаго, въ Книгѣ о посольствѣ находятся также извѣстія о слѣдующихъ городахъ Московіи:

Ottoferia, Тверь, городъ, лежащій „почти на срединѣ пути отъ Москвы къ Новгороду“ [18]). Путь отъ Твери до Новгорода лежитъ „черезъ лѣса и необитаемыя равнины“.

Novogrodia minor, Нижній Новгородъ, „получившій свое названіе отъ Великаго Новгорода, почитающагося его митрополіею“.

Surcicum, Васильсурскъ, „выше Казани, на сто пятьдесятъ итальянскихъ миль, при впаденіи въ Волгу рѣки Суры“. Великій князь Василій Ивановичъ построилъ этотъ городъ „съ тѣмъ, чтобы люди торговые и гонцы, отправляемые къ пограничнымъ воеводамъ, для извѣщенія ихъ о дѣлахъ Татаръ и движеніяхъ сего безпокойнаго народа, могли бы имѣть безопасное жилище и гостинницы“. Васильсурскъ былъ построенъ въ 1523 г.

Columna, Коломна, при впаденіи р. Москвы въ Оку.

Pleschovia, Псковъ, орошаемый двумя рѣками, находится на пути отъ Новгорода къ Ригѣ, ближайшей гавани на берегу Сарматскаго моря, и между этими городами—менѣе пятисотъ итальянскихъ миль. „Этотъ путь считается въ значительной степени удобнѣе другихъ, такъ какъ [на этомъ пути] часто встрѣчаются селенія“. Пятьсотъ итальянскихъ миль составляютъ 875 вер., а разстояніе Новгорода отъ Риги опредѣляется въ 546 верстъ [19]).

Ustjuga, Устюгъ, городъ, извѣстный своею торговлею, лежитъ при впаденіи Юга въ Двину, на разстояніи 600 миль (1050 вер.)

щей: отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ“; въ подл., 67: „Domus ferme omnes et ad usum olerum, et ad voluptatem privatos habent hortos, unde rarae urbis circuitus londe maximus apparet“.

Стр. 34: „Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ“; въ подл., 67: „ad ipsum urbis caput Neglina fluviolus, qui frumentarias agit molas“. На стр. 36 (въ подл. стр. 67) propugnacula переведено словомъ бойницы; но и у Іовія propugnacula имѣетъ тоже значеніе, какое оно имѣетъ и у Мѣховскаго (не бойницы, а стрѣльницы).

Никон. лѣт., VI, стр. 170, 7011 года (1503 года): „уставиша на Москвѣ по улицамъ рѣшетки“.

[18]) Отъ Москвы до Твери 163 вер., а отъ нея до Новгорода 379 вер. Почт. слов., 653.

[19]) Тамъ же, стр. 561.

отъ Москвы [20]). Въ Устюгъ пріѣзжаютъ [торговые люди] изъ отдаленнѣйшихъ областей и привозятъ съ собою дорогіе мѣха, которые промѣниваютъ на различные товары.

Smolenchum, Смоленскъ, на Днѣпрѣ. Отъ Смоленска до Москвы—600 итал. миль [21]) (1050 вер.).

Изъ инородческихъ племенъ, входившихъ въ составъ Московскаго государства, Іовій упоминаетъ только о тѣхъ, которыя обитали на сѣверо-востокѣ, и о нихъ сообщаетъ свѣдѣнія болѣе обстоятельныя, чѣмъ находящіяся въ Трактатѣ о Сарматіяхъ. Пермь (Permii), Печора (Pecerri), Югры (Juugri), Вогуличи (Ugulici), Пинежане (Pinnagi) и другіе отдаленнѣйшіе народы привозятъ въ Устюгъ дорогіе мѣха, которые промѣниваютъ на различные товары и которые получаются ими отъ другихъ отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ океана. Еще въ минувшемъ вѣкѣ, пишетъ далѣе Іовій, „Пермь и Печора (Pecerri) были язычниками и приносили жертвы идоламъ; нынѣ же исповѣдуютъ христіанскую вѣру“. Путь въ страну Югровъ и Вогуличей лежитъ черезъ непроходимыя горы.

Пинежанами, конечно, названы обитатели рѣки Пинеги, но едва ли въ XVI в. здѣсь обитали одни только инородцы Финской вѣтви. Въ выпискѣ изъ судныхъ списковъ о Двинскихъ земляхъ, 1471 г., говорится: „А волокъ Пинежской, Пекернема, Шулонема, Кулуй гора, Воепала, набережіе отъ Великаго двора до Великаго двора, да въ Новолоцѣ двѣ деревни, да Вонга, Чюшола, Юрела, Буела, Заозеріе, да въ Чинбалѣ четыре деревни. А та отчина великихъ князей. А искалъ того Лука Строгановъ на Мишѣ на Борисовѣ, да на Василіи на Селезневѣ, да на Василіи на Онаніинѣ“. Въ 1606 г.

---

[20]) Отъ Устюга до Москвы черезъ Тотьму, Солигаличъ, Галичъ и Кострому 937 вер., а черезъ Тотьму и Вологду 866 вер. Почт. слов., стр. 102, 673, 165, 343, 344, 274, 138.

[21]) 378 вер., по Почт. слов., стр. 615. *Іовій*, 69, 68, 70, 66 (р. п., 37, 38, 34, 36, 38, 30). Стр. 38: „отъ Твери чрезъ лѣса и дикія пустыни лежитъ путь въ Новгородъ“; въ подл., 69: „inde per nemora et campestres solitudines Novogrodiam pervenitur“. Стр. 36: „съ тѣмъ, чтобы въ сей безлюдной странѣ доставить безопасныя жилища и ночлеги“; въ подл., 69: „certa et tuta mansio cum tabernis hospitalibus“ (въ переводѣ *Панталеона*, 1567 года, CLXXXIII: ein gewüsse sichere wonung vnd ein gute herberg bekommen möchten).

Стр. 30: „Въ 60 миляхъ отъ Москвы... лежитъ торговый городъ Устюгъ“; въ подл., 66: „celebre est emporium, nomine Ustjuga, a Moscha regia urbe sexcentis miliaribus distans“ (R. M. C., 1556 г., стр. 164).

августа 28 дана была царская грамота на Волокъ Пинежской выборному земскому судьѣ Назарьеву объ отдачѣ иноку Макарію Черной горы, на оброкъ, подъ постройку монастыря, и въ этой грамотѣ приведено и челобитье чернаго попа Макарія: „въ Двинскомъ деи уѣздѣ, по Пѣнегѣ рѣкѣ, верстъ до пятисотъ, все живутъ крестьяне, а нашего деи богомолья общаго монастыря у нихъ нѣтъ, и многіе деи люди, при старостяхъ своихъ и по обѣщанью, желаютъ иночества, а прибѣгнути деи негдѣ и постричись не отъ кого". Изъ жалованной грамоты Пинежанамъ, 1607 г., апрѣля 4, узнаемъ, что жители Пинежскаго уѣзда и Кеврольскаго стана платили дань и оброкъ въ казну по писцовымъ книгамъ, „съ своихъ сошекъ, больши Двинянъ", отпускали на государеву службу ратныхъ людей „больши Двинянъ, четыреста четыре человѣка, а человѣку даютъ найму по 10 рублевъ" и, сверхъ того, отпускали подводы для государева дѣла „подъ соболи и подъ кречаты".

Изъ Финскихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверо-западѣ Московіи, Іовій впервые сообщилъ, очевидно, со словъ Димитрія Герасимова, свѣдѣнія о Лапландцахъ. Этотъ дикій подозрительный и весьма боязливый народъ, пишетъ онъ, живетъ на самомъ отдаленномъ берегу океана, гдѣ обширнѣйшія государства Норвегіи и Швеціи, какъ бы перешейкомъ, соединяются съ материкомъ. Одни изъ нихъ живутъ охотою, въ небольшихъ пещерахъ, наполненныхъ сухими листьями, и древесныхъ пняхъ, выдупленныхъ огнемъ или временемъ. Другіе— на берегу моря и занимаются рыбною ловлею. „Лапландцы очень малы ростомъ, имѣютъ блѣдныя и впалыя лица, но за то одарены величайшею быстротою ногъ". Они промѣниваютъ на разные товары бѣлые мѣха, извѣстные подъ именемъ горностаевъ, причемъ не только не ведутъ разговора съ купцами, но даже избѣгаютъ ихъ взоровъ. По обоюдномъ сличеніи продаваемыхъ товаровъ, [Лапландцы] оставляютъ на мѣстѣ промѣна [свои] мѣха и такимъ образомъ заочно между неизвѣстными другъ другу людьми производится самая искренняя и справедливая мѣна [22]).

[22]) *Іовій*, 64—66 (р. п., 27—29). Стр. 28: „Лапландцы... имѣютъ блѣдныя и какъ бы разбитыя лица"; въ подл., 65: „Laponibus... luridi contusique vultus" (въ переводѣ *Панталеона*, по изд. 1576 г., CLXXXI: „Die Lappen sind... eines bleichen, eingefallenen angesicht"). Стр. 29: „оставляютъ на мѣстѣ мѣха свои";

Авторъ Книги о посольствѣ, имѣвшій главнымъ образомъ въ виду описаніе Московіи, сообщаетъ, однако, не смотря на краткость времени, какое онъ могъ посвятить на это описаніе, довольно подробныя свѣдѣнія о Татарахъ. По его мнѣнію, они назывались въ древности Скиѳами, а также Амаксовіями (Hamaxovios) потому, какъ догадывается итальянскій историкъ, что домами служатъ имъ „телѣги, покрытыя войлоками и кожами“.

Вмѣсто городовъ Татары имѣютъ обширныя становища, не обведенныя ни рвами, ни насыпями, но защищаемыя безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, вооруженныхъ стрѣлами. Татары раздѣляются на орды; это слово на ихъ языкѣ значитъ собраніе въ одно цѣлое единомыслящаго народа, на подобіе государства (consentientis in unum populi congregatio, ad effigiem civitatis). Каждою ордою управляетъ вождь, избираемый по знатности рода или по воинскимъ доблестямъ. Ибо они часто воюютъ съ своими сосѣдями и ведутъ борьбу изъ-за власти съ упорствомъ и жестокостію. Татарскихъ ордъ, какъ извѣстно, находится безчисленное множество, ибо Татары владѣютъ очень обширными степями, простирающимися до самого Китая (Cathayum), знаменитой страны на берегахъ Восточнаго океана [23]) (in extremo ad orientem oceano).

Въ области, занимаемой Татарами, обитаютъ, по извѣстіямъ итальянскаго историка, слѣдующія племена:

Sciabani, Шибанскіе Татары, на сѣверъ отъ Казани, сильные своимъ многолюдствомъ и имѣющіе значительныя стада.

Шибанскіе Татары или Шибаны, получившіе, какъ полагаютъ, это имя отъ Шибана или Шейбани хана, Батыева брата, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и посольскихъ бумагахъ именуются обыкновенно Ногаями, кочевавшими по сосѣдству съ ними; но не только у Іовія,

въ подл., 65: „relictis medio in loco pellibus“ (въ переводѣ *Панталеона:* „so in der mitte zwischen jnen ist“).

А. А. Э., I, № 94, 1471 г., стр. 74. А. И., II, № 72, 1606 г., авг. 28, стр. 92. Д. къ А. И., I, № 154, 1607 г., апр. 4. стр. 265.

[23]) *Іовій*, 63 (р. п., 24). Стр. 24: „Телѣги, покрытыя войлоками и кожами“; въ подл., 63: „carri, centonibus coriisque contecti“ (въ переводѣ *Панталеона*, по изд. 1567 г., CLXXIX: karren „mit filtz oder läder bedecket sind“). (Стр. 24: „Побуждаемые честолюбіемъ, они часто ведутъ жестокія войны съ своими сосѣдями“; въ подл., 63: „saepe enim cum finitimis bella gerunt, ac ambitiose admodum et atrociter de imperio decertant“.

но и въ Архангельской лѣтописи есть указанія па то, что Русскіе въ XVI в. отличали Ногаевъ отъ Шибанъ. Когда царь Ивакъ Шибанскій, говорится въ этой лѣтописи, подъ 1480—1481 гг., услышалъ, что царь Ахматъ идетъ съ Руси, а воевалъ землю Литовскую, полону и богатства безчисленно, тогда „приде царь Ивакъ въ Нагаи, а съ нимъ силы 1,000 казаковъ, и396 ъ съ собою шурью свою изъ Нагаи.... а съ ними силы 15,000 казаковъ и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень, и пойде на переемъ на Ахмата, и переялъ слѣдъ его за Дономъ, и пойде послѣ Ахмата, по вѣстемъ. И какъ Ахматъ раздѣлися съ своими салтаны, на зимовище приде, и ста зимовати, расплошася. А царь Ивакъ приде на него съ силою своею безвѣстно, съ мырзами, генваря въ 6 день (1481 г.), на утрѣ изноровяся, а царь Ахматъ еще спитъ. А царь Ивакъ самъ вскочи въ бѣлу вѣжу цареву Ахматову и уби его своими руками. А силы межи собою не бился, а Шибаны съ Нагаи начаша Ахматову орду грабити межъ Дономъ и Волгою“...

Также подтверждается нашею лѣтописью и свидѣтельство Іовія о томъ, что Шибаны были сильнымъ племенемъ. Такъ въ 1496 г. (7004) шибанскій царь Мамукъ „со многою силою“ приходилъ на Казань, и великій князь для защиты ея отправилъ своего воеводу князя Семена Ивановича Ряполовскаго, „съ силою, и иныхъ многихъ дѣтей боярскихъ двора своего и понизовыхъ городовъ дѣтей боярскихъ, Новгородцы, Муромцы, Костромичи, и иныхъ городовъ много“ [24]).

Casanii, Казанскіе Татары, обитаютъ за Волгою [къ югу отъ Шибанскихъ], „свято чтутъ дружбу Москвитянъ (Moschovitarum amicitiam religiose colunt) и признаютъ ихъ своими покровителями“.

Nogai, за Шибанскими Татарами [т. е. къ югу отъ нихъ], „славятся въ настоящее время богатствомъ своимъ и воинскою доблестію. Сія обширнѣйшая орда не имѣетъ государя, но управляется, подобно Венеціанской республикѣ, благоразумными старцами и храбрыми мужами“. Въ извѣстіяхъ нашей лѣтописи XIV и XV в.в., Ногайская орда называлась Синею, вѣроятно, потому, что кочевья ея на востокѣ простирались до Синяго моря, то есть Аральскаго, а

---

[24]) *Іовій*, 63—64 (р. п. 25). Ист. госуд. росс., *Карамзина*, VI, пр. 240; IX, пр. 643. Никон. лѣт., VI, 146.

на югѣ доходили до Дербента, и въ Сказаніи о Тамерланѣ указывается на то, что онъ былъ отъ Синей орды, которая „была за Желѣзными воротами", то есть къ сѣверу отъ Дербента. Въ началѣ XVII в. Ногаи раздѣлялись на три улуса. Первый изъ нихъ (Волжскій) кочевалъ въ степяхъ Астраханскихъ; второй—Казыевъ—близъ Азова, зависѣлъ отъ Турокъ и Крымцевъ; третій—Альтаульскій—въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала „и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою".

По книгѣ Большой Чертежъ, отъ верховьевъ р. Бузувлука, впадающей въ р. Самару, притокъ Волги, до Синяго моря кочевье все Большихъ Ногаевъ. „А отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому морю, и до верхъ рѣки Маначи, отъ тѣхъ горъ все кочевье Малыхъ Ногаевъ, Казыева улуса".

Въ настоящее время Ногаи не занимаютъ какой либо области, въ которой сосредоточивались бы исключительно ихъ кочевья, и слабые остатки этого нѣкогда могущественнаго Татарскаго племени разсѣяны во многихъ мѣстностяхъ юго-востока Европы [25]).

Zagathai, къ югу отъ Ногаевъ, близъ Гирканскаго моря, знатнѣйшее изъ всѣхъ Татарскихъ племенъ. „Загатаи живутъ въ городахъ, построенныхъ изъ камня. Самаркандъ—столица ихъ, замѣчательна по своей обширности и великолѣпію".

„Съ полуденной стороны сопредѣльны Москвитянамъ тѣ Татары, которые живутъ въ Азіи около Азовскаго моря, а въ Европѣ при рѣкахъ Борисѳенѣ и Танаисѣ, то есть на равнинѣ, примыкающей къ Герциніи" [26]).

„Татары, обитающіе въ Азіи, на обширныхъ равнинахъ между Танаисомъ и Волгою, подвластны московскому царю Василію и, по его приговору, иногда избираютъ себѣ хана. Между ними въ особенности замѣчательны Кремскіе Татары (Cremii), народъ, славившійся прежде богатствомъ и воинскими доблестями, но лишившійся

---

[25]) *Іовій*, 63—64 (р. п., 25). *Карамзинъ*, V, пр. 150, 351; XI, стр. 50. Кн. Большой Чертежъ, по изд., 1846 г., стр. 151, 58; 272—274. Никон. лѣт., VI, 163, 1500 г. (7008 г.): „приходиша Нагайскія Татаровя... со многими людми подъ Казань городъ... и стояху подъ градомъ три недѣли"...

[26]). *Іовій*, 64 (р. п., 25—27). Въ Никон. лѣт., VI, стр. 159, 1500 г. (7008 г.): на пословъ, отправленныхъ великимъ княземъ въ Крымъ и поѣхавшихъ съ ними гостей московскихъ „пріидоша Татаровя Азовскіе казаки Угу Черказъ да Коробай и грабиша ихъ на полѣ"...

нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ внутреннихъ междоусобій всей своей силы и знаменитости".

Praecopitae, Перекопскіе Татары, „живутъ въ Европѣ при Ахиллесовомъ поприщѣ, что въ Таврическомъ Херсонисѣ. Они очень непріязненны Полякамъ и въ ихъ земляхъ, лежащихъ между Борисѳеномъ и Танаисомъ, все истребляютъ на значительныя разстоянія. Какъ въ религіи, такъ и во всемъ другомъ они чрезвычайно сходны съ Турками" [27]) (mirifice consentiunt).

Сравнивая сообщаемый Іовіемъ перечень племенъ Татарскихъ съ перечнемъ, находящимся въ Трактатѣ о Сарматіяхъ, мы находимъ въ каждомъ изъ нихъ, кромѣ общихъ имъ обоимъ наименованій, и такія, которыя встрѣчаются только въ одномъ изъ нихъ: въ первомъ—Татары Шибанскіе, Азовскіе и Кремскіе; во второмъ—Кайсаки и Татары Волосатые (Калмыки).

И Іовій упоминаетъ о трехъ значительнѣйшихъ городахъ, которые находятся на окраинахъ области, занятой Татарами:

Casanum, Казань, на лѣвомъ берегу Волги. Отъ этого города получила свое названіе Казанская орда; отстоитъ отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пятьсотъ тысячъ шаговъ. По картѣ Географическаго общества, Казань отстоитъ отъ Астрахани на 990 вер., по прямому направленію; по почтовому тракту на 1389 верстъ.

Cytracham, близъ устьевъ Волги. На „славную ярмарку" этого города съѣзжаются „мидійскіе, армянскіе и персидскіе купцы".

Азовъ, знаменитый торговый городъ (nobile emporium), при которомъ Танаисъ изливается въ Меотійское море [28]).

---

[27]) *Іовій*, 63 (р. п., 24—25). Стр. 24: „Въ Европейской Татаріи при Ахиллесовомъ поприщѣ... живутъ Перекопскіе Татары"; въ подл., 63: „In Europa ad Dromon Achillis Taurica in Chersoneso sunt Praecopitae"... Стр. 25: „Питая непримиримую вражду къ Полякамъ, Перекопскіе Татары безпрерывно опустошаютъ земли, лежащія между Борисѳеномъ и Танаисомъ"; въ подл., 63: „Ji Polonis maxime sunt infesti, lateque inter Borysthenem et Tanaim cuncta populantur".

[28]) *Іовій*, 68 (р. п., 35—36). Стр. 36: Казань „отстоитъ отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пятьсотъ миль"; въ подл., стр. 68: „distat a Volgae ostio Caspioque mari quingentis millibus passuum". Почт. словарь, 1820 г., стр. 30.

Относительно Литвы у Іовія находятся слѣдующія замѣтки: 64 (р. п., 27): часть Литвы именуется и понынѣ Нижнею Россіею; 70 (38): отъ Кракова до Вильны, столицы Литовской, пятьсотъ миль; 74 (46—47): Литовцы употребляютъ иллирійскія письмена.

Съ сочиненіемъ Іовія имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство сочиненіе ученаго епископа вѣнскаго Іоанна Фабра, появившееся въ печати почти одновременно съ Книгою о посольствѣ, подъ заглавіемъ: „Ad serenissimum principem Ferdinandum, Archiducem Austriae, Moscovitarum juxta mare Glaciale religio“ (Basileae, 1526). Источникомъ любопытныхъ свѣдѣній, вошедшихъ въ составъ этого сочиненія, послужили для автора точно такъ, какъ и для автора Книги о посольствѣ, извѣстія русскія, сообщенныя первому изъ этихъ авторовъ послами, бывшими въ Вѣнѣ въ 1525 году, княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ и дьякомъ Семеномъ Борисовичемъ Трофимовымъ. Они, по свидѣтельству Фабра, были на столько сообщительны, что на предлагаемые вопросы не считали нужнымъ о чемъ либо умалчивать и вознаграждали спрашивающихъ съ избыткомъ. Переводчикомъ при нихъ состоялъ Русскій, изрядно знавшій языки Нѣмецкій и Латинскій [29]).

И у Фабра замѣтно тоже сочувственное отношеніе къ русской дѣйствительности, какимъ отличается и сочиненіе Іовія, съ тою только разницею, что у перваго рѣзче выступаетъ недовольство окружающей его дѣйствительностію, которую онъ сравниваетъ съ русскою жизнію и не рѣдко находитъ въ Русскомъ народѣ, въ его церковномъ и общественномъ строѣ такія достоинства, которыя были

---

[29]) *Фабръ*, по изд. 1600 г., „Rerum Moscoviticarum autores varii unum in corpus nunc primum congesti“, Francofurti, 1600 г., стр. 131, строки 18—20; 4—6 (р. п. въ От. Зап., 1826 г., ч. XXV, стр. 290—291).

Объ изданіяхъ и переводахъ соч. Фабра см. наше изслѣдованіе: „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи Себастіана Мюнстера“, Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, ч. CCXI, стр. 78, пр. 1. См. также статью нашу: „Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ“, Др. и Н. Россія, 1875 г., № 12, стр. 324—325.

Никон. лѣт., VI, стр. 232, 1526 г. (7034 г.): „придоша отъ цесаря великаго князя послы князь Иванъ княже Ивановъ сынъ Засѣкинъ да Семенъ Борисовъ сынъ Трофимовъ, а съ ними пришли отъ цесаря послы Леонардъ отъ Комидъ, а отъ брата отъ цесарева Фердинанда Жигимонъ Гибрестенъ“ (П. С. Р. Л., VIII, Воскр., 271). Герберштейнъ называетъ слѣдующихъ князей Ярославскихъ (Ioroslavuski): Василія, Семена Ѳеодоровича и Ивана. „Ultimus est Ioannes cognomento Possetzen, qui Principis sui nomine oratorem apud Carolum Caesarem in Hispanijs agebat et nobiscum reversus est“. R. M. C., 1556 г., 79 A. Родословіе князей Ярославскихъ см. у *Карамзина*, V, пр. 120. Семенъ Борисовичъ Трофимовъ, дьякъ, упом. въ Пам. дипл. снош., I, стр. 470—471.

утрачены его соотечественниками. Москвитяне, замѣчаетъ Фабръ, болѣе тверды въ своей вѣрѣ, чѣмъ многіе изъ насъ и сохраняютъ ту самую, которую пріяли отъ апостола Андрея, его преемниковъ и святыхъ отцовъ. Молятся Богу столь часто, что не легко найти имъ подобныхъ въ этомъ отношеніи [30]). „Что замѣчательно и въ высшей степени похвально [въ Москвитянахъ]—это то, что всякой изъ нихъ, какъ бы ни былъ знаменитъ, богатъ и силенъ, будучи потребованъ великимъ княземъ — хотя бы то было черезъ самого послѣдняго (humillimam) гонца—тотчасъ летитъ [къ своему государю] и исполняетъ всѣ царскія повелѣнія, какъ повелѣнія Божіи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда [исполненіе этихъ повелѣній] сопряжено съ потерею жизни и опасностію. У нихъ самымъ большимъ проступкомъ и позоромъ считается малѣйшее неисполненіе воли государевой (quum minus aliquis in cunctis duci suo pro voluntate egerit). Напротивъ, покорность [своему государю] считается самымъ достославнымъ [дѣломъ]. Нѣтъ другаго народа, который бы болѣе былъ покоренъ своему государю, умереть за котораго считается самымъ достойнымъ и славнымъ поступкомъ. Ибо [у Москвитянъ] только такъ [таковою преданностію]—и это совершенно справедливо—пріобрѣтается право на безсмертіе“ [31]).

Къ извѣстіямъ классическихъ писателей Фабръ относился также, какъ Іовій, и былъ убѣжденъ въ необходимости и возможности согласовать эти извѣстія съ новыми данными относительно Восточной Европы. Имя Русскихъ онъ производилъ отъ Роксоланъ; а имя Москвитянъ, замѣчаетъ онъ, по мнѣнію однихъ происходитъ отъ названія столицы Московіи; по мнѣнію же другихъ, и въ томъ числѣ и Волатерана, отъ названія рѣки Москвы.

Указавъ на то, что по сосѣдству съ Москвитянами обитали съ одной стороны Поляки и Литовцы, а съ другой—Татары, Фабръ обращаетъ затѣмъ вниманіе на то, что берегъ Ледовитаго моря, занимающій весьма значительное пространство (littus amplissimum), почти весь находится во владѣніяхъ великаго князя московскаго. Тѣ изъ

---

[30]) *Фабръ*, по изд. 1600 г., стр. 133, строки 41—43; стр. 138, строки 47—48 (р. п., Отеч. Зап., ч. XXVII, стр. 48, 59).

[31]) *Фабръ*, стр. 132, строки 27—34; стр. 132, строки 37—39 (р. п., Отеч. Зап., ч. XXV, стр. 297—299).

нихъ, которыя находятся въ Европѣ весьма малы въ сравненіи съ тѣми, которыя находятся въ Азіи [32]).

Относительно языка Москвитянъ Фабръ сообщилъ извѣстія, которыя давали понятіе объ отношеніяхъ этого языка къ родственнымъ ему языкамъ Славянскимъ, и изъ этихъ новыхъ извѣстій особенное вниманіе должно было обратить на себя слѣдующее: несомнѣнно то, что у Богемцевъ, Кроатовъ, Далматовъ и Москвитянъ языкъ сходенъ, „о чемъ мы слышали" отъ переводчиковъ, находящихся во дворцѣ эрцгерцога австрійскаго каждый разъ, когда бывали у нихъ. Ибо всѣ они родомъ изъ Далмаціи и Кроаціи, и никто изъ нихъ никогда не бывалъ у Москвитянъ и не живалъ между ними, а между тѣмъ эти переводчики, встрѣчаясь съ московскими послами, могли понимать ихъ рѣчи.

Великому князю московскому были подвластны, по указаніямъ Фабра, многія области, принадлежавшія весьма сильнымъ владѣтелямъ (principes), изъ которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ посолъ великаго князя Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ. Но названія этихъ областей авторъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ и ограничивается слѣдующими, не многими данными относительно городовъ Московіи:

Городъ Москва (Moscouia) вдвое болѣе Кельна (Colonia Agrippina). „Равную, однако, съ Москвою величину имѣетъ городъ Владиміръ (Fladimeri), затѣмъ Псковъ (Blescouia), Новгородъ (Nouigradia), Смоленскъ (Smolne) и Тверь (Otiferi), въ которыхъ, говорятъ, построены царскія, весьма обширныя зданія, хорошо укрѣпленныя стѣнами, сложенными изъ квадратныхъ кирпичей (ex quadratis tum decoctis lapidibus). Изъ этихъ городовъ Псковъ, укрѣпленный лучше другихъ, окруженъ тремя стѣнами. Прочіе же города, коихъ (у Москвитянъ) безчисленное множество (quas habent innumeras), не считаются столь замѣчательными [какъ вышепомянутые]. Поэтому и названія этихъ вышепоименованныхъ городовъ вошли въ титулъ царя русскаго" [33]).

32) *Фабръ*, стр. 131, строки 28—32, 35—38; 42—43, 46—48; стр. 132, строки 4—6 (Отеч. Зап., ч. XXV, стр. 292—295).

33) *Фабръ*, стр. 133, строки 5—10; стр. 132, строки 22—32, 6—16 (Отеч. Зап., ч. XXV, стр. 302—303, 296—298; 295). На стр. 133 замѣчателенъ перечень епископій: „Sunt et episcopi quamplures, in Nouigradia unus... in Rosciuia alius, alius in Sustali, alius in Otiferi, alius in Smolne, alius in Resann, Colmum,

Объ инородцахъ сѣвера авторъ замѣчаетъ: въ числѣ подданныхъ [московскаго] государя есть и такіе, кои ни вина, ни хлѣба не употребляютъ и не имѣютъ ихъ, а питаются, какъ звѣри, однимъ мясомъ животныхъ. Этотъ, похожій на Татаръ, неизвѣстный, совершенно дикій народъ живетъ близъ Татаріи, въ лѣсахъ, на берегу Ледовитаго моря [34]) (maris Glacialis).

XXXV.

Общія замѣчанія относительно иностранныхъ извѣстій конца XV и первой половины XVI вѣка о народахъ, областяхъ и городахъ Восточной Европы.—Граница между Европою и Азіею, по опредѣленію автора Записокъ о Московіи. — Этнографическіе предѣлы Руссіи и господствующее вѣроисповѣданіе ея обитателей.—Государи, ею владѣющіе.—Отношенія Руссовъ къ народамъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться.—Область распространенія языка Славянскаго.—Смѣшеніе Венедовъ съ Вандалами.—Происхожденіе имени Руссія.

Границы Московіи: 1) р. Полна; Chainska (Гамская, Емьская) земля. 2) р. Нарова.—3) селеніе Корсула, на дорогѣ отъ Полоцка къ Опочкѣ.—4) Смоленскъ. 5) р. Борисѳенъ.—Города: Дубровна и Мстиславль.—6) р. Сура.—7) граница на сѣверо-востокѣ.—Область, въ которой находятся крѣпости Еромъ и Тюмень.—Лукоморія.

Нравы и характеръ Москвитянъ, по указаніямъ Фабра, Іовія и Герберштейна.—Его общія сужденія о русской народности.—Власть великаго князя и отношенія къ нему народа.—Взгляды писателей XVI вѣка на простонародье.—Замѣчаніе о томъ, почему простой народъ въ Москвѣ не работаетъ въ великіе праздники.—Особенности Москвитянъ, по наблюденіямъ Герберштейна: ихъ благочестіе, хитрость, лживость и разсчетливость.—Понятіе о чести у людей благородныхъ.—Умѣренность въ употребленіи пищи и невоздержность въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ.—Бытъ служилыхъ людей.—Встрѣча и проводы гостя, выходъ изъ дома, угощеніе во время пира.—Привычка все держать въ секретѣ и не принимать мѣръ заблаговременно.—Характеристика русскаго ратника.—Нравы Новгородцевъ, Псковичей и Рязанцевъ.—Характеристика Русскихъ, находящаяся въ космографіи конца XVII в.

Подводя итоги къ приведеннымъ нами и разобраннымъ извѣстіямъ иностранныхъ писателей конца XV и первой половины XVI в.,

---

Volut et Frotini". Въ русск. переводѣ, Отеч. Зап., ч. XXVII, стр. 49: епископы россійскіе—Ростовскій (?) (Rosciuia), Суздальскій, Тверскій, Смоленскій, Рязанскій, Холмскій, Вологодскій (?) и Казанскій (?).

Извѣстія Фабра о числѣ войска въ Московскомъ государствѣ; о томъ, что князь Иванъ Ярославскій всегда вооружаетъ для великаго князя 30,000 ч. конницы; о томъ, какъ ведутъ торговлю Москвитяне см. въ статьяхъ моихъ, въ Др. и Н. Р., 1875 г., № 12, стр. 324, и въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, стр. 86.

[34]) *Фабръ*, стр. 133, строки 24—28 (Отеч. Зап., ч. XXV, стр. 304—305: „почти дикій"; въ подл. „omnino sylucstre").

мы можемъ сказать, что западно-европейская литература въ это время сдѣлала довольно значительныя пріобрѣтенія по народовѣдѣнію Восточной Европы. Границы важнѣйшихъ государствъ ея были намѣчены, были поименованы сосѣди Московіи съ запада, юга и юго-востока и даже явились попытки къ опредѣленію пространства, занимаемаго обширною областію великаго князя московскаго, которая на сѣверѣ казалась не объятною. Указано было на то, что главное населеніе Московіи составляютъ Московиты, что они говорятъ Русскимъ языкомъ, имѣющимъ весьма широкое распространеніе и за ея предѣлами, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ предѣлахъ Руссіи, какъ называли иностранцы въ XVI вѣкѣ по преимуществу юго-западную часть Россіи и причисляли къ ней и Галицію, и что съ этимъ же многовѣтвистымъ языкомъ находятся въ близкомъ родствѣ тѣ языки, на которыхъ говорятъ и нѣкоторыя племена Западной Европы. Это родство языка Московитовъ, Рутеновъ съ языками многихъ другихъ племенъ обращало на себя вниманіе потому, что религіозные обычаи этого народа имѣли сходство съ религіозными обычаями народовъ, обитавшихъ и на Кавказѣ, и въ Валахіи; сами же Московиты, по отзывамъ иностранцевъ, отличались благочестіемъ, горячею преданностію своему государю, готовностію безпрекословно исполнять всѣ его повелѣнія, имѣли обширныя торговыя сношенія и съ западомъ, и съ востокомъ, собирали дань съ племенъ, обитавшихъ на далекомъ сѣверѣ, который служилъ неисчерпаемымъ источникомъ для добычи цѣннаго пушнаго товара и еще продолжалъ быть предметомъ баснословія. Многія области, на которыя распадалась Московія, имѣли своихъ наслѣдственныхъ правителей, положеніе которыхъ можно было приравнять къ положенію герцоговъ, графовъ на Западѣ, но на Востокѣ эти правители не только не вели счеты съ своимъ государемъ, а напротивъ оказывались такими же преданными слугами, какъ и мало имущіе граждане. Вновь изучаемая иностранцами страна на Востокѣ, лѣсистая и мало населенная, имѣла, однако, множество городовъ, и только важнѣйшіе изъ нихъ стали извѣстными.

Изучать Московію можно было только въ связи съ изученіемъ быта народовъ, обитавшихъ на ея границахъ, и изъ этихъ народовъ тѣ по преимуществу обращали на себя особенное вниманіе, которые принадлежали къ Татарской вѣтви, а потому и свѣдѣнія о племенахъ этой вѣтви, о раздѣленіи на орды, о мѣстообитаніи ихъ, объ

особенностяхъ каждой, о важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ—отличались особенною обстоятельностію. Москва, черезъ посредство полудикихъ кочевниковъ, имѣла торговыя сношенія съ самыми отдаленными отъ нея азіатскими странами.

Но были и существенные пробѣлы въ обозрѣваемыхъ нами извѣстіяхъ тѣмъ болѣе замѣтные, чѣмъ болѣе возрасталъ интересъ къ изученію европейскаго Востока, чѣмъ сильнѣе становилось Московское государство, чѣмъ шире становились его политическія сношенія: нельзя было, напримѣръ, составить себѣ яснаго понятія о народахъ Сѣвера, крайне скудны были свѣдѣнія о городахъ Московіи и проч. Являлась по этому необходимость восполнить эти пробѣлы, и эту задачу и поставилъ себѣ авторъ Записокъ о Московіи.

Общераспространенное мнѣніе о томъ, что часть Восточной Европы лежитъ въ Европѣ, а другая—въ Азіи, что рубежомъ между ними служитъ Танаисъ, раздѣлялъ и Герберштейнъ, но опредѣленнаго твердаго убѣжденія о томъ, какъ должна быть проведена граница между этими двумя частями свѣта къ сѣверу отъ истоковъ Танаиса, авторъ Записокъ не имѣлъ.

Автору Записокъ было извѣстно, что значительнѣйшую часть области, лежавшей на восточной окраинѣ Европы, на западъ отъ стараго рубежа между нею и Азіею, занимало Русское племя, а потому онъ и присвоиваетъ названіе Руссіи не юго-западной только части Россіи, а всей области, занятой Русскими, въ предѣлахъ которой находились не только владѣнія Московіи, но и Литвы, и Польши. Объ этнографическихъ границахъ Руссіи онъ впервые даетъ ясное, полное понятіе и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и область распространенія языка Славянскаго.

„Руссія (Russia) граничитъ Сарматскими горами, недалеко отъ Кракова, и прежде простиралась по теченію Тираса, который туземцы называютъ Днѣстромъ, до Евксинскаго Понта и до рѣки Борисѳена“. „Нынѣ между устьями обѣихъ рѣкъ находятся пустыни. Если все подниматься по Борисѳену, то придемъ къ городу Черкасамъ, лежащему на западъ, а оттуда къ весьма древнему городу Кіеву, нѣкогда столицѣ Руссіи; тамъ за Борисѳеномъ лежитъ область Сѣверская, еще обитаемая; если отъ нея идти прямо на востокъ, то встрѣтятся истоки Танаиса. Потомъ надобно проѣхать длинный путь по теченію Танаиса до слiянія рѣкъ Оки и Ра, и, наконецъ,

перейдя рѣку Ра, [миновать] очень длинный путь, [чтобы достигнуть] Сѣвернаго моря; затѣмъ [русская граница] возвращается оттуда назадъ, [направляется на югъ], мимо народовъ, подвластныхъ королю Швеціи, около самой Финляндіи и Ливонскаго залива, черезъ Ливонію, Самогитію, Мазовію къ Польшѣ и, наконецъ, оканчивается Сарматскими горами".

Въ предѣлахъ Руссіи находятся только двѣ земли, Литва и Самогитія, населеніе которыхъ исповѣдуетъ вѣру римско-католическую и имѣетъ свой языкъ [особый въ Литвѣ: другой въ Самогитіи]. „Но значительная часть жителей [въ этихъ двухъ земляхъ]—Русскіе" [1])

Это первое, по времени, приблизительно вѣрное описаніе границъ великой области, занятой Русскими, авторъ Записокъ дополнилъ указаніями на то, что Руссія въ политическомъ отношеніи не составляла одного цѣлаго.

„Изъ государей, которые нынѣ владѣютъ Руссіей, главный есть великій князь московскій, который имѣетъ подъ своей властью большую ея часть; второй — великій князь литовскій, третій — король польскій, который теперь правитъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ".

Давая большую цѣну историческимъ свѣдѣніямъ, авторъ Записокъ о Московіи не увлекся столь общимъ стремленіемъ многихъ писателей его времени отыскивать связь между древнѣйшими и новѣйшими историческими данными относительно Востока, но, принявъ въ соображеніе тѣ и другія, уразумѣлъ ту мирную побѣду, которая выпала на долю колонизаторской дѣятельности Русскаго народа и впервые указалъ на его ассимилирующее вліяніе на другія народности. Всѣ народы Руссіи, пишетъ онъ, „употребляющіе языкъ Сла-

---

[1]) R. M. C., 2 A—B (р. п., 8—9). Р. п., стр. 9: внутри русской границы „лежатъ только двѣ области, Литва и Самогитія. Хотя эти двѣ провинціи врѣзываются въ русскія области и имѣютъ собственное нарѣчіе и римскую вѣру, однакожъ, большая часть ихъ жителей—Русскіе"; въ изд. 1556 г., 2 B: „duabus duntaxat prouincijs, Lithvuania scilicet et Samogithia interiectis: quae duae prouinciae licet Rhutenis intermixtae sint, ac proprio idiomate rituque Romano utantur, earum tamen incolae ex bona parte sunt Rhuteni"; въ изд. 1557 г., Bij: „In dem gantzen getzirgkh sein nur zwey Land, aussgenumben Lythen vnd Sameiten, die der Römischen Khirchen ordnung in der Religion anhengen, vnd hat yedliches sein sprach. Gleichwol sein gar vil der Vnderthaner derselben Fürstenthumber vnd in Lythen, auch in der Haubtstat der Wilda, die Reissen sein".

вянскій и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской, по греческому закону, по народному прозвищу Руссы (Russi), по Латини—Рутены, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ Рутены“ (Rhuteni).

И Мѣховскаго, и Іовія, и Фабра занималъ, какъ мы видѣли, вопросъ объ отношеніяхъ языка Русскаго къ нарѣчіямъ Славянскимъ. Весьма понятно, почему и Герберштейнъ, знавшій нѣсколько языковъ Славянской вѣтви, умѣвшій опредѣлить особенности русскаго произношенія, счелъ нужнымъ дать обстоятельныя свѣдѣнія объ области распространенія языка Славянскаго: этотъ языкъ, въ настоящее время называемый немного испорченнымъ именемъ Склавонскаго, имѣетъ область распространенія весьма значительную, „его употребляютъ Далматы (Dalmatae), Боснійцы (Bossnenses), Кроаты (Chroati), Истрійцы (Istrij), даже Фріульцы (Forumiulij) на большомъ протяженіи по Адріатическому морю, Карны (Carni), которыхъ Венеціане называютъ Харсами (Charsos), также Карніольцы (Carniolani), Каринтійцы (Carinthij) до рѣки Дравы, Штирійцы (Stirij) ниже Греца, по Муерѣ до Дуная, далѣе Мизійцы (Mysij), Сербы (Seruij), Болгары (Bulgari) и другіе до Константинополя; кромѣ того, Богемцы (Bohemi), Лужичане (Lusacij), Силезцы (Silesij) Моравы (Moraui) и жители береговъ Вага въ Венгерскомъ королевствѣ, также Поляки (Poloni) и Русскіе (Rhuteni), властвующіе на обширномъ пространствѣ, и Пятигорскіе Черкесы (Circasi Quinquemontani) у Чернаго моря, наконецъ, въ Германіи за Эльбою, на сѣверѣ, остатки Вандаловъ (Vandalorum reliquiae), живущихъ по разнымъ мѣстамъ. Хотя всѣ они признаютъ себя Славянами, однако, Германцы, взявъ названіе отъ однихъ Вандаловъ, всѣхъ, у кого въ употребленіи Славянскій языкъ, безъ разбора называютъ Вендами, Виндами и Виндишами“ (Vuenden, Vuinden et Vuindisch). Письмомъ славянскимъ пользуются Молдаване и Валахи, и у нихъ же совершается богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, хотя они и имѣютъ свой языкъ [2]).

---

[2]) R. M. C., 1 B—2 B (р. и., 8—9). Стр. 1 B: „gentiliter Russi, Latine Rhuteni appellati“: въ изд. 1557 г., B об. „Nach jrer sprach werden sy Russy, Lateinisch Rutheni, und Teütsch Reissen genandt“... „Die Slauonisch, das ist

Существенный недостатокъ этого перечня Славянскихъ племенъ составляютъ тѣ названія, которыя произошли отъ имени областей и не относятся къ отдѣльнымъ племеннымъ особямъ Славянской вѣтви, какъ, напр., Карны, Мизійцы и другія. Съ Венедами Герберштейнъ, какъ и другіе писатели, его современники, смѣшивалъ Вандаловъ [3]).

О происхожденіи имени Руссія онъ приводитъ различныя мнѣнія и, по видимому, отдаетъ предпочтеніе тому, которое существовало у самихъ Московитовъ. „Нѣкоторые думаютъ", пишетъ онъ, „что она получила имя отъ Русса, брата или племянника Леха, князя польскаго, который будто бы былъ русскимъ княземъ; по другимъ — отъ одного очень древняго города, именемъ Русса (Russo), недалеко отъ Великаго Новгорода; по третьимъ—отъ смуглаго цвѣта этого народа. Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи, черезъ перемѣну звуковъ [4]). Но Московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія, какъ не согласныя съ истиной, подтверждая тѣмъ, что ихъ народъ издревле названъ Россія, то есть народомъ разсѣяннымъ или разбросаннымъ, на что указываетъ самое имя, потому что Россія (Rosseia), на языкѣ Руссовъ, значитъ разсѣяніе. Справедливость этого ясно доказывается тѣмъ, что и теперь еще разные народы живутъ въ Руссіи перемѣшано другъ съ другомъ и что различныя области Руссіи тамъ и сямъ смѣшаны и перерѣзываемы другими. Из-

---

die Windisch sprach, welche jetzo gemainclich aber nit recht Sclauonisch genent wird, geht seer weit. Dann derselben sprach gebrauchen sich die Dalmatiner, Bossner, Chrabaten, Isterreicher, zeucht sich lang nach dem Adriatishen Mör hintzt an das Friauler Land. Dise sprach reden auch die Carster, so Lateinisch Carni vnd Venedigisch oder Wälhisch Carssy genent werden"...

На стр. В об., въ изд. 1557 г., находится слѣдующая замѣтка, которой нѣтъ въ изданіи 1556 г. „So gebrauchen sich auch diser sprach (Slauonisch) in schrifften und im Gottes dienst die Moldauer vnd die andern anraynenden Wallachen, viewol dieselben ain andere sprach in gemain haben".

[3]) Слав. Древности, *Шафарика*, т. 2, кн. 2, стр. 91—93, 88, 95—о Карнахъ и Карніольцахъ; т. 2, кн. 1, стр. 255—256, 314, 326, 328, 331 и 386 — о Мизійцахъ; стр. 59 — 60: названіе Склавонскій — видоизмѣненіе имени Славянскій, допущенное греческими и латинскими писателями, такъ какъ языки Греческій и Латинскій не терпятъ слога sl; т. 1, кн. 2, стр. 227, 235—237—о Вандалахъ.

R. M. C. 111 B (р. н., 171): имя Венедовъ произошло, какъ думаютъ, отъ имени Финляндіи—Vuinlandia.

[4]) Такого мнѣнія держались Гваин и Фабръ, см. выше, стр. 380, 392.

вѣстно также читающимъ Священное писаніе, что и пророки употребляютъ слово разсѣяніе, когда говорятъ о разсѣяніи народовъ. Многіе, однако, ведутъ названіе Руссовъ отъ греческаго и даже отъ халдейскаго корня, имѣющаго подобное же значеніе, а именно отъ теченія, которое у Грековъ называется ῥοῦς, или распрыскиванія по каплямъ, которое у Арамейцевъ называется Resissaia или Ressaia: такимъ же образомъ Галлы и Умбры названы Евреями отъ волнъ, дождей и наводненій, то есть Gall и Gallim, также отъ Umber, какъ будто народы волнующіеся и бурные или народъ источниковъ“ [5]).

Границы Московіи, по Запискамъ о ней, опредѣляются слѣдующими данными:

1) р. Полна, „отдѣляетъ владѣнія московскаго государя отъ Финляндіи, Русскими называемой Хаинская земля (Chainska Semla) и состоящей подъ властью королей Швеціи“. Имя Chainska — несомнѣнно искаженное, вмѣсто Chamska, Гамская, Емьская, какъ называли Русскіе Финляндію или ту землю, которая, по опредѣленію Лерберга, ограничивалась съ юга Финскимъ, съ запада Ботническимъ заливомъ, „съ сѣверной же стороны частію восточными низовыми землями (Kainulaiset, древними восточными Квенами), частію финляндскими Лопарями, и, наконецъ, съ восточной — Карелами“. Въ этой части Финляндіи съ древнѣйшаго времени обитало племя, называвшее себя Hämelaiset (Häme, Hamenmaa — орошенная, изобилующая водою земля), и отъ этого имени произошло и русское — Емь, Ямь, часто встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ 1042 г. на это племя Русскіе предприняли походъ, подъ начальствомъ князя Владиміра Ярославича [6]).

2) р. Нарова, „отдѣляетъ новгородскія владѣнія отъ ливонскихъ“.

3) Corsula, селеніе, на западной границѣ Московіи, „безспорно“ ей принадлежащее, на дорогѣ отъ Полоцка къ Опочкѣ, между нею и озеромъ Nischa (Нищо).

---

[5]) R. M. C., 1 A—B (р. п., 7—8).

[6]) R. M. C., 76 C (р. п., 117); въ изд. 1557 г., M об. „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи“, *А. Х. Лерберга*, С.-Пб., 1819 г., стр. 120, 124. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, С.-Пб., 1872 г., стр. 3, 10, 150 (1042 г.), 426, 483.

На этомъ пути находится селеніе Кореселки, и, можетъ быть. оно-то и названо Корсулою.

4) Смоленскъ, отстоящій отъ границы на двѣнадцать германскихъ миль [7]).

5) р. Борисѳенъ, служитъ границею между владѣніями короля польскаго и великаго князя московскаго. Первому принадлежатъ тѣ города, которые стоятъ на западномъ берегу Борисѳена; второму—стоящіе на восточномъ берегу, кромѣ Дубровны и Мстиславля.

Дубровна—мѣстечко Могилевской губерніи, Горецкаго уѣзда, въ 38 вер. къ с. сѣверо-западу отъ Горокъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра. Мстиславль—уѣздный городъ той же губерніи, къ востоку отъ Могилева, при р. Вехрѣ. Послѣ взятія Смоленска, въ 1514 г. великій князь, сообщаетъ наша лѣтопись, послалъ своего боярина и воеводу князя Михаила Даніиловича Щенятева да князя Ивана Михайловича Воротынскаго и иныхъ своихъ воеводъ да князей и бояръ смоленскихъ, со многими людьми ко Мстиславлю на князя Михаила Мстиславскаго. Князь Михаилъ встрѣтилъ воеводъ великаго князя и билъ челомъ, чтобы государь, князь великій, пожаловалъ, взялъ его къ себѣ въ службу и съ вотчиною, да и крестъ воеводамъ на томъ цѣловалъ со всѣми своими людьми и къ великому князю съ воеводами поѣхалъ. Великій князь принялъ его къ себѣ въ службу. Въ томъ же году поддалися великому князю и жители Дубровны. Но послѣ несчастнаго для Русскихъ сраженія при Оршѣ, Мстиславль и Дубровна были снова заняты Литовцами [8]).

6) р. Сура, „раздѣляетъ владѣнія царей московскаго и казанскаго".

7) Границу Московіи на сѣверовостокѣ Герберштейнъ не опредѣляетъ въ точности, хотя сообщаетъ такія данныя, которыя у предшествующихъ ему писателей не встрѣчаются. Въ области, лежащей по р. Оби, отъ Обской крѣпостцы до устья р. Иртыша, есть, говоритъ онъ, двѣ крѣпости: Еромъ (Ierom) и Тюмень (Tumen), „которыми управляютъ князья югорскіе (domini knesi Iuhorski), какъ говорятъ, данники великаго князя московскаго". За этою областью,

---

7) R. M. C., 75 C, 139 C, 70 C, 122 A, 141 C (р. п., 115, 208, 108, 182, 211).

8) R. M. C., 101 C (р. п., 159). Геогр. стат. словарь Росс. имперіи, II, 140; III, 350. Никон. лѣт., VI, 199—200. *Карамзинъ*, VII, 44, пр. 129: король писалъ къ магистру ливонскому: „Iam arcem Dambrowno de manibus eorundem hostium eripuimus"...

къ сѣверу отъ устья рѣки Иртыша, лежала другая область, носившая названіе Лукоморіи (Lucomorya), и весьма многія племена ея, какъ говорилъ составитель дорожника, въ которомъ былъ описанъ путь изъ Европейской Россіи къ рѣкѣ Оби, были подвластны князю московскому. Однако, замѣчаетъ Герберштейнъ, „такъ какъ вблизи [Лукоморіи] находится царство Тюмень, государь котораго Татаринъ и на ихъ языкѣ называется Тюменьскимъ царемъ (Tumenski Czar), то есть rex in Tumen, и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ московскому князю, то правдоподобнѣе, что эти племена [Лукоморіи] подвластны ему, потому что онъ имъ близкій сосѣдъ“ [9]).

Первыя общія замѣчанія о правахъ и характерѣ Москвитянъ, высказанныя Фабромъ и Іовіемъ, были основаны на тѣхъ впечатлѣніяхъ, наблюденіяхъ и свѣдѣніяхъ, какія этимъ писателямъ можно было вынести изъ бесѣдъ съ русскими послами. Такого же рода замѣчанія, высказанныя Герберштейномъ, являются результатами его непосредственнаго изученія и обращаютъ на себя вниманіе, какъ первый самостоятельный опытъ характеристики русской народности въ ту начальную эпоху объединенія ея государственнаго строя, которая была особенно плодотворною для образованнаго и наблюдательнаго этнографа, какимъ былъ Герберштейнъ, такъ какъ въ эту эпоху уже опредѣлились характеристическія особенности населенія той части Россіи, которая послужила ядромъ русской государственной области, и въ то же время еще не утратились и сохранились этнографическія особенности населенія тѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ частей Московской Руси, которыя нѣкогда пользовались областною самостоятельностію. Общія характеристики всякой народности требуютъ широкаго историческаго образованія, большой проницательности, безпристрастія и вѣрнаго чутья — условій, которыми обладаютъ весьма и весьма немногіе. По большей части эти характеристики, заключая въ себѣ нѣкоторыя вѣрныя указанія, страдаютъ или преувеличенными похвалами, или, напротивъ, бываютъ проникнуты духомъ нетерпимости и отрицанія. И весьма понятно, почему и Герберштейнъ, какъ иностранецъ, въ своихъ общихъ сужденіяхъ о Русскихъ не могъ отрѣ-

---

, R. M. C., 65 A, 82 A, 83 B—C (p. u., 100, 124, 127).

шиться отъ того пристрастія и односторонности, какими большею частію отличаются и отличались сужденія иностранцевъ, даже тѣхъ, которые были поставлены въ условія благопріятныя для непосредственнаго наблюденія и изученія ими столь чуждой, по основнымъ началамъ своего историческаго бытія, русской народности.

Охарактеризовавъ власть великаго князя, какъ власть ничѣмъ не ограниченную, не терпящую никакихъ противорѣчій, совершенно произвольную, какъ власть, которая, какъ имѣетъ право думать читатель, имѣла теократическій характеръ, по народному, будто все общему вѣрованію осуществляла только волю Божію, авторъ Записокъ заканчиваетъ свою характеристику такими словами: „Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ“ [10]) (tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur).

Какъ доказываютъ эти слова, историческія условія и обстоятельства, создавшія крѣпкую власть великаго князя московскаго, не были приняты въ соображеніе, въ данномъ случаѣ не обратили на себя ни малѣйшаго вниманія со стороны автора Записокъ, хотя онъ и пользовался русскими лѣтописями и даже извлекъ изъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Поэтому для объясненія такого важнаго явленія, какимъ была власть великаго князя, оставалось только одно средство — прибѣгнуть къ общимъ соображеніямъ, не имѣвшимъ твердой исторической почвы. Какъ ни велико было уваженіе и благоговѣніе Москвичей къ великому князю, какъ ни значительна была связь между ихъ собственными интересами и интересами великаго князя, все же въ самой Москвѣ, въ княженіе Василія Ивановича была довольно значительною партія людей, имъ недовольныхъ, но Герберштейну, не имѣвшему историческаго взгляда на великокняжескую власть, казалось истиннымъ то, что онъ могъ слышать только отъ людей, безусловно преклонявшихся передъ нею, и ихъ мнѣнія и убѣжденія онъ считалъ всеобщими [11]).

Взглядомъ на Русскихъ, какъ на варваровъ, а также тѣми взглядами на простонародье, которые были господствующими у за-

[10]) R. M. C., 15 B—C (р. п., 28). Русскихъ и Герберштейнъ называлъ варварами, тамъ же 99 B—C (р. п., 151).

[11]) R. M. C., 42 C (р. п., 67): Русскіе „считаютъ истиннымъ и обязательнымъ для всѣхъ, во что̀ вѣритъ или что̀ думаетъ самъ князь“.

падно-европейскихъ мыслителей XVI вѣка, объясняется и замѣчаніе Герберштейна о томъ, что простой народъ въ Москвѣ не работаетъ въ великіе праздники „не изъ уваженія къ религіи, а болѣе для пьянства“ [12]).

Но на ряду съ этими отрицательными сужденіями, основанными, между прочимъ, на ложномъ толкованіи такихъ рѣченій, какъ, напр., „знаетъ Богъ и великій государь“, въ Запискахъ о Московіи преобладаютъ такого рода общія этнографическія замѣтки, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ большую наблюдательность, даютъ вѣрное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ русской народности, характеризуютъ воззрѣнія русскихъ людей XVI в. и несомнѣнно имѣютъ важное историческое значеніе. Бо̀льшая часть этихъ замѣтокъ относится къ Московитамъ, характеръ, нравы и обычаи которыхъ авторъ имѣлъ время и средства изучить основательно. Глубокое убѣжденіе въ сохраненіи истинной христіанской вѣры, по греческому обряду, съ того самаго времени, когда совершилось крещеніе Руси, благочестіе и набожность, горячая преданность своему государю, искреннее желаніе служить ему, не щадя своихъ силъ—вотъ тѣ особенности Московитовъ, на которыя мы находимъ неоднократныя указанія въ Запискахъ о Московіи, подтверждающія вышеприведенныя свидѣтельства Іовія и Фабра.

Россія, пишетъ Герберштейнъ, „какъ начала, такъ и до сего времени твердо пребываетъ въ вѣрѣ христіанской по греческому закону“. „Въ своихъ лѣтописяхъ Русскіе открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги, земля Русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ“.

„Московиты хвалятся, что они только христіане, а насъ они осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій. Если какой нибудь человѣкъ нашей вѣры перейдетъ къ Московитамъ или же убѣжитъ къ нимъ противъ воли господина, какъ будто для того, чтобы выучиться ихъ вѣрѣ и принять ее, то они утверждаютъ, что не слѣдуетъ отсылать его или возвращать по требованію господина“.

---

[12]) R. M. C., 41 A (р. н., 64). „Исторія политическихъ ученій“, *Б. Чичерина*, ч. I, М., 1869 г., стр. 373: Бюкананъ (авторъ сочиненія: De jure regni apud Scotos, 1579), защитникъ народной власти, называетъ народъ многоглавымъ звѣремъ, дерзость и непостоянство котораго извѣстны.

Описывая богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, совершавшееся здѣсь 15-го августа, Герберштейнъ, какъ очевидецъ, упоминаетъ о томъ, что народъ былъ проникнутъ благоговѣніемъ и, когда вынесли дары, нѣкоторые восклицали: Господи помилуй; другіе, по отцовскому обычаю, касались лбомъ земли и плакали [13]).

Преобладающее значеніе, котораго достигла Москва въ началѣ XVI в., являлось наслѣдіемъ тяжелой, упорной, столѣтней борьбы, которую московскіе князья вели съ удѣльными князьями и вѣчевыми общинами, съ Татарами и Литовцами, и эта борьба должна была наложить свою неизгладимую печать на характеръ Москвичей, развить въ нихъ еще болѣе тѣ способности, которыми они, какъ Великоруссы, отличались съ самаго начала своей болѣе замѣтной дѣятельности. Подъ роковымъ вліяніемъ постоянной борбы за первенство, требованія нравственной справедливости, мягкость и человѣчность въ отношеніяхъ, разборчивость въ средствахъ должны были уступить мѣсто разсчету и стремленіямъ къ осязательной выгодѣ, настойчивости, смѣлости, пренебреженію интересами личными и крайней нераз-

---

[13]) R. M. C., 15 C, 27 A, 43 C—44 A, 46 C (р. п., 28, 43, 44, 68, 72). См. также стр. 30 A—B (48): римскихъ папъ, которые были послѣ раздѣленія церквей, Русскіе ненавидятъ болѣе, чѣмъ самихъ Магометанъ; 43 B (68): преимущественная забота духовныхъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ приводить въ свою вѣру; 133 B—C (198—199): однажды на велико-княжеской охотѣ, на которой присутствовалъ Герберштейнъ, „отъ внезапнаго потрясенія палатки, упалъ на землю хлѣбъ, который (Русскіе) называютъ хлѣбомъ Пресвятой Дѣвы... [и] хранятъ въ своихъ жилищахъ на высокомъ мѣстѣ. Князь и всѣ другіе стояли въ трепетѣ, сильно пораженные этимъ случаемъ. Немедленно позванъ былъ священникъ, который подбиралъ его съ травы съ величайшимъ стараніемъ и благоговѣніемъ“.

Стр. 124 A (185): за пол-мили отъ Москвы Герберштейна встрѣтилъ покрытый потомъ старикъ дьякъ, тотъ самый, который былъ при посольствѣ въ Испаніи. Между прочимъ Герберштейнъ спросилъ его: отчего онъ такъ вспотѣлъ? Дьякъ тотчасъ отвѣтилъ громкимъ голосомъ: „Сигизмундъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего“.

Олеарій, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 26, стр. 296—297 (р. п., стр. 334—335) „Простой народъ, особенно живущій по деревнямъ и селамъ, пріучаетъ дѣтей своихъ къ страху Божьему тѣмъ, что ставитъ ихъ передъ образами, заставляетъ въ глубокомъ благоговѣніи и почитаніи клаияться передъ ними, креститься и произносить: Господи помилуй! При этомъ, однако же, не объясняется, что значатъ образа, такъ что дѣти съ ранняго возраста своего воображаютъ, что образа суть какъ бы боги, какъ обыкновенно называются они и самими взрослыми. Въ Ладогѣ хозяйка моя не давала ѣсть своему ребенку, едва еще говорившему и ходившему, до тѣхъ поръ, пока онъ 9 разъ не почтитъ своего бога сказаннымъ образомъ: поклономъ и крестомъ“.

борчивости въ средствахъ. Развитію всѣхъ этихъ особенностей въ средѣ торговаго населенія Москвы не мало содѣйствовали также и обширныя торговыя сношенія, и къ этой-то части населенія, по преимуществу, должно быть отнесено слѣдующее замѣчаніе: „Москвичи считаются хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ [Русскихъ], и въ особенности на нихъ нельзя положиться въ исполненіи контрактовъ. Они сами знаютъ объ этомъ, и когда имъ случится имѣть дѣло съ иностранцами, то для возбужденія большей къ себѣ довѣренности, они называютъ себя не Москвичами, а пріѣзжими" [14]).

По всей вѣроятности къ служилымъ людямъ Московской Руси должна быть отнесена слѣдующая характеристика: „Благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ", пишетъ авторъ Записокъ, „почитаетъ для себя позоромъ и безславіемъ добывать хлѣбъ своими руками, а не считаетъ постыднымъ подбирать съ земли и ѣсть корки или кожу плодовъ, въ особенности дынь, чесноку и луку, которыя бросаемъ мы и наши слуги. Впрочемъ, какъ умѣренны они въ употребленіи пищи, такъ невоздержно пьютъ, гдѣ только представится случай. Почти всѣ они мало раздражительны, но надменны въ бѣдности, которая сопровождается тяжкимъ спутникомъ, рабствомъ". Во время похода служилые люди, имѣвшіе посредственное состояніе, отличались необыкновенною воздержностію и умѣренностію; иногда въ

---

14) R. M. C., 64 A (р. п., 98); въ изд. 1557 г., Kiij: „Das volkh zu der Mosqua ist vil listiger vnd betrieglicher für andere daselbstn vmb, des sy nun wissen, das man sich vor jnen huett, darumb bekhennen sy sich nit gern, sunder nennen sich ausslender vnd verlaugnen jres haimat". Ср. также замѣтку о приставахъ московскихъ, которые знали, „сколько дровъ для кухни, также сколько для нагрѣванія бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ малѣйшихъ вещей они должны давать (посламъ) на каждый день", стр. 125 A (186).

Олеарій, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. VI, стр. 186 (по р. п., 1870 г., стр. 168): „Свою смышленность и хитрость Русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить или продать повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякаго рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать не малымъ умомъ".

Кастренъ, Этногр. Сборн., в. 4, стр. 281: „вся сила Русскаго состоитъ въ его умѣ, неистощимомъ на всякаго рода изобрѣтенія, разсчеты и предпріятія. Русскій ненавидитъ этотъ однообразный покой, высшее блаженство Финна. Для Русскаго невыносимо жить подъ кровлею своего дома и считать своимъ собственнымъ міромъ нѣсколько десятинъ земли. Его страсть всюду рыскать и сносить домой богатство изъ далекихъ краевъ".

продолженіи двухъ или трехъ дней не принимали пищи. Жизнь служилыхъ людей, имѣвшихъ достаточныя средства и принадлежавшихъ къ высшимъ разрядамъ служилаго сословія, была обставлена, по извѣстіямъ Герберштейна, многими „удивительными“ церемоніями, въ которыхъ каждый ревниво охранялъ свою честь и достоинство. Встрѣча и проводы гостя, выходы изъ дома, угощенія во время пира — все это совершалось по извѣстному чину. Гостя, который пользовался какою-либо властію, хозяинъ провожалъ до лѣстницы; если же гость былъ познатнѣе, то хозяинъ провожалъ его далѣе, „наблюдая такимъ образомъ мѣру, по достоинству каждаго“. Человѣку съ небольшимъ состояніемъ нельзя было въѣзжать на лошади въ ворота дома какого нибудь вельможи. „Для людей бѣдныхъ и неизвѣстныхъ труденъ доступъ даже къ обыкновеннымъ дворянамъ (ad uulgares nobiles): тѣ весьма рѣдко показываются въ публику съ тою цѣлью, чтобы сохранить болѣе вѣсу и уваженія къ себѣ. Ибо ни одинъ благородный, немного побогаче, не пройдетъ пѣшкомъ черезъ четыре или пять домовъ, если за нимъ не слѣдуетъ лошадь“.

Въ совѣщаніяхъ о дѣлахъ сомнительныхъ [бояре] часто проводили цѣлый день и расходились только тогда, когда, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшали дѣло, точно также иногда проводили цѣлый день въ пиршествахъ (conuiuijs seu comessationibus) и расходились только при наступленіи сумерекъ.

Разсказывая о нашествіи Магметъ-Гирея на Москву (1521 г.), которая оказалась нисколько неподготовленною къ оборонѣ, такъ что бояре совсѣмъ растерялись отъ страха, Герберштейнъ замѣчаетъ: у Московитовъ постоянно такъ: все держится въ секретѣ, ничего нѣтъ заготовленнаго, и только уже въ крайней необходимости они стараются все сдѣлать [15]).

---

[15]) R. M. C., 55 A, 51 B, 55 C: „Mirabiles obseruant caeremonias“... 130 A: „Quemadmodum enim de rebus dubiis consultantes, saepe totum diem consumunt“... 93 C (р. п., 85, 80, 86, 194, 142). См. также 120 C и слѣд. (р. п., 180 и слѣд.), 14 B (26): „exceptis adolescentulis filijs Boiaronum, hoc est, tenuioris fortunae nobilium“...

Флетчеръ, по изд. 1591 г., гл. 28, стр. 114: Со двора [благородные] „всегда выѣзжаютъ верхомъ, хотя бы на самое близкое разстояніе, что̀ соблюдается и боярскими [дѣтьми] или дворянами“. Тамъ же, гл. 16, стр. 59: „Если бы русскій воинъ съ такою же твердостію духа исполнялъ предпріятія, съ какою

Для характеристики Московита-воина Герберштейнъ сравниваетъ его поведеніе во время бѣгства съ поведеніемъ Татарина и Турка.

„Московитъ какъ только ударится въ бѣгство, то уже не помышляетъ о другомъ средствѣ къ спасенію, кромѣ того, которое можетъ ему доставить бѣгство; когда врагъ догонитъ его или схватитъ, онъ уже не защищается и не проситъ пощады". „Татаринъ же, сброшенный съ лошади, оставшись безъ всякаго оружія, даже тяжело раненный, обыкновенно защищается до послѣдняго издыханія, руками, ногами, зубами и чѣмъ только можетъ". „Турокъ, видя себя лишеннымъ всякой помощи и надежды спастись, бросаетъ оружіе, умоляетъ о помилованіи, складываетъ руки для вязанья и протягиваетъ ихъ побѣдителю, надѣясь сохранить жизнь свою плѣномъ" [16]).

По извѣстіямъ Герберштейна, хитрость и лживость Москвичей оказали дурное вліяніе на Новгородцевъ и Псковичей. Народъ въ Новгородѣ, пишетъ онъ, „былъ весьма образованный и честный, а теперь сталъ самый испорченный, заразившись, безъ сомнѣнія, московскою порчею, которую принесли съ собой приходящіе сюда Московиты". Когда была уничтожена свобода Пскова, отсюда великій князь выводилъ Псковичей и водворялъ на ихъ мѣсто Московитянъ. „По этой-то причинѣ привѣтливые и мягкіе нравы Псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ [торговыхъ] договорахъ у Псковитянъ существовала такая честность, чистосердечіе и простота, что, избѣгая всякаго многословія съ цѣлью обмануть покупателя, они сразу опредѣляли настоящую стоимость" [продаваемыхъ вещей].

Эти любопытныя извѣстія, очевидно, переданы Герберштейномъ со словъ тѣхъ лицъ, которые питали сочувствіе къ Новгородской и Псковской старинѣ, къ тому, что существовало въ эпоху вѣчеваго строя и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ, и въ извѣстной

онъ переноситъ трудъ (toyle aud. trauaile), или столько же былъ бы способенъ и навыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ".

[16]) R. M. C., 50 C—51 A (p. п., 78—79); 14 A—B (26): изъ сраженій, которыя происходили во время княженія Василія Ивановича, иногда возвращалась едва половина воиновъ, однако, Москвичи утверждали, что въ сраженіи не было потеряно ни одного.

степени могли быть правы. Послѣ уничтоженія этого строя, состояніе Новгорода и Пскова, не скоро могло улучшиться, и новые переселенцы, здѣсь водворившіеся, должны были, безъ сомнѣнія, оказать деморализующее вліяніе на нравы коренныхъ Новгородцевъ и Псковичей, такъ какъ всего вѣроятнѣе предположить, что отношенія этихъ послѣднихъ къ новымъ гражданамъ носили характеръ враждебный. Можно также считать вѣроятнымъ, что Новгородцы и Псковичи отличались, сравнительно съ Москвичами, болѣе мягкими нравами. Новгородъ и Псковъ во многомъ представляли совершенную противоположность Москвѣ. Здѣсь личные и сословные интересы подчинялись суровымъ требованіямъ государственнымъ; въ Новгородѣ и Псковѣ преобладали личные, имущественные интересы, развитіе которыхъ должно было оказывать смягчающее вліяніе на нравы, и вообще, по своей цивилизаціи, Новгородцы и Псковичи едва ли не стояли выше Москвичей. Еще во второй половинѣ XVI вѣка мастерства процвѣтали болѣе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ [17]). Тоже оправдываются и общими историческими соображені-

[17]) R. M. C., 75 B, 76 A—B (р. п., 115, 116). Стр. 116: „По этой-то причинѣ образованность и мягкіе нравы Псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ [своихъ] купеческихъ сдѣлкахъ Псковитяне показывали такую честность, чистосердечіе и простоту, что [цѣна] товару у нихъ показывалась безъ запросу и безъ всякаго многословія, ради обмана покупателя"; въ подл., 76 A—B: „Vnde factum, ut pro cultioribus, atque adeo humanioribus Plescovuiensium moribus, corruptiores in omnibus fere rebus Moscovuiensium mores sint introducti. Tanta enim in contractibus Plescovuiensium erat integritas, candor et simplicitas, ut omni uerbositate in fraudem emptoris omissa, uno tantum uerbo res ipsas indicarent". Въ изд. 1567 г., стр. LXXXIIII: „Auss welchem sich begeben das für der Plescouwer freüntliche vnd bürgerliche geberden, der Moscouiten böse vnd verkerdte gewonheiten an disem arth eingefüeret worden. Dann vorhin warend die Plescauwer in jren hantierungen vnd gewerben also fromm, auffrecht vnd einfaltig, das sy wenig wort in den keüffen die leüt zu betriegen gebrauchet, sonder jr gemüet allein mit einem wort geoffenbaret". Въ изд. 1557 г., M: „Die Moscouiter an jrer stat derein gesetzt, vnd damit die sittigkhait, menschait vnd guette sitten gantz verendert, sy sein hieuor der erwerkhait gewest, mit wenig wortten jr sachen beständigclichen gehandelt, khain waar vberpotten, sonder mit ainem wort verkhaufft vnd khaufft".

Истор. Россіи, *С. Соловьева*, VII, М., 1870 г. (изд. 3-е), стр. 56. Записки Геогр. Общ., по Отд. статистики, т. I, С.-Пб., 1866 г., „Изслѣдованія о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи", соч. протоіерея *Θ. В. Гиляровскаго*, стр. XX: „Типъ Ярославскаго и Владимірскаго народонаселенія по городамъ Новгородской губерніи замѣтно подавляетъ туземный и въ теченіе столѣтія или двухъ, вѣроятно, останется только одинъ. Тутъ нѣтъ ничего

ями и нѣкоторыми данными, находящимися въ нашихъ источникахъ, замѣчанія Герберштейна о томъ, что Рязанцы—народъ самый смѣлый и воинственный; точно такъ какъ и жители Сѣверской области, вслѣдствіе постоянной борьбы съ Татарами [18]).

Послѣ Герберштейна иностранные писатели, сообщавшіе свѣдѣнія о Московской Руси, неоднократно указывали на тѣ самыя особенности русскаго быта и характера, которыя были впервые подмѣчены авторомъ Записокъ. Его же наблюденія напоминаетъ и характеристика русской народности, внесенная въ космографію, находящуюся въ спискѣ хронографа 1696 года и составленную, „судя по содержанію и языку ея", Русскимъ. Аще, говорится въ этой космографіи, „и не вси людіе (въ царствѣ Россійскомъ) книжному писанію учени, но вѣрою вси зѣло благочестиви, но нравы же въ правдѣ не постоятельныи и корысти желательныи, другъ друга лукавствомъ превосходяще и льстивны, упрямы и прекословни суть... На бранехъ же Россійскіе люди терпѣливіи и мужественніи, и нужу великую терпятъ, многи дни пребывающе безъ пищи. Государемъ же своимъ повиновеніе и послушаніе имѣютъ зѣло велико, иже и во обычай пріемше рѣчь сію глаголюще: воленъ Богъ да государь. Цари же ихъ зѣло самовластни и вся творятъ по воли ихъ" [19]).

удивительнаго: пришельцы дѣятельные и смышленые, при помощи умѣнья или капиталовъ, овладѣваютъ въ новой мѣстности мало по малу средствами жизни".

[18]) R. M. C., 65 B, 69 A (р. п., 101, 106). Ист. рязан. княжества, *Д. Иловайскаго*, М., 1858 г., стр. 118—119: „Что касается до рязанскихъ князей, то безспорно это самая воинственная и безпокойная вѣтвь Рюрикова дома, въ тоже время самая жестокая и коварная"... „Тѣ непріятныя свойства, которыя мы замѣтили въ характерѣ князей, отразились и въ характерѣ городскаго сословія, на что имѣемъ лѣтописныя свидѣтельства" (подъ 1207 и 1208 гг. Лавр., 182 и 183).

Ист. Россіи, *С. Соловьева*, III, М., 1857 г. (изд. 2-е), стр. 343: въ 1371 году великій князь Димитрій Іоанновичъ „отправилъ на Олега рязанскаго воеводу своего, Димитрія Михайловича Волынскаго съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большое войско и вышелъ на встрѣчу московскимъ полкамъ (у Скорнищева), при чемъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ другу: „Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни копей, ни сабель, ни стрѣлъ, берите только ремни, да веревки, чѣмъ вязать боязливыхъ и слабыхъ Москвичей". Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Рязанцы люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшись умомъ и возгордѣвшись величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ полуумные людища, какъ чудища".

[19]) „Обзоръ хронографовъ русской редакціи", *Андрея Попова*, в. 2, М., 1869 г., стр. 220. Его же „Изборникъ", М., 1869 г., стр. 518—520.

XXXVI.

Извѣстія Герберштейна о племенахъ Финской вѣтви.—Народы, обитающіе въ Финляніи и Лопари дикіе.—Дань, ими платимая московскому князю.—Ихъ пища, охота за пушными звѣрями, сношенія торговыя и вліяніе этихъ сношеній на бытъ Лопарей, ихъ одежда и жилища.—Упоминаніе о Лопи въ Ярославовомъ уставѣ о мостѣхъ и въ завѣщаніи великаго князя Ивана III.—Черты быта Лопарей, по современнымъ наблюденіямъ. — Карела.—Область, ею занимаемая.—Финское населеніе въ областяхъ Бѣлозерской и Двинской.

Племена Финскія, обитавшія на сѣверо-востокѣ Московской Руси.—Главный источникъ свѣдѣній о нихъ, которымъ пользовался авторъ Записокъ о Московіи.—Самоядь (Samoged). Принятіе христіанства обитателями устьевъ р. Печоры, въ началѣ XVI в.—Мѣстообитаніе племенъ Самоѣдской вѣтви, по указаніямъ, находящимся въ русскихъ источникахъ XVI в.—Происхожденіе имени Самоѣдовъ.—Вогуличи (Vuogolici).—Югричи (Ugritschi). — Ихъ родство съ Венграми.—Лукоморцы.—Ихъ торговыя сношенія.—Мнѣніе о томъ, что они подвластны не московскому князю, а царю Тюменскому.—Grustintzi, Serponovutzi, Calami. — Племя, обитавшее въ Пермской области и нѣкоторыя особенности его быта.

Черемисы.—Обширное пространство, ими занимаемое.—Ихъ религія и образъ жизни.—Стрѣльба изъ лука.—Женскіе головные уборы.—Характеристика Черемисъ, по современнымъ наблюденіямъ.—Чуваши (Czuvaschi).—Указаніе на то, что они въ XVI в. были опытными судоходцами. — Мордва. — Ихъ религія и бытъ.—Касимовскіе Татары.— Бытъ женщинъ. — Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Московію.

Скудныя извѣстія о живущихъ въ Московіи племенахъ Финской вѣтви, сообщенныя Мѣховскимъ и Іовіемъ, въ значительной степени были дополнены новыми свѣдѣніями, собранными авторомъ Записокъ, о Лапландцахъ, о племенахъ, обитающихъ на Бѣлоозерѣ и въ Двинской области и говорящихъ не по русски, о Пермякахъ и Чувашахъ. Но и въ Запискахъ мы еще не находимъ общаго родоваго названія всѣхъ племенъ этой обширной вѣтви [1]).

На крайнемъ сѣверо-западѣ Московіи, въ Финляніи, обитали, по извѣстіямъ Герберштейна, народы, платившіе дань московскому князю. Они живутъ разсѣянно по морскому берегу, въ низкихъ хи-

---

[1]) R. M. C., 65 A, 76 C, 80 A, 83 C, 85 B, 85 C, 86 A (р. п., 100, 117, 122, 127, 129—131).

жинахъ и ведутъ почти звѣриную жизнь, однако все-таки общительнѣе дикихъ Лопарей (Lappi). По всей вѣроятности, эти народы Финляпіи — Лопари, о которыхъ Герберштейнъ далѣе сообщаетъ, очевидно, со словъ великокняжескихъ толмачей Григорія Истомы, Димитрія Герасимова и Власія, болѣе подробныя извѣстія, чѣмъ Іовій.

Московиты, пишетъ Герберштейнъ, „похваляются тѣмъ, что берутъ подать съ дикихъ Лопарей: хотя это и невѣроподобно, однако не удивительно, такъ какъ послѣдніе не имѣютъ другихъ сосѣдей, требующихъ съ нихъ подати. Они платятъ дань рыбой и кожами, такъ какъ другаго не имѣютъ. Заплативъ годовую дань, они хвалятся, что [уже больше] ничего никому не должны и не зависимы [во всемъ остальномъ]. Хотя у Лопарей нѣтъ хлѣба, соли и другихъ пряностей (gulae irritamentis), и они питаются только одною рыбой и дикими животными, однако, какъ утверждаютъ, они очень склонны къ сладострастію. Всѣ они очень искусные стрѣлки, такъ что если на охотѣ попадутся имъ какіе либо дорогіе звѣри то они убиваютъ ихъ стрѣлою въ мордочку для того, чтобы имъ досталась шкура цѣлая и безъ пятенъ“.

„Отъ обращенія съ иностранцами, которые, ради прибытка, посѣщаютъ [Лопарей], они начинаютъ покидать врожденную дикость и становятся болѣе общежительными [чѣмъ прежде]. Они охотно допускаютъ [къ себѣ] купцовъ, которые привозятъ имъ одежды изъ толстаго сукна, также топоры, иглы, ложки, ножи, чаши, муку, горшки и т. п., такъ что они питаются уже вареною пищею и принимаютъ болѣе мягкіе нравы. Они употребляютъ платье, сшитое собственными руками изъ различныхъ звѣриныхъ шкуръ, и въ этомъ одѣяніи иногда приходятъ въ Московію; однако весьма не многіе употребляютъ сапоги или шапки, сдѣланные изъ оленьей кожи. Золотая и серебреная монета у нихъ вовсе не употребляется; они довольствуются однимъ обмѣномъ товаровъ. Такъ какъ они не понимаютъ другихъ языковъ, то иностранцамъ кажутся почти нѣмыми. Свои шалаши они покрываютъ древесною корою, и нигдѣ у нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ; истребивъ на одномъ мѣстѣ дикихъ звѣрей и рыбу, они перекочевываютъ на другое“.

Въ томъ, что Лопари платили дань великому князю Герберштейнъ напрасно сомнѣвался. Сотня Лопская уже упоминается въ

уставѣ Ярославовомъ о мостѣхъ; а въ завѣщаніи великаго князя Ивана III (1504 г.) говорится: даю сыну Василію „Корельскую землю всю“ и что къ Корельской землѣ потягло, „и съ Лопью съ лѣшею, и съ дикою Лопью“.

Этнографическія данныя относительно Лопарей, приводимыя Герберштейномъ, находятъ себѣ подтвержденіе въ современныхъ наблюденіяхъ. Главную пищу Лопарей, обитающихъ въ Русской Лапландіи, составляютъ: „рыба и оленье мясо, къ которымъ приправою служитъ хлѣбъ“. Къ нему въ настоящее время „привыкли всѣ Лопари и покупаютъ его у приходящихъ Поморовъ, сами же печь не умѣютъ, потому что невозможно испечь на лопарскомъ очагѣ“. Рыболовствомъ занимаются какъ мужчины, такъ и женщины, и въ водахъ Сѣвернаго океана, Бѣлаго моря и устьяхъ рѣкъ, которыя въ нихъ впадаютъ, Лопари ловятъ чрезвычайное множество рыбы. Немаловажное также значеніе въ быту Лопарей имѣетъ охота. Они всѣ вообще — искусные стрѣлки и сбываютъ русскимъ промышленникамъ мѣха оленьи, лисьи, медвѣжьи, горностаевые, волчьи, частію и шкуры морскихъ звѣрей, а также огромное количество рыбы. „Терскіе Лопари особенно хорошо выдѣлываютъ оленьи шкуры, называемыя въ поморской торговлѣ общимъ именемъ ровдюги“.

То, что сообщаетъ авторъ Записокъ относительно чужеземнаго вліянія на Лопарей, тоже заслуживаетъ довѣрія. Лопарь кротокъ, миролюбивъ, простодушенъ и патріархально гостепріименъ. Съ Русскими онъ любитъ заводить тѣсную дружбу и тому, кто съумѣетъ угодить ему, онъ нерѣдко предлагаетъ покрестоваться, то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями. Этими качествами Лопаря пользуются русскіе промышленники и ведутъ съ нимъ выгодную для нихъ мѣновую торговлю, иногда рѣшая дѣло лишнею чаркою водки, къ немалому ущербу Лопаря.

Ведя кочевой образъ жизни, Лопари строятъ себѣ хижины на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они временно водворяются, и обыкновенно эти хижины покрываются хворостомъ, древесными вѣтвями и дерномъ [2]).

---

[2]) R. M. C., 117 B, 119 B—C (р. п., 175, 178—179). Стр. 178: „если на охотѣ попадутся имъ какіе либо дорогіе звѣри, то они убиваютъ ихъ стрѣлою въ мордочку, чтобы имъ досталась шкура цѣлая и безъ дыръ“; въ подл., 119: „adeo ut si quas nobiliores in uenatione feras nanciscantur, eas quo pelle in-

На сѣверъ отъ Новгорода, въ 60 миляхъ или болѣе, обитаетъ, по извѣстіямъ Герберштейна, Карела (Corela), имѣющая свою территорію и языкъ. „Хотя она беретъ дань съ нѣкоторыхъ пограничныхъ народовъ, однако и сама подвластна королю Швеціи, а также и московскому государю, потому что считается въ новгородскомъ владѣніи“. Границы области, занятой Карелами, „тянутся до самаго Ледовитаго моря“.

Въ этихъ извѣстіяхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ указаніе на то, что область Кареловъ простиралась до береговъ Ледовитаго моря. Въ настоящее время въ предѣлахъ Архангельской губерніи Карелы обитаютъ только въ Кемскомъ уѣздѣ и въ юго-западной части Лапландскаго полуострова (бывшаго Кольскаго уѣзда); но у Лапландцевъ сохранились преданія, на основаніи которыхъ полагаютъ,

---

tegra et immaculata potiantur, missa in proboscidem sagitta interficiunt“; въ изд. 1557 г., R об. „Maisterliche schutzen, die alle khlaine thier, dauon sy die Pälgl behalten, schiessen sy gemainclich allain an Ruesl, wo sy das an andern ortten treffen so vnderlaufft das pluet, vnd das Pälgl mag an demselben ort nit weiss gemacht werden“... Въ изд. 1556 г., 119 C: „Vestibus, quas ipsi ex diuersis ferarum pellibus consuunt, utuntur“... Въ изд. 1557 г., R об., „In gemainen claidern pinden sy allerlay gefül zusamen, Wolffsheüt, Füx, Märder, Zöbl, vnd was ainer hat“...

На стр. 109 B—C авторъ сообщаетъ свѣдѣнія, указывающія на то, что, можетъ быть, и у Лопарей существовалъ обычай предлагать гостю свою жену. „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“. *А. Миддендорфа*, ч. II, С.-Пб., 1869 г., стр. 630: „у Самоѣдовъ еще и въ мое время одна изъ обязанностей гостепріимства состояла въ томъ, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина“.

M. Alexander Castren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, St. Petersburg, 1853. Стр. 117: „Die Berglappen stehen in religiözer und sittlicher Hinsicht weit unter den Fischerlappen“. Стр. 133: „Der lappische Charakter ist sich überall ziemlich gleich; er lässt sich mit einem Bach vergleichen, dessen Wellen so leise einherfliessen, dass man kaum merkt, ob sie sich bewegen. Kommt irgend ein grösseres Hinderniss dem Bach in den Weg, so biegt er sich hübsch auf die Seite, gelangt jedoch endlich zum Ziel. So ist auch der Charakter des Lappen: still, friedlich, nachgiebig; Friede ist sein Wahlspruch; nach Frieden ist seine erste Frage, Friede ist sein Abschiedsgruss, Friede ist ihm sein Alles“.

Записки Русс. Геогр. Общ., Отд. Этногр., т. 2, „Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большой Чертежъ“, *Е. К. Огородникова*, стр. 592, 593. „Русскія Достопамятности“, изд. Импер. Общ. Ист. и Древностей, ч. 2, М., 1843 г.; стр. 292. Собр. госуд. грам. и догов., I, № 144 (1504 г.), стр. 393. „Русская Лапландія“, *Н. Дергачева*, Архангельскъ, 1877 г., очеркъ III, стр. 14; оч. I, стр. 44, 18, 64, 62; оч. III, стр. 19—20; оч. I, стр. 64; оч. III, стр. 2—7. „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи“, *А. Х. Лерберга*,

что нѣкогда Карелы проникали и на крайній сѣверъ Русской Лапландіи [3]).

Весьма замѣчательными являются въ Запискахъ о Московіи указанія на то, что туземцы въ Бѣлозерской области „имѣютъ свой собственный языкъ, хотя нынѣ почти всѣ говорятъ по русски“. Тоже „свой языкъ“ имѣютъ и жители Двинской области, хотя они больше говорятъ по русски.

На основаніи этихъ извѣстій мы имѣемъ право полагать, что въ первой половинѣ XVI в. потомки Финновъ, коренныхъ обитателей областей Бѣлозерской и Двинской, можетъ быть въ значительной степени уже обрусѣвшіе, еще сохраняли свой языкъ Финскій. И въ настоящее время уже совершенно обрусѣлое населеніе области, лежащей къ сѣверу отъ уваловъ, образующихъ границу между бассейнами Сѣверной Двины и Волги, еще сохраняетъ физическія осо-

---

С.-Пб., 1819 г., стр. 177: въ концѣ XII в. „названіе Лапповъ распространилось въ Германскомъ сѣверѣ. Стр. 179: „и теперь еще на финскомъ нарѣчіи loppu (и lappu) значитъ край, конецъ, предѣлъ“.

А. А. Э., I, № 205, 1545 г., сентябрь, „Разрядный и разметный списки о сборѣ съ Нова города и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха, по случаю похода Казанскаго“, стр. 190: „Рядъ въ деревнѣ Лиднѣ, въ Ладожскомъ присудѣ, въ Лопскомъ погостѣ, тяглыхъ 5 дворовъ“. Тамъ же, II, № 18, 1601 г., сентября 29, царская грамота о Бѣлозерскихъ ямахъ, стр. 68: „Ѣздятъ де съ Москвы наши воеводы и посланники, и гонцы, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе ратные люди къ морю и въ Усть Колу, и къ Колмогорамъ, и въ Архангельской городъ, и къ корабельному пристанищу, и на Печору, и въ Лопь“. А. И., IV, № 254, 1675 г., іюня 15, жалованная грамота Кольскому Печенскому монастырю, стр. 548, изъ жалованной грамоты 1607 г. „А нѣчто Нѣмецкіе Дацкіе люди учнутъ къ нимъ впредь пріѣзжая, какихъ оброковъ, и дани, и съ рыбы десятины у нихъ просить, и имъ Нѣмецкимъ людемъ велѣно отказывать, что та земля Лопская и искони вѣчная вотчина наша Великаго Государя, а не Дацкаго короля, и по 115 годъ въ тое землю Дацкаго короля люди ни въ чемъ не вступались“...

[3]) R. M. C., 76 C—77 A, 116 C (р. н., 117, 174). Въ изд. 1557 г., M. об. „Corela ist ain grosse Land gegendt“ (затѣмъ тоже, что въ изд. 1556 г.); стр. Qiij, л. 2: „Corela das Land, also nennens die Moscouiter, ander Carela, ist auf den andern Moer, darein die gross Dwina laufft“.... *M. Alexander Castren's* Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844 гг., St-Petersburg, 1853 г., стр. 149: „Wie man theils aus mündlichen Traditionen, theils aus schriftlichen Urkunden schliessen kann, haben die Finnen, besonders die vom Karelischen Stamm, oft in älteren Zeiten Streifzüge nach Lappland unternommen, nicht in der Absicht sich dort niederzulassen, sondern nur um dort Beute zu machen“. Стр. 151: „Wenn es... minder glaublich ist, dass das Russische Lappmarken irgend einmal zahlreich und sein südlicher Theil ausschliesslich von Karelen bevölkert war, so ist doch fast überall, besonders in dem südlichen Theil des Ko-

бенности, свидѣтельствующія о происхожденіи финскомъ: рыжіе волосы, маленькіе глаза, широкія лица [4]).

О Финскихъ племенахъ, обитавшихъ на сѣверо-востокѣ Руси и далѣе на востокъ, въ областяхъ, прилегавшихъ къ сѣверо-восточной границѣ ея, главнымъ источникомъ новыхъ свѣдѣній служила для автора Записокъ о Московіи рукопись на Русскомъ языкѣ, въ которой заключалось описаніе пути отъ рѣки Сѣверной Двины къ рѣкѣ Оби. Въ этомъ источникѣ упоминаются слѣдующія племена:

1) Samoged, Самоядь, „то есть сами себя ѣдящіе". Такъ называли себя различныя и безчисленныя племена, обитавшія у горы Каменный поясъ, и у моря, на сосѣднихъ островахъ и около крѣпости Пустозерска. „Эти племена не приходятъ въ Московію, ибо они дики и убѣгаютъ сообщества и сожительства съ другими людьми". Но къ этому же племени должно быть отнесено замѣчаніе о томъ, что въ 1518 году приняли крещеніе обитатели устьевъ Печоры— „люди простаго ума" (simplici ingenio homines).

Эти извѣстія указываютъ на то, что Самоѣдами, въ настоящее время разсѣянными на огромномъ пространствѣ на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири, вдоль рѣкъ Оби и Енисея, Русскіе называли въ XVI вѣкѣ не только тѣ роды (племена) этой вѣтви, которые кочевали на востокъ отъ Урала и на сѣверъ отъ Югріи, у Обской губы, но и тѣ роды, которые обитали на западной сторонѣ Урала. И нашими источниками XV—XVI вѣка этотъ выводъ подтверждается. Такъ въ описаніи похода Русской рати въ 1499—

laschen Kreises ein Vermischung des Lappischen und Karelischen Elements bemerkbar". Геогр. стат. словарь Росс. имперіи, II, 513.

[4]) R. M. C., 77 C, 80 A (р. п., 118, 122). Въ изд. 1556 г., 77 C: „quamuis nunc ferme omnes Ruthenice loquantur"; въ изд. 1557 г.. M об. и Mij: „Die jnnwoner derselben gegent (Bieloesero) haben auch jr aigne sprach, gleichwol reden sy yetzmals al Reissisch". Лица, передававшія Герберштейну свѣдѣнія о языкѣ Бѣлозерскихъ и Двинскихъ туземцевъ, конечно, не разумѣли какого либо говора русскаго; въ противномъ случаѣ они не указывали бы на то, что, эти туземцы, имѣя свой языкъ, говорятъ по русски. Да и нигдѣ въ Запискахъ о Московіи мы не нашли никакихъ указаній на русскіе говоры. *Sjogren's* Gesam. Schriften, стр. 292: въ Двинской области обитали Финны Пермско-Зырянской вѣтви. ...„die Syrjänen in Westen einst sich wenigstens bis nach Ustjug haben erstrecken müssen, und es kann dann nicht zweifelhaft sein, was das „idioma proprium", welches Herberstein den Einwohnern des Ustjugschen beilegte, für eine Sprache gewesen". *Бабстъ*, „Рѣчная область Волги", Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, т. I, М., 1852 г., стр. 401.

1500 г.г., внесенномъ въ Разрядную книгу, упоминаются Самоѣды на Камени, то есть на Уралѣ; въ жалованной грамотѣ, 1545 г. апрѣля 15, говорится о томъ, что Канинскіе и Тіунскіе „Самоѣдцы“ (въ Канинскомъ носу) платятъ оброкъ великому князю, по старинѣ, и что этотъ оброкъ „емлетъ у нихъ“ „и къ Москвѣ привозитъ данщикъ нашъ, который съ нихъ нашу дань емлетъ“; въ писцовой книгѣ Пустозерской волости 1574 г. упоминается дань съ Самояди Пустозерской.

О происхожденіи имени Самоѣдовъ были высказаны весьма различныя предположенія. Полагая, что Русскіе почитали Лапландцевъ и Самоѣдовъ за одинъ народъ, Фишеръ выводилъ имя Самоядь изъ языка Лапландскаго, отъ слова Саме или Сабме, откуда Самеядна, какъ называютъ Лапландцы свою землю; Георги производилъ тоже имя отъ финскаго слова соома—болото [5]).

2) Vuogolici, Вогуличи, по р. Сосвѣ.

---

[5]) R. M. C., 81 C—82 A (р. п., 124). Къ тому же Самоѣдскому племени принадлежали, быть можетъ, и жители города и крѣпости Папина или Папинова города—Папины, „имѣющіе языкъ, отличный отъ Русскаго“, 83 C (р. п., 127). А. А. Э., I, № 204, 1545 г., апрѣля 15, стр. 182, жалованная грамота Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ.

Замѣчательныя свѣдѣнія о Самоѣдахъ сообщаетъ *Олеарій*, кн. III, гл. III, по изд. 1663 г., 158 и слѣд. (р. п., стр. 125 и слѣд.). Стр. 159 (р. п., 126): тѣ, съ которыми ему пришлось бесѣдовать въ Москвѣ, „говорили свободно, разумно и давали обстоятельные отвѣты на всѣ мои вопросы, такъ какъ хорошо понимали Русскій языкъ“... Стр. 163 (132): „Около 23-хъ лѣтъ тому назадъ Самоѣды прислали къ великому князю посольство отъ себя съ просьбою сдѣлать ихъ причастными православной вѣрѣ“.

Геогр. стат. словарь Росс. имперіи, IV, 420. „Сибирская исторія“, *Іоанна Эбергарда Фишера*, С.-Пб., 1774 г., стр. 72. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Росс. государствѣ народовъ, *Георги*, III, 4. Изсл. *Лерберга*, стр. 53: „еще въ 16 вѣкѣ... Самоѣдами назывались только тѣ, которые жили на востокъ отъ Урала“... Этнографическій Сборникъ, издаваемый Импер. Рус. Геогр. Общ., в. IV, С.-Пб., 1858 г., „Самоѣды Мезенскіе“, стр. 40—44: происхожденіе названія Самоѣдовъ; стр. 50: выписка изъ писцовой книги Пустозерской волости 1574 г.

„Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, *А. Миддендорфа*, ч. II, С.-Пб., 1877 г., стр. 622: „не мѣшало бы согласиться на счетъ нѣкоторыхъ названій степеней родства... Я намѣренъ удержать слово родъ для подраздѣленія народности тѣхъ сибирскихъ туземцевъ, между которыми должно предположить близкое семейное родство“. Стр. 630: Самоѣды, „по кровному происхожденію своему, смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія Финскихъ и Монгольскихъ народовъ“. Стр. 635: Самоѣдскій языкъ дѣлится на 3 главныхъ нарѣчія: 1) сѣверо-западное; 2) сѣверо-восточное; 3) южное или остяцко-самоѣдское.

По даннымъ нашихъ лѣтописей и актовъ Вогуличи, замѣтно выступающіе на историческое поприще только въ XV вѣкѣ, обитали въ это время въ области, которая граничила землями Вятскою, Пермскою и Югорскою, по обоимъ склонамъ Уральскихъ горъ, въ области р. Оби. Большая часть этого племени и въ настоящее время обитаетъ на восточной сторонѣ Урала, въ верховьяхъ Большой Сосвы, лѣваго притока Оби [6]).

3) Ugritzschi, Югричи, Югра, по р. Оби. „Русскіе произносятъ слово Juhra съ придыханіемъ и называютъ народъ Югричами. Это та Югарія, изъ которой вышли нѣкогда Венгры“ (Hungari). „Говорятъ, что Югары до сихъ поръ употребляютъ одинъ языкъ съ Венграми; правда ли это—не знаю“. Югаричи платятъ дань князю мѣхами [7]).

4) Лукоморцы—обитатели Лукоморіи, гористой страны, которая, какъ можно догадываться, на основаніи указаній автора Записокъ о Московіи, простиралась по правой сторонѣ рѣки Оби, къ сѣверу отъ устьевъ Иртыша.

„Сказываютъ“, пишетъ Герберштейнъ, „что съ людьми Лукоморіи происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у Русскихъ празднуется память св. Георгія, и потомъ оживаютъ, какъ лягушки на слѣдующую весну, большею частію около 24 апрѣля. Грустинцы и Серпоновцы ведутъ съ ними торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ. Ибо когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а Грустинцы и Серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни, [Лукоморцы] требуютъ назадъ свои товары, если находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка; отъ того возникаютъ между ними весьма часто ссоры и войны“. „Приморскія мѣста Лукоморіи лѣсисты; въ

---

6) R. M. C., 82 A (р. п., 124). „Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи“, *Петра Кеппена*, С.-Пб., 1861 г., стр. 64—68. Описаніе Сибир. царства, *Г. Миллера*, 63: походъ 1499—1500 гг. былъ предпринятъ на Югорскую землю и на Гогуличей (Вогуличей). Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 498.

7) R. M. C., 82 A, 85 C—86 A (р. п., 124, 130).

нихъ Лукоморцы живутъ, не строя вовсе домовъ. Хотя составитель этого дорожника говорилъ, что весьма многія племена Лукоморіи подвластны князю московскому, однако, такъ какъ вблизи находится царство Тюмень, государь котораго Татаринъ, и на ихъ языкѣ называется тюменскимъ царемъ, то есть rex in Tumen, и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ московскому князю, то правдоподобно, что эти племена подвластны ему, потому что онъ имъ близкій сосѣдъ".

Это предположеніе едва ли справедливо. Тюменскаго царя, о которомъ говорится въ вышеприведенномъ извѣстіи, звали, какъ догадывается Лербергъ, Мамукомъ. Въ 1496 году онъ напалъ на Казань и ограбилъ ее, чѣмъ, вѣроятно, и причинилъ великому князю тотъ большой уронъ, о которомъ упоминаетъ авторъ Записокъ. Мамукъ перенесъ свою резиденцію изъ Тюмени въ Сибирь и умеръ въ 1496 году. Его преемники, еще менѣе, чѣмъ онъ самъ, могли быть опасными сосѣдями Московскаго государства, а потому и предположеніе Герберштейна о зависимости Лукоморіи отъ Тюмени лишено основанія. Онъ же сообщаетъ, что Тюмень зависѣла отъ югорскихъ князей—данниковъ московскаго государя, и это свидѣтельство не лишено вѣроятія [8]).

---

[8]) R. M. C., 82 A—B, 83 B: „Lucomoriae loca maritima syluestria sunt" 83 C (р. п., 125, 127). Стр. 125: отъ озера Китай приходятъ черные люди; „они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни, которые покупаются Грустинцами и Серпоновцами. Они называются [Лукоморцами] отъ Лукоморіи, лежащей въ горахъ, по другую сторону Оби отъ крѣпости Серпонова"; въ подл., 82 B: „merces uarias in primis autem uniones, lapides preciosos, secum adferentes; quas populi Grustintzi et Serponovutzi mercantur, hi a castro Serponovu Lucomoryae ultra Obi fluuium in montibus sitae nomen habent" (т. е. Серпоновцы такъ называются по имени крѣпости Серпонову, находящейся въ Лукоморіи, которая лежитъ въ горахъ, по другую сторону Оби). Въ изд. 1557 г., Miij, л. 2: „Von dem See [Khithay] khomen Schwartzeleut, die... verkauffen manigerlay waarn, sonderlichen Perln vnd Edlgestain, von denen khauffen die völckher Grustinzi vnd Serponowtzi, die wonen in dem Schloss oder Stat Serponow". И на картѣ Московіи Герберштейна находимъ на правой сторонѣ р. Оби надпись: „Grvstinczi populi"; выше ся къ, сѣверу: „Ivgra, vnde Ivgritzi popvli"; а имени Лукоморіи нѣтъ, вѣроятно потому, что она находилась къ сѣверу отъ Грустины. Изслѣдованія *Лерберга*, стр. 57, 58, 60, 65—67, 70, 74.

Любопытно, что и въ Сборникѣ Соловецкой библіотеки находимъ разсказъ о Самоѣди, умирающей на два мѣсяца. „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточ-

5) Grustintzi и Serponovutzi: первые обитали въ крѣпости Грустинѣ, которая отстояла отъ устья Иртыша (по картѣ Московіи, къ сѣверу отъ этого устья) на два мѣсяца пути, а отъ озера Китай болѣе чѣмъ на три мѣсяца пути. Вторые были обитателями крѣпости Серпоновой, находившейся на берегу Оби [близъ Грустины].

Грустинцы, по мнѣнію Лерберга, — Гаустинцы, „о которыхъ говоритъ Страленбергъ въ описаніи Сибири и остатокъ которыхъ, отъ 200 до 300 душъ мужскаго пола, нашелъ онъ близъ Томска живущими въ хижинахъ; они были Татары, идолопоклонники. Въ Сибирской исторіи упоминается о нихъ при построеніи Томска въ 1604 году. Здѣсь названы они Еуштинцами и также показаны въ числѣ 300 человѣкъ; и тогда еще считали они себя главнѣйшимъ народомъ тамошней страны. Мнѣніе наше, что сіи Еуштинцы или Гаустинцы суть Грустинцы, говоритъ Лербергъ, „подтверждается тѣмъ, что мы здѣсь находимся въ такой области, которая нѣкогда не токмо въ Сибири, но и у южныхъ Азіатцевъ была въ великой славѣ, по хорошему состоянію жителей оныя. Внизъ отъ Томска приходятъ по Оби въ Нарымъ. Здѣсь нѣкогда была славная Пѣгая орда, на которую въ 1592 году, по царскому повелѣнію, ходили войною казаки и вскорѣ послѣ того завоевали оную“ [9]).

6) Calami (populi), живущіе по лѣвому берегу Оби, переселились сюда изъ Обіовы (Obiovua) и Погозы (Pogosa).

Племена, сообщаетъ далѣе авторъ Записокъ, живущія [на сѣверъ] отъ рѣкъ Сосвы, Березовы и Данадима, берущихъ начало съ горы Камень Большаго Пояса (то есть Урала), до идола Золотой Ба-

---

ной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, *Н. Ѳирсова*, Казань, 1866 г., 30—31. Можетъ быть сложившаяся въ эпоху глубокой древности легенда объ умирающихъ на зимніе мѣсяцы людяхъ, обитателяхъ крайняго сѣвера, испытывала такія же странствованія, какъ и нѣкоторыя другія баснословныя преданія, переносилась съ юга на сѣверъ и на азіатскій востокъ все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ расширялась область міра извѣстнаго.

[9]) R. M. C., 82 A—B (р. п., 125). Изсл. *Лерберга*, стр. 33. Hydrogr. d. russ. Reichs v. *Stuckenberg*, II, 684: Aus Dänemark erhielt Witsen die Nachricht, dass die Russen oberhalb der Obmündung ein Städtchen vor Alters erbauten, Obskojgorod genannt, welches nun aber wüste und verfallen sey. Oberhalb am Strome liege das Schloss Grustino in 61° 30′ der Breite, nach dem die unwohnenden Völker Grustinzi und Andere Serpanowitschi genannt würden. Dahie kämen gewöhnlich aus Indien (China) und von anderen Orten Handelsleute mit köstlichen Waaren“. „Hier spuckt Herberstein wieder; es ist auffalend, dass der gelehrte Witsen das Werk jenes Autors nicht gekannt zu haben scheint“.

бы, который находится въ области Обдора, на правомъ берегу Оби,—всѣ платятъ дань князю московскому. На основаніи этого указанія мы должны причислить къ данникамъ великаго князя слѣдующія указанныя Герберштейномъ племена, обитавшія на западной сторонѣ Обской долины: Вогуличей, Югричей и Каламовъ [10]).

Пермскую область, занимающую большое пространство, на сѣверо-востокѣ отъ Москвы и орошаемую рѣкою Вишерою, впадающею въ р. Каму, населяетъ, по извѣстіямъ Герберштейна, народъ (Пермяки), ежегодно платящій дань великому князю лошадьми и мѣхами, имѣющій свой языкъ, а также и свои письмена, изобрѣтенныя епископомъ Стефаномъ, который утвердилъ жителей Перміи въ христіанской вѣрѣ. Но „до сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разсѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ. Зимою они ходятъ на артахъ, что дѣлается въ весьма многихъ мѣстахъ Руссіи, а арты суть деревянныя продолговатыя подошвы, почти въ шесть ладоней длиною; они держатся на нихъ, подвязывая ихъ къ ногамъ, и ходятъ очень быстро. Они употребляютъ вмѣсто вьючнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ“. „Говорятъ, что эта область на востокѣ соприкасается съ Татарскою областью, названіе которой Тюмень“.

Эти извѣстія относятся къ той порѣ въ исторіи Пермскаго края, когда онъ уже окончательно вошелъ въ составъ Московскаго государства, но еще сохранялъ первобытный характеръ. Дѣятельная русская колонизація здѣсь началась только во второй половинѣ XVI вѣка, а потому весьма естественно, что еще въ первой половинѣ XVI в. многіе изъ Пермяковъ, обиталища которыхъ были раскинуты на огромномъ пространствѣ, сохраняли язычество [11]).

---

[10]) R. M. C., 82 C (р. п., 125); 83 A (126): за р. Тахнинъ, въ которую впадаетъ р. Кассима, протекающая черезъ Лукоморію, „живутъ люди чудеснáго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами“ и проч.

[11]) R. M. C., 85 A—C (р. п., 129—130). Въ изд. 1557 г., N об. „Artach ist ain holtz wie ain Pret ainer zwerchen handt prait geschnitten, vngeuerlichen zwo daum eln lang, vornen wenig erhoben, in der mitte an örtern souil erhoben, das ainer den fuess entzwischen setzt, an dem erhobnen holtz seind löcher damit den fuess hintzue pinden mag. So dann der Schnee erhertnet oder ruffen gewindt, ferdt ainer ain fern weeg aines tags, helt ain clains Spiesslin der handt, wann

За Волгою на сѣверѣ, въ лѣсахъ около Нижняго Новгорода, близъ крѣпости Суры (Васильсурска), обитаютъ, по опредѣленію Герберштейна, Черемисы (Czeremissae). Тѣ, которые живутъ около [Нижняго] Новгорода, называются Верхними Черемисами или Горными (Czeremissae superiores seu montani).

Черемисы „имѣютъ собственный языкъ и исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Они подвластны теперь казанскому царю, хотя большая ихъ часть прежде платила дань князю московскому: отъ того до сихъ поръ они причисляются къ подданнымъ Московіи. Князь вывелъ въ Московію многихъ изъ нихъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ, и мы видѣли ихъ тамъ. Когда же ихъ отправили на литовскую границу, то они разсѣялись въ разныя стороны. Это племя обитаетъ на обширномъ пространствѣ отъ Вятки и Вологды до рѣки Камы, не имѣя постоянныхъ жилищъ (sine ullis aedibus). Всѣ они, какъ мущины, такъ и женщины весьма быстры на бѣгу, всѣ весьма искусны въ метаніи стрѣлъ, потому что никогда не выпускаютъ изъ рукъ лука; [стрѣляніемъ изъ лука] они до такой степени потѣшаютъ себя, что даже сыновьямъ не даютъ пищи до тѣхъ поръ, пока они не попадутъ стрѣлою въ назначенную цѣль".

Черемисскія женщины носятъ высокіе головные уборы, сдѣланные изъ древесной коры и покрытые холщевымъ платкомъ. Когда, пишетъ Герберштейнъ, „я ихъ спросилъ: какъ онѣ могутъ пробираться черезъ деревья и кустарники, черезъ которые имъ такъ часто приходится проходить? то онѣ отвѣчали: какъ пробирается олень, имѣя на головѣ [рога], которые гораздо выше" [12]) [нашихъ головныхъ уборовъ].

---

es von ainer höch abgeet, oder sich zum faal geben wil sich steurt oder behilft, deren ortten raist man vasst mit solchen Artachn". Изсл. *Лерберга*, стр. 60, 65—74—о Тюмени.

[12]) R. M. C., 64 C, 86 A—B (р. п., 99, 131). Стр. 131: „у нихъ даже есть обычай не давать пищи сыновьямъ"; въ подл., 86 B: „quo adeo oblectantur, ut etiam filijs cibum non praebeant"... Въ изд. 1567 г., XCV: „Sy haben an disen ein solliches wolgefallen, das sy iren kinderen nit zu essen geben"...

Въ изд. 1557 г., Nij: „Die weiber haben von pamrinden wie ain Diadem den heiligen gemalt wirdt, vnd geschnitten, in ain runden raiff eingelassen auf jren heubtern, vnd mit ainem leinen tuech bedeckht. Als ich sy fragte, weil sy so offt durch die pam vnd staudn lauffen muesten, wie sy mit solcher höhe durchkhämen? Antworten sy, wie khumt ain Hiersch durch, hat vil höhers auf dem khopf".

Въ настоящее время Черемисы обитаютъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волги, преимущественно по лѣвому берегу ея, въ Вятской губерніи, въ уѣздахъ Яранскомъ и Уржумскомъ (до 100,000 чел. обоего пола); въ Костромской губерніи, въ Тоншаевской волости Ветлужскаго уѣзда; въ Нижегородской губерніи, въ уѣздахъ Васильскомъ и Макарьевскомъ (1,800 д. об. пола); въ Казанской губерніи, въ уѣздахъ Царевококшайскомъ, Козьмодемьянскомъ и отчасти Чебоксарскомъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ древности они занимали область болѣе обширную, чѣмъ ту, которую занимаютъ въ настоящее время. Особую вѣтвь Черемисскаго племени составляютъ Горные Черемисы, занимающіе своими поселеніями „уголъ, образуемый впаденіемъ Суры въ Волгу и составляющій часть Козьмодемьянскаго уѣзда, Казанской губерніи; небольшая только часть ихъ переходитъ за Суру въ Васильскій уѣздъ, Нижегородской губерніи".

Обладая практическими способностями, пользуясь благами своего богатаго, лѣсистаго края и будучи искусными стрѣлками, Черемисы въ эпоху своей зависимости отъ казанскихъ хановъ имѣли своихъ князей и въ это время были „злыми" врагами Русскихъ, ихъ стремленіямъ утвердиться въ приволжской области, лежавшей на востокъ отъ Нижняго Новгорода, оказывали упорное сопротивленіе и даже послѣ завоеванія Русскими Казани нерѣдко возставали противъ нихъ съ цѣлью вернуть себѣ полную независимость.

Охотничьему промыслу Черемисы и до сихъ поръ предаются съ увлеченіемъ. Они, какъ говоритъ одинъ изъ наблюдателей-очевидцевъ, воспитались среди лѣсовъ и доселѣ еще Горный Черемисинъ, стоящій, по своему развитію, едва ли не выше всѣхъ нашихъ инородцевъ восточнаго края, за исключеніемъ развѣ Татаръ, хранитъ въ душѣ любовь къ лѣсу и всегда съ большимъ удовольствіемъ ѣдетъ на Суру. „Не имѣя теперь лѣса по близости своей деревни, онъ удовлетворяетъ своей страсти искусственнымъ разведеніемъ деревъ на

„Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія", *А. Ф. Риттихъ*, ч. 2, Казань, 1870 г., стр. 136: женщины у Черемисъ носятъ головной уборъ въ видѣ камилавки, называемый сорокою. „Сорока покрывается бѣлымъ платкомъ, вышитымъ по краямъ красною шерстью; концы его подвязываются подъ подбородкомъ".

R. M. C., 84 C (р. п., 128): „между Галичемъ и Вяткою еще разбойничаютъ бродящіе тамъ Черемисы".

своемъ дворѣ. При каждомъ деревенскомъ домѣ вы найдете непремѣнно небольшой садъ изъ кудрявыхъ березъ, рѣдко изъ плодовыхъ деревъ; хозяинъ особенно любитъ это мѣсто; оно обнесено крѣпкимъ плетнемъ или даже заборомъ, чтобы туда не заходила скотина, и содержится въ большой чистотѣ. Отъ множества этихъ садовъ черемисская деревня имѣетъ особенную физіономію, рѣзко отличающую ее отъ русскихъ деревень. Въ послѣднихъ рѣдко можно увидать другую зелень, кромѣ грязнаго луга по улицѣ да крапивы на околицѣ; черемисская деревня вся спрятана въ густой, веселой зелени березъ, имѣетъ видъ скорѣе увеселительной дачи, чѣмъ простой деревни. Лѣсъ наложилъ особенный характеръ и на религіозныя вѣрованія Черемисъ. По всей вѣроятности, религія Черемисъ имѣла свой періодъ фетишизма, непосредственнаго обожанія предметовъ природы. Обожаніе растительности должно было играть при этомъ самую главную роль. Слѣды его хранятся до селѣ въ благоговѣйномъ почитаніи разныхъ лѣсныхъ урочищъ и нѣкоторыхъ видовъ растительности, пользующихся важнымъ значеніемъ въ религіозныхъ обрядахъ“ [13]).

Племя, характеристическія особенности котораго сложились подъ вліяніемъ первобытной лѣсной природы, которое искони питало глубочайшую привязанность къ лѣсу и упорно защищало свою самобытность, не скоро и не легко могло подчиниться чужеземному вліянію, и едва ли Казанскіе Татары въ эпоху своего независимаго существованія могли имѣть значительное вліяніе на Черемисъ. Потому является весьма сомнительнымъ и Герберштейново свидѣтельство о томъ, что Черемисы исповѣдуютъ магометанскую религію. Вотъ что̀ сообщаетъ Олеарій, имѣвшій случай собрать о нихъ обстоятельныя свѣдѣнія: они „живутъ большею частію не въ домахъ, а въ дрянныхъ лачужкахъ,

---

[13]) Геогр. стат. словарь Росс. имперіи, I, 597: II, 745; III, 433; II, 417. „Матеріалы для этнографіи Россіи Казанская губ., сост. *А. Ф. Риттихъ*, Казань, 1870 г., ч. II, стр. 122, 149, 125, 142. „Вліяніе монастырей на разселеніе народное въ Казанскомъ краѣ“, *С. Нурминскаго*, Прав. Собес., 1864 г., январь, стр. 5 и слѣд. „Горные Черемисы Казанскаго края“, *И. Знаменскаго*, Вѣстн. Европы, 1867 г., т. IV, стр. 30, 36—37. *Карамзинъ*, VI, стр. 11. „Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI стол. по двумъ стариннымъ спискамъ“, С.-Пб., 1791 г., стр. 51 (1508 г.): „1000 пѣшихъ Черемисы злыя“.

питаются своимъ скотомъ, медомъ и дичью, отлично стрѣляютъ изъ лука и пріучаютъ къ тому дѣтей съ малолѣтства. Это коварный, хищническій и колдовству преданный народъ". „Гваньини говоритъ, что народъ этотъ частію язычники, частію магометане; живущіе около Казани, сколько могъ я дознать, только всѣ язычники, ибо у нихъ нѣтъ ни обрѣзанія, ни крещенія" [14]).

Изъ иностранныхъ сочиненій о Московской Руси впервые Записки о Московіи упоминаютъ о Чувашахъ, и это является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что и въ русскихъ лѣтописяхъ имя это въ первый разъ упоминается только въ 1524 г. Чуваши (Czubaschi), какъ и Черемисы, пишетъ авторъ Записокъ, самые искусные стрѣлки въ пѣшемъ войскѣ казанскаго хана. Чуваши же опытные судоходцы. Съ этимъ замѣчаніемъ могутъ быть сопоставлены тѣ наблюденія, которыя были сдѣланы въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія однимъ изъ лучшихъ знатоковъ чувашской народности Сбоевымъ. Кто бывалъ въ чувашской сторонѣ, пишетъ онъ, „тотъ не могъ не замѣтить, что Чуваши—смышленые, усердные, отличные земледѣльцы. Почти ни у одного изъ нихъ не останется неудобреннымъ его участокъ, ни одинъ изъ Чувашъ не потерпитъ, чтобы хлѣбъ у него былъ сжатъ, свезенъ на гумно и обмолоченъ несвоевременно. Въ этомъ отношеніи они далеко выше здѣшнихъ русскихъ крестьянъ" [15]).

---

[14]) *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. IV, гл. IV, стр. 343 (по изд. 1870 г., р. п., стр. 407).

[15]) R. M. C., 91 B (р. п., 139): „Czubaschi aiunt nauigandi arte excellunt" („отличаются своимъ судоходствомъ"); въ изд. 1567 г., CI: „Dise Czubaschen sind in der schiffkunst sehr verrümet"; но въ изд. 1557 г., стр. Niij, л. 2: „Die Zuwaschi seind erfarne Schiffleut".

„Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ", *В. Сбоевъ*, М., 1865 г., стр. 54: „имя Чувашъ въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ только въ 1551 году". Карамзинъ упоминаетъ о Чувашахъ еще подъ 1524 годомъ (VII, стр. 128); но не сказываетъ, на какомъ основаніи онъ рядомъ съ Черемисами, клявшимися въ вѣрности Сафа-Гирею, ставитъ имя и Чувашъ. Вѣроятно онъ употребляетъ его здѣсь per anticipationem". Сбоевъ ошибся. Никон. лѣт. VI, 7032 (1524 г.): „великаго князя воеводы судовые, пришедъ къ Казани и сташа на берегу Волги, выше Казани, на казанской сторонѣ. А про конныхъ воеводъ, вѣдавше Казанцы, что идутъ къ Казани и собравшися князи, и мурзы, и вся земля Казанская, и встрѣтиша воеводъ за 20 верстъ отъ Казани отъ города, на Свіягѣ, и бысть имъ бой. И поможе Богъ великаго князя воеводамъ, и на томъ бою многихъ князей, и мурзъ, и Татаръ, и Черемису, и Чувашу избиша"... См. у *Сбоева*, стр. 41, 100—101, 183 и слѣд.

На южномъ берегу Волги, за Нижнимъ Новгородомъ, пишетъ Герберштейнъ, живетъ Мордва (Mordvua). „Этотъ народъ во всемъ похожъ на Черемисовъ и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что имѣетъ больше домовъ“.

„Мордва смѣшана съ Черемисами и занимаетъ по сю сторону Волги, около [города] Суры [Васильсурска] значительную часть страны“ [Нижегородской].

Это же племя обитаетъ въ огромныхъ лѣсахъ на востокъ и на югъ рѣки Мокши. Оно „имѣетъ свой собственный языкъ и состоитъ подъ властью московскаго князя. Одни говорятъ, что [Мордовцы]—идолопоклонники; другіе утверждаютъ, что они магометане. Они живутъ разсѣянно по деревнямъ, обработываютъ поля, питаются дичиной и медомъ, имѣютъ въ изобиліи драгоцѣнные мѣха; это люди въ высшей степени свирѣпые, потому что не разъ храбро отражали даже татарскихъ разбойниковъ. Почти всѣ они—пѣшіе, отличаются продолговатыми луками и искусствомъ метать стрѣлы“ [16]).

О Мордвѣ сохранилось не мало извѣстій и въ нашихъ лѣтописяхъ съ того времени, когда князья сѣверо-восточной Руси начали предпринимать походы въ Мордовскую землю, и по этимъ извѣстіямъ Мордовское племя является воинственнымъ, упорно защищавшимъ свою самостоятельность, и борьба съ нимъ была нелегкою для Русскихъ, такъ какъ оно всегда имѣло возможность укрываться въ своихъ непрохо-

---

„Хронолог. указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европ. Россіи“. *Петра Кеппена*, С.-Пб., 1861 г., стр. 502: Карамзинъ, согласно мнѣнію другихъ, причислялъ Чувашъ къ народамъ Финскаго племени, говоря, что они, живъ долго между Татарами, заимствовали отъ нихъ множество словъ, но что языкъ ихъ въ основаніи Финскій. Однако новѣйшія изслѣдованія, обнаруживъ въ Чувашскомъ языкѣ ближайшее сходство съ Татарскимъ, заставляютъ предполагать въ Чувашахъ народъ Тюркскаго происхожденія“.

[16]) R. M. C., 86 B, 64 C, 65 A (p. п., 131, 99, 100). Стр. 131: Мордва народъ „во всемъ похожъ на Черемисовъ, кромѣ того, что у нихъ чаще попадаются осѣдлости“; въ подл., 86 B—C: „Czeremissis nisi quod frequentiores domos habent, per omnia similes“; въ изд. 1567 г., XCV: „sy sind auch den Czeremissen aller dingen geleich, aussgenommen das sy vylmehr heüser haben“; въ изд. 1557 г., Nij: „den Czeremissen aller sachen gleich, allain das die in heusern wonen“. Стр. 100: „изъ нихъ [Мордовцевъ] нѣкоторые пребываютъ въ идолопоклонствѣ; другіе—магометане“; въ подл., 65 A: „Eos quidam idolatras, alij Mahometanos esse uolunt“; въ изд. 1567 г., LXXII: „Etliche wollen es seyend Abgötterer oder heiden, die andere sagen es seyend Mahometaner“; въ изд. 1557 г., Kiij об. „Etlich sagen sy sein Machometisch, ander Abgöttereyer“.

димыхъ дремучихъ лѣсахъ, изобиловавшихъ пушными звѣрями. Мордвины имѣли своихъ князей, богатыхъ владѣтелей, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и, какъ полагаютъ, имѣли давнія торговыя сношенія съ Болгарами и Русскими. Коренными мѣстообиталищами Мордвы были нынѣшнія губерніи: Нижегородская, Симбирская, Пензенская и части Тамбовской, Саратовской и Казанской [17]).

Въ недальнемъ разстояніи отъ устья рѣки Мокши, на побережьяхъ которой обитала Мордва, находился, по опредѣленію автора Записокъ, Касимовъ городъ, уступленный московскимъ княземъ Татарамъ для жительства. Ихъ женщины, пишетъ Герберштейнъ, „съ помощью какого-то искусства окрашиваютъ ногти въ черный цвѣтъ, ради украшенія, и постоянно ходятъ съ открытою головою и распущенными волосами“ [18]).

---

[17]) Сводъ историческихъ извѣстій о Мордвѣ см. „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, *П. Бѣляева*, Зап. Русс. Геогр. Общ., кн. VI, 1852 г., стр. 50—51 (1226, 1228, 1229 годы), 68 (1377 годъ), 71 (въ 1377 году сынъ князя Димитрія Константиновича Симеонъ съ можайскимъ бояриномъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ Свибломъ завоевалъ всю Мордовскую землю); 203 (1444 г.). Исторія Рязанскаго княж., *Д. Иловайскаго*, 1858 г., стр. 110 и слѣд. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 307. Хронол. указатель, *П. Кеппена*, стр. 376 и слѣд. „Меря и Ростовское княжество“, *Д. Корсаковъ*, Казань, 1872 г., стр. 132 и слѣд.

[18]) R. M. C., 65 A (р. п., 100). „Изслѣдованіе о Кассимовскихъ царяхъ и царствахъ“, *В. В. Вельяминова-Зернова*, ч. 1, С.-Пб., 1863 г., стр. 274.

О сношеніяхъ съ иностранцами авторъ Записокъ сообщаетъ слѣдующія, не лишенныя интереса свѣдѣнія: „не всякому купцу можно пріѣзжать въ Московію, исключая Литовцевъ, Поляковъ и подвластныхъ имъ. Шведамъ, Ливонцамъ и Германцамъ изъ приморскихъ городовъ позволено производить торговлю и закупать товары только въ Новгородѣ; Туркамъ же и Татарамъ—въ Холопьемъ городѣ“. „Когда же отправляются въ Москву посланники и полномочные послы, тогда всѣ купцы, откуда бы они ни были, если только они приняты подъ ихъ защиту и покровительство—могутъ свободно и безпошлинно ѣхать въ Москву; это и вошло у нихъ въ обычай“.

R. M. C., 57 C—58 A (р. п., 89—90). Въ изд. 1557 г., Jiij, л. 2 об. „Wan Potschafften aus Litten oder andern Nachpern in die Mosqua geschickt werden, ziehen gemaingelichen Khaufleut mit, sein frey on betzallung der Meut auss vnd ein. Also auch wan der Moscouitter potschafften schigkht, ziehen gleicher massen jre Khaufleut mit, also das je achthundert Thausent, zwölfhundert pherd in ainer pottschafft khumen“.

XXXVII.

Значеніе Герберштейновыхъ извѣстій объ областяхъ и городахъ Московіи.—Область Сѣвернаго океана.—Vuolochda (Вологда), область, городъ и крѣпость.—Извѣстія о ней въ нашихъ источникахъ XIII—XV в.—Значеніе ея въ XVI в., какъ центра обширной епископіи.—Города, лежавшіе на пути изъ Москвы къ Вологдѣ.—Ustyug (Устюгъ), область, городъ и крѣпость. — Разстояніе его отъ Вологды, Бѣлаозера и Перми и его первоначальное мѣстоположеніе.—Устюгъ—„десятина Ростовская".—Colmogor (Холмогоры), Пинега. — Разстояніе между Москвою и устьями Двины. — Герберштейнова догадка относительно этого разстоянія. — Многочисленность селеній въ Двинской области.—Городъ Streltze (?) и городъ Potivulo (?). — Pustoozero (Пустозерскъ), городъ и крѣпость.—Papin seu Papinovugorod, жители котораго говорятъ на языкѣ, отличномъ отъ языка Русскаго.—Strupili крѣпость.

Извѣстія объ областяхъ и городахъ, находившихся въ предѣлахъ Обской рѣчной долины.—Lepin (Ляпинъ), крѣпость. — Описаніе похода русской рати въ 1499—1500 г. къ р. Оби.—Мнѣніе г. Бѣляева о существованіи двухъ городовъ, носившихъ названіе Ляпина: Ляпина Обдорскаго и Ляпина Югорскаго.—Путь, по которому прошла русская рать, въ 1499 г., отъ р. Печоры къ р. Оби.—Торговля въ гор. Ляпинѣ (Югорскомъ) въ XVI в. — Juhra область. — Obea крѣпостца.—Jerom и Tumen, крѣпости.—Мнѣніе Лерберга о томъ, что подъ именемъ Jerom слѣдуетъ разумѣть Неромъ (Верхотурье). — Крѣпости Грустина и Серпоновъ. — Торговля Грустинцевъ и Серпоновцевъ съ черными людьми, которые обитали близъ озера Китай и съ жителями Лукоморіи. — Обдора, область, въ которой находится идолъ Золотая Баба.—Области: Лукоморія и Сибирь.—Итоги встрѣчающихся у Герберштейна названій областей, городовъ и крѣпостей, лежащихъ въ области Сѣвернаго океана.

Существенно важными, по своему научному значенію, являются въ Запискахъ о Московіи извѣстія объ областяхъ и городахъ ея, а также о путяхъ сообщеніяхъ, столь подробныя и обстоятельныя, что онѣ далеко оставляютъ за собою все, чѣмъ въ этомъ отношеніи располагала западно-европейская литература XV—XVI в., и въ русской географической литературѣ онѣ имѣютъ значеніе наиболѣе полнаго свода названій городовъ Московской Руси въ первой половинѣ XVI в., составленномъ, вѣроятно, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находились въ чертежѣ Московскаго государства, до насъ не дошедшемъ.

Въ области бассейна Сѣвернаго океана находились, по Гербер-

штейновымъ извѣстіямъ, слѣдующіе провинціи и города: Vuolochda, Ustyug, Colmogor, Pienega, Streltze (?), Potivulo (?), Pustoozero, Papin (Papinovugorod), Strupili, Lepin, Juharia, Obea, Jerom, Tumen, Grustina, Serponovu, Obdora, Lucomorya, Sibier.

Vuolochda, Вологда, „область (prouincia), городъ и крѣпость, получившіе одно общее имя отъ рѣки; епископы пермскіе имѣютъ здѣсь свое мѣстопребываніе, но безъ юрисдикціи (sine imperio). Вологда находится на сѣверо-востокѣ, и дорога изъ Москвы къ ней идетъ черезъ Ярославль. Отстоитъ отъ Ярославля на 50 герм. миль [1]), отъ Бѣлоозера почти на 40 [2]). Вся страна болотиста и лѣсиста, вслѣдствіе чего въ этомъ краѣ путешественники не могутъ въ точности опредѣлить разстоянія, по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ". „Вологодская область была прежде подвластна Великому Новгороду. Такъ какъ ея крѣпость занимаетъ отъ природы крѣпкую позицію, то князь, какъ слышно, хранитъ тамъ часть своихъ сокровищъ" [3]).

Въ нашихъ источникахъ извѣстія о Вологдѣ начинаются съ XIII ст., и въ договорныхъ грамотахъ этого столѣтія она упоминается въ числѣ волостей Новгорода Великаго. Ему она принадлежала и въ XIV вѣкѣ, но въ первой половинѣ XV вѣка, именно со времени княженія Василія Василіевича она является въ предѣлахъ княженія Московскаго и, по духовному завѣщанію Василія Васильевича, была отдана его сыну Андрею меньшому. Въ княженіе Василія Ивановича она имѣла административное значеніе, какъ центръ обширной епископіи, такъ какъ въ составъ ея входила и земля Пермская, какъ видно изъ извѣстія нашей лѣтописи подъ 1520 г. (7028): Варлаамъ митрополитъ поставилъ Пимена, игумена соловецкаго, на Вологду и въ Пермь Великую епископомъ.

О городахъ, лежавшихъ на пути къ Вологдѣ, упоминаетъ лѣтопись подъ 1529 г. (7037): „Осеневалъ князь великій въ своемъ селѣ въ Новой слободѣ, а заговѣвъ поѣхалъ къ чудотворцемъ въ

---

[1]) на 169 вер., по Почт. словарю, С.-Пб., 1820 г., стр. 140.
[2]) на 167 вер., тамъ же, стр. 315.
[3]) R. M. C., 79 B—C (p. п., 121); въ изд. 1557 г., Mij об. „daselbsten wonen die Bischoue zu Permia, aber nit als herrn".

Переславъ, да въ Ростовъ, да въ Ярославль, да на Вологду, да на Бѣлоозеро, въ Кириловъ монастырь" [4]).

Ustyug—Устюгъ, область (prouincia), „получила имя отъ города и крѣпости, лежащихъ на р. Сухонѣ. Отъ Вологды отстоитъ на 100 миль [5]); отъ Бѣлоозера на 140" [6]); отъ Перми на 300 миль [7]). „Городъ прежде стоялъ у устьевъ рѣки Юга", „потомъ былъ перене-

---

[4]) Собр. гос. гр. и дог., I, № 1 (въ началѣ 1265 г.), стр. 1—2, договорная грамота Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ: „А се, княже, волости Новгородьскые: Волокъ... Егна, Вологда" и др. № 3 (1270 г.), стр. 3; № 6 (1305 и 1308 гг.), стр. 6—7; № 86 (1462 г.), духовная в. кн. Василія Василіевича, стр. 204. Въ мѣновой грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича съ племянниками его, княземъ Ѳеодоромъ и княземъ Иваномъ Борисовичами Волоцкими, 1497 г., тамъ-же № 129, стр. 330, упоминается Вологодскій уѣздъ.

Никон. лѣт., VI, 226 (1520 г.); 234 (1529 г.); IV, 252—253 (1393 г.): „князь великій Василій Дмитреевичъ въ брани бысть съ Новгородцы... Взялъ у Новогорода пригородъ и Торжекъ съ волостьми, и Волокъ Ламскій и Вологду"; 276 (1398 г.): Новгородцы повоевали „и Кубену съ волостьми, и Вологду, и Устюгъ"; V, 119 (1435 г.): „князь великій Василій Васильевичъ московскій съ Новогородцы укрѣпися крестнымъ цѣлованіемъ, отступитись великому князю Новогородскія вотчины Бѣжецкаго верха, и на Ламскомъ Волоцѣ"; 122 (1436 г.): „сотвориша вѣче Новогородцы о разводѣ землямъ и послаша на Бѣжескій верхъ, на отводъ земли новгородской вотчины... А иныхъ послаша на Волокъ Ламскій, а иныхъ послаша на Вологду разводити земли новогородскія отчины. Князь великій Василій Васильевичъ своихъ бояръ не посла никогожъ во отчины новогородскія къ Новогородцемъ, нигдѣ ни отведе, ни своея очистьи исправленіемъ не учини"; 210—211 (1447 г.).

„Матеріалы для историко-геогр. словаря Россіи", *Н. Барсовъ*, Вильна, 1865 г., стр. 37—38. Городскія поселенія въ Росс. имперіи, т. I, С.-Пб., 1860 г. стр. 318: „Іоаннъ IV, предполагая превратить Вологду въ укрѣпленный городъ, велѣлъ приготовить матеріалы къ постройкѣ каменной крѣпости, которая и заложена была 28 мая 1566 г., въ память Ассона и Сосипатра; но вскорѣ эта постройка была оставлена"... См. о развалинахъ крѣпости Вологодской соч. *Алексѣя Засѣцкаго*: „Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи и частно о городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ", 1780 г., стр. 74—75.

„Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ", *В. Ключевскаго*, М., 1866 г., стр. 212—описаніе Вологды, по описанію Англичанъ. „Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи", *Ѳ. Ласковскаго*, ч. I, С.-Пб., 1858 г., стр. 24, 259: „Иванъ Бобровъ пристроивалъ (1536 г.) новую ограду къ прежней у г. Вологды".

[5]) на 438 вер., по Почт. словарю, стр. 102 (отъ Устюга до Тотьмы 253½ вер.), 673 (отъ Тотьмы до Кадникова 142½ вер.), 274 (отъ Кадникова до Вологды 42 вер.).

[6]) на 605 вер. (отъ Устюга до Вологды 438 вер., а отъ Вологды до Бѣлаозера, по Почт. словарю, стр. 315, 167 вер.).

[7]) на 906 вер., по Почт. словарю, стр. 489 (отъ Устюга до Орлова 372 вер., а отсюда до Вятки 51 вер.), 508 (отъ Вятки до Перми 483 вер.).

сенъ на удобнѣйшее мѣсто, почти полмили выше устья, но до сихъ поръ удерживаетъ древнее названіе. Ибо у Русскихъ устье (usteie) значитъ ostium, слѣдовательно Устюгъ значитъ устье Юга. Эта область была прежде подвластна Великому Новгороду“ [8]).

Опредѣленіе Герберштейна подтверждается и книгою Большой Чертежъ, гдѣ говорится: „А ниже Устюга Великаго версты съ 3 пала въ Сухону рѣка Югъ“, и въ одномъ изъ списковъ той же книги имя Устюга встрѣчается въ слѣдующей транскрипціи: „вытекла отъ устья Юга Великаго 80 верстъ“ рѣка Унжа. Мѣсто, на которомъ первоначально былъ построенъ Устюгъ, на горѣ Гляденъ, было съ трехъ сторонъ неприступно, „какъ по сліянію рѣкъ, такъ по высотѣ и крутизнѣ береговъ“, и представляло жителямъ безопасное убѣжище отъ враждебныхъ сосѣдей. Нынѣ Устюгъ уѣздный городъ Вологодской губерніи, подъ 60° 46′ сѣв. шир. и 63° 58′ вост. долг., расположенъ на лѣвомъ берегу Сухоны, въ 4-хъ верстахъ выше ея соединенія съ Югомъ [9]).

Colmogor—Холмогоры; Pienega—Пинега, города, находящіеся въ области Dvuina—Двинской, „лежащей на самомъ сѣверѣ, прежде подвластной Новгородцамъ“. „Отъ Москвы до устьевъ Двины считается 300 миль; хотя... въ странахъ, которыя лежатъ за Волгой,

---

[8]) R. M. C., 79 C—80 A, 85 B (р. п., 121, 122, 129).

[9]) Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 201, 138. Гор. Пос. въ Росс. имп., I, С.-Пб., 1860 г., стр. 350—351. По увѣренію старожиловъ, древній Устюгъ, находившійся на горѣ „Гляденъ“, былъ укрѣпленъ валомъ и рвомъ, имѣвшимъ до 6 саж. ширины и до 2 саж. вышины, а ровъ былъ въ 2 саж. глубиною и въ 5 саж. шириною. Остатки его замѣтны были еще въ концѣ XVIII стол. Долго ли былъ городъ на этомъ мѣстѣ, замѣчаетъ авторъ на стр. 350, неизвѣстно; но далѣе, на стр. 351, онъ приводитъ извѣстіе изъ Устюжскаго лѣтописца, въ которомъ говорится о томъ, что на новое мѣсто Устюгъ былъ перенесенъ въ 1478 г., по повелѣнію великаго князя (Опис. Росс. имп. Пушкарева, I, 112). Геогр. стат. словарь Росс. имп., V, 382. „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“, *Ѳ. Ласковскаго*, ч. I, С.-Пб., 1858 г., стр. 23: Устюгъ. „Первая деревянная рубленная ограда съ башнями была сооружена въ 1438 г., подъ надзоромъ перваго воеводы устюжскаго, князя Дмитрія Петровича Львова. Въ 1479 г. она была вновь перестроена съ расширеніемъ городскихъ укрѣпленій. Въ 1582 г. гор. Устюгъ былъ вновь укрѣпленъ“. Къ сожалѣнію, источники, откуда авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, не указаны. Ср. стр. 259.

Для исторіи Устюга представляетъ любопытныя данныя описаніе похода Новгородцевъ на Двину въ 1398 г. Отсюда мы узнаемъ, что Устюгъ былъ „десятиною Ростовскою“. Никон. лѣт., IV, 277.

по причинѣ частыхъ болотъ, рѣкъ и обширныхъ лѣсовъ, нельзя разсчитывать разстояній, однако, по моей догадкѣ, [между Москвой и устьями Двины] едва будетъ двѣсти миль,—ежели ѣхать изъ Москвы въ Вологду, изъ Вологды нѣсколько на востокъ, въ Устюгъ, и наконецъ изъ Устюга по рѣкѣ Двинѣ прямо на сѣверъ. Въ этой области нѣтъ городовъ и крѣпостей, кромѣ крѣпости Холмогоръ (Colmogor), города Двины (то есть Двинской области), стоящаго почти посрединѣ между истокомъ и устьемъ рѣки, и крѣпости Пинеги, лежащей у самаго устья Двины. Однако, по разсказамъ, въ ней много селеній, которыя, по причинѣ неплодородія земли, разъединены большими разстояніями. Жители питаются рыбой и дичиной и въ изобиліи имѣютъ всякаго рода мѣха“ [10]).

Мѣстоположеніе Холмогоръ и Пинеги опредѣлено Герберштейномъ невѣрно. Холмогоры отстоятъ отъ устья Сѣверной Двины приблизительно на 80 верстъ, а отъ мѣста слиянія Сухоны съ Югомъ— на 430 верстъ, по прямому направленію. Уже въ XIV столѣтіи городъ этотъ былъ мѣстомъ пребыванія двинскаго посадника, какъ это видно изъ грамоты Калитиной и отъ посадника Даніила, отъ тысяцкаго Авраама, и отъ всего Новагорода къ двинскому посаднику на Колмогоры и къ боярамъ къ двинскимъ. Пинега же находилась не на устьѣ С. Двины, а тамъ же, гдѣ и нынѣ, на рѣкѣ Пинегѣ, въ 205 верстахъ къ в.-сѣверо-востоку отъ Архангельска.

Но замѣчательною является догадка Герберштейна относительно разстоянія устьевъ Двины отъ Москвы, которое, по его мнѣнію, равняется не 300 милямъ, какъ ему сообщали, а едва ли превышаетъ 200 миль, что равняется 1,400 вер. По почтовымъ трактамъ Архангельскъ отстоитъ отъ Москвы на 1238 вер. [11]).

---

[10]) R. M. C., 80 A—B (p. ii., 122).

[11]) Почт. словарь, стр. 713, 24. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 113. Городскія Поселенія Росс. имп., I, 33: „То мѣсто, на которомъ находится г. Холмогоры, занято было въ древности деревнями Курцево, Качковка и Падрокурья; въ лѣтописяхъ же имя Колмогоръ упоминается въ первый разъ подъ 1404 годомъ. Но имѣется доказательство, что Холмогоры существовали ранѣе; именно есть грамота в. к. Іоанна Іоанновича (1355—1359 г.) Двинскому посаднику на Колмогоры и къ боярамъ Двинскимъ“. Грамота эта не в. кн. Ивана Ивановича, а в. кн. Ивана Даниловича, 1328—1340 гг., напеч. въ А. А. Э., I, № 2, стр. 1. Годъ на сѣверѣ, *С. Максимова*. 3-е изд., С.-Пб., 1871 г., стр. 585: Пинега прежде учрежденія въ ней города въ 1780 г. назы-

Pustoosero — Пустозерскъ, городъ и крѣпость, около котораго Печора впадаетъ въ океанъ [12]). Пустозерскъ — въ настоящее время слобода Архангельской губерніи, Мезенскаго уѣзда, на полуостровѣ Пустаго или Городецкаго озера, которое прежде соединялось протокомъ съ рѣкою Печорою; отъ устья ея отстоитъ на 100 вер. [13]).

Papin seu Papinovugorod, жители котораго называются Папинами и имѣютъ языкъ, отличный отъ Русскаго. Этотъ же городъ показанъ и на нѣкоторыхъ картахъ XVII в., „а потому можетъ

валась Волокомъ и Большимъ Погостомъ; „волокомъ называлась она затѣмъ, что стоитъ на четырехъ-верстномъ пространствѣ, отдѣляющемъ рѣку Пинегу отъ Кулоя, черезъ которое переволокивали нѣкогда на себѣ суда изъ одной рѣки въ другую“.

Кромѣ вышепоименованныхъ городовъ, въ Запискахъ о Московіи упоминаются еще двѣ мѣстности въ Двинской области:

1) городъ Streltze. Въ изд. 1557 г., 80 C: „quibus sub Streltze oppido duobus vuerst, sub Ustyug coniungitur fluuio Jug“; въ изд. 1557 г., Miij: „dasselb wasser [Suchana] felt vndter dem Schloss Streltze zwo wersst in Jug“. По указанію Герберштейна, на стр. 79 C—80 A, Устюгъ находился на полмили выше сліянія Сухоны и Юга; слѣдовательно городъ Стрельце находился на мѣстѣ сліянія этихъ двухъ рѣкъ (Ustyug „propter loci commoditatem ad dimidium fere miliare supra ostia posita est“). Въ изд. 1567 г., LXXXIX: „Zwen Werst vnder der Statt Strelze bey Ustyug lauffet der Jug auch darein“; вѣрнѣе переведено г. Анонимовымъ, на стр. 123: „подъ городомъ Стрельце на двѣ версты ниже Устюга, съ ними сливается рѣка Югъ“.

Замѣтка о городѣ Streltze находится въ описаніи пути отъ рѣки Печоры къ рѣкѣ Оби, которое авторъ перевелъ съ Русскаго языка на Латинскій и, по всей вѣроятности, не понялъ и не вѣрно перевелъ то, что говорилось въ этомъ описаніи о городѣ, находившемся на мѣстѣ сліянія Сухоны и Юга. Здѣсь, какъ мы видѣли, на горѣ Глядень и былъ расположенъ старый Устюгъ.

2) Potivulo. Григорій Истома говорилъ, что онъ прибылъ изъ Новгорода къ устьямъ Двины и къ Потивуло очень трудною дорогою, стр. 117 B (р. п., 175). Въ изд. 1557 г., Qiij, л. 2 об. „Derselb Tulmatsch [Gregor Isthumen] hat mir solche seine rayss meer dan ainest gleichmässig gesagt. Erstlichen seind sy aus der Mosqua gehn gross Neugarten verhoffend den nächsten weg antzunemen. Darnach seind sy nach dem Land Dwina, vnd an dem ort, da derselb Fluss in däs Moer felt, zu dem Fleckhen Potiwlo geraist“.

[12]) R. M. C., 81 B (р. п., 124).

[13]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 248: Пустозерскъ „былъ построенъ въ 1499 г. князьями Курбскимъ, Ушатовымъ и Заболоцкимъ въ Югорской землѣ, для сбора ясака съ восточныхъ Самоѣдовъ“. Но въ дошедшихъ до насъ описаніяхъ похода 1499 г. мы не находимъ имени Пустозерска. Правда, въ Разрядной книгѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія объ этомъ походѣ, говорится о томъ, что русскіе воеводы зарубили городъ на р. Печорѣ. Но остается неизвѣстнымъ его названіе. Сводъ извѣстій о походѣ 1499—1500 г. см. въ ст. *Н. Бѣляева*. „О географ. свѣдѣніяхъ въ древней Россіи“, Зап. Импер. Русс. Геогр. Общ., кн. VI, стр. 246—248.

статься“, замѣчаетъ г. Литке, „что и существовало въ то время какое нибудь урочище сего имени; но теперь оно вовсе неизвѣстно“.

Strupili—крѣпость. Составители описанія пути отъ рѣки Сѣверной Двины къ рѣкѣ Оби говорили, „что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Руссіи, у ближней крѣпости Strupili, которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ“. По всей вѣроятности здѣсь слѣдуетъ разумѣть правый берегъ р. Печоры [14]).

Къ землямъ, лежащимъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ, авторъ Записокъ о Московіи относился съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, и сообщилъ о нихъ довольно подробныя свѣдѣнія, но онѣ страдаютъ неточностію и неопредѣленностію. Очевидно, и сами Русскіе еще только начинали ближе знакомиться съ долиною великой рѣки Оби. Здѣсь, по извѣстіямъ автора Записокъ, находились слѣдующіе города и области:

Lepin, крѣпость на пути отъ рѣки Sibut къ р. Сосвѣ [15]). Объ этомъ городѣ помянуто въ описаніи пути отъ рѣки Печоры къ р. Оби, который былъ пройденъ русскою ратью въ 1499—1500 гг., и тоже о городѣ Ляпинѣ говорится и въ Розрядномъ росписаніи этого похода, на которое мы должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ преимущественно на основаніи этого источника сдѣланы были г. Бѣляевымъ выводы, съ которыми едва ли можно согласиться.

Русскіе воеводы, говорится въ уцѣлѣвшемъ въ нѣкоторыхъ Разрядныхъ книгахъ донесеніи о походѣ 1500 г., какъ передаетъ г. Бѣляевъ, „пришли въ Печору рѣку до Усташу града; тутъ воеводы саждались князь Петръ со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ Гаврилова. Да тутъ остановились и городъ зарубили. Изъ Печоры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на Введеніе Пречистыя Богородицы. Отъ Печоры шли воеводы до Камени (Каменнаго пояса) двѣ недѣли и тутъ развелись воеводы князь Петръ да князь Семенъ; Камень щелью, а Камени въ оболокахъ не видѣть, коли вѣтрено, ино оболока раздираетъ, а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человѣкъ Самоѣди, а взяли

---

[14]) R. M. C., 83 C, 81 C (р. п., 127, 124). „Четырекр. путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ“, *Ѳ. Литке*, I, стр. 66.
[15]) R. M. C., 82 A (р. п., 124).

200 оленей. А отъ Камени недѣлю до перваго городка Ляпина. А всѣхъ по Камень верстъ шли 4650 верстъ. Изъ Ляпина встрѣтили Додоряня („Обдоряне можетъ быть", догадывается г. Бѣляевъ) на оленехъ, а рать на собакахъ. Ляпинъ взяли и поимали 33 городы, да взяли 1009 человѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ и пригналъ къ Москвѣ на великъ день къ государю всѣ, далъ Богъ, здорово".

Такъ какъ воеводы въ своемъ донесеніи упоминаютъ о томъ, что, при переходѣ черезъ горы (Уральскія), „они бились съ Самоѣдами", а, по свидѣтельству книги Большой Чертежъ, кочевая Самоѣдь жила именно при верховьяхъ Усы", вплоть до устьевъ Оби, то г. Бѣляевъ считаетъ несомнѣннымъ, что русская рать отъ р. Печоры двигалась по р. Усѣ, по направленію къ ея верховьямъ, а отсюда, перейдя Уральскій хребетъ, вступила въ область р. Оби, слѣдовательно, между 67 и 64° сѣв. шир. (см. карту № 2). Но направленію похода въ сію сторону, замѣчаетъ почтенный изслѣдователь, „сильно противорѣчитъ положеніе нынѣшняго мѣстечка Ляпина; воеводы пишутъ, что, по переходѣ черезъ Камень, они недѣлю шли до перваго городка Ляпина; нынѣшній же Ляпинъ, находящійся на правомъ берегу Сосвы, задался слишкомъ далеко на югъ, чтобы отъ верховьевъ Соби можно было добраться до него въ недѣлю. Слѣдовательно, придерживаясь нынѣшняго Ляпина, переходъ черезъ Каменный поясъ должно предположить гораздо южнѣе, и никакъ не сѣвернѣе рѣчки Щугура, откуда, переправясь черезъ горы, именно въ недѣлю можно дойти до Ляпина, но здѣсь въ горахъ Русскіе встрѣтили бы Остяковъ, а не Самоѣдовъ. Притомъ сами воеводы пишутъ, что изъ Ляпина вышли къ нимъ на встрѣчу Обдоряне на оленяхъ, а нынѣшній Ляпинъ, по свидѣтельству книги Большой Чертежъ, принадлежалъ Югрѣ, а не Обдорянамъ; Обдоряне же, какъ указываетъ та же книга, жили при устьяхъ Оби. Слѣдовательно, былъ еще другой Ляпинъ Обдорскій, гдѣ нибудь по теченію Соби, и къ нему-то подошли Русскіе, по переходѣ черезъ Камень. По сему мы и не имѣемъ права отодвигать мѣсто перехода черезъ Камень на югъ отъ верховьевъ Усы, только потому, что Русскіе подошли къ Ляпину; здѣсь очевидно говорится о Ляпинѣ Обдорскомъ, а не Югорскомъ. Если это такъ, то настоящій походъ былъ направленъ къ устьямъ Оби и къ полуострову, образуемому Карскимъ моремъ и

Обскою губою; слѣдовательно завоеваніе и разузнаніе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, то есть въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ воевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода. Туда... въ 1483 году государь посылалъ князя Өедора Курбскаго и Ивана Травина, которые проникли до Иртыша и Иртышемъ вошли въ Обь" [16]).

Если въ книгѣ Большой Чертежъ говорится о томъ, что Самоѣды жили при верховьяхъ Усы, то отсюда, конечно, еще нельзя дѣлать заключеніе о томъ, что это же самое племя въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка не простирало свои кочевья южнѣе Усы, не обитало тамъ, гдѣ находился Ляпинъ „Югорскій".

Далѣе, если Додоряне тоже, что Обдоряне, то все же и жители „Югорскаго" Ляпина могли быть названы Обдорянами, какъ обитатели земли Обдорской [17]).

Г. Бѣляевъ указываетъ на то, что южная Югра, въ области которой находился Ляпинъ, была уже завоевана въ 1483 году. Но послѣ этого, до новаго похода Русскихъ на Обь въ 1499—1500 гг., южная Югра могла вновь отложиться отъ Русскихъ. Несостоятельность разбираемаго мнѣнія доказывается также и положительными данными, на которыя почтенный авторъ замѣчательнаго сочиненія: „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи" не обратилъ вниманіе.

Въ описаніи пути отъ р. Печоры къ р. Оби, составленномъ около того самого времени, къ которому относится походъ 1499—1500 гг., и не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, сохранилось слѣдующее свидѣтельство: составители этого описаніи говорили автору Записокъ о Московіи, „что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема". Слѣдовательно, Русскіе отъ рѣки Печоры двигались не по р. Усѣ, а южнѣе; съ рѣки Печоры отправились по тѣмъ

[16]) „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи", *И. Бѣляева.* Зап. Импер. Русс. Геогр. Общ., кн. VI, С.-Пб., 1852 г., стр. 247—250.

[17]) О землѣ Обдорской см. наше изслѣдованіе: „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи Себастіана Мюнстера", Ж. М. Н. Пр., ч. CCXI, 1880 г., сентябрь, стр. 99—100.

притокамъ ея, которые отдѣляются Уральскимъ хребтомъ отъ рѣчной области Сосвы, той именно, гдѣ лежитъ Ляпинъ „Югорскій“ (см. карту № 2). Далѣе тотъ же источникъ указываетъ на путь отъ Ляпина къ р. Сосвѣ [18]). А въ рѣку Сосву, лѣвый притокъ Оби, впадаетъ съ лѣвой стороны р. Сыгва, берущая начало съ восточнаго склона Сѣвернаго Урала. При сліяніи съ этою рѣкою рукава Сорахъ (Сукеръ—я) и находится остяцкая деревня Ляпина (Лопмусъ—пауль), Березовскаго округа, Тобольской губерніи. На мѣстѣ этой-то деревни и находился Ляпинъ „Югорскій“, южнѣе мнимаго Ляпина „Обдорскаго“. Въ XVI вѣкѣ, до построенія Березова, Ляпинъ былъ значительнымъ мѣстомъ торговли, куда стекались Русскіе, Зыряне, Вогуличи и Остяки. Въ XVIII вѣкѣ у Вогуличей сохранялось даже преданіе о томъ, что нѣкогда тамъ были русскія торговыя лавки [19]).

Juharia—область, населенная Югричами, на р. Оби [20]).

Obea castellum—Обская крѣпостца, на р. Оби, ниже устья р. Иртыша, отъ котораго отстоитъ на три мѣсяца пути [21]).

Jerom; Tumen—„двѣ крѣпости, которыми управляютъ князья Югорскіе, какъ говорятъ данники великаго князя московскаго“ [22]).

„Въ названномъ здѣсь Тюменѣ“, говоритъ Лербергъ, „безъ труда можно узнать старинный, въ 1586 году снова Русскими укрѣпленный и лежащій на Турѣ городъ сего имени. Но объ Еромѣ этого сказать нельзя, ибо названіе это, какъ и многія другія въ Герберштейновыхъ извѣстіяхъ, перепорчено; безъ сомнѣнія, однако же, надобно подъ онымъ разумѣть то мѣсто, которое нѣкогда на языкѣ

---

18) R. M. C., 81 C: „Qui hoc itinerarium conscripserant, dicebant, inter Stzuchogore et Potzscheriema fluuiorum ostia se quieuisse“... 82 A: „à Lepin ad Sossam fluuium peruenitur“ (р. п., 124).

19) Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 809, 692; III, 128. Зап. Геогр. Общ., кн. VI, „Топографическое описаніе сѣвернаго Урала и рѣкъ его обоихъ склоновъ“, стр. 311—312: д. Ляпина „есть средоточіе Остяковъ Ляпинской волости; здѣсь живетъ ихъ старшина“. „Описаніе Сибирскаго царства“, *Миллера*, стр. 205.

20) R. M. C., 82 A: „fl. Oby, qui oritur ex Kitaisko lacu... Hunc quoque Vuogulici et Ugritzchi gentes accolunt“; 85 C (р. п., 124, 130).

21) R. M. C., 82 A (р. п., 124—125). *Штукенбергъ*, Hydrogr. d. Russ. Reichs, II, 342, полагаетъ, что Обская крѣпостца это Обдорскъ.

22) R. M. C., 82 A, 83 B—C (р. п., 125, 127). 85 C: Permia. „Aiunt eam prouinciam Orientem uersus, Tartarorum prouinciae, quae Tumen dicitur, esse conterminam“ (р. п., 130).

тамошнихъ жителей называлось Неромъ, а теперь довольно извѣстно подъ названіемъ Верхотурья“, нынѣ уѣзднаго города Пермской губерніи, по обѣимъ сторонамъ рѣки Турьи, впадающей въ р. Тоболъ [23]).

Grustina, крѣпость; Serponovu, крѣпость.

Грустинцы и Серпоновцы вели торговлю: 1) съ черными людьми, которые обитали близъ озера Китай и были лишены общаго [всѣмъ] дара слова. Они приносили съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни; 2) съ обитателями Лукоморіи [24]).

Obdora — область, въ которой находится идолъ Золотая Баба, стоящій на правомъ берегу Оби, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ океанъ [25]). Это опредѣленіе подтверждается и тѣми данными, которыя находятся въ книгѣ Большой Чертежъ: „А на Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее пали, отъ устья вверхъ Обдорскіе грады“. Къ этимъ градамъ, вѣроятно, принадлежало и нынѣшнее село Обдорскъ, Тобольской губерніи, Березовскаго округа, въ 6 вер. отъ впаденія р. Полуя въ Обь, подъ 66° 31′ сѣв. шир. и 84° 15′ вост. долготы [26]).

Lucomorya — область, на р. Оби, по сосѣдству съ царствомъ Тюменскимъ [27]).

Вслѣдъ за Югріей Герберштейнъ упоминаетъ и о Сибири (prouincia Sibier). Эта область лежитъ за Камою, граничитъ съ Пермью и Вяткой, но имѣетъ ли какіе нибудь крѣпости и города, пишетъ онъ, „навѣрное не знаю. Въ ней беретъ начало рѣка Яикъ, которая

---

[23]) Изслѣдованія *Лерберга*, стр. 8. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 439.

[24]) R. M. C., 82 A—B (р. п., 125).

[25]) R. M. C., 82 C (р. п., 125); въ изд. 1557 г., Miij об., л. 2.

[26]) Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 203—204. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 577. О землѣ Обдорской см. въ нашемъ изслѣдованіи: „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи...“ Ж. М. Н. Пр., ч. CCXI, 1880 г., сентябрь, стр. 99—100.

[27]) R. M. C., 82 B—83 C (р. п., 125—127). Изсл. *Лерберга*, стр. 37. „лукоморіе собственно значитъ морскія губы“. Пр. 1: оно попадается въ нашихъ временникахъ и означаетъ: подъ 1096 г. прибрежную сторону Карскаго моря (Никон. лѣт., II, 15; Воскр., по изд. 1793 и 1794 гг., I, стр. 231); подъ 1186 г.— можетъ быть страну у Каспійскаго моря (Кенигсбергская лѣт., по изд. 1767 г., стр. 277; Воскр., II, III); подъ 1223 г.—землю у Азовскаго моря (Никон., II, 350; Воскр., II, 176).

впадаетъ въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустынна, по причинѣ близкаго сосѣдства съ Татарами, а тѣми частями ея, которыя обработаны, владѣетъ татаринъ Шихмамай. Жители ея имѣютъ собственный языкъ; ихъ главный промыселъ—бѣличьи мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ" [28]).

Эти извѣстія указываютъ на то, что подъ именемъ Сибири въ первой половинѣ XVI вѣка разумѣли область при-уральскую, а упоминаніе о ней вслѣдъ за Югріею дозволяетъ предполагать, что по сосѣдству съ нею, именно къ югу отъ нея, лежала та обширная область, которой Русскіе въ это время присвоивали названіе Сибири. На основаніи тѣхъ же извѣстій можно думать, что эта область, по первоначальному о ней представленію, занимала пространство несравненно болѣе значительное, чѣмъ то, которое занимало Сибирское царство [29]).

Всего число городовъ, крѣпостей и областей, находившихся въ области Сѣвернаго океана, въ предѣлахъ Московіи, доходитъ, по Герберштейновымъ извѣстіямъ, до семнадцати (за исключеніемъ Strelze и Potivulo), и этотъ итогъ является замѣчательнымъ потому, что изъ предшественниковъ Герберштейна Мѣховскій и Іовій упоминаютъ о Вологдѣ, объ Устюгѣ и области Холмогорской.

XXXVIII.

Извѣстія Герберштейна объ областяхъ и городахъ Балтійскаго бассейна.— Княженія Новгородское и Псковское.—Водская пятина (Vuotzka regio).— Новгородъ Великій (Nouigorod).—Монастырь Перынь Богородицы.—Псковъ (Plescovuia).—Его оборонительныя ограды.—Гор. Ладога, Корела (Corela), Орѣшекъ (Oreschak), Копорье (Coporoja), Яма (Jamma), Иванъ-городъ (Ivanovugorod), Руса (Russ, Russia antiqua), Великія Луки (Vueliki luki), Ржева Пустая (Rsovua deserta), Изборскъ (Suortzech), Торопецъ (Toropecz), Бѣлый (Biela).— Итоги названій городовъ, находящихся въ области Балтійскаго бассейна и упоминаемыхъ Герберштейномъ въ его хорографіи и историческихъ извѣстіяхъ.

Въ Герберштейновыхъ извѣстіяхъ объ областяхъ и городахъ Балтійскаго бассейна, входившихъ въ составъ Московской Руси,

[28]) R. M. C., 86 A, 85 A (р. п., 130—131, 129); по изд. 1557 г., N об. и Nij.

[29]) Исторія землевѣдѣнія, *К. Риттера*, С.-Пб., 1864 г., стр. 136: Туркскія племена вмѣстѣ съ Арабами направились противъ языческихъ обитателей Си-

упоминаются три княжества (principatus), а именно Новгородское, Псковское (Novuogardia, Pskovu seu Obskovu ditio seu principatus) и Бѣльское. Хотя авторъ этихъ извѣстій и зналъ, что Новгородъ уже болѣе не владѣетъ княжествами, лежавшими на востокѣ, Двиной и Вологдой (principatus Dvuina et Vuolochda), тѣмъ не менѣе Новгородское княженіе онъ называетъ самымъ обширнымъ во всей Руссіи, вѣроятно, потому, что и въ XVI вѣкѣ Новгородскими владѣніями, Новгородскою землею продолжали называть тѣ области, которыя нѣкогда, въ эпоху вѣчевой самостоятельности входили въ составъ Новгородской земли, въ особенности тѣ, которыя лежали въ области Балтійскаго бассейна. Еще опредѣленнѣе и долѣе существовало понятіе о Псковской землѣ, какою она была въ эпоху своего самостоятельнаго существованія, когда ясно обозначились ея предѣлы.

Изъ отдѣльныхъ частей, на которыя распадалась Новгородская земля въ XVI в., Герберштейнъ упомянулъ только объ одной Водской (Vuotzka regio), лежащей, по его опредѣленію, „въ 26 или, по самой большей мѣрѣ, въ 30 миляхъ на сѣверо-западъ отъ Новгорода“. Это опредѣленіе свидѣтельствуетъ, что авторъ Записокъ не составилъ себѣ яснаго понятія о новгородскихъ пятинахъ. Область Водской пятины, которая подъ этимъ именемъ значится въ дошедшей до насъ книгѣ письма Дмитрія Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова, 1499—1500 гг., начиналась непосредственно близъ самого Новгорода и отсюда шла на сѣверъ по Волхову, а на западъ—по р. Лугѣ [1]).

бири и достигли Алтая, гдѣ въ 1200 году они основали Кипчакъ и Сибирь. „Это было первое открытіе Сибири“. Упомянувъ о Китайскомъ озерѣ, Герберштейнъ, R. M. C., 83 B (р. п., 127), замѣчаетъ, что отъ этого озера получилъ названіе ханъ Катайскій, „котораго Московиты называютъ Китайскимъ царемъ“. О Китаѣ, слѣдовательно, Московиты слышали за долго до того времени, когда царь Иванъ (1567 г.) послалъ двухъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева за Сибирь, и эти посланцы, какъ извѣстно, благополучно вернулись въ Москву и представили царю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до Корейскаго моря.

[1]) R. M. C., 73 B, 76 A, 74 A, 76 B (р. п., 112, 116, 113). „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, *К. А. Неволина*, Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VIII, С.-Пб., 1853 г., стр. 11, 137; прилож. 1. На стр. 50, приведя слѣдующія слова Герберштейна: „Caeterum civitas haec olim dum floreret, suique iuris esset, latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat“ и далѣе (стр. 73 C, по изд. 1556 г.), Неволинъ замѣчаетъ: „здѣсь идетъ рѣчь не о раздѣленіи Новгородской области на пятины, а о раздѣленіи самого Новгорода

О главныхъ, торговыхъ и административныхъ центрахъ области Балтійскаго бассейна, входившей въ составъ Московской Руси XVI в., о Новгородѣ и Псковѣ Герберштейнъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія, относящіяся къ эпохѣ ихъ самостоятельнаго существованія, преимущественно къ эпохѣ ихъ борьбы съ великимъ княземъ московскимъ, и очень мало останавливается на топографическихъ данныхъ.

Nouigorod, пишетъ онъ, то есть Новый городъ или Новая крѣпость, ибо Русскіе называютъ городомъ все, что окружено стѣною или укрѣплено тыномъ, или загорожено другимъ способомъ, — обширенъ. Онъ находится на судоходной рѣкѣ Волховѣ, на лѣтній западъ, отъ Москвы въ 120 миляхъ, хотя нѣкоторые считаютъ только сто [2]); отъ Пскова въ 36 м. [3]), отъ Великихъ Лукъ въ 40 [4]), и въ 40 м. отъ Иванъ-города [5]). Германцамъ дозволено было имѣть въ Новгородѣ своихъ квесторовъ или раціонаріевъ.

Изъ новгородскихъ монастырей авторъ Записокъ упоминаетъ объ одномъ только монастырѣ Перунскомъ (Perunzki) и указываетъ на то, что онъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во времена языческія былъ идолъ Перуна. Монастырь Перынь Богородицы былъ устроенъ при церкви Перынской, основаніе которой, какъ полагаютъ, относится ко времени управленія перваго новгородскаго епископа Іоакима Корсунянина. „Въ лѣтописяхъ хотя и не упоминается о построеніи Перынской церкви", замѣчаетъ архимандритъ Макарій, „но въ древнемъ построеніи ея увѣряютъ насъ, съ одной стороны, общее древнее преданіе объ этой церкви и древнее обыкновеніе созидать храмы на мѣстахъ разрушенныхъ идоловъ, а съ другой—самое молчаніе лѣтописей о времени построенія такой церкви, которая восходитъ за ихъ предѣлы. Можно предполагать, что церковь построена вскорѣ по пришествіи епископа Іоакима въ Новгородъ, а по надписи недавней на церковномъ столбѣ, построена именно въ 995 году". „Дальнѣйшая судьба Перынскаго монастыря и построенной въ немъ Бого-

---

на концы". Но въ изд. 1557 г., стр. Liij, л. 2: „ dieweil die Stat in jren Freihaiten gewest ist, het ain gross weit gepiet, das maist in Mittenacht vnd Aufgang der sunnen in fünff thail gethailt"...

[2]) 542 вер., по Почт. словарю, 1820 г., стр. 459.

[3]) 215 вер.,—стр. 460.

[4]) 346 вер.,—стр. 102, 536, 620.

[5]) 150 вер., по кн. Б. Ч., изд. 1846 г., стр. 172.

родицкой церкви мало извѣстна. Лѣтописи упоминаютъ объ нихъ только по случаю пожаровъ, возобновленій и раззореній. Такъ, напр., вмѣстѣ съ другими монастырями Перынь пострадалъ въ 1386 г. при Д. I. Донскомъ. Въ 1438 г. упоминается въ Перынскомъ монастырѣ игуменъ Діонисій Шестникъ, написавшій на пергаменѣ ноябрскую мѣсячную минею, хранящуюся въ Новг. Соф. библіотекѣ. Въ 1528 году введено въ монастырѣ общежитіе, а въ 1552 году 4 марта весь онъ выгорѣлъ“. Въ 1764 г., при учрежденіи штатовъ, Перынскій монастырь упраздненъ. Въ настоящее время отъ Перынскаго монастыря осталась только одна каменная церковь Богородице-Рождественская, въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ къ югу отъ Юрьева монастыря, на берегу озера Ильменя, при истокѣ изъ него Волхова, на возвышенномъ мѣстѣ [6]).

Городъ Псковъ (Plescovuia), пишетъ Герберштейнъ, одинъ только „во всемъ владѣніи московскаго государя окруженъ каменною стѣною; онъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ каждая окружена своею стѣною. Это обстоятельство ввело нѣкоторыхъ въ заблужденіе, и они говорили, что этотъ городъ окруженъ четверною стѣною. Область этого города или княжества, по народному, называется Псковомъ или Обсковомъ“ (Pskovu seu Obskovu). Псковъ стоитъ въ 36 миляхъ на западъ отъ Новгорода [7]), отъ Иванъ-города—въ 40 м. [8]) и въ 40 же—отъ Великихъ Лукъ [9]). Черезъ этотъ городъ лежитъ путь изъ Москвы и Новгорода въ Ригу, столицу Ливоніи, находящуюся отъ Пскова въ разстояніи 60 миль [10]).

Въ приведенныхъ извѣстіяхъ обращаютъ на себя вниманіе краткія замѣтки о стѣнахъ Пскова, вызванныя, можетъ быть, и замѣчаніями Мѣховскаго и Фабра, сообщившихъ, что этотъ городъ окру-

---

[6]) К. М. С., 73 В—74 А, 74 С (р. п., 112—114); въ изд. 1557 г., стр. Liij, л. 2 и об. „Новгородская земля“, „Псковская земля“ упоминаются въ договорной грамотѣ, заключенной между дѣтьми великаго князя Іоанна Васильевича, великимъ княземъ Василіемъ и Юріемъ, 1504 г., 16 іюня, Собр. гос. гр. и дог., I, № 134, стр. 346. „Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ“, архим. *Макарія*, ч. I, М., 1860 г., стр. 423—426.

[7]) 215 вер., по Почт. слов., стр. 544.

[8]) 208 вер.,—стр. 543, 167.

[9]) 259 вер.,—стр. 102, 466.

[10]) 331 вер.,—стр. 562. К. М. С., 76 А—В (р. п., 116); въ изд. 1557 г., стр. М.

женъ тройною стѣною. Какъ справедливо было замѣчено авторомъ Записокъ о Московіи, каждая изъ отдѣльныхъ частей Пскова въ эпоху его вѣчеваго строя была окружена стѣною и, по всей вѣроятности, Герберштейновы указанія должны быть отнесены къ тѣмъ четыремъ частямъ, которыя лежали въ углу, образуемомъ рѣками Псковой и Великой, служившими естественною защитою отъ нападенія враговъ съ запада и юга, „откуда преимущественно и должно было ждать нападеній", а именно: Дѣтинецъ, Кромъ, Городъ и Полонище. Остальныя же двѣ части, замѣчаетъ г. Бѣляевъ, „находились въ Зарѣчьи: на лѣвомъ берегу Великой—Завеличье и на лѣвомъ берегу Псковы—Запсковье. Сіи двѣ части Пскова долгое время оставались безъ укрѣпленій и обыкновенно, при нападеніи непріятелей, въ случаѣ нужды, сожигались самими Псковичами". Но и около всего Запсковья, отъ рѣки Великой до Псковы, жители этой части заложили на свой счетъ деревянную стѣну въ 1465 году [11].

Въ области Балтійскаго бассейна, входившей въ составъ Московской Руси, находились, по Герберштейну, слѣдующіе, кромѣ Новгорода и Пскова, города:

Ladoga, въ 36 миляхъ ниже Великаго Новгорода. По изгоннымъ книгамъ XVII в. въ разстояніи 180 вер. отъ Новгорода. Нынѣ село Старая Ладога (Успенское), Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ уѣзднаго города, при рч. Ладожкѣ и р. Волховѣ.

Corela, Корела, городъ, получившій свое имя отъ рѣки. Нынѣ

---

[11]) *Фабръ*, по изд. 1600 г., 132. „Исторія города Пскова и Псковской земли", *П. Бѣляева*, М., 1867 г., стр. 5—6. „Историческое описаніе города Пскова и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія", *Николая Ильинскаго*, С.-Пб., 1790 г., ч. 1, стр. 35—51, „О древнихъ зданіяхъ и укрѣпленіяхъ города Пскова". „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи", *Ѳ. Ласковскаго*, ч. 1, С.-Пб., 1858 г., стр. 49: до XIV в. лѣтописцы вовсе не упоминаютъ „о свойствахъ оборонительныхъ оградъ" Пскова. Стр. 50, пр. 9: въ 1581 г. укрѣпленія Пскова состояли изъ четырехъ оградъ: Кремль и Кромъ, Средній городъ, Запсковье (на правомъ берегу р. Псковы). Стр. 224: „Въ 1465 году Псковичи, во время несогласія съ Новгородомъ, построили въ одну недѣлю вокругъ Полонища и Запсковія деревянную стѣну, имѣвшую около 5 верстъ протяженія". На стр. 276—278 объясненія къ плану Пскова въ концѣ XVII в. (листъ 3). Въ это время Псковъ раздѣлялся оборонительными оградами на слѣдующія части: 1) Кремль (внутренность его раздѣлялась стѣною на 2 части); 2) Средній городъ; 3) Большой городъ; 4) Запсковье.

Кексгольмъ, гор. Выборгской губерніи, на сѣверо-западномъ берегу Ладожскаго озера, на островѣ, посреди устьевъ Вокши или Воксы.

Oreschak, Орѣшекъ, крѣпость, которую Германцы называютъ Нутембургомъ, „у устьевъ [на островѣ], посрединѣ рѣки Невы" (ad ostia, in medio flumine). Орѣшекъ находился на мѣстѣ Шлюссельбурга и былъ построенъ, какъ сообщаетъ лѣтопись, въ 1323 г. „на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ". И въ книгѣ Большой Чертежъ: р. Нева пала въ Ладожское озеро, противъ града Орѣшка. Но во всѣхъ указанныхъ источникахъ ошибочно: Орѣшекъ находился не въ устьѣ р. Невы, а при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера. Поэтому можно предполагать, что Герберштейнъ допустилъ ошибку въ опредѣленіи Орѣшка невольно, не по своей винѣ [12]).

Coporoja, Копорье, крѣпость, при рѣкѣ того же имени, въ 12 миляхъ отъ Иванъ-города [13]), въ столькихъ же отъ Ямы [14]), въ 6 миляхъ отъ Орѣшка [15]). Нынѣ слобода Петергофскаго уѣзда Петербургской губерніи, въ 12 вер. отъ Финскаго залива, при рч. Копорьѣ (Капоркѣ), на высокой горѣ.

Jamma, Яма, близъ устьевъ р. Плюсы. Это опредѣленіе невѣрно: Яма—нынѣ Ямбургъ, уѣздный городъ Петербургской губерніи—находилась не на Плюсѣ—притокѣ Наровы, а на р. Лугѣ [16]).

Всѣ помянутые пять городовъ находились въ Водской пятинѣ.

Ivanovugorod, Иванъ-городъ, въ 40 миляхъ отъ Пскова [17]); въ 12 миляхъ отъ Копорья. Иванъ-городъ „остается влѣво отъ Водской области". Это послѣднее замѣчаніе указываетъ на то, что лицо, сообщавшее Герберштейну свѣдѣнія о городахъ, нѣкогда входившихъ

---

[12]) R. M. C., 3 C, 76 C, 75 C (р. п., 11, 117, 115): Neva (Нева), „ad cuius ostia... in medio flumine situm est castrum Oreschak"; 76 B: Vuotzka regio „inque sinistra castrum Ivanovugorod relinquit" (р. п., 11, 117, 115, 116). Въ изд. 1557 г., Bij об., M об., M: Neoe „felt dann in das Leiflendisch oder Finlandisch Moer, im einfal daselbstn hat Moscouiter ain Schloss nach seiner sprach Oreschak"... Wotzkha gegent „lasst Iwanowgorod an der lingkhen seitten". О пятинахъ и погостахъ Новгор. въ XVI в., *К. А. Неволина*, Зап. Геогр. Общ., кн. VIII, стр. 123, 134, 128. Прилож. I, стр. 45—47. Прилож. XVII, стр. 389. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 734. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 171.

[13]) 20 вер., по кн. Б. Ч., стр. 172.

[14]) 47 вер., по Почт. слов., стр. 752.

[15]) 110 вер., въ прямомъ направленіи, по к. Геогр. Общества.

[16]) R. M. C., 76 C (р. п., 117). Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 719. О пятинахъ, *К. Неволина*, 134, 136. Прилож. I, стр. 29, 41—42.

[17]) 209 вер., по Почт. слов., стр. 543, 439 (Псковъ, Гдовъ, Нарва).

въ составъ Новгородской земли, знало положеніе и границы новгородскихъ пятинъ. Иванъ-городъ, дѣйствительно, находился влѣво отъ Водской пятины, въ предѣлахъ Шелонской пятины. Нынѣ входитъ въ составъ Нарвы, уѣзднаго города Петербургской губерніи, именно той части Нарвы, которая лежитъ на правомъ берегу рѣки Наровы [18]).

Russ, Russia antiqua, Руса „старый городокъ, во владѣніяхъ Новгорода, отъ котораго отстоитъ на 12, а отъ озера Ильменя—на 13 миль. Онъ имѣетъ „соляной источникъ, который граждане запираютъ въ широкій бассейнъ, на подобіе озера, а оттуда каждый для себя проводитъ воду въ свой домъ каналами и вывариваетъ [изъ нея] соль". Нынѣ Старая Руса, въ Новгородской губерніи, при рр. Полисти и Порусьѣ; по ягонньмъ книгамъ XVII в., находилась въ разстояніи 60 верстъ отъ Новгорода, а въ настоящее время это разстояніе опредѣляется въ 92 вер. Въ XVI в. въ Старой Русѣ, по свидѣтельству Флетчера, добывалась лучшая соль [19]).

Vuelikiluki, Великія Луки, „крѣпость и городъ, находятся въ 140 миляхъ на западъ отъ Москвы [20]), отъ Новгорода Великаго—почти въ 60 м. [21]), а отъ Полоцка—въ 36 м. [22]). Черезъ это мѣсто лежитъ путь изъ Москвы въ Литву". Нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи, при р. Ловати [23]).

Rsovua deserta, Ржева Пустая, въ 140 миляхъ отъ Москвы, въ 20 м.—отъ Великихъ Лукъ, въ 20 же м.—отъ Пскова. Ржева пустая находилась, какъ полагаютъ, на мѣстѣ деревни Подоржевки, близъ границы Опочецкаго и Новоржевскаго уѣздовъ.

Svuortzech—въ этомъ городѣ утвердился Труворъ. Очевидно, подъ именемъ Svuortzech слѣдуетъ разумѣть Изборскъ. Нынѣ село Псковской губерніи и уѣзда, въ 30 вер. къ юго-западу отъ Пскова,

---

[18]) R. M. C., 76 B—C (p. п., 116—117). О пятинахъ, *К. Неволина*, стр. 153.

[19]) R. M. C., 75 C (p. п., 115); въ изд. 1557 г., M. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 735. „Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI—XVII стол.", *Н. Костомаровъ*, С.-Пб., 1862 г., стр., 190—191. *Флетчеръ*, по изд. 1591 г., гл. 3, стр. 10.

[20]) 491 вер., по Почт. слов., стр. 102, 48, 184, 427 (Бѣлый, Сычевка, Гжатскъ, Можайскъ).

[21]) 424 вер.,—стр. 712, 627 (Холмъ, Старая Руса, Новгородъ Вел.).

[22]) 165 вер.,—стр. 102, 441 (Невель, Полоцкъ).

[23]) R. M. C., 73 A (p. п., 111); въ изд. 1557 г., Liij об.

при рч. Смолкѣ и Словенскихъ ключахъ, на дорогѣ изъ Пскова въ Ригу [24]).

Toropecz, Торопецъ, „крѣпость съ городомъ, между Великими Луками и Смоленскомъ, у границъ Литвы; онъ находится почти въ 18 миляхъ отъ Лукъ [25]). Нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи, къ востоку отъ Великихъ Лукъ, по обоимъ берегамъ р. Торопы.

Biela principatus, Бѣльское княжество, „съ крѣпостью и городомъ того же имени, [лежитъ] у р. Обши, и отъ Москвы находится болѣе на западъ въ разстояніи 60 герм. миль [26]), отъ Смоленска—въ 36 [27]), отъ Торопца—въ 30“ [28]). Нынѣ Бѣлый, уѣздный городъ Смоленской губерніи, на обоихъ берегахъ р. Обши [29]).

Всего число названій находящихся въ области Балтійскаго бассейна городовъ, упоминаемыхъ Герберштейномъ въ его хорографіи Московіи и въ историческихъ извѣстіяхъ о ней, доходитъ до четырнадцати, между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ о Московской Руси, появившихся въ свѣтъ до изданія Записокъ о ней, упоминаются всего только два города: Новгородъ и Псковъ.

Изъ приведенныхъ числовыхъ данныхъ относительно разстояній

---

[24]) R. M. C., 71 C, 3 C (р. п., 110, 11); въ изд. 1557 г., Liij, Bij об. (Swortzoch). Гор. Поселенія въ Росс. имп., т. IV, С.-Пб., 1864 г., стр. 285—286: „О городѣ Ржевѣ встрѣчается первое упоминаніе въ Псковской лѣтописи подъ 1406 г., когда Псковичи „шедше повоеваша Ржеву“... „Этотъ Ржевъ вмѣстѣ съ Великими Луками очевидно принадлежалъ къ числу Новгородскихъ городовъ. Въ значеніи Новгородскаго пригорода Ржевъ упоминается и впослѣдствіи въ 1435 году, также по поводу набѣга на него Псковитянъ. Дальнѣйшихъ указаній объ этомъ городѣ не встрѣчается, если къ нему не относить упоминанія о Ржевѣ Пустой въ 1477 году, когда этотъ городъ вмѣстѣ съ Великими Луками былъ предлагаемъ Новгородцами Іоанну III“. Но *Бѣляевъ*, „Исторія Пскова и Псков. земли“, М., 1867 г., стр. 12, упоминаетъ о Ржевѣ въ числѣ пригородовъ Пскова.

Близъ Подоржевки находится Новоржевъ, нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи. Онъ отстоитъ отъ Москвы на 700 вер., по Почт. слов., стр. 466, 102, 672, 492, 653 (Великія Луки, Торопецъ, Осташковъ, Торжокъ, Тверь, Москва); отъ Новоржева до Великихъ Лукъ—126 вер., до Пскова—123 вер. Тамъ-же, стр. 466. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 311.

[25]) 93 вер., по Почт. слов., стр. 672.

[26]) 296 вер.,—стр. 48, 640, 184, 427 (Сычевка, Гжатскъ, Можайскъ, Москва).

[27]) 143 вер.,—стр. 48, 219 (Бѣлый, Духовщина, Смоленскъ).

[28]) 121 вер.,—стр. 672.

[29]) R. M. C., 73 A, 71 B (р. п., 111, 109); въ изд. 1557 г., Liij об., Lij об. Геогр. стат. словарь Росс. имп., V, 194.

между городами той же области весьма немногія близки къ даннымъ современнымъ, а именно тѣ, которыя опредѣляютъ разстояніе между Новгородомъ и Псковомъ. Псковомъ и Великими Луками, Копорьемъ и Иванъ-городомъ, Торопцемъ и Великими Луками. Разность въ числовыхъ данныхъ относительно разстояній между этими городами, по Герберштейновымъ извѣстіямъ и по современнымъ опредѣленіямъ, не превышаетъ 50 верстъ. Замѣчательно также тожество слѣдующихъ данныхъ: по Герберштейну, отъ Русы до Новгорода 12 миль, что̀ равняется 60 верстамъ семисотъ саженнымъ, и это же самое число находимъ и въ изгонныхъ книгахъ XVII вѣка. По Герберштейну, отъ Великихъ Лукъ до Новгорода 60 миль, нынѣ считается 424 версты.

XXXIX.

Извѣстія Герберштейна объ областяхъ и городахъ Черноморскаго бассейна.— Города: Вязьма (Vuiesma), Дорогобужъ (Drogobusch), Смоленскъ (Smolentzko), его укрѣпленія, церкви и монастыри, Стародубъ, Брянскъ (Branski), Новгородъ Сѣверскій (Novuogrodeck), Черниговъ (Czernigovu, Czernigo), Путивль (Potivulo), Данковъ (Danco).—Итогъ находящихся въ хорографіи наименованій городскихъ поселеній въ области Черноморскаго бассейна.

Въ составъ Московскаго государства первой половины XVI в. входила также и часть области Черноморскаго бассейна, въ значительной степени уступавшая той, которая нѣкогда входила въ составъ Русской земли въ эпоху до-Татарскую, заключавшая въ своихъ предѣлахъ только нѣкоторыя изъ тѣхъ самостоятельныхъ княженій или земель, которыя въ княжескую эпоху занимали рѣчныя области Черноморья, тѣ по преимуществу, которыя лежали въ сѣверныхъ, лѣсистыхъ частяхъ ея, въ верховьяхъ Днѣпра, по рѣкамъ Деснѣ и Сейму и въ верховьяхъ Дона, земли Смоленская, Черниго-во-Сѣверская и Рязанская, нынѣшнія губерніи Смоленская, Черниговская, части губерній Курской, Орловской, Тульской и Воронежской. По описанію Герберштейна, въ Московской области Черноморья находились слѣдующіе области и города:

Vuiesma, городъ съ крѣпостью, выстроенъ изъ дерева, стоитъ на Борисоенѣ, нѣкогда былъ подъ властью князей литовскихъ; от-

стоитъ отъ Можайска на двадцать шесть миль [1]), отъ Дорогобужа—на восемнадцать миль [2]).

Drogobusch, Дорогобужъ, городъ съ крѣпостью, выстроенъ изъ дерева, стоитъ на Борисѳенѣ, нѣкогда былъ подъ властью князей литовскихъ; отъ Дорогобужа до Смоленска восемнадцать миль [3]). Нынѣ уѣздный городъ Смоленской губерніи, расположенный по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра, находился во власти литовскихъ князей съ XIV вѣка и оставался за ними до 1500 г., когда имъ овладѣло войско великаго князя московскаго, находившееся подъ начальствомъ боярина Юрія Захарьевича, и Дорогобужъ вошелъ въ составъ Московскаго государства, по договору 1503 г. Когда война съ Литвою возобновилась въ княженіе Василія Ивановича, городъ этотъ былъ опять занятъ литовскою ратью, но не на долго, и Русскіе, вновь утвердившись въ Дорогобужѣ, стали строить здѣсь, по приказанію великаго князя, новый деревянный городъ [4]).

Smolentzko, Смоленскъ, резиденція епископа, стоитъ на рѣкѣ Борисѳенѣ и имѣетъ крѣпость на другомъ, восточномъ берегу рѣки. Крѣпость выстроена изъ дуба, и въ ней находится много домовъ, какъ въ городѣ. Съ той стороны, которая выдается на холмъ (другая сторона омывается Борисѳеномъ), [кремль] укрѣпленъ рвами и острымъ тыномъ, которые препятствуютъ нападенію непріятеля. Василій Ивановичъ весьма часто осаждалъ эту крѣпость и, однако, никогда не могъ взять ее силою. Наконецъ, онъ овладѣлъ ею вслѣдствіе „измѣны воиновъ и начальника“.... „Городъ, лежащій въ долинѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ плодоносными холмами и опоясанъ весьма обширными лѣсами, въ которыхъ добывается много различныхъ мѣховъ. Въ крѣпости одна каменная церковь, посвященная св. Дѣвѣ, другія же зданія деревянныя; въ городскомъ предмѣстьѣ виднѣются многія развалины каменныхъ монастырей“. Отстоитъ отъ Мо-

---

[1]) 105 вер., по Почт. слов., стр. 427, 184 (Можайскъ, Гжатскъ, Вязьма); 80 вер., по кн. Б. Ч., стр. 78.

[2]) 59 вер., по Почт. слов., стр. 214; 80 вер., по кн. Б. Ч., стр. 78. R. M. C., 71 A (p. п., 108, 109); въ изд. 1557 г., Lij: Wiesma.

[3]) 87 вер., по Почт. слов., стр. 214; 80 вер., по кн. Б. Ч., стр. 78.

[4]) R. M. C., 71 A (p. п., 108—109); въ изд. 1557 г., Lij. Никон. лѣт., VI, 162. *Карамзинъ*, VII, пр. 36 (Разр. кн.). Исторія Россіи, *С. Соловьева*, V, 175, 328.

сквы на восемьдесятъ герм. миль, „хотя Литовцы и Московиты считаютъ сто“ [5]).

Древняя деревянная крѣпость Смоленска находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, который пересѣкается глубокими оврагами и имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ возвышенностей, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ съ 1595 года приступили, по повелѣнію царя Ѳедора Ивановича, къ сооруженію замѣчательной по своей прочности и по размѣрамъ каменной крѣпости. Въ теченіе четырехъ лѣтъ она была построена, и въ предѣлы занимаемой ею площади вошли „тѣ огромные земляные валы, которыми она была обнесена, стѣны, и остатки которыхъ“, какъ сообщаетъ г. Никитинъ, авторъ исторіи Смоленска, изданной въ 1848 г., „видны теперь между Королевскою крѣпостью и Благовѣщенскими воротами, Шеиновымъ проломомъ и Авраміевскою башнею и между Шеиновою башнею и Богословскою улицею“. Къ мѣстности, которую занимала древняя крѣпость Смоленска, съ древнѣйшаго времени тянули поселенія, лежавшія за ея предѣлами и находившіяся на правомъ берегу Днѣпра. „Судя по многимъ историческимъ даннымъ и по нѣкоторымъ сохранившимся памятникамъ“, пишетъ авторъ исторіи Смоленска г. Никитинъ, „можно безошибочно сказать, что Смоленскъ въ древности былъ несравненно обширнѣе нынѣшняго его положенія, и Заднѣпровская часть, а также западное предмѣстье на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ теперь Богословская и Свирская слободы, были нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи и составляли лучшую часть города. Къ этому заключенію приводитъ: 1) что всѣ древніе русскіе и иностранные писатели называютъ Смоленскъ обширнымъ, хорошо отстроеннымъ, богатымъ и многолюднымъ городомъ, чего при настоящемъ его положеніи сказать

[5]) 360 вер., по Почт. слов., стр. 614, 214, 184, 427 (Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма, Гжатскъ, Можайскъ, Москва). R. M. C., 70 C—71 A (р. п., 108—109): въ изд. 1557 г. Lij: „Smolensco ist ain Schloss vnd Stat, des so nit eingefangen ist, haisst man die Stat, wie dann Smolensco ain grossen Platz, mit vil heüsern eingeschlossen, mit holtzwerch vnd mit stain vnd Erttrich aussgeschüt, nennen sy Gorod des nach gmainer Windisch ain Schloss, aber nach jrer deittung was beuestnet ist, als vmbtzeint, verstanden wirdt, ist ain Fürstenthumb, und Bischofflicher stuel, ligt an dem namhafften wasser Nieper, auf Latein Boristenes. Solich Schloss ligt vom wasser vbersich nach ainem Pühl, vnd oben auf dem pühl vnser Frauen gemaurte Khirchen, das ander alles hültzen, vmb das Schloss ist ain grabm, nit vil vber khnie tieff, darin seind steckhen geschlagen, wie in Osterreich weingartnen, allein das die steckhen khurtzer, sterckher, vnd enger geschlagen sein“.

нельзя; 2) что построеніе всѣхъ существующихъ въ части Смоленска, называемой нынѣ собственно городомъ, церквей, кромѣ Авраа-міевскаго монастыря, не восходитъ далѣе полутораста лѣтъ отъ нашего времени; напротивъ того, церковь Петра и Павла, находящаяся въ Заднѣпровской части, построена въ 1146 году смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ Набожнымъ; около 1180 года князь Романъ Ростиславичъ воздвигъ церковь св. Іоанна Богослова, находящуюся въ Богословской слободѣ; а въ 1195 г. князь Давидъ Ростиславичъ построилъ церковь св. архистратига Михаила, которая, по богатству украшеній, считалась великолѣпнѣйшимъ храмомъ во всей сѣверной Россіи и которая находится нынѣ въ Свирской слободѣ. Соображаясь съ нынѣшнимъ положеніемъ означенныхъ церквей, нельзя предполагать, чтобы постройка ихъ послѣдовала при теперешнемъ условіи мѣстности. Церковь Петра и Павла находится въ предмѣстіи города и окружена съ одной стороны пространнымъ полемъ, а съ другой—бѣдными домами съ грязною улицею. Церковь Іоанна Богослова стоитъ на западной сторонѣ близъ городской стѣны, во рву; а церковь св. Михаила въ Свирской слободѣ — отдаленномъ и бѣдномъ предмѣстіи. Слѣдовательно, нельзя думать, чтобы князья сооружали эти храмы по одной прихоти въ ничтожныхъ предмѣстіяхъ города, въ особенности храмъ св. Михаила, въ такое время, когда безпрерывныя смуты и междоусобія были постоянною долею древняго нашего отечества и когда храмъ тотъ могъ сдѣлаться легко добычею хищничества. При томъ преданіе сохранило для насъ свѣдѣніе, что въ нынѣшней Свирской слободѣ находился княжескій дворецъ“.

Во время литовскаго владычества надъ Смоленскомъ, въ немъ и въ его предмѣстіяхъ, какъ свидѣтельствуютъ „сохранившіеся до нашихъ временъ нѣкоторые историческіе памятники“, „было много монастырей и церквей“.

Когда Смоленскъ былъ взятъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ 1514 году, онъ даровалъ ему тѣ самыя права, которыми этотъ городъ пользовался въ эпоху литовскаго владычества, и въ XVI вѣкѣ онъ продолжалъ быть центромъ епархіальнаго управленія.

Упоминаемая Герберштейномъ каменная церковь во имя Успенія Богородицы находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ самой крѣ-

пости и подверглась разрушенію во время взятія Смоленска Сигизмундомъ III въ іюнѣ 1611 г., о чемъ сообщаетъ наша лѣтопись слѣдующія подробности: „Послѣдніе люди", защищавшіе Смоленскъ, „запрошася у Пречистыя Богородицы въ соборной церкви. Единъ же Смолянинъ кинуся въ погребъ. Погребу-жъ бывшу подъ тѣмъ соборнымъ храмомъ съ пороховою казною, и то зелье зажгоша и храмъ соборной Пречистой Богородицы разорвася и людей всѣхъ побиша, кои въ церкви быша".

На томъ мѣстѣ, на которомъ нѣкогда находилась патрональная церковь Смоленска, приступили къ построенію новаго собора во имя Успенія Пресвятыя Богородицы только въ 1677 году, и въ продолженіе трехъ лѣтъ „работы шли успѣшно"; „но съ 1679 года, за недостаткомъ матеріаловъ и по другимъ причинамъ, строеніе надолго было остановлено". Только въ 1740 г. построеніе этого собора было окончено [6]).

Starodub, одинъ изъ „славнѣйшихъ" (celebriora) городовъ Сѣверскаго княжества, отстоитъ отъ Новгорода Сѣверскаго на четырнадцать миль [7]), отъ Путивля—на тридцать двѣ мили [8]). Нынѣ

[6]) Матеріалы для геогр. и стат. Смоленская губ., сост. *М. Цебриковъ*, С.-Пб., 1862 г., стр. 333, 324. А. А. Э., I, № 365, стр. 450, 1595 г., декабря 15, царскій наказъ о заготовленіи матеріаловъ для строенія Смоленской крѣпости. *Ласковскій*, ч. I, стр. 58; л. 4, изобр. 12. „Исторія города Смоленска", *П. Никитина*, М., 1848 г., стр. 126, 127: „Прочность устройства Смоленской стѣны (въ XVI в.) доказывается тѣмъ, что до самаго нашествія непріятеля, въ 1812 году, то есть послѣ двухъ-сотъ лѣтняго ея существованія, по стѣнѣ, на всемъ ея протяженіи, совершались крестные ходы. Кирпичъ, изъ котораго сложена стѣна, такъ твердъ и хорошъ, что многіе опыты въ наше время сдѣлать подобный остались безуспѣшными". Стр. 7—9; 101; 97, 98, 102, 105—108, 117—о Смоленской епархіи; приложенія стр. XXVII—XXIX, жалованная грамота в. кн. Василія Смоленскимъ жителямъ; 209. Никон. лѣт., VIII, 163. *Карамзинъ*, XII, пр. 770—о времени взятія Смоленска.

[7]) 79 вер., по Почт. слов., стр. 628.

[8]) 187 вер., тамъ-же, стр. 186, 547 (Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Глуховъ, Путивль). R. M. C., 69 A, 70 B (р. п., 105, 107): „Starodub a Potivulo triginta duobus miliaribus"; въ изд. 1557 г., L об., Lij: „Starodub von Potiwlo dreyundtzwaintzig". Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 744, 779. *Stuckenberg*, III, 346—о р. Судости. Городскія поселенія въ Росс. имп., т. V, ч. 2, С.-Пб., 1865 г., стр. 355: „Въ продолженіе правленія Василія Іоанновича отношенія къ Литвѣ оставались большею частію враждебныя; поэтому Стародубъ, какъ мѣсто пограничное, постоянно являлся немаловажнымъ стратегическимъ пунктомъ: сюда собираются войска, снаряжаемыя въ походъ внутрь литовскихъ владѣній; отсюда производятся частыя экспедиціи или набѣги на сосѣднія

уѣздный городъ Черниговской губерніи, по берегамъ рч. Бабинца, впадающей въ рч. Ваблю, притокъ Судости, которая изливается въ р. Десну съ правой стороны.

Branski, на пути изъ Москвы въ Сѣверское княжество. Нынѣ Брянскъ уѣздный городъ Орловской губерніи, по обоимъ берегамъ р. Десны.

Novuogrodeck, Новгородъ Сѣверскій, „крѣпость Сѣверы“ (Sevuera), то есть Сѣверскаго княжества, „еще не такъ давно былъ столицею сѣверскихъ князей, до того времени, когда они были лишены княжества Василіемъ“; отстоитъ отъ Путивля на восемьнадцать миль [9]). Нынѣ уѣздный городъ Черниговской губерніи, на правомъ берегу р. Десны. Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ сѣверскимъ былъ Василій Шемякинъ. Уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, Василій въ 1523 году явился на судъ въ Москву и здѣсь, по повелѣнію великаго князя, былъ посаженъ въ темницу [10]).

Czernigovu (Czernigo), Черниговъ, при рѣкѣ Деснѣ, отстоитъ на тридцать миль отъ Кіева [11]) и на столько же отъ Путивля [12]).

Potivulo, Путивль, при р. Сеймѣ, находится отъ Москвы въ ста сорока герм. миляхъ [13]), въ шестидесяти — отъ Кіева [14]) и въ тридцати восьми—отъ Брянска [15]).

Вышепоименованные города въ области лѣвыхъ притоковъ Днѣпра:

области; въ свою очередь и Стародубъ подвергается нерѣдкимъ нападеніямъ, изъ которыхъ опаснѣйшее было въ 1515 году отъ запорожскаго гетмана Дашковича, соединившагося съ Крымцами“.

[9]) 108 вер., по Почт. слов., стр. 186, 547 (Новгородъ Сѣверскій, Глуховъ Путивль).

[10]) R. M. C., 68 C, 70 B (р. п., 105, 107); въ изд. 1557 г., L об. „Bransko“, Liij. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 320; III, 510. *Карамзинъ*, VII, стр. 74—75. Никон. лѣт., VI, 229, 7031 (1523 г.): „Тоя жъ весны Шемячичъ поиманъ бысть“.

[11]) 149 вер., по Почт. слов., стр. 727.

[12]) 184 вер., тамъ-же, стр. 57, 621, 337, 547 (Черниговъ, Березна, Сосница, Конотопъ, Путивль). R. M. C., 68 A, 70 B (р. п., 104, 107); въ изд. 1557 г., L, Lij. Никон., VI, 245, 1531 г. (7039): повелѣніемъ великаго государя Василія Ивановича „срубленъ бысть градъ Черниговъ древянъ“.

[13]) 701 вер., по Почт. слов., стр. 186, 462, 628, 78, 237, 286 (Путивль, Глуховъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, Брянскъ, Жиздра, Калуга, Москва).

[14]) 277 вер., тамъ же, стр. 547, 337, 42, 441 (Путивль, Конотопъ, Батуринъ, Борздна, Нѣжинъ, Кіевъ).

[15]) 323 вер. R. M. C., 67 C, 70 B (р. п., 104, 107); въ изд. 1557 г., L, Lij. Никон., VI, 211, 1517 г. (7026): „Тоя же осени ноября прислалъ къ великому

Стародубъ, Брянскъ, Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ, Путивль входили въ составъ „большаго“ Сѣверскаго княжества (Sevuera), въ которомъ, какъ замѣчаетъ авторъ Записокъ, было много городовъ и крѣпостей, изъ которыхъ (кромѣ Новгорода Сѣверскаго) самыми замѣчательными были: Стародубъ, Путивль и Черниговъ [16]).

На пути изъ Москвы въ Азовъ, тамъ, гдѣ обыкновенно переправлялись черезъ Донъ, находился древній, разрушенный городъ Данковъ (Donco). Какъ полагаютъ, нынѣ на этомъ мѣстѣ—село Стрешнево, въ 32 вер. отъ нынѣшняго Данкова, уѣзднаго города Рязанской губерній. По книгѣ Большой Чертежъ, новый Данковъ перенесенъ съ стараго мѣста, которое отстояло отъ него на двадцать верстъ [17]). За исключеніемъ Данкова, въ хорографіи Московіи находимъ всего восемь наименованій, относящихся къ городскимъ поселеніямъ области Черноморскаго бассейна, но этотъ итогъ не мало значителенъ въ сравненіи съ тѣмъ, что относительно тѣхъ же поселеній могли дать иностранныя сочиненія о Московской Руси, изданныя до 1549 г. Въ нихъ упоминается всего только два города: Смоленскъ и Вязьма. Что же касается до вышеприведенныхъ числовыхъ опредѣленій, то изъ нихъ до семи можно считать приблизительно вѣрными.

XL.

Область Волжскаго бассейна.—Москва (Moscovuia).—Доставка товаровъ.—Видъ Москвы.—Слобода Нали.—Мѣры для охраны жителей отъ злоумышленниковъ.—Ночная стража.—Каменныя и деревянныя зданія.—Число домовъ.—Кремль.—Дворецъ князя.—Церкви.—Число каменныхъ церквей въ Московскомъ Кремлѣ.—Извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ о строеніи церквей въ Москвѣ съ 1517—1533 г.—Города и области, на берегу р. Волги. Ржевъ (Rsovua Demetrij), Тверь (Tvuer, Otvuer), ея торговля и укрѣпленія, Угличъ (Uglitz), Ярославль (Iaroslavu), Кострома (Castromovugorod), Нижній Новгородъ (Novuogardia inferior), перенесеніе сюда ярмарки и построеніе каменной крѣпости. Васильсурскъ (Sura, Basilovugorod).

Самою населенною и главною частію Московіи XVI в. была

князю Василью Ивановичу, государю всеа Русіи, слуга его князь Василей Ивановичъ Шемячичь своего человѣка Михаила-Янова съ тѣмъ, что приходили Татарове Крымскіе на Украйну, на ихъ отчину на Путивльскія мѣста, и князь Василей за ними ходилъ, и Божіею милостію и государскимъ счастіемъ великаго князя сондоша ихъ за Сулою, и многихъ Татаръ побилъ, а иныхъ живыхъ перенмалъ, языки къ великому князю прислалъ“.

[16]) R. M. C., 68 C—69 A (р. п., 105); въ изд. 1557 г., L об.

[17]) R. M. C., 67 B (р. п., 103); въ изд. 1557 г., Kiij, л. 2 об. Кн. Б. Ч. по изд. 1846 г., 44. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 9.

область Волжскаго бассейна, и она-то и описана Герберштейномъ болѣе обстоятельно, чѣмъ всѣ другія части Московской Руси. Съ описанія ея столицы, которая незадолго до прибытія автора Записокъ получила видъ царственнаго города, и начинается хорографія.

Главный городъ и столица Руссіи—Москва (Moscovuia), пишетъ онъ, „и самая область (prouincia), и рѣка, которая протекаетъ черезъ нее,—носятъ одно и тоже имя... Что же изъ нихъ дало имя прочимъ—неизвѣстно; однако, правдоподобно, что городъ и область получили имя отъ рѣки. Ибо, хотя самый городъ въ древности не былъ столицею народа, однако, имя Московитовъ было не безызвѣстно древнимъ“.

По р. Москвѣ на плотахъ, отправляемыхъ изъ того мѣста, которое лежитъ въ 6 миляхъ выше Можайска, привозятъ въ Москву матеріалы для постройки домовъ и для другаго употребленія, а ниже ея „доставка товаровъ и всего, ввозимаго иностранцами, производится на судахъ“.

„Самый городъ—деревянный и довольно обширенъ; издали онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо сады и большіе дворы при каждомъ домѣ въ значительной степени увеличиваютъ пространство [занимаемое городомъ]; еще болѣе увеличиваютъ [это пространство] дома ремесленниковъ, употребляющихъ [при своемъ мастерствѣ] огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ Русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними. Не далеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Далѣе, городъ кажется столь обширнымъ, что онъ [какъ будто] не имѣетъ опредѣленной черты и не укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, стѣною, рвомъ и стрѣльницами. Однакожъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются бревнами, положенными поперегъ, и съ самыхъ сумерекъ оберегаются приставленными стражами, такъ что ночью нельзя пройти туда послѣ установленнаго часу. Кто же будетъ взятъ сторо-

жами послѣ этого часа, тѣхъ бьютъ и обираютъ или сажаютъ въ темницу, если только это не будутъ люди извѣстные и почтенные: тѣхъ обыкновенно стражи отводятъ домой. Таковые стражи обыкновенно помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза". Рѣками Москвою и Яузою нѣсколько укрѣпленъ городъ, который, кромѣ немногихъ казенныхъ зданій, храмовъ и монастырей, выстроенъ изъ одного дерева. „Число домовъ въ этомъ городѣ показываютъ едва вѣроятное, ибо говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву всѣ дома были переписаны, по повелѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41,500. Этотъ городъ, столь обширный и пространный, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ и въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки (pontes). Въ этомъ городѣ есть крѣпость, построенная изъ кирпичей и омываемая съ одной стороны Москвою, съ другой—рѣкою Неглинной". „Крѣпость такъ велика, что кромѣ обширныхъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія, деревянныя палаты. Кромѣ того, въ крѣпости находится много церквей, и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города... Оборонительныя ограды Кремля и дворецъ князя выстроены изъ кирпича въ итальянскомъ стилѣ (italico more) тѣми Итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ обѣщаніями большихъ наградъ. Въ этой крѣпости, какъ я сказалъ, много церквей; всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, которыя выстроены изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена св. Дѣвѣ, другая—св. Михаилу. Въ храмѣ святой Дѣвы погребены тѣла двухъ архіепископовъ [Алексѣя и Петра], которые были виновниками того, что князья перенесли сюда свою столицу и учредили тамъ митрополію; за это-то преимущественно они причислены къ лику святыхъ. Въ другомъ храмѣ погребаются князья. Въ нашу бытность строились весьма многіе храмы изъ камня" [1]).

---

1) R. M. C., 60 C, 61 A, 62 B—63 C (p. п., 94, 96—98). Стр. 96: „издали [городъ Москва] кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ дѣлаютъ городъ больше"; въ подл. 62 B: „quae procul etiam amplior, quam re ipsa sit, apparet, nam horti areaeque in qualibet domo spaciosae, magnam ciuitati accessionem faciunt"; въ изд.

Сравнивая это въ весьма малой степени удовлетворяющее требованіямъ археологической науки описаніе Москвы съ вышеприведенными описаніями другихъ иностранцевъ, нельзя не отдать преимущество первому, и въ исторіи литературы XVI в. оно является наилучшимъ описаніемъ столицы Московіи, по которому можно было составить себѣ довольно полное и ясное представленіе объ этомъ городѣ. Правда, уже и ранѣе Герберштейна указывали на главныя, характеристическія особенности Москвы, находившіяся въ тѣснѣйшей связи съ существенными условіями русскаго государственнаго быта, на ея обширность, на обычай имѣть близъ домовъ сады, на преобладаніе деревянныхъ построекъ, и у Мѣховскаго мы находимъ даже такія свѣдѣнія о каменныхъ зданіяхъ въ Москвѣ, какихъ нѣтъ въ Запискахъ. Но за то здѣсь не мало любопытныхъ данныхъ, не находимыхъ ни у Мѣховскаго, ни у Контарини, ни у Іовія, а именно о доставкѣ товаровъ, о зарѣчныхъ слободахъ и о слободѣ Нали, о содержаніи ночныхъ карауловъ, о переписи Москвы, о большихъ, деревянныхъ палатахъ въ Кремлѣ, о мѣстѣ погребенія двухъ митрополитовъ въ храмѣ св. Дѣвы и о мѣстѣ погребенія князей, о томъ, что въ бытность Герберштейна строились „весьма многіе храмы“ изъ камня.

1567 г., LXIX: „doch scheinet sy von weytnuss vyl grösser, weder sy in der warheit ist, dann es sind bey den heüsseren vyl garten vnud grosse höff, wölche der statt ein grossen schein machend“; въ изд. 1557 г., Kij: „ist wol gross vnd von fern vil grösser zusehen dan vil der houser haben grosse gärtten vnd höf“. Въ изд. 1556 г., 62 B: „Basilius princeps satellitibus suis nouam Nali ciuitatem exaedificauit“; въ изд. 1557 г., Kij: „vnd vber das wasser ist ain sunders eingefangen Stättle, darinnen frembdes Khriegsuolckhs wont“.

Стр. 96: „обширность города дѣлаетъ то, что онъ не имѣетъ опредѣленной черты“; въ изд. 1556 г., 62 C: „uasta ciuitatis magnitudo facit, ut nullo certo termino contineatur“.

Стр. 96: „не укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ стѣною, рвомъ и башнями“; въ изд. 1556 г., 62 C: „nec muro, fossa, propugnaculisue commode sit munita“; въ изд. 1567 г., LXIX: „auch weder mitt mauren, gruben oder bollwerch genügsam befestiget worden“. Въ изд. 1556 г., 62 C: „Plateae tamen quibusdam in locis trabibus per transuersum ductis obstruuntur“; въ изд. 1557 г., Kij об. „Etliche gassn haben gatter oder Thür, die sy zu gesetzter stund in der nacht schliessen“.

Ст. 98: „Крѣпостныя укрѣпленія и дворецъ князя выстроены изъ кирпича“; въ подл., 63 B: „Eius castri propugnacula basilicae cum Principis palatio ex latere.... extructa sunt“. Въ изд. 1567 г., LXX: „Die thürn an disem schloss mit sampt des fürsten Palast sind auss gebachenen steinen... erbauwen worden“. Въ изд. 1557 г., Kiij: „In vnser Frauen Khirchen ligen die zwen Alex vnd Peter der wunderzaichner“.

Всѣ эти извѣстія большею частію подтверждаются свидѣтельствами, сохранившимися въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ и въ нашихъ памятникахъ.

Слободу Nali Гваньини называетъ городомъ Nelevvki и указываетъ на то, что она была населена служителями великаго князя, иностранцами, Поляками, Нѣмцами и Литовцами, и всѣмъ живущимъ въ этомъ городѣ было даровано то самое право, которое, по Герберштейну, было дано жителямъ помянутой слободы. Она находилась. по свидѣтельству Олеарія, въ южной части Москвы, за р. Москвою.

Герберштейново показаніе относительно числа домовъ въ Москвѣ также заслуживаетъ довѣрія. И Флетчеру говорили, что, по исчисленію, сдѣланному незадолго до сожженія ея Крымцами въ 1571 г., число домовъ въ Москвѣ простиралось до 41,500 [2]).

---

[2]) *Гваньини,* по изд. 1600 г., стр. 155. *Флетчеръ,* по изд. 1591 г., гл. IV, стр. 12 об.—13: The number of houses (as J haue heard) through the whole citie (being reckoned by the Emperour a little before it was fired by the Chrim) was 41,500 in all. Since the Tartar besieged and fired the town (which was in the yeare 1571) there lieth waste of it a great breadth of ground, which before was well set and planted with buildings..“

Олеарій, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. I, стр. 144, 149—150; р. п., стр. 107, 112—113. Стр. 107: въ Москвѣ, какъ говорятъ, „и теперь еще можно насчитать до 40,000 погорѣлыхъ, жилыхъ прежде мѣстъ“. Стр. 112: Стрѣлецкая слобода построена Василіемъ Іоанновичемъ и называлась „Налейки“. Стр. 113: „Внутри и внѣ стѣнъ города Москвы находится множество церквей, часовенъ и монастырей. Въ 1-мъ изданіи я опредѣлилъ число ихъ до 1,500, что показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ Іоанну Людвигу Готфриду въ его Archontologia cosmica, стр. 467; но я показалъ тогда еще мало, какъ дознаъ я это потомъ изъ дальнѣйшихъ вѣрныхъ извѣстій, частію отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже проживишихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ Москвитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ въ Голштиніи нѣсколько времени, при поимкѣ плѣнника ихъ, ложнаго Шуйскаго и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Эти-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2,000 церквей, монастырей и часовенъ“. *Лизекъ,* по изд. 1676 г., стр. 2: Moscua „aedificiorum numerat plusquam quadraginta duo millia. monasteriorum autem et ecclesiarum millia duo“. Исторія Россіи, *С. Соловьева,* т. XIII М., 1863 г., стр. 55—56: въ XVII в. „царствующій градъ не достигалъ ни той обширности, ни того количества народонаселенія, какое имѣлъ въ XVI в.“ (до 1571 г., во время Іоанна III и сына его Василія). Опыты изученія Русскихъ древностей и исторіи, *Ив. Забѣлина,* ч. II, М., 1873 г., стр. 173: „число строеній (въ Москвѣ); то есть большею частію избъ, въ эти два вѣка иностранцы показываютъ почти одинаково, отъ 40 до 42 тысячъ. Штраусъ (въ половинѣ XVII вѣка) говорилъ даже о 95 тысячахъ, но эта цифра, по всему вѣроятію, ошибочная. О числѣ жителей иностранцы уже никакъ не могли имѣть вѣрнаго свѣдѣнія, потому что едва ли такое свѣдѣніе имѣли и

Каменныхъ церквей въ Кремлѣ, по свидѣтельству Герберштейна, было всего двѣ, а по указанію Мѣховскаго — три, но въ дѣйствительности ихъ было больше [3]).

О церквахъ, которыя строились въ Москвѣ съ 1517 по 1533 гг., сохранились въ нашей лѣтописи слѣдующія свидѣтельства:

1519 г. (7097): „повелѣніемъ благовѣрнаго князя Василья Ивановича всеа Русіи разобраша старую церковь, ветхости ради, а новую заложиша Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ Вознесенскомъ монастырѣ, внутри города Москвы“.

„Мѣсяца сентября въ 12 день, въ недѣлю, священа бысть церковь святаго Леонтія, ростовскаго чудотворца, преосвященнымъ Варламомъ, митрополитомъ всеа Русіи, за Неглинною, на Москвѣ“. „Тоя же осени, ноября въ 21 день, въ недѣлю, священа бысть Введенія церковь св. Богородицы на Устрѣтинской улицѣ, на Москвѣ, преосвященнымъ Варламомъ, митрополитомъ всеа Русіи“.

1525 г. (7033): „поставиша Новь монастырь Дѣвичь у града Москвы, за посадомъ, близъ монастыря святаго Саввы“.

1527 г. (7035): „поставилъ князь великій церковь каменну съ предѣлы на своемъ дворѣ во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. И другую церковь поставилъ камену-жъ, у Фроловскихъ воротъ, святаго мученика Георгія. И третью церковь поставилъ камену же святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, за Неглинною“.

1530 г. (7039): „ноября въ 27 день священа бысть церковь преподобныя Прасковѣи и великомученицы Парасковеи нареченныя Пятницы. Бѣже на освященіи томъ князь великій и съ великою

сами Москвичи. Достовѣрно лишь то, что городъ былъ (особенно по временамъ) очень многолюденъ и своимъ многолюдствомъ заставлялъ до невѣроятныхъ размѣровъ увеличивать цифру населенія; напр., въ Смутное время Поляки думали о милліонѣ; другіе, спустя лѣтъ 50, полагали отъ 500 до 600 тысячъ“.

[3]) „Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города“. Изданіе *А. Мартынова.* Текстъ составленъ *И. М. Снегиревымъ,* при сотрудничествѣ самого издателя. Т. 2, М., 1873 г., Кремль, стр. 23: въ 1508 г., ноября 5 была освящена каменная церковь Рождества Предтечи; 27: въ 1847 г. „эта церковь, разобрана“. Стр. 42: въ 1509 г. освященъ вновь заложенный въ 1505 г. Архангельскій соборъ. Стр. 81—о строеніи Успенскаго собора въ княженіе Ивана III. Стр. 205: въ 1504 г. была освящена каменная церковь Чуда архангела Михаила въ Чудовомъ монастырѣ.

княгинею, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и съ бояры. И оттолѣ устави великій государь по вся лѣта ходити со кресты храму ихъ ноября 27 и праздновати честно".

„Тогожъ лѣта августа благовѣрный и христолюбивый великій государь Василей Ивановичъ всея Русіи постави церковь древяную обѣтную у Благовѣщенья, на старомъ Ваганковѣ, Усѣкновеніе честныя главы Крестителя Господня Ивана. А въ ней два предѣла: святый апостолъ Ѳома да святый Петръ чудотворецъ. Сего ради потщася великій государь и соверши обѣтъ свой и прія дѣло своими царскими руками первіе всѣхъ дѣлателей. И по немъ начаша дѣлати и сдѣлаша ее единымъ днемъ, тогожъ дни и священа бысть. Бѣже на освященіи томъ князь великій и съ великою княгинею Еленою и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и съ бояры, и множество народа" [4]).

Въ той же великой рѣчной области, главнымъ центромъ которой была Москва, находились, по описанію Герберштейна, слѣдующіе города и области, при р. Волгѣ:

Rsovua Demetrij, городъ съ крѣпостью, находится въ 23 миляхъ на западъ отъ Москвы [5]). „Крѣпость, отъ которой князь заимствуетъ титулъ, находится на р. Волгѣ, и [этой крѣпости] подвѣдома весьма обширная область". Нынѣ Ржевъ, уѣздный городъ Тверской губерніи, на обоихъ берегахъ р. Волги, близъ устья р. Вазузы. Въ XII стол. онъ входилъ въ составъ Смоленской земли; въ первой половинѣ XV в. находился, какъ полагаютъ, въ смѣстномъ владѣніи Твери и Москвы. Димитріевскимъ онъ сталъ называться по имени князя Димитрія, сына великаго князя Ивана III, и одна изъ частей Ржева и до сихъ поръ носитъ названіе Димитріевской. Его мѣстоположеніе гористое, „окрестности открытыя и представляютъ взору обширныя поля" [6]).

---

[4]) Никон. лѣт., VI, 216, 231, 233, 246. П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 265, 271, 272, 278. R. M. C., 63 B (p. н., 98): Іоаннъ, сынъ Василія Темнаго, первый сталъ обводить крѣпость (Москвы) стѣною. Это извѣстіе невѣрно. Никон. лѣт., IV, 15, 6875 (1366 г.): „князь великій Дмитрій Ивановичъ заложи градъ Москву камену и начаша дѣлати безпрестани". Ср. стр. 22, 27. Извѣстіе Герберштейна объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что в. кн. Іоаннъ III возобновилъ кремлевскія стѣны. „Москва", изд. *А. Мартынова*, т. 2, М., 1873 г., стр. 4.

[5]) 209 вер., по Почт. слов., стр. 559, 253, 140, 148 (Ржевъ, Зубцовъ, Волоколамскъ, Воскресенскъ, Москва).

[6]) R. M. C., 71 C (p. н., 109—110). Ист. Твер. княж., *В. Борзаковскаго*,

Tvuer или Otvuer, „нѣкогда весьма обширная область (ditio), одно изъ великихъ княжествъ русскихъ (ex magnis Russiae principatibus), лежитъ на р. Волгѣ, въ 36 миляхъ отъ Москвы [7]), на лѣтній западъ, и имѣетъ обширный городъ, черезъ который протекаетъ р. Волга. На другомъ берегу, со стороны Москвы, стоитъ крѣпость, напротивъ которой изливается въ Волгу р. Тверца. По этой рѣкѣ я прибылъ на суднѣ въ Отверь и на другой день поплылъ по р. Волгѣ. Этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ епископа при жизни [великаго князя] Іоанна, отца Василія, въ то время, когда Тверскимъ княжествомъ владѣлъ великій князь Борисъ" [8]). Далѣе авторъ Записокъ сообщаетъ и нѣкоторыя другія историческія свѣдѣнія о Твери, указывающія на то, что воспоминанія о ея славномъ прошломъ еще хранились въ памяти русскихъ людей, какъ сохранялись онѣ и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ.

Отзывъ о Твери, какъ о городѣ значительномъ, и замѣтка въ автобіографіи Герберштейна о томъ, что во время его проѣзда въ этомъ городѣ находилось нѣсколько большихъ судовъ, которыя были отправляемы въ Каспійское море, подтверждаютъ вышеприведенныя свидѣтельства Мѣховскаго и Альберта Кампенскаго, хотя эти свидѣтельства и страдаютъ нѣкоторыми преувеличеніями. Крѣпость Тверская, сохранившаяся до временъ Екатерины Великой, „была окружена съ одной стороны Волгою, съ другой—Тьмакою, которая подлѣ самой крѣпости впадаетъ въ Волгу, а съ третьей (ибо она построена неправильнымъ треугольникомъ)—сухимъ рвомъ, который прокопанъ отъ Волги до Тьмаки, и отдѣлялъ крѣпость отъ горо-

---

стр. 41—46. Собр. гос. гр. и дог., I, № 148 (1514 г., іюля 10), стр. 411: Василій, государь всеа Русіи,.. Ржевскій, Бѣльскій и проч. Словарь *Щекатова*, V, стр. 30.

[7]) 163 вер., по Почт. слов., стр. 653.

[8]) R. M. C., 73 A—B (p. п., 111—112); 141 A (210): Tvuer principatus. Въ русск. переводѣ, стр. 112: „Этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ епископа въ то время, когда Тверскимъ княжествомъ владѣлъ великій князь Борисъ"; въ подл., 73 A—B: „Porro ciuitas hacc episcopalis sedes erat, uiuente Ioanne Basilij patre, quo tempore Tvuerensem Principatum magnus Dux Boris moderabatur". Въ изд. 1557 г., стр. Liij об. „Великое княжество Тфѣрское" упоминается въ договорной грамотѣ, заключенной между дѣтьми великаго князя Іоанна Васильевича, великимъ княземъ Василіемъ и Юріемъ, 1504 г., іюня 16. Собр. гос. гр. и дог., I, № 134, стр. 346.

довой стороны". Она имѣла прежде деревянный обрубъ и башни, въ томъ числѣ Владимірская была каменная".

Съ того времени, когда Тверь стала центромъ самостоятельнаго княжества, она имѣла и своихъ епископовъ, и Тверское княжество составляло особую епископію. При великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ были епископами Илья и Моисей [9]).

Uglitz, Угличъ, городъ съ крѣпостью, на обоихъ берегахъ рѣки Волги, отстоитъ отъ Москвы на 24 мили [10]), отъ Ярославля—на 30 [11]), отъ Твери--на 40 миль [12]).

---

[9]) F. r. A, I, 120: о Твери—„Es ist gleichwol nuer ain hultzen schloss vnnd vill Heuser an baiden Gestatten. Da stunden auch etliche grosse schiff, mit den man ab in das Moer, das die Moscouitter Chualinscko, lateinsch Caspium oder Hircanum nennen, mit khauffmanswaar auch herwider aufschifft". „Исторія Тверскаго княжества", *В. С. Борзаковскаго*, С.-Пб., 1876 г., стр. 23—24, 205, 191—199, 209. „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи", *Ѳ. Ласковскаго*, ч. I, С.-Пб., 1858 г., стр. 54: Оборонительная ограда Твери „состояла изъ деревянной рубленой стѣны, имѣвшей протяженіе 428 саж., съ 4 проѣзжими и 10 глухими башнями. Городскіе посады имѣли свои ограды, о которыхъ, впрочемъ, не имѣется точныхъ свѣдѣній. Послѣ смутнаго времени Тверь не скоро могла оправиться и, какъ можно полагать, на основаніи отзывовъ Олеарія и Майерберга, не была столь значительною, какъ въ XVI в. *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. I, гл. V, стр. 27 (р. п., по изд. 1870 г., стр. 35): Тверь немного болѣе Торжка (здѣсь же и замѣчательный видъ Тверской крѣпости). *Майербергъ*, 1661 г., стр. 75; р. п., изд. Москов. Общ. Ист. и Древн., М., 1874 г., стр. 146: съ 1486 г. Тверское княжество, зависимое отъ московскихъ государей, „стало приходить въ упадокъ и, раззоряемое въ послѣдовавшихъ затѣмъ междоусобіяхъ то Поляками, то Шведами, выгонявшими поочередно другъ друга, едва только можетъ представить какіе нибудь жалкіе остатки своей старинной славы".

[10]) 214 вер., по Почт. слов., стр. 683.

[11]) 100 вер., тамъ же, стр. 683.

[12]) 219 вер., тамъ же, стр. 288, 341 (Угличь, Калязинъ, Корчева, Тверь). R. M. C., 78 A, 8 C (р. п., 119, 18); въ изд. 1557 г., стр. Mij. Углецкой уѣздъ упоминается въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича Кассіано-Учемскому монастырю, 1522 г., іюня 1. А. А. Э., I, № 171, стр. 139: „Се язъ князь великій Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми Пречистыя Богородицы, что на Учмѣ, игумена Пахомія съ братіею, или по немъ иный игуменъ и братія будутъ: далъ есмы въ домъ Пречистыя Богородицы, по братѣ по своемъ, по князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, въ Углецкомъ уѣздѣ, въ Городскомъ стану, Золоторуцкаго села деревни и починки: деревню Туханово, деревню Модявино, деревню Подвыскирье, деревню Обашево, деревню Шеино, деревню Ермаково, деревню Юрково, деревню Мельничное, деревню Ерохино, деревню другое Мелничьное, деревню Юрово, деревню Шевердино, деревню Туханово, деревню другая Туханово, починокъ Головинъ, починокъ Техуновъ, починокъ Сухово, починокъ Грудкино, починокъ Корякинъ, починокъ Корнинъ, починокъ Хомяковъ, починокъ Вавулинъ, да пустошь Маслово".

Iaroslavu, Ярославль, „городъ и крѣпость на берегу Волги, отстоитъ отъ Ростова на 12 миль, по прямому направленію отъ Москвы“ [13]). Хотя до сихъ поръ въ этой провинціи существуютъ герцоги (duces), которыхъ называютъ князьями (knesos), однако государь присвоиваетъ себѣ титулъ [Ярославскихъ], предоставивъ эту страну князьямъ [Ярославскимъ], въ качествѣ своихъ подданныхъ“ [14]).

Costromovugorod, Кострома, „городъ съ крѣпостью, на берегу Волги, стоитъ почти на 20 миль къ юго-востоку отъ Ярославля [15]), а отъ Нижняго Новгорода около 40 миль“ [16]).

Novuogardia inferior, Нижній Новгородъ, „обширный деревянный городъ съ каменною крѣпостью, построенною нынѣшнимъ государемъ Василіемъ на скалѣ, при сліяніи рѣкъ Волги и Оки. Говорятъ, что онъ отстоитъ отъ Мурома на 40 миль къ востоку [17]); если это такъ, то Новгородъ будетъ отстоять отъ Москвы на 100 миль“ [18]). Ярмарку, которая обыкновенно бывала около Казани, великій князь

---

[13]) 60 вер., по кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 200; 56 вер., по Почт. слов., стр. 755.

[14]) R. M. C., 78 C—79 A (p. п., 120): „Et quanquam prouinciae Duces, quos Knesos appellant, adhuc supersint: titulum tamen Princeps, knesis, uelut subditis regione concessa, sibi usurpat. Tres autem Knesi secundogenitorum posteri, quos Rutheni Ioroslavuski appellant, eam regionem possident“. Въ изд. 1557 г., Mij и об. „Das Fürstenthumb was gleichermassen der Grossfürsten gebrüdern, erblichen zugethailt, die aber gleichermassen entsetzt, vnd seind noch dieselben Knesen oder Fürsten, die solche Fürstenthumer erblichen gehabt haben. Der Grossfürst aber gibt jnen etliche einkhumen dauon, er aber behelt den Titl sambt dem Fürstenthumb vnd dem merern einkhumen. So seind derselben drey, die auss der Grossfürsten gebrüedern khomen seind“...

[15]) 60 вер., по кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 197; въ 61 вер., по Почт. слов., стр. 343.

[16]) 286 вер., по Почт. слов., стр. 344. R. M. C., 84 B, 78 B (Costroma) (p. п., 128, 119). Въ изд. 1557 г., стр. N, Mij (Castroma). Никон. лѣт., V, 67, 6924 (1416 г.): „градъ Кострома заложенъ бысть“. Взглядъ на исторію Костромы, составленный трудами князя *Александра Козловскаго*“, М., 1840 г., стр. 49. *Ласковскій*, I, стр. 24, пр. 12: изъ оборонительныхъ оградъ Костромы „уцѣлѣлъ старинный валъ, имѣющій видъ неправильнаго четыреугольника, около 420 саж. въ окружности. Онъ, вѣроятно, составлялъ внутреннюю ограду или кремль, а городскія строенія, впереди его лежащія, были окружены другою внѣшнею оградою“. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собр. офицерами Генеральнаго Штаба. Костром. губ., составилъ *Я. Крживоблоцкій*, С.-Пб., 1861 г., стр. 577 и слѣд.—описаніе Костромы.

[17]) 149 вер., по Почт. слов., стр. 436.

[18]) 446 вер., тамъ-же, стр. 449.

Василій перенесъ въ Нижній Новгородъ, надѣясь, что „это перенесеніе ярмарки нанесетъ большой вредъ Казанцамъ, и что отнявъ у нихъ [возможность] покупать соль, которую Татары получали отъ Русскихъ только на этой ярмаркѣ, можно ихъ принудить къ сдачѣ. Однако, отъ перенесенія этой ярмарки Московія понесла не менѣе вреда, чѣмъ сами Казанцы. Ибо слѣдствіемъ этого были дороговизна и недостатокъ въ весьма многихъ вещахъ, которыя привозились по Волгѣ съ Каспійскаго моря, съ астраханскаго рынка, изъ Персіи и Арменіи, — преимущественно же въ отличной рыбѣ". Каменный городъ, какъ сообщаетъ наша лѣтопись, былъ заложенъ въ Нижнемъ Новгородѣ, по повелѣнію великаго князя, въ 1508 году, мастеромъ Петромъ Ѳрязинымъ [19]).

Sura, Basilovugorod, Васильсурскъ, крѣпость воздвигнутая великимъ княземъ Василіемъ и названная его именемъ, на сліяніи рр. Волги и Суры [20]).

XLI.

Извѣстія Герберштейна о городахъ и земляхъ, къ нимъ тянувшихъ въ области притоковъ р. Волги, впадающихъ въ нее съ лѣвой стороны: 1) Торжокъ (Torsak, Dvuerschak), путь между Тверью и Торжкомъ. 2) Холопій городъ (Chloppigrod) и его ярмарка. 3) Бѣлоозеро (Bielocsero), мѣсто храненія великокняжескихъ сокровищъ, дороги изъ Москвы къ Бѣлоозеру; указанія на мѣстонахожденіе Бѣлозерска въ древнѣйшее время. 4) Галичь (Galitz), Галицкій уѣздъ. 5) Вятка (Vuiathka); дорога изъ Москвы въ Вятку. 6) Орловъ (Orlo). 7) Слободской (Slovuoda). 8) Котельничь (Cotelnitz); разстояніе между городами Вятской земли; измѣреніе чупкасами; область, въ которой находились города, еще въ XVI вѣкѣ называвшіеся Вятскими. 9) Пермь (Permia), городъ, и земля Пермская; путь изъ Вологды въ Пермь. Мѣстонахожденіе гор. Перми въ XVI в.

Города, земли и княжества въ области притоковъ р. Волги, впадающихъ въ нее съ правой стороны: 1) Vuolock (Волоколамскъ), мѣсто великокняжеской охоты; лѣтописныя свидѣтельства о немъ, относящіяся ко времени княженія Василія Ивановича. 2) Дмитровъ (Dimitriovu), Дмитровскій уѣздъ. 3) Переяславль (Pereaslavu). 4) Ростовъ, мѣстопребываніе архіепископа, дорога изъ Москвы въ Ростовъ; Ростовскіе станы и волости. 5) Калуга (Coluga); промыслы, которыми занимаются ея жители; содержаніе стражи. 6) Кошира (Cor-

---

[19]) R. M. C., 64 C, 99 A (р. и., 99, 150). Въ изд. 1557 г., Kiij об., Oiij об. Никон. лѣт., VI, 182. О Нижегородскомъ кремлѣ см. „Нижегородка", *А. С. Гацискаго*, Нижній Новгородъ, 1877 г., стр. 50 и слѣд.

[20]) R. M. C., 64 C, 65 A (р. и., 99, 100); въ изд. 1557 г., Kiij и об. (Basilowgorod).

sira); Коширскій уѣздъ. 7) Рязань (Rezan), область и городъ. Старая Рязань (castrum Jaroslavu). 9) Касимовъ (Cassimovugorod), данъ Татарамъ для жительства. 10) Муромъ (Murom); народъ, называвшійся Муромапами (Мурома). 11) Серенскъ (Serensk). 12) Воротынскъ (Vuorotin). 13) Серпуховъ (Cirpach, Czirpach). 14) Можайскъ (Mosaisko). 15) Коломна (Columna); строеніе каменнаго города. 16) Владиміръ (Vuolodimeria). 17) Суздаль (Susdali), городъ и княженіе, мѣстопребываніе епископа, монастырь, въ которомъ была заточена великая княгиня Соломонія; земля Суздальская. 18) Мценскъ (Msceneck); болота, находящіяся близъ этого города и служившія мѣстомъ убѣжища. 19) Одоевъ (Odoyovu). 20) Тула (Tulla); построеніе каменной крѣпости. — Итоги названій городовъ Волжскаго бассейна.—Перечень населенныхъ мѣстъ, находившихся въ XVI вѣкѣ на пути отъ литовской границы къ Новгороду и отсюда къ Москвѣ.

Въ области притоковъ р. Волги, впадающихъ въ нее съ лѣвой стороны, находились, по указаніямъ Герберштейна, города: Торжокъ, Холопій городъ, Бѣлоозеро, Галичь, Вятка, Орловъ, Слободской, Котельничь, Пермь, и объ этихъ городахъ и областяхъ, къ нимъ тянувшихъ, сообщаются въ хорографіи слѣдующія свѣдѣнія:

Tersack, Dvuerschak, Торжокъ, городъ въ десяти миляхъ отъ Твери [1]); „одна половина его была подъ властью Новгорода, другая—подъ властью Твери, и управляли тамъ два намѣстника“ [2]).

Chloppigrod, Холопій городъ; сюда „во время ярмарки стекаются люди разныхъ племенъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ“ [3]).

Bieloesero, Бѣлоозеро, „городъ съ крѣпостью, лежитъ при озерѣ того-же имени“. „Городъ находится не на самомъ озерѣ, какъ утверждали нѣкоторые; однако, онъ со всѣхъ сторонъ такъ окруженъ болотами, что кажется неприступнымъ. По этой причинѣ московскіе князья обыкновенно прячутъ тамъ свои сокровища. Бѣлоозеро стоитъ отъ Москвы къ сѣверу въ 100 миляхъ [4]) и въ такомъ же разсто-

---

[1]) 60 вер., по кн. Б. Ч., стр. 132; 63 вер., по Почт. слов., стр. 672.

[2]) R. M. C., 73 B, 141 A (р. п., 112, 210): въ изд. 1557 г., Liij, л. 2 (Dworsackh). Указанія въ русскихъ источникахъ на то, что волости Торжка находились въ смѣсномъ владѣніи Твери и Новгорода см. въ Ист. Тверск. княж., *В. Борзаковскаго*, стр. 52—54. Исторія Новгорода Вел., *И. Бѣляева*, М., 1864 г., стр. 32—33.

[3]) R. M. C., 58 A, 75 A—B (р. п., 89, 114). Въ изд. 1557 г., Jiij, л. 2 об. „Zu Chlopigorod aber wan der marckht da gehalten wirdet, dahin khumen manigerlay völckher von Teutschen, Moscouittern, Tattern, von ausseristen völckhern on Schweden, vnd von dem khalten Mer her, wilde Lappen vnd allerlay gesind“; стр. Liij, л. 2 об.

[4]) 596 вер., по Почт. слов., стр. 315, 755—756 (Бѣлозерскъ, Кирилловъ, Вологда, Ярославль, Москва); 603 вер., стр. 315, 538, 572, 683 (Бѣлозерскъ, Кирилловъ, Вологда, Пошехонье, Рыбинскъ, Мышкинъ, Угличъ, Москва).

яніи отъ Новгорода Великаго [5]). Двѣ дороги идутъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро: одна ближайшая, черезъ Угличъ, въ зимнее время, а лѣтомъ другая—черезъ Ярославль".

Городъ, о которомъ здѣсь говоритъ авторъ Записокъ, находился на мѣстѣ нынѣшняго Бѣлозерска, уѣзднаго города Новгородской губерніи, который и въ настоящее время окруженъ болотами и лѣсомъ [6]).

---

[5]) 694 вер., тамъ же, стр. 47, 724, 697, 663 (Бѣлозерскъ, Кирилловъ, Череповецъ, Устюжна, Тихвинъ, Новгородъ Вел.).

[6]) R. M. C., 77 B (p. п., 118); въ изд. 1557 г., M об. „Лѣтописецъ" отъ 852 до 1598 г., печатанъ въ Московской типографіи 1781 г. (Архангел. лѣт.), стр. 98, 6906 (1398 г.): Новгородцы „поидоша на Бѣлоозеро, и взяша, и повоеваша, и пожгоша, и старый городъ Бѣлозерскій сожгоша, а изъ Новаго городка вышедше, воевода великаго князя съ Бѣлозерцы добиша челомъ". Ист. гос. Рос., *Карамзина*, VI, стр. 92: во время нашествія Ахмата въ 1480 г. супруга Іоаннова „выѣхала съ дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлоозера". Тамъ же, VI, пр. 444.

Новый и полный географическій словарь Росс. государства, ч. 1, М., 1788 г., стр. 122: „обыватели [Бѣлозерска] объявляютъ, что когда россійскій князь Синеусъ въ 862 году имѣлъ здѣсь свое пребываніе, то сей городъ стоялъ на полночномъ берегу озера. Владиміръ Великій перевелъ оной на то мѣсто, гдѣ Шексна изъ озера выходитъ, а за нѣсколько сотъ лѣтъ переведенъ онъ на полуденный берегъ озера, на которомъ мѣстѣ теперь стоитъ". Послѣ Миллера преданіе о перенесеніи Бѣлоозера съ одного мѣста на другое было неоднократно приводимо въ нашихъ историческихъ и географическихъ трудахъ. Ист. гос. Росс., *Карамзина*, I, пр. 278. Геогр. словарь Росс. государства, *Щекатова*, ч. I, М., 1801 г., стр. 664. Новгородскій сборникъ, изд. Новгородскаго Статистическаго комитета, подъ редакціей *П. Богословскаго*, вып. 1, Новгородъ, 1865 г., стр. 5: „съ 1244 года до 1279 г. владѣлъ Бѣлозерскимъ княжествомъ Глѣбъ Васильковичъ, сынъ ростовскаго князя Василія Константиновича, присланный послѣднимъ перенести городъ Бѣлозерскъ съ истоковъ рѣки Шексны на новое мѣсто и обратить народъ въ христіанскую вѣру". Стр. 6: „Іоаннъ III перенесъ Бѣлозерскъ на третье мѣсто, гдѣ теперь онъ находится и окружилъ его валомъ и стѣною". Городскія поселенія въ Росс. имперіи, т. III, С.-Пб., 1863 г., стр. 357—358: „Мѣстное преданіе говоритъ, что городъ Бѣлоозеро первоначально былъ на сѣверной сторонѣ озера и перенесенъ оттуда при Владимірѣ Великомъ на устье Шексны. Но нынѣшній Бѣлозерскъ отстоитъ отъ древняго, бывшаго на берегахъ Шексны, въ 17 вер. (тоже въ Геогр. стат. словар. Росс. имп., I, 367). Мѣсто древняго Бѣлоозера означается и по нынѣ небольшими буграми. Первая деревянная церковь въ Бѣлоозерѣ, во имя св. Василія, построена была при Ярославѣ I. Положеніе города указываютъ на правой сторонѣ Шексны, гдѣ находится нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ Шексну, которые получили свое названіе отъ церквей, нѣкогда бывшихъ тамъ, какъ ручьи: Васильевскій, Николаевскій и Андреевскій. Полагаютъ, по нѣкоторымъ археологическимъ находкамъ, что древній городъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ Шексны". Послѣ 1352 г. старый городъ былъ оставленъ, и на

Galitz, княжество (principatus) „съ городомъ и крѣпостью находится на востокъ отъ Москвы, за Костромою“ [7]).

Vuiathka, Вятка, область (prouincia), „за рѣкою Камою, лежитъ почти въ 150 миляхъ на востокъ отъ Москвы [8]); кратчайшая дорога къ ней идетъ черезъ Кострому и Галичь, но она трудна, ибо кромѣ болотъ и лѣсовъ, которые затрудняютъ путь, между Галичемъ и Вяткою еще разбойничаютъ бродящіе тамъ Черемисы. Поэтому ѣдутъ въ Вятку черезъ Вологду и Устюгъ путемъ болѣе долгимъ, но за то болѣе легкимъ и безопаснымъ. Вятка же отстоитъ отъ Устюга на 120 миль [9]); отъ Казани—на 60 [10]). Страна получила свое названіе отъ рѣки, на берегу которой стоитъ Хлыновъ (Chlinovua)“.

Orlo „стоитъ на четыре мили ниже Хлынова“. Нынѣ Орловъ уѣздный городъ Вятской губерніи, въ 52 верстахъ къ юго-западу отъ Вятки, при р. Вяткѣ. Въ кн. Б. Ч.—„ниже Хлынова 50 верстъ градъ Орловецъ“ [11]).

южномъ берегу озера возникъ новый, нынѣшній Бѣлозерскъ. Всѣ нами приведенныя противорѣчивыя показанія не подтверждены никакими положительными данными и потому мы полагаемъ, что только путемъ тщательныхъ археологическихъ разъисканій можетъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, съ какого мѣста на какое и въ которое время былъ переносимъ Бѣлозерскъ.

[7]) R. M. C., 84 C (p. п., 128); въ изд. 1557 г., N. Галицкій уѣздъ упоминается въ жалованной грамотѣ Чухломскому Покровскому монастырю, 1518 г., октября 31, А. И., I, № 125, стр. 183 („пожаловалъ есми игумена Елизарія съ братьею, что служитъ у Покрова святѣй Богородици въ Галицкомъ уѣздѣ, на Чюхломѣ, за озеромъ“...). Галичь Мерьскій упом. подъ 1237 г. Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872 г., стр. 441: Татарове „плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго“ (стр. 491, подъ тѣмъ же годомъ въ Лѣтописи по Акад. сп., „поплениша все по Волзѣ и до Галича Влодимерьскаго). Никон. лѣт., V, 96, 6937 (1429 г.): „Приходиша Татарове къ Галичю безвѣстно на князя Юрья Дмитріевича и стоя въ Галичѣ мѣсяцъ“. Объ укрѣпленіяхъ Галича см. Матер. для геогр. и стат. Костром. губ., *Я. Крживоблоцкаго*, С.-Пб., 1861 г., стр. 598. „Городъ Галичъ Костромской губерніи въ началѣ XVII вѣка“, *В. Самарянова.* Авторъ этого сочиненія извлекъ свѣдѣнія изъ писцовой книги гор. Галича 1635 года. Стр. 5: „Городъ Галичь въ началѣ XVII ст. состоялъ изъ города собственно или крѣпости, изъ посада и изъ нѣсколькихъ слободъ. Городъ, то есть крѣпость или участокъ земли, окруженный насыпнымъ валомъ, вышиною до 4-хъ саженъ, былъ обнесенъ, поверхъ насыпи, деревяннымъ тыномъ съ нѣсколькими башнями“.

[8]) 939 вер., по Почт. слов., стр. 161.

[9]) 424 вер., по Почт. слов., стр. 158, 489.

[10]) 427 вер., тамъ же, стр. 159. R. M. C., 84 C (p. п., 128—129); въ изд. 1557 г., N.

[11]) R. M. C., 84 C (p. п., 129); въ изд. 1557 г., N. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 702. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 149. Никон. лѣт., V, 285, 6967 (1459 г.):

Slovuoda, городъ, „въ шести миляхъ ниже“ Хлынова, къ западу. Нынѣ Слободской, уѣздный городъ Вятской губерніи, на берегу р. Вятки, не ниже, а выше города Вятки, въ 31 вер. отъ нея, а по теченію рѣки—въ 70 вер. отъ нея. И въ кн. Б. Ч.—„отъ Слободы 30 верстъ градъ Хлыновъ“ [12]).

Cotelnitz, „въ восьми миляхъ отъ Хлынова, на рѣкѣ Rhecitzan“. Нынѣ Котельничь, уѣздный городъ Вятской губерніи, на р. Вяткѣ, ниже города Вятки, въ 97 вер. отъ нея, „въ мѣстности, прорѣзанной оврагами, по которымъ текутъ ручьи Балакиревца, Котлянка и Родіоновка“. Въ кн. Б. Ч.—„ниже Хлынова 50 верстъ градъ Орловецъ; ниже Орловца 30 верстъ на Вяткѣ градъ Котельничь“ [13]).

Всѣ эти четыре города Вятской земли: Вятка, Орловъ, Слободской и Котельничь, продолжавшіе въ XVI в. носить названіе Вятскихъ, хотя земля Вятская и вошла въ составъ Московской Руси еще въ концѣ XV вѣка, лежали на окраинѣ ея, и авторъ Записокъ замѣчаетъ: „По сю и по ту сторону (р.) Вятки“ властвуютъ Татары. „Дорога считается тамъ чункасами, а чункасъ содержитъ въ себѣ пять верстъ“ [14]).

„посылалъ князь великій рать свою на Вятку... Они же шедше взяша два городка Орловъ да Котельничь“.

[12]) R. M. C., 84 C (р. п., 129); въ изд. 1557 г., N: Slowoda. Кн. Б. Ч., по изд. 1847 г., стр. 149. Гор. пос. въ Росс. имп., II, С.-Пб., 1861 г., стр. 27: „Основаніе Слободскаго приписываютъ Новгородцамъ въ исходѣ XVI столѣтія“. Это указаніе ошибочно. Не только Герберштейнъ упоминаетъ о городѣ Слободскомъ, но о немъ же говорится и въ жалованной грамотѣ в. князя Іоанна Васильевича 1546 г., октября, напеч. въ А. А. Э., I, стр. 199—200, № 210.

[13]) R. M. C., 84 C (р. п., 129); въ изд. 1557 г., N. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 749. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 149.

[14]) R. M. C., 85 A (р. п., 129); въ изд. 1557 г., N: Czvnkhas ist ain namen der meylen, wie mans der ortten rayt, vnnd ain Czunkhas hat fünff werst, als vngeuerlichen ain Teutsche meyl“. А. А. Э., I, стр. 199—200, № 210, 1546 г., октябрь, жалованная грамота в. князя Іоанна Васильевича: „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Вятчанъ нового Шестаковскаго городка. Что мнѣ били челомъ Якушъ Онтоновъ да Васюкъ Игнатьевъ сынъ Дурневъ, а сказывали: что деи у нихъ въ Верхнемъ Слободскомъ городкѣ писалъ деревни и починки подъячей Хомякъ, которые садилися на лѣсу послѣ большихъ писцовъ, и опослѣ деи Хомяковы описи они тѣми деревнями и починками новыми поставили себѣ городокъ на Шестаковѣ, собою, опричь Слобожанъ. А ставили деи они тотъ Шестаковской городокъ денги займуючи да въ томъ деи одолжали. А иные деи крестьяне у Шестаковскаго городка садилися на лѣсу, послѣ Хомяковы описи“... „Да тѣ жъ деи Ше-

Permia, „большая и обширная область (prouincia), отстоитъ отъ Москвы на 250 или, по другимъ, на 300 миль, прямо на сѣверо-востокъ. Въ ней находится городъ того же имени, стоящій на рѣкѣ Вишерѣ“. „По причинѣ множества болотъ и рѣкъ туда едва можно доѣхать сухимъ путемъ, развѣ только зимою; лѣтомъ же легче совершить этотъ путь на судахъ, черезъ Вологду, Устюгъ и рѣкою Вычегдою“. „Ѣдущимъ изъ Перми въ Устюгъ надобно плыть по Вишерѣ; пройдя нѣсколько рѣкъ и въ иныхъ мѣстахъ перетаскивая суда черезъ волокъ въ другія рѣки, они приходятъ къ Устюгу, въ 300 миляхъ отъ Перми“. Въ XVI в. Пермью назывался городъ Чердынь и, по всей вѣроятности, онъ находился или на мѣстѣ нынѣшней Чердыни, или въ недалекомъ отъ нея разстояніи. Нынѣ Чердынь уѣздный городъ Пермской губерніи, подъ 60° 24′ сѣв. шир. и 74° 11′ вост. долг., на правомъ берегу рѣки Колвы, близъ мѣста впаденія ея въ р. Вишеру. Отъ Чердыни до Устья-Сысольска, по прямому направленію, 330 верстъ, а отсюда черезъ Яренскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ и Вологду до Москвы 1269 вер., всего 1569 верстъ, а по Герберштейну, отъ 1750 до 2100 верстъ [15]).

стаковцы ѣздятъ въ Хлыновъ и къ Николѣ чюдотворцу къ Великорѣцкому молитися, и Слободскаго деи намѣстника пошлинники на тѣхъ Шестаковцѣхъ емлютъ мытъ и явку, а у нихъ деи наша жаловалная грамота: поѣдутъ Вятчане межъ Вятскихъ горородовъ и нашихъ намѣстниковъ пошлинники съ нихъ мыта и явки не емлютъ“... Какъ доказываетъ эта грамота, жители Вятки и въ эпоху развитія началъ централизаціи еще не утратили той привычки къ самодѣятельности, которая существовала въ эпоху независимаго существованія Вятской земли.

[15]) R. M. C., 85 A—B (p. и., 129): „emensisque aliquot fluuijs, nauibus terra quandoque in alios fluuios translatis, ad Vstyug... deueniunt“; въ изд. 1557 г., N: „Permia ain gross vnd weits Land; darumb nennen sy es die gross Permia“. Почт. слов., стр. 696, 754, 618, 673, 135, 138. Кн. Б. Ч., по изд. 1846, стр. 191, 280—281, пр. 201. Никон. лѣт., VI, 37, 6980 (1472 г.): „послалъ князь великій на Великую Пермь князя Ѳедора Пестрого воевати ихъ за ихъ неисправленіе“. Далѣе подъ тѣмъ же годомъ описаніе его похода, стр. 44—45. А. И., I, стр. 166—169, № 112, 1501 г., августа 22, Посланія митрополита Симона въ Пермь: Благословеніе Симона, митрополита всея Руси, „въ Великую Пермь и во вся Пермьскыя области“ (стр. 166); Благословеніе Симона, митрополита всея Руси, „въ Великую Пермь сына моего великаго князя слузѣ князю Матѳею Михаиловичю Пермьскому“. Стр. 397—399, № 207, 1580 г., августа 10: „Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Пермь Великую, въ Чердынь, старостамъ и цѣловалникомъ и всѣмъ Чердынцомъ, лутчимъ и середнимъ, и молодчимъ людемъ. Били намъ челомъ изъ Чердыни Богословскаго монастыря строитель Варламъ съ братьею, а сказали, что наше богомолье, въ

Въ области правыхъ притоковъ р. Волги, по описанію автора хорографіи находились слѣдующіе города: Волоколамскъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ; въ области р. Оки и ея притоковъ: Калуга, Каширa, Рязань, крѣпость Ярослава (Старая Рязань), Касимовъ, Муромъ, Серенскъ, Воротынскъ, Серпуховъ, Можайскъ, Коломна, Владиміръ, Суздаль, Мценскъ, Одоевъ, Тула.

Vuoloc, Волоколамскъ, „городъ и крѣпость, на равноденственномъ западѣ, отстоитъ отъ Москвы на двадцать четыре мили [16]), отъ Можайска почти на двѣнадцать [17]), отъ Твери—на двадцать [18]). Князь титулуется по имени этого мѣста и ежегодно отдыхаетъ здѣсь отъ трудовъ, травя зайцевъ соколами". Волоколамскъ—уѣздный городъ Московской губерніи, при рѣкѣ Городенкѣ, притокѣ Ламы, которая съ правой стороны впадаетъ въ Шошу—притокъ Волги, въ XVI в. назывался Волокомъ и, по кн. Б. Ч., отстоялъ отъ Москвы на 100 вер. О немъ сохранились слѣдующія лѣтописныя свидѣтельства за время княженія Василія Ивановича:

Перми, Богословской монастырь общей одинъ, какъ Пермичи крещенье приняли". Ист. росс. іерархіи, III, М., 1811 г., стр. 397—398: „Богословскій Чердынскій упраздненный мужескій монастырь находился внутри города Чердынска Пермской губерніи и епархіи. Въ немъ была и до нынѣ существующая церковь во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова".

„Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ", *Берха*, С.-Пб., 1821 г., стр. 56: Когда и кѣмъ построенъ гор. Чердынь, „о томъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Извѣстно только по преданіямъ, что онъ стоитъ теперь на пятомъ (sic) мѣстѣ". Стр. 58: „По найденной мною книгѣ въ архивѣ бывшаго Пыскорскаго монастыря, заключающей въ себѣ всѣ посланныя туда грамоты съ 1579 до 1680 года, замѣтилъ я, что когда грамота относилася къ Чердыни, то писали въ Пермь Великую такому-то". Гор. поселенія въ Росс. имперіи, III, С.-Пб., 1863 г., стр. 627—628: названіе Перми Великой, по мнѣнію автора, было присвоиваемо не только Чердыни, но и Верхотурью. „Въ противоположность Великой Перми указываютъ на Пермь Малую, разумѣя подъ ней зырянскую волость Пермцу". Была еще Пермь Старая, упоминаемая въ книгѣ Б. Ч., на р. Вычегдѣ (въ предѣлахъ нынѣшней Вологодской губерніи). Геогр. стат. словарь Росс. имп., V, 617: Городъ Чердынь „нѣсколько разъ перемѣнялъ свое положеніе и до перехода его на настоящее" мѣсто „находился около нынѣшней деревни Губиной, гдѣ остались слѣды обширнаго городища". Тамъ же, I, 706: „дер. Губина, Пермской губ., Чердынскаго уѣзда, въ 25 вер. къ ю.-з. отъ Чердыни, при р. Камѣ". Сп. насел. мѣстъ. Пермская губ., обраб. *Н. Штиглицъ*, С.-Пб., 1875 г., стр. CXLVI, CLIV—CLV, CLVI. О древнихъ укрѣпленіяхъ Чердыни см. Геогр. словарь Росс. государства, ч. VI, М., 1789 г., стр. 201.

[16]) 101 вер., по Почт. слов., стр. 148, 140.

[17]) 60 вер.,—стр. 427.

[18]) 98 вер.,—стр. 140.

1519 г. (7027) „сентября въ 14 день на Воздвиженіе Честнаго Креста, князь великій Василій Ивановичъ всеа Русіи выѣхалъ съ Москвы на Волокъ на Ламской на свою потѣху и пріѣхалъ на Москву на Дмитріевъ день".

1521 г. (7029): во время нашествія на Москву Магметъ Гирея великій князь выѣхалъ отсюда на Волокъ и началъ „сбираться съ воеводами своими и съ людьми".

1531 г. (7039), сентября 17 поѣхалъ великій князь съ своею супругою Еленою и съ сыномъ Иваномъ на богомолье въ Троицкій Сергіевъ монастырь, а отсюда „на свою царскую потѣху на Волокъ, въ Можайскъ"; возвратился въ Москву 19 ноября [19]).

Dimitriovu, Дмитровъ, „городъ съ крѣпостью, стоитъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Москвы [20]), на западо-сѣверо-западъ". Нынѣ уѣздный городъ Московской губерніи, къ сѣверу отъ Москвы, при р. Яхромѣ, притокѣ р. Сестры, впадающей въ Дубну — притокъ Волги [21]).

Pereaslavu, городъ и крѣпость на сѣверо-востокѣ, отстоитъ отъ Москвы на двадцать четыре мили [22]) и лежитъ при озерѣ". „Черезъ этотъ городъ отправляются тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Угличъ". Нынѣ Переяславль Залѣскій—уѣздный городъ Владимірской губерніи, къ сѣверо-западу отъ Владиміра, по обоимъ берегамъ рч. Трубежа, близъ впаденія его въ оз. Плещеево или Переяславское, изъ котораго вытекаетъ р. Большая Нерль—правый притокъ р. Волги. По книгѣ Б. Ч., Пе-

---

19) R. M. C., 72 C—73 A (р. п., 111); въ изд. 1557 г., Liij об. „Wolokhi". Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 530; III, 13; I, 510. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 132. Сбор. гос. гр. и дог., I, № 148 (1514 г., іюля 10), стр. 411: „мы великій государь Василій... государь и великій князь... Волоцкій" и пр. Никон. лѣт., VI, 216, 228, 241.

20) 62 вер., по Почт. слов., стр. 210; — 60 вер. по кн. Б. Ч., стр. 133.

21) R. M. C., 77 A (р. п., 117): Dimitriovu „a Moscovuia ab occidente in septentrionem parum deflectendo"; въ изд. 1557 г., M: Dimitriow „von der Mosqua in Nidergang sich—etwas naigent in Mittenacht". Дмитровскій уѣздъ упом. въ жалованной грамотѣ дмитровскаго князя Юрія Іоанновича Григорію Нелидову, 1509 г., февраля 13. А. А. Э., I, № 149, стр. 120. На стр. 70 C упом. гор. и крѣпость Demetriovuitz (?), отстоящій отъ Вязьмы на 18 миль, отъ Воротынска—около 20 (р. п., 108).

22) 149 вер., по Почт. слов., стр. 506.

реяславль отстоитъ отъ Москвы на 120 верстъ, что равняется 24 милямъ, если считать въ верстѣ 700 сажень [23]).

Rostovu, Ростовъ, „городъ и крѣпость, мѣстопребываніе архіепископа, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ и Муромомъ считается послѣ Великаго Новгорода въ числѣ главныхъ и древнѣйшихъ княжествъ Руссіи. Дорога изъ Москвы въ Ростовъ идетъ прямо черезъ Переяславль, отъ котораго (Ростовъ) находится въ десяти миляхъ“ [24]), „лежитъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ р. Которость“ [25]).

Coluga, Калуга, „на рѣкѣ Окѣ, отстоитъ отъ Москвы на тридцать шесть миль [26]) и на четырнадцать—отъ Серпухова [27]). Тамъ искусно дѣлаютъ рѣзныя деревянныя чаши и другія вещи изъ дерева для домашняго обихода; онѣ вывозятся оттуда въ Московію, Литву и другія окрестныя страны. Князь ежегодно ставитъ тамъ стражу противъ татарскихъ набѣговъ“. И въ настоящее время въ Полѣсьи Калужской губерніи, то есть въ уѣздахъ Жиздринскомъ и частію Мосальскомъ, Козельскомъ и Лихвинскомъ, въ которыхъ распространена лѣсная промышленность, жители „приготовляютъ изъ осины—лопаты и корыта, изъ дуба—обручи, полозья, ободья и доски для бочекъ, изъ клена — гребни и зубцы для мельничныхъ колесъ“ [28]).

Corsira, Кашира, на берегу Оки, на шесть миль выше Коломны [29]), отъ Серпухова—въ восьми миляхъ [30]). Старая Кашира находилась на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки Оки, гдѣ нынѣ село Старая Ка-

---

[23]) R. M. C., 78 B (р. п., 119); въ изд. 1557 г., Mij. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 199—200. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 50, 128; III, 421.

[24]) 55 вер., по Почт. слов., стр. 569; 60 вер., по кн. Б. Ч., стр. 200.

[25]) R. M. C., 78 C (р. п., 119—120); въ изд. 1557 г., Mij: Rostow. Упом. 84 B (128). Никон. лѣт., VI, 227, 232—о поставленіи ростовскихъ епископовъ въ 1520 и 1526 гг. Ростовскіе станы и волости упоминаются въ грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича сыну его князю Юрью на городъ Кашинъ, которому и рубежъ съ городомъ Ростовомъ учиненъ, около 1504 г. Собр. гос. гр. и дог., I, № 137, стр. 350.

[26]) 154 вер., по Почт. слов., стр. 284.

[27]) 81 вер., тамъ же, стр. 284; 80 вер., по кн. Б. Ч., стр. 118.

[28]) R. M. C., 68 B (р. п., 105); въ изд. 1557 г., L: Coluga, „da macht man schönes holtzwerch, Schüssln, Trinkgeschier vnd dergleichen“. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 448—449.

[29]) 45 вер., по Почт. слов., стр. 304.

[30]) 50 вер.,—стр. 304; 40 вер. по кн. Б. Ч., стр. 7.

шира. Въ 1531 году на Каширѣ былъ срубленъ деревянный городъ [31]).

Rezan, „область (prouincia), лежитъ между Окою и рѣкою Танаисомъ“; городъ Рязань при р. Окѣ, на юго-востокѣ отъ Москвы, отстоитъ отъ нея на тридцать шесть германскихъ миль [32]). Рязань, какъ и нѣкоторые другіе города на южной окраинѣ Московскаго государства, и въ княженіе Василія Ивановича продолжала служить оплотомъ Москвы противъ татарскихъ набѣговъ. Въ 1512 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ царевичъ Бурнашъ, Менгли-гиреевъ сынъ приходилъ съ войскомъ на Рязань и острогъ взялъ, и къ городу приступалъ, но не могъ его взять и ушелъ. Въ 1521 г. Рязань подверглась осадѣ со стороны огромныхъ полчищъ Магметъ Гирея, о чемъ, какъ извѣстно, сообщаетъ любопытныя извѣстія авторъ Записокъ. Во время этой осады, грозившей совершеннымъ раззореніемъ города, Русскіе, по приказу Іоанна Іордана, начальника артиллеріи, производили удачные выстрѣлы въ непріятеля изъ пушекъ, находившихся въ Рязанской крѣпости [33]).

Тоже въ Рязанской области, недалеко отъ берега Оки, пишетъ Герберштейнъ, „находится деревянный городъ“; въ немъ крѣпость, называвшаяся Ярославомъ (Iaroslavu); „нынѣ существуютъ только слѣды ея.“ Если подъ крѣпостью Ярослава мы будемъ разумѣть кремль Переяславля Рязанскаго или нынѣшней Рязани, то къ этому городу, какъ уже было замѣчено, не можетъ быть относимо извѣстіе о томъ, что во времена Герберштейна сохранились только остатки этого кремля, и, по всей вѣроятности, оно относится къ Старой Рязани, нынѣ селу Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда, на правомъ, высокомъ берегу р. Оки. Это село нѣкогда было главнымъ центромъ

---

[31]) R. M. C., 68 A (p. n., 104, 105); въ изд. 1557 г., L. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 552. Никон. лѣт., VI, 245; 192, 7021 г. (1512 г.): „князь великій Василей Ивановичь всеа Русіи опалу свою положилъ на царя Абдѣлълетнеа за его неправду и велѣлъ у него приставомъ быти и Коширу у него отнялъ“. Коширскій уѣздъ упоминается въ жалованной грамотѣ царя Абдылъ-Летифа Троицкому Песоцкому монастырю, 1512 г., февраля 28; въ жалованной грамотѣ царя Шаалея Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю, 1532 г., ноября 17. А. А. Э., I, № 154, стр. 124; № 175, стр. 146.

[32]) 192 вер., по Почт. слов., стр. 574.

[33]) R. M. C., 65 B, 67 C, 94 C: machinas exonerauit (p. n., 100, 104, 144); въ изд. 1557 г., Kiij об., л. 2 об., O об. Въ изд. 1567 г., стр. CV. Никон. лѣт., VI, 192.

Рязанскаго княженія, мѣстомъ пребыванія старшихъ князей Рязанскихъ и носило имя Рязани, которое перешло къ Переяславлю Рязанскому [34]).

Cassimovugorod, Касимовъ, при р. Окѣ; московскій князь уступилъ этотъ городъ Татарамъ для жительства. Нынѣ Касимовъ уѣздный городъ Рязанской губерніи, къ в.-сѣверо-востоку отъ Рязани, на лѣвомъ берегу Оки. Около 1452 г. городъ этотъ (Городецъ, Городокъ Мещерскій) былъ пожалованъ великимъ княземъ сыну Улу-Мухаммеда, бывшаго хана Золотой орды, Касиму. „Въ дѣйствительности этого пожалованія", говоритъ авторъ изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ, сомнѣваться нельзя, хотя и нѣтъ на него прямыхъ доказательствъ. „Въ пользу его говоритъ и нынѣшнее названіе Городца, переименованнаго (если не при самомъ Касимѣ, то, вѣроятно, вскорѣ послѣ него) въ честь царевича въ Касимовъ, и народное преданіе, живо сохранившееся до селѣ въ памяти жителей города изъ Татаръ, и наконецъ нѣкоторыя, имѣющіяся на то косвенныя, письменныя указанія. Пожалованіе же Касиму Городца положило начало образованію внутри самой земли Русской удѣльнаго Татарскаго ханства, которое, состоя въ прямой зависимости отъ нашихъ государей, поддерживалось болѣе 200 лѣтъ" [35]).

Murom, при р. Окѣ, отстоитъ отъ Нижняго Новгорода на сорокъ миль [36]). Въ двадцати четыретъ миляхъ отъ Владиміра [37]), прямо на востокъ, въ обширныхъ лѣсахъ, въ древности было одно княжество (principatus); народы его назывались Муроманами (Muromani), и область ихъ изобиловала мѣхами, медомъ и рыбою. Муро-

[34]) R. M. C., 65 B. (р. п., 100); въ изд. 1557 г., Kiij об. Исторія Рязанскаго княжества, *Д. Иловайскаго*, М., 1858 г., стр. 256. Рязань Старая „съ волостми и съ отъѣждими мѣсты" упоминается въ договорной грамотѣ князя рязанскаго Ѳеодора Васильевича съ большимъ братомъ его, рязанскимъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, 1496 г., 19 августа. Собр. госуд. гр. и дог., I, № 128, стр. 326. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 383: „въ XIV в. Старая Рязань была уже оставлена".

[35]) R. M. C., 65 A, 67 C (р. п., 100, 104); въ изд. 1557 г., Kiij об., л. 2 об. „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ", *В. В. Вельяминова-Зернова*, ч. I, С.-Пб., 1863 г., стр. 3, 13, 26, 27—о томъ, что побудило великаго князя пожаловать Касиму Городецъ.

[36]) 149 вер., по Почт. слов., стр. 436.

[37]) 122 вер., по Почт. слов., стр. 436, 635 (Владиміръ, Судогда, Муромъ).

манами, очевидно, названо племя Мурома, отъ котораго, вѣроятно, получилъ свое названіе и городъ Муромъ [38]).

Serensko, Серенскъ, городъ на пути изъ Москвы въ Сѣверское княжество, между городами Воротынскомъ и Брянскомъ. Нынѣ деревня Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, въ 21 вер. отъ уѣзднаго города, при рч. Серенѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Жиздру—лѣвый притокъ Оки [39]).

Vuorotin, „княжество (principatus) съ городомъ и крѣпостью того же имени, находится на три мили выше Калуги, недалеко отъ берега Оки". А въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія авторъ упоминаетъ въ числѣ городовъ, черезъ которые протекаетъ Ока, и Воротынскъ, лежащій на пути изъ Москвы въ Сѣверское княжество, между Калугою и Серенскомъ. Въ княженіе Василія Ивановича Воротынскимъ княжествомъ еще владѣлъ одинъ изъ потомковъ Воротынскихъ князей, Іоаннъ; но послѣ нашествія Магметъ Гирея въ 1521 г., великій князь отнялъ у Іоанна его княжество. Нынѣ Воротынскъ—заштатный городъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, на рч. Высѣ, впадающей въ Оку, ниже р. Угры, въ 10 вер. къ юго-западу отъ Калуги, по прямому направленію [40]).

Cirpach (Czirpach), при р. Окѣ, въ восьми миляхъ отъ Каширы [41]). Нынѣ Серпуховъ, уѣздный городъ Московской губерніи, расположенъ на обоихъ берегахъ р. Нары, въ 4 верстахъ отъ впаденія ея въ Оку [42]).

Mosaisko, Можайскъ, „городъ и крѣпость деревянные"; „если идти изъ Москвы къ Смоленску въ юго-западномъ направленіи, то сперва встрѣтится Можайскъ въ восемьнадцати миляхъ отъ Москвы" [43]).

---

[38]) R. M. C., 67 C, 64 B—C (р. п., 104, 99); въ изд. 1557 г., Kiij, л. 2 об. 104, 99.

[39]) R. M. C. 68 C (р. п., 105). Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 575; II, 228. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 115: „А отъ рѣки Угры потекла р. Серена, и пала въ рѣку въ Жиздру".

[40]) R. M. C., 68 B—C (р. п., 105—104). Геогр. стат. словарь Росс. имп., I 558. Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., 115.

[41]) 50 вер., по Почт. слов., стр. 304; 40 вер., по кн. Б. Ч., 118.

[42]) R. M. C., 68 A, 67 C (р. п., 105, 104); въ изд. 1557 г., L: Czierpach; Kiij, л. 2 об. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 576.

[43]) 99 вер., по Почт. слов., стр. 427; 90 вер., по кн. Б. Ч., стр. 119. R. M. C., 71, B, 71 A (р. п., 109, 108); въ изд. 1557 г., Lij об. Геогр. словарь Росс. госуд., ч. III, М., 1788 г., стр. 192: находящаяся нынѣ около города ка-

Columna, Коломна, „на юго-востокъ отъ Москвы или, по другимъ, на зимній востокъ," отстоитъ отъ устья р. Москвы на 3000 шаговъ, въ шести миляхъ отъ Каширы [44]). Нынѣ уѣздный городъ Московской губерніи къ юго-востоку отъ Москвы, въ недальнемъ разстояніи отъ устья р. Москвы. Послѣ нашествія Магметъ Гирея въ 1521 г., въ слѣдующемъ году пришла вѣсть великому князю, что крымскій царь снова собирается въ походъ на Москву. Тогда, сообщаетъ лѣтопись, великій князь Василій съ своею братіею отправился къ Коломнѣ, и здѣсь устроилъ свое войско, уставилъ воеводъ по берегу Оки, и царь Крымскій, услыхавъ о томъ, что великій князь находится въ Коломнѣ, не пошелъ на Русь. Въ 1531 году въ Коломнѣ „былъ додѣланъ каменный городъ" [45]).

Vuolodimeria, Владиміръ, на востокѣ отъ Москвы, большой городъ съ деревянною крѣпостію, бывшій столицею Руссіи; стоитъ между двумя большими рѣками, Волгою и Окою, въ тридцади шести германскихъ миляхъ отъ Москвы [46]). Его омываетъ съ одной стороны Клязьма, а съ прочихъ сторонъ „окружаютъ большіе и пространные лѣса".

Susdali principatus, „Суздальское княжество съ крѣпостію и городомъ того-же имени, а въ нихъ мѣстопребываніе епископа", лежитъ между Ростовомъ и Владиміромъ. Въ то время, когда Владиміръ былъ столицею Московскаго государства, [Суздальское княжество] „считалось между главными княжествами". Въ Суздалѣ находится знаменитый дѣвичій монастырь, въ которомъ была заключена Соломонія. Нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи, на рч. Каменкѣ, въ 5 вер. выше впаденія ея въ р. Малую Нерль—лѣвый притокъ Клязьмы. Въ этомъ городѣ находится монастырь Покровскій, въ которомъ жила и скончалась великая княгиня Соломонія, въ постриженіи Софія [47]).

менная стѣна сдѣлана въ 1541 году, „какъ извѣстно изъ найденной на сѣверныхъ дверяхъ стараго собора надписи: „Лѣта 7049 (1541 г.) дѣлали паперть да и городъ дѣлали".

[44]) 45 вер., по Почт., слов., стр. 304.

[45]) R. M. C., 65 B, 61 A, 68 A (р. п., 100, 94, 104); въ изд. 1557 г., стр. Kiij об., Kij, L. Ист. Рязан. княж., *Д. Иловайскаго*, 246. Никон. лѣт., VI, 228, 245.

[46]) 175 вер., по Почт. слов., стр. 129. R. M. C., 64 B (р. п., 99); въ изд. 1557 г., Kiij.

[47]) R. M. C., 84 A—B (р. п., 128); въ изд. 1557 г., Miij, л. 2 об. и N. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 780; III, 421. „Суздальская земля" упоминается

Msceneck, Мценскъ, „мѣсто болотистое, гдѣ въ древности была крѣпость, слѣды которой существуютъ и нынѣ. Около этого мѣста до сихъ поръ нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и, при наступленіи опасности", убѣгаютъ въ эти болота, какъ въ крѣпость. Изъ Москвы до Мценска, по направленію къ югу, около шестидесяти герм. миль [48]); изъ Тулы почти тридцать [49]). Нынѣ уѣздный городъ Орловской губерніи, при судоходной рѣкѣ Зушѣ, впадающей съ правой стороны въ Оку, въ 25 вер. ниже города [50]).

Odoyovu, Одоевъ, крѣпость, не далеко отъ устья р. Упы. Нынѣ уѣздный городъ Тульской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Упы, впадающей въ Оку съ правой стороны. О немъ находимъ слѣдующее извѣстіе въ лѣтописи, подъ 1512 г. (7020): „мая въ 8 день приде вѣсть великому князю, что крымскаго царя Менглигиреева дѣти Ахматъ Гирей да Бурнашъ Гирей пришли безвѣстно со многими людьми на великаго князя украйны на Бѣлеву, и на Одоевъ, и на Воротынескъ, и на Олексинъ. И князь великій часа того послалъ противу ихъ воеводу и боярина своего князя Даніила Васильевича Щеня и иныхъ воеводъ многихъ. Татарове же, послышавъ великаго князя воеводъ и убоявся, вскорѣ отступиша" [51]).

Tulla, Тула, городъ, „находится почти въ сорока герм. миляхъ отъ Рязани [52]); а отъ Москвы лежитъ къ югу въ тридцати шести миляхъ" [53]). Въ немъ Василій Ивановичъ построилъ каменную крѣпость, черезъ которую протекаетъ рѣка того же имени". Это извѣстіе подтверждается и нашею лѣтописью, подъ 1521 г. Въ этомъ именно году каменный городъ въ Тулѣ былъ оконченъ [54]).

Приведенныя нами имена городовъ Волжскаго бассейна, находящіяся

въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ, 1471 г. Собр. гос. гр. и дог., I, № 20, стр. 27. *Карамзинъ*, VII, пр. 280. Ист. росс. іерархіи, V, М., 1813 г., стр. 583—584.

[48]) 313 вер., по Почт. слов., стр. 437, 678.

[49]) 130 вер.,—стр. 437.

[50]) R. M. C., 67 B (p. п., 103—104); въ изд., 1557 г., Kiij, л. 2 об. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 368; II, 292.

[51]) R. M. C., 66 B (p. п., 102); въ изд., 1557, стр. Kiij, л. 2: Odoiow. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 600; V, 322. Никон. лѣт., VI, 192.

[52]) 149 вер., по Почт. слов., стр. 678.

[53]) 183 вер., тамъ же.

[54]) R. M. C., 66 B (p. п., 102): „Porro oppidum Tulla, etiam Basilij tempore proprium principem habebat"; „in quo [oppido] Basilius Joannis castrum ex lapide construxit"; въ изд. 1557 г., Kiij, л. 2: „da zu Tulla sass auch etwan

въ хорографіи Московіи, составляютъ довольно значительный итогъ— ихъ всего 37; въ иностранныхъ сочиненіяхъ, появившихся въ печати ранѣе Записокъ о Московіи, упоминается всего только 13 городовъ въ предѣлахъ той области Волжскаго бассейна, которая входила въ составъ Московской Руси. Итогъ числовыхъ опредѣленій, относящихся къ тѣмъ же названіямъ, находящимся въ хорографіи, равняется 38, и изъ этого итога только 19 опредѣленій такихъ, которыя, по сопоставленіи ихъ съ современными опредѣленіями, представляютъ разность, не превышающую цифры 50. Замѣчательно вѣрными являются опредѣленія разстояній отъ Костромы до Нижняго Новгорода и отъ Вятки до Казани.

Существеннымъ дополненіемъ къ находящимся въ хорографіи топографическимъ даннымъ относительно Московіи служатъ тѣ данныя, которыя находятся въ составленныхъ авторомъ Записокъ о ней поповерстныхъ описаніяхъ сухопутныхъ дорогъ. Въ описаніи пути отъ литовской границы къ Новгороду, а отсюда къ Москвѣ приведены слѣдующія названія населенныхъ мѣстъ и опредѣленія разстояній между ними:

1) Corsula (Korsola).

2) Opotzka, въ 2 миляхъ отъ Корсулы, городъ съ крѣпостію, при р. Великой. Нынѣ Опочка, уѣздный городъ Псковской губерніи, при р. Великой.

3) Vuoronecz (Woronetz, Voronetz), 8 миль, городъ, стоящій на р. Соретѣ. Нынѣ Воронечь (Вороничи на картѣ Геогр. Общества), пригородъ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, въ 35 вер. къ сѣверу отъ уѣзднаго города, при р. Соротѣ.

4) Fiburg, 5 миль. Быть можетъ Выборъ, погостъ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, въ 47 вер. отъ уѣзднаго города, при р. Выборкѣ, въ 25 вер. къ сѣверу отъ пригорода Вороничи.

5) Vuolodimeretz, „городъ съ крѣпостцой, почти 3 мили“. Нынѣ Владиміречъ погостъ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, въ 44 вер. къ востоку отъ уѣзднаго города, на правомъ берегу рч. Лиственки, притокѣ Черехи [55]) (она впадаетъ въ р. Великую, близъ Пскова).

---

ain aigner Fürsst“; „dahin hat der Basilius, darbey ich gewest, ain gemaurt Schloss gebaut“. Никон. лѣт., VI, 227. Ср. стр. 208 (1517. г.)

[55]) R., M. C., 139 C — 140 A (р. п., 208). Въ изд. 1557 г., Tiij, л. 2 об. „Opotzka ain Hültzen Schloss auf ainem gespitzten Perg, wie ain Kegl, vnd vil

6) Brod, „домъ одного поселянина, также 3 мили". Есть селеніе Бродъ (на к. Стрѣльбицкаго и Шуб., № XVIII), въ 17 вер. къ сѣверу отъ Владиміра, Порховскаго уѣзда.

7) Parcho, „городъ съ крѣпостью, стоящій на р. Шелони". Нынѣ Порховъ, уѣздный городъ Псковской губерніи, въ 103 вер. къ востоку отъ Пскова, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Шелони.

8) Oроса (Опока) село, „подъ которымъ р. Видоха впадаетъ въ Сухону", 5 миль. Нынѣ селеніе Опока, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи, въ 22 вер. къ сѣверу отъ Порхова.

9) Reisch, село, 5 миль. Быть можетъ селеніе Райцы, Порховскаго уѣзда, въ 27 вер. къ востоку отъ Опоки.

10) Dvuerenbutig (Dwerenbutig, Dherenbutig), селеніе, 5 миль. „Полмили ниже его Пшега, принявъ въ себя рѣку Струпинъ, впадаетъ въ Шелонь". Быть можетъ селеніе Требутицы (на картѣ Стрѣльбицкаго; а на к. Шуб., № XVIII, Тербутица), Новгородской губерніи и уѣзда, въ 35 вер. отъ селенія Райцы, въ 40 вер. на западъ отъ Новгорода, въ 8 вер. выше устья р. Мшаги, близъ р. Струпина.

11) Sotoki, „домъ простолюдина, 5 миль". Нынѣ селеніе Сутоки (на к. Стрѣльбицкаго и Шуб. № XVIII), Новгородской губерніи и уѣзда, въ 27 вер. на востокъ отъ Требутицъ [56]).

12) Nouogardia magna (Новгородъ Великій).

13) Beodnitz (Beodwitz, Brodnitz), 4 мили. Вѣроятно Броницы селеніе Новгородской губерніи и уѣзда, при р. Мстѣ, въ 25 вер. къ в. юго-востоку отъ Новгорода.

14) Seitskovu (Seitskow, Seitzkhow), за р. Нишею, 6 миль. Нынѣ ямъ Зайцово, Новгородской губерніи, на главномъ почтовомъ трактѣ, отъ гор. Крестецъ въ 31 вер., отъ Новгорода въ 62 вер.

15) Harosczi (Haroschi, Harostzy), за р. Калахаю, 7 миль.

Heuser darunder". Стр. V: Woronetz. F. r. A., I, 115: Korsola. На к. *Стрѣльбицкаго*, № 28, въ 20 вер. къ югу отъ Опочки селеніе Кореселки. На стр. 16: Voronetz, Volodimeretz. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 658 (Опочка); I, 556 (Воронечь); 569 (Выборъ); 529 (Володимірецъ). Hydrogr. d. Russ. Reiches, *Stuckenberg*, I, 312 (Череха).

[56]) R. M. C., 140 A—B (p. п., 208—209). Въ изд. 1557 г., V: Dwerenbutig. F. r. A., I, 116: Dherenbutig. Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 188.

Быть можетъ Крестцы, нынѣ уѣздный городъ Новгородской губерніи, къ в.-юго-востоку отъ Новгорода, по Московскому шоссе, на лѣвомъ берегу р. Холовы (притокъ р. Мсты).

16) Oreat Rechelvuitza (Oreat Rechelwitza, Oreat Rechelwitzkha), на р. Паламитѣ. Быть можетъ Яжелбицы, село Новгородской губерніи, на главной почтовой дорогѣ, отъ города Валдая въ 21 верстѣ.

17) Chotilovua (Chotilowa), 7 миль. Нынѣ ямъ Хотилово, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

18) Vuoloschak (Voloschak, Volotzackh). Нынѣ Вышній-Волочекъ, уѣздный городъ Тверской губерніи, отъ Хотилова въ 36 верстахъ.

19) Vuedrapusta, городъ, 7 миль. Нынѣ Выдропускъ, село Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, по Московскому шоссе, въ 35 вер. къ с.-сѣверо-западу отъ уѣзднаго города, на обоихъ берегахъ р. Тверцы, въ 33 вер. отъ Вышняго Волочка.

20) Dvuerschak (Dworsackh, Duorsagkh), 7 миль. Нынѣ Торжокъ, уѣздный городъ Тверской губерніи, въ 38 вер. отъ Выдропуска [57]).

21) Ossoga, городъ. Нынѣ сельцо Осуга (Осужное) Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи, при впаденіи р. Осуги въ Тверцу, въ 26 вер. отъ уѣзднаго города.

22) Medina, 7 миль. Нынѣ село Мѣдное Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, при р. Тверцѣ и рч. Рудницѣ, въ 32 вер. отъ уѣзднаго города, на С.-Петербурго-Московскомъ шоссе.

23) Tvuer, Тверь.

24) Gerodin, городъ, стоящій на Волгѣ. Нынѣ село Городня, при р. Волгѣ, Тверской губерніи и уѣзда, вы 29 вер. отъ Твери, на Московскомъ шоссе.

25) Schossa, 3 мили.

25) Dschorno, почтовый домъ, 3 мили. Быть можетъ деревня

---

[57]) R. M. C., 140 B — 141 A (р. п., 209—210). Въ изд. 1557 г., V и об. Beodwitz, Seitskhow, Haroschi, Oreat Rechelwitza, Chotilowa, Voloschak, Dworsackh, „ist ain Stätle". F. r. A., I, 118—119: Brodnitz, Seitzkhow, Harostzy, Oreat Rechelwitzkha, Volotzackh, Duorsagkh, „ain Statl an der Tfertza". Почт. слов., 78, 245, 355, 749, 157. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 317; II, 787; I, 570. *Stuckenberg*, I, 412, 349.

Шорново, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, при колодцахъ, въ 24 вер. отъ уѣзднаго города, на С.-Петербурго-Московскомъ шоссе изъ гор. Клина въ гор. Тверь.

27) Clin, городъ, стоящій на р. Янугѣ, 6 миль. Нынѣ уѣздный городъ Московской губерніи, къ сѣверо-западу отъ Москвы, при р. Сестрѣ, по С.-Петербурго-Московскому шоссе.

28) Piessack, почтовый домъ, 3 мили. Быть можетъ слобода Пешки, Московской губерніи и уѣзда, на С.-Петербургскомъ шоссе, при колодцахъ въ 49 вер. отъ губернскаго города.

29) Schorna, при р. того же имени, 6 миль. Нынѣ деревня Черная грязь, Московской губерніи и уѣзда, на С.-Петербургскомъ шоссе, при рч. Черной и колодцахъ, въ 30 вер. отъ губернскаго города.

30) Moscovuia, городъ, 3 мили [58]).

XLII.

Извѣстія Герберштейна о сосѣднихъ съ Московіею земляхъ. — Швеція (Svuetia).—Стокгольмъ (Стекольна).—Племена, обитающія въ Швеціи.—Готы.—Норвегія (Nortvuegia).—Происхожденіе этого имени.—Ливонія (Livuonia prouincia) — Курляндія (Khurland). — Гор. Рига, Ревель (Revualia, Колывань), Деритъ (Juryovugorod), Нарва (Nervua). — Государственный бытъ Ливоніи. — Раздѣленіе ея на три трибы.—Ежегодныя переселенія сюда Нѣмцевъ изъ Германіи.

Описаніе Литвы.—Черкасы (Circassi). — Населеніе Волыни. — Положеніе крестьянъ въ Литвѣ.—Злоупотребленія правителей и судей. — Магнаты, ихъ права и обязанности.—Самогиты. - Ихъ одежда, жилища, занятія и религія.

О сосѣднихъ съ Московіею земляхъ, Швеціи, Ливоніи, Литвѣ и Татаріи Герберштейнъ сообщаетъ свѣдѣнія болѣе обстоятельныя, чѣмъ тѣ, какія находятся въ сочиненіяхъ его ближайшихъ предшественниковъ.

Швеція (Svuetia), пишетъ онъ, „сопредѣльная владѣніямъ московскаго [князя] соединена съ Норвегіею и Скандіею также, какъ Италія съ Неаполитанскимъ королевствомъ и Пьемонтомъ, и почти

[58]) R. M. C., 141 A—B (р. п., 210). Въ изд. 1557 г., V об. F. г. A., I, 120. Сп. насел. мѣстъ. Твер. губ., обраб. *И. Вильсонъ*, С.-Пб., 1862 г., № 7867 (Осуга), № 7530 (Мѣдное), № 328 (Городня). Москов. губ., обраб. *Е. Огородниковъ*, С.-Пб., 1862 г., № 3507 (Шорново), № 481 (Пешки), № 474 (Черная грязь).

со всѣхъ сторонъ омывается моремъ Балтійскимъ, потомъ океаномъ и тѣмъ [моремъ], которое нынѣ мы называемъ Ледовитымъ. Швеція, въ которой столица—Голмія (Holmia), называемая туземцами Стокгольмомъ (Stockolm), а Русскими—Стекольна (Stecolna), есть весьма обширное королевство и заключаетъ много различныхъ національностей, между которыми славны воинскою доблестью Готы (Gotthi), раздѣляющіеся на Остроготовъ (Ostrogothos), то есть восточныхъ, и Вестроготовъ (Vestrogothos), то есть западныхъ Готовъ, по положенію странъ, въ которыхъ они живутъ: оттуда выходили они и привели въ ужасъ вселенную, какъ [объ этомъ] передали памяти многіе писатели".

„Норвегія (Nortvuegia), которую иначе называютъ Нортвагіей (Nortvuagia), на длинномъ протяженіи граничитъ съ Швеціей и омывается [съ другой стороны] моремъ. Также какъ послѣдняя получила имя отъ Sud, то есть юга, такъ Норвегія отъ Nort, то есть сѣвера, куда она обращена. Ибо Германцы дали свои собственныя названія четыремъ странамъ свѣта и по нимъ называли обращенныя къ нимъ страны. Такъ, Ost означаетъ востокъ: отсюда Австрія, которую Германцы собственно называютъ Osterreich. Vuest [значитъ] западъ: отсюда Вестфалія. Точно также отъ Sud и Nord, какъ сказано, [прозвались] Svuetia и Nortvuegia" [1]).

Ливонская область (Livuonia prouincia), по извѣстіямъ Герберштейна, тянется по берегу [Балтійскаго] моря, и изъ отдѣльныхъ

---

[1]) R. M. C., 116 A—C (р. п., 173—174); см. также 114 B—C (171). Въ изд. 1557 г., Qiij и об. „Schwedn das Khünigreich, wie gesagt, an des Mascouiter gepiet rainend, und nach dem Moer gegen Leifland, Samaitn vnnd Preissen vber, hintzt an Sconland dan für Sconland, so geet das neben Nortwedn ainen langen strich, hintzt zu dem Moer, das man das gefrorn Moer wil haissen, und wider herumb zu dem Moscouithischen gepiet, da die Duna in das Moer felt, seind wol etliche stuckh der lender gegen der Duna die baiden Herrn Schwedn vnd Moscouiter Zinsspar oder Tributarij seind. Schwedn ist khain Innsl, als etlich vermaint vnd geschrieben haben, es ist ain gros stuckh Erdtrichs des von dem flusz Duna, die Finlappen, wilde Lappen, vnd Nortweden, Gotn, Sconland und Schweden, hintzt widerumb mit Finland an des Moscoviter gepiet mit dem Moer vmbgeben ist, in massen wie das Walhisch Land, sambt Neapolis rc. In den stuckh seind Schwedn, vnd Nortweden, zway Khünigreich, darin seind die Gotn, welche hieuor auch sonder Khünig gehabt. Nunmals vndter Schwedn, Sconland, ist auch an dem stuckh des Vesten Land Schweden anhengig, yetzo dem Khünig zu Dennmorckt gehorsamb. Die Haubtstat in Schweden ist Stokholm, Lateinisch Holmia, Moscouitisch Stecolna genent"...

частей ея онъ называетъ одну только Курляндію (Khurland)—имя, „безъ сомнѣнія, происходящее отъ Куретовъ“ (Curetos). Въ Ливоніи много городовъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчателенъ городъ Рига, при рѣкѣ Двинѣ, недалеко отъ ея устья. Ригою—столицею Ливоніи—владѣетъ магистръ Тевтонскаго ордена; въ ней, кромѣ архіепископа рижскаго, есть еще епископы ревельскій и эзельскій (revualiensis et ossiliensis).

Авторъ Записокъ называетъ также слѣдующіе города въ той же области: Revualia (Ревель), называемый Русскими Rolivuan (вѣроятно, опечатка, Колывань); Derbt (Дерптъ), [Русскими] называемый Juryovugorod (Юрьевъ городъ); Nervua (Нарва)—крѣпость.

„Государь этой области, орденскіе братья, изъ которыхъ главные называются коммандорами (commendatores), также знатные господа и граждане почти всѣ — Германцы. Народъ (plebs) говоритъ на трехъ языкахъ и потому раздѣляется на три части или трибы. Изъ германскихъ княжествъ: Юлихскаго, Гельдернскаго и Мюнстерскаго (Juliacensi, Geldrensi et Monasteriensi) ежегодно выводятся [туда] новые служители и воины; изъ нихъ часть поступаетъ на мѣсто умершихъ, а другая на мѣсто тѣхъ, которые отпускаются на родину, по окончаніи годичнаго [срока своей] службы. Конница ихъ сильна и многочисленна; она до сихъ поръ доставляла имъ возможность доблестно защищаться и храбро отражать непріятельскіе набѣги на ихъ земли, какъ короля польскаго, такъ и великаго князя московскаго“ [2]).

---

[2]) R. M. C., 114 B — 115 A, 75 C (р. п., 171 — 172, 115). На стр. 114 C: „Livuonia prouincia in longitudine secundum mare protenditur“; 114 A — B: упомянувъ о морѣ Балтійскомъ, авторъ перечисляетъ лежащія близъ береговъ этого моря страны: Самогитію, Курляндію, Ливонію, области, принадлежавшія московскому князю, Финляндію, находящуюся подъ властью Швеціи, и затѣмъ продолжаетъ: „Ab altera autem parte Svuetiam contingit“. Очевидно, авторъ Записокъ ясно отличаетъ восточный и западный берегъ Балтійскаго моря. Въ изд. 1557 г., Qij об. „Refl nennen die Reissen Coliwan, Derbt nennen sy Ivriowgorod“; M. На стр. Qij об. „Nachdem die Maister Teutsch Ordens, als Fürsten im Land sein, vnd die Comentheurn als Landtherrn vnd mitglider der Regierung, gleichwol seind ander angesessen Landleut, die erbliche gueter haben, dartzue die Burger in stetten, seind vasst alle Teutsch, so fuert man gemainiglichen alle Jar aus Gülich, Cleff, Geldern vnd Münster neue diener, Khriegsleut vnd Reiter in das Land, vnnd die jenige so weitter im Land zu dienen nit willens, fuert man auch wider aus, halten ain grossen gerassigen zeug, sitzen allenthalben an die Lithische vnd Moscouitische gepieten, haben sich noch bissheer

Указаніе на то, что народъ въ Ливоніи говоритъ на трехъ языкахъ и распадается на три трибы, подъ которыми, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть Эстовъ, Ливовъ и Куровъ, находится, вѣроятно, въ связи съ географическимъ дѣленіемъ Ливонской области на три части, о чемъ упоминаетъ и хроника Рюссова; но оно не имѣетъ научнаго филологическаго и этнографическаго значенія. Иностранныхъ писателей XVI в. очень мало занимали племенныя особенности коренныхъ обитателей Ливоніи и потому, что весьма естественно, и свѣдѣнія о нихъ отъ этого времени отличаются скудостію и сбивчивостію [3]).

---

also bey den yerigen erhalten. Es ist ain vnmässlichs vnd bedrangts trinckhen der ortten".

[3]) „Scriptores rerum Livonicarum", 2-er Band, Riga und Leipzig, 1848 г., Chronica der prouintz Lyflandt dorch *Balthasar Russowen*, стр. 9: „Dyth gantze Landt ys erstlick in dre höuet Prouintzen gedeelet, als in Estlandt, Letlant vnde Chuflandt, welckere darna andere sunderlike Lande in sick begrypen". „Прибалтійскій сборникъ матеріаловъ и статей, по исторіи Прибалтійскаго края", т. 2, Рига, 1879 г., отд. I, стр. 168. О племенахъ Ливоніи см. „Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen" von *A. v. Richter*, Th. I, B. 1, Riga, 1857, стр. 47—49: I. Vom Lettischlitthauischen Stamme: 1) im westlichen Kurland bis zur Windau die Wenden; 2) die Kuren, östlich von den Wenden; 3) die Semgallen, südöstlich von den Kuren; 4) die Selen, südöstlich von den Semgallen, längs der Düna; 5) die Letten oder Lettgallen, nördlich von der Düna. II. Esthnisch-finnischen Stammes: 1) die Liven, von beinahe der Windau bis zur Pernau; 2) die Esthen. Прибалт. Сборникъ, т. I, Рига, 1876 г., стр. 20—22. Тамъ же, т. II, Рига, 1879 г., отд. I, стр. 16 и слѣд., „Орденъ меченосцевъ", ст. доктора *Ф. Г. Бунге* (изъ „Baltische Geschichtsstudien", 2-te Lieferung, Leipzig, 1875 г.), стр. 28: „Къ концу существованія ордена упом. командоръ венденскій, по имени Реймундтъ. Это, впрочемъ, вѣроятно, только другое названіе должности провинціальнаго магистра"... Стр. 38: „Провинціальные магистры" были, вѣроятно, „высшіе административные чиновники своего округа". Въ вышеуказанномъ трудѣ Рихтера, ч. 1, т. I, стр. 233: „Die grossern Ordenshäuser, in denen bisweilen bis siebzig Ritter vereinigt waren, standen unter Aufsicht von Comthuren" (Commendatores)...

„Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ", академика *Ф. И. Видемана*, прилож. къ XVIII т. Зап. Ак. Наукъ, № 2, С.-Пб., 1870 г., стр. 6—7: „у лѣтописца *Генриха* ясно видна разница между Livonia и Letthia"; „впослѣдствіи Livonia означаетъ уже цѣлую область съ троякимъ населеніемъ (Ливами, Латышами и Эстами), и имя Ливовъ почти совершенно исчезаетъ до новѣйшаго времени, когда на этотъ небольшой народъ опять обратили нѣкоторое вниманіе, а подъ именемъ Лифляндца разумѣли вообще жителя этой области, не принимая въ соображеніе его національности". Стр. 34 и слѣд. сводъ извѣстій о Ливахъ; на стр. 66 — 67 извѣстія *Гильбера де Ланноа* (1413 г.) и *Помпонія Сабина* (1480 г.) въ Commentarii ad Virgilium (Basil., 1544 г., стр. 185)— о Курахъ и Ливахъ.

Краткое описаніе Литвы, какъ области, „весьма близкой къ Московіи“, авторъ Записокъ начинаетъ съ географическаго опредѣленія имени Литвы, подъ которою, пишетъ онъ, разумѣется не одна только область, но и страны, къ ней прилежащія; она „тянется длинною полосою (longo tractu) отъ города Черкасъ, который стоитъ на Борисѳенѣ, до самой Ливоніи“. Затѣмъ излагаемыя извѣстія о Литвѣ не даютъ яснаго понятія о народахъ, населявшихъ въ XVI в. великое княжество Литовское. Правда, Герберштейнъ зналъ, что значительная часть этого княжества населена Русскими; но какая именно—онъ не опредѣляетъ и даже вовсе не упоминаетъ о Бѣлоруссахъ. Малороссы же были ему извѣстны подъ именемъ Черкасъ (Circassi). Они—Русскіе, замѣчаетъ онъ, живутъ по Борисѳену и отличаются отъ тѣхъ Черкасовъ, которые живутъ въ горахъ у Понта. Къ той же вѣтви русскаго народа относится еще одно любопытное замѣчаніе: „Волынь (Vuolinia) изъ всѣхъ княжествъ Литвы населена самымъ воинственнымъ народомъ“ [4]).

Неоднократно упоминая о Литовцахъ, Герберштейнъ не сообщаетъ, однако, никакихъ указаній относительно области, которую они населяли въ XVI в., и относительно быта племенъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, ограничивается замѣтками о тяжкомъ положеніи ихъ, о крайней зависимости простаго народа отъ господъ. Народъ въ Литвѣ, сообщаетъ авторъ Записокъ, „бѣденъ и угнетенъ тяжкимъ рабствомъ, ибо всякій, у кого въ распоряженіи толпа слугъ, можетъ войти въ домъ поселянина, безнаказанно дѣлать, что̀ угодно, похищать и истреблять вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ и даже жестоко бить [самого] крестьянина“. „Съ пустыми руками крестьянъ не пустятъ къ ихъ господину ни за какимъ дѣломъ; если даже они и будутъ допущены, то ихъ [все таки] отошлютъ къ управителямъ (ad officiales et praefectos), которые безъ подарковъ ничего добраго не сдѣлаютъ. Это отношеніе не только къ людямъ низшаго класса, но и къ благороднымъ, когда они желаютъ получить что̀ нибудь отъ вельможъ“. „Я слышалъ отъ одного первостепеннаго чиновника при молодомъ королѣ такое выраженіе: „въ Литвѣ всякое слово стоитъ золота“. Королю [крестьяне] платятъ подать на защиту границъ государства; господамъ обязаны работать шесть дней

[4]) R. M. C., 103 C, 109 A (р. п., 157, 165); въ изд. 1557 г., P 6б.

въ недѣлю, кромѣ оброка (praeter censum); наконецъ, въ случаѣ свадьбы или похоронъ жены, также при рожденіи или смерти дѣтей, должны платить извѣстную сумму денегъ приходскимъ священникамъ (это дѣлается во время исповѣди)". „Со временъ Витольда до самыхъ нашихъ дней [крестьянинъ] держатъ въ столь жестокомъ рабствѣ, что если кого приговорятъ къ смерти, то, по приказанію господина, [крестьянъ] долженъ самъ исполнить приговоръ надъ собою и повѣсить себя собственными руками; а если онъ откажется [исполнить приговоръ], то его жестоко высѣкутъ, истерзаютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и все таки повѣсятъ". „Вслѣдствіе такой строгости бываетъ и такъ: судья или назначенный на этотъ случай начальникъ погрозитъ замѣшкавшемуся рабу или только скажетъ: „Торопись, господинъ гнѣвается", и несчастный [крестьянинъ], страшась жестокаго тѣлеснаго наказанія, поканчиваетъ свою жизнь петлей" [5]).

Печальное состояніе крестьянства въ Литвѣ объясняется извѣстіями того же автора о магнатахъ, объ ихъ военныхъ обязанностяхъ и правахъ. Если, пишетъ онъ, „съ какой либо стороны угрожаетъ имъ война, и они должны оборонять свое достояніе отъ насилія непріятелей, то они являются на призывъ въ великолѣпномъ убранствѣ (magno apparatu), болѣе съ цѣлью похвастать, чѣмъ для войны; но скоро послѣ набора они и расходятся. Если кто и остается, то идетъ въ походъ какъ бы по принужденію, съ небольшимъ ко-

---

[5]) R. M. C., 109 A — C (р. п., 165—166). Въ изд. 1557 г., Piij, л. 2: der Vndterthon thar zu seimen Herrn on ain verehrung nit khumen, so sy dan bringen, schafft man die an die Namestnicki, das seind Phleger oder die ansehenlicher aber recht genent Stathalter, den müssen sy auch geben. Solches ist auch nit allain vndter den Paurn, ja die armen Edlleut, wan sy zu den mechtigen khumen one gaben, werden selten gehört, oder fürgelassen. Ich hab von ainem Khünigclichen Hofmaister gehört, der sprach, ain jeglich wort in Litten ist gold, also zuuersteen, man hört khain, man fürdert khain, on gab. Die armen leut geben dem Khünig oder Grossfüsten järlichen den vierdung, nemen sy zwelff groschen von ainer hueben, die gränitzen daruon zubewaren, jren Herrn den ordenlichen Zinss. Wan dann der Herr gesst oder Hochzeit hat, gehn Hoff oder anderstwohin raysen soll, legt man auf ain Dorff souil Gens, Huener, Lemper oder anders. Sechs tag in der wochen dem Herrn arbaitten. Darumb seind gemainigclichen zween wirdt im hauss, der ain dem Herrn, der ander für das hauss arbait, dem Pfarrer muss er geben, wan es ain weib nimbt, oder jme die stirbt, wan jme ain kind geborn wirdt oder stirbt, dan zu der peicht, das gleich ainen verwundern oder für vnglaublich halten sol, wie die armen also bleiben mügen. Morgen so hebt der Tater oder Moscouiter den mit weib vnd khind, es ist ein so shwäre dienstpezkhait vber das arm volckh".

личествомъ лошадей и одеждъ, отославъ домой все лучшее, съ чѣмъ явился для записыванія (quibus instructi nomina dederunt). Впрочемъ, магнаты, которые обязаны посылать на войну извѣстное число воиновъ на свой счетъ, откупаются, давая деньги вождю, и остаются дома,—и это вовсе не считается безчестнымъ, ибо начальники ополченія и вожди публично объявляютъ на сеймахъ и въ лагерѣ, что если кто хочетъ заплатить, тотъ можетъ быть уволенъ отъ службы и возвратиться домой. У нихъ такая свобода дѣлать все, что̀ угодно,—что они не пользуются, а злоупотребляютъ своею безграничною вольностію; они владѣютъ незаложенными имѣніями королей, такъ что короли, пріѣзжая въ Литву, не могутъ жить тамъ на собственные доходы безъ помощи провинціальныхъ жителей“ [6]).

Ближайшею областью къ Литвѣ была, по указаніямъ автора Записокъ, Самогитія. Она, пишетъ онъ, „лежитъ на сѣверѣ у Балтійскаго моря и на пространствѣ четырехъ германскихъ миль, тянется между Пруссіей и Ливоніей“. Затѣмъ упомянувъ о томъ, что въ Самогитіи нѣтъ замѣчательныхъ городовъ и крѣпостей, авторъ Записокъ сообщаетъ о Самогитахъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыя могутъ служить дополненіемъ къ тому, что̀ было сообщено о нихъ Энеемъ Сильвіемъ, Матвѣемъ Мѣховскимъ и что̀ было внесено и въ космографію Мюнстера. Вообще въ исторической литературѣ этому племени посчастливилось; западно-европейскіе писатели весьма охотно сообщали о немъ свѣдѣнія, вѣроятно, потому, что оно, по ихъ извѣстіямъ, являлось въ средѣ народовъ европейскихъ единственнымъ племенемъ, упорно сохранявшимъ язычество и стоявшимъ на очень низкой степени развитія. Такими изображаетъ ихъ и Герберштейнъ. Они, пишетъ онъ, „носятъ плохую одежду, по большей части, пепельнаго цвѣта, живутъ въ низкихъ, но очень длинныхъ хижинахъ; огонь въ нихъ сохраняется по срединѣ, и отецъ семейства, сидя у огня, видитъ свой скотъ и всю домашнюю утварь. Ибо они обыкновенно держатъ скотъ подъ той же крышей, подъ которой живутъ

---

[6]) R. M. C., 105 A—B (p. н., 159); въ изд. 1557 г., Pij об. „vnd geet also zue, das sy sich der gucte jrer Fürsten vud Freyhaiten nicht allain prauchen, sonder missprauchen. Sy haben der Fürsten einkhomen so gar in jren henden ain zeit gehabt. Also wan der Khünig Sigmund in dasselb Land khumen ist, sein aigen gelt des mit brachr ward, zeren müste, allain die Herrn oder Landleuten hetten was auf guctem willen dargeben“.

сами, безъ всякой перегородки. Большая часть ихъ употребляетъ также буйволовы рога вмѣсто чашъ. Это люди смѣлые и воинственные" (ad bellum prompti). Землю пашутъ не желѣзомъ, а деревомъ. Въ Самогитіи „много язычниковъ, которые держатъ у себя въ домахъ, какъ пенатовъ, какихъ-то змѣй" [7]).

XLIII.

Населенныя мѣста, находившіяся, по извѣстіямъ Герберштейна, въ предѣлахъ княжества Литовскаго.—Гор. Витебскъ (Vuitepsko), Полоцкъ (Polotzko), Гродно, Вильна (Vuilna), русскія церкви въ ней, Дубровна (Dobrovuna), Орша, Могилевъ на р. Днѣпрѣ, Кіевъ, развалины нѣкогда въ немъ находившихся древнихъ зданій, замѣтки о нѣкоторыхъ постановленіяхъ, обязательныхъ для торговыхъ людей, пріѣзжающихъ въ Кіевъ, Каневъ (Cainovu), Черкасы (Circassos), Мстиславль (Mstislavu), Борисовъ (Borisovuo), Бобруйскъ (Bobranzko), Мозырь (Mosier).

Пути сообщенія отъ границы Литвы съ Польшей къ литовскимъ границамъ съ Московіей и населенныя мѣста, находившіяся на этихъ путяхъ.—Населенныя мѣста, находившіяся въ предѣлахъ Польши.

Въ описаніи Литвы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорографіи Герберштейнъ упоминаетъ о слѣдующихъ городахъ, находившихся въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго:

Vuitepsko, Витебскъ, при р. Западной Двинѣ; Polotzko, Полоцкъ, на берегу той же рѣки; Grodno, при р. Нѣманѣ.

Vuilna, Вильна—столица Литвы. „Это обширный городъ, расположенный между холмами, при сліяніи рѣкъ Виліи и Вильны". „Вильна окружена нынѣ стѣною. Въ ней строятся многіе храмы и каменныя зданія, и находится епископская каѳедра". Здѣсь же—„приходская церковь и нѣсколько монастырей; въ особенности замѣчательна (excellit) обитель францисканoвъ, постройка которой обошлась весьма дорого. Однако, въ Вильнѣ гораздо больше русскихъ храмовъ, чѣмъ церквей римскаго исповѣданія" [1]).

---

[7]) R. M. C., 113 A—C (р. п., 168—169). См. ст. мою въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1880 г., ч. CCXI, сентябрь, „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи—Себастіана Мюнстера", стр. 69—74. R. M. C., 105 C (р. п., 160)—о Пруссахъ (Pruthenі): „нѣкогда подвластные Тевтонскому ордену (нынѣ они состоятъ въ наслѣдственномъ владѣніи маркграфа бранденбургскаго Альберта, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложилъ съ себя крестъ и орденскіе [обѣты] и подчинился королю польскому), отдѣляются отъ Самогитовъ Кронономъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ впадаетъ въ Германское море: тамъ стоитъ городъ Мемель".

[1]) R. M. C., 72 C, 105 C, 107 A, 105 B (р. п., 111, 160, 162); въ изд. 1557 г.,

Этотъ любопытный отзывъ Герберштейна подтверждается новѣйшими изслѣдованіями по исторіи Вильны. Не смотря на явившееся вслѣдъ за основаніемъ въ 1469 г. Бернардскаго монастыря запрещеніе строить новыя и поддерживать старыя православныя церкви, въ началѣ XVI вѣка, замѣчаетъ профессоръ Васильевскій, „въ Вильнѣ еще было четырнадцать [православныхъ] церквей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одна грамота Александра Казиміровича, данная имъ (въ 1506 г.) извѣстному Михаилу Глинскому, по званію душеприкащика кіевскаго воеводы Путятича. Въ грамотѣ кіевскаго митрополита Іосифа, относящейся къ 1511 году, поименовано также четырнадцать церквей; о многихъ изъ нихъ прямо сказано, что онѣ существовали при предшественникахъ Іосифа, русскихъ митрополитахъ XV столѣтія". Къ постройкѣ стѣны вокругъ Вильны приступили въ 1498 г., и черезъ пять лѣтъ было обнесено стѣною „то пространство города, которое не было защищено природою", а именно западная и сѣверная часть его [2]).

Dobrovuna, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 20 миляхъ отъ Смоленска. Нынѣ Дубровна, мѣстечко Могилевской губерніи, Горецкаго уѣзда, по почтовому тракту изъ Орши въ Смоленскъ, въ 93 вер. отъ него.

Orsa (Orscha), въ 6 миляхъ отъ Могилева, въ 4 мил. отъ Дубровны. Нынѣ Орша уѣздный городъ Могилевской губерніи, въ 72 вер. отъ Могилева, въ $16^1/_2$ вер. отъ Дубровны.

Mogilevu (Mogilef), въ 25 мил. отъ Бобруйска. Нынѣ Могилевъ на Днѣпрѣ, губернскій городъ, въ 111 вер. отъ Бобруйска [3]).

Chiovuia, Кіевъ, „древняя столица Руссіи. Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно царскимъ [городомъ]. И теперь еще на сосѣднихъ горахъ видны слѣды церквей и опу-

---

Liij об., Piij об., Pij об. Гродно упом. на стр. 138 A, 142 A, 152 C (р. п., 205, 211, 227). Вильна упом. на стр. 138 B, 142 B, 151 C (р. п., 205, 212, 226).

[2]) „Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію *П. П. Батюшковымъ*". Вып. V, Петербургъ, 1872 г., „Очеркъ исторіи города Вильны", *В. Г. Васильевскаго*, стр. 23, 26—30.

[3]) R. M. C., 104 C, 121 C, 72 B (р. п., 159, 182, 110); въ изд. 1557 г., Pij: Dobrowna; Rij об., Liij: Orsa. Почт. слов., по изд. 1820 г., стр. 490: отъ Орши до Краснаго 65 вер., 351: отъ Краснаго до Смоленска 46 вер., 218: отъ Орши до Дубровны $16^1/_2$ вер. Дубровна—между Оршею и Краснымъ.

стѣвшихъ монастырей; кромѣ того, много пещеръ, въ которыхъ видны весьма древнія гробницы и въ нихъ еще не истлѣвшія тѣла". Кіевляне имѣютъ законъ, „по которому имущество умершихъ [въ Кіевѣ] иностранныхъ купцовъ отходитъ или королю, или его намѣстнику, что̀ соблюдается также у Татаръ и Турокъ въ отношеніи умершихъ у нихъ Кіевлянъ. У Кіева есть одинъ холмъ, черезъ который купцы должны проѣзжать нѣсколько трудною дорогою; если при въѣздѣ на него сломается какая нибудь часть повозки, то вещи, которыя были везены въ повозкѣ, поступаютъ въ казну. Все это мнѣ разсказывалъ господинъ Альбертъ Гастоль, палатинъ виленскій и намѣстникъ короля въ Литвѣ".

Эти извѣстія находятъ себѣ подтвержденіе въ уставной великокняжеской грамотѣ Александра, 1499 г., мая 14, кіевскому войту и мѣщанамъ: „Тежъ повѣдалъ намъ Юрей Пацевичъ, штожъ которыи купцы коли ѣдутъ съ Кіева и возы свои товаромъ тяжко накладываютъ, для мыта, ижъ бы возовъ меншей было; и въ котораго купца возъ поломится съ товаромъ, на одну сторону по Золотыи ворота, а на другую сторону по Почайну рѣку, ино тотъ возъ съ товаромъ биривали на воеводу кіевскаго: и мы тое врядили по старому, какъ и передъ тамъ бывало" [4]).

Cainovu, въ 7 миляхъ отъ Черкасъ, вверхъ по Борисѳену, въ 18 миляхъ отъ Кіева. Нынѣ Каневъ, уѣздный городъ Кіевской губерніи, въ 51 вер. отъ Черкасъ, къ югу-востоку отъ Кіева, въ 90 вер. отъ него, по прямому направленію [5]).

Circassos, отъ него до Перекопа 40 миль. Нынѣ Черкасы, уѣздный городъ Кіевской губерніи на обоихъ берегахъ р. Днѣпра, въ 370 вер. отъ Перекопа, по прямому направленію.

---

[4]) R. M. C., 104 B—C (р. п., 158, 159). Кіевъ упом. на стр. 2 A, 5 A, 6 C, 72 B (р. п., 9, 13, 15, 110). Въ изд. 1557 г., Pij, Bij: Chiow, Biij об., л. 2, Liij. На стр. Pij: „Welcher Khauffman von Chiow bey den Tatern oder Türckhen stirbt, so beleibt das guet so bey jme gefunden, auch dersellen Herrschafft, darin er gestorben ist". Въ изд. 1556 г., 104 C: „id quod apud Tartaros et Turcas in Chiovuensibus apud se mortuis obseruatur". Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собр. и изд. Археогр. Коммиссіею", т. I, С.-Пб., 1846 г., стр. 195, № 170. „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей", изданъ Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, Кіевъ, 1874 г., отд. II, стр. 12—о Кіевскихъ пещерахъ, по извѣстіямъ *Гваньини*.

[5]) R. M. C., 104 B (р. п., 158); въ изд. 1557 г., Pij: Kaynow. Почт. слов., стр. 297.

Mstislavu, Мстиславль. Нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи, къ востоку отъ Могилева, при р. Вехрѣ, впадающей въ р. Сожъ—притокъ Днѣпра.

Borisovuo, при р. Березинѣ, въ 22 миляхъ на западъ отъ Орши. Нынѣ уѣздный городъ Минской губерніи, при р. Березинѣ [6]).

Bobranzko (Bobrantzko), ниже котораго впадаетъ въ Борисѳенъ рѣка Березина, находится въ 30 миляхъ отъ Мозыря. Нынѣ Бобруйскъ, уѣздный городъ Минской губерніи на правомъ, возвышенномъ берегу р. Березины, въ 123 вер. отъ Мозыря.

Mosier, на р. Припети, въ 30 миляхъ отъ Кіева. Нынѣ Мозырь, уѣздный городъ Минской губерніи, при р. Припети, въ 204 вер. отъ Кіева [7]).

Существеннымъ дополненіемъ къ приведеннымъ нами географическимъ свѣдѣніямъ относительно Литвы служитъ находящееся въ Запискахъ о Московіи описаніе путей сообщеній отъ границы Литвы съ Польшей къ литовскимъ границамъ съ Московіею.

На пути между литовскимъ городомъ Мельникомъ (Melnik, Melnyckh—городъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи, въ 170 вер. отъ Гродна, на границѣ съ царствомъ Польскимъ) и селеніемъ Квадассенъ (Quadassen, въ недальнемъ разстояніи отъ границы съ Мо-

---

[6]) R. M. C., 72 B, 104 B—C; 105 A, 12 C: Borisovu, 152 A: Borissovu (р. п., 110, 158, 159, 23, 226). Въ изд. 1557 г., Liij, Pij: Mstislaw, Borisow; Ciij, Xiij, л. 2 об. Почт. слов., стр. 71. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 350. Hydrogr. d. Russ. R., *Stuckenberg*, III, 301.

[7]) R. M. C., 104 C, 105 A (р. п., 159); въ изд. 1557 г., Pij. Почт. слов., 63, 308. На стр. 6 B (р. п., 14) Герберштейнъ упоминаетъ о городѣ Roden, Родня, на р. Роси, впадающей въ Днѣпръ. Лѣт. по Лавр. сп., изд. 1872 г., стр. 76. Никон. лѣт., VI, 223: „пойдоша (1519 г.) великаго князя воеводы отъ Смоленска къ Оршѣ, а отъ Орши къ Могилеву и къ Менску, а отъ Менска пойдоша прямо къ Вилнѣ, и воеваша, и плѣниша по самую Вилну, и въ Крѣвѣ за 30 верстъ отъ Вилны“.

Замѣчательны извѣстія Герберштейна объ епископствахъ въ Литвѣ, 105 C—106 A (р. п., 160—161): „In Lithuaniae principatu sunt tres Romanae obedientiae episcopatus: Vuilnensis scilicet, Samogithiae et Chiovuiensis. Rutheni uero episcopatus in regno Poloniae et Lithuania, aut suis incorporatis principatibus, sunt archiescopus Vuilnae nunc degens, Polocensis, Vuolodimeriensis, Lucensis, Punski, Chomensis, Praemissiensis“. Въ изд. 1557 г., Pij об. „In dem Fürstenthumb vnd zuegehörigen Landen seind drey Römische Bischoff da zu der Wild, zu Samathein, vnnd zu Chiow. Die Reissischen aber seind in dem vnd im Polnischen gebiet, der Ertzbischofe wont yetzo in d'Wild. Bischoue zu Polotzkho, Wolodimer, Lutzkho, Pinsco, zu Khelm vnd Premissl“

сковіею, близъ Опочки) находились, по описанію автора Записокъ Московіи, слѣдующія населенныя мѣста:

1) Bielsco (Bielskho), 8 миль (отъ Москвы).

Нынѣ Бѣльскъ, уѣздный городъ Гродненской губерніи, къ юго-западу отъ Гродна. Отъ Мельника до Бѣльска 56 верстъ.

2) Narevu (Nareff), 4 мили.

Наревъ, заштатный городъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ 142 вер. къ ю.-юго-западу отъ Гродна, на лѣвомъ берегу Нарева. Отъ Бѣльска до Нарева 28 верстъ [8]).

3) Grinki (Grinckhi), городъ, 8 миль.

Можетъ быть, Крынки, мѣстечко между Наревомъ и Гродномъ.

4) Grodno, 6 миль, крѣпость съ городомъ, при рѣкѣ Нѣманѣ [9]).

5) Prelai, 2 мили.

На к. Шуб., № XXVIII, Пршелае (на к. Геогр. Общ., Прелае), мѣстечко Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи, при р. Мереланкѣ.

6) Vuolconik (Wolkonickh), 5 миль.

Ольксники, мѣстечко Виленской губерніи, Трокскаго уѣзда, къ ю.-юго-западу отъ уѣзднаго города, при р. Мереланкѣ.

7) Rudniki (Rudnickh), 4 мили.

Рудники, мѣстечко Виленской губерніи, Трокскаго уѣзда, къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, при р. Мереланкѣ.

8) Vuilna (Wild), 4 мили.

9) Nementschin (Nementzin), 4 мили.

Нѣменчинъ, мѣстечко Виленской губерніи и уѣзда, въ 21 вер. отъ Вильны, на правомъ берегу р. Виліи, по почтовому тракту въ гор. Свѣнцяны.

10) Svuintravua (Sumtraua), 8 миль.

---

[8]) R. M. C., 137 C, 139 C (p. н., 205, 208). Въ изд. 1557 г., Tiij об. Melnyckh, „Bielsco, schlos vnd Fleckhen". Тамъ же, Tiij, л. 2: Quadessen. F. r. A., I, 111, 115. Стр. 111: „Bielskho, ain Schloss vnnd gemaurter flegkh". „Nareff, ain gemaurter flegkh". Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 218 (Мельникъ); I, 378 (Бѣльскъ); III, 392 (Наревъ). Почт. слов., стр. 55, 439.

[9]) R. M. C., 138 A (p. н., 205). Въ изд. 1557 г., Tiij об. „Grodno ist ain guetter Fleckhen, hat auch ain Schlos". F. r. A., I, 112: а) Preuolkha. На к. Шуб., № XXVII: Пршевалокъ, мѣстечко при р. Нѣманѣ, въ 30 вер. къ сѣверу отъ Гродно. б) Meretz, Мречь, мѣстечко Виленской губерніи, Трокскаго уѣзда, къ юго-западу отъ уѣзднаго города, при впаденіи р. Мереланки въ Нѣманъ. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 227.

11) Disla (Dissa), 6 миль, при озерѣ того же имени.

Вѣроятно селеніе, близъ озера Дисны, Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, къ югу отъ уѣзднаго города, на границѣ Свѣнцянскаго уѣзда, Виленской губерніи.

12) Drisvue (Drisset), 4 мили.

Дрысвяты (Дрисвяты), мѣстечко Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, въ 35 вер. къ юго-востоку отъ Новоалександровска, при озерѣ того же имени [10]).

13) Braslavu (Brasslaw), 4 мили, у озера Наверъ.

Браславъ, мѣстечко Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, въ 58 вер. къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, при озерахъ Дрывяты или Браславскомъ и Новята.

14) Dedina.

На картѣ Шуберта, № XXII, селеніе Дѣдина, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ 28 верстахъ къ востоку отъ Браслава, по прямому направленію.

15) Betha (Wetha), городъ, при р. Двинѣ.

На картѣ Стрѣльбицкаго, № 28, селеніе Вята, близъ р. Западной Двины, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ 10 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Дѣдины, въ 18 верстахъ къ западу отъ Дриссы.

16) Drissa.

Дрисса, уѣздный городъ Витебской губерніи, при впаденіи рѣки Дриссы въ Западную Двину.

17) Doporoski, 6 миль. 18) Polozko, Полоцкъ.

19) Harbsle, деревушка пастушеская (pastorum casae).

На картѣ Стрѣльбицкаго, № 28, въ 34 верстахъ, по прямому направленію, къ сѣверо-востоку отъ Полоцка есть селеніе Горепля.

20) Milenki, деревушка (pastorum casae).

На картѣ Оппермана, ч. VIII, л. 25, селеніе Миленки (Мылинки, на к. Стрѣльбицкаго), въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Полоцка, по прямому направленію.

---

[10]) R. M. C., 138 A—C (p. п., 205—206). Въ изд. 1557 г., Tiij об. Wolkonickh, Rudnickh, Wild, л. 2. F. r. A., I, 112—114: Nementzin, Sumtraua, Dissa oder Disla, Drisset. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 636 (Ольксники); IV, 338 (Рудники); III, 415 (Неменчинъ); IV, 512 (Свенцяны); II, 65 (Дисна оз.), 128 (Дрисвяты).

21) Nischa, городъ, у озера того же имени.

На картѣ Оппермана, ч. VIII, л. 25, селеніе Нища, въ 16 верстахъ къ сѣверу отъ Миленковъ.

22) Quadassen [11]) (Quadessen, Quadasen).

На пути между литовскими городами: Дубровною, близъ границы съ Московіею, и Ламасомъ, близъ границы съ Польшею, находились, по извѣстіямъ Герберштейна, слѣдующія населенныя мѣста:

1) Orsa (Orssa), 4 мили отъ Дубровны.

Нынѣ Орша, уѣздный городъ Могилевской губерніи, при р. Днѣпрѣ, въ 17 вер. отъ Дубровны.

2) Druzek, 8 миль.

Нынѣ Друцкъ, мѣстечко Могилевской губерніи и уѣзда, на правомъ берегу р. Друти.

3) Grodno, 11 миль.

Нынѣ Городно Большое, селеніе Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи, къ востоку отъ уѣзднаго города.

4) Borisovu, при р. Березинѣ, 6 миль.

Нынѣ Борисовъ, уѣздный городъ Минской губерніи.

5) Lohoschakh, 8 миль.

Нынѣ Логойскъ, мѣстечко Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда, въ 44 вер. отъ уѣзднаго города. Упоминается въ нашей лѣтописи подъ 1519 г. (Логеескъ).

6) Radohostye, почти 7 миль.

Можетъ быть Радошковичи, заштатный городъ Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, лежитъ на трактѣ изъ Вильны въ Минскъ. Упоминается въ нашей лѣтописи подъ 1519 г.

7) Crasno sello, 2 мили.

Нынѣ мѣстечко Красное, Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, при р. Дзвиносѣ, по почтовому тракту между Вильною и Минскомъ. Упоминается въ нашей лѣтописи подъ 1519 г.

8) Modolesch, 2 мили.

---

[11]) R. M. C., 139 A — C (р. п., 207 — 208). Въ изд. 1557 г., Tiij, л. 2: „Quadessen, 4 meyl“. F. r. A., I, 114—115. Геогр. стат. слов. Росс. имп., I, 312 (Браславъ); II, 129 (Дрисса).

Быть можетъ нынѣ мѣстечко Молодечно, Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, къ югу отъ уѣзднаго города, при р. Ушѣ, на почтовой дорогѣ изъ Минска въ Вильну. Упоминается въ нашей лѣтописи подъ 1519 г.

9) Crevua, городъ съ запустѣлою крѣпостію, 6 миль.

Нынѣ Крево, мѣстечко Виленской губерніи, Ошмянскаго уѣзда, въ 35 верстахъ. къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, при р. Кревкѣ.

10) Mednik, тоже городъ съ запустѣлою крѣпостію.

Нынѣ Мѣдники, мѣстечко Виленской губерніи и уѣзда, въ 28 верстахъ къ юго-востоку отъ Вильны, по дорогѣ изъ Вильны въ Ошмяны [12]).

11) Vuilna, Вильна.

12) Moroschei (Moroschoj, Moroschopi), городъ, въ 15 миляхъ отъ Гродна.

Быть можетъ Меречь, мѣстечко Виленской губерніи, Трокскаго уѣзда, къ юго-западу отъ уѣзднаго города, при впаденіи р. Меречанки въ Нѣманъ.

13) Grodno.

Затѣмъ упоминаются Grinki, Narevu, Bielsco (о нихъ см. выше, въ описаніи пути отъ города Мельника до Квадассена) и затѣмъ Briesti, крѣпость съ деревяннымъ городомъ, при р. Бугѣ (нынѣ Брестъ) и Ламасъ [13]).

Въ описаніи путешествія втораго посольства, 1526 г., Герберштейнъ упоминаетъ о слѣдующихъ населенныхъ мѣстахъ, которыя лежали на пути отъ польско-литовской границы къ границѣ Московскаго государства:

1) Polovuiza (Polowitza), въ 3 миляхъ отъ Парчова. Дорога отъ Парчова до Половуицы пролегала черезъ болотистую мѣстность, и большую часть этой дороги, замѣчаетъ Герберштейнъ, „мы сдѣлали по мостамъ“.

Быть можетъ селеніе Полубецъ, Сѣдлецкой губерніи, на к. Шуб.,

---

[12]) R. M. C., 142 A—B (p. п., 211—212). Въ изд. 1557 г., Viij. F. г. A., I, 130: Orssa. Никон. лѣт., VI, 224. Геогр. стат. слов: Росс. имп., II, 132, 764, 777; III, 80, 300, 377; IV, 268. Почт. слов., стр. 490.

[13]) R. M. C., 142 B—143 A (p. п., 212—213). Въ изд. 1557 г., Viij. F. г. A., I, 131. Геогр. стат. словарь Росс. имп., III, 227.

№ XXXIII, въ 17 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Парчова, по прямому направленію.

2) Rostovusche (Rostowsche), 2 мили.

Быть можетъ мѣстечко Россошъ, Сѣдлецкой губерніи, въ 8 вер. къ сѣверу отъ Полубца.

3) Pessiczatez (Pessitzatez), 3 мили.

Быть можетъ мѣстечко Пещацъ, Сѣдлецкой губерніи, въ 20 вер. къ сѣверо-востоку отъ Россоша.

4) Briesti, 4 мили, „большой городъ съ крѣпостью, на Бугѣ, въ который впадаетъ Мухавецъ“.

Нынѣ Брестъ-Литовскъ, уѣздный городъ Гродненской губерніи, при впаденіи р. Мухавца въ Бугъ.

5) Camenetz, „городъ съ каменной башней, въ деревянномъ замкѣ“.

Нынѣ Каменецъ-Литовскій, мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, въ 37 вер. къ с.-сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города, по Бѣлостокскому тракту, при р. Льснѣ.

6) Schereschovua (Schareschow, Scharescheff), въ 5 миляхъ отъ Каменца, „недавно отстроенный городъ, въ большомъ лѣсу, стоящій на р. Лѣснѣ (Lisna), которая протекаетъ и черезъ Каменецъ“.

Нынѣ мѣстечко Шерешово, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, къ сѣверу отъ Каменца-Литовскаго, къ западу отъ Пружанъ.

7) Novuidvuor (Nowidwor), 5 миль.

Нынѣ Новый Дворъ, мѣстечко Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, на дорогѣ отъ города Волковиска въ гор. Пружаны, въ 36 вер. отъ него.

8) Porossovua, 2 мили.

Нынѣ Порозово, мѣстечко Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, на трактѣ отъ Волковиска въ Пружаны, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ мѣстечка Новый Дворъ.

9) Vuolkovuitza (Wolkhowitza), 4 мили.

Нынѣ Волковыскъ, уѣздный городъ Гродненской губерніи, въ 75 вер. къ югу отъ губернскаго города, при р. Волковыѣ, въ 24 вер. къ сѣверу отъ мѣстечка Порозово.

10 Pieski (Pyeskhi), городъ на р. Зельвѣ.

Нынѣ Пески, мѣстечко Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда,

въ 28 вер. отъ уѣзднаго города, при р. Зельвянкѣ, въ 22 вер. къ сѣверо-востоку отъ Волковыска [14]).

11) Mostu, 1 миля, на р. Нѣманѣ, городъ.

Нынѣ Мосты, мѣстечко Гродненской губерніи и уѣзда, въ 63 вер. отъ уѣзднаго города, при р. Нѣманѣ, на дорогѣ отъ Волковыска въ Новгородекъ, въ 8 вер. отъ мѣстечка Пески.

12) Czutzma, 3 мили.

Нынѣ Щучинъ, мѣстечко Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, на дорогѣ отъ города Лиды въ Гродно.

13) Basiliski, 3 мили.

Нынѣ Василишки, мѣстечко Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ 35 вер. къ юго-западу отъ Лидъ.

14) Radomi, 5 миль.

Нынѣ Радунь, мѣстечко Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда, при р. Радунькѣ, на дорогѣ отъ Гродна къ Вильнѣ.

15) Hestlitschkami, 2 мили.

Быть можетъ Ейшишки, мѣстечко Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда, въ 14 вер. отъ мѣстечка Радуни.

16) Rudniki, 5 миль. 17) Vilna, 4 мили.

Отъ Рудниковъ до Вильны 28 верстъ.

Впрочемъ, замѣчаетъ Герберштейнъ, „въ то время мы не ѣздили въ Вильну чрезъ тѣ мѣста, которыя исчислены, начиная отъ Волковыска, а своротили вправо, по направленію къ востоку и ѣхали черезъ слѣдующія населенныя мѣста:

10) Solvua (Solwa).

Нынѣ Зельва, мѣстечко Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда, въ 21 верстѣ къ востоку отъ уѣзднаго города.

11) Slonin.

Вѣроятно, Слонимъ, уѣздный городъ Гродненской губерній, къ юго-востоку отъ Гродна при р. Шарѣ.

12) Moschad (Moschat).

Быть можетъ Молчадь, мѣстечко Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города.

---

[14]) R. M. C., 151 A—B (p. u., 225). Въ изд. 1557 г., Xiij, л. 2: „Camenetz an der Lisna, hat ain hohen gemaurten Thurm". F. r. A., I, 269. Геогр. стат. слов. Росс. имп., I, 314 (Брестъ); II, 458 (Каменецъ-Литовскій); I, 518 (Волковыскъ); IV, 79 (Пески). Почт. слов., стр. 134.

13) Czernig (Zernig).

На дорогѣ отъ Волковыска къ Минску есть мѣстечко Цыринъ, Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи.

14) Oberno.

На той же дорогѣ есть селеніе Берженъ (на к. Оппермана, на к. Шуб., № XXVIII, Береженъ), Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Нѣмана.

15) Ottmut.

Есть селеніе Отмытъ (на к. Оппермана, ч. III; на к. Шуб., № XXVIII, Вотмытъ), къ востоку отъ Бержена, въ 9 вер., по прямому направленію.

16) Cadayenovu.

Нынѣ Кайданово, мѣстечко Минскаго уѣзда.

17) Miensko, городъ, отстоящій отъ Волковыска на 35 миль (245 верстъ).

Отъ Минска до Новогрудка 138 вер., отъ Новогрудка до Волковыска 118 вер., всего 256 верстъ.

18) Borissovu, городъ, при р. Березинѣ, отстоитъ отъ Минска на 18 миль.

Нынѣ Борисовъ, уѣздный городъ Минской губерніи, въ 71 вер. къ сѣверо-востоку отъ Минска.

19) Reschak (Resackh, Knesackh).

Вѣроятно, Княжицы, мѣстечко Могилевской губерніи и уѣзда, въ 13 вер. къ сѣверо-западу отъ Могилева, при р. Лахвѣ, на упраздненномъ Виленскомъ трактѣ.

Оставивъ Могилевъ вправѣ мили на 4, Герберштейнъ ѣхалъ черезъ слѣдующія населенныя мѣста:

20) Schklovu (Sklow, Schkloff), 6 миль.

Нынѣ Шкловъ, мѣстечко Могилевскаго уѣзда, въ 32 вер. къ сѣверу отъ Могилева.

21) Orsa, Орша, 6 миль.

22) Dobrovuna, Дубровна, 4 мили [15]).

---

[15]) R. M. C., 151 B—152 A (p. n., 225—226). Въ изд. 1557 г., Xiij, л. 2 об. Resackh. F. r. A., I, 269—270: Zernig, Knesackh. Геогр. стат. слов. Росс. имп., III, 343 (Мосты); I, 398—399 (Василишки); IV, 268 (Радунь); 338 (Рудники); II, 270 (Зельва); IV, 634 (Слонимъ); III, 301 (Молчадь); II, 642 (Княжицы). Почт. слов., 135, 385, 196, 410—411, 463, 422.

Изъ населенныхъ мѣстъ великаго княжества Литовскаго, черезъ которыя Герберштейну приходилось проѣзжать въ 1526 г., на обратномъ пути изъ Москвы въ Вѣну, упоминаются въ Запискахъ о Московіи слѣдующія:

1) Dobrovuna. 2) Orsa, 4 мили. 3) Vilna (Wild).

Отъ Дубровны до Вильны Герберштейнъ ѣхалъ по тому же самому пути, по которому возвращался въ 1517 году.

4) Rudnik (Rutnikhj, Rudincky), 4 мили.

5) Vuolkonik (Volkhouitz, Volkhamickh).

6) Meretsch (Moretz, Meretz), „городъ, который получилъ названіе отъ рѣки того же имени, 7 миль“ (на стр. 142 С—Moroschei).

7) Osse (Osze), 6 миль.

Есть селеніе Гожи, къ сѣверу отъ Гродна, въ 15 вер. отъ него, близъ Нѣмана (к. Шуб., № XXVII), Гродненской губерніи и уѣзда.

8) Grodno, княжество, лежащее на р. Нѣманѣ, 7 миль.

9) Grinki, 6 миль. 10) Narevu (Nareff), 8 миль. 11) Bielsco (Biesco).

12) Milenecz (Milenetz), 4 мили.

Быть можетъ Мелейчицы, мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, въ 64 вер. отъ уѣзднаго города.

13) Mielnik (Mellnickh), 3 мили.

14) Loschitzi (Lositzi, Lossitzy), 7 миль.

Нынѣ Лосице, къ юго-западу отъ мѣстечка Мельникъ, Сѣдлецкой губерніи, царства Польскаго, къ востоку отъ Сѣдлецъ [16]).

Въ предѣлахъ владѣній польскихъ автору Записокъ довелось во время своего путешествія въ Москву, въ 1517 году, проѣзжать черезъ слѣдующія поселенія, которыя находились на пути отъ юго-западной границы Польши къ границѣ ея съ Литвою:

1) Oschvuentzin (Oswentzin, Oschwentzin), княжество, по нѣмецки Auschvuitz, тамъ, гдѣ р. Сола впадаетъ въ Вислу.

Нынѣ гор. Освѣцинъ (Auschwitz) въ Галиціи, близъ устья Солы.

2) Cracouia (Краковъ), столица Польскаго королевства, 8 миль.

---

[16]) R. M. C., 152 B—153 A (р. н., 227—228); въ изд. 1557 г., Xiij, л. 2 об.—Y об. Rutnikhj, Volkhouitz, Moretz, Biesco, Lositzi. F. r. A., I, 275—277: Dobrowna, Orssa, Wild, Rudincky, Volkhonick, Meretz, Osze, Grinckhy, Nareff, Bielsco, „ain guet Schloss neben dem flegkhen“; Mellnikh, Lossitzy. Геогр. стат. слов. Росс. имп., III, 227, 213.

3) Prostovuitza (Prostowitz), 4 мили.

Нынѣ мѣстечко Прошовице, Кѣлецкой губерніи, близъ юго-западной границы царства Польскаго.

4) Vuislitza (Wisslitza, Wislitz), 6 миль.

Нынѣ мѣстечко Вислица, Кѣлецкой губерніи [17]).

5) Schidlovu (Schidlow), 5 миль.

Нынѣ гор. Шидловъ, Кѣлецкой губерніи.

6) Oppatovu, 6 миль.

Нынѣ гор. Опатовъ, Радомской губерніи.

7) Savuichost (Sawichost), 4 мили.

Нынѣ мѣстечко Завихость, Радомской губерніи, къ востоку отъ Опатова.

8) Ursendovu (Ursendoff), 5 миль.

Нынѣ мѣстечко Урждендовъ, Люблинской губерніи, къ юго-западу отъ Люблина.

9) Lublin, воеводство (palatinatum), 7 миль. „Тутъ въ извѣстное время года бываетъ знаменитая ярмарка, на которую стекаются люди изъ разныхъ странъ — Московиты, Литовцы, Татары, Ливонцы, Пруссаки, Русины, Нѣмцы, Венгерцы, Армяне, Валахи и Евреи“.

10) Cotzko (Khotzkho), 8 миль. „Не доѣзжая этого мѣста, течетъ къ сѣверу рѣка Вепржъ“.

Нынѣ мѣстечко Коцкъ, Сѣдлецкой губерніи, къ югу отъ Сѣдлеца.

11) Meseritz, 8 миль.

---

17) R. M. C., 137 B (p. п., 204). Въ изд. 1557 г., Tiij и об. „Pald ausserhalb Auschwitz, raistn wir wider vber die Weixl, seind noch acht meyl wegs gehn Craccau, entzwischen des Schlos Lypowetz, darin man die Pfaffen vmb verschulden fänckhlichen hellt“.

F. r. A., I, 109 — 110: Oschwentzin, „Nit ferr von dem Stätl fellt dasselb wasser (Szola) in die Weyxel. Von Auschwitz ist ain Strassen nach Crackhaw. Reit man bey ainer wälhischen meill vom Stätl vber die Pruggen an der Weixl. Ob derselben Pruggen, vngeuärlichen zwen hanndt Püxenschuss, fleusst das wasser Premsa in die Weixl. Die ist das gemerckh an derselben seitten zwischen den zwayen thailn der Schlesien, vasst Acht meil vber sich. Darnach Reit man nahenndt dritt halbe meill vnnder das Schloss Lipouetz genannt. Das ist der geistlichen Fennckhnuss. Darunder sein woll Pollnische herbergen. Von dann sein fünff meill geen Crackhaw“.

„Die annder Strass von Auschwitz auf Satur. Da Rindt die Skaua. Ist auch dergleichen Fürstenthumber eins, Schlessich. Zwo meil. Vnnd thaillt sich wider die strass. Man ferdt ain meill darunder vber die Weixl“

Нынѣ мѣстечко Мезиречь, Сѣдлецкой губерніи, къ юго-востоку отъ Сѣдлеца [18]).

Въ описаніи пути, по которому Герберштейнъ проѣхалъ въ 1518 году, поименованы въ Запискахъ о Московіи слѣдующія населенныя мѣста, находившіяся въ предѣлахъ Польши:

1) Partzovu, „первый польскій городъ" (къ западу отъ литовской границы).

Нынѣ мѣстечко Сѣдлецкой губерніи царства Польскаго, къ юго-востоку отъ Сѣдлеца.

2) Lublin, 9 миль.

3) Rubin (Rubyn). 4) Ursendoff. 5) Savuichost (Sawichost), „у переправы черезъ Вислу".

6) Sandomir, городъ съ крѣпостью, стоящій на Вислѣ и находящійся отъ Люблина въ 18 миляхъ".

Нынѣ гор. Сандомиръ, Радомской губерніи царства Польскаго, къ юго-востоку отъ Радома.

7) Poloniza, на р. Чернѣ.

Нынѣ мѣстечко Паланецъ, на южной границѣ Радомской губерніи царства Польскаго.

8) Cortzin, „новый городъ съ крѣпостью, окруженной стѣною".

Нынѣ мѣстечко Корчинъ, на южной сторонѣ Кѣлецкой губерніи.

9) Prostvuitza (Prostwitz, Prostouitz), „гдѣ варится самое лучшее пиво" (см. выше, № 3).

10) Cracovuia, „столица королевства, королевская резиденція. Городъ стоитъ на Вислѣ, въ 18 миляхъ отъ Сандомира, и славится большимъ стеченіемъ духовныхъ, студентовъ и купцовъ".

11) Lipovuetz (Lypowetz), „мѣсто заключенія священниковъ, провинившихся въ чемъ нибудь важномъ".

12) Osvuentzin (Aushwitz), 3 мили, „силезскій городъ, находящійся, однако, подъ властью Польши, стоитъ на Вислѣ [19]) (см. выше № 1).

---

[18]) R. M. C., 137 C (p. п., 204—205). Въ изд. 1557 г., Tiij об. „Meseritz ist gar nahent an der granitzen gegen Lithen".... F. r. A., I, 110: Meseritz—„Noch sein zwo meill furauss an ain Pächl, die Littisch gränitzen".

[19]) R. M. C., 143 A, 144 A (p. п., 213, 214). Въ изд. 1557 г., Viij и об. „Cortzen, das Schloss ist gemaurt, vnd wol erpaut, dabey ain guet Polnisch Stätle". F. r. A., I, 131.

Въ описаніи путешествія 1526 г. авторъ Записокъ приводитъ названія слѣдующихъ населенныхъ мѣстъ, на пути отъ юго-западной границы Польши къ границѣ литовской.

1) Crepitza vetus (Khrepitz), польскій городъ.

Нынѣ мѣстечко Кржепице, Петроковской губерніи царства Польскаго, при р. Лисвартѣ, которая впадаетъ въ р. Варту—притокъ Одера.

2) Clobutzko (Clobutzkho), 2 мили.

Нынѣ мѣстечко Клобуцко, Петроковской губерніи царства Польскаго.

3) Czestochovu, „монастырь, въ которомъ большое стеченіе народа и преимущественно Русскаго, поклоняются образу Пресвятой Дѣвы, 3 мили“.

Нынѣ гор. Ченстоховъ, Петроковской губерніи, при р. Вартѣ.

4) Scharki (Scharkhi, Scharckhy), 5 миль.

Нынѣ мѣстечко Жарки, Петроковской губерніи, къ юго-востоку отъ Ченстохова.

5) Cromolovu (Cromolow, Cremolow), 3 мили.

Нынѣ мѣстечко Кромоловъ, на юго-западѣ Кѣлецкой губерніи.

6) Ilkusch (Ilkhusch), „знаменитые свинцовые рудники, 4 мили“.

Нынѣ гор. Олькушъ, на юго-западѣ Кѣлецкой губерніи.

7) Cracouia, 5 миль.

8) Nova civitas (Neustat).

Можетъ быть мѣстечко Нове Бржеско, на границѣ Кѣлецкой губерніи.

9) Cortzin (см. выше, описаніе пути, 1518 г., № 8).

10) Poloniza (Polonitza).

Нынѣ мѣстечко Поланецъ, на юго-западѣ Радомской губерніи.

11) Ossek (Osseckh).

Нынѣ мѣстечко Осѣкъ, Радомской губерніи.

12) Pocrouitza (Procowitza).

Можетъ быть нынѣшнее мѣстечко Копроживница, Радомской губерніи.

13) Sandomeria, Сандомиръ.

14) Savuichost. 15) Vrsendoff. 16) Lublin. 17) Parczovu [20]) (Parzow) (см. описан. путешеств., 1517 г., №№ 7, 8, 9; 1518 г., № 1)

---

[20]) R. M. C., 150 A—151 A (р. п., 223—225). Въ изд. 1557 г., Xiij об. л. 2: Khrepitz „ain zimlich Schloss vnd Polnisch Stätle“. F. r. A., I, 266—269

Въ перечнѣ населенныхъ мѣстъ Польши, черезъ которыя Герберштейну довелось проѣхать въ 1527 году, находятся слѣдующія наименованія:

1) Lucovu, городъ на р. Окси. „Начальникъ этого мѣста называется старостой (все равно, что старѣйшій); говорятъ, что ему подчинены 3,000 дворянъ. Есть тамъ нѣсколько селъ или деревень, въ которыхъ дворянъ размножилось столько, что нѣтъ ни одного крестьянина".

Нынѣ гор. Луковъ, Сѣдлецкой губерніи, къ югу отъ Сѣдлеца.

2) Oxi, „городъ, стоящій на рѣкѣ того же имени, 5 миль".

Нынѣ быть можетъ селеніе Окржея, къ юго-западу отъ Лукова, Сѣдлецкой губерніи (на к. Шуберта, № XXXIII).

3) Steschicz (Stesitza), „городъ, подъ которымъ р. Вепржъ впадаетъ въ Вислу, 5 миль.

Нынѣ мѣстечко Стенжице, на правомъ берегу р. Вислы, при впаденіи р. Вепржа, Сѣдлецкой губерніи.

4) Svuolena (Suolena), „городъ, 5 миль".

Нынѣ мѣстечко Зволень, Радомской губерніи, къ востоку отъ Радома.

5) Senna (Sanna), 5 миль.

Нынѣ мѣстечко Сѣнно, Радомской губерніи.

6) Polki (Pelkhy), 6 миль.

Быть можетъ нынѣ мѣстечко Перковъ, Радомской губерніи, къ западу отъ Опатова.

7) Schidlovu (Schidlow), „городъ, окруженный стѣною, 6 миль".

8) Vuislicza (Visslitza), „городъ со стѣною, близъ озера (in lacu quodam situ), 5 миль". 9) Prostvuitza (Prostwitz), 6 миль (см. перечень городовъ на пути, по которому Герберштейнъ проѣзжалъ въ 1517 г., №№ 3, 4, 5).

10) Cracouia, Краковъ. 11) Cobilagora, 5 миль.

12) Ilkusch (Ilkhusch), „свинцовые рудники, 2 мили".

Нынѣ гор. Олькушъ, на юго-западѣ Кѣлецкой губерніи.

13) Bensin, „городъ, 5 миль. Ниже его, на небольшемъ разстояніи р. Пилица отдѣляетъ Польшу отъ Силезіи".

Нынѣ гор. Бенцинъ (Бендзинъ), Петроковской губерніи [21].

---

[21]) R. M. C., 153 A—B (р. п., 228). Въ изд. 1557 г., Y. F. г. А., I, 277—278.

XLIV.

Извѣстія Герберштейна о Татарахъ.—Источникъ этихъ извѣстій.—Вопросъ о происхожденіи Татаръ.—Орда Заволжская, Перекопская, Ногайская и другія.—Татары, кочевавшіе въ южно-русской степи.—Ихъ бытъ и нравы.—Данныя относительно ихъ быта, сохранившіяся въ нашихъ источникахъ XVI в.—Татары осѣдлые, обитавшіе по Донцу, въ Азовѣ и Ахасѣ.—Азовъ—центръ значительной торговли.—Татары Казанскіе.—Ихъ цивилизація и зависимость отъ великаго князя Василія Ивановича.—Гор. Казань.—Военныя силы Казанскихъ Татаръ.—Ногаи.—Область, ими занимаемая, и ихъ князья.—Татары Тюменскіе, Шейбанскіе, Кайсацкіе, Калмыки.—Гор. Астрахань.—Крымскіе Татары (Перекопцы, Praecopenses).—Гор. Крымъ.—Отношенія Крымскихъ Татаръ къ королю польскому и великому князю московскому.—Гор. Кафа (Ѳеодосія), Очаковъ (Otzakhovu), Альба (Монкастро), Перекопъ.—Извѣстія Герберштейна о Кавказѣ.—Афгазы.—Черкасы или Цики (Circassi seu Ciki).—Богослуженіе у нихъ на яз. Славянскомъ.—Ихъ образъ жизни.—Мингрелія.—Котатида.—Гор. Шемаха.

Изъ всѣхъ сосѣднихъ съ Московскою Русью племенъ автору Записокъ о ней удалось собрать наиболѣе полныя извѣстія о Татарахъ, преимущественно о тѣхъ племенахъ этой вѣтви, которыя находились въ болѣе частыхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвитянами, а именно о Татарахъ, кочевавшихъ въ степи между Волгою и Дономъ, а также о Татарахъ Казанскихъ, и извѣстія объ этихъ племенахъ, сравнительно съ имъ предшествующими иностранными извѣстіями, являются болѣе обстоятельными и потому заслуживаютъ вниманія. О Татарахъ, пишетъ Герберштейнъ, и ихъ происхожденіи, „кромѣ того, что заключается въ польскихъ лѣтописяхъ и въ книжкахъ о двухъ Сарматіяхъ, много писано въ разныхъ мѣстахъ; повторять это здѣсь болѣе скучно, чѣмъ полезно. Что же узнано мною изъ русскихъ лѣтописей и разсказовъ многихъ людей, объ этомъ я нахожу нужнымъ сказать вкратцѣ“. Татары „раздѣляются на орды, въ числѣ которыхъ Заволжская орда (Savuolhensis horda) занимала первое мѣсто, по знаменитости и многочисленности, потому что всѣ остальныя орды, какъ говорятъ, произошли отъ нея. Орда же у нихъ означаетъ сборище или множество. У каждой орды свое особенное

названіе: [одни] Заволжцы (Savuolhenses), [другіе] Перекопцы (Praecopenses), [третьи] Ногайцы (Nahaienses) и многія другія [орды], и хотя всѣ [Татары] магометане, однако, очень не любятъ, чтобы ихъ называли Турками и считаютъ [это] безчестіемъ [для себя]; тѣмъ не менѣе имъ нравится названіе бесерменовъ (Besermani), которое присвоиваютъ себѣ и Турки. Такъ какъ Татары обитаютъ на обширномъ пространствѣ въ различныхъ странахъ, то не во всемъ они сходятся нравами и самымъ образомъ жизни" [1]).

Далѣе Герберштейнъ сообщаетъ свѣдѣнія, которыя, какъ можно полагать, по преимуществу относятся къ Татарамъ, кочевавшимъ въ южно-русскихъ степяхъ [2]): „Это люди средняго роста, съ широкимъ, толстымъ лицемъ и прищуренными, впалыми глазами; они отпускаютъ волоса только на одной бородѣ, а остальное брѣютъ. Только самые знатные люди заплетаютъ волоса, которые у нихъ очень черны и но-

---

[1]) R. M. C., 86 C: Tartari „homines lingua, moribus, habituque a reliquorum hominum ritu consuetudineque dissidentes"; 87 A—B; 88 C — 89 A (p. п., 131—132, 134—135); въ изд. 1557 г., Nij и об. Tatern „abgesundert worden von aller anderer leut wesen, sprachen, Sitten, Klaidern und gewonhaiten".

На стр. 87 A (въ изд. 1557 г., Nij и об.) Герберштейнъ называетъ Меѳодія Патарскаго „Methodius Patanczki episcopus" и приводитъ его сказаніе о Татарахъ, какъ о народѣ, вышедшемъ изъ пустынь Іеутрисскихъ („ex Ieutriskie desertis"). Ср. Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб., 1872 г., стр. 477, 1223 г.—Татары, „о нихъ же Меѳодій, епископъ Патаромьскій, свидѣтельствуетъ: яко сии суть вышли ис пустыня Етривьскія". Никон. лѣтоп., II, 349. Ученыя Зап. Ак. Наукъ, кн. III, С.-Пб., 1856 г., „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ", *М. И. Сухомлинова*, стр. 106 и слѣд.

Приведя сказаніе Меѳодія Патарскаго о Татарахъ, заключающее въ себѣ подробности, не находящіяся въ указанныхъ лѣтописяхъ, Герберштейнъ основательно доказываетъ несостоятельность мнѣнія Мѣховскаго о томъ, что слово Половцы происходитъ отъ слова ловцы, и производитъ это имя отъ слова полевые (87 A—B; p. п., 132). Ср. у *Мѣховскаго* въ Трактатѣ, lib. I, cap. II (въ изд. Polonicae historiae corpus, t. I, Basileae, 1582 г., стр. 122: „Polouci autem lingua Rutenorum sonant et interpretantur uenatici seu rapaces").

[2]) R. M. C., 89 A (p. п., 135): „Ut autem uarias longe lateque prouincias Tartari incolunt, ita etiam moribus, ipsoque uitae genere non in omnibus conueniunt. Homines statura mediocri" и затѣмъ слѣдуетъ описаніе наружности Татаръ и ихъ быта. Въ изд. 1557 г., Niij: „Weil dann die Tatern weitte vnd villerlay Land besitzen, so khünen sy auch nit al ainer monier oder wesens beschriben worden. Aber die nächsten im Precop seind ainer mittern leng". Въ изд. 1556 г. 91 A (138): „Fines inter se (de campestribus Tartaris loquor) nullos habent" (въ изд. 1557 г., Niij, л. 2); 100 C (p. п., 153): „Inter Cazan autem et Astrachan, longo secundum Vuolgam tractu, ad Borysthenem usque campi deserti sunt, quos Tartari nullis certis sedibus inhabitant" (въ изд. 1557 г. Oiij, л. 2).

сятъ ихъ за ушами. Они имѣютъ крѣпкое тѣло, смѣлый духъ и склонны къ безпорядочному любострастію. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ мясо лошадей и другихъ животныхъ, не разбирая, какою смертію онѣ умерли; только отъ свиней они воздерживаются, по своему закону. На голодъ и безсонницу они такъ выносливы, что иногда въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней не ѣдятъ и не спятъ, и не смотря на то, исполняютъ нужныя работы. Потомъ, доставши чего нибудь съѣстнаго, они обжираются безъ всякой мѣры, съѣдая все безъ остатка, и тѣмъ (eaque crapula) какъ бы вознаграждаютъ себя за прежнія лишенія; такимъ образомъ, обремененные пищей, измученные трудами, они спятъ сряду три или четыре дня. Литовцы и Русскіе, въ земли которыхъ они дѣлаютъ внезапныя вторженія для грабежа, гонятся за ними и нападаютъ на нихъ въ то время, когда они, откинувъ всякій страхъ и всякую осторожность, безъ стражи и порядка, погружены въ глубокій сонъ неумѣреннымъ употребленіемъ пищи [3]). Если голодъ и жажда слишкомъ мучатъ ихъ во время ѣзды, то они обыкновенно рѣжутъ жилы тѣмъ лошадямъ, на которыхъ сидятъ, и утоляютъ голодъ кровью ихъ, думая притомъ, что это полезно для самихъ лошадей. Такъ какъ почти всѣ они кочуютъ, не имѣя постоянныхъ жилищъ, то направляютъ путь свой по звѣздамъ, преимущественно же по сѣверному полюсу, который на своемъ языкѣ называютъ Selesnicoll, то есть желѣзный гвоздь. Главное ихъ лакомство—лошадиное молоко, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, люди дѣлаются и сильными, и тучными. Они употребляютъ въ пищу весьма многія травы, въ особенности тѣ, которыя ростутъ около Танаиса; соль употребляется очень немногими".

Сообщивъ далѣе еще нѣкоторыя подробности относительно пищи Татаръ, Герберштейнъ описываетъ затѣмъ ихъ оружіе, образъ веде-

---

[3]) R. M. C., 89 A—B (p. n., 135): „quos sic altum dormientes, Lithuani et Rutheni, in quorum regionem derepente irruunt, praedasque inde abigunt, insequuti, omni amoto metu passim sine excubijs, ordine, cibo, somnoque sepultos, opprimunt incautos"; въ изд. 1557 г., Niij и об. „Darumb wann die ain Raiss in Litten oder Reissen thuen, vnd sich abmüchen vnd mit dem Raub beschwären, so raist man jnen nach, vnd man waiss vngeuärlichen den Platz zu jrem leger bequemb, so lassen die nachraissenden dieselb nacht khain feuer in jrem Leger anmachen, damit vermainen die Tatern gar sicher zu sein. So legern sy sich vnd schlachten viech essen sich an, lassen jre Pherd auf das grass, vnd schlaffen, dermassen sein sy gar offt vberfallen vnd geschlagen worden".

нія войны, одежду и оканчиваетъ свое описаніе такою характеристикою: „Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, считая это большимъ несчастіемъ для себя". Отъ того въ гнѣвѣ на дѣтей, грозя имъ большимъ несчастьемъ, говорятъ: „Чтобъ тебѣ всегда быть на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ христіанину, и нюхать собственную вонь". По этой причинѣ, истребивъ траву на одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое съ табунами, женами и дѣтьми, которыхъ возятъ за собою на телѣгахъ. Тѣ же, которые обитаютъ въ городахъ, ведутъ другой образъ жизни. Во время тяжкой войны они укрываютъ своихъ женъ, дѣтей и стариковъ въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ [4]). У нихъ нѣтъ никакой справедливости, потому что если кто нуждается въ какой нибудь вещи, то безнаказанно можетъ похитить ее у другаго. Если тотъ жалуется судьѣ на насиліе и нанесенную ему обиду, то виновный не отпирается, но говоритъ, что онъ не могъ обойтись безъ этой вещи. Тогда судья обыкновенно произноситъ слѣдующее рѣшеніе: „Если ты въ свою очередь будешь нуждаться въ какой нибудь вещи, то похищай ее у другихъ". Нѣкоторые говорятъ, что они не воруютъ: воруютъ они или нѣтъ— пусть судятъ другіе; но дѣйствительно они люди самые хищные, самые бѣдные и всегда готовые поживиться на чужой счетъ, грабятъ и уводятъ людей, которыхъ или продаютъ Туркамъ и другимъ, или отпускаютъ за выкупъ, оставляя себѣ только дѣвицъ. Рѣдко осаждаютъ они города и крѣпости: жгутъ деревни и села и наслаждаются нанесеннымъ вредомъ, полагая, что чѣмъ болѣе опустошатъ областей, тѣмъ пространнѣе будетъ ихъ царство. Будучи самого безпокойнаго нрава, они, однако, не убиваютъ другъ друга, если только не поссорятся между собою ихъ цари. Если въ ссорѣ кто нибудь будетъ убитъ, и виновники преступленія будутъ взяты, то ихъ отпускаютъ, отнявъ у нихъ лошадей, оружіе, одежду. Человѣкоубійца, получивъ дурную лошадь и лукъ, отпускается судьею

---

[4]) R. M. C., 89 B—90 C (р. п., 135—137). На стр. 90 C: „quamuis hi qui in oppidis, et urbibus degunt, aliam uiuendi rationem sequantur. Si bello aliquo grauiore implicantur, uxores, liberos, senesque in loca collocant tutiora"; въ изд. 1557 г. Niij, л. 2: „gleichwol seind ander die auch in Fleckhen vnd Dörffern wonen, das seind die alten auch Khauffleut, die den khriegen nit nachziehen, vnd wan sy ain rayss thuen, schickhen die ansechliche jre weiber vnd khind an sichere ort".

съ такими словами: „Ступай и заботься о своемъ дѣлѣ“. Кромѣ купцовъ, рѣдко кто изъ нихъ употребляетъ золото и серебро: у нихъ существуетъ только обмѣнъ вещами. Ибо Татары, „обитающіе на границѣ [съ Московіей], выручивъ сколько нибудь денегъ отъ продажи своихъ произведеній, покупаютъ на нихъ въ Московіи одежды и другія необходимыя вещи“ [5]). Между собою (я говорю о степныхъ Татарахъ) они не имѣютъ никакихъ межей. Однажды Московиты взяли въ плѣнъ одного жирнаго Татарина. На слова Московита: „Откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего ѣсть?“ Татаринъ отвѣчалъ: „Почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самого запада; развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицей земнаго шара и ежедневно за нее сражаешься“ [6]).

Такъ характеризуетъ Герберштейнъ „степныхъ“ Татаръ, то есть тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Татарами Крымскими постоянно тревожили своими хищническими набѣгами русскія украйны, и эта характеристика, объясняющая замѣтки Мѣховскаго и Іовія, подтверждается тѣми данными, которыя сохранились въ нашихъ источникахъ. Сынъ хана крымскаго Магметъ Гирея, царевичъ Богатырь говорилъ послу великаго князя Василія Ивановича Мамонову: „Кто меня больше почтитъ, король или великій князь, о томъ я и буду больше хлопотать“. Въ 1516 году Богатырь опустошилъ Рязанскую украйну, а самъ ханъ писалъ Василію: „Что сынъ мой Богатырь безъ моего вѣдома на Рязань ходилъ, то князь бы Василій лихимъ людямъ не потакалъ, кто станетъ говорить, чтобъ ему за то со мною раздружиться“. „А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что впредь этого не будетъ, хотя я съ братомъ своимъ буду въ дружбѣ и братствѣ; людей своихъ мнѣ не унять: пришли на

---

[5]) R. M. C., 90 C—91 A (p. n., 138). Стр. 91 A: „Auri argenti apud illos usus, extra mercatores, fere nullus: rerum tantum permutatione utuntur. Quod si quid pecuniae ex rebus uenditis uicini corraserint, ea Moscovuiae uestes aliaque vitae necessaria emunt“. Въ изд. 1557 г., Niij, л. 2: „Ausserhalb der Khauffleut, brauchen sy selten Silber vnnd Gold, es ist alles im tausch oder gleihes weerdts wahr zubekhumen. Uberkhumen sy dann etwo gelt, so khauffen sy pald in der Mosqua oder anderstwo claider oder andere notturfft“.

[6]) R. M. C., 91 A (p. n, 138); въ изд. 1557 г., Niij, л. 2.

меня всею землею; говорятъ, что не будутъ меня въ этомъ слушаться" [7]).

Изъ Татаръ, обитавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ, между Волгою и Борисѳеномъ, весьма немногіе, какъ сообщаетъ Герберштейнъ, имѣли осѣдлость: тѣ, которые жили по Донцу и занимались земледѣліемъ, также тѣ, которые обитали въ Азовѣ и Ахасѣ. Первый изъ этихъ городовъ находится, по опредѣленію Герберштейна, на берегу Танаиса, въ трехъ миляхъ отъ его устья; отъ Таврическаго перешейка, иначе называемаго Перекопомъ (Praecop), отстоитъ, какъ сказываютъ, на пять дней, и изъ Данкова, близъ котораго Танаисъ становится судоходнымъ, можно прибыть въ Азовъ послѣ почти двадцатидневнаго плаванія. Этотъ городъ, подвластный Туркамъ, нѣкогда называвшійся Таною (Tanas) — „знаменитый рынокъ многихъ народовъ, [на который съѣзжаются торговые люди] изъ различныхъ странъ земнаго шара. Доступъ туда свободенъ всякому, какой бы націи онъ ни былъ; всѣмъ дается позволеніе продавать и покупать; внѣ города безнаказанно позволяется всѣмъ дѣлать что угодно". И Іовій, какъ было указано, называетъ Азовъ знаменитымъ торговымъ городомъ [8]). Тоже на берегу Танаиса, въ четырехъ дняхъ пути выше Азова, находился, по указанію автора Записокъ, городъ Ахасъ (Achas) [9]).

---

[7]) Ист. Россіи, *С. Соловьева*, т. V, М., 1864 г., стр. 360—361. См. также о Крымскихъ Татарахъ стр. 348, 358: „Весною 1515 года умеръ старый Менгли-Гирей; сынъ его и наслѣдникъ Магметъ-Гирей прислалъ въ Москву съ упрекомъ, что великій князь нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ подъ Смоленскъ: „Ты нашему другу королю недружбу учинилъ: городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ — Брянскъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогощь отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ". Тамъ же стр. 359, 383—388, 395—397: „Для покрытія крымскихъ издержекъ литовскіе города продолжали платить подать, извѣстную подъ именемъ ордынщины". Никон. лѣт., VI, стр. 176 (1506 г.), 179 (1507 г.), 184, 185 (1509 г.), 188 (1510 г.), 192 (1512 г.), 204 (1515 г.), 207—208 (1517 г.), 211 (1518 г.), 216, 221, 222, 224 (1519 г.), 228 (1521 г.), 229 (1523 г.), 233 (1527 г.), 246, 247, 249, 252, 256 (1531—1533 гг.).

[8]) R. M. C., 100 C, 66 C, 67 A (р. п., 153, 102, 103). Въ изд. 1557 г., Oiij л. 2: „nach der Wolga, zu baider seitz ab, vnd gar herüber an Nieper, seind alles vngepaute Land, da dennoch vil volcks wonent. Allain was Asow vnd Achas... vnd etliche wenige Tatern so am clain Tanais das veld pauen vnd in heusern wonen". Тамъ же, Kiij, л. 2 об.

[9] R. M. C., 66 C (р. п., 102); 100 C (153): Ахасъ на Танаисѣ, 12-ю милями

Отъ Татаръ, обитавшихъ въ при-Донскихъ степяхъ, между Волгою и Днѣпромъ, отличались существенными особенностями Казанскіе Татары, и на это впервые обратилъ вниманіе авторъ Записокъ. Эти Татары, по его отзыву, „образованнѣе остальныхъ, потому что они обработываютъ поля, живутъ въ домахъ и занимаются различными промыслами. Василій, князь московскій, принудилъ ихъ покориться и принимать царей по его назначенію, что имъ не трудно было сдѣлать: во-первыхъ, вслѣдствіе удобства сообщеній, которое представляютъ рѣки, текущія изъ Московіи въ Волгу; во-вторыхъ, по причинѣ взаимныхъ торговыхъ сношеній, безъ которыхъ имъ нельзя было обойтись". „Казанское царство (Cazan regnum), городъ Казань и крѣпость того же имени лежатъ у Волги, на лѣвомъ берегу рѣки, почти на семьдесятъ германскихъ миль ниже Новгорода Нижняго [10]); по Волгѣ, на востокъ и югъ, оно примыкаетъ къ пустынной степи, а на юго-востокѣ граничитъ съ Татарами Шейбанскими и Кайсацкими (Shibanski et Kasatzki). Царь этой страны можетъ располагать 30.000 воиновъ, преимущественно пѣшихъ". „Городъ Казань находится отъ княжеской крѣпости Вятки въ шестидесяти германскихъ миляхъ [11]). Казань значитъ по татарски мѣдный, кипящій горшокъ" [12]).

Казанскій юртъ, возникшій на развалинахъ Золотой орды и многое отъ нея унаслѣдовавшій, является въ исторіи XV и XVI в. наиболѣе замѣчательнымъ въ ряду тѣхъ государствъ, исторія которыхъ находилась въ тѣснѣйшей связи съ исторіею Золотой Орды и территоріи которыхъ нѣкогда составляли отдѣльныя части ея обширныхъ владѣній. Власть казанскихъ хановъ находилась въ значительной зависимости отъ аристократическаго сословія, и на ряду съ его вліяніемъ на дѣла государственныя имѣло вліяніе и духовенство, и глава его—сеидъ—„пользовался величайшимъ внѣшнимъ почетомъ". Въ своихъ отношеніяхъ къ инородцамъ Казанскіе Татары не руководились одними только хищническими инстинктами, имѣвшими

выше Азова. Въ изд. 1557 г., Kiij, л. 2 об., Oiij л. 2. *Карамзинъ*, IV, пр. 4: Орна „не есть ли Тана или нынѣшній Азовъ? или не Ахась ли?" VII, стр. 139: Ахасъ, „гдѣ нынѣ Старый Черкаскъ".

[10]) 375 вер., по Почт. слов., стр. 277.

[11]) 417 вер., по Почт. слов., стр. 276.

[12]) R. M. C., 91 B, 91 A (р. н., 138—139); въ изд. 1557 г., Niij, л. 2.

столь исключительное преобладаніе у Татаръ, кочевавшихъ въ при-Донскихъ степяхъ, и въ исторіи Казанскаго царства мы не находимъ извѣстій о какихъ либо значительныхъ инородческихъ движеніяхъ, которыя свидѣтельствовали бы о невыносимыхъ притѣсненіяхъ со стороны властителей. Напротивъ, во время войнъ съ Россіею инородцы, обитавшіе въ предѣлахъ Казанскаго царства, являлись дѣятельными защитниками его самобытности и, какъ можно думать, не вполнѣ чуждались цивилизующаго вліянія ислама, укрѣплявшаго ихъ связи съ Казанью. Далѣе и въ исторіи ея отношеній къ Московской Руси замѣтно преобладаніе интерессовъ торговыхъ и промышленныхъ [13]).

Ближайшими сосѣдями Казанскихъ Татаръ на востокѣ были, по указанію Герберштейна, Татары, прозывавшіеся Ногаями (Nagai). Они, пишетъ онъ, „живутъ за Волгой, около Каспійскаго моря, по рѣкѣ Яику, которая течетъ изъ области Сибири. У нихъ не цари, а князья [14]). Въ наше время этими княжествами владѣли три брата, подѣливъ области между собою по ровну, первый изъ нихъ Шидакъ (Shidak) владѣлъ городомъ Сарайчикомъ (Sharaitzick), на востокъ за рѣкою Ра, съ страною, лежащею по рѣкѣ Яику; другой—Коссумъ (Cossum) обладалъ всѣмъ, что заключается между рѣками Камой, Яикомъ и Ра; Шихмамай (Shichmamai), третій братъ, владѣетъ частью области Сибири и всею окрестною страною. Шихмамай значитъ святой или мощный" [15]).

---

[13]) „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ", *Н. Ѳирсова*, Казань, 1866 г., стр. 12—13, 17. R. M. C., 96 B (р. п. 146). „Матеріалы для этнографіи Россіи", Казанск. губ., составилъ *А. Ѳ. Риттихъ*, ч. II, Казань, 1870 г., стр. 15: „Будучи отъ природы дурными земледѣльцами, Татары (Казанскіе) изыскиваютъ всякіе способы заработка легчайшимъ способомъ, увеличивая безъ нужды число торговцевъ".

[14]) Ср. вышеприведенное извѣстіе Іовія о томъ, что орда Ногайская походитъ на Венеціанскую республику.

[15]) R. M. C., 99 B (р. п., 150—151); въ изд. 1557 г., Oiij об. „Nagai, so man den namen aussprïht, wirdt Nahai geredt". *Карамзинъ*, XI, пр. 116: „имя Шидака есть, безъ сомнѣнія, одно съ Шейдяковымъ, о коемъ упоминается въ Ногайскихъ бумагахъ 1604 г., а князь, названный въ Запискахъ Герберштейна Кошумомъ не есть ли Казый?"

Никон. лѣт., VI, 249: 7042 (1534 г.): „Мѣсяца сентября 4 пріидоша къ великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на Москву послы Нагайскіе Баубѣхъ съ товарищи, а съ нимъ гости съ коньми отъ Кошу мурзы и отъ иныхъ мурзъ и били челомъ великому государю, чтобы князь великій пожаловалъ гостемъ нагайскимъ велѣлъ торговати. И князь великій ихъ пожаловалъ, освободилъ торговати".

Въ странахъ, лежавшихъ за Волгою, къ востоку отъ нея, обитали, по извѣстіямъ Герберштейна, кромѣ Ногаевъ, и многія другія Татарскія племена, а именно: а) Татары Тюменскіе (Tumenskij), „число которыхъ, какъ говорятъ, не превышаетъ 10.000“, жили въ лѣсахъ; б)—Шейбанскіе (Shibanski); в)—Кайсацкіе (Casatzkij)—эти три племени обитали въ сосѣдствѣ съ Перміею; г) за рѣкою Ра, Калмыки (Calmuchi), такъ называвшіеся потому, что только они одни носили длинные волоса. Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе о Татарахъ Тюменскихъ, такъ какъ имя это не встрѣчается ни у Мѣховскаго, ни у Іовія. Большимъ татарскимъ рынкомъ, богатымъ городомъ на правомъ берегу рѣки Волги, почти у устьевъ ея, была, по свидѣтельству Герберштейна, Астрахань, иными называвшаяся Цитраханью [16]).

Крымскихъ Татаръ авторъ Записокъ о Московіи называетъ Перекопцами (Praecopenses); хановъ ихъ—царями Перекопскими, а иногда царями Тавриды (Tauricae reges), то есть Крымскаго полуострова или Херсонеса Таврическаго (Taurica Chersonesus), въ отличіе отъ Херсонеса Кимврійскаго, называемаго Германцами Ютландіею и Зундеръ-Ютландіею [17]) (Yuchtland et Sunder-yuchtland). Въ древности цари таврическіе, имѣя свое мѣстопребываніе въ городѣ Крымѣ (Krijm), назывались Крымскими, но потомъ „когда перешеекъ былъ прорытъ на пространствѣ 1200 шаговъ“, они „стали называться не Крымскими, а Перекопскими, отъ перекопаннаго перешейка, ибо Praecop на Славянскомъ языкѣ значитъ прорытое мѣсто [18]). Послѣ то-

[16]) R. M. C., 100 B—C (p. п., 152): „alij praeterea Tartari trans Rha fluuium sunt, qui quod soli capillos nutriant, Kalmuchi uocantur“. Въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2: „Kalmuchi seind Tatarn auch vber die Wolga hinuber, die allain' vnder den Tatern lange haar tragen“.

На стр. 88 A (p. п., 134) упом. Сарай (Sarai). Стр. 100 B (152): „Въ двадцати дняхъ пути на востокъ отъ государства Шидака (a principe Schidack progrediendo in orientem uiginti diebus) находятся народы, которыхъ Московиты называютъ Юргенцами (Jurgenci); надъ ними властвуетъ Баракъ Солтанъ, братъ великаго хана или царя Катайскаго. Отъ владѣній Баракъ Солтана десять дней пути до государства Бебсидъ хана, который и есть великій ханъ катайскій“, въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2. На стр. 100 A (151—152) упом. гор. Самаркандъ, татарскій городъ; въ изд. 1557 г., Oiij л., 2.

[17]) R. M. C., 88 C, 101 B, 100 C, 114 A (p. п., 135, 153, 154, 152, 170)· 2 A (8): rex Thauricae.

[18]) R. M. C., 101 B (p. п., 153): Praecop на Славянскомъ языкѣ значитъ прорытое мѣсто. „Отсюда явствуетъ ошибка одного автора, который писалъ, что тамъ царствовалъ какой-то Прокопій“. Въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2 о

го какъ погибъ послѣдній изъ хановъ Золотой орды, „могущество таврическихъ царей весьма возрасло и сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, такъ что [эти цари] принудили и польскаго короля платить извѣстную сумму съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ пользоваться ихъ содѣйствіемъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ", а король польскій постоянно воюетъ съ княземъ московскимъ, и каждый изъ нихъ надѣется уничтожить другаго при помощи Татаръ (Tartarorum ope armisque). Та часть Херсона, которая обращена къ Понту и въ которой находится „знаменитый городъ Кафа (Capha), генуэская колонія, прежде называвшаяся Ѳеодосіей, вся состоитъ во власти Турокъ", которые отняли также у царя таврическаго крѣпость и городъ Очаковъ (Otzakhovu), нѣкогда принадлежавшій польскому королю, находящійся у устья Борисѳена, въ 40 миляхъ отъ Черкасъ, въ 14 миляхъ отъ Альбы (Монкастро), лежащей въ устьяхъ Днѣстра, въ 14 миляхъ отъ Перекопа [19]). Другою же частью полуострова владѣютъ Татары, которымъ принадлежитъ городъ Перекопъ (Praecop), отстоящій отъ Азова на пять дней пути, находящійся при входѣ въ Херсонесъ [20]).

„Precop das Land yetzo also genent Lateinisch Thavrica Chersonesus ligt mit dem ainen thail an den gemoesen Meotis das merer mit dem Moer umbflossen, als man vom Land hinein zeucht, ist von Moer an das gemoess nit uerrer dan Tausent zweyhundert schriet. In denselben umbgebnen Khraiss ligt ain Schloss oder Stat, genant Krim, da zuuor die Khuenig jre gesaess gehabt, davon sy auch Krimski den namen gehabt. Ainer auss denen hat wellen die wasser zusamen bringen, mit durchgraben der ennge des Ertrichs, damit ain Innsl darauss wer worden. Der graben ward zum thail gemacht, aber nit so tieff, als für genomen vnd von noeten was, von solchem grabm als auch ain Stat daran gepauen, hat das Land vnd die Stat den Namen genumen, dan Kopat haist grabm, Precop als durch grabm, nach windischer sprach. Die Khünig daselbstn werden heut darnach Precopski genant. Es hat ainer geschriben, als ob zu Kayser Maximilian rc zeitn ain Khuenig da geherrscht mit namen Procopius".

[19]) По к. Географ. Общ. отъ Очакова до Черкасъ 305 вер., по прямому направленію; до устья Днѣстра 90 вер., до Перекопа 160 верстъ.

[20]) R. M. C., 102 A—B, 101 B, 104 A, 100 C, 103 A (р. п., 155, 154, 158, 153, 156). Въ русск. переводѣ, стр. 158: „Устья Борисѳена, крѣпость и городъ Очаковъ, въ 50 миляхъ отъ Черкасъ"; 104 A: Ad Borysthenis ostia Otzakhovu castrum et civitas, quadraginta miliaribus a Circass"... Въ изд. 1557 г., P, Oiij, л. 2: Pij: „Ozakow". На стр. 2 A (8): „царь Тавриды, перейдя Борисѳенъ и опустошивъ всю землю на большомъ пространствѣ, построилъ крѣпость Очаковъ, которою теперь владѣютъ Турки". На той же страницѣ — о томъ, что Турки нѣсколько лѣтъ томъ назадъ заняли городъ Альбу, „который называется иначе Монкастро и который, находясь при устьяхъ Тираса, находился подъ

Русскіе, показанія которыхъ служили главнымъ источникомъ извѣстій, находящихся въ Запискахъ о Московіи, сообщили автору и нѣкоторыя свѣдѣнія о народахъ Кавказа, и эти свѣдѣнія, не имѣя общаго непосредственнаго значенія въ исторіи землевѣдѣнія, полнотою и обстоятельностію уступая извѣстіямъ Барбаро и Контарини, являются, однако, цѣнными для опредѣленія той географической области, которая была извѣстна русскимъ людямъ XVI в., по свѣдѣніямъ, добытымъ или ими самими, или черезъ посредство ихъ ближайшихъ сосѣдей. Вотъ что̀ автору Записокъ удалось узнать о народахъ отдаленнаго отъ нея Кавказа:

„Къ юго-востоку, около Меотійскихъ болотъ и Понта, по рѣкѣ Кубани, впадающей въ Болота, живетъ народъ Афгазы (Aphgasi). Съ этого мѣста до самой рѣки Мерулы [Меркулы, впадающей въ Черное море, въ 47 вер. къ югу отъ Сухумъ-Кале]... тянутся горы, въ которыхъ живутъ Черкасы или Цики (Circassi seu Ciki). Въ надеждѣ на неприступность [своихъ] горъ, они не признаютъ власти ни Турокъ, ни Татаръ. По свидѣтельству Русскихъ, [Черкасы] христіане, управляются своими законами, въ исповѣданіи и обрядахъ сходствуютъ съ Греками, богослуженіе отправляютъ на языкѣ Славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Они самые смѣлые пираты; на судахъ спускаются въ море, по теченію рѣкъ, берущихъ начало съ горъ, и грабятъ, кого только могутъ, преимущественно же тѣхъ, которые ѣздятъ изъ Кафы въ Константинополь". Какъ мы уже указали, объ Абхазіи (Avogasia) и Абхазцахъ упоминаютъ и Контарини, и Мѣховскій, названіе Черкасы въ географической литературѣ XV—XVI вв. было тождественно съ именемъ Zychi и, по толкованію Клапрота, означало человѣка, разбойничающаго по дорогамъ. О распространеніи христіанства между Черкесами сохранились также свидѣтельства у Барбаро и Интеріано, и авторъ Трактата о Сарматіяхъ тоже обращаетъ вниманіе на распространеніе христіанской вѣры по греческому обряду между племенами Хазарскими на Кавказѣ, а также у Черкесъ и Мингрельцевъ [21]).

властью Валахо-Молдавовъ". На стр. 7 A (р. п., 16), 75 A (114) упом. гор. Корсунь (Corsun). Въ изд. 1557 г., Bij, Biij, л. 2, Liij, л. 2.

[21]) R. M. C., 101 A (р. п., 153); въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2. Въ изд. 1567 г., CXII: „es bezeugen aber die Reussen, das dises Christen seyen, on alle gesatz leben"; въ изд. 1556 г., 101 A: „Eos tamen Christianos esse, suis legibus uiuere...

За рѣкою Кубанью находится Мингрелія (Mengarlia); за ней лежитъ Котатида (Cotatis), которую нѣкоторые считали Колхидой. „У Каспійскаго моря живутъ Шемахинцы (Schamachia), отъ которыхъ прозвалась и вся страна: эти послѣдніе отличаются искусствомъ ткать шелковыя одежды. Ихъ городъ отстоитъ отъ Астрахани на 6 дней пути. Царь персидскій, говорятъ, не такъ давно завладѣлъ имъ и всею страною“. О выдѣлкѣ шелковыхъ тканей въ Шамахѣ сообщаютъ свѣдѣнія и Контарини, и Олеарій [22]).

XLV.

Карты Россіи, приложенныя къ Запискамъ о Московіи.—Пространство, занимаемое тою частью земной поверхности, которая изображена на этихъ картахъ и предѣлы ея.

Бассейнъ Сѣвернаго океана. — Бѣлое море (mare Glaciale). — [illegible] островъ (Solowka insula). — Рр. Сѣв. Двина, Сухона (Suchona), о [illegible] (Koinsco), рр. Югъ (Jug), Вологда (Wolochda), Пинега, Dwina pr[illegible] Города въ области р. Сѣверной Двины: 1) Вологда; 2) Устюгъ (Usti [illegible] могоры (Colmogor); 4) Пинега. — Оз. Кулой (Kulujo) и р. Кулой.— [illegible] (Mesen), Пеза (Piescoya). — Уральскія горы (Montes dicti Cingulus [illegible] Рр. Печора (Peczora), Цыльма (Cilno), Чирка (Circo), Уса (Ussa [illegible] (Sczuchogora).—Р. Обь (Oby), оз. Kithay. Aurea anus, Slata Baba.— [illegible] wischa, Sibut, Sossa (Сосва). — Obea cast.—Р. Иртышъ (Irtischa).—Г[illegible] (Terom), Тюмень (Tumen). — Juhra inde Ungarorum origo (Jugra u[illegible] gari Jugritzi populi). — Grustinczi populi и гор. Grustina.—Cumbalik. [illegible] Kitay (Regia in Cataya, idem in Kitay).

Бассейнъ Балтійскаго моря.—Очертаніе Балтійскаго моря.—Пространство, имъ занимаемое.—Западный и восточный берегъ.—Остр. Oxilia.—Regnum Sveciae, Finlandiae pars.—Гор. Выборгъ (Wiburg). — Sinus Livonicus et Ruthenicus.—Ruthenorum seu Moscovitarum fines.—Рр. Polna, Corela (Вокша), Нева, рѣка безъименная (Копорка), Плюса (Plusa), Нарва (Nerva), Двина.—Города при р. Корелѣ (Кексгольмъ); Орѣшекъ (Oreschak), Копорье (Coporoia); при р. Плюсѣ (Яма). — Р. Великая (Welicarecka), оз. Чудское (Czudin). — Города: Опочка (Opoczka); Нарва (Nerwa) Иванъ-городъ (Iwanowgorod).—Р. Зап. Двина Dwina fl., Rutenice, Duna fl., Germanice). — Оз. Dwina. — Города на р. Зап. Двинѣ и ея притокахъ: 1) Бѣлый (Biela). 2) Торопецъ. 3) Витебскъ (Witepsco). 4) Полоцкъ (Polotczko, Polotzko). 5) Динабургъ (Dunenburg). 6) Рига.—Гор. Ревель.—Livoniae pars, Livonia.—Ладожское оз. (Ladoga lacus).—Р. Волховъ.—

Rutheni testantur“. О Черкасахъ см. также 1 C: „Circasi Quinquemontani ad Pontum“ (ср. съ извѣстіями Мѣховскаго), 103 C (р. п., 8, 157). На стр. 103 C (157): живущіе по Борисѳену Черкасы суть Русскіе и отличаются отъ тѣхъ, „которые живутъ въ горахъ у Понта“. Въ изд. 1557 г., B: „die Circassen in fünff pergen genant am Schwartzen Mör“; P об.

[22]) R. M. C., 101 A, 100 C (р. п., 153, 152); въ изд. 1557 г., Oiij, л. 2.

Оз. Ильменское (Ilmen lacus).—Города: Новгородъ Великій (Novogardia Ma.), Ст. Руса (Russa).—Рр. Msta, Ловать (Lova).—Гор. Великія Луки (Welikiluki).—Р. Цна (Sna).—Озера: Чудское (Czudin lacus) и Псковское (Plesco lacus).—Гор. Псковъ (Plescowia).

Часть земной поверхности, изображенной на приложенныхъ къ Запискамъ о Московіи картахъ Московіи, имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, длина котораго, по приложенному къ картѣ № 2 масштабу, простирается въ длину до 3,010 вер., въ ширину же до 1,890 вер., и заключаетъ въ себѣ почти всю нынѣшнюю Европейскую Россію и часть Азіатской. Предѣлами той части земной поверхности, которая изображена на картахъ, являются на сѣверѣ—Соловецкій островъ; на югѣ—сѣверные берега Чернаго и Каспійскаго морей; на западѣ—Балтійское море съ восточнымъ берегомъ Скандинавскаго полуострова; на востокѣ—верховье Оби, вытекающей изъ Китайскаго озера, и устье Яика. По современной картѣ Европы, отъ верховья р. Урала до Скандинавскаго берега 360 миль (2,520 вер.); отъ устья р. Сосвы до устья р. Волги около 300 миль (2,100 вер.).

Бѣлое море, Mare Glaciale, изображено на картахъ Московіи въ видѣ двухъ глубоко врѣзывающихся въ материкъ заливовъ: первый изъ нихъ, западный, занимаетъ площадь, крайній предѣлъ которой на сѣверѣ отстоитъ отъ южной оконечности на 168 верстъ, наибольшее же разстояніе между западнымъ и восточнымъ берегомъ того же залива равняется тоже 168 верстамъ; второй, имѣющій видъ продолговатаго четыреугольника, простирается съ запада на востокъ на 287 вер., съ юга на сѣверъ на 189 верстъ.

На сѣверной паралели западнаго залива—островъ, и подъ нимъ подпись Solowka insula—Соловецкій островъ.

На юго-востокѣ Бѣлаго моря—устье Сѣверной Двины, которая образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ: Сухоны и Юга. Fl. Suchana беретъ начало изъ озера Koinsco, Кубенскаго, имѣющаго въ діаметрѣ на картѣ № 7—63 вер., на к. № 8—91 вер. Отсюда эта рѣка направляется на в. юго-востокъ, поворачиваетъ на востокъ и, подымаясь на сѣверъ, сливается съ р. Югомъ. Отъ верховьевъ Сухоны до ея устья около 500 вер., по прямой линіи. По даннымъ современной гидрографіи, наибольшая длина Кубенскаго озера отъ сѣверо-запада къ юго-востоку болѣе 60 вер., обыкновенная ширина отъ 5

до 10 вер., наибольшая ширина до 14 вер. Отъ верховья до устья Сухоны, по прямой линіи, 320 вер., съ извилинами длина ея теченія—525 верстъ.

Въ Сухону, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ на востокъ, изливается fl. Wolochda, отъ верховья до устья которой около 100 вер., по прямой линіи; настоящая длина ея теченія 130 верстъ [1]).

Fl. Jug, Югъ, имѣетъ господствующее направленіе сѣверо-западное; отъ его верховья до устья около 250 вер., по прямой линіи, по к. Геогр. Общ.—135 верстъ; течетъ сначала на сѣверъ, отсюда поворачиваетъ на с.-сѣверо-западъ, подымается затѣмъ на сѣверъ и, наконецъ, принимаетъ направленіе сѣверо-западное.

Отъ мѣста сліянія Сухоны и Юга, Двина, какъ изображено на картахъ Московіи, течетъ на сѣверъ; по принятіи р. Пинеги впадающей въ нее съ правой стороны, направляется болѣе з [illegible] на западъ и сохраняетъ это направленіе до самого усті [illegible] котораго до ея верховья около 200 верстъ, по прямому [illegible] вленію; до верховья же Сухоны — 504 вер. По хорографіи, [illegible] теченія Сѣверной Двины—700 вер.; въ настоящее время от [illegible] нія Сухоны съ Югомъ считается 684, по другимъ—623 ве [illegible]

Fl. Pinega течетъ съ в. сѣверо-востока на з. сѣверо-запа [illegible] протяженіи 315 вер., не считая извилинъ; по хорографіи, д [illegible] теченія 700 вер., а по современнымъ вычисленіямъ—485 верстъ.

Въ области р. Сѣверной Двины, по обѣимъ сторонамъ которой надпись Dwina provincia, слѣдующіе города: 1) Городъ не поименованный, на лѣвомъ берегу р. Вологды, въ 77 вер. отъ устья, вѣроятно, гор. Вологда; по хорографіи, въ 56 вер. отъ устья Вологды; въ дѣйствительности же это разстояніе равняется 30 верстамъ. 2) Ustiug, при сліяніи Сухоны съ Югомъ, на лѣвомъ берегу Сѣв. Двины. 3) Colmogor (Golmogor), на правомъ берегу Двины, близъ устья Пинеги. 4) на к. № 8—Pinega въ 126 вер. къ сѣверу отъ Холмогоръ [2]).

---

[1]) *Stuckenberg*, II, 111, 121, 151. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 816; IV, 803; I, 520. См. Матеріалы для истор. геогр. Атласа Россіи, к. к. №№ 7 и 8. На картѣ № 8 не изображены находящіяся на картѣ Герберштейна очертанія лѣсовъ, такъ какъ онѣ, только затрудняя отыскиваніе названій и затемняя очертанія рѣчныхъ руслъ, не могутъ служить къ опредѣленію той площади, какую занимали лѣса.

[2]) См. выше, стр. 147—148.

Къ востоку отъ устья Сѣверной Двины, въ 77 вер. отъ него, —озеро Kulujo; наибольшее протяженіе его съ сѣвера на югъ до 63 вер. Отсюда вытекаетъ р. Кулой, имѣющая направленіе с. сѣверо-западное, и въ разстояніи приблизительно 30 вер. отъ него fl. Mesen, въ которую съ правой стороны впадаетъ рѣка, на к. № 7 ошибочно названная Ussa, а на к. № 8—Piescoya, Пеза. На к. № 7 она имѣетъ направленіе съ в. сѣверо-востока на з. юго-западъ, и отъ ея верховья до устья 91 вер. На к. № 8 она течетъ сначала на западъ, поворачиваетъ на югъ и затѣмъ направляется на западъ; отъ ея верховья до устья приблизительно 130 вер. По современнымъ изысканіямъ, наиболѣе значительную часть своего пути она проходитъ въ направленіи западномъ и въ недальнемъ разстояніи отъ своего устья поворачиваетъ на югъ. Отъ ея верховья до устья, въ прямомъ направленіи, 190 вер., всего же длина ея теченія 400 верстъ.

На сѣверо-востокѣ Московіи — значительныя горы, Montes dicti Cingulus terrae, которыя тянутся съ с. сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи 910 вер., и служатъ питомникомъ великой рѣки Печоры, fl. Peczora. Она течетъ на западномъ склонѣ этихъ горъ въ направленіи с. сѣверо-западномъ. Съ лѣвой стороны въ нее впадаетъ fl. Cilno, Цыльма, имѣющая направленіе сѣверное и сѣверо-западное; отъ ея верховья до устья около 210 вер., по прямой линіи. Въ нее изливается съ лѣвой стороны Cirko, р. Чирка, протекающая приблизительно 90 вер. По даннымъ современной гидрографіи, Цыльма образуется изъ слiянія двухъ рѣкъ: Рубихи и Чирки; отъ слiянія ихъ до устья Цыльмы 130 верстъ.

Съ правой стороны въ Печору впадаетъ: 1) fl. Ussa, Уса, текущая сначала на западъ, а затѣмъ поворачивающая на юго-западъ; отъ ея верховья до устья 90 верстъ; 2) ясно означенная на к. № 8 Szuchogora, р. Щугуръ. Она беретъ начало далеко за восточнымъ предѣломъ Уральскаго хребта и, направляясь съ запада на востокъ, протекаетъ около 325 вер. Судя по очертаніямъ Усы и Щугура на картахъ Московіи, объ этихъ двухъ рѣкахъ еще не имѣли яснаго представленія въ первой половинѣ XVI в. Уса р., текущая на юго-западъ, гораздо значительнѣе Щугура; отъ ея верховья до устья 370 вер., настоящая же длина ея теченія опредѣляется въ 500 вер. Щугуръ течетъ сначала къ сѣверу на до-

вольно значительномъ протяженіи, затѣмъ направляется на западъ, снова поворачиваетъ на сѣверъ, а отсюда вновь дѣлаетъ поворотъ къ западу. Отъ его верховья до устья болѣе 130 вер. По гидрографіи Штукенберга, длина его теченія равняется 310 верстамъ [3]).

Какъ на картѣ Московіи, приложенной къ космографіи Мюнстера, такъ и на Герберштейновыхъ картахъ нашли себѣ мѣсто новыя въ западно-европейской географической литературѣ гидрографическія и топографическія данныя относительно великой рѣки Оби. Fl. Oby изображена рѣкою имѣющею болѣе широкое русло, чѣмъ всѣ другія, изображенныя на описываемыхъ картахъ рѣки восточно-европейской равнины. Она вытекаетъ изъ огромнаго озера Kithay, которое тянется съ сѣвера на югъ на 252 вер. и только одною западною своею частію выступаетъ на картѣ. Отъ мѣста своего истока Обь имѣетъ направленіе сѣверо-западное, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ; отъ [illegible] ея верховья до крайняго ея предѣла на сѣверѣ около 60[illegible] лѣвой сторонѣ ея изображена женщина съ вѣнкомъ на го[illegible] лѣвой рукѣ ея—жезлъ; вверху надпись: „Aurea anus"; внизу [illegible] Baba". Находящіеся къ югу отъ нея восточные склоны Ура[illegible] динены съ р. Обью воднымъ путемъ и, отправляясь по этому [illegible] съ запада на востокъ, прежде всего встрѣчается р. Artawis[illegible] кущая съ запада на востокъ и впадающая въ р. Sibut, имѣющую два главныхъ направленія: с.-сѣверо-восточное и в.-сѣверо-восточное. Она впадаетъ въ рѣку, близъ верховья которой надпись: fl. Sossa; вѣроятно—Сосва, имѣющая тоже направленіе, какое имѣетъ и Sibut. На правомъ берегу Сосвы, близъ ея устья, гор. Obea cast. Въ 252 вер. ниже устья Сосвы въ Обь изливается рѣка, въ верховьѣ которой на к. № 8 надпись: Irtischa fl. Она течетъ съ запада на востокъ, на протяженіи 220 вер., и принимаетъ съ правой стороны безъименную рѣку (быть можетъ Тоболъ), близъ которой городъ Terom, на к. № 7, а на к. № 8—Ierom; къ югу отъ него, на нѣкоторомъ разстояніи отъ праваго берега той же рѣки—гор. Tumen.

На правой сторонѣ Оби слѣдующія надписи: на крайнемъ сѣве-

---

[3]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., IV, 26; V, 355: длина рѣки Усы болѣе 500 вер. *Stuckenberg*, II, 261: Ussa „vom Einfalle der Jeletz an durchströmt sie noch 450 w., der obere Theil wird auf 250 w. angegeben"; 259.

рѣ, на к. № 7: Iuhra inde Ungarorum origo; на к. № 8: Iugra unde Hungari Iugritzi populi; къ югу отъ нея только на к. № 8: Grustinczi populi и городъ Grustina, нѣсколько выше устья р. Иртыша. Къ юго-востоку отъ него, на к. к. №№ 7 и 8: Cumbalik, и подъ нимъ, на к. № 7: Regia in Kitay; на к. № 8: Regia in Cataya idem in Kitay.

Балтійское море на обѣихъ приложенныхъ къ Запискамъ о Московіи картахъ имѣетъ одинаковое очертаніе съ тою только разницею, что на картѣ № 8 находимъ очертаніе береговъ этого моря приблизительно на 242 версты къ сѣверу, по прямому направленію, отъ той паралели, до которой доведены береговыя линіи этого моря на картѣ № 7, что объясняется помѣщеніемъ относящагося къ ней оглавленія не внѣ, а внутри ея, на сѣверо-западѣ изображенной на ней земной поверхности.

По очертанію на картѣ № 7, Балтійское море отъ устья Зап. Двины, противъ котораго лежитъ островъ Oxilia [4]) (можетъ быть Эзель), имѣетъ въ длину около 140 миль (980 вер.); на картѣ № 8—180 м. (1,260 вер.), а по современнымъ картамъ, отъ устья Зап. Двины до крайняго на сѣверѣ пункта на Балтійскомъ побережьѣ—900 верстъ. Западный берегъ имѣетъ наиболѣе значительное углубленіе на паралели, пересѣкающей устье р. Наровы, и въ этомъ мѣстѣ Балтійское море достигаетъ 120 вер. широты. Замѣчательно, что именно въ этомъ мѣстѣ Финскій заливъ имѣетъ наибольшую широту, а именно 117 верстъ.

На крайнемъ сѣверѣ Скандинавскаго полуострова, на картѣ № 8 надпись: Regnum Sveciae, Finlandiae pars, къ югу отъ которой — лѣсъ, а за нимъ—гор. Wiburg (Выборгъ), близъ морскаго берега; на к. № 7—въ 5 миляхъ отъ него.

Восточный берегъ Балтійскаго моря на картѣ № 8 начинается на крайнемъ сѣверѣ въ разстояніи 23 миль отъ западнаго берега и на паралели, пересѣкающей устье Сѣв. Двины, образуетъ значительное углубленіе. Въ этомъ мѣстѣ Балтійское море, изображенное на к. № 8, достигаетъ наибольшей широты, приблизительно 360

---

[4]) R. M. C., 114 C: въ Ригѣ „praeter Rigensem archiepiscopum, Riualiensis et Ossiliensis (Эзельскій) episcopi sunt“. Hist. Russ. Mon., I, 24, 41, 49, 52, 74, 76, 85.

верстъ. Далѣе этотъ берегъ не имѣетъ никакихъ замѣтныхъ извилинъ и отъ устья р. Зап. Двины направляется на западъ, едва-едва отступая на югъ отъ соотвѣтствующей паралели.

Вдоль воднаго пространства, занимаемаго Балтійскимъ моремъ, которое, какъ и другія моря на Герберштейновыхъ картахъ, окаймлено поперечными черточками, находятся на к. № 7 слѣдующія надписи: Finlandiae pars; Sinus Livonicus et Ruthenicus; Ruthenorum seu Moscovitarum fines; на к. № 8—только вторая изъ этихъ надписей.

Въ заливъ Ливонскій изливаются слѣдующія рѣки: Polna, Corela, Neva, рѣка безъименная (Копорка), Plusa, Nerva, Dwina.

Fl. Polna течетъ съ востока на западъ, на протяженіи 154 верстъ, на лѣвомъ берегу ея городъ безъ имени. На к. № 8, къ сѣверо-востоку отъ р. Полны—Dicio principis Moscovie.

Fl. Corela—нынѣ р. Вокша, впадающая не въ Финскій [illegible], а въ Ладожское озеро. На лѣвомъ берегу ея—безъименный [illegible] (по всей вѣроятности Кексгольмъ).

Fl. Neva (Nerva), не образуя никакихъ извилинъ, течетъ [illegible]рокимъ русломъ съ востока на западъ и соединяетъ Ла[illegible] озеро съ Финскимъ заливомъ. Длина ея теченія—22 мили [5].

На правомъ берегу ея, близъ устья, гор. Oreschak, [illegible] Такъ опредѣлено его мѣстоположеніе и въ хорографіи; но [illegible]ходился не на устьѣ р. Невы, а близъ ея истока [6]).

Рѣка безъименная (вѣроятно Копорка) течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ; отъ верховьевъ ея до устья, по прямой линіи, 91 вер. (по к. Стрѣльбицкаго, 9 вер.); на лѣвомъ берегу—гор. Сорогоіа (Копорье).

Fl. Plusa (она впадаетъ не въ Финскій заливъ—sinus Livonicus, а въ р. Нарову) течетъ почти паралельно рѣкѣ Сорогоіа въ 63 вер. отъ нея (по к. Стрѣльбицкаго, устье р. Плюсы отстоитъ отъ устья р. Копорки на 66 вер.); отъ верховья до устья, по прямой линіи, 126 вер., по к. Геогр. Общества—120 вер. На лѣвомъ берегу р. Плюсы, на к. № 7,—городъ безъ подписи; по всей вѣроятности—Яма (Jamma).

Къ югу отъ р. Плюсы и Ильменскаго озера, на к. № 7, изобра-

---

[5]) По хорографіи, 6 миль. См. выше, стр. 156.

[6]) К. М. С., 75 В—С (р. п., 115).

жена рѣка, текущая съ юго-востока на сѣверо-западъ, на протяженіи 530 вер., и вверху ея надпись Welicarecka. Съ лѣвой стороны, на разстояніи 280 верстъ отъ верховья, въ нее впадаетъ небольшой рукавъ, соединяющій ее съ оз. Czudin (Чудскимъ). На лѣвомъ берегу города: Opoczka и Nerwa (Нарва); къ послѣднему имени на к. № 8 прибавлено: idem fl., а на правомъ берегу, противъ Нарвы—Iwanowgorod. Если на основаніи этой прибавки мы примемъ оз. Чудское за истокъ р. Наровы, то р. Великая, по Герберштейновымъ картамъ, является притокомъ р. Наровы съ правой стороны, а между тѣмъ въ хорографіи указано на то, что она впадаетъ въ оз. Чудское [7]). Принявъ за истокъ р. Наровы Чудское озеро, мы получаемъ, по Герберштейновымъ картамъ, слѣдующія данныя для опредѣленія длины теченія какъ ея, такъ и ея мнимаго притока, р. Великой. Длина теченія первой отъ верховья до устья, по прямой линіи, равняется 280 вер. (по к. Геогр. Общества, 50 вер.), длина теченія второй тоже около 280 вер. (по к. Геогр. Общ., 170 вер.).

Fl. Dwina (Duna) беретъ начало изъ оз. Dwina, которое на картѣ № 7 имѣетъ почти одинаковую длину и ширину, въ 60 вер., а на к. № 8, наибольшое протяженіе ея съ запада на востокъ—91 вер., съ юга на сѣверъ—около 60 вер. Отъ мѣста своего истока Двина направляется къ юго-западу, образуя на этомъ пути одинъ только замѣтный изгибъ въ томъ же господствующемъ направленіи, затѣмъ поворачиваетъ дугою на западъ и, едва-едва склоняясь къ сѣверу, сохраняетъ главное направленіе на западъ до самаго устья. На картѣ № 8 находятся двѣ относящіяся къ р. Двинѣ подписи, на лѣвомъ берегу ея: одна ниже Полоцка — Dwina fl. Rutenice; другая, противъ Динабурга и Риги, Duna fl. Germanice, и Записки о Московіи даютъ объясненіе этой послѣдней подписи: Ливонцы, замѣчаетъ авторъ, называютъ Двину Дюною [8]). Отъ озера Двина до поворота на западъ она протекаетъ, по Герберштейновымъ картамъ, 460 вер., а затѣмъ отъ этого поворота до устья 440 вер., всего 900 вер. По опредѣленію современной географической науки, длина теченія Зап. Двины—болѣе 900 верстъ [9]).

---

[7]) См. выше, стр. 159.
[8]) R. M. C., 72 C (р. п., 111).
[9]) *Stuckenberg*, I, 208. Геогр. стат. словарь Росс. имп., I, 17.

На Зап. Двинѣ и ея притокахъ, которые не нанесены на карты Московіи, означены слѣдующіе города:

1) Biela, на западномъ берегу оз. Двина. Нынѣ Бѣлый, уѣздный городъ Смоленской губерніи, расположенный на обоихъ берегахъ р. Обши, лѣваго притока Межи, впадающей въ Западную Двину съ лѣвой стороны [10]).

2) Toropez, къ сѣверо-западу отъ гор. Бѣлаго, приблизительно въ 60 вер. къ югу отъ Великихъ Лукъ; по хорографіи—въ 126 верстахъ; по картѣ Геогр. Общ.—въ 10 вер., по прямому направленію, не къ югу, а къ сѣверо-востоку отъ Вел. Лукъ [11]).

3) Witebsko (Витебскъ), на лѣвомъ берегу Зап. Двины, приблизительно въ 126 вер. отъ оз. Двина; по к. Геогр. Общ. —въ 220 вер. отъ оз. Охватъ, по прямой линіи, на обоихъ берегахъ Западной Двины.

4) Polotczko (Polotzko), на правомъ берегу ея, въ 175 вер. на юго-западъ отъ Витебска; по к. Геогр. Общ. — въ 90 вер. къ сѣверо-западу отъ этого города.

5) Dunenburg (Динабургъ), на томъ же берегу, въ 301 вер. отъ Полоцка; по к. Геогр. Общ.—въ 135 верстахъ.

6) Riga, на томъ же берегу, въ 126 вер. отъ Динабурга; по к. Геогр. Общ.—въ 175 верстахъ.

На к. № 8, къ сѣверу отъ Риги—Revel, близъ морскаго берега, и надъ нимъ надпись Livoniae pars; а на к. № 7—Livonia.

Въ той же области Балтійскаго бассейна находимъ на описываемыхъ картахъ Московіи очертанія слѣдующихъ озеръ и рѣкъ:

Ladoga lacus имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, который простирается съ запада на востокъ приблизительно на 220 вер., а съ юга на сѣверъ на 126 вер., по хорографіи, ширина этого озера—420 вер., дл.—700 вер. Въ настоящее время наибольшая ширина его опредѣляется въ $122^1/_2$ вер., а наибольшая длина въ $194^1/_2$ вер. [12]). На к. № 8, ближе къ южному берегу, находятся очертанія трехъ острововъ, лежащихъ на одной паралели; средній изъ нихъ — на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ крайнихъ.

---

[10]) См. выше, стр. 161.
[11]) R. M. C., 73 A (р. п., 111).
[12]) См. выше, стр. 156.

Къ югу отъ Ладожскаго озера, по правому берегу р. Волхова, на к. № 7, изображенъ лѣсъ, занимающій весьма значительное пространство.

Fl. Wolhow вытекаетъ изъ Ильменскаго озера, имѣетъ направленіе на сѣверо-западъ и впадаетъ не въ Ладожское озеро, а въ рѣку Неву; верховье Волхова отстоитъ отъ устья верстъ на 300; по картѣ Геогр. Общ.—на 200 вер. По хорографіи, длина его теченія — 252 вер., по современной гидрографіи—206 верстъ [13]).

Ilmen lacus имѣетъ овальный видъ. На к. № 7 наибольшая длина его—126 вер., на к. № 8—160 вер., наибольшая ширина—около 60 вер. По хорографіи, дл.—84 вер., шир.—56 вер., по современной гидрографіи, дл.—42 вер., шир.—35 верстъ [14]).

На к. № 8, близъ истока р. Волхова, на правомъ его берегу и на сѣверномъ берегу Ильменскаго озера — Novogardia Ma. (Новгородъ Великій); къ юго-западу отъ Ильменя, въ недальнемъ разстояніи отъ истока Волхова,—гор. Russa, въ 63 вер. отъ Новгорода; по к. Геогр. Общ.—въ 50 верстахъ.

Fl. Msta впадаетъ въ оз. Ильмень вмѣстѣ съ Ловатью; отъ верховья до устья р. Мсты 210 вер., по к. Геогр. Общ.—190 верстъ.

Fl. Lova, р. Ловать, беретъ начало въ 90 вер. къ западу отъ Фронова болота и въ 63 вер. къ сѣверо-западу отъ оз. Двина, течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на протяженіи 90 вер. и почти столько же верстъ въ направленіи западномъ, всего 180 вер. По хорографіи, она беретъ начало „между озеромъ Двино и Фроновымъ болотомъ или изъ самого болота“; но, прибавляетъ авторъ Записокъ о Московіи, „я не могъ узнать положительно объ ея истокахъ, хотя они находятся недалеко отъ истоковъ Бориcѳена“ [15]). По даннымъ современной гидрографіи, Ловать беретъ начало въ недальнемъ разстояніи отъ озера Двина и имѣетъ господствующее направленіе сѣверо-восточное; отъ ея верховья до устья 230 верстъ.

На лѣвомъ берегу Ловати—Welikyluchkie (Welikiluki), въ 90 вер. на востокъ отъ Русы, по к. № 7; а по к. № 8 — въ 220 вер. (по к. Геогр. Общ.—180 вер.), почти на одной паралели съ нею;

---

[13]) См. стр. 154.
[14]) — — 152.
[15]) — — 153—154.

но это не вѣрно: Великія Луки находятся подъ 56° 21′ сѣв. шир. и 48° 11′ вост. долг., а Ст. Руса—подъ 57° 59′ сѣв. шир. и 49° 2′ вост. долг.

Fl. Sna впадаетъ въ рѣку Ловать съ правой стороны; отъ верховья Сны до ея устья 150 вер. Вѣроятно, подъ именемъ р. Сны слѣдуетъ разумѣть р. Цну, впадающую въ оз. Мстино; отъ ея верховья до устья 75 верстъ [16]).

Czudin lacus, Plesco lacus—изображены на картахъ №№ 7 и 8 въ видѣ двухъ нѣсколько продолговатыхъ кружковъ, одинаковой величины, соединенныхъ между собою протокомъ, на западной сторонѣ котораго—гор. Plescovia (Псковъ). Этотъ протокъ, по ложному опредѣленію хорографіи,—р. Пскова, изливающаяся въ оз. Чудское [17]).

XLVI.

Области бассейновъ Черноморскаго и Каспійскаго, изображенныя на картахъ Московіи, приложенныхъ къ Запискамъ Герберштейна. Черное море (Ponti Euxini pars, Pontus Euxinus).—Азовское море (Meotis Palus).—Р. Днѣстръ (Tiras, alias Nester, Nister).—Города: Каменецъ (Camenecz) и Moncastro (Bielogorod). Селеніе Dnieperisco (Nieperscо).—Рр. Днѣпрецъ, Днѣпръ, Десна (Desna), Сеймъ (Sem), Припеть (Prepecz, Prepetz), Турія (Thur).—Города въ предѣлахъ Днѣпровской области: 1) Вязьма (Wiesma), 2) Дорогобужъ (Dorogobusch, Drogobus), 3) Смоленскъ (Smolensco), 4) Дубровна (Dowrowna, Dobrowna), 5) Орша (Orsa), 6) Кіевъ (Kiow), 7) Черкаскъ (Circassi), 8) Очаковъ (Oczakow), 9) Стародубъ, 10) Черниговъ (Czernigo).—Города: Перекопъ (Precop), Азовъ (Asow), Кафа (Capha, Ѳеодосія), Манкупъ.—Р. Донъ (Don Ruthenice, Tanais), оз. Иваново (Joanis lacus), рр. Быстрая Сосна (Schoksna), Сѣверскій Донецъ (Minor Tanais vel Donecz).—Города: Данковъ (Duncow) и Ахасъ. Welikiprewos seu Traiectus Magnus. Tartaria. Circassi Petigorski (Circasi populi, Circassi quinque montani, populi cristiani).

Каспійское море (mare Caspium, Chwalinsco morye).—Р. Яикъ (Jaick).—Sibier provincia.—Гор. Сарайчикъ (Soraiczik, Saraitzik).—Р. Волга (Rha grecae, Wolga Ruthenice, Edel Tartarice).—Оз. Fronow и Волго оз. (Wolga).—Города, означенные на картахъ Московіи, на лѣвомъ берегу р. Волги: 1) Холопій городъ (Chlopigorod), 2) Ярославль (Jeroslaw), 3) Ростовъ, 4) Казань (Casan).—Рѣки, впадающія въ р. Волгу съ лѣвой стороны: Тверца (Twercza), Молога, Шексна (Schoksna), Кострома (Kastroma) и Кама.—Гор. Торжокъ (Tersack).—Бѣлоозеро (Albus lacus).—Города: Бѣлоозеро (Bieloyesero) и Молога.—Притоки р. Камы: Вишера (Wichoroia) и Вятка (Wiathka).—Гор. Пермь (Permia). Czeremissa populi. P. Reczicza.—Города въ области р. Вятки: 1) Хлыповъ

---

[16]) См. стр. 155, и карту № 3 въ „Матеріалахъ для истор. геогр. Атласа Россіи".

[17]) См. выше, стр. 159.

(Klinowo), 2) Орловъ (Orlowo), 3) Слободской (Slowoda), 4) Котельничь (Chotelnicz, Kotelnicz).—Гор. Тверь (Otwer). — Рѣки, впадающія въ р. Волгу съ правой стороны: рр. Нерль и Которость. — Оз. Переяславское (Pereaslaw). — Гор. Угличь (Uglicz). — Р. Ока (Occa).—Иваново озеро (Joanis lacus).—Остр. Струбъ.—Р. Угра.—Гор. Воротынскъ (Worotin).—Города на лѣвомъ берегу р. Оки: 1) Калуга (Coluga), 2) Серпуховъ (Cirpach), 3) Кашира (Corcira). — Рр. Москва (Mosqva) и Яуза (Jausa).—Города въ области р. Москвы: 1) Можайскъ (Mosaisco), 2) Москва (Moscowia), 3) Дмитровъ (Demetriow). — Р. Клязьма (Clesma).—Города: Юрьевъ (Juriow), Муромъ, Мценскъ (Msceneck). Рр. Шать (Shat), Упа, Тулица (Tula).—Города: Тула (Tula) и Одоевъ (Odoiow). Rezan principatus.—Рр. Сура (Sura), Свіяга (Wiagla) и Wieczna.—Гор. Васильсурскъ (Basilowgorod). Nagaysky Tartare.—Гор. Астрахань.—Шамаха (Schamachi).—Итоги географическихъ названій, находящихся на Герберштейновыхъ картахъ Московіи.—Общія заключенія относительно картъ Московіи, приложенныхъ къ Герберштейновымъ Запискамъ.

Черное море—Ponti Euxini pars, на к. № 7, Pontus Euxinus, [illegible]. № 8,—выступаетъ на картахъ Герберштейна только своимъ [illegible]рнымъ берегомъ, который простирается, по приложенному къ [illegible]й изъ нихъ масштабу, на 1260 вер., по прямой линіи. Крайніе [illegible]ты его: на западѣ—устье Днѣстра, на меридіанѣ, пересѣкающемъ [illegible]дь Ладожскаго озера; на востокѣ—меридіанъ, пересѣкающій устье [illegible]вины. По нынѣшней географической сѣти: устье Днѣстра—подъ [illegible]вост. долг. (отъ Пулкова, 48° отъ перваго меридіана); Ладожское [illegible] между 1° 15′ зап. долг. и 2° 45′ вост. долг. (45° 15′—[illegible] 45′); устье С. Двины на 10° вост. долг. (58°); проливъ Керченскій на 45° 15′ сѣв. шир., а устье Волги на 46° сѣв. шир. На 44 паралели, которую можно принять за крайній южный предѣлъ, означенный на Герберштейновыхъ картахъ, Черное море, по современнымъ опредѣленіямъ, имѣетъ въ длину 800 верстъ.

Meotis Palus (Азовское море), своимъ очертаніемъ напоминающее его изображеніе на нынѣшнихъ картахъ, простирается отъ Керченскаго пролива къ сѣверу на 290 верстъ (до Азова), а отъ запада къ востоку, въ мѣстѣ наибольшаго своего протяженія, имѣетъ около 500 верстъ; по хорографіи, имѣетъ въ длину 300 итальянскихъ миль, у мыса главы св. Іоанна съуживается и имѣетъ только двѣ итальянскія мили [1]) (на к. № 7 и на к. № 8—252 вер.). По современной картѣ Россіи, отъ Керченскаго пролива до сѣверной оконечности 260 вер., наибольшее протяженіе съ запада на востокъ—250 верстъ.

---

[1]) R. M. C., 101 A (р. п., 153).

Въ Черное море несутъ свои воды широкими устьями только 3 рѣки: Днѣстръ, Днѣпръ и Танаисъ.

Tiras, alias Nester, Nister (Днѣстръ) течетъ съ з.-сѣверо-запада на востокъ, на протяженіи 310 вер. На лѣвомъ берегу его—Camenecz (Каменецъ); на правомъ—подпись Moldaviae pars, и близъ устья, на правомъ берегу,—Moncastro, Bielogorod, въ 250 вер. отъ Каменца, въ 189 вер. отъ Очакова (Oczakow); по хорографіи—въ 98 вер. [2]). По к. Геогр. Общ., между Каменцомъ, который отстоитъ отъ берега Днѣстра на 8 верстъ, и Аккерманомъ 380 верстъ.

Истокъ Днѣпра, слѣдуя опредѣленію хорографіи, находится близъ означеннаго на описываемыхъ картахъ селенія Dnieperisco, на к. № 8 — Niepersco (нынѣ Днѣпрово), которое съ западной и восточной стороны омывается двумя рѣками, изъ которыхъ одна течетъ къ югу, другая—къ юго-западу, и обѣ онѣ въ недальнемъ разстояніи отъ Dnieperisco сливаются вмѣстѣ и образуютъ одно русло. Изъ этихъ двухъ рѣчекъ одна—именно та, которая течетъ съ запада, должна быть принята за р. Днѣпрецъ, другая, текущая съ восточной стороны, за р. Днѣпръ. Отъ мѣста сліянія съ Днѣпрецомъ Днѣпръ направляется на югъ; близъ Дорогобужа поворачиваетъ на юго-западъ и сохраняетъ это направленіе до Кіева, отсюда же течетъ на ю.-юго-востокъ. Эти данныя до нѣкоторой степени опредѣляютъ настоящія очертанія Днѣпра: на юго-западъ, затѣмъ на западъ и югъ и ниже Кіева на юго-востокъ.

Достойно вниманія, что по картамъ Московіи теченіе Днѣпра опредѣляется полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ по Запискамъ о Московіи. Такъ здѣсь говорится о томъ, что онъ течетъ сначала на югъ, поворачиваетъ на востокъ и протекаетъ черезъ города: Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Могилевъ. Очевидно, здѣсь западное направленіе Днѣпра, по ошибкѣ, названо восточнымъ [3]).

Изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра находимъ на описываемыхъ картахъ одну только р. Десну и ея притокъ р. Сеймъ, fl. Sem. Названія этихъ двухъ рѣкъ означены на этихъ картахъ невѣрно: Desna—Сеймомъ, а Сеймъ—Десною. Десна (на к. Sem) течетъ въ направленіи юго-западномъ: по принятіи же Сейма, поворачиваетъ

---

[2]) К. М. С., 104 А (р. н., 158).

[3]) См. выше, стр. 168.

на западъ; отъ ея верховьевъ до устья 728 вер., по к. Геогр. Общ.—450 вер. Р. Сеймъ, невѣрно названная Десною, течетъ въ направленіи западномъ и имѣетъ отъ верховья до устья всего только 98 вер., по к. Геогр. Общ.—около 300 верстъ.

Съ правой стороны Днѣпръ на Герберштейновыхъ картахъ имѣетъ всего только одинъ притокъ—fl. Prepecz, на к. № 8,—Prepetz, текущій въ направленіи восточномъ на протяженіи 509 вер. и принимающій р. Thur. Она имѣетъ направленіе юго-восточное, отъ ея верховья до устья—126 вер. Это р. Турія, впадающая въ Припеть не съ лѣвой, а съ правой стороны. Отъ ея верховья до устья—100 вер., сначала течетъ въ направленіи сѣверо-западномъ, а затѣмъ ея общее направленіе—къ сѣверу.

Изъ городовъ Днѣпровской области на Герберштейновыхъ картахъ [illegible]значены слѣдующіе: 1) на к. № 8 Wiesma, Вязьма, на пра[illegible] берегу, близъ мѣста сліянія Днѣпреца съ Днѣпромъ. 2) Dro[illegible] (Drogobus). 3) Smolenczko (Smolensco). Отъ Москвы до [illegible]ска, по картамъ Герберштейна, около 400 вер., по к. [illegible] Общ. — 350 вер. 4) Dowrowna (Dobrowna), къ югу [illegible]оленска, въ недальнемъ отъ него разстояніи, на лѣвомъ берегу [illegible]; по к. Геогр. Общ.—въ 85 вер. къ западу отъ Смоленска. [illegible] Orsa, на правомъ берегу, нѣсколько южнѣе Дубровны, по к. Геогр. Общ., въ 15 вер. къ юго-западу отъ нея. 6) Kiow, на правомъ берегу, близъ устья р. Припети, въ 252 вер. къ югу отъ Орши; по к. Геогр. Общ.—въ 430 вер. 7) Circassi, Черкаскъ, въ 90 вер. къ югу отъ Кіева, на правомъ берегу; по к. Геогр. Общ. въ 145 вер. къ югу отъ Кіева, по прямому направленію. На западъ отъ Кіева и Черкасъ, на к. № 8 надписи; Lithuaniae dicio и надъ нею: Poloniae dicio. 8) Oczakow, на правомъ берегу, въ 63 вер. къ югу отъ Черкаска; по к. Геогр. Общ., приблизительно въ 300 вер., по прямому направленію. 9) Starodub, на правомъ берегу р. Десны (на картѣ,—р. Сейма). 10) Czernigo, въ 160 вер. къ юго-востоку отъ Кіева; по к. Геогр. Общ. — въ 120 вер., по прямому направленію, не на юго-востокъ, а на сѣверо-востокъ.

Лѣвый берегъ Сейма составляетъ на Герберштейновыхъ картахъ сѣверную границу Перекопскаго перешейка, на которой, на к. № 8,—городъ Precop (Перекопъ), въ 378 вер. на юго-западъ

отъ города Азова (Asow); по хорографіи—на пять дней пути отъ него [4]).

Къ юго-востоку отъ Перекопа на Таврическомъ полуостровѣ, города: Capha (Θеодосія) и Mancup, на юго-западъ отъ него.

Fl. Don Ruthenice, Tanais, беретъ начало изъ пресловутаго озера Иванова (Joanis lacus), къ востоку отъ котораго надпись: Tanais fontes. Отъ этого озера онъ направляется на востокъ, затѣмъ правильною дугою поворачиваетъ на западъ и широкимъ русломъ, направляющимся на югъ, изливается въ Азовское море. Если за оконечность Донскаго устья мы примемъ то мѣсто, гдѣ находится гор. Азовъ, то отсюда до верховьевъ Дона, по Герберштейновымъ картамъ, 300 вер., по хорографіи — 560 вер., а по к. Геогр. Общ. — 740 вер. [5]). Если же отъ вышеуказаннаго устья мы станемъ измѣрять всѣ извилины его, изображенныя на картахъ Московіи, то мы получимъ въ общемъ итогѣ приблизительно 700 вер. [6]). Нельзя также не обратить вниманіе на то, что на картахъ Московіи изображеніе „славнѣйшей рѣки, разграничивающей Европу и Азію“, какъ называетъ р. Танаисъ авторъ Записокъ о Московіи [7]), имѣетъ меньше сходства съ ея настоящимъ очертаніемъ, чѣмъ изображенія другихъ замѣчательнѣйшихъ рѣкъ восточно-европейской равнины съ очертаніями ихъ на современныхъ картахъ Россіи.

Въ р. Донъ впадаютъ съ правой стороны fl. Schoksna, Minor Tanais vel Donecz.

Fl. Schoksna течетъ съ запада на востокъ, а затѣмъ на югъ, отъ ея верховья до устья 90 вер., по прямой линіи. По всей вѣроятности, Schoksna—рѣка Быстрая Сосна, имѣющая господствующее направленіе на востокъ; отъ ея верховья до устья 160 вер., по прямой линіи [8]).

Minor Tanais vel Donecz течетъ съ з.-юго-запада на в.-сѣверо-

---

[4]) R. M. C., 100 C (р. п., 153).

[5]) См. выше, стр. 174.

[6]) *Stuckenberg*, III, 160: „Nach möglichst genauen Bestimmungen beträgt die ganze Länge des Don, seinem Stromlaufe nach, 1650 Werst; doch giebt es auch abweichende Angaben, die sich nicht verwerfen lassen, da wir von ihm noch keine genaue und vollständige Stromkarte besitzen“. Геогр. стат. словарь Росс. имп., II, 119: „Длина теченія Дона до 2000 вер. со всѣми извилинами“.

[7]) R. M. C., 66 B (р. п., 102).

[8]) См. выше, стр. 177.

востокъ, безъ всякихъ извилинъ, на протяженіи 260 вер. Общее направленіе р. Сѣверскаго Донца юго-восточное, отъ верховья до устья — 440 верстъ, по прямой линіи. На к. № 8, на правомъ берегу Дона, къ востоку отъ Иванова озера—гор. Duncow (Данковъ); между устьями рѣкъ Быстрой Сосны и Сѣверскаго Донца—городъ, не поименованный—можетъ быть упоминаемый въ Запискахъ о Московіи гор. Ахасъ [9]), и въ 175 вер. отъ него, на западномъ берегу Азовскаго моря—Asow.

На лѣвомъ берегу Дона, противъ устья Быстрой Сосны—надпись: Welikiprevos seu Traiectus Magnus.

На востокъ отъ Азовскаго моря, на к. № 7,—подпись: Tartaria, и къ югу отъ нея—Circassi Petigorski и Circasi populi; на к. № 8: Circassi quinque montani populi cristiani, а подъ этими подписями — Кавказскія горы, занимающія значительное пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Каспійское море, на к. № 7—Mare Caspium, на к. № 8—Chwalinsco morye, выступаетъ на этихъ картахъ незначительною частію занимаемаго имъ пространства, очертаніе котораго, по видимому, объясняется необходимостію дать понятіе объ устьяхъ двухъ величайшихъ рѣкъ, въ него впадающихъ: р. Яика, на крайнемъ востокѣ, и р. Волги.

Fl. Jaica течетъ съ сѣверо-запада на югъ; длина его теченія, по прямой линіи, отъ верховья до устья 504 вер., по к. № 7; но по к. № 8—539 вер., по к. Геогр. Общ.—910 верстъ. Въ области верхняго теченія р. Яика—надпись: Sibier provincia; къ западу отъ его устья, на берегу Каспійскаго моря, близъ устья Волги,—гор. Soraiczik (Saraitzik). Очертаніе Яика на картахъ Герберштейна, точно такъ какъ и его краткая замѣтка объ этой рѣкѣ свидѣтельствуютъ, что онъ не имѣлъ о ней никакихъ достовѣрныхъ или близкихъ къ истинѣ извѣстій, которыя начинаются со второй половины XVI вѣка [10]).

Другая, изображенная на Герберштейновыхъ картахъ рѣка Каспійскаго бассейна, область которой, по занимаемому ею пространству, далеко превосходитъ всѣ другія рѣчныя области, беретъ начало изъ оз. Fronow, которое въ Запискахъ о Московіи названо болотомъ [11]). Оно находится къ сѣверу отъ оз. Dwina, въ весьма близкомъ отъ

---

[9]) R. M. C., 66 C (р. п., 102).

[10]) См. выше, стр. 203. *Stuckenberg*, V, 137.

[11]) См. выше, стр. 183.

него разстояніи и имѣетъ въ длину около 30 вер. и столько же въ ширину. Пройдя незначительное пространство, которое на картѣ № 8 равняется 30 вер. (по Запискамъ о Московіи, 14 вер.), эта рѣка впадаетъ въ оз. Wolga, и только съ этого мѣста, по замѣчанію автора Записокъ, начинаетъ носить свое настоящее имя — Волга, Rha graecae, какъ означено на картѣ, близъ Самарской луки;— Wolga Ruthenice, Edel Tartarice. Отъ оз. Wolga рѣка того же имени течетъ на протяженіи 315 вер. къ с. сѣверо-востоку, отъ устья рѣки Которости (по современнымъ картамъ, отъ устья рѣки Шексны) поворачиваетъ на западъ и сохраняетъ западное направленіе до устья р. Костромы, которое отстоитъ отъ устья р. Которости на 378 верстъ, по прямой линіи; по к. Геогр. Общ.—на 60 верстъ. Отъ устья Костромы Волга течетъ на юго-востокъ до устья Оки, на протяженіи 220 вер., по к. Геогр. Общ. — 230 вер. Отсюда поворачиваетъ на западъ и, пройдя путь въ 378 вер., обращаетъ свое теченіе на юго-западъ, затѣмъ на юго-востокъ и достигаетъ наконецъ Каспійскаго побережья, образуя въ устьѣ, простирающемся въ ширину на 120 вер., два значительныхъ острова. Таковы очертанія Волги на первыхъ, по времени, замѣчательныхъ картахъ Московіи и, всматриваясь въ эти грубыя очертанія, часто невѣрныя, нельзя не признать въ нихъ замѣчательнаго сходства съ тѣми, которыя мы наблюдаемъ на современныхъ картахъ, сходства тѣмъ болѣе обращающаго на себя вниманіе, что Записки о Московіи не даютъ намъ обстоятельныхъ свѣдѣній о главныхъ изгибахъ и поворотахъ Волги: По картамъ, къ нимъ приложеннымъ, можно было составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о господствующихъ направленіяхъ Волжскаго русла отъ р. Вазузы до р. Шексны, отсюда до устья Камы, отъ Царицына до Астрахани. Отъ верховья Волги до ея устья—1890 вер., по к. Геогр. Общ.—1560 вер. На лѣвомъ берегу р. Волги, на картахъ Московіи означены слѣдующіе города: 1) Chlopigorod, Холопій городъ, близъ впаденія р. Шексны, на лѣвомъ берегу ея, въ 14 вер. къ сѣверу отъ устья Мологи, по к. № 7; а по к. № 8, въ такомъ же разстояніи къ востоку отъ этого устья, что совершенно согласно и съ опредѣленіемъ хорографіи [12]). 2) Jeroslaw, Ярославль. 3) Rostow, противъ устья

---

[12]) R. M. C., 78 A (р. и., 119).

р. Которости, въ 28 вер. къ востоку отъ Ярославля, на лѣвомъ берегу р. Волги; по хорографіи—въ 84 вер., „при озерѣ, изъ котораго выходитъ р. Которость, протекающая черезъ Ярославль“ [13]), и это послѣднее опредѣленіе оказывается вѣрнымъ: Ростовъ лежитъ не на Волгѣ, а на сѣверо-западномъ берегу оз. Ростовскаго или Неро; Ярославль же—не на лѣвомъ берегу Волги, а на правомъ, близъ впаденія въ нее рч. Которости. 4) Kasan, въ 42 вер. выше устья Камы; по хорографіи—въ 84 вер., по к. Геогр. Общ.—въ 60 верстахъ [14]).

Съ лѣвой стороны въ Волгу впадаютъ слѣдующія рѣки: Twercza, Mologa, Schoksna, Kastroma и Кама.

Fl. Twercza, впадаетъ въ Волгу въ очень близкомъ разстояніи отъ оз. Wolga, течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ (настоящее же ея теченіе съ с.-з. на ю.-в.) и затѣмъ поворачиваетъ на востокъ. Отъ ея верховья до устья, по к. № 7, 77 верстъ, по к. № 8, 126 вер., по прямой линіи; по к. Геогр. Общ.—около 110 верстъ.

Fl. Mologa беретъ начало на далекомъ сѣверо-западѣ, на одномъ меридіанѣ съ Великими Луками; течетъ сначала на востокъ, затѣмъ на юго-востокъ; въ дѣйствительности же русло ея имѣетъ господствующее направленіе сначала на западъ, затѣмъ—на сѣверъ и юго-востокъ. На правомъ берегу ея—гор. Tersack (Торжокъ). Но этотъ городъ находится не на р. Мологѣ, а на р. Тверцѣ, впадающей въ Волгу.

Fl. Schoksna впадаетъ въ Волгу близъ устья Мологи; вытекаетъ изъ озера Albus lacus, которое простирается съ запада на востокъ на 160 вер., съ юга на сѣверъ на 90 вер. По современнымъ измѣреніямъ, Бѣлоозеро имѣетъ въ длину всего только 40 вер., въ ширину 30 [15]). Господствующее направленіе р. Шексны с.-сѣверо-западное; отъ ея верховья до устья 315 верстъ; по к. Геогр. Общ.,—210 вер. На сѣверо-западной оконечности Бѣлоозера—гор. Bieloyesero, находившійся на южномъ берегу этого озера; на лѣвомъ берегу р. Шексны—гор. Mologa, въ 126 вер. отъ устья Шексны; но по свидѣтельству самого же Герберштейна, гор. Молога находился близъ устья р. Мологи [16]).

---

[13]) R. M. C., 78 C (р. п., 120).
[14]) См. выше, стр. 190.
[15]) См. стр. 189.
[16]) См. стр. 168, пр. 7.

Fl. Kastroma (Castroma) течетъ съ з.-сѣверо-запада на востокъ, потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ; по прямой линіи, отъ ея верховья до устья около 280 верстъ; по к. Геогр. Общ.—170 вер. Общее же направленіе ея русла юго-западное, и только между устьями Монзы и Галичской Вексы—юго-восточное, а ниже устья Обноры—южное [17]).

Р. Кама на картахъ №№ 7 и 8 не подписана и, слѣдуя указаніямъ, находящимся въ Запискахъ о Московіи, гдѣ упоминается о томъ, что рр. Wischoroia (Вишера) и Wiatkha (Вятка) впадаютъ въ Каму [18]), мы можемъ къ ней именно пріурочить на к. № 7 и № 8 ту незначительную, по своему протяженію, рѣку, которая образуется изъ сліянія Вятки и Вишеры и, направляясь на юго-западъ, впадаетъ въ Волгу; водный путь этого рукава—91 вер.

Въ р. Каму впадаютъ рр. Wichoroia и Wiathka. Fl. Wichoroia течетъ съ сѣверо-востока на юго-востокъ, изгибомъ своимъ образуя правильную дугу; верховье ея приходится на одномъ меридіанѣ съ устьемъ и между ними 420 вер. По даннымъ современной гидрографіи, общее направленіе Вишеры, впадающей въ р. Каму съ лѣвой стороны, ю.-юго-западное и з.-юго-западное; отъ ея верховья до устья 240 вер. На лѣвомъ берегу ея—гор. Permia (Пермь), и къ югу отъ нея надпись: Czeremissa populi (Черемиса).

Fl. Wiatkha имѣетъ общее направленіе юго-западное; отъ верховья до устья—315 вер. И эти данныя, какъ и большая часть другихъ, относящихся до бассейна Камы, по чертежу, находящемуся на описываемыхъ картахъ Московіи, оказываются далекими отъ истины. Вятка „течетъ сначала къ сѣверу до с. Екатерининскаго или Верховятскаго (Слободскаго у., подъ 59° 15′ сѣв. шир.), далѣе къ юго-западу до Котельнича и оттуда къ юго-востоку до устья“ [19]). Въ р. Вятку съ правой стороны впадаетъ р. Reczicza, которая очертаніемъ своимъ на к.к. №№ 7 и 8 напоминаетъ р. Чепцу.

На лѣвомъ берегу р. Вятки, къ юго-западу отъ верховья,—го-

[17]) Геогр. стат. словарь Росс. имп., *П. Семенова*, II, 740: р. Кострома имѣетъ „общее направленіе къ юго-западу и только между устьями Москвы и Галичской Вексы къ юго-востоку“. Здѣсь, по ошибкѣ, р. Монза, впадающая въ р. Кострому съ правой стороны, названа Москвою. *Stuckenberg*, V, 401.

[18]) См. выше, стр. 190.

[19]) Геогр. стат. словарь Росс. им., I, 591.

рода: 1) Klinow (Klinowo), Хлыновъ, въ 189 вер. отъ устья, по прямой линіи; по к. Геогр. Общ.—въ 180 вер. 2) Orlow (Orlowo), и по картамъ Московіи, и по хорографіи, на 28 вер. ниже Хлынова; по к. Геогр. Общ.—на 40 вер., по прямой линіи. 3) Slowoda (Слободской), въ 40 вер. къ юго-западу отъ Орлова; по хорографіи—въ 42 вер., по к. Геогр. Общ.—въ 75 вер. отъ него къ сѣверо-востоку, по прямой линіи. На неизвѣстномъ намъ притокѣ р. Вятки, на р. Reczicza—гор. Chotelnicz (Kotelnicz), въ 63 вер. къ юго-востоку отъ Вятки; по хорографіи въ—56 вер. [20]), по к. Геогр. Общ.—въ 75 вер., по прямой линіи, къ юго-западу отъ Вятки, при рѣкѣ того же имени.

На правомъ берегу Волги, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста ея истока—гор. Otwer; на к. № 7—противъ устья р. Тверцы; на к. № 8—нѣсколько выше этого устья. Далѣе въ рѣку Волгу съ правой стороны впадаютъ слѣдующія рѣки: Нерль, Которость, Ока, Сура, Wiagla и Wieczna.

Р. Нерль на описываемыхъ картахъ Московіи не поименована. Мѣсто ея истока—Переяславское озеро, близъ котораго съ западной стороны надпись: Pereaslaw. Оно простирается на 63 вер. съ запада на востокъ, на 30 вер. съ юга на сѣверъ, и служитъ истокомъ р. Нерли. Отъ ея верховья до устья 42 вер., по к. Геогр. Общ.—70 верстъ.

Близъ устья р. Нерли, на правомъ ея берегу—гор. Uglicz, въ 126 вер. отъ Твери; по к. Геогр. Общ.—въ 150 верстахъ.

Не поименованная на картахъ Московіи р. Которость вытекаетъ изъ незначительнаго, по занимаемому пространству, озера (Ростовскаго) и отсюда направляется на сѣверъ. Отъ ея верховья до устья около 30 вер., по к. Геогр. Общ.—50 верстъ.

Fl. Occa беретъ начало въ 63 вер. къ югу отъ Joanis lacus (Иванова озера), затѣмъ, въ видѣ полукруга течетъ на сѣверъ, поворачиваетъ далѣе на сѣверо-востокъ и, достигнувъ своего крайняго предѣла на сѣверѣ, образуетъ значительное озеро, имѣющее наибольшее протяженіе съ запада на востокъ около 120 вер., съ юга на сѣверъ—90 вер. На немъ—островъ Strub, имѣющій видъ овальный на к. № 7, а на к. № 8—куполообразный. По выходѣ изъ этого

---

[20]) R. M. C., 84 C (р. п., 129).

мнимаго озера Ока течетъ на востокъ до самаго устья, которое отстоитъ отъ устья р. Угры на 700 вер., а по к. Геогр. Общ.— на 490 верстъ.

Въ Оку впадаютъ съ лѣвой стороны: Ugra, Mosqua, Clesma.

Fl. Ugra беретъ начало близъ Дорогобужа; на к. № 7 имѣетъ направленіе в.-сѣверо-восточное; на к. № 8 течетъ съ запада на востокъ, далѣе на сѣверо-востокъ и востокъ; отъ ея верховья до устья—91 вер., по к. Геогр. Общ.—150 вер. По даннымъ современной гидрографіи, р. Угра имѣетъ главное направленіе сѣверовосточное, а затѣмъ—юго-восточное. На правомъ берегу ея—гор. Worotin, нынѣ Воротынскъ, заштатный городъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, расположенъ по обѣимъ сторонамъ р. Выссы и рч. Затѣйки, въ 10 вер. къ юго-западу отъ устья р. Угры.

На лѣвомъ берегу Оки, отъ устья р. Угры до озера, на которомъ находится остр. Струбъ, означены слѣдующіе города: 1) Coluga, Калуга. 2) Cirpach, Серпуховъ, въ 105 вер. отъ Калуги; по к. Геогр. Общ.—въ 80 вер., по хорографіи—въ 93 вер. [21]). 3) Corcira, Кошира, въ 63 вер. отъ Серпухова; по к. Геогр. Общ.— въ 40 верстахъ.

Fl. Moskqva беретъ начало въ 28 вер. выше Можайска, по к. № 7; по к. № 8 — близъ Можайска; по хорографіи—въ 70 вер. выше этого города [22]); по к. Геогр. Общ.—въ 40 вер. Она течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на протяженіи 170 вер., затѣмъ поворачиваетъ на востокъ и сохраняетъ это направленіе до устьевъ, на протяженіи 210 вер., слѣдовательно, по картѣ № 7, она протекаетъ всего 380 вер., а отъ верховья ея до устья 364 вер., по к. Геогр. Общ.—205 вер. Очертаніе ея на Герберштейновыхъ картахъ обращаетъ на себя вниманіе потому, что Записки о Московіи не заключаютъ въ себѣ такихъ свѣдѣній о р. Москвѣ, на основаніи которыхъ можно было бы дать ей то очертаніе, какое она имѣетъ на этихъ картахъ. А онѣ даютъ нѣкоторое понятіе о настоящемъ ея теченіи: въ предѣлахъ Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи и затѣмъ въ предѣлахъ отчасти Можайскаго, Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ р. Москва имѣетъ общее направленіе къ

---

[21]) R. M. C., 68 B (p. n., 105).

[22]) См. выше, стр. 197.

сѣверо-востоку, отъ Москвы же поворачиваетъ на юго-востокъ, и этотъ поворотъ, хотя и не совсѣмъ точно, все же означенъ на обозрѣваемой картѣ Московіи.

Тамъ, гдѣ р. Москва поворачиваетъ на востокъ, въ нее впадаетъ съ лѣвой стороны Iausa (Яуза), текущая на протяженіи 126 вер. (по к. № 7), съ запада на востокъ; по к. Геогр. Общ., отъ ея верховья до устья всего только 20 вер. Русло же ея имѣетъ господствующее направленіе не на востокъ, а на западъ и югъ.

Въ области р. Москвы три города: 1) Mosaisko, Можайскъ. 2) Moscowia, Москва, на лѣвомъ берегу р. Москвы, близъ впаденія Яузы. 3) Demetriow, Димитровъ, близъ ея устья, на правомъ берегу ея, къ сѣверу отъ Москвы, на юго-восточной оконечности Переяславскаго озера; а въ хорографіи упоминается о томъ, что гор. Дмитровъ находится на западо-сѣверо-западъ отъ Москвы, на р. Яхромѣ, и затѣмъ указывается на важное значеніе торговаго пути черезъ рр. Сестру и Дубну [23]).

Къ востоку отъ острова Струбъ въ р. Оку впадаетъ съ лѣвой стороны рѣка Clesma. Она беретъ начало близъ города Iuriow (Юрьева), въ 180 вер. къ сѣверо-востоку отъ Москвы; по хорографіи, въ 28 вер. отъ нея [24]); течетъ мало извилистою дугою въ юго-восточномъ направленіи и впадаетъ въ Оку съ лѣвой стороны, въ 63 вер. отъ ея устья. Эти данныя оказываются невѣрными: Клязьма беретъ начало не къ сѣверу отъ Юрьева, а приблизительно въ 130 вер. отъ него къ юго-западу; по к. Геогр. Общ.—въ 20 вер. къ сѣверу отъ Москвы, въ прямомъ направленіи [25]); устье Клязьмы отстоитъ отъ устья Оки въ 60 вер., въ прямомъ направленіи. Отъ верховья Клязьмы до ея устья, по Герберштейновой картѣ, 350 вер., по к. Геогр. Общ.—340 верстъ. На правомъ берегу Клязьмы, близъ самого ея верховья,—гор. Jvriow, и на правомъ же ея берегу, близъ устья,—гор. Murom. Но Юрьевъ лежитъ не на Клязьмѣ, а на впадающей въ нее съ лѣвой стороны р. Колокшѣ. Муромъ же отстоитъ отъ устья Клязьмы къ юго-западу на 80 вер., въ прямомъ направленіи.

На правомъ берегу Оки, близъ ея верховья,—гор. Mscensk, въ

---

[23]) См. выше, стр. 191—192. R. M. C., 77 A—B (р. п., 117—118).
[24]) R. M. C., 64 B (р. п., 99).
[25]) См. выше, стр. 199.

160 вер. къ юго-востоку отъ Тулы, въ 350 вер. отъ Москвы. По хорографіи—приблизительно въ 210 вер. отъ Тулы, въ 420 вер. отъ Москвы [26]); по к. Геогр. Общ.—въ 115 вер. отъ Тулы, на юго-западъ, въ 260 вер. отъ Москвы.

Къ сѣверу отъ Мценска, изъ озера Иванова беретъ начало рѣка Schat, текущая на западъ и имѣющая отъ верховья до устья 140 вер., по к. Геогр. Общ.—всего 45 верстъ.

Fl. Upa течетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ; отъ ея верховья до устья 210 вер., по прямой линіи; по к. Геогр. Общ.—105 вер., течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, поворачиваетъ на сѣверъ, затѣмъ имѣетъ общее направленіе на западъ [27]).

Fl. Tula (Тулица) впадаетъ въ р. Упу съ правой стороны; течетъ съ с.-сѣверо-востока на ю.-юго-западъ, на протяженіи 70 вер., отъ ея верховья до устья 20 верстъ, по прямой линіи. На правомъ берегу р. Тулы—гор. Tula, отстоящій къ югу отъ Москвы на 189 вер., отъ Рязани на 224 вер., по хорографіи—отъ Москвы на 252 вер. (36 герм. миль), а отъ Рязани на 280 вер. [28]). По к. Геогр. Общ., Тула отстоитъ отъ Москвы на 160 вер., по прямому направленію, а отъ Рязани на 130 вер. Замѣчательно, что и по Герберштейновымъ картамъ, и по даннымъ хорографіи, Тула находится къ югу отъ Москвы, на одномъ меридіанѣ съ нею (по современному опредѣленію Москва находится подъ 55° 17′ вост. долг., Тула—55° 18′ вост. долг.).

Выше устья Шати, на правомъ берегу Оки—гор. Odoiw, приблизительно въ 40 вер. на юго-западъ отъ Тулы; по к. Геогр. Общ.—въ 60 верстахъ, близъ р. Упы.

Близъ мѣста впаденія Оки въ озеро, на которомъ остр. Струбъ, означенъ городъ на правомъ берегу ея и близъ него подпись: Resan principatus, на в.-юго-востокъ отъ Москвы, въ 240 вер. отъ нея; по хорографіи—въ 252 вер. [29]); по к. Геогр. Общ.—въ 168 вер., по прямой линіи.

Ниже устья Оки въ Волгу впадаетъ съ правой стороны, на пути

---

[26]) R. M. C., 66 B (p. п., 104).
[27]) См. выше, стр. 199—200.
[28]) R. M. C., 66 B (p. п., 102).
[29]) R. M. C., 65 B (p. п., 100).

ея къ устью Камы, р. безъименная, къ востоку отъ устья которой—Casimowgorod, fl. Sura, fl. Wiagla, fl. Wieczna.

Fl. Sura имѣетъ направленіе юго-восточное; отъ ея верховья до устья 140 вер., по к. Геогр. Общ.—280 вер. На правомъ берегу ея—Basilowgorod (Васильсурскъ).

Fl. Wiagla (Свіяга) течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; отъ ея верховья до устья, по к. № 7 — 105 вер., по к. № 8—160 вер., по к. Геогр. Общ.—240 верстъ.

Тамъ, гдѣ Волга принимаетъ направленіе сѣверо-восточное и сохраняетъ это направленіе до самого устья (близъ Царицына)—надпись: Nagaysky Tartare; еще ниже по Волгѣ, на правомъ берегу ея—гор. Astrachan, а въ 100 вер. отъ нея—гор. Schamachi.

Приведенныя нами географическія названія, находящіяся на картахъ Московіи, которыя приложены къ Запискамъ о ней, изданнымъ въ 1556 г., распадаются на нѣсколько отдѣловъ; изъ нихъ наиболѣе значительными по объему являются тѣ, которые заключаютъ въ себѣ названія внутреннихъ водъ и городовъ. Итоги относящихся къ этимъ двумъ отдѣламъ названій распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: а) названій рѣкъ и озеръ: 1) Сѣвернаго бассейна—17; Балтійскаго—13; Черноморскаго—9; Каспійскаго—24; б) названій городовъ: 1) Сѣвернаго—9; Балтійскаго—14; Черноморскаго—16; Каспійскаго — 34. Хотя эти итоги далеко уступаютъ итогамъ названій, находящихся въ Запискахъ о Московіи, тѣмъ не менѣе, сопоставляя съ ними Герберштейновы карты слѣдуетъ предположить, что онѣ были составлены не только по даннымъ хорографіи, но и по чертежу, до насъ не дошедшему, откуда и были главнымъ образомъ заимствованы очертанія рѣкъ и нѣкоторыя данныя, встрѣчающіяся на к.к. №№ 7 и 8 [30]). Предполагать, что Герберштейновы карты

[30]) Для доказательства этого вывода укажемъ здѣсь только на болѣе замѣчательныя данныя, приведенныя нами въ описаніи Герберштейновыхъ картъ: по очертанію рѣки Пинеги на этихъ картахъ, длина ея опредѣляется вѣрнѣе, чѣмъ по указаніямъ, находящимся въ хорографіи; очертанія озеръ Ильменскаго, Ладожскаго и Чудскаго, а также р. Зап. Двины приближаются къ настоящимъ очертаніямъ этихъ внутреннихъ водъ; направленіе Днѣпровскаго русла опредѣляется на основаніи тѣхъ же картъ вѣрнѣе, чѣмъ на основаніи хорографіи; очертаніе р. Волги даетъ понятіе о нѣкоторыхъ главныхъ изгибахъ ея, о которыхъ не находимъ свѣдѣній въ Запискахъ о Московіи (см. также замѣтки объ очертаніи р. Москвы). Если бы Герберштейнъ составлялъ

Московіи были составлены кѣмъ либо изъ иностранцевъ исключительно по собраннымъ ими даннымъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, свѣдѣнія ихъ были слишкомъ недостаточны для составленія приложенныхъ къ Запискамъ о Московіи чертежей, не смотря на всѣ ихъ ошибки и недостатки. По этому мы должны допустить и считаемъ весьма вѣроятнымъ, что онѣ были составлены на основаніи русскаго чертежа, въ существованіи котораго убѣждаетъ появившаяся въ печати ранѣе Герберштейновыхъ картъ карта Московіи, находящаяся въ космографіи Мюнстера. По всей вѣроятности, русскій чертежъ Московскаго государства былъ полнѣе и обстоятельнѣе до насъ дошедшихъ картъ Московіи. Вѣроятно, въ первой половинѣ XVI в. никто изъ иностранцевъ не только не имѣлъ настоящаго снимка съ этого чертежа, но даже и пользовался имъ черезъ посредство тѣхъ лицъ, которыя могли ознакомить съ нимъ только отчасти. Какъ можно догадываться, чертежъ этотъ сохранялся въ тайнѣ, но все же данныя, составлявшія его драгоцѣнное содержаніе, становились болѣе и болѣе извѣстными, являлись источникомъ новыхъ замѣчательныхъ географическихъ свѣдѣній и за предѣлами Русской земли, и здѣсь-то, за ея предѣлами и суждено было этимъ даннымъ уцѣлѣть, оставить свой неизгладимый слѣдъ въ общемъ ходѣ развитія землевѣдѣнія. Если ученѣйшему географу XVI в. Себастіану Мюнстеру мы обязаны сохраненіемъ первой по времени карты Россіи, составленной по новымъ русскимъ свѣдѣніямъ, имѣющей въ основѣ своей русскій чертежъ; то автору Записокъ о Московіи мы обязаны картою Россіи, несравненно болѣе полною и обстоятельною, чѣмъ предшествующая ей, по времени, и близкая къ ней по своему составу [31]). Въ исторіи нашихъ знаній Герберштейновы карты имѣютъ слѣдовательно значеніе памятника, сохранившаго слѣды драгоцѣннаго, утраченнаго, къ

приложенныя къ его Запискамъ карты по собраннымъ имъ даннымъ, то, конечно, онъ не преминулъ бы нанести на эти карты тѣ рѣки и города, о которыхъ самъ упоминаетъ, но такого соотвѣтствія между Записками и картами мы отнюдь не находимъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія приведенныхъ въ нашемъ сочиненіи итоговъ географическихъ названій. На картахъ не находимъ напримѣръ значительныхъ притоковъ С. Двины, рр. Ваги и Вычегды.

[31]) „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи Себастіана Мюнстера". Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сентябрь, часть CCXI, стр. 94 и слѣд.

великому сожалѣнію, русскаго памятника; въ исторіи всеобщаго землевѣдѣнія эти карты, какъ мы уже указывали, получили ближайшее практическое примѣненіе и впервые дали наглядное понятіе о главнѣйшихъ рѣкахъ и городахъ Восточной Европы, а также о мѣстообитаніи нѣкоторыхъ ея племенъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы. Стр.

дающихъ въ нее съ лѣвой стороны: 1) Торжокъ (Torsak, Dvuerschak), путь между Тверью и Торжкомъ. 2) Холопій городъ (Chloppigrod) и его ярмарка. 3) Бѣлоозеро (Bieloesero), мѣсто храненія великокняжескихъ сокровищъ, дороги изъ Москвы къ Бѣлоозеру; указанія на мѣстонахожденіе Бѣлозерска въ древнѣйшее время. 4) Галичь (Galitz), Галицкій уѣздъ. 5) Вятка (Vuiathka); дорога изъ Москвы въ Вятку. 6) Орловъ (Orlo). 7) Слободской (Slovuoda). 8) Котельничъ (Cotelnitż); разстояніе между городами Вятской земли; измѣреніе чункасами; область, въ которой находились города, еще въ XVI вѣкѣ называвшіеся Вятскими. 9) Пермь (Permia), городъ и земля Пермская; путь изъ Вологды въ Пермь. Мѣстонахожденіе гор. Перми въ XVI в.

Города, земли и княжества въ области притоковъ р. Волги, впадающихъ въ нее съ правой стороны: 1) Vuolock (Волоколамскъ), мѣсто великокняжеской охоты; лѣтописныя свидѣтельства о немъ, относящіяся ко времени княженія Василія Ивановича. 2) Дмитровъ (Dimitriovu), Дмитровскій уѣздъ. 3) Переяславль (Pereaslavu). 4) Ростовъ, мѣстопребываніе архіепископа, дорога изъ Москвы въ Ростовъ; Ростовскіе станы и волости. 5) Калуга (Coluga); промыслы, которыми занимаются ея жители; содержаніе стражи. 6) Кошира (Corsira); Коширскій уѣздъ. 7) Рязань (Resan), область и городъ. Старая Рязань (castrum Jaroslavu). 9) Касимовъ (Cassimovugorod), данъ Татарамъ для жительства. 10) Муромъ (Murom); народъ, называвшійся Муроманами (Мурома). 11) Серенскъ (Serensk). 12) Воротынскъ (Vuorotin). 13) Серпуховъ (Cirpach, Czirpach). 14) Можайскъ (Mosaisko). 15) Коломна (Columna); строеніе каменнаго города. 16) Владиміръ (Vuolodimeria). 17) Суздаль (Susdali), городъ и княженіе, мѣстопребываніе епископа, монастырь, въ которомъ была заточена великая княгиня Соломонія; земля Суздальская. 18) Мценскъ (Msceneck); болота, находящіяся близъ этого города и служившія мѣстомъ убѣжища. 19) Одоевъ (Odoyovu). 20) Тула (Tulla); построеніе каменной крѣпости.—Итоги названій городовъ Волжскаго бассейна. — Перечень населенныхъ мѣстъ, находившихся въ XVI вѣкѣ на пу-

